https://RodnoVery.ru

СЛАВЯНСКИЙ МИР

Славянская Европа

V–VIII веков

https://RodnoVery.ru

Annotation

Эта книга — о том, как рождался славянский мир, великий и непонятный в своем многообразии и своей вековой неустроенности, противоречивый и трагичный в исторических судьбах своих. Автор — известный славист, доктор исторических наук Сергей Викторович Алексеев последовательно и живо, с исчерпывающей энциклопедичностью развертывает перед читателем широкую панораму предыстории славянских государств, которые поднялись из хаоса "темных веков" и Великого переселения народов в пламени войн и междоусобных конфликтов, вписав свои страницы в историю не только Европы, но и Малой Азии, и даже Северной Африки.

Острые, дискуссионные проблемы формирования ранних государственных объединений чехов и поляков, сербов и болгар, Древней Руси и тех славянских народов, которые исчезли с карты Европы, ассимилированные германцами, — вот о чем эта книга.

- Предисловие
- Заря славянства
  - Источники
  - Пролог
    - Рим и варвары
    - Природные условия и методы хозяйствования
    - Проблемы славянского этногенеза
    - Общественный строй
    - Культура и верования
  - Часть 1
    - Глава первая. Словене и анты
      - Славяне и гуннская держава
      - Первоначальное расселение словен
      - Первоначальное расселение антов
      - Движение к Дунаю
      - Хозяйство и быт
      - Семья и община
      - Религия
      - Традиционная духовная культура
      - Социальное расслоение

https://RodnoVery.ru

        - Пути сложения государственности
    - Глава вторая. Первый штурм имперских границ
        - Переход Дуная
        - Анты и дулебы
        - Славяне против Юстиниана
        - Первое нашествие
    - Глава третья. Славянский север
        - Кривичи
        - Венедская проблема
- Часть 2
    - Глава первая. Приход авар
        - Славяне в 550-е гг
        - Поход Забергана
        - Авары в Европе
    - Глава вторая. Славяне после прихода авар
        - Переселения на западе
        - Хорватский племенной союз
        - Хозяйство, культура, общество
        - Военное дело
    - Глава третья. Второй штурм имперских границ
        - Второе нашествие
        - Начало третьего нашествия
        - Славяне и Сингидунская война
        - Радогост во Фракии
        - Осада Фессалоники
        - Вторжение в Ахайю
    - Глава четвертая. Битва за Дунай
        - Север в пору аварских войн
        - Возобновление аварских войн
        - Экспедиция Приска
        - Пирогостова война
        - Аварские войны 595–599 гг. и славяне
        - Падение Лимеса
- Рождение славянского мира. VII–VIII вв
    - Источники
    - Пролог
        - Обновляющаяся Европа
        - Славяне к началу VII в.
    - Часть 3

https://RodnoVery.ru

- Глава первая. Завоевание Балкан
  - Начало последнего нашествия
  - Аварское иго
  - Рождение южного славянства
  - Поздние анты
  - Племена славянского севера
  - Славяне против Ираклия
  - Вторая осада Фессалоники
  - Третья осада Фессалоники
  - После нашествия
  - Восстание Само
  - Битва за Константинополь
- Глава вторая. Эпоха Само
  - Крах аварского владычества
  - Война с франками
  - Война за Фессалонику
  - Конец Великой Болгарии
  - Королевство Само и его соседи
  - Начало Кракова
- Глава третья. В новых пределах
  - Хорутанское княжество
  - Между Империей и ее врагами
  - Расселение влахов
  - Болгары на Дунае

- Часть 4
  - Глава первая. Болгария, Македония, Эллада
    - Борьба за Македонию
    - Культура и общество в VIII в.
    - В годы кризиса Империи
    - В болгарских войнах
    - Начало ромейского отвоевания
  - Глава вторая. Хорутания, Хорватия, Сербия
    - Альпийские и паннонские славяне в VIII в.
    - Последние войны с Фриулем
    - Обращение хорутан
    - Во франко-аварских войнах
    - Сербия и Дукля в VIII в.
  - Глава третья. Славяне западные и восточные. Конец VII — вторая треть VIII в

https://RodnoVery.ru

- Общие черты
- Новшества в религии
- Полабье и Поморье
- Начало Чехии Пржемысловичей
- Славяне и Франкское королевство
- Дулебы и анты
- Севера
- Основание Киева
- Расселение на восток
- Словене на Волхове
- Кривичи

- Глава четвертая. Славяне западные и восточные. Последняя треть VIII в.
  - До и после Бравалля
  - На рубежах империи Карла
  - Начало Гнезненской Польши
  - Начало Руси

https://RodnoVery.ru

Предисловие

Проблемы ранней истории славянских народов издавна привлекали внимание исследователей. Большое число работ как славянских, так и иностранных авторов посвящено разным аспектам этой тематики — общеисторическим, источниковедческим, культурным и другим. В рамках развития национальных славянских историографий в XVIII–XX вв. история «древних» славян до IX–X вв. неизбежно становилась вводной частью к обобщающим национальным историям. По мере развития, прежде всего, археологической науки стали возможны и обобщающие труды по истории отдельных славянских общностей, соответствующих нынешним государственным границам.

Особое место занимают, без сомнения, фундаментальные труды прошлого — начала нынешнего века. Они принадлежат П. Шафарику (Slovanské starožitnosti. Praha, 1837. Рус. пер.: Славянские древности. В 3-х тт. М., 1837–1848) и Л. Нидерле (Slovanské starožitnosti. Praha, 1902–1906. Рус. пер.: Славянские древности. М., 1956). Эти работы — единственный опыт максимально возможного охвата всех доступных в то время источников. Можно назвать целый ряд обобщающих исследований и за XX столетие. Среди них (оставляя за скобками работы об отдельных племенных объединениях, общностях и государствах) — труды Й. Гассовского, М. Гимбутас, Ф. Дворника, Т. Лер-Сплавинского, Г.Г. Литаврина, Х. Ловмяньского, В.В. Седова.

Ряд авторов рассматривали историю отдельных групп славянских народов (в том числе восточных славян — Г.В. Вернадского, П.Н. Третьякова и др.). Ранние этапы балканской миграции славян рассматривались В. Златарским в его «Истории Болгарского государства в средние века» (т. 1 — София, 1918). Работу по обобщению данных о ранней истории своей страны вели и другие болгарские ученые (Д. Ангеловым, П. Петровым). В целом же, естественно, невозможно в кратком очерке перечислить все работы, так или иначе касавшиеся древнеславянской истории.

Можно обратить особое внимание на труды, посвященные истории Аварского каганата. Это, например, «Авары в Европе» А. Авенариуса (Амстердам — Братислава, 1974), «Авары» В. Шиманского и Е. Дабровской (Краков, 1979), «Авары» В. Поля (Мюнхен, 1982), «Аварика» С. Садецки-

https://RodnoVery.ru

Кардоша (Сегед, 1986). Славяно-византийские и славяно-аварские отношения изучались в многочисленных научных трудах Г.Г. Литаврина (частично сведены в кн.: Византия и славяне. СПб., 1999).

Значительная часть сюжетов в работах всех названных авторов была посвящена именно раннему Средневековью. Однако обычно история всего славянства именно в V–VIII вв. не становится предметом специального исследования. Она, как правило, рассматривается как некая промежуточная ступень между эпохой славянского этногенеза и временем сложения отдельных славянских государств.

Серьезным обобщающим исследованием по данным проблемам являются, в сущности, комментарии к фундаментальному «Своду древнейших письменных известий о славянах» (М., 1991–1995). Источники в нем комментировались виднейшими отечестсвенными специалистами — С.А. Ивановым, Г.Г. Литавриным и другими. Для археологических источников аналогичную роль сыграли монографии В.В. Седова «Славяне в раннем Средневековье» (М., 1995) и «Славяне» (М., 2002). Они подвели — неизбежно промежуточные — итоги многолетнего и продолжающегося изучения славянских древностей.

Итак, литература по ранней истории славян весьма обширна. В той или иной степени было затронуто большинство вопросов, являющихся предметом нашего исследования. По этой причине автор предпочел во избежание повторов идти непосредственно от источников; необходимые ссылки на историографию даются в примечаниях. Автор постарался избежать в своей работе политических и идеологических веяний, иногда оказывающих воздействие на исследователей ранней славянской истории.

Данная книга представляет собой попытку на основе всех доступных источников создать общую картину истории всех славянских племен на протяжении V–VIII вв. Хронологические рамки работы обуславливаются принятой в отечественной науке периодизацией мировой истории и реалиями истории средневековой Европы. V век — век падения Западной Римской Империи, события, безусловно, этапного для всей Европы. Отметим, что для славян вторая половина V столетия — время интенсивного расселения и завершения этногенеза. В 800 г., с воссозданием Западной Империи франками и окончанием «темных веков», политическая ситуация в Европе вновь существенно переменилась. Для славян же с IX в. наступает время оформления отдельных государств, ставших основой национальной государственности позднего Средневековья и нового времени. В работе будет рассмотрена история всех славянских племен и раннегосударственных объединений.

https://RodnoVery.ru

Заря славянства

https://RodnoVery.ru

Источники

Работу исследователей славянских древностей затрудняет относительный недостаток источников и трудности в их истолковании. Тем не менее по сравнению с древнейшими этапами славянского этногенеза источниковая база истории славян V–VIII вв. уже достаточно широка.

Наиболее достоверным (если говорить о письменных источниках) материалом для воссоздания раннесредневековой истории славян являются современные описываемым событиям иностранные источники. Для древнейшего периода количество письменных известий, относимых к праславянам, можно пересчитать по пальцам. Но с VI в., в связи с возросшей военно-политической активностью славян, наступает — по сравнению с предшествующими веками — настоящий «источниковый бум».

Для V — первой половины VI в. наиболее велик объем византийского грекоязычного корпуса источников. Уже в V столетии мы находим исключительно важные для решения проблемы славянского этногенеза данные у восточно-римского историка Приска. В первых десятилетиях VI в. славяне — один из главных внешних противников Империи, и ромейские авторы уделяют им немалое внимание. Наиболее подробные сведения о славянах этого времени имеются у Прокопия Кесарийского. Выполненный в традициях античной историографии объемный труд этого автора об истории Империи времен правления Юстиниана — «Войны» — охватывает период с 527 по 553 г. Для славянской истории ценность представляют последние книги труда Прокопия — с пятой по восьмую, составляющие историю многолетней Готской войны за обладание Италией. Здесь содержатся как данные о конкретных фактах славяно-ромейских отношений, так и обширное отступление об обычаях славян и внутреннем устройстве их общества. Некоторые дополнительные сведения сообщаются Прокопием в трактате «О постройках» — панегирике, посвященном строительной деятельности Юстиниана и написанном спустя несколько лет после «Войн». Как грозные противники Империи фигурируют славяне в «Тайной истории» (или «Неизданном»). Этот острый и во многом несправедливый памфлет сочинен Прокопием в период работы над «Войнами», но направлен против императора и его мероприятий.

Количество греко-византийских источников, дополняющих сведения

https://RodnoVery.ru

Прокопия, сравнительно невелико. По сути, если говорить о фактической стороне славянской истории первой половины VI в., Прокопий — чаще всего единственный источник. Сведения Прокопия об антах и славянах на имперской службе дополняет его продолжатель Агафий Миринейский, чей труд «О царствовании Юстиниана» («История») охватывал период с 553 по 559 г. Достаточно ценные сведения о нравах славян того времени приводит в своем труде автор богословско-научного сочинения середины VI в. «Ответы на вопросы». Он известен в науке как Псевдо-Кесарий (труд сохранился под именем богослова IV столетия Кесария Назианзского). Данные, имеющие отношение к славянской истории первой воловины VI в., но без имени славян, находим в сборнике житий Иоанна Мосха «Луг духовный» (рубеж VI/VII вв.). Сведения о борьбе с «варварами» на дунайской границе имеются в указах (новеллах) императора Юстиниана. Среди титулов Юстиниана имелся титул «Антский», отражавший его успехи в противостоянии славяноязычным племенам антов. Наконец, упоминание о важном персонаже «славянского» экскурса Прокопия, Хильбуде, обнаружено среди константинопольских надгробных надписей.

Латинские источники о славянах сперва менее многочисленны, чем греческие. В первой половине VI в. это, прежде всего, сочинения, созданные на территории Империи. Важнейшее из них — труд остготского историка Иордана «О происхождении и деяниях гетов» («Гетика»). Он в значительной степени касается предшествующей эпохи славянской истории, но содержит и ценные сведения о расселении славян в начале VI в. Данные эти, как и большую часть своих сведений, Иордан почерпнул из сочинения римлянина Кассиодора, служившего готским королям и написавшего их историю. Сокращением труда Кассиодора и является «Гетика» Иордана, написанная уже в обстановке краха готского королевства в Италии под ударами ромеев. Славян и антов Иордан упоминает в другом своем сочинении — «О сумме времен, или О происхождении и деяниях римского народа» («Романа»). Латинский хронист комит Марцеллин, описывавший события в Империи конца V — первой половины VI в., не упоминает имени славян. Но он говорит под 517 г. о неких «гетах», в которых (с учетом сведений позднейшего греко-византийского историка Феофилакта Симокатты) считают возможным видеть славян или антов.

https://RodnoVery.ru

Река Дунай. Современный вид

Из позднейших латинских источников исключительное значение для изучения расселения славян и происхождения славянских племен имеет сочинение IX в., известное как «Баварский географ». Содержащийся в нем подробный перечень славян Центральной и Восточной Европы включает большое количество уникальных данных, в том числе предание о происхождении западнославянских племен.

С византийскими событиями и византийской традицией связаны сведения о древних славянах в некоторых восточных источниках. Из Империи, несомненно, получена информация «Армянской географии» VIII в. о славянах во Фракии. В этом известии содержатся ценные сведения о происхождении славян, позволяющие уточнить данные средневековых славянских преданий. Антские набеги упоминаются в одной средневековой еврейской заметке.

С появлением Арабского Халифата информацию о славянах получают арабы. Известнейший арабский историк и географ, «арабский Геродот» X в. ал-Масуди передает восточнославянское предание о происхождении славянских племен, не имеющее прямых аналогов в русских летописях. Особую группу мусульманских источников составляют уникальные сообщения местных персидских хроник XIII–XV вв. Это «История Табаристана» Ибн Исфендийара и «История Табаристана, Руйана и Мазандерана» Захир-ад-дина Мараши. Их известия о контактах Сасанидского Ирана со славянами в V–VI вв. могут восходить через ранние, несохранившиеся переложения мусульманских авторов еще к Сасанидским местным хроникам.

https://RodnoVery.ru

Вторая часть книги охватывает период с середины VI по начало VII столетия. Это время стало в известном смысле рубежным в истории расселения славянских народов по Центральной и Юго-Восточной Европе, а также в их длительном противостоянии с Восточно-Римской Империей. К концу его уже складывалась славянская этническая территория в ее средневековом виде. Расселение славян на северо-запад и переход ими Дуная по всему нижнему течению стали основой для разделения их позднее на три ветви — южных, западных и восточных.

С начала 560-х гг. исторические судьбы славян оказались теснейшим образом связаны с пришедшим из глубин Азии кочевым народом авар. Авары явились фактором, подтолкнувшим дальнейшие движения славянских племен. Пути славян и авар с момента появления последних в Европе переплелись не менее чем на полвека. Авары стали, по удачному определению Л. Нидерле, «новым сильным противником и в то же время новым союзником славян». Борьба славян за свою независимость против Аварского каганата, с одной стороны, и часто совместные с аварами войны против Империи — с другой, составляют главное содержание истории Восточной Европы того времени. Все это дало основания дать второй части работы название — «Аварика».

Объем письменных источников для второй половины VI — начала VII в. многократно увеличивается по отношению к предыдущему периоду. Возросшая активность славян, начало их переселения на Балканы приводят к многократному их упоминанию в письменных источниках Восточной Империи. В результате мы располагаем достаточно полной картиной, во всяком случае, «внешней» истории славянских племен между 552 и 602 гг.

Из греческих историков, описывающих ситуацию 550-х гг., следует назвать Прокопия Кесарийского («Война с готами», «О постройках») и Агафия Миринейского («О царствовании Юстиниана»). Нашествие болгарского хана Забергана в 559 г., в котором приняли участие и славяне, отражено в целой группе синхронных памятников. Подробнее всего рассказывает о нашествии Агафий Миринейский, но при этом не упоминает о славянах. О них, однако, сообщает в своей «Хронике» другой грекоязычный историк, современник событий — сириец Иоанн Малала, а также писавший на родном языке его соотечественник — Иоанн Эфесский.

Продолжатель Агафия, греческий историк Менандр Протектор описал в своей «Истории» события с 559 по 582 г. Этот труд, к несчастью, дошел до нас лишь во фрагментах, однако сохранил ценнейшие, чаще всего уникальные сведения о первых аваро-славянских столкновениях и «славянской» политике Константинополя.

https://RodnoVery.ru

Менандра продолжал, в свою очередь, Феофилакт Симокатта, писавший уже около 628–630 гг. Его «История» охватывает события с 582 по 602 г. и повествует, в частности, о нескольких ромейско-славянских войнах этого двадцатилетия. Создавший уже в начале IX в. свою обобщающую «Хронографию» Феофан Исповедник использовал для описания событий второй половины VI в. Феофилакта и некоторых других известных авторов. Но, например, при описании нашествия 559 г. он наряду с Агафием и Малалой привлек и некоторые другие, неизвестные ныне источники. Не исключено, что Феофан использовал полную версию труда Менандра или иного автора, продолжавшего Агафия.

На фоне частых и подробных упоминаний славян в общеисторических трудах Империи может показаться странным отсутствие сведений о них в единственном церковно-историческом сочинении эпохи — «Церковной истории» Евагрия Схоластика. Однако Евагрий и об аварских нашествиях упоминает лишь в нескольких местах и вскользь.

Зато весьма ценные сведения о действиях славян в южной части Балкан сообщаются обширным агиографическим памятником VII–VIII вв. — собранием «Чудес святого Димитрия Солунского». Ценность этих данных определяется тем, что большинство историков рассматривали лишь события во Фракии, в непосредственной близости от Константинополя. Известия фессалоникийских по происхождению «Чудес Дмитрия Солунского» поэтому уникальны. Автор «Первого Собрания» «Чудес» — Иоанн, архиепископ Фессалоники, являлся непосредственным современником и участником событий конца VI столетия. Писал свой труд он в начале VII в., около 610–615 гг.

Как опасные враги Империи славяне становятся предметом изучения для ромейских военных теоретиков — автора «Анонимного военного трактата» («О военном искусстве») последней четверти VI в. и в написанном в то же время «Стратегиконе». Особенно ценен для нас «Стратегикон», авторство которого традиционно (и от этого не менее убедительно) связывается с именем императора Маврикия.

«Стратегикон» сообщает многочисленные сведения о внутреннем устройстве славянского общества, обычаях, хозяйстве, материальной культуре. Для истории славян второй половины VI в. он имеет то же значение, что «этнографический» экскурс из «Войны с готами» Прокопия — для истории славян первой половины века. При этом автор «Стратегикона» гораздо подробнее и конкретнее в своем изложении, чем Прокопий.

Известия близких по времени авторов в целом, как уже говорилось,

https://RodnoVery.ru

ограничиваются северо-восточной частью Балкан. Для изучения обстановки на крайнем юге, в древней Элладе, в частности, на Пелопоннесе, и на северо-западе, в Далмации, следует обращаться к источникам более поздним. Это трактат «Об управлении Империей» Константина Багрянородного, схолия Арефы на «Летописец вкратце», анонимная «Монемвасийская хроника». Несомненно, что авторы X в. использовали не дошедшие до нас более древние источники. Для сравнения с ними можно привлекать еще более позднюю информацию — из послания патриарха Николая III (XI в.), «Петиции Исидора» (XV в.), малых хроник XVI–XVII вв.

Следует также назвать сохраненный славянским переводом памятник VIII в., первоначально грекоязычный — т. н. «Именник болгарских ханов (князей)». Среди первых имен в этом ханском списке выделяются славянские. Это может свидетельствовать о тесных связях болгар со славянами еще в период до создания Болгарского ханства на Балканах.

Из сирийских авторов VI в. о славянах писал упоминавшийся выше Иоанн Эфесский, автор монофизитской «Церковной истории». В этом труде имеются сведения о болгаро-славянском нашествии 559 г., войнах Империи с аварами и славянами в начале 580-х гг. Часть «славянских» известий Иоанна Эфесского сохранилась в передаче позднейших сирийских хронистов — Михаила Сирийца (XII в.) и Бар-Эбрея (XIII в.). В арабском сочинении IX в. «Китаб ал-махасил ва’л-аддад» имеется уникальное известие о судьбе славянских пленников императора Маврикия.

Латинские источники по истории славян в рассматриваемый период менее многочисленны, чем греческие, но их опять же больше, чем в предшествующий период. Мартин Бракарский в эпитафии святому Мартину Турскому (558 г.) сообщает уникальные сведения о начале христианизации славян в этот период. Африканец Виктор Тонненский в своей «Хронике» описывает болгарское нашествие 559 г. (правда, без упоминания славян). Его продолжатель, испанец Иоанн Бикларский дважды упоминает в своей «Хронике» славянские набеги на Империю. Фрагментарность труда Менандра Протектора увеличивает значение известий негреческих хронистов — Иоанна Бикларского и Иоанна Эфесского.

Столь же интересны сведения, содержащиеся в письмах папы Григория I Великого о начале проникновения славян в Далмацию и Италию. Это единственное свидетельство современника об этих событиях.

Лангобардский историк Павел Диакон (конец VIII в.) в «Истории лангобардов» рассказывает о первых столкновениях славян с баварами.

https://RodnoVery.ru

Память о них сохранялась и позднее в местных немецких преданиях средневековья.

«Баварский географ» IX в. ценен, прежде всего, как первое перечисление славянских племен. Вторая половина VI в. — период интенсивного расселения именно в западной части славянского мира и складывания существовавших и в IX в. племен и племенных объединений. Далматинский хронист XIII в. Фома Сплитский сообщает о первом появлении славян в Далмации. Его известия, основанные на городском предании, могут быть сопоставлены с более древней информацией Константина Багрянородного и далее — с письмами папы Григория.

Таким образом, фонд источников по истории славян для рассматриваемого периода действительно расширяется по сравнению с предыдущим. Однако он еще не столь неохватен, чтобы затруднить полное обобщение сведений в рамках настоящей работы.

Особое место среди иностранных источников занимают скандинавские. Это обусловлено тем, что Скандинавия в раннем средневековье не имела письменной историографии (несмотря на наличие рунического письма). Данные скандинавских источников о ранних контактах со славянами, следовательно, восходят исключительно к устной традиции. Часть этих сведений (в памятниках героического эпоса) заимствована из континентального германского предания эпохи Переселения Народов и не имеет непосредственного отношения к теме настоящей работы. «Деяния данов» Саксона Грамматика передают (в искаженной форме) русское сказание о «короле» Бое. Оно находит параллель в записях устных преданий с территории Белоруссии XIX в. и восходящее к племенной мифологии славян-кривичей. Появление этого сказания в датской хронике объясняется родовыми связями между датской династией Кнютлингов и правившими в Полоцке Всеславичами. Следует особо упомянуть норвежскую «Сагу о Тидреке» (XIII в.) — переложение немецкого эпоса, содержащую некоторые славянские по происхождению сюжеты.

Основной корпус преданий о происхождении восточных славян и предыстории Руси содержался в русских летописях второй половины XI — начала XII в. — Начальной и «Повести временных лет». Некоторые ценные сведения имеются в позднейших памятниках — например, в Устюжском летописном своде XVI в., использующем более древнюю Смоленскую летопись. Другие русские и украинские авторы XVI–XVII вв. фиксировали устные предания своего времени о древнейшей поре восточнославянской истории. Эти записи не всегда точны и исторически далеко не безусловно

https://RodnoVery.ru

достоверны, но сообщаемая ими информация также может быть привлечена к исследованию. Местное русское летописание непосредственно переросло в XVIII–XIX вв. в раннее краеведение.

Непрерывность политической традиции в Чешском княжестве (королевстве) с VII в. обусловила неплохую сохранность здесь древнейших исторических преданий. Эти предания здесь более чем где-либо играли роль официальной истории. Потому они сразу же отразились у хронистов — Козьмы Пражского (1 четверть XII в.), Далимила (начало XIV в.), позже у Пржибика Пулкавы, Неплаха из Опатовиц (середина XIV в.). Из поздних исторических сочинений оригинальную информацию, почерпнутую из устного предания, содержали труды Кутена из Шпринсберка и Гаека из Либочан (XVI в.).

Польская историография сперва не выходит в глубь веков за пределы IX столетия, когда началось правление династии Пястов. Только с рубежа XII/XIII вв. на страницах польских хроник появляются предания о более древней поре, что было связано со стремлением максимально удревнить существование Польского государства. За написанной в этой время хроникой Винцентия Кадлубка в конце XIII в. последовали в Великой Польше — Богухвал, в Кракове — Дежва. Применение древнейших по описываемым временам разделов польских хроник как исторических источников затрудняется упомянутым стремлением к «удревнению» истории. Оно выражалось, в частности, в разделении легендарных польских «королей» на нескольких одноименных персонажей — явление, известное, в частности, и в Скандинавии. Другая трудность связана с соперничеством Великой и Малой Польши. Оно вызывало переносы хронистами «королевских» резиденций древнейших времен из великопольских Гнезна и Крушвицы в малопольский Краков и обратно.

Хронист XV в. Ян Длугош в своем монументальном труде обобщил данные предшествующих польских историков, пополнив их информацией из устных преданий. Кроме того, он включил в свою хронику пересказ несохранившейся до нашего времени древнерусской летописи (Киевской конца 1230-х гг.) с некоторыми оригинальными сведениями о предыстории Руси. Из позднейших польских историков XVI в., использовавших для расширения информации о древности фольклорный материал, следует назвать М. Меховского, М. Кромера, М. Бельского, М. Стрыйковского. Впрочем, в «польской» части они в основном повторяют с некоторой авторской обработкой труд Длугоша.

Сведения поздних русских летописцев, польских и чешских хронистов, использовавших фольклорную традицию, напрямую смыкаются

https://RodnoVery.ru

с устными историческими преданиями, записывавшимися в XVIII–XX вв. Нередко фольклористы нового времени записывали те же сюжеты, что и авторы позднего средневековья. Количество преданий, восходящих к славянской древности до IX в., сравнительно невелико. Но таковые все же имеются и могут использоваться исследователем в качестве вспомогательного материала.

Ценным источником по истории славянского общества являются нормы обычного права. При их исследовании важно вычленить нормы, являющиеся общеславянскими, а также местные нормы, восходящие к догосударственному, дофеодальному и дохристианскому времени. Конечно, наибольшую ценность представляют самые ранние писаные правовые своды, в основе которых лежит в том числе обычное право. Это «Закон судный людем», созданный в Болгарии или Великой Моравии в IX в., и древнейшая «Правда Русская». Немецкое «Швабское зерцало» (XIII в.) содержит некоторую информацию об обычном праве предков словенцев — хорутан, остававшемся еще на уровне начала IX столетия — времени вхождения Каринтии в Западную Империю.

К этим памятникам близки и первые попытки свести воедино обычное право в «чистом» виде. К средневековым трудам такого рода относятся «Рожмберкская книга» в Чехии, «Эльблонгская книга» в Польше, «Винодольский закон» в Хорватии, написанные на протяжении XIII–XIV вв.

Некоторую ценность для сопоставления представляют и нормы обычного права, засвидетельствованные в XVIII–XIX вв. Это относится, прежде всего, к обычному праву черногорцев, которые сохранили родоплеменной уклад и традиционное право вкупе с политической самостоятельностью. Основным правовым сводом Черногории был «Закон общий черногорский и горский», созданный в конце XVIII в.

В особый корпус можно выделить сведения письменных источников позднейшего времени о славянской «языческой» религии. Пантеон и мифология сложились в основном еще в общеславянскую эпоху, хотя основной объем данных о них относится к более позднему времени, чем V–VIII вв.

Наибольшее количество данных мы имеем по восточнославянскому (древнерусскому) «язычеству». Это, прежде всего, упоминания языческих богов в договорах с Византией X в. Сведения о дохристианском пантеоне, отдельных мифах и поверьях есть в летописях (Начальной и «Повести временных лет»), в житийных памятниках (жития святых равноапостольного князя Владимира и преподобного Авраамия

https://RodnoVery.ru

Ростовского). Обширнейший материал предоставляет богатая древнерусская литература «Слов» и «Поучений» против язычества, наиболее значимые памятники которой относятся к XI–XIII вв. Ценнейшие сведения по восточнославянской древней религии, мифологии, идеологии дают метафорические обороты «Слова о полку Игореве», уникального памятника дружинного эпоса XII в. Как и в ряде других европейских поэтических традиций, такого рода обороты восходят в средневековой поэтике еще к дохристианской эпохе. Отдельные упоминания языческих богов вставляются в переводные памятники — хронику Иоанна Малалы, «Беседу трех святителей», «Хождение Богородицы по мукам». Сведения о древних языческих культах, почерпнутые из устных преданий, имеются также в ряде памятников летописания XVII–XVIII вв. Это «Сказание о зачале Новаграда», «Историчествующее описание» Т. Рвовского, «Сказание об основании Ярославля». Они смыкаются с фольклорными воспоминаниями о капищах древних богов, зафиксированными в новое время именно у восточных славян.

Довольно многочисленны источники по западнославянскому «язычеству». Но наибольший объем сведений касается пантеонов балтийских славян и сохранен германскими хронистами XI–XIII вв. — Адамом Бременским, Герборгом, Эббоном и др. Некоторые дополнительные сведения содержатся в датских источниках (Саксон Грамматик, «Сага о Кнютлингах»). Местные немецкие историки XVI–XVIII вв. иногда пытаются пополнить информацию предшественников. Но их «открытия» чаще всего оказываются на поверку домыслами или прямыми фальсификациями на модную тогда тему.

Данные о польском пантеоне появляются позже, чем о балтийско-славянском, и они неизбежно скуднее. Список польских богов содержится у Длугоша, его несколько дополняет Меховский. Этим письменные сведения о древних богах Польши и их культе исчерпываются.

Чешский дохристианский пантеон раскрывает большее количество источников, но их информация еще беднее. Основной список чешских богов содержит сочинение «Mater verborum». Он может быть дополнен за счет сведений авторов XIV–XVI вв. (Неплах из Опатовиц, Ткадлечек, Гаек из Либочан), а также перевода библейской книги Иисуса Сираха со вставленным именем бога Велеса. Все сведения о польском и чешском пантеонах почерпнуты авторами позднего средневековья из устной традиции, практически умершей уже к XIX столетию.

Единственное южнославянское упоминание языческого бога — вставка имени Поруна (Перуна) в болгарский перевод хроники Малалы.

https://RodnoVery.ru

Некоторые сведения о языческих верованиях содержатся в болгарских христианских памятниках XI–XIII вв. — Индексе запрещенных книг, Синодике царя Борила и др. Ранняя христианизация и культурное влияние Византии обусловили отсутствие интереса к языческим культам в средневековой южнославянской литературе.

В ряде древнерусских апокрифических сочинений на библейские темы, созданных в явно еретических или псевдоортодоксальных кругах, имеются оригинальные мотивы, сопоставимые с данными о дохристианских мифах. Это «Сказание о царе Волоте Волотовиче», «Рукописание Адама», «Об озере Тивериадском». Такое слияние христианских и дохристианских мотивов характерно в разной степени для народных легенд всех славян, а также отдельных русских народных духовных стихов.

Ряд архаичных жанров славянского фольклора сохраняют ценную информацию о древней культуре, религии, общественной жизни. К ним относятся обрядовая поэзия, заговоры-заклинания, пословицы, поговорки, загадки, «мифологические рассказы», «мифологические» предания (о великанах и др.), волшебные сказки. Некоторые древние мотивы сохраняет и славянская животная сказка.

К самым древним эпическим жанрам относятся т. н. «мифологические песни» южных славян, где действуют обожествленные силы природы и персонажи «низшей» народной мифологии. Имеются и отдельные образцы классического героического эпоса, восходящего к догосударственной и дохристианской эпохе. Они есть в числе русских былин, белорусских богатырских сказов, южнославянских юнацких песен. Древние мотивы — не редкость и в позднейших по происхождению памятниках этих жанров. Они встречаются и в тех жанрах фольклора, что появились многим позже общеславянской эпохи — лирических песнях, балладах и даже в социально-бытовых сказках. Тесно связан с обрядовым и иногда является результатом его «снижения» игровой фольклор.

Неоценимую помощь исследователю оказывают данные археологии, языкознания, этнографических и разного рода сравнительных исследований. В условиях явного дефицита письменных известий археологические и лингвистические исследования оказываются базой, на которой и строится наше знание о славянах раннего Средневековья. Иначе обстоит дело с данными этнографии, отражающими позднейшую историческую реальность. Их следует привлекать лишь в сопоставлении с материалами археологии и языкознания.

https://RodnoVery.ru

Пролог

Рим и варвары

В 476 г. пала Западная Римская Империя. Это событие, положившее конец античной эпохе и рассматриваемое в современной науке как начало средневековья, стало итогом более чем столетнего кризиса державы, управлявшей большей частью Европы. Острый кризис, связанный с упадком классического античного рабовладения, подорвал основы хозяйства Империи, вылился в многочисленные восстания и гражданские смуты. Социальные конфликты переплетались с этническими. Ярким выражением этого стало бушевавшее на протяжении двух столетий антиримское движение в Галлии (т. н. восстание багаудов). Попытки выйти из кризиса за счет «феодализации» рабовладельческого хозяйства (поселение на землю рабов и полусвободных колонов) не принесли вполне положительного результата. Социально-экономический кризис уже усугублялся политическим и тесно переплетался с ним.

Рост сепаратизма имперских провинций имел своим следствием фактический распад государства на полунезависимые регионы во главе с представителями местной аристократии или даже имперскими полководцами-наместниками. В провинциях не раз провозглашались узурпаторы императорского престола. Некоторые из них и не пытались завладеть Римом, удовлетворяясь властью в своих землях. В результате подобных действий с первого десятилетия V в. фактически отпала от Рима Британия. Застарелые противоречия между латинским Западом и эллинским Востоком привели и к формальному разделению Империи на две половины. Причем старшинство изначально оказалось за более стабильным Востоком. В обеих столицах Империи — западной Равенне и восточном Константинополе (особенно в первой) шла ожесточенная борьба придворных группировок. Унаследованные от республиканского Рима традиции ненаследственного характера императорской власти стали питательной средой для переворотов и интриг. Любой сколько-нибудь выдающийся представитель военно-бюрократической знати Империи мог возомнить себя достойным монаршего престола.

На внутриполитическую нестабильность влиял и религиозный фактор. Античная многобожная религия уже давно находилась в состоянии

https://RodnoVery.ru

разложения. С начала IV в., благодаря мероприятиям Константина Великого, в Империи укрепились позиции христианства. К началу V в. оно, по сути, превратилось в государственную религию. Христианство с его идеями единства и равенства разноплеменных людей перед Богом, богопомазанной высшей власти могло бы стать консолидирующей силой для Империи. Но сопротивление сторонников греко-римского «язычества» («эллинства», как его называли на Востоке) утверждению новой веры оказалось слишком упорным, несмотря на поддержку новой религии императорами. Еще более осложнила ситуацию смута в среде самих христиан, вызванная с 325 г. арианским расколом. Ариане исповедовали своеобразное «упрощенное» богословие Троицы, отрицая единосущие Бога-Отца и Бога-Сына, полагая Сына творением Отца. Тем самым Бог-Сын фактически относился арианами к тварному миру, а исповедуемое христианами единство Троицы (по сути, и самое единобожие) ставилось под сомнение. После упорной борьбы, отражавшейся и на политической ситуации в Империи, ариане были разгромлены, но нашли немало приверженцев в «варварской» среде. Арианство приняли многие германские вожди, и к концу V в. его исповедовали готы, вандалы, бургунды и ряд других (в первую очередь, восточногерманских) племен.

В «варварском» мире Европы предшествующее падению Западной Империи столетие было временем значительных этнических передвижений, захлестнувших со временем имперские земли и получивших название Великого Переселения Народов.[1] Эпоха Великого Переселения традиционно исчисляется с 375 г. В этом году созданная в Восточной Европе королем восточногерманского племени остроготов Германарихом из рода Амалов «держава» рухнула под ударами вторгшихся с востока кочевников — гуннов. Наиболее вероятна версия о тюркской этноязыковой принадлежности этих кочевников,[2] создавших на развалинах «державы» Германариха собственное раннегосударственное объединение, вобравшее в себя собственно гуннов и покоренные ими племена — восточногерманские, иранские (аланы, чья гегемония в Восточной Европе предшествовала готской) и другие. Часть готов (по большей части из племени везеготов под водительством рода Балтов), отказавшись признать власть гуннов, перешла на территорию Восточной Империи. Следующие десятилетия их истории заполнены краткосрочными примирениями и ожесточенными войнами с Римом, в ходе которых были опустошены часть Балканского полуострова, Италия, Галлия. Проломившись с боями через всю европейскую часть Империи, в 410 г.

https://RodnoVery.ru

взяв и разграбив Рим, везеготы (вестготы) создали собственное государство на территории Южной Галлии и Испании. Формально они признали себя федератами («союзниками») Империи и получили эти земли от нее. Фактически же везеготы и другие германцы, обосновавшиеся на бывших землях Западной Империи, распоряжались ими по своему усмотрению.

В начале V в. изгнанные с прежних мест гуннским нашествием германские племена вандалов и свевов (квадов) с примкнувшей к ним частью аланов прошли через Галлию и Испанию. Свевы создали свое государство на северо-западе Испании. Это королевство вскоре оказалось в зависимости от везеготов. Вандалы и аланы во главе с вандальским родом Асдингов обосновались в Северной Африке. Будучи сперва федератами Империи, они в 445 г. порвали с ней связи, а в 455 г. их король Гейзерих, вмешавшись в распрю за императорский престол, опустошил Рим. В Галлию вторгались и другие германцы — франки, бургунды, аламанны. На Британию нападали англы, саксы и юты.

В Центральной и Восточной Европе между тем устанавливалось гуннское владычество. Во второй четверти V в. гунны были объединены под властью Аттилы. К этому времени западные гуннские племена, разместившиеся среди покоренных германцев в Паннонии и других придунайских областях, значительно германизировались. Однако восточные племена гуннского союза в большей степени подверглись аланскому влиянию, сохраняя при этом свой язык. Гуннам подчинилась значительная часть как восточногерманских (остроготы, гепиды, герулы, бургунды и др.), так и западногерманских (тюринги, аламанны) племен. Однако гуннам не удалось распространиться сколько-нибудь далеко на север. Франки, саксы, лангобарды и тем более германцы Ютландии и Скандинавии сохраняли независимость. Жившие близ границ Империи племена и поселившиеся на ее землях федераты искали союза с ней против восточных завоевателей.

https://RodnoVery.ru

Аттила. Фрагмент фрески Э. Делакруа

Объединенными силами римлян и независимых германцев Аттила был разгромлен в 451 г. в Галлии, на Каталаунских полях. После этого он еще вторгался в Италию, но внезапная смерть вождя (453 г.) помешала гуннам взять реванш. После смерти Аттилы его держава распалась. Покоренные германцы восстали против завоевателей. Разгромленные сыновья Аттилы со своими подданными отступили из Паннонии на восток. Часть гуннов смешалась с германцами, часть перешла на службу Восточной Империи. На востоке былой их державы — в нижнедунайских долинах, Северном Причерноморье возникли племенные объединения тюркоязычных болгарских племен, возглавляемых потомками Аттилы. Эти племена (утигуры, кутригуры и др.), часто еще именуемые в целом «гуннами», начинают вновь играть значительную роль на востоке Европы с конца V в.

К востоку и отчасти к северу от них, в степях Северного Кавказа и в

https://RodnoVery.ru

Поволжье кочевали родственные тюркоязычные племена, ранее также подвластные гуннам — савиры, оногуры, альтциагиры, акациры.[3] В горах и предгорьях Кавказского хребта складывается Аланское царство, ставшее центром этнической консолидации былых властителей европейских степей на основе перехода к оседлости.

В западных владениях гуннов на развалинах созданной ими племенной федерации быстро возрождаются самостоятельные германские королевства. В Дакии возникло королевство гепидов. Оно стало здесь сильнейшим государственным образованием в условиях относительной слабости болгар и отсутствия политической организации у местного (отчасти романизированного) населения.[4] В Паннонии и на прилегающих с запада областях возникли самостоятельные королевства герулов, остроготов, скиров, свавов (единственное западногерманское племя в регионе), ругиев. Королевства свавов и скиров оказались непрочны и были в 469–470 гг. уничтожены остроготами. В верховьях Дуная и Рейна, будущей Швабии, образовалось королевство аламаннов, родственных свавам. К югу от них, в Юго-Восточной Галлии, при поддержке везеготов восстановилось королевство бургундов. К северо-востоку от Аламаннии оформилось королевство тюрингов.

В 476 г. сын короля скиров, командующий федератов в Италии Одоакр низложил императора Ромула Августула. Это стало концом Западной Римской Империи. Ситуация в Европе существенно изменилась. В Италии образовалось королевство Одоакра. Последние провинции, верные Империи на Западе (Галлия и Норик), отпали. Королевства федератов (везеготы, бургунды, франки, ругии, аламанны) обрели полную независимость. Последний западный «император» Непот держался до 480 г. на побережье Адриатики, в Далмации, а затем был убит Одоакром. В то же время формально Одоакр не уничтожил, а объединил Империю. Знаки императорского достоинства были отосланы в Константинополь, Одоакр сохранил официальную верность римской традиции. Титулуя себя «королем» (rex) Италии, он добивался официального признания своей наместнической власти над Западом от Константинополя и обошел здесь короля Галлии (Северной), римского военачальника Сиагрия.

Но Одоакр пытался сделать свою гегемонию на Западе реальной — это Восток уже не устраивало. В 482 г., после смерти некоронованного короля провинции Норик на Среднем Дунае, христианского подвижника Северина, ругии захватили его «владения». Одоакр вступил с ними в борьбу. Это стало одним из побудительных толчков к созданию союза Восточной

https://RodnoVery.ru

Империи с ругиями, остроготами и герулами против короля Италии. В 487–488 гг. ругии были разгромлены, их королевство уничтожено. Но в 489 г. в Италию, разгромив союзников Одоакра гепидов, вторгся король остроготов (остготов) Теодорих. После трехлетней осады Равенны Одоакр в 493 г. сдался на почетных условиях, но был коварно убит.

Теодорих недолго был верным союзником Империи. На рубеже V–VI вв. он начал войну за обладание Северным Иллириком, вплотную примыкавшим к его владениям в Паннонии и Далмации. Теперь уже гепиды были союзниками Империи, а Теодорих опирался на поддержку скамаров. Эти разбойничьи отряды обездоленного люда, действовавшие в среднедунайских провинциях, в те годы сплотились под водительством «короля бродяг» Мунда. Мунд, гепидский королевич и потомок Аттилы (по женской линии), завладел частью земель Восточной Империи и заключил союз с Теодорихом.

Отчасти сходно с Италией сложилась ситуация и в Галлии, где границы разрушившейся Империи пытался удержать Сиагрий. В 486 г. франкские короли разгромили Сиагрия и уничтожили его государство. За этим последовало объединение франков под властью Хлодвига из рода Меровингов, короля салических франков, создавшего мощное государство на севере Галлии. Еще до окончательного объединения франков, в 496 г., Хлодвиг уничтожил королевство аламаннов и в последующие годы овладел большей частью их земель. Но дальнейшему продвижению франков на восток препятствовали пока бургунды, остроготы и тюринги. Южная Галлия была захвачена у везеготов только в 507–508 гг. К северо-востоку от франкских границ сложилось фризо-ютское королевство, а верховья Везера и Эльбы занимали саксы и родственные им племена, разделенные на несколько рыхлых объединений.

В придунайские области к северу от Паннонии ок. 490 г. выдвинулось западногерманское племя лангобардов. Здесь они вступили в войну за свою независимость с герулами, союзниками остроготов, и в 494 (?) г.[5] одержали победу. Прежнее королевство герулов пало. Часть их переселилась к гепидам, но, не встретив у них гостеприимства, в конечном счете обосновалась в качестве федератов на землях Восточной Империи. Таким образом, лангобарды завладели северной частью Паннонии и стали важным политическим фактором в придунайских землях.

Германское завоевание Запада не могло не привести к хозяйственной катастрофе. Многие местности обезлюдели, население не в последнюю очередь вследствие бесконечных войн сильно сократилось. Особенно это касалось придунайских областей, где селились сравнительно

https://RodnoVery.ru

немногочисленные германские племена. Здешнее романское население по большей части сгонялось со своих земель — как захватчиками, так и собственными властями, эвакуировавшими целые провинции. Так Одоакр в 488 г. поступил с Нориком.

Рабовладельческое хозяйство вступило в фазу распада. Многие виллы были заброшены, рабы и колоны массами бежали. Частично они присоединялись к германцам, что сулило изменение общественного положения. В основном же беглые наряду с дезертирами, преступниками, разорившимися гражданами, изгоями-«варварами» пополняли отряды «разбойников» вроде багаудов в Галлии и скамаров на Дунае. Заметим, что традиционные кавычки здесь не очень справедливы.

Когда «варварские» короли взялись, наконец, за упорядочение завоеванного, они признали права собственности уцелевших римских аристократов. Последние все чаще переходили на раннефеодальные методы управления хозяйством, используя колонат и труд посаженных на землю рабов (сервов; позже значение этого термина расширяется). Большая же часть земель сосредоточилась тогда в руках крестьянских общин, как «варварского», так и — преимущественно — романского происхождения. Стабилизация сельского хозяйства Запада началась с VI в. на основе свободного и полусвободного труда. Верховным собственником земли у германцев было племя, прерогативы которого в их военно-иерархическом обществе уже присвоила знать. За счет королевских пожалований постепенно начинает складываться землевладение германской дружинной аристократии. Расслоение и формирование новых основ собственности происходят, хотя и медленнее, и у тех германских племен, чьи владения так и не простерлись за прежние границы Рима с «варварами».

Приходят в упадок города. Хозяйство Европы все больше становится натуральным. Войны и разбой, обрыв многих хозяйственных традиций приводят к сокращению торговых связей. В меньшей степени это сказалось на морской торговле, и порты, как правило, по-прежнему процветают. Но и этот расцвет не мог сравниться с прежними временами. Портовые города теперь больше военные базы, чем торговые центры. Города все более превращаются в «большие деревни», обрастающие сельскохозяйственными угодьями и живущие за счет них. В некоторых областях (опять-таки, прежде всего, на Дунае) они вовсе прекращают свое существование. Вместе с тем многие античные города в романских областях — Италии, Испании, Галлии, Далмации, на островах — продолжают оставаться центрами ремесла и торговли, хотя их значение падает. Культура все больше перемещается из городов в монастыри, превращающиеся со

https://RodnoVery.ru

временем в главные хранилища античного и христианского наследия.

Германское завоевание разрушило политическую структуру городов Запада. Понятие гражданства, сохранявшееся до последних лет Империи, во многом потеряло смысл, хотя в древних городах не исчезло вполне. В большинстве городов полисное самоуправление, восходившее к эпохе Республики и древних городов-государств Греции и Италии, негласно или открыто, упразднено «варварскими» королями. В захваченном остроготами Риме еще заседал сенат, сохранились городские советы и еще в нескольких крупных центрах, но это была лишь дань традиции.

В этих условиях консолидирующей силой для местного населения становится Церковь. Практически повсеместно христианские епископы (и ортодоксы, и ариане) становятся главами самоуправления, в их руки переходит судебная и хозяйственная власть. С другой стороны, существовало и окружное управление, учрежденное «варварскими» королями, удержавшее налоговые и ряд административных функций. Для работы в этих структурах германцы должны были неизбежно привлекать выходцев из местного чиновничества и клира. Со временем роль этой прослойки при дворах «варварских» королей возрастает.

Бурный V век прошел в острой политической борьбе при дворах западных императоров и «варварских» королей. Эта борьба с неизбежностью сплеталась в единое целое с религиозным и этническим противостоянием. Социальные мотивы наслаивались у чиновников, аристократов, клириков на религиозные воззрения и сознание родовой принадлежности.

«Варварская» партия, стремившаяся к передаче власти над Западом германским вождям и слиянию лояльной римской знати с новым господствующим слоем, была в значительной степени партией и арианской. Несомненно, что, помимо германцев на службе Империи, опорой ее было теснимое арианское духовенство, позже нашедшее своих покровителей в арианах-королях из династий Балтов, Амалов и Асдингов. После падения Западной Империи эта партия стала основной опорой новой власти в государствах везеготов, остроготов, вандалов, свевов, бургундов.

Ей традиционно противостояла «римская партия», ставившая целью сохранение римского социально-политического и культурного наследия. Однако внутри эта «партия» была значительно дифференцирована. Римские консерваторы, «последние римляне», стремились всячески сохранить античное наследие, дохристианскую религию и культуру, «сенатский» политический строй с делением Империи на две части. Для них было характерно резко отрицательное отношение к «варваризации»

https://RodnoVery.ru

Империи и ее господствующего слоя. Позиция этой партии была обречена ходом исторического развития, и падение Западной Империи явилось для нее крахом всех упований.

Намного более трезво оценивали обстановку представители ортодоксального (православного или вселенского, «католического») клира и близкой им части аристократии и чиновничества. «Варварское» нашествие они вслед за Аврелием Августином и Орозием рассматривали как Божью кару за грехи Рима. Путь спасения они видели в религиозно-нравственном очищении общества и максимально возможном приспособлении к сложившейся ситуации. Но приспособление должно происходить не через «варваризацию» Рима, а через христианизацию (ортодоксальную) и романизацию «варваров», сохранение античного наследия, насколько оно не противоречило христианству. Недаром последние из «последних римлян» начала VI в. оказываются в числе поборников ортодоксии против арианских гонений в Италии, Галлии, Испании, Африке.

Разгоревшийся конфликт получает этническое и социальное содержание. Арианами были в основном завоеватели-«варвары», православными — большая часть романского населения в городах и немалая часть на селе. В политическом плане идеалом православных римлян становится единая Империя с центром теперь уже в Константинополе. Туда, к «Византийской Империи», обращаются теперь взоры большинства приверженцев вселенской веры на Западе, к союзу с Империей склоняют «варварских» королей их приближенные-католики. Из самих германцев лишь франки и — на время — лангобарды приняли в конце V в. кафолическую веру. Но позиции христианства в их среде были еще слишком слабы, а память о завоевании слишком свежа, чтобы Меровинги или тем более лангобардские Гугинги заместили законных императоров Востока. Надеялись не столько на самих католиков-германцев, сколько на их весьма вероятный, но заведомо зыбкий союз с Константинополем.

Восточная Империя в V веке устояла.[6] Это было связано с суммой как внутренних, так и внешних факторов. Восточным императорам удалось, подавив сепаратистские проявления, сохранить сильную централизованную власть и относительно стабильное провинциальное деление Империи. Опорой императорской власти являлись многочисленный чиновничий аппарат и армия, состоявшая из постоянных и регулярных частей, укомплектованных на основе античных традиций свободными гражданами. Ветераны наделялись льготами, в частности, им

https://RodnoVery.ru

выделялась земля. Государственная власть по мере выработки теории сотрудничества между Церковью и христианской Империей все в большей степени могла опираться на поддержку клира. Сенатское сословие на Востоке было традиционно крепче привязано к трону и более лояльно ему, чем на Западе, где не вполне забылись традиции республиканского Рима.

С другой стороны, стабильность Империи в известной мере обеспечивалась сохранением ряда демократических античных традиций — полисного самоуправления, равенства граждан перед законом (при некоторых привилегиях сенаторов и клириков). При этом свободные граждане составляли большинство, хотя и не подавляющее, населения Восточной Империи. Равенство их было не формальным, а вполне реальным. Любой гражданин Империи при наличии известных способностей и удачливости мог войти в господствующую прослойку Империи и даже получить высшую власть — не наследственную, а переходящую к «достойнейшему». В конце V — начале VI в. на престоле побывали и вождь «варварского», с точки зрения римлян, племени исавров из Малой Азии Зинон (474–491), и простой в прошлом крестьянин из Фракии или Иллирика Юстин (518–527). Последний основал «династию», а точнее линию непрерывной легитимной преемственности, правившую Империей до 602 г. Справедливости ради стоит заметить, что появление при власти, а тем более на троне «новых людей» не вызывало восторга у сенатской аристократии. Ее недовольство было отчасти справедливо — притязания случайных деятелей (в том числе, впрочем, и из самой сенатской среды) на трон не могли всегда идти на пользу державе.

«Варваров» Восток интересовал меньше, чем Запад с его политической нестабильностью и открытыми для нападений крупными городами. Константинополь оставался неприступным для внешних врагов до начала XIII в. Все-таки набеги варваров на Восточную Империю происходили. Имела место, хотя и в меньших масштабах, чем на Западе, и «варваризация» армии и аппарата управления. Однако «варвары» на имперской службе, как правило, довольно быстро теряли этническое лицо и осознавали себя ромеями («римлянами»). Такой путь прошли многие знатные готы, герулы, гепиды, аланы, гунны. Недолговечны оказывались и королевства федератов на восточно-римских землях.

Это во многом было связано с исконной пестротой этнического состава населения Восточной Империи. В отличие от Запада, где происходила всеобщая романизация, на Востоке римское гражданство могло лишь сплачивать разнородные элементы в своеобразное разноязыкое содружество, становясь цементирующей силой общества. Подданный

https://RodnoVery.ru

Империи был сперва «римлянином», а уже потом греком, сирийцем или исавром — притом, что собственно римлян (романцев) было на Востоке не так уж много. Такова была устоявшаяся традиция, и для натурализации в имперском обществе федераты должны были в большей или меньшей степени ей следовать. При относительной немногочисленности пришельцев они быстро растворялись в местной среде или покидали ее вовсе.

Романский элемент в Империи преобладал лишь в областях романизации на севере Балканского полуострова — во Фракии и Северном Иллирике. Некоторая часть романизированного населения оставалась, насколько можно судить по скудным сведениям, за Дунаем, в Карпатах, но те области для Империи были уже потеряны. В горных областях Превалитании и Эпира на северо-западе Иллирика сохранилось не подвергшееся романизации местное иллирийское население. Южный Иллирик (Македония, включавшая и собственно Элладу) был населен почти исключительно греками. Греки преобладали также в Константинополе, на островах и в Малой Азии, где уже в эпоху единой Империи шла не романизация, а медленная эллинизация туземного населения. Волна эллинизации не затронула лишь отдельные области (Армению, Исаврию), сохранявшие полную этническую самобытность. Не распространилась она и на Сирию, Палестину и Египет. Здесь в древних центрах эллинистической цивилизации (таких, как Антиохия) греки составляли большую или немалую часть населения, но в основном преобладали местные народы. При всей этой пестроте граждане Империи (в первую очередь греки и романцы) в целом именовались ромеями, то есть римлянами. Латинский язык оставался языком армии. Но как официальный язык императорского двора он уже был потеснен греческим. Греческий был языком Церкви и светской культуры Балкан и Малой Азии, а также эллинской культуры Египта и Сирии.

В условиях смещения торговых путей, эмиграции с Запада и ослабления западных соперников настоящий расцвет переживают с V в. восточные города. Они становятся общеевропейскими центрами ремесла и торговли, а их культурная значимость и прежде превосходила Запад. С другой стороны, некоторые города придунайских провинций под постоянной угрозой нападения «варваров» все же теряют значение, превращаясь в порубежные крепости. Число мелких городов постепенно уменьшается.

Кризис рабовладельческого хозяйства меньше затронул Восточную Империю, что было связано с восходящими к эллинистической эпохе

https://RodnoVery.ru

традициями свободного (хотя и зависимого от государства) труда на значительной части ее территории. На селе в азиатских провинциях безусловным преобладанием пользовалась крестьянская общинная собственность. В Сирии и Египте, правда, с ней сосуществовало крупное частное землевладение местной знати, основанное на труде колонов. За счет императорских пожалований начинает складываться церковное землевладение.

Иной была ситуация на Балканском полуострове, на островах, а также в сплошь эллинизированных западных областях Малой Азии. На этих землях прочно укоренились традиции классического рабства античной эпохи. Зависимые только от государства общины свободных крестьян, ветеранов, федератов были особенно многочисленны в приграничных областях. Значительную часть земель занимали большие (хотя и не настолько, как на Западе) поместья знати. Обрабатывались они трудом рабов и колонов. Впрочем, в Восточной Империи рабы, как правило, помещались на землю и наделялись большими, чем на Западе, правами.

Однако это, конечно, не делало социальную ситуацию безоблачной. Большая масса рабов, в основном иноплеменников, была резервом для любого внешнего вторжения. Обездоленные слои населения, преимущественно неграждане — рабы и колоны — восставали против угнетения. Ярким примером этого на Балканах явилось движение скамаров. Отряды скамаров, объединившись в Иллирике под главенством гепида Мунда, опираясь на союз с остроготами, создали там к началу VI в. собственное королевство. Восстановить здесь власть Империи оказалось трудно, а прежний социальный строй — вовсе невозможно.

Восставали против налогового бремени и государственных повинностей и свободные. Наиболее грозной была нараставшая оппозиция масс свободного, в том числе зажиточного населения в крупных городах, где организующей силой выступали димы — структуры полисного самоуправления.

Социальная и политическая борьба внутри свободного населения, как и на Западе, переплеталась с религиозной и этнической. Арианство на Востоке было фактически целиком разгромлено. «Варварская» арианская партия не проявляла себя после убийства временщика Аспара, алана-арианина, в 471 г. по приказу Зинона. Но на смену арианской шла другая церковная смута.

На Эфесском соборе 431 г. было осуждено учение константинопольского патриарха Нестория, утверждавшего раздельное происхождение человеческой и божественной природ во Христе и

https://RodnoVery.ru

именовавшего Деву Марию «человекородицей». На этом, однако, христологические споры не кончились. Константинопольская богословская школа полагала дискуссию завершенной, тогда как александрийцы настаивали на более радикальном осуждении «несторианствующих». В конце концов, сформировалось несколько оттенков учения, которое получило название монофизитства (одноестественничества). Оно утверждало не соединение, а полное слияние человеческого и божественного во Христе. Своих противников, толковавших эфесскую формулу более умеренно, «монофизиты» обвиняли в «четверении Троицы» и внесении «новшеств». Вопрос обрел крайнюю остроту и вылился в догматический спор. На втором Эфесском соборе 449 г. монофизиты взяли верх. Но в 451 г. в Халкидоне они потерпели полное поражение.

Вопрос, однако, не был закрыт, перейдя в этнополитическую плоскость. В Александрии и Антиохии многие восприняли победу «диофизитов» как торжество греков над сирийцами и коптами. Произошел церковный раскол, за сирийские и египетские епископские кафедры развернулась ожесточенная борьба с участием властей. Диофизитская Церковь позже получила на востоке Империи прозвище «мелькитской» (царской). А монофизитство стало религиозным знаменем для армянского, сирийского и копто-египетского сепаратизма. В греческих городах с религиозной борьбой переплеталась социально-политическая. К началу VI в. димы объединяются в т. н. «цирковые партии», именовавшиеся по цветам лент своих колесниц на ипподроме. Самыми влиятельными становятся партии венетов («голубых») и прасинов («зеленых»). Обычно считается, что венетами верховодили представители сенатской знати, а прасинами — торговые круги. Многие прасины исповедовали монофизитство, тогда как венеты были ревностными поборниками православия. Обе стороны имели вооруженные отряды, регулярно дестабилизировавшие обстановку в городах и в Империи в целом.

Императоры занимали различную позицию в религиозно-политических спорах. Зинон, сперва столкнувшись с вооруженной оппозицией в Сирии, затем в интересах политической стабильности поддержал монофизитов. Это поставило столичную церковь на грань полного раскола. Анастасий (491–518) еще последовательнее продолжал политику Зинона, что способствовало его популярности в Сирии и Египте. Это было особенно важно в условиях возобновившихся войн с персами. Однако долго копившееся недовольство на Балканах вылилось в 512 г. в мятеж под предводительством Виталиана. Со вступлением на престол Юстина происходит решительный поворот в сторону поддержки

https://RodnoVery.ru

ортодоксии.

Несмотря на кризисные явления, границы в основном устояли на протяжении V в. Успехам в Европе, где императорам преимущественно удавалось оружием и дипломатией отводить «варваров» от своих рубежей, способствовала тогда мирная передышка на востоке. Также находившаяся в состоянии кризиса Сасанидская Персидская (Иранская) держава с 422 г. поддерживала мир с Империей. Персам традиционно внушали опасения проромейские симпатии христианского населения подвластной им части Закавказья. Лишь в 502 г., подавив здесь несколько восстаний и укрепив свое владычество, Иран почувствовал себя в силах возобновить борьбу с ромеями. И вскоре за этим последовал кризис на дунайской границе Империи. Пришла в движение до тех пор стабильная часть «варварского» мира.

Северная и Восточная Европа осталась сперва в стороне от Переселения Народов. Сведения оттуда в ту пору скудны и отрывочны, в значительной степени они восполняются из средневековой устной традиции. В Скандинавии и на прилегающих островах в это время складываются военно-иерархические «королевства» с наследственной властью. Это «королевства» датских Скъельдунгов на юге современной Швеции, на Зеландских островах и в северной Ютландии, свейских Скильвингов и Инглингов в Швеции с центром в Упсале, гаутских Хредлингов западнее, в Ёталанде, и другие. Северогерманские племена, в отличие от южных соседей, тогда не стремились к ограблению или тем более захвату богатых земель Западной Империи. Их больше привлекали плавания на восток, в прибалтийские земли. С V в. такого рода набеги становятся все интенсивнее. В конце V в. был совершен поход на восток датского конунга («короля») Фроди, кратковременного гегемона Скандинавии. Он, как и прочие деяния Фроди, оставил глубокий, хотя и совершенно легендарный, след в скандинавском эпосе.[7]

В Восточной Европе противниками скандинавов становились прибалтийско-финские и балтские племена. К V–VI вв. относится формирование основных племенных союзов, известных в более позднее время. Балты (эстии, позже скандинавы перенесли это название на предков эстонцев) изредка упоминаются в письменных источниках.[8] Пределы расселения балтийских племен еще далеко не ограничивались Латвией, Литвой и Пруссией. В то время они занимали обширные области, до Среднего Днепра на юге и до верховий Оки на востоке, где позже упоминается балтское племя галиндов (голядь). Среди прибалтийско-

https://RodnoVery.ru

финских племен, по поздним преданиям, как наиболее сильное можно выделить воинственное объединение «чудей» (шуддэ, чудь, сисси), занимавшее территорию от Северной Двины до Чудского озера. Самоназвание его сейчас отражается в имени небольшой этнографической группы сету в Псковской области.

Балтийские и прибалтийско-финские племена находились на стадии позднего племенного строя. Уровень развития финских племен был немного архаичнее. У балтов уже начали складываться раннегосударственные или протогосударственные объединения. Они развивали даже некоторую дипломатическую активность (посольство эстиев к Теодориху).

Области к югу и западу от расселения балтов оказываются в начале VI в. занятыми славянскими племенами. Это явилось итогом длительных этнообразующих процессов на этих землях в предшествующий период.

Природные условия и методы хозяйствования

Значительную часть территории, заселенной в VI–VIII вв. славянами, занимают две прилегающие друг к другу равнины — Восточноевропейская и Среднеевропейская. Наиболее обширна Восточноевропейская равнина, занимающая большую часть Восточной Европы. Она прорезана значительными водными артериями. Среди них Днестр, Южный Буг, Днепр с притоками Десной и Припятью, Дон с Северским Донцом, Волга с Окой, Неман, Западная Двина, Волхов — Ильменское озеро — Ловать.

Около трети Восточноевропейской равнины — на юге ее и на юго-востоке в приволжских областях — занимают степи, к северу сменяющиеся лесостепью. Это низменная область, характеризующаяся более сухим климатом. В лесостепи земля несколько поднимается к Приднепровской и Подольской возвышенностям, возрастает влажность. На севере лесостепи и в лесной полосе, занимающей большую часть равнины, климат умеренный. Немалую часть равнины (высота на площади до 200 м над уровнем моря) занимают возвышенности. Это, прежде всего, уже упомянутые Подольская (высочайшая точка 471 м) и Приднепровская (322 м). К ним примыкает Волынская. Далее — Среднерусская между Десной, Доном и Окой (293 м), Смоленско-Московская к северо-западу от нее (319 м), Валдайская в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины (343 м). В раннем средневековье (да и позднее) они были в основном покрыты лесами.

https://RodnoVery.ru

С другой стороны, имелись и низменные, заболоченные области. Прежде всего, это Полесье, охватывающее обширную территорию в бассейне Припяти, Верхнего и отчасти Среднего Днепра. На севере, в долине притока Днепра Березины и верховьях Западной Двины, Полесье смыкается с другим заболоченным пространством — по берегам водной системы Ловати — Ильменя — Волхова. За Ильменем болотистая низменность раздается вширь и охватывает уже весь лесной «озерный край», тянущийся от Чудского и Псковского озер на восток и на север. Здесь расположены крупнейшие озера равнины — Чудское, вливающееся в него Псковское, Ладожское, Онежское, Белое. К северу от Ладожского и Онежского простирается обширная зона карело-финских озер. Еще одна заболоченная низменность — Мещерская низина на Средней Оке.

На северо-западе равнину прорезает Балтийская гряда, образуемая мореной ледникового происхождения. В районе Вильнюса и северо-западных областях Белоруссии, то есть между истоками Немана, его притока Вилии и Березины, гряда разрастается в довольно обширную холмистую возвышенность (до 345 м над уровнем моря). Эти возвышенные места также поросли лесом. Климат здесь влажнее, чем на основной территории равнины. Балтийская гряда тянется вдоль побережья Балтийского моря через древнюю Пруссию и Поморье на запад вплоть до Эльбы (Лабы). Здесь высочайшая точка расположена близ низовьев Вислы (329 м).

Река Ловать. Современный вид

https://RodnoVery.ru

К югу и частично к западу от Балтийской гряды простирается Среднеевропейская равнина, на востоке смыкающаяся с Восточноевропейской в районе Полесья. На юго-востоке она ограничена возвышенностью, продолжающей Волыно-Подольскую и переходящей в предгорья Карпат. Климат Среднеевропейской равнины на рассматриваемой территории близок к лесной полосе Восточной Европы. Основные водные артерии здесь с запада на восток — Эльба (Лаба), Одра (Одер), Висла с притоком Западным Бугом. Крупных озер нет. Низменный участок с болотами и относительно большими озерами располагался на землях древней Пруссии, в долине Нарева, северного притока Западного Буга.

К югу от Среднеевропейской равнины и юго-западу от Восточноевропейской простерлась единая горная система Европы, состоящая из нескольких связанных массивов. Ближайший к равнинам крупный горный массив — Карпатские горы, к которым непосредственно примыкают возвышенности (Волынская, Подольская и др.), образуя единое целое. Горы в верховьях Эльбы и Одры образуют ряд связанных между собой хребтов и возвышенностей (Судеты, Рудные горы и др.), занимающие территорию современной Чехии и значительную часть Германии. На юге, за Дунаем, прорезающим всю горную «полосу» Европы, эти возвышенности переходят в Альпийские горы. На востоке Судеты смыкаются с Карпатским хребтом. Альпы — высочайшие горы Европы. Но самых высокогорных областей славяне не заселяли. Зато им было суждено расселиться в прикарпатских областях. Высочайшая точка Карпат — гора Герлаховски-Штит (2655 м) недалеко от истоков Вислы, следующая по высоте — Молдовяну (2543 м) над Олтом, притоком Дуная, в современной Румынии. Отсюда можно видеть, что рельеф Карпат значительно отличался от знакомого жителям Центральной и Восточной Европы.

С другой стороны, в долине Дуная, при слиянии с крупнейшими его притоками образуются две обширные низменности со степным климатом — Нижнедунайская и Среднедунайская. Первая занимает практически все нижнее течение Дуная, включая приморские области к югу от его дельты (Добруджа), низовья северных притоков — Олта, Сирета, Прута и др. На востоке она переходит в степи Восточной Европы. Среднедунайская низменность охватывает долину притока Дуная Тисы, междуречье Тисы и Дуная, Дуная и другого, южного притока — Савы, значительную часть долины Савы. Перед низменностью, стекая с относительно возвышенной местности, сам Дунай, тем не менее, течет по низменной пойме. В этом

https://RodnoVery.ru

районе (древней Паннонии), под изгибом великой европейской реки, расположено озеро Балатон, откуда берет начало один из ее притоков, нынешний Шио.

Обе названные низменности ограничены с юга Балканскими горами. Эта горная система, включающая несколько высоких кряжей и массивов, занимает большую часть Балканского полуострова к югу от Дуная, исключая некоторые приморские области. Через древнюю Фракию тянулся Гемский горный кряж (ныне Стара-Планина), горы которого достигали высоты в 2376 м над уровнем моря. Но высочайшей точкой Балкан является гора Мувала в Родопах, к югу от Гема — 2925 м. Ей несколько уступает Олимп в Фессалии, священная гора древних эллинов — 2917 м. Балканские горы в древности были покрыты многочисленными лесами, отчасти расчищенными за годы существования античной цивилизации, но все еще сохранившимися.

На описанной территории к началу средневековья утвердилось несколько близких между собой, ориентированных на обе главные отрасли производящего хозяйства, типов производства. В лесостепной полосе Восточной Европы господствовало переложное земледелие. Большое значение имело также скотоводство, чуть меньшее — добывающие промыслы (охота и рыболовство).

В прилегающих к лесостепи районах лесной полосы перелог соседствовал с подсекой. Дальше же на север подсечно-огневая форма земледелия, безусловно, доминировала. Здесь также было распространено скотоводство. Гораздо большее значение, чем на юге, имели охота и рыбная ловля. Постепенно широко распространилось бортничество.

В горных областях, на прилегающих к ним низменностях и холмистых возвышенностях хозяйство имело несколько иной облик. За время существования античной цивилизации террасное и долинное земледелие, садоводство, виноградарство достигли значительной степени развития. Но далеко не все их достижения были восприняты соседними «варварами». Германцы, славяне, остатки дако-фракийцев предпочитали простейшие формы земледелия на речных террасах и горное отгонное скотоводство. Болгары в степях Нижнего Подунавья занимались в основном кочевым скотоводством. Только к югу от Дуная к началу средневековья господствовала античная агрикультура, хотя и понесшая ущерб в результате смут того времени.

V–VII вв. для Европы — время усреднения климата, когда климатические условия во влажных и засушливых зонах сближаются. С VIII в. началось (впрочем, с северо-запада материка) общее потепление.[9]

https://RodnoVery.ru

Положительный его эффект для Восточной и Центральной Европы был еще впереди. Но умеренные климатические условия способствовали развитию здесь земледельческого хозяйства уже в VI–VIII вв.

Проблемы славянского этногенеза

Распад древнеевропейской языковой общности и выделение из нее балто-славянского (или протославянского) языка относится еще к первой половине II тысячелетия до нашей эры. Однако вычленение собственно праславянского языка большинство лингвистов относит только к VII–VI вв. до н. э.[10] Обособление праславян как этнографического (археологического) целого связывают чаще всего с возникшими в V в. до н. э. на территории современной Польши подклешевой и поморской культурами.[11] Это не исключает отстаиваемой рядом археологов концепции автономного развития праславянских элементов на востоке, в рамках зарубинецкой балто-славянской культуры. Вообще, со II в. до н. э. праславяне внедряются в несколько разноплеменных культур, не составляя бесспорного этнографического целого. Это пшеворская культура на западе, зарубинецкая, позже черняховская (вобравшая и пшеворский элемент) культуры на востоке. Это затрудняет изучение их ранней истории.[12]

В письменных источниках с начала христианской эры появляются отдельные упоминания праславян. В основном это сведения из географических описаний («Естественная история» Плиния Старшего, «Германия» Тацита, «География» Птолемея, «певтингерова таблица»). Римский император Волусиан (251–253) за поход в Дакию получил титул «Венедский». Праславяне фигурируют в этих упоминаниях как «венеды». Это этноним итало-иллирийского происхождения; древние венеты (венеды) были близким иллирийцам племенем на северо-востоке Италии, в районе нынешней Венеции. Появление этого этнонима в Центральной Европе можно увязать с отмечаемой лингвистами[13] италийской миграцией, повлиявшей на оформление праславянского языка. В пользу тождества венедов и праславян свидетельствует, во-первых, прямое указание Иордана на происхождение славян и антов от венедов. Во-вторых, славяне именуются вендами или виндами в германских, вэнэ (vänä) — в прибалтийско-финских языках (ср. еще имя или эпитет готского короля Винитарий).[14] Венеды, покоренные, по Иордану, в IV в. Германарихом, могут быть соотнесены с какой-то частью пшеворского населения.

https://RodnoVery.ru

У Птолемея среди соседей венедов появляются уже и собственно славяне (словене — древнейший праславянский этноним со значением ‘говорящие’) — ставаны. Они локализуются вместе с балтами (галиндами и судинами) к юго-востоку от венедов и к северу от аланов,[15] на территориях, занятых тогда пшеворскими и позднезарубинецкими памятниками. Другой впоследствии славянский этноним, упоминаемый Птолемеем, — вельты (велеты) к востоку от венетов в Поморье.[16]

При описании событий IV в., приведших к падению готского «королевства» Германариха, Иордан приводит сказание о войне готов с племенем антов, которое выше относит наряду со славянами к потомкам венедов.[17] О родстве и одноязычии антов и славян в VI в. говорит и Прокопий Кесарийский.[18]

Анты активно действуют на европейской сцене в VI — начале VII в., о чем пойдет речь далее. Для периода же их борьбы с готами прямых известий нет, кроме указанного свидетельства Иордана. Следы тех же сказаний обнаруживаются в германских языках (древневерхненемецком, англосаксонском), где имя антов стало обозначать мифических великанов.[19] Позднейшие анты соотносятся с пеньковской культурой на юге Восточноевропейской равнины, генетически связанной с черняховской. Черняховскую культуру, по меньшей мере, в какой-то ее части, нужно связывать с антами готских преданий.

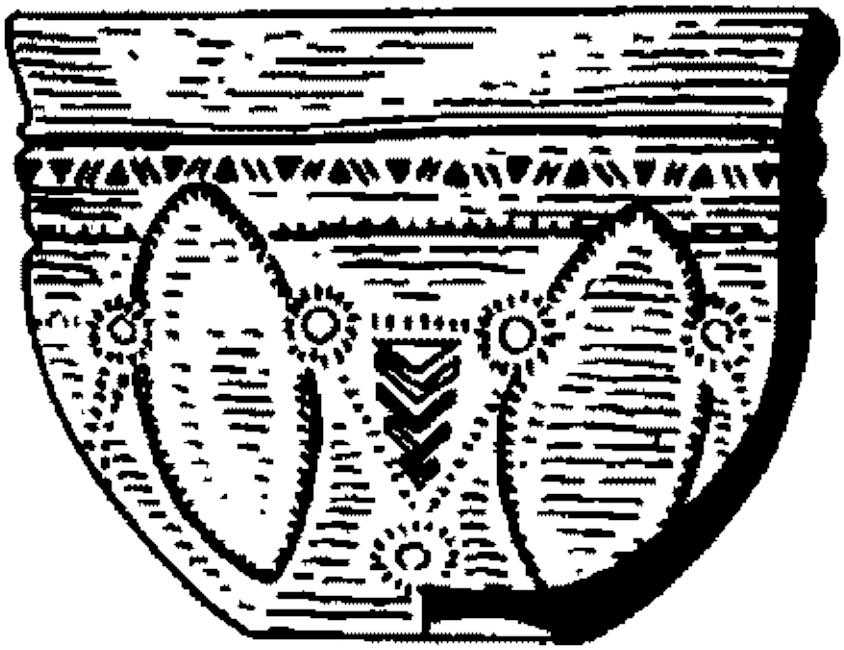
Были ли анты преданий, использовавшихся Иорданом, праславянами? Этноним «анты» неславянский. Он связан с древнесарматской языковой средой и переводится «окраинные» или даже «внешние», «чужие».[20] Так вполне могли именоваться и осевшие в иноязычной среде аланские племена черняховской культуры, и сами племена, составлявшие эту среду.

С рассказом Иордана о падении остроготского королевства можно сопоставить свидетельства современника событий Аммиана Марцеллина. Согласно Иордану, гунны после смерти Германариха уничтожили его королевство. Остроготы были покорены гуннами, везеготы же отделились от них. Правителем остроготов стал Амал Винитарий, внучатый племянник Германариха. Освобождаясь от власти гуннов, он сперва выступил против антов, после переменчивой войны разгромил их, распяв короля Боза с сыновьями и 70 знатными людьми. Баламбер, король гуннов, заключил союз с частью готов, выступил против Винитария и после двух неудачных битв на реке Эрак разбил его. Винитарий погиб, остроготы подчинились гуннам. Власть над остроготами перешла к сыну Германариха Гунимунду. Судьба Вандалария, сына Винитария, не проясняется; много позже (в

https://RodnoVery.ru

начале V в.) подчиненных гуннам остроготов возглавлял его сын Валамер. [21]

По Аммиану Марцеллину, королевство гревтунгов (остроготов Иордана), управляемое Эрменрихом, было уничтожено гуннами при содействии покоренных ими силой аланов-танаитов (то есть донских), соседних с гревтунгами. Королем гревтунгов был избран Витимир, который, подкупив часть гуннов, вступил в войну, прежде всего, с аланами, и эта война сперва была для него довольно успешна. Однако, в конце концов, потерпев ряд поражений от гуннов и аланов, он пал в бою. Власть получил его малолетний сын Витерих при регентстве Алафея и Сафрака. Последние увели гревтунгов в пределы Империи, вслед за тервингами короля Атанариха.[22]



Кубок. Черняховская культура

Очевиден ряд общих моментов, причем мы должны учитывать естественное преувеличение готских успехов в готском эпосе. После гибели Германариха готов возглавил новый правитель Витимир (или Винитарий), вступивший в борьбу с гуннами (короля Баламбера) и их союзниками, но погибший в бою. При этом произошло разделение остроготов (гревтунгов) на сторонников его и Гунимунда, союзника гуннов, отмеченное Иорданом. Сторонники Витимира или какая-то их часть под предводительством Алафея и Сафрака ушли вслед за везеготами

https://RodnoVery.ru

(тервингами) Атанариха в Империю. Король этой части гревтунгов — Витерих, сын Витимира, тождествен Вандаларию Иордана. Королем подчинившихся гуннам готов (остроготов) стал Гунимунд, не упомянутый у Аммиана Марцеллина.

Здесь очевидным становится тождество «аланов» (танаитов?), с которыми воевал Витимир, с антами, против которых в первую очередь обратился желающий свергнуть готское иго Винитарий. Само по себе это не свидетельствует об этнической принадлежности. Сам Аммиан Марцеллин отмечает, что в период своей гегемонии аланы распространили свое имя на множество союзных племен разного происхождения. Это возвращает нас к вопросу о характере черняховской культуры. Она сочетает алано-сарматский, германский, дакийский, «балто-славянский» и праславянский (в контактной зоне с пшеворской культурой на Волыни и в Полесье) этнические элементы.[23] Исключая германцев-готов, именно это смешанное население от левых, северских притоков Днепра до Олта, верховий Днестра и Западного Буга и есть анты Иордана. Судя по известию Аммиана о соседстве танаитов с готами, в политическом смысле эта обширная территория должна была делиться между теми и другими. С другой стороны, часть аланов-танаитов и могла составить основу черняховской культуры. Антов IV в. надо тогда рассматривать как западную «внешнюю» часть танаитского объединения, включавшую разноплеменные компоненты. Стоит добавить еще, что имя короля антов (Боз) неславянское. [24]

Железный топор. Черняховская культура

https://RodnoVery.ru

Окончательное превращение антов в славянский этнос, как и складывание этноса собственно славян (словен), происходит в течение V в. Однако история праславян началась, как мы видели, с гораздо более раннего времени. Если и можно полагать V столетие началом собственно славянской истории, то лишь условно. Прошлое славян насчитывало к тому времени не одно тысячелетие.

Общественный строй

О социальном устройстве праславянского общества к началу V в. судить трудно. Единственным реальным источником для нас являются данные языка, позволяющие выделить древние общеславянские термины, обозначающие социальные реалии, и ранние заимствования социальной терминологии из других языков. Данные этнографии отражают, естественно, реальность гораздо более позднего периода. К древности они могут применяться лишь в сопоставлении с археологическим материалом. Последний же из-за полиэтничного характера культур IV в. имеет для изучения социального строя праславян вспомогательное значение.

Тем не менее, сопоставляя данные археологии и языка, можно сделать некоторые общие выводы о характере славянского общества. Славяне жили в условиях племенного строя. Основной ячейкой общества была община, в основе устройства которой лежало представление о кровном родстве. Однако уже существовала община, основанная на взаимном соглашении (а не на родстве) — мир.[25] Она могла включать как одно поселение, так и несколько. В последнем случае община сближалась по характеру с племенем.

Господствующим в славянском словоупотреблении применительно и к племени, и к общине было слово «род». Сосуществование терминов «род» и «мир» находит параллели в двух основных способах именования славянских племен — по территории (например, «поляне») и по происхождению (например, «кривичи»). Племя делилось на несколько формально кровнородственных объединений типа большесемейной или патронимической общины. Патронимическое объединение, образовавшееся на базе разросшейся большой семьи и связанное хозяйственной взаимопомощью, именовалось «дворищем».[26]

Праславяне жили на неукрепленных поселениях деревенского типа (веси, села). Строили они и укрепленные «грады», становившиеся

https://RodnoVery.ru

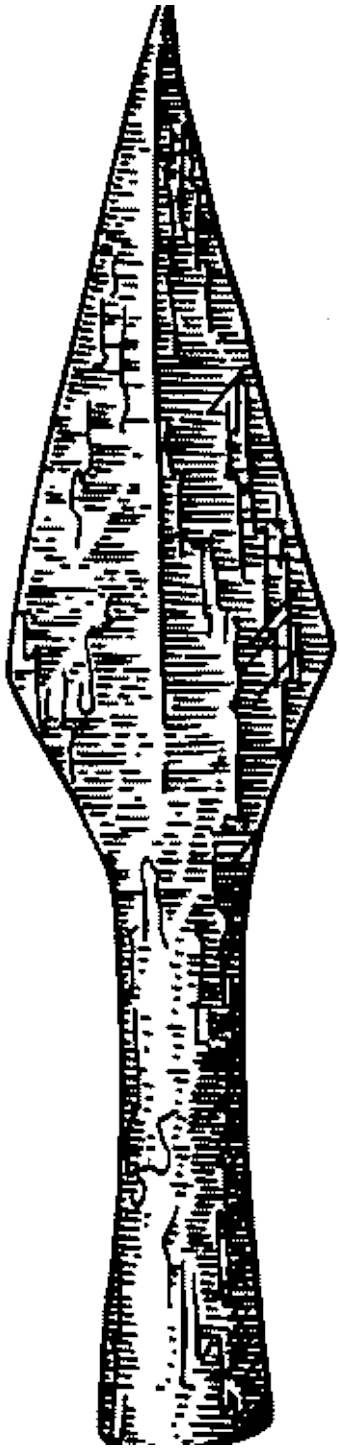
убежищем на случай опасности.

В обществе существовало социальное неравенство. С древнейших времен было известно патриархальное рабство (термин «раб» индоевропейского происхождения); рабами становились пленники. С другой стороны, выделилась родоплеменная знать (господа, паны). Основным богатством ее был скот (с чем связано значение заимствованного в древности у скифов термина *gъpanъ ‘пан, господин’[27]). Значительную роль в обществе играло жречество.

Своеобразную племенную «администрацию» представляли собой биричи. Это были лица, ведавшие сбором на сакральные нужды, биром, и жившие за его счет. Постепенно их функции расширяются, они теснее смыкаются с властью сакрального вождя. Судопроизводство осуществлялось самими общинниками на основе обычного права. Самыми суровыми наказаниями были выдача на расправу потерпевшей стороне и изгнание из рода. Высшая власть в общине и племени на том этапе, несомненно, в значительной степени находилась в руках веча — народного собрания. Если проводить аналогию с позднейшими сельскими сходами, можно предположить, что древнее славянское вече включало глав семей (почти исключительно старших мужчин). Молодежь была лишена права голоса (скорее всего, и совещательного) — отсюда слово «отрок» ‘тот, кому запрещено говорить (в совете)’.

Во главе племени стоял вождь. Термин «вождь» древний исконно-славянский, но в рассматриваемый период уже не употреблялся непосредственно как титул. На смену ему пришли другие. Это титулы, обозначающие жреческую сакральную («владыка») и военную («воевода») власть и, наконец, заимствованный у западных германцев (в пшеворскую эпоху?) термин «князь».[28] Его германский прототип обозначал сперва выборного военного предводителя, славяне же восприняли его как титул правителя, наделенного сакральной властью, отчасти синоним для «владыки». Не исключены давние традиции соправительства сакрального «царя мира» и «царя войны» в славянском обществе.

https://RodnoVery.ru



Наконечник копья. Черняховская культура

На основе фольклорных данных можно заключить, что у славян значительную роль в ранней политической организации играли воинские братства. У индоевропейцев они были связаны с тотемным «волчьим» культом. С представлениями о сакральном могуществе членов подобных

https://RodnoVery.ru

союзов связаны общеиндоевропейские поверья о волках-оборотнях. В славянском фольклоре колдовские и оборотнические способности вкупе с отправлением тайных, опасных для непосвященных жестоких обрядов приписываются лесным воинским братствам бойников (позднейших збойников, разбойников). Насколько можно судить, в племенную эпоху такие воинские союзы сохраняли известную автономию от племенных структур, иногда даже противостоя им.[29] Известный южным и восточным славянам миф о князе-волкодлаке (оборотне) отражает приспособление воинских братств к власти вождей, к «официальным» племенным институтам. Подобные ситуации зафиксированы в этнографии применительно к другим народам на сходной стадии развития.[30]

Власть вождя над племенем или племенным объединением осуществлялась посредством гощенья — объезда вождем и его дружиной подвластных общин. С гощением связаны некоторые термины, касающиеся общинного устройства. Господин ‘гостеприимец’ — обозначение представителя местной знати, принимавшего у себя гощение. Погост — место приема гощенья, сакральный и административный центр общины или племени.

Отдельные племена постепенно объединялись в племенные союзы. Славянское название для таких объединений, промежуточных между «словенским языком» в целом и отдельными «родами», неизвестно. И это при том, что именно они, в первую очередь, и фигурируют в письменных источниках. Древнерусская летопись по политическому устройству именует их «княжениями»; возможно, что иного названия никогда и не было.

Такого рода союзом к концу праславянского периода являлось разноплеменное антское «королевство» Боза, занимавшее обширную территорию в готско-аланском пограничье. Как было отмечено выше, оно могло, в свою очередь, входить в объединение аланов-танаитов. Венеды (скорее всего, в пшеворском Повисленье), с которыми воевал Германарих, не были объединены в «королевство», хотя и осознаются как некое целое.

Культура и верования

О культуре праславян IV в. известно мало, хотя данных по материальной и духовной культуре пшеворского и черняховского населения достаточно много. Невозможно сказать с уверенностью, какие элементы

https://RodnoVery.ru

соответствующих археологических культур нужно связывать именно с праславянами.

Славянская культура V–VII вв. сложилась в обстановке различных внешних воздействий. На нее оказали несомненное влияние культуры соседних племен — балтских, скифо-сарматских, дакийских, германских, отчасти гунно-болгарских. Имело место и некоторое воздействие античной цивилизации. Следы всех этих влияний в той или иной степени ощущаются и в археологическом материале «пражской» эпохи, и в общеславянском языке.

Амулет-топорик. Черняховская культура

Некоторые элементы общеславянской культуры позднейшего периода, несомненно, восходят к праславянской эпохе. Это касается, в частности, изобразительного искусства (например, формы орнамента). Отдельные такие элементы не могут быть прослежены археологически (деревянные изображения божеств «столбового» типа, устойчивые общеславянские

https://RodnoVery.ru

сюжеты художественной вышивки). Ясно, что, как у большинства «варварских» племен, искусство несло сакральную, отчасти игровую функцию.

К древнейшей эпохе, без сомнения, относится первоначальная жанровая дифференциация фольклора. К числу древнейших фольклорных жанров относятся обрядовая поэзия, заклинания, образный фольклор (пословицы, поговорки, загадки). С мифом, преданием и быличкой был тесно связан древнейший песенно-прозаический «былевой» эпос. Очевидно, что существовал и рассказ менее «достоверный», прообраз позднейшей сказки. К раннему периоду современная фольклористика обычно относит выделение животной сказки.

Письменности в собственном смысле слова у древнейших славян не было; согласно Храбру Черноризцу, до знакомства с иноземными алфавитами они пользовались «чертами и резами».[31] Эти знаки использовались и для передачи информации, и для гадания. Аналог «чертам» — линейные знаки на позднейших деревенских счетных бирках. «Резы» могут быть сопоставлены с условными значками резных календарей, доживших в сельской среде до нового времени. Те же условные значки могли использоваться и как подписи.[32] Они представляли собой тип «рисуночного письма», пиктографии. Ближайшим аналогом позднему этнографическому материалу оказываются нанесенные на ритуальные сосуды календари черняховской эпохи.[33] Таким образом, этот способ сохранения информации сложился уже в праславянскую эпоху.

Достаточно хорошо можно представить религиозно-мифологические представления праславян. В значительной степени они восходили к балто-славянской и далее — индоевропейской эпохе.[34]

Возглавлял пантеон Небесный Отец, олицетворение неба и небесного света (балтский Диевас, славянский Див). Позднее у праславян происходит деградация этого образа. Ее можно связать с иранским влиянием.[35] Древнеиранские дэвы, или дайвы, аланские дауаги считались младшим поколением богов. Славянское имя «Див» переносится, соответственно, на персонажей низших мифологических уровней. Функции верховного божества на какое-то время унаследовал Род, воплощавший идею родовой организации общества. Древнерусское «Слово о том, как поганые поклонялись идолам» говорит о почитании Рода и рожаниц «прежде» верховного бога Перуна.[36]

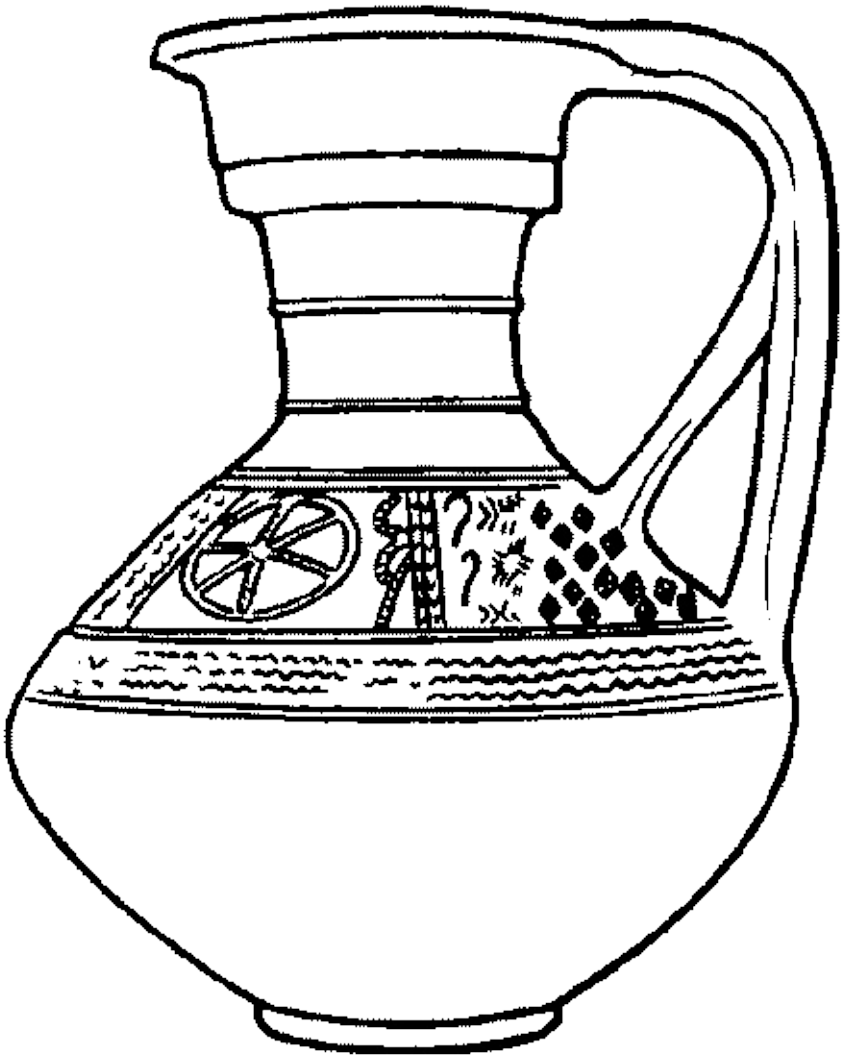
Супругой небесного бога, прародительницей богов и людей, считалась Земля-Мать (славянская Мать Сыра Земля, балтская Жемина). Она

https://RodnoVery.ru

занимала подчас центральное место в пантеоне, будучи тесно связана с земледельческими обрядами. Со временем, еще у балтославян, ее супругом начинает считаться не Див-Диевас, а постепенно вытеснявший его в качестве верховного бога громовержец. Балтскому Перкунасу или Дундулису соответствует славянский Перун или Додол, Дундер. Это бог-воитель, покровитель воинов и племенных вождей, постепенно усиливавших свою власть.

Перун находился в центре нескольких восстанавливаемых современными исследователями[37] мифов. Это миф о наказанной неверной жене громовержца (балтская Маря, славянская Мара), миф о «небесной свадьбе», где громовержец карал Месяц за супружескую измену Солнцу. Мотивы запирания вод, похищения скота, позже — жены громовержца являлись завязкой «основного мифа» о битве громовержца со змееобразным врагом (славянский Велес, Волос, балтский Велс, Велняс). Последний пользовался религиозным почитанием как владыка подземного мира, покровитель колдовского знания и даритель богатств.

https://RodnoVery.ru



Черняховский календарь на сосуде

Культ Велеса у большинства праславян вначале преобладал над культом Перуна. Повсюду на северной славянской периферии «велесическая» традиция удерживалась долго. У балтов как будто преобладает культ Перконса, но и почитание Велса сильно развито. Германская же, например, религия однозначно «одиническая». Один (Валль) — близкое соответствие Велеса-Велса. Почитание могущественного владыки загробного мира и создателя потаенного «ведения» в качестве «Всеотца» известно не только германцам, но и кельтам. Это, таким образом, древнеевропейское представление. При общей амбивалентности богов оно не противоречило культу громовержца, а у славян и позднее сохранялось лучше, чем у балтов.

К древнейшим небесным божествам относятся воплощения

https://RodnoVery.ru

атмосферных явлений, Солнца (сперва в женском, затем у славян в мужском облике), Месяца. Воплощение утренней зари (балтский Усиньш, славянский Усень?) затем преобразилось в близнечный образ «детей Солнца». К древнейшему кругу мифических персонажей принадлежит также воплощенный Огонь. «Дочь Солнца» сменяет древнюю солнечную богиню в качестве невесты Месяца из мифа о «небесной свадьбе».

Почиталась также масса духов природы, человеческого жилья и т. д. Существовали поверья об «огненных змеях» — колдовских существах, приносящих в дом богатство, но угрожающих жизни и здоровью человека. Сильно распространен был издревле культ животных (как диких, так и некоторых домашних). Существовало поклонение деревьям (береза, дуб) и природным объектам (источники, камни).

Уже в балто-славянский период оформилось в особый социальный слой жречество. Общее наименование его представителей производилось от глагола ved ‘знать’ — отсюда прусское waidelotte, славянские «ведун», «ведуница», «ведьма». В праславянском обществе выделялись собственно жрецы (значение слова связано с жертвоприношениями и ритуальной трапезой) и волхвы. Последним приписывались магическая премудрость и обладание особым, неясным для непосвященных «поэтическим» языком. Так и у кельтов имелось деление на друидов (отправителей культа и хранителей священного знания) и филидов (хранителей традиции поэтической речи, колдовских умений и эпических сказаний). Помимо собственно жречества в каждой общине имелись собственные заклинатели, знатоки обрядовых и иных традиций.

https://RodnoVery.ru

Часть 1

Глава первая. Словене и анты

Славяне и гуннская держава

Гуннское нашествие и последующий уход кочевой волны на запад имели опустошительные последствия для Восточной и значительной части Центральной Европы. Это особенно проявляется с первых десятилетий V в. Остатки черняховского населения сохраняются в V в. только в верховьях Днестра и Южного Буга, отчасти в Прутско-Днестровском междуречье и в Среднем Поднепровье. Здесь отмечено сближение черняховцев с балтской (или балто-славянской?) киевской культурой.[38] Остроготы, значительная часть антов и степных аланов уходят вместе с гуннами или под их натиском в Центральную Европу. Власть гуннской «державы» на востоке была непрочна. После ее распада, с середины V в., здесь прослеживается движение «киевских» племен на юг и юго-запад. Оно повлияло на формирование на месте черняховской культуры новой общности — пеньковской, связанной уже со славяноязычными антами VI–VII вв.[39]

Что касается пшеворской культуры, то она в начале V в. прекращает свое существование. На значительной части ее территории долго отсутствовало постоянное население, за вычетом небольших групп потомков пшеворцев, доживших до славянского расселения конца V — начала VI в. Крупнейшая, добродзеньская на юге Польши — скорее германская по происхождению. Часть населения ушла под натиском гуннов на север, где начала складываться особая культура славянского облика.

Какая-то часть пшеворцев и черняховцев переместилась вместе с гуннами в центральные области новосозданной державы Аттилы в Паннонии и Западной Дакии. Здесь известиями греческого историка V в. Приска, побывавшего у Аттилы с посольством из Империи, отмечено присутствие среди гуннов оседлого славяноязычного населения.[40] Судя по этим сведениям, можно говорить о довольно далеко зашедшем своеобразном симбиозе. Это явление отразилось и в германо-скандинавском эпосе, где гунно-славянский союз против германцев становится одним из общих мест. Может, однако, рисоваться и обратная

https://RodnoVery.ru

картина. В любом случае, славяноязычное земледельческое население явно занимало в государстве Аттилы подчиненное положение по сравнению с кочевниками — гуннами и аланами. Отличалось оно по своему статусу и от сохранявших в основном собственную политическую организацию германцев. Как и остатки романцев в Паннонии и Дакии, славяне в гуннской державе представляли собой особую социально-этническую группу кастового типа.

Именно в этих условиях происходит формирование собственно славян как особого этноса. Складывание нового славянского языка лингвисты относят к V столетию.[41] Носители этого языка, в число которых первоначально не входили ни оставшиеся в Восточной Европе анты, ни жители северных польских земель, называли себя старым этнонимом «словене» — ‘говорящие’. Применявшееся в зоне распространения пшеворской культуры для различения праславян от германцев (немцев ‘немых’), это название и теперь несло ту же функцию, отделяя славян и от тех же «немцев», и от иноязычных кочевников, и от местного романского населения.

В подтверждение гипотезы о формировании славянского в узком смысле («словенского») этноса VI в. в пределах центральных областей державы Аттилы можно указать на предание о дунайской прародине славян. Оно приводится в средневековых славянских памятниках — древнерусской «Повести временных лет» (начало XII в.), хрониках Богухвала (Польша, XIII в.) и Далимила (Чехия, XIV в.). Наибольшей цельностью и содержательностью отличается самая ранняя, древнерусская версия.[42]

Приведя ученое отождествление славян с придунайскими нориками, летописец Нестор повествует так: «По прошествии же многого времени [после библейского разделения языков] сели словене по Дунаю, где ныне Угорская земля и Болгарская. От тех словен разошлись по земле и прозвались именами своими… [далее перечисление племен, располагавшихся на территории Великой Моравии IX в.] Волохи ведь напали на словен на дунайских, и сели среди них, и чинили им насилие [далее описывается расселение славян на территории Польши и Руси]».[43] Западнославянские предания конкретизируют прародину на Среднем Дунае, в пределах тогдашнего Венгерского королевства (отождествлявшегося, заметим, в Средние века с древней державой Аттилы). Богухвал при этом говорит о «Паннонии», Далимил — о «Хорватии».

https://RodnoVery.ru

Пир Аттилы. Художник М. Тан

Здесь отразились исторические события первой половины — середины V в. Упоминание «волохов» — позднейшее наслоение, связанное с преданиями дунайских словен. Более раннюю (VIII в.) форму легенды дает «Армянская география», приписывающая захват исконных славянских земель «готам».[44] Сформировавшись как этнос в составе гуннской державы, славяне после смерти Аттилы отчасти разделили судьбу ее создателей. Заметим, что основные места поселения могли быть на севере, в нынешней Словакии (прешовская культура, в которой к V в. появляется праславянский элемент). Известно о войне восставших германских королей против сыновей Аттилы. В битве при Недао в 454 г. германцы нанесли поражение кочевникам и вытеснили их на восток. Часть гуннов осела близ низовьев Дуная, часть перешла на земли Империи.

Под давлением победителей славяне были принуждены уйти вслед за гуннами на Нижнедунайскую низменность, с востока которой и начинается тогда распространение славянской археологической культуры «пражского» типа. Происходит это с середины V в., в годы крушения гуннской державы. Гунно-славянский симбиоз в том или ином виде еще сохраняется. Но среди подданных сына Аттилы Динтцика, в 467 г. попытавшегося восстановить влияние гуннов в Среднем Подунавье, славяне или венеды, в отличие от германского племени ангискиров, не упомянуты.

Наиболее тесно связанная с гуннами часть славян тогда же последовала за теми из них, кто перешел на земли Империи. Здесь славяне

https://RodnoVery.ru

оставили о себе память в виде названий нескольких крепостей близ Наисса (ныне Ниш) и Пирота — опорных пунктов Империи на севере Иллирика. [45] Можно заключить, что эти крепости были изначально заняты славяно-гуннскими гарнизонами с преобладанием или под началом славян. Есть и археологические следы пребывания славян в этих областях до начала VI в. [46]

С середины V в. начинается расселение славян на север от Нижнего Подунавья вдоль линии Карпатских гор. Здесь жили племена культуры карпатских курганов, представлявшие собой подвергшееся лишь слабой романизации туземное дакийское население. Судя по материалам поселений на Буковине, славяне во второй половине V в. местами жили вместе с ними, отчасти взаимно ассимилируясь.[47] В этих восточнокарпатских областях и складывается пражская или пражско-корчакская культура, связанная со славянами (словенами) VI–VII вв.

С верховий Прута славяне, носители керамики «пражского» типа, расселяются в прилегающих областях бассейна Верхнего Днестра. Здесь еще жили черняховские племена. Некоторое время черняховцы, судя по археологическим данным, сосуществуют с пришельцами, даже в пределах одних поселений.[48] Другим местным субстратом являлись расселявшиеся на черняховских землях «киевские» племена.[49] В результате смешения этих трех элементов в течение середины — второй половины V в. формируется пеньковская (пражско-пеньковская) культура. Она надежно связывается со славяноязычными антами VI–VII вв.

Третья группа славяноязычного населения оформляется в результате ассимиляции праславянами германцев и балтов на севере — в Великой Польше между Вислой и Одером. Эта группа сохраняла еще этноним «венеды», прилагаемый к ее потомкам германцами и прибалтийскими финнами. Во всяком случае, Иордан, перелагающий Кассиодора, сообщает о трех этносах, произошедших от древних венедов — собственно венедах, словенах и антах.[50]

Из этих этнических групп только словене были носителями собственно общеславянского языка, сформировавшегося в V в. Анты и венеды, судя по имеющимся у нас отрывочным сведениям, говорили еще на диалектах праславянского. Однако из известий Прокопия и Иордана можно заключить, что все три племенных общности осознавали свое родство и единство языка. В целом с VI в. можно с уверенностью говорить о славянстве как этнической реальности.

После гуннского завоевания неизбежным было разрушение начатков

https://RodnoVery.ru

политической организации. В пределах центральных областей гуннской державы статус праславянских политических институтов, если они вообще сохранились, существенно снизился. Как равноправные союзники гуннов с собственными «королями» во главе славяне выступают только в памятниках позднейшего германского эпоса. Однако на периферии — в антских областях и тем более у независимых северных венедов — политическая организация должна была пострадать меньше.

В Дакии и Паннонии в условиях симбиоза с гуннами, несомненно, сохранилась какая-то часть славяноязычной знати, быстро восстановившая свои позиции после падения державы Аттилы. То же самое произошло и со знатью ряда уничтоженных гуннами германских королевств (например, бургундов). С другой стороны, очевидно, что именно представители славянской воинской знати в первую очередь последовали за недавними союзниками на службу Империи и осели в Иллирике.

Оформление известных в последующий период славянских племен и племенных объединений происходит начиная с конца V в. в условиях расселения славян в Восточной и Центральной Европе.

Первоначальное расселение словен

Первые письменные сведения о словенах восходят к концу V — началу VI в. В совокупности с археологическими материалами они позволяют очертить границы расселения славянских племен.

Особенно ценно свидетельство Иордана, опирающегося на полученную в начале VI в. информацию Кассиодора.[51] Согласно Иордану, венеты (в широком смысле) живут вдоль северного — восточного («левого») склона Карпат на восток от Верхней Вислы. В том числе словенам отводится территория «от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на севере до Висклы».[52] Днестр и Висла опознаются легко. Город Новиетун, по мнению большинства ученых, — римский Новиодун на Нижнем Дунае, в провинции Малая Скифия.[53] Это соответствует археологической карте, на которой пражско-корчакская территория длинным языком протягивается вдоль «левого» (восточного) склона Карпат до низовий Дуная.[54] Логика расселения словен — вдоль гор в северном и затем западном направлении.

Загадкой в этой связи остается «Мурсианское озеро» (у впадения Дравы в Дунай[55]). В этом районе нет столь давних следов пребывания

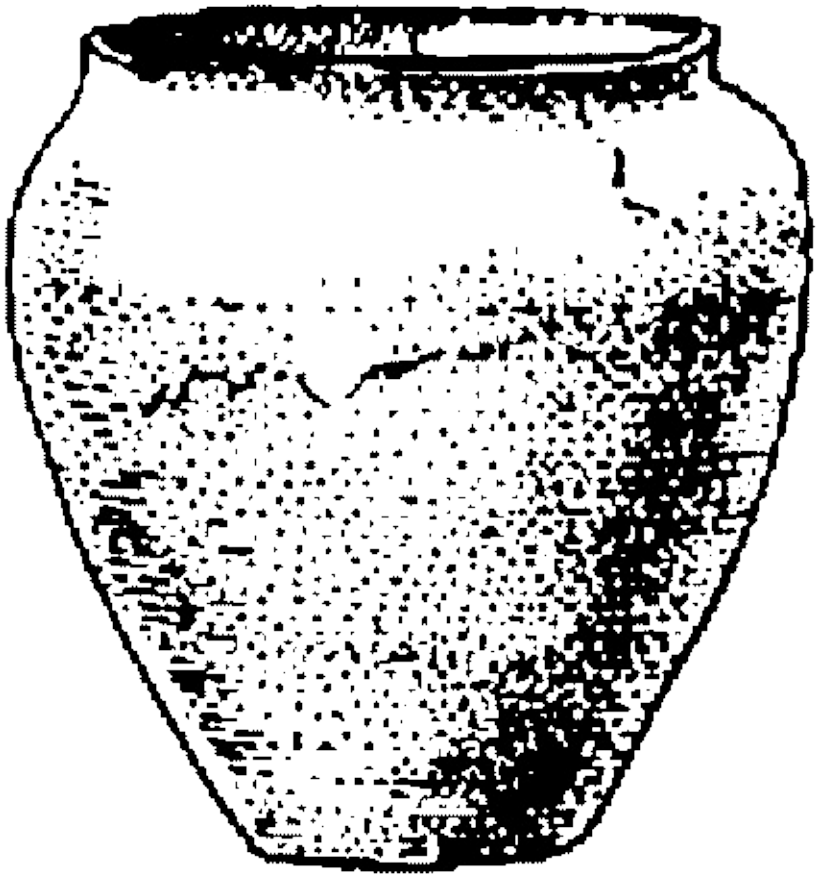
https://RodnoVery.ru

славян. Невозможно и предполагать какую-либо путаницу с нижнедунайскими областями. Наиболее вероятна следующая версия. Упоминание «Мурсианского озера» — исторический реликт, связанный с переходом в этом районе имперской границы группой славян, осевших во второй половине V в. в Иллирике, в округе Наисса. Возможно, кстати, у Кассиодора и шла речь об этом, а сокращавший предшественника Иордан неверно понял свой источник.

Более или менее надежно датируется V в. группа словенских памятников к востоку от Карпат — в Молдове (Костиш, Ботошаны), Буковине (Кодын, Гореча, Рашков и др.).[56] На большинстве этих памятников отмечено сосуществование славян с местным, отчасти романизированным, дакийским населением (прежде всего, культуры карпатских курганов).[57] В начале VI в. в связи или с ростом численности словенского населения, или уже с расселением антов из-за Днестра, этот процесс прервался.[58]

Из Буковины между верховьями Прута и Сирета расселение словен шло в последней четверти V в. двумя путями. Одна группа продолжила движение вдоль линии Карпатских гор, вскоре поворачивавших на запад, и достигла верховьев Вислы. Другая двигалась по изрезанной реками Подольской возвышенности на север, где словене вошли в первый контакт с антами. Миновав уже заселенные последними области Верхнего Поднестровья, словене по левым притокам Днестра вышли к Западному Бугу и осели по обоим его берегам. Иордан говорит о проживании словен в «лесах и болотах»[59] — следовательно, они уже достигли болотистых областей юго-западного Полесья и довольно прочно там обосновались. В верхнем течении Буга болота вплотную подступают к реке и отчасти переходят на левый, западный берег. Есть ряд указаний на то, что эти земли рано стали центром для дальнейших словенских миграций, так что упоминание Иорданом «болот» становится понятным. В описываемое время словене, судя по очерченным готским историком рубежам, уже заселяли междуречье Западного Буга и Вислы до впадения Сана и поворота Вислы на север — юго-западную часть Волыно-Подольских возвышенностей. На западе словенское расселение достигло истока Вислы у оконечности Карпатских гор.

https://RodnoVery.ru



Пражско-корчакский сосуд

О словенах к западу от верховий Вислы Иордан (Кассиодор?) ничего не знает, что, впрочем, само по себе ни о чем не говорит.[60] В политическом смысле эти земли действительно принадлежали еще германцам, а не словенам, хотя заселены были (особенно в северной части[61]) крайне редко. Пражско-корчакские находки, которые можно относить к V в., есть на поселениях (Иголомя, Хоруля, Страдув и др.) как в верховьях Вислы, так и на юге междуречья Вислы и Одры. В этих областях расселявшимся словенам встретилось родственное пшеворское население, немногочисленное и быстро ассимилированное.[62]

Стоит отметить, что пшеворцы, встреченные словенами, не обязательно сами относились к праславянскому этносу. В наиболее значительной позднепшеворской группе Южной Польши — добродзеньской — скорее всего, преобладали германцы. При этом праславянский элемент также имел место. На смешанных поселениях V в. пшеворцы жили в германских домах столбовой конструкции. Помимо

https://RodnoVery.ru

германцев, словене ассимилировали или вытеснили также гуннов, проникших на север в середине V в.[63]

Продолжая движение по возвышенности вдоль Карпат, словене неизбежно должны были свернуть к югу и оказаться в долине Моравы. Здесь, в моравском Подолье, также есть славянские памятники конца V в. (древнейший славянский могильник Пржитлуки и др.).[64] В этой области словене встретили немногочисленное германское и романское население, быстро смешавшееся с пришельцами или ушедшее за Дунай. Этот процесс иллюстрируется, в частности, находками в поздних слоях древнего поселения Злехов.[65] Война герулов с лангобардами и уход за Дунай большей части германцев Богемии (бойо-варов, будущих баваров) создавали благоприятные условия для движения словен на запад.

Как уже говорилось, в сочинении Иордана об этих передовых группах расселяющихся словен на рубежах Паннонии нет ни намека. Зато о них знал основывавшийся на герульском предании Прокопий Кесарийский. Согласно ему, после поражения 494 г. герулы разделились на две части. Одни ушли к гепидам, а затем (в 512 г., по другому источнику) за Дунай, в римский Иллирик. Другая часть отправилась на свою северную прародину. Не совсем ясно, когда именно между 494 и 512 гг. и где (скорее всего, уже в землях гепидов) произошло это разделение. Зато четко сказано, что по пути на север из Паннонии или Западной Дакии герулам в первую очередь довелось миновать области, населенные словенами.[66] Между землями словен и варнами (в Тюрингии или скорее в Саксонии), то есть к востоку от Эльбы и по средней Одре, Прокопий в полном соответствии с исторической истиной помещает «обширную пустынную землю».[67]

В ходе расселения происходило разделение словен на отдельные племена и племенные союзы. Кассиодор, перелагаемый Иорданом, говоря о славянах, оправдывался перед читателем: «Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами (Sclaueni) и антами».[68] Таким образом, латинский автор неплохо был осведомлен о славянских самоназваниях. Он знал об обеих моделях образования славянских этнонимов — по происхождению (на — ичи) и по месту жительства (на — ане, — яне и т. п.). Соответственно, обе эти модели уже существовали на рубеже V–VI вв. и использовались для обозначения отдельных славянских (и антских) племен. В то же время словене осознавали общность своего происхождения и использовали термин «словене» как общее самоназвание. Это подчеркивают и позднейшие славянские хронисты.[69]

https://RodnoVery.ru

Русская летопись выделяет в отдельное племенное объединение, прежде всего, дунайских словен (дунайцев) на будущей территории Болгарского царства, включавшей и Мунтению.[70] На раннем этапе «дунайцами» именовали себя словене, осевшие по нижнему Дунаю, в Мунтении, и к востоку от Карпат, в Молдове и Буковине.

Западный Буг стал естественной границей между двумя другими группами словенских племен. Одна осела на правобережье (будущая Волынь) и двигалась вдоль реки на север в направлении полесских болот. Другая осела на западном, левом берегу реки (будущая «Червонная Русь») и быстро сомкнулась с соплеменниками, расселявшимися вдоль Карпат по направлению к верхней Висле. С этим разделением следует связывать появление двух преданий о происхождении славян.

Одно предание, более ясное, сообщает арабский автор X в. ал-Масуди, располагавший сведениями восточнославянского происхождения. Согласно Масуди, «корнем из славянских корней» является племя волынян («валинана»), которому подчинялись все остальные славяне.[71] «Волыняне» — позднейшее (с первой половины X в.) название племенного союза бужан. Это же последнее происходит от реки Буг. В древности на земле волынян, по «Повести временных лет», жили дулебы.[72] Данные топонимики в сопоставлении с археологическими позволяют сделать вывод, что дулебами именовалось первоначально все словенское население восточнее Западного Буга.[73] Это нетрудно сопоставить с рассказом Масуди.

Дулебы — этноним западногерманского происхождения со значением ‘наследство умершего’.[74] Слово могло быть заимствовано праславянами в пшеворскую эпоху. На каком-то этапе оно было осознано применительно к людям (‘потомки, наследники одного предка’). Его восприняли затем как кальку древнейшего славянского слова *čedь ‘чадь, домочадцы, потомки одного рода’. Это понятие иногда употреблялось как самоназвание народа.[75] Таким образом, «дулебы» стало самоназванием славянских племен, осевших на правобережье Западного Буга. Бужане изначально являлись старшим племенем дулебской племенной общности. Позже они стали одним из входивших в нее племенных союзов. Славяне-дулебы, расселившиеся на восток от Волыни, связывали свое происхождение с бужанами (волынянами).

Баварский географ IX в. приводит другое предание о происхождении славян. Согласно его данным (несомненно, западнославянского происхождения), все славяне произошли из «королевства» (regnum)

https://RodnoVery.ru

Zerivani.[76] Оно завершает перечень племен Восточной Польши и прилегающих областей и всю первую часть сочинения. Убедительным является толкование этого названия как *čьrvjane и отождествление червян с жителями «Червонной Руси».[77] Позже, в IX–X вв. на этих примыкающих к Волыни с запада землях жили лендичи (лядичи) или лендзяне (лядзяне). От последней формы происходит венгерское название поляка — lenguel. Усеченный вариант этого же слова — «ляхи». Так издревле обозначали славян Польского королевства другие соседи — восточные славяне. Этноним восходит к практике подсечного земледелия и обозначает жителей местности, впервые расчищенной под пашню.[78]

Можно заключить, что второй центр словенского расселения образовался на противоположной бужано-дулебской стороне Западного Буга. Помещаемые здесь источниками племенные названия — червяне и лядичи / лядзяне. Они соотносятся так же, как названия бужан и дулебов. Разница в том, что местное имя бужан пережило на востоке общее имя дулебов. На западе же общим было как раз сохранявшееся дольше имя лядзян / лендзян (ляхов). На это указывает распространение слова «ляхи» как обозначения поляков в восточнославянских языках и венгерское lenguel. Кроме того, чешские значения lech ‘начальник, землевладелец, старейшина’ можно объяснить ляшским происхождением обитателей Чехо-Моравии. Объяснимы они и древними политическими связями (чешское lech ‘поляк’ заимствовано из древнерусского, как и в самом польском).

Племя червян на левобережье Западного Буга лидировало в племенной общности лендзян (ляхов). Позже имя «червяне» забылось, оставшись лишь в названиях города Червень и Червонной Руси. Западнославянские племена этой области именовались лендзянами или лендичами. В то же время в языках соседей сохранялся и расширительный смысл понятия «лендзяне» («ляхи»). Славяне-ляхи, расселившиеся на запад от Буга, считали своей прародиной древнюю землю червян.

Процесс расселения дулебов на восток от Буга относится в основном уже к VI в. Лендзяне же, двигаясь от Буга и вдоль Карпат, достигли, как мы видели, уже на рубеже V–VI вв. верховьев Вислы и местами перешли через нее, направляясь к Одре. Выделение из ляшской общности отдельных племен или племенных групп трудно проследить. Отчасти это связано с тем, что польские хронисты обратились к древнейшей истории страны только в XIII в., когда древние племенные названия забылись. Русская летопись называет только те ляшские племена, которые сохраняли значительную автономию в XI в. Тем не менее можно предположить, что в

https://RodnoVery.ru

первом десятилетии VI в. уже обособилось племя вислян на Верхней Висле. Название этого племенного объединения IX в. доказывает, что ляшские словене впервые достигли Вислы именно в этом районе. Так же ясно, что имя этой племенной группы возникло прежде, чем славяне продвинулись дальше на север.

В сложении племени, а затем племенной группы вислян приняли участие как славяне (включая «пшеворцев»), так и германцы, а возможно, и гунны. Археологически отмечено сравнительно плотное заселение района уже на рубеже веков.

Тогда же выделилась группа славян, осевшая на Мораве. Этноним «морава, мораване» связан с названием реки. Первоначально так называлась вся травянистая низменность моравского Подолья.[79] Мораване развивались отчасти автономно от племенного союза лендзян. Известие Кассиодора не позволяет считать территорией словен земли западнее Вислы — по крайней мере, в политическом смысле.

Итак, на рубеже V–VI вв. словене занимали уже обширную территорию. На юге, в Нижнем Подунавье, они вплотную подступали к рубежам Империи. Впрочем, перед ними еще были обширные незаселенные или редконаселенные пространства. Пустовали Полесье, южные области древней Дакии, территории современной Польши, Чехии (древней Богемии), Словакии, восточной Германии. В Паннонии и Западной Дакии располагались сильные королевства лангобардов и гепидов. Норик занимали подчинявшиеся остготам ругии и бавары. Восточными соседями словен были гунно-болгарские племена в Нижнем Подунавье и, прежде всего, — анты.

Первоначальное расселение антов

Антам рубежа V–VI вв. Кассиодор отводит территорию к востоку от словен, от Днестра до Днепра. При этом кажется, что южной границей их он полагает Черное море («там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра вплоть до Данапра»).[80] Это в целом соответствует распространению археологических памятников пеньковского (пражско-пеньковского) типа. В сочинении Кассиодора — Иордана говорится также, что анты «самые могущественные из них» (венедов),[81] то есть сильнее или многочисленнее словен. В конце V — начале VI в. так оно и было, насколько можно судить по данным археологии и письменных

https://RodnoVery.ru

источников.

Древнейшая и самая большая группа пеньковских памятников V в. располагалась в бассейне верхнего Днестра. Существовавшие здесь поселения (Рипнев близ истоков Западного Буга, Бовшев, Демьянов на Днестре и др.) характеризуются постепенной сменой черняховских элементов пеньковскими. С другой стороны, для поселений Рипнев, Бовшев и некоторых других в этом регионе (вплоть до притока Днестра Серета) характерно длительное сосуществование пеньковских и пражско-корчакских элементов.[82] Это объяснялось географическим положением верхнеднестровских земель как связующего звена между районами расселения словен в Буковине и на Западном Буге.

Вторая, меньшая группа «промежуточных» черняховско-пеньковских памятников V в. расположена ниже по Днестру, за впадением Збруча (Сокол, Бакота). Здесь также наблюдается взаимодействие поздних черняховцев со словенами. Эти среднеднестровские памятники, соседящие с несомненными пеньковскими, иногда даже считают корчакскими.[83] В полном согласии со свидетельством Кассиодора, антские поселения этого времени обнаруживаются только на левом, восточном берегу Днестра. Антов к западу от Днестра Кассиодор еще не знал. Их проникновение за реку в его время еще было незначительным.

Зато готский историк ясно отмечает движение антов к морю, вниз по Днестру. Надо, однако, отметить, что даже при наибольшем распространении пеньковской культуры анты, в отличие от древних черняховцев, не селились непосредственно вблизи моря.[84] Для данного же времени речь может идти о проникновении небольших, не закрепившихся еще на новых землях групп антов в не имевшее оседлого населения Нижнее Поднестровье.

В конце V в. уже произошло значительное продвижение антов на восток, в глубь лесостепных возвышенностей Восточной Европы. Возникли антские поселения в среднем течении Южного Буга (Куня и др.).[85] Продвинувшись еще дальше на восток, анты достигли Днепра и, по меньшей мере, в одном месте перешли реку. На левом берегу, за впадением Сулы возникло пеньковское поселение Жовнин.[86]

Выше по Днепру анты обосновались на правобережье среднего Днепра, в районе будущего Киева. О первоначально антском заселении Киевской земли свидетельствует антропологический тип населения, восходящий к черняховской эпохе, и длительное отсутствие здесь курганных погребений.[87] В конце V — начале VI в. возникает первое

https://RodnoVery.ru

поселение (быть может, уже укрепленное) на Старокиевской горе.[88] Оно стало передовым форпостом антского расселения в Поднепровье, хотя уверенно начинать отсюда историю города Киева проблематично.

В Среднем Поднепровье антское расселение захватило южную область древней киевской культуры. Существуют разные точки зрения на степень участия «киевских» племен в сложении пеньковской культуры, но само это участие сомнений не вызывает. Особенно это касается пеньковских памятников VI в. на левобережье Днепра.[89] Их основные культурные черты складываются в Поднепровье в конце V в., в процессе синтеза «киевских» и пришедших с запада элементов.

На основной территории киевской культуры в Подесенье и Верхнем Поднепровье к концу V в. на основе предшествующей сложилась новая колочинская культура.[90] Высказывалось мнение о ее славянской принадлежности, связанное с гипотезой о славянской принадлежности и самих киевских памятников.[91] Однако колочинская культура гораздо теснее связана с балтской культурой Тушемли-Банцеровщины в Верхнем Поднепровье и в прилегающих областях, чем с пражско-пеньковской. Влияние последней вполне объяснимо межкультурными контактами. В целом колочинская культура входит в восточно-балтскую культурную область.[92]

Кассиодор в полном соответствии с имеющимися у нас археологическими данными отводит балтам (эстиям) обширную территорию на северо-востоке Европы. Их южными (с учетом размещения венедов, юго-восточными) соседями он полагает акацир,[93] известных как гуннское кочевое племя. Очевидно, что колочинская культура и соответствует южному пределу эстиев по Кассиодору. Границей между эстиями-колочинцами и акацирами была река Сейм, хотя колочинские памятники VI–VII вв. встречаются и между Сеймом и Сулой, и в верховьях Псела.[94]

Восточными соседями антов были гуннские (тюркоязычные) кочевые и полукочевые племена. В верховьях Северского Донца и левых притоков нижнего Днепра обитали акациры. К югу от них, в Тавриде и Приазовье, кочевали болгары, достигавшие в западных походах границ Империи в Нижнем Подунавье. Дальше к востоку располагались кочевья савир и других гуннских племен.

Кочевников бассейна Днепра — акацир и болгар — сближала с антами общая аланская (и шире — черняховская) основа их культуры. В лесостепной полосе аланы растворялись в праславянской среде, что и

https://RodnoVery.ru

привело к сложению славяноязычной антской общности. В степи же аланские племена, иногда сохраняя автономию, вливались в гунно-болгарские кочевые объединения, постепенно перенимали обычаи и язык пришедших с востока кочевников. Это привело к сложению степной «болгаро-аланской» культуры во многом на аланской основе.

Земли по Суле и Пселу еще с черняховской поры занимало племя или племенное объединение аланских кочевников с названием от основы seu ‘черный’. Они были потомками древних саваров.[95] Это название отразилось в позднейших названиях славянского племенного союза северов и этнографической группы севруков (славянизированных потомков кочевников).[96] Эти аланы входили в состав гуннского племенного союза акацир.

Перейдя Днепр близ впадения Сулы, анты сразу же вступили в контакт с гунно-аланскими кочевниками. Присутствие довольно значительного числа «алано-болгар» отмечено на поселении Жовнин.[97] Именно в Нижнем Посулье в результате смешения антов с местными аланами в начале VI в. сложилось антское племя северов. Это было именно небольшое племя, еще не продвинувшееся в глубь будущей Северской земли. Основная ее территория была пока занята аланскими предками севруков и акацирами. Но возникновение племени северов следует все же относить ко времени, предшествующему миграции антов в придунайские области в первой половине VI в. Имя северов в VII–VIII вв. отмечено среди дунайских славян.

В контактной зоне между антами и акацирами возник и славянский этноним «хозирцы», упоминаемый Баварским географом.[98] Произойти это могло так же еще в начале VI в. Можно еще сопоставить упоминаемых тем же автором славян Zabrozi с названием другого гуннского племени — савир.

К раннему периоду сложения пеньковской культуры следует относить и другие славянские этнонимы в древнем антском ареале, в которых прослеживаются иранские корни. Прежде всего, это племенное название «хорваты» (*хъrvate), первоначально относившееся к жителям Верхнего Поднестровья. Это название было, по мнению ряда лингвистов, народной иранской формой этнонима «сарматы» (по происхождению индоарийского) — отсюда собственное имя «Хорват» в сарматской среде II–III вв.[99] Первоначально алано-сарматы бассейна Верхнего Днестра называли себя так в отличие от славяноязычных переселенцев. Затем название стало обозначать уже племя или племенную общность

https://RodnoVery.ru

славяноязычных антов, причем в контактной антско-словенской зоне. Последнее обстоятельство могло служить сохранению названия — анты как потомки сарматов противополагали себя словенам. В именовании прикарпатских хорватов «белыми», то есть западными, можно увидеть некую параллель со смыслом самого слова «анты». Белые хорваты — ‘западные, «внешние» («антские») сарматы’.

Еще один славянский этноним с иранским корнем — «тиверцы». В раннем средневековье так именовались восточные славяне, жившие в Поднестровье. Название толкуется как «днестровцы» (от иранского названия Днестра) и, несомненно, возникло уже на славянской языковой почве.[100] Но собственно славянское название реки — *Dъnestrъ — дако-фракийского происхождения, хотя в конечном счете также восходит к иранским языкам.[101] Племенное имя тиверцев появилось в период, непосредственно следующий за славяно-иранскими контактами времен формирования пеньковской культуры. В ходе этих контактов одна из групп славяноязычных антов заимствовала иранское название реки. Племя тиверцев, ставшее основой племенного союза, сложилось на южной периферии поднестровского антского ареала конца V в. — в районе поселений Сокол и Бакота. Оттуда анты двигались дальше вниз по Днестру, в районы позднейшего обитания тиверцев. Это название, соответственно, получило антское население Среднего и Нижнего Поднестровья.

К тому же периоду и к антам же восходит и ряд других славянских этнонимов неславянского происхождения. Σαγουδαται греческих авторов — название, скорее всего, тюркское, хотя и с иранской основой. Этимология Willerozi Баварского географа неясна, но почти наверняка неславянская, как и во всех названиях на — rozi/-рци. Изначально в числе антских племен должны были находиться и сербы. Название этого славянского народа берет свое начало в скифо-сарматских степях, где и упоминается античными авторами.[102] Славяне-сербы, подобно хорватам, также издревле именовались «белыми». Первоначальная локализация всех этих антских племен нам неизвестна.

На рубеже V–VI вв. анты освоили практически всю территорию, еще занимавшуюся к середине V в. черняховскими племенами. Отношения их с соседями в этот период первоначального расселения, судя по всему, были в основном мирными. Однако характеристика антов Кассиодором как «самых могущественных» все же наводит на мысль, что им доводилось меряться силами с соседями. Если поселение на Старокиевской горе конца V — начала VI в. действительно было укреплено, это может свидетельствовать о

https://RodnoVery.ru

сложных отношениях с колочинскими племенами. С другой стороны, археологический материал свидетельствует о взаимопроникновении колочинского и пеньковского населения, затрагивавшем отнюдь не только приграничную полосу.[103]

Главную роль для антов этого периода, несомненно, играли контакты с кочевниками. Эти контакты были продолжением самого процесса формирования пеньковской культуры из симбиоза элементов славянских (пражских) и балто-славянских (киевских), с одной стороны, и полуиранских (черняховских) — с другой. Соответственно, они носили на том этапе мирный характер. Материалы поселения Жовнин (как и ряда более поздних) свидетельствуют о мирном проживании алано-болгарских выходцев на антских поселениях; кочевая культура оказывала существенное воздействие на пеньковцев.[104]

Тесные этнические контакты подразумевали и некие формы политических связей. После гибели державы Аттилы новая консолидация сил Степи начинается только с конца V в. Центром ее стали области между Доном и Волгой, где разместилось мощное племенное объединение савир.[105] Савиры были опасными противниками персидской державы Сасанидов, не раз беспокоившими ее кавказские границы. В савирское объединение входили хазары (акациры?), аланы, болгары (или какая-то часть тех и других).

В одном из набегов на владения Сасанидов в конце V в., если верить азербайджанскому автору XV в. Захир-ад-дину Мараши, участвовали и какие-то «славяне». Напав вместе с «хазарами» на Дербент, они были разгромлены сасанидским военачальником Джамаспом.[106] Появление здесь «славян» вместо ожидаемых антов вполне объяснимо. На целое (славяноязычные племена) переносится более известное и единственно понятное позднему автору название части. Подобно этому и сами савиры у большинства мусульманских историков почти всегда, как и в данном случае, подменяются хазарами. Имя славян могло появиться у персидских авторов позже, с VI в.

Итак, если данное известие достоверно, оно свидетельствует о военно-политическом союзе антов с савирским союзом гуннских и аланских племен конца V в. (ср. Zabrozi Баварского географа). Мысль о вхождении антов непосредственно в этот союз опровергается и изолированностью факта, и ясным свидетельством сочинения Иордана об антах как могущественном и самостоятельном народе. Военно-политические контакты антов (и словен) с гуннским кочевым миром нашли свое

https://RodnoVery.ru

продолжение в первой половине VI в., в ходе продвижения славянских племен на Балканы и войн с Империей.

Движение к Дунаю

В первых десятилетиях VI в., позднее времени, отражаемого известиями Кассиодора, происходит расселение племен пеньковской культуры на запад от Днестра.[107] Причины этого движения не вполне ясны. С одной стороны, оно могло быть следствием естественного расселения антов вдоль водных артерий — Днестра и Прута. Но в передвижение оказались втянуты и крайне удаленные от тех мест антские племена, в том числе одно из самых восточных — северы. Колочинская керамика найдена на поселении Рашков в Буковине.[108] На движение антов повлияла активизация в Подунавье болгар. Их набеги на дунайскую границу Империи становятся чаще с рубежа V–VI вв.[109]

Прежде всего, анты заняли значительную часть Прутско-Днестровского междуречья. Районом наиболее плотного антского расселения и тогда остались земли в бассейне верхнего и среднего Днестра с прилегающей частью междуречья. Антское население (в основном хорваты) здесь абсолютно преобладало над словенским.[110] На юге Среднего и в Нижнем Поднестровье возник в VI в. второй очаг расселения антов в регионе. Анты (тиверцы) осели на правом, западном берегу реки и по ее притокам (Реуш, Бык и др.). Реже встречаются антские поселения вниз по Пруту. Здесь обосновались отдельные разрозненные группы антов. У моря и дельты Дуная анты не селились.[111]

Основной поток западной миграции двинулся в уже занятые словенами земли Буковины, к югу от верховий Прута. Довольно плотно заселив эту область, анты тронулись вниз по Сирету, местами переходя реку. В итоге древнейшие словенские поселения Буковины и Молдовы (Рашков, Кодын, Гореча, Ботошаны) оказались смешанными по составу населения, антско-словенскими. Отдельные чисто антские поселения возникли в междуречье Прута и Сирета.[112]

В итоге своего продвижения по долине Сирета и вдоль Карпат на юг анты заняли довольно обширные пространства в древней Дакии — позднейшую Буковину, Молдову, северо-восток Мунтении (Валахии восточнее Олта). Они вышли к Дунаю немногим выше его дельты.[113]

https://RodnoVery.ru

Значительная часть этой территории (по крайней мере, на севере) была уже освоена словенами. Отношения между двумя группами славяноязычного населения в то время были мирными. Анты были более многочисленны и лучше организованы. Они без каких-либо конфликтов селились на словенских поселениях или чересполосно с ними.

Мирное совместное проживание словен и антов отмечено, прежде всего, на поселениях Буковины и Северной Молдовы (Кодын, Гореча, Каменка и др.). Некоторые из них, как уже говорилось, возникли как словенские еще до прихода антов. Словене расселялись вместе с антами и дальше на юг, в Подунавье, что отмечено в археологическом материале Мунтении. Корчакская и пеньковская керамика сочетаются в чуть более позднем могильнике Сэрата-Монтеору (северо-восток Мунтении).[114] В политическом плане более сильные анты, конечно, лидировали в этом симбиозе.

Родственные словене не оказали сопротивления антской миграции. Зато она натолкнулась на естественную враждебность местного романизированного дакийского населения, сосредоточенного в горных областях. С немногочисленными словенами дакийцы сосуществовали в основном мирно, но приход многолюдного, хорошо организованного потока переселенцев не мог не вызвать осложнений.

Отголоски преданий о враждебности «волохов» сохранились в «Повести временных лет».[115] Косвенным их подтверждением может служить восприятие славянами (именно в Дакии) мифологизированного образа римского императора Траяна. У румын Троян — эпический герой. Сербы же и восточные славяне восприняли его как враждебное божество подземного мира.

К 540-м гг. анты лучше других придунайских соседей Империи были обучены навыкам войны в горной местности.[116] Выработаться эти навыки могли только в Карпатах и в длительной борьбе с местными жителями.

Вместе с тем сопротивление дакийцев, хотя бы упорное и продолжительное, не могло быть организованным и действенным. Славянское (анто-словенское) расселение беспрепятственно продолжалось. Аборигенам, лишенным политической организации и давно брошенным Империей на произвол судьбы, в итоге оставалось только отступить в недоступные и ненужные завоевателям горы или смириться.

В последнем случае они могли оставаться на своих землях. Серьезной угрозы для антов подчинившиеся местные жители не представляли. Славяне воспринимали их в первую очередь как пастухов. Потому

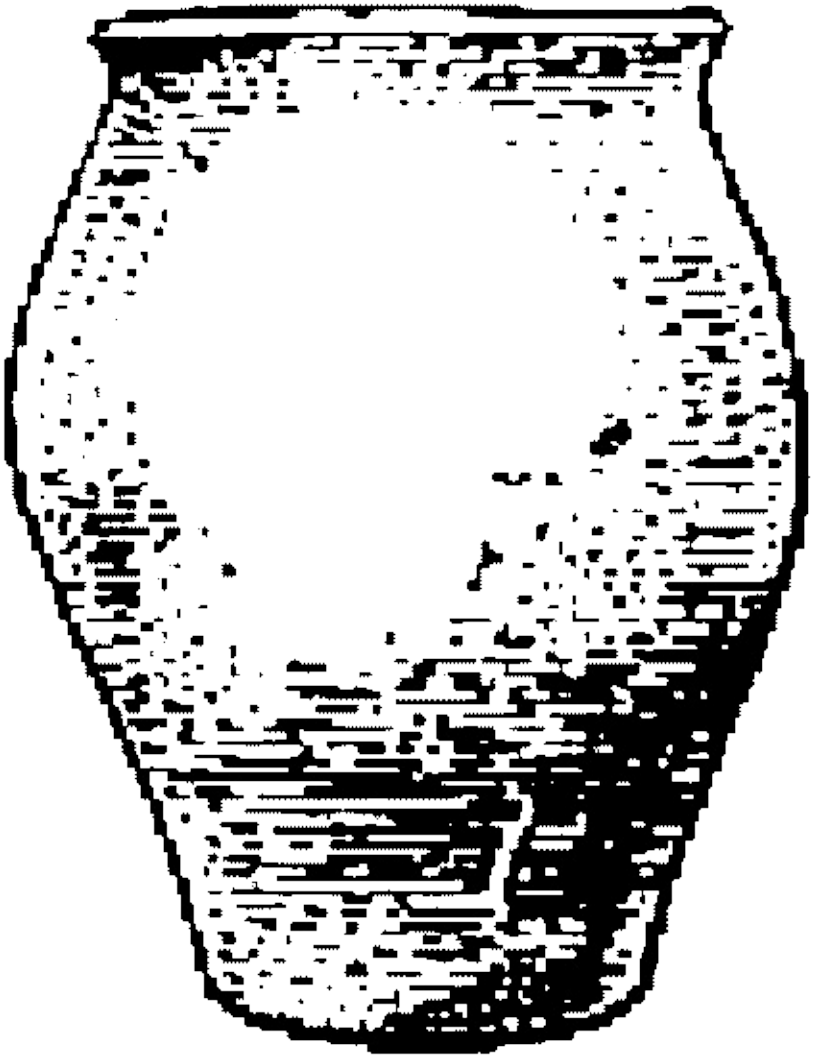
https://RodnoVery.ru

славянское название восточных романцев «волохи» перекликается с именем «скотьего бога» славян Волоса.

Острее всего конфликт проявился при первом приходе антов на Буковину. Недаром с начала VI в. совместное проживание аборигенов и словен на тамошних поселениях прерывается.[117] Неассимилированные потомки создателей культуры карпатских курганов были вытеснены на юг или в горы. По мере продвижения антов дальше на юг, однако, напряженность между пришельцами и местными жителями спадала. На ряде поселений Молдовы и Мунтении (Ботошаны, Тырпешти и др.) совместное проживание словен и антов с волохами отмечено и в VI в.[118]

Волохи, селившиеся со славянами, неизбежно включались в славянское общество и в политическом плане подчинялись антам и словенам. Скорее всего, именно это имел в виду ученый грек середины VI в., когда не без презрения говорил о «данувиях», что они «подчиняются и повинуются всякому».[119] Тот же автор (Псевдо-Кесарий) приписывает им воздержание «от обжорства» и даже вегетарианство.[120] Это может быть отголосок каких-то повинностей данубиев, связанных с поставками скота антским и словенским племенам.

https://RodnoVery.ru



Ипотештинский сосуд

Особенно ярко симбиоз славянского и восточно-романского населения проявился в рамках культурной группы Ипотешти — Кындешти — Чурел (иногда выделяется в особую археологическую культуру). Ее основными создателями были словене, носители пражско-корчакской культуры. Увлеченные миграцией антов и отчасти смешавшиеся с ними, эти словене заселили земли немногим южнее и западнее основных земель сородичей — в центральной и северной Мунтении, местами приближаясь к Дунаю. Отдельные группы позднее продвинулись и дальше на запад, даже за Олт, в Олтению. Именно эта культура VI–VII вв. с преобладанием и возрастанием корчакского элемента, соответствует придунайским словенам, о которых говорят греческие авторы и русская летопись.[121]

https://RodnoVery.ru

Первоначально дунайские словене должны были входить в антскую племенную общность как некая автономная единица. Судя по некоторым типично «пеньковским» находкам (отдельные типы керамики, бронзовые пальчатые фибулы[122]), анты жили на поселениях типа Ипотешти вместе со словенами, постепенно растворяясь в их среде.

Третьим этническим элементом культуры Ипотешти — Кындешти — Чурел было местное романизированное население. Рядом со словенами и смешивавшимися с ними антами в Мунтении проживало несколько более развитое в культурном и экономическом плане население, находившееся под воздействием имперской культуры Задунавья. Оно оставило большое количество керамики провинциально-римского типа, изготовленной на гончарном круге. С тем же элементом связаны некоторые находки византийского происхождения на памятниках этой группы. Часть находок можно объяснить пребыванием в среде славян VI–VII вв. пленников из Задунавья. Но количество и качество материала убеждают многих археологов в наличии на поселениях типа Ипотешти постоянного романо-дакийского населения. Оно мирно сосуществовало со славянами и оказывало на них разноплановое воздействие.[123] Это явление было наследием традиций мирного сожительства словен и дакийцев в восточных карпатских областях.

Тесные контакты славянского и романского населения, длительное их совместное проживание подтверждают и языковые материалы. В общеславянском языке появился довольно мощный пласт заимствований из латинского, в том числе и более или менее явные восточнороманские диалектизмы. Выделяется группа терминов, связанных со скотоводством, [124] но, в общем, заимствования касаются разных областей хозяйства, быта, обрядности, социального устройства.[125] В свою очередь, восточные романцы заимствовали у славян термины, связанные с земледелием и ремеслом (особенно деревообработкой),[126] мифологические понятия (например, «вырколак» — оборотень, дух затмения).

Отдельные группы словен и антов уже в первой половине VI в. проникают в южные горные области позднейшей Трансильвании, входившие тогда в королевство гепидов. Это было мирное проникновение небольших групп земледельцев. Пребывание славян отмечено здесь на гепидо-романском поселении V–VI вв. Братей.[127]

Славяне продвигались к Среднедунайской низменности и по другим направлениям. Две группы словен с верховий Сана и Днестра в VI в. пересекли Карпаты и обосновались в верховьях Тисы (будущая

https://RodnoVery.ru

Подкарпатская Русь — Закарпатская Украина). Возникли, соответственно, две группы поселений — в районе Ужгорода и на самой Тисе (Чепа, Дяково). Здешние словене по материальной культуре были близки к северным сородичам, но имели и яркие особенности.[128] Они явно смешались с местными жителями. Имеются некоторые, хотя и не прямые, параллели с погребальным обрядом культуры карпатских курганов.[129]

Еще одна группа словен около того же времени продвинулась от Моравы в равнинные приречные области юго-западной Словакии.[130] Отсюда словене вытеснили немногочисленное оседлое или полуоседлое гуннское население — потомков подданных Аттилы.[131]

Другим направлением миграции из Поморавья в первой половине VI в. стал путь на нагорья, лежавшие к северо-западу. Словен, конечно, привлекали не горы, а пригодные для земледелия долины Влтавы и Огрже — левых притоков верхней Эльбы. Двигались они сперва вверх по Йиглаве, притоку Моравы, а от ее истоков — по Лужнице и Влтаве.

Всех жителей этой страны, издавна именовавшейся Богемией по древнему кельтскому племени бойев, праславяне столь же издавна называли чехами (своеобразная калька племенного имени бойев со значением «ударяющие»[132]). Подобно тому, как германские племена маркоманнов в Богемии приняли имя прежних ее обитателей (бойо-вары, бавары), первые словене, осевшие в стране, взяли себе имя чехов. Согласно чешскому хронисту Козьме Пражскому (первая четверть XII в.), первые чехи осели между впадениями Огрже и Влтавы, близ горы Ржип. В хронике Козьмы впервые приводится и предание о мифическом предводителе Чехе, якобы приведшем первых жителей в эту «обетованную страну», в честь чего они и дали ей имя вождя.[133]

Далимил (XIV в.) несколько дополняет легенду о Чехе, утверждая, что он был знатный изгой из «Хорватии» и имел шестерых братьев.[134] Последний мотив отражает древнейшее деление чехов на «роды», затем разросшиеся в отдельные племена. Точное количество этих «родов», однако, определять на основе известия Далимила о семи братьях-родоначальниках невозможно. Семь — типичное «фольклорное» число.

https://RodnoVery.ru

Хозяйственные постройки славян в Бржезно

Одно из древнейших словенских поселений чешских земель — Бржезно на Огрже. Оно возникло как германское. Словене пришли позднее и стали жить вместе с германцами. Германцы тесно контактировали со словенами, постепенно растворяясь в их среде.[135] Столь же мирно шло расселение словен и в других районах древней страны бойев. Древние чехи расселились по Огрже и Влтаве, включая район будущей Праги. На территории города найден могильник, относящийся к первой фазе славянского расселения. Одно поселение уже в начале VI в. возникло далеко на север по Эльбе, в ее междуречье с Заале.[136] Германское население Богемии все сильнее редело — лангобарды переселялись в Паннонию, а бавары — в Норик. К середине VI в. славянскими считались не только области, примыкавшие с севера к лангобардской Паннонии и гепидской Западной Дакии, но и земли, граничившие с остготскими владениями в Норике.[137]

Хозяйство и быт

Основой хозяйства славянских племен в рассматриваемый период являлось земледелие. Конкретные его формы плохо прослеживаются по археологическому материалу. Однако можно предполагать, что в северной части расселения словен (Полесье, южная Польша) преобладало подсечно-огневое земледелие.[138] На более открытых и старопахотных местностях

https://RodnoVery.ru

восточноевропейской лесостепи и дунайских низменностей анты и словене освоили переложное земледелие. С быстрым истощением земель в результате обеих этих форм ее эксплуатации (особенно подсеки) связаны частые перемещения словен и антов с места на место, о которых упоминает Прокопий.[139] Истощение участка, эксплуатируемого по подсечно-огневой системе, происходило, по современным оценкам, спустя три-четыре года.[140] В областях, прилегающих к Дунаю, анты и словене могли отчасти воспринять римскую агрикультуру и перейти к двуполью.

Из возделывавшихся зерновых культур следует назвать просо, мягкую пшеницу, овес, ячмень.[141] На пахотных землях была возможность выращивать волокнистые культуры. Судя по языковым материалам, к таковым относились лен и конопля.[142] Славяне выращивали также хмель, виноград, занимались огородничеством и плодоводством.

Основным орудием пахоты было рало. У словен, судя по отсутствию материальных остатков,[143] использовалось примитивное деревянное рало (орало). Древнейшее рало представляло собой цельное тонкое дерево с корнем, который превращался в ральник. Ствол дерева становился дышлом пахотного орудия; рукояткой могла служить вколоченная палка.[144] Рало использовалось в основном на старопахотных землях. Издревле применялась также деревянная мотыга (праслав. *motyka, *korač̀ь[145]). Двузубую мотыгу иногда считают прототипом сохи.[146] Это орудие могло использоваться и при подсечном земледелии.

Более развитой была конструкция антского рала. Анты вслед за древними черняховцами использовали рало с железным широколопастным наральником с плечиками. По оценкам археологов, это было орудие типа позднейшего рала с полозом.[147] На этом орудии (именно оно первоначально называлось «плуг») рукоятка была дополнена полозом, сделанным из цельного дерева.

В антской среде зародились и некоторые другие переходные к плугу формы рала. Наряду с безотвальным, только разрезающим землю ралом с полозом к таковым можно отнести рало (орало, плужницу, иногда именовалось «плуг») с отвалом и расширенным ральником.[148] Оно еще ближе к плугу и появилось позже, в условиях совместных анто-словенских миграций.

К орудиям иного типа, но возникшим в тех же условиях, относится рало с копыстью (деревянным брусом, вставлявшимся в дышло под углом 45°), на которую насаживался треугольный наральник без плечиков

https://RodnoVery.ru

(позднейший сошник). Находки наральников без плечиков в антском ареале единичны.[149] Для рала уже широко использовалась животная (конская или воловья) тяга.

Борона, применявшаяся для рыхления пашни, известна всем славянским народам. При подсеке и лесном перелоге борона служила для запашки сева «под соху». Ее архаичными формами являются срубленное дерево с ветками или его верхушка с подрубленными сучьями — суковатка. Общеславянский характер носит и более совершенное боронительное орудие — деревянная борона из четырехугольной рамы, трех продольных брусков и 25 деревянных же зубьев (продольно-брусковая борона).[150] Изучение эволюции древних боронительных орудий затруднено отсутствием их материальных следов.

Наральник. Пеньковская культура

Урожай и анты, и словене убирали железными серпами на короткой деревянной рукоятке, с округлым клинком и слегка загнутым внутрь носом.[151] Наряду с ними использовались косы-горбуши с короткой деревянной рукоятью, которыми можно было косить на обе стороны. Такие косы

https://RodnoVery.ru

найдены также и на антских, и на словенских поселениях. Использовались они, как полагают, в основном для сенокоса.[152]

Наиболее архаичные способы молотьбы — прогон скота, топтание ногами, околачивание снопов и т. п., на что указывает и этимология слова «гумно» (‘место, где скот [топчет снопы] ’). В описываемый период применялось и хлестанье с помощью жердей-обивалок, и обивание молотильными палками (прототипами цепа). Появляется еще в общеславянскую эпоху и собственно цеп, в котором рукоять (в рост молотильщика до подбородка) соединялась с билом сыромятным ремнем.[153] На гумне происходило также веяние. Наиболее распространенный позднее и, несомненно, древний способ — веяние на ветру с помощью лопаты (первоначально деревянной, у антов отмечено наличие железных лопат[154] на деревянной ручке).

На антских и словенских поселениях обнаружено большое количество хозяйственных сооружений. Прежде всего, это хозяйственные и зерновые ямы (у словен хозяйственные ямы иногда непосредственно в жилищах).[155] У антов отмечены также хозяйственные наземные постройки с углубленным полом, изредка с очагами.[156] Несомненно, среди этих сооружений есть предназначенные для сушения зерна (праслав. *jevinъ ‘овин’). Особое внимание в этой связи привлекают антские постройки с очагами (далекий прототип ямного овина, где снопы для просушки ставили в надземной части). Чаще всего зерно сушили прямо на гумне, за пределами поселения. Хранили же обмолоченное и просушенное зерно в зерновых ямах. У антов для той же цели могли служить и некоторые из наземных сооружений, хотя и у них преобладал способ хранения в ямах.

Для помола зерна применялись исключительно ручные жернова из камня (праслав. *melьnica, *melьnikъ).[157] Они представляли собой два соединенных диска с изогнутой кверху рабочей поверхностью, приводимых в движение деревянным рычагом, укрепленным с верхней стороны в отверстии.[158]

Наряду с земледелием значительную роль в хозяйстве славянских племен играло скотоводство. Основное место в стаде занимали крупный рогатый скот и свиньи.[159] Разводили также коз и овец (последних в основном в прилегающих к степи антских областях и на Дунае). В стаде их процент был значительно меньше.[160] Сложнее определить удельный вес лошадей. Малое количество конских костных остатков на поселениях связано с тем, что их разводили не на мясо. Представляется несомненным,

https://RodnoVery.ru

что конь имел огромное значение для антов (находки культовых изображений коня, конского седла, удил).[161] У словен роль лошади была значительно меньше.

Скот держали в открытых загонах или специальных сооружениях — хлевах. Праславянское слово *xlevъ (заимствование из германских языков) первоначально обозначало углубленное, ямного типа сооружение с сеновалом. Такие обнаружены, например, на территории Польши в Ленчице.[162]

Несомненно, распространено было птицеводство, хотя указывают на это почти исключительно языковые материалы. Основной домашней птицей у славян издревле была курица.

Для добывания известного праславянам с древнейших времен меда требовалось определенное развитие бортничества. Археологически проследить его практически невозможно.

Охота играла в хозяйстве меньшую роль сравнительно с производящими отраслями. На долю костей диких животных приходится на пеньковских и корчакских поселениях порядка 10–16 % костных остатков. Меньше роль охоты была в лесостепных антских областях, больше — в лесной зоне.[163] Основным объектом охоты был кабан (на поселении Рипнев — более 91 % от костей диких животных; в Бржезно — единственное дикое животное).[164] Охотились на волков, медведей и других животных. Псевдо-Кесарий упоминает о «лисах и лесных кошках».[165] Не существовало четкого разграничения между животными, добываемыми на мех и в пищу, хотя в основном из дичи в пищу шел кабан. Из птиц охотились, в первую очередь, на тетерева.[166] Занимались славяне и рыбной ловлей, чему благоприятствовало проживание у водных артерий.

Поселения словен и антов практически всегда располагались на берегах рек и ручьев.[167] Кассиодор писал о словенах, что «леса и болота заменяют им города»[168] — служа защитой от врагов. Та же тенденция использования естественных укреплений прослеживается и у антов.[169] Собственно же укрепленные грады в описываемый период встречаются очень редко (Зимно у словен, Пастырское городище у антов) и несли особую социальную функцию.

Возникали поселения по двум основным схемам. Одну можно наблюдать на примере таких поселений, как Кодын, Гореча, Бржезно, а также смешанных антско-словенских. Здесь пришлое население подселялось к прежним обитателям, строя собственные дома. Вторая схема

https://RodnoVery.ru

представляет собой земледельческую колонизацию неосвоенных земель, хорошо известную из этнографического материала. Первоначально присматривался участок под земледельческие работы — займище, на нем образовывался жилой двор — починок. Затем починок разрастался в собственно сельское поселение, именовавшееся «весь».[170] Термин же «село» изначально обозначал ‘все заселенное [общиной] пространство’ и прилагался как к крупным поселениям, так и группам («гнездам») поселений.

Первоначальное, часто кратковременное поселение, жители которого занимались подсечным земледелием, могло состоять всего из одного-двух домов. При них размещалось ямное хранилище. Такую картину мы наблюдаем, например, в Хоруле.[171]

Размеры поселений увеличивались со временем. Поселения словен занимали первоначальную площадь в среднем около 5,5 тыс. м^2, затем их размеры увеличиваются до в среднем 8,5 тыс. м^2.[172] В антских землях поселения были крупнее. Некоторые не превышают размером ранних словенских (Пеньковка-Молочарня в Поднепровье — 3500 м^2). Другие соответствуют по размерам поздним (поселения Прутско-Днестровского междуречья). Но площадь антских поселений Подолии — в среднем около 1,5 га,[173] что намного превышает не только средние, но и максимальные словенские примеры. Количество одновременно существовавших домов на всех поселениях — от 5 до 25.[174]

У словен преобладает кучная, часто бессистемная застройка селищ. Широко засвидетельствована она и у антов. Отдельные жилища при такой планировке располагались на значительных расстояниях друг от друга. Но часто выделяются группы жилищ (расстояния между жилищами в группе от 1 до 10–15 м), далеко отстоящие от других групп (расстояния между группами от 10 до 100 м). [175] Именно кучную застройку описывает Прокопий Кесарийский. Он объясняет обширность территории, занимаемой словенами и антами, разбросанностью их поселений и жилищ. [176] Наряду с кучной была распространена рядовая застройка, при которой жилища располагались двумя рядами вдоль берега реки. Расстояние между домами при этом могло даже превышать расстояние между рядами жилищ. Рядовая планировка чаще встречается у антов, но отмечена она и у словен. [177]

https://RodnoVery.ru

Словенское жилище в Бржезно

Поселения часто огораживались плетнем или подобной ветхой оградой. Неровный плетень на вбитых через 1–0,1 м столба ограждал Ленчицу V–VI вв.[178] На площади поселений, кроме домов, располагались хозяйственные сооружения, иногда огороды, насаждения кустарников и лозы.

Печь и мельница в Бржезно

Преобладающий на антских и словенских поселениях конца V — первой половины VI в. тип жилища — правильная четырехугольная

https://RodnoVery.ru

полуземлянка.[179] Именно их имеет в виду Прокопий, говоря, что словене и анты «живут в жалких хижинах».[180] На праславянском языке эти жилые строения и обозначались терминами *domъ (‘дом’ вообще), *xyzъ, *xysъ (последние два заимствованы из германского). Площадь полуземлянок невелика — у словен в среднем около 10 м^2 (хотя есть и большие, достигающие 25–32 м^2). У антов средняя площадь больше — от 12 до 20 м^2 (но в Шипоте в Молдове отмечены полуземлянки площадью около 7,5 м^2, а в Пастырском — около 9 м^2). Поздние антские жилища отличаются и большими размерами. Антские полуземлянки также чуть более углублены (0,3–1,2 м против 0,2–1 м у словен). Впрочем, и у словен изредка встречается глубина более 1 м, а на периферии отмечены даже землянки до 3,2 м в глубину.[181]

Стены жилищ были деревянными. У словен преобладали бревенчатые срубы, наряду с ними иногда встречались срубы из плах. Иногда плахи прижимались к стенам котлована столбами.[182] У антов первоначально преобладала столбовая конструкция стен, сложенных из стояков и жердей, переплетенных лозой. Ее можно считать местной. Со временем начинает распространяться срубная техника. Так же, как у словен, отмечены единичные случаи использования для стен прижатых к стенкам котлована плах.[183] И корчакцы, и пеньковцы иногда обмазывали стены домов глиной (на Пастырском все дома).[184] Это можно связать с воздействием жилых кочевнических глинобитных построек (такие найдены на антском поселении Жовнин[185]). Во всяком случае, праславянское слово *xata, обозначавшее позже глинобитные или обмазанные глиной дома «украинского» типа, — заимствование из иранских (сарматских) языков.[186]

Кровли полуземляночных строений были двускатными, у антов изредка — четырехскатными (также кочевническое или колочинское[187] воздействие). Кровли опирались на столбы по углам и в середине стен, изредка (что соответствует четырехскатной кровле) — в центре жилища. Делались они из плах (словенские поселения), жердей (антское поселение Перебыковцы). Конек двускатной крыши делался из бревна. У антов крыша также иногда обмазывалась глиной. Наземные части более углубленных полуземлянок присыпались землей для утепления.[188]

Наряду с полуземлянками в процессе расселения словен в прикарпатских областях начинают строиться наземные дома. Обозначающий отапливаемый наземный срубный дом термин — *jьstъba

https://RodnoVery.ru

‘изба’ — заимствован из романского, причем ближе к восточно-романским диалектам.[189] Это указывает на вероятное место появления таких домов — Закарпатье, где смешение словенских и романизированных туземных элементов зашло достаточно далеко. Здесь строили наземные срубы площадью 15–20 м^2 с котлованом для печи в центре. Площадь котлована (собственно «избы») при этом совпадала с традиционной площадью полуземлянки — от 8 до 10 м^2. Другое местонахождение наземных домов словен первой половины VI в. — городище Зимно.[190]

Основным элементом внутреннего интерьера славянского жилища была печь-каменка (реже глиняная). В полуземлянках печи располагались в углу, противоположном входу. Положение печи, как и позднее, имело сакральный смысл (по диагонали от нее был «красный угол» с домашними святынями) и потому четко выдержано. Так, на всех поселениях «гнезда» Корчак печи расположены в северо-восточных углах, на поселении Бржезно — в северо-западных. Сходная ситуация на ранних антских поселениях. Глиняные печи встречаются гораздо реже каменок.[191]

В Карпато-Дунайских землях местное воздействие определило особенности интерьера. У антов к западу от Днестра (Шипот и др.) над печами-каменками сначала преобладали простые очаги, обложенные камнями. Очаги, а также печи, вырытые в стенке полуземлянок, отмечены на поселениях типа Ипотешти.[192] В Закарпатье глиняные печи располагались в центре изб.[193]

Печи-каменки обычно были прямоугольными, реже подковообразными в основании, под имел округлые формы. Такая печь занимала порядка 2400–3500 см^2, а в высоту — до 65 см (чаще меньше). При строительстве нижней части печи использовались камни больших размеров, чем для верхней. Под, расположенный всегда на уровне пола, мог выкладываться каменными плитами. Иногда (чаще у пеньковцев) для укрепления свода печи наряду с галькой и черепками использовались глиняные вальки; глиной мог мазаться и под.[194] Глиняные печи больше каменок (0,8–1,7 м^2 в основании при практическом совпадении площади топочной части и высоты). Они делались на материковой основе, вырезанной в полу жилища.[195]

https://RodnoVery.ru

Постель в славянском жилище в Бржезно

Другие элементы интерьера прослеживаются гораздо хуже. Ясно, что вход в жилище располагался обычно с южной стороны. В жилище вела земляная, реже деревянная лестница.[196] У стен располагались деревянные лавки с вкопанными столбиками-опорами или земляные выступы с настилом, служившие сиденьями и лежанками. В ряде случаев в жилищах обнаруживаются небольшие ямы-хранилища, иногда рядом с печью.[197]

Утварь изготавливалась в основном из дерева и иных растительных материалов. Это относится и к средствам переноски тяжестей, которые и позже были в основном деревянными (ведра) или плетеными (корзины). Археологически устанавливается наличие глиняной посуды. Это почти исключительно горшки, изредка встречаются глиняные миски и сковородки.[198] Гончарная керамика (горшки, кувшины, миски ипотештинского и пастырского типов) имела локальное распространение.[199] Из других предметов обихода чаще всего встречаются железные ножи длиной 5–10 см, во множестве найденные на поселениях и в могильниках.[200]

Существенную роль в хозяйстве играли домашние промыслы. Это, прежде всего, обработка дерева, орудия которой (топоры, тесла, долота, токарные резцы и др.) найдены на словенских и антских поселениях.[201] Наконечники стрел, гребни вырезали из кости.[202]

Лепная керамика изготавливалась в каждой семье вручную, с последующим обжигом в домашней печи.[203] Посуда не отличалась разнообразием. Корчакский тип представлен горшками, расширяющимися

https://RodnoVery.ru

в верхней трети и слегка сужающимися в горлышке. Пеньковские типы — вытянутые, подобно корчакским, горшки с расширением в средней части и близкие к ним округлой или биконической формы. Орнамент отсутствует или очень беден. Использовалось глиняное тесто с примесью дресвы, песка и шамота.[204]

К числу важнейших домашних промыслов относились прядение и ткачество. Для прядения использовались деревянное веретено с глиняными пряслицами, для ткачества — вертикальный (в антских областях уже и горизонтальный) ткацкий стан. Ткань представляла собой, по оценкам современных исследователей, тонкое полотно с прямым переплетением.[205]

Итак, изготовление утвари и одежды являлось почти исключительно домашним промыслом, специализированным разве что внутри большесемейного коллектива. Гончарная керамика изготавливалась мастерами иноплеменного происхождения. Ясно, что они ревниво оберегали секреты своего ремесла, обеспечивавшего определенный социальный статус.[206]

Работа с металлом требовала наличия и длительного сохранения определенных навыков и уже издавна носила характер специализированного ремесла. Особое место в этой связи занимало кузнечное дело. В славянском мифологизированном сознании образ кузнеца окружен легендами и поверьями. Кузнечное дело народные верования связывали с обладанием тайным знанием и сверхъестественной чародейской силой. Ключевой «кузнечный» миф — о происхождении самого кузнечного ремесла от мифического героя и правителя Сварога (или Божьего Коваля — змееборца из позднейших преданий).[207] Судя по этому мифу, кузнечное дело у славян считалось ремеслом знати.

На словенских и антских поселениях найдены углубленные железоплавильные горны, кузница (на Пастырском городище). Сырьем для железоделов служили болотные руды. Освоение их месторождений происходит в течение V–VI вв., даже на северо-западной периферии. Кузница представляла собой крупное прямоугольное строение (28 м^2) из дерева, обмазанное глиной, с каменной печью и с наковальней в северо-восточном углу. Рядом с наковальней хранились инструменты кузнеца — кувалда, молоток, большие и малые клещи, зубило, ножницы для разрезания металла.[208] Из железа делались и орудия труда, и оружие (наконечники стрел и копий), и предметы обихода.

Несколько более узкой была сфера применения цветных металлов

https://RodnoVery.ru

(серебра, бронзы, меди). Это было связано с почти полным отсутствием местного сырья. Зачастую шли в переплавку привозные предметы. Довольно значительны следы бронзолитейного производства.[209] Мастерская антского бронзолитейщика (поселение Хуча) представляла собой небольшую (чуть более 6 м^2) прямоугольную полуземлянку. В ней хранились орудия труда (тигли, глиняная льячка; на других поселениях обнаружены также формочки, чаще из камня). Глинобитная печь для плавки металла располагалась на площади поселения.[210] Из серебра и бронзы изготавливались преимущественно украшения. Литейное и ювелирное дело также были специализированы, хотя и менее распространены, чем кузнечное.

На поселениях и могильниках найдены также разноцветные стеклянные бусины. Преимущественно они обнаружены в придунайских областях.[211] Неясно, можно ли говорить о местном стеклоделии. Отчасти к специализированным ремеслам, отчасти к домашним промыслам относилось камнерезное дело (изготовление каменных жерновов, литейных форм и др.).

Обычной одеждой словен и антов, насколько можно судить из известия Прокопия, были «хитон», «плащ», «штаны, прикрывающие срамные части».[212] О славянском (по крайней мере, антском) «хитоне» мы можем судить по литым статуэткам мужчин из Мартыновского клада. Их одежда напоминает славянскую позднейшего времени, известную из этнографического материала. Рубахи туникообразного покроя имеют широкую вставку с вышивкой (рисунок которой, опять же, близок к общеславянскому), прямые рукава стянуты тесемкой на запястьях. Воротника нет, как и в позднейшей рубахе-голошейке. Длина рубахи ниже пояса сравнительно невелика.[213]

Важнейший, имевший сакральное значение элемент одежды издавна представлял у славян пояс. Имеется немало находок металлических частей поясов (пряжки, бляшки из бронзы, серебра и железа, нередко фигурные). На ногах мартыновских фигурок облегающие штаны, доходящие до щиколоток, и остроносые башмаки или сапоги.[214]

Упоминаемый Прокопием плащ (точнее, тривоний — грубый, «варварский» плащ, аналог позднейшего корзна) изредка застегивали металлическими фибулами и пуговками, а чаще стягивали обычной тесьмой.[215] Это был плащ без рукавов, широко распространенный в средние века. Другим видом мужской верхней одежды, судя по металлической статуэтке из Требужан, был короткий кафтан с глубоким

https://RodnoVery.ru

вырезом на груди — нечто типа кожуха.[216] Для изготовления верхней одежды (в том числе неизвестной нам для того времени с достоверностью зимней) использовались меха и шкуры диких животных, но в первую очередь овчина.[217]

Неизвестны нам и головные уборы славян того времени. Мартыновские статуэтки показывают, что анты, как позднейшие словаки и украинцы Карпат, отращивали длинные волосы. Карпатские горцы в историческое время заплетали отросшие волосы в несколько кос.[218] Отращивались и волосы на лице — усы и борода издревле считались признаком мужественности. Славяне пользовались теплыми головными уборами из меха и кожи лишь зимой.

О женской одежде в письменных источниках данных нет. Женщины носили более длинный (до колен и ниже) «хитон», а также пояс и остроносые сапожки. Антские женщины застегивали накидку на плечах (оплечье?) пальчатыми фибулами. Словенки чаще пользовались для этого тесьмой. Женский головной убор был близок позднейшему кокошнику, включал в себя серебряные налобные венчики и наушники. К головным уборам крепились височные кольца разных типов, подвески. Из украшений известны также серьги, части ожерелья-монисто (бусы, швейные обручи), браслеты.[219] Издревле славянские женщины носили длинные волосы, заплетавшиеся в косу.

За своей внешностью славяне, естественно, следили меньше, чем цивилизованные граждане Империи. Но вопреки Прокопию,[220] славяне издавна придавали большое, в том числе сакральное, значение ритуальным омовениям.[221] Как раз около описываемого периода было заимствовано из народной латыни слово *ban’a ‘баня’.[222]

О пищевом рационе этого периода можно только догадываться на основе языковых и сопоставляемых с ними этнографических данных. В пищу употреблялись хлеб из кислого (*xlebъ) и пресного (*kruxъ) теста, разного рода ритуальные и праздничные мучные изделия, крупяные каши. Для употребления в пищу возделывались овощи, выращивались или собирались ягоды, фрукты. Из напитков к числу древнейших относятся квас, мед («вместо вина», по словам Приска[223]), пиво.

Разнообразна была животная пища — молочные продукты, яйца, мясо и рыба. О потреблении мяса можно судить также и по археологическому материалу, и по письменным источникам. В пищу шло мясо как домашних (говядина, свинина, козлятина, редко конина), так и диких животных (в основном кабана), птицы. Употребление в пищу волчатины и медвежатины

https://RodnoVery.ru

происходило редко, будучи связано с древним ритуалом поедания тотема ради восприятия его силы.

Передвигались славяне в основном пешком. Среди антов была, как уже говорилось, больше распространена верховая езда. Использовались и четырехколесные возы на воловьей или лошадиной тяге. Реки славяне могли пересекать вброд, по льду или на плотах. Для плавания по крупным рекам применялись лодки-однодеревки (праслав. *čьlnъ; у греков именовались моноксилами). По морю славяне в первой половине VI в. еще не плавали.

Военное дело словен и антов характеризует Прокопий. Согласно ему, словене и анты нападают преимущественно пешими.[224] Отдельные упоминания о конных отрядах в первой половине VI в. могут быть связаны с антами.[225] Вооружение их составляли небольшие деревянные щиты, копья и луки со стрелами. Доспехов не было.[226] Наконечники копий и небольших дротиков, судя по археологическим находкам, делались из железа, стрел — из железа и кости.[227] Меч (праслав. *mečь) был известен, но как чужеземное оружие.[228]

Прокопий отмечает особое умение антов вести войну в горной местности.[229] С другой стороны, и словене, по его словам, неохотно спускались на равнину.[230] Тот же автор не раз отмечает умение словен нападать из засады и заставать врага врасплох.[231] Говорит он и о доблести, проявляемой антскими воинами в бою и содействующей их победам.[232] Дальнейшее развитие военной тактики славян происходит в течение первой половины VI в. (особенно в 540-х гг.), в ходе нападений на Восточную Империю.

Семья и община

Основной ячейкой славянского общества была большая семья. С большими семьями следует связывать группы домов (по два и более) на поселениях, отстоящие друг от друга на значительное расстояние. На поселениях таких групп чаще всего две-три, но иногда больше. Наряду с делокализованными (живущими в нескольких домах) большими семьями имелись и семьи, живущие в отдельных домах. Так, на поселении Корчак IX выявлена группа из пяти домов и отстоящие от нее два отдельных дома. На других словенских поселениях иногда встречается разбросанное

https://RodnoVery.ru

положение жилищ, не образующих групп.[233] С большими семьями связываются также коллективные курганные усыпальницы и группы захоронений в грунтовых могильниках (таких, как Сэрата-Монтеору).[234]

Строение большой неразделенной семьи хорошо изучено по славянскому этнографическому материалу. Большая семья включала несколько брачных пар и объединяла родственников до третьего от родоначальника поколения. Проживавшая, как правило, в одном доме «отцовская» большая семья могла превратиться в «братскую». Последняя проживала в нескольких домах и включала семьи женатых братьев до второго от них поколения. Она уже представляла переходную форму от большой семьи к патронимии. В отличие от «отцовской» семьи, где функции главы переходили от отца к сыну, в «братской» главой считался старший из здравствующих братьев, и власть его была меньше. И «отцовская», и «братская» семья коллективно владела имуществом, занималась производством и потреблением продукта.[235]

Древним славянам были известны как «отцовские», более консолидированные, так и «братские» семьи. По мере разрастания «братской» семьи от нее могли отделяться новые «отцовские». Так и произошло на поселении Корчак IX. В собственности семей находились орудия труда и его конечный продукт.

Глава семьи — старший мужчина — обладал широкой властью над членами семьи, вплоть до судебной, был хранителем традиционного семейного уклада. Он же руководил хозяйственной деятельностью мужской части семьи и отчасти работой женщин вне дома, представительствовал от имени семьи в общине. Велика была роль и старшей женщины (не всегда супруги главы семьи). В ее ведении находилось домашнее хозяйство; она могла быть советчицей старшего мужчины. В коллективном ведении семьи в той или иной степени находились вопросы вступления в брак младших членов, распоряжения имуществом.

Иерархия внутри семьи зависела от возраста и семейного положения. В наиболее зависимом положении находились сироты, младшие вдовы, а также снохи. Имущественные права женщин и сирот, как правило, были в той или иной степени ущемлены. Так, в «братских» семьях в случае выделения сирот отцовская доля имущества делилась ими с его братьями. Дочь могла иметь имущественное право только на приданое своей матери. В то же время старшая женщина, овдовев, сохраняла свое положение.[236]

Следующей ступенью в славянской общественной организации была патронимия («род» в самом узком смысле), образовывавшаяся в результате

https://RodnoVery.ru

разрастания первоначальной большой семьи. Значительная часть славянских поселений описываемого времени соответствует именно патронимическим общинам.

Этнографическими преемниками древнеславянской патронимии являлись южнославянский род и белорусское дворище (древний термин для патронимии или отдельно проживающей большой семьи). Судя по этим поздним формам, патронимия изначально располагала правом коллективной собственности на землю и вела общую хозяйственную деятельность. Главы у патронимии не было, хозяйственные и правовые проблемы (распределение продукта между семьями, разбор конфликтов между членами патронимии и в исключительных случаях семейных разладов) решались сообща.[237] О совместном ведении хозяйства в пределах патронимии свидетельствует и археологический материал.[238]

На словенских и особенно антских поселениях отмечено проживание отдельных семей явно иноплеменного происхождения. У древних славян существовал обычай приема в патронимический коллектив фактически не принадлежащих к нему людей.

В то же время некоторые селения занимались как минимум двумя патронимиями, часто разноплеменными и даже разноязыкими, связанными свойством или ритуально-правовыми узами. Как показывает история славянского заселения Карпато-Дунайских земель, такие коллективы могли и в дальнейшем мигрировать совместно.

С совместным оседанием двух патронимий связано и появление правильной двухрядной застройки на многих пеньковских и некоторых корчакских поселениях. Стихийно формирующаяся кучевая застройка больше соответствует разрастанию селения из первоначального семейного двора. Из большесемейно-патронимической структуры наверняка выбивались «грады» вроде Пастырского и Зимно с их разноплеменным населением.

В плотно заселенных славянами областях небольшие поселения, занятые одной-двумя патронимиями, объединяются в «гнезда». У словен гнездо поселений тянулось на 2–5 км и включало обычно 3–4 веси, отстоящие друг от друга на 300–500 м. У антов на их старопахотных землях больше и количество селений в «гнезде» — от 5 до 10, и расстояние между ними — до 2 км, и протяженность «гнезд» — до 7 км. Не вызывает сомнений вывод, что каждое «гнездо» представляло собой территориальную общину.[239]

Такая община могла образовываться и в результате разрастания и

https://RodnoVery.ru

почкования изначальной патронимии,[240] и путем сближения соседних патронимий. Эти два пути отражаются и в терминах, прилагавшихся древними славянами к общинам — «род» и «мир». Последний термин как раз и обозначал общину, основанную на дружественном соседском согласии и связанную, как правило, свойством между вошедшими родами-патронимиями. Те же два пути отражены и в двух способах образования древнейших славянских местных (и этнических) названий. Названия на «-ичи» отражают идею происхождения от общего предка, то есть разрастания общины или племени из патронимии. Названия, оканчивающиеся на «-ане», «-яне», «-цы» (по месту проживания) отражают территориальный принцип формирования общины или племени. Он преобладал на территориях со смешанным этническим составом населения — например, в прикарпатских областях и в целом у антов.

Община считалась верховным собственником и распределителем земли, могла организовывать коллективные работы. Общинный характер носили и основные религиозные обряды. Высшим органом общинной власти было вече, производившее подушное распределение земли.[241] Оно же разбирало конфликты между патронимиями, а при необходимости и внутри них. В этом общинном сходе участвовали главы семей, а с правом совещательного голоса — все женатые мужчины (мужи). При среднем количестве 6–7 весей в «гнезде» и 2–5 семей в веси ясно, что количество участников общинного веча с правом решающего голоса едва превышало 20–30 человек.

В основе решений веча лежали нормы обычного права. Наиболее распространенной уголовно-правовой категорией была у древних славян кровная месть (праслав. *mьstь). Ею еще в историческое время карались убийство, изнасилование и серьезное членовредительство.[242] Смертью исстари карался и привод в общину преступника в качестве гостя.[243] Вместе с тем немало указаний и на то, что община могла заменить смерть изгнанием, если речь шла о преступлении внутри самой общины и тем паче внутри патронимии. Изгой, впрочем, лишался всех прав и объявлялся вне закона. По сути, изгнание было лишь отсрочкой смертного приговора и слабым шансом выжить. Община, приютившая преступника, отвечала за его преступление.[244] Смертью или тяжким увечьем грозило обычное право и клятвопреступнику (на что есть прямые указания в фольклоре и самих клятвенных формулах).

«Обиды» (в том числе преступления против собственности) карались тяжкими, иногда до смерти, побоями, но уже тогда могли быть прощены за

https://RodnoVery.ru

откуп.[245] Факт совершаемого в дневное время преступления против собственности (а часто и иного) удостоверялся «криком» потерпевших.[246] Самосуд над преступником на месте преступления, увечье и даже убийство, совершенные в целях самообороны, преступлениями не считались вовсе, во всяком случае, к числу тяжких не относились.[247] В случае неочевидности какой-либо вины применялась судебная процедура, включавшая клятвы, испытания тяжущихся, иногда колдовские обряды. Клятва, как правило, требовала поручительства.[248] Среди испытаний упоминаются поединок, испытания каленым железом и водой (утоплением), в зависимости от преступления или юридической ситуации.[249] Высоко ставилось свидетельство очевидцев, причем они должны были свидетельствовать не «со слуха».[250]

Общины объединялись в племена. Они могли возникать вследствие разрастания первоначальной общины (в том числе патронимической) и потому именовались также «родами» (и «мирами»?), но чаще «коленами». Последний термин употреблялся в славянской книжности для связанной общим происхождением части этнического целого (например, «12 колен Израиля») и соответствует понятию «племя» в его современном смысле. Названия племен также образовывались по двум названным выше моделям. Но здесь уже наблюдается чередование (например, лендзяне / лендичи). Оно отражает естественное размывание идеи общего происхождения и в целом патронимических представлений на уровне племени и тем более группы племен. Даже если они реально происходили от общего предка, что бывало нечасто. Так, запрет на внутриродовые браки мог еще «работать» на уровне территориальной общины. Но для разросшегося из патронимии племени он был вреден и подлежал безусловному ограничению.[251]

Небольшое племя, сформировавшееся на основе территориальной общины, представляла собой группа поселений в районе Корчака. В нее входило 14 поселений (весей), объединенных в несколько «гнезд», расстояние между которыми — от 3 до 5 км.[252] Расстояния между ближайшими «гнездами» весей у антов — от 10 км.[253] Территория, охваченная властью племенных институтов (прежде всего, общего веча), издревле именовалась «волостью». О делении словен и антов на множество племен сообщает Прокопий Кесарийский.[254] Племя являлось верховным собственником и распределителем угодий — в основном неземледельческих (луга, леса).[255]

В результате «почкования» или сближения племен внутри антской и

https://RodnoVery.ru

словенской этнических общностей возникли устойчивые племенные группы. Такой группе из двух-трех широко расселившихся племен соответствует состоящая из четырех десятков поселений культурная группа Ипотешти. Более обширными локальными группами внутри единой словенской общности стали племенные объединения на правом (дулебы) и левом (ляхи) берегу Западного Буга. Анты были несколько более монолитны в географическом, культурном и политическом отношении.

Религия

Каждое славянское поселение имело свой сакральный центр, который мог считаться местом обитания сверхъестественного покровителя — духа-предка или божества. Подобные объекты могли помещаться в священных рощах.[256] В такой роще мог располагаться и примитивный «храм» (праслав. *xormъ), об облике которого мы можем судить только по этимологии слова[257] и отдельным мотивам славянского прикладного искусства. Это было небольшое, устремленное вверх сооружение шатрового типа из древесных материалов или даже простой материи с естественным столбом — деревом — в центре. Священное дерево (береза, дуб или иное) в таком «храме» служило главным объектом поклонения. Оно считалось вместилищем божества и одновременно символом мирового древа — сакрального центра мира.

Более развитое, открытое святилище VI–VII вв. изучено близ пеньковского поселения Городок. Основную часть святилища составляла ровная каменная прямоугольная площадка площадью 3,45 м^2. На ней в древности устанавливался деревянный идол. Перед площадкой, с востока, в углублении возжигался священный огонь.[258]

Верховным богом славян Прокопий называет «создателя молний». Его анты и словене якобы считают «единым владыкой всего».[259] Несомненно, что здесь имеется в виду Перун (Додол) — высший бог, повелитель грома, известный в древности всем славянам. В пантеон входили и другие боги, греческому автору оставшиеся неизвестными. В их числе была, прежде всего, Земля (Мать Сыра Земля), сопоставимая с супругой громовержца — Додолой, Перуной.[260] Почитались Огонь, Ветер, Солнце, Месяц.

«Светлым» земным и небесным богам противопоставлялись божества подземного мира. Велес (Волос) — противник громовержца в «основном»

https://RodnoVery.ru

змееборческом мифе и покровитель скотоводства. Мора (Мара[261]) — мифологическая неверная жена громовержца, олицетворявшая болезни и смерть. К этому ряду древних потусторонних персонажей иногда относят и Бадняка, «старого бога», воплощение косности и хаоса.[262] К древним божествам или духам относится также известный всем славянам олицетворенный Мороз.

Довольно сложен вопрос о почитании у славян судьбы. С одной стороны, образ божества Рода (Суда) и связанных с ним рожаниц (рожениц, наречниц, суденицы), предрекающих судьбу новорожденного, — общеславянский.[263] С другой стороны, по Прокопию, славяне не признавали «предопределения» («по крайней мере, в отношении людей» — любопытное дополнение, указывающее на рок богов, известный и в германских мифах). Они считали, что злую судьбу может отвратить Перун.[264] Как представляется, это является ключом к пониманию отношения славян к судьбе — сама по себе судьба существует, но человек может «исправить» дурной рок молитвой к высшему божеству. Род и рожаницы не только воплощали судьбу, но и считались покровителями родового коллектива.

Этнические процессы IV–VI вв. привнесли некоторые изменения в славянский пантеон. Прежде всего, речь идет об алано-сарматском влиянии. В зоне тесных контактов со степными народами сформировался образ Сварога (имя заимствовано из арийских языков и связано с образом солнечного неба[265]). Позднее он известен большей части славянских племен вплоть до Балтийского моря. Сварог выступает как первый кузнец, выковавший первое орудие пахоты из железа, герой-змееборец, сближаемый до полного тождества с Перуном.[266] Он становится также связующим генеалогическим звеном для целого ряда божеств. Его сыновьями считались Солнце (позже велетский Радгост Сварожич, древнерусский Дажьбог Сварожич) и Огонь (Огонь Сварожич в Древней Руси; ср. Огнян, брат Солнца в южнославянском фольклоре). В этом же ряду оказываются и Дети Солнца — мифологические близнецы (Усени?), и «Солнцева Дева» — обманутая невеста Месяца из мифа о небесной свадьбе и жена сказочно-эпического героя.

Дальнейшее продолжение родословного ряда составляли уже земные носители высшей власти и сакрального знания, вожди славянских племен. Отсюда мифы, в которых Сварог или «Божий Коваль» становится первым правителем и отождествляется с основателями конкретных «княжений» (такими, как волынский Радар и полянский Кий[267]). Миф о Свароге и

https://RodnoVery.ru

божественная родословная формировались параллельно с развитием институтов власти. Новые религиозные представления влияли на социальные процессы и, в свою очередь, отражали их.

Любопытно, что антагонистом Сварога в его змееборческом мифе становится Троян[268] — персонаж, заимствованный около того же времени. У славян герой романского эпоса в результате переосмысления имени слился с трехглавым божеством подземного мира и в этом качестве вошел в пантеон. Само это трехголовое божество тождественно Велесу. Поморский Триглав — изначально только эпитет Велеса, балтийским славянам под своим именем неизвестного. Подобно всем остальным подземным божествам, Троян теперь представлялся и в обличье змееобразного чудовища.

Из кочевнической религиозной традиции пришли в славянский пантеон еще два божества. Они, однако, почитались лишь в пределах древних антских земель. Это Хорс (отождествляемый с Солнцем[269]) и Семаргл (или Симаргл; бог войны, представляемый в облике птицы[270]). Скорее всего, оба божества были восприняты в ходе контактов антов с алано-болгарскими кочевниками в VI или уже в VII в.

Помимо богов, славяне почитали различных персонажей низшей мифологии. Прокопий говорит о почитании «рек и нимф».[271] Здесь отражена древнейшая форма почитания водоемов, при которой они персонифицировались. Не вполне ясно, имеются ли в виду здесь именно водяные «нимфы» типа греческих наяд. В любом случае представляется, что греческим нимфам ближе всего соответствуют славянские вилы или дивы — духи источников, лесов и гор в женском (дивы иногда в мужском) облике.[272] Они были известны позднее всем славянам.

О «некоторых иных демонах» славян, упоминаемых далее Прокопием, мы можем судить по языковым материалам и отчасти русским поучениям против язычества. Прежде всего, почитались враждебные злые демоны (упыри, бесы) и противопоставляемые им духи-хранители берегини. Существовали поверья об огненных змеях, способных сожительствовать с человеком. Ураган воплощали духи-оборотни юды.[273] Верили славяне и в призраков (мар). Страх перед духами мертвых (именовались маннами, а также навями[274]) отразился в обрядах их задабривания. Болезнетворный дух (сперва отвечавший за болезни дыхательных путей?) звался «нежитью».[275] Сюда же примыкали существа вроде «духов-двойников» (праслав. *naměstьnikъ ‘заместитель’[276]).

https://RodnoVery.ru

Ритуальный нож. Пеньковская культура

Наряду с представлениями о загробном мире бытовали и поверья о переселении душ предков в животных. Сохранялись и другие пережиточные формы тотемных верований. Мифы и обычаи, связанные с почитанием животных, были довольно распространены у славян. Выше уже говорилось о возможных следах обряда поедания тотема (волка и медведя) у словен с целью восприятия магической силы членами воинских братств. С ними же нужно связывать общеславянские представления об оборотнях (волкодлаках).

С религиозными представлениями была тесно связана мифологизированная картина мира. За пределами известной славянам земли (в основном ограниченной на первых порах Доном и Дунаем) их сознание помещало «иной», потусторонний мир, воспринимаемый иногда как прародина людей. Представления о «верхнем» (небесном) и «нижнем» (подземном) мире еще были развиты довольно слабо — позднейшие их вариации у славян почти не содержат исконных общих черт. Однако само трехчастное деление вселенной, несомненно, уже существовало. Сакральным центром и связующей осью мира мыслилось древо (иногда дуб), растущее на острове посреди моря. Море воспринималось как часть потустороннего мира. Довольно долго оно внушало страх стремившимся селиться на всхолмьях у рек земледельцам.

В мифологической картине мироздания находилось место и другим народностям тогдашней Европы. В соответствии с общей для первобытных мифологий тенденцией они воспринимались как существа, отчасти принадлежащие «иному» миру, не «настоящие» люди. К таковым словене и анты с полной уверенностью относили, пожалуй, лишь друг друга, балтов, а также в какой-то степени германцев. Последние в славянских преданиях воспринимаются как «братья»,[277] но, с другой стороны, всегда — как немцы ‘немые’ в противовес словенам ‘говорящим’. Со «светлыми» силами ассоциировались (по крайней мере, у родственных им антов) аланские кочевники — об этом можно судить хотя бы по заимствованиям имен богов.

Романцы (волохи), напротив, связывались с богом загробного мира, антагонистом Перуна и покровителем скотоводства Волосом-Велесом.

https://RodnoVery.ru

Отождествляемый с ним Троян мог мыслиться и покровителем «греков». Несмотря на отношения симбиоза, славяне восприняли от восточных германцев представление о гуннских кочевниках как потомках демонических сил, «бесовых детях».[278] Впрочем, у антов, для которых болгары были ближайшими родичами на общей аланской основе, это представление едва ли было принято.

Основным способом отправления культа было жертвоприношение. Обряд этот совершался как по установленным празднествам, так и по особым случаям. Прокопий сообщает, что существовал обычай обещать Перуну («богу») жертву в искупление жизни в случае болезни или выступления на войну.[279] Жертвы приносились всем почитаемым славянами божествам и духам. Жертвоприношения низшим духам («рекам и нимфам» и т. д.) сопровождались гаданиями,[280] что находит параллели в позднейших обычаях славян. Обряд жертвоприношения включал принесение жертвы с молитвой (обряд обозначался праслав. *modlitva[281]) и жертвенной трапезой с участием жреца (собственно «жертва»).

В жертву приносились животные, а также продукты земледелия или растительные яства в глиняной посуде. Часть приносимого сжигалась на костре перед святыней, а часть составляла жертвенную трапезу. Перуну приносили в жертву преимущественно быков, но и других животных.[282] У славян долго сохранялся древний индоевропейский обычай сезонных человеческих жертв Земле. Жертва воспринималась как заместитель сакрального правителя.[283] В описываемый период обряд как бы искупал бесчинства княжеской дружины в период зимнего гощения. После убийства ритуального «князя» — заместителя из числа дружинников — появлялся настоящий князь, символизировавший в данный праздничный момент воскресшее божество плодородия (Перуна-Сварога?). На вражеской территории члены воинских союзов производили кровавые «посвящения» пленников и захваченного скота своим богам или духам.[284] В славянском фольклоре отразился обряд «строительной» жертвы — животной или человеческой.

У славян существовали представления о сверхъестественной магической силе отдельных людей. Первоначально способность к магии (чарам) связывалась с определенной социальной функцией. «Вещестью» в разной степени наделялись служители культа, племенные вожди, члены воинских братств, ремесленники (во всяком случае, кузнецы и гончары[285]), сказители.

С магией сближалось в народных представлениях занятие медициной.

https://RodnoVery.ru

Славянское зелейничество, восходящее к широким познаниям в области лекарственных растений и иных целебных средств, существовало издавна. В описываемый период уже были люди, специализировавшиеся на целительстве.[286]

Понятие «вещести» включало в себя способность к магии, оборотничеству, предсказанию судьбы, общению с «иным» миром. Колдовские действия осуществлялись путем разного рода обрядов и заклинаний (заговоров). Некоторые же магические обряды проходили с участием обычных общинников, хотя и под руководством вождя или служителя культа. К таким обрядам относились, например, опахивание села во время мора, вызывание дождя, календарные ритуальные действа. В каких-то ритуалах использовались сохранившиеся в археологическом материале небольшие глиняные «хлебцы».[287]

Традиционная духовная культура

О календарной обрядности древних славян V–VI вв. судить трудно. Одна часть названий календарных праздников не является общеславянской, другая — воспринята в ходе балканской миграции, то есть в основном в течение VI столетия. Элементы ритуалов, отдельные обрядовые тексты имеют явные черты сходства, но в целом варьируются у разных славянских народов. Все же на основе этих сходных черт,[288] а также пиктографических календарей с черняховских сосудов,[289] можно охарактеризовать календарную обрядность славян, сложившуюся у их предков еще в IV в.

Календарь обычного года состоял из 12 месяцев по 30 дней каждый. Следовательно, уже произошел переход от древнейшего лунного календаря (с которым связан смысл славянского слова «месяц») к лунно-солнечному с какой-то формой високоса. Месяцы издревле, хотя и не вполне четко, объединялись в четыре или два времени года. Год начинался с начала весны или с условно определяемого дня зимнего солнцестояния.

К новогоднему циклу праздников, соответственно, принадлежали дни зимнего солнцестояния и встречи весны. Они сопровождались разжиганием ритуальных огней и гаданием на будущий год. Сюда же относилось ритуальное сожжение Карачуна (Бадняка), позднее воплощавшегося «рождественским поленом». При проводах зимы подводились все итоги прошедшего года. Производилось принятие

https://RodnoVery.ru

молодоженов во «взрослую» возрастную группу и посрамление тех, кто не вступил в брак в положенное по обычаю время (в первую очередь, впрочем, девушек). В период контактов с романцами обряды встречи нового года и весны стали зваться колядой — от латинского calendae ‘первый день месяца’.[290] Отмечалось, по крайней мере, первой ритуальной пахотой, начало пахотных работ весной. Выгон скота на пастбище тоже сопровождался празднованием.

Центральными праздниками годового цикла были летние. В июне отмечались праздник, посвященный плодоносящим силам земли, в начале месяца (встреча лета) и день летнего солнцестояния. Последний завершал неделю, связанную, скорее всего, и с поминовением умерших, и с выбором суженых. Со времени балканской миграции, по аналогии с латинскими днями поминовения умерших — розалиями, этот шестидневный цикл стал именоваться русалиями. Оба июньских праздника также сопровождались разжиганием священных огней. Обрядовый цикл летнего солнцестояния был связан с ритуальными омовениями. В июле праздновали в честь громовержца Перуна, принося моление о прекращении гроз накануне сбора урожая. Тогда-то и производилось главное жертвоприношение быка. Центральные обряды всех летних праздников справлялись в священных рощах.

К числу древнейших осенних празднований относился день последнего снопа, посвящавшегося божеству. Изначально он совмещался с проводами лета. По общеславянским народным представлениям, лето (или весна) и солнце на зиму «замыкаются» далеко на юге, в потустороннем мире. Их «отомкнут» с началом новогоднего цикла по зову («выкликанию») людей.

На декабрь приходился период древних общеевропейских «волчьих» ритуалов.[291] Эти действа, представлявшие собой ритуальный обход племенных земель, совершались членами воинских союзов в течение всего месяца.

Руководили обрядовыми действами общинные жрецы и главы семей обоих полов. Основной же движущей силой празднования внутри общины была молодежь, не вступившая в брак. Почти все обряды календарного цикла сопровождались пляской с пением (праслав. *jьgra, откуда «игра», «игрище»). Важную роль в обрядах играли ряженые члены ритуальных союзов, по происхождению тождественных воинским братствам.[292] Эти «игрецы», обходившие в ходе празднества все общины племени,[293] одаривались всеми участниками ритуала — в обязательном и даже

https://RodnoVery.ru

принудительном порядке.

В осенне-зимний период, свободный от земледельческих работ, обычно заключались браки. Славянский род (в узком смысле) был экзогамен — браки заключались только за его пределами. Отсюда устойчивый образ жениха как чужака в славянском фольклоре. Экзогамии патронимии соответствовала эндогамия общины или, по крайней мере, племени, что служило укреплению внутриплеменного единства. Нарушение как экзогамных, так и эндогамных установлений приравнивалось к бесчестному совокуплению без брака. Виновному мужчине грозила кровная месть (если речь шла о человеке из другого рода) или изгнание. Смерть или позор в зависимости от воли семьи и общины могли быть суждены в этом случае и девушке.[294]

У славян допускалось многоженство.[295] Вряд ли, однако, в описываемый период оно было широко распространено. Существовали отдельные, в основном ритуальные, пережитки многомужества и группового брака.[296] Но к VI в. эти формы в основном, конечно, отошли в прошлое. Допускалось вступление в повторный брак. Развод производила община в случае бездетности супругов.[297]

Выбор суженых внутри эндогамного коллектива происходил, как уже говорилось, в ходе летних празднеств. Он был достаточно свободен. Но община могла оказать давление на молодежь путем как прямого принуждения, так и разного рода обрядовых манипуляций. Впрочем, такое принуждение было направлено не столько на выбор пары, сколько на само по себе вступление в брак.

Сделанный выбор в идеале требовал общинной и семейной санкции, оформленной в ходе сватовства родителей жениха. Однако это могло быть обойдено путем умыкания невесты. Умыкание, судя по русским летописям, [298] происходило по уговору с «жертвой» (нередко и с ведома ее семьи) непосредственно на летних «игрищах», «у воды». Этот обычай был довольно широко распространен. Впрочем, увоз девушки за пределы эндогамной общности с неизбежностью влек за собой внутри– или межплеменной конфликт.

Гораздо шире была распространена «чинная» свадьба, основанная на договоре сторон — родичей жениха и невесты. Договор мог нести черты «брака-купли» — тогда жених вносил выкуп за невесту (вено), хотя бы символический.[299] Но больше был распространен и лучше сохранился другой вариант, при котором договор сопровождался принесением обета, ритуальным обменом дарами, а невесте давалось приданое. При такой

https://RodnoVery.ru

свадьбе вено и представляло собой, как иногда полагают, «утренний дар» жениха невесте.[300]

Древнейший свадебный ритуал славян, как полагают, носил отчасти уксорилокальный (сосредоточенный на территории невесты) характер.[301] Достоверно мы можем судить лишь о том, о чем говорит в связи с полянами русская летопись: «Не ходил жених за невестой, но приводили ее вечером».[302] Это, судя по позднейшей этнографической сохранности, и являлось древнейшей формой обряда.

При такой форме первое формально-обрядовое «знакомство» молодых (их первая совместная трапеза, игровое опознание или поиски невесты и пр.) происходило еще до свадьбы, после заключения договора между семьями. В свадебный день охранительные и магические ритуалы над молодыми, их одевание, обрядовое омовение происходили порознь. Тщательнее, чем жениха, готовили к свадьбе невесту — ведь она уходила в чужой род. К вечеру от жениха прибывали за невестой. Древнейшая форма ритуала понятна лучше с учетом того, что в VI–VII вв., как правило, жених и невеста жили в разных селениях. При отъезде из селения невесты происходило одаривание остававшейся части ее родичей. С приездом в селение жениха молодые встречались, и происходил ритуальный обход местной родовой святыни — дерева, кустарника или источника. Отсюда позднейшие выражения типа «вкруг ракитова куста венчаться», означающие языческий обряд (ср. «свадебное дерево» у чехов).[303] В доме жениха проходило свадебное пиршество, главным угощением которого считался ритуальный хлеб — каравай (коровай). Веселье прерывалось на постельный обряд (укладывание жениха и невесты), а затем продолжалось до «совершения» брака.

За свадьбой следовало возвращение жениха с невестой в ее родовое гнездо. Здесь молодые жили до вступления на празднествах новогоднего цикла в новую возрастную группу. Для молодой супруги это было прощание с родным домом, а для ее мужа пребывание на подчиненном положении в семье жены служило своеобразным посвятительным испытанием.

Обряды, связанные с рождением ребенка, не сохранились в первоначальной форме и подчас сильно разнятся у славянских народов.[304] К числу древних элементов ритуала, несомненно, относятся пережитки кувады (ритуального подражания мужа рожающей женщине). Считалось, что всякая «завязь» затрудняет роды, потому в доме распускались все узлы, роженице расплетали волосы. При родах и сразу после них принимались

https://RodnoVery.ru

различные охранительно-магические меры, призванные скрыть сам факт рождения ребенка от враждебных духов. Большое значение в ритуале придавалось перерезанной пуповине и особенно «рубашке», если ребенок рождался в ней, — «рубашка» считалась признаком будущих сверхъестественных дарований. При рождении давалось условное имя, лишь позднее заменявшееся настоящим. Завершался этот обрядовый цикл первым омовением ребенка и совершением охранительных обрядов уже над ним. Большую роль в ритуале играла повивальная бабка.

В случае тяжелой болезни младенца совершался обряд «перепекания» — как бы нового рождения. Ребенка клали на лопату и трижды всовывали в теплую печь. Ритуал тесно перекликался с древнейшими посвятительными обрядами, также представлявшими «второе рождение».[305]

О возрастных группах у славян судить сложно. Эпос обозначает в качестве граней 7, 10, 12 и 15 лет.[306] Отрезок от 7 до 12 лет предстает как период обучения и воспитания. В воспитании мальчика ключевую роль играл дядя по матери (вуй; ср. слово «дядька») — мальчик на каком-то этапе отправлялся жить в материнский род. Именно вуй нарекал ребенку его «истинное имя» в ходе посвятительных обрядов или ранее.[307] В воспитании девочки соответствующую роль играла сестра отца. Впрочем, в обережных целях для наречения ребенка могли пригласить первого встречного. В тех же целях давались имена с негативным смыслом (типа Тугарин).

Славянские имена делились на три группы. Одну составляли заимствованные, германского или кочевнического происхождения, в VI в. распространенные в основном у антов. Вторую — значащие односоставные имена (типа Сваруна). Их носили большинство словен и антов. Третью группу составляли двусоставные имена. В описываемое время такие имена, связанные с представлением о сакральном могуществе, носили племенные вожди. В охранительных целях такие имена могли усекаться (например, Добрята — от имени с «Добр-») или заменяться родовыми прозвищами-титулами сакрального смысла (как Мусок / Маджак, Кий и др.).[308]

Основные посвятительные обряды, связанные со вступлением во взрослую жизнь, совершались в возрасте 12 лет. Этот возраст считался у древних славян совершеннолетием. Древние, плохо сохранившиеся посвятительные обряды представляли собой серию суровых испытаний, которым дети подвергались в изоляции от общины жрицей (ведьмой), символизирующей богиню-мать в ее «гневном», кровожадном обличье. Эти ритуалы нашли частичное отражение в мифологическом образе Яги. В той

https://RodnoVery.ru

же роли мог выступать и жрец-ведун.[309] Следовало символическое включение ребенка (с этого момента отрока) в общину — первым боронованием (у мальчиков), первым прядением (у девочек). Инициацию завершали ритуальное пострижение, омовение и общее празднование с участием инициированных. Помимо жреца-наставника, инициируемому придавался также помощник из числа уже прошедших инициацию — он и позже должен был быть его покровителем.[310] Брачный возраст у древних славян наступал с пятнадцати лет.

Определеннее нам известен похоронный ритуал славян. Он сопровождался обрядами по задабриванию умершего и предотвращению угрозы со стороны его духа. Древними чертами погребальной обрядности являлись ритуальное игрище с пиром (праслав. *jьztrava[311]) до и после похорон, пение причети во время погребения.[312]

В конце V — первой половине VI в. словене и анты хоронили своих умерших в грунтовых могильниках по обряду трупосожжения.[313] Размер могильника зависел от срока использования и численности населения в общине. Так, в могильнике Сэрата-Монтеору — более 1500 погребений, в Пржитлуках — ок. 450, тогда как в могильниках к востоку от Прута и Западного Буга — до 30.[314] Кремация умерших совершалась на стороне, на специальной площадке, окруженной ровиком.[315] Останки умерших часто помещались в урны (глиняные горшки), иногда нет, и погребались в небольших ямках.[316] Безурновые погребения отражали подчиненное положение погребенных как младших членов семьи[317] и не свидетельствуют о социальном расслоении в собственном смысле слова. К числу чисто ритуальных особенностей у словен относился отмеченный в ряде мест обычай помещать урну в могилу уже после погребения, накрывая останки.[318]

У антов не было обычая сопровождать захоронение инвентарем. Умерших кремировали в одежде, чаще всего без огнестойких предметов. Несколько иначе обстояло дело у словен. Изредка в их захоронениях встречается, хотя и очень бедный, погребальный инвентарь. В большей степени это касается крупных могильников дунайско-карпатских земель.[319]

В некоторых областях словенского и антского расселения имелись яркие этнографические особенности погребального обряда, связанные с местными влияниями. Так, словене Закарпатья кремировали умерших на отдельных кострах, затем делали поверх вымостки из камней и ставили на

https://RodnoVery.ru

них урны.[320] Здесь следует видеть наследство предшествующей дакийской культуры карпатских курганов. Кое-где в антских землях потомки аланов и германцев продолжали хоронить своих умерших согласно обычаям предшествующей черняховской культуры — по обряду трупоположения, с инвентарем. Особенно это характерно для восточной периферии, Поднепровья и Левобережья.[321]

Наряду с разнообразным обрядовым и игровым фольклором у древних славян, несомненно, существовали и иные фольклорные жанры. Образный фольклор — пословицы, поговорки, загадки, — в первобытном обществе играл существеннейшую роль. Он способствовал запоминанию и передаче правовых и моральных норм, а также сакрального знания о мире.

С обрядовым фольклором был тесно связан мифологический эпос, действующими лицами которого выступали божества. Отражение его можно увидеть в «мифологических» эпических песнях южных славян, а также в некоторых фольклорных текстах других славянских народов. Такой эпос был тесно связан не только с обрядом, но и с собственно мифом и гимном божеству. Сохранялась вся сакральная традиция служителями культа.

Наряду с эпосом о мифологических временах существовали и слабо еще разграниченные «былевые» жанры фольклора, где действующими лицами выступали люди. К былевым жанрам у славян традиционно относились героический эпос, мифологический рассказ и историческое предание. Первый жанр бытовал в песенно-прозаической форме (как позднейшие русские богатырские бывальщины), остальные — преимущественно в прозаической. Грани между былевыми жанрами были довольно зыбки. И мифологический рассказ о происшедших с реальным человеком событиях с участием сверхъестественных сил, и предание об исторических фактах могли лечь в основу эпического повествования.

Героический эпос славян повествовал о «храбрах», сражавшихся со злыми духами, чудовищами и внешними врагами. У славян сохранились следы существования героического эпоса первого стадиального ряда (по современной классификации[322]). Он повествовал о «храбрах»-великанах (асилках, волотах-велетах), основными противниками которых выступали чудовищные змеи и оборотни-юды. Осколками этого древнейшего эпоса являются белорусские богатырские сказы, южнославянские песни о юнаке, носящем условное имя Рабро или Бранко, отдельные русские былины, отчасти — предания о великанах. Поэтические тексты русских, болгар, сербов содержат ряд «общих мест» (эпитеты, речевые обороты), ярко

https://RodnoVery.ru

свидетельствующих об общих корнях славянского эпоса. Пример — мотив о змееобразном чудовище, которому «намочило крылья» по молению героя. [323]

На основании русских и южнославянских сказаний о рождении змеевича, наделенного магическими дарованиями, у обесчещенной змеем женщины, и его битвы с отцом восстанавливается древнее эпическое сказание о герое-оборотне, сыне Змея и змееборце. Оно нашло непосредственное отражение в русской былине «Рождение Змеевича», а также в некоторых южнославянских эпических песнях.[324] Изначально это сказание было частью змееборческого волотского цикла.

К древнейшим относятся также сказание о богатыре-исполине, от крови которого протекла река (русская былина «Дунай»). Прямым наследием волотского эпоса являются и русские былины о богатыре-великане Святогоре.

Географически ближайшей параллелью к славянским сказаниям о великанах является эпос кавказских народов о нартах, основные герои и сюжеты которого имеют аланское происхождение. Сходные эпические сказания о богатырях-исполинах бытовали на обширной территории Центральной и Средней Азии, Ирана, Закавказья. Центром их распространения были скифо-сарматские степи. С другой стороны, мифологический образ великанов как предшественников или предков нынешних людей носит универсальный характер. Воспринятые от аланских сказителей мотивы упали на благодатную почву исконных славянских представлений.

Сохранение былевой традиции в славянском обществе, как и у других народов, было издревле специализировано. Во все времена сказители пользовались у славян всеобщим уважением, и передача древних сказаний являлась основным их занятием.

https://RodnoVery.ru

Бляшка в виде птицы из Зимно

Существовали, несомненно, и другие жанры повествовательного фольклора, не требовавшие достоверности. Сказыванию сказок, впрочем, также придавался некий сакральный смысл.[325] Для древнего периода можно выделить сказки о животных и волшебные (этиологические, объясняющие обряд, и героические, близкие волотскому эпосу). Существовали, как и у других народов на схожей стадии развития, ходячие бытовые рассказы анекдотического характера.

Основные устойчивые мотивы славянского народного искусства отражены в вышивке и резьбе по дереву. Древние мотивы особенно отражены в вышивке. Общеславянский геометрический орнамент использует священные знаки — ромбы, квадраты, свастики, розетки. Часто встречаются изображения «богини-матери» с «прибогами»-всадниками (одним или двумя). Другие женские фигуры — с рыбьими хвостами или крылатые. Мужчина-воин в полный рост — скорее всего, бог-воитель Перун. Имеются также изображения птиц («утицы» и хищной) и домашних животных (прежде всего, коня и быка).[326] Как явствует из этого перечисления, искусство было тесно связано с религиозными представлениями и мифологической картиной мира.

Стоит заметить, что орнаментация глиняной посуды чрезвычайно бедна. В восточных антских землях изредка встречаются налепы на сосудах, иногда в виде шишечек или полумесяца. Но самый распространенный (и все равно встречающийся крайне редко) вид орнамента у антов и словен — косые насечки или защипи по краю венчика.[327]

https://RodnoVery.ru

К числу памятников древнеславянского искусства относились и несохранившиеся деревянные изображения богов. Они были столбовой формы.[328] К древнейшему периоду восходит также обычай украшать крышу дома головой коня (с чем связано слово «конек»).

От антской пеньковской культуры сохранились отдельные стилизованные глиняные статуэтки — животных (в том числе коня) и человека. Они использовались в обрядовой сфере, как и глиняные «хлебцы» у словен.[329] Металлическим деталям одежды и украшениям часто придавалась форма животных или людей. Особенно это было характерно для антской культуры.[330]

Для передачи и сохранения информации, а также для гаданий славяне использовали «черты и резы».[331] Образцов этого рисуночно-символического «письма» от описываемого времени не сохранилось — знаки наносились исключительно на дерево.

Социальное расслоение

Славянское общество описываемого периода находилось на стадии племенного строя. Процессы его разложения, развития собственнических отношений и формирования государства, замедленные на время гуннским нашествием, с VI в. подходят к завершающей фазе. Тем не менее общественно-политический строй антов и словен, насколько можно судить по данным археологии, языка, а также скупым известиям греческих авторов, пока еще был весьма архаичен.

Расслоение славянского общества прослеживается в целом слабо. Однако у словен и антов существовало рабство. Рабами становились пленники.[332] Раб считался собственностью господина (как правило, того, кто его захватил[333]), его можно было продать и, соответственно, выкупить.[334] Рабский труд использовался в хозяйстве. С другой стороны, рабу вполне могли доверить оружие. Тогда он сражался на войне рядом с господином и мог даже «покрыть себя большой славой».[335] Если раб оказывался на земле своего племени или племенного объединения, то «по закону» считался свободным. Например, ант, находившийся в рабстве у словен, считался на основании «закона» (то есть обычного права) свободным с момента вступления на антские земли.[336] В целом рабство, как можно видеть, носило патриархальный характер, и в реальности

https://RodnoVery.ru

положение рабов мало отличалось от положения младших членов большой семьи.

Другой неполноправной группой в славянском обществе были данники (термин общеславянский[337]). Таковыми для словен и антов, насколько можно судить, в описываемый период являлись только аборигены дунайско-карпатских земель. «Волохи» жили вместе со славянами, занимались гончарством и скотоводством (занятиями непрестижными в глазах древних славян). Вероятно, они несли какие-то связанные с этим повинности в пользу славянских племен.[338]

Но не все инородческие группы в антском и словенском обществе были принижены по своему статусу. К германцам-«немцам» это, судя по всему, совершенно не относилось. То же самое можно сказать и о словенах и «эстиях», вошедших в антскую общность. А арийское происхождение антских племенных названий свидетельствует, по меньшей мере, о равном положении потомков аланских кочевников в антских племенах.[339] Да и волохи наделялись в сознании славян определенным сакральным могуществом и, следовательно, пользовались известным почтением.

Основную массу населения составляли свободные полноправные общинники — люди. В правовом отношении их масса была достаточно однородной, и деление проходило лишь по половозрастному признаку. Характерно практически полное отсутствие в общеславянском языке специальных терминов, обозначающих принадлежность к воинской «касте». Свободный мужчина-общинник (муж, людин) — одновременно воин (вой, муж); никаких привилегий здесь не прослеживается. Единственное исключение — раннее заимствование у германцев «витязь» — обозначало у древних славян просто воина на коне. В ранних антских и словенских погребениях нет оружия.

Стоит отметить, что для эпоса характерно негативное отношение к тем, кто пытался жить исключительно «храбрством». В былине о великане Святогоре он после горделивой похвальбы погибает, не в силах поднять суму с «тягой земной», которую легко несет на плече пахарь. Другой воин-великан, Дунай, из-за состязания в воинской доблести убивает свою жену, тоже воительницу. Она оказывается беременной — в чреве у нее ребенок-богатырь. В раскаянии Дунай, предавший из-за «молодечества» свою обязанность продолжить род и погубивший возлюбленную, кончает с собой. Эти трагические сюжеты отчасти, несомненно, были зарисовкой с натуры. Те, кто пытался выломиться из общинного уклада, строя жизнь исключительно на воинской удали, как правило, кончали плохо — по

https://RodnoVery.ru

самым разным причинам.

Тем не менее расслоение в общине происходило, и это было, в первую очередь, расслоение имущественное. Оно быстрее шло в придунайских землях. Сельское хозяйство здесь было более доходно, а военные набеги позволяли значительно увеличить свою собственность. О наличии небольшой относительно богатой прослойки свидетельствует наличие в некоторых погребениях уже этого времени инвентаря, хотя и чрезвычайно скудного. В основном погребения с инвентарем сосредоточены в дунайско-карпатских землях от Поморавья до Сирета.

О наличии в общинах семей, выделяющихся именно по имущественному принципу, свидетельствует и языковой материал. Термины для обозначения таких зажиточных хозяев — господа, паны (праслав. ед. ч. *gъpanъ). Судя по исконному смыслу последнего термина, [340] основным богатством еще в праславянскую эпоху считался скот, что согласуется и с иными сведениями. В то же время семьи «господ», конечно, были больше, именно в их среде было возможным многоженство, — соответственно на их долю приходилось больше и земледельческих угодий, и опять-таки военной добычи. Естественной возможностью для формирования этой прослойки становился сам характер славянской колонизации. В каждой патронимии в выигрышном положении оказывалась пришедшая первой на данное место и (или) старшая по родословию семья, от которой чаще всего и отпочковывались другие, младшие. Аналогичная ситуация складывалась и в территориальной общине.

Имущественному расслоению не могло не способствовать и развитие меновых и товарно-денежных отношений. В придунайских землях обращалась имперская монета, попадавшая сюда через дакийских романцев или как военная добыча.[341] Общеславянская терминология, связанная с торговлей и ростовщичеством, восходит к более раннему времени, а наем был одной из древнейших славянских правовых категорий.[342] Были уже люди, отчасти специализировавшиеся на торговле (купцы, гости) и даче ссуд (лихвари). Но все-таки ввиду прочности общинных институтов у славян не сложилось никакого подобия «плутократии». Несомненно, что от торговли и ростовщичества выигрывала та же родовая старшина, одна только и обладавшая излишками собственности. Не принадлежавший к такой знатной семье торговец мог быть только посредником.

В формально-правовом смысле из общины выделялись, пожалуй, только жрецы. Славянское жречество делилось на мужское (ведуны) и

https://RodnoVery.ru

женское (ведьмы, ведуницы, вещицы). Различались собственно жрецы и волхвы. Последние выступают в источниках как не связанные с конкретной общиной бродячие предсказатели и чудотворцы. Они сохраняли сакральную мудрость, выраженную особым, непонятным для непосвященных языком (как кельтские филиды). «Ведение» всегда рассматривалось как некое избранничество, предназначенное от рождения (мотив «урожденного» ведовства в славянских поверьях). Однако собственно посвящение ведуна или ведьмы требовало длительной «науки» — обучения сверхъестественным способностям, а затем суровых посвятительных испытаний. Подобным образом обстояло дело и в других древних обществах. Все это позволяет предполагать, по крайней мере, осознание ведовства как некой единой традиции, идущей от глубокой древности.

Особенно это относится к ведьмам — служительницам древнего матриархального культа богини-матери, Земли. Судя по фольклорным припоминаниям, ведьмы, как правило, селились изолированно от общины. Они принимали обет безбрачия — при полном отсутствии каких-либо иных сексуальных запретов. Ведовское знание они передавали своим избранницам, зачастую ближайшим родственницам. Ритуальные собрания ведьм были связаны с культом плодоносящей земли. Фольклор представляет их как разнузданные и к тому же кровавые оргии, несущие смертельную угрозу вольным и невольным свидетелям, особенно мужчинам. По мере укрепления патриархата изоляция ведьм от общины неизбежно возрастала.

Итак, славянское жречество было достаточно обособленно внутри общества. Но эта обособленность не носила кастового характера. «Ведение» передавалось формально не по наследству, а по линии ученичества. Выбор ученика или ученицы обусловливался, по народным представлениям, не родословной, а особыми признаками избранничества со стороны богов или духов. Наконец, ведуны и ведьмы рождались в обычных семьях, и в качестве родственников этих служителей языческого культа выступают и в наиболее архаичных памятниках фольклора простые общинники.

Жречество было тесно связано с ритуальными союзами, которые являлись наследниками «тайных» союзов эпохи позднеродового и раннего племенного строя. В славянском обществе выделялись, прежде всего, замкнутые половозрастные группы, охватывавшие практически всех свободных. Эти группы были наиболее близки по своему характеру прежним мужским и женским союзам.[343] Выделяются мужские

https://RodnoVery.ru

возрастные группы отроков («юных») и мужей, женские — дев и жен. Пожилые, в меньшей степени вдовые (имеющие детей) люди пользовались определенными преимуществами, играли существенную роль в некоторых обрядах (например, опахивание села). Но в отдельные сообщества они не объединялись. Дети и просватанные невесты оставались за пределами половозрастных групп.

Собрания и пиры половозрастной группы, ее обряды были закрыты для посторонних. Сообщество принимало важные решения о судьбе своих членов (например, о вступлении в брак), играло важную самостоятельную роль в календарных ритуалах. Так, в обязанности молодежных половозрастных групп входило посрамление лиц другого пола, не вступивших в брак в положенный срок. Запретность обрядового действа, совершаемого сообществом, для посторонних, ярко проявляется в обряде опахивания, совершавшемся девушками и пожилыми женщинами. Мужчин, попавшихся на пути процессии, нещадно избивали.[344] Во главе совершаемых половозрастными группами обрядов стояли служители культа, остававшиеся как бы вне сообществ. Для мужских обрядов это был общинный жрец, для женских — ведьма.

Наряду с группами половозрастного характера существовали и союзы, принадлежность к которым подразумевала некое избранничество, близкое ведовскому предназначению. Такого рода объединения могли носить, как и жреческие корпорации, межобщинный и внеобщинный характер.

Как особая традиция, скрытая от непосвященных и связанная со сверхъестественными силами, осознавалось в славянской традиции кузнечное дело. «Знание» его передавалось по наследству в родах, генеалогически или иным образом связывавших себя с божественным прародителем — первым кузнецом Сварогом. Кузнецам приписывалось чародейное умение. Мифический Сварог был одновременно кузнецом, пахарем, воином и первым правителем, что указывает и на высокий статус воинов-кузнецов в обществе, и на их неотделенность от общины и земледельческого труда. В семьях кузнецов общинным кузнецом, естественно, становился кто-то один. Отмечается большая роль кузнеца в календарной и свадебной обрядности.[345] В основе соответствующих ритуалов — идея права кузнеца на всех девушек общины, брак с любой из коих требовал его формального разрешения и утверждения. В условиях патриархального общества это была значительная привилегия. Положение кузнеца в древней общине, судя по этим припоминаниям, — сразу после жреца.

https://RodnoVery.ru

Нетрудно заключить, что воины-кузнецы, носители тайного знания, восходящего к общему источнику, осознавали себя как некое целое в противовес другим людям племени. В таком случае напрашивается вопрос — не было ли сперва имя «Сварог», заимствованное и непонятное большинству славян, «скрытым» именем «создателя молний» Перуна в ритуальной практике тайного союза? Подобные факты у первобытных народов широко известны в этнографии.[346] Это позволяет объяснить относительно редкое упоминание Сварога в источниках и наличие разных замен для собственного имени Божьего Коваля. Особенно показательны восходящие к табу на произнесение имени «Сварог» наименования Тварог, Рарог, Рах, Страх.[347] Распространение культа Сварога и соответствующих ритуальных традиций шло из антских областей. На это указывает и арийское происхождение имени божества, и упоминание в ключевом змееборческом мифе металлического орудия пахоты — то есть пеньковского рала с наральником.

Другая сходная традиция была связана с образом противника Перуна, владыки преисподней и покровителя скотоводства Велеса (в то время еще прямо отождествлявшегося с Триглавом-Трояном). Хранителями знания, восходящего к Велесу, «Велесовыми внуками» считались «песнотворцы», носители поэтических традиций, то есть сказители и отчасти волхвы. С поэзией у индоевропейских народов связывалось представление о «поэтической речи», сопряженной с магическим даром. Славянский «песнотворец» мистическим образом проникает в загробный мир по «тропе Трояней», вызывая оттуда образы минувшего.

https://RodnoVery.ru

Изображение лошади. Пеньковская культура

С образом Велеса, несомненно, было связано и мифологическое представление о пастухах.[348] Пастух наделялся в народных поверьях различными сверхъестественными дарованиями; проходили сезонные чествования и одаривания пастухов. Бывали обрядовые действа, совершаемые совместно самими пастухами. Во всем этом можно видеть следы существования тайного союза, связанного с культом Велеса. При этом нужно иметь в виду, что пастушество не считалось у славян престижным занятием, и часто пастухами становились инородцы. Характерно, что одаривание пастухов чаще всего происходило вне села, то есть это был как бы откуп от существ, связанных с «иным» миром.

Особое место среди тайных союзов древних славян занимали братства, связанные с представлениями об оборотничестве и тотемным по происхождению культом волка. Традиция их существования восходит к балто-славянской и далее индоевропейской древности.[349] У славян, как и у германцев,[350] эти союзы со временем превратились в воинские братства, независимые от общины и противостоящие ей. Оборотничество волкодлаков представлялось в славянских поверьях врожденным избранничеством. Такие избранники от рождения (например, родившиеся «в рубашке») могли считаться детьми мифического духа-змея и, несомненно, возглавляли братства. Второй, низшей категорией их членов были те, кто, по поверьям, оборачивался волком (или иным животным) лишь по воле предводителя. Такую картину рисует и эпос (например,

https://RodnoVery.ru

былина о Волхе; ср. мотив «природного» и «вынужденного» оборотничества в позднейших поверьях).

Судя по фольклорным припоминаниям (в сказках, преданиях, обрядах и пр.), братства бойников или бродников жили отдельно от общин, часто в лесах, или вели полукочевой образ жизни. Источником существования для них являлись охота (как и для их тотема) и более или менее принявшее форму ритуала ограбление близлежащих общин. В течение «волчьего месяца» (примерно соответствовал декабрю) «волкодлаки» в волчьих шкурах обходили селения и собирали с них дары, служившие, по сути, откупом.[351]

В среде воинских братств долго сохранялись пережитки многомужества. Судя по связанным с разбойниками сказочным сюжетам, их «большим домом» в лесу ведала женщина, считавшаяся одновременно сестрой и женой братьев.[352] Она была призвана служить ведьмой, жрицей воинского культа, и наделялась магическими дарованиями (ср. образ бродницы в южнославянском фольклоре).

Бойники стремились влить в свои ряды всех, по желанию или вынужденно отрывавшихся от общины — изгоев, «храбров»-одиночек и т. д. С другой стороны, того, кто желал быть членом братства, не порывая с семьей и общиной, ждала жестокая и изощренная кара.[353] Идеальный с точки зрения братства предел его существованию полагала одновременная женитьба всех его членов, осуществленная путем умыкания невест.[354]

В древности обряд посвящения в братство включал жестокий ритуал «обагрения оружия» — кровью первого встречного, даже если это близкий родич. Отголоски этого сохранились в позднейшем фольклоре. Человеческое жертвоприношение завершалось каннибальской трапезой — смысл ее был тот же, что и в пожирании тотема (волка или медведя), так как поедались органы, связанные с представлениями о жизненной силе.[355] В описываемый период, однако, этот древний кровавый обычай уже уходил в прошлое — братства, стремившиеся влиться в племенные институты, отступали от резкого противостояния с обществом. В этой связи следует обратить внимание на фольклорные представления о том, что человеческая жертва может быть заменена обрубанием дерева.[356]

В то же время в первой половине VI в. еще происходили массовые истребления первых пленников без различия пола и возраста,[357] — тот же обряд «обагрения оружия», только в военном походе. Псевдо-Кесарий говорит и о каннибализме, причем определенно ритуальном.[358] Он же сообщает, что славяне «перекликаются волчьим воем» — ясное указание на

https://RodnoVery.ru

то, что члены «оборотнических» союзов играли не последнюю роль в набегах на Империю. На время военного похода братство в некотором смысле расширялось, и в него могли формально включаться, помимо собственно бойников, все шедшие с ними и нередко под их началом воины. То же самое мы наблюдаем и в случае скандинавских викингов, ядро которых составляли «оборотни»-берсерки. Находки костей волка и медведя на корчакских поселениях — след ритуальных трапез бойников и свидетельство их постепенного сближения с общиной.

Былина о Волхе,[359] отражающая реалии времен набегов на богатые южные страны, явно говорит о заинтересованности во внешних завоеваниях именно бойников-«волкодлаков». В этом эпическом тексте описывается поход дружины юношей-ровесников, живущих охотой, во главе с вождем, волкодлаком и сыном Змея, на богатую южную страну. В итоге герои овладевают женами, богатством и местом для поселения. Былина плохо сохранилась в позднейшем фольклоре, несомненно, именно из-за своего завоевательного пафоса.

Надо заметить, что все свидетельства влияния «оборотнических» братств относятся к словенам. В связи с этим можно обратить внимание на явное разложение обрядности «волчьего» цикла у болгар, тесно связанных по происхождению с антами. У антов «волчьи» союзы были явно менее влиятельны, не выдерживая соперничества с какими-то характерными именно для антов общественными структурами. Естественным противовесом «волкодлакам» были потомки воинской знати «королевства» Боза и (или) союз воинов-кузнецов, возникший как раз в антских землях.

Все названные механизмы общественного расслоения, несомненно, многократно переплетались. «Господином» легче было стать члену влиятельного ритуального союза, например кузнецу. Общинные жрецы конечно же часто происходили из авторитетных и богатых семей; наследник «пана» мог уйти в бойники и даже стать главой их братства и т. д. Все это служило хотя и медленному, но размыванию массы «людей» и формированию господствующих общественных слоев.

Пути сложения государственности

Не вызывает сомнения, что именно родовая знать всецело контролировала общинное вече. Основные выборные посты на общинном уровне занимали или члены влиятельных семей, или их ставленники. В

https://RodnoVery.ru

общинную «администрацию» входили бирич и землемер, руководивший переделом пахотных угодий (праслав. *merač[360]). Полномочия биричей еще в общеславянскую эпоху расширились, они стали своеобразными посредниками между общиной и племенной властью по самым разным вопросам. В придунайских землях, где славяне столкнулись с более совершенной романской организацией местной власти, стали выбирать старосту — кмета (от народно-латинского comitis[361]).

Вече было высшим органом власти и на уровне племени. Именно это в первую очередь дало повод греческим авторам утверждать, что словене и анты живут в «демократии»[362] и даже в «безначалии».[363] Вече решало все военные и политические вопросы. Оно же было высшей судебной властью, причем не только разбирало споры между общинами и в сложных случаях внутри общины, но и само инициировало судебные разбирательства. Тем самым вече брало на себя верховное право распоряжаться статусом и имуществом любого члена племени.[364] Племенное вече было также верховным распорядителем земли. Оно проводило межевание между общинами и даже внутри общины — между родами и семьями.[365]

В племенное вече входили те же люди, что и в общинное, и на тех же правах. Количество полноправных участников собрания могло доходить здесь уже примерно до двух сотен. С этим и связан обычай выбирать для рассмотрения судебных дел своеобразную коллегию из 12 наиболее авторитетных «мужей».[366] Этот же узкий совет вполне мог играть ключевую роль и при выборах главы племени. Состав его не был постоянным. Но можно не сомневаться, что входившие в него люди были как-либо связаны с родовой знатью и жречеством.

Прокопий утверждал, что анты и словене «не управляются одним человеком». Вторит ему и Псевдо-Кесарий, но тут же упоминает о наличии у словен «архонта и игемона».[367] Несомненно, так же обстояло дело и у антов.[368] Но власть этого «архонта и игемона» была ограничена одним племенем и совершенно не соответствовала ромейским представлениям о монархическом правлении.

Прежде всего, племенной князь (владыка; праслав. *kъnęzь, *voldyka) был выборным правителем. Следы древнего обряда выборов князя и утверждения его во власти сохранились в обычном праве средневековой Каринтии. В одном из списков «Швабского зерцала» содержится текст, описывающий обряд возведения на трон каринтийского герцога. Некогда князь выбирался из числа «свободнорожденных» племенным вечем.

https://RodnoVery.ru

Описываемый обряд хранил следы сверхъестественной санкции его власти. В ходе обряда власть князя утверждалась выборными представителями общин, которые проверяли достоинства претендента суровым допросом у древней колонны — т. н. «Княжего Камня». Хорутанам этот дославянский памятник служил, как можно судить, идолом. Затем, воссев на герцогский престол в открытом поле, новый князь клялся блюсти право и обычаи, а подданные приносили ему присягу. Она всецело обусловлена в обряде обязательствами, которые берет перед лицом племени избранный предводитель.[369]

Обряд выборов включал разнообразные состязания, которым, несомненно, придавался сакральный смысл. Чаще всего в различных памятниках славянского фольклора упоминаются в этой связи скачки (ср. еще следы в некоторых преданиях обряда «узнавания» нового вождя священным конем или конем предшественника[370]). Другое состязание было как-то связано с возжиганием «святого» огня[371] и призвано доказать благосклонность к претенденту бога Огня, сына первого легендарного правителя Сварога.

С последним моментом напрямую связано определение круга претендентов на княжескую власть. На существование в древности такого ограниченного круга претендентов указывает, в частности, устойчивый в славянском фольклоре мотив «царских знаков» на теле. В них можно увидеть отражение древней татуировки членов некоего «рода» или ритуального сообщества.[372] Из обрывков древнеславянской (в первую очередь, русской) мифо-исторической традиции вырисовывается представление о князьях как представителях некоего генеалогического единства, «внуках» Солнца, сына Сварога. Оба божества выступают как учредители государственного устройства и первые правители, предки земных князей.

Все это указывает на то, что приемлемыми для избрания претендентами считались члены ритуального содружества воинов-кузнецов, «потомков» и «учеников» Сварога. В реальности количество родов, из которых избирали князей, могло быть очень ограничено. Князя могли избирать даже из одного рода, выводящего себя «напрямую» от мифического предка. Все правящие князья такого клана присваивали себе в качестве титула-прозвания имя предка (например, Кий). В случае признаков неблагополучия (например, отсутствия в роду мужского потомства или падения власти князя) могли обратиться к более широкому кругу претендентов. Отсюда распространенное у западных славян

https://RodnoVery.ru

предание об избрании в князья простого пахаря (Пшемысл в Чехии, позже Пяст в Польше). Вспомним, что труд земледельца относился к числу престижных и приемлемых для «потомков» Сварога занятий, что сам Божий Коваль предстает как первый пахарь.

Функции княжеской власти были довольно ограничены. Князь / владыка был верховным жрецом и наделялся сверхъестественными дарованиями, следы чего мы находим и в фольклоре.[373] Можно не сомневаться, что он играл важную роль в земледельческой обрядности (как потомок кузнеца-пахаря Сварога).

В чешских средневековых преданиях подчеркивается судейский характер власти древнейших правителей.[374] Право князя быть верховным арбитром в любом внутриплеменном споре вытекало из его сверхъестественного происхождения и жреческого достоинства. Но вождь не мог сам выступать инициатором разбирательства — к нему на суд приходили добровольно.

Знаком высшей власти князя над «волостью» был ее объезд — гощение. В ходе гощения князь останавливался в центрах каждой общины — на погостах, где располагались местные святыни. Изначально это имело обрядовый смысл. Князя принимали представители родовой знати (господа ‘гостеприимцы’), которые и устраивали ему торжественный пир. К князю на погост свозились дары от отдельных родов, составлявших общину. Эти дары постепенно слились с древним сбором на обрядовые нужды (биром). Гощение сопровождалось ритуальной охотой. На период гощения князь получал также полное и безапелляционное право присваивать в любых количествах домашний скот всех людей племени.[375] Проходило оно после завершения земледельческих работ, в осенне-зимний период.

В поездках и походах князя сопровождала дружина. Изначально каждый новый князь набирал новую дружину. Постепенно, однако, неизбежно формируется более или менее постоянная племенная дружина, переходившая с минимальными изменениями от князя к князю.

Естественной основой для такой дружины (по крайней мере, у словен) стали воинские братства. В противном случае они оказывались столь же естественными противниками княжеской власти. Достаточно было уже того, что гощение и «волчий месяц» приходились примерно на одно и то же время. Князю было необходимо заручиться поддержкой хотя бы части бойников.

Процесс превращения бойников в княжескую дружину отражен, как уже говорилось, в мифе о князе-оборотне. Стоит обратить внимание на то,

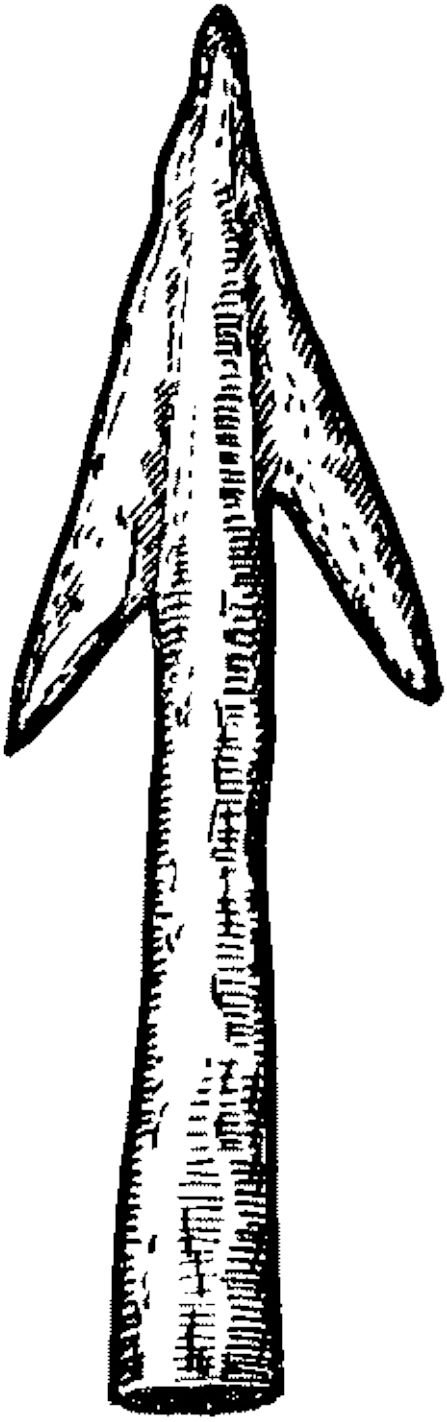
https://RodnoVery.ru

что в наиболее древних вариантах (например, в былине о Волхе) сын Змея и знатной женщины, оборотень, собирает вокруг себя дружину и лишь после этого становится князем. Итак, насколько можно судить, не правящие князья подчиняли себе бойнические братства, а предводители бойников, имевшие право претендовать на власть, добивались ее. Бойники не могли быть непосредственными участниками общинного веча, но они были той силой, с которой не считаться было нельзя.

По мере слияния бойнических братств с институтами племенной власти в их среде должно было происходить размежевание. Княжеские дружинники уходили от конфронтации с племенем и общинами, отказывались от наиболее враждебных по отношению к соплеменникам обычаев. С другой стороны, обособлялись бродячие ватаги разного рода изгоев, по-прежнему враждебные общинам. Однако четкой грани между теми и другими бойниками (как показывает сравнение, например, со скандинавскими викингами или ирландскими дибергами) не было. Изгои, например, вполне могли на время или навсегда прибиться к княжеской дружине.

В древности власть князя была ограничена во времени.[376] Князя, «пересиживавшего» свой срок, тогда попросту убивали. К описываемому периоду этот обычай, скорее всего, уже отошел в прошлое. Никаких его следов в письменных источниках нет. Но князей у словен еще в середине VI в. по-прежнему убивали «сплошь и рядом».[377] Ритуальное убийство князя могло связываться с нарушением им неких обычаев или с неудачами (военными либо хозяйственными), ответственность за которые возлагалась на вождя-жреца. Убивали князя во время гощения («за совместной трапезой или в совместном путешествии»). Упоминание же почти сразу вслед за этим, в той же фразе, что словене «перекликаются волчьим воем», [378] указывает на то, что убийцами несправившегося правителя выступали княжеские дружинники, члены бойнического братства.

https://RodnoVery.ru



Наконечник копья. Пеньковская культура

Антское общество в этом отличалось от словенского. Выше говорилось, что роль бойников-«волкодлаков» у антов была меньше. Раньше ушел у них в прошлое и обычай убийства «несправившегося» князя, делавший вождя полностью подвластным или своей дружине, или

https://RodnoVery.ru

родовой знати. Есть основания считать, что у антов к середине VI в. уже начала складываться фактически наследственная власть, с наследованием уже в пределах не одного клана, а одной семьи.[379]

Наряду с князьями или вместо них выбирались военные предводители — воеводы.[380] Их власти не придавался сакральный смысл, и она сводилась к предводительству племенным ополчением в военное время. Отсюда следует, что сперва воевод выбирали на вече временно. Но постепенно и эта должность становится постоянной, а могла стать и родовой — удачливого воеводу выбирали на предводительство раз за разом, но и после его смерти логично было искать преемников его ратного умения среди родичей.

Оформление надплеменных властных институтов у славянских племен происходило на протяжении первой половины — середины VI в. Эти процессы были в той или иной степени связаны с внешней обстановкой, в которой оказались словене и анты в ту пору. Со второго десятилетия VI в. начинается натиск славян на рубежи Империи.

Глава вторая. Первый штурм имперских границ

Переход Дуная

Передвижения «варваров» за Дунаем сперва не привлекли внимания ромеев. Даже собственное имя новых поселенцев в задунайской Дакии оставалось сперва неизвестным в Константинополе. Кассиодор, римлянин на службе готского короля, писал о словенах и антах, заимствуя информацию из приграничных провинций Восточной Империи. Но для книжников Империи новые пришельцы довольно долго оставались «гетами»,[381] то есть просто жителями древних гетских областей по ту сторону великой реки.

Между тем близилось время, когда Империи было суждено хорошо — слишком хорошо — узнать своих новых соседей. Со второго десятилетия VI в. славяне начинают пересекать дунайскую границу. Эти набеги в недалеком будущем перерастут в грандиозное нашествие, которое поставит под вопрос само существование ромейской державы.

Некоторую роль в активизации славян на ромейских рубежах сыграли союзные отношения антов и словен с гунно-болгарскими кочевниками. Последние, как уже говорилось, регулярно тревожили Империю набегами с

https://RodnoVery.ru

последних лет V в. В условиях возобновившихся с 502 г. войн на востоке, с персами, набеги болгар (булгар) создавали для Империи серьезную угрозу.

В этот период происходит формирование племенных объединений болгарских племен. Их связь с савирским «царством» на востоке была слабой и непостоянной. По ромейским источникам она почти не прослеживается. Болгары управлялись собственными наследными правителями (ханами) и были объединены в первой половине VI в. в два крупных племенных союза. Между этими объединениями была поделена обширная полоса степи от впадения Прута в Дунай до восточной оконечности Азовского моря. Основным районом поселения болгарских кочевников были приазовские степи и Нижнее Поднепровье.

Восточная часть болгарских племен объединялась в ханство утигур, западная, самая близкая и опасная для Империи — кутригур. Оба эти ханства состояли в тесных, временами союзных отношениях с антскими и (прежде всего, кутригуры) словенскими племенами. Утигуры также временами входили в состав савирской федерации племен, хотя роль посредников между савирами и антами играли, скорее, акациры. К концу V в. кутригуры поглотили гуннских кочевников Подунавья — ултзинзур, прежний народ Динтцика, сына Аттилы.

Отношения гунно-славянского симбиоза, восходившие еще к временам Аттилы, сохранялись в какой-то степени и в первой половине VI в. О тесных связях славян с гуннскими кочевниками можно отчасти судить по языковым данным.[382] Это нашло определенное отражение в письменных источниках. Выражение «гунны (булгары), анты и словене» встречается у Иордана и Прокопия.[383] Анты в этом перечислении сперва стоят на втором месте и лишь примерно с 540-х гг. перемещаются на третье — свидетельство их первоначального лидерства среди славяноязычного населения древней Дакии.[384]

Интересно, что некоторую аналогию этой формуле мы находим и у персидских провинциальных хронистов, использовавших материалы Сасанидской эпохи — «хазары [частая замена савир] и славяне».[385] Это некий отголосок того, что до разгрома савир персидским царем Хосровом Ануширваном в середине VI в. отдельные отряды антов и словен принимали вместе с хазарами и болгарами участие в савирских набегах на Закавказье.

Если это было так, то данные действия славян, действительно, были связаны только с их гуннскими контактами. Но относительно военных действий, развернутых антами и словенами на западе, против Империи,

https://RodnoVery.ru

столь же однозначно о гуннском факторе говорить нельзя. Конечно, первые (и надо думать, заманчивые) сведения о богатых задунайских областях славяне должны были получить от гунно-болгар.[386] Союзные отношения с последними не могли не сыграть определенную роль — кочевники бились с ромеями с переменным успехом и остро нуждались в союзниках. Но славянское движение первой воловины VI в. было столь мощным и массовым, что это внушает сомнения в исключительно внешних его побудительных мотивах. А главное — до 559 г. неизвестно ни об одном конкретном славянском нападении, предпринятом совместно с гунно-болгарами. Даже упомянутая формула «гунны, анты и словене» возникает лишь во времена Юстиниана (с 527 г.), в самый разгар славянских вторжений. Итак, анты и словене выступили против Империи по каким-то собственным мотивам, хотя и не без влияния или наущения болгар.[387]

При определении этих мотивов мы, конечно, вступаем в область чистых гипотез. Но некоторые соображения достойны того, чтобы их высказать. Во-первых, гунны не были для славян единственными поставщиками информации об имперских землях. Романизированное население древней Дакии, особенно Мунтении, поддерживало тесную связь с забывшей о нем метрополией даже после анто-словенского расселения. Информация, получаемая от волохов, неизбежно должна была быть более объективной (и более настораживающей), чем повествования гуннов о своих заречных деяниях. В этой связи стоит обратить внимание на латинское происхождение слова «греки»,[388] которым славяне обозначали восточных «ромеев». Взгляд на них как на «греков» был характерен не только для западных римлян, но и для их дакийских сородичей.

Во-вторых, некоторые легендарные сведения о могущественной Империи были и у самих славян. Память словен о легендарной прародине на Дунае, с которой их изгнали «готы», еще не была столь смутной, как сотни лет спустя — с тех пор к 510 г. сменилось не более двух поколений. Славяне помнили еще и о походах Аттилы против римлян — конечно, не столь четко, как гунно-болгары, чье общение с Империей с тех пор было непрерывным.

Дунай занимает совершенно особое место в славянском мифопоэтическом сознании. Наряду с Доном он издревле, еще в праславянскую эпоху, воспринимался как рубеж известного, «своего» мира. За рекой лежит «иной», чуждый мир. Этот мир воспринимался как прародина людей (в этом качестве сливаясь с полуисторической прародиной славян) и обитель умерших предков. С другой стороны, этот

https://RodnoVery.ru

потусторонний край наполнен богатствами, не лежащими без охраны, и опасен для человека из «своего» мира. Тем больше, однако, его привлекательность для человека доблестного.[389]

На смешение в мифологическом восприятии реальной державы ромеев с потусторонним миром отчасти повлияло заимствование у волохов легендарного образа Трояна. Эпический герой противников, воспринятый как враждебный демон, затем слился с трехглавым божеством преисподней как естественный властитель потустороннего края, «земли Трояновой». Реальные дороги, построенные историческим императором Траяном в Дакии, превращались в мифах славян в «тропу Троянову» — дорогу в наполненный магией загробный мир.

Основания для демонизации реальных ромеев у славян появились довольно скоро. При всей значимости Дуная как психологического и мифологического рубежа его пересечение быстро стало для словен и антов естественным продолжением их расселения. Надо думать, что небольшие легковооруженные группы «гетов», пересекшие реку, наткнулись за ней на сопротивление, какого не ожидали встретить. Ни борьба со скрывавшимися в горах волохами, ни стычки с другими соседями не могли дать опыта для противостояния хорошо организованной и охватывающей непостижимые просторы военной машине. В Константинополе, должно быть, не обратили особого внимания на уничтожение маленьких «варварских» шаек едва известного племени, просочившихся с левобережья. Главной заботой на дунайской границе были болгары, известия о них и попадали в хроники. Уцелевшие же «варвары», если такие были, вернувшись, могли рассказать многое о страшной угрозе «своему» миру, таящейся за Дунаем.

Уникальную возможность посмотреть на славянский набег, направленный против южных соседей, глазами славян дает нам уже упоминавшаяся былина о Волхе.[390]

В былине молодой богатырь-чародей Волх, набрав себе дружину из погодков, выступает в поход на далекую южную страну («Турец-землю» или «царство Индейское»). Страна эта наделяется чертами потустороннего мира, вход в «царство» защищает стена с воротами, в которые невозможно пройти (едва ли не первое впечатление славян от стен укрепленных городов!):

Крепка стена белокаменна,
Ворота у города железные,
Крюки, засовы все медные,
Стоят караулы денны, нощны,

https://RodnoVery.ru

Стоит подворотня дорог рыбий зуб.
Мудрены вырезы вырезано,
А и только в вырезы мурашу пройти.[391]

Мотивировка похода не вполне ясна. Согласно варианту былины из сборника Кирши Данилова, «индейской царь» готовился к походу на Русь. Волх, как-то узнав об этом, выступил против него, в пути одевал и кормил свою дружину охотой с помощью оборотнических способностей. Затем он в облике сокола отправился на разведку в «царство Индейское», подслушал разговор царя с женой, отговаривающей его идти на Русь, а после в обличье горностая испортил оружие врага. И дружина Волха напала на царский город. В онежском варианте последовательность событий почти та же: охота Волха — разведка Волха — нападение на царя. Но о намерении царя («Сантала», то есть турецкого султана) напасть на Русь Волх узнает только во время разведки, а охота здесь предшествует походу и не связана с необходимостью кормить и одевать дружину. Первое более логично, второе же — менее. Проясняет ситуацию мезенский вариант. Здесь Волха в начале похода просто привлекает «богатый город»; охота вновь на своем месте; во время разведки же Волх узнает о том, что «молодой иньдейской царь» опасается его набега и готов к войне.

В целом складывается впечатление, что для Волха и его дружинников разоряемая страна — некий «естественный» противник. С одной стороны, само существование этого государства воспринимается ими как угроза своему роду-племени. С другой стороны, «богатый город» царя предстает столь же естественной воинской добычей. Ни о каких попытках договориться, ни о каких правилах ведения войны речь не идет. Волх побеждает хитростью, лишив врага возможности сопротивляться и тайком пробравшись в его цитадель. Когда после его чародейской разведки дружина, превращенная им в «мурашей», проникает в город, происходит следующее:

И стали молодцы на другой стороне,
В славном царстве Индейскием,
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своей стали сбруею со ратною.
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,

https://RodnoVery.ru

Рубите старова, малова,
Не оставьте в царстве на семена,
Оставьте только вы по выбору
Не много не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы!»
А и ходит ево дружина по царству Индейскому,
А и рубят старова, малова,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А и сам он, Вольх, во полаты пошол,
Во те во палаты царския,
Ко тому ко царю ко Индейскому;
Двери были у полат железныя,
Крюки-пробои по булату злачены.
Говорит тут Вольх Всеславьевич:
«Хотя нога изломить, а двери выставить!»
Пнет ногой во двери железныя —
Изломал все пробои булатныя,
Он берет царя за белы руки,
А славнова царя Индейского,
Салтыка Ставрульевича,
Говорит тут Вольх таково слово:
«А и вас-та, царей, не бьют — не казнят!»
Ухватя ево, ударил о кирпищетой пол,
Расшиб ево в крохи говенныя.

Издевательское замечание Волха выглядит как прямая насмешка над действовавшим тогда «международным правом».[392] В устах едва познакомившегося с ним и не желающего его признавать «варвара» такая фраза, пожалуй, вполне уместна. В связи с этим и упомянутым странным для русского эпоса отсутствием всяких попыток договориться миром на память приходит фрагмент из трудов Прокопия. Тот признавал сильной стороной «варваров» (в том числе славян) полное безразличие их к устоявшимся в «римском мире» правовым нормам. Войны с «варварами», в том числе славянами, как они характеризуются Кесарийцем — войны без ясного повода, без переговоров и перемирий, без самого объявления войны и заключения мира.[393] То, что от природы славяне (для того же автора)

https://RodnoVery.ru

«менее всего коварны или злокозненны»,[394] лишний раз подчеркивает, насколько далека была реальность времен войны от нравственных идеалов внутриплеменной жизни.

Нарисованная в былине картина, за исключением несбыточного убиения царя, как будто сошла со страниц ромейских источников, описывающих славянский набег. Только для древних славянских сказителей, без сомнения, все описанное являлось не бессмысленным зверством, а героическим деянием. Природный (то есть сильный) враг в сознании древнего славянина увязывался с враждебными силами потустороннего мира. С чудовищами и демонами, с «Трояновым» племенем в переговоры не вступают. И в живых такого врага оставлять также неразумно, разве что в неволе. В онежском варианте, в отличие от двух других полных версий, Волх все-таки берет ставшую беззащитной «силу турецкую» в плен; впрочем, рабы мужского пола не упоминаются далее при разделе добычи. Итог захвата и разорения «богатого города» рисуется в целом схоже, но с разными подробностями. В сборнике Кирши:

И тут Вольх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и те ево дружина хоробрыя
И на тех на девицах переженилися.
А и молоды Вольх тут царем насел,
А то стали люди посадския;
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякова брата по сту тысячей.[395]

Еще яснее о заселении завоеванной страны в близком к этому мезенском варианте былины:

Населился он в Индеюшку богатую…
Свою силушку заставил тоже
в городе Индейском жить…
Завладел он всей Индеюшкой богатою.

https://RodnoVery.ru

В онежском же варианте подчеркнуто исключительно богатство добычи:

«Дружина моя добрая, хоробрая!
Станем-те мы теперь полону поделять!
Что было на делу дорого,
Что было на делу дешево?
А добрые кони по семь рублей,
А оружье булатное по шесть рублей,
А вострые сабли по пять рублей,
Палицы булатные по три рубля.
А что было на делу дешево — женский пол:
Старушечки были по полушечки,
А молодушки по две полушечки,
А красные девушки по денежке».

Итак, былина дает нам достаточно полную картину тех мотивов, которые двигали славянами в набегах на Империю. Здесь сплеталось множество разных факторов. Было здесь и стремление нанести упреждающий удар по более сильному, демоническому врагу — стремление, исходящее из мифологической картины мира славянина. Но не меньшую роль играло и стремление к наживе в «богатых городах» — добыванию рабов (прежде всего, рабынь), скота (коней, коров), ценностей (золота, серебра, металлического оружия). Поиск новых земель для возраставшего в числе населения придавал лишние основания и так не нуждающейся с точки зрения «варвара» в оправданиях безжалостной «расчистке» захватываемой страны. Места для постоянного жительства, а нередко и местных жен для продолжения там рода, искала, прежде всего, молодежь из воинских братств, а также примыкавшие к ним изгои. «Храбры»-одиночки, порицаемые общиной, могли сполна реализовать свои силы и прославиться в дальнем походе. Вожаки бойнических ватаг и князья отдельных племен добивались самоутверждения. Ведь именно им доставалась львиная доля добычи и наибольший почет, а то и власть над захваченной землей — как былинному Волху.

Переход Дуная большими группами антов и словен происходит в

https://RodnoVery.ru

начале второго десятилетия VI в. Положение на дунайской границе Империи стало критическим. Религиозные распри, разгоревшиеся при Анастасии, усугубили положение. Восстание Виталиана в 512–514 гг. позволило вторгшимся «гуннам», с которыми мятежный стратиг заключил союз, практически уничтожить власть Империи на Нижнем Дунае.[396] Под прикрытием болгарских орд и получили возможность проникнуть в римскую Скифию (ныне Добруджа) отдельные отряды неведомых прежде «гетов». Как следует из былины о Волхе, каждый такой отряд мог стать общиной поселенцев. Антские или анто-словенские поселения возникают на малоскифских землях уже в первые десятилетия VI в. (Диногеция и др.) [397] и вытеснить отсюда этих пришельцев Империи так и не удалось.

В 517 г. на фоне очередного болгарского вторжения (тогда же савиры напали на Малую Азию), но независимо от него, в балканских провинциях Империи развернули военные действия и «геты».[398] Эти «гетские всадники», должно быть, — в основном анты,[399] у которых (в отличие от словен) известно развитое коневодство. О переходе ими Дуная или разорении приграничных областей ничего не говорится. «Варвары» объявляются сразу в Македонии (то есть собственно македонских провинциях, Македонии Первой и Второй на севере — северо-востоке диоцеза Македония). Затем они вторгаются в Фессалию. Базой для этого вторжения, следовательно, явились обжившиеся антами и отчасти словенами земли Малой Скифии. Что касается прилегающих фракийских провинций, то они уже были основательно опустошены «варварами» и фактически неподвластны Константинополю.

«Варвары» пронеслись по македонским и фессалийским землям, достигнув на юго-западе границ Старого Эпира, а на юге — Фермопил. Не сообщается об их нападениях на крупные города. Фермопильское укрепление — ключ к Элладе — они то ли вовсе не осмелились штурмовать, то ли не преуспели в этом. «Гетская» конница подвергала опустошению в основном небольшие и неукрепленные поселения. Однако число пленных оказалось достаточно велико. Император Анастасий отправил за них выкуп — 1000 либр золота. Но префект Иллирика Иоанн никого не смог вызволить — все пленники были перебиты «варварами» сразу после получения платы.[400] Дальнейшее неизвестно. Скорее всего, в условиях кровопролитной войны Империи с кочевниками «геты» беспрепятственно ушли на контролируемую их соплеменниками территорию.

Причины срыва переговоров о возврате пленных неясны. Стоит

https://RodnoVery.ru

заметить, что ничего не говорится о том, требовали ли выкуп сами «варвары». Наиболее вероятно, что угнанные с начала набега пленники являлись для них жертвой в кровавом обряде «обагрения оружия». Отданные ромеями деньги они, разумеется, приняли — как воинскую добычу, но и от жертвоприношения не стали отказываться. Эта версия конечно же не бесспорна; возможны и иные объяснения. Так или иначе, именно в связи с этими событиями Империя впервые «заметила» новых соседей и новых врагов.

Правление Юстина (518–527) отмечено для Империи безуспешными попытками восстановить реальный контроль над придунайскими провинциями и навести порядок на границе. О безуспешности этих попыток свидетельствуют сообщения о разбое словен в придунайских областях. Своими засадами эти «варвары» отрезали укрепления Улмитон (в Скифии) и Адина (в Мезии, причем немного к югу от Дуная на границе со Скифией), опустошив их окрестности. Обе крепости в результате оставались покинутыми до времен Юстиниана.[401] Подобные факты, судя по всему, были не единичны.

Ситуация, с которой пришлось иметь дело Юстину и его племяннику Юстиниану, с первых лет правления дяди, причастного к делам власти, была поистине катастрофической. Европейские провинции подвергались непрестанным набегам. Прокопий в направленном против Юстиниана памфлете, так называемой «Тайной истории», писал, что «гунны» и славяне, разоряя европейские провинции до Эллады включительно «почти что каждый год с тех пор, как Юстиниан воспринял власть над ромеями, творили ужасное зло тамошним людям. Ибо думаю, что при каждом вторжении оказывалось более чем по двадцать мириад[402] погубленных и порабощенных там ромеев, — скифская пустыня впрямь стала повсюду в этой земле…»[403] Оставляя в стороне выглядящие фантастично вычисления[404] и субъективность автора, нельзя все-таки не признать, что за его словами стоит страшная для ромеев тех лет реальность.

Сведения подданных Империи о захватчиках-«гетах» со временем приобретают более ясный характер. Во всяком случае, говоря о событиях времен Юстина, Прокопий четко различает антов и словен. Какое-то время до появления в обиходе отдельных племенных названий греки называли их общим именем «споры» (Σποροι).[405] Как полагает ряд лингвистов, это калька праславянского самообозначения *čędь ‘потомки одного рода’.[406] Если так, то контакты между греческим населением и «варварами»-завоевателями в те годы стали уже довольно тесны. Может быть, σποροι

https://RodnoVery.ru

было народным эллинским соответствием книжного термина «геты» — поэтому Прокопий и не знал точного происхождения названия.

Юстин и Юстиниан упорно противостояли набегам, нанося противнику большой урон, что вынужден был признать даже их ненавистник Прокопий.[407] И, несмотря на все неудачи, именно при Юстине ромеи одержали первую победу над новым противником. Император назначил magister militum Фракии своего племянника Германа Аниция. Несомненно, первоочередной задачей Германа являлось как раз сдерживание антско-словенских и болгарских набегов. В самом начале командования Германа в пределы Империи вторглось из-за Дуная «огромное войско» антов. В ожесточенной битве Герману, «пустив в ход все силы», удалось разбить противника. Победа ромеев была для «варваров» сокрушительной и ошеломляющей. Из многочисленного антского войска пали почти все, а имперский полководец «стяжал великую славу» и среди антов, и среди словен.[408] Именно тогда, скорее всего, контроль над собственно Фракией был частично восстановлен. Тем не менее решительно переломить ситуацию на границе и наладить управление Скифией с прилегающей частью Мезии не удалось ни Герману, ни его ближайшим преемникам.

Переход славянами Дуная и их поселение на землях Империи явились важным рубежом в их истории. В развертывавшихся далее событиях определенную роль сыграли изменения в самом антско-словенском мире. Процессы эти непосредственно не отражались в ромейских источниках, но ход их поддается научной реконструкции.

Анты и дулебы

В конце V — начале VI в. бесспорными гегемонами ареала, населенного предками славян, являлись антские племена. Анты заселяли обширную территорию от Карпат до Днепра, от северных окраин лесостепи до среднего течения рек черноморского бассейна. Выделялось несколько районов компактного расселения антов. Эти районы соответствуют отдельным племенам или племенным группам.

Наиболее плотно анты заселяли Поднестровье. Плотнее всего были заняты ими север Прутско-Днестровского междуречья и долины прилегающих левых притоков Днестра (Серет, Збруч). Как уже говорилось, здесь жили хорваты. Второй крупный очаг антского расселения (тиверцы?)

https://RodnoVery.ru

располагался южнее, в бассейне Среднего Днестра. Многочисленным было антское население и к западу от Прута, в древней Дакии, где (как и на севере «хорватского» ареала) анты селились совместно или чересполосно со словенами. Еще одно большое «гнездовье» антских селищ сложилось по Южному Бугу (Куня и соседние с ней — Голики, Самчинцы, Семенки и др.). Сейчас невозможно отождествить его с каким-либо известным нам позднее племенем или племенным объединением. Из этого района анты продвигались и на север по Бугу, до его верховий (поселения Соколец, Парневка).[409]

В Поднепровье северной границей расселения антов первоначально был район Киева. Об этом свидетельствуют и присутствие элементов средне-верхнеднепровской киевской культуры в пеньковских древностях, и следы поселения на Старокиевской горе. Однако основные районы расселения антов по Днепру, несомненно, располагались южнее. Самое северное из бесспорно антских поселений этого региона — Канев выше впадения Роси. В начале VI в. анты уже сравнительно плотно заселили оба берега Днепра от впадения Роси до впадений Сулы и Тясмина. При устье Тясмина расположено Пеньковское гнездо селищ, давшее название всей антской археологической культуре (поселения Макаров остров, Молочарня, Луг 1 и 2).

В этой восточной части ареала своего расселения анты тесно общались и смешивались с соседними племенами балтского и алано-болгарского происхождения. На северо-западе в антскую среду проникали балты («эстии»-колочинцы). Следы их присутствия достигают селения Луг 1 к югу от впадения Тясмина.[410] В свою очередь анты еще на рубеже V–VI вв. проникали вверх по Днепру, в ареал колочинской культуры. Характер этого взаимопроникновения оценить сложно. Речь могла идти как о следствии добрососедских связей, так и о приеме изгоев из враждебного племени или натурализации рабов-пленников. Так, появление колочинской керамики на антских поселениях легко объяснить наличием здесь пленниц — жен или рабынь. Как бы то ни было, присутствие колочинцев ощущается и на весьма удаленных от днепровского порубежья приднестровских землях.[411]

Более тесными были связи антов с кочевым миром. Выходцы из алано-болгарских племен в немалом числе оседали в антской среде. Их присутствие отмечено находками жилищ на приднепровских поселениях Стецовка, Луг 2, Дериевка и других. Кочевническое влияние весьма ощутимо в группе пастырских древностей.[412]

https://RodnoVery.ru

Единственным значительным укрепленным поселением антского ареала с VI в. являлось Пастырское городище. Анты обосновались на древнем городище скифской эпохи, защищенном валами и рвами, не подновляя старых укреплений и не строя новых. Городище было расположено в верховьях впадающей в Тясмин реки Сухой Ташлык. Оно отстояло как от селищ поросско-тясминской группы, так и от поселений антов на Южном Буге. Южнее Пастырского проходила условная граница антов с алано-болгарскими кочевниками. На Пастырском находилось не менее 20 жилищ. Обитатели Пастырского занимались ремеслом — гончарным и кузнечным. Пастырское являлось центром изготовления и распространения гончарной керамики. Гончары, изготавливавшие самобытную посуду «пастырского» типа, жили также в нескольких поселениях на правом берегу Днепра.[413] Гончары представляли собой особую этнокастовую группу алано-болгарского происхождения. В антском обществе они могли занимать только привилегированное положение, о чем свидетельствует и проживание вместе с кузнецами на Пастырском городище.

Экономическое значение Пастырского демонстрирует распространение керамики «пастырского» типа (городище, вне сомнения, являлось одним из главных центров ее производства и главным — распространения) на антских памятниках. «Пастырская» керамика встречается не только в Поднепровье, где составляет от 5 до 5,8 % керамики, но и в удаленных областях Побужья и даже Приднестровья (до 3 %). Керамика попадала на запад антских земель в результате не только переселений, но и меновой торговли. Иначе существование Пастырского как сугубо ремесленного поселения трудно представить.

Если экономический статус Пастырского играл большую роль в жизни антской общности, то неизбежна постановка вопроса и о политическом его статусе. Пастырское, единственное, по сути, укрепление антов, являлось естественным средоточием их общественной жизни. Только здесь (не обязательно прямо на площади городища) можно предполагать местонахождение веча «всех антов», о котором говорит Прокопий. Это вече обсуждало вопросы, значимые для всей антской общности, и принимало решения от имени всех антов.[414] Вече являлось высшим органом антского племенного союза, существовавшего уже в первые десятилетия VI в. Союз не имел единого главы и, скорее всего, являлся довольно рыхлым объединением. Можно не сомневаться, однако, что на «всеантском» вече реально распоряжался узкий круг племенной знати. Число полноправных

https://RodnoVery.ru

участников веча в случае полного представительства установить трудно, но вряд ли оно превышало бы 5–7 тысяч. Анты жили разбросанно, и общая численность их едва ли была столь велика, как можно заключить из слов Прокопия в другом месте.[415] В антскую племенную общность на первых порах входила и часть словен в областях со смешанным населением. В частности, сюда можно предположительно отнести дунайских словен (группу Ипотешти).

У словен также происходило оформление племенных общностей. Выше говорилось о том, что линией размежевания между этими общностями — дулебами и лендзянами (ляхами) — стал Западный Буг. События, связанные с этим размежеванием, отразились в местном варианте мифа о Божьем Ковале. В этом позднем фольклорном тексте рассказывается о борьбе избранного князем «коваля» Радара (от древнего княжеского имени *Radomĕrъ) с «королем» Ляхом и его подручным «Змеем Краговеем», разорявшим Волынь. Как и в других версиях мифа, в этой Радар хитростью захватил Змея в своей кузне. Затем князь пропахал на своем пленнике «межу» до самой Вислы. Земли по правому берегу новой реки по уговору должны достаться Радару, по левую — Ляху. Эта река — Западный Буг. «Каменная вежа», где Радар поймал Змея, — Каменец.[416] Предание входит в ряд тех версий змееборческого мифа, где Божий Коваль выступает в качестве первого правителя-родоначальника.

Змееборческий мотив здесь, с одной стороны, унаследован от древней мифологии, с другой — связан с историческими реалиями. «Змей Краговей» — Краковский Цмок, дракон, персонаж из польских преданий, побеждаемый змееборцем Краком (скорее всего, еще одним полуисторическим «продолжением» бога-громовника[417]). Таким образом, «змеиные» ассоциации с Краковщиной имеются в преданиях по обе стороны Западного Буга. Скорее всего, они отражают некие особенности развитых у местных племен религиозных воззрений. Целый ряд признаков указывает на сохранение особого почитания Велеса-Змея у ляшских племен. Собственное имя Змея «ляхами» не употреблялось, в отличие от большинства славян, что указывает на табуирование. Слово «ящер» — источник имени верховного божества поляков Jesza. Праславянская «велесическая» религия подолгу удерживалась на периферии. В Щецине, у поморян, поклонялись Триглаву; на Руси кривичи возводили себя к Криву, антиподу «правого» Перуна. Распространение культа Перуна (как Коваля-Сварога, врага Трояна-Триглава-Велеса) шло к словенам из антских земель.

В этой связи стоит вернуться к племенному названию из сочинения

https://RodnoVery.ru

Баварского географа, реконструируемому как *čьrvjane. Убедительного объяснения этого названия (и позднейшего «Червонная Русь») на праславянской почве не существует. Однако, скорее всего, основа здесь — праславянское слово *čьrvь ‘червь’ (производные слова со значением ‘красный’ едва ли могли дать жизнь племенному названию[418]). «Червь» и «змей» в мифологии — синонимы. Червяне — ‘племя Червя (Велеса, Змея)’.

Скорее всего, разделение словен на лендзян и дулебов было вызвано различными причинами. Сыграло свою роль в том числе соперничество культов и стоявших за ними культовых союзов. Союз воинов-кузнецов пришел к власти на правобережье, а союз, связанный с культом Змея-Велеса, был весьма значим на левобережье Западного Буга. Разрыв сопровождался неким конфликтом и размежеванием земли по Бугу, воспоминания о котором в мифологической форме отразились в белорусском предании. Интересно также, что в нем Змей выступает лишь как помощник мифического предка поляков. Радар же — противник не столько Ляха, сколько Змея, издыхающего после богатырской пахоты князя-коваля. Надо думать, и на ляшском левобережье княжеская власть по складывающейся у всех словен традиции находилась в руках «потомков» Сварога, но власть их была слабее и делилась с почитателями Велеса.

Лендзяне и дулебы оформились как самостоятельные племенные общности. Предание IX в. характеризовало западную общность (червян) как «королевство». Но не сказано, что его власть распространялась за пределы первоначальной земли червян, на происшедшие от них племена. Лендзяне в первой половине VI в. еще не имели значительных политических и экономических центров. Большая на тот момент часть их (чехи, поселенцы Словакии и Моравии, кривичи) оторвались от пока немногочисленной червянско-вислянской группы. Старшинство червян помнилось, но как власть вполне могло и не признаваться. Со временем центр ляшской племенной общности смещается от Буга к Висле. Средоточие культа Велеса-Змея, судя по преданиям, находилось именно в земле вислян, в районе будущего Кракова. Лендзяне относительно сплачивались, должно быть, сознанием лишь культового и этнического, а не политического единства.

Иначе обстояло дело на дулебском (бужанском) правобережье. Масуди ясно сообщает о подчинении всех племен, происшедших от «корня славянских корней» — племени «Валинана» — «царю» этого племени. «Царь» этот у Масуди именуется «Маджак». Это скорее титул, чем личное имя. «Маджак» возглавлял типичный племенной союз, где каждое племя

https://RodnoVery.ru

имело своего «царя», но «власть была у него, и прочие цари ему повиновались».[419] Верховный «царь» являлся первым «великим князем» в славянской истории. Подчиненные ему князья именовались «малыми» (судя по сохранившемуся позже титулу князя древлян — одного из первых отпочковавшихся от бужан племен).[420] Власть «Валинана» (вернее, предков волынян — бужан) основывалась на «почтении» и «превосходстве» и носила в большей степени культовый, а не политический характер. «Маджак», вероятнее всего, периодически совершал ритуальный объезд «подвластных» земель и был чем-то вроде верховного жреца племенного культа (Перуна-Сварога?). На некоторую условность объединения дулебов в пору его сложения указывает полное отсутствие данных о какой-либо славянской «монархии» в письменных источниках того времени. Не исключено, что дулебы не имели общесоюзного веча, а единство их обеспечивалось только ритуальным лидерством бужанского «царя».

«Маджак» должно являться родовым титулом дулебских владык. Власть в таком случае передавалась в пределах одного клана, связывавшегося происхождением с Божьим Ковалем — Сварогом. Историческим двойником его в данном случае выступает герой-предок Радар. Арабское «Majak» сопоставлялось с Μουσωκιος (Μουσοκιος) — греческим именованием верховного (?) словенского «царя» (рикса) второй половины VI в.[421] Титул, как представляется, неславянского (аланского?[422]) происхождения. В связи с этим следует вспомнить об антском происхождении традиции, связанной с Божьим Ковалем.

Еще в правление Юстина в Империи (518–527)[423] неподалеку от впадения в Западный Буг реки Луга основано городище Зимно. Какое-то время это был единственный укрепленный центр словен. Несомненно, что именно здесь располагалась «столица» племени бужан и всего дулебского племенного союза, резиденция «царя». Городище, расположенное на мысу, поднимается над долиной на 15–16 м и занимает площадь (сильно вытянутую) 1890 кв. м. Защищено оно, прежде всего, глубокими рвами. На северо-востоке был неприступный крутой склон, на юго-западе — стена от стояков с горизонтальными бревнами и частокол. Многокамерное наземное строение с 13 очагами (наземными глиняными печами?) располагалась под стеной и было к ней пристроено.[424] Именно оно и могло служить домом «царю» и его дружинникам. В сравнении с Пастырским очевидно оборонительное значение Зимно, воздвигнутого против антской или ляшской угрозы.

https://RodnoVery.ru

Городище являлось важнейшим ремесленным центром. Здесь работали мастера по металлу и камню, снабжавшие своей продукцией округу.[425] Скорее всего, Зимно служило к тому же важнейшим в регионе средоточием меновой торговли. На тесную связь с антскими землями (присутствие антских поселенцев среди основателей Зимно?) указывают находки пеньковской керамики.

Расселение дулебов шло с запада на восток, через ненаселенное Полесье по направлению к Днепру. Основные пути движения дулебских «колонистов» пролегали вдоль рек бассейна Припяти, на которых и расположена большая часть поселений восточной группы корчакцев.[426] С собственно бужанами следует связывать группу поселений с центром в Зимно, располагавшуюся на Западном Буге и в верховьях Турьи, притока Припяти. Позже дулебы продвинулись и вверх по Турье. Еще одна группа поселений (Подрижье и др.) расположена по реке Стоход, а с ней, несомненно, связано происхождением племя, осевшее на реке Стырь, — выше и ниже по течению современного Луцка (Липа и др.). Эта последняя группа селищ может быть с уверенностью сопоставлена с летописными лучанами. Баварский географ говорил в IX в. о племени луколан, скорее всего, где-то на западе восточнославянских земель.[427]

Окрестности с. Зимно. Современный вид

Районом наиболее плотного расселения дулебов явились верхнее и среднее течение Случи, междуречье Горыни и Случи (есть отдельные

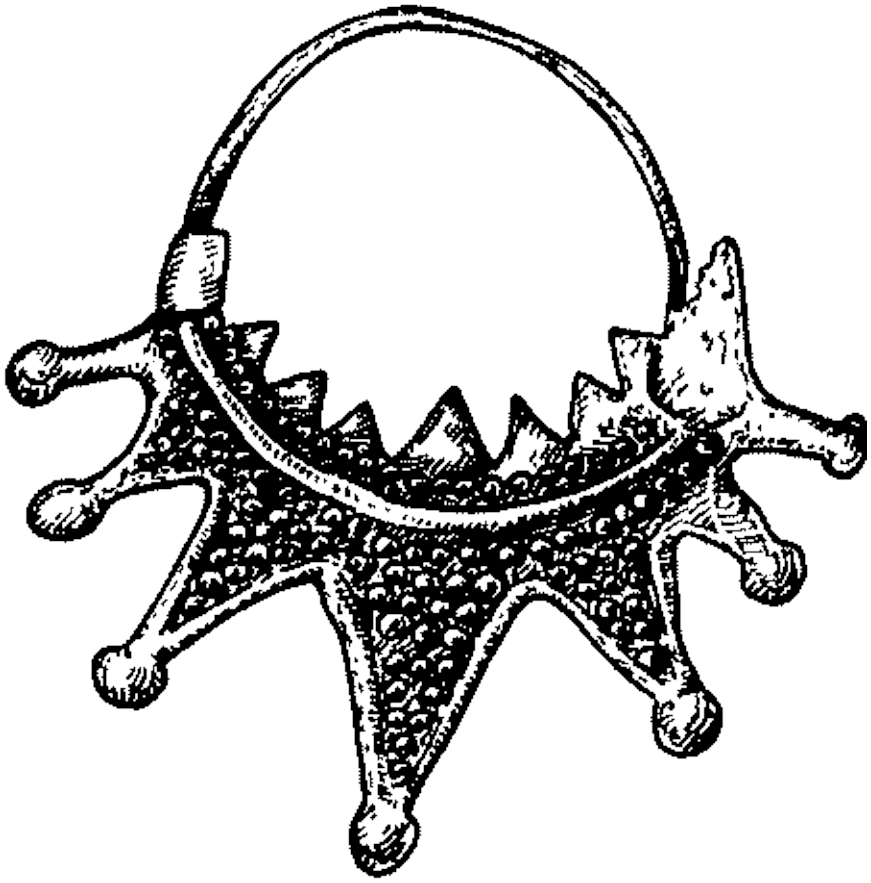
https://RodnoVery.ru

поселения и на западном берегу Горыни) и верховья Тетерева, притока Днепра. На север от Тетерева поселениями охвачены бассейн его притока Ирши и верховья Ужа. Здесь явно лежали земли нескольких племен. На Тетереве располагалась Корчакская группа селищ, давшая название археологической культуре словен. Из компактно расселившихся в этих областях дулебских племен позже сложился племенной союз древлян. Изначально древлянами называлось племя (или уже ряд племен), осевшее в густых местах этого региона,[428] непосредственно подступавших к антской лесостепи.

О том, что еще довольно долго древлянами именовалась только часть (южная?) здешних обитателей, свидетельствует опять же Баварский географ. Среди славянских племен между русами и луколанами он упоминает Seravici (жеравичи? жеревичи? — на Жереве, притоке Ужа[429]). В древлянском племенном союзе позднее выделялись два центра княжеской власти. Одним являлся район сближения Ирши и Ужа, где тогда располагались княжеские города Малин и Искоростень. Другим были земли выше по Ужу и к северу от Жерева, где располагался город Овруч. Последний район (который надежно можно соотносить с жеревичами) в корчакский период был заселен еще редко. Но единичные словенские поселение уже имелись и довольно далеко к северу оттуда, на падающей в Припять Словечне. Древлянское племенное «гнездовье» явилось главным оплотом словенского расселения на антском порубежье.

Наряду с селищами на Словечне сложилась еще одна группа поселений словен, далеко оторвавшихся от основного массива и ушедших на север. Эта группа (Хотомель, Хорск, Семурадцы и др.) возникла к северу от широкого пояса полесских топей. Она расположилась на сравнительно небольшом пространстве пригодных для земледелия земель между впадениями в Припять Горыни и Львы. Еще одно поселение (Буда Шеецкая) возникло дальше к востоку и уже на левом берегу реки. Словене пришли сюда с запада, двигаясь вдоль Припяти непосредственно с ее верховий (где есть одно их поселение) или с Турьи. Припятская группа стала зародышем племенного союза дреговичей, которых русский летописец при описании расселения славян называет вслед за древлянами.[430] Племенное название дреговичей, упоминающееся в источниках с VII в. (часть племени тогда оказалась на Балканах), связано со словом «дрегва», обозначающим болото, топи.[431]

https://RodnoVery.ru



Славянское височное кольцо

В связи с дреговичами в греческих источниках упоминается племя Βερζήται (берзичи? от *bergъ ‘берег’ или *bъreza ‘береза’[432]). Баварский географ упоминает среди восточнославянских племен Fresiti — тех же берзичей (точнее, их сородичей).[433] Скорее всего, племена дреговичей (Баварским географом не упоминаемых) и берзичей составляли некую общность, в которой попеременно лидировали. Припятско-горынская группа поселений, отчасти заходящая в болота к югу от Припяти, соответствует этим двум племенам. Дреговичей следует помещать тогда на южных заболоченных землях, берзичей — по берегу Припяти.

Заселение Полесья двумя кланами переселенцев, давшими начало двум племенам, союз этих племен и их взаимоотношения с южными сородичами отразились в позднем белорусском предании.[434] Здесь сперва рассказывается о двенадцати братьях, живших в «темном лесу», промышлявших скотоводством и охотой, держа в страхе соседей. После смерти отца ссоры между женами братьев вылились в раздел и междоусобицу из-за земли. Двое младших, дружные между собой, «не

https://RodnoVery.ru

захотели колотиться с братами» и ушли из родных краев с женами, многочисленными детьми и всем своим добром. С этим переселением, между прочим, предание связывает изобретение колеса, а с переправой переселенцев через Припять — плота. Старший из братьев, отчаявшись выбраться из дремучего заболоченного леса, стал родоначальником белорусов-полешуков, младший же, пробившийся из чащоб и болот на равнины, — полевиков. Этот мотив — явно позднее наслоение, связанное с переносом действия предания из Припятского Полесья на всю Белоруссию. Жители подвинских равнин иного происхождения, чем полешуки, далекие потомки дреговичей.

После того, как поселенцы разбогатели на новом месте, старшие братья напали на них, чтобы отобрать добро. Однако сперва враги потерпели поражение, попав в затопленные ямы-ловушки или заплутав в чаще среди неприступных засек. Но из-за того, что каждый род приписывал себе честь победы, между полешуками и полевиками началась жестокая междоусобица (картина весьма достоверная для эпохи племенного строя). Ослаблением истощивших и разоривших друг друга сородичей воспользовались десять старших братьев и, наконец, захватили их земли, став над ними «панами».

Предание связано с событиями первоначального заселения Полесья, хотя подлинный их ход нам уже не восстановить. Достоверно то, что первые поселенцы (дреговичи и берзичи) отделились от дулебской общности и ушли далеко на север, в припятские леса и топи. Образование обоих названий с «-ичи» указывает на древность и даже на возможную реальность традиции о братьях-предках. В древнем предании первый из них поселялся бы в болотах (дрегве), другой на берегу Припяти. Дальше мы вступаем в область если и не фантазий, то догадок. Можно полагать, что отношения дреговичей и берзичей с дулебами были непросты, что северные выселки не считались с властью великого князя, не платили ему ритуальную дань и действительно возбуждали алчность южных сородичей. Можно также полагать, что реальные события, сопровождавшие обуздание этой непокорности, отражены преданием достоверно. Вхождение дреговичей и берзичей в дулебский союз доказывается тем, что они появились в итоге на Балканах, — изоляция от бужан это исключала бы. Но предание отделено от описываемых событий почти полутора тысячами лет и содержит неизбежные черты позднейших эпох.

Из бассейна Тетерева словене продвинулись еще дальше на восток, в Среднее Поднепровье. Отсюда они вытеснили антов, основателей Старокиевского городища. Приход словенских поселенцев в район Киева с

https://RodnoVery.ru

запада нашел отражение в нескольких преданиях, начиная с древнерусской «Повести временных лет».[435] В одном из украинских текстов (из поздних — наиболее логично построенном)[436] недвусмысленно рассказывается о военных действиях. Некий «пан» неимоверно притеснял людей, «отбирал от них все, что можно было». В конце концов, «подданные» восстали. Объединенные силы восставших разбили «пана» с его войском и гнали до места нынешнего Киева, где уничтожили своего угнетателя и его присных. В этом опять-таки чрезвычайно позднем предании смутно отразилось первоначальное могущество антов (ощущавшееся соседними дулебами) и падение этого могущества в результате войны, приведшей к заселению словенами-дулебами Киевщины.

Словенское население Киевщины было, тем не менее, крайне немногочисленно. По сути, речь шла о небольшом дулебском форпосте на крайнем востоке, отчасти в антском окружении. В Киеве поселение с пражско-корчакской керамикой расположилось на Почайне (нет доказательств обживания дулебами уже в это время антского городища). Чуть южнее располагалось другое поселение — Ходосово. Здешние жители именовались «поляне» (производное от «поле»[437]). В славянской фольклорной традиции «полянин» (или «поляница») — воин-одиночка, чужеземец, но свободно общающийся со славянами, живущий на ничейной земле. С другой стороны, и представитель «своего» рода-племени ездит «в чистое поле поляковать». Этноним «поляне» появлялся на границах словенского ареала с другими славянскими (в широком смысле) группами населения — с антами на Среднем Днепре, с венедами на Висле. Таким образом, можно вывести, что «полянин» — представитель славяноязычного, но не словенского племени. Для дулеба VI в. это, в первую очередь, ант. С другой стороны, и представители «своего рода», оседающие на порубежье, в «поле», становились «полянами», тем более что нередко смешивались с аборигенами.

Будущая земля киевских полян в VI–VII вв. еще была в значительной части заселена антами. Анты селились по правому берегу даже выше впадения Роси. Антский элемент ощущается в позднейшей полянской культуре.[438] Именно поэтому летописцы подчеркивают длительную разъединенность полян на отдельные «роды».[439] Позднейший племенной союз потомков антов и дулебов в VI в. еще не сложился. Но взаимодействие и смешение «родов» уже могло происходить.

Поселение в Среднем Поднепровье словен привело к расширению территории, занятой вытесненными оттуда антами. Отмечавшаяся близость

https://RodnoVery.ru

антской культуры Левобережья Днепра к киевской культуре указывает на происхождение ее создателей из Среднего Поднепровья. Расширение антского ареала на восток в первой половине VI в. прослеживается, как увидим, и по письменным источникам.

Не вызывает сомнений, что часть антов отступила из района Киева вниз по Днепру, к впадению Роси и далее. Неизбежное в этом случае перенаселение этих земель, вероятнее всего, привело к образованию отдельной группы антских поселений гораздо дальше на юг — по обоим берегам реки при ее изгибе (Яцева балка, Игрень, Волошское и др.). В своем продвижении с севера эти анты должны были с неизбежностью миновать на левом берегу впадение реки Орель (др. — рус. Угол). От этой реки производится название восточнославянского племенного объединения угличей (уличей), занимавшего нижнеднепровские земли в IX–X вв.[440] Скорее всего, название «угличи» появилось именно в антскую эпоху и прилагалось к антскому племени, осевшему на самой границе алано-болгарских степей, за устьем Орели-Угла. Распространенность в славянской традиции тюркизированной формы этого названия — «уличи» — объясняется именно давним взаимодействием угличей и болгарских кочевников в этом районе. Впрочем, отдельные антские поселения есть и на самой Орели. Скорее всего, они оставлены частью угличей, оставшейся на реке-эпониме и двинувшейся вверх по ее течению, в глубь Левобережья.

Отдельные группы антов оседают также на Суле (при впадении Удая — поселение Хитцы и др.), Пселе, Ворскле. Эти единичные (кроме приудайской группы) поселения принадлежали северам и другим антским племенам, сложившимся в контактной с кочевниками зоне.

«Повесть временных лет» определяла ареал северов «по Десне, по Сейму и по Суле».[441] Антские поселения есть на всех названных реках. На Десне и Сейме анты селились вместе или чересполосно с «эстиями», носителями колочинской культуры.[442] Контакты колочинцев с пеньковцами отмечены и в верховьях Сулы (Хитцы).[443] В Подесенье и Посемье анты селились на колочинских поселениях, причем число антских мигрантов было достаточно велико.[444] Реконструируемая археологами картина — «подселение» на балтские селища отрядов мужчин-славян и вступление их в браки с местными женщинами[445] — указывает на немирный характер проникновения антов в Подесенье. В политическом отношении эта территория, скорее всего, антами постепенно завоевывалась. Но масштабной славянизации местного населения в VI–VII вв. еще не произошло. Скорее даже шла речь о растворении

https://RodnoVery.ru

пришельцев в местной среде.[446]

Расширение антского ареала на восток, как уже сказано, нашло отражение в письменных источниках. Уже говорилось, что Кассиодор в первых десятилетиях VI в. ограничивал антские земли на востоке Днепром. Иную картину находим у писавшего в середине VI в. Прокопия Кесарийского. Отражая ситуацию около 550 г., он помещает «бесчисленные племена антов» к северу от приазовских утигур,[447] то есть в глубине днепровского Левобережья.

Таким образом, в первой половине VI в. сформировались ареалы расселения славяноязычных племен на восточноевропейской равнине. Лесную полосу от Западного Буга до Среднего Днепра, ограниченную с севера Припятью, заселили словене-дулебы. К югу и востоку от них жили анты. Они населяли лесостепь от Сирета до Днепра, лесостепные и отчасти степные области Нижнего Поднепровья и Левобережья, отчасти Подесенье с Посемьем, а на западе заняли подступы к Дунаю вблизи его дельты. Эта карта славянского расселения сохранялась затем на протяжении длительного времени.

Славяне против Юстиниана

1 апреля 527 г. на престол Империи Ромеев вступил племянник умершего в том году Юстина, Петр Флавий Саббатий Юстиниан. Главной целью нового императора являлось укрепление расшатанной десятилетиями смуты ромейской государственности. В правовом Кодексе Юстиниана было обобщено все действующее римское право. С первых лет правления Юстиниан, ревностный приверженец христианской ортодоксии, обрушил репрессии на еретиков и язычников. При нем была закрыта Афинская Академия (529 г.), ставшая опасным центром персидского влияния. В 532 г. Юстиниану пришлось иметь дело с мощным восстанием «Ника», вызванным распрей между димами прасинов и венетов в Константинополе. В ходе восстания рядовые члены обеих партий объединились в ненависти к Юстиниану и его жесткой налоговой политике. Была предпринята попытка свергнуть его с престола. Лидеры венетов, однако, перешли на сторону Юстиниана, и он жестоко подавил восстание.

Юстиниан поставил перед собой задачу вернуть Империи былое величие. Он поддерживал активные дипломатические контакты с «варварскими» государствами и племенами, обеспечивая свое влияние на

https://RodnoVery.ru

Западе. В 532 г. был заключен «вечный мир» с Ираном (хотя позднее борьба с Сасанидами возобновилась). С 533 г. император начал открытую вооруженную борьбу с германцами за воссоздание Древнего Рима.

Юстиниан. Фрагмент мозаики из Равенны

Важнейшим условием этой борьбы являлось установление хотя бы временного спокойствия не только на восточной, но и на дунайской границе. Между тем в начале правления Юстиниана до этого было весьма далеко. Власть Империи на придунайские земли фактически не распространялась. Из-за Дуная в пределы державы вторгались новые и новые отряды гуннов, антов и словен и «творили ромеям ужасное зло».[448] В 530 г. перешедшему к тому времени на службу Империи гепиду Мунду

https://RodnoVery.ru

пришлось отражать в Иллирике мощное нашествие болгар.[449] Фактическая граница Империи со «множеством варварских племен» проходила в начале правления Юстиниана немногим к северу от линии Филиппополь — Адрианополь. Под властью ромеев остались лишь самые южные земли провинций Фракия и Эмимонт. В первые годы правления Юстиниан отдал приказ починить обветшавшие укрепления городов Филиппополь, Веррия (провинция Фракия), Адрианополь, Плотинополь (провинция Эмимонт). Все они находились под угрозой нападения «варваров».[450]

В 531 г. Юстиниан назначил magister militum Фракии своего приближенного, «очень находчивого в военных делах» Хильбуда (Хилвудия).[451] Главной целью Хильбуда являлось не допускать впредь переправ «варваров» через Дунай. И с этой задачей он блестяще справился. «Варварские» набеги на Фракию прекратились.[452] Власть Империи полностью восстановилась не только в центре диоцеза, но и в северных его провинциях. Именно к этому времени относятся меры по укреплению границы в Скифии и Мезии, описанные Прокопием в трактате «О постройках». Заново были отстроены, в частности, крепости Адина и Улмитон. Эти местности были полностью очищены от словенских шаек.[453] Какое-то словенское и антское население в Добрудже осталось, но теперь оно должно было подчиниться Империи. Хильбуд не ограничился разгромом «варваров» в порученном диоцезе. Он неоднократно совершал походы за Дунай, истребляя и обращая в рабство славян и гуннов на их собственных землях.[454] Казалось, на дунайской границе установилось спокойствие. В ознаменование побед Юстиниан принял титул «Антский»[455] — ясное свидетельство того, что свои главные победы Хильбуд одержал именно над этими племенами.

Явное доказательство мощи Империи не могло не привести к изменению характера отношений между ней и славянами. Часть антов и словен теперь начала искать для себя выгоду в союзе с Константинополем, тем более что Юстиниан охотно привлекал «варваров», вчерашних врагов, к себе на службу и вступал с ними в соглашения. Первые анты и словене — федераты Империи, несомненно, происходили из среды новых обитателей Малой Скифии, вынужденных смириться с торжеством ромейского оружия.[456] Одним из их числа мог быть будущий ромейский полководец Дабрагез — знатный ант, подвизавшийся на имперской службе примерно в начале 530-х гг. Он крестился и женился на гражданке Империи — во

https://RodnoVery.ru

всяком случае, его сын носил греческое имя Леонтий.[457] Дабрагез — первый крещеный славянин, о котором у нас есть сведения. Не вызывает сомнений, что даже для своего круга «союзников» Империи он был исключением. Подавляющее большинство из них сохраняло верность языческой вере.

В 533 г., как уже говорилось, Юстиниан начал войну за восстановление ромейской власти на Западе. В 533–534 гг. он разгромил вандальское государство и вернул римскую Ливию, а в 535 г. началась затяжная Готская война — за освобождение Италии. Для этих войн Юстиниан во множестве привлекал «варварские» силы. Уже в 533 г. для похода на вандалов были набраны части из задунайских «варваров» — гуннов, антов и словен. Они были отданы под начало ромейским полководцам Мартину и Валериану. В 537 г., отправляясь в Италию, Мартин и Валериан командовали 1600 всадниками из племен, «обретающихся за Истром».[458] И в Вандальской, и в Готской войне дунайские федераты сыграли немалую роль. Иные из них весьма отличились на службе Империи.

К моменту начала готской войны ситуация на дунайской границе вновь изменилась для Империи к худшему. В 534 г. Хильбуд, за прошедшие три года привыкший безнаказанно разорять «варварские» земли, вторгся в область дунайских словен с небольшим отрядом. Ему, однако, пришлось на этот раз столкнуться с ополчением «всего народа» — всей дунайской племенной группы. В происшедшем сражении словене одержали победу. Погибла значительная часть отряда Хильбуда, в том числе и он сам. После его смерти наладить оборону Фракии оказалось некому. К тому же можно не сомневаться, что победа воодушевила «варваров». Набеги за Дунай возобновились.[459] Наряду с болгарами[460] активизировались анты и словене.

Ведущую роль среди славяноязычных племен Дакии, в том числе и в их набегах, по-прежнему играли анты. Анты упоминаются как «племена»-разорители в средневековой еврейской глоссе, отражающей настроения страдавших от их грабежей и насилий евреев Империи. Наравне с ним названы берберы, наносившие серьезный ущерб в Ливии после победы ромеев в Вандальской войне.[461]

Фракийские земли уже в 535 г. стали ареной ожесточенных боев с «варварами». В 537 г. упоминается о «варварских» (антских и словенских?) нападениях на Скифию и Мезию. Пленных ромеев в немалом числе угоняли в рабство за Дунай. Для «варваров» это стало источником не

https://RodnoVery.ru

столько даже рабочей силы, сколько выгодного торга с Империей, правительство которой принимало энергичные меры к выкупу пленников. В 538 г. в Мезии было разрешено продавать и закладывать для выкупа пленников церковную утварь, не подвергать никакому отчуждению завещанное или подаренное на выкуп имущество. Обстановка на дунайской границе была столь тревожной, что отправка туда воинских частей рассматривалась как наказание.[462]

Но «варварские» набеги не ограничивались дунайским пограничьем. Во второй половине 30-х гг. «варвары» проникали далеко в глубь имперских земель. В частности, они появились в те годы в окрестностях Фессалоники и «ограбили всю область». Ромеи ожидали нападения на город и несли на его стенах ночную стражу.[463] Судя по всему, это были анты.[464] Словене до 548 г. вообще не предпринимали самостоятельных глубоких вторжений в ромейские земли.[465]

Между тем к северу от Дуная происходили достаточно серьезные этнополитические изменения. Военные столкновения между соседними племенами были здесь обычным явлением.[466] Примерно в конце 530-х гг. разразилась война между словенами и антами. Анты потерпели поражение.[467] Как говорилось ранее, анты до этого времени лидировали в общности славяноязычных племен к северу от Дуная. Более того, дунайские словене (группа Ипотешти) первоначально, судя по всему, входили в антский племенной союз. Теперь ситуация меняется. Дунайцы становятся самостоятельным племенным объединением, на равных сообщающимся с антами. Это стало отражением общего ослабления антского племенного союза. Нельзя отрицать возможность непосредственной связи между расселением дулебов на севере и удачной войной дунайцев против антов.

Протяженность антской границы с Империей после отпадения дунайских словен резко сократилась и ограничилась самыми низовьями Дуная. Напротив, дунайские словене имели с Империей довольно протяженную границу и представляли теперь большую, чем анты, угрозу. В связи с этим словене выходят на первое место в традиционной формуле обозначения «варварских» племен Задунавья. Теперь она звучит: «гунны, словене и анты».[468] В то же время и анты продолжали набеги на Империю. Один из таких набегов первой половины 540-х гг. упоминает Прокопий: «анты, обрушившись на области Фракии, многих ограбили и поработили из тамошних ромеев. Ведя их, они возвратились в отчие места».[469] В 544 г. церквам городов Одиссоса и Том в Малой Скифии, на границе с антами, было разрешено «отчуждать недвижимое имущество

https://RodnoVery.ru

ради выкупа пленных»[470] (не исключено, что как раз в связи с этим набегом). Словене, в свою очередь, по-прежнему не рисковали углубляться в ромейские земли, ограничиваясь слабо организованными, хотя и частыми, налетами небольших отрядов на приграничные края. Мирные отношения между антами и словенами на Дунае вскоре восстановились.[471] Несомненно, важную роль в этом сыграла непрекращавшаяся война с общим противником — Ромейской Империей. Антский союз, чьи земли протирались на восток до Днепра и за Днепр, оставался желанным союзником и опаснейшим врагом.

В 545 г. произошли события, изменившие политическую ситуацию на Левобережье Дуная. Подробное их описание содержится в «Готской войне» Прокопия Кесарийского.[472] В упомянутом выше набеге среди прочих пленников был захвачен некий ромей, которого Прокопий характеризует как «мужа очень злокозненного и способного любого встречного обмануть хитростью». Изыскивая способ вернуться на родину, раб рассказал своему господину-анту («человеколюбивому и кроткому», по словам Прокопия), будто имперский полководец Хильбуд не погиб, а находится в рабстве у словен, скрывая при этом, кто он. Выкуп этого вельможи и доставка его в пределы ромеев не остались бы без наград со стороны императора. Ант, убежденный своим пленником, отправился вместе с ним к словенам и вскоре разыскал там раба по имени Хильбуд, прославленного воинской доблестью. По словам Прокопия, на самом деле это был ант, захваченный в плен еще «юношей с первым пушком на губах» во время антско-словенской войны, случившейся уже после гибели полководца Хильбуда. Ант выкупил его за большие деньги. Оказавшись же в антских землях, Хильбуд сообщил пораженному хозяину, что «он и сам ант», и «поскольку вернулся в отчие места, то впредь и сам будет свободен, по крайней мере, по закону». Ромей, стремившийся ускорить свое возвращение, однако, настаивал, что перед ними именно полководец Хильбуд и что тот всего лишь по-прежнему скрывает истину от «варваров».

Случай стал предметом рассмотрения на общеантском вече. Обладание пленным ромейским полководцем сулило антам очевидные выгоды, поэтому племенной союз объявил ситуацию «общим делом». От Хильбуда потребовали под страхом наказания признать, что он и есть бывший наместник Фракии. После некоторого запирательства, «возбужденный надеждами» Хильбуд признал это.

«Надежды» невольного самозванца были связаны с прибывшим к антам посольством Юстиниана. Стремясь расколоть фронт «варварских»

https://RodnoVery.ru

племен и помешать действиям на тот момент наиболее грозного на этом участке врага — болгар, император предложил антам выгодный союз. Предложения Юстиниана сводились к следующему. Антам передавался город Туррис — одна из обезлюдевших древнеримских крепостей к северу от Дуная (в причерноморских областях Дакии[473]) с окрестными землями. Юстиниан обещал поддержку в заселении этой ничейной территории, богатые дары и «много денег». В обмен анты должны были стать «союзниками» Империи. Союз направлялся против болгар — предполагалось, что из Турриса анты смогут оказывать эффективное противодействие «гуннским» набегам на Империю. Анты приняли условия императора. Единственным их дополнением явилось требование придать в качестве «сооснователя» (то есть ромейского правителя-представителя в Туррисе) самозваного Хильбуда, «вернув» ему воинский чин. Надо отметить, что поведение анта Хильбуда могло ввести в заблуждение даже ромейских послов — он знал латынь и «выучил уже многие из примет» настоящего полководца, — наверное, благодаря ромейскому пленнику-авантюристу.

Тем не менее для закрепления соглашения требовалось прибытие Хильбуда в Константинополь. По пути он был встречен во Фракии известным ромейским полководцем евнухом Нарсесом — тот был направлен на север Юстинианом для привлечения герулов в италийскую армию. Нарсес обвинил Хильбуда во лжи и, посадив его под арест, выведал всю правду. Затем он отослал самозванца в Константинополь. Здесь Хильбуд и умер 28 сентября 558, 573 или 588 г.[474]

Арест Хильбуда, однако, никак не сказался на антско-ромейском союзе. О набегах антов на Империю после 545 г. не упоминается. Достаточно надолго прекратились и набеги болгар, из чего можно сделать вывод, что анты исполняли условия договора с Юстинианом. Однако план заселения Турриса и превращения его в крупный антский центр, оплот союза с Империей, не осуществился. Где бы ни находился этот город, никаких следов его восстановления и антского проживания в нем не обнаружено. Единственный укрепленный центр антов этого времени, как уже говорилось, — городище Пастырское на огромном расстоянии от имперских границ. Срыв данной договоренности, скорее всего, и объясняется арестом Хильбуда. Воплощение антских условий в жизнь означало создание на границе Империи мощного «варварского» королевства, власть и армия которого формировались бы на основе римских традиций. Этого Империя позволить себе не могла, а антам без

https://RodnoVery.ru

Хильбуда и приданной ему в подчинение ромейской помощи незачем было тратить силы на занятие Турриса и освоение его округи.

Ближайшим следствием антско-ромейского союза явился набор антов в имперские вспомогательные части уже осенью того же 545 г., когда Хильбуд был захвачен по пути в Константинополь. Возможно, что именно этот суливший немалую награду набор возместил антам лишение самозванца свободы. Полководец Иоанн, посланный для этого из Италии на Балканы, привлек в свой тысячный отряд наряду с «гуннами» также три сотни антов. Они участвовали в военных действиях в Италии, при этом действовали достаточно самостоятельно, соблюдая верность Иоанну. Они оказали по его приказу помощь римлянину Туллиану в его борьбе с остготами в Лукании (547 г.). После же того, как готскому королю Тотиле удалось добиться распада крестьянского ополчения Туллиана, а сам он скрылся, анты по своей воле возвратились к бежавшему от Тотилы в Дриунт Иоанну. Позже, при разгроме того же года, Иоанна предали только «гуннские» воины — анты, следовательно, сохранили свою преданность. [475]

Юстиниан даже и не надеялся обратить антов против словен. Ему было вполне ясно, что отношения между этими родственными племенами, будь то дружественные или враждебные, пока ему не подвластны. В выдвинутых им условиях не было ни слова о противодействии словенским набегам. Это делало союз антов с Империей во многом условным. Более того, договор антов с ромеями и прекращение гуннских набегов сокращали своеобразную конкуренцию среди нападавших на Империю «варваров» и превращали словен в единственных хозяев всего, что могло быть захвачено на правом берегу Дуная. Это, несомненно, придало энергии их набегам в последующие годы. Нападения на земли Империи теперь предпринимаются словенами самостоятельно, превращаются в масштабные предприятия, в которых задействованы силы целого племени или нескольких племен. Характерным следствием изменившейся ситуации является неоднократное упоминание словен без антов в перечнях врагов Империи.[476]

Уже осенью 545 г., пока шли переговоры между Юстинианом и антами, «огромное полчище» словен вторглось во Фракию. Земли диоцеза вновь подверглись ограблению, «великое множество ромеев» попало в плен. В это время во Фракии находились герулы, призванные Нарсесом и оставленные им там на зимовку. Под предводительством своего герцога Филимута и ромейского военачальника Иоанна Фагаса герулы внезапно атаковали словен. Несмотря на значительное численное превосходство

https://RodnoVery.ru

противника, союзники Империи одержали победу. Словене были перебиты, а их пленники — отпущены по домам.[477]

Поражение 545 г. не остановило словен. Но оно побудило их перейти к более организованным вторжениям в южные земли. В начале 548 г. «войско» словен переправилось через Дунай в Иллирик. На этот раз словене совершили глубокий рейд в ромейские земли, дойдя до самого Диррахия (Эпидамна), приморского центра провинции Новый Эпир. Это был первый случай нападения словен организованным «войском» и столь глубокого их проникновения в земли Империи. При этом же набеге они впервые атаковали ромейские крепости. Страх перед «варварами» привел к тому, что защитники «считавшихся надежными» крепостей оставляли их словенам без сопротивления. Более того, военные трибуны Иллирика шли по следам словен с 15 тысячами войска, но не решались ударить по врагу. Судя по данным о других словенских вторжениях, их силы значительно превосходили словен числом. Они были велики даже по ромейским меркам. Ромейских стратигов, без сомнения, останавливала слава об умении словен нападать из засады и вести войну в горах. На пути к Эпидамну словене убивали или порабощали всех попадавшихся им взрослых, грабили страну. Диррахий, впрочем, они штурмовать не стали и вскоре безнаказанно вернулись за Дунай.[478] Этот набег стал грозным предупреждением для Империи, предвестием еще более серьезных потрясений.

Первое нашествие

Готская война шла для Империи с переменным успехом. Предводитель остготов Тотила достаточно успешно противостоял императорским войскам. Умело действовал он против Юстиниана и на дипломатическом фронте. Ему удалось если и не склонить на свою сторону усилившихся за счет присоединения Бургундии и северных остготских провинций франков, то настроить их против Константинополя. Вестготы, не вступая в военные действия, вместе с тем не скрывали симпатий к родичам и единоверцам.

Благоприятствовала Тотиле ситуация на Среднем Дунае. В третьей четверти VI в. здесь разгорелось острое соперничество за лидерство между двумя германскими королевствами — гепидов и лангобардов. Тесно связанные с Империей в религиозном и политическом плане, лангобарды добились поддержки Юстиниана. Гепиды в этих условиях не могли не

https://RodnoVery.ru

ориентироваться на Тотилу. Хотя масштабной войны с Империей гепиды и избегали, столкновения их с ромейскими войсками происходили не раз.

Борьбу между гепидами и лангобардами дополняли внутренние их распри. Король лангобардов Вак (ок. 500–539), стремясь обеспечить престол своему сыну Вальдару, изгнал из страны своего племянника Рисиульфа, а затем подстроил его убийство. Сын Рисиульфа, Ильдигис, нашел убежище у словен (граничивших с лангобардами, гепидами и остготами, то есть у богемских). Когда при Вальдаре (539–546) разразилась война между гепидами и лангобардами, Ильдигис со своими сторонниками-соплеменниками и союзными словенами объявился в королевстве гепидов. Гепиды выдвинули его своим претендентом на лангобардский престол. Однако после смерти Вальдара его опекун Авдуин (Эдвин) из рода Гаузов, вступив на трон, добился мирного соглашения с гепидами. По условиям договора 547 г. Ильдигис должен был быть выдан. Но гепиды не стали делать этого, напротив, позволили Ильдигису и его сторонникам вернуться в Богемию, прихватив с собой «некоторых добровольцев из гепидов». В 549 г. Ильдигис, уже с шеститысячным войском, пересек Дунай в охваченном анархией Норике и двинулся на юг. Шел он «к Тотиле и готам», то ли призванный ими как союзник, то ли сам надеясь попытать удачу в войне с Империей. Атаковав Венецию, Ильдигис нанес поражение ромейскому отряду под командованием Лазаря. Но по неясным до конца причинам развивать свой успех лангобардский принц не стал. Ильдигиса вроде бы подкупили ромеи (вскоре он на недолгое время объявился на службе Империи). Так или иначе, Ильдигис повернул назад и отступил в Богемию.[479]

На фоне грандиозной борьбы за Италию для Империи это был небольшой и не самый драматичный эпизод. Вместе с тем, возможно, что именно он навел Тотилу на мысль использовать граничившую с Империей часть словен в своем противостоянии Юстиниану. Действительно, обстановка на дунайской границе складывалась для Империи не слишком благоприятно. Объективно здесь уже сформировался антиромейский фронт из гепидов, дунайских словен и болгар-кутригур. Что касается союзников Империи, то их поддержка была не слишком эффективной. Лангобарды отчасти сковывали силы гепидов, но и сами сковывались ими. Союз Империи с антами ограничивался борьбой с болгарами, тогда как главной угрозой на этом участке теперь становились словене. Кроме того, анты и лангобарды были связаны союзными договорами с Империей, но не друг с другом. Рациональный курс Константинополя, не содействовавшего установлению контактов между союзными «варварами», в конкретной

https://RodnoVery.ru

ситуации оказался, как показали события, близоруким.

Несомненно, весь этот военно-политический расклад был известен Тотиле. Потому нет оснований не доверять распространившейся в Константинополе информации, что Тотила установил со словенами прямые контакты. Подкупив их «большими деньгами», остготский король подбил их в очередной раз напасть на балканские провинции, «дабы император, отвлекшись на этих варваров, не смог удачно вести войну против готов». [480] Чтобы отвечать замыслам Тотилы, спровоцированное им вторжение должно было по масштабу отличаться от всех предыдущих. Это, несомненно, отвечало и интересам самих словен, стремившихся к захвату на ромейских землях как можно больших богатств и к занятию самих этих земель.

Весной 550 г. примерно трехтысячное («не более чем в три тысячи») войско словен, не встретив сопротивления ромеев, переправилось через Дунай. Это был передовой отряд главных сил вторжений, еще готовившихся к переправе. Состоял он, судя по всему, в значительной части из членов воинских братств. Быстро продвигаясь на юг примерно по границе Фракии и Иллирика, словене переправились через Гебр (Марицу) где-то в ее верховьях, выше Филиппополя. Беспрепятственно внедрившись, таким образом, в глубь ромейской территории, войско разделилось надвое. Один отряд, по сведениям Прокопия, насчитывал 1800 человек, «в другой входили остальные». Известно, что один отряд обратился против Фракии, продолжив движение на юг, к Эгеиде. Другой отряд двинулся на запад, в Иллирик. Больше был именно фракийский отряд, о действиях которого у Прокопия вообще более определенные сведения. Дождавшись, пока словене удалятся друг от друга, военные трибуны провинций атаковали их со значительно превосходящими силами. Но обе группировки императорских войск потерпели сокрушительное поражение. Часть ромеев пала в бою, часть во главе с военачальниками бежала с поля боя.

Движение фракийского отряда словен на юг создавало непосредственную угрозу центральным областям Империи. Из крепости Цурул, расположенной неподалеку от Константинополя, во главе многочисленного отряда всадников выступил для отражения словен императорский телохранитель («кандидат») Асвад. «Безо всякого труда», по словам Прокопия, словене одержали победу и обратили отборные части защитников столицы в паническое бегство. «Варвары» преследовали разгромленных врагов по пятам и в большинстве перебили их. У настигнутого и захваченного в плен Асвада нарезали из спины ремней, а

https://RodnoVery.ru

затем, еще живого, сожгли, бросив в костер.[481]

После разгрома высланных для противодействия им войск словене «безбоязненно» принялись разорять Фракию и Иллирик. При этом с момента вторжения они свирепо истребляли всех попадавшихся им людей без разбора пола и возраста, совершая над ними кровавые воинские ритуалы и бросая непогребенными тела. Прокопий описывает жестокости словен так: «очень крепко вбив в землю колья и сделав их весьма острыми, с большой силой насаживали на них несчастных… вкопав в землю на значительную глубину четыре толстых столба, привязывая к ним руки и ноги пленных, а потом непрерывно колотя их дубинами, варвары эти убивали… А иных они, запирая в сараях вместе с быками и овцами… безо всякой жалости сжигали».[482] Другие леденящие подробности сообщал писавший вскоре после того же страшного нашествия Псевдо-Кесарий: «словене с удовольствием поедают женские груди, когда наполнены молоком, а грудные младенцы разбиваются о камни…»[483] Кровавое восхваление богов войны и своих ратных доблестей словене умерили лишь после взятия Топира. Этот довольно крупный город был первым из встреченных ими городов приморской фракийской провинции Родопа (вообще первой значительной из взятого обоими отрядами «множества крепостей»?). Его штурму «варвары» придали некий сакральный смысл. [484]

Словене подступили к Топиру, стоявшему неподалеку от моря на реке Коссинф и имевшему регулярный гарнизон, уже разграбив окрестности. Основная часть «варваров» укрылась в холмистой местности перед обращенными к востоку городскими воротами, где высокий отвесный холм поднимался над городской стеной. Небольшой отряд словен появился в виду ворот и принялся «беспокоить ромеев у зубцов». Решив, что число нападающих невелико, ромейские солдаты всем гарнизоном предприняли вылазку и атаковали их. Словене обратились в притворное бегство. Когда ромеи отдалились от городской стены, в тыл им ударила, отрезая путь к городу, вражеская засада. Спереди на них напали преследуемые «варвары». Весь гарнизон пал, и словене ринулись на штурм. Жители города упорно оборонялись, используя камни, кипящее масло и смолу. Некоторое время им удавалось отражать натиск. Но, в конце концов, словене, используя упомянутый высокий холм, согнали защитников со стены стрелами, а затем взобрались на ее гребень по лестницам. Топир пал. Именно тогда словене впервые за время нашествия взяли пленников — всех женщин и детей. Но мужское население Топира (15 тысяч человек, по оценке Прокопия) было

https://RodnoVery.ru

перебито.[485]

После взятия Топира и фракийский, и иллирийский отряды словен продолжали разорять ромейские земли. Враг находился в 12 днях пути от столицы Империи. Словене осадили и взяли, как уже говорилось, «множество крепостей», захватили «бессчетные тысячи пленных».[486] Масштабы опустошения, причиненного даже этими, сравнительно небольшими, силами словен европейским землям Империи, были значительны.

Тем не менее словенское нашествие пока не добилось главной своей (с точки зрения Тотилы) цели — не остановило переправки новых сил в Италию. Летом 550 г. Герман Аниций, назначенный новым командующим италийской армией, невзирая на действия словен, приступил во Фракии и Иллирике к набору войск. К переброске в Италию готовилась часть расквартированной во Фракии конницы. Явились герульские герцоги и тысяча воинов от лангобардского короля. Громкая слава Германа, прежнего победителя антов, привлекла к нему и «варваров, которые обретались около реки Истр». Основную часть их, без сомнения, составляли союзные теперь Империи анты и часто нанимавшиеся ей на службу болгары. Но, должно быть, Герману удалось перетянуть к себе и кое-кого из дунайских словен, готовящихся у Дуная к вторжению в ромейские пределы.[487]

Герман еще находился в Сардике, центре Внутренней Дакии и одной из главных ромейских баз в Иллирике, когда основные словенские силы пересекли Дунай к северо-западу оттуда, в районе Наисса. Прокопий характеризует их как «полчище склавинов, какого еще не бывало». Следовательно, они превосходили числом отряд, вторгшийся весной, несмотря на то что кто-то из словен поддался на призывы Германа. Цель словен была под стать масштабу нашествия — «осадой захватить Фессалонику и окрестные города». Таким образом, действия словенского авангарда лишь расчищали поле для осуществления этого грандиозного военного замысла. Ромеям удалось захватить в плен нескольких словен, «разбредшихся из лагеря и поодиночке блуждавших и круживших по тамошним местам». Узнав благодаря этому о замыслах «варваров», Юстиниан встревожился. Он «сразу написал Герману, чтобы тот в данный момент отложил поход в Италию, но встал бы на защиту Фессалоники и других городов и всеми силами отразил нападение склавинов». На фоне их прежних успехов завоевание второго по значимости города Балкан не выглядело фантастичным.

План Тотилы оказался чрезвычайно близок к успеху. Но готский

https://RodnoVery.ru

король не мог учесть славы Германа среди придунайских «варваров». Узнав, в свою очередь, от захваченных в плен ромеев о том, что Герман медлит в Сардике, словене «пришли в ужас». Зная о наборе войск против Тотилы и не желая иметь дело с приготовленной для Готской войны армией, словене отказались от своего первоначального замысла. Они не стали соединяться с действовавшими, судя по всему, не очень далеко от Фессалоники силами авангарда. Оставшись в иллирийских горах, они ушли дальше на северо-запад, в принадлежавшую прежде остготам, а теперь ничейную гористую Далмацию.[488]

Герман стал готовиться к отбытию в Италию. Но повести туда войско ему было не суждено. Внезапно ромейский полководец умер. Его войско выступило под командованием Иоанна, занимавшего тогда пост magister militum Иллирика. Двигаясь по суше через ту же Далмацию, оно осталось на зимовку в ее крупнейшем городе — Салоне. В столкновения со словенами ромеи не вступали. Между тем все три отряда словен остались зимовать на землях Империи, «будто в собственной стране и не боясь никакой опасности». Это была первая зимовка вторгавшихся словен в балканских провинциях[489] (не считая Скифии). Судя по всему, к «варварам» подходили подкрепления из-за Дуная. Осенью 550 — весной 551 г. словене «совершенно беспрепятственно разоряли державу ромеев», «сотворили ужасное зло по всей Европе». При этом они по-прежнему действовали тремя частями — два отряда в Иллирике (один вернулся из Далмации с прибытием туда императорской армии; другой, меньший, действовал где-то в Македонии) и один во Фракии.

Весной 551 г. против фракийского отряда словен Юстиниан выслал большое войско под командованием евнуха Схоластика с участием ряда видных ромейских полководцев — Константиана, Аратия, Назара, Юстина (сына Германа), Иоанна Фагаса. К этому времени «варвары» уже опасно приблизились к столице и находились в окрестностях Адрианополя (5 дней пути до Константинополя). Но огромная добыча сдерживала дальнейшее продвижение словен и, наткнувшись на готовые к бою императорские войска, они встали лагерем на возвышавшейся над противником горе. Невыгоды местности заставляли ромейских полководцев медлить. Это вызвало недовольство в их войсках, тем более что ведшиеся словенами приготовления к бою остались скрыты от ромеев. В конце концов, изведенные «сидением» и особенно нехваткой припасов солдаты стали роптать. Опасаясь бунта, военачальники вступили в бой с врагом — и потерпели сокрушительное поражение. «Многие лучшие воины» погибли,

https://RodnoVery.ru

«полководцы, едва не попав в руки неприятеля, насилу спаслись с остатками, бежав куда кто мог». Словенам досталось знамя Константиана.

Поражение при Адрианополе действительно оказалось тяжелым ударом для Империи. Но и словенам оно вскружило голову. «Проникшись презрением к ромейскому войску», они двинулись дальше. Сперва «варвары» действительно не встречали сопротивления. Разграбив Астику — прежде не опустошавшуюся «варварами» центральную область диоцеза Фракия, они вновь повернули к Константинополю. Едва ли они рассчитывали захватить столицу Империи. Даже для захвата фракийских городов у них явно не хватало сил. Пленники, сопровождавшие словен, намного превосходили их числом, и любое крупное сражение стало бы угрозой для «варваров». Но в дне пути от столицы — у ее внешнего оборонительного рубежа, Длинных Стен, словене появились. В этом районе на них (точнее, на «какую-то их часть» — на арьергард, где находились пленные и трофеи) и напало ромейское войско, шедшее за ними по пятам. Словене, застигнутые внезапно, были разгромлены, многие перебиты. Была спасена «масса ромейских пленных», а вместе с ними — знамя, позорно потерянное Константианом.[490]

Это поражение окончательно остудило пыл словенских предводителей. Надежды на захват богатых и крупных городов рушились. О занятии какой-либо части ромейской территории не могло быть и речи. Важно теперь было сохранить уцелевшую часть добычи. После разгрома у Длинных Стен два словенских отряда — фракийский и первый (южный) из действовавших в Иллирике — ушли за Дунай, угоняя многочисленный полон и унося все еще богатую добычу.[491] Однако нашествие отнюдь еще не закончилось. Главные и наиболее мощные силы словен («огромное полчище») продолжали оставаться в Иллирике.[492] Борьбу с ними осложнило то, что в начале лета 551 г. по следам словен во Фракию вторглись кутригуры. Анты не стали препятствовать этому вторжению, поскольку через их зону ответственности болгары шли вовсе не в ромейские земли — их призвали гепиды в качестве наемного войска для борьбы с лангобардами. Не желая кормить за свой счет кочевников до окончания (в 552 г.) перемирия с соседями, гепиды натравили их на Империю. Именно тогда Юстиниан впервые привлек к борьбе с кутригурами утигурского хана Сандилха.

Справившись с «гуннским» вторжением, император послал осенью 551 г. войско в Иллирик, против чинивших там «неописуемые беды» словен. Верховное командование этой армией осуществляли сыновья Германа Юстин и Юстиниан. Последний для этой цели был отозван из

https://RodnoVery.ru

Далмации, где стоял вместе с Иоанном, ожидая подхода нового командующего италийской армией Нарсеса, задержанного кутригурским нашествием. На этот раз, однако, ромейское войско значительно уступало противнику числом. Следует помнить, что здесь ромеи имели дело с главными силами вторжения, должно быть, еще и пополнившимися новыми отрядами из-за Дуная. Императорские войска применили уже не раз использованную тактику. Следуя по пятам за словенами, они беспокоили их арьергард, убивая и захватывая в плен отстающих. Это позволяло сохранить ромейское войско, но, ввиду многочисленности «варваров», не повлияло на общий ход событий. Словене, «проведя в таком разбое значительное время, заполнили все дороги трупами и, поработив бессчетное множество и разграбив все, со всей добычей вернулись домой». В Константинополе надеялись перехватить нагруженных добычей «варваров» при переправе обратно за Дунай. Но этот замысел сорвался. Словене не стали возвращаться в район прежней переправы, а сговорились с гепидами. Те переправили их за огромную сумму денег — «за каждую голову… по золотому статиру» — на свою территорию. Оттуда словене уже безболезненно вернулись в свои земли.[493]

Первое массовое словенское нашествие за Дунай явилось своеобразным рубежом в истории противостояния с Империей. С этого времени словене представляют уже могучую и самостоятельную опасность на ее границах, нередко создающую угрозу самому существованию Второго Рима.

Глава третья. Славянский север

Кривичи

В V в. на северо-западе будущей Руси появляются первые памятники археологической культуры длинных курганов. Большинство специалистов аргументировано связывает эту культуру со славянским племенным союзом кривичей, упоминаемым в русских летописях. Ареал распространения длинных курганов совпадает с летописным ареалом кривичей, включавшим Смоленскую, Полоцкую и Псковскую земли.[494]

На основании радиоуглеродного метода одно из наиболее периферийных, удаленных на север поселений кривичей (Варшавский шлюз III в Белозерье) датируется первой половиной V в.[495] Можно

https://RodnoVery.ru

заключить, что расселение кривичей происходило в весьма раннее время, независимо от распространения других славянских культур. Вместе с тем характерные черты культуры кривичей однозначно указывают на далеко не полную их изоляцию от сородичей. Предки кривичей ушли на север очень рано, под натиском гуннов в конце IV — начале V в. Особые черты их материальной культуры сложились, как увидим, на месте. Не исключено, что в заселении севера участвовали группы славян разного происхождения, приходившие разными путями.[496]

Согласно «Повести временных лет», первой из относимых к кривичам групп на местах своего обитания появились полочане, жители Подвинья: «иные [славяне] сели на Двине и нареклись полочане, — речки ради, что течет в Двину, именем Полота».[497] От них, как говорится позже, пошли и смоленские (верхнеднепровские) кривичи.[498] Но при этом киевский летописец вовсе не говорит о псковско-изборских кривичах. Между тем огромное значение округи Пскова и Изборска для кривичской истории подтверждается и письменными источниками, и археологическим материалом.[499]

Вместе с тем представляется более чем вероятным, что сперва кривичи пришли все-таки на территорию современной Белоруссии. В то время ее земли населялись восточными балтами (археологическая культура Тушемли-Банцеровщины). Двигаясь вдоль речных артерий к северу от Припяти, славяне в первой трети V в. появились в Верхнем (Могилевском) Поднепровье. В этой порубежной между колочинцами и тушемлинцами зоне новые пришельцы сперва и осели.

Славяне, судя по всему, являлись последними обитателями древнего поселения Абидня. В трех километрах севернее славянские жилища появились на колочинском поселении Тайманово.[500] Где-то речь шла о вытеснении местных жителей, где-то — о мирном совместном существовании. Две славянских полуземлянки обнаружены западнее, на Нижней Березине, на колочинском селище Щатково.[501] Это уже явное свидетельство мирного сосуществования немногочисленных славян с балтами.

https://RodnoVery.ru

Славянские курганы

Именно двигаясь вверх по Березине, славяне попали в верховья Вилии. Здесь имеется ряд тушемлинских поселений VI–VII вв. с ярко выраженными славянскими чертами. Особенно много славян жило на поселении Дедиловичи, домостроительство которого несет черты явно славянские. Здесь мы имеем дело с силовым «подселением», известным нам по пеньковско-колочинским материалам. Славяне брали в жены балтских женщин, о чем свидетельствует керамический материал (исключительно тушемлинская посуда).[502] Вместе с тем более типичным в этот период и в этом регионе являлось мирное сосуществование славян и балтов на одних поселениях. Поселение Городище характеризовалось смешением славян (составлявших до трети его населения) и балтов.[503] Поблизости, на селище Ревячки, также выявлено сочетание балтских и славянских приемов домостроительства. Славяне принесли в регион, заселенный тушемлинскими племенами, ряд новых элементов быта, воспринятых отчасти местными жителями (каменные жернова, ритуальные железные ножи и др.).[504] Это отражает процесс длительного взаимодействия двух этнических элементов в Днепро-Двинском регионе.

С Верхнего Днепра славяне, предки кривичей, еще в первой половине V в. попали в верховья Ловати. Эти земли, малонаселенная северная периферия тушемлинской культуры, и стали базой для дальнейшего славянского расселения. Здесь обнаружен один из древнейших длинных

https://RodnoVery.ru

курганов (Полибино), инвентарь которого надежно отнесен к V в.[505] Здесь же находится селище Жабино, характеризующееся совместным проживанием славянского (культуры длинных курганов) и тушемлинского населения.[506] Из этого региона происходило расселение кривичей на север, в редконаселенные земли будущей Псковско-Новгородской земли. Местными жителями здесь были уже не балты, а прибалтийские финны. Их самоназвание отразилось в современном этнониме сету (близкая эстонцам группа в псковской округе) и в древнерусском обозначении прибалтийских финнов «чудь».

Основным для движения славян являлось направление вниз по реке Великой и далее по обоим берегам сообщающихся Псковского и Чудского озер. В ходе этого расселения они еще в начале VI в. достигли южной части бассейна реки Эмайыга на западном берегу, а на восточном берегу — реки Желчи.[507] Отдельные группы кривичей в V — начале VI в. удалялись на восток от основного массива — в верховья Луги (Замошье) и даже за Ильмень, до Белозерья (Варшавский Шлюз, Усть-Белая).[508]

Крупнейшим центром славянского расселения в регионе стало на том этапе Псковское городище (тогда еще неукрепленное). Здесь жили и пришлые славяне, и, в несколько большем числе, коренные жители — «чудь».[509] Совместное проживание и взаимное смешение славян и прибалтийских финнов в этих землях подтверждается также инвентарем и керамикой из самих длинных курганов.[510] Отношения между двумя одинаково пока немногочисленными группами населения складывались по преимуществу мирно. Псков (древнейшее славянское название — Плесков, «город на плесе [открытой части реки]») являлся общим племенным центром «чуди» и поселившихся бок о бок с ней кривичей. Находки на Псковском городище (в славянских жилищах) сосудов тушемлинского типа свидетельствуют о приходе с мужьями-славянами некоторого числа балтских женщин.

Таким образом, расселившись на балтских и прибалтийско-финских землях, кривичи вступили в отношения своеобразного симбиоза с аборигенами. В землях «чуди» этот симбиоз носил более мирные формы. Однако и балтские племена установили со временем мирные контакты с пришельцами-славянами. О длительном взаимодействии кривичей с балтами (не только восточными), в том числе и после прихода на Псковщину, свидетельствует латышское название русских — krievs.[511]

Интерес представляет название племенного союза — кривичи. Оно произведено от личного имени «Крив». Последнее может быть понято как

https://RodnoVery.ru

противопоставление эпитету бога Перуна («Правый»[512]). Таким образом, «Крив» вполне может относиться к богу Велесу, антагонисту Перуна в славянском «основном мифе». Уже говорилось о возможном «велесическом» характере праславянской религии, особенно на северной периферии.

Пряжка. Культура длинных курганов

В мифологических и родословных преданиях белорусов, потомков кривичей-полочан, имя героя-первопредка — Бай (Бой). В мифе о сотворении мира Бай предстает как первый человек. Один из его сыновей, Белополь, — предок белорусов. Гигантские псы отца — Ставра и Гавра — помогают Белополю определить границы своих владений, прорыв реки Двину и Днепр.[513] Согласно другому преданию, Бай — древний князь, живший в Краснополье близ Дриссы (на Витебщине). Вместе со своими псами Ставрой и Гаврой он охотился по местным «густым лесам». От нескольких жен Бай имел сыновей — предков отдельных белорусских фамилий. Старший из них — Бойко (Белополь, в отличие от более позднего текста, не упоминается среди них вовсе).[514] Третье предание также помещает Бая (здесь — Бой) в Краснополье над рекой Дриссой. Бой — князь-богатырь, охотящийся в лесах по Дриссе со Ставрой и Гаврой. Псы одолевали любого зверя и защищали князя от разбойников. Бой установил

https://RodnoVery.ru

поклонение им наравне с «важнейшими особами», а после смерти ввел дни их поминовения («Ставрусские деды»; обряд известен и на Минщине).[515] Смысл этого древнего праздника поминовения мертвых позволяет увидеть в Бае божество загробного мира в сопровождении демонических псов (подобно индийскому Яме). Первоисточник имени «Бай» — балтский, как и имен псов.[516] Литовское bajus ‘страшный’ может быть осмыслено как эпитет балтского бога подземного мира Велса, антагониста громовержца Перконса.

В датской хронике Саксона Грамматика действует «русский» князь Бой, отождествленный со скандинавским богом Вали, сыном Одина и Ринды (последняя переосмыслена Саксоном как «русская княжна»). Предание приурочено к известному на Руси кургану павшего в битве Боя.[517] Один-Валль (заметим, «кривой», одноглазый) генетически родствен Велесу и Велсу, и это тождество могло быть осознано скандинавом, столкнувшимся с русским преданием. В этом предании, как и в одной из позднейших белорусских версий, первый князь (Бой, ср. Бойко) выступал как сын божества (Бая, Велеса). Стоит заметить, что и в другом скандинавском памятнике — «Саге о Хёрвер» — правителям Руси приписывается «одиническое» происхождение. Не след ли это тех же легенд, восходящий к самым ранним контактам норманнов и кривичей?

Выстраивается цепь тождеств: Крив — Бай — Велес (балтский Велс). Кривичи возводили себя к Велесу (в ходе контактов с балтами славянский бог естественным образом отождествился с Велсом-Баем) и воздавали ему особое поклонение. Его имя табуировалось. Вожди союза являлись верховными жрецами Велеса и особо возводили к нему свой род, а быть может, и считались его земными воплощениями (ср. образы князя Боя и Бая). Представляется также, что балтское по происхождению имя «Бай» заместило в славянском предании исконное, славянское «Крив» — древний эпитет Велеса.

Материальная и духовная культура кривичей формировалась в условиях тесного контакта и совместного проживания с финскими и отчасти балтскими племенами.[518] Вместе с тем славянская основа сохранялась. Это ярко отражается находками керамики славянских типов и других вещей славянского происхождения по всему ареалу расселения кривичей.[519] Некоторые элементы славянской культуры, как отмечалось, воспринимались и теми племенами, с которыми кривичи вступали в контакт. Проникновение культур носило взаимный характер.

Славянские традиции сохраняются в домостроительстве. Расселяясь в

https://RodnoVery.ru

землях днепро-двинских балтов, славяне строили здесь не встречающиеся у местных жителей полуземлянки с печами-каменками в углу. Такие жилища встречены на поселениях Абидня, Тайманово, Щатково, Дедиловичи, Городище. С учетом местных климатических условий, а возможно, и под влиянием местных домостроительных традиций, кривичи стали возводить наземные дома срубной (не столбовой, преобладавшей у балтов) конструкции. Такие дома строились на селищах Дедиловичи, Городище, Жабино, Псковском и др. На Псковском наземные срубные дома сохраняют элементы полуземляночного облика, но углубления их наклонны (площадь внизу — до 9 м^2). В тушемлинском ареале имеются дома, сочетающие элементы славянского и балтского домостроительства (Дедиловичи, Городище, Ревячки).[520]

В целом занятия и быт кривичей, насколько можно судить, мало отличались от занятий и быта других славянских племен. Сравнительно большую роль играли у кривичей охота и рыбная ловля. Но основными занятиями оставались (как, впрочем, и у неславянских соседей) подсечное земледелие и скотоводство. Судя по найденному железному серпу (Полибино), орудия земледельческого труда у кривичей были несколько архаичнее, чем на юге.[521] Славяне принесли на север каменные жернова, которые начинают вытеснять применявшиеся ранее балтами каменные зернотерки.[522]

Характерным, определяющим культуру кривичей элементом является обряд захоронения в длинных валообразных курганах высотой до 2 м и шириной до 10. В длину курганы кривичей достигали 300 м и более.[523] Такие курганные захоронения не имеют аналогов у славян других земель. По мнению археологов, у самих кривичей им предшествовал бескурганный обряд захоронения. Они помещали сожженные останки умерших в неглубоких ямках, вырытых на погребальных площадках. Некоторые курганы были возведены над такими площадками. Перейти к курганному обряду побудили особенности местности — возможно, для сооружения площадок требовались естественные всхолмления, тогда как новые места проживания кривичей нередко отличаются равнинностью. Возможно также, что при захоронениях в грунт требовалось соблюдать некую иерархичность, средством соблюдения которой и стало возведение курганов.[524]

Похоронный обряд имел некоторые вариации (в том числе в рамках одной большой семьи, строившей длинный курган). Сожжение в этот период всегда совершалось на стороне. Встречаются захоронения урновые

https://RodnoVery.ru

(в Псковской земле не более 20 %) и безурновые, с инвентарем и без него. Урны могли изготавливаться не только из глины, но и из древесных материалов (береста, древесина). Захоронение могло совершаться на материке (при строительстве кургана), на выровненной площадке насыпи, в ямах или неглубоких ямках (до 50 % всех погребений) в уже насыпанном кургане, оставляться на поверхности кургана. Длинные насыпи окружались рвами, в которых часто разводили ритуальные костры.[525] В некоторых курганах Псковщины встречены каменные конструкции (обкладка основания, покрытие, надгробные плиты и ограждение и др.). Они связываются с прибалтийско-финским или балтским влиянием.[526]

Наличие в ряде погребений уже V — начала VI в. довольно богатого инвентаря свидетельствует о идущем в кривичском обществе процессе расслоения. Сами же длинные курганы, вне всякого сомнения, являются порождением племенного строя. Это коллективные усыпальницы больших семей, использовавшиеся на протяжении довольно долгого времени. Число захоронений в одном кургане достигает 22.[527]

В политическом плане кривичи в описываемый период представляли собой сообщество слабо связанных и расселившихся на огромной территории, в иноязычном окружении патронимий и общин. Как правило, они вообще не создавали собственных поселений, а селились вместе с балтами и финнами. При этом, разумеется, кривичей изначально сплачивало сознание общего происхождения. Нельзя исключить вероятности существования некоего общего сакрального центра или авторитета, сакрального вождя, считавшегося верховным жрецом бога-предка. Однако в первой половине VI в. число кривичей было еще очень невелико, жили они разбросанно и чересполосно с аборигенным населением. Кривичского племенного союза как самостоятельной политической единицы, вероятнее всего, пока не существовало.

Венедская проблема

Иордан, передавая сведения Кассиодора о современном состоянии славянских («венетских», в его терминологии) племен, недвусмысленно сообщает о существовании трех их ветвей. Вот этот фрагмент: «Они же [венеты]… произойдя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и славян…»[528]

Венетов Иордана надо искать там же, где помещали своих венедов

https://RodnoVery.ru

античные авторы, то есть к югу от Балтики. В достоверно известных ромеям славянских землях для венетов просто не остается места. Едва ли Иордан, говоря о том, что потомки древних венедов «свирепствуют всюду, по грехам нашим», мог иметь в виду кого-то помимо разорявших Империю словен и антов. Кроме того, именно на севере помещаются единственные ясные следы бытования этнонима «венеды», ведущие в Раннее Средневековье. Германцы называли виндами полабских славян. В прибалтийско-финских языках именем восточных славян стало Vänä.

Однако эти скудные данные вступают, на первый взгляд, в острое противоречие с археологическим материалом. Следов пребывания славян в Южной Прибалтике в конце V — первой половине VI в. нет. Более того, нет вообще подтверждений тому, что области между Вислой и Одером к югу от Балтийского моря были в ту пору сколько-нибудь плотно заселены. Уже говорилось, что массовое расселение славян на землях современной Польши датируется только второй половиной VI столетия. То же самое относится и к нынешней территории Восточной Германии между Одером и Эльбой, где помещаются винды средневековых латинских авторов.[529] Итак, если за пределами Южной Прибалтики для венедов Иордана места как будто не находится, то нет его и в самой Южной Прибалтике.

Однако на другой чаше весов остается целый ряд косвенных свидетельств, необъяснимых без признания историчности свидетельства Иордана. Одно из них — само бытование этнонима «винды», «венеды». Если у германцев именования славян «виндами» или «вендами» могло восходить к каким-то преданиям, то финское название может восходить только к собственно славянскому словоупотреблению. Само же это словоупотребление надежно датируется временем не раньше VI–VII вв., когда славяне широко расселились близ границ будущего Эстланда, в Новгородской земле. Итак, какая-то группа северных славян еще в VI или VII в. сохраняла древнее имя «венеды».

Археологическая культура поморских и полабских славян VI и последующих веков стоит в стороне от известных славянских культур — как от пеньковской, так и от географически близкой пражско-корчакской. По своим базовым особенностям она не может быть возведена к ним.[530] Еще четче выявляется обособленность славян полабско-поморского региона и Новгородчины по данным антропологии.[531] Таким образом, данные Кассиодора — Иордана о трех группах славянских племен все-таки находят свое подтверждение в археологическом материале, хотя и не для времен Кассиодора.

https://RodnoVery.ru

Среди археологических памятников «предславянского» периода на территории Польши можно выделить группу памятников второй половины V или даже начала VI в., определяемых как позднейшие пшеворские. Об одной их части (в Висло-Одерском междуречье) уже шла речь в связи с первоначальным расселением пражских племен в южнопольских областях. Другая часть подобных же памятников обнаруживается на северо-востоке Польши, на приморских землях в низовьях Вислы и к востоку от нее (поселение Чехово, могильники Прущ Гданьский и Козлувка).[532]

Суковско-дзедзицкий сосуд

Сравнительно немногочисленное население низовий Вислы было достаточно пестрым в этническом плане. Не вызывает сомнений присутствие здесь балтского и германского элемента. Здесь, по Кассиодору, жило смешанное по происхождению (преимущественно германское?) племя видивариев. В этих же местах Птолемей называет восточных соседей венедов — вельтов, почти несомненных предков славян-велетов. Вельтов можно оценивать и как балтославянское, и как балтское племя. Местные разноплеменные группы могли составлять упомянутый в «Гетике» пестрый

https://RodnoVery.ru

по этническому происхождении союз видивариев.

Но едва ли можно ставить знак равенства между венедами Иордана, с одной стороны, и велетами или тем более видиваріями — с другой. Позднейшие источники четко различают, даже противопоставляют велетов (вильцев) и ободритов (ободричей). Между тем ободриты, вне всякого сомнения, относились к венедам. Именно они, насколько можно судить, явились главными «разносчиками» этнонима. Франки и скандинавы называли «вендами», в первую очередь, ободритов. Более того, с велетами позже связывается особая, фельдбергская археологическая культура, изначально имеющая мало общего с «венедской» суковско-дзедзицкой. Следует признать, что велеты не были ни основной, ни составной частью венедов Иордана.

В последнее время все больше фактов свидетельствует в пользу существования первоначального суковско-дзедзицкого очага южнее, на землях Великой Польши. Формирование суковско-дзедзицкой культуры здесь, по этой теории, началось уже в V — первой половине VI в. К этому древнейшему периоду отнесен теперь целый ряд памятников между средними течениями Вислы и Одера (поселения Бониково, Бискупин, Жуковицы). Основой для складывания материальной культуры их жителей стали местные пшеворские древности.[533] Суковско-дзедзицкая культура восходила с пражской к общей основе. Это объясняет, например, известное сходство (но при заметных различиях) керамического материала. Но в создании суковско-дзедзицкой культуры участвовали не только праславяне («венеды»), но и местные германцы. Ясно, что первые «суковцы» были весьма немногочисленны. Это только ускоряло смешение разных «родов».

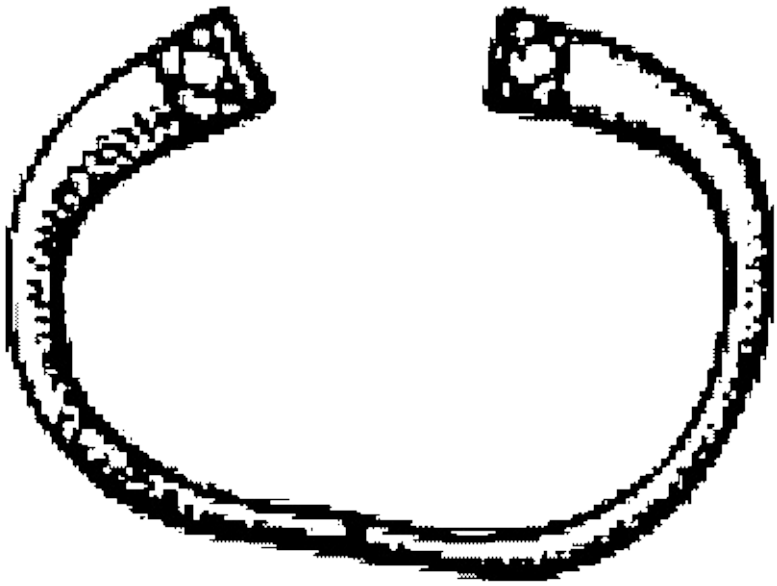
Такой подход гораздо логичнее объясняет картину расселения «суковских» племен, чем традиционное для польской археологии рассмотрение памятников Великой Польши и Силезии в рамках пражской культуры. С другой стороны, данная теория окончательно решает «венедскую» проблему. Если «венеды» жили в тот период южнее Поморья, то ясно, откуда о них было известно Иордану. Ясно также, что нет нужды смешивать их ни с видиваріями, ни с велетами.

Скорее всего, венеды V — первой половины VI в. не представляли собой какого-либо политического единства. Жили они вперемешку с другими этническими группами, причем крайне разбросанно, на больших расстояниях друг от друга, среди лесных массивов. Сообщение между отдельными племенами или даже общинами было затруднено, если вообще существовало. С другой стороны, это не исключает, конечно, вовсе внешних контактов. О них свидетельствует и археологический материал, и

https://RodnoVery.ru

сам факт свидетельства Иордана. О северных венедах неплохо знали расселившиеся в Южной Польше словене.

Материальная культура суковско-дзедзицких племен в этот период только складывалась, все больше удаляясь от пшеворского прототипа. На протяжении V — первой половины VI в. на землях Великой Польши шел сложный процесс формирования новой культурной общности из различных — праславянских и германских элементов. Завершился он уже во второй половине VI столетия в условиях широкого расселения славян из южных областей по территории современной Польши и Восточной Германии.



Браслет. Суковско-дзедзицкая культура

Недостаток сведений о славянских племенных союзах Севера за V — первую половину VI в. объясняется удаленностью населенных ими земель от центров тогдашней цивилизации. Сравнительная же немногочисленность славян в этих регионах обусловила скудость и археологического материала. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют сделать вывод о начале складывания известных нам племен северо-востока Европы уже на самом раннем этапе истории средневекового славянства.

https://RodnoVery.ru

Часть 2

Глава первая. Приход авар

Славяне в 550-е гг

Осенью 551 г. последние отряды мощного словенского нашествия покинули пределы Империи Ромеев. Главным результатом событий для словен, помимо демонстрации силы и богатой добычи, стал оформленный союз с гепидами, которые за долю в добыче согласились переправлять возвращающихся словен на левобережье Дуная.

Уже весной 552 г. какое-то из словенских племен Подунавья удачно повторило опыт. На этот раз вторгшийся отряд был невелик и не учинил слишком большого разорения. Прокопий говорит лишь о «некоторых из склавинов» и не сообщает об их бесчинствах. Война 550–551 гг. все же основательно ослабила дунайский племенной союз. Несомненно, что в ней были задействованы почти все его боеспособные силы. Так или иначе, причинив ромеям определенный «вред», словене безнаказанно вернулись за Дунай при помощи гепидов.[534]

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения императора Юстиниана. Сразу после славянского нашествия, в конце 551 г., он вступил с гепидами в переговоры — целью которых, в первую очередь, было предотвратить их содействие словенам впредь. В 552 г. истекал срок перемирия между гепидами и их соседями, лангобардами, союзниками Империи. Так что Юстиниан, используя лангобардов как фактор давления, имел все основания рассчитывать на успех. Успех, по видимости, был достигнут. Гепиды сами предложили Империи союз, и их послы заключили в Константинополе соответствующий договор.[535]

Но — как мы уже видели — сразу после заключения договор гепидами был нарушен. Причины этого неясны. Неясно даже, с ведома ли гепидского короля его подданные польстились на словенское вознаграждение. Но узнав о происшедшем, Юстиниан разорвал только что заключенный союз с гепидами и послал войско в помощь королю лангобардов Авдуину.[536]

Войско Юстиниана (за исключением небольшого отряда во главе с шурином Авдуина, тюрингским принцем Амалафридом) не приняло

https://RodnoVery.ru

участия в войне, будучи задержано внутренними смутами в Империи. Авдуину это не помешало одержать победу над гепидами и отправить победную, хотя не лишенную попреков, реляцию в Константинополь.[537] Одна демонстрация ромейской силы вкупе с сильным поражением подействовала на гепидов достаточно сильно. Больше об их помощи словенам ничего не сообщается.

Вся международная обстановка менялась не в пользу врагов Империи. В 552 г. в Италии был разгромлен и погиб остготский король Тотила, самый талантливый и упорный из противников Юстиниана. В начале следующего года, когда в битве у Везувия пал последний король Тейя, государство остготов прекратило свое существование. За их наследство развернулась борьба между ромеями и франками. Но в 555 г. полководцы Империи разбили в войне за Италию и франков. Серьезных врагов в Европе у Юстиниана не осталось. Он получил возможность сосредоточить внимание на восточной, персидской границе.

Победы ромейского оружия, вне всякого сомнения, сразу становились известны «варварам» к северу от Дуная. Гибель Тотилы, чья неуемная энергия втянула в противоборство готов с Империей и придунайские племена, не могла не вселить уныние в его союзников. Скорее всего, это стало одной из причин временного затишья на дунайской границе после 552 г. Надо иметь в виду, что с точки зрения самих словен цель их борьбы с Империей вовсе не была достигнута, несмотря на мощные усилия 550–551 гг. Не была захвачена не только Фессалоника, но вообще ни один из действительно богатых южных городов.

Словенам не удалось ни расселиться к югу от Дуная, ни существенно ослабить саму Империю. Успехи Юстиниана в Италии и Паннонии продемонстрировали это достаточно ясно. Большая часть соседей дунайских словен была либо союзна Константинополю (анты, лангобарды), либо искала такого союза (гепиды).

К тому же Юстиниан именно после нашествия 550–551 гг. принял меры по укреплению границы в Иллирике. В частности, были отстроены заново крепости Паластол и Сикивиды (последняя — в Олтении, на левом берегу Дуная). Император, «отстроив их, обуздал набеги тамошних варваров».[538] Под «варварами», вполне вероятно, имеются в виду именно словене, проникавшие уже небольшими группами в земли к западу от Олта. Примерно в этих местах, где в первой четверти VI в. их еще не было, словене и переправлялись через Дунай во время предшествующих нападений.

https://RodnoVery.ru

Итак, словенские набеги временно прекратились. После 552 г. ни об одном источнике не упоминают — вплоть до 559 г. Ни разу не упомянуты словене в качестве врагов Империи в труде продолжателя Прокопия, Агафия Миринейского. Вообще, единственное упоминание «склава» в его труде — эпизод со словенином Сваруной, отличившимся в бою во время кавказской войны 555–556 гг.[539] В той же кампании против персов и их союзников участвовал как один из полководцев ант Дабрагез с сыном Леонтием.[540] Очевидно, что он не был единственным антом, а Сваруна — единственным словенином в ромейской армии. Анты являлись союзниками Империи уже более десятилетия, и предоставляли ей — за щедрую плату — военную помощь. С установлением же относительно мирных отношений между словенами и Империей, естественно, возросло и число словен, служивших наемниками в имперской армии.

В то же время из источников явствует, что словене никакого формального договора с Юстинианом не заключали. Упоминаний об этом нет, и позже, когда набеги возобновились, ни один греческий автор не упрекнул словен в нарушении какого-либо договора. Прокопий уже после болгарского нашествия 559 г. писал о болгарах и словенах: их «обычай — и вести войну, не будучи побужденными причиной, и не объявлять через посольство, и прекращать без всяких соглашений, и не заключать перемирия на определенное время, но начинать без повода и заканчивать одним оружием».[541]

Возможно, впрочем, что сам Юстиниан, удовлетворенный договором с антами и устрашением гепидов, не желал вступать в переговоры еще и со словенами — тем более что набеги прекратились и без этого. Каждый «союз» с «варварами» недешево обходился императорской казне и возбуждал недовольство оппозиции. К ней, кстати, еще в начале 550-х гг. принадлежал и Прокопий, резко отзывавшийся о практике договоров с «варварами».

С другой стороны, разгром остготского королевства открывал славянам другие направления для расселения. В результате Готской войны в самом центре Европы образовалось обширное пространство «ничейной», в значительной степени опустошенной земли. Юстиниан смог установить действенный контроль лишь над Италией и прибрежной полосой Далмации, где сохранялось многочисленное романское население. Северные же области остготского королевства — бывшие римские провинции Реция и Норик — какое-то время не принадлежали ни одному государству. Только остготскую часть Паннонии еще в ходе военных

https://RodnoVery.ru

действий присвоили лангобарды.

Создавшаяся ситуация открыла дорогу за Дунай словенам из Поморавья. В середине VI в. словене уже жили по обе стороны реки Моравы, вступив, таким образом, на территорию современной нижнедунайской («Нижней») Австрии. Эта территория, впрочем, была тогда довольно плотно заселена лангобардами, и здесь задержались в их среде лишь небольшие группы славянского населения. Перейдя без сопротивления Дунай после крушения остготского королевства, словене продолжили движение на юг.[542]

В течение 550-х гг. словене прочно обосновались на редконаселенных землях Внутреннего Норика (ныне юг Нижней Австрии и Словения).[543] Таким образом, новые словенские земли почти сомкнулись с имперскими владениями в Далмации, хотя в прямое соприкосновение с ромеями в этом регионе словене на тот момент не вошли. Словенское население пока было весьма немногочисленно и жило вперемешку с остатками местных романцев и германцев. Селились словене в окрестностях приходивших в упадок римских крепостей (Агунт, Овилава, позже и другие).

Дальнейшее продвижение словен на запад оказалось невозможным из-за встречного движения франков. Франкские короли с конца V в. упорно расширяли свои владения на восток, прямо подчиняя или ставя от себя в зависимость других германцев. В 496 г. Хлодвиг покорил аламаннов. Его сыновья в 531 г. уничтожили королевство тюрингов. В 532–534 гг. пришла очередь бургундов. Готская война, в которой франки занимали двусмысленную позицию, позволила им округлить свои земли за счет остготов, присоединив Прованс и часть Реции (536 г.). Начиная с 539 г. франки вели борьбу фактически против обеих воюющих сторон за овладение Италией. В 555 г. она завершилась сокрушительным поражением. Но на часть северных земель остготов франкским королям удалось распространить, по крайней мере, формальную власть.

Восточная Реция и большая часть Норика, в отличие от занятых словенами областей, были плотно заселены германцами — пришедшими из Богемии баварами и постепенно смешавшимися с ними ругиями. После краха остготского королевства они естественно тяготели к франкам. Истощение Империи в Готской войне не позволило бы ей предпринять лишенный почти всякой местной помощи поход к Дунаю. Однако в будущем попытки освобождения и северных провинций нельзя было исключить. В середине 550-х гг. знатный франк Агилульф был признан местными германцами вождем. Он стал основателем Баварского

https://RodnoVery.ru

государства и правящей династии Агилольфингов, правившей Баварией на протяжении более чем двух столетий.

При Агилульфе и его преемниках франкская держава, за исключением краткого отрезка времени (558–561 гг.), представляла собой федерацию из самостоятельных королевств во главе с потомками Хлодвига. В этих условиях баварские правители также титуловались королями. Они не были признаны таковыми со стороны франков, для коих Бавария осталась подвластным «герцогством». Но настаивали Меровинги на осуществлении своего суверенитета редко. В итоге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, Бавария оставалась самостоятельной во внутренних делах, с другой — могла на первых порах рассчитывать на поддержку могущественного западного государства. «Баварский» фактор на три века становится одним из наиболее важных в истории Центральной Европы — и в истории местных славян.

Расселившиеся во Внутреннем Норике словене в середине VI в. оказались в треугольнике между владениями трех христианских государств — Империи, франкского и лангобардского королевств. Отношений с Империей словене здесь не поддерживали. Контакты же с франками и «подвластными» им баварами становились все оживленнее — тем более что четкого пограничного размежевания в Норике пока не произошло. Одним из последствий этих контактов стало частичное обращение словен в христианство.

Сразу следует отметить, что сами бавары в массе своей оставались язычниками. Даже христианское исповедание франков Агилольфингов оставалось во многом формальным и непостоянным. Но в середине VI в., когда выходцы из франкских земель только обосновались на Среднем Дунае, они, несомненно, принесли с собой ортодоксальное христианство. Франкские епархии проявили заинтересованность в обращении как баваров, так и их новых соседей — словен.

Уроженец Паннонии Мартин Бракарский, в начале 550-х гг. осевший в Испании, в 558 г. писал в эпитафии святому Мартину Турскому: «…Руг, Склав, Нара… радуются, что под твоим водительством познали Бога».[544] Едва ли случайно «Склав» поставлен между «Ругом» и «Нарой» (т. е. «Норцем» — определение для новых, еще неизвестных по имени Мартину, германских обитателей Норика баваров). Почти все включенные в обширный перечень Мартина народы обратились в христианство в V–VI вв. или стали целью для пастырской деятельности западного кафолического духовенства.[545]

https://RodnoVery.ru

В тексте эпитафии имеется в виду, что чудеса святого Мартина, уроженца и покровителя Паннонии, вкупе с деятельностью миссионеров Турской епархии, обращают к вере язычников и ариан. После падения остготского королевства активная проповедь ортодоксального христианства на его прежних землях стала возможна, о чем с восторгом и сообщает Мартин Бракарский. Его известие позволяет заключить, что проповедь эта наряду с баварами затронула и других новых поселенцев — словен в Норике, причем небезуспешно.

Частичное восприятие христианства могло стать одной из причин появления у первых же словен в Норике нового погребального обряда — захоронений с трупоположением. Они господствуют в этом регионе безраздельно, а обряд трупосожжения неизвестен.

В целом культура первых словенских поселенцев оказалась под мощным воздействием романцев и лангобардов. Притом, что численность словен росла, а местное население смешивалось с ними, в Норике отсутствуют многие элементы традиционной словенской культуры — например, лепная керамика. На этом основании, кстати, можно предположить, что переселенцами являлись в основном мужчины. Это, во всяком случае, объяснило бы отсутствие лепной керамики и традиционных славянских украшений. Словене, как правило, селились совместно с романскими жителями бывшей провинции, перенимали их обычаи и ремесленные навыки.[546]

Отдельные группы корчакцев в этот период могли проникать и в другие области на западной окраине Балкан, в том числе на земли соседних государств. Так, славянская керамика отмечена на одном лангобардском памятнике Паннонии (Сентендре).[547] Славянское поселение существовало в середине VI столетия в Апатинах неподалеку от Сингидуна (нынешнего Белграда). Жившие здесь словене (корчакцы) являлись федератами Империи и находились с соседними ромеями в торговых, а возможно, и в иных мирных сношениях. Об этом свидетельствуют находки гончарной посуды. Поселение просуществовало до начала аваро-ромейских войн.[548]

В описываемый период в славянском (словенском и антском) обществе происходят серьезные изменения. Они заключались, в первую очередь, в упрочении княжеской власти. Причины довольно очевидны. Знакомство с единоначалием и единовластием ромеев не могло в итоге не сказаться на внутреннем устройстве славянских племен. С другой стороны, славяне проходили общий для всех родственных народов Европы путь, и контакт с Империей служил лишь дополнительным внешним толчком.

https://RodnoVery.ru

У антов зарождается наследственная власть князей. Греческий историк Менандр определяет антского «архонта» Мезамера (ок. 560 г.) как «сына Идаризия, брата Келагаста».[549] Этому можно преложить два толкования. Первый вариант — ант Келагаст, сын Идаризия, был хорошо известен в Империи на момент написания труда Менандра (после 582 г.). Второй, более вероятный, — Келагаст упоминался ранее в труде Менандра как предводитель антов до Мезамера. В обоих случаях это, скорее всего, свидетельствует о какой-то форме передачи власти «архонта» по наследству — от брата к брату. Примечателен и сам факт внимания к родословной вождя — и известности ее ромейскому историку.[550]

Применительно к словенам подобные свидетельства отсутствуют. Однако и здесь происходило укрепление княжеской власти. Во всяком случае, в шедшем параллельно ему сплочении племенных союзов словене даже опережали антов. У антов вышеназванный Мезамер около 560 г. только становился лидером среди «архонтов». Он «приобрел величайшую силу у антов» и мог «противостоять любым своим врагам».[551] Но при этом архонты сохраняли полную самостоятельность, и Мезамер мог выступать лишь как представитель их совета.

Иная ситуация сложилась у дунайских словен — в силу меньшей численности и меньших размеров их территории. Здесь уже в начале 560-х гг. из среды «игемонов» выделился признанный лидер. Звали его Добрята.[552] Добрята представлял весь племенной союз в дипломатических делах. Он же являлся вождем в общих военных предприятиях. При этом он обязан был считаться с мнением других «игемонов» и решения принимал совместно с ними. Но уже не лидер выступал как представитель других князей, а они — как его советники и соратники. Старшинство Добряты, таким образом, обрело «официальный», общепризнанный характер.[553]

Таким образом, антский и дунайский союзы представляли собой две стадии одного и того же процесса, от попустительства которому будет предостерегать своих военачальников император Маврикий несколько десятилетий спустя: «… дабы враждебность ко всем не привела бы к объединению или монархии».[554] Анты представляли собой на 560 г. еще «объединение», но дунайские словене сделали ощутимый шаг к «монархии». Еще ближе к ней стоял удаленный от границ державы ромеев союз дулебских племен. Здесь уже в первой половине VI в. имелся общий сакральный лидер, «великий князь» (Мусок-Маджак). Его резиденция, град Зимно — неоспоримый политический и экономический центр союза. Само местное название городища связано с зимовкой здесь правителя. В

https://RodnoVery.ru

огромном дулебском союзе гощение великого князя следовало за гощениями «малых» князей и приходилось на весну — лето. Власть «Маджака» передавалась по наследству в рамках клана.

Император-стратег правильно указал и главную побудительную причину сплочения славянских племен — стремление на равных противостоять общим для всех внешним угрозам. В середине VI в. в роли такой угрозы выступали, прежде всего, кочевые племена. Возможно, что именно вторжения кочевников в 550-х — начале 560-х гг. привели к ускорению описанного процесса.

Поход Забергана

На протяжении почти столетия славяне поддерживали разнообразные контакты с гуннскими племенами — прежде всего, с болгарами. Контакты эти до середины VI в. носили, как кажется, преимущественно мирный характер. Особенно тесно были связаны со Степью анты. Жившие в Поднепровье болгары-кутригуры оказали сильное воздействие на антскую культуру. Словене, а прежде и анты, были связаны с кутригурами борьбой против Империи. Хотя о совместных набегах до описываемого времени ничего не известно, но болгары и славяне не раз использовали успехи друг друга. Например, в 551 г. кутригуры вторглись во Фракию, только что разоренную словенским нашествием.

Политика Юстиниана, пытавшегося разобщить северных «варваров» и столкнуть их между собой, принесла некоторые плоды. С 545 г. действовал союз Империи и антов, направленный против кутригур. Анты были обязаны препятствовать их набегам на державу ромеев. Действительно, с момента заключения этого союза и до 559 г. единственным нападением болгар явился упомянутый набег в 551 г. Но тогда первоначальной целью кочевников была не Фракия, а лангобардская Паннония, и именно туда шли они через зону, подконтрольную антам.

В свою очередь, новая ситуация объективно сближала кутригур и словен, хотя связь этих последних с «гуннами» была гораздо слабее. Для антов же естественным союзником становились другие соседи — жившие в Приазовье и на Дону болгары-утигуры. Утигур в 550-х гг. возглавлял хан Сандилх. В 551 г. он заключил союз с Юстинианом против кутригур и получал за сдерживание западных сородичей щедрые ежегодные выплаты.

Контакты антов с утигурами и жившими еще восточнее оногурами уже

https://RodnoVery.ru

в середине VI в. привели к взаимному смешению антской и «гуннской» знати. Во всяком случае, в «Именнике болгарских ханов» [555] двое правителей второй половины VI–VII в. (Гостун и Безмер) носят явно славянские имена. Из славяноязычных же племен с восточными, приазовскими «гуннами», предками дунайских болгар, соседствовали именно анты.[556] Но есть основания думать, что и связи между антами и кутригурами не полностью сошли на нет. Во всяком случае, многолетнее соседство и смешение не могло не оставить иных следов, кроме культурного наследства. Именно давние контакты и родственные связи антов с кутригурами могли сыграть решающую и почти что роковую для Империи роль в конце 550-х гг.

В 558 г. хан кутригур Заберган (Забер-хан) перенес свои кочевья на юго-запад, к самому Дунаю.[557] Анты не воспрепятствовали этому. Источники вообще не упоминают об их позиции или действиях. Похоже, что антские вожди по каким-то причинам предпочли не заметить угрожающего переселения кутригур к рубежам державы ромеев.[558]

Зимой, когда Дунай покрылся льдом, болгарская конница перешла реку недалеко от дельты и вступила в пределы провинции Скифия. Болгар сопровождали словене, обеспечившие хана пехотой.

На каких условиях словене вступили в войско Забергана, нам неизвестно. Характерно, однако, что из пяти авторов, рассказывающих нам об этом нашествии, двое (Агафий и Виктор Тонненский) о словенах не говорят ничего. Очевидно, и численность их в войске Забергана была не слишком велика, и роль, сыгранная ими в событиях, незначительна. Очевидно и другое — едва ли речь могла идти о равноправном союзе. Скорее, Заберган привлек в 558 г. в свое войско отдельные словенские дружины посулами добычи, а может, и принуждением. Появление многочисленной болгарской орды у границ дунайских словен само по себе было грозным фактором давления. Вместе с тем о силовом завоевании словенских земель говорить нельзя — на памяти Менандра словенские земли в Подунавье не подвергались нападениям до конца 570-х гг.[559]

Итак, болгарско-словенские силы Забергана перешли Дунай. Малая Скифия (нынешняя Добруджа), куда они вступили, была в ту пору редко заселена (отчасти же заселена «варварами» — словенами и антами). По словам Агафия, Заберган нашел «тамошние местности лишенными обитателей». Не встречая сопротивления, он миновал Скифию и Нижнюю Мезию. При этом он не нападал на местные города. Воссозданный Юстинианом в 530-х гг. дунайский лимес был прорван «варварами» на

https://RodnoVery.ru

самом слабом участке. Агафий подробно анализирует причины беззащитности Фракии в 559 г. Он указывает при этом на истощение военных сил Империи в войнах и политику чиновников, сокращавших армию и экономивших на ней в угоду двору и аппарату.[560]

Как бы то ни было, в марте 559 г. болгары и словене безнаказанно вторглись во Фракию.[561] Заберган требовал от Юстиниана передать кутригурам субсидии, прежде причитавшиеся утигурам.[562] Пока же он хотел продемонстрировать свою мощь ромейскому императору.

Орда разделилась. Часть войск Заберган отправил на юг, в Элладу, с приказом захватить «незащищенные гарнизонами места». Значительное войско было послано на Херсонес Фракийский, с тем чтобы захватить полуостров с тамошними кораблями и затем переправиться на азиатский берег. Целью Забергана в данном случае являлся азиатский порт Авидос с богатой таможней. Резонным является предположение, что словене в основном сопровождали именно эту часть войск. По крайней мере, их упоминают лишь в связи с действиями «варваров» во Фракии.[563] Сам хан с семью тысячами воинов (отборной болгарской конницей) двинулся прямо на Константинополь.[564]

На пути к столице и Херсонесу «варвары» чинили страшное опустошение. Им удалось, не встречая сопротивления, заполучить богатую добычу и полон. В числе многих других граждан Империи был захвачен высокопоставленный военачальник Сергий, сын Вакха. Попал он в руки врагов, судя по всему, также не в бою — «в качестве добычи», по словам Малалы, «вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств», по Агафию.[565] В руках болгар оказался и другой знатный полководец — Эдерма.[566]

Худшее для ромеев, впрочем, было впереди. Выяснилось, что Длинные стены, возведенные Анастасием, некогда надежная защита Константинополя от «варваров», обветшали и отчасти разрушились при недавнем землетрясении. При этом гарнизонов на Длинных стенах не стояло. Недавно прокатившаяся по центру Империи эпидемия обезлюдила окрестности столицы — так что та оставалась почти незащищенной. Заберган со своими семью тысячами миновал Длинные стены, отчасти используя образовавшиеся проломы, отчасти, без сопротивления, пробив новые.[567]

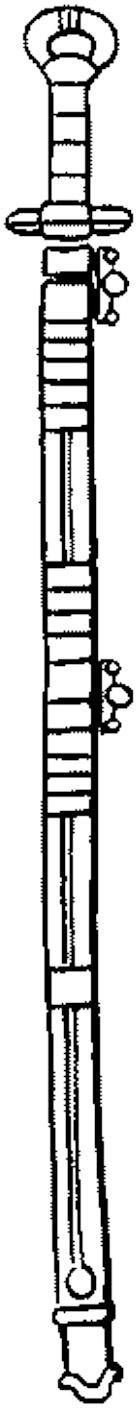
В столице началась паника. Юстиниан мобилизовал все наличные силы. Однако они были явно недостаточны для противостояния «варварам». Ни городское ополчение, ни отбиравшиеся для почетной

https://RodnoVery.ru

караульной службы гвардейцы не были в должной степени боеспособны.[568] Какую-то часть мобилизованных Юстиниан отправил к Длинным стенам. Однако в завязавшемся бою ромеи потерпели поражение, многие погибли.[569]

Заберган фактически хозяйничал в окрестностях Константинополя. Разные авторы называют разные пункты, до которых дошли болгары в окрестностях столицы.[570] Объяснение этому дает Иоанн Эфесский, отмечающий, что за время пребывания в пределах Стен «гунны и славяне» приближались к Константинополю трижды.[571] Самые близкие пункты, до которых они доходили, располагались не менее (но и ненамного более) чем в 15 км от столицы. «Варвары», действуя отдельными отрядами, приближались к ней на разных направлениях. Сам же Заберган стоял ставкой в Мелантиаде, в некотором отдалении от своего авангарда.

https://RodnoVery.ru



Сабля кочевников

В чрезвычайных обстоятельствах император призвал к командованию Велисария, прежнего победителя вандалов и готов. Престарелый полководец с 300 ветеранами прежних войн, всей столичной конницей (взяв, в том числе, коней с ипподрома и у частных лиц) и «толпой»

https://RodnoVery.ru

необученных ополченцев выступил в деревню Хит, где разбил стан. Здесь к нему присоединились разоренные нашествием местные крестьяне. Сначала болгары полагали, что ромейское войско превосходит их числом, и не решались на битву. Но вскоре они выяснили, что основная масса воинов Велисария непригодна к бою и едва вооружена.[572]

Заберган во главе 2000 всадников атаковал стан Велисария в Хите. Но ромейский полководец, предупрежденный разведчиками, устроил засаду. Двести конных и пеших воинов напали на Забергана с двух сторон дороги, забросав его отряд копьями. В лоб ударил сам Велисарий, а за его спиной ополченцы подняли страшный шум, создавая впечатление большого войска.[573] Болгары, решив, что окружены превосходящими силами врага, запаниковали и обратились в беспорядочное бегство. В стычке и преследовании погибло около 400 болгар, тогда как со стороны Велисария были только раненые. Ромеи прекратили погоню, как уверяет Агафий, лишь из-за усталости лошадей. Заберган, примчавшись в Мелантиаду, немедля снял стан и начал удаляться от Константинополя.[574]

Внезапно Велисарий был отозван в столицу. Агафий объясняет это завистью придворных к воспеваемому в Константинополе успеху.[575] Заберган между тем, произведя маневр, вновь приблизился к столице с запада, в районе селения Деката с известной церковью Святого Стратоника. Это и был «третий раз», когда гунны подошли к Константинополю (на 15 км).[576] Выяснив, однако, что столица охраняется «многочисленной стражей», хан, наконец, оставил надежды на штурм Второго Рима. Собрав свои силы, он еще в начале апреля отошел за Длинные Стены, во Фракию. Здесь, в окрестностях Цурула, Аркадиополя и Дризиперы, «варвары» оставались до Пасхи (13 апреля 559 г.).

После празднования Христова Воскресения Юстиниан лично направился к Длинным Стенам во главе горожан. Император избрал своей ставкой город Силиврию и приступил к организации ремонта Длинных Стен. Действия Забергана в продолжение починки стены не вполне ясны. Болгары снялись с фракийских стоянок и «бродили вокруг, вне города, до августа».[577] Заберган был обеспокоен действиями ромеев и хотел воспрепятствовать ремонту Стен, но не преуспел в этом. По-прежнему переоценивая силы противника, хан не вступал в столкновение. Обе стороны ожидали исхода битвы за Херсонес Фракийский, где военные действия, вопреки затишью под Константинополем, летом достигли разгара.

Херсонес штурмовали значительные силы «варваров», в том числе

https://RodnoVery.ru

основная часть словенской пехоты. Стены, преграждавшие путь на полуостров, поддерживались, в отличие от Длинных, в отличном состоянии. Защищали их хорошо обученные части под командованием молодого Германа, сына Дорофея, земляка и воспитанника императора. Все попытки взять стены Херсонеса штурмом заканчивались неудачей, хотя «варвары» «часто нападали на стены, придвигая лестницы и другие осадные орудия».[578]

В конце концов, отчаявшись взять стены приступом, «гунны» приняли решение попытаться обойти их с моря — в качестве последнего шанса. Попытка эта была предпринята в июле 559 г.[579] «Гунны» (на самом деле скорее словене, более опытные в строительстве плотов) построили из тростника, увязанного веревками и шерстью, обложенного бревнами, порядка 150 плотов. На получившиеся «корабли» взошло 600 хорошо вооруженных воинов (т. е. по 4 на каждый).

Из рассказа о строительстве плотов у Агафия[580] совершенно ясно, что «варвары» (словене, тем более болгары) самостоятельно выходили в открытое море впервые. Гребли они, на взгляд ромея, «неумело», а при строительстве плотов пытались подражать ромейским кораблям, «чтобы увеличить плавучесть». Мощи имперских военных кораблей «варвары», разумеется, не представляли. Едва ли кто-то из них, даже служивший ромеям во время Вандальской или Готской войны, являлся свидетелем или участником морского боя.

Герман был заблаговременно предупрежден о приближении «тростникового флота». Он поставил за выступающим мысом в засаду 20 легких кораблей с воинами на борту. «Варвары» стремились высадиться как можно скорее и рассчитывали на внезапность нападения. Миновав стену, они сразу стали грести к берегу. Ромейские суда немедленно понеслись им наперерез и протаранили плоты носами. Гуннский «флот» потерял управление. Гребцы падали со своих «судов», сами же плоты из-за небольшого веса оказались во власти морских волн и токов. При этом первом нападении погибло немало «гуннов». Уцелевшие, пытаясь удержаться на плотах, лишились возможности сражаться. Ромеи безнаказанно нападали на них со своих судов, отнесенные же в сторону плоты рассекали абордажными крючьями. В итоге погибли все шесть сотен «гуннов», отплывшие на плотах.[581]

«Гунны» были подавлены поражением и впали в уныние. Морская атака рассматривалась их вожаками действительно как последнее средство. В случае неудачи они предполагали отступить. Ромеи ускорили отход

https://RodnoVery.ru

противника. Несколько дней спустя Герман со своими воинами совершил вылазку против вражеского стана. В завязавшемся бою он сам был ранен, но продолжал сражаться. Урон, нанесенный ромеями «гуннам», был велик. Герман, однако, отвел своих солдат обратно за стену, опасаясь численного превосходства врага. «Гунны» в тот же день сняли осадный лагерь и ушли на север, к Забергану, блуждавшему у Длинных Стен.[582]

Итак, Заберган потерпел неудачу и у Константинополя, и у Херсонеса. Уже завершивший реставрацию стен император, ожидая отхода «гуннов» за Дунай, в августе приказал начать строительство боевых судов. Они должны были перехватить «варваров» на Дунае. После поражения у берегов Херсонеса опасность встретить ромейские корабли чрезвычайно напугала болгар. Заберган отправил послов к императору с просьбой о безопасной переправе через Дунай. Однако, значительно увеличив теперь свои силы, он вновь домогался от Юстиниана «такого же количества золота», как получал Сандилх. Добиться его он теперь хотел, требуя выкупа пленных и угрожая в противном случае перебить их всех.

Юстиниан отправил хану немало золота и посулил субсидии в будущем. Хан отпустил пленников, прекратил разорение земель Империи и повернул к Дунаю. В качестве гаранта соглашения Юстиниан послал сопровождать болгар своего племянника и наследника Юстина.[583]

По пути к Дунаю Забергана нагнала та часть болгар, что действовала в Греции. Точнее, судя по Агафию, в собственно Элладу «варварам» не удалось попасть. Предполагая прорваться через Истм в Пелопоннес, на деле они были остановлены гораздо севернее, в Фермопильском проходе. Таким образом, Ахайя практически не пострадала.[584]

Юстиниан между тем вовсе не собирался прощать Забергану разорение имперских земель. К тому же он опасался новых набегов. Ему удалось убедить утигурского хана Сандилха начать войну с кутригурами. Сильнее всего Юстиниан напирал на то, что Заберган домогался субсидий, положенных самому Сандилху, и все вторжение было предпринято кутригурами лишь из зависти и ненависти к утигурам. В конечном счете Сандилх согласился начать войну.[585]

Первым делом войска Сандилха внезапно обрушились на кутригурские кочевья. Незащищенные и захваченные врасплох, они были безжалостно разорены. Затем, продолжая двигаться на запад, утигуры напали на войско Забергана вскоре после его переправы через Дунай. Заберган не ожидал нападения. Его поражение было сокрушительным. «Множество» кутригур и словен было перебито. Сандилху досталось все

https://RodnoVery.ru

добытое Заберганом. С большим трудом кутригурам удалось собрать остатки сил и начать войну с новым врагом.[586] Словене в этой развернувшейся в Степи кровопролитной распре участия не принимали. Однако для их судеб она имела далеко идущие последствия. Междоусобицей болгарских племен не преминули воспользоваться их восточные соседи, авары.

Авары в Европе

Под именем авар в Европе стали известны кочевые племена уар и хуни (вархониты). К середине VI столетия в азиатских степях происходит объединение кочевников под властью алтайских тюрок (тюркют). Тюркюты покорили множество родственных им, а также иранских и некоторых других племен, создав единое государство — Тюркский каганат во главе с династией Ашина.

В 557–558 гг. вархониты, сбежав из-под власти тюркских каганов, обосновались в предкавказских степях. Савиры, оногуры и другие местные племена были введены в заблуждение сходством названия рода уар с именем грозных некогда азиатских кочевых завоевателей абар. Вождь вархонитов Баян всячески поддерживал это выгодное заблуждение и, приняв от новых соседей дары, начал именоваться каганом.[587]

Украшение кочевников. VI–VII вв.

Новоявленные авары заключили союз с аланами и при их посредничестве отправили в 558 г. посольство в Константинополь. Юстиниан с готовностью пошел на союз с аварами, рассчитывая использовать их против персов и враждебных кочевников. Но он не

https://RodnoVery.ru

торопился предоставлять им земли для поселения, как они просили. Между тем Баян небезосновательно боялся погони со стороны тюрок. Пока же авары, используя страх перед собой, быстро покорили савир и прочих соседей. Таким образом, насчитывавшая на момент посольства в Империю не более 20 тысяч воинов орда окрепла и разрослась в грозную силу.

Когда осенью 559 г. в европейской степи разразилась война между утигурами и кутригурами, Баян не замедлил вмешаться в нее — причем, совершенно вопреки интересам Империи, на стороне более слабых кутригур. Последние, не в силах отстоять независимость, предпочли покориться новым союзникам и влиться в орду Баяна. Утигуры, разбитые и покоренные, также присоединились к аварам. Некоторая часть утигур и кутригур, однако, не последовала за аварами на запад, а осталась в Приазовье, где позже слилась с оногурами в единый народ. Он-то в VII в. и стал известен как болгары.

Покорив болгарские племена, Баян вплотную подступил к границам Империи. На том этапе он едва ли замышлял военные действия против нее, надеясь лишь вырвать у ромеев субсидии для увеличивающейся орды и вожделенную землю для поселения. Последнее становилось все более необходимо — тюрки действительно не оставили без внимания бегства вархонитов и готовились к походу на запад.

Но на пути авар встали анты. Мы, к сожалению, из-за фрагментарности текста Менандра,[588] не можем судить, как началась война между антами и аварами и даже кто из противников ее начал. Судя по тому, что в начале войны антские «архонты» питали какие-то «надежды», они, по меньшей мере, не избегали ее. Поводов для войны было достаточно. Авары, придвинувшись к границам Империи, создавали ей угрозу, и Юстиниан мог потребовать от антов выполнить свой долг хотя бы на этот раз.

Анты находились в союзе или, во всяком случае, в тесных связях с побежденными утигурами, оногурами и савирами. Какая-то их часть могла найти приют (наверняка и нашла) на антских землях. Это само по себе представляло собой повод для начала военных действий со стороны Баяна. Но и сами анты могли начать войну в помощь союзникам. Наконец, Баян, стремясь прокормить разросшуюся орду, мог потребовать от антов дани — как позже требовал ее от дунайских словен.

Анты, представлявшие собой «бессчетные племена»,[589] когда-то «самые могущественные» среди «венедов»[590] и наводившие ужас на Империю, имели немало оснований надеяться на успех. Но с началом

https://RodnoVery.ru

военных действий их князья «были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье».[591] Авары имели возможность атаковать антов по всей границе — от днепровского Левобережья до Подунавья. При таком натиске отдельные племена-«княжения» не смогли бы соединить свои силы, тем более что до создания единой «монархии» антов было далеко. Первенствующий среди их равноправных князей — упомянутый ранее Мезамер, брат Келагаста, — только выделялся, обретая неформальное влияние. Его усиление было ускорено аварским нашествием. Но все-таки, в отличие от противника, единоначалием анты не обладали.

Каковы бы ни были причины поражения антов (а здесь мы неизбежно не сможем зайти дальше догадок), итог его ясен — «авары сразу же стали опустошать землю и грабить народ». Нашествие затронуло немалую часть антских территорий. Анты, «теснимые набегами врагов», вынуждены были искать мира. В качестве посла был избран, — едва ли на общеантском вече, скорее на совете «архонтов» — наиболее влиятельный из них, Мезамер.

Главной целью посольства было «выкупить некоторую часть пленных» антов. Однако миссия провалилась. Мезамер повел себя перед Баяном излишне смело — «изрек слова высокомерные и в чем-то даже наглые». За это он удостоился от греческого историка Менандра характеристики «пустослова и хвастуна». Тем более разгневан был победитель Баян. Каганским гневом воспользовался некий «кутригур, который был предан аварам» и «замыслил против антов весьма враждебное». Это лицо упоминалось где-то у Менандра ранее,[592] и не кажется излишне смелым предположение, что имеется в виду Заберган, добровольно покорившийся со своим племенем Баяну.[593] Если война с антами действительно была продолжением войны с утигурами, можно не сомневаться, что Заберган со своим племенем принял в ней самое деятельное участие, а то и приложил руку к ее разжиганию.

«Кутригур», по Менандру, сказал Баяну о Мезамере: «Этот человек приобрел величайшую силу у антов и может противостоять любым своим врагам. Следует поэтому убить его и затем безбоязненно напасть на врагов». Совет приближенного пришелся по душе разъяренному кагану. Мезамер немедленно был убит, и война возобновилась. Авары с новым рвением обрушились на антов. «Более, чем раньше, — пишет Менандр, — стали они разорять землю антов и не переставали порабощать жителей, грабя и опустошая».

Здесь фрагмент «Истории» Менандра заканчивается, и о дальнейшем мы не имеем надежных сведений. События, описанные им, датируются в

https://RodnoVery.ru

промежутке между покорением Баяном болгарских племен (позже осени 559 г.) и выходом авар к Нижнему Дунаю (561 г.). Точнее всего будет отнести их к 560 г.[594]

Последствия нашествия авар для антов могут быть с достаточной ясностью восстановлены из последующих событий. Авары утвердились на Левобережье Дуная в его низовьях, создав непосредственную угрозу для границ Империи. Тыл их был не только надежен — он был открыт для далеких рейдов в обход Карпат, через редконаселенные пока земли нынешней Польши вплоть до границ Франкского государства. Таким образом, анты, — даже племена, жившие далеко на севере, на Верхнем Днестре, — перестали представлять для авар угрозу и преграду.

Нет, таким образом, никаких оснований сомневаться, что авары добились на том этапе от большинства антов того, чего затем стали добиваться от словен Подунавья — то есть покорности и дани.[595] Уже тогда, согнанные нашествием или не желавшие платить дань победителям, сдвинулись к северо-западу некоторые антские племена. Это могли быть сербы, первоначальное место обитания которых неизвестно, а также часть хорватов из Верхнего Поднестровья.[596]

Любопытно, что, несмотря на тесное общение славян (словен и антов) с аварами уже в 560-х гг., название авар в общеславянском языке достаточно позднего происхождения. Слово *obrъ/obrinъ ‘авар, мифический великан’ отсутствует в южнославянских языках (кроме языка словенцев). Лишь в болгарском есть слово «обринка», но с иным значением — ‘хитрец’.[597] Едва ли указанное слово может восходить ко времени первого контакта антов и дунайцев с аварами в VI в. Оно, скорее, ненамного старше VII столетия.

Зато общеславянский характер носит слово jьspolinъ/spolinъ ‘исполин, мифический великан’. Оно происходит от названия древнего народа спалов. Спалы, подобно аварам, жили в задонских степях, но за столетия до них. В форме «исполин» вместо изначального «сполин» языковеды видят след «северно-тюркского» — как раз аварского посредства.[598] Превращение могучих и недружественных соседей в мифических великанов — частое явление в преданиях разных европейских народов. Так анты и гунны стали великанами в германских преданиях, а «обры» позднее — у северной части славян.

Не исключено, что все неизвестные восточные народы славяне издревле называли спалами («сполинами»). Название это было перенесено и на авар, тюркизированная же форма «исполин» появилась как раз в

https://RodnoVery.ru

результате тесного общения дунайских словен и антов с аварами в 560-х гг. Недаром она распространена только у восточных и южных славян, но не у западных. Завоеватели могли в общении со славянами перенимать это наименование, тем более что слово «авары» не являлось для них самоназванием. Нельзя исключить, что это была часть политики Баяна — его орда стала для антов и словен легендарными «исполинами», так же как для савир и их соседей страшными «аварами». Как «обры» авары стали известны славянам позднее. Притом у антов (что отразилось в болгарском языке и некоторых русских диалектах) это слово приобрело уничижительное значение — ‘хитрец’, ‘скупой человек’.

Итак, в начале 560-х гг. анты были на какое-то время сломлены. Авары стояли у самых границ Империи. Однако Юстиниан, видя, что свою мощь они использовали не против врагов, а против союзников ромеев, был холоден к посланцам Баяна. Он продолжил выплачивать «дань», но отказался предоставить Баяну земли в провинции Скифия. Вместо этого он «даровал» аварам Паннонию, в действительности принадлежавшую лангобардам.

Не без труда убедив авар согласиться на далекую Паннонию, проход туда через земли Империи Юстиниан предоставить отказался. Во-первых, он получил сведения, что озлобленный Баян готов напасть на ромеев сразу после переправы на южный берег Дуная. Во-вторых, император надеялся столкнуть авар со словенами и гепидами, если кочевники пойдут на «дарованную» землю левым берегом реки. Таким образом, Баян был бы принужден хоть раз исполнить союзнические обязательства, данные в 558 г.

Переговоры с Юстинианом заняли 561–562 гг. Пытаясь оказать давление на императора, Баян позволил каким-то «гуннам» (утигурам или кутригурам) вторгнуться в 562 г. во Фракию.[599] После этого ромейские военачальники жестко перекрыли путь через Дунай. Положение Баяна становилось отчаянным. Его контроль над европейскими степями был довольно призрачным. Анты, да и другие покоренные племена, могли выйти из повиновения в любой момент. Вероятность этого возрастала, по мере того как с востока надвигались тюрки. С 555 г. они вели войну в Средней Азии с местными кочевниками эфталитами, в 562 г. заключили против них союз с Сасанидским Ираном. Уже с 558 г. вождь западного крыла тюрок Истеми пытался завязать контакты с Юстинианом.[600]

Как раз в ходе безуспешных переговоров с Империей Баян предпринял попытку миром поладить с дунайскими словенами. Условия мира в аварском понимании могли быть только одни — Баян потребовал от словен,

https://RodnoVery.ru

«чтобы они подчинились аварам и обязались выплачивать дань». Покорение дунайцев открыло бы аварам путь в Паннонию по северному берегу реки. Но словене, хотя и менее многочисленные, чем анты, были уже лучше организованы. Общим вождем дунайцев являлся тогда Добрята. Это первый подобный лидер, известный нам, и именно судьба антов могла подвигнуть словен к консолидации.

Явившиеся к Добряте и другим князьям («игемонам», «тем, кто возглавлял народ»), аварские послы получили резкую и гордую отповедь. Менандр вкладывает в уста Добряты следующие слова: «Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужим, а не другие нашим. И это для нас незыблемо, пока существуют войны и мечи». Речь почти наверняка сочинена греческим историком, но суть ответа словенского князя, конечно, верно передана. На «самонадеянность» аварские послы ответили «высокомерно». От прения перешли к взаимным оскорблениям. «Ссора» кончилась тем, что словене схватились за оружие и перебили послов аварского кагана.

Баян, разумеется, вскоре — хотя и «со стороны» (не от ромеев ли?) — узнал о случившемся. Но, как ни странно, немедленной войны не последовало. Каган лишь затаил злобу на словен и их князя, но ничего не предпринял для немедленного возмездия.[601] Почему же Баян не выступил против Добряты? Аварская орда была все-таки ослаблена войной против антов. Кроме того, между Прутом и Сиретом антское население было обильно смешано со словенским. Антские земли вообще едва ли стали бы надежным тылом в войне против словен. Еще недавно союзниками словен являлись кутригуры. И если приближенный к кагану и влиявший на него «кутригур» — действительно Заберган, то он мог повлиять на Баяна в пользу словен так же, как ранее — против антов. Впрочем, это не более чем догадки.

Главной причиной странного смирения Баяна являлось скорее то, что он уже отказался от пути вдоль Дуная на запад. Поскольку ромеи не желали пропустить авар через Скифию и Мезию, те начали разведывать другой путь, более долгий, но и более безопасный. С этой целью Баян отправил какую-то часть орды в далекий рейд на северо-запад. Уже в 561 г. или в начале 562 г. авары появились у восточных границ владений франкского короля Сигиберта, в Тюрингии или северной Алемании (юг последней прикрывали бавары). Сигиберт, только что принявший корону восточных франкских земель (Австразии), разбил и прогнал неведомых «гуннов». Но

https://RodnoVery.ru

для тех это была лишь разведка боем.[602]

Переговоры с ромеями зашли в тупик. Юстиниан исправно выплачивал Баяну субсидии, но не изменял позиции в отношении перехода через Дунай. Так обстояли дела, когда в ноябре 565 г. император ромеев скончался. На престол вступил куропалат Юстин, сторонник жесткости по отношению к «варварам». 21 ноября к императору, лишь неделю назад взошедшему на престол, явились аварские послы, добиваясь выплаты положенной ежегодной «дани». Разгромившие союзников ромеев — антов и утигур, — усилившие себя за счет старых врагов Империи кутригур авары дерзко заявили: «Из ваших соседей мы разом истребили варваров, постоянно грабивших Фракию, и никого из них не осталось для набегов на фракийские пределы. Ибо боятся они силы авар, дружественно относящихся к державе ромеев».[603] Возможно, конечно, что страх перед аварами сдерживал словенские набеги. Но следует помнить, что за исключением устроенного Заберганом похода 559 г., словене с 552 г. не нападали на Империю ни разу. Авары тут были совершенно не при чем. К тому же в Империи прекрасно помнили о гуннском набеге 562 г., совершенном, самое меньшее, при попустительстве Баяна.

Как бы то ни было, Юстин II не потерпел наглости «варваров». Человек вспыльчивый и решительный противник задабривания авар, он обрушился на послов с угрозами и площадной руганью, велел взять их под стражу, а затем прогнал без всяких денег. С дипломатией между Империей и аварами, по сути, было кончено. Коварный Баян, впрочем, не преминул заверить нового императора в своей «дружбе». Но он уже принял решение действовать помимо Империи и против ее интересов. Справедливости ради надо отметить, что иного выхода у кагана не оставалось. В 566 г. Истеми одержал победу над эфталитами в Средней Азии. Затем тюрки одновременно напали на Иран и вторглись в европейские степи. Им покорились оногуры, хазары и некоторые другие племена.

Баян не мог медлить. В том же 566 г. основные силы аварской орды во главе с самим каганом двинулись на север. Об этом походе судить можно лишь по косвенным данным. Баян шел вдоль Карпат, через земли дезорганизованных и отчасти порабощенных антских племен.[604] Тех из антов и словен, кто остался враждебен аварам, каган сгонял с насиженных мест. Среди них были не только сербы и хорваты, но и какие-то словенские племена. К западу от Западного Буга авары потеснили или изгнали часть словен-лендзян. Очевидно, что аварское нашествие привело в движение очень многие славянские общины региона.[605] Это и стало толчком к

https://RodnoVery.ru

заселению славянами в конце 560-х — начале 570-х гг. значительной части современной территории Польши,[606] а затем и Восточной Германии.

Надо думать, что столкновений с подкарпатскими группами словен (чехами, вислянами и др.) Баян по возможности избегал, не желая растрачивать силы. Свой удар он направил в уже разведанном в 561 г. направлении. В 566 или 567 г. каган появился у границ Тюрингии. На этот раз Сигиберт потерпел от «гуннов» поражение и сам попал в плен. Но Баян с самого начала не собирался глубоко вторгаться во владения франков и начинать большую войну. Он принял от пленника выкуп, заключил с ним договор о «вечной дружбе» и отпустил его восвояси с дарами.[607]

Таким образом, заручившись договором с франками, Баян вдоль их границ спустился к Дунаю. В 567 г. авары форсировали реку и вошли в Паннонию с севера. Лангобардский король Альбоин (561–572), сын Авдуина, предпочел заключить с ними союз. Застарелая вражда лангобардов и гепидов с приходом авар, наконец, подошла к развязке. Альбоин в союзе с новыми пришельцами разгромил и уничтожил гепидское королевство. Часть гепидов признала власть Альбоина, часть — Баяна. По условиям заключенного между победителями договора, Альбоин уступал аварам Паннонию в обмен на помощь в борьбе против ромеев. Король лангобардов повел своих подданных в поход на Италию. Перед этим он принял арианство, разрывая последнюю связь с Империей. В 568 г. лангобарды вторглись в Италию, а Баян отправил со своих новых земель в набег на балканские провинции подвластных кутригур. Началась длительная борьба между аварами и лангобардами, с одной стороны, и державой ромеев — с другой. Баян обосновался на новых землях как раз вовремя. В том же 568 г. с Юстином начал переговоры тюркский каган Истеми, чьи передовые отряды стояли уже у границ Алании.

Вместе с лангобардами ушли из Паннонии и окрестных земель другие племена, в том числе часть словен — все немногочисленные словене, жившие в лангобардском королевстве, и некоторые с земель гепидов и из Богемии. Большая их часть, однако, не достигла Италии, а осела в Норике, увеличив местное словенское население. Вместе с ними осели здесь, в будущей Хорутании, и некоторые лангобарды, сохранявшие особенности своей культуры в славянской среде еще несколько десятилетий.[608] Авары пока не распространили свою власть на эти земли — внимание кагана было обращено на восток.

Анты сравнительно быстро оправились от урона, нанесенного аварами. Однако серьезным последствием аварского нашествия явилось

https://RodnoVery.ru

для них ослабление связей с Империей. Анты были оттеснены от Дуная и на время утратили независимость. В период пребывания Баяна у рубежей Фракии между антами и Константинополем не могло быть никакого сообщения. Скорее всего, именно поэтому, отчасти демонстративно, Юстин II отказался в первый год своего царствования от принятого некогда отцом титула «Антский».[609] Как только авары переселились в Паннонию, титул опять стал употребляться.[610] Тогда контакты с антами возобновились, и заключенный Юстинианом союз был скреплен заново. У нас есть прямые свидетельства его существования в последней четверти VI — начале VII в. [611] Союз этот основывался на общей враждебности к аварам, с которыми многие анты наверняка стремились расплатиться за годы разорения и порабощения.

Однако теперь эти союзные отношения были еще менее прочными, чем до прихода завоевателей. Аварское нашествие не могло не ослабить едва сложившееся единство антских племен. Заключать соглашения со «всеми антами» стало гораздо труднее, чем во времена Юстиниана и Прокопия. Поэтому, хотя у нас нет прямых свидетельств действий антов против Империи, в греческих военных трактатах второй половины VI в. они рассматриваются наряду со словенами как потенциальные враги.[612] Следует отметить также, что начиная с 560-х гг. мы не имеем никаких данных об антах или словенах на службе в ромейских войсках.

Главным же итогом аварского вторжения в Европу для славянского мира стало само образование Аварского каганата. Дружественные или враждебные отношения с последним превращаются после 568 г. в важнейший фактор политической истории славян. Аварское нашествие стало помимо этого побудительным толчком к мощному колонизационному потоку на северо-запад. Результатом его явилось существенное расширение занятой славянами территории и — позднее — установление прямых связей с Франкским государством. Славяне массово заселяют в описываемые десятилетия земли современной Польши, а затем и Восточной Германии. Масштабные переселения и внешние влияния существенно воздействовали на внутреннее развитие славянского общества.

Глава вторая. Славяне после прихода авар

Переселения на западе

https://RodnoVery.ru

Аварское нашествие, как уже было сказано, послужило толчком к передвижениям славянских племен — прежде всего, в западном и северо-западном направлении. Первыми, кого приход степных завоевателей сорвал с насиженных мест, были анты — хорваты и сербы. Часть хорватов осталась на родине, в Верхнем Поднестровье. Сербы в Восточной Европе позднее не жили вообще. Остатки восточных, антских сербов смешались с соседними племенами. Не исключено, что именно это племя пострадало в борьбе с аварами более всего.

Авары теснили потерпевшие поражения племена в ходе своего движения на запад, а те отступали — в разных направлениях, часто беспорядочно. При этом отдельные семьи могли оседать на славянских поселениях нынешней Южной Польши. Путь антов на запад намечен на археологической карте находками застежек антских плащей — фибул с пальчатыми отростками.[613]

Поворот авар на север, к границам Тюрингии, позволил антам оторваться от преследователей и найти места для нового жительства. Наиболее значительным центром расселения хорватов стал район Орлицких гор на северо-востоке Богемии, где они жили еще в X–XI вв.[614] Где-то по соседству сначала осели и сербы. Во всяком случае, расселение их в позднейших серболужицких областях относится уже к VII в., тогда как в более ранний период они жили где-то на среднем Дунае.[615]

Надо думать, что поселение антов в Богемии не обошлось вовсе без конфликтов с местными жителями, в том числе и славянами, без оттеснения каких-то «родов» с уже обжитых мест.[616] Но представляется, что отношения антов со здешними словенами складывались преимущественно мирно. Пришедшие были в основном знатными воинами, лишившимися всего на родине и не желавшими покоряться победителям-аварам. Они не принесли с собой в богемские земли практически ничего, кроме племенных названий. Даже находки пальчатых фибул в западной («Великой» или «Белой») Хорватии единичны. Керамики же антского (пеньковского) типа здесь нет вовсе. Анты сохраняли свои племенные имена, но переняли общее самоназвание «словене». Следует добавить, что уже область днестровских хорватов была пограничьем пеньковской и корчакской культур, где совместно жили анты и словене.

Хорваты и сербы, сплоченные в дружины и имевшие опыт (пусть неудачный) борьбы с аварами, в новых условиях становились ценными и надежными союзниками для местных племен. Пришельцы вступали в

https://RodnoVery.ru

союзы с местными «родами», мирно подселялись к ним, женились на местных женщинах. Очень скоро пришлые анты стали главенствовать в еще очень непрочных словенских племенных объединениях.

Приход антов ускорил окончательный уход из Богемии германских жителей. Впрочем, тому и так было немало причин. Лангобарды в 568 г. переселились в Италию. Баваров же естественно притягивало возникшее за Дунаем, под покровительством франков, собственное государство. В свою очередь, для хорватов и сербов лангобарды и франки тогда оказались прямыми врагами, союзниками авар. Так или иначе, совместное проживание славян и германцев в Богемии (например, на поселении Бржезно) на протяжении второй половины VI в. постепенно прекращается, а германские поселения исчезают.[617] Богемия, таким образом, окончательно превратилась в Чехию.

Уже в VI в. в чешских, словацких и моравских землях возникают некоторые из важнейших политических центров славянских племен. Это Либице над Цидлиной в Северной Чехии, гнездовья поселений на месте Нитры в Словакии и Бржецлава в Поморавье.[618] Укрепленных градов пока что среди них не было, но не исключено, что некоторые из них уже превратились в резиденции вождей крупных племен.

Переселение авар и антов привело к уходу из Богемии и некоторых словенских «родов». Как уже говорилась, какая-то часть словен ушла с лангобардами и осела на землях Норика, в будущей Хорутании.[619] Другой поток словенских переселенцев устремился на северо-запад, в междуречье Эльбы и Заале. Отдельные группы словен могли проникать сюда и раньше, с начала VI в. (поселение Лютенберг I). Во второй половине VI в. славянское население здесь увеличивается.

Славяне и в этих областях встретились и вступили в мирные контакты с германскими племенами.[620] Среди них могли быть саксы, тюринги, варны. С расселением славян в Чехии и прилегающих с северо-запада землях удлинилась граница с франками и, соответственно, участились контакты с ними. Судя по ранним общеславянским заимствованиям из немецких языков (VI в.), в порубежье шла оживленная меновая торговля.[621] Первые контакты славян с франкскими таможенными чиновниками отражает заимствование термина «мыто».[622]

Вторая половина VI в. — время заселения славянскими племенами большей части современных польских земель, а также прилегающих к ним с запада областей Восточной Германии. Первоначальным толчком к нему послужил поход Баяна через ляшские земли в Южной Польше. Под

https://RodnoVery.ru

давлением авар отдельные словенские «роды» сдвинулись к северу, вниз по Западному Бугу, Висле, Варте и Одеру.

В междуречье Одера и Вислы словене встретили других жителей также славянского происхождения. К середине VI в. здесь уже сложилась своеобразная культура, известная как суковско-дзедзицкая (от поселений Суков в Германии и Дзедзицы в Польском Поморье). Наиболее ранние ее памятники между средними течениями Вислы и Одера (Бониково, Бискупин, Жуковицы) ныне датируются V в. При этом корни материальной культуры «суковцев» отыскиваются в местных пшеворских древностях.[623] Если новая датировка верна, то тем самым обретает решение «венедская проблема».

Так или иначе, до середины VI в. область обитания польских венедов была относительно невелика. Их ранние поселения разбросаны по среднему Одеру и долине Варты. Из них Бискупин в Куявии занял древнее островное городище.[624] Теперь Бискупин стал укрепленным «градом» славян.

Впрочем, и после расселения словен плотность населения на землях современной Польши оставалась крайне низкой. По подсчетам археологов, на 10 гектаров обрабатываемой земли в среднем приходилось не более 3–4 домохозяйств. Безраздельно господствовала малая община, владения коей не превышали 2 км^2. Отмечены «села», составившиеся из нескольких одиноких и разбросанных дворов-починков.[625]

Суковско-дзедзицкие племена значительно отличались от словен-корчакцев своей материальной культурой — включая керамику, домостроительство, похоронный обряд. Так, они строили исключительно наземные дома. Среди жилищ венедов попадаются наземные дома не только срубной, но и столбовой конструкции — ясное свидетельство того, что в складывании культуры приняли участие и германцы. При этом жилища германских типов имеются в том числе и на коренной территории культуры, в польских землях.[626]

Венеды отличались от словен и внешне. Если для словен были характерны широкие лица, для венедов — относительно узкие. Головы у венедов были несколько короче. Эти расовые отличия заметны еще в X–XII вв.[627] Тем более они ощущались в раннее время.

О переселении в венедские и сопредельные земли во второй половине VI в. словен с юга свидетельствуют археологические факты. На отдельных поселениях появляются дома словенского типа — полуземлянки, возникают и промежуточные формы (дома с подпольными ямами).[628] На

https://RodnoVery.ru

север распространяются и погребения по обряду кремации в грунтовых могильниках, неизвестные венедам.[629] Главное свидетельство того, что на север сдвинулись довольно большие массы словен — господство словенского расового типа на основной территории Польши в средние века. Описанный выше венедский тип сохранялся лишь в периферийных областях расселения его носителей — в Южной Прибалтике, в Северо-Восточной Европе.[630]

Вместе с тем зона распространения пражско-корчакской керамики расширилась ненамного. К концу VI в. собственно словенские племена населяли в западных областях верховья Вислы, междуречье Сана и Западного Буга, южную Силезию. Дальше на север распространена преимущественно суковско-дзедзицкая керамика. Преобладают и суковские традиции в домостроительстве.[631] Словене, пришедшие на новую землю, сравнительно легко перенимали некоторые элементы местной культуры. Здесь мы опять встречаемся с преимущественно «мужским» переселением. В числе пришельцев почти не было женщин, которые обычно и изготавливали лепную керамику. Переселенцы женились в новых местах, и их потомки стали со временем основным населением Польши.

Из-за крайней немногочисленности ранних суковских поселений невозможно судить, насколько насильственным и разрушительным было переселение словен на север. Спустя весьма короткое время венеды и словене жили уже в мире друг с другом на одних поселениях, слившись в единые «роды». Но сначала далеко не все приняли это как должное. Во всяком случае, на запад стронулись переселенцы, сохранявшие и позже в чистоте венедский расовый тип. Можно с большой долей уверенности сказать, что это были венеды, не принявшие смешения со словенами.

Причины для недовольства, конечно, имели место. Многочисленные и неплохо организованные пришельцы покорили венедов между Вислой и Одером. Местные жители приняли общее именование «словене» и частное — «лендзяне / ляхи», возникшее на левобережье Западного Буга, у границ с Волынью. О распространении термина «ляхи» на север свидетельствует, в частности, раннее его заимствование литовцами (через пруссов?).[632]

Северные жители вошли и в культовый союз почитателей Велеса, возглавлявшийся вислянами. Думается, что религиозные контакты могли иметь место и ранее. Владыка загробного мира (Велес, Триглав) пользовался преимущественным почитанием не только у ляшских словенских племен, но и у чистых венедов — например, в Поморье. Но теперь прямое подчинение ляшским культовым центрам могло показаться

https://RodnoVery.ru

венедам тягостным.

Не самые приятные воспоминания о покорении великопольских земель выходцами с юга отразились, должно быть, в рассказе о князе-завоевателе Немеже.[633] Это средневековое предание сообщает великопольский хронист XIII в. Богухвал, отождествивший Немежу с библейским Нимродом. Богухвал называет его потомком родоначальника славян Слава и сообщает, что от Немежи «началось у людей рабство, тогда как прежде у всех была незыблемая свобода». «Сперва, — пишет хронист, — он безрассудно пытался подчинить своей власти своих братьев; дерзость его безрассудства навлекла закон рабства не только на его братьев славян, но и на весь мир… Весь народ славянский считался зависимым от Нимрода».[634]

Подобное предание неизвестно не только другим славянам, но и малопольским хронистам. Наверняка оно отражает какой-то эпизод именно древнейшей великопольской истории. В предшествующий приходу словен период венеды жили изолированными самостоятельными общинами. Власть племенных вождей у них в таких условиях вряд ли вообще существовала. Общественный строй словен и антов, у которых укреплялась власть князя и его дружины, не мог не представиться венедам «рабством».

В результате переселений второй половины VI в. славяне заняли значительную часть территории нынешней Польши. Они не только довольно плотно заселили земли юга, от Западного Буга до верховий Одера, где обитали словене, племена пражско-корчакской культуры. На севере суковско-дзедзицкие племена, потомки венедов, заняли почти все междуречье среднего Одера и средней Вислы. Наиболее значительное скопление поселений на юге находилось в районе Кракова (Могила, Иголомя, Хоруля и др.). В венедском ареале плотнее всего была заселена Силезия, а также прилегающее междуречье Одера и Варты. Значительные группы раннеславянских памятников найдены и в Великой Польше (Крушвица, Радзеюв, Новины и др. в Куявии, Непорент, Мендзыборув и др. в округе Варшавы, в районе впадения Буга в Вислу).

В двух местах севернее впадения Буга славяне перешли Вислу. В районе современного Плоцка на левом берегу возникло целое гнездо поселений, центром которого позже стало городище Шелиги. Отсюда славяне уже тогда проникли в будущую Мазовию. Свидетельство тому — большое суковско-дзедзицкое поселение Брущево к северу от Буга. Оно просуществовало несколько веков и включало несколько групп домов и хозяйственных построек. Суковско-дзедзицкие племена в VI в. проникали и

https://RodnoVery.ru

на юго-восток, в Подляшье под изгибом Западного Буга (поселения Боровый Млын, Пщев). В то же время основная часть Мазовии оставалась практически ненаселенной.[635]

Как и антов на востоке, венедов севера словене обозначали как «полян», и точно такое же имя получили словенские племена Великой Польши. В древнем происхождении понятия «поляне» (источника современного «поляки») сомнений нет. Но сначала этот термин был именно собирательным обозначением, а не названием конкретного племени или племенного объединения. Он не носил политического смысла. Характерно, что Баварский географ не знает полян. Он, зато, упоминает племя гоплян (Glopeani), жившее в районе озера Гопло в Куявии.[636] Именно здесь располагалась Крушвица, которую Богухвал знал как первую столицу Великой Польши.[637] К северу от нее находилось городище Бискупин — древнейший из градов польских земель.

Как раз из этого района расселялись «полянские» племена. Гегемония гоплян среди них восходит, надо думать, к довольно давним временам. Стоит отметить еще, что в XI–XII вв. «полянами» именовались просто все подданные польского короля. Среди ляшских племен они на равных упоминаются не с вислянами или слензянами, а с жителями самостоятельных княжеств Поморья, Полабья, Мазовии. По крайней мере, так обстоит дело в источниках собственно славянских — польских и русских.[638]

Значительное количество памятников суковско-дзедзицкой культуры имеется, как уже было сказано, в Силезии и прилегающем междуречье Одры и Варты. «Гнезда» суковских поселений возникли и на землях Лужиц в среднем течении Шпрее, к северо-западу от Силезии. Сюда был направлен весьма значительный поток колонизации. Судя по числу памятников, Силезия и Лужицы в описываемую эпоху были заселены плотнее, чем великопольские земли.

В Силезии славяне встретили крайне немногочисленные остатки германского населения. Почти общепризнанно, что название «Силезия» ведет начало от имени германского племени вандалов-силингов.[639] Небольшая часть силингов осталась в долине Одера после Великого Переселения народов и смешалась с пришедшими славянами. К названию силингов восходит, в конечном счете, и племенное имя слензян. Непосредственным источником, скорее, послужило наименование горы Сленза, где располагалось в Средние века главное святилище племени.

Но еще в IX в. «слензяне» не считалось общим названием жителей

https://RodnoVery.ru

Силезии. Более того, кажется, что слензяне тогда и не являлись в ней главным племенем. По крайней мере, в первой, более ранней части «Баварского географа» они не упомянуты вовсе. Из силезских племен в этой части текста названы только дедошане и безунчане.[640] Два больших скопления суковских селищ в Силезии, на обоих берегах Одера, можно соотнести с племенными территориями дедошан и слензян. Название дедошан (дедошичей), без сомнения, славянского происхождения. Более древней его формой является «дедошичи». Источник — незасвидетельствованное личное имя Дедоша с корнем «дед».[641]

На лужицких землях отмечено два «гнезда» суковских поселений — в среднем течении Шпрее, где позже жило племя лужичан, и к востоку, на нижней Нейссе (Нысе-Лужицкой). Речное название «Ныса» повторяется на юге Силезии (также левый, западный приток Одры). Восточное «гнездо» вплотную примыкает к местам поселения дедошан на севере Силезии и выглядит как их выселок. Славяне пришли в Лужицы с юго-востока, из силезских земель.

В освоении Силезии приняли участие не только славяне и потомки местных германцев. Описываемый период был довольно бурным для племен, населявших юго-западную Прибалтику. После распада к середине VI в. объединения видивариев часть их разноплеменных дружин закрепилась на западе от низовий Вислы, положив начало прусскому племенному союзу.[642] В конце 560-х или начале 570-х гг. в земли галиндов в западной части Мазурского Поозерья вторгся отряд гепидов и лангобардов, покинувших дунайские земли после аварского нашествия. Результатом германского завоевания западного Поозерья стало возникновение здесь «мазуро-германской» или западномазурской культурной группы.[643]

Часть балтов ушла, не признав власти захватчиков, за Вислу в Великую Польшу и далее на запад уже вместе со здешними славянами. На пустующих большей частью землях Силезии место нашлось всем. Галинды осели в Опавской котловине на самом юге Силезии и быстро смешались с жившими здесь славянами пражской культуры. Память о пришельцах из Прибалтики сохранилась в племенном названии голендичей, известном в IX–XII вв.[644]

https://RodnoVery.ru

Гора Шленжа. Современный вид

По соседству с галиндами в Верхней Силезии осели и другие пришельцы из Южной Прибалтики — велеты. Кем бы ни были они изначально, к концу VI в. это племя уже являлось славянским. Однако материальная культура велетов отличалась от культуры соседних славян. С ними связано сложение уже в VI в. новой археологической культуры — фельдбергской (от поселения Фельдберг в Германии).[645] Фельдбергцы пользовались для изготовления посуды гончарным кругом, причем формы их керамики восходят к силезским традициям предшествующего периода. В формировании славянского племени или племенного союза велетов приняли участие не только славяне и балты, но и местные германцы. Есть предположение, что у истоков фельдбергской керамики стоит группа бродячих гончаров — ремесленников, сорванных с мест Переселением народов.[646]

Одна из скульптур святилища на горе Шленжа

https://RodnoVery.ru

Уже около середины VI в. славяне суковско-дзедзицкой группы перешли Одру на севере, попав в двуречье Шпрее и Хафеля, восточных притоков Эльбы. Массовое расселение их в этом регионе приходится на вторую половину VI в. и было связано с племенными передвижениями после аварского нашествия. Картография поселений[647] указывает, что на этот раз славяне шли не с востока из-за реки, а с юга, из Лужиц вниз по Шпрее. Постепенно земли по нижнему Хафелю превратились в самую заселенную область суковско-дзедзицкой культуры. Многочисленные славянские поселения возникали и севернее, в нижней части междуречья Одры и Эльбы. Славяне продвигались на север вдоль рек — вниз по Эльбе и Одеру, вверх по Хафелю.

В области Шпрее — Хафеля в ту пору сохранялось германское население, принадлежавшее к племенам варнов и саксов. Пришельцы численно превосходили местных жителей, в то время как уровень общественной организации у них был примерно одинаков. Племенной союз варнов, известный еще Прокопию в середине века как мощное объединение, распространявшее влияние на Саксонию и сообщавшееся с англами в Британии, теперь распался. Переселение славян-венедов сыграло здесь некоторую роль. Во всяком случае, последним оплотом варнов осталась небольшая область в верховьях названной по их имени реки Варны. Там позднее жило одноименное славянское племя.

Археология же отмечает мирное сосуществование славян и германцев. Славяне селились на германских селах, без перерыва продолжали использовать германские пашни. На одном из селищ в нынешнем Берлине отмечено непрерывное использование выкопанного в германское время колодца.[648]

Можно заключить, что славяне и германцы в области Шпрее — Хафеля сливались в единые общины, причем менее многочисленные германцы постепенно славянизировались. Славяне унаследовали у германцев несколько более передовые хозяйственные навыки. Стоит отметить, что из германских языков пришло и название реки Эльбы (в славянской огласовке — Лаба).

Так было в долинах Шпрее и Хафеля. Но иначе обстояло дело дальше на север. Ниже по Одеру и Эльбе (кроме балтийского побережья на северо-западе, еще не достигнутого) перед славянами открывалась лесистая и совершенно безлюдная страна. Пахотные земли давно были заброшены, и славянским поселенцам нужно было расчищать новые участки. Сами

https://RodnoVery.ru

славяне селились в этих условиях не столь плотно и не столь большими коллективами, как дальше на юг.[649]

В области Шпрее — Хафеля началось складывание новых славянских племен, известных позднее по письменным источникам. Старейшим из племен полабских славян были ободричи (ободриты западных авторов). Происхождение названия «ободричи» вызывает споры. Наиболее убедительной кажется теория, связывающая его с рекой Одрой (ободричи < *ободряне ‘живущие по обоим берегам Одры’).[650] Древность имени ободричей удостоверяется их позднейшим присутствием на Балканах и, следовательно, участием в славянских переселениях конца VI-начала VII в.

Так же можно подтвердить древнее происхождение и некоторых других племенных названий в полабском ареале. Прежде всего, это относится к крупному племени стодорян. В IX в. именно оно занимало долину Хафеля и именовалось у западных хронистов и географов хэфельдами.[651]

Приняли участие в движении на юг и смоляне.[652] В полабском ареале они жили примерно у впадения в Эльбу реки Эльде.[653] В латинских источниках полабские смоляне фигурируют только как «смельдинги». Едва ли следует сомневаться в германском происхождении такой формы названия.[654] Можно даже предположить, что жившее на германо-славянском пограничье небольшое племя само переняло такую форму — но не ранее рубежа VI–VII вв., когда часть его, еще под славянским именем, выселилась на Балканы. Именно смоляне стали ядром складывания позднейшей племенной группы полабов или полабян.

Все названные племена упоминаются в сочинении Баварского географа.[655] В VIII–IX вв. смоляне и другие полабы входили в племенной союз, возглавляемый ободричами. Что касается стодорян, то они тогда были включены в велетский племенной союз, но стояли в нем особняком. Ободричи — древнейшее и сильнейшее из суковских племен — изначально лидировали среди них. Остальные племена отделялись по мере движения ободричей на север, оседая в освоенных землях. Сами же ободричи в итоге поселились в будущем Мекленбурге, у берегов Балтики. Таким образом, они до конца возглавляли продвижение суковцев вверх по Эльбе. Не вызывает сомнений, что с ободричами связаны своим происхождением не только полабы, но и стодоряне.

С верховий Хафеля славяне продвинулись в западное Поморье (будущую немецкую Померанию). Здесь они впервые вышли к Балтике. Они расселились также в западной части Польского Поморья. Ныне

https://RodnoVery.ru

считается возможным относить к VI в. памятники дзедзицкого типа в Польском Поморье, близ низовий Одры (поселения Дерчево, Дембчино, Дзедзицы).[656] Поморские земли славяне застали практически необитаемыми. На них началось складывание племенной общности поморян. Позднее где-то в этом поодерском районе, восточнее хэфельдов, жило племя брежан.[657]

Название «брежане» связано с берегами Одры. Смысл названия «поморяне» прозрачен. Прямое свидетельство о том, что к концу 580-х гг. славяне уже достигли моря, содержится у греческого историка Феофилакта Симокатты. Он рассказывает об обмене посольствами приморских славян «у оконечности Западного океана» с аварским каганом примерно в 588–590 гг.[658]

Общим самоназванием поморских и полабских славян еще и в VII в. оставался термин «венеды». Под этим же именем («венды», «винды», «виниды») они получали известность среди соседей. Однако тесное общение со словенами вело к восприятию венедами общеславянского языка при сохранении диалектных особенностей. Очень быстро венеды переняли и самоназвание корчакских племен — «словене», четко противопоставлявшее их соседним «немцам». Поморские послы в 590 г. уже называли себя словенами.

Хорватский племенной союз

Одним из последствий переселения части антов в Центральную Европу стало возникновение здесь нового политического объединения — хорватского. В раннем средневековье хорваты занимали территорию северо-восточной Чехии по обе стороны Орлицких гор и прилегающие районы Силезии. Им, таким образом, принадлежало верхнее течение Лабы.[659] В областях, соседних с областями расселения хорватов, распространеныпредания о древнем правителе Кроке или Краке. О Кроке рассказывают предания чехов, о Краке — малопольские, приписывающие ему основание Кракова. Тождество имен «Крок» и «Крак» было ясно уже польским и чешским хронистам XV–XVII вв. Не отрицает его и современное языкознание.[660]

Название «Краков» (Краков град), вне сомнения, происходит от личного имени. Следовательно, за преданиями о Краке должна стоять некая

https://RodnoVery.ru

историческая реальность.[661] Представляется, что единственным связующим звеном между вислянами на востоке и чехами на западе являлись «западнославянские» хорваты. С ними и следует связывать возникновение преданий о Краке.[662]

В старейшей версии польского предания о Краке, излагаемой хронистом XII в. Винцентием Кадлубком, главный герой приходит к будущему Кракову из «Каринтии».[663] Для Кадлубка «Каринтия» — синоним дунайской прародины славян. Для нас здесь важен мотив прихода с запада, из придунайских областей. Он указывает на позднейшее (VII в.?[664]) поселение группы хорватов в Верхнем Повисленье. Ядром западного хорватского племенного союза являлись области северо-восточной Чехии и южной Силезии.

Чешское предание о Кроке первым сообщает Козьма Пражский. Он весьма краток: «…выделился некий человек, по имени Крок, его именем назван град, заросший теперь уже деревьями и расположенный в лесу, что близ деревни Збечно. Соплеменники считали этого человека совершенным. Он располагал большим имуществом, а при рассмотрении тяжб вел себя рассудительно; к нему шел народ не только из его собственного племени, но и со всей страны, подобно тому, как к ульям слетаются пчелы, так к нему стекался народ для разрешения своих тяжб».[665] Позднейшие авторы не добавляют к этим скупым сведениям практически ничего важного.[666]

Существование древнего града Крокова близ Збечно не подтверждено археологией.[667] Но название урочища, несомненно, восходит к имени «Крок», и оно необязательно должно было быть именно резиденцией правителя. Заметим, что постоянной «столицы» у такового могло и не иметься.[668]

Рассмотрим совокупность данных о Кроке. Несомненно, описываемое лицо — племенной вождь. Наименование его в чешских хрониках «судьей» не должно вводить в заблуждение. Этим библейским термином называли славянских князей с их ограниченной (в сравнении с развитыми монархиями) властью еще в X в.[669] Крок у Козьмы Пражского передает власть дочерям. Одна из них становится ведуньей, другая — жрицей, третья — судьей.[670] Таким образом, их отец предстает как носитель высшей сакральной власти — жрец, чародей-прорицатель и судья в одном лице. Кроме того, он передает власть по наследству. Это в целом соответствует нашим представлениям о древнем славянском вожде, носящем титул «князь» или «владыка». Традиция передачи власти по

https://RodnoVery.ru

наследству начала уже складываться с середины VI столетия — по крайней мере, у антов, к которым принадлежали хорваты.

В рассказе Козьмы важно отсутствие связи между Кроком и «праотцом Чехом» — четкое указание на то, что Крок не принадлежал к чехам в узком смысле слова. Важно и то, что Крок возглавляет не одно племя, а племенной союз («народ не только из его собственного племени, но и со всей страны»).

Имя «Крок (Крак)» не принадлежит к двусоставным «княжеским». Уже это, а также географический разброс преданий (Чехия — область вислян в Малой Польше) наводит на мысль о родовом имени, передаваемом по наследству титуле, которым именовали князя его подданные. В польском предании находим прямое подтверждение. Сын и наследник Крака здесь также именуется Краком.[671] Родовой титул «Крак» («Крок» в чешских преданиях) восходил, скорее всего, к звукоподражательному эпитету бога грозы Перуна. Его потомками и считали себя племенные вожди хорватов, закрепившиеся во второй половине VI в. на северо-востоке современной Чехии. В польском предании Крак выступает, подобно своему мифологическому двойнику — богу грозы, как змееборец.[672] Сакральная власть князей, основанная на происхождении от «создателя молний», Перуна — Сварога, была принесена на средний Дунай антами-хорватами.

В преданиях о Краке (Кроке) есть еще один крайне интересный момент. И в польском, и в чешском сказании говорится о том, что власть вождя, за неимением наследников мужского пола, переходит к дочерям. О разделе власти дочерьми Крока у Козьмы Пражского уже говорилось. По Кадлубку же, после смерти Крака II, за неимением у него детей, власть приняла его сестра, дочь Крака I — Ванда.[673] Мотив этот не привлек бы особого внимания, если бы не его абсолютная уникальность в славянских преданиях о первобытном историческом периоде. Ни в преданиях, ни в иностранных источниках о женщинах-предводительницах у древнейших славян более нигде не упоминается. Мотив связан исключительно с дочерьми чешского «судьи» Крока и польского «короля» Крака. Такое удивительное совпадение не может не отражать какой-то исторической действительности.

Скорее всего, у хорватов действительно разрешалось наследование власти женщиной при отсутствии у правящего князя мужского потомства. Женщина, таким образом, также признавалась носительницей «божественного» начала, свойственного роду «Крака». При этом, кстати,

https://RodnoVery.ru

допускалось дробление функций княжеской власти между наследницами (чешское предание о чародейке Кази, жрице Тэтке и судье Либуше). Эти обстоятельства, приведшие со временем, естественно, к прерыванию прямой мужской линии рода, запомнились и в Чехии, и в Малой Польше. Заманчиво было бы связать эту особенность политического устройства хорватов с их происхождением от некогда «женоуправляемых» сарматов.

Недаром Козьма писал о древних чешках: «В то время девушки этой страны достигали зрелости быстро: подобно амазонкам, они жаждали военного оружия и избирали себе предводительниц; они занимались военным делом так же, как и молодые люди, и охотились в лесах, как мужчины; и поэтому не мужчины избирали себе девушек в жены, а сами девушки, когда желали, выбирали себе мужей и, подобно скифскому племени, плавкам [т. е. половцам] или печенегам, они не знали различии между мужской и женской одеждой».[674]

Хорватский племенной союз начал складываться на землях северной Чехии и юго-западной Силезии после 568 г. В него входили, помимо собственно хорватов, также чехи, населявшие центральные области страны по нижней Влтаве. В союз, возглавлявшийся хорватскими «Краками», влились и другие, только возникавшие тогда племена северной Чехии и Силезии. Почти наверняка в хорватский союз вошли на первых порах сербы, исторически и этнически тесно связанные с хорватами. Первоначальные места обитания «западных» сербов также помещаются в Чехии, скорее на севере страны.[675] Племенное объединение в Центральной Европе во главе с западными «белыми» хорватами имеется в виду в преданиях, сообщаемых в X в. Константином Багрянородным. Здесь оно выступает как «Великая» или «Белая» Хорватия.[676]

Причиной сплочения славянских племен северной Чехии под главенством хорватов, вне сомнения, явилась аварская угроза. Хотя основной натиск аварских орд был направлен против Империи, каган, разумеется, не забывал и о северных границах. Уже вскоре после закрепления авар в Паннонии они навязали «мир» на своих условиях славянам Поморавья. Раннее подчинение мораван каганату доказывается и переселением их на Балканы в ходе аварских войн, и тем, что именно Поморавье стало позднее центром так называемой аваро-славянской культуры Подунавья.

После подчинения мораван каганат стал представлять очевидную угрозу и для северных племен. Именно непрестанное давление авар стало стимулом к выселению части богемских словен на северо-запад, в

https://RodnoVery.ru

междуречье Лабы и Заале. Этот переселенческий поток усиливался на протяжении второй половины VI в. Но чехам и другим племенам под главенством хорватов удалось отстоять и свои земли, и свою независимость. Значение хорватского племенного союза в западнославянской истории, однако, этим не исчерпывается. Исторические обстоятельства сложились так, что хорватское объединение явилось прямым предшественником чешской и одним из предшественников польской средневековой государственности.

Хозяйство, культура, общество

Вторая половина VI в. более богата объективными сведениями о внутренней жизни славянского мира, чем предшествующий период. Из авторов письменных свидетельств, прежде всего, обязаны мы этим императору Маврикию, создавшему в конце века свой «Стратегикон». В первой половине столетия Прокопий Кесарийский, описывая нравы славян, в немалой степени руководствовался общими представлениями о северных «массагетах» и их «гуннском нраве». Маврикий более осведомлен и более практичен. Это чувствуется уже в открывающей его очерк общей характеристике нравов славян: «Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в своей земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи».[677]

В этой характеристике — ни одного лишнего слова. Маврикий дает на основе имеющейся, многократно удостоверенной в военных действиях информации памятку для своих полководцев. То, что нам представляется — и в известном смысле справедливо — лестной оценкой славянских нравов, для ромея VI в. было необходимыми данными об опасном враге.

Точно так же, как необходимую информацию, необходимую уже для ромейских дипломатов, передает Маврикий сведения о славянском гостеприимстве: «К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом».[678] Редкостное гостеприимство славян подтверждается позднее многократно. Оно оставалось неизменным,

https://RodnoVery.ru

несмотря на все военно-политические перипетии. Несомненно, — об этом можно судить и по известию Маврикия, — гостеприимство имело прочные основания и в обычном праве, и в верованиях. Месть за чужеземца являлась «священной» для гостеприимца. Памятуя о цели наставлений Маврикия, можно не сомневаться и в том, что имперская дипломатия и разведка не избегали пользоваться наивным первобытным обычаем угождения гостю в корыстных целях. Приведенное известие убеждает, кстати, в том, что эпизод с убийством дунайцами Добряты аварских послов был крайне нетипичен для славянского общества.

Характерно, что нигде (в том числе в очерке о быте и хозяйстве) Маврикий не разделяет и не противопоставляет словен («склавов») и антов. На взгляд ромея, славянские племена по-прежнему воспринимались в культурном плане как единое целое. Между тем, насколько можно судить по археологическому материалу, различия между отдельными славянскими культурами (пражской, пеньковской, ипотештинской) в описываемый период становятся четче.

Славяне в изображении Маврикия — скотоводы и земледельцы. «У них, — пишет он, — множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды».[679] Это вполне соответствует археологическим данным.[680] О характере словенского хозяйства (правда, в областях, удаленных от границ Империи) во второй половине VI в. можно судить по материалам Бржезно. В здешнем стаде преобладал крупный рогатый скот. По костным остаткам, он составлял более половины (52 %) стада. Разводили (в гораздо меньших количествах) свиней и овец. Была в Бржезно и домашняя птица — в первую очередь куры, но также утки.[681] Коневодство играло в Бржезно крайне незначительную роль (менее 2 %).[682] Но в нижнедунайских областях во второй половине VI в. его значение возрастало, в частности, благодаря угону коней у ромеев.[683] Несомненно, что во многих славянских землях (особенно на востоке) разводили и коз, которых не было в Бржезно.

https://RodnoVery.ru

Пальчатая фибула

Из злаков Маврикий упоминает «в особенности» просо и пшеницу-полбу.[684] Это также абсолютно соответствует археологическим свидетельствам. Два названных злака преобладали на славянских полях. При этом в некоторых областях предпочтение отдавалось пшенице, в других — просу. Преобладание пшеницы отмечено, например, на поселении Бржезно, причем проса в здешнем зерновом материале менее 1 % (при 46 % пшеницы). На втором месте здесь ячмень, далее с большим отрывом следуют рожь и овес — но и их здесь больше, чем проса. Жители Бржезно разводили также бобовые — горох, чечевицу, вику, а также выращивали коноплю. Садоводство представлено сливой.[685]

В этот период в славянских землях все шире распространяется пахотное земледелие. В отличие от Прокопия, Маврикий ничего не говорит о частых перемещениях славян с места на места, характерных для времен подсеки и примитивного перелога. О постепенном переходе к двуполью свидетельствует сам факт длительного существования таких поселений, как Бржезно, или общинных могильников наподобие Пржитлук в Поморавье и Сэрата-Монтеору в Дакии.[686] О том же говорит и постепенное увеличение размеров словенских поселений.[687] Что касается антов, то они переходили к пашенному земледелию быстрее и почти повсеместно. У словен развитие техники земледелия сопровождалось совершенствованием пахотных орудий. Однако рала с железным

https://RodnoVery.ru

наральником встречались преимущественно в зоне контактов с антами (в Поднестровье и Побужье) или германцами (в Чехии-Богемии).[688]

Маврикий, в отличие от предшественников, не упоминает охоту как источник существования славян. Ее относительно малое место в хозяйстве доказывается и археологически. Во всяком случае, в Бржезно кости диких животных составляли лишь 2 % всего материала.[689]

Быт славян греческие писатели второй половины VI в. описывают примерно так же, как их предшественники, что неудивительно. «Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер»,[690] — отмечает Маврикий. Ему вторит Иоанн Эфесский: «люди простые, которые не осмеливались [до нашествия 580-х гг.] показаться из лесов и из-под защиты деревьев».[691]

Более осведомленный Маврикий обрисовал и топографию славянских поселений, в целом соответствующую нашим археологическим данным. «Хории склавов и антов, — пишет он, — расположены поочередно вдоль рек и соприкасаются друг с другом, так что между ними нет достойных упоминания промежутков, а лес, или болота, или заросли тростника примыкают к ним». Леса служили и естественной защитой, и местом укрытия на случай вражеской атаки.[692] В другом месте Маврикий отмечает различный размер «хорий», некоторые из которых могут «оказаться большими».[693] Под «хориями» Маврикий, скорее всего, имеет в виду не отдельные поселения, а «гнездовья», соответствовавшие соседской общине, «миру».[694]

У Маврикия имеется еще несколько странное описание славянского жилища. Славяне, по его мнению, устраивают «много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно настигающих их опасностей».[695] Это совершенно противоречит предоставляемой раскопками информации о славянском жилье. В корчакских и пеньковских жилищах всегда единственный вход, закрывавшийся деревянной дверью, от которой вела лестница — спуск в полуземлянку.[696] Представляется удачным толкование, согласно которому Маврикий имел в виду не собственно жилище, а комплекс связанных жилищ.[697] Такие близко расположенные жилища принадлежали одной большой патриархальной семье, входившей в патронимию.

В материальной культуре словен и антов этого времени произошел ряд изменений. В корчакской культуре усиливаются локальные особенности. К востоку от Западного Буга почти безраздельно господствуют полуземлянки,

https://RodnoVery.ru

отапливавшиеся печами-каменками. На западе, по соседству с германцами и в контактной зоне с венедами, полуземлянки сочетаются с наземными избами. Здесь встречаются оба типа наземных славянских домов — наземные дома с подпольными ямами (переходный тип между полуземлянкой и избой) и чисто наземные срубы. Последние характерны для суковско-дзедзицкой культуры. Отапливались дома на западе преимущественно обычными очагами из камней или глины либо глинобитными печами.[698]

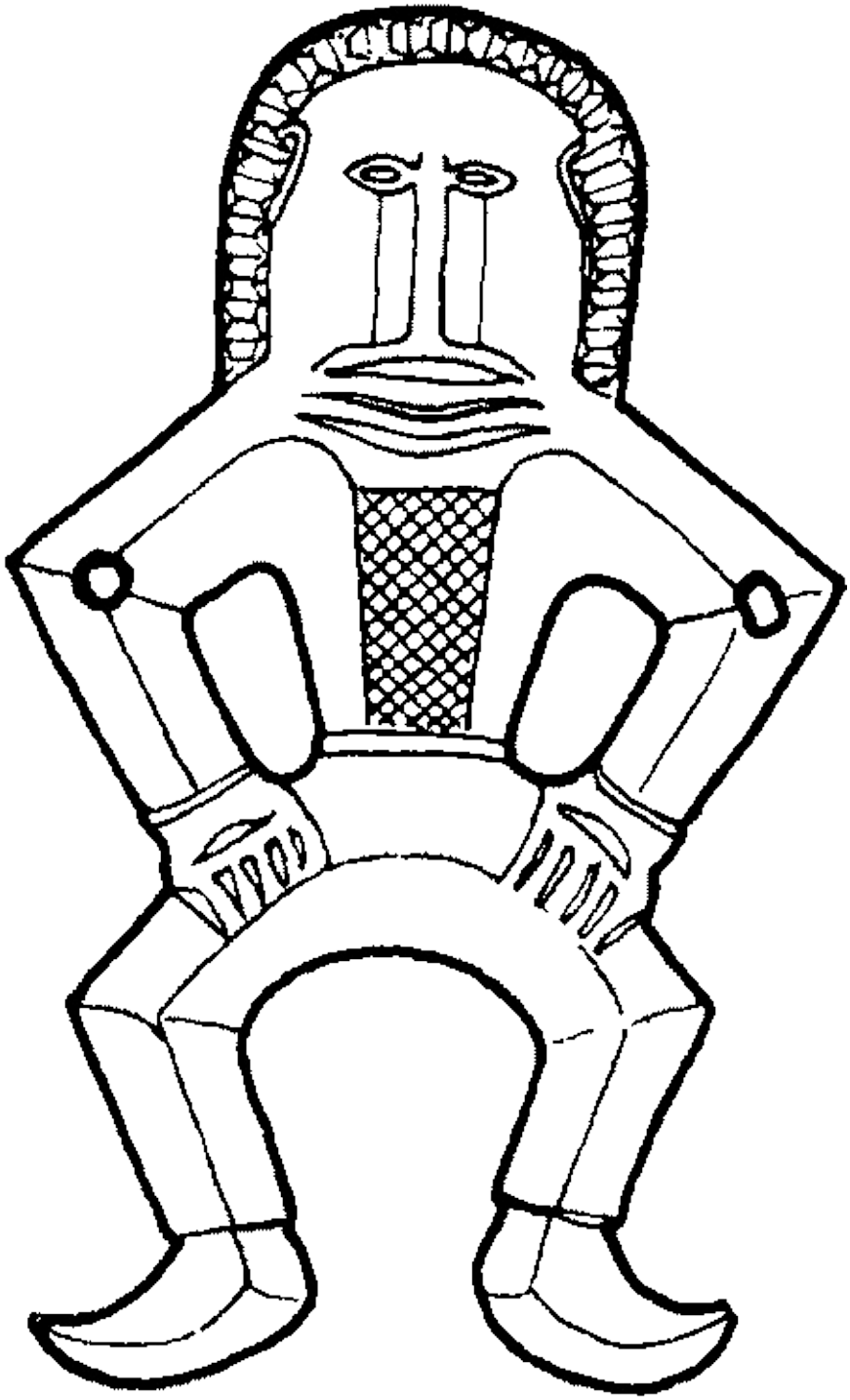
Изменения, происходившие в ареале пеньковской культуры, отражают окончательное слияние составивших ее разноплеменных элементов в антскую общность. Характерная черта наступившего второго этапа антской культуры — унификация. Исчезают такие приметы разноплеменности, как различия в интерьере и конструктивных особенностях жилищ. В частности, очаги полностью вытесняются печами-каменками. Последние складываются теперь почти исключительно из крупных плит. С другой стороны, исчезает закономерность в расположении печи (раньше вход в антское жилище всегда был с южной стороны, а печь — в одном из северных углов).[699] Эта характерная черта славянской культуры была, в свою очередь, утрачена в ходе смешения антских «родов». Но общий облик антской культуры, вне сомнения, славянизировался.

Среди новых культурных явлений в славянском мире нельзя не отметить распространение по антским землям во второй половине VI в. особого типа украшений, название которым дал Мартыновский клад рубежа VI–VII вв. Мода на пояса с богатыми украшениями «мартыновского» типа зародилась среди готов и кочевников в Нижнем Подунавье под влиянием как степного, так и римского искусства. Мартыновские украшения были распространены позже у авар, антов, в Крыму. Их основными «разносчиками» являлись кутригуры, смешивавшиеся и с антами, и с аварами, и с приазовскими болгарами. Но немалую роль в распространении украшений сыграли и сами анты. У них большая часть находок сосредотачивается в Поднепровье.[700]

Среди находок в Мартыновском и подобных кладах — металлические элементы поясного набора, височные кольца, фибулы, ожерелья. Изготавливались все эти украшения из бронзы и серебра. Некоторые из них (пальчатые фибулы, проволочные височные кольца со спиральным завитком) можно считать характерными именно для антской культуры. В целом же мартыновские древности не являлись творением одного народа. Ремесленники разных племен, перенимая друг у друга навыки, работали в

https://RodnoVery.ru

русле единой «моды», распространившейся на значительных пространствах Евразии.[701] Несомненно, из антских земель и с антскими переселенцами «мартыновские» предметы стали проникать на север, в земли днепровских балтов.[702]



Фигурка из Мартыновского клада. Реконструкция С.В. Алексеева

https://RodnoVery.ru

Яркими памятниками антского искусства являются миниатюрные литые изображения людей и животных, найденные в Мартыновском кладе и на ряде поселений. Четыре одинаковых фигурки подбоченившихся («пляшущих») мужчин из Мартыновского клада выполнены с уникальной для тех времен детальностью и позволяют судить об одежде и внешнем облике своих создателей. На поселении Требужаны найдена еще одна похожая (но не идентичная) фигурка. Пять фигурок из Мартыновского клада изображают животных. Это сильно стилизованный образ коня, причем в двух вариантах. Звери (в обоих вариантах) изображены на бегу, с разверстыми пастями, с высунутыми языками. В одном, более детальном варианте в оскаленной пасти отчетливо выполнены конские зубы, узнаваема и грива — но «копыта» оканчиваются когтями. Другой вариант более схематичен, и «конские» черты едва опознаются. Более традиционны (притом тоже стилизованны) конские изображения с поселений Самчинцы и Семенки. Наконец, на поселении Скибинцы найдено довольно точное бронзовое изображение льва. Некоторым мартыновским украшениям приданы черты изображений животных и людей.[703]

Не вызывает сомнений, что фигурки из Мартыновского клада были композиционно и сюжетно связаны между собой, апеллируя к каким-то мифологемам. Перед нами изображение божества (Перуна?) с его конем — частый мотив славянского народного искусства. То, что конь бога-громовержца предстает как грозное мифологическое чудовище, едва ли должно удивлять. Подбоченившаяся поза нередка для миниатюрных идольчиков позднейшей эпохи, которые также могли использоваться в качестве оберега.

Мартыновские украшения в целом в известном смысле повторили путь, уже ранее проделанный одним из элементов этой группы древностей — фибулами с пальчатыми отростками. Первоначально являясь продукцией имперских мастерских, плащи с пальчатыми фибулами вошли в моду у германских наемников Подунавья в первой половине VI в. Вслед за готами и гепидами их восприняли анты, и во второй половине VI в. фибулы этих типов стали одним из определяющих элементов антской культуры, характерным для пеньковцев украшением. Антские женщины, в отличие от германок, застегивавших плащ двумя фибулами, носили по одной застежке. Фибулы этого периода несколько проще в исполнении, чем в более раннее время. Изготавливались они уже не только в ромейских мастерских, но и в землях самих антов.[704] Так, изготовлением пальчатых фибул занималась

https://RodnoVery.ru

мастерская на поселении Бернашевка в Поднестровье.[705]

Являясь характерной чертой антской культуры, пальчатые фибулы в то же время оставались предметом вывоза — прежде всего, торгового. Именно так попадали они из Империи к антам; так же — от антов к соседним племенам. Пальчатые фибулы «днепровских» типов известны у балтских и финно-угорских племен севера Восточной Европы, позднее — и в Крыму.[706] Не исключено, что они играли роль первобытных денег, своеобразного «всеобщего эквивалента». Такое в «варварском» мире происходило со многими разновидностями престижных для племенной знати товаров.

Вторая половина VI в. отмечена рядом изменений в погребальной обрядности славян. Для этого периода характерно увеличение различий в погребальном обряде между отдельными группами славянского населения. Вместе с тем сохраняется и много общих черт.

Наиболее значительным погребальным памятником придунайской ипотешти-кындештской культуры является могильник Сэрата-Монтеору.[707] Первые погребения в нем относятся еще к началу VI в., но основной период функционирования могильника датируется позднейшим временем — до начала VII столетия включительно. На могильнике более 1500 грунтовых захоронений, принадлежащих членам ряда больших семей. Захоронения отдельных большесемейных коллективов образовывали группы. Все захоронения в могильнике — трупосожжения. Но при этом конкретные детали обряда могли варьироваться. Отмечены как безурновые, так и урновые захоронения. Иногда лишь часть пережженных костей помещалась в урну, тогда как остаток просто ссыпался в могильную яму; иногда ссыпанный прах накрывали сверху горшком.

Инвентарь в Сэрата-Монтеору довольно разнообразен. Здесь отмечены пальчатые фибулы из бронзы и серебра, ножи, бусы, поясные пряжки и т. д. Кремация явно производилась в одежде. Среди погребенных были и весьма богато одетые люди. Одно, явно женское, погребение сопровождалось особенно щедрыми подношениями. Помимо украшений при нем найден ромейский сосуд для хранения благовоний. Также намеренно положенным в погребение инвентарем являлись найденные в другом месте наконечники стрел. Среди дунайских славян бытовало поверье о полезности инвентаря в загробном мире — но пользоваться им давалось право немногим и в исключительных случаях.

В ареале пеньковской и ипотештинской культур безусловно господствует в этот период обряд захоронений в грунтовых могильниках с

https://RodnoVery.ru

кремацией умерших. Отмечены урновые и безурновые захоронения; у антов в урновых иногда встречается крайне бедный инвентарь. Немногочисленные погребения с трупоположением в пеньковском ареале отражают изначальную разноплеменность культуры. Некоторые из них убедительно датируются ранним периодом ее существования и едва ли принадлежат славянам.[708] Другие отражают процесс взаимного проникновения болгар и славян, особенно в дунайских землях. С другой стороны, на востоке пеньковского региона, в Поднепровье, потомки аланских кочевников сохраняли ритуал трупоположения долгое время, уже вполне ославянившись.[709]

Ритуал ингумации умерших, как уже говорилось, с самого начала преобладал у славян, осевших в приальпийских областях, будущей Словении. Здесь его утверждение объяснялось тесными контактами и смешением с германцами и романцами, а также ранним проникновением христианства. Славяне здесь хоронили своих покойников в грунтовых могилах со сравнительно скромным инвентарем (ножи, глиняные сосуды), ориентируя тело головой на запад или на восток.[710] Широтная ориентировка позднее характерна для славян и, должно быть, являлась традиционной уже при трупосожжении. Это связано с древнеславянской мифологической картиной мира.

У словен (корчакской культуры) в описываемый период возникает новое явление в погребальной обрядности — над захоронениями в некоторых местах начинают насыпать курганы (праслав. *mogyla). «Могилы» появляются в двух довольно удаленных друг от друга регионах — на Волыни и в Припятском Полесье с одной стороны, и в подкарпатских областях Словакии, Поморавья и юго-западной Польши с другой. Курганы явно наследуют многие черты обрядности ранних грунтовых погребений. Высота их не превышала метра, чаще полуметра, они насыпались над могильными ямами (в других случаях захоронение в основании кургана) и окружались ровиком. Диаметр кургана мог достигать 10 м. Кремация умерших совершалась на стороне; погребения как урновые, так и безурновые, с характерным для пражско-корчакской культуры крайне скудным инвентарем или без такового. Перед захоронением в основании кургана разжигался костер. Позднее в кургане могли делать впускные безурновые захоронения. Курганы использовались большими семьями на протяжении нескольких поколений, иногда дольше столетия.[711] По всей вероятности, могильные насыпи естественным образом развились в двух славянских регионах из обычая как-то отмечать место захоронения.

https://RodnoVery.ru

Преобладающим типом захоронений при этом оставались грунтовые, почти всегда безынвентарные (кроме чехо-моравских земель, где нередко встречается скудный инвентарь). Они характерны для большей части западного региона пражской культуры. Трупосожжение могло совершаться не только на стороне, но и на месте (ряд могильников Польши[712]).

Согласно известию греческого историка Феофилакта Симокатты, погребение по «обычаю» сопровождалось поминальным пиром с обильными возлияниями[713] (в V в. он носил название «страва»). Судя по известию Феофилакта, если человек умирал в пути, например в походе, но среди соплеменников, погребение и поминки совершались на месте кончины. В этом случае дух покойника, даже сгинувшего на чужбине, считался удовлетворенным. Опасными же считались лишь те мертвецы, которые не были должным образом погребены сородичами.

Маврикий Стратег — первый автор, сообщающий о принятом у славян (словен и антов) обычае самоубийства вдовы после смерти мужа. По его словам, славянские женщины «целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве».[714] С одной стороны, это чрезвычайно древний обычай. С другой — у славян, в отличие от гуннов, например, он до того не засвидетельствован. В известии Маврикия обращает на себя внимание подчеркивание сугубой добровольности происходящего, а также то, что этот мрачный ритуал не был в его время обязателен («многие из них» — не все). В то же время он к 580-м гг. распространился среди словен и антов достаточно широко, чтобы попасть на страницы «Стратегикона» как важная бытовая деталь.

Распространение самоубийств жен после смерти мужей отражало укрепление патриархальных устоев в славянском обществе. Мужчина начинал восприниматься как единственная и незаменимая опора семейного уклада. Но стоит отметить, что при всем том высокий общественный статус вдов, переживавших мужей, остался общеславянской традицией.

Описываемый период ознаменовался немаловажными переменами в общественно-политическом устройстве славянских племен. В целом они были направлены на усиление расслоения в обществе и укрепление оснований протогосударственности. В обществе, описываемом Маврикием Стратегом, явно немалую роль играет частная (точнее, семейная) собственность. По его словам, словене и анты на случай опасности «все ценное из своих вещей зарывают в тайнике, не держа открыто ничего

https://RodnoVery.ru

лишнего».[715] Известие «Стратегикона» находит прямое подтверждение в антских кладах наподобие Мартыновского. Одновременно клады эти свидетельствуют и о высокой степени имущественного расслоения. Семьи племенной элиты, которыми и были зарыты клады с мартыновскими драгоценностями, по уровню достатка значительно превосходили сородичей.

Наиболее стремительными темпами шли обогащение и общественное расслоение в придунайских (прежде всего, нижнедунайских) и антских областях. Этому способствовали и набеги на Империю, и активная меновая торговля с различными соседями. Свидетельство возросшего достатка — богатый сравнительно с Волынью, Полесьем и Польшей инвентарь ипотештинских, отчасти пеньковских и чехо-моравских захоронений. В могильнике Сэрата-Монтеору отмечены, как говорилось, несколько богатых погребений. Находка в женском захоронении сосуда для благовоний в этой связи весьма показательна. Задунайская роскошь служила примером для подражания славянской знати. Богатые женщины следили за собой, перенимая бытовые привычки ромеев. Во время набегов на Империю славяне захватывали не только рабов, скот, оружие — но также золото и серебро, прекрасно осознавая их ценность.[716]

В то же время с правовой точки зрения общество расслаивалось гораздо в меньшей степени. Во времена Маврикия Стратега у антов и словен каждый мужчина был равноправным воином[717] и, соответственно, имел возможность обогатиться во время войны. Исключительно богатые люди, имевшие возможность следовать ромейской моде, являлись редкостью.[718] Что касается северо-восточных земель пражско-корчакской культуры, то здесь, как уже упоминалось, не отмечены сколько-нибудь богатые и вообще инвентарные захоронения; нет здесь и кладов, подобных «мартыновским». Эти края были отрезаны от торговых связей с цивилизованным югом и западом, редко доходила сюда и задунайская добыча.

Именно в южных областях резко возросло число рабов-пленников. О захвате и содержании дунайскими словенами огромного количества рабов не раз сообщают греческие авторы.[719] Мы не встречаем более упоминаний о ритуальных убийствах пленников — пленник превратился в высокоценную добычу, и убивали его только в случае опасности. Рабы, несомненно, наряду со скотом и драгоценностями являлись важнейшим признаком достатка в славянском обществе. Однако Подунавье было прифронтовой полосой, и рабы нередко бежали от своих хозяев;[720] могли

https://RodnoVery.ru

они стать и подмогой для вражеской армии.

Славянское общество того времени явно не могло поставить под действенный контроль огромные массы рабов. Именно этим вызвано некоторое изменение в их статусе. Судя по известию довольно подробно рассматривавшего этот вопрос Прокопия, в его время рабство у словен и антов было пожизненным, хотя и не слишком тягостным. Единственными возможностями освободиться тогда были выкуп и случайное возвращение на «свою» территорию. Во второй половине VI в. положение изменилось. Маврикий пишет: «Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья».[721]

Выбор при этом бывал отнюдь не столь однозначен, как может подуматься. В руки славян, конечно, попадали люди самого разного достатка, нрава, религиозных убеждений. В славянском обществе, где положение рабов мало отличалось от статуса младших членов семьи, многие могли завести дружеские и даже родственные связи. Число оставшихся, вне сомнения, было достаточно велико. Новые «друзья» становились полноправными членами общины, к тому же под защитой славянских законов гостеприимства. Община получала рабочие руки и воинов-защитников, подчас весьма преданных. Во всяком случае, предостерегая от доверия к так называемым перебежчикам, Маврикий с прискорбием отмечает: «Ведь есть и ромеи, переменившиеся со временем и забывшие своих; они предпочитают благосклонность к врагам».[722]

На правах «друзей» в славянских общинах жили люди самого разного происхождения. Среди них могли быть как бывшие рабы, так и беглецы либо торговцы из сопредельных стран. Феофилакт Симокатта упоминает в дружине «Мусокия» гепида христианского вероисповедания.[723] Несколько иными были основания для совместного проживания со славянами в рамках единых общин целых иноэтничных групп (германцев, романцев и др.).

Политическое устройство славянских племен Маврикий сначала характеризует почти так же, как Прокопий. По его словам, склавы и анты при всей своей многочисленности «не знают порядка и власти», что существенно ослабляет их перед лицом внезапного нападения.[724] Ниже он еще раз подчеркивает: славяне пребывают в «анархии и взаимной вражде».[725] Говоря о «взаимной вражде», Маврикий без сомнения имел в виду — в

https://RodnoVery.ru

том числе — межплеменные распри и непрочность племенных союзов. Далее он упоминает о несогласиях славянских вождей друг с другом.[726] Но подразумевает он также и внутриплеменные разногласия, с легкостью обнаруживающиеся на вече и могущие проявиться даже в бою.

Славянский политический строй ромеи по-прежнему воспринимали как анархию. Теперь уже удавалось время от времени вступать в «соглашения» с отдельными приграничными племенами, и это свидетельствовало о значительном развитии самого славянского общества. Но, — предупреждает Маврикий, — «они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам». Виной тому, впрочем, не какая-то злокозненность славян, а та самая «анархия»: «Так как господствуют у них различные мнения, — поясняет император-стратег, — они либо не приходят к согласию, либо даже если и соглашаются, то решенное тут же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому».[727] Здесь перед нами — описание решения политической проблемы на славянском вече. Коллективная власть племени заключает, например, союз с Империей. Для принятия решения требуется «согласие» подавляющего большинства, если не всех участников веча. Но при этом другое племя — даже того же союза — соглашением ни к чему не обязывается, и с легкостью может открыть военные действия сразу после его заключения.

С другой стороны, Империя могла использовать и использовала межплеменные раздоры и в собственных интересах. Маврикий рекомендует «некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, кто ближе к границам, а на других нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к объединению или монархии».[728]

Итак, с одной стороны, у славян, по мнению Маврикия, царит безвластие. С другой — многочисленных вождей, которые «не согласны друг с другом», он определяет термином «рикс». Слово это со второй половины VI столетия на время закрепилось в качестве одного из ромейских обозначений предводителей славян. Феофилакт, тем не менее, определяет этот термин как слово из «языка варваров».[729] Поскольку в данном случае историк излагает сведения о словенском вожде, полученные ромеями от перебежчика-гепида, можно заключить, что «риксами» славянских вождей стали называть германцы. У самих славян этот термин совершенно не засвидетельствован.

В политическом лексиконе и Империи, и германских племен «рикс» (ρήξ, rik, латинское rex) — король, наследственный и пожизненный

https://RodnoVery.ru

правитель. Во второй половине VI в. власть антских и словенских вождей, по крайней мере, на сторонний взгляд, соответствовала этому понятию. Тем не менее «риксов» еще очень много, отдельные племена не сплочены в «монархию». Как «рикс» может определяться один из значительного числа мелких правителей, племенной вождь. В арабском сочинении IX в. говорится о десятках славянских «царей» во времена Маврикия.[730] В то же время термин приложим и к вождю крупного племенного объединения, каким, несомненно, выступает Мусокий у Феофилакта. Едва ли стоит сомневаться, что «рикс» передает славянское понятие «князь». В первом случае речь идет о каждом из множества «малых» князей (или владык), во втором — о великом князе.

Власть князей (владык) у славян в описываемое время укрепилась. На всех уровнях она уже стала передаваться по наследству в пределах одной семьи. Одни и те же вожди предводительствовали дунайскими словенами на протяжении десятилетий — надо думать, пожизненно. Скорее всего, обычай ритуального убийства откровенно «несправившегося» князя у славян применялся все реже. По крайней мере, никаких свидетельств о нем нет. Маврикий, живописуя славянскую «анархию», ни словом не обмолвился о столь характерной детали. Славянские вожди (в том числе и с титулом князя-«рикса») выступают как представители племени во внешних сношениях и, надо полагать, носители сакральной и судебной власти. Они — и военные предводители, как Мусокий у Феофилакта.

Еще одна любопытная деталь — Феофилакт впервые применительно к славянам упоминает «страну, подвластную» конкретному вождю.[731] Он же впервые говорит о «Склавинии» как особой территории за Дунаем.[732] Это свидетельствует, что славянские племена уже имели довольно четкие границы. Общая их территория признавалась у соседей особой, им принадлежащей страной.

«Рикс» — не единственное обозначение вождя славянского племени в это время. Судя по труду Феофилакта, некоторые вожди, в том числе самостоятельные, весьма высокого ранга, «риксами» не числились. Один из таких предводителей у греческого историка назван «филархом», а ниже — «таксиархом».[733] Первый термин обозначает предводителя «филы», родоплеменной группы и одновременно военной единицы. «Таксиарх» — воинское звание и может служить довольно точным соответствием для славянского слова «воевода». Надо думать, в это время у славян, как у позднейших влахов или черногорцев, племенной вождь мог зваться и князем, и воеводой. При этом титул воеводы подразумевал изначально

https://RodnoVery.ru

некоторое ограничение полномочий военной сферой.

Отсутствие упоминаний об убийствах правителей, о ритуальных зверствах на захваченной территории знаменует некое умаление изначально большой (особенно у словен) роли воинских братств. То, что традиции, связанные с древними союзами «людей-волков», продолжали существовать долго, особых сомнений не вызывает. Однако конкретное значение союзов бойников-«волкодлаков» неизбежно падало. Они должны были отказываться от любых форм конфронтации с общиной и племенем (в том числе от свирепых воинских обрядов). Либо — превращаться в безродных изгоев, «разбойников» в современном смысле слова. Первый путь с очевидностью вел к трансформации военного «тайного» союза во вполне открытую обществу княжескую дружину.

Но в описываемое время процесс этот оставался еще в начальной стадии и был довольно далек от завершения. Во всяком случае, насколько можно судить по скупым сведениям греческих источников, отборные отряды словен («из отборных и опытных воинов», «избранный цвет всего народа»[734]) не связаны с каким-то конкретным предводителем. Их следует считать скорее племенной, чем княжеской «отборной» дружиной — то есть членами воинского союза. «Отборные и опытные» воины опознаются ромеями по внешности и боевому кличу.[735] Следует помнить, что во времена Прокопия часть воинов у славян сражалась полуобнаженными — именно «волкодлаки», считавшие себя неуязвимыми в битве, подобно скандинавским берсеркам. Псевдо-Кесарий же упоминал, что словене используют в качестве клича волчий вой.

Членов воинских братств имел в виду и Маврикий, когда говорил об «отчаянных юношах, имеющихся среди них [склавов и антов]» и атакующих ромеев из засад.[736] Нельзя не заметить, что праславянское слово *junakъ («юнак») со значением ‘юноша, герой-воин’[737] вполне могло обозначать членов воинских союзов. Большую часть бойников, вне сомнения, всегда составляли молодые люди.

Итак, воинские союзы продолжали существовать и сохраняли известную автономию от княжеской власти. По крайней мере, так обстояло дело у словен. Есть, однако, основания считать, что у антов, где их роль всегда была меньше, произошли уже важные перемены. Распространение «мартыновских» древностей свидетельствует о зарождении в антских землях культуры нового типа — дружинной, интернациональной по происхождению, характерной для большинства народов на сходной стадии развития. Во властную элиту антского общества вливались воины, чей

https://RodnoVery.ru

профессионализм сформировался не в воинских братствах, а на службе Империи. Там же были заложены основы их материального достатка, а также сложилось своеобразное «культурное лицо». Этот новый общественный слой включал выходцев из разных этносов (как антов, так и словен, болгар, аланов). Для них естественно было группироваться вокруг военных предводителей — воевод или князей. Таким образом, упрочивая власть вождей, антские племена совершали важный шаг вперед, к ранней государственности.

Описание Маврикия дает нам сведения о славянских племенах юга — антах и словенах (в первую очередь, дунайских). Культура и общество северных славян, носителей суковско-дзедзицкой культуры, имели некоторые выразительные отличия. Судить о них мы можем почти исключительно по археологическому материалу. Единственный современный событиям автор, упоминающий о северных славянах и сообщающий кое-какие данные об их образе жизни — Феофилакт Симокатта. Его сообщение основано при этом на информации, полученной от захваченных императором Маврикием славянских послов к аварскому кагану. Едва ли эта информация соответствует действительности во всех своих деталях.[738]

Особенности суковско-дзедзицкой культуры в немалой степени предопределились особенностями ее предыстории. Венеды представляли собой совокупность разрозненных общин или крайне небольших племен, довольно пестрого в этническом плане происхождения. Разбросанные по почти безлюдной стране, они были вынуждены вести суровую борьбу не столько с враждебными соседями, сколько с природой.

Расселялись «суковцы» немногочисленными группами, и наиболее распространенный тип их поселения — небольшая весь. Ее население представляло собой патронимический коллектив, объединение нескольких близкородственных больших семей. У венедов преобладало подсечно-огневое земледелие. На давно освоенных землях, в Великой Польше или Силезии, оно могло сменяться перелогом. Там, где расселявшиеся славяне встречали германцев, продолжалось использование старых пашен.[739] При этом земледелие, скорее всего, являлось основным источником существования.[740] Но можно не сомневаться, что в этих лесистых краях намного большую роль, чем на юге, играли охота и рыбная ловля. О скотоводстве данных мало, но ранние находки шпор свидетельствуют о наличии (едва ли широком распространении) коневодства.[741]

Преобладает (если не безраздельно господствует) кучевая застройка

https://RodnoVery.ru

поселений.[742] Это также свидетельствует о большесемейно-патронимическом характере общественной структуры. Характерной особенностью суковско-дзедзицкой культуры, связанной с климатическими условиями, является строительство ее создателями исключительно наземных домов — изб. Сам термин «изба», впрочем, своим происхождением связан с югом и принесен на север словенскими переселенцами. Немногочисленные полуземлянки на землях Польши оставлены ими же. В суковско-дзедзицком ареале отмечены два типа наземных жилищ — наземные срубы и жилища с подпольными ямами. Последние, естественно, лучше прослеживаются археологически. Они отмечены также у словен и появились отчасти под их влиянием. Подпол устраивался посредине жилья, имел различные формы и площадь от 3 до 5,9 м^2, глубина его до 0,4 м. Очаг располагался рядом с подполом, на полу самой избы. Это одно-двухъярусная каменная кладка или углубление размером примерно 2,5 м^2. Печи-каменки, иногда встречающиеся в суковско-дзедзицких избах, — следствие миграции с юга. Наряду со срубами отмечены дома столбовой конструкции — свидетельство участия ославянившихся германцев в сложении культуры.[743]

Послы приморских славян утверждали перед Маврикием, что «их страна не знает железа».[744] Это представляется неким лукавством или преувеличением. Во всяком случае, металлические предметы на суковско-дзедзицких поселениях, в том числе самых ранних, отмечены. Другое дело, что среди них практически нет орудий земледельческого труда, оружие же встречается крайне редко. В основном это детали одежды и украшения, чаще всего привозные.[745] Можно думать, что металлообработка была развита крайне слабо.

Лепная керамика довольно близка пражско-корчакской.[746] Суковские и пражские горшки сближаются наибольшим расширением в верхней части — что резко отличает их от пеньковских. Но горло суковских горшков шире, днище невелико. На суковской посуде чуть чаще, и все же очень редко встречаются простейшие узоры — ногтевые или волнистые. Наряду с близкими к пражским отмечены также горшки биконической формы. Биконическую форму имеют и суковские миски.[747]

Значительно отличались суковские племена от южных сородичей своей духовной культурой. Это проявляется, прежде всего, в особенностях погребального обряда. Могильники суковцев нам почти совсем неизвестны. Сохранились следы разбрасывания остатков кремации

https://RodnoVery.ru

умерших на поверхности, в определенных местах.[748] Единичные грунтовые могильники Повисленья — еще один след переселения словен с юга.

Именно в суковском ареале отмечено длительное сохранение жестоких обычаев, регулирующих численность населения. Потомки венедов в Восточной Германии и Поморье еще в средние века убивали новорожденных девочек и расправлялись с немощными стариками.[749] Сохранение или возрождение этих явлений надо связывать с крайне тяжелыми условиями жизни суковских общин. Следует отметить, что для суковцев было характерно особое поклонение богу загробного мира Велесу и, должно быть, иное отношение к смерти, чем у большинства славян. Это каким-то образом находит отражение и в их погребальном обряде. Изменения в религиозной сфере, связанные с воздействием других славянских племен, происходили медленно и не у всех венедов.

Любопытная деталь, связанная с культурой славян Севера, — именно у них, а не у более знакомых антов или словен, греческий автор впервые упоминает музыкальный инструмент. Захваченные Маврикием послы не имели при себе никакого оружия, зато несли «кифары»[750] — широко известные у славян гусли. Если верить их словам, то музыка («безыскусные мусические упражнения», в трактовке ромейского автора) была весьма развита у славян Поморья.

Очевидно, что венеды дольше сохраняли архаику и в своем общественном строе (например, значительное влияние автономных от общин воинских союзов). Княжеская власть, основанная на представлении о происхождении вождей от Сварога-Перуна, была принесена с юга и сначала воспринималась как «рабство». У ободричей, в отличие от соседних велетов, двусоставные «княжеские» имена не были в ходу еще и в конце VIII в.

О том, каков был политический строй венедов в Поморье, позволяет отчасти судить Феофилакт. Правителей их он определяет как «этнархов».[751] Слово «этнарх» может обозначать «старейшину», мелкого варварского вождя. «Этнархи» племени принимают совместные решения, в частности, по внешнеполитическим вопросам, отправляют от имени племени послов — но от «монархии» эта ситуация отстоит весьма далеко. «Этнархи» соответствуют зажиточным «господам», панам — старшинам отдельных патронимий, объединенных в соседские общины-миры и далее в племя. Едва ли можно предполагать в это время наличие у венедов Полабья и Поморья крупных племенных союзов. О крайней дробности их

https://RodnoVery.ru

политического деления свидетельствует большое число равных по значению городищ, возникающих здесь в конце VI в.[752]

«Этнархи» обладали частной собственностью. Известно, что лично они принимали дары от аварского кагана, а клады (результат тех самых даров) найдены в Поморье археологами.[753] Нет, однако, никаких оснований полагать, что до начала прямых контактов с каганатом имущественное расслоение у венедов Поморья или полабского региона зашло сколько-нибудь далеко. Не было им известно и денежное обращение — но драгоценный металл использовался в качестве эквивалента. Развитие общественных и экономических отношений в северном славянском регионе происходило по мере расширения контактов с Аварским каганатом и особенно с Франкским государством. Но определялось это развитие, конечно, внутренней потребностью славянского общества.

Военное дело

Длительные войны славян против Империи дали в рассматриваемый здесь период богатый материал ромейским авторам, описывавшим вооружение и тактику противника. Специальное внимание боевым характеристикам «варваров» уделяют, разумеется, Маврикий и Военный Аноним. Но и другие писатели сообщают ценные сведения о военном деле у словен. Антам, не являвшимся постоянными противниками Империи, естественно, уделяется меньше внимания.

По Маврикию, каждый славянский воин (и «склав», и ант) «вооружен двумя небольшими копьями».[754] По словам Иоанна Эфесского, это было основное, чаще всего единственное оружие словен, предназначенное для метания.[755] Нередко встречались у славян сделанные из дерева луки с небольшими отравленными стрелами. Наконец, некоторые воины прикрывались щитами — как говорит Маврикий, «крепкими, но трудноперенос имыми».[756]

Эти сведения о славянском оружии полностью соответствуют археологическому материалу, в котором отмечены металлические наконечники стрел и копий. Ножи и топоры, также засвидетельствованные археологами, для боя не предназначались. Однако этим арсенал славянского воина не исчерпывался. Во время войн и набегов в виде трофеев славянам доставалось самое разное оружие.[757] В частности,

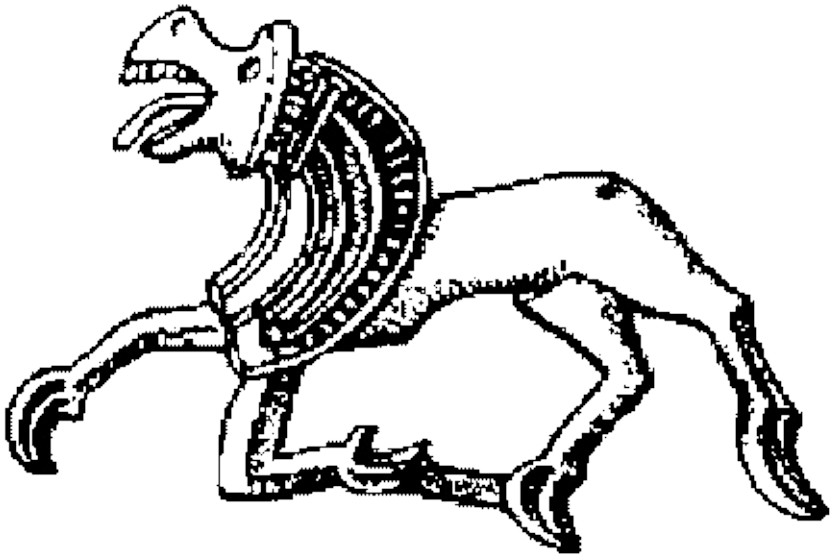
https://RodnoVery.ru

высоко ценились мечи, наличие которых у славян косвенно засвидетельствовал Менандр.[758] Примерно в описываемое время из древневерхненемецкого языка было заимствовано слово «броня».[759]

Насколько можно судить по свидетельствам современников, славяне сражались преимущественно пешими. Однако при набегах на Империю в руки им попадало достаточное количество коней, чтобы создать конницу.[760] К концу VI в. она у дунайских словен уже имелась.[761] У антов же, судя по устойчивым мотивам их искусства, коневодство всегда играло немалую роль. Следует отметить, что верховая езда отмечена археологами и для чрезвычайно удаленных от имперских границ племен — у венедов на землях нынешней Польши.

Маврикий оставил красочное, но несколько противоречивое описание боевой тактики славян. Сперва[762] он повествует, что «они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают». Последнее совпадает со свидетельствами более ранних и современных авторов, которые единогласно свидетельствуют, что славяне предпочитали для войны места лесистые и гористые. «Если же и придется им отважиться на сражение, — продолжает Маврикий, — они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса». Там славяне имеют «большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах» — еще один отмеченный уже Прокопием факт. Более того, по описанию Маврикия, славяне нередко бежали в леса, будучи застигнуты с добычей. Но как только противник скапливался у брошенного обоза, славяне внезапно обрушивались на него. Судя по «Стратегикону», подобную хитрость они применяли не раз.

https://RodnoVery.ru



Стилизованная фигурка коня из Мартыновского клада

В другом месте — и здесь-то можно увидеть некое противоречие — Маврикий описывает достаточно правильное сражение со славянской ратью. Славяне здесь уже имеют некий строй. Во всяком случае, «занимая более укрепленное место и будучи защищенными с тыла, они не допускают возможности, чтобы подвергнуться окружению или нападению с флангов либо с тыла». Император предлагает в таком случае завлекать славян в засаду притворным бегством.[763]

Скорее всего, противоречие кажущееся. В первом случае описывается славянская атака, действительно выглядевшая на взгляд ромея беспорядочной. Хотя можно предположить, что в первых рядах сражались члены воинских братств — их боевой клич и внешний вид должны были повергнуть противника в страх. Далее говорится о славянах, застигнутых на марше — причем стоит обратить внимание, что добычу они держали в одном месте строя, так что она могла служить зримой приманкой для противника. Во втором же описании характеризуется славянская оборона, удерживание занятой позиции (например, в тех же «теснинах»). Разбить ее можно было, по мнению Маврикия, спровоцировав славян на анархическую, по их обыкновению, атаку.

И Маврикий в данном фрагменте, и Военный Аноним[764] говорят об эффективности применения засад в войне со славянами. Но если автор трактата «О засадах» относится к славянам довольно пренебрежительно и не говорит об опасности засад с их стороны (в отличие от болгар), то Маврикий более осведомлен. Он не раз подтверждает известный уже

https://RodnoVery.ru

Прокопию факт — славяне и сами чрезвычайно искусны в военных хитростях, внезапных нападениях, засадах.[765]

Маврикий приводит любопытный пример военных хитростей славян. По его словам, они «мужественно выдерживают в воде, так что часто некоторые из них, оставшиеся дома и внезапно застигнутые опасностью, погружаются глубоко в воду, держа во рту изготовленные для этого длинные тростинки, целиком выдолбленные и достигающие поверхности воды; лежа навзничь на глубине, они дышат через них и выдерживают много часов, так что не возникает на их счет никакого подозрения. Но даже если тростинки окажутся заметными снаружи, неопытные посчитают их растущими из-под воды».[766]

Уже во времена Прокопия, при нашествии 550–551 гг., славяне впервые стали захватывать укрепленные города. Тогда еще неизвестно о применении ими каких-либо сложных технических средств. Но славяне учились — и у самих ромеев, на службе им, и у имеющих немалый опыт кочевников. Во всяком случае, при осаде Фессалоники в 586 г. славяне уже имели немало разнообразных осадных приспособлений.[767] Греческие авторы отмечают особые способности славян в наведении переправ через водные преграды. Так, Маврикий пишет: «они опытнее всех людей и в переправе через реки».[768] Феофилакт Симокатта отмечает, что авары пользовались руками славян для переправы через Дунай.[769] Для переправы, как и для движения по рекам, славяне использовали плоты и челны-однодеревки. На славянском челне умещалось два десятка воинов.[770]

Во второй половине VI в. славяне впервые спускают свои суда на море. Первым подобным примером, как уже говорилось, была попытка проникнуть морем за стену Херсонеса Фракийского в 559 г. Тогда «гунны» (а вернее, надо думать, словене из гуннского войска) построили примитивные транспортные плоты. При этом они не слишком умело подражали ромейскому кораблестроению.

О том, что представляли собой эти первые морские суда славян, можно судить по сообщению Агафия Миринейского: «Они собрали огромное количество тростника, самого длинного, крепкого и широкого и, окропив стебли и увязав их веревками и шерстью, изготовили множество плотов. Сверху поперек они наложили прямые деревянные бревна, как скамьи для гребцов, но не везде, а только по краям и посередине. Скрепив их самыми крепкими узами, они соединили и связали между собой как можно прочнее так, чтобы три или четыре образовали один плот, имеющий достаточное

https://RodnoVery.ru

пространство для помещения четырех гребцов, и чтобы они способны были выдержать тяжесть помещенного там груза и не затонули вследствие недостаточной величины… Чтобы увеличить их плавучесть, передние их части немного округлили и загнули назад наподобие носа и, подражая бортам корабля и парапетам, они приладили с каждой стороны колки для весел и устроили нечто вроде передней и задней частей корабля, где не было весел и скамей для гребцов».[771]

Мы помним, что первая попытка морского боя кончилась для славян неудачно. В 586 г. под Фессалоникой они строили «широкий деревянный плот» — вновь не добившись в морском штурме успеха.[772] Впрочем, уже спустя год после осады Фессалоники славяне успешно вторглись на остров Эвбею. Негативный опыт учитывался, и в VII в. греческий автор уже признавал, что славяне «приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на Ромейскую державу».[773] Навык этот обретался не только на южных морях. В последних десятилетиях VI в. славяне на севере достигли Балтики. Уже в следующем веке они оказались в состоянии совершить переселение через ее воды на остров Рюген.

Военное дело славян развивалось и совершенствовалось в борьбе с ромеями и кочевниками. Слабые стороны славян — первобытный характер общества, отсутствие централизации, известная стихийность войн и набегов — были в то же время и сторонами сильными. Они делали невозможным, прежде всего, насильственное подчинение славянских земель, организацию на населенной славянами территории постоянного чужеземного управления. Силы славян и Империи были несопоставимы — но славяне начали с ромеями войну на измор в условиях, когда Константинополю противостояли и более сильные враги.

Глава третья. Второй штурм имперских границ

Второе нашествие

Относительно мирная передышка в отношениях между дунайскими словенами и Империей продлилась до середины 570-х гг. Но она не означала прекращения расселения славян — как словен, так и антов, — на землях Империи. Всю вторую половину VI в. шло постепенное просачивание славян в провинцию Скифия. Оседание их здесь не

https://RodnoVery.ru

сопровождалось никаким сопротивлением имперских властей. Более того, важнейшим центром славянского присутствия еще с начала века оставалась крепость Диногеция — опорный пункт ромеев на Дунае. Здесь анты и словене жили на правах федератов Империи, сохраняя при этом все черты своей культуры.[774]

Могильник Сэрата-Монтеору. Современный вид

Если Империя, надеясь защитить границы от других врагов, сквозь пальцы смотрела на занятие славянами Малой Скифии, то новое положение дел едва ли устраивало всех местных жителей. Археология фиксирует постепенную «варваризацию» культуры области. Та часть местных жителей, которая уцелела после набегов кочевников и тех же словен, либо покидала Скифию, либо должна была смешаться с пришельцами. С другой стороны, избравших последний путь было не так уж мало. По крайней мере, пришлые «варвары» смогли перенять и развить навыки прежних обитателей в действительно важных для себя областях — в добыче и обработке металлов, в земледелии.[775]

Словене, конечно, не всегда приходили с миром. После ухода авар на запад мелкие набеги, сопровождавшиеся грабежами и захватом пленных ромеев, возобновились. Они не прекращались в течение всей первой половины 570-х гг.[776] Эти предприятия, однако, носили локальный характер и не нашли никакого конкретного отражения в источниках.

Основной причиной, побуждавшей словен искать новых мест к югу от

https://RodnoVery.ru

Дуная, несомненно, являлась возраставшая численность населения. Судя по масштабам развернувшегося в 578 г. славянского нашествия, накануне его к северу от Дуная скопилась огромная масса безземельных словен. Именно это и разрушило долгий, хотя ненадежный и негласный, мир между основной их массой и Империей. Причина могла быть только одна — внезапный и почти одномоментный приток нового населения.

Материалы могильника Сэрата-Монтеору показывают, что переселения с севера в земли дунайских словен происходили периодически на протяжении второй половины VI в. Источником для этих миграционных волн служил «пражский» ареал.[777] Первую из них, проложившую путь последующим через ранее принадлежавшее антам поречье Прута и Сирета, следует отнести к 560-м или 570-м гг., времени после разгрома антов аварами. Не будет, скорее всего, ошибочным предположение, что именно эта волна сдвинула с места массы словен около 577 г.

Источником миграции стали дулебские земли по Западному Бугу. Проходя через Верхнее Поднестровье и нынешнюю румынскую Молдову, дулебы покорили или увлекли с собой местные антские племена. В VII в. такие антские племена, как северы и сагудаты, уже считались словенами. В миграции, вызванной, скорее всего, нехваткой пахотных земель в Полесье, участвовали самые северные дулебские племена — дреговичи и берзичи с далекой Припяти.

Миграция имела своим непосредственным итогом установление непосредственной границы и прямых связей между дунайскими словенами и дулебским племенным союзом под предводительством Мусокия-Маджака. Любопытно, что только с 580-х гг. мы имеем определенные сведения об употреблении у дунайцев двусоставных княжеских имен. Антские племена, оставшиеся на своих местах, влились в один из словенских союзов. Некоторые из них были увлечены переселением дулебов и переместились в их числе в Мунтению. Граница между Империей и условно-союзными ей антами в последующий период ограничивалась дельтой Дуная.

Переселение родственных дулебов не привело к серьезным столкновениям даже с антами, тем более с родственными дунайскими племенами. Дунайцы приняли дулебов с миром. Лучшее свидетельство тому — сохранение структуры дунайского союза. Его в конце 570-х гг. возглавлял все тот же Добрята. Но вожди дунайцев должны были решать проблему расселения пришельцев — тем паче, что за этими шли другие, не только из дулебских, но и из «ляшских» земель. Самым лучшим, если не единственно возможным вариантом была переправа через Дунай. Мы

https://RodnoVery.ru

лишены данных о непосредственном начале вторжения, хотя Менандр в утраченной части труда что-то сообщал.[778]

Обстановка складывалась благоприятно для словенского нашествия. Держава ромеев, казалось, агонизировала. В 573 г. лангобарды, авары и персы почти одновременно разгромили имперские войска в Италии, Фракии и Сирии. Император Юстин, полностью отчаявшись, сошел с ума, к тому же его разбил паралич. Императрица София добилась в 574 г. назначения кесарем — фактическим правителем Империи — полководца Тиверия. Тиверий, за год до того разбитый аварами, поспешил заключить с ними мир. Перемирие удалось было заключить и с персами. Но в 576 г. военные действия на восточной границе возобновились.

Тиверий попытался обратиться за помощью к тюркам, с которыми Империя с 568 г. поддерживала союзные отношения. Но их каган к тому времени сам заключил мир с Ираном и не собирался его нарушать ради ромеев. Имперские послы получили от Турксанфа, сына Истеми и правителя западной части каганата, резкую отповедь, смешанную с угрозами. Турксанф небезосновательно обвинил Империю в двуличии, в заигрывании и с ним, и с Баяном. К этому времени тюрки уже разгромили и покорили Аланию и утигур. Ромеи лишились последних возможных союзников в Степи. Ответом на посольство Тиверия стала война. Турксанф двинул свою орду к Боспору — опорному пункту Империи в Приазовье. Когда под ударами тюркютов и утигур Боспор пал, Турксанф атаковал ромейские границы в Крыму и Закавказье.[779]

В этой-то обстановке на фракийскую границу обрушились словене. Нашествие началось на рубеже 577/578 г.[780] Славяне, как и в 559 г., могли перейти замерзший Дунай по льду. После этого огромная масса «варваров» атаковала ромейские земли во Фракии.

Менандр оценивает число вторгшихся словен в 100 000.[781] Даже если цифра эта преувеличена, скажем, вдвое, она о многом свидетельствует. Во-первых, речь идет о нашествии, многократно превосходящем по своим масштабам все предыдущие. Вторглось не просто войско — целый «народ» шел с семьями в поисках новых мест поселения. Словене рассеялись по диоцезу Фракии, проникнув в сопредельные земли, действуя во многих местах одновременно. Это посеяло панику и создало преувеличенное представления об их численности. Между тем Империя не могла организовать должного отпора. На востоке велись затяжные переговоры с персами, и снять оттуда войска у Тиверия не было возможности. Воевать приходилось и в Африке с берберами, и в Приазовье с тюркютами.

https://RodnoVery.ru

Балканские провинции оказались предоставлены сами себе.

Сильнее всего пострадала, конечно, Фракия, подвергшаяся первому и наиболее сильному удару. Она была разграблена, причем «многие города римлян», захваченные словенами, оказались полностью опустошены и заброшены.[782] Словене пока не оседали на новых местах, стремясь полностью очистить и обезопасить их для себя.

Нашествие очень быстро выплеснулось за границы диоцеза. Словене не решились двинуться к Константинополю, и направились главным потоком на запад, в Иллирик. Причем целью их стали не придунайские земли, прилегающие к рубежам Аварского каганата, а пределы Эллады. Вскоре основные силы словен уже опустошали Грецию.[783] На этот раз Фермопилы не остановили вторжения. Насколько велик был ущерб, неясно. Кажется, что в тот год словенам еще не удалось захватить ни одного крупного города.

Тиверий весной 578 г. оказался в крайне затруднительном положении. Войск, чтобы защитить Европу, ему не хватало. Главная угроза, с его точки зрения, исходила все же от персов. Приходилось для защиты Запада искать союзников вне границ Империи. Между тем союз с антами никак себя не проявил. Он мог использоваться лишь против авар, врагов антов. В настоящее же время Империя находилась в «дружеских» отношениях с Баяном. Анты логично должны были сократить или прервать контакты с Константинополем и искать других союзников — среди общих врагов ромеев и авар. Можно не сомневаться, что отдельные антские отряды участвовали в боях как тюрок и болгар, так и словен с ромеями. Ромейские офицеры времен Тиверия — Маврикий и Военный Аноним — в своих руководствах по военному делу однозначно считают антов врагами или потенциальными врагами, о чем уже говорилось. Итак, на антов Тиверию надеяться не приходилось. Единственной возможностью — хотя кесарь не мог не сознавать опасности этого шага — оставалось в сложившихся обстоятельствах обращение к Баяну.

Аварский каган умело разыгрывал роль «друга» ромеев. Как бы хорошо ни понимали в Константинополе неискренность кагана, положение было слишком тяжелым. И надо признать, что Баян оправдал надежды Тиверия. Кесарь обратился к кагану с просьбой — «поднять войну против славян, чтобы те, кто разоряет ромеев, отвлекаемые своими бедствиями и желая помочь отчизне, скорее бы прекратили разорение ромейской, а другие приняли на себя опасности своей [земли]».[784] Баян с готовностью откликнулся. Он давно ждал повода и возможности расплатиться с

https://RodnoVery.ru

Добрятой за гибель своих послов. Не последним (а может, и главным) аргументом была для аварского кагана и возможность захвата богатой добычи: «издавна ромеи опустошались славянами, их же собственная земля каким-либо другим из всех народов — никоим образом».[785] Кроме того, помощь Империи усыпила бы бдительность Тиверия в условиях, когда Баян уже подумывал о нарушении мира.

Ромейский военачальник Иоанн организовал переправу войск Баяна через Саву в Иллирике. Переправилось, по данным Менандра (впрочем, как отмечает он, так «говорят»), огромное войско — около 60 тысяч всадников. Это шесть «туменов» по счету самих кочевников. Во всяком случае, численность армии авар и подвластных им племен была сопоставима с разбредшимися по землям Империи словенами и превосходила их в вооружении. Конница Баяна была «облачена в панцири». Основные силы напавших словен находились в Греции, и на землях Мезии и Скифии серьезных столкновений не произошло. Иоанн без каких-либо проблем провел орду Баяна по северным пределам Империи и в низовьях Дуная переправил их через реку на заготовленных для этой цели грузовых судах.

Баян «немедленно» обрушился на словен. Удар его был неожидан. В условиях массового нашествия словенские вожди не могли предвидеть ответа из-за Дуная. Свидетельство Менандра подтверждает его слова о многочисленности аварского войска. Словене не осмелились вступить в битву. Подавленные, как представляется, численным превосходством кочевников, «они убежали в чащи и укромные уголки леса». Баян безнаказанно «принялся жечь деревни славян, разорять поля, все грабить и опустошать». Едва ли добыча обманула его ожидания.[786]

Неизвестно, как именно отреагировали на вторжения Баяна словене, действовавшие за Дунаем. Однако разорение Балкан прекратилось, и заселения Греции славянами в эти годы еще не произошло. Словене отхлынули из Эллады назад к Дунаю. Частично они могли вернуться за реку, чтобы попытаться противостоять Баяну, частично остаться в Скифии, где прирост славянского населения не прерывался.

Столкновение с аварами оказалось для словен неудачным. Нашествие было грандиозным предприятием, в которое втянулись многие племена. Земли самих дунайцев не готовились к обороне. Удовлетворив себя грабежом, Баян навязал словенам мир на своих — и Тиверия — условиях, и дунайцы вынуждены были согласиться. В числе условий было прекращение военных действий против Империи. Словене освобождали всех ромейских пленных. Как позже хвалился Баян, он «много мириад

https://RodnoVery.ru

пленников из ромейской земли, у словен бывших в рабстве, снова вернул ромеям свободными». Дунайским словенам была назначена ежегодная дань в пользу Баяна.[787] С тем авары и покинули разоренную страну, — вновь пройдя по землям Империи. Судьба Добряты неизвестна. Но едва ли он пережил торжество питавшего к нему давнюю личную «вражду» Баяна. Описываемые события произошли весной — в начале лета 578 г.

Тиверий добился своего. Но появление авар в Нижнем Подунавье стало крупной стратегической ошибкой кесаря. Натиск тюрок на рубежи Империи стал только сильнее. Турксанф стремился свести счеты со своими «беглыми рабами», показавшимися теперь в пределах досягаемости. С другой стороны, рейд Баяна не мог не обеспокоить антов. Они должны были охладеть к ромеям и искать себе новых сильных партнеров. Нет ничего удивительного в том, что к моменту восшествия на престол Тиверия после смерти Юстина II (сентябрь 578 г.) союз Империи с антами распался. Позже его пришлось воссоздавать.[788]

Есть основания думать, что новых союзников анты на время обрели в лице тюрок Турксанфа. В подчинение к ним в ту пору попали болгарские племена — давние соседи антов, связанные с ними разнообразными узами. Своим наместником над болгарами Турксанф назначил некоего Гостуна из рода Ерми — судя по славянскому имени, как минимум полуанта. Гостун стал первым правителем нового болгарского племенного союза в Приазовье, созданного под протекцией тюрок из признавших их власть оногур, кутригур и утигур. Его приход к власти датируется 579 г.[789]

Анты имели не менее оснований, чем Турксанф, быть недовольными заигрыванием Тиверия с Баяном. По сути, отношение антов и тюрок к аварам и к аваро-ромейской «дружбе» не могло не совпадать. Анты едва ли вошли в прямое подчинение Тюркскому каганату. Но личность Гостуна в таких условиях могла стать залогом и воплощением союза между антами или их частью и тюрко-болгарами. В известной степени этот эпизод являлся многозначительным прологом к появлению на этнической карте Европы славяно-болгарской народности.

Начало третьего нашествия

Дунайские словене впервые со времен Аттилы оказались под игом иноязычных завоевателей. Но Баян не подумал о том, чтобы закрепить свое новое приобретение. Удовлетворившись назначением дани, он не остался в

https://RodnoVery.ru

Нижнем Подунавье. Словене же не стали мириться с унижением. Когда в 579 г. аварские послы явились за данью, они ничего не получили и в конце концов были убиты.[790] Независимость дунайцев была, таким образом, восстановлена.

Именно тогда во главе племенного союза встал вождь Радогост (Ардагаст греческих источников[791]), правивший уже к 585 г. и неплохо известный ромеям.[792] Это первый достоверно известный правитель словен с двусоставным («княжеским») именем. Он находился в союзе с могущественным словенским «риксом» на севере — «Мусокием».[793]

Ища опоры в борьбе против авар, дунайцы вступили в дулебский племенной союз Маджака (Мусока). Из дулебских земель пришло в те годы на Дунай немало переселенцев. Можно предположить, что Радогост был из их числа. Можно предположить также, что он выступал как прямой представитель дулебского «царя» на юге. Но это не более чем догадки. Интересно, что Радогост именовался не князем («риксом»), а лишь воеводой.[794]

Естественно было бы полагать, что последует война между словенами, теперь консолидировавшимися на пространстве от Дуная до Припяти, и аварами. Но этого не произошло. Напротив, в последующие годы обе стороны действуют против общего противника — Империи — и закономерно вступают в союз. Союз этот сложился не сразу, но в целом был предопределен. Убийство словенами аварских сборщиков дани лишь дало Баяну давно желаемый повод к войне с Константинополем.

Яблоком раздора между аварами и ромеями стал Сирмий (ныне Сремска Митровица) — хорошо укрепленный город на левом, северном берегу Савы. Прежняя столица гепидских королей была передана ими Империи в 567 г., в надежде на союз против авар. Баян считал, что поскольку Империя помощи гепидам не оказала, а теперь и признала его право завоевателя, Сирмий по этому самому праву принадлежит ему. В Константинополе, конечно, считали иначе — Сирмий, помимо прочего, являлся надежным оплотом имперского присутствия в Паннонии и базой на случай войны с аварами.

Отношения между Баяном и Тиверием вошли в полосу кризиса сразу после общей (по сути же, Баяновой) победы над словенами. Есть основания думать, что пребывание авар на землях Империи в 578–579 гг. уже отнюдь не было мирным и безопасным для ее граждан.[795] Получив же от императора «дань» (плату за мир и союз) 579 г., Баян окончательно сбросил маску «друга».

https://RodnoVery.ru

Монета императора Тиверия

Огромное войско во главе с самим каганом уже в конце 579 или в начале 580 г. прибыло к Саве. Баян занял позицию между Сирмием и Сингидуном, главным опорным пунктом Империи в Среднем Подунавье. Часть авар прошла вниз по Саве, перерезая речной путь. Сверх того, Баян начал строить мост, чтобы переправиться на южный берег и, таким образом, полностью блокировать Сирмий, прервав его сообщение с Империей. Стратиг Сингидуна Сеф потребовал от Баяна объяснений. Баян заявил, что строит мост, дабы опять через земли Империи напасть на словен, от которых «терпит оскорбления». Каган потребовал от императора судов для переправы, но при этом настаивал, что сам будет продолжать строительство. Присягнув, что не замышляет никакого зла Сирмию, каган отправил через Сингидун послов к Тиверию.[796] В Константинополь послы Баяна прибыли в 580 г. Прием они встретили прохладный. Тиверий, не раз имевший дело с Баяном, понял его замысел. Но силы ромеев в Европе оставались слабыми — на востоке с новой силой полыхала война с

https://RodnoVery.ru

персами, а Турксанф осаждал Херсонес. Тиверий решил потянуть время и сделал вид, что не понимает намерений кагана.

Между тем развернулись события, по видимости, подтверждавшие правоту Баяна. Поздней осенью 580 г.[797] словене вновь вторглись в пределы Империи. Началось третье и самое мощное в VI в. словенское нашествие. События развернулись в столь удобный для Баяна момент, что можно было бы думать о сговоре его со словенами. Но это не так — дунайцы и авары пока еще оставались врагами. Начиная нашествие, словене руководствовались своими интересами. Неудача предыдущего вторжения и непрекращающийся приток людей с севера усугубляли проблему перенаселения. После же опустошительного похода Баяна ресурсы Нижнего Подунавья полностью истощились. Их можно было пополнить (а заодно найти новые места для жительства) только путем войны. Масштабы развернувшихся в 580–588 гг. событий убеждают в том, что численность вторгшихся словен была не меньшей, чем в 577–578 гг. По сути, в течение восьми лет на Балканах не осталось области, не затронутой нашествием. Военные действия вели одновременно десятки переселявшихся родов и племен, а также возвращавшихся после первых успехов за Дунай боевых отрядов.

Первый удар словен на этот раз принял Иллирик.[798] Переправившись через Дунай ниже Сингидуна, словене, большей частью не задерживаясь в придунайских землях, вторглись в Элладу. Путь их лежал через гористый Эпир. Греческие области были слабо защищены. Крупные города в тот год еще не пали, но вне их стен безнаказанно хозяйничали «варвары». Словене продвигались «стремительно». Они пронеслись, опустошая все на своем пути, «через всю Элладу» (Среднюю Грецию). Коринф, однако, устоял и служил надежной преградой для вторжения на Пелопоннес. К Фермопилам же словене подошли уже не с севера, а с юга, из разоренной Ахайи. По всему пути следования отдельные группы славян оседали на имперских землях.[799]

Однако даже славянское нашествие не побудило Тиверия довериться кагану. Император прекрасно понимал, — согласившись на настойчивые предложения Баяна, он лишь допустит на земли ромеев еще одного врага. Впрочем, Тиверий убеждал аварских послов, «что и сам хочет, чтобы они двинулись против славян, разоряющих многие владения ромеев». Но «время не благоприятствует намерению авар» — «тюрки уже стали лагерем у Херсона и быстро узнают, если они переправятся через Истр». Запугивание тюрками всегда казалось надежным орудием в руках ромеев.

https://RodnoVery.ru

Сработало оно, по видимости, и на этот раз. Посол, по словам Менандра, притворился, что принял логику императора, и обещал отговорить кагана от похода. Возвращался он с небольшим ромейским конвоем. В Иллирике, по пути к Сингидуну, аварское посольство столкнулось с одним из словенских отрядов. Послы и их сопровождающие были перебиты. Щедрые императорские дары, с которыми был отпущен аварский посланец, достались словенам.[800]

В 581 г. каган с новым посольством открыто потребовал «вернуть» себе гепидский Сирмий. Тиверию ничего не оставалось, как принимать экстренные — и все же запоздавшие — меры к спасению города. В тот год он лишился даже возможности столкнуть авар и тюрок. В Тюркском каганате разгорелась междоусобная распря. Туксанф прекратил военные действия в Закавказье, где тогда находился, и повернул на восток. Сразу после этого пала власть тюрок в приазовских степях. Наместника Гостуна сменил в качестве уже независимого общеболгарского хана воспитанный в Византии юный Куврат из рода Дуло, восходившего к Ирнику, сыну Аттилы.[801] Задачей основателя будущей «Великой Болгарии», при всех его связях с ромеями, являлась консолидация под своей властью все еще достаточно разрозненных племен, а не вмешательство в балканские дела.

Итак, Баяну противостояли лишь те ничтожные силы, которые Тиверий мог держать в Европе и при этом не бросил против словен. Тюрок же аварский каган мог не бояться. Когда строительство моста было завершено, авары переправились через Саву. Война началась предсказуемо неудачно для ромеев. Авары отрезали Сирмий от остальной Империи и плотно осадили. Они также опустошили вслед за словенами Иллирик вплоть до «частей Греции».[802] Тогда-то и началось смешение отдельных аварских и словенских отрядов. Это было тем более естественно, что в войске Баяна наверняка находились среднедунайские словене — подвластные ему мораване. Сближение авар и дунайцев явилось естественным следствием военных действий против Империи, которые они разворачивали примерно на одной и той же территории. Отсутствие же в обоих племенных объединениях (но особенно у словен) твердого военного единоначалия способствовало соглашениям на уровне командиров. Такие соглашения, несомненно, заключались еще тогда, когда словен и авар разделяла формальная вражда. На севере, у Дуная и Савы, где располагалась ставка кагана, в 581–582 гг. верховодили авары, тогда как на юге, в Греции и на юго-западных подступах к Фракии, преобладали словене.

https://RodnoVery.ru

Серьезного сопротивления на своем пути они не встречали. Тиверий справедливо в целом связывал главную опасность для столицы с ордой Баяна. Потому главным фронтом для военных и дипломатических усилий был Сирмийский. Отдаленные южные провинции были фактически брошены на произвол судьбы, и словене разоряли их совершенно безнаказанно. Между тем они уже подступали к границам Фракии. Из «Эллады», где они зимовали, словене столь же «стремительно» (скорее всего, в 581 г.) вступили в «пределы Фессалоники»[803] — то есть в Первую Македонию. Фессалоника была давним предметом вожделения словен и важнейшим опорным пунктом Империи на Эгеиде. Но на этом этапе нашествия словене еще не решились осаждать город, ограничившись разорением «пределов».

Однако к этому времени относится попытка нападения, описанная епископом Иоанном в «Чудесах святого Димитрия Солунского».[804] К Фессалонике двинулось до 5000 словен — «отборных и опытных воинов», «избранный цвет всего народа». Это были члены воинских братств, рассчитывавшие, по меньшей мере, разграбить предместья. В виду городских стен словенское войско появилось перед рассветом 27 октября 581 г. Накануне город праздновал день своего покровителя — Димитрия Солунского, и едва ли знавшие об этом словене имели, тем не менее, все основания рассчитывать на внезапность ночного нападения.

На равнине к северу от Фессалоники словене натолкнулись на укрепленный комплекс храма Святой Матроны, прикрывавший подступы к городу. Не задерживаясь под его стенами, их авангард достиг храма Трех мучениц «на кратчайшем расстоянии от города». Но здесь наступление словен внезапно для них было остановлено массой вооруженных горожан. Как раз наступил рассвет, и фессалоникийцы, раскрыв ворота, атаковали противника.

Горожане оказались на стенах, по рассказу очевидца событий Иоанна, в результате серии удивительных совпадений. Той ночью в храме Святого Димитрия случился пожар, тушить который сбежалась вся городская молодежь. Огонь победили, но избавиться от добровольных помощников у служителей храма теперь не было никакой возможности — толпа не расходилась, невзирая на уговоры. Тогда один из служителей, ветеран гвардии иллирийского префекта, опасаясь, что в суматоху затешутся воры, стал кричать: «Горожане, варвары неожиданно появились у стен, все выходите с оружием за отечество!»

Приблизившееся нашествие словен, разумеется, держало город в

https://RodnoVery.ru

постоянном напряжении, и опытный воин справедливо рассудил, «что нет способа легко и под удобным предлогом изгнать толпу из храма, чем выставить в качестве предлога внезапное нападение варваров». Фессалоникийцы разбежались по домам, а затем, вооружившись, спешно поднялись на стены. Позже, когда служители, занятые уборкой, услышали отдаленный шум битвы и знакомые словенские кличи, ветеран признался им в обмане.

Битва была упорной — горожане и словене вступали в схватку не менее трех раз, причем с переменным успехом. Однако словене не ожидали вовсе столь упорного сопротивления. К стенам они так и не пробились, станом встать не могли. Единственной возможностью для сравнительно небольшого отряда являлось отступление. Иоанн отмечает, что словене «отступили в меньшем числе, чем напали». Впрочем, конечно, не обошлось без потерь и с ромейской стороны.[805]

Фессалоника отбила атаку, но македонские «пределы» словене разорили. И без Фессалоники, по словам Иоанна Эфесского, они «захватили много городов и крепостей: они опустошали, и жгли, и захватывали в плен».[806] Из Македонии словене вторглись во Фракию. Вторжение словен во Фракию из Иллирика произошло уже в последний, четвертый год правления Тиверия (осень 581 — лето 582).[807] В тот год словене опустошали и Фракию, и уже отчасти захваченные области Иллирика. Их набеги охватили «всю» Фракию (весь диоцез, а не только провинцию Фракия).[808]

Военные действия начались и в Нижнем Подунавье, в Скифии. В результате активизации местных словен пала Диногеция.[809] Присутствие славянского (антского и словенского) населения в стенах города не помешало или даже способствовало этому. Крепость разрушили и сожгли. Ее уничтожение ослабило ромейскую оборону на Нижнем Дунае.

Между тем в 582 г. авары, наконец, взяли блокированный Сирмий. Надежды на его отвоевание не было никакой — Персидская война поглощала все силы Империи. Смысла в продолжении военных действий императорский двор не видел. Требовалось лишь выйти из войны с наименьшими потерями. На довольно позорных условиях мир с каганом был заключен. Ромеи не только безвозмездно уступали потерянный Сирмий, но и вносили каганату оплату федератства (теперь уже неприкрытую дань) в прежнем размере 80 000 номисм и обязывались неукоснительно выплачивать ее впредь. Добившись своего, авары отошли за новые границы.

https://RodnoVery.ru

Тиверий, уже тяжело больной, смог сосредоточиться на Персидской войне. Уделяя ей первостепенное внимание, он ничего не мог поделать со словенами, разошедшимися почти по всему Балканскому полуострову. Дни императора были сочтены. Своим наследником и зятем с титулом кесаря он избрал командующего восточной армией, небесталанного полководца Маврикия. 14 августа 582 г. император скончался, предварительно возведя кесаря на престол.

Славяне и Сингидунская война

Словене и не думали на этот раз покидать разоренные ими земли Империи. По словам Иоанна Эфесского, писавшего в 583/4 г., они «стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха… они растеклись по земле и живут на ней, и теперь распространились на ней».[810]

Иоанн имел в первую очередь в виду области придунайской Фракии. Хотя отдельные общины словен остались в Ахайе, Фессалии и Македонии, основная их масса скопилась в более знакомых и близких к родным местам землях Нижнего Подунавья. Сюда отправившиеся в поход за наживой воины могли перевезти свои семьи и роды из-за реки. А переселившиеся племена и общины имели бы отсюда постоянную связь с заречными сородичами. К тому же север Фракии уже был почти свободен от местного населения. Ромеи скрывались за стенами немногих уцелевших крепостей, а сельские жители (в основном фракийцы и влахи) погибли или бежали.

Примерно в описываемое время, к концу VI в., на правобережье Нижнего Дуная сложилась новая славянская археологическая культура. Она получила название по селищу Попин в тогдашней Мезии, близ крепости Доростол (Силистрия). Культура представлена поселениями и могильниками. Основным районом ее распространения являлся придунайский север Болгарии (тогда провинция Нижняя Мезия). Здесь находятся древнейшие могильники исключительно с трупосожжениями. Из этих областей словене распространялись в течение еще и следующего столетия на юг, по всей Фракии.[811]

Особенности попинской культуры были связаны с особенностями ее формирования в результате военного нашествия. Среди переселившихся словен распадались старые и возникали новые общинно-племенные связи. Поэтому неудивительно, что попинские общинные поселки представляли

https://RodnoVery.ru

собой с самого начала совокупность отдельных дворов — отграниченных друг от друга жилищно-хозяйственных комплексов. Хозяйственная автономия отдельных семей в общине оценивается как весьма высокая.[812]

Монета императора Маврикия

Жилища попинской культуры — полуземлянки с печами-каменками в углу. Умерших «попинцы» погребали с небогатым инвентарем, по обряду кремации, зарывая урны с прахом на глубину до 80 см в землю. В погребениях и жилищах найдено немалое количество металлических вещей — в том числе отдельные украшения «антских» типов. Лепная керамика восходила к корчакской и пеньковской, но ее немного — основную массу посуду составляла гончарная, иногда с волнистым орнаментом, напоминающая ипотештинскую.[813] Изготовителями посуды в основном являлись рабы-пленники и гончары-«волохи», пришедшие со словенами из-за Дуная. Но и сами словене, надо думать, уже начали перенимать на новых землях навыки гончарства, как происходило и в других областях. Возможно, что от местного населения был перенят метод сохранения воды в специальных «цистернах», устроенных в грунте. Такие общинные запасы найдены на ряде селищ.[814] В целом, однако, «попинцы» слабо смешивались с ромеями и фракийцами, сохраняя все основные черты словенской культуры.

Возможностью спокойно обживать ромейские земли, расселяясь при этом все шире и тесня местное население, словене были обязаны Персидской войне.[815] Маврикию досталось тяжелое наследство, и из-за его вступления на престол дела на Востоке пошли только хуже. Полководцы, сменившие отбывшего в столицу кесаря, не отличались его дарованиями и вели войну неумело. Поражения и сомнительные локальные

https://RodnoVery.ru

успехи чередовались друг с другом, но главное — затяжная война истощала Империю, поглощала все ее силы. Между тем остаткам италийских владений угрожали лангобарды, а мир с Аварским каганатом был более чем зыбок.

Нуждалась в этом мире лишь сама Империя, кагану же (это был уже сын и наследник Баяна) мир только мешал. Сразу после восшествия на престол нового императора каган начал изводить Константинополь нелепыми и провокационными требованиями. То он требовал прислать себе императорского слона — и, добившись своего, тут же вернул дар; затем история повторилась с золотым императорским ложем. Наконец, в мае 583 г.[816] каган потребовал от Маврикия увеличить сумму выплат до 100 000 номисм. Император наотрез отказал, и в конце лета того же года война возобновилась.

Каган основательно подготовился к ней. В его войске находились союзные лангобарды,[817] в ту пору теснившие ромеев и в Италии. Но самым большим его достижением стало заключение союза со словенами. Сотрудничество с ними началось еще в ходе кампании 581–582 гг. Но тогда оно не могло принять сколько-нибудь организованной формы — слишком свежи были в памяти взаимные обиды. Теперь, когда во главе авар и дунайцев стояли новые вожди, и их связывала общая вражда с Империй, тесный союз становился вполне достижимым. При этом словене, уже обосновывающиеся на землях Империи, являлись для каганата незаменимым подспорьем в борьбе с ней. С другой стороны, и словенские князья, должно быть, рассчитывали на поддержку и покровительство со стороны авар. Последние обладали тем, чего словене пока были лишены — центральной властью и единым, неплохо организованным войском.

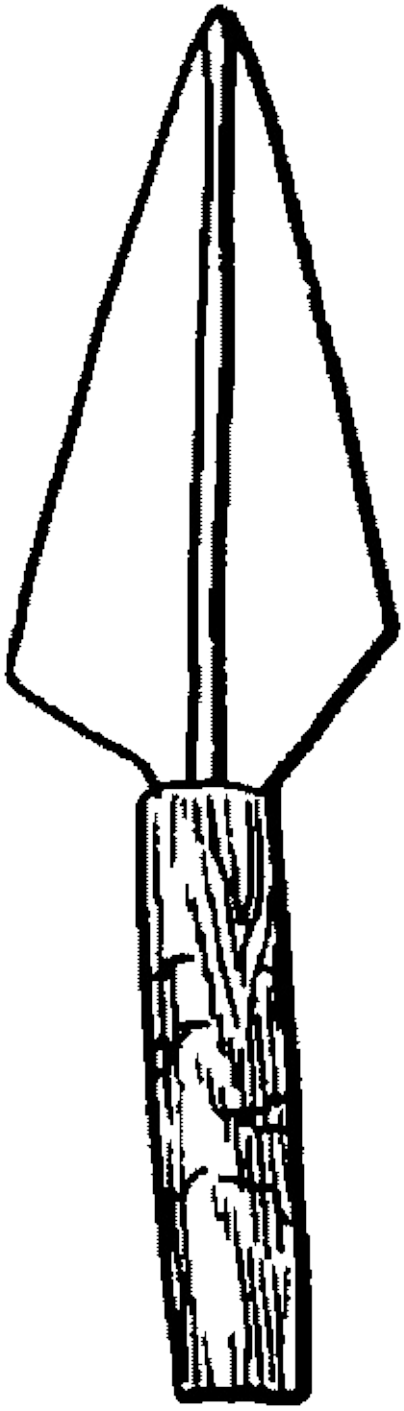
Неудивительно, что не слишком хорошо осведомленные авторы с самого начала восприняли союз дунайцев и авар как подчинение всех словен кагану.[818] Но придворный историк Феофилакт Симокатта, подробно описывающий всю совокупность событий, рисует несколько иную картину. Каган, с одной стороны, может «приказывать» словенам,[819] и, по крайней мере иногда, объявляет их своими «подданными».[820] С другой стороны, у словен где-то к северу от Дуная имеется свой «рикс», Мусокий. С ним-то и связан в политическом смысле дунайский вождь Радогост. Таким образом, «подданство» кагану повисает в воздухе — разве что и Мусок («Маджак» у Масуди) его «подданный», но это из источника никак не следует.

Явная ошибочность одних свидетельств и двусмысленность других

https://RodnoVery.ru

наводит на мысль, что ромеи в принципе неверно, в своих политических понятиях, истолковали аваро-словенский союз. Но возможно, что их заблуждение проистекало из того, что каган, претендуя на власть над «всяким народом», сам подпитывал подобные мнения. Разумеется, имелись и непосредственно подчиненные кагану словене — северные и южные мораване. Они входили в войско кагана и выполняли его приказы. Но в аварском войске были и иные, «восточные» словене — что однозначно воспринималось ромеями как знак покорности.

https://RodnoVery.ru



Наконечник стрелы кочевников VI–VII вв.

На самом же деле суть достигнутого в 583 г. аваро-словенского соглашения состояла в следующем. Каган признавался общим военачальником («воеводой», в славянской терминологии) объединенных сил в войне против Империи. Потому-то дунайцы исполняли его военные

https://RodnoVery.ru

приказания и временами входили в его войско — но при этом оставались совершенно самостоятельными политически. Какая-то координация была просто необходима рассеявшимся по Балканскому полуострову словенским отрядам — а ни у кого из вождей, включая самого Радогоста, подобных прав не имелось. Потому они и согласились на кагана, прибегнув к нему как к центру силы и независимому арбитру. Неясно, впрочем, насколько эффективным было само начальствование кагана. Ясно, что реальное военное подчинение ему выказывали лишь те вожди, которые непосредственно заключили пакт, в том числе Радогост.

Все это не означает, конечно, что каганат вовсе не оказывал на нижнедунайских словен никакого политического влияния. Само вручение кагану военной власти давало ему возможность так или иначе вмешиваться в племенную жизнь словен, манипулировать ими, прежде всего, в своих сношениях с Империей. Каганат как гораздо более сильное и прочное образование, чем дунайский или эфемерный дулебский союз, неизбежно играл в партнерстве с ними ведущую роль. Тем более каганат превращался в естественный центр притяжения для мелких родов и племен, разбросанных нашествием по Балканам. Словене к югу от Дуная попадали в реальную зависимость гораздо быстрее, чем их дакийские сородичи. Авары отчасти смешивались со словенами по обе стороны реки; к словенам проникали элементы аварской материальной культуры.[821]

Внезапно напав на ромеев во время сбора урожая, каган с налета захватил Сингидун. В его войске были как авары, так и союзники — словене и лангобарды. За этим последовал захват большого числа других городков и крепостей провинции Верхняя Мезия. Ромеи не ожидали столь быстрого нападения, сил для обороны и сопротивления не хватало. На стороне кагана оказались и численное превосходство, и быстрота действий. Вслед за Сингидуном пал Виминакий — столица Верхней Мезии. Продвигаясь вдоль Дуная на запад, к столичной области, каган взял Августы — важную крепость в провинции Дакия, прикрывавшую одну из переправ.[822] Перейдя границу Фракии, каган свернул на юго-восток, направившись к черноморскому побережью.

В захваченных землях Верхней Мезии «варвары» не стали истреблять или изгонять местное население. Более того, завоеватели заявили: «Выходите, сейте и жните — только половину налога мы будем забирать у вас!»[823] Каган, таким образом, вдвое снижал налоговое бремя для подданных Империи, пытаясь привлечь их на свою сторону. Он был заинтересован в прочном тыле, и планы его носили далеко идущий

https://RodnoVery.ru

характер.

Упрочивая власть над покоренными землями, каган расселил в Верхней Мезии зависимых от себя словен — мораван, вперемешку с аварами. При этом он отселил или изгнал из окрестностей Сингидуна живших здесь ранее словен, подданных Империи, оставивших селище Апатины. Основной территорией расселения новопришлых словен стали низовья балканской Моравы (ранее Марг), которой они дали принесенное с севера имя. Какая-то часть мораван осталась к северу от Дуная, где их спустя столетия упомянет Баварский географ. Скорее всего, мораване по обе стороны реки сохраняли политическое единство — в описываемый период под верховной властью аварского кагана.

Одно из ранних (конца VI в.) поселений мораван разместилось в самых предместьях Сингидуна — в Винче, на площади современного Белграда. Другое известно собственно на Мораве, в Слатине. В селищах, устроенных по правилам славянского домостроительства, преобладает гончарная керамика.[824] Словене — преимущественно пришедшие с аварами мужчины-воины — смешивались с местными жителями. При этом перенимались многие культурные традиции. Политика кагана, направленная на привлечение симпатий местных селян, приносила какие-то плоды.

Основная масса словен после захвата Верхней Мезии отделилась от кагана. Лишенные возможности поживиться и массово осесть в провинции, населению которой был дарован мир, они устремились на юг, в Элладу. С ними шла какая-то небольшая часть авар, чье участие в последующих событиях не кажется значительным — источники говорят, прежде всего, о словенах.

Вторгшись в Ахайю, словене и авары подступили к Коринфу — и на этот раз, наконец, город пал. Жители Коринфа спаслись бегством на остров Эгина в Эгейском море. Город был подожжен и отчасти разрушен, многие из не успевших бежать граждан погибли. Словене увозили из разграбленных храмов Греции «церковную утварь и большие кивории» целыми возами («крепкими колесницами», по словам Иоанна Эфесского). Киворий из кафедрального собора Коринфа они отправили в дар кагану — тот использовал его «вместо шатра — натянул и укрепил и под ним сидел».[825]

Коринф, прежде надежный ключ к Пелопоннесу в руках Империи, теперь перешел в руки «варваров». Они не стали разрушать дотла захваченный город и сразу принялись его обживать. Следы славянской культуры в Коринфе скудны, но они есть. Известно трупоположение с

https://RodnoVery.ru

«пражскими» сосудами, найдены серьги «антского» типа.[826] В городе осталось какое-то число авар и словен (в основном словен, причем обоего пола).

Занятие «варварами» Коринфа вызвало панику на Пелопоннесе. Спартанцы, ожидая их вторжения, начали переселяться в труднодоступную приморскую крепость Монемвасия, основанную при Юстиниане.[827] Однако Маврикий, среди поднявшейся уже в самой столице тревоги, тем не менее попытался помочь и Элладе. Стремясь оттянуть силы словен и лишить кагана союзников, он прибег к помощи антов.

С момента возобновления войн с аварами отношения между Империей и антами не могли не улучшиться. Уход тюрок на восток и затяжная война в их огромном каганате лишали антов альтернативы. Между тем аварское влияние из-за сближения авар и словен опасно придвинулось к антским границам.

В первой же, еще совместной с Тиверием новелле (11 августа 582 г.) Маврикий возвращает титул «Антский».[828] Речь едва ли шла о каких-то военных успехах, которые могли бы восприниматься как «усмирение» неверных союзников. Скорее Маврикий подчеркивал, что намерен как-либо вернуть антов под «покровительство» Империи.

Время для этого настало уже в следующем году, когда разразилась война с аварами. Притом, что союз в известном смысле был небесполезен для антов, их, по сложившейся имперской практике, пришлось «подкупать». Обновив союз с Империей, анты напали на словен. Земли Мунтении подверглись жестокому опустошению. Анты «подчинили» страну дунайцев, «вывезли добро ее и выжгли ее».[829]

Последствия не заставили себя ждать. Словене действительно скоро узнали о разорении родных мест — но ответный удар нанесли не по далеким антам, а по ромеям, которых справедливо винили в случившемся. «Многие тысячи» словен, собравшись в единую рать, с опустошением ринулись на Константинополь. Меры, спешно принятые императором еще после начала военных действий в Мезии, помогли — словене «не смогли подняться и захватить царственный град». Отбитое от Длинных стен, словенское войско устремилось к Анхиалу. Этот приморский город во Фракии являлся важной крепостью. Неподалеку находилось место отдыха и лечения знатных ромеев — прославленные термы над горячими источниками. Туда же «тотчас» после Август пошел и каган. Таким образом, обе армии вторжения соединились в западной Фракии, на черноморском побережье.[830]

https://RodnoVery.ru

Гарнизон Анхиала упорно защищался. Когда многие защитники погибли, воины кагана пробили брешь в стене и ворвались в город. Авары и их союзники предали разграблению и сам Анхиал, и его округу.[831] Было много разрушений. Знаменитые термы спасло лишь то, что в них помылись жены аварского владыки.[832] Когда-то после посещения терм жена Тиверия пожертвовала церкви в Анхиале императорские пурпурные одеяния. Найдя царский пурпур при разграблении храма, каган облачился в него со словами: «Желает этого царь ромеев или не желает, но вот, царство отдано мне!»[833]

В этом дерзком заявлении имелась немалая доля истины. Авары и словене хозяйничали почти повсюду вне Длинных Стен. Не подвергшиеся нашествию Пелопоннес и Далмация, фактически отрезанные от Константинополя, могли сообщаться со столицей лишь по морю. В таком же положении находилась Фессалоника. В условиях безуспешно длящейся Персидской войны у Маврикия не оставалось иного выбора, кроме поисков мира. В конце 583 или начале 584 г. к кагану в Анхиал прибыли ромейские послы Элпидий и Коментиол. Каган отказал в перемирии и грозил «срыть» Длинные стены. Коментиол, упрекавший кагана в нарушении прежнего договора, испытал его гнев и подвергся заключению. Послам с трудом удалось избегнуть смерти.[834]

В условиях длящейся войны словенские набеги и расселение почти беспрепятственно продолжались. Иоанн Эфесский так описывает ситуацию 584 г.: «И доселе, благодаря тому, что царь был занят персидской войной и все свои войска посылал на восток — именно поэтому, — они растеклись по земле и живут на ней и теперь распространились на ней. Пока Бог на их стороне, они конечно же и опустошают, и жгут, и грабят вплоть до стены до внешней: и все царские табуны, многие тысячи, и все остальное. И вот, даже и доныне… они располагаются и сидят в этих ромейских пределах. Без заботы и страха захватывают пленных, убивают и жгут. И они обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи…»[835]

Достойно замечания, что именно нашествие 580-х гг. сыграло важнейшую роль в обогащении дунайских словен и, соответственно, в имущественном расслоении словенского общества. Последствия этого мы могли наблюдать на материалах могильника Сэрата-Монтеору и других памятников. Отметим также слова о военном деле — при осаде словенами Фессалоники в 586 г. ромеям действительно пришлось удостовериться в их новых военных навыках. Именно в это время они овладевают передовой

https://RodnoVery.ru

осадной техникой.

Лишь в ходе второго посольства (584 г.) Элпидию удалось склонить кагана к миру. Мирный договор заключался, по сути, на условиях авар. Дань, выплачиваемая Маврикием, увеличивалась до 100 000 номисм. «Небрежность» в выплате автоматически влекла за собой немедленное возобновление военных действий.[836] После заключения мира каган отвел авар из пределов Империи. Однако он не освободил всех захваченных территорий. В Верхней Мезии расселялись мораване, подданные кагана. Коринф также остался за «варварами».

С каганом ушла некоторая часть словен, не нашедших себе места в ромейских владениях и не желавшая возвращаться в Мунтению. Многим после разорительного набега антов было просто некуда возвращаться. Каган расселил новых подвластных словен в древнем Норике. Эти земли он подчинил себе как раз около этого времени — не исключено, что как раз их руками.[837]

Воспоминания о приходе с востока после долгих поисков плодородной, пригодной для жизни земли сохранились в позднем словенском предании. Здесь вытесненным из благодатных родных мест перенаселением предкам словенцев покровительница-«богиня» дает зерно, которое прорастает лишь в Словении.[838] Отражается в словенском фольклоре и былая зависимость словенцев от авар — правда, смешивающихся в народной памяти с гуннами Аттилы. Последний рисуется как угнетатель и покоритель жителей Словении. Предания повествуют о его победе над местным правителем — «графом Коцяном» из Градища или некоей «словенской владарицей», которые оказываются бессильны оказать сопротивление превосходящим полчищам врага. Притом Аттила выступает персонажем совершенно мифологическим — то как псоглавец, то как живой мертвец.[839]

В действительности завоевание почти не сопровождалось насилием или изгнанием местного романского населения. Как представляется, новые пришельцы легко пришли к соглашению со своими альпийскими сородичами и быстро смешались с ними. Приток нового населения ускорил ассимиляцию здешних лангобардов и романцев. Словене нередко подселялись на местные поселения, наследуя элементы культуры (погребения с ингумацией, гончарство). Политическими и культурными центрами складывающихся словенских племен становились старые римские крепости.[840]

Но о ростках христианства, появление которых у альпийских славян

https://RodnoVery.ru

возвестил в 550-х гг. Мартин Бракарский, мы более ничего не слышим. Позже проповедь в Хорутании пришлось начинать с нуля. Пришельцы с востока, враждебно относившиеся к вере ромеев, грабившие балканские храмы, положили предел трудам первых миссионеров. Впрочем, сама религиозная нетерпимость у словен возникла лишь в условиях войн с ромеями и под аварским влиянием. Там, где это влияние было меньше — в дулебских землях — даже христиане-чужеземцы мирно уживались со словенами еще в 590-х гг.[841]

Радогост во Фракии

Мир, заключенный между Империей и каганом, едва ли распространялся на словен. Они и не думали покидать пределы державы ромеев. Словене обживали свои новые земли во Фракии и Верхней Мезии. Отдельные поселения возникли в Ахайе (Коринф) и в Македонии, куда словене приходили и из Поморавья. Отсюда они начали проникать на запад, в Новый Эпир (современная Албания с прилегающими землями).[842] После ухода кагана в балканских провинциях наступило относительное затишье. Словене ограничивались локальными набегами. Однако уже летом 585 г. война запылала с новой силой.

Кагану удалось «натравить» словен на ромеев. Он убедил словенских вождей нанести удар в направлении столицы. Он все еще признавался верховным «воеводой», и само временное замирение с ромеями было согласовано со словенами. Соединенными силами словен руководил Радогост. В связи с этими событиями он упоминается в источниках[843] впервые. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, по какую сторону Дуная находился Радогост к началу событий. Вместе с тем не упоминается вообще о переправе словен через Дунай. А значит, большая часть отрядов, участвовавших в нападении, уже находилась в пределах Империи, во Фракии.

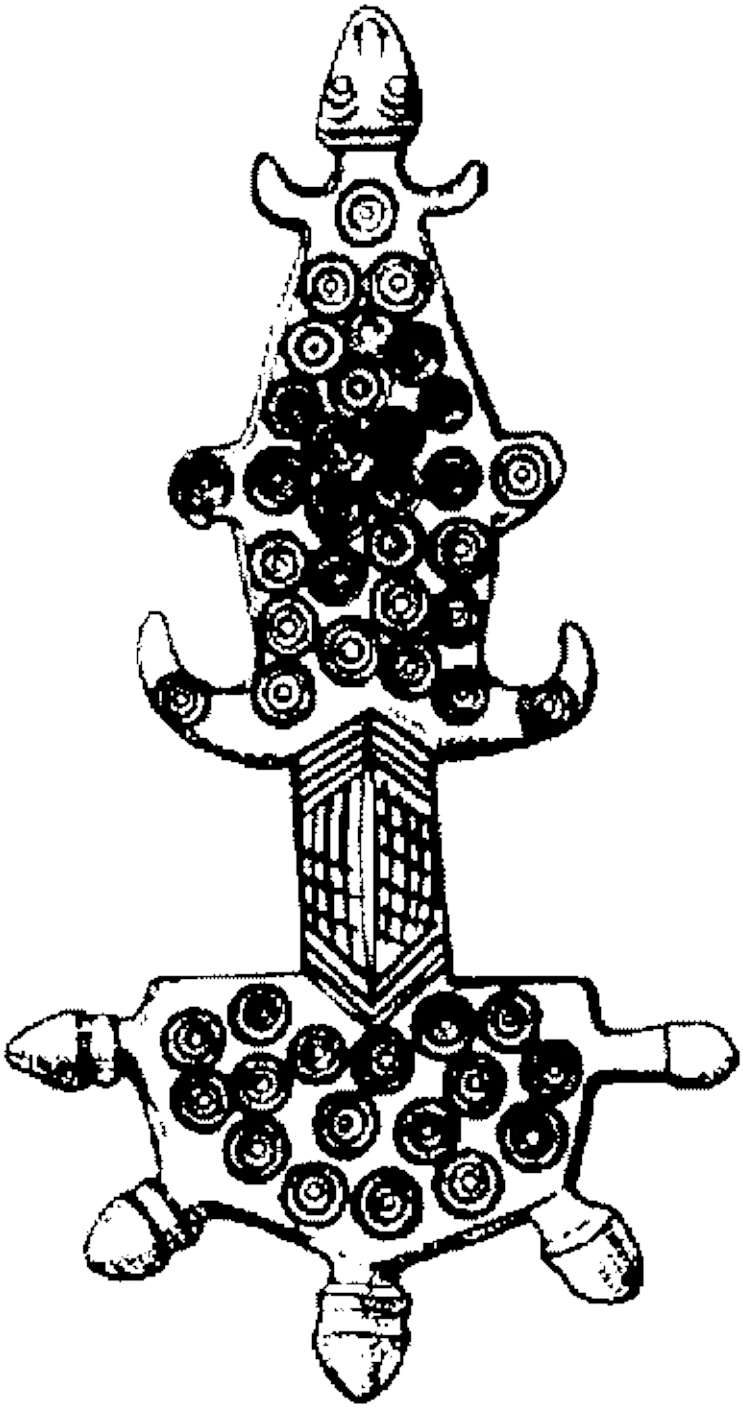
Словене, опустошив «большую часть ромейской земли», «будто перелетев, лавиной» подступили к Длинным стенам. Маврикий принял экстренные меры. Усилив гарнизоны Длинных стен, он сам во главе всех наличных сил вышел из Константинополя. Присутствие императора, надо думать, вдохновляло воинов. Но сам он не вступил в битву с врагом, передоверив полевое командование Коментиолу. Под предводительством последнего ромеи вышли за Длинные стены. Словене не готовились к

https://RodnoVery.ru

битве и были заняты опустошением окрестных земель. Поэтому Коментиол без особого труда «отогнал» их от Стен.[844]

Словене отступили немного на запад, к реке Эргиний. Здесь они попытались организовать оборону. Но Коментиол шел по пятам и «внезапно появился» перед противником. Произошло решающее сражение, в котором словене потерпели поражение. Коментиол, по словам Феофилакта, «учинил великое избиение варваров». За победу Маврикий даровал своему полководцу высшее военное звание магистра милиции (презента).[845]

https://RodnoVery.ru



Пальчатая фибула. Ипотештинская культура

Дав войскам отдых, осенью Коментиол вновь выступил против словен. К этому времени остатки словенского войска вновь разделились на отряды, небезуспешно действовавшие во Фракии. «Огромные полчища» собрались под главенством Радогоста. Он действовал в отдалении от Длинных стен, в

https://RodnoVery.ru

Астике, и не участвовал в битве на реке Эргиний. Опустошение Астики, некогда богатейшей и недоступной «варварам» области Фракии, принесло ему «многочисленных пленных и великолепные трофеи». Проходя с богатой добычей через окрестности Адрианополя, Радогост столкнулся с войском Коментиола. Битва разыгралась ранним утром под стенами крепости Ансин. Коментиол атаковал и с самого начала захватил инициативу. Словене сперва начали отступать, а затем обратились в бегство. Ромейские пленники были освобождены. Преследуя противника, Коментиол выбил Радогоста из Астики.[846] Таким образом, стратиг полностью очистил подступы к Константинополю. Именно тогда сам Радогост покинул пределы Империи и ушел в свои земли к северу от Дуная. С этого времени он лично не участвовал в набегах — но организовывал их.

Торжество ромеев было недолгим. Словене оставались в дунайских провинциях. Каган же, используя их для изматывания скудных ромейских сил, готовил новую войну. Сам Маврикий осознавал зыбкость достигнутых успехов и принимал спешные меры по обороне хотя бы южной Фракии. Уже той же осенью 585 г. стало ясно, насколько нелишни эти приготовления.

Каган использовал в качестве повода для нарушения мира бегство своего шамана-тюрка, переспавшего с женой владыки. Когда Империя — в своих видах, но неблагоразумно, — предоставила беглецу убежище, аварские набеги немедленно возобновились. Невзирая на фактическое начало войны, каган отправил к императору посольство с требованием дани. Реакцию Маврикия нетрудно было предугадать — он не дал ничего и на полгода задержал послов под стражей. Закономерным и в каком-то смысле законным (по букве мирного соглашения) ответом кагана стала большая война, разразившаяся сразу после возвращения послов летом 586 г. Нападение произошло, как и в 583 г., в пору сбора урожая. Хотя на этот раз ромеи лучше были подготовлены, успех сопутствовал вновь их врагам. Авары совершили опустошительный рейд вдоль Дуная и далее в Нижнюю Мезию и Скифию. Они захватили и разорили ряд ромейских укрепленных городов, в том числе Бононию (ныне Видин), Доростол, Маркианополь.[847]

Набег до самой дельты Дуная преследовал цель не только навредить ромеям, но и запугать антов. Судя по тому, что в дальнейшем анты не слишком активно помогали Маврикию, последняя цель была достигнута. Конечно, авары едва ли обошлись в этом деле без помощи словен — тем

https://RodnoVery.ru

более что разрушение фракийских крепостей и умиротворение антов были в их интересах. Однако каган не слишком вовлекал словен в военные действия во Фракии. В качестве главной их цели в кампании этого года он определил Фессалонику.

Осада Фессалоники

После возобновления военных действий каган вновь принял общее командование союзными войсками. Он, пишет епископ Иоанн, «призвал к себе все звериное племя славян», дабы направить их в поход против Фессалоники.[848] Основную ударную силу вторжения, несомненно, составляли прямо подвластные каганату племена Потисья и Поморавья. Но и из дунайцев многие откликнулись на призыв — последствия опустошения их страны антами не могли не сказываться. У немалого числа жителей Нижнего Подунавья не осталось крова и средств к существованию, так что они жаждали и богатой добычи, и новых мест для жительства. Наконец, каган прибавил к словенам «некоторых варваров других племен» — то есть авар, подвластных болгар, гепидов. В результате собралось огромное войско в несколько десятков тысяч человек.[849] Следует полагать, что наряду с «вооруженными людьми» в этой рати шли и семьи словенских воинов, которые надеялись осесть в захваченной стране.

Фессалоника, столица Иллирика и второй по значению город Балкан, являлась ненамного менее вожделенной целью, чем Константинополь. Ее взятие парализовало бы ромейское сопротивление на западе полуострова. Каган рассчитывал, что падение Фессалоники, богатого и стратегически важного оплота Империи, сыграет решающую роль в войне. С другой стороны, сами словене давно мечтали об этом богатом городе, расположенном в плодородном краю.

Обстоятельства складывались благоприятно для планов кагана. Он знал, что весной — летом 586 г. по Македонии прокатился мор, и потому в Фессалонике осталось «очень мало воинов». Словенских вождей он вдохновил сообщением об этом, заявив, что они «захватят город в тот же день».[850] Кроме того, нападение, как и в 583 г., было рассчитано на время сбора урожая.

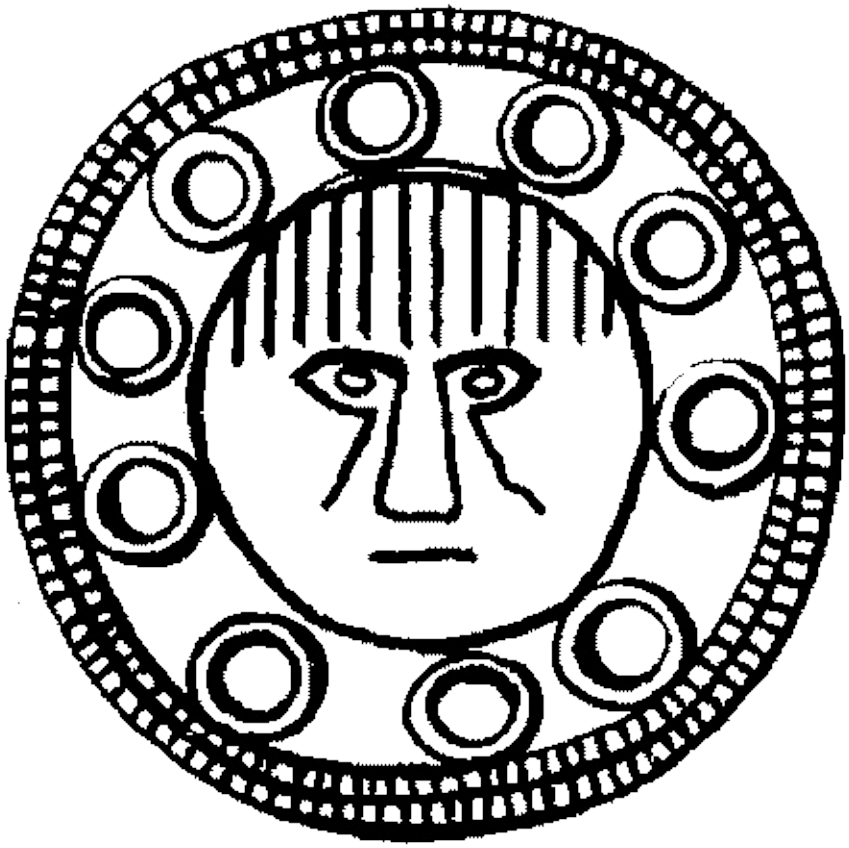
Словене двинулись из Поморавья, по отчасти обезлюдевшей или заселенной их соплеменниками стране. Движение их было стремительным, так что ромеи в Фессалонике узнали о вторжении слишком поздно.

https://RodnoVery.ru

Македония была разорена чумой, и многие крепости, прикрывавшие столицу провинции, остались заброшенными. По пути «варвары», нуждавшиеся в пропитании, опустошали страну. До города дошли слухи, «что иссякали реки и источники, у которых они только разбивали лагерь». [851] Припасов у огромного войска, двигавшегося стремительно и единым целым, не распадаясь на мелкие шайки, действительно не хватало. Но, рассчитывая на быстрый захват богатейшего города, словене и их союзники не уделили этому должного внимания.

В ночь на понедельник 23 сентября словене подошли к предместьям Фессалоники. Их не ждали — вести о приближении «варваров» достигли города лишь 22 сентября. На стенах держали небольшие ночные дозоры, но словен ожидали не раньше, чем через четыре дня. Между тем войско приближалось к Фессалонике под покровом ночи бесшумно, и не привлекло внимания немногочисленных дозорных. Фессалонику в ту ночь спасла череда случайностей. Словене сначала скопились под стенами храма-крепости Святой Матроны. Они решили, что это уже сам город. Лишь с наступлением рассвета они поняли, что ошиблись, и бросились на приступ стен Фессалоники. К этому времени как раз ушли дозорные — так что город остался беззащитным. Словене приставили к стенам лестницы. [852]

https://RodnoVery.ru



Украшение конской сбруи. VI–VII вв

Первый залезший «уже перекинул правую ногу на стену», когда какой-то воин, — оставшийся неизвестным, несмотря на объявленную позже награду, — пронзил его копьем и сбросил вниз. Падающее тело увлекло за собой поднимавшихся следом. Никого другого на стене не было. Однако, как только начался штурм, по словам Иоанна, «в городе великое волнение охватило всех разом, так что все без исключения воины поднялись на стены». Словене, «охваченные вдруг безмерным страхом, отступили далеко от стены». По их собственным словам, им представилось там «столько воинов и таких, что по числу и мужеству намного превосходят наше войско». Они решили, что сведения кагана неверны и город подготовлен к обороне лучше, чем ожидалось.[853]

Словене ошиблись — Фессалоника была действительно сильно ослаблена чумой. Большая часть оставшегося гарнизона отправилась вместе с префектом Иллирика «по государственным делам» в Ахайю. Кроме того, многие знатные люди со своими людьми тогда находились в Константинополе, с жалобой императору на префекта. Наконец, множество граждан собирало за городом урожай. Когда подступили словене, лучшим

https://RodnoVery.ru

выходом для отрезанных сборщиков было бегство прочь от города — те, кто пытался пробиться назад, погибли или попали в плен. Оставшиеся же в городе люди были крайне напуганы нашествием. Большинство горожан не имело боевого опыта, к тому же городу на их памяти не доводилось переживать осаду.[854]

Когда окончательно рассвело и наступил день 23 сентября, словене плотно оцепили город. Им благодаря огромной численности удалось взять Фессалонику в длинное полукольцо — от моря до моря. Демонстрируя свою мощь и перекрывая все выходы из города, словене выстроились сплошным строем, «фалангой» с сомкнутыми щитами. Тем не менее и это было не все войско — значительная его часть отправилась занимать крепости в предместьях (храм Матроны и другие), а также захватывать провиант. Им сопутствовал успех — предместья были захвачены, их жители и защитники бежали или попали в плен. Словенам достался весь хлеб, только что собранный на полях, плоды пригородных садов. Помимо этого они захватывали и иную добычу — загородные поместья и крепостцы не нищенствовали.[855]

Вечером, разбив лагерь, словене собрали много хвороста и зажгли вокруг города огонь, напомнивший осажденным библейскую «огненную реку». Это был какой-то воинский обряд, быть может, посвящение осаждаемой твердыни покровителям и предкам словенских князей — богам грозы и огня. Во всяком случае, когда пламя поднялось к небесам, все войско издало некий громовой клич, вселивший ужас в сердца ромеев. Иоанну, свидетелю событий, пришли на ум слова из псалма: «земля тряслась и небеса таяли».[856]

Ночью словене и их союзники не предались сну. Осаждавшие взялись за изготовление осадных орудий. Это первое упоминание об использовании их словенами. На приготовление орудий ушли ночь и наступивший день (24 сентября). В итоге к утру 25 сентября у словен имелось четыре вида осадных приспособлений. Это были, во-первых, передвижные осадные башни (гелеполы), во-вторых, «бараны» (тараны с железными «лбами» в виде бараньих голов). Далее Иоанн называет камнеметы («огромнейшие» и крытые сухой кожей) и «черепахи» (сплетенные из прутьев и также покрытые кожей укрытия для пехоты). Иоанн особо описывает словенские камнеметы: «Они были четырехугольными, широкими в основании и суживающимися к верхушке, на которой имелись очень массивные цилиндры, окованные по краям железом, к которым были пригвождены бревна, подобные балкам большого дома, имевшие подвешенные сзади

https://RodnoVery.ru

пращи, а спереди — прочные канаты, с помощью которых, натянув их разом по сигналу книзу, запускали пращи… А четырехугольные камнеметы они оградили досками только с трех сторон, чтобы те, кто находился внутри, не были ранены стрелами со стены».[857]

Словене неплохо подготовились к взятию города, однако недостаточно хорошо представляли мощь укреплений Фессалоники. Кроме того, у них был еще один повод для беспокойства — кончались припасы. Захваченного в предместьях провианта хватило только до утра 24 сентября. Словене и их союзники вынуждены были собирать «плоды деревьев и ветви, и корни их, а также овощи-корнеплоды». Впрочем, пока у них еще оставался скот, как приведенный с собой, так и захваченный — быки и разводившиеся кочевниками верблюды.[858]

Утром 25 сентября начался штурм. Словене подступили к городу со всех сторон. На стены обрушился шквал стрел и огромных камней. Натиск был наиболее силен на северной и западной сторонах, к которым подступили «более мужественные и самые жестокие» из словен с большим числом «мощных орудий». Под прикрытием «черепах» они пытались ломами и топорами подрыть стену. К Кассандрийским воротам (в восточной стене) словене подвели таран. Однако при виде железного крюка, которым жители безуспешно пытались повредить «барану», словен охватила внезапная паника. Они откатились от ворот, бросив тараны и подпалив их. Усиленный штурм с севера и с запада также не дал результата. Горожане подожгли несколько «черепах» кипящей смолой и зажженными стрелами. Одновременно словене попытались проникнуть в город с юга, по морю. Для этой цели они соорудили «широкий деревянный плот». Однако горожанам сопутствовала удача, и они какой-то «хитростью» сорвали замысел словен — плот унесло в открытое море, и он погиб.[859]

В стане осаждавших первые неудачи вызвали уныние. Голод все сильнее мучил словен. В тот вечер они начали забивать скот. Это, впрочем, позволило покрыть окровавленными шкурами животных «черепахи», защитив их тем самым от огня. На всех, однако, мяса не хватало. К тому же, судя по всему, отдельные племенные отряды не делились продуктами друг с другом. Скота, естественно, было больше всего у авар и болгар. Плоды, коренья и овощи заканчивались. Огромное войско вынуждено было перейти в прямом смысле на подножный корм — «выращенную зелень и дикорастущие травы, и так называемый зеленый терновник».[860]

Со стен осмелевшие горожане начали насмехаться над словенами. Из города внимательно наблюдали за осадным станом, так что тяжелое

https://RodnoVery.ru

положение «варваров» стало очевидно осажденным. Словен призывали перебегать в город и заполнять «неиспользуемые общественные бани». Насмешки, а также «уговоры и обещания» горожан подействовали — в последующие дни «многие» из разноплеменного войска, отчаявшись в победе и изголодавшись, переходили в город. Словене и союзники окончательно уверились, что Фессалоника скрывает свои главные силы и вовсе не истощена мором. «Мы, не надеясь захватить вас, — говорили перебежчики через толмача городским властям, — решили, обдумав, что скорее спасемся у вас».[861]

Тем не менее основная масса словен была полна решимости продолжать осаду. Захват города теперь, должно быть, казался им единственным спасением от голода. 26 сентября словене вновь подступили к Кассандрийским воротам. Под прикрытием «черепах» штурмующие принялись за разрушение протейхизмы — передового укрепления, прикрывавшего стену и ворота. От стоявших на стенах защитников словене были скрыты и «черепахами», и частоколом протейхизмы. К тому же «черепахи» теперь стали неуязвимы для огня. Тогда небольшой отряд копейщиков рискнул выйти из города к протейхизме и подняться на нее. Словене не ожидали от защитников такой смелости. Неожиданное появление на укреплении воинов спугнуло их. Бросив ломы и топоры, которыми почти уже разнесли частокол, словене бежали. Когда совершивший вылазку отряд вернулся в город, одну из створок закрывавшей ворота решетки заело, и ворота оставались открытыми до вечера и часть ночи. Но словене об этом не знали или просто не осмелились воспользоваться обстоятельствами[862] (может, подозревали ловушку?).

Немалая часть войска в ту ночь занималась подготовкой к бою камнеметов. Всего их было не менее полутора сотен — во всяком случае, по подсчетам обороняющихся, против восточной стены стояло «более пятидесяти».[863] Утром 27 сентября начался общий обстрел города из камнеметов крупными камнями. Но ни один из «непрерывно» летевших камней не попал в главную цель — стену. Все они либо недолетали, либо перелетали городские укрепления, оставляя при падении глубокие воронки. Наконец, горожанам удалось поджечь один из камнеметов, все еще покрытых сухой кожей и к тому же защищенных досками. Тогда словене, поняв свою ошибку, отступили, увозя орудия с собой.[864]

С рассветом 28 сентября камнеметы вновь атаковали стены на всем их протяжении. Примерно до часа пополудни продолжался непрерывный

https://RodnoVery.ru

обстрел. Теперь орудия вместе с защитными досками были покрыты уже влажными шкурами только что забитых животных. Под этой защитой, надежно предохранявшей от пламени, словене смогли подвезти камнеметы ближе к стенам. Однако и на этот раз атака орудий не дала ожидаемого эффекта. Горожане растянули по стене на прутьях плотную завесу из парусины и мешковины, использовав для ее изготовления подстилы городских трапезных. Завеса смягчала удары камней, и они не наносили стене ущерба. Большинство камней вновь упало перед стеной или за ней. Лишь один ударил в зубец стены, «одним ударом разрушив его до основания». Стрельба, которую вели в ответ горожане, оказалась более удачной. Посылаемые с укреплений камни часто влетали внутрь словенских сооружений и убивали тех, кто их обслуживал.[865]

Не добившись успеха, словене прекратили обстрел и отступили в лагерь. Вдохновленные победой горожане, выбежав из города через западные, Золотые ворота, спустились к морю и убили нескольких купавшихся там после боя врагов. Потом, впрочем, страх побудил ромеев спешно вернуться за ворота — пока о вылазке не узнали в «варварском» лагере.[866]

Утром 29 сентября, в воскресенье, вожди осады собрались на совет. Обстановка в голодающем лагере сложилась тяжелая и внушавшая опасение. Скот еще оставался,[867] но хозяева (преимущественно авары и болгары) делиться им не желали. Основной массе войска приходилось к тому времени питаться «прахом земли» — все съестное в окрестностях Фессалоники было уничтожено.[868] Штурм города всеми наличными силами казался теперь надеждой на спасение. Другим вариантом могло стать только отступление и рассеяние войска по Македонии в поисках пропитания. Осаждавшие решили — на следующий день «всем вместе напасть по окружности стены» и в результате «либо, напугав силой нападения, сбросить вниз охрану на зубцах, либо, если не достигнут цели, по крайней мере убедиться наконец в том, что не должны напрасно сражаться».[869]

Далеко не все осаждавшие, однако, решились идти на смертельно опасный штурм. Иные поспешили перебежать в город, силы и ресурсы которого переоценивали. Там они рассказали о готовящемся приступе. Горожане, таким образом, узнали от перебежчиков о плане «варваров». Однако это знание большой пользы принести не могло — силы Фессалоники были на исходе. Горожан охватил «ужасный страх».[870]

То, что произошло далее, лучше нас опишет непосредственный

https://RodnoVery.ru

участник событий — епископ Иоанн. Не стоит прибегать к рационализирующим объяснениям происшедшего. Там, где современный скептик увидит, скажем, некий «массовый психоз» изголодавшихся воинов, религиозное сознание вправе видеть подлинное чудо. Во всяком случае, «Чудеса святого Димитрия» — наш единственный источник информации, и сопоставить его не с чем. Следует при этом помнить, что Иоанн являлся современником и очевидцем событий — и писал не столь уж долгое время спустя, также для современников и очевидцев. Отсюда следует довольно простой вывод — и он, и его читатели верили в то, что все произошло на их глазах именно так.

Итак, жители Фессалоники были уверены, что утром понедельника их ждет страшный натиск «варваров». Но около двух часов пополудни их взору явилось странное зрелище — «все варвары, подняв одновременно крик со всех сторон, отступили к вершинам, поспешно покинув палатки вместе со всем приготовленным ими. И таким был испуг, поразивший их, что некоторые из них бежали безоружными и неодетыми. После того как около трех часов они оставались на вершинах ближайших гор, наблюдая… когда наконец зашло солнце, они снова спустились к своим палаткам, грабили друг друга… так что было много раненых, а некоторые погибли». [871]

На рассвете 30 сентября к воротам сбежалось «весьма много» недавних врагов. Горожане опасались засады, и потому не сразу поверили перебежчикам, которые «сильно кричали и клялись, что все враги бежали бесшумно ночью». Только примерно за час до полудня горожане решились открыть ворота. Перебежчики рассказали следующее: «Мы прибежали к вам, чтобы не погибнуть от голода и, кроме того, зная, что вы победили в войне. Ибо мы убедились, что вы скрывали до сих пор в городе ваше войско и что только вчера в восемь часов [от рассвета] внезапно послали его с оружием против нас из всех ворот: тогда вы видели, как мы, побежденные, бежали к горам. Когда, спустившись вечером, мы узнали, что войско вернулось назад через ворота, тогда разделились между собой и грабили друг друга. Посовещавшись, они бежали бесшумно всю ночь, ибо заявили, что до рассвета войско опять устремиться против них. И вот, они бежали, а мы остались».[872] Горожане поразились, но не подали вида. «Воистину до вчерашнего дня мы не высылали против вас войско, — сказали городские чиновники. — Но чтобы мы знали, что вы говорите правду, скажите, кого вы видели во главе его?» Один из «варваров», как сообщает Иоанн, сказал в ответ: «Мужа огненного и сияющего, сидящего на белом коне и одетого в белую одежду — вот такую». С этими словами

https://RodnoVery.ru

он коснулся хламиды одного из служащих префекта.[873]

Дело, начатое таинственным разгромом, довершила распря, вспыхнувшая в голодном и отчаявшемся войске — несомненно, как раз из-за продуктов. Огромная армия вторжения превратилась в распадающуюся на мелкие родоплеменные отряды, охваченную паникой толпу. Бегство осаждавших от Фессалоники было действительно паническим и беспорядочным. За одну ночь они далеко ушли от города, не задерживаясь и бросая одежду, вооружение, даже скот и тела мертвых.[874] Воины могли гибнуть как от голода, так и во вновь возникавших стычках. Так бесславно завершилась осада столицы Иллирика — драматичная кульминация словенского нашествия на Империю 580-х гг.

Вторжение в Ахайю

Откатившись от стен Фессалоники, разноплеменное войско рассеялось по Македонии в поисках пропитания и мест для зимовки. Особых трудов это не стоило — обе македонские провинции не пощадила чума. Сейчас, в пору сбора урожая, многие селения почти опустели. Пришельцы могли селиться в них и пользоваться плодами труда погибших от мора хозяев. Помешать им вряд ли кто-то мог — Македония оставалась почти беззащитной, кроме того, на ее землях уже селились словене.

На Фессалонику же сразу после ухода осаждавших обрушилась новая беда. Голод, недавний союзник горожан, теперь перешел из брошенного осадного лагеря за стены победителей. В окрестностях не осталось ничего съестного, а припасы самого города кончились. По Империи распространился слух, что Фессалоника пала, и транспорты с хлебом подоспели буквально в последний момент, когда голодная смерть уже косила горожан.[875]

Словене между тем понемногу заселяли Македонию. Они захватили и отчасти разрушили полупустой после мора укрепленный город Лихнид в пограничье Македонии Второй и Нового Эпира. На его месте возникло славянское поселение, позже известное как Охрид и ставшее важнейшим центром расселения в этих землях.[876] Большая часть словен, однако, не стремилась остаться в опустошенной войной и мором Македонии. Новые, более богатые земли они рассчитывали найти дальше на юг.

С наступлением весны большая часть авар и болгар ушла из Македонии на север. Там, в Скифии и Нижней Мезии, их каган вел

https://RodnoVery.ru

кровопролитную и опасную войну с ромейскими полководцами и явно нуждался во всех наличных силах. Роль авар в дальнейших событиях на юге была невелика, даже если какое-то малое число кочевников и осталось со словенами.[877] Словене, может, и действовали формально под предводительством и в интересах кагана, захватывая ромейские провинции как будто для него. Но реально они руководствовались только своими интересами — поиском новых земель для оседания.

Кагану, чьи дела во Фракии шли не лучшим образом, многотысячное словенское войско пригодилось бы скорее там. Завоевание брошенных Империей на произвол судьбы южных провинций ничего не давало для большой войны. В Константинополе его по большому счету не заметили, и в общегосударственных хрониках сведений о событиях почти нет. Но после поражения у Фессалоники каган утратил реальную власть над словенами. Собрать их в единое войско и установить хотя бы подобие единоначалия теперь уже не было никакой возможности.

Словене, так и не сплотившись вновь в единую рать, вторглись в греческие земли широким фронтом — через Фессалию и Старый Эпир. Серьезного сопротивления они, судя по всему, не встречали — основная часть вооруженных сил Империи на Балканах сражалась с каганом во Фракии. Повсюду на своем пути словене разрушали или захватывали города и другие греческие поселения, изгоняя жителей. Опустошив «всю Фессалию», словене вторглись в среднегреческие земли. Упоминается о захвате города Аиния на берегу Сароникского залива. Словене разорили Аттику. Именно тогда были взяты и частично разрушены Афины — хотя в этом древнем городе словене не задержались. Из Аттики или Фессалии они переправились на остров Эвбею и прошли по нему с войной. Из горного Эпира (пострадавшего сравнительно мало) завоеватели прорвались к северному берегу Патрского и Коринфского заливов — в так называемую Локриду — и разорили ее.[878]

Словене повсеместно оседали на «захваченных» землях. Но основная их масса стремилась дальше на юг. Миновав Истм (в Коринфе все еще стоял аваро-словенский гарнизон), словене вторглись на Пелопоннес (осень 587 или уже весна 588 г.[879]). Их появление вызвало панику в эллинских городах, жители которых готовились к бегству с момента падения Коринфа. В числе первых словене захватили Аргос, чьи жители бежали на остров Орови в Арголидском (Навплийском) заливе.[880] На западе крайней точкой, которой они достигли, двигаясь вдоль южного берега Коринфского залива, стала важная ромейская крепость Патры. Жители ее были «изгнаны, точнее

https://RodnoVery.ru

выселены народом славян» и перебрались в южную Италию, в Регий.[881]

Нашествие захватило восточный и центральный Пелопоннес, причем преимущественному разорению подверглись приморские районы. Основная масса словен двигалась вдоль побережья. Когда нашествие приблизилось к Спарте, епископ и многие жители города бежали в Монемвасию. Эта неприступная крепость, подобно некоторым другим горным твердыням, устояла, тогда как сама Спарта была захвачена. Уцелевшие жители отплыли на Сицилию, где поселились в городе Деменна.[882] Завладев, по сути, большей частью полуострова, словене расселились на нем. Дальше идти было некуда — на юг простиралось море. Не исключено, что словене восприняли Пелопоннес как «последнюю» землю. Впрочем, места на полуострове хватало — словене оставили нетронутым его запад, удовольствовавшись завоеванным.

Местные хроники и позднейшие источники изображают захват Пелопоннеса, на первый взгляд, как тотальное разорение, сопровождавшееся повальным бегством местных жителей.[883] Действительно, опустошение было весьма велико — погибло или бежало большое число эллинов. На враждебные отношения и недостаток мирных контактов между пришельцами и аборигенами указывает ничтожное количество общеславянских заимствований из греческого языка.[884]

Но внимательное изучение как письменных, так и археологических источников восстанавливает более сложную картину. В X в. приходилось уже подчеркивать неславянское происхождение жителей Майны, горной цитадели, прикрывавшей некогда крайний юг и юго-восток Пелопоннеса. К моменту вторжения словен обитатели этой неприступной крепости, «древние ромеи» (римляне) по происхождению, оставались «эллинами» по вере — то есть язычниками. После нашествия они вышли из повиновения имперским властям. В IX в. их пришлось подчинять заново — наравне со славянами.[885] Язычники из Майны вошли в некое соглашение с «варварами». Соглашение сохранило за майниотами не только крепость (которую словене не могли взять, как и Монемвасию), но и богатые оливой окрестные земли — главный источник существования в безводном краю.

Словене громили в основном крупные города и верные Империи крепости — оплоты военной, церковной и гражданской власти. Сельское население, тяготившееся религиозной и налоговой политикой властей, пострадало в меньшей степени. Оно не вступало в конфликт с захватчиками, хотя едва ли приветствовало их. Словене могли облагать греческие общины данью (не это ли имеют в виду хронисты, говоря об

https://RodnoVery.ru

«унижении» эллинов?), но не уничтожать их. Так, лаконские селяне, судя по всему, довольно мирно сосуществовали со словенами. Согласно «Монемвасийской хронике», после бегства спартанских граждан «пастухи стад и земледельцы» остались в Лаконии, «в лежащих поблизости каменистых местах». Под влиянием словен образ жизни этой группы населения претерпел серьезные изменения. С X в. потомки древних лаконцев воспринимались уже как особое этническое меньшинство — «цаконы».[886]

Помимо того следует помнить, что Эллада оставалась в рамках державы ромеев своеобразным заповедником классического рабовладения. Для немалого числа неполноправных ее жителей война сулила освобождение. Рабство же у самих словен (не стоит сомневаться, что они брали пленников) было не в пример легче, а главное — не пожизненным. Смешение со своими данниками и пленниками стало одной из причин быстрой утраты словенами восточного и центрального Пелопоннеса ряда черт своей культуры (домостроительство, погребальный обряд, керамика). Словене, несомненно, смешивались не только с эллинами, но и гораздо быстрее с союзниками — гепидами, болгарами, аварами. Процесс этот начался еще в Поморавье.[887]

В то же время славянская культура сохраняла самобытность. Словене держались за свой язык.[888] Сохраняли они и этническое самосознание — потомки всех пришельцев с севера (включая авар) к началу IX в. уже считались славянами. Словене сохранили на Пелопоннесе и в других областях Эллады свои навыки земледелия, некоторые особенности домостроения — позднее воспринятые и местными жителями.[889]

Завоевание греческих земель являлось частью войны, которую авары и словене вели против Империи. Поэтому эллины восприняли происшедшее, как покорение своей страны каганом. Но по сути, и греческий хронист признает, что «авары» (точнее, славяне) на Пелопоннесе, не покоряясь Империи, не были подвластны и «кому-либо другому»[890] — аварскому кагану в том числе. На землях Пелопоннеса сформировались новые славянские племена, в которые влились и союзники словен.

Из словенских племен, осевших на Пелопоннесе в конце VI в., нам известны по имени лишь два. Это милинги и езеричи (Ἐζερῖται), жившие в центральных областях южного Пелопоннеса. Они являлись сильнейшими и наиболее многочисленными славянскими племенами полуострова и дольше сохраняли независимость. Между собой они находились в тесном союзе.[891]

https://RodnoVery.ru

Название «милинги» определенно германское по форме. Оно образовано с германским «отчеством» — ing от славянского имени с основой на «Мил».[892] Основой племени мог стать гепидо-словенский отряд во главе со словенским предводителем. Милинги поселились в окрестностях древней Спарты, в Лакедемоне.[893] В самом городе следы присутствия славян незначительны.[894] Одним из источников существования для племени стал сбор дани с немногочисленных вернувшихся горожан и лаконского крестьянства (будущих цаконов).

«Езеричи» — результат перевода на славянский греческого названия «Элос», то есть «Озеро». Так звалась область расселения этого славянского племени — в топких низовьях реки Эврот, к югу от Лакедемона.[895] Позже местность стала именоваться также по-славянски «Езеро» (Ἑζέρόν).[896] Восприятие местного названия — свидетельство достаточно тесных контактов первых езеричей с эллинами. Именно эти славяне могли находиться в союзе со своими близкими соседями — изменившими Империи язычниками из Майны.[897]

Итак, словене добились значительных успехов, заняв без заметных препятствий обширные области Ахайи. Действия кагана на севере, во Фракии, оказались в 587 г. гораздо менее удачны. Весной смелые операции ромейских командиров свели на нет все успехи авар в Нижней Мезии и Скифии. Самому кагану, зимовавшему близ Том, пришлось спасаться бегством. Позже ему удалось, однако, разбить противника и разорить фракийские провинции, загнав ромеев за Длинные стены. Но в Астике он был застигнут Коментиолом, и лишь внезапно вспыхнувшая в рядах ромеев паника свела дело вничью, к «взаимному бегству». Каган вновь принялся разорять Фракию (именно в это время авары овладели осадной техникой). Он штурмовал Адрианополь — но безуспешно. Осенью новый стратиг Иоанн Мистакон разбил авар под стенами Адрианополя и этой победой завершил войну.[898]

Каган отступил на запад и вновь попытался призвать к оружию нижнедунайских словен. Это ему удалось — во всяком случае, в 588 г., как и в 585-м, «полчища славян причинили большой вред области Фракии».[899] Но на этом волна нашествия иссякла. Словене, несомненно, устали от многолетней войны. К тому же с востока им теперь угрожали анты. Те, кто искал новых земель, обрел их — будь то во Фракии, Поморавье, Македонии или Греции. Теперь эти земли требовалось осваивать и обживать — а делать это в состоянии непрерывных военных действий с Империей, все еще мощной, и вражды с аборигенами едва ли стоило. Интересы кагана,

https://RodnoVery.ru

натравливавшего дунайцев на ромеев, на время вошли в противоречие с нуждами самих словен. Ни о каких крупных столкновениях во Фракии в ближайшие годы после 588-го нам неизвестно.

Основным итогом нашествия 580–588 гг. стало поселение значительных масс словен к югу от Дуная, на землях Империи. Этим было положено начало истории южнославянских народов — хотя их непосредственное формирование относится уже к следующему периоду. Дунайский лимес не стал для словен и авар непреодолимым препятствием. Тем не менее в последнем десятилетии VI в. он еще существовал. Задачей Империи стало удержание границы по Дунаю — пусть и за спиной уже прошедших ее «варваров» — любой ценой.

Глава четвертая. Битва за Дунай

Север в пору аварских войн

Поражение 587 г. побудило кагана к поискам новых союзников. Силы словен Нижнего Подунавья оказались недостаточны для сокрушения Империи. К тому же их племена не были склонны выполнять любые распоряжения авар и действовали исходя из собственных интересов. Каганат нуждался в увеличении численности племен непосредственно подчиненных, которые выполняли бы прямую волю кагана. Внимание авар обратилось на славянский север.

Естественно было искать союзников среди тех словен, которые прибывали с севера к Нижнему Дунаю, побуждаемые недостатком пахотных земель. Выше уже говорилось, что наряду с дулебами в этих переселениях участвовали и ляшские (лендзянские) племена Юго-Восточной Польши. Часть их переселенческого потока кагану удалось перенаправить в свои земли. Он привлек лендзян мощью каганата и посулами земель, которые удастся вместе захватить у ромеев.

Далматинский хронист Фома Сплитский в XIII в. передавал предание о том, что «вместе с Тотилой» (Фома смешивал готов и авар[900]) в Далмацию «из земель Полонии пришли семь или восемь знатных родов, зовущихся лингонами».[901] Это те самые славяне, которые вместе с аварами («готами») в начале VII в. захватили Далмацию и о которых писал также Константин Багрянородный. «Лингоны» обычно и справедливо толкуется как ученое искажение племенного названия лендзян.[902]

https://RodnoVery.ru

Предания, передаваемые Константином, помещают этих славян близ границ Далмации, за пограничной рекой, отделявшей ее от Аварского каганата. Реку эту Константин отождествил с Дунаем.[903] Но на самом деле предания имели в виду Саву. Именно Сава отделяла в ту пору земли ромеев от аварской Паннонии, и только к Саве имело смысл высылать воинов из крепости Клис (в 4 км к северу от Салоны, столицы Далмации).[904]

Фома сообщал о переселении целых славянских «племен».[905] Константин рисует славян («авар») занятыми, помимо войны, и мирным трудом, живущими с женщинами и детьми.[906] Привлеченные каганом лендзяне были действительно не просто военными отрядами неженатой молодежи, а общинами земледельцев, искавшими новых мест. На новых местах они быстро перемешались с аварами. Но Константин, писавший три столетия спустя, мог отождествить славян и «авар» просто из-за их совместных действий. Не следует преувеличивать и ту «знатность», о которой говорит Фома — для позднейшего, уже средневекового предания естественно преувеличивать родовитость предков.

Благодаря привлечению на свою службу лендзян каган, должно быть, получил какие-то более или менее определенные сведения о ситуации на севере славянского мира. Во всяком случае, едва ли он действовал в дальнейшем наобум, без конкретных данных о прибалтийских землях. В скором времени после поражения осени 587 г. (едва ли позже весны 588-го [907]) каган отправил послов на север. Его послы просили у славянских племен Полабья и Южной Балтики «воинских сил», предлагая вождям «богатые дары». Это были суммы из ромейской же дани — они частично обнаружены в кладах поморских земель.

Однако «этнархи» приморских славян (то есть поморян низовий Одера), «приняв дары, отказали ему в союзе». Они ссылались при этом на дальность пути. Рассчитывая на благородство кагана, «этнархи» отправили к нему посольство из трех человек с извинениями. Оскорбленный вождь авар, однако, «забыв о законе послов, начал чинить им препятствия к возвращению». Он рассчитывал таким путем либо получить назад деньги, либо добиться высылки воинов. Послы сбежали во Фракию, где попали в руки самому Маврикию, уверив его при этом, что к ромеям и бежали — те, дескать, «славятся богатством и человеколюбием». Император, «восхитившись» славянами, в то же время не слишком им поверил — и отослал во фракийскую крепость Ираклию.[908] Дальнейшая их судьба неизвестна.

Неудача с поморянами не была катастрофой для кагана. Большинство

https://RodnoVery.ru

подкупленных им племен откликнулось и выслало свои силы на подмогу. В лесистых землях между Одрой и Лабой места хватало явно не всем, и племена могли стремиться избавиться от части беспокойной молодежи. В результате на землях каганата появились ободричи, смоляне и стодоряне. Каган призывал в данном случае именно «воинские силы», а не общины переселенцев. Прибывали, соответственно, молодые воины, которых каган расселял и обустраивал среди своих подданных — словен и гепидов. Утрачивая при этом большинство черт духовной и материальной культуры, такие переселенцы, однако, сохраняли племенное самосознание — и племенные имена.

Ободричи осели в Потисье, к востоку от Паннонии, где оставались еще и в первой половине IX столетия.[909] Возможно, что в этом же регионе, основной базе для вторжений кагана в Иллирик, или даже уже за Дунаем, в Поморавье, были сначала поселены смоляне. В первой половине IX в. это племя жило далеко к югу от Дуная, на юго-западе современной Болгарии, по реке Струме.[910] Стодоряне же были помещены существенно западнее. Их след — Стодорская долина в верховьях Дравы,[911] на подступах к Истрии и ромейским владениям в Италии.

Фельбергский сосуд

https://RodnoVery.ru

Установление связей с каганатом способствовало обогащению племенной знати венедов и, как следствие, — усилению ее власти над соплеменниками. С другой стороны, должно было усилиться давление каганата на единственных своих врагов в северном регионе — хорватский племенной союз. Хорваты и союзные им племена, занимая Чехию и частично Силезию, являлись естественным препятствием на пути прямых контактов между каганом и венедами. Связь с последними могла осуществляться лишь в обход хорватских земель, через территорию лендзян. Именно ляшские племена и явились союзниками каганата в натиске на чешских и верхнесилезских славян.

С этим напором можно увязать не только продолжавшуюся миграцию из Чехии в бассейн Лабы — Заале, но и движение из Силезии на север, приведшее к сложению новой, фельдбергской культуры. В Силезии к концу VI в., как полагают, строятся уже первые оборонительные грады.[912] Носителями фельдбергской культуры признаются славянские племена велетов (вильцев).[913] Их миграция могла быть вызвана аварским нашествием на обжитые прежде земли. С другой стороны переселение предстает скорее как целеустремленное военное вторжение. Это заставляет думать и об иной возможности. Не была ли миграция велетов сознательной военной акцией враждебных аварам племен — дабы нанести удар по северным союзникам каганата и всемерно ослабить противника?

Основным толчком к началу завоевательных войн явилось само возникновение племени (или уже небольшого союза «родов») велетов. Костяком его, давшим общее имя, стали, как уже говорилось, переселенцы из Юго-Западной Прибалтики, где племя вельтов известно во II в. н. э. В Верхней Силезии они быстро ославянились, переняли традиции суковско-дзедзицких племен в домостроительстве и погребальном обряде.[914]

Главной культурной особенностью «фельд бергцев»-велетов является керамика — изготовленная на гончарном круге, с хорошим обжигом и богатым орнаментом (горизонтальные линии, ряды волн, реже штампы и налепка). Керамика эта представлена невысокими сосудами с широким горлом, выпуклыми боками и суженым низом.[915] Как уже говорилось, появление гончарной керамики указывает на еще один компонент сложения велетского племени — бродячих гончаров германского происхождения. Скорее всего, гончары совместно с балтийскими пришельцами вошли в элиту нового объединения. Быть может, основу племенной дружины составили члены бойнических братств, происходившие из разных племен. Это объяснило бы прослеживаемую даже археологически повышенную

https://RodnoVery.ru

агрессивность велетов.

В велетской элите можно выделить и еще один, несколько неожиданный компонент. В конструкции известных уже с VII в. (Фельдберг) и уникальных для славян велетских храмовых зданий явственно ощущается кельтское влияние. Верхняя Силезия издавна являлась местом встречи праславянской, германской и кельтской культур, и кельтские традиции храмового строительства могли уцелеть именно здесь.[916] Кельтский друидизм был, пожалуй, наиболее развитой из языческих религиозных систем «варварской» Европы. Нет ничего удивительного в том, что он оказывал воздействие на местных жителей, даже когда кельтский этнический элемент в Силезии полностью стерся. Далекие потомки кельтских жрецов-друидов, сохранившие некоторые их традиции, влились в велетскую знать.

Точная датировка событий невозможна, но вторжение в венедские земли велеты начали в конце VI в.[917] К этому моменту они уже продвинулись в Нижнюю Силезию, где и завершилось формирование племенной общности. Первый удар пришелся на стодорян в бассейне Шпрее — Хафеля.[918] Велеты передвигались большими организованными группами, ударную силу которых, несомненно, составляли мужчины-воины. Вторжение встревожило местные племена. Повсеместно, сначала в землях стодорян, а потом и дальше на север, начали возводиться укрепленные грады. На рубеже VI–VII вв. были основаны крепостцы Бранибор (Бранденбург), Кепеник, Шпандау, Бланкенберг.[919] Однако само количество этих городищ-убежищ свидетельствует о слабой (по сравнению с велетами) черте политической организации стодорян и их сородичей. В отличие от врага, венедские племена были крайне раздробленны политически. До создания единого «княжения» даже в рамках сравнительно небольшого региона они дошли не сразу.

В то же время велеты, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, не стали в массе задерживаться в земле стодорян. Присоединение стодорян к велетскому союзу произошло уже позже. По крайней мере, массового разрушения градов не отмечено, и главный очаг фельдбергской культуры сложился дальше к северу. Велеты, сперва двигавшиеся вдоль Лабы, отклонились затем на северо-восток, к Одре. По пути они существенно потеснили ободричей. Под давлением завоевателей суковские племена на рубеже VI/VII вв.[920] сдвинулись на север и осели на берегах Балтики, в срединной части междуречья Лабы и Одры. Именно здесь ободричей позже знают письменные источники.

https://RodnoVery.ru

Основную же тяжесть велетского натиска приняли на себя племена Западного Поморья. Вторжение велетов отмечено группой невскрытых кладов с имперскими монетами в низовьях Одры, о которых уже говорилось. Брежане и поморяне, жившие к западу от Одры, были частично изгнаны за реку. Эта часть земель Южной Прибалтики превратилась в главный район расселения велетов. На западе велеты потеснили жившее здесь (по реке Варне) древнее германское племя варнов. Варны были вынуждены влиться в ободричский племенной союз, тем более что ободричи уже начали расселяться на их землях. Главной побудительной причиной образования венедского союза во главе с ободричами как раз и была борьба против велетов. Позднее варны, проживавшие на границе между ободричами и велетами, ославянились.

На пути своего движения и в отдельных военных акциях велеты уничтожали венедские грады, истребляя или изгоняя жителей. На захваченных территориях они возводили собственные укрепленные поселения. В каждом велетском граде имелось несколько десятков дворов, на которых проживало в общей сложности от 600 до 1000 человек.[921] Численное превосходство, несомненно, стало наряду с лучшей организацией одним из залогов велетских успехов. С другой стороны, постоянное проживание в укрепленных градах свидетельствует о том, что велеты на захваченных землях жили в условиях постоянной угрозы — будучи сами, впрочем, едва ли склонны к вечному миру.

В то же время основная масса венедов осталась на прежних местах. Велеты в первую очередь уничтожали грады — центры сопротивления — и враждебную племенную элиту. Остальная же часть побежденного племени включалась в велетский союз на условиях даннической зависимости. Со временем велеты стали обильно смешиваться с покоренными племенами, а фельдбергская керамика распространяется на суковских поселениях.[922] Собственно велеты, жившие в градах, составили элиту нового союза. В эту своеобразную аристократию входили племенные князья, дружинники, ремесленники-гончары и жрецы. Велетское общество было гораздо в большей степени иерархично, чем венедское. Велетские вожди (в отличие от ободричей) в VIII в. носили двусоставные «княжеские» имена.

Память о велетских завоевательных войнах сохранилась в средние века не только в молве об особой свирепости велетов (позже — лютичей). В норвежской «Саге о Тидреке», которая представляет собой перевод германских эпических сказаний, выделяется так называемая «Вильцина-сага», то есть сага о вильцинах (вильцах, велетах-лютичах).[923] В ней

https://RodnoVery.ru

заметны некоторые элементы уже не немецкого, а славянского эпоса.

Повествование о вильцинах открывается рассказом о завоевательных войнах «конунга» Вильцина (то есть Велета), разорившего и покорившего многие страны, в том числе Польшу и Русь. По его имени и названы будто бы вильцины.[924] В дальнейшем, после смерти Вильцина, его народ побеждают и покоряют обложенные ранее данью русские.[925] В последующем повествовании о русских и вильцинах давно и не без оснований видят первую запись русских былин «Владимирова» цикла. Это наводит на парадоксальную, на первый взгляд, мысль — не из Руси ли, через Новгород, была воспринята вся канва «Вильцина-саги»? Новгородские словене были выходцами из Южной Прибалтики.[926] Их предки, скорее всего, имели дело с велетами и были ими подчинены. Память об этом факте сохранилась в предании, а освобождение трактовалось спустя века как конечная победа над противником и его покорение.

Велет, точнее «Волот Волотович» (в северорусских преданиях волоты — мифические великаны), действительно обнаруживается и в русском эпосе. Но в эпических песнях XIX–XX вв. царь Волот — уже не воитель, а мудрец, восприемник и хранитель сокрытой мудрости. Этот персонаж (смешиваемый с былинным Владимиром) — главный в т. н. «духовном стихе» о Голубиной книге. Здесь он вопрошает библейского царя Давида о смысле «выпавшей» с небес «книги Голубиной», скрывающей знание об устройстве мира.[927] «Голубиная книга» — произведение, родившееся в атмосфере «народного христианства», а по сути многоверия — сочетает самые разные по происхождению элементы. В основном она восходит к переводному апокрифу «Беседа трех святителей». Сложился памятник не позднее XV столетия.[928] Присутствие в «Голубиной книге», наряду с чертами «христианских» ересей, частиц языческой мифологии признается многими специалистами.[929]

Итак, до нового времени сохранилась не только (а затем — и не столько) память о велетских войнах, сколько о велетах и их «царе» как носителях некоей сакральной «мудрости». В связи с этим, восходящим к языческим временам представлением нельзя не вспомнить о «кельтской» составляющей в религиозной культуре велетов. Как уже указывалось, кельтский друидизм являлся наиболее развитой из «варварских» религиозных систем Европы. Велеты, надо полагать, наследовали не только внешние проявления, но и отдельные космологические доктрины этой сложной религии, хранителем которой являлось замкнутое жреческое

https://RodnoVery.ru

сословие. Кельтское «знание» было не только частично воспринято велетами, но и навязано ими покоренным племенам. В связи с этим язычество в сфере велетского влияния обрело некую цельность и связность, «философскую» подоплеку, незаметную в других славянских землях. Недаром именно полабско-поморский и северорусский регионы стали позже главными оплотами языческого сопротивления христианизации.

В то же время велетской традиции оказалась чужда такая черта друидизма, как главенство жрецов в духовной сфере. Верховным носителем священного «знания» считался князь — сакральный и военный вождь одновременно. Он являлся одновременно главой игравшего большую общественную роль дружинного союза, связанного с культом волка (ср. позднейшие названия велетов — «вильцы», «лютичи»[930]). Все это отразилось в славянских преданиях о князе Велете — великом завоевателе и приобретателе «глубинных» знаний.

Завоевательные войны велетов привели к образованию на славянском северо-западе двух противостоявших позднее друг другу веками племенных объединений — велетского и ободричского. В исторической ситуации VI в. эти события отрезали Аварский каганат от северных венедских союзников и сковали силы последних. Но решающего значения для аваро-ромейских войн эти далекие события иметь не могли. Судьбы Империи решались не на Балтике, а на Дунае.

Возобновление аварских войн

Разгром кагана во Фракии в 587 г. позволил Маврикию сосредоточить на Персидской войне все свое внимание. В 588–589 гг. ромеям удалось создать против персов новую коалицию, в которую вошли, помимо кавказских владетелей, также отвлекшиеся от своих междоусобиц тюркюты и хазары. Персы разгромили вторгшихся кочевников. Но вслед за тем удача улыбнулась императору. В Иране внезапно вспыхнула гражданская война, стоившая трона шаху Хормизду. Сын свергнутого царя, Хосров, в итоге нашел убежище у Маврикия. Теперь Империя вела на востоке совсем другую войну — войну за восстановление законной власти, при поддержке влиятельной партии в среде самих персов.

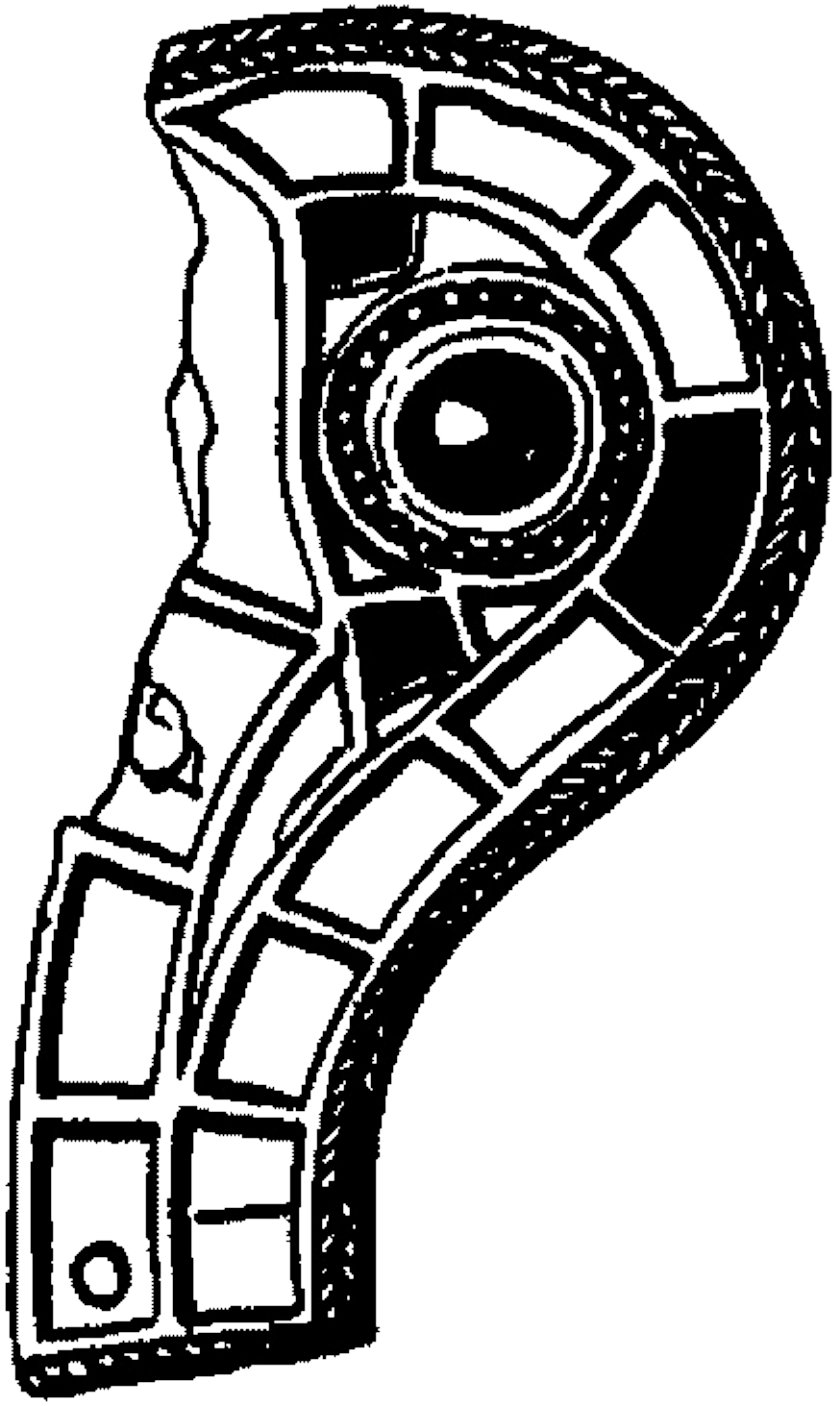
Как только стало возможно, Маврикий начал переброску частей с Востока в Европу. Угроза аварского вторжения во Фракию сохранялась, и

https://RodnoVery.ru

сведения из-за пределов Астики с трудом доходили до Константинополя. В октябре 590 г.,[931] стремясь предупредить возможное вторжение, Маврикий предпринял со всеми наличными силами военную демонстрацию во Фракии. Он обошел с войсками всю реально подвластную Империи часть диоцеза — собственно говоря, его юго-восточную часть вплоть до Анхиала. Именно в этом походе, по пути к Анхиалу от побережья Мраморного моря, в руки Маврикию попали послы поморских славян, о которых речь шла выше. То, что они беспрепятственно прошли в глубь Фракии, почти до самых Длинных стен, ясно свидетельствует о слабости ромейского контроля над территорией.

Но акция Маврикия достигла цели — нападения авар не последовало. Каган на какое-то время удовлетворился возобновлением договорных выплат. К тому же император обрел нового союзника. Король Австразии Хильдеберт,[932] стремившийся укрепить свои восточные рубежи и опасавшийся возрастающей мощи авар, сам предложил Маврикию заключить против них союз.

https://RodnoVery.ru



Скоба для ножен. VI–VII вв.

Результатом мер, предпринятых императором, стало восстановление ромейского контроля во Фракии и отчасти на севере Иллирика. Во всяком случае, в 592–593 гг. граница по Дунаю функционировала. Путь к фракийским переправам шел по более или менее контролируемой ромеями

https://RodnoVery.ru

территории. Ромеи удерживали — хотя и во враждебном окружении словен — даже Сингидун. Каган же удалился в Паннонию. Тогда же были восстановлены некоторые позиции и на юге, в Ахайе. В 591 г. Коринф и его окрестности уже снова принадлежали Империи.[933] Тогда же отчасти вернулись жители в города на севере Пелопоннеса — Аргос и Патры. В результате осевшие на полуострове словене оказались заперты там.

В начале 591 г. Хосров II Парвиз при поддержке ромеев вступил на отцовский престол. Персидская война, наконец, завершилась, и осенью стороны подписали выгодный для ромеев мир. Теперь у Маврикия были окончательно развязаны руки. Войска спешно перебрасывались из Азии в Европу. Каган, вне сомнения, быстро осознал сложившуюся ситуацию. Он решил ускорить события, пока противник еще не успел набрать сил.

В 592 г.[934] каган потребовал от Маврикия снова увеличить «даннические» выплаты. Не последовало даже ожидаемого отказа. Осмелевший император попросту проигнорировал «речи варвара». В ответ каган «немедленно» двинул войска к границе Мезии. Он приказал словенам, жившим по обоим берегам Дуная близ Сингидуна, «построить множество челнов» для переправы аварской орды.[935]

Мораване не слишком хотели ввязываться в новую войну с Империей. Но они боялись кагана и решительно приступили к делу.[936] При этом они столкнулись с ожесточенным сопротивлением горожан. «Частыми набегами» сингидунцы «сводили на нет труды славян и предавали огню все, заготовленное ими для переправы». Отсюда следует, что работа шла преимущественно на южном, сингидунском берегу Дуная. В конце концов, раздраженные словене подступили к городу и осадили его. Осада длилась неделю. Давно потерявший связь с Империей, отрезанный от подвоза продовольствия Сингидун был «доведен до крайней степени несчастья». Горожане, казалось, готовились к сдаче — когда недовольный промедлением каган отозвал словен. Он решил переправляться дальше на запад, не через Дунай, а через менее полноводную и протекающую по его владениям Саву. Словене ушли от Сингидуна, не преминув, впрочем, взять с горожан откуп — 2000 золотых, «инкрустированный золотом стол и одежду».[937]

Вместе с «полчищами» словен каган прошел вверх по Саве к давно захваченному Сирмию. Здесь он разбил лагерь и велел словенам снова взяться за строительство. Словене спешно принялись за работу. Когда они построили необходимое количество «судов», каган со своим войском переправился через реку.[938] В развернувшейся далее кампании словене

https://RodnoVery.ru

сколько-нибудь заметного участия не приняли. Каган, должно быть, отметил их недовольство и решил не привлекать к военным действиям в глубине имперской территории.

Дела авар сперва шли достаточно успешно. Каган без сопротивления миновал земли Верхней Мезии и Дакии, вступил во Фракию. Лишь на перевалах, ведущих к Астике, ромеи попытались дать ему отпор. Но авары в конечном счете прорвались через горы и дошли с войной почти до самых Длинных стен. Разгромленный каганом стратиг Приск был осажден поблизости от них, в крепости Цурул. Маврикию, однако, удалось хитростью отвести угрозу от столицы. Он подбросил аварам дезинформацию о том, что ромейский флот готовится к удару по аварам. Обеспокоенный каган поспешил заключить перемирие с Приском и удалился из Фракии за Дунай.[939]

Тревогу кагану внушили и события на западе. Здесь франки вели уже активные действия близ самых границ каганата. В 592 г. Хильдеберт покорил баваров и посадил на баварский престол своего ставленника — Тассило из рода Агилольфингов. Первым действием нового короля стал грабительский набег на «страну славян» — земли альпийских словен. Разгромив их в битве на холме Фикторибюэль близ Иннихена (ныне Сан-Кандидо), Тассило «возвратился с величайшей добычей».[940] Набег Тассило на славян был призван поднять авторитет поставленного франками короля среди подданных. Но помимо этого он отвечал и политическим целям Хильдеберта, врага авар и их союзников. Таким образом, возобновившаяся Аварская война теперь приобретала почти что общеевропейский масштаб, и в нее оказались втянуты самые разные славянские племена.

Экспедиция Приска

Вторжение авар немедленно привело к активизации славянских набегов на Фракию. Теперь они диктовались уже не столько поиском новых мест, сколько жаждой наживы племенной знати. Набеги организовывал лично Радогост, посылавший за Дунай племенные дружины дунайцев. При этом сам он в военных действиях участия не принимал. «Роды славян», судя по всему, нанесли в 592 г. серьезный ущерб северным землям диоцеза. Они беспрепятственно переправлялись через Дунай, используя слабость здесь ромейской власти и нашествие кагана.[941] Свою лепту в разор внесли

https://RodnoVery.ru

и единоплеменники дунайцев, уже осевшие в Скифии и Нижней Мезии.[942]

Раздраженный происходящим на севере Фракии, Маврикий решил использовать образовавшуюся в аварской войне передышку для расправы над словенами. К весне 593 г. в Европе было уже достаточно сил для масштабного военного предприятия. Маврикий вверил их Приску и отправил стратига к границе — прикрыть переправы через Дунай, «чтобы роды славян… против воли оставили Фракию в покое». «Варвары не уймутся, — наставлял император полководца, — если ромеи не будут усердно охранять Истр».[943]

Ранним летом Приск достиг Доростола. Здесь к нему явились послы кагана, обвинившие его в нарушении договора о перемирии. Судя по всему, авары уже воспринимали чуть ли не все Нижнее Подунавье как свою территорию. Приск ответил на претензии авар сдержанно. Он заявил, что «война начата против славян: ведь соглашения и договоры с аварами не отменяют войны с гетами».[944] Таким образом, он мягко дал понять кагану, что не признает его притязаний на все задунайские «варварские» земли. Аварские послы, казалось, удовлетворились ответом. Осмелевший Приск стал готовиться к переправе через Дунай и вторжению непосредственно в словенские земли, — строго говоря, вопреки данным ему полномочиям. Наступательная война казалась ему эффективнее оборонительных действий.

Между тем Радогост тоже готовил войну — вернее, обычный «поход за добычей» племенного ополчения дунайцев.[945] Можно не сомневаться, что о Приске он знал — если слух дошел даже до кагана. Но словенский вождь рассчитывал на заступничество сильного союзника. К тому же он чувствовал за собой прочный тыл. Где-то между Прутом и Сиретом расположился в ту пору станом сам Мусок — «рикс» словен. Он со своими воинами объезжал тогда южные дулебские земли. Как уже говорилось, гощение главы дулебского союза, скорее всего, падало на теплый сезон.

Собрав большое войско, Радогост отправил его к Дунаю. Еще не знавший об этом Приск тем временем переправился через реку близ Доростола. Получив известия о начале набега, стратиг решил не медлить. Радогост явно не ожидал нападения. Подготовка ромеев к переправе была скорой и скрытной. Основные силы словен готовились к набегу в ставке Радогоста (в пределах дневного перехода от Дуная, южнее Яломицы). В первую же ночь за Дунаем Приск внезапно атаковал врага. Радогост был захвачен врасплох. Разбуженный шумом начавшегося боя, он «вскочил на неоседланного коня и обратился в бегство». Но ромеи, для которых

https://RodnoVery.ru

словенский вождь был желанной добычей, перехватили его. Радогост спешился и вступил в схватку. Враги, однако, превозмогли, и Радогост бежал вновь — теперь уже пешим. В бегстве через «непроходимые места» он налетел на древесный ствол и едва не попал в руки врага. Но в конечном счете Радогост ушел от погони, переплыв близлежащую реку.[946]

Разгромив ставку Радогоста, Приск принялся за опустошение страны. «Полчища», отправленные словенским вождем к Дунаю, ромеи «сделали добычей меча» — ударив в тыл той же ночью. Вся округа подверглась разграблению. В руки ромеев попала «великолепная» добыча, в том числе пленные словене. Из-за дележа захваченного в войске чуть не вспыхнул мятеж. Приску с трудом удалось убедить своих солдат расстаться с большей частью добычи в пользу императорского семейства. Пленники, забитые в колодки, и выделенная для Маврикия львиная доли добычи были отосланы в Константинополь под охраной трехсот воинов во главе с Татимером.[947]

Первое поражение сделало невозможным организованное сопротивление дунайцев. Они применили свою старую тактику — бегство в труднодоступные лесные укрытия. Во всяком случае, разведчики Приска, отправившиеся на поиски врага после замирения бунта, за два дня не обнаружили признаков словен до самой Яломицы (Иливакия). Кто-то за минувшее время успел добраться до стана Мусока за Сиретом и донести до него известие о разгроме Радогоста. Дулебский вождь поспешил, в свою очередь, выслать к Яломице разведывательный отряд, который должен был оценить силы ромеев. Не доходя до реки, разведчики натолкнулись на ромеев.[948]

Приск, ничего не зная о словенском «риксе», не собирался останавливаться на достигнутом. Выяснив, что в окрестностях разоренной ставки Радогоста словен не осталось, он приказал одному из своих таксиархов, Александру, переправиться через Иливакий. Именно с Александром и столкнулась разведка Мусокия на северном берегу Яломицы. К битве словене не готовились, и потому обратились в бегство, скрывшись в «близлежащих болотах и дикой чаще». Устремившиеся в погоню воины Александра едва не погибли в трясине поголовно. Александр приказал поджечь топь, чтобы выкурить словен из зарослей либо спалить вместе с ними. Но эта попытка окончилась ничем — влажность пересиливала огонь. Ромеям помогла измена. Находившийся среди словен (в качестве толмача?) крещеный гепид перебежал к единоверцам и указал проход через болото.[949]

https://RodnoVery.ru

Воины Мусока, попав в руки Александра, мужественно выдержали допрос с бичеванием. По словам Феофилакта, «варвары, впав в предсмертное безумие, казалось, радовались мукам, как будто чужое тело испытывало страдания от бичей». Впрочем, большой нужды в этом дознании у Александра не было — он, скорее, рассчитывался с пленниками за свои трудности. Гепид без всякого принуждения рассказал ромеям о «риксе» Мусоке, о местонахождении его походного лагеря и намерениях. Более того, перебежчик «убеждал ромеев совершить дружное нападение и взять варвара неожиданностью атаки». Александр вернулся к Приску с новостями и пленниками. Стратиг приказал убить захваченных словен. Гепида же, вызвавшегося «с успехом обмануть» словенского «рикса», Приск наградил и обещал ему еще более щедрые дары.[950]

Пока Приск переправлялся через Яломицу, гепид вернулся в лагерь Мусока. Он попросил у князя «множество однодеревок, чтобы переправить» беженцев из владений Радогоста через Сирет (Паспирий). Мусок с готовностью и радостью согласился выручить соплеменников и передал гепиду 150 лодок с 300 гребцами.[951] Словене переправились через Сирет и разбили лагерь на южном берегу, ожидая придуманных гепидом беженцев.

Приск между тем уже двигался к реке. Ночью после переправы гепид скрытно выбрался в лагерь ромеев и попросил у Приска сотню воинов. Стратиг, чтобы действовать наверняка, дал две сотни во главе с Александром. Неподалеку от реки гепид скрыл Александра и его воинов в засаде, а сам вернулся к словенам. В лагере царила беспечность. Гребцы предались пьянству, а гепид им как будто в шутку «грозил гибелью». Когда сон сморил всех, гепид вывел из засады Александра и указал ему дорогу. Затем, вернувшись в лагерь и убедившись, что спутники все еще спят, он пропел «аварскую песню» — условный сигнал. Ромеи, напав, перебили спящих гребцов и захватили лодки. Александр послал Приску извещение об успехе, призывая его торопиться с нападением. Погрузив на лодки три тысячи воинов, Приск переправился через Паспирий.[952]

Мусок тем временем, в ожидании беженцев, перенес стан ближе к Сирету. На беду для словенского князя, у него как раз в эти дни скончался брат. Пока Приск переправлялся через Сирет, Мусок и его воины справляли тризну. В полночь ромеи обрушились на отягощенных трапезой и возлияниями словен. Приск устроил в лагере «варваров» бойню, не встретив серьезного сопротивления. Мусок попал в плен. Его воинов ромеи убивали до самого рассвета. Лишь с восходом солнца стратиг остановил

https://RodnoVery.ru

своих солдат. Два дня он оставался на месте разгрома дулебов. Но затем Приск переправился обратно вместе со всей захваченной добычей.[953] Он счел, что пленение «рикса» ожесточит славян, а сам он зашел слишком далеко в глубь едва изведанных земель.

Однако осторожности Приска не разделяли его солдаты. Богатая добыча (легко объяснимая, если Мусок действительно объезжал подвластные племена) позволила ромеям «впасть в роскошь». Затем, в довершение, войско «погрязло в пьянстве». Дозорами стали пренебрегать. Это позволило словенам «отплатить ромеям за набег». Словене напали ночью, «собравшись вместе», — ополчение дунайцев и пришельцы из-за Сирета, включая уцелевших воинов Мусока. Феофилакт довольно скуп в описании этого боя. Но все же греческий историк вынужден был признать, что возмездие словен едва не оказалось «еще страшнее нападения» Приска на них. Потери ромеев явно были очень серьезны. Словен удалось отогнать лишь благодаря решительным действиям Генцона, командующего пехотой. К утру ромеи отбились. Приск велел посадить на кол начальников караула и выпороть их подчиненных.[954]

Разорение земель Радогоста взволновало не только Мусока, но и словен, осевших за Дунаем. Татимеру, посланному, как мы помним, в Константинополь, не удалось достичь столицы без боя. Поскольку «полчища» Радогоста за Дунай переправиться не успели, можно не сомневаться, что ромейскому офицеру пришлось иметь дело именно с фракийскими словенами.[955] Главной целью словен было отбить пленных соплеменников.

Татимер беспрепятственно переправился через Дунай где-то в окрестностях Доростола. Шел он со своим небольшим (300 человек) отрядом без всяких опасений. На шестой день после выступления, однако, его стоянка была посреди дня атакован словенами. Ромеи только разбивали палатки и устраивали палисад, отпустив пастись лошадей. Атака на собственной земле застала их врасплох. Началась паника. Татимер и некоторые другие успели вскочить в седло и приняли первый бой — но словен было гораздо больше. Татимер обратился в бегство и едва избежал гибели — «его настигли несколько шальных стрел». Подоспевшие пешие ромеи закрыли командира, и началась настоящая битва. В конце концов, верх одержали ромеи. Многие словене погибли, а 50 было захвачено в плен. Отогнав остатки врагов, ромеи вернулись в лагерь.[956]

Когда раны начали заживать, Татимер приказал сняться с лагеря и двигаться дальше. Вскоре он уже прибыл в Константинополь. Первая за

https://RodnoVery.ru

долгие годы внушительная победа в Европе привела Маврикия в восторг. Он приказал отслужить в честь разгрома словен всенощную в Святой Софии, а затем «вместе со всем народом вознес молитвы, прося Бога дать еще большие трофеи».[957] Знатнейших пленников гордый успехом император отправил в позолоченных цепях в дар своему персидскому союзнику, шаху Хосрову.[958] О победе над «Мусокием» Маврикий еще не знал. Но уже разгром Радогоста достаточно вдохновил его. Император отправил Татимера обратно с приказом для стратига — зазимовать на словенских землях.[959]

Войско, однако, оценивало свои достижения иначе, чем император. Когда Татимер доставил приказ, солдаты зароптали и отказались повиноваться. «Они говорили, что не станут лагерем на варварской земле, что морозы здесь невыносимы, а толпы варваров неодолимы». Вновь Приску пришлось пустить в ход красноречие. Он сумел заглушить голоса недовольных, и бунт стих, толком не начавшись. Наведя порядок, стратиг обустроил зимний лагерь за Дунаем.[960]

Однако зимовку не удалось довести до конца. Солдаты вскоре вновь начали роптать. В войске нарастал страх за свою богатую добычу (известно, что в руках ромеев было 5000 пленных). Все ждали внезапного нападения словен. В конечном счете Приск, не желая иметь дело с мятежом, вывел войско обратно за Дунай. За рекой его встретили посланцы кагана — тот любопытствовал, почему ромеи внезапно снялись со стоянок. Основную причину ухода — избыток добычи и недовольство воинов — Приск, разумеется, постарался скрыть.[961]

Но уже на третий день после переправы стратиг узнал, что интерес кагана был отнюдь не праздным. Разгром словен в целом был на руку аварам. С поражением Радогоста и пленением Мусока каган получал реальную власть над дунайцами, оставшись для них на какое-то время единственной организующей силой. Теперь, когда речь шла о добыче, размеры которой каган и без Приска хорошо представлял, он мог использовать обстоятельства в своих интересах. Пылавшим жаждой мести и стремившимся освободить пленных сородичей словенам каган «приказал» переправиться через Дунай. Кроме того, он сам готовился атаковать Приска. Впрочем, алчность кагана встретилась с недовольством аварской знати. Аристократы под главенством Таргития — второго лица в каганате — заявили кагану, что «он несправедливо гневается на ромеев». Они, таким образом, не считали дунайцев «подданными» каганата и не хотели нарушать мир ни ради них, ни ради личных прихотей вождя.

https://RodnoVery.ru

Именно эта группировка, скорее всего, и известила о происходящем Приска.[962]

Приск отрядил к кагану в качестве посла лекаря Феодора. Переговоры начались трудно. Каган заявлял, что является «владыкой всякого народа» (в том числе и дунайских словен) и грозил своей непомерной мощью. Но ловкий и красноречивый Феодор смягчил кагана древней притчей о гордыне фараона Сесотриса. Поучительный пример произвел на кагана впечатление. Он умерил притязания и ясно сформулировал, чего хочет: «Да не останется каган лишенным доли в добыче: он [Приск] напал на мою землю, причинил зло моим подданным. Пусть и плоды успехов будут общими». В этом случае Приск мог стать кагану «хорошим другом».[963] Иными словами — в возмещение за разорение земель дунайцев ромеями каган требовал себе часть имущества, награбленного у его «подданных».

Домогательства кагана, которые Приск склонен был поддержать, вызвали ярость в ромейском войске. Стратигу с трудом удалось убедить вновь забунтовавших солдат поступиться хоть чем-то. Ромеи решили отдать всех пленников — наиболее обременительную часть добычи. Тем самым невольно в буйстве мятежной сходки они нашли довольно удачный ход. Каган не получал ничего, поскольку удержать «подданных» (в том числе славянского «рикса») у себя в тех условиях едва ли осмелился бы. Зато удовлетворялись пересекшие Дунай словене, которые и были главной угрозой на пути к Константинополю. И действительно, после передачи пленников кагану ничего не оставалось, как выказать «радость» и «обеспечить ромеям проход».[964] Ослабленные войной словене и без того возвратились бы за Дунай, добившись свободы для соплеменников. Замирившись с каганом, ромеи беспрепятственно прошли балканские перевалы и вернулись в окрестности столицы, встав лагерем в Дризипере.

Приск отправился с докладом в Константинополь. Здесь его ждал неприятный сюрприз — император еще до обратной переправы отправил стратига в отставку. Маврикия раздражала неспособность Приска жестко пресечь буйство солдатни. Во главе европейской армии теперь был поставлен Петр — брат императора. Уступка пленных кагану также вызвала гнев Маврикия — так что вместо благодарностей за действительно значимый успех Приск снискал лишь попреки.[965]

Пирогостова война

https://RodnoVery.ru

После похода Приска за Дунай мы не находим в источниках никаких упоминаний о славянском вожде Радогосте. О судьбе его после бегства из разгромленной ставки можно лишь строить предположения. Причем догадки эти могут быть прямо противоположными. Не исключено, что с Радогостом в итоге расправились сами соплеменники, поставив ему в вину бесславный разгром. С другой стороны, с пленением (пусть временным) Мусока освобождалось место главы дулебского союза. Не исключено, что Радогост отправился на север, и его статус в дулебском объединении каким-то образом возрос.[966]

Так или иначе, но в следующем, 594 г. дунайцев возглавлял уже новый предводитель — Пирогост.[967] Феофилакт определяет его как «филарха» и «таксиарха», что соответствует славянскому «воевода». Пирогост, таким образом, считался не общим князем, а общим военачальником дунайцев. Совпадение второй составной части имен прежнего и нового вождя («-гост»), скорее всего, свидетельствует об их родстве.[968]

Уже говорилось, что удар, нанесенный словенам Империей, сыграл на руку аварам. Их влияние распространялось все дальше вниз по Дунаю. Жившие в соседстве с каганатом племена попадали в зависимость от него. Подвластные аварам болгары уже в 594 г. «беззаботно» передвигались по словенским землям в Олтении.[969] Это было знаком резкого ослабления дулебского союза. Возможно, именно после пленения ромеями Мусока начались усобицы, ставшие предвестием конечного упадка.[970] Тем не менее Пирогост действовал против ромеев еще вполне самостоятельно.

Как только ромеи покинули словенские земли, беженцы вернулись в свои дома и стали готовиться к отмщению. Неясно, хватало ли реально сил для масштабного вторжения — его так и не последовало, хотя слухи о нем тревожили Константинополь.[971] Но небольшой отряд словен все-таки вторгся в пределы державы ромеев. Дерзость и жестокость этих напавших указывает на состав дружины. В нее могли войти как члены бойнических братств, так и кровники, чьи родные погибли или были уведены в рабство ромеями.

Словене переправились через Дунай на крайнем западе Олтении, близ самой границы с каганатом. Отсюда их набегов не ждали. Первым делом они захватили крепость Акис, которая менее десятка лет назад пережила аварское разорение. От Акиса словене двинулись на юг и дошли до окрестностей Сердики (ныне София), столицы провинции Дакия. Здесь они взяли одну из близлежащих ромейских крепостей — Скопис. Из Дакии они с полоном и добычей перешли во фракийские земли. Все эти территории

https://RodnoVery.ru

слабо контролировались Империей. Хотя о маршруте отряда ромеям было известно, серьезного сопротивления словене не встретили. Пройдя через всю Нижнюю Мезию, они разорили крепость Залдапа в пограничье с Малой Скифией, а уже отсюда повернули к Дунаю, намереваясь переправиться где-то близ Доростола. К этому времени в отряде насчитывалось около 600 человек. На «огромном множестве повозок» они везли «большую добычу», а кроме того, гнали с собой пленников.[972]

Так они и были застигнуты ромеями. В начале лета 594 г. новый стратиг Петр прибыл к войску, расположенному в Одиссе (ныне — Варна). Имея некоторые сведения о словенах, он намеревался сперва перехватить этот отряд, а затем переправиться за Дунай. Из Одисса Петр привел войско в расположенный западнее, недалеко от Залдапы Маркианополь. Отсюда он выслал авангард — тысячу конников. С ними словене и столкнулись.[973]

Словене заметили ромеев первыми. Поняв, что также замечены, словене перебили из числа пленников всех боеспособных мужчин. Детей и женщин они согнали в середину спешно возведенного круга из повозок. Взойдя на возы, словене стали кидать дротики в коней приблизившихся ромеев. Командовавший ромейским авангардом Александр отдал приказ спешиться и идти врукопашную. Ромеи пешими ринулись на заграждение, стреляя в ответ на дроты. Словене упорно защищались. Но, наконец, одному из солдат Александра удалось заскочить на воз и сойтись с противниками лицом к лицу, пустив в ход меч. За ним последовали и другие. Когда ромеи разрушили кольцо повозок, словене, потеряв всякую надежду, перебили оставшихся пленников. Затем все они погибли в бою с ромеями, причем те одержали верх «с трудом».[974]

На следующий день Александр известил о происшедшем Петра. Стратиг лично прибыл на место боя. Осмотрев все, он наградил солдат, не поставив никому в вину трагических последствий. Охотясь по соседству, Петр получил травму от клыков вепря. Это задержало его на какое-то время в окрестностях Залдапы. Но Маврикий выразил резкое недовольство промедлением брата, добиваясь скорейшего выступления к Дунаю. «Не вынеся упреков», стратиг 2 августа 594 г. выступил в поход, еще страдая от раны. 6 августа передовые части ромейского войска начали переправу через Дунай.[975]

Между тем до Маврикия дошли от границы слухи, будто «полчища славян готовы обрушиться на Византий». Обеспокоенный император немедленно отправил Петру новый приказ — остаться на правобережье и защищать Фракию. Получив приказ 16 августа, стратиг вернулся на

https://RodnoVery.ru

ромейскую территорию.[976] Следующие дни армия провела в блуждании вдоль Дуная, по приграничным крепостям. Петр бесплодно ожидал нашествия словен, но его не последовало.[977] Словенские вожди нарочно распускали подобные слухи и предпринимали демонстрации силы. Они рассчитывали, что таким путем смогут навязать ромеям оборонительную войну и предотвратить новое вторжение.

И тем не менее, вторжение произошло. Кульминацией «похода» Петра по южному берегу Дуная явилась ссора с горожанами Асима — крепости на одноименной реке (ныне Осым), правом притоке Дуная. Стратиг разбил лагерь под стенами 29 августа. Восхищенный парадом городского гарнизона, Петр попытался присоединить его к своему войску. Горожане наотрез отказались, ссылаясь на дарованное императором Юстином I право защиты. Попытка силой мобилизовать солдат вылилась в грандиозный скандал с участием епископа, давшего им убежище. Петр был готов осаждать Асим, но в конце концов понял, что превращается в посмешище, и удалился под издевательства горожан.[978]

Именно эта позорная ситуация, должно быть, побудила стратига немедля переправиться через Дунай и тем реабилитировать себя. Переправа произошла неподалеку от Асима, то есть в восточной Олтении.[979] От переправы Петр 5 сентября отправил вперед тысячный разведывательный отряд. Словен ромеи не обнаружили — это лишний раз доказывало, что реальные силы вторжения готовы не были. Зато авангард ромеев натолкнулся на «десять сотен» болгар. Кочевники не ожидали нападения со стороны ромеев, полагаясь на мир между ними и каганом. Последний к тому же находился тогда неподалеку. Ромеи внезапно забросали болгар дротиками. Те в ответ призвали не нарушать мира. Тогда командир отряда отправил гонца к стратигу, разбившему лагерь в 8 милях (11,84 км) от места стычки. Петр, желавший воинской славы, «велел… предать варваров мечу». Болгары, однако, разгромили равный по числу ромейский отряд и ушли к кагану.[980]

Вскоре к Петру явились аварские послы, обвинявшие императорского брата в нарушении мирного договора. Петр заявил, «что он не знал об этой ошибке». Он отправил кагану «блестящие дары» и посулил в будущем возместить нанесенный ущерб за счет «трофеев». Каган встретил предложение стратига с «благосклонностью». Он вновь был готов все простить ромеям, если те поделятся с ним добром, захваченным у словен.[981]

Стратиг спешно, невзирая на усталость, повел войско дальше, за Олт.

https://RodnoVery.ru

На четвертый день после переговоров с каганом, — видимо, еще в сентябре, но теперь мы не можем твердо судить о хронологии, — Петр подошел к некоей реке (Арджеш?).[982] Пирогост, зная о его приближении, привел войско к восточному берегу. Не подозревая о присутствии врага, Петр послал за реку двадцать разведчиков. Но разведчики, обессиленные долгим переходом, перед рассветом уснули в прибрежных зарослях. Здесь их и застали словене, проезжавшие мимо верхом и также захотевшие отдохнуть в тени. Ромеев взяли в плен и допросили. Те, «отчаявшись в спасении, рассказали все». Пирогост стал готовиться к битве, скрыв своих воинов в лесах вдоль берега реки.[983]

Не дождавшись возвращения разведки, Петр, тем не менее, отдал приказ к переправе. Впереди вновь двинулся тысячный авангард. Когда он оказался на том берегу, Пирогост вывел войско из засады. Ромеев перебили поголовно. Стратиг, поняв свою ошибку, перестроил переправу. Он слил отряды и направил к лодкам все войско сразу. Поняв, что повторить операцию не удастся, Пирогост тоже вывел всю рать на берег и выстроил ее вдоль реки. Это был просчет — ромеи обстреляли и забросали словен копьями с лодок, посеяв панику. Словене обратились в повальное бегство, когда пал сам Пирогост — воевода был смертельно ранен стрелой в бок. Ромеи высадились на берег и пустились в погоню. Они «учинили большую резню». Однако, поскольку кони еще не переправились, преследование быстро прекратилось. Ромеи разбили лагерь на отбитом берегу.[984]

На следующий день они выступили в путь. Шли они при помощи проводников (влахов? беглых от словен ромеев?). Однако те заплутали — или заявили, что заплутали.[985] К тому же Петр двигался без должной разведки местности, периодически подвергаясь нападениям мелких славянских отрядов. Известно, что, если ромеи разбивали лагерь близ леса, словене «легко отваживались на нападения» и угоняли коней. Они также могли нападать на арьергард, отставший из-за спешки передовых частей.[986]

Ромеи не могли найти питьевой воды и начали утолять жажду вином из своих фляг. Так продолжалось три дня, пока, наконец, в плен не попал какой-то «варвар». От него узнали, что до Яломицы всего «четыре парасанга» (то есть 18,5 км). К утру следующего дня ромеи добрались до реки и жадно набросились на воду. Но пленник недаром вывел их на реку. Из густого леса на противоположном берегу в воинов Петра полетели стрелы и копья. Множество ромеев погибло. Оставшиеся принялись спешно сооружать плоты, чтобы сойтись с врагом в ближнем бою. Но

https://RodnoVery.ru

беспорядочно начавшаяся переправа уставшего войска кончилась плачевно. На другом берегу «варвары все разом обрушились на ромеев». В завязавшейся битве те потерпели сокрушительное поражение.[987]

Ромеи в панике бежали на юг, где Петр сумел переправиться с остатками армии через Дунай. Произошло это в конце сентября — начале октября 594 г. Император, вполне убедившись в бездарности брата, был вынужден отозвать его в Константинополь. На должность командующего европейскими войсками вернулся Приск.[988] Однако и словене, несмотря на победу у Яломицы, больше не беспокоили Фракию. Потери в боях с ромеями были слишком велики. Пленение Мусока и гибель Пирогоста не могли не вызвать некоторой внутренней смуты. Поэтому неудивительно, что натиск дунайцев на границы Империи ослаб.

Как иногда полагают, именно под влиянием неудачного похода Петра Маврикий писал «славянскую» главу своего «Стратегикона».[989] Это весьма подробная рекомендация по ведению боевых действий против славян. Маврикий, как уже говорилось, характеризует образ жизни «склавов и антов», их военную тактику и способы противостояния ей.

Император советует при вторжении в земли славян подготовить преимущественно легковооруженное войско и запастись всем необходимым для переправ (ведь реки там «многочисленны и труднопреодолимы»). Нападения следует «производить больше в зимнее время, когда они не могут легко укрыться», страдают от мороза, а реки покрыты льдом. Для прикрытия ромейских провинций за Дунаем необходимо оставить часть конницы. Это подразделение должно, кроме того, запугивать славян возможностью вторжения на другом участке. Первым делом после переправы следует захватить языка. При следовании через вражескую территорию, особенно летом, остерегаться лесистых мест; расчищать их за собой на случай отхода.[990]

Летом военные действия вести также необходимо — «грабить места более открытые и обнаженные и стремиться задержаться в их земле», способствуя бегству ромейских рабов.[991] Желательно не обременять себя в лесах многочисленной конницей, обозом, тяжелым вооружением.[992] Переправы через реки Маврикий рекомендует производить как можно быстрее, силами пехоты. Под ее прикрытием можно уже наводить мосты. Главную ставку в борьбе со славянами император советует делать на внезапность.[993] Добытые припасы не скапливать при войске, а переправлять на Дунай по его левым притокам.[994]

Против славян Маврикий предписывает применять крайне жесткие

https://RodnoVery.ru

меры — как военные, так и дипломатические. Он считает необходимым стравливать словенских вождей, подкупая, прежде всего, тех, чьи владения расположены «ближе к границам». Перебежчикам, даже ромейского происхождения, император призывает не доверять. «Благонамеренных из них, — пишет Маврикий, — подобает благодетельствовать, творящих же зло — карать».[995]

В прошедших экспедициях, по свидетельству Маврикия, войско обычно задерживалось в первой захваченной «хории» (гнездовье славянских весей). Благодаря этому жители соседних получали возможность бежать и «избегали им предназначенного». Впредь, — указывает император, — следует брать славянское племя в клещи. Два отряда должны двигаться с двух концов группы «хорий» и грабить их, гоня друг на друга беженцев. Если из-за расположения местности это невозможно, то сделать ставку на стремительность, оставляя для грабежа каждой «хории» по пути следования небольшие отряды из авангарда. Позднее их будет собирать стратиг, идущий следом за авангардом с главными силами. «Всех встречных», особенно способных к сопротивлению, следует убивать на месте.[996]

Неясно, насколько все эти предписания были претворены в жизнь. Они не могли не учитываться в будущих экспедициях за Дунай. Но ромейские полководцы после 594 г. уже не заходили так далеко, как раньше, в глубь словенских земель в низовьях реки. Впрочем, дипломатические указания императора могли сыграть свою роль в относительном затишье на этом участке в следующий период.

Аварские войны 595–599 гг. и славяне

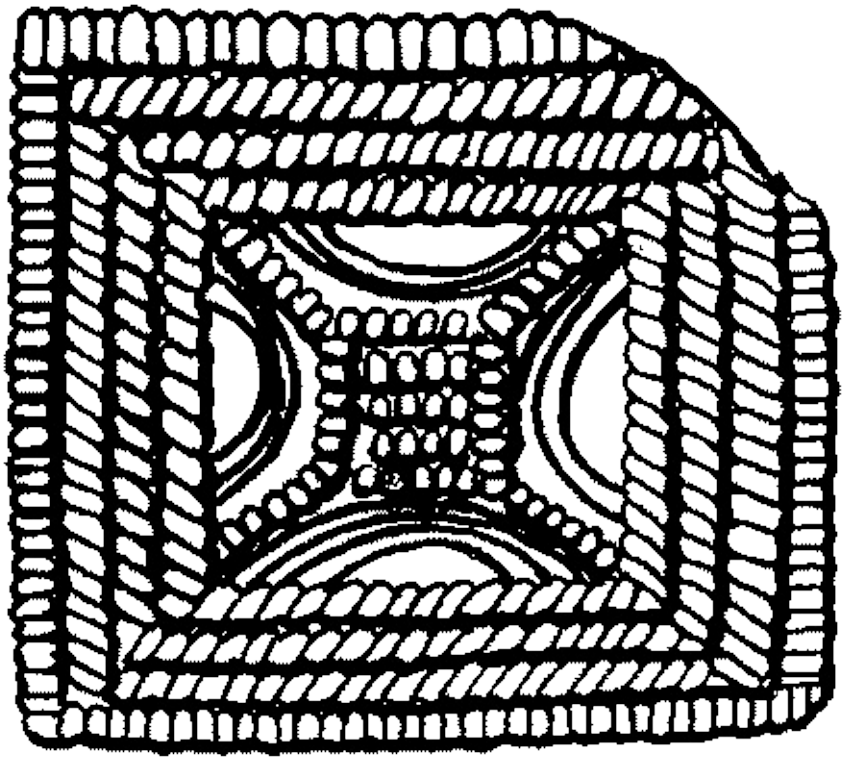
Экспедиции ромеев за Дунай только способствовали усилению Аварского каганата. Каган, конечно, так и не получил доли в словенской добыче. Однако обстоятельства складывались так, что после каждой ромейской акции перед ним открывались новые возможности для подчинения словен. Дунайцы были ослаблены и охвачены междоусобицами. Их распри разжигала к тому же ромейская дипломатия. Ни о каких значительных вождях — «риксах» или «таксиархах» — на этой территории источники больше не упоминают.

В Константинополе понимали перспективу усиления авар за счет словен. С каганатом Маврикий хотел рассчитаться давно. К тому же в 595 г.

https://RodnoVery.ru

возобновились дипломатические контакты с тюрками, у которых завершалась гражданская война. Император получил хотя бы зыбкую (так и не оправдавшуюся при нем) надежду на возвращение сильного союзника.

В начале весны 595 г. Приск принял командование поредевшей армией Петра. Подсчитав потери, стратиг хотел сперва обвинить незадачливого преемника перед Маврикием, но его отговорили. Не тратя времени на придворные интриги, Приск двинулся к Дунаю, и на пятнадцатый день разбил лагерь на северном берегу. Судя по дальнейшему, переправился он где-то в западной Олтении. Любопытно, что не сообщается не только о каких-либо столкновениях со словенами, но и о захвате добычи.[997]



Украшение пояса. VI–VII вв

Приск шел по этой редконаселенной земле четыре дня, не встречая никаких препон в движении к западу. Местные словене, судя по всему, были замирены дарами — как и советовал Маврикий. Их вожди могли счесть, что теперь их черед быть сторонними наблюдателями в борьбе ромеев и авар. То же, что Приск решил испытать силы именно каганата, вскоре стало очевидно.

Следует помнить, что и далее на восток, в землях, уже бесспорно относившихся к «Склавинии», воины кагана «беззаботно» бродили уже год

https://RodnoVery.ru

назад. Теперь же Приск подступил к самым рубежам собственно каганата. Он прошел вдоль реки до самых Катаракт (Железные Ворота, где Дунай проходит через горы), перешел их и переправился на южный берег близ Верхних Нов. Эта крепость располагалась в провинции Верхняя Мезия, которую ромеи едва контролировали. Каган воспринял действия Приска как провокацию и потребовал объяснений. Приск издевательски ответил, что прибыл поохотиться. Каган обвинил стратига в нарушении мира. Приск резонно заметил, что стоит на ромейской земле. Но каган стал утверждать, «что она отнята у ромеев оружием, согласно законам войны». Строго говоря, полевое соглашение 592 г. давало почву для любых толкований. В споре с послами кагана Приск обозвал его «беглецом с востока».[998]

Каган понял, что ромеи начинают войну. Не желая оставлять у себя в тылу оплотов противника, он подступил к Сингидуну, срыл его стены и приказал тамошним гражданам выселяться в Паннонию. Любопытно, что охрану занятого города каган поручил не жившим в его окрестностях словенам, а болгарам.[999] Он не слишком полагался на мораван. В связи с дальнейшими военными действиями словене тоже ни разу не упоминаются. Это подтверждает, что они решили остаться в стороне от противостояния Империи и каганата. Каган не мог или не хотел принудить к участию в войне даже непосредственно подвластных ему обитателей Потисья.

Приск прибыл для переговоров с каганом в его ставку (Константиола на северном берегу Дуная, против устья Моравы). Стратиг потребовал отказаться от уничтожения Сингидуна, но вернулся ни с чем. Тогда началась открытая война. Заместитель ромейского командующего Гудвин подошел к полуразрушенному городу на кораблях и выбил болгар. В ответ каган вторгся во внутренние области Далмации, доселе не страдавшей от его набегов. Гудвину, однако, удалось настигнуть авар и истребить крупный их отряд, охранявший добычу. Каган свернул военные действия против ромеев и отвел войска за Дунай.[1000]

Причиной этому стало не только поражение в Далмации. Тревожные вести пришли с западных рубежей каганата. Бавары Тассило в 595 г. решили повторить удачный набег, совершенный их королем за три года до того. Примерно двухтысячный отряд вторгся в земли альпийских словен. Целью разорителей стали верховья Дравы, где жили стодоряне. Не исключено, что набег инспирировали ромеи, пытавшиеся прикрыть собственные владения в Истрии. Узнав о происшедшем, каган поспешил на запад, оставив на Дунае силы, достаточные для сдерживания Приска. В битве с баварами каган, чьего появления они никак не ожидали, поголовно

https://RodnoVery.ru

истребил всю вторгшуюся шайку.[1001] Ближайшие полтора года, до лета 597-го, каган посвятил войне на западе, против франков и их союзников. На Дунае противостоящие армии бездействовали.

Летом 597 г. каган вновь прибыл к ромейским рубежам и возобновил войну. Форсировав Дунай, он вторгся в Нижнюю Мезию. Похоже, перешел Дунай он именно в этой провинции. Значит, авары беспрепятственно миновали «Склавинию», покорив или склонив к союзу племена ее западной части. Слух о помощи, оказанной каганом их соплеменникам, возродил симпатии к нему у многих словен. Зимой 597 г. каган осаждал Томы (ныне Констанца) — важнейший порт провинции Скифия. Приск пришел от Сингидуна на подмогу осажденному городу, но осаду снять не смог. С началом весны 598 г. в ромейском лагере начался голод. В Великую Субботу (29 марта) каган внезапно предложил Приску перемирие. Сверх того, на Пасху он благородно снабдил ромеев продовольствием. Полководцы обменялись дарами. По окончании же пасхальной недели каган снял осаду с Том и удалился.[1002]

Но, проявив великодушие к Приску, с которым у него сложились некие личные отношения, каган вовсе не намеревался прекращать войну. Узнав, что Маврикий послал в Мезию с войском Коментиола, каган выступил навстречу. В устье реки Янтра, правого притока Дуная, 20–21 апреля 598 г. произошло сражение, решившее исход кампании. Ромеи были разбиты наголову. Коментиол позорно бежал. Его небезосновательно винили в том, что он намеренно, чуть ли не по императорскому приказу, предал кагану постоянно бунтующее войско. Каган вновь разорил окрестности столицы. Лишь вспыхнувшая в войске чума и смерть семерых сыновей вынудила его остановиться. В Дризиперу к убитому горем кагану отправился ромейский посол Гарматон с предложением мира.[1003]

Каган согласился на мирный договор и продиктовал его условия, возложив всю вину за развязывание войны на ромеев. Дунай признавался границей между ромеями и аварами. При этом, однако, оговаривалось, что «против славян реку можно будет переходить».[1004] Очевидно, что условие было на руку ромеям. Но обоюдный характер договоренности четко указывает на причины согласия кагана. Страх ромейского вторжения неизбежно толкал дунайцев в объятия каганата. С другой стороны, на племена, союзные ромеям или стремившиеся сохранять независимость, каган получал право напасть сам.

Каган потребовал выкупить у него всех ромейских пленных. Однако император отказался уплатить запрошенную сумму. В ответ каган

https://RodnoVery.ru

поголовно перебил пленников. Это еще более усугубило подозрительность и ненависть войска к Маврикию. Каган же все равно добился своих денег, повысив по условиям договора «дань» с Империи.[1005] Только тогда авары ушли за Дунай.

Итак, война завершилась со страшным позором для ромеев и их императора. Маврикий, конечно, не мог смириться с таким поражением. К миру он отнесся лишь как к временной передышке и сразу начал готовить новую войну. За Империей остались все придунайские провинции, включая Верхнюю Мезию. Здесь, в районе Сингидуна, стоял на зимовке Приск. Сюда же весной 599 г. была переброшена восстановленная армия Коментиола. Двинувшись к востоку, ромеи начали переправу через Дунай в районе разрушенного Виминакия. Коментиол сказался больным, и Приск принял общее командование. Каган, оставив охранять северный берег четверых сыновей, сам вторгся в пределы Империи. Но отвлекающий маневр не подействовал — Приск переправился и разгромил сыновей кагана в трех битвах подряд. Погибло более 35 000 авар. Пали и сыновья кагана. Сам он, подтянувшись было им на поддержку, бежал к Тисе.[1006]

Здесь каган быстро собрал новое войско. Потисье было заселено гепидами и отчасти словенами. Несомненно, всех их обеспокоило ромейское вторжение. Не могло оно не вызвать тревоги и у словен ниже по Дунаю. В дальнейших сражениях словене составляли почти половину аварского войска.[1007] Многие племена — как в Потисье, так и с востока — прислали своих ополченцев на помощь каганату.

Военные действия разворачивались не только на дунайском фронте. Они охватили всю границу Империи с каганатом. В мае 599 г. альпийские словене (стодоряне?) через «истрийский вход», то есть по римским дорогам в Истрии, атаковали ромейские владения в северо-восточной Италии. Но экзарх Равенны (имперский наместник в Италии) Каллиник разбил словен в нескольких сражениях.[1008]

В то же время ромеи начали войну на Саве, служившей рубежом Далмации.[1009] Подходы к столице Далмации — Салоне с севера прикрывала крепость Клис (название от обозначения пограничного укрепления — клисура). Отсюда тысячный отряд ежегодно отправлялся к Саве. Каждую Великую Субботу в Салоне происходила встреча и смена пограничников. Клис служил для них перевалочным пунктом и главной базой. Местность за Савой была уже занята словенами (лендзянами), подвластными аварам и отчасти смешанными с ними.[1010] Салонские «римляне», до сих пор в войне не участвовавшие, в тот год перешли Саву.

https://RodnoVery.ru

Все словенские мужчины тогда «находились в военном походе» (на войне в Потисье?). Внезапное нападение застало в приречных селах лишь женщин и детей. Захватив их в плен и разграбив страну, салониты безнаказанно вернулись к себе.[1011]

Между тем на Тисе продолжались бои. Приск развивал успех. Спустя месяц после гибели сыновей кагана он вновь сошелся в битве с врагом — и снова победил. Каган ушел за Тису, оставив весь восточный берег в руках Приска. Тогда стратиг отрядил 4000 воинов за реку. Те во время народного праздника захватили врасплох три гепидских поселения и устроили в них страшную резню. Среди убитых и пленников оказались как гепиды, так и «другие варвары» — жившие бок о бок с германцами славяне. С полоном и добычей ромеи вернулись к Приску.[1012]

Спустя двадцать дней каган, оправившись от поражения, вновь вывел свои войска на левый берег. Основную силу составляли подвластные и союзные племена — словене, гепиды, болгары. «Большой отряд славян» играл главную роль среди них. Приск, к тому времени отошедший от Тисы, вернулся к реке для решающей битвы. В ней авары потерпели последнее в кампании этого года поражение. «Варвары, — пишет Феофилакт, — разбитые, так сказать, наголову, захлебнулись в речных потоках». Многие словене, пришедшие помочь кагану, погибли. Других захватили в плен. Пленных словен было 8000 — почти половина общего числа пленников. Приск в цепях отослал пленных «варваров» в Томы.[1013]

Каган, однако, предпринял решительную попытку вернуть пленников. Он отправил в Константинополь послов. Аварам удалось опередить вестников Приска. О происшедшем, таким образом, Маврикий узнал от кагана. Тот, конечно, всячески преуменьшал ромейские успехи. В его предложениях обычные угрозы смешивались с лестью по адресу императора. В итоге Маврикий отправил Приску приказ — вернуть кагану пленников, но лишь авар.

Так император, не представлявший себе реальных достижений ромеев, рассчитывал поссорить кагана с подданными — прежде всего, со словенами. Уже из Том аварские пленники были возвращены. Ромеи отошли за Дунай, и военные действия завершились.[1014]

Падение Лимеса

Весной 600 г. европейская армия Империи вернулась во Фракию и

https://RodnoVery.ru

бездействовала там более года.[1015] Каган между тем сложа руки не сидел. На западе он укрепил союз с лангобардами. Они в том году возобновили войну с ромеями, мстя за захват экзархом Каллиником дочери короля Агилульфа. С помощью лангобардских мастеров каган начал строить на Дунае собственный флот. На востоке каган расширил сферу влияния среди словен. По большому счету условия мира 598 г. не оставляли словенам с их политической раздробленностью выбора. Они должны были подчиниться либо каганату, либо Империи. В противном случае обе стороны имели право на карательную экспедицию в их земли. Ромеи, несмотря на все ухищрения, оставались для массы словен давними и кровными врагами — особенно после разрушительных походов Приска и Петра. Каган же на протяжении почти двух десятилетий числился, пусть не слишком надежным, союзником. Выбор был предсказуем. С этих пор нам уже неизвестны никакие самостоятельные от авар действия дунайцев против Империи. Авары же в первые годы VII в. свободно и без участия словен действовали в низовьях Дуная.[1016] Таким образом, под их влияние попали словене не только Олтении, но и Мунтении.

Формально между Империей и каганом сохранялся мир. Но то, что он не распространялся на в разной степени подвластных кагану словен, создавало двусмысленную ситуацию. Весной 600 г. военные действия развернулись в Далмации.[1017] Начало их описано в предании, сохраненном Константином Багрянородным. Когда словене Посавья обнаружили разорение своих земель ромеями, то рассудили: «Эти римляне, которые переправились и взяли добычу, отныне не перестанут ходить против нас войной. Поэтому сразимся-ка с ними». Действительно, пришедшие на смену предыдущим салонские пограничники «то же самое… держали в помыслах». Переправившись за Дунай, они внезапно для себя столкнулись с соединенными силами противника. Одни из тысячного отряда погибли, другие попали в плен. Не спасся никто.[1018]

Допросив пленных, словене («авары» по Константину) узнали о достоинствах приморской Далмации и восхитились ими. Узнали они и о времени, назначенном для возвращения пограничной стражи. В урочный день «авары» переправились через Дунай в захваченной форме и с трофейными значками римской кавалерии, подражая ее маршевому строю. «Основная масса войска» скрытно следовала за авангардом — тысячей в ромейских доспехах. Таким образом, они беспрепятственно прошли в глубь Далмации и овладели Клисом, где их приняли за своих.[1019] Хотя Константин называет вторгшееся войско аварами, реальное участие

https://RodnoVery.ru

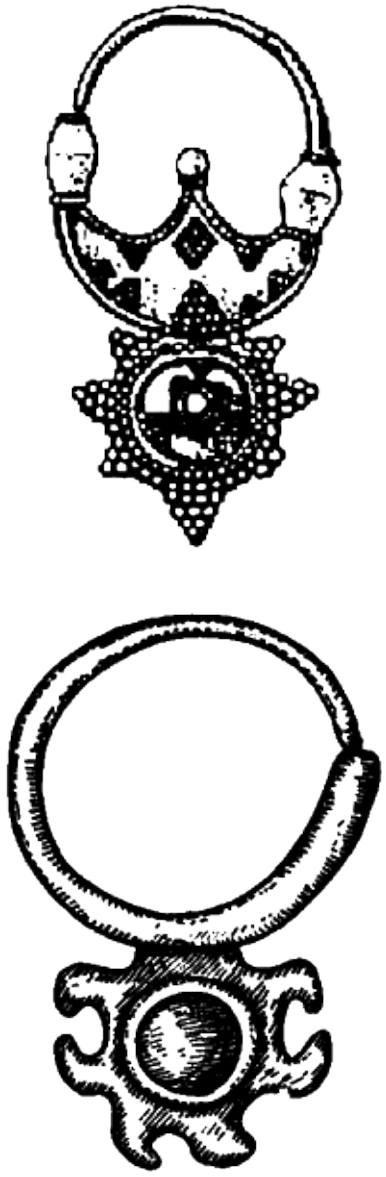
кочевников было крайне незначительно. Максим, епископ Салоны, писал в Рим лишь о словенской угрозе.[1020]

Константин ошибается и еще в одном — Салона, вопреки его легенде, пала не сразу. Здесь более прав другой поздний историк, Фома Сплитский, также использовавший далматинские предания. По словам Фомы, во вторжении «готов» (под ними следует разуметь авар) участвовали семь или восемь племен «лингонов» (лендзян). Когда внутренняя Далмация была разорена и в ней «остались редкие обитатели», лендзяне «истребовали и получили ее от своего вождя», надо думать — аварского кагана. «И так оставшись там, — продолжает Фома, — они начали теснить местных жителей и силою порабощать их». Они постоянно нападали на приморье, где еще держались местные «латиняне», «прежде всего на Салону».[1021] Об этом, собственно, и сообщал Максим, говоря, что «народ славян» «сильно угрожает» салонитам. Крушение далматинской границы сказывалось и на Италии — тем летом словене вновь беспокоили Истрию.[1022]

Во всех этих событиях, происходивших далеко от Константинополя, Маврикий предпочел не увидеть нарушения мира. Тем более, авары не принимали в набегах словен непосредственного масштабного участия. Но осенью 601 г. каганский главнокомандующий Апсих явился к Катарактам и попытался занять перевал. Захват этого стратегического пункта решал аварам две задачи. С одной стороны, ромейский речной флот переставал быть угрозой для основной территории каганата. С другой — сами авары получали возможность беспрепятственно плавать по реке. Ни того ни другого ромеи допустить не могли. Назначенный в августе и стоявший на Дунае стратиг Петр подвел к Катарактам войска и обвинениями в нарушении мира вынудил Апсиха отступить. Авары отошли в Константиолу, а армия Петра вернулась во Фракию. До войны дело не дошло.[1023]

Наступил 602 год. Ситуация для Империи становилась все более непростой. На западе каган еще в минувшем году скрепил клятвой «вечный» союз с лангобардами и принудил к миру франков. После этого Истрию атаковали соединенные силы. Лангобарды вторглись с запада. Авары и словене (стодоряне?) напали с северо-востока. Вместе они прошли по стране, «опустошили все огнем и грабежами».[1024] В результате пал и этот участок имперской границы. Вторжение открыло дорогу для заселения Истрии словенами, которое начинается как раз в эти годы.[1025]

https://RodnoVery.ru



Славянские женские украшения

Маврикий заподозрил, что каган дожидается лишь роспуска уставшей ромейской армии — и тогда атакует Фракию. Летом 602 г. он отдал Петру приказ: «покинуть Адрианополь и… переправиться через Истр». Для организации переправы ему в подчинение был дан один из высших чинов придворной гвардии Вонос. Согласно распоряжению Петра, Вонос должен был «доставить ромейские плавучие средства, чтобы войско могло переправиться». Целью Петра было атаковать подчиненные кагану «войска Склавинии», собравшиеся, по его данным, за Дунаем. Тем самым, не нарушая буквы мирного договора, ромеи рассчитывали спровоцировать

https://RodnoVery.ru

кагана на преждевременные действия.[1026]

Сам Петр не спешил лично выполнять приказ о переправе. Для руководства заречными действиями он назначил своим заместителем — ипостратигом — Гудвина. Тот форсировал Дунай в районе Паластола и нанес словенам поражение. Он «погубил острием меча полчища врагов» и захватил множество пленных. Солдаты, получив в руки пленников и добычу, стремились как можно скорее вернуться за реку. Но Гудвин, следуя замыслу императора, удержал их на левобережье.[1027] С другой стороны, он недалеко отошел от Дуная — об этом свидетельствует свобода, с которой авары тем же летом прошли в низовья.

Узнав о разгроме союзников, каган не поддался на провокацию — но решил дать адекватный ответ. Апсих вновь выступил с войском на запад. Ему был дан приказ — «уничтожить племя антов, которое было союзником ромеев».[1028] Анты не принимали никакого заметного участия в кампаниях 590-х гг. Но Гудвину удалось добиться их содействия в своей операции против словен. Антов и дунайцев все еще разделяла — не без содействия ромейской дипломатии — вражда. Не желая открыто сталкиваться с Империей, каган наносил удар по последнему оставшемуся у Маврикия в Европе союзнику и помогал своим новым подданным.

Но фактически война началась. Апсих по пути взял Катаракты, и выстроенный лангобардскими корабельщиками аварский флот занял низовья Дуная.[1029] Поход на антов планировался как предприятие грандиозное и должен был нанести смертельный удар по остаткам их союза. Но внезапно он был сорван. В войске кагана начался мятеж, и «полчища авар» откочевали, причем «поспешно», под власть Маврикия.[1030] Не вызывает сомнения, что мятеж устроила аварская партия мира, давно поддерживавшаяся (и подпитываемая) Константинополем. Экспедиция Апсиха закончилась, по сути не развернувшись.[1031]

Казалось, Империи вновь улыбнулась удача. Ее войска стояли на северном берегу Дуная, в разоренной стране «Склавинии». Каган был занят возвращением непокорных авар. Обессиленный мятежом, он только и делал, что «умолял и придумывал множество способов» для восстановления ускользавшей власти.[1032] И здесь Маврикий совершил последнюю и роковую для себя ошибку. Приведенный в эйфорию успехами, император-стратег решил проверить, наконец, на практике свою мысль о кампании против словен в зимнее время. С началом осени он потребовал от Петра задержать армию за Дунаем на зиму.[1033]

Когда императорский приказ пришел в армию Гудвина, в ней начался

https://RodnoVery.ru

ропот. Солдаты лучше императора понимали свое положение. Ромейские кони изнемогали. Словене были побеждены, но не сломлены, и продолжали беспокоить ромеев. «Полчища варваров, словно волны, покрывают всю землю по ту сторону Истра», — считали в войсках. Наконец, самой важной причиной брожения было стремление как можно скорее отправить домой добычу. Ромейское войско справедливо опасалось потерять ее за зиму во враждебном окружении. Император, не понимая, что войска совершенно не настроены воевать, продолжал настаивать. Это только ускорило открытый мятеж. Гудвин потерял контроль над армией, и она покинула «Склавинию», «с марша» форсировав Дунай. Войска явились в Паластол, причем «души их были опьянены величайшим гневом».[1034]

Петр, прибыв к мятежному войску, предпочел держаться от лагеря на расстоянии и общаться с солдатами через Гудвина. Последнему удалось было успокоить страсти и даже убедить армию выполнять приказ. Ромеи снялись с лагеря и начали строить лодки близ крепости Куриска (к востоку от Паластола). Но, на беду для Петра и его брата, на войско обрушились ливни, а затем наступили заморозки. Теперь никто не мог убедить солдат переправляться. В довершение Маврикий прислал письмо, где велел, «чтобы Петр, переправив войска через реку, вступил на варварскую землю и чтобы ромеи там добывали пропитание для войска и тем дали казне передышку в снабжении их». Открыто высказанная идея сэкономить на армии возмутила даже Петра. Тем более в ярость пришли мятежные солдаты, когда слух об императорских требованиях дошел до них.[1035]

Дальше события развивались стремительно и катастрофически. Солдаты открыто выступили против Маврикия. Возглавил их Фока — один из зачинщиков бунта, младший офицер, еще в 598 г. прославившийся дерзостью перед лицом императора. Под предводительством Фоки войска двинулись на Константинополь, оголив дунайскую границу. 23 ноября 602 г. армия вошла в город, приветствуемая восставшими против Маврикия жителями. Маврикий и многие его сторонники (в том числе Петр и Коментиол) были убиты по приказу Фоки. Глава мятежа поспешил объявить себя императором, еще глубже ввергая Империю в водоворот гражданской войны.

Переворот Фоки, по сути, нанес прежней Ромейской Империи смертельный удар. В Европе он открыл границы для масштабного вторжения авар и словен. Можно только догадываться, сколь неожиданной удачей явилось для тех и других это событие. Но надо думать, что ни каган, ни его словенские союзники не промедлили. В ближайшие годы

https://RodnoVery.ru

властительные ромеи, занятые гражданской распрей, даже не обращали внимание на то, как поток «варваров» захлестывает одну европейскую провинцию за другой.

Словене не только выстояли в продолжавшейся несколько десятилетий и на последнем этапе оборонительной борьбе с Империей. Они оказались — пусть и невольно — в числе победителей. Сохранили они известную автономию и от Аварского каганата. Последующий период стал временем славянского завоевания и заселения Балкан. Войны, стоившие крайнего напряжения сил каждой из сторон, полные взаимной жестокости, продолжились. Однако была у происходившего и другая сторона. Открывшийся для славян в 602 г. путь на Балканы явился в то же время дорогой к античному наследию и христианской культуре, к тогдашней европейской цивилизации. Последствием войн конца VI — начала VII в. могло бы стать крушение последнего ее оплота. Но произошло иначе, и рядом с обновленной Империей из хаоса «темных веков» позже поднимутся молодые славянские государства.

https://RodnoVery.ru

Рождение славянского мира. VII–VIII вв

https://RodnoVery.ru

Источники

В 602 г. для славянских племен и для всей Восточной Европы начинается новый исторический период. Прорвав границу ослабевшей и раздираемой внутренними смутами Империи, славяне широко расселяются по ее территориям, не только европейским. Одновременно долго сдерживавшиеся государственными и племенными границами потоки славянской колонизации устремляются и на север — к Балтике по всему ее протяжению. На востоке славяне глубже внедряются в лесостепные и лесные земли по границам тюркских степей. На западе они сталкиваются с франками и лангобардами. Катализатором этого бурного движения являлись сначала аварское нашествие, захватившее почти всю славянскую ойкумену, а затем борьба славян за свое освобождение от аварского гнета. В результате всех этих событий Славянская Европа из сравнительно небольшой совокупности племенных территорий превращается в известный нам сегодня Славянский Мир. Его границы уже во второй половине VII столетия простирались от южной оконечности Пелопоннеса до Ладожского озера, от верховий Дона до Рейнского бассейна. Эпоха великих славянских переселений охватила значительную часть VII в., начиная с уже названного 602 г. Условный итог ей подводит болгарское вторжение на Балканы и основание дунайского Болгарского ханства около 680 г.

Для описываемого далее периода несколько сокращается и число, и значимость византийских греческих источников. Причиной тому и общий упадок Империи, до которой, наконец, добрались «темные века», и, как ни парадоксально это звучит, сокращение ее контактов со славянами. Ведь теперь греки общались только с той их частью, которая осела к югу от Дуная.

Наиболее глубокий след в исторической памяти византийцев оставила осада Константинополя в 626 г. объединенными силами авар, персов и славян — кульминационный эпизод длительного «варварского» натиска на Империю. Сведения об этом событии содержатся у трех современников. Первый — придворный поэт-панегирист Георгий Писида, автор поэмы «О случившемся нашествии варваров». Второй — неизвестный автор «Пасхальной хроники», создано около 628 г. Третий — автор проповеди «О безумном нападении безбожных аваров и персов на богохранимый Град»

https://RodnoVery.ru

Феодор Синкелл. Позднее о тех же событиях писали Феофан Исповедник и патриарх Никифор. Наконец, хронист XII в. Георгий Кедрин использовал наряду с «феофановской» традицией и какие-то несохранившиеся известия о происходившем в 626 г. под стенами столицы.

Основные источники по истории Византии и славяно-византийских отношений описываемого времени — созданные на рубеже VIII/IX вв. «Бревиарий» патриарха Никифора и «Хронография» Феофана Исповедника. Авторы, в свою очередь, использовали разнообразные несохранившиеся источники по истории VII–VIII вв., в том числе общие. Труд Никифора продолжает «Историю» Феофилакта Симокатты и описывает события с 602 по 769 г. Феофан, в целом более подробный и пользовавшийся большим кругом источников, описал события с 284 по 814 г. Его сочинение представляет собой в буквальном смысле «Хронографию», построенную по летописному принципу. Именно у Феофана и Никифора сохранился восходящий к общему источнику детальный рассказ о болгарском нашествии на Фракию.

Наиболее подробный греческий источник о славянах VII в. — «Чудеса святого Димитрия Солунского». Автор Второго собрания Чудес, присоединенного к Первому (пера архиепископа Иоанна Солунского) в конце VII в., использовал местные письменные источники и собственные воспоминания. В его труде, по сути являющемся историей Фессалоники VII в., отразились расселение славян в Македонии, их сложные отношения с Империей, тщетные попытки отдельных славянских князей захватить город. Одно из упомянутых в собрании нашествий отразилось и в местной эпиграфике.

Столь же уникальные сведения о славянах содержат и другой греческий житийный памятник. Продолжатель Мосха (чей труд сохранился только в грузинском переводе) в своем собрании житий сообщает о вторжении славян в Малую Азию. Сведения о славянах на Сицилии содержатся в «Житии святого Панкратия» (30-е гг. VIII в.).

Для этого времени мы имеем единственный документальный источник о славянах — упоминание о христианизации далматинских славян в послании римского папы Агафона на VI Вселенский собор, открывшийся в Константинополе в 680 г. При всей краткости этого упоминания, значение его для славянской истории, особенно в сопоставлении с другими источниками, весьма велико.

Из источников позднейшего периода следует упомянуть Монемвасийскую хронику, «схолию Арефы» и созданную в том же X в. анонимную эпитому (сокращение) «Географии» Страбона. Они рисуют нам

https://RodnoVery.ru

картину расселения славян в Элладе. Особенную же ценность имеют свидетельства Константина Багрянородного (X в.). Основанные отчасти на далматинской, отчасти на сербохорватской традиции, они излагают связную историю расселения славян на северо-западе Балкан. Об этом более ранние источники сообщают лишь отрывочные сведения. Именно на основе известий Константина, прежде всего, восстанавливаются ранние этапы истории сербов и хорватов на Балканах. С другой стороны, эти известия представляют собой древнейший записанный вариант сербохорватской устной традиции, которая позднее легла в основу «Летописи попа Дуклянина».

Уникальным памятником грекоязычной историографии является сохранившийся до нас в славянском переводе конца IX или начала X в. «Именник болгарских князей». Составленный в 60-х гг. VIII в. при дворе болгарских ханов, он представлял собой их официальный перечень от легендарной эпохи Аттилы до описываемого времени. Первоначально, подобно ханским наскальным надписям, он записан по-гречески, но содержит в себе массу явных «тюркизмов», отражение родного языка болгар. Здесь имеется независимое от византийских историков, пусть и краткое, описание прихода болгар на Балканы, а также некоторые иные ценные для славянской истории данные.

Ряд разрозненных сведений по истории славян в VII в. сообщается ближневосточными источниками. Краткое упоминание о нашествии «варваров» (без имени славян) на Византию в начале VII в. есть у коптского хрониста Иоанна Никиуского. Среди сирийских источников надо назвать «Смешанный хроникон», сборник из 4 хроник VI–VII вв. В хронике, доведенной до 636 г., есть уникальное упоминание о вторжении славян на Крит. Автор одной из сирийских «малых хроник» IX в. и еще позднейший хронист Илья Нисибинский, подтверждают византийское известие о походе императорской армии на славян в 658 г. Все эти позднейшие сирийские хронисты прямо или опосредованно использовали несохранившиеся труды своих соотечественников VII–VIII вв. Арабский историк X в. Масуди передает восточнославянское предание о расцвете и гибели волынского племенного союза.

Различные сведения о славянах содержатся в т. н. «Армянской географии», созданной в VIII или IX в. В частности, здесь приводятся данные о расселении славян во Фракии и еще один независимый от византийских источников рассказ о переселении болгар хана Аспаруха.

По мере расширения контактов славян с Западной Европой и возрождения там латинской книжности возрастает число латиноязычных

https://RodnoVery.ru

источников о славянах. Некоторые упоминания о славянах, в том числе о расселении на Балканах, есть у знаменитого испанского историка и богослова начала VII в. Исидора Севильского.

Наиболее ценные данные сообщает наш основной источник по истории Франкского государства в VII в. — Фредегар (имя автора хроники считается в науке условным). «Хроника Фредегара» повествует о взаимоотношения франкских королей с сопредельными славянскими племенами. Много места занимает история крупнейшего западнославянского предгосударственного образования, возглавлявшегося князем Само. Позднейшие источники при описании сюжетов, связанных с Само, следуют за Фредегаром. Это анонимный трактат IX в. «Обращение баваров и карантанцев» (опирающийся также на устные предания Карантании) и «Деяния короля Дагоберта».

Не меньшее значение для истории продвижения славян на запад имеет «История лангобардов» Павла Диакона (конец VIII в.). Обобщив лангобардские хроники и предания, Павел Диакон рассматривает в том числе и взаимоотношения славян с лангобардами, баварами и аварами, эпизоды проникновения грозных соседей в Италию. Для событий начала VII в. он использует «Историю лангобардов», написанную современником — аббатом Секундом Трентским. Сведения Павла Диакона несколько дополняет позднейшая (IX в.) т. н. «Хроника св. Бенедикта Кассинского».

Из житийных латинских источников в связи с событиями VII в. о славянах говорят «Житие святого аббата Колумбана и его учеников» Ионы и «Житие святого епископа Аманда». В обоих случаях сообщается о ранних, более или менее безуспешных попытках христианской проповеди у альпийских славян. Из источников географического характера о славянах упоминает в середине — второй половине VII в. т. н. «Франкская космография». Ее известие более оригинально, чем зависимое от Иордана сообщение чуть позднейшей «Космографии Равеннского Анонима» (ок. 700 г.).

Из поздних латинских источников (не говоря о происходящих с территории славянских государств) важны памятники, характеризующие ситуацию в Далмации. «Книга понтификов», официальная история римского папства, сведенная воедино уже в IX в., сообщает о папском посольстве в разоренную «варварами» Далмацию VII в. Об этих и других событиях, в том числе о разрушении древней Салоны, подробно пишет хронист XIII в. Фома Сплитский в своей «Истории архиепископов Салоны и Сплита». Источниками для него послужили и письменные данные (легенда XI в. о перенесении мощей свв. Домния и Анастасия), и устная

https://RodnoVery.ru

далматинская традиция. Ее он фиксирует в более позднем, но местами более достоверном варианте, чем Константин Багрянородный. Другая ветвь далматинской традиции — дубровницкая — записывалась с XIV–XV вв. (стихотворная хроника Милеция, анналы рагузского Анонима). Ранее (X в.) она уже отразилась как у Константина Багрянородного, так и в итальянской Салернской хронике. В трудах авторов XVI в. (А. Цриевич-Туберон, М. Орбини и др.) дубровницкое предание уже соединяется с данными барской «Летописи попа Дуклянина». Эти труды содержат не столько оригинальные версии древних преданий, сколько их интерпретацию, причем на основе письменных источников. Что до барской традиции, то она отразилась, помимо «Летописи попа Дуклянина», в грамоте XIII в., отражающей притязания Барской епархии в ее споре за первенство с Дубровником. «Летопись попа Дуклянина» — в большей степени славянский исторический памятник.

С конца VII в. ситуация в славянском мире стабилизируется, эпоха великих переселений для славян завершается. Правда, не прекратилось движение славян на восток и северо-восток, в глубь территории современной России. Но это направление славянского расселения останется неизменным и на протяжении всей истории русской цивилизации до минувшего века включительно. В целом же VIII столетие для славянской Европы — время стабильных, устоявшихся границ, пора зарождения новых общественных и культурных явлений. Эти явления в IX–X вв. лягут в основу молодых славянских цивилизаций, родившихся из лона уходящего в небытие древнего племенного строя. История славянского мира в этот период становится более «дробной», рассматривать все его многочисленные племена в едином комплексе становится невозможно. Достаточно четко выделяется три области — южнославянская, западнославянская и восточнославянская. Промежуточное положение между западными и южными занимали альпийские славяне — хорваты и хорутане. Точно так же между западными и восточными оставались еще племена крайнего славянского Севера — словене ильменские, кривичи и, с другой стороны, жители Полабья и Поморья. Но в целом контакты между «зонами» весьма эпизодичны, и эпизоды эти известны нам преимущественно из поздних преданий. Это позволяет рассматривать историю различных групп славянских племен по отдельности.

В обстановке временного упадка Византии и культурного взлета на каролингском Западе в этот период окончательно меняется соотношение греческих и латинских источников по славянской истории. Численность первых исчисляется единицами, вторых — десятками.

https://RodnoVery.ru

Тем не менее и эти единицы весьма важны. Прежде всего, они предоставляют основную массу информации по истории южных славян, практически неизвестной западным авторам. Основными поставщиками материала по византийской и южнославянской истории «темных веков» Империи являются, как уже говорилось, патриарх Никифор и Феофан Исповедник. Их сочинения, используемые, но и подтверждаемые позднейшими авторами IX и X вв., позволяют создать целостную, связную и достоверную картину данного исторического периода.

Имеются отдельные источники документального характера с упоминанием фактов южнославянской истории конца VII в. К таковым относятся указ императора Юстиниана II от 688/9 г., сохранившийся в виде надписи на мраморной плите в храме Святого Димитрия в Фессалониках, а также печать 694/5 г. с упоминанием переселенных тем же императором в Малую Азию славян.

Неизвестный автор Второго собрания «Чудес святого Димитрия Солунского» оставляет нас в конце VII в., с описанием попытки болгарского завоевания Фессалоники. Отчасти дополняет его данные об истории македонских славян афонская легенда об основании Кастамонитского монастыря, записанная, впрочем, века спустя. «Житие святого Панкратия» сообщает ценные сведения о расселении и культуре славян Адриатики в VIII в. Некоторые эпизодические сведения по истории южных славян в VIII в. приводит Константин Багрянородный (с опорой в том числе на сербские предания). Помимо трактата «Об управлении Империей», отдельные факты, касающиеся славянской истории конца VII–VIII в., имеются в его же сочинении «О фемах».

Некоторые поздние византийские источники содержат уникальные сведения о начале Руси. В «Хронике» Симеона Логофета (середина X в.) излагается русское предание о князе-родоначальнике «Росе». «Чудеса св. Стефана Сурожского» (конец X в.), сохранившиеся в русском переводе, описывают поход русского князя Бравлина на византийский Крым и его крещение. Это предание соединяет в себе древнерусскую и местную крымскую традиции.

В условиях арабских завоеваний и первых арабо-славянских контактов возросло число источников восточного происхождения. Первые впечатления от встреч со славянами отразились у двух арабских поэтов второй половины VII в. «Область славян» фигурирует в географическом труде Мухаммада ибн Ибрахима ал-Фазари (вторая половина VIII в.). Историки Арабского халифата IX в. (Йакуби, Балазури, Куфи) с опорой на свидетельства участников завоеваний сообщают ряд фактов, касающихся

https://RodnoVery.ru

арабо-славянских контактов VIII в. Речь у них идет, во-первых, о походе арабов на Хазарию в 737 г., приведшем к столкновению со славянами, во-вторых, о южных и восточных славянах, переселенных на земли Халифата. Персидское «Собрание историй» начала XII в. сообщает не вошедшее в русские летописи предание о происхождении Руси от героя-родоначальника Руса.

Многочисленные латинские источники по славянской истории конца VII–VIII в. четко распадаются на три группы — документы, исторические хроники и сочинения религиозного характера. Группа документальных источников весьма обширна. Непосредственные контакты славян с франками и баварами на западной границе привели к появлению упоминаний восточных соседей в актах каролингской эпохи. Преимущественно актовый материал отражает взаимоотношения Церкви со светской властью и вотчинниками. Это две грамоты баварского герцога Тассило III, грамоты германских феодалов Пейгири и Эгилольфа, опись Херсфельдского монастыря («Бревиарий святого Лулла»), грамоты каролингских монархов Вюрцбургской епархии. Близки к документальным источникам как непосредственные отражения исторической реальности сохранившиеся от каролингской эпохи письма церковных деятелей. Славяне упоминаются в переписке «апостола германцев» Бонифация, в письме придворного ученого Алкуина, в письме неизвестного аббата, сохраненном одним из письмовников.

О славянах говорится и в ряде латинских житийных памятников VIII — начала IX в. Это «Житие святого Бонифация» англосакса Виллибальда, анонимные «Жития Виллибальда, епископа Эйхштеттского» и «Житие Стурми» (оба — соратники и ученики Бонифация). Из ученых сочинений можно упомянуть лишь стихотворные «Загадки, посланные сестре» того же Бонифация.

Историко-церковные сочинения по характеру чрезвычайно близки к житиям. В то же время их информация о славянах гораздо обширнее, что, впрочем, и неудивительно. Наиболее ценно для славянской истории уже упоминавшееся «Обращение баварцев и карантанцев», включающее целостный очерк истории славянского Хорутанского княжества. Интерес для истории того же региона представляют «Бревиарные записи» (история земельных пожалований Зальцбургской епархии, созданная в конце VIII в.). Истории обращения хорутан посвящена и записанная три века спустя, в XI столетии, легенда о миссионерской деятельности Фрейзингской епархии.

Основной объем информации представляют, разумеется, исторические хроники. Это и «История лангобардов» Павла Диакона, и франкская

https://RodnoVery.ru

хроника «Продолжателя Фредегара», и, в первую очередь, особенно для конца VIII столетия — многочисленные франкские анналы. Более или менее оригинальные упоминания о славянах содержатся в 14 памятниках франкской анналистики VIII–IX вв. (Лоршские, Мозельские, Петау, св. Назария, Алеманские, Вольфенбюттельские, Королевства франков, Королевские, Зальцбургские, Фульдские, Мецские, св. Максимина анналы, фрагмент Дюшена, «Фульдская компиляция»). Они стали основой для «славянских» известий ряда позднейших латинских сочинений, перешли, в том числе, в позднейшие анналы.

Для установления названий и границ славянских, особенно западнославянских племен VIII в., огромное значение имеют их древнейшие перечни. Это, прежде всего, «Баварский географ», фиксирующий ситуацию на IX в., а также жалованная грамота Пражской епархии 1086 г. (восходящая в своей основе к последней четверти X в.). Последняя позволяет воссоздать племенную структуру древней Чехии, в основных чертах сложившуюся уже в VII–VIII вв.

Славяноязычные и латиноязычные источники, созданные в средние века в славянских государствах, основываются при изложении древнейшей истории своих стран на устном предании. При этом на латинских авторов более влияли шаблоны латинской историографии, что сказалось на качестве воспроизведения древних легенд в их трудах. С другой стороны, славянские авторы пытались воспринимать доставшиеся от предков предания и мифы рационально. Они опирались на складывающиеся и в Византии, и в Болгарии, и на Руси представления христианской научной мысли. Это привело к тому, что история лишается мифологических элементов, выглядит более достоверно. Но и древние сюжеты серьезно искажаются, нередко миф (лишенный мифологической формы) может смешиваться с подлинно историческим преданием. В результате славяноязычные источники сохраняют древние предания подчас в менее «литературной», более приближенной к фольклорной стихии форме. Тогда как латинские писатели нередко передают в первозданном виде фантастические мифы (например, о драконоборце Краке).

Памятники южнославянской средневековой историографии XI–XIV вв. немногочисленны. Древнейшие памятники болгарской исторической традиции — «Апокрифическая летопись» («Сказание Исайи пророка») и летописные заметки при переводе византийской хроники Константина Манассии. Уникальный образец югославянской средневековой историографии — т. н. «Летопись попа Дуклянина» («Барский родослов», в оригинале — «Королевство славян» или «Книга Готская»). Это сочинение,

https://RodnoVery.ru

являющееся, по собственным показаниям, переводом со славянского языка, — наиболее значительный и подробный памятник средневековой южнославянской исторической книжности.

В Болгарии в результате утраты политической независимости в XI в. произошло умирание дружинно-аристократической культуры и, соответственно, дружинно-аристократической устной традиции. Характерно в этой связи, что «героический век» народной болгарской эпической поэзии совершенно не захватывает эпохи Первого царства. Как следствие этого процесса — болгарские средневековые историки имели дело с разрозненными народными преданиями топонимического толка. При этом следует отметить довольно позднее и скупое развитие жанра собственно историописания в болгарской литературе.

Древнейшее собственно славянское сочинение исторического типа в Болгарии — «Сказание Исайи пророка» («Апокрифическая летопись») второй половины XI в. В этом старейшем памятнике славянской исторической литературы болгарская история вводится в контекст легенды, отражающей религиозно-политические воззрения ереси богомилов. Ориентированный на пропаганду памятник содержит сознательные вымыслы и домыслы, адресован малообразованной среде. При этом согласование с научно-познаваемой историей христианской ойкумены и рациональной логикой мало занимает автора. Пространство «летописи» глубоко мифологично. Это позволяет сохраняться в ней многим элементам языческого мышления (даже тотемному мифу о рождении хана Аспаруха), особенно если они согласны с базовыми концептами автора.

Противоположный «Апокрифической летописи» подход отразился в позднейших (XIV в.) заметках при переводной «Хронике» Константина Манассии. Это памятник официальной исторической мысли времен Второго Болгарского царства, создатель которого, напротив, ориентировался на воссоздание подлинной болгарской истории. При этом сама форма заметок ориентировала его на включение в контекст истории мировой. Но он имел дело с традицией того же рода, что и его далекий предшественник. Поэтому в заметках мы имеем разрозненные свидетельства об истории Болгарии, в качестве «стержня» для которых использованы сразу два памятника византийской хронографии. Один — это сама переведенная «Хроника», второй — сочинение Иоанна Зонары, основной для автора заметок источник. Тем не менее скудость оригинального материала не помешала автору заметок продуктивно использовать его для возвеличения древнейшей болгарской истории. Тем самым создавалась искусственная замена исчезнувшей исторической

https://RodnoVery.ru

традиции Первого царства.

Иные по сравнению с Болгарией политические условия, длительное сохранение племенных «княжений» и непосредственное их перерастание в государства, породили совершенно иную литературную реальность в сербских землях — Дукле и Рашке. Здесь имел место прямой перенос жанра «родослова» в письменную культуру. Перенос не обошелся без потерь. В первую очередь, это связано с политическими концепциями создателей конкретных памятников.

В единственно сохранившемся в латинском переводе или пересказе памятнике дуклянской историографии — «Книге Готской», относящейся ко второй половине XII в., произошла контаминация устных преданий Дукли, Рашки и Хорватии. На стадии самого сочинения или перевода сказалось также воздействие романского далматинского предания. Оно отразилось, в том числе, в искусственно соединенном со славянскими сюжетами предании об основании Дубровника. Наконец, древнейшие сказания переосмыслены автором «Книги Готской» в русле ученой «славяно-готской» легенды, направленной на возвеличение правящей династии. Тем не менее «летописцу» удалось создать целостное, почти лишенное внутренних противоречий и довольно рациональное с позиций христианского сознания повествование. Несмотря на очевидные искажения первоначальной традиции в «Летописи», именно ее изучение приводит к продуктивным выводам о характере бытования древнеславянского исторического предания. Этим, впрочем, мы обязаны и богатому сопоставительному материалу из иностранных источников — как синхронных, так и более ранних.

Но «Летопись» не имела продолжения в славянской литературе. Литературная традиция нового центра сербской государственности в Рашке в поисках предыстории правящей династии Неманичей обратилась не к народному преданию, а к внешней истории. Это привело к появлению фантастической легенды о происхождении Неманичей от римского императора Лициния. При этом фантастичность этой легенды в немалой степени подчеркнула ограниченность литературной формы «родослова», склонного игнорировать строгую линейную хронологию и ориентированного исключительно на поколенный счет. Это же, кстати, серьезно дискредитировало в глазах первых исследователей «Летопись попа Дуклянина». Ее автор, создавая на страницах книги мифическое «королевство славян», механически свел в единый генеалогический ряд князей различных славянских государств. При этом, не ведя точного счета лет, совершенно не позаботился о создании хронологической

https://RodnoVery.ru

достоверности. Он следовал схеме «родослова», где время считалось поколениями, а не годами или веками.

Из русских летописей преимущественное значение имеют древнейшие разделы памятников киевского летописания времен единого государства и начала удельной раздробленности (XI — начало XII в.) — Начального свода и «Повести временных лет». Стоят внимания и памятники эпохи раздробленности начиная с XII в., прежде всего, предания, отраженные в летописях «Софийско-Новгородской» группы. Наконец, имеется еще один текст, сохранившийся только в латинском переложении — гипотетическая русская летопись, послужившая непосредственным источником для польского хрониста Я. Длугоша.

Русское летописание предлагает иной по сравнению с южнославянским вариант восприятия и обработки древних сюжетов племенной устной истории. Его особенности связаны не в последнюю очередь с особенностями формирования древнерусской государственности и культуры. В восточнославянском регионе в IX–X столетиях более десятка племенных «княжений» оказались включены в новое политическое единство — Древнерусское государство, во главе с новой династией Рюриковичей, — и поглощены им. К концу X в. процесс повсеместной смены Рюриковичами правящих родов, за исключением отдельных, и в культурном плане периферийных областей, завершился. Соответственно, племенное предание всех древних племенных общностей утрачивало в едином государстве характер официальной исторической традиции. Таковой статус обрело теперь родовое предание Рюриковичей, не уходившее далеко в глубь языческой эпохи. В этом принципиальное отличие Руси от Чехии Пржемысловичей или Дукли, и сходство ее, например, с Польшей. Там также в историографии сравнительно молодой династии Пястов сюжетам древней племенной истории на первых порах уделялось крайне мало внимания. Для древнерусских авторов главной задачей при описании событий до Рюрика становилось обоснование прав династии на власть, подготовка «декораций» для ее выхода на сцену. В то же время вполне мог присутствовать (но ни в коем случае не на первом плане), особенно в Киеве и в Новгороде, и элемент заинтересованности отдельных знатных родов. Они возводили себя еще к до-Рюриковым временам и сохраняли память о героях-предках предшествующей эпохи.

Другой важной особенностью древнерусской исторической традиции явилось развитие ее с самого начала под мощным воздействием византийской хронографии. Образцом исторического труда с XI в. становится «Хроника» Георгия Амартола, отчасти более раннее, также

https://RodnoVery.ru

построенное по хронологическому признаку сочинение Иоанна Малалы. Соответственно, и русские исторические сочинения, по крайней мере, с середины XI в., оформляются как летописи в собственном смысле слова. В известной степени это рационализировало и внутренне дисциплинировало труд, заставляло его автора внимательнее относиться к параллельно излагаемым фактам «большой» истории. Введение этнического прошлого в широкий мировой контекст и четкие хронологические рамки выдавливали за пределы текста мифологизм, а также и размывали архаическую структуру родословного предания. Поэтому в русском летописании XI–XV вв. рационализирующее воздействие христианской мысли выразилось по максимуму.

В сравнении и с сербской, и с болгарской, и с польской — и со многими образцами неславянской средневековой хронистики Европы в русских исторических сочинениях при описании дохристианской эпохи до удивительного мало фантастического и мифического. Это способствовало некоторому смещению исследовательского восприятия применительно к русским памятникам. Даже полные эпики повествования о походе Олега на Византию, войнах Святослава и т. д. производили подчас на первых исследователей ощущение (конечно, ошибочное) документального отчета. Характерно, кстати, что с русской традицией многим здесь роднится чешская средневековая историография, также изначально ориентированная на форму развернутых анналов. Впрочем, здесь присутствовали причины и более высокого характера. Для славянской культуры средневековья (в наименьшей мере для польской, которая не испытала влияния кирилло-мефодиевской традиции) характерен более глубокий разрыв с языческим прошлым, чем для германцев и для кельтов. Ничего подобного «Эддам» или ирландским скелам с их поэтизацией языческой старины мы не находим в славянских литературах — подобное даже трудно представить в их контексте.

Начало русского летописания (но не появление целостных памятников) следует относить ко времени распространения христианства и византийской по происхождению книжкой культуры. Это не исключает появления еще ранее каких-то отрывочных лапидарных записей. Первый же свод исторического (не обязательно, впрочем, летописного) характера сложился не позднее третьего десятилетия XI в. В этом раннем памятнике древнейшая история не рассматривалась. Тем не менее и в нем отразились некоторые предания не только о древнейшей поре истории Руси, но и отчасти о прошлом отдельных восточнославянских племен (уличей, радимичей).

https://RodnoVery.ru

Новый этап в отражении событий ранней восточнославянской истории открыл Киевский свод 1070-х или начала 1080-х гг., к которому восходит, во всяком случае, основной объем древнейшей части Новгородской 1 летописи младшего извода. Свод, легший в основу древнейших известий последней, идентифицируется как Начальный свод. Позже он станет основным источником «Повести временных лет». Начальный свод излагает уже основную канву преданий о начале Киева, Руси и династии Рюриковичей. Его автор попытался при изложении истории до-Рюриковой остаться, тем не менее, в рамках династического предания. Поэтому он не концентрируется на ранней племенной истории, ограничиваясь пересказом преданий о Кие и хазарской дани. Его попытка ввести раннюю историю в хронологический контекст через группировку всех событий, связанных с «началом Русской земли», под 854 г., выглядит еще очень искусственно.

За узкие рамки исключительно «преддинастической» традиции решительно выходит «Повесть временных лет», автор которой Нестор в начале XII в. создал широкое полотно ранней истории восточного славянства и Руси. Повесть временных лет дошла в позднейших редакциях, созданных в том же XII в. Однако детальное изучение текстов сохранившихся (в том числе фрагментарно у В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина) летописных памятников позволяет с известной долей уверенности воссоздать первоначальный текст. Внутренняя цельность и полнота Повести, а также ее роль как официальной киевской летописи стали причинами, по которой ее воспроизводили все летописцы до XVII в. Иногда, впрочем, наряду с ней привлекался и Начальный свод.

Нестор уже детализировал (заметим — весьма талантливо и по-своему убедительно) хронологию первых десятилетий Рюриковичей, но принципиально отказался от датировки предания о Кие и иных «додинастических» сюжетов. В этом проявился здравый смысл, указывавший на отсутствие датирующих оснований в преданиях преимущественно топонимического и эпического характера. Но в таком отказе нет ни тени пренебрежения к не связанной с первыми Рюриковичами устной традиции. Напротив, для автора Повести сюжеты предыстории Руси («откуду есть пошла») равноценны истории собственно ее возникновения («стала есть»). Это отражено и в заглавии предпосланного летописи введения. В то же время отказ от хронологии в этом введении — и не возврат к архаической модели вневременного, не ищущего внешних опор предания. Напротив, внешний контекст древнейшей истории неимоверно расширялся по сравнению с Начальным сводом. Происхождение славян прослеживалось летописцем начала XII в.

https://RodnoVery.ru

уже от времен Ноя, им подыскивались античные соответствия, а история христианства на Руси теперь начиналась с апостола Андрея.

При воспроизведении огромного количества известных ему из разных источников преданий о происхождении восточнославянских «родов» летописец прибег, по сути, к назывному методу. Предания не столько пересказываются, сколько перечисляются, за весьма редким изъятием. Исключение представляла только исключительно важная для летописца, очевидного патриота Киева, киевская традиция. Обогащенная легендой об апостоле Андрее, она, кроме того, и дополнена новыми сведениями о Кие, происходящими из области песенного эпоса. При интенсивном обращении к фольклору в Повести временных лет сохраняется основная тенденция русской традиции — последовательное изгнание связанных с язычеством фантастических, мифологических сюжетов. Единственным исключением, и то связанным уже с Рюриковичами, может быть сочтен широко известный рассказ о гибели князя Олега от коня. Однако он нужен летописцу в целях антиязыческой полемики. Ничего же подобного повествованию польского хрониста Винцентия Кадлубка о битве Крака с драконом, или упоминанию болгарской «Апокрифической летописи» о рождении Испора от коровы, мы не находим на Руси еще долгие века.

Используя Повесть временных лет и Начальный свод, позднейшие авторы в ряде случаев дополняли их новыми сюжетами и мотивами, заимствованными из местной устной традиции. Такие новые сюжеты и мотивы находим в ряде памятников эпохи феодальной раздробленности. Это, прежде всего, памятники новгородского летописания — в том числе местная редакция вводной части Повести, вошедшая в состав общерусского митрополичьего «Софийско-Новгородского» летописного свода начала XV в. В среде новгородского боярства имелась собственная, независимая от родового предания Рюриковичей, устная историческая традиция. Вместе с тем консерватизм летописной формы определял случайность заимствований из этих источников. Мы вновь имеем дело с называнием, но не с воспроизведением предания. Время воспроизведения новгородской традиции уже в явно разложившейся форме, но зато с сохранением ряда весьма архаичных мифологических элементов (например, сюжет о князе-оборотне Волхе), настало только в XVII столетии.

Подобно новгородским поступали и летописцы других земель, в частности киевский летописец 1230-х гг., чье сочинение легло в основу «русских» известий польского хрониста XV в. Яна Длугоша. Этот автор основывал свое повествование на Начальном своде, но дополнил его рядом оригинальных известий, отражающих устные предания. И здесь мы

https://RodnoVery.ru

встречаем тот же назывной метод вкраплений новых мотивов в летописный образец, и опять-таки отсутствие мифологических элементов фольклора.

Из позднейших летописных памятников стоит выделить фундаментальные летописные своды XVI столетия — Воскресенскую и Никоновскую летописи. Эти и подобные им памятники нередко привлекали дополнительные сведения из становившихся известными их авторам преданий, в том числе местных. Однако информация из устных, подлинно народных источников, подчас смешивалась с домыслами и откровенными вымыслами. Следует помнить, что дружинно-аристократические родовые предания русской знати киевского периода безвозвратно ушли в прошлое после монгольского нашествия, с усилением новых политических центров — Московской Руси и Великого княжества Литовского.

Это сказывалось на качестве информации, попадавшей в руки местных историков XVI–XVII вв. Из многочисленных источников, отражающих местные предания XVII столетия, для нашей темы значительный интерес представляет «Сказание о зачале Новаграда», имеющее как литературные, так и фольклорные параллели. Легенды, вплетенные его создателем в ткань возвеличивающего родной город повествования, конечно, не должны приниматься на веру. Даже просто как подлинное отражение «древних» преданий. Они должны тщательно анализироваться. Только установление всех внешних источников и параллелей позволяет выделить в «Сказании» зерно, действительно восходящее к народным преданиям. И «работать» с целью выявления исторических оснований тысячелетней давности уже с этим зерном. Дело несколько осложняется тем, что «Сказание» оказалось в тени т. н. «Иоакимовской летописи» — близкого по характеру сочинения конца XVII или первой половины XVIII в., сохраненного русским историком В.Н. Татищевым. Свидетельства самого В.Н. Татищева о ее происхождении и изучение «летописи» наводят на мысль, что на самом деле это компиляция на основе разных, в том числе несохранившихся, источников, создание которой невольно инициировано самим Татищевым.

Что касается западнославянской латиноязычной традиции, то ее представляют чешские и польские средневековые хроники. Основу чешской исторической традиции составило родовое предание правящей (с VII–VIII вв.) династии Пржемысловичей, в начале XII в. перенесенное в письменную латинскую форму Козьмой Пражским. «Богемская (Чешская) хроника» Козьмы стала основой для всей позднейшей чешской анналистической и хроникальной традиции. Лишь отдельные авторы (Неплах из Опатовиц, Пржибек Пулкава) добавляли в схему Козьмы новые элементы, воспринятые из народных преданий. Наиболее независим (и стал

https://RodnoVery.ru

самостоятельным источником для позднейших хронистов) Далимил, создавший в XIV в. «Чешскую рифмованную хронику» на родном языке. Здесь особенно много неотраженных ранее Козьмой фольклорных мотивов. XVI в. в Чехии, как и повсеместно, стал временем многочисленных псевдоисторических домыслов, романтического поиска новых сюжетов, обогащающих древнюю историю. Особенно отличился на этой ниве Гаек из Либочан. Его монументальная «Чешская хроника» в своей древнейшей части является кладезем в большей степени творческой фантазии автора, чем исторического или даже фольклорного материала.

В пястовской Польше к давней племенной истории допястовской эпохи первым обратился в XII в. Винцентий Кадлубек. В его «Хронике» впервые отражаются мифы и предания краковского цикла. С соперничеством Великой и Малой Польши связаны основные отличия древнейших разделов хроники Кадлубка и приписываемой Богухвалу «Великой хроники» XIII в. Опираясь почти исключительно на труд Кадлубка, автор «Великой хроники» вместе с тем возвращает (после легендарного Крака) центр изложения допястовской истории в Великую Польшу. Это, надо отметить, соответствовало древнейшим преданиям, отраженным еще у Анонима Галла, предшественника Кадлубка. Позднейшие польские хронисты всецело следовали заданной Кадлубком и Богухвалом традиции, практически не дополняя ее новыми деталями. Исключение представляли лишь чисто литературно-«научные» по происхождению домыслы XVI–XVII вв. Польские хронисты лишены уходящей в глубь веков легендарной генеалогии (имевшейся у Пржемысловичей). Потому они решали важную для латинской историографии проблему удревнения своей истории через своеобразное «размножение» доставшихся от легендарной эпохи имен. Так, князь Лех-Лешко в польском историческом предании расчетверился, Попель — раздвоился. Кроме того, польские хронисты большее, чем ранние чешские, внимание уделяли проблеме соотнесения своей и античной (древнеримской) истории. Эти обстоятельства сближают польских средневековых авторов с некоторыми скандинавскими — прежде всего, с Саксоном Грамматиком.

Среди западноевропейских средневековых источников по ранней славянской истории скандинавские стоят особняком. Они так же, как и славянские, всецело восходят к устной традиции. При этом ее отражение существенно разнится в двух основных ветвях средневековой скандинавской традиции — латинской и древнеисландской. Латинские источники («Хроника Лейре», «Деяния данов» Саксона Грамматика и др.)

https://RodnoVery.ru

иногда сравнительно древнее. Однако они сильнее зависят от шаблонов западноевропейской исторической науки того времени. Так, версия древнейшей истории датских конунгов Саксона резко расходится с данными всех остальных скандинавских источников. Однако это расхождение при ближайшем рассмотрении оказывается не в пользу латинских «Деяний». Во всех основных расхождениях Саксона и исландских саг он резко противоречит и более древним записям традиции — англосаксонской поэме VIII в. «Беовульф», скальдическим и эддическим песням X–XII вв. Пользуясь различными устными и письменными источниками, Саксон произвольно компилировал их, пытаясь создать связную историю не существовавшего в I тысячелетии н. э. единого Датского королевства. Иногда он в своих интерпретациях и политически ангажирован. В результате получилась версия весьма литературная, вторичная интерпретация саг, еще менее достоверная, чем они сами.

В то же время литература на родном языке (для Дании, например, — «Сага о Скъельдунгах», «Обзор саг о датских конунгах»), лучше отражая строй традиции, фиксирует ее в чуть позднейшей форме. Эддическая и скальдическая поэзия, генеалогии являются исключением, восходя напрямую к устным первоисточникам — но их сведения подчас слишком кратки для ясной интерпретации. Кроме того, сюжетика древнеисландской литературы более «канонична». Ее авторы стремятся к взаимной согласованности, созданию единой, непротиворечивой картины истории и генеалогии. Это приводит к зависимости вторичных памятников от своих источников, к естественным искажениям противоречивой и многовариантной устной традиции.

Что до данных по славянской истории, то они за VII–VIII вв. еще довольно бедны. Это припоминания об отдельных контактах с западными и северной частью восточных славян на заре викингской эпохи. Интересен — и важен для самой скандинавской традиции — сюжет о происхождении датской и шведской королевской династий, связываемом с восточнославянским князем «Радбардом». Он представляет собой исключение на фоне довольно рутинных и отрывочных свидетельств о стычках приморских племен Балтики.

Близкий аналог славянским и скандинавским в смысле происхождения от устных преданий представляют прусские источники. Отличие в том, что запись преданий производилась не собственно пруссами, а завоевателями-тевтонцами или онемеченными потомками аборигенов. Монах Симон Грунау (XVI в.) в своей «Прусской хронике» сохранил предание о войне прусских князей с мазовшанами. По собственному утверждению Грунау,

https://RodnoVery.ru

его труд основывается на хронике немецкого епископа XIII в. Христиана, побывавшего в плену у пруссов. Некоторая сомнительность этого свидетельства перевешивается большим объемом достоверной информации Грунау, крещеного пруссa, об обычаях, мифологии, языке своего народа. Позднейшие прусские хронисты при изложении тех же событий лишь перемешивают информацию Грунау с обычными домыслами.

По разряду домыслов проходят и «оригинальные» свидетельства мекленбургских и померанских немецких хронистов XVI–XVIII вв. (Фома Кантцов и др.). Оторванные от умирающей, но еще живой в те века славянской народной культуры Поморья и Полабья, городские немецкие писатели просто не могли черпать из нее. Главной задачей для авторов из Мекленбурга и Померании являлось повысить исторический и политический статус владетельных родов, чье родословие восходило к онемеченным славянским князьям. Генеалоги чрезвычайно вольно обходились с остающимися им источниками — франкскими хрониками, их позднейшими переделками, «Деяниями данов» Саксона Грамматика и др. Результатом этого стали, в частности, фантастически скомпилированные родословия, в том числе — для VIII–IX вв. — абсурдно смешивающие княжеские линии вильцев и ободритов. Примеры вольных домыслов и откровенных вымыслов можно умножать. Наивность их объяснима. Методы современного научного анализа компиляторам оставались недоступны, а задача их состояла всего лишь в том, чтобы максимально расширить круг родичей правящих династий. Подобное происходило и в других европейских странах, не обошло «поветрие» и Московскую Русь. Ознакомление с этими хрониками полезно. Однако использовать подобные опусы как источники по описываемому в них периоду едва ли целесообразно. Продуктивнее обращаться к их собственным источникам, которые легко выявляются. Они уже названы.

По мере приближения к «историческому» периоду славянской истории естественно возрастает число устных преданий, отражающих события прошлого. Однако предания, записанные в XVIII–XX вв., надо крайне осторожно привлекать в качестве исторического источника по событиям тысячелетней давности. Разновременное историческое и мифологическое сплелось в них неразрывно. Кроме того, следует учитывать уровень достоверности самих записей, возможность литературных влияний, отсутствие четких датирующих описываемые события указаний и т. д. Только установление праформы преданий, выявление их происхождения и источников позволяет нам прибегать к их помощи.

Основной костяк представлений о внутреннем устройстве славянского

https://RodnoVery.ru

общества, материальной и отчасти духовной культуре, хозяйстве и быте по-прежнему обеспечивают археология и языкознание. Данные языка в минувшем веке стали не менее важны для специалистов, чем постоянно пополняющийся археологический материал. Современные методы позволяют использовать язык в качестве исторического источника по самой различной проблематике.

https://RodnoVery.ru

Пролог

Обновляющаяся Европа

602 год не относится к числу столь переломных дат европейской истории, как, скажем, 476-й — год падения Западной Римской империи — или 800-й — год основания Империи Карла Великого. Причиной тому — во многом неожиданная живучесть, проявленная последним оплотом античной цивилизации, Вторым Римом, Византией. Однако для своего времени это, без сомнения, дата рубежная. В тот год Восточная Римская Империя оказалась на краю гибели — и перестала быть прежней навсегда.

23 ноября 602 г. в Константинополь вступила восставшая армия под предводительством младшего офицера Фоки. Император Маврикий погиб. Впоследствии расправы над представителями ромейской знати сторонники нового правителя чинили регулярно. В Империи разразилась гражданская война, длившаяся восемь лет. В течение этого времени персы развернули мощное наступление на Востоке, а на западе безнаказанно хозяйничали авары, славяне и лангобарды. Вступление на престол императора Ираклия в 610 г. само по себе не могло стабилизировать ситуацию. Ираклию пришлось оборонять от «варварских» полчищ сам Константинополь (626 г.). В конце же его долгого и небезуспешного в целом правления (610–641) восточные провинции накрыл вал арабского нашествия.

Итог внутренних и внешних смут для Империи оказался, естественно, весьма трагичен. Надежды на восстановление прежнего Рима окончательно рухнули. Более того, Империя как могучая политическая реальность перестала существовать. Границы Державы Ромеев в Европе к середине VII в. сжались до городских округ — Константинополя, Рима, Равенны, Фессалоник. Малая Азия осталась, но находилась под постоянным прессом захвативших большую часть Востока арабов. Отрезанная от основных имперских земель Северо-Восточная Африка, оказавшись в аналогичной опасности, продержалась только до начала VIII в.

Спорным является само воспроизведение Византией в «темные» VII и VIII вв. основных признаков цивилизации. Указывалось на незначительное число письменных памятников, на практическое отсутствие градостроительства и монументального зодчества. За политическим упадком естественно следовал экономический и культурный.

https://RodnoVery.ru

Однако VII–VIII вв. являлись для Восточной Империи не только порой упадка. Это еще и время консолидации общества на новых началах, превращения Восточного Рима в средневековую Византию. Уже при Ираклии это проявляется в ряде зримых перемен — например, в официальном принятии древнегреческого именования царя «василевс». Византия остается страной полиэтничной, становится с приходом славян даже более полиэтничной. Но вместе с тем она становится и более греческой. Греческий язык окончательно получает статус официального.

Окончательно ушли в прошлое попытки языческой реакции. Византия VII–VIII вв. являлась уже страной, безусловно, христианской — хотя и не безусловно православной. Монофелитство VII в. и иконоборчество VIII в. принесли Империи немало тревог. Но все идейные споры проходили в рамках победившего христианства — единой и неоспоримой духовной основы средневековой Византии.

Меняется византийская знать. Значительная часть старой аристократии погибла в ходе «революции Фоки». При Ираклии в Константинополе обосновываются провинциалы, преимущественно греческого, армянского и малоазийского, а не римского или германского происхождения. Значительная часть уцелевших еще латифундий оказалась потеряна или разорена в ходе внешних и гражданских войн. Новая знать обладала меньшей земельной собственностью, более зависела от милостей императора. И в то же время ввиду ослабления центральной власти и разбросанности имперских территорий она обладала большей личной самостоятельностью на деле. Знать все более сближается с перестроенным военно-бюрократическим аппаратом, по сути составляя с ним единый общественный слой, регулярно пополняясь за его счет.

Отражением социальных изменений стало проведенное в VII–VIII вв. деление Империи на новые административно-территориальные единицы — фемы. Автономные от центра, фемы обладали собственными войсками и управлялись военными чиновниками-стратигами, обладавшими всей полнотой власти. Набирались они, как правило, из уже заслуженных и богатых родов местного происхождения. Одновременно с подобным закреплением прав местной знати, в центре укрепляется династический принцип преемства власти. Наследование императорского престола рассматривается как нечто естественное, а занятие его человеком не из правящего рода — как узурпация. Смена династий происходит только в результате государственных переворотов. Однако наследие Республики с идеей «власть достойнейшему» делает такие перевороты довольно частыми.

https://RodnoVery.ru

Социально-экономическое лицо Империи тоже меняется. Гибель латифундий, о которой уже говорилось, сделала основой экономики крестьянскую общину — местную или «варварскую». Свободный крестьянин-воин, стратиот, — не только основной производитель, но и главная массовая опора фемной армии. Общины, конечно, зависели от государственной власти и в известном смысле от местной военной аристократии. Но до феодализма, подобного сложившемуся к началу IX в. на Западе, Византии весьма далеко.

По мере упадка городов, а соответственно ремесла и торговли, значение сельского хозяйства для экономики Империи резко возрастает. Оно становится, помимо прочего, основным источником государственного дохода. Многие города превращаются в сельскохозяйственные по сути поселения. Борьба за расширение облагаемых сельскохозяйственных территорий — не последняя причина освободительных походов против славян и болгар на протяжении VII–VIII вв.

Такова ситуация в Византии. Империя перестала быть доминирующим фактором европейской политики, однако осталась — в отсутствие подлинных конкурентов — фактором ведущим для Востока Европы. На Западе же VII–VIII вв. — время подъема одних и упадка других «варварских» королевств. В эту эпоху они только в начале пути, который приведет их к восстановлению городской жизни и к сложению феодального общества. Тем не менее многие признаки средневековой Европы мы уже начинаем встречать в источниках этого времени — зачатки вассальной системы, развитое церковное землевладение, полуавтономные городские общины. После крещения в первых десятилетиях VII в. большинства англосаксонских королевств вся цивилизующаяся часть западной Европы оказалась христианской. После того как в том же VII в. от арианства вслед за вестготами отступились и лангобарды, она стала и кафолической. Различия между Западной и Восточной церквями уже наметились в конце VI в., но еще отнюдь не превратились в основания раскола. Ортодоксов и будущих «католиков» сплачивали и совместная борьба с монофелитством и иконоборчеством, и стремление нести свет христианства язычникам.

Сильнейшими королевствами Запада в первой половине VII в. являлись Франкское в Галлии, Лангобардское в Италии и Вестготское в Испании. Меньшие владения уже, как правило, поглощены ими. Исключение (помимо защищенных Ла-Маншем англосаксов) представляли несколько пограничных герцогств или королевств на восточной периферии Франкской державы. Частые распри за франкский престол, трудности утверждения христианства позволяли правителям баваров, тюрингов и

https://RodnoVery.ru

алеманов (швабов) сохранять значительную степень автономии или даже независимости.

Впрочем, единство всех трех королевств-лидеров не стоит преувеличивать. Каждое разветвление местных династий приводило к дроблению государства на уделы королей-соправителей. На местах пользовались широкой самостоятельностью отдельные принцы и герцоги некоролевского рода. В Испании и Италии ситуация выливалась в частые усобицы и смены династий. Для готского королевства это оказалось роковым — в 711–713 гг. большую часть Пиренейского полуострова захватили арабы. Отступив на север, остатки вестготской знати лишь тогда сплотились под властью одной династии — Кантабрийского дома, правителей королевства Астурия. Лангобардская Италия, в отсутствие столь же грозного врага, устояла до конца VIII в., что, однако, не прибавило ей стабильности.

У франков измельчание династии Меровингов постепенно привело к переходу власти в руки управителей королевского двора — майордомов. Распри между династиями майордомов уже в VIII в. вылились в единственную за всю франкскую историю смену королевского рода. Так появилась династия Каролингов, правители которой не только стабилизировали и объединили свое королевство, но и оказались в силах стать гегемонами всего Запада. Свою роль сыграли в этом и прочный союз с римскими папами, отвернувшимися от иконоборческого Константинополя, и создание цельной вассально-ленной системы. Этот костяк европейского феодализма на первых порах обеспечил верность основной части аристократии королю.

За пределами сильнейших «варварских» королевств Запада оставались пока северо-восточные германские земли. По-прежнему раздробленные саксы упорно, тем не менее, отстаивали свою самостоятельность от франкских королей. К северу, в Скандинавии, ускоренно строились пока еще эфемерные племенные «королевства». Их возглавляли довольно живучие, но переходившие с одного местного престола на другой династии. Некоторые вожди (подобно Ивару в конце VII в.) могли объединять под своей «властью» почти всю Скандинавию. И в политике конунгов, и в экономике скандинавских земель все большую роль играют дальние морские походы за военной и реже торговой добычей. Уже в начале VII в. скандинавы совершают далекие набеги на восточнобалтийские земли — предвестие грядущей эпохи викингов.

В Восточной Прибалтике существовали собственные племенные объединения. Из них наиболее значительным являлось племенное

https://RodnoVery.ru

«королевство» пруссов, управлявшееся дуумвиратом из военного и сакрального (Криве) вождя. Возникновение его связывается с легендарными братьями Видевутом и Брутеном и может относиться к V–VII вв. Дальше на север, у предков литовцев и латышей, объединительные процессы только начинались. Внутренний строй финно-угорских племен (в том числе тогда не звавшихся еще на Западе «эстами» предков эстонцев) оставался еще более архаичным. Хотя и здесь уже складывались племенные союзы.

Главной угрозой для оседлых народов Центральной и Восточной Европы в начале VII в. являлся Аварский каганат, располагавшийся на землях Паннонии (ныне западная Венгрия). Аварская опасность являлась одним из главных факторов во внешней политике и Византии, и Франкского государства в первой половине VII в. Но и позднее, после временного упадка, каганат оставался мощной и опасной, пусть и более локальной, кочевой империей. Долгое время он не знал соперников на востоке. Только в 20-х — 40-х гг. в европейские степи на время возвращаются тюркюты. Возвращаются, чтобы исчезнуть со сцены европейской истории (под этим именем) навсегда, уступив место своим преемникам — хазарам и болгарам. Впрочем, эти события уже не столько авансцена, сколько непосредственное содержание славянской истории VII–VIII столетий.

Славяне включились в строительство европейской средневековой цивилизации немногим позднее западных германцев, но как минимум не позже германцев северных, и намного раньше балтийских народов. Их история являлась органичной и неотъемлемой частью того на первый взгляд хаотичного движения, которое привело к появлению новой Европы в начале IX в. С другой стороны, и сама эта история не может быть представлена вне своего величественного фона, в отрыве от истории соседей, союзников и противников.

Славяне к началу VII в.

К началу VII в. славяне прошли уже длительный путь общественного развития. Славянский мир того времени представлял собой, с одной стороны, совокупность десятков малых племен-«родов» с собственными структурами власти, во главе с собственными князьями и воеводами. Но, с другой стороны, племена эти уже сплачивались в племенные союзы —

https://RodnoVery.ru

первые зародыши государственности. Появляется подобие государственной власти в виде княжеской дружины. В юго-восточных, более захваченных Переселением Народов землях она постепенно становится разноплеменной, а оттого и скорее надплеменной. Княжеская власть превращается в наследственную — сначала в рамках одного клана, затем собственно в династии. Параллельно слабеют иные, архаичные институты, сыгравшие ранее немалую роль в складывании предгосударственного устройства. Относится это, прежде всего, к воинским и иным ритуальным союзам.

В славянском обществе разворачивался процесс расслоения, формирования новой социальной структуры. Отчетливо заметна родоплеменная знать (господа, паны), чье могущество пока основывалось на общинном старшинстве. Еще четче выделяется в древнеславянском обществе жречество (ведуны), хотя верховным жрецом являлся сам князь. Постепенно начали оформляться новая военная, дружинная знать и тесно с ней связанная племенная «администрация». Бурные события времени великих переселений привели к росту роли рабства и данничества.

Основными занятиями славян являлись земледелие и скотоводство. Земледелие носило на юге переложный или даже уже пашенный, на севере — преимущественно (но не исключительно) подсечно-огневой характер. На севере же, в том числе и из-за недостатка сельскохозяйственной продукции, обильнее занимались охотой, рыболовством, бортничеством. Жили славяне по преимуществу разбросанными поселениями-весями, объединенными в общинно-родовые и племенные «гнездовья». Укрепленные грады — пока большая редкость. Ремесло развивалось почти исключительно как домашний промысел. Но гончары и кузнецы, по меньшей мере, уже изготовляют продукт на заказ.

Религия славян остается многобожной, сильно варьирующейся по отдельным племенным волостям. Первые попытки проповеди христианства в VI в. имели весьма скромный, если не почти нулевой успех. Во главе пантеона стоит, как правило, бог грозы Перун, покровитель князей и дружинников. Но с ним вполне успешно соперничает его антагонист, змееобразный бог загробного мира и даритель богатств Велес. Славянская обрядность носила еще первобытный характер, хотя наиболее буйные и жестокие черты архаики начинают понемногу уходить в прошлое.

Политическая карта славянского мира на рубеже VI/VII вв. пусть с известной долей приблизительности, но может быть восстановлена. Восточные земли от левых притоков Днепра до Прута и Карпат занимали антские племена. Номинальным центром не очень прочной антской

https://RodnoVery.ru

общности, предполагаемым местом общеантского веча являлось городище Пастырское в лесостепи между Днепром и Южным Бугом. Общего князя или вождя анты не имели. Анты к концу VI в. являлись союзниками Византии в войне против авар и собственных сородичей словен — последними в Европе. На востоке они соседствовали с кочевыми племенами — болгарами, хазарами, савирами.

Восточную ветвь словен представляли дулебы. Дулебский племенной союз во второй половине VI в. достиг наивысшего расцвета. Северная, основная его часть охватывала территории от Днепра до Западного Буга, с севера ограничиваясь припятскими топями. На юге в состав дулебской общности в этот период временно, как автономная единица, вошли дунайские словене, занимавшие земли между Прутом, Карпатами и Дунаем и включавшие (как, впрочем, и большинство дулебов) значительный антский элемент. Во главе дулебского племенного союза с центром в городище Зимно на Западном Буге стоял правитель-князь с титулом «Маджак» (в арабской транскрипции) или «Мусок» (в греческой). «Малые» князья и воеводы отдельных племен или племенных групп формально подчинялись его верховной власти. В Аварских войнах конца VI в. дулебы и дунайцы выступали на стороне авар. Это сблизило их с каганатом и привело в конечном счете к распространению аварского влияния на восток до низовий Дуная.

Западная ветвь словен, ляхи, потомки живших по левобережью Западного Буга лендзян, во второй половине VI в. расселились вверх по Висле и Бугу, на земли современной Польши. Здесь в результате смешения с разрозненными родами венедов (суковско-дзедзицкой археологической культуры) сложилась новая этническая группа. Политического единства она не представляла, но представляла ритуальное — вокруг капища Змея-Велеса на горе Вавель (ныне Краков). В конце VI в. лендзяне вступили в союз с Аварским каганатом и участвовали в переселениях на Балканы. Также поступили и оттесненные ими на северо-запад, в земли по Лабе (Эльбе) венедские племена ободричей и др. В описываемый момент их движение на север, к Балтике, еще продолжалось, что не помешало части их переместиться на Балканы в ходе Аварских войн.

Противостоящую натиску авар группу северных славянских племен представляли, прежде всего, западные хорваты — переселенцы из антских прикарпатских областей. Сплотив вокруг себя часть славянских племен Чехии (Богемии) и Силезии, а также своих сородичей сербов, они в VI в. создали единый племенной союз во главе с сакральными правителями, носившими титул Крок или Крак. Борьба хорватов и сербов против авар

https://RodnoVery.ru

становится важным движущим фактором развития событий не только в этих землях. В то же время жившие к юго-востоку от чехов мораване в числе первых попали под власть Аварского каганата и также участвовали в балканских войнах и переселениях.

К северу от хорватского к концу VI в. возникает еще один враждебный аварам и их славянским союзникам племенной союз. Его создатели — выходцы из Силезии велеты, создатели фельдбергской археологической культуры. Велетский союз со своей единой княжеской властью, жесткой общественной структурой и высокой боеспособностью надолго превратился в серьезного противника соседних племен и государств. И в то же время он оказался в состоянии обеспечить себе независимость и обширные земли.

Далеко на северо-востоке, в полной изоляции от южных сородичей, развивалась племенная общность славян-кривичей. Ее главным центром являлись земли к югу от Чудского озера, по реке Великой. Но кривичские поселения уже в V–VI вв. распространились далеко на восток, до Поильменья и даже Белозерья. На юге кривичи рассеянно жили среди балтов Подвинья и Верхнего Поднепровья. Смешение с балтскими и финскими племенами наложило отпечаток на историю и культуру кривичей. Они пока не представляли политического единства — но осознавали свою общность, основанную на происхождении от божественного предка Крива (Бая, Велеса).

Перечисленные здесь племенные союзы было бы не совсем верно определять как непосредственных предшественников славянских государств средневековья. Бурные исторические события VII–VIII столетий существенно перетасовали племенные границы, породили новую политическую реальность. Но кое-какие линии преемства все же прослеживаются. И именно в VII–VIII вв., по мере зарождения средневековых народностей, начинается строительство тех государств, которые известны из писаной славянскими хронистами истории.

https://RodnoVery.ru

Часть 3

Глава первая. Завоевание Балкан

Начало последнего нашествия

На момент «революции Фоки» дела аваро-словенского союза в его противостоянии с Империей обстояли далеко не лучшим образом. Словене только что понесли тяжелое поражение от ромейских войск, хотя и сохранили волю к сопротивлению. Аварский поход против союзников Константинополя, антов, оказался сорван мятежом в каганате. При этом мятежники откочевали за Дунай, под власть и защиту императора Маврикия. В этих условиях мятеж Фоки, оголивший границу на Дунае, оказался для кагана и его союзников наилучшим подарком. Падение же Маврикия, начавшее гражданскую войну в Империи, послужило сигналом к масштабному вторжению.

Нельзя сказать, чтобы Фока никак не пытался этому помешать. Он присвоил себе императорский титул, конечно, не ради того, чтобы потерять половину имперских земель. Но главной заботой узурпатора сразу же оказались азиатские провинции. Персидский царь Хосров, многим обязанный Маврикию, под лозунгом мести за него возобновил ромейско-персидскую войну. На его стороне выступила и часть самих ромеев во главе с самозванцем Феодосием, выдававшим себя за якобы спасшегося сына Маврикия. В условиях развала государственной машины Фока сделал выбор в пользу именно восточной войны. На западе он обязался выплачивать кагану повышенную дань, фактически признав поражение Империи.

Каган принял и эту щедрость нового императора, но от завоевания балканских провинций не отказался. Можно не сомневаться, что наблюдавшие развал Ромейской державы и лишенные ее поддержки авары-перебежчики не преминули вернуться к прежнему властелину. Теперь они превращались в авангард масштабного аваро-славянского нашествия.

О нем мало что известно. Греческие историки о действиях авар сообщают в общих фразах, а о славянских вообще не упоминают. Сколько-нибудь ясные и все равно отрывочные сведения о действиях «варваров» в

https://RodnoVery.ru

Европе при Фоке имеются только в негреческих источниках (Хроника Иоанна Никиуского, «Армянская география»). Действительно, правители Империи за ожесточенной Персидской войной и собственными раздорами просто не обращали внимания на происходившее в Европе. Дань, выплачиваемая кагану, давала призрачную безопасность Константинополю. Во всех остальных землях Балкан «варвары» действовали по своей воле, но это Фоку и его окружение волновало тем меньше, чем сильнее качался престол под узурпатором. Так что письменные свидетельства о событиях поистине значимых, положивших начало истории южных славян, крайне скудны.

Историю начального этапа последнего славянского нашествия на земли Империи можно восстановить лишь по названным негреческим сочинениям, данным археологии, языка,[1036] а отчасти и по поздним южнославянским преданиям. На основе болгарского средневекового предания можно заключить, что местом переправы стали окрестности Видина (Бдына), ромейской Бононии.[1037] Это подтверждают и наблюдения за распространением славянских местных названий на Балканах. Они же позволяют заключить, что к начатому славянами Мунтении и Олтении нашествию присоединились во множестве сородичи с запада, из земель, подвластных напрямую аварскому кагану.

Общее число принявших участие в нашествии племен, по «Армянской географии», — 25.[1038] Речь на этот раз шла не просто о завоевательном походе, но о массовом переселении. Славяне, конечно, и ранее оседали на имперских землях целыми семьями и «родами». Но в этот раз поток переселенцев несказанно превысил все предыдущие. К тому же за ним последовали новые и новые вливания из-за Дуная, продолжавшиеся почти весь VII в. Столь грандиозное вторжение не могло быть разовым «предприятием» одного-двух вождей и тем более провокацией аварского кагана. Несомненно, он изначально приложил к этому руку и первые годы действовал со славянами в союзе — но не более того. Переселенцами определенно двигали не зависевшие от их воли обстоятельства. Перенаселение придунайских областей ощущалось все тяжелее. Разорение их в ходе Аварских войн усугубляло проблему.

Из племен, участвовавших в нашествии, нам известны далеко не все. Многие племенные названия возникли уже на Балканах. Встречались племена антского (северы, сагудаты), ляшского и полабского (смоляне и действовавшие на западе, в Далмации, лендзяне) и дулебского (дреговичи, берзичи) происхождения. Наряду с ними участвовали в переселении и

https://RodnoVery.ru

племена, сложившиеся собственно на Дунае — или южнее, в ходе самого переселения. Таковые мы можем предполагать в племени с выразительным наименованием «войничи» (греч. Βαϊουνήται) и в велеездичах (Βελεγεζήται), чье название происходит от двусоставного «княжеского» имени «Велеезд». [1039]

В переселение на самых разных участках оказались втянуты десятки племен и «родов», прежде всего с территорий, так или иначе подвластных аварскому каганату. Культурой своей и языком они уже отличались от составивших основу переселенческого потока восточных славян — антов и дулебов. В заселении Фракии и Македонии, например, определенно приняли участие «ляшские» выходцы (известны нам смоляне). Участвовали в движении на Балканы с первых его лет и пришельцы из «чешско-словацких» земель (мораване и др.).[1040]

Славянские женские украшения

Переправившись в районе Видина, славяне разделились на два потока. Один, главный, двинулся прямо на юг, к «Охридской земле», где первые

https://RodnoVery.ru

славяне осели уже в конце VI в. Другие переселенцы разными путями шли вниз по Дунаю, по южному берегу. В их числе сильнейшим племенем были северы, возглавившие возникший во Фракии союз Семи родов.[1041] Это вторжение с запада покончило с нижнедунайским отрезком лимеса. Славяне разрушили ряд нижнедунайских крепостей. В частности, тогда погиб античный город Каллатии в самых низовьях, один из важных центров провинции Скифия.[1042] Под натиском новопришлых бежали местные жители, прежде жившие еще совместно с фракийскими словенами. Это видно, например, на примере туземного кладбища Петра-Фрэкецей в северной Фракии. К началу VII в. на нем появляются славянские погребения, а затем хоронить здесь вовсе перестали.[1043]

Двигавшиеся на юг, к Охриду, славяне также в итоге разделились на два потока. Зримая причина тому — необходимость обойти с востока и с запада неприступную Фессалонику. Иоанну Никиускому казалось, что это единственный греческий город, кроме столицы, оставшийся свободным от «варваров» в Европе к 610 г.[1044] Здесь некоторое преувеличение, однако ни славяне, ни авары действительно не стали штурмовать Фессалонику при Фоке.

Западная ветвь свернула также во Фракию. На границе провинций Родопа и Македония образовался очаг славянского расселения, занятый позднее, в числе прочих, племенем смолян. Возможно, что еще одной причиной разделения стали какие-то разногласия между выходцами из далекого полабского региона и племенами восточного происхождения, осевшими затем в Македонии.

Район древнего Лихнида славяне освоили еще в конце нашествия 580-х гг. Теперь основанное на развалинах античного города славянское село превращается в укрепленный град Охрид, столицу племени берзичей.[1045] По соседству с ними осели сагудаты, дреговичи, велеездичи, войничи. VII в. — время строительства многих славянских поселений на Балканах. Некоторые из них возникали на месте прежних неславянских — как разрушенных крепостей (Долно Церово, Перник в верховьях Струмы), так и сел, покинутых прежними обитателями.[1046]

Из Македонии славяне во множестве проникали на запад от Охридского озера, в Старый Эпир. Населявшие эти земли едва романизированные горные иллирийцы вскоре начали смешиваться с пришлыми «варварами» — процесс, положивший начало албанской народности. Это отразилось в древностях команской культуры VII–IX вв.[1047] Такое мирное или в основном мирное смешение завершилось «в

https://RodnoVery.ru

пользу» иллирийского элемента, но гораздо позднее. В VIII же в. окрестности Диррахия, древней столицы Старого Эпира, числились «аварской» территорией.[1048] «Авары» же — обычное наименование заселивших Элладу славян среди греков. Южноэпирские земли оставались славянскими еще долгое время после того.

На завоевании Фракии и Македонии первая волна нашествия остановилась.[1049] Славяне начали расселяться на новых землях, замиряясь и смешиваясь с местными сельскими жителями. Впрочем, во многих местах, опустошенных внешними и внутренними войнами, голодом и эпидемиями, славяне не встречали никакого туземного населения и обосновывались беспрепятственно. Особенно это касалось приграничных земель Нижней Мезии и Скифии, где осела основная масса Семи родов.[1050] После 610 г. воины-завоеватели в массовом порядке начали перевозить из-за Дуная свои семьи. Именно тогда появляются на юге «антские» пальчатые фибулы — застежки женских плащей.[1051]

Расселение во Фракии и Македонии происходило, как уже сказано, во многом стихийно — не против воли аварского кагана, но и вряд ли по его велению. Несколько иначе обстояло дело на западе, где переселенные самим каганом к границам Империи племена лендзян и стодорян штурмовали границы провинций Далмации и Истрии.

После крушения пограничной обороны в Далмации на рубеже VI/VII вв. аварский каган предоставил земли провинции в полное распоряжение своей основной ударной силе на этом участке — лендзянам. В первые десятилетия VII в. лендзяне обживали Далмацию, не упуская, естественно, стеснять при этом романское население прибрежных городов, в том числе столицы провинции — Салоны.[1052] Но, несмотря на все чинимые салонитам тяготы, занятые заселением доставшейся территории славяне не посягали на сами стены далматинских городов до воцарения Ираклия. Приход на рубеже VI/VII вв. в Далмацию славян вместе с аварами подтверждается археологами. Данные археологии свидетельствуют не только о конфликтах, но и о мирном взаимодействии славян с местными жителями.[1053] Как и в других местностях, славяне и авары воспринимали как своих врагов, в первую очередь, жителей городов — основной опоры имперской власти и армии. Поселяне, готовые нести повинности в пользу победителей (не более тяжкие, чем имперские подати), могли оставаться на своих местах, жить бок о бок со славянами, родниться с ними.

Наряду с заселением в Далмацию продолжались в царствование Фоки и набеги славян в западном направлении, на Истрию и ромейскую Италию.

https://RodnoVery.ru

Движущей силой выступали стодоряне и соседние с ними племена, издавна оседавшие в альпийском Норике. В этот период разнородные элементы — славянские, лангобардские, романские, — сливаются здесь в новую славянскую культуру.[1054] Это, разумеется, нисколько не мешало славянам под главенством авар и в союзе, кстати, с теми же лангобардами вести войну против ромеев. О ходе этой войны мы имеем несколько более четкое представление, чем о событиях на востоке — благодаря «Истории лангобардов» Павла Диакона.

В июле 603 г. король лангобардов Агилульф выступил из Милана на принадлежавшую ромеям Кремону. Лангобарды, как и авары, спешили воспользоваться последствиями византийской смуты. На помощь союзнику аварский каган отправил славянские отряды. Вместе с ними Агилульф осадил Кремону. 21 августа город пал и по приказу короля-победителя был до основания разрушен. Затем лангобарды и славяне направились к Мантуе. Последовала новая осада — и когда стены разрушили с помощью таранов, гарнизон сдался под гарантии безопасности. Агилульф разрешил ромеям уйти в Равенну и 13 сентября вошел в Мантую. За Кремоной и Мантуей последовали другие ромейские крепости. В конечном счете правивший Равенной экзарх вернул Агилульфу захваченных ранее дочь и зятя (главный повод к войне) и заключил перемирие. Только так удалось остановить успехи лангобардов и их славянских союзников.[1055]

Переселение масс славян на обширные земли к югу от Дуная, естественно, сопровождалось постепенным запустением территорий к северу от великой реки. Ипотештинская культура медленно, но неуклонно приходит в упадок. Уже в начале VII в. прекратились захоронения на самом крупном ее могильнике — Сэрату-Монтеору.[1056] Но другие могильники (например, в Ловне) продолжают пополняться погребениями и в эти годы. Возникают и новые поселения (например, Лозна-Дорохой).[1057] При явном сокращении населения северодунайские земли пока отнюдь не запустели.

Не стало их население и менее славянским. На юг уходили не только славяне, но жившие с ними бок о бок романцы-данувии. Более того, они уходили даже с большей охотой. Массовое переселение позволяло разорвать узы зависимости от славян, основывать собственные поселения, слиться с давно потерянными задунайскими сородичами. В итоге получилось так, что доля славянского населения к северу от Дуная в VII в. только возрастала.[1058]

Аварское иго

https://RodnoVery.ru

В результате событий 602-го и последующих годов Аварский каганат на короткое время оказался в роли сильнейшего государства как минимум Восточной Европы. Для кочевой знати во главе с каганом это само про себе означало сигнал к активным действиям. Не только по окончательному сокрушению врагов, но и по покорению вчерашних союзников. Внезапный успех вскружил верхушке каганата голову. Мы достаточно подробно можем наблюдать это на примере отношений с лангобардами. Уже очень скоро объектом агрессии кочевников, наряду с ромейской Истрией, оказался и лангобардский Фриуль. Но один из первых ударов пришелся по «союзным» каганату славянам.

Переселение славян за Дунай отвечало интересам авар — в том числе и в смысле установления более прочной власти над «союзниками». Разрозненные по большей части «роды», не обосновавшиеся еще на новых землях, естественно, искали объединяющее начало, могущественных покровителей. А такими могли выступить только авары. С другой стороны, переселение, начавшееся от избытка народа, постепенно начало ослаблять, даже обескровливать славянские земли к северу от Дуная. Авары быстро подметили, что это открывает для них новые возможности.

Еще в первые годы VII в. (если не ранее[1059]) авары установили более плотный контроль над славянскими землями к северу от Среднего Дуная. Эти территории — Поморавье и примыкающая к нему южная Словакия. Здесь в VII в. распространяется культура, названная археологами «аваро-славянской».[1060]

Авары не только обложили данью подвластные славянские племена, но и взяли себе в обычай зимовать в славянских придунайских землях. Во время этих зимовок они брали себе на ложа и дочерей, и жен славян.[1061] Детей от этих браков каганы намеревались использовать в своих интересах. Памятниками авар к северу от Дуная остались кочевнические захоронения в славянских или смешанных могильниках — в сопровождении коней, с предметами конской сбруи. Они обнаружены повсеместно — но в небольшом по отношению к общему числу погребений количестве. Наиболее крупные аваро-славянские кладбища появились в VII в. в Поморавье и Словакии. В Голиаре 26 аварских всадников с конями погребены на старом славянском могильнике, среди сожжений славянских общинников. Вместе с ними появляется гончарная керамика позднеримских и дунайских типов. В Нове Замку близ Нитры из 514 погребений — 26 всаднических с конями, в 4 случаях с оружием.

https://RodnoVery.ru

Основанный в начале VII в. могильник в Желовцах (Словакия) в числе 870 могил содержал немало всаднических погребений. В 18 из них найдены кочевнические сабли, в том числе в одном детском, в 10 — луки. При оценке этих данных надо иметь в виду, что погребения совершались на протяжении весьма долгого времени, до полутора-двух веков. Аварские вещи обнаруживаются и на славянских поселениях в Словакии и Южной Моравии. Дальше на север проникали лишь отдельные авары — или аварские предметы. Богатые поясные наборы, к примеру, ценила и чешская знать.[1062]

Аварские воины-всадники пытались заменить собой и своим полуславянским потомством племенную верхушку, но численность их оставалась незначительной. Местная же знать в значительной части оказалась истреблена. Остатки родовых «господ» служили завоевателям в качестве старшин административных округов каганата, жуп — жупанов. Этот титул для обозначения мелкого племенного вождя-старейшины позднее прижился у западных и юго-западных славян. Жупы примерно соответствовали (а затем стали точно соответствовать) малым славянским племенам, включавшим по нескольку «родов»-общин.

Славяне обеспечивали завоевателей не только продуктами земледельческого труда, но и воинской силой. «Когда гунны шли в поход, — пишет Фредегар, — против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны подходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то, поддержанные гуннами, они вновь обретали силы… Они шли впереди гуннов, образуя в сражении двойную боевую линию». Отсюда происходило наименование славян в аварской среде — латино-германское слово «бифульки», «двойное войско».[1063] Помимо всего прочего, славянские мастера изготавливали для авар ремесленные изделия — в том числе оружие и детали высоко ценившихся кочевой (и славянской) знатью поясных наборов. Привезенные с востока образцы становились импульсом для дальнейшего развития славянского ремесла.[1064]

На обширных покоренных каганатом пространствах естественным образом встречались и сливались различные культуры. Так и славянская культура на среднем Дунае уже в самом начале VII в.[1065] переплелась с романской и германской. Ранее подобное происходило преимущественно в приальпийских землях Норика с их смешанным населением. Теперь это характерная черта аваро-славянской культуры Подунавья.

https://RodnoVery.ru

Поспособствовали принудительные переселения целых племен и жителей придунайских римских городов, устраивавшиеся каганами. В процесс включились и подвластные кагану племена балканских славян. Потому языки предков чехов и словаков (особенно среднесловацкие диалекты) сблизились со славянским югом.[1066]

Северные славяне восприняли от новых соседей гончарный круг. В славянской среде к северу от Дуная на смену лепной пражско-корчакской приходит новая гончарная керамика так называемого дунайского типа. Родившись в центральных областях каганата, у славян она восприняла многие черты местной посуды. Керамику украшали простейшим, но богатым орнаментом — волнистым или линейным.[1067] Уже скоро, в считанные годы, гончарство (как и другие черты аваро-славянской культуры) выходит за пределы каганата и распространяется среди его врагов. Культурное взаимодействие славян по обе стороны аварской границы не прерывалось. К тому же из аварской Паннонии бежали на свободный еще север как славяне, так и создавшие дунайскую керамику романские гончары.[1068]

Появляются в славянской среде и погребения по обряду трупоположения здесь как раз под воздействием самих завоевателей, а не только покоренных ими народов. Славяне хоронили умерших на одних кладбищах с аварами. Славянские могилы отличаются западной или юго-западной ориентировкой погребенных и сравнительно небогатым инвентарем (посуда, отдельные украшения). В некоторых из них, как и у авар, — романское влияние, — находят остатки деревянных гробов или обкладки захоронений досками. Но в основном славяне сохраняли верность своему обычаю кремации. К VII в. относится ряд грунтовых могильников с трупосожжениями в Поморавье и других славянских землях.[1069]

Наконец, вслед за своими сородичами с приальпийских земель, славяне Среднего Подунавья восприняли от романцев начала крепостного строительства. Стены градов начали местами строить из камня, а на подсыпанном к стенам валу устраивались деревянные палисады, решетки или иные дополнительные заграждения. Эту новую технику тоже быстро восприняли и противники каганата. Уже в первых десятилетиях VII в. грады нового типа вырастают в Чехии, Моравии и даже в междуречье Лабы и Заале.[1070]

Интенсивное градостроительство, развернувшееся по обе стороны границы, — недвусмысленное свидетельство разжигавшихся аварами распрей между союзными и враждебными им славянскими племенами. Оно

https://RodnoVery.ru

принесло наступившей на землях Чехии и Словакии в VII в. эпохе название «старогородищенской». К этому периоду относится возникновение целого ряда важных в будущем градов Моравии (Микульчице, Старе Место, Бржецлав-Поганско, Зноймо и др.) и Словакии (Нитра). В их древнейших слоях преобладает еще пражско-корчакская керамика. Некоторые из них, впрочем, еще не были тогда укреплены. Но Микульчице — самый старый и значимый среди градов Моравии — уже на первом этапе своего существования, с начала VII в., защищен частоколом. Здесь вместе со славянами жили и завоеватели-авары.[1071]

Авары и их поданные чаще выступали как нападающая сторона. Поэтому большинство градов строилось к северу от аварских границ. Особенно много их в Центральной Чехии, вплоть до границы с Моравией. Но есть они и в других областях. Ранние грады являлись, прежде всего, убежищами от кочевнических набегов. Со временем, однако, в них появляется постоянное население. Жители градов занимались возделыванием окрестных земель. Но размещение в градах князей с их дружинами притягивало мастеров, работающих на заказ. Так грады превращались в центры ремесла. Защищались они обычно деревянным палисадом. Но тогда же, в VII в., славяне возводят уникальную оборонительную систему в Праховских скалах. Используя выгоды гористой местности, они восстановили и расширили древние валы, превратив гнездовье неукрепленных сел в настоящую крепость против кочевников. [1072]

Грады с рубежа VI–VII вв. строят славяне и дальше на север, в Силезии. Среди первых силезских градов — Гостынь, Кленица, Пшыток, Попенчыце, Полупин, Каменец. Все это небольшие племенные крепости-убежища. Но некоторые из них определенно возводились и как политические центры племен.[1073]

Авары не ограничились закреплением власти над уже покоренными славянами Среднего Дуная. Следующий удар направили на восток, в земли дулебов. Уже на рубеже VI/VII вв. каганат установил контроль над Нижним Подунавьем. В условиях оттока отсюда славян на Балканы этот контроль неизбежно укреплялся. В то же время дулебы, отдавшие великому переселению на юг немало и своих людских сил, имели основание считать земли дунайцев (а может, и задунайские) своими. Это — наиболее вероятная причина прямого столкновения между ними и аварами, происшедшего в пору наивысшего расцвета каганата, в первой четверти VII в.

https://RodnoVery.ru

Столкновение это положило конец дулебскому союзу племен под главенством «царя» бужан Мусока (Маджака). То ли в связи с аварским ударом, то ли независимо от него (или даже невольно создавая для него условия) в среде дулебов разразилась распря. Власть бужанского великого князя над огромной территорией, на которой расселились происшедшие от бужан племена, неизбежно стала призрачной — а со временем и вызвала раздражение. «Раздоры» привели к распаду союза и возникновению независимых племенных «княжений». Это событие отразилось не только в волынском предании, записанном в X в. Масуди,[1074] но и в русских летописях. «Повесть временных лет» говорит об одновременном возникновении племенных «княжений» у древлян, дреговичей и полян. Правда, киевский летописец предпочел приурочить это событие не к гибели древнего дулебского союза (о чем говорит в другой связи), а к смерти основателя Киева, Кия.[1075]

«Повесть временных лет» сохранила иное волынское предание — об установившемся теперь и над дулебами аварском иге. «Обры, — повествует летописец, — воевали со словенами и угнетали дулебов, сущих словен, и насилье творили женам дулебским. Если ехал куда обрин, не давал впрячь ни коня, ни вола, но велел впрячь 3, или 4, или 5 жен в телегу и везти обрина, — так вот мучили дулебов. Были ведь обры телом велики, а умом горды…»[1076]

Как и в среднедунайских землях — хотя и совсем в ничтожном количестве — на Буге появились аварские наместники. Они наезжали в основные земли дулебов-бужан, в прежний центр племенного союза. Число их, повторим, было крайне мало, и едва ли они отдалялись от реки на восток. Но память о чинившихся ими насилиях крепко держалась еще спустя почти полтысячи лет.

https://RodnoVery.ru

Воин. Велестинская коллекция

После аварского завоевания, в первой половине VII в. (вследствие аварского погрома или племенных распрей) прекратилась жизнь на городище Зимно[1077] — в стольном граде «Маджака». Бывший дулебский союз распался не на четыре, как можно было бы заключить по племенной

https://RodnoVery.ru

карте X–XI вв., а на гораздо большее число независимых племенных «княжений». Совсем не обязательно «княжения», особенно на первом этапе, соответствовали целому племенному союзу. Более вероятно, что первоначально независимыми объявили себя все «малые» князья отдельных племен. Среди них, несомненно, древляне, дреговичи и поляне, — но также и берзичи, и жеревичи, и многие иные племена, забытые к моменту создания летописей, но известные источникам еще IX столетия. При этом многие из них еще сознавали свое дулебское единство (принадлежали к одному роду?) и продолжали титуловать себя «малыми» — как древлянские князья вплоть до конца своего племенного княжества.

В прямое подчинение аварам перешли лишь земли собственно бужан вдоль Западного Буга, где прежде стояло Зимно. При этом какая-то часть дулебской знати ушла от завоевателей на восток, в земли племенного союза лучан. По крайней мере, складывается ощущение, что автор «Повести временных лет» считал бужан (волынян) лишь территориальными преемниками древних дулебов. «Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне», — сказано в летописи.[1078] Потомками же, своеобразными наследниками дулебов числили себя, судя по известию Яна Длугоша, жители восточной Волыни — лучане.[1079] Этот племенной союз существовал к IX в. и являлся одним из сильнейших в регионе. В VII же в. какая-то часть и лучан была подчинена или пленена аварами — составив основу позднейшего чешского племени лучан. Дальше, однако, «обры» вряд ли продвинулись. «Дерева» на западе и полесская «дрегва» на севере без местной подмоги становились неодолимой преградой.

Если дулебы являлись пусть условными, но союзниками каганата, то другая племенная группа тогдашних восточных славян — анты — всегда находилась с каганатом во вражде. Аварский каган готовил поход на антов еще в 602 г., но тогда тот прервался мятежом его подданных. Теперь, после краха ромейского могущества, анты, вчерашние союзники Империи, остались с аварами наедине. Возмездие за помощь ромеям должно было последовать неизбежно. И есть все основания считать, что оно последовало — до или после покорения дулебов.

Следов массового разорения и истребления антов нет.[1080] Но авары и не ставили это всерьез своей целью. Они нуждались в антских землях с населением, а не без. Следом обоснованной тревоги, охватившей антскую дружинную знать на рубеже VI/VII вв., остались, прежде всего, невскрытые клады Среднего Поднепровья — в том числе знаменитый Мартыновский, давший имя всей этой группе антских древностей.[1081] Оставшиеся в

https://RodnoVery.ru

живых владельцы вещей бежали от авар в глубь Левобережья, либо дальше на восток — в союзную болгарскую Степь. Авары на несколько десятилетий оказываются западными соседями болгар приазовской Великой Болгарии, и хан Куврат вынужден вступить с ними в прямые сношения — на первом этапе враждебные.[1082] Восточную границу продвижения авар в начале VII в. отмечает местное древнерусское название «Обров» на Левобережье, в окрестностях города Переяславля.[1083]

Новое аварское нашествие поставило точку в более чем столетней истории антского племенного объединения. Оно окончательно распалось и исчезло со страниц источников. Последнее упоминание антов — кратковременное воскрешение титула «Антский» византийским императором Ираклием в новелле 612 г.[1084] За этим упоминанием не стоит ничего конкретного. Пышная титулатура восточно-римских императоров, от использования которой Ираклий вскоре вовсе отказался, являлась лишь следом неподкрепленных притязаний на наследие Юстиниана. Разве что можно с какой-то степенью вероятности допустить, что Ираклий уже тогда искал связей с сербами и хорватами в Центральной Европе. Равеннскому Анониму, писавшему на грани VIII в., встреченное у Иордана имя антов ни о чем не говорило, и он передал его как Itites.[1085] Так сошли со сцены большой истории племена, некогда державшие в страхе немалую часть Европы.

Впрочем, сами анты остались — просто потеряли свое политическое влияние. Они, как видно, сохраняли еще и свое забытое остальной Европой самоназвание. Некоторые из них, на Левобережье и в лесостепном Среднем Поднепровье, либо сохранили независимость от каганата, либо быстро восстановили ее. Подобно дулебам, анты разделились на несколько племенных «княжений», практически не привлекающих внимания тех держав, что строили в Северном Причерноморье свою политику.

Участь же дулебов и антов, оказавшихся под аварским игом, отягощал не только аварский гнет. Стремясь обеспечить центр каганата податным земледельческим и ремесленным населением, а заодно сплотить разноплеменные провинции в единое целое, каганы и Восточную Европу вовлекли в водоворот своей переселенческой политики. Множество выходцев из антских[1086] и дулебских областей, сорванных с родных мест, принудительно расселили на западе. Дулебы осели в пределах каганата целыми племенами — в Паннонии, в Норике и, прежде всего, в Южной Чехии, где стали основным населением. Поселяя чужаков-дулебов к северу от Дуная, в землях, пограничных с враждебным хорватским племенным

https://RodnoVery.ru

союзом, каган укреплял, а не ослаблял этот участок рубежей своей державы. Выселяли для этой цели преимущественно боеспособных мужчин, которые женились на местных славянках.[1087]

Дулебы принесли в Чехию курганный обряд захоронения, дотоле на Среднем Дунае неизвестный. Он распространился у племен, подвластных каганату, — у заселивших большую часть Южной Чехии дулебов, у соседних с ними с востока мораван, у части северо-западных и восточных словацких «родов». В эту же группу зависимых от каганата племен вошли (или произошли от них) жившие к северо-востоку от дулебов зличане. Их регион с центром в Либице неглубоко, но врезался между чешским и собственно хорватским. Зличане сложились в результате смешения хорватов и продвинувшихся на север дулебов. Один из позднейших градов этих мест недаром носил имя Дудлебу. Отпадение зличан от хорватского союза, при небольших размерах их территории, являлось довольно значимым успехом авар. Он доказывал эффективность опоры на вынужденных переселенцев-дулебов. Именно от зличан восприняли позднее курганный обряд сами хорваты — единственные из враждебных аварам племен. Впрочем, давление авар привело к более плотному заселению в этот период не только юга, но и хорватского северо-востока Чехии. Среди переселенцев, конечно, были и беженцы из числа тех же дулебов.[1088] Авары покорили и часть Чехии к западу от Лабы. Здесь, по Огрже до ее впадения в Лабу, они расселили зависимых от себя лучан.[1089]

Следы присутствия переселенных аварами славян в Паннонии довольно многочисленны. Сначала славяне сохраняли верность исконному погребальному ритуалу — трупосожжениям, заключая прах в урны пражско-корчакского типа. Затем, на протяжении VII–VIII вв., можно наблюдать постепенное восприятие ингумации. В отличие от авар, славяне хоронили умерших головой к западу. Подобные захоронения отмечены на многих паннонских могильниках аварского времени (Орослан, Покасепетк и др.). Среди встречающихся в захоронениях славянских вещей — пальчатые фибулы, ритуальные ножи с волютообразной рукоятью. В свою очередь, паннонские славяне, как и сородичи в Поморавье, освоили гончарный круг и стали изготавливать посуду дунайского типа. Ассимиляции славян не произошло — при всем взаимодействии с аварами, романцами, германцами они сохраняли свою самобытность.[1090]

Избыток славянского населения в среднедунайских областях, образовавшийся в результате переселений, позволил каганам использовать славян и для освоения иных земель. Часть таких переселений могла

https://RodnoVery.ru

происходить стихийно, но другая, вне сомнения, являлась частью каганской политики. На юго-востоке в VII в. усилилось проникновение славян в населенные прежде гепидами и отчасти влахами земли Трансильвании. При этом приходят славяне вместе с аварами. Двигались они из Потисья или из Закарпатья, по реке Сомеш. По приходе они подселялись на уже существующие поселения гепидов и романизированных туземцев.[1091] На западе славяне, носители аваро-славянской культуры, постепенно осваивают будущую Нижнюю Австрию.[1092]

Наконец, ко времени наивысшего могущества каганата в первых десятилетиях VII в. относится проникновение славян из Среднего Подунавья в верховья Майна. Здесь у впадения реки Регнитц, неподалеку от современного города Бамберг, известны урочище Кнетцгау, «винидский холм» Винидсхейм и «княжий град» Кнетцбург. Обнаружено множество фрагментов пражско-корчакской керамики — явное свидетельство существования здесь с первой половины VII в. славянских поселений.[1093] Их возникновение могло объясняться бегством славян (лучан или их соседей) от аварского гнета под защиту противостоящего аварам Франкского государства, ближе к его границам. Выход на Майн мог быть и просто естественным следствием движения чешских «родов» вверх по Огрже — движения, которое, конечно, ускорилось и аварским натиском, и переселением лучан.

С другой стороны, имели место и обратные переселения славян из придунайских земель в Восточную Европу. Находки на Пастырском, в Зимно и на ряде других переселений свидетельствуют о присутствии здесь мастеров-ремесленников со Среднего Дуная. Они принесли на юг Восточноевропейской равнины некоторые новые техники работы по цветным металлам, свой художественный стиль, типы украшений.[1094] Среди этих переселенцев имелись и славяне. Мастеров, работавших на заказ, приводили с собой воины-авары.

Славяне, как мы видим, немало нового восприняли в свою культуру под властью каганата. В отношениях их с аварами на первых порах трудно увидеть явную враждебность. Славянские воины не только сражались вместе с аварами против общих врагов — прежде всего, ромеев. Они, пусть вынужденно, бились и против собственных, славянских же, сородичей, в подталкиваемых каганом распрях. Однако все это, разумеется, не свидетельствует о смирении славян с аварским игом, насильственным и унизительным — скорее, в конечном счете это только усиливало чувство унижения.

https://RodnoVery.ru

Если же говорить о культурном взаимодействии, то оно происходило главным образом не с завоевателями, а с такими же завоеванными народами — романцами, гепидами. Следы тесных контактов с альпийскими романцами сохранились в праславянском языке. Происшедшие примерно в аварскую эпоху языковые заимствования широко разошлись не только в приальпийских землях, но по всему северном славянскому ареалу, вплоть до восточнославянских языков. Заимствования эти по преимуществу (но не исключительно) отражают взаимодействие в хозяйстве — растениеводстве, металлургии и т. д.[1095]

Сокрушение аварами существовавших около века славянских племенных союзов само по себе подавило волю к активному сопротивлению у многих славян. Причины падения антской и дулебской племенных конфедераций для современной науки лежат на поверхности — прежде всего, это сама их непрочная структура. Однако первое поколение очевидцев, славян-язычников, победа авар сама по себе заставляла видеть в завоевателях некую потустороннюю силу, борьба с которой бесполезна. Авары, разумеется, использовали в своих интересах и представления самих славян о ритуальных и общественных обязанностях любых покоренных перед покорителями. Это не исключало, однако, ни ненависти к «насильникам», ни пассивных форм борьбы — прежде всего, тайной помощи противникам авар.

Об одном таком эпизоде, имевшем место где-то в приальпийских землях Норика после 610 г., рассказывает Павел Диакон. Его прадед Лопихиза при разорении аварами[1096] в 610 г. лангобардского Фриульского герцогства с другими детьми авары увели в Паннонию. Спустя годы ему удалось бежать из плена. Приют он нашел в каком-то славянском селении. «Когда одна женщина, уже пожилая, его увидела, то сразу поняла, что он беглец и страдает от голода. Движимая жалостью к нему, она спрятала его в своем доме и тайно давала ему понемногу еды, чтобы не погубить его совсем, если сразу накормит его досыта. Именно так, надлежащим образом, давала она ему пищу, пока, отдохнув, он не восстановил свои силы. А когда она увидела, что он уже в состоянии идти, то, снабдив его провизией, указала, в какую сторону он должен держать путь. Через несколько дней он вступил в пределы Италии и пришел к дому, где родился».[1097]

Именно в эти десятилетия наивысшего могущества каганата в северные славянские диалекты входит слово «обры» — авары. Оно на долгие века осталось обозначением мифических злых великанов, богоборцев, «варваров».[1098] Такое же представление мы находим

https://RodnoVery.ru

запечатленным и в летописной притче об «обрах». Значения этого слова лучше всего характеризуют отношение славян к культурному и политическому «симбиозу» в рамках Аварского каганата. Установившееся аварское иго с самого начала вызывало всеобщую ненависть. Оно держалось только на представлении об исключительном могуществе завоевателей, сложившемся из-за их впечатляющих ратных успехов. Свержение аварского господства являлось делом времени.

Рождение южного славянства

VII в., время широкого расселения славян по всему Балканскому полуострову, положил начало истории южнославянских народов — болгар, македонцев, сербохорватов, словенцев. Складывание первоначальных южнославянских народностей и их культур происходило в условиях масштабных племенных передвижений и смешений. Источниками ему послужили различные этнические группы — как славянские, так и неславянские. Со славянской стороны прослеживается участие, помимо придунайских словен-дулебов и антов (составивших основу южного славянства), также выходцев из разных западнославянских областей. Из неславян свой вклад в формирующееся единство внесли местные романцы (влахи), иллирийцы, фракийцы. Все это отразилось как в языках, так и в материальной культуре древнейших южных славян.

Языки южных славян разделились в итоге на две ветви — болгаро-македонскую и сербохорватско-словенскую.[1099] Языки западной ветви позднее обособились от общеславянского, что можно особенно четко видеть по судьбе языковых заимствований и новообразований. Десятки из них наличествуют в северных славянских языках и южнославянских западной группы, но отсутствуют в болгарском и македонском. Объяснение налицо — сербы и хорваты переселились на Балканы только во второй четверти VII в., а словенцы (хорутане) и позднее сохраняли теснейшие связи с западными славянами. Тем не менее различия между западной и восточной ветвями южного славянства глубоки изначально. Как увидим по археологическому материалу, они и в повседневной культуре были очевидны уже с первых десятилетий VII в.

Участие западных славян в сложении южнославянских народов нашло отражение в языковых параллелях (в том числе на уровне произношения отдельных звуков и звукосочетаний праславянского языка). Болгарский и

https://RodnoVery.ru

македонский имеют такие схождения с западнославянскими, в первую очередь с лехитскими. Некоторые из таких схождений сближают эти языки славянского юго-востока со словенским (который в целом близок к западным). Все южнославянские языки близки в ряде черт с чешско-словацкими, причем словацкий (особенно среднесловацкие диалекты) показывает родство и с общими чертами южнославянских и восточнославянских.[1100] Исторические объяснения таких связей столь же прозрачны. Переселенцы из ляшского региона участвовали в заселении и восточной части Балкан, и будущей Словении. Предки чехов и словаков тесно общались с южными славянами в рамках аварской сферы влияния, в том числе переселялись на Балканы вместе с аварами и без них.

Участие неславян проявилось в массиве словарных заимствований. Некоторые из них даже распространились на несколько южнославянских языков — те, что относились к самому раннему этапу завоеваний начала VII в. Их крайне небольшое число[1101] свидетельствует о враждебных отношениях между славянами и местными жителями. Вместе с тем среди них есть весьма показательные — названия культурных растений (чечевицы, латука), термин *bъkъ, обозначавший открытый каменный очаг (в отличие от обычной для славян печи-каменки).

С обоснованием славян на новых землях число заимствований из местных языков резко возрастает. В болгарском это заимствования из греческого и местной народной латыни, а также выразительные «балканизмы» в самой языковой структуре.[1102] В македонском — еще большее число структурных «балканизмов» и многочисленные заимствования из греческого.[1103] Гораздо слабее «балканизация» в сербохорватском языке, но и здесь немало греческих и романских (а также древних германских) заимствований.[1104] Наконец, в языке словенцев присутствуют многие слова романского и германского происхождения.[1105] Все эти заимствования охватывают различные сферы жизни, в том числе повседневной, не ограничиваясь, к примеру, неизбежно пришедшими с христианством церковными понятиями. Скажем, среди болгарских заимствований из греческого — пирон ‘гвоздь’, стомна ‘глиняный (гончарный?) кувшин’, хора ‘люди’ и т. д.; из романского — комин ‘дымовая труба’, маса ‘стол’, сапун ‘мыло’ и т. д. Рост числа заимствований, как и археологический материал, отражает начало мирного взаимодействия и взаимного смешения народов на балканской земле.

VII век беден письменными свидетельствами о славянском образе жизни. Это касается в равной степени всех групп славянских племен. Даже

https://RodnoVery.ru

«случайная» информация на эту тему в источниках того времени крайне редка. Византийская «этнография» вместе со всей культурой пришла по сравнению со временами Прокопия и Маврикия в крайний упадок, а латинская еще не родилась. Единственное «этнографическое» упоминание о славянах — ставшая притчей во языцех их «нечистота» в перечне «О недостатках народов», который связывают с именем Исидора Севильского. Ничего, кроме известного еще с VI в. презрения цивилизованного писателя к невзыскательной жизни «варваров», мы из этой заметки извлечь не можем. Нет в ней, кстати, и чего-то специфически антиславянского — парой строк выше Исидор (?) поминает «пьянство испанцев», своих соотечественников, а на первом месте (славяне на предпоследнем) мы наблюдаем «зависть иудеев». Другое дело, что целому ряду «варварских» племен Исидор (?) не подыскал никаких положительных черт. Помимо славян — «жестоким» гуннам, «раболепным» сарацинам, «алчным» норманнам, столь же «нечистым» свевам и «тупым» баварам. У римлян же и у правивших Испанией готов он не нашел отрицательных.[1106] Как бы то ни было, этот памятник позднеантичной мизантропии полновесным источником нам не послужит.

Итак, при практическом отсутствии письменных свидетельств почти единственным источником данных о материальной культуре и общественном устройстве славян, в том числе и южных, становятся данные археологии. В южнославянском ареале в первой половине VII в. складываются четыре археологические культуры. На севере, за Дунаем, продолжает существовать культура Ипотешти. На землях бывших Скифии и Нижней Мезии развивается попинская культура. В западной и южной части Балканского полуострова древности «пражского типа» в первых десятилетиях VII в. сменились т. н. мартыновской культурой, получившей название по находкам, близким к антскому Мартыновскому кладу. Наконец, на севере современной Албании в ходе взаимопроникновения славян и иллирийцев сложилась уже упоминавшаяся культура Коман.

https://RodnoVery.ru

Волк. Велестинская коллекция

Лицо ипотештинской культуры на протяжении VII в. практически не претерпело изменений — не считая некоторого возрастания доли славян, уже отмечавшегося. Оставшиеся на местах прежнего обитания дунайские словене продолжали хоронить своих умерших по древнему обряду кремации в грунтовых могильниках, с редким инвентарем.[1107] Жители этих мест входили в сложившийся на землях Фракии союз Семи родов во главе с северами. По крайней мере, в IX в. Баварский географ знал «эптарадичей» (Eptaradici; от греческого ‘επτά ‘семь’ и ράδικες ‘корни’ — «семь корней»[1108]) к северу от Дуная. Не разделяет дунайских словен («дунайцев») по реке древнерусская «Повесть временных лет», всегда говорящая о них как о едином целом.[1109] Есть все основания полагать, что переход за Дунай не разрушил полностью племенного единства, и союз Семи родов являлся прямым продолжением прежнего дунайского племенного союза.

Основные его центры, однако, теперь располагались к югу от Дуная, где осели северы и другие выселившиеся «роды». На захваченных ими землях ромейского диоцеза Фракия уже с конца VI в. развивается славянская попинская культура. Она сохраняет многие черты преемства с ипотештинской, но имеет и яркие особенности.

Основные памятники попинской культуры найдены на северо-востоке современной Болгарии, в придунайских областях Скифии и Нижней Мезии. Здесь в результате нашествий конца VI — начала VII в. образовалась территория, сплошь заселенная славянами, без существенных

https://RodnoVery.ru

следов туземного населения или присутствия авар. В Нижнем Подунавье (Гарван, Попина и др.) археологами открыты неукрепленные поселения с квадратными полуземлянками. Близ поселений располагались могильники с погребениями исключительно по обряду кремации. Дальше на юг эти приметы славянской культуры уже несколько размываются. В центральных районах будущей Болгарии пришельцы чаще подселялись к местным жителям и использовали их могильники. Вместе с тем и здесь известны как поселения, так и могильники чисто славянского типа. На юге их ареал захватывает долину Марицы, не доходя, однако, до Эгейского моря.[1110] Заселенные славянами земли к югу от гор Гема получили уже в то время название Загорье, или Загора.

Славяне попинской культуры жили, как и их сородичи к северу от Дуная, в полуземлянках площадью около 12 м^2. В одном из углов дома располагалась округлая с внешней стороны славянская печь-каменка. Давшее имя культуре селище Попина занимает площадь 3700 м^2 и включало 63 дома. Переселение «родов» различного происхождения ускорило разложение большесемейного и старого общинного уклада. «Попинская» соседская община состояла из отдельных дворов-домохозяйств. Около жилищ располагались связанные с ними хозяйственные ямы. Кроме того, на некоторых поселениях обнаружены вкопанные в грунт «цистерны» для воды.[1111] Тем не менее еще и в новое время большая семья у болгар распалась не вполне. Ее пережитком оставалась задруга — объединение родственных малых семей в хозяйственных делах. Но даже при распаде задруги малые семьи объединялись в «фамилии», а те — в «роды», наследники древних племен. [1112]

Древности попинской культуры включают, прежде всего, керамику. Лепная посуда пражских типов постепенно уходит в прошлое, уступая место ипотештинской гончарной. На попинских могильниках ипотештинские сосуды, часто с волнистым орнаментом, уже в подавляющем большинстве. Но на поселениях преобладает лепная.[1113] Это свидетельствует и о том, что основная масса гончаров-инородцев действительно ушла вместе со славянами за Дунай, и о том, что за Дунаем гончарный круг восприняли сами славяне. Использовали его, однако, в основном для изготовления ритуальной посуды.

И в попинских низовьях Дуная, и в долине Марицы находили пальчатые фибулы — свидетельство участия племен антского происхождения в заселении земель Фракии.[1114] Одно из антских по корню

https://RodnoVery.ru

племен — северы — хорошо известно нам здесь из письменных источников. Впрочем, на Марицу антские фибулы попали вместе со смолянами из западного переселенческого «котла», также включавшего антов. Помимо этого, в поселениях и погребениях обнаружены предметы быта — железные ножи, ножницы, скобы, гвозди, остатки ведер, пряжки, а также украшения из бронзы. Из оружия встречаются только наконечники стрел. В целом металлических изделий сравнительно немного. Мастера по металлу на новых местах были пока немногочисленны, а их ремеслу еще предстояло развиться.[1115]

Главными занятиями «попинцев» являлись земледелие и скотоводство. Охота играла вспомогательную роль. Судя по остаткам костей домашних животных, разводили в первую очередь крупный рогатый скот (чуть менее половины стада), далее шли свинья и мелкий рогатый скот. Развивалось и коневодство. Охотились на кабана — излюбленную дичь древних славян, — а также на серн, оленей, туров. Олень среди дичи в среднем даже преобладал, хотя кое-где предпочитали по-прежнему кабана.[1116]

Хоронили своих умерших «попинцы», как уже сказано, по обряду кремации. Прах вместе с оставшимся после сожжения скудным инвентарем (остатки поясного набора, украшения) клали в глиняную урну и зарывали на глубину от 20 до 80 см. Курганов «попинцы» не строили. В более южных областях славяне могли перенимать от местных жителей ритуал трупоположения, но определенных доказательств этому нет.[1117]

Племена попинской культуры, в основном — осевшая к югу от Дуная часть Семи родов. Земля смолян на Марице являлась пограничной между попинской и западно-балканской культурными областями. Таким образом, этнографическое деление южных славян в VII в. не вполне соответствовало описанному выше делению языковому. Скорее — римскому провинциальному делению. Македонские племена в целом не входили в попинскую культуру, охватывавшую преимущественно славян диоцеза Фракия.

Славяне Нижнего Подунавья находились в известной зависимости от Аварского каганата.[1118] Однако следов аварского присутствия и культурного воздействия среди «попинцев» практически нет. Семь родов сложились как самостоятельное племенное объединение — поставлявшее при необходимости кагану воинов, но управляемое собственными князьями-«архонтами». Свой князь имелся у каждого вошедшего в союз «рода». У северов такой «архонт» Славун упоминается уже в VIII в., под властью болгар.[1119]

https://RodnoVery.ru

О том, что власть в роду северских князей передавалась много лет по наследству вместе с родовыми именами, быть может, свидетельствует предание о «царе» Славе из «Апокрифической летописи» XI в. Слава якобы поставил сам пророк Исайя в качестве «царя» «куманам» (болгарам) после их переселения в Нижнее Подунавье. «И тот-то царь населил хору и грады. Люди же те в некоей части были поганые. И тот же царь устроил 100 могил в земле Болгарской; тогда нарекли имя ему «100-могил царь». И в те лета было изобилие всего. И появились 100 могил в царствование его. И тот же был первый царь в земле Болгарской, и царствовал лет 100 и 14, и скончался». Только после этого летопись переходит к «царю Испору», то есть к правившему с 680 г. хану дунайских болгар Аспаруху.[1120]

Слав «Апокрифической летописи» — явно персонаж топонимического предания, связанного с реальной местностью «Сто Могил» на северной, задунайской, периферии древнего Болгарского ханства.[1121] Устное предание (как и большинство преданий такого рода) не несло в себе никаких хронологических указаний. Не звучало в фольклоре, конечно, и имя библейского Исайи. «Летописец» мог хронологически расположить Слава перед болгарскими ханами, князьями и царями именно потому, что Слав, герой местного предания, выпадал из их последовательности и казался изолированным. Таким образом, однозначно видеть здесь отражение реалий доаспаруховой, «славянской» Фракии[1122] все-таки рискованно. Историческим прототипом (или одним из прототипов) Слава, в принципе, мог быть и тот же известный нам Славун. Но, учитывая традицию «родовых» имен у славян, нельзя исключить за известным нам «архонтом» северов и после него длинный ряд князей со схожими именами. Беря в расчет становление в том же VII в. наследственной власти у других славянских племен, отрицать такую возможность не стоит.

В западной и южной части Балканского полуострова (ромейской префектуре Иллирик) складывание славянской культуры проходило в три этапа. На первом этапе, на рубеже VI/VII вв., произошло расселение на западе Балканского Подунавья славян, относившихся к пражско-корчакской археологической культуре. Из них нам известны лендзяне в Далмации и мораване на балканской Мораве. Их древности продолжают развитие прежней культуры. Но в начале VII в. они перекрываются новым культурным типом, охватившим гораздо большие пространства — от Дуная до Фессалии включительно. Эта так называемая мартыновская культура сложилась в рамках того культурного «симбиоза», который характеризует и культуру аваро-славянскую. Многими своими чертами она близка к ней.

https://RodnoVery.ru

Развиваясь сначала параллельно с пражско-корчакскими древностями, затем она поглотила и сменила их. Окончательная смена, вместе с почти полным исчезновением аварского элемента, наступает на третьем этапе, — который на основе данных письменных источников можно связать уже с приходом сербов и хорватов в 620-х — 630-х гг. Именно тогда сложились и языковые особенности западной части южного славянства.

Древности первого, «пражского» этапа появились на Балканах уже в VI в. В первой половине наступившего века по Адриатике и в югославянском Подунавье отмечены немногочисленные следы принесшего их населения. Это могильники и отдельные захоронения с трупосожжениями, поселения с типично славянскими полуземлянками, расположенные в Хорватии, Сербии и Боснии. Еще один небольшой могильник с 15 трупосожжениями VII в., в урнах и без урн, найден в древнеэллинской Олимпии. Это след продвижения «пражских» племен на юг вместе с переселенческим потоком тех лет. Часть находок — на Неретве, в Олимпии, — сделаны среди развалин ромейских строений прежней эпохи.[1123]

Жилища югославянских «пражан» — те же известные по всему славянскому миру прямоугольные полуземлянки. В мораванской Слатине они отапливались печами-каменками, но в лендзянском (по всей видимости) Кршце — ямным очагом.[1124] В олимпийских захоронениях есть инвентарь, отражающий и соприкосновение похороненных с ромейской культурой, и их сравнительную зажиточность. Это не только железный нож и кольцо, но также стеклянный сосуд и еще неопределенное «изделие из голубого стекла».[1125] Почти во всех местонахождениях обнаружена лепная керамика пражских типов, но можно видеть, как ее сменяет гончарная дунайская.[1126] Это явное следствие смешения с местным населением и с другими переселенцами из Среднего Подунавья. О первом свидетельствуют и находки отдельных захоронений-кремаций на местных могильниках.[1127]

Результатом смешения, собственно, и стало появление мартыновской культуры. К нему вели и новые славянские переселения, и поступательное развитие местных славян, все глубже взаимодействовавших с жителями покоренных ромейских провинций. Переход от пражской к мартыновской культуре с ее гончарной керамикой и наземными домами особенно заметен на материале боснийских поселений. Облик их на протяжении VII в. разительно изменился.[1128]

В сложении мартыновской культуры, наряду с местными жителями и

https://RodnoVery.ru

славянами первой волны, несомненно, участвовали и новые пришельцы из-за Дуная. Среди них и авары, но в меньшинстве.[1129] Основную массу составляли именно славяне — как пришедшие из Нижнего Подунавья через Видинскую переправу, так и вновь переселяемые на ромейские земли по приказу кагана. Поэтому в Среднем Подунавье оказались восприняты сложившиеся в Поднепровье традиции антского искусства, давшие имя новой культуре. Поэтому же не повлек заметных культурных изменений последующий приход на Балканы антских племен сербов и хорватов — к тому же так или иначе вовлеченных еще в Центральной Европе в орбиту аварского культурного «симбиоза». Южнее, в Македонии, антский элемент изначально представлен, как минимум, сагудатами. Поселения и могильники, которые можно связывать с мартыновской или балканской аваро-славянской культурой, охватывают обширную территорию. Это земли Сербии, Боснии, Хорватии, Македонии, Греции.[1130]

На севере, в Сербском Подунавье, племена мартыновской культуры еще сохраняли заметные черты древнеславянского быта. Так, обитатели селища VII в. Кула жили в квадратных полуземлянках глубиной около 70 см, площадью от 6,25 до 12,25 м^2, с печами-каменками в углу.[1131] Вместе с тем на боснийских селищах прослеживается смена их наземными домами. Эта смена ускорялась и знакомством с местными традициями. Только наземные дома строили в Далмации и в южной части Балкан. Впрочем, и они довольно скромны, на взгляд ромейских горожан.[1132] Нередко славяне не разрушали (как подчас на востоке) занятые поселения туземцев, а обживали их дома. Полное восприятие местного домостроительства уже после разрушения античного города демонстрирует славянское селище VII в. на острове Керкира. Здесь славяне жили в большом селении на возвышенном плато, в наземных двухкамерных домах площадью около 20 м^2, с кирпичными стенами, каменным цоколем и черепичной крышей.[1133]

Занятия славян оставались традиционны — земледелие, скотоводство, в меньшей степени охота и рыболовство. Все эти виды хозяйствования находят археологическое подтверждение. Среди орудий труда южных славян отмечены железные серпы, косы, деревянные рала с наральниками из железа, каменные жернова, многочисленные пряслица, рыболовецкие снасти. Наряду с костями домашних и диких животных обнаружены и кости рыб (сом, осетр). О развитии техники земледелия свидетельствует появление в Восточной Македонии больших зернохранилищ, где запасались пшеница и просо.[1134] Известно, что в Греции славяне

https://RodnoVery.ru

занимались садоводством, выращивая плодовые, в том числе на продажу. Достойно замечания, что продавали они и хлеб, и овощи.[1135]

Керамика «мартыновских» поселений — гончарная, дунайского типа, иногда напоминает пеньковскую. Находки лепных «пражских» сосудов крайне редки и относятся к раннему периоду.[1136] «Чудеса святого Димитрия» говорят о наличии у славян Македонии искусных ремесленников-специалистов: кузнецов, плотников, оружейников, изготовителей осадной техники.[1137] Плотницкие орудия отмечены на поселениях.[1138] Помимо орудий труда, находят и иные вещи — железные ножи, украшения, фибулы, изредка оружие. На Керкире в женских могилах наряду с глиняными обнаружены и стеклянные сосуды.[1139] Похоже, славяне если сами и не освоили в Элладе стеклоделие, то ценили продукцию местных мастеров. Широко распространились на Балканах антские пальчатые фибулы и ювелирные изображения из цветных металлов «мартыновского» стиля. Самая южная из пальчатых фибул обнаружена в Спарте, самые восточные — в Малой Азии.[1140] Изделия с Балкан демонстрируют дальнейшее совершенствование умений антских мастеров. Ярчайшим памятником южнославянского искусства в век его зарождения является коллекция металлических фигурок из Велестино в Фессалии.

Велестинская коллекция позволяет, хотя и довольно приблизительно, судить о внешнем облике славян, создавших «мартыновскую» культуру. Мужчины носили довольно длинные, но уже не до плеч, волосы и густые бороды. Одежда их — типично славянская рубаха с узорчатой вставкой, штаны и сапоги. Один из персонажей изображен в застегнутом на груди наряде вроде кафтана или даже тулупа. Все убранство этого лица покрыто пышным узором, заставляя думать, что перед нами носитель власти. На голове у этого «князя» диадема, наподобие убора византийских императоров. Женщины прятали волосы под головными уборами, носили покрытые узорами юбки или опять же штаны.[1141] В набор украшений входили серьги, височные кольца, перстни, браслеты, бусы, гривны. Верхней одеждой и мужчинам, и женщинам служил плащ типа корзна, застегивающийся на плече фибулой.

В могильниках мартыновской культуры безраздельно господствует обряд ингумации. На севере изредка встречаются захоронения авар с конями, кочевническим оружием и конской сбруей. Но трупоположение распространилось в славянской среде не столько под кочевническим, сколько под местным, в том числе и христианским влиянием. Далеко не всегда речь шла о принятии славянами христианства. Просто смешение с

https://RodnoVery.ru

местными жителями способствовало перениманию их обычаев. При этом, конечно, не обошлось совсем без влияния и авар. Но следует помнить, что славяне начали перенимать новый обряд еще в Норике, а антам Среднего Поднепровья (по меньшей мере, антской знати) он и ранее хорошо знаком.

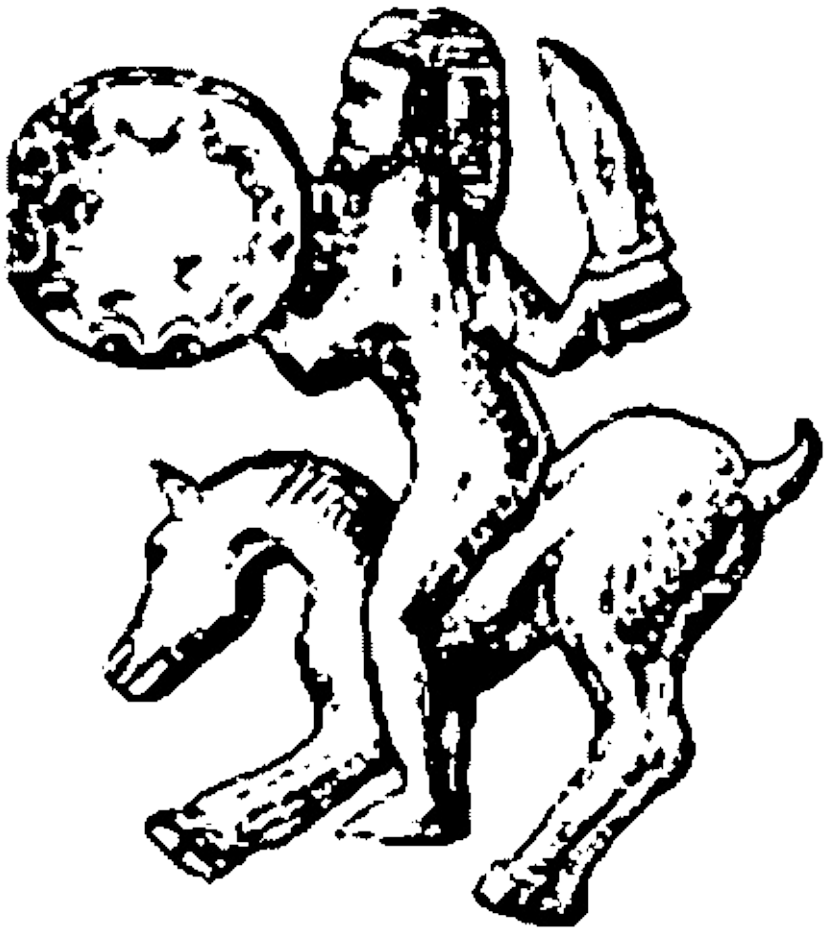
Осевшие в Иллирике славяне, отказавшись от обряда трупосожжения на протяжении VII в., стали погребать умерших в землю, головой, как правило, на запад. В головах и в ногах покойного нередко устанавливали камни, иногда всю могилу обкладывали камнями, и еще реже отмечены намогильные плиты. Наибольшее влияние христианского ритуала мы можем видеть у вполне «огреченных» в быту славян Керкиры. Здесь умерших клали в примитивные саркофаги из плитняка. Как правило, славянские могилы лишены инвентаря, либо инвентарь очень беден. Однако имеются и богатые захоронения, подражающие кочевнической пышности (Чадовице в Хорватии). На той же Керкире инвентарь довольно богат и разнообразен.[1142]

Об общественно-политическом строе славян Иллирика мы можем судить не только на основании данных археологии, но и по письменным источникам. Если на востоке Балкан влияние авар лишь угадывается, то на западе оно не вызывает сомнений. Аварские воины-всадники присутствовали, пусть в ничтожном числе, на придунайском севере мартыновского ареала, селились (и погребались) вместе со славянами. Мартыновская культура в целом довольно близка к культуре каганата. Но дальше на юг о присутствии небольших аварских отрядов можно говорить лишь предположительно. Во всяком случае, они быстро растворились в славянской среде.[1143]

Отношения местных славян с каганатом в результате строились иначе, чем в Поморавье. Аварский каган передавал славянам совместно (в основном силами славян) завоеванные земли.[1144] За это они обязывались, как минимум, помогать ему в войне. Славяне у самых границ Паннонии, в том числе в Далмации, платили кагану дань и считались его подданными.[1145] Новые племенные земли делились на жупы во главе с наместниками-жупанами из славянской же среды. Дальше на юг зависимость естественным образом слабела. Македонские славяне, прибегая по нужде к военному лидерству кагана, могли сообщаться с ним почти на равных. Их обращение к нему за военной помощью выглядит скорее «дипломатическим», чем подданническим.[1146] В этом они напоминали своих дунайских предков, которые искали в могучем кагане общего воеводу в 580-х гг. Наконец, в Греции (притом что именно тамошних

https://RodnoVery.ru

славян греческие писатели именуют иногда «аварами») власть кагана вообще не ощущалась, о чем говорит и один из этих писателей.[1147]



Воин. Велестинская коллекция

Конечно, в таких условиях не могло быть и речи о тех насилиях, которые потрясали народную память в Поморавье или на Волыни. Авары на Балканах стремились не ссориться со славянской знатью, не пытаться истребить ее, а опираться на нее. Именно с этим связано появление здесь «антских» древностей. Быть может, авары переселили в виде компенсации на новые, более просторные земли побежденных антских аристократов. Возможен и иной вариант — они предоставили местной знати на службу переселенных антских мастеров.

Соответственно, влияние и богатства славянских родовых «господ» и удачливых воинов-дружинников возрастали. Укреплялась и их власть. При этом дружина где-то оттесняет родовую старшину, а где-то сливается с ней. Появление новой, воинской знати находит отражение в материалах

https://RodnoVery.ru

славянских могильников. Происходит оно не без подражания аварам. На Керкире некоторых мужчин по аварскому обычаю хоронили вместе с оружием.[1148] Нельзя исключить, что и ряд «аварских» захоронений принадлежит на самом деле подражавшим кочевническому быту славянским дружинникам. Дружинная культура у всех народов Европы вбирала в себя разноплеменные элементы — в том числе и через родственные связи.

Имущественное расслоение, конечно, ускоряло распад старых общинных связей. Происходил повсеместный переход к чисто соседской общине, создаваемой независимыми домохозяевами. Подгонялся он и межплеменным смешением. Тем не менее на западе Балкан «родовые» объединения-задруги сохранялись гораздо дольше и прочнее, чем на востоке. При этом кое-где задруга еще оставалась совместно ведущей хозяйство большой семьей.[1149] Не приходится сомневаться, что в VII–VIII вв. большая семья, пусть и делившаяся на отдельные дома, сохраняла свои права как основная ячейка соседской общины. При этом при освоении новых земель или на периферии освоенной территории, в горных областях, могли сохраняться и патронимические общины, происходившие от одного предка.

Богатства знати складывались, конечно, не только за счет освоения славянами давно окультуренных балканских земель. «Гощения» у только устроившихся соплеменников едва ли были выгодны, да и с точки зрения воинской этики не являлись чересчур достойным прибытком. Главным источником дохода еще долго оставалась война. Военная добыча обогащала не только знатных людей, к тому же победы сулили и приобретение новых земель.

Среди добычи, помимо скота, оружия и любимых знатью предметов роскоши, присутствовали и высоко ценились рабы. О рабах-пленниках, захватывавшихся и на войне, и в набегах, неоднократно упоминает основной источник наших знаний о славянах Македонии — собрание Чудес святого Димитрия Солунского.[1150] Рабов делили между участниками набегов и «использовали, как кому из них случилось, соответственно с более кротким или суровым нравом».[1151] Между отдельными племенами развивалась работорговля, причем обращенным в рабство и проданным рисковал оказаться любой незащищенный родовым правом чужак.[1152] Раба могли выкупить соплеменники, в пору мира «недорого».[1153]

По мере нормализации отношений с ромейским населением

https://RodnoVery.ru

развивался еще один источник дохода — меновая торговля. Многие предметы «римского» облика на славянских памятниках получены именно этим путем, а не как трофеи. Ромеям представлялось, что славяне в торге дешевят.[1154] Как нередко при встрече «варварской» и «цивилизованной» культур, славян больше привлекали внешняя красота и необычность той или иной вещи, чем ее реальная стоимость. Выменивали, кстати, они и захваченную на войне у самих ромеев добычу — на нечто более интересное. Наряду с меновой торговлей, под влиянием ромеев и авар у славян развивалось и денежное обращение.[1155]

Во главе воинской знати стояли вожди славянских племен. На севере в первые годы это жупаны, которых лишь формально назначал каган. Говорящий о Македонии автор Второго собрания «Чудес св. Димитрия» не слишком последователен в обозначении здешних славянских вождей, именуя их «экзархами», «риксами», «архонтами».[1156] Сопоставление упоминаний наводит на мысль, что «архонт» и «рикс» являются синонимами, переводами славянского слова «князь». Можно было бы предположить, что «экзарх» — воевода, но так же автор называет и аварского кагана.[1157] Для него это просто «военный предводитель», в том числе и тот же князь в этом качестве.

Понятие «рикс» по отношению к славянским князьям появилось в византийской книжности конца VI в., воспринятое от соседних со славянами германцев. Оно отражало возникновение у князей признаков власти, напоминающих германских королей-«риксов» — прежде всего, передачу ее по наследству в пределах одной семьи. К середине VII в. в Македонии «риксами» являлись, по ромейским представлениям, и главы обширных племенных союзов, и вожди обычных племен. Риксами же называет позднейших сербохорватских вождей Феофан. Упоминает он притом и «экзархов» — отличая князей от жупанов или выборных воевод.[1158] Фактически власть князей приобретает наследственный характер. Это хорошо отразилось в родословных преданиях сербов и хорватов.[1159] Но формальная выборность князей долго сохранялась. Ключевую роль в выборе играли родоплеменные «господа», «старцы», кметы, те же жупаны — когда их жупы вошли в состав более крупных «княжений». Они могли и сменить, и подменить собой правящую династию.[1160] По крайней мере, теоретически князь мог избираться из числа племенной знати, «более благородных».[1161] Тем не менее власть князей существенно укрепилась. Выразительный памятник мощи обогатившихся славянских «риксов» уже в начале VII в. — пышное «княжеское» погребение с мартыновскими

https://RodnoVery.ru

изделиями в Чадавице на Драве.[1162]

В основном ареале ипотештинской и попинской культур славяне составили большинство населения. При этом их древности довольно легко отделяются от туземных. В ареале «мартыновской» культуры славяне гораздо интенсивнее смешивались с местными жителями, но при этом преимущественно оставались в большинстве. Иная ситуация сложилась в горных областях у границы Нового Эпира и Превалитании. Славяне («аварского» потока) пришли сюда из переселенческого «котла» у Охридского озера. В прибрежной полосе они обосновались довольно прочно, заняв окрестности Диррахия и Диоклеи.[1163] В горах же современной Северной Албании сложилась в VII в. особая команская культура. Основное население горных областей составляли еще иллирийцы, едва подвергшиеся воздействию римской культуры, сохранявшие свой язык и — в основной массе — верность языческим традициям. Они легко смешивались с новыми завоевателями, вбирая их в свою среду.

Памятники команской культуры — могильники с трупоположениями. Умерших хоронили на них в грунт на глубину до 1,4 м, в гробах из камня на известковом растворе. Ориентация большинства умерших неславянская, по линии север — юг. В довольно богатом вещевом инвентаре (украшения, оружие, железные ножи и поясной набор) зачастую попадаются и славянские предметы. Это, прежде всего, пальчатые фибулы и височные кольца, типичные для славянских древностей Адриатики. Изучение команской культуры показывает постепенное, длившееся не один век, растворение славян в среде горных иллирийцев — процесс, завершившийся сложением албанской народности.[1164] В политическом отношении здешние славяне и иллирийцы сначала подчинялись обосновавшимся в далматинском Приморье и в Македонии славянским князьям.

Археологические материалы мартыновской и команской культур позволяют судить о восприятии славянами в пору великого расселения ряда новшеств в военном деле. В общении с аварами и ромеями для южных славян более привычны становились мечи,[1165] тяжелые доспехи, конный бой. Копье и лук со стрелами перестали на Балканах считаться почти единственным оружием славянских воинов. Среди фигурок из Велестино — изображения двух воинов. Один из них вооружен массивным боевым топором, прикрывается круглым щитом. Другой — восседает верхом на коне с гораздо большим, чем у первого, тоже круглым щитом, в шлеме, а в

https://RodnoVery.ru

правой руке заносит короткий меч.[1166] Впрочем, в первой четверти века легкое вооружение все еще преобладало.[1167] Еще одной стороной развития военного дела являлось совершенствование осадной техники. Его результаты мы можем видеть по сборнику «Чудес св. Димитрия», при описании славянских осад Фессалоники в VII в.

К середине VII в. южные славяне в Македонии имели уже развитую военную организацию. В «Чудесах св. Димитрия» упоминаются различные роды войск, слаженно действующие при осаде городских стен — «вооруженные лучники, щитоносцы, легковооруженные, копьеметатели, пращники, манганарии, храбрейшие с лестницами и с огнем».[1168] Упоминаются у славян и тяжеловооруженные «гоплиты» — как самая мощная и ценная часть воинства.[1169] Манганарии — инженеры осадной техники — составляли, судя по известиям этого источника, особый, привилегированный разряд мастеров в славянском обществе. При осаде вражеских крепостей на них возлагались особые надежды.

Больших успехов славяне достигли в мореплавании. По оценке Феодора Синкелла, «славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу».[1170] Выстроенные славянскими плотниками долбленые ладьи-однодеревки («моноксилы» по-гречески) могли теперь преодолевать огромные водные пространства. От устья Дуная они доплывали до Константинополя, пересекали Эгейское и Адриатическое моря.[1171] Славяне не только совершали набеги на острова Адриатики и Эгеиды, но и селились на них. Все это свидетельствовало о появлении и бурном развитии мореходных навыков, в частности — об освоении паруса. Соленые воды перестали быть для славян краем света и неодолимой преградой.

По археологическим данным, как уже не раз отмечалось, прослеживается раннее знакомство южных славян если не с христианством как системой взглядов, то с христианскими обычаями. Однако славянская знать (по крайней мере, часть ее) еще пребывала в ожесточении эпохи Аварских войн. Христианство для многих «риксов» было религией врагов, ромеев. Раз за разом вспыхивавшая война с ними мыслилась и как война с их верой. Один из славянских князей в Македонии, по утверждению описателя «Чудес св. Димитрия», намеревался даже «воевать непрестанно и не оставить в живых ни одного христианина».[1172] Многие ромейские перебежчики то ли славянами принуждались, то ли сами считали необходимым отступиться от веры.[1173] Один из славянских племенных

https://RodnoVery.ru

союзов на далматинском побережье в конечном счете принял как самоназвание романское обозначение язычников «паганы», славянское «поганые». Этим они противопоставляли себя крещеным сородичам.[1174] Как убежденных гонителей христианства рисует некоторых древних далматинских князей «Летопись попа Дуклянина».[1175]

Однако такая жесткость — именно сопротивление наступлению христианства, ответ на ощутимую угрозу его победы. В немалой степени — показатель слабости. Те из славянских вождей, кто искренне или относительно искренне искал дружбы с Империей, проявляли терпимость или даже интерес к христианству. В народной среде этот интерес пробуждался по мере — и в меру — смешения с местными, балканскими христианами.

Славянское же многобожие на Балканах не пустило особенно глубоких корней. Характерно, что к югу от Дуная выявлены только два славянских капища — в Костоле в Югославии (недатированное) и в Брановцах в Болгарии (уже IX в.).[1176] Костольское капище представляет собой каменную площадку (под деревянным идолом), на которой приносили в жертву птиц. Южнославянские находки и позднейшие обряды[1177] свидетельствуют о простейших животных жертвах, сопровождавших, в том числе ритуал гадания — о нем у македонских славян упоминают «Чудеса св. Димитрия».[1178]

О почитании у болгар и македонцев богов языческого пантеона Перуна (Додола) и Велеса можно сделать вывод лишь на основании топонимики и отчасти фольклора. С ними народная память связывала урочища, в которых они будто бы лично обитали. Именно в таких местах, без строительства капищ, их и почитали.[1179] Во времена становления христианских литератур боги оказались напрочь забыты. Правда, одно упоминание южнославянского языческого божества все-таки имеется — в болгарском переводе «Хроники» Иоанна Малалы имя Зевса заменено на «Поруна». Память о пантеоне сербохорватов и словенцев (теснее связанном с северным славянским) столь же смутна.[1180]

Высших богов и других персонажей славянской мифологии представляют нам фигурки из Велестино. Бородатый воин с топором и щитом — надо думать, громовержец Перун. «Князь» в богатом наряде и украшенной шапке — не предок ли славянских князей, бог Солнца? Устрашающая женская фигура в расшитой юбке, с крыльями и воздетыми когтистыми руками изображает богиню-мать в ее гневном, губительном обличье. Другие женские фигурки держат на руках младенцев. У одной из

https://RodnoVery.ru

них в руке к тому же гусли. Среди 15 фигурок животных и птиц — изображения священных для славян коров, волка, некоего «лютого зверя» из кошачьих.[1181] В дружинном «мартыновском» быту VII в. богов знали и помнили хорошо.

В целом же создается впечатление, что переселение довольно резко оборвало развитие «высшей мифологии» и организованной религии у южных славян. Причина этому — в недостаточно большом числе, а то и в полном исчезновении среди переселенцев мужчин-священнослужителей, ведунов. Женщины-ведьмы по вполне очевидным причинам казались воинам в долгих походах гораздо меньшей обузой. Но после возникновения постоянных общин с вполне патриархальным укладом ведьмы вновь стояли особняком от них. Единственными хранителями языческих традиций, как правило, остались князья и местные «старцы» — и дальнейшая судьба религии зависела теперь от их ревностности. Степень же этой ревностности чаще всего зависела от состояния отношений с Империей или просто с соседними городами. Имелись, конечно, еще воинские братства, замешанные на языческих поверьях об оборотничестве. Но они, естественные соперники крепнущей княжеской власти, либо сливаются с дружиной, либо вырождаются в не влияющие ни на что разбойничьи ватаги.[1182] Со временем закоренелые ненавистники христианства среди славянских «риксов» превратились скорее в исключение. Но все же для этого должно было пройти несколько десятилетий, а где-то и веков.

Парадокс заключается в том, что при заметном пренебрежении к «высокому» язычеству с его богами южные славяне сохранили весьма прочные следы язычества народного. Впрочем, парадокс это кажущийся. Язычество осталось в народной толще в форме разнящихся обычаев и поверий, не нуждающихся в княжеско-жреческом пантеоне, живущих самостоятельной жизнью. Памятником этой жизни являются «мифологические» эпические песни, сохранившиеся до нового времени именно у южных славян. Персонажами этого эпоса, противниками или помощниками героев, являются не только духи низшей мифологии (вилы, юды, змеи, заимствованные из греческого фольклора чудовища ламии). Мы встречаем здесь и некоторых древних божеств — в первую очередь, Солнце. Эпос сохраняет, например, осколки древнего мифа о «небесной свадьбе». В этом варианте рассказывается о земной девушке, похищенной Солнцем с помощью взлетевших в небо качелей и ставшей его женой. В других песнях Солнце состязается (не всегда успешно) с похваляющимися людьми.[1183] Очень древняя, и восточным славянам известная, песня

https://RodnoVery.ru

рассказывает о споре Солнца, Месяца и Дождя — кто из них более полезен и любим.[1184]

Многочисленные пережитки языческой поры веками сохранялись в обрядности. Среди них — следы брака умыканием, встречающиеся у многих южных славян.[1185] Впрочем, не приходится сомневаться, что преобладала повсеместно «чинная» свадьба. В ее обрядности у южных славян также немало древних пережитков — например, ритуальная «враждебность» родни невесты к сватам или к самому жениху.[1186] В условиях разрушения родовых и традиционных свойственных связей в годы переселения такая враждебность могла являться отнюдь не просто ритуальной. То, что ее разновидности известны разным славянским племенам, — след сходных проблем в их истории. Эти проблемы, кстати, могли способствовать и воскрешению обычая умыкания невест.

К древнейшим славянским обычаям восходят многие календарные обряды южных славян. Однако иные из них еще в дохристианскую эпоху испытали местные, балканские влияния — также еще языческие. К исконно-славянским обычаям относится, например, летнее животное жертвоприношение громовержцу.[1187] К славянским обычаям восходит и качание на качелях, сопровождавшее многие календарные праздники и приносящее, по поверью, плодородие земле.[1188]

Исконно-славянский же по происхождению — обряд вызывания дождя посвященными громовержцу девственницами («додолами», «пеперунами»). Нагих, украшенных зеленью, их в этом обряде под пение заклинаний щедро обливали водой, имитируя дождь. По завершении обряда участники одаривались, приносились жертвы и следовала ритуальная трапеза.[1189] Через славян этот обычай восприняли соседние балканские народы. Но и сами славяне восприняли местный, балканский обычай вызывания дождя, языческий, приуроченный в христианском календаре ко дню святого Германа (12 мая). В нем женщины хоронили или топили фигуру «Германа», понимаемую как искупительная жертва, умершая от «засухи ради дождей».[1190] Обычай восходил к почитанию фракийских умирающих и воскресающих богов плодородия человеческими жертвами. Но славяне восприняли его уже у крещеных фракийцев и уже в «замещенном», игровом виде.

Подобное же произошло с «кукерскими» играми — шествием ряженых «кукеров», которое вобрало в себя и исконно славянские, и балканские мотивы. Магические ритуалы и игровые бесчинства ряженых, облаченных в вычурные костюмы, завершались шуточным «убийством» и

https://RodnoVery.ru

«воскрешением» их «царя».[1191] Источники обычая — древние фракийские дионисии и сходные с ними славянские ритуалы. Именно южные славяне, встретившись с замещением и пародированием ритуальных убийств у принявших крещение балканских народов, первыми отказались от подлинных сезонных человеческих жертв. Их заменили сожжением чучел, игровыми действами и т. д. Позднее примеру южных сородичей последуют и северные славяне. В то же время культура и самих туземцев Фракии и Иллирика еще оставалась наполовину языческой. Об этом свидетельствует, помимо прочего, грубый эротизм воспринятых у них славянами обрядов (впрочем, совершенно не чуждый и исконно-славянскому язычеству). Например, «Германа» и «кукеров» наделяют подчеркнутыми мужскими признаками, каковые с азартом используются в обряде.

Среди чуть более ранних, известных и северным славянам языческих заимствований — праздник русалий (латинские розалии), совместившийся у славян с их «навьей» неделей поминания умерших, а в христианстве с праздничным циклом Троицы. У южных славян праздник русалий включал поминальные трапезы и ритуальные «целительные» омовения. Главная же часть празднования — шествия ряженых «русальских дружин», призванные обезопасить селения от нечисти и обеспечить плодородие. У сербов и хорватов (более ранний вариант) «дружины» составляют девушки, у болгар — мужчины. Но у болгар «дружины» лучше сохранили черты языческого ритуального союза — замкнутость и строгий иерархический порядок. Ряженые обходили дома, собирая дары, распевали заклинания, вводя себя в будто бы целебный экстаз, даже устраивали между собой (при встрече двух разных «дружин») смертельные побоища.[1192] Славянские русалии, в свою очередь, «вернулись» от южных славян в обрядность неславянских народов Балкан.

Контакты южных славян с местным населением были широки и многообразны. В конечном счете именно они придали южнославянской культуре ее неповторимый облик. Это обеспечило ей уникальную роль посредника между ромейской цивилизацией и славянским миром. Роль, которую южные славяне не перестанут играть на протяжении восьми веков. И одним из важнейших достижений их в этой роли стало восприятие и передача северным сородичам христианских ценностей. Мы увидим, как уже в VII столетии начинается принятие балканскими славянами христианства. Новая культурная область, возникшая в итоге разрушительной войны на стыке византийского и «варварского» мира, как будто специально предназначалась стать первой на этом пути. Но путь —

https://RodnoVery.ru

повторим еще раз — предстоял неблизкий.

Поздние анты

В то время как на южной периферии зоны аварского влияния происходило становление культуры южных славян, на востоке продолжалась история антов. Как уже говорилось, аварское вторжение в начале VII в. хотя и имело место, но не оставило в антских землях заметных материальных следов. Авары не оседали в антской лесостепи. Антские земли не подверглись масштабному опустошению. Часть населения и особенно знати истребили или увели на запад — но в целом антская культура между Прутом и Днепром продолжала развиваться без заметных изменений. Это поздняя («сахновская») стадия существования пеньковской археологической культуры.

В таких условиях антские племенные «княжения» должны были сохранить широкую автономию — хотя некоторые из них наверняка платили дань каганату. Из числа антских племен VII–X вв. нам достоверно известны тиверцы в Прутско-Днестровском междуречье, хорваты в Верхнем Поднестровье и Закарпатье, угличи в Нижнем Поднепровье за Росью. В начале того периода существовали и иные, поздним летописям неведомые. Некоторые антские племена переселились на Балканы и там приняли общее наименование словен — фракийские северы, македонские сагудаты. Другие осели к началу VII в. в Центральной Европе — западные хорваты, сербы. Они тоже в то время уже именовали себя словенами, а не антами. Все эти племена в той или иной степени вовлекались в орбиту аварской политики — хотя бы как противники каганата.

К числу противников каганата относились и восточные северы, занимавшие земли по Среднему Днепру, преимущественно на Левобережье. Данных в пользу того, что сюда сколько-нибудь распространилось аварское влияние, нет. Именно здесь сосредотачивалась антская знать, оставившая «мартыновские» клады. И здесь же в VII в. сложилась отмеченная подобными кладами и погребениями т. н. культура днепровских ингумаций. Представители (и представительницы) этой культуры погребались только по обряду трупоположения, иногда в курганах (новых или старых), с «мартыновскими» украшениями. В культуре этих погребений видно слияние кочевнических, антских и германских традиций. Восходит такое смешение еще к черняховской

https://RodnoVery.ru

культуре II–V вв. В погребениях «культуры ингумаций» видели и свидетельство сложного происхождения пеньковцев, и следы пребывания среди них особого иноплеменного населения.[1193]

Явные черты этого «населения» — зажиточность, разноплеменность по происхождению, рассеянность в массе «пеньковцев» и одновременно обособленность от нее. Все это наводит на единственно, как представляется, верную мысль — о социальной, а не этнической природе «культуры ингумаций». В условиях аварского натиска в среде северов (и нескольких соседних антских племен Поднепровья) произошла консолидация дружинной знати. Это были воины-всадники изначально смешанного, алано-славянского происхождения. Подобная знать и ранее выделялась в антской среде, в том числе использованием ритуала ингумаций. Однако теперь на сравнительно небольшом пространстве новая дружинная культура обрела целостность. Возглавлялись конные дружины, разумеется, племенными князьями-«архонтами», которые у антов известны с VI в.

Борьба с аварами резко ускорила этот процесс. Под аварским владычеством складывание собственной дружинной культуры у восточных антов без следов аварского влияния невероятно. Итак, можно заключить, что северы Поднепровья под главенством своих князей и их дружин отстояли полную независимость от захватчиков. Они создали собственное предгосударственное объединение, возглавлявшееся воинской знатью. При этом в обществе выстроилась более или менее четкая иерархия — укрепившаяся в борьбе за независимость знать четко обособилась от простых общинников даже культурно.

То, что в жилах этой знати текла разноплеменная кровь (славянская, аланская, отчасти германская), ничего не говорит о самосознании. Напротив, можно не сомневаться, что языком антской аристократии любого происхождения уже в VI в. был и в VII в. оставался славянский. Но дружинная культура любого народа легко вбирала в себя внешние элементы — как древние, так и вновь привносимые. Главным направлением внешних связей для антов после разрыва отношений с отдалившейся Империей окончательно стала кочевая Степь. Отсюда время от времени приходили и новые переселенцы, вливавшиеся в антские дружины.

Главным союзником антов в Степи являлась приазовская Великая Болгария. В описываемое время ей управлял хан Куврат. Старший сын Куврата, Батбаян, носил и славянское имя Безмер.[1194] Это можно объяснить только его полуантским происхождением. Смешение антов и

https://RodnoVery.ru

болгар зашло достаточно далеко, чтобы вылиться в политический союз. До середины 620-х гг. Куврат оставался врагом нежданно вышедших ему в соседи авар. Куврат, некогда живший в Византии, восстановил в начале правления Ираклия тесные связи с Империей. В 619 г. он прибыл в Константинополь в сопровождении большой свиты и крестился, причем брат императора Ираклия выступил крестным отцом.[1195]

Западными соседями независимых антов в Среднем Поднепровье являлись пока еще немногочисленные и разрозненные «роды» дулебов-полян. Об отношениях с ними сразу после распада старых антского и дулебского союзов ничего сказать невозможно. Однако не исключено, что власть антской дружинной знати отчасти распространялась и сюда. Именно объединение, созданное ею на сохранившем независимость антском Левобережье, более всего подходит на роль предшественника того политического единства, что зародится позднее вокруг Киевских гор.

Племена славянского севера

О вторжениях авар в восточные и южные славянские земли в письменных источниках есть хотя бы отрывочные сведения. Для ситуации на севере славянского мира мы и таких сведений не имеем. Почти единственным источником здесь, помимо отдельных косвенных данных, оказывается археология.

Развернув активную агрессию на Балканах и в Восточной Европе, каганы не забывали и о северных границах. Порабощение мораван и их ближайших соседей, расселение в Чехии дулебов должно было не только создать новые резервы для покорения придунайских земель. Авары укрепляли северные рубежи каганата против враждебных славян, а заодно и создавали более прочный тыл для вторжений в их пределы.

Авары имели на славянском Севере немало союзников, самыми сильными из которых являлись ляшские племена и ободричи. Покорить их, как мораван, было едва ли возможно и полезно. Но совершать рейды через их племенные волости на врагов, создавать здесь временные станы, вовлекать славян в новые братоубийственные распри и использовать их в качестве «бифульков» — все это каганату было вполне доступно. В первых десятилетиях VII в. именно через открытые для их проникновения ляшские земли авары совершают далекие набеги и вторжения на север.

Главными мишенями авар являлись враждебные им воинственные

https://RodnoVery.ru

племена хорватов, велетов, сербов. В ряде случаев воины кагана шли на помощь славянским союзникам — например, ободричам, выдерживавшим с конца VI в. неослабный натиск велетских соседей. В других случаях они могли нести возмездие за отказ от союза — например, племенам Поморья, которые тогда же отвергли посулы авар. Северный рубеж проникновения авар на север отмечает река Обра,[1196] впадающая с юга в Варту незадолго до ее собственного впадения в среднее течение Одры. Здесь, в примыкающих к Поморью с юга ляшских землях, авары не встречали серьезного сопротивления и передвигались свободно. Кое-где они могли оседать и облагать славян данью либо сливаться со славянской знатью. О том свидетельствуют и отдельные находки в польских землях аварских вещей,[1197] и образование целой аваро-славянской культурной группы в Мазурском Поозерье, о чем речь пойдет позже.

В то же время передвижения и набеги авар не могли не растревожить местного населения. Внедрение их на крайнем востоке в земли балтских племен судавов (ятвягов) и пруссов неизбежно вызывало ответные набеги. Направленные, разумеется, не против недосягаемых авар, а против союзных им ляхов. Помимо же того, обострялись племенные распри. Это привело к началу пока не слишком бурного градостроительства в ляшских землях. Одним из древнейших (первая половина VII в.) и самым крупным градом «суковских» ляшских племен являются Шелиги.

Это укрепление возникло в начале века в Среднем Повисленье, на самом рубеже редкозаселенных славянами и балтами земель будущей Мазовии. Град площадью в 5 га расположился на берегу речки Слупянки, левого притока Вислы. В нем находили убежище во время вражеских набегов жители пяти окрестных селищ. Шелиги защищал невысокий земляной вал с крупными камнями и деревянной стеной поверху. Вдоль вала в два ряда стояли жилища — наземные избы с каменными очагами. До 15 жилых домов расположены тремя группами. Между ними, посреди града, оставили пустое пространство.[1198]

Шелиги, единственный град в северо-восточных ляшских землях, являлся важным племенным центром. Об этом свидетельствует и керамика поселения. Наряду с суковскими сосудами, которых подавляющее большинство, имеются и гончарные, происходящие из земель далеко на востоке, в бассейне Одры. На поселении обнаружены не только украшения, но и детали всаднического снаряжения[1199] — верное свидетельство присутствия местной знати, а то и аварских представителей. О них заставляют думать находки пальчатых фибул. В Шелиги стекалась торговая

https://RodnoVery.ru

и военная добыча с обширной территории. Через эти места аварские и союзные им славянские дружины двигались как дальше на северо-восток, в Мазуры, так и обратно на запад, в далекий обход враждебных славян.

Главным врагом каганата на Среднем Дунае являлся союз племен, возглавляемый хорватами. В него к началу VII в. входили и чехи. Невзирая на растущую мощь каганата, хорватам, чехам и сербам все же удалось в те десятилетия отстоять свою независимость. Однако авары сильно теснили своих врагов. В самом начале VII в. кочевники нанесли сербам и хорватам удары достаточно ощутимые, чтобы заставить сдвинуться с насиженных мест. Наибольший урон аварские набеги нанесли сербам, обитавшим в те годы где-то в верховьях Лабы. Гонимые аварами, сербы в основной массе двинулись на северо-запад, вниз по реке. С ними вместе ушла и небольшая группа хорватов.[1200]

Сербы пришли в междуречье Лабы и Заале — благодатную для развития земледелия область, уже освоенную прежними переселенцами и беженцами из Чехии. Здесь к тому времени жило немало славян, носителей пражско-корчакской культуры, с которыми мирно слилось незначительное германское население.[1201] Сербы принесли в регион т. н. рюсенскую керамику, изготавливавшуюся на гончарном круге. Керамика новой рюсенской культуры — вариант серой дунайской, хорошо профилированные и богато орнаментированные прямыми или волнистыми линиями горшкообразные сосуды.[1202] Сербы, как и хорваты с чехами, быстро восприняли традиции придунайского гончарства и через пленников, и через беженцев из покоренных аварами областей. Еще одна новая черта рюсенской культуры сравнительно с пражско-корчакской — обычай трупоположения, постепенно распространявшийся среди сербов, хотя далеко еще не преобладавший.[1203]

Сербы принесли в междуречье Лабы и Заале также и лучшую военно-политическую организацию. Племенной союз полабских сербов представлял в первых десятилетиях VII в. единое «княжение» во главе с общим князем — по франкской терминологии, дуксом, «герцогом». К началу 630-х гг. над сербами княжил Дерван.[1204] Сербы селились в укрепленных градах-крепостях (Фихтенберг, Кезитц, Кезигесбург и др.) различного размера, что отражало иерархию князей и панов. Стены градов, как и на юге, сложены из камня, а в отсутствие природного камня — из кирпича. Они прикрыты примитивными бастионами — форбургами.[1205] Сербы подчинили себе более слабые и разрозненные племена и общины области. Позднее сербы проживали и даже переселялись вместе с

https://RodnoVery.ru

подчиненными ими другими славянами. Подчинение в целом произошло мирно, хотя обособленность сербов в их укрепленных градах какое-то время сохранялось. Впрочем, еще в начале IX в. независимость от сербов сохраняло небольшое племя даламинцев на Лабе.[1206] Хорошая военная организация сербов пришлась весьма кстати славянам и германцам междуречья в пору угрожающих аварских набегов.

Вместе с тем хорваты и сербы понимали, что без внешней помощи борьба с аварами будет для них затруднительна. Поэтому уже в начале VII в. их вожди заключают союз с франкскими королями. Разумеется, франки толковали этот союз исключительно как зависимость славян, и в этом имелась частица истины. Силы Франкского королевства даже в раздробленном виде превосходили славянские княжества. В пору же временного объединения при короле Хлотаре II (613–629) оно являлось сильнейшим государством Западной Европы. Вместе с тем ни о какой практической стороне «подчинения» в VII в. источники ничего не говорят. Славяне продолжали управляться собственными князьями и лишь обязались взаимно помогать франкам в войне — условие, на тот момент более важное для них, чем для франков.[1207]

Союз с франками открывал славянам путь расселения из междуречья Лабы и Заале в сопредельную Тюрингию. Здешние герцоги также подчинялись франкам, были заинтересованы в союзе со славянскими соседями и спокойно смотрели на переселения их небольших групп. Археологически первые такие переселенцы — сербы и подвластные им славяне пражской культуры — отмечены уже в VII в.[1208] Мирные контакты того времени с германцами, говорившими на древненемецких языках и диалектах, оставили след в славянских языках. Среди заимствований того времени — *lagy ‘сосуд’, *mlinarь ‘мельник’ и *mlinъ ‘мельница’, *mъtъ ‘мера зерна’.[1209] Любопытны заимствования, связанные с переработкой зерна. Они отражают первое знакомство славян с водяными и ветряными мельницами, а также с латинской системой мер.

Главными противниками авар на северо-западе славянских земель являлись велеты. В то время они только обосновались на новых своих землях между Лабой и Одрой. Вероятной столицей велетов являлся Фельдберг в бассейне реки Иккер, защищенный валами град площадью около 4 га. В Фельдберге располагался уникальный для того времени славянский языческий храм, о котором еще пойдет речь.[1210] Где-то в тех местах позднее описывали Ретру — столицу племени редариев и святилище их бога Радогоста Сварожича. Не исключено, что Фельдберг —

https://RodnoVery.ru

и есть Ретра.

До мирного взаимодействия велетов с подчиненными венедскими племенами было еще далеко. Велеты в первые десятилетия обитали за стенами своих градов, не смешиваясь с покоренным населением. Их борьба с соседними, союзными аварам, венедами — в первую очередь, с ободричами, — приобрела затяжной характер.

Памятником этой борьбы являются многочисленные грады — как велетские, так и ободричские. К началу VII в. теснимые велетами ободричи заняли низовья Эльбы и прилегающее к ним с востока балтийское побережье. Здесь они закрепились, создав мощный племенной союз. Наряду со славянами, в него вошли и местные германские племена — варны на востоке, на реке Варне, у самой границы с велетами, и вагры на северо-западе, у Балтики. Оба племени, не очень многочисленные, быстро переняли славянский язык и славянскую (венедскую) культуру.

В земле вагров, в удалении от велетских границ, и возник в первой четверти VII в. старейший, судя по названию, центр ободричского союза — Старград (ныне Ольденбург). Среди первых его жителей (как и в соседнем граде в Бозау) еще имелись германцы. Около того же времени появляется и град в Форхау.[1211] Немногим позже оборонительные нужды заставили перенести резиденцию вождя и главный град-убежище на границу, к Варне.

Так еще в той же первой четверти века, около 620–625 гг., появился Велиград (Мекленбург) — позднее столица ободричей на протяжении нескольких веков, и одновременно передовой форпост их борьбы с вечными противниками. Велиград возвели посреди гнездовья неукрепленных поселений, на небольшой возвышенности, имел овальные очертания и занимал площадь более 2,5 км^2. Град защищался валом высотой до 7 м, более 12 м в основании. Основу вала составлял прочный деревянный остов из двух рядов деревянных брусьев, прикрытых «панцирем» из плах и досок. Такая «панцирная» конструкция, изобретение ободричей, распространилась в VII в. к сербам и далее на юг вплоть до Чехии. При этом «панцирь» мог изготовляться и из каменных плит.[1212]

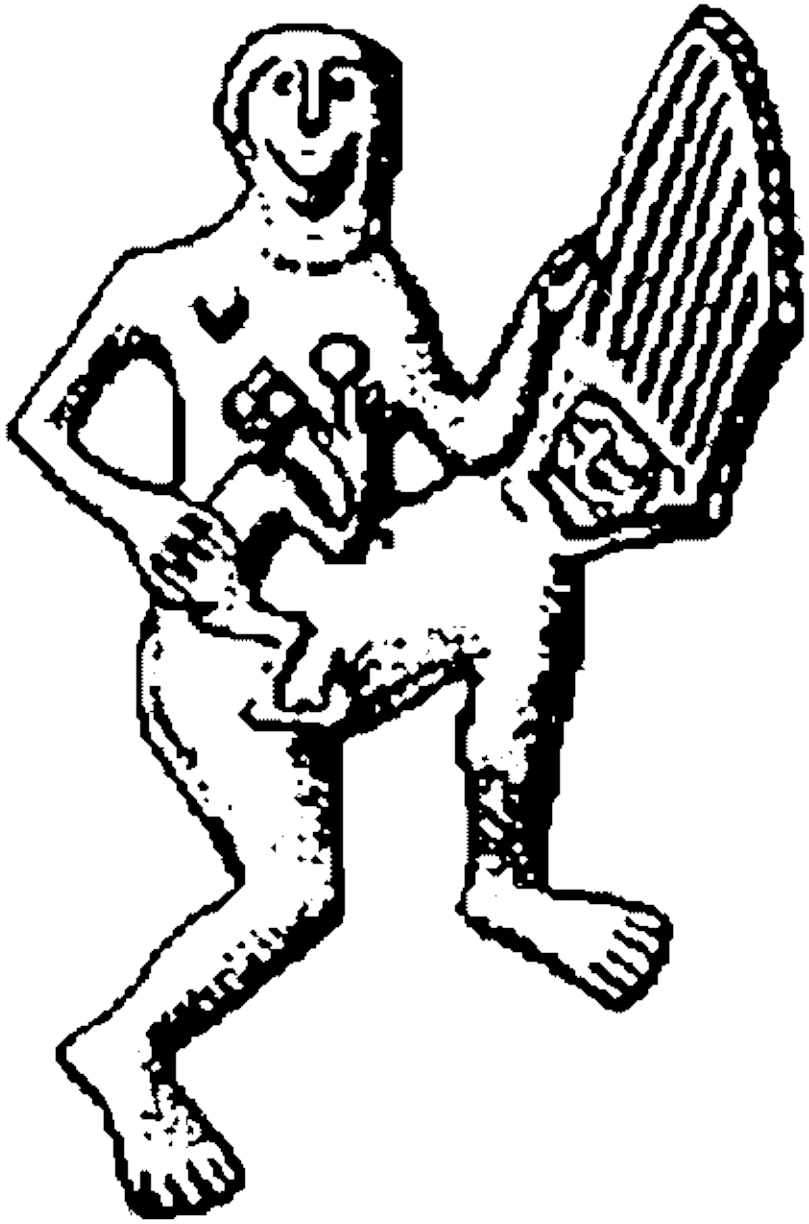
Давление велетов и рост численности собственного населения все же заставляли ободричей искать и новых земель. Достигнув на рубеже VI/VII вв. побережья Балтики, венеды не остановились. Как и на юге, на севере, море перестало осознаваться как порог потустороннего мира. Ободричи в довольно большом числе переправились на прилегавший к землям варнов остров Рюген. Недаром, конечно, выселенцы происходили из пограничных с велетами земель.

https://RodnoVery.ru

На Рюгене славяне встретили довольно плотное еще германское население, принадлежавшее к древнему племени ругиев. От них восприняли и название острова (славянской Руяны), и название его жителей (руяне, раны). Латинские писатели еще долго именовали их привычно «ругиями». В условиях усиления велетов славяне-руяне и германцы-ругии поладили мирно и быстро смешались. Они жили бок о бок на одних и тех же населениях, без перерыва продолжали обработку старых полей.[1213] Славянское население пополнялось новыми беглецами от велетских войн, и постепенно германцы полностью растворились в среде руян.

Воинственность велетов между тем обращалась не только против западных соседей.[1214] Остановленные ободричами на Варне, велеты обратились на восток, за Одру. Они проникли в Поморье и обосновались там, между низовьями Одры и Вислы. Местные племена в свое время не польстились на посулы аварского кагана. Теперь, в пору усиления каганата, когда аварские отряды бродили близ их границ, они предпочли покориться хорошо организованным и прославленным ратными доблестями велетам. Поэтому в Поморье нет заметных следов разрушений и не сразу стали возводиться велетские грады. Напротив, здесь с самого начала очевидно смешение велетов и местных венедов. Под главенством вторгшихся велетов на правобережье Нижней Одры началось складывание единого племенного союза поморян.

https://RodnoVery.ru



Гуслярка. Велестинская коллекция

Плодом этого смешения стала сложившаяся с начала VII в. голанчская археологическая культура. Ее основное новшество — появление в Поморье гончарной керамики, восходящей к фельдбергским велетским образцам. От пришельцев гончарный круг восприняли и местные жители, которые стали подправлять на нем лепную посуду. Типы голанчской посуды — баночные, яйцевидные, биконические, напоминающие миски невысокие сосуды.[1215]

В первой половине VII в. в бассейне Шпрее-Хафеля и на средней Одре появляются памятники торновской археологической культуры. Ее главная

https://RodnoVery.ru

характерная черта — торновская гончарная керамика, связанная с фельдбергской или восходящая с ней к одному «силезскому» прообразу. [1216] Итак, еще одна группа велетов в те же годы сдвинулась на юг, покорив венедские племена по Шпрее и Одре, ранее отстоявшие свою независимость от тех же велетов. Поход или серия походов на юг могли быть ответом на опасное приближение аварских отрядов к велетским границам. Первый и на этот раз победоносный удар пришелся по землям союзников авар — стодорян на Хафеле.

Торновский глиняный сосуд

Основные силы переселенцев, однако, пошли дальше на юг и осели между Шпрее и Одрой, выходя и за пределы этого междуречья. На юго-западе их соседями оказались сербы. На востоке «торновцы» достигли Повисленья. Именно их действия и остановили, вернее всего, авар за Оброй. Как и их сородичи у Балтийского моря, «торновцы» селились только в укрепленных градах, которые возводили посреди весей покоренных племен. Среди них хорошо исследованы Торнов в бассейне Шпрее, давший культуре название, и Форберг. Планировка их весьма похожа. В Торнове древнейший град защищен округлым валом высотой до 9 м, на деревянном решетчатом остове, и рвом. Изнутри града к валу пристраивались хозяйственные постройки из тонких бревен. В центре града стояло столбовое здание размером 11 м^2. Неподалеку располагались

https://RodnoVery.ru

зерновая яма и колодец. Еще одно, наземное, зернохранилище стояло у ворот. Известны и другие городища этого раннего времени, в том числе Бониково на пологом холме у Обры. Под простейшим каменно-земляным валом, охватывающим площадь до 100 м в диаметре, располагалось несколько землянок и полуземлянок.[1217]

Грады являлись центрами силы и власти завоевателей. Сюда стекалась дань с покоренных племен — прежде всего, зерно. Вместе с данью (и с женами из местного населения) попадало в грады некоторое количество лепной керамики. В Торнове обнаружены следы поступления урожая с 73 различных полей. «Торновцы» принесли в район Шпрее-Хафеля более развитую технику земледелия. В период их владычества здесь уже использовался севооборот. Возделывались рожь, пшеница и ячмень.[1218]

Торновская гончарная керамика обнаруживается сначала почти исключительно в торновских градах — хотя образцы ее в результате торговли или войн известны вплоть до Шелиг. Керамика эта несколько отличалась от фельдбергской. Она представлена горшками правильной биконической формы с расширением посередине и расположенным выше орнаментом — полосами, прямыми или волнистыми линиями, штамповкой. От этих сосудов развились чуть позже другие типы — высокие, с угловатыми плечами, и с более плавным профилем. Их орнамент включал, помимо волн и охватывающих черт, также пересекающиеся линии и крестики.[1219]

«Торновцы» являлись предками лужичан — известного с IX в. сильного славянского племени, которое вместе с сербами составило основу серболужицкого народа. Однако название «лужичане» вторично по отношению к «Лужицы», которое и упоминается, кстати, Баварским географом как обозначение не только области, но и племени.[1220] Происходит ли название «Лужицы» от славянского «луг», или от германского племени лугиев — изначально оно обозначало страну, а не племя. В первой, более ранней, части Баварского географа упоминается лишь одно собственно лужицкое племя — мильчане, Miloxi. Во второй части приводится более правильное Milzane, точно так же рядом с силезскими безунчанами и дедошанами.[1221] Именно мильчане и главенствовали к началу IX в. среди потомков «торновцев» — что, впрочем, не обязательно имело место в VII столетии.

В Лужицах и Западной Польше «торновцы» создали собственный племенной союз. Северные «торновцы», осевшие среди стодорян на Хафеле и покорившие их, не теряли связи с велетскими сородичами. Не

https://RodnoVery.ru

сразу, но они вошли непосредственно в племенной союз велетов и могли даже временами верховенствовать в нем. Племя их при этом сохраняло прежнее название — стодоряне. Германцы же называли их по реке хэфельдами.

Именно велетские войны привели к выселению части венедов под главенством и покровительством авар далеко на запад, в Мазурское Поозерье. Здесь они сохранили самосознание и не исчезнувшее к тому времени еще имя «венды».[1222] Освобождение части вендов от власти велетов и какие-то победы над грозными завоевателями отражались в русском былинном эпосе начала XIII в. Фрагменты его сохранила норвежская «Сага о Тидреке». Здесь рассказывается о победе «русских» над «вильцинами» (велетами) после смерти грозного короля последних, покорившего все славянские страны.[1223] Велетами, волотами еще долго называли на Русском Севере великанов — свидетельство исхода предков новгородцев из полабско-поморского ареала в VII в. О таком же происхождении говорит и внешний облик ильменцев.[1224] Так что мы можем заключить, что предки словен ильменских, заселивших впоследствии Новгородскую землю, находились именно в этом потоке переселенцев.[1225]

«Аваро-славянский» этап в истории мазурской культурной группы наступил в начале VII в.[1226] В это время в западномазурский район, до этого населенный балтским племенем галиндов и управлявшийся германской (гепидско-лангобардской) знатью, вторглись новые пришельцы. Верхушку и ударную силу их составляли авары и увлеченные ими на север анты (выходцы с низовий Дуная?). Наряду с ними в Мазурах расселились и другие славяне. Позднее на востоке Европы (как и на Балканах) известны смоляне и выходцы из Силезии лупоглавы. Как будет показано ниже, присутствовали и выселенные аварами дулебы. Прежнюю германскую дружинную знать не истребили, но существенно потеснили.[1227] В Мазурах возникло новое племенное объединение во главе с выходцами из Аварского каганата, среди которых имелись и славяне. Оплотом и перевалочным пунктом для этого вторжения, как уже говорилось, являлись Шелиги — крепость ляшских племен на балтском порубежье.

Именно то, что мазурский племенной союз превратился в северный форпост Аварского каганата, могло привести к сравнительно быстрому уходу отсюда немалой части славян. Ушли преимущественно венды, но и некоторые анты (чей путь отмечают находки пальчатых фибул). Путь дальше на северо-запад прокладывали аварские набеги, следы которых

https://RodnoVery.ru

находят вплоть до литовских земель.[1228]

Путь вендов и сопутствовавших им антов пролегал через северо-восточные земли пруссов к низовьям Немана и дальше в земли современной Латвии. Здесь они осели в Курземе, по реке Венте — которая именно тогда получила свое имя. Вторжение славян сдвинуло с насиженных мест балтские племена куршей, что отразилось в запустении местных могильников. Позднее между пришельцами и аборигенами установились на какое-то время ровные взаимоотношения. Курши переняли от пришедших в их земли славян ритуал кремации умерших. Славяне отчасти уже тогда смешивались с куршами и жившими севернее финнами ливами. Однако они сохранили самосознание и самоназвание «венды».[1229] Погребальные памятники вендов — песчаные курганы («krievu kapi» — «русские могилы» местных преданий). Курганная обрядность сложилась в тесном общении с ливами и куршами и содержит уже отчетливые неславянские (в основном ливские) элементы.[1230] Первоначально большая часть пришельцев хоронила умерших без инвентаря в грунтовых могильниках. Именно этот ритуал восприняли у них курши. Затем, однако, у вендов возобладал обычай сооружать курганы. Произойти в их среде он мог от дулебов, также увлеченных на далекий север аварским движением.

Появление вендов в Прибалтике вплотную приблизило границы западной ветви славян к северным сородичам — кривичам, доселе пребывавшим в полной изоляции от остального славянского мира. Большую часть VII в., однако, эта изоляция еще сохранялась. Кривичи продолжали населять территорию к югу от Чудского озера, рассеянно обитая также на большом пространстве среди сопредельных балтских и финских племен. Именно в описываемый период началось становление кривичского союза племен с центром в районе Плескова (Пскова), крупного славяно-финского поселения, как самостоятельной политической силы. Часть «чудских» общин ушла с насиженных мест, часть влилась в созданное славянами новое объединение. Их потомками являются современные сету Псковщины.

Обстоятельством, подтолкнувшим сету и кривичей к объединению под главенством последних, послужила борьба с жившими западнее предками нынешних эстонцев. «Эсты», тогда еще не носившие этого имени, являлись давними врагами сету (сисси), как явствует из эстонских преданий. Обе стороны совершали на земли друг друга частые набеги. Кривичи же столкнулись с «эстами» в своем расселении на запад. На восточных

https://RodnoVery.ru

границах «эстских» земель возникла целая система крепостей, призванная сдержать славянское расселение.[1231] С другой стороны, и кривичи строят в псковских землях грады-убежища.[1232] Напряженность по берегам Чудского озера и реки Великой сохранялась весьма продолжительное время.

VII век отмечен бурным развитием целого ряда новых культур славянского Севера — фельдбергской, рюсенской, голанчской, торновской. Вместе с тем в регионах старых славянских культур (пражско-корчакской, суковско-дзедзицкой, длинных курганов) развитие этого века не отмечено слишком резкими скачками. Лишь на западе, где пересекалось влияние более передовых дунайской и фельдбергской культуры, пражская культура отчасти меняет свой облик. Переселения племен на землях современных Польши и Восточной Германии привели к значительному, более чем вдвое, росту числа поселений.[1233]

Впрочем, многие черты прежнего быта ни при каких обстоятельствах не претерпевают изменений. Так, возникшее примерно в начале VII в. сельское гнездовье Дессау-Мозигкау на реке Мульда — типичный образец славянского домостроительства. Древнеславянское «село» располагалось на высокой речной террасе. Здесь обнаружено 44 полуземлянки с печами-каменками в углу. Прослеживается вход напротив печного угла. В жилище вели наклонный пандус или вырезанные в земле, иногда крытые камнем ступеньки. Один дом на поселении — столбовой, «германского» типа. И это также не новшество на славянских поселениях западных земель, след совместного проживания с германцами. Дома группируются по 6–11 зданий; всего таких малых весей в гнездовье пять. Одну из больших по размеру весей следует признать главной. Здесь в кольце из десятка жилых домов располагалась обширная незастроенная площадка. На ней, надо думать, собиралось вече, а может, и совершались религиозные обряды.[1234] Наряду с кучной по-прежнему встречается и рядовая застройка поселений. В Лисеве (Польша) обнаружено небольшое поселение из четырех домов и трех хозяйственных построек, расположенных в два ряда.[1235]

Наряду с полуземлянками площадью от 9 до 41 м^2, 40–60 см в глубину, господствующими на юге и юго-западе, строились и наземные дома. Некоторые из них, впрочем, имели подпольные углубления до 60 см. Таковы, например, жилые здания в Шелигах. Слишком больших домов здесь не отмечено. Размер всех от 5 до 16 м^2. Такую же картину мы видим и на других поселениях, где строили наземные дома с углублениями или без. Для строительства наземных домов в польских землях по-прежнему

https://RodnoVery.ru

применяли столбовую технику.[1236]

Не претерпели существенных изменений и основные занятия северных славян — земледелие, скотоводство, охота. Возделывали на юго-западе рожь, просо и пшеницу, на северо-востоке же ячмень и полбу. Соотношение костей домашних животных из поселения Девинске Язеро (Словакия), возникшего в VII в., напоминает и прежнее словенское, и еще больше отмеченное тогда же на далеком юге, у «попинцев». На первом месте в стаде (но меньше половины) — крупный рогатый скот. За ним следуют по убыванию свиньи, овцы, кони. Обнаружены кости кур и домашней собаки. Такое же соотношение выявляется по материалам поселений различных областей современной Польши VI–VII вв. Но в VII в., сначала в землях на запад от Вислы, начинается рост доли мелкого скота. Особенно бурно развивалось свиноводство.[1237] «Франкская космография» называет как важный источник благополучия славян придунайские пастбища.[1238]

Глиняное пряслице

В то же время некоторые хозяйственные изменения в VII в. отмечены по всему славянскому ареалу. Совершенствуются ремесла. Особенно бурно

https://RodnoVery.ru

развивалась обработка железа. Кузнецы овладели приемами сварки железа и стали, разнообразили способы ее получения, разработали методы закалки стальных изделий. Железоплавильный горн этого времени обнаружен на корчакском поселении Рашков I. На севере происходит распространение новых земледельческих орудий, вооруженных сошником, более пригодным для обработки свежих участков при подсеке. Развитие камнерезного дела показывает распространение наряду с глиняными пряслицами новых, вырезанных из мягкого камня.[1239]

Усиливалось расслоение в славянском обществе. Первобытные нормы общежития все более отходили в прошлое, общинный строй начинал разлагаться. На севере славянского мира этот закономерный процесс происходил ненамного медленнее, чем на юге. Один полюс общественной жизни отмечает его появлением нового термина для обозначения богатых, знатных людей — «могут», «могутич», отражающий именно их возросшую власть.[1240] На другом полюсе появляется новое значение — «раб», «слуга» — у древнего слова *xolpъ, «холоп», обозначавшего раньше младшего члена семьи.[1241] Это отражает появление нового, позднее известного повсеместно обычая — обращения во временное или постоянное рабство соплеменников за долги или преступление. На первых порах статус холопов существенно выше, чем у обычных рабов-пленников. Это и потребовало появления нового термина.

Распад старого жизненного уклада, ускоряемый войнами и переселениями, находил отражение и оправдание в религиозных представлениях. Если на юге развитие славянской языческой религии, за вычетом некоторых заимствований местных обычаев, застопорилось, то на севере оно продолжалось поступательно. Примером воздействия общественных новшеств на религию славян VII в. стало появление нового термина *nebogъ ‘небогатый’ и одновременно ‘лишенный бога, удачи, божественного покровительства’.[1242] С другой стороны, древнее обращение к божеству с просьбой о помощи, удаче («дай / дажь бог!») превращается в личное имя княжеского бога-родоначальника, Солнца. Во всяком случае, это произошло у какой-то части северных славян еще до сербохорватского выселения.[1243] Сам по себе факт показательный, подразумевающий идею особой княжеской удачи, привилегированной «доли», исходящей от божественного предка. Именно княжеский предок теперь — «бог дающий», главный источник людской удачи. Но следует также иметь в виду, что вокруг нового имени Солнца складывается определенная мифология, объясняющая возникновение княжеской власти.

https://RodnoVery.ru

Дажьбог (Дабог) воспринимается как первый государь, безраздельно правивший всем земным миром, прообраз власти всех позднейших людских вождей, — прежде всего, своих славянских потомков.[1244] Этот миф укреплял сакральную, да и политическую власть князей. Он существенно возвышал элитарную общность воинов-кузнецов, «потомков» Дажьбога, к которой причислялись князья, — но собственно княжеские роды возвышал и над нею. Вообще, усиление опиравшихся на дружину князей постепенно сводило на нет влияние ритуальных и воинских союзов. В то же время к северу от Дуная княжеская власть оставалась в VII в., не только формально, выборной.[1245] В каких-то племенах выбирали не князей, а временных воевод. В таких случаях сохранялись некие формы коллективного правления — например, упоминаемый в польских преданиях[1246] совет из 12 «наиболее знаменитых и богатых людей», которые и выбирали воеводу. Но и воевода со временем мог превратиться в князя, закрепив власть за своим родом. Еще одним признаком усиления, зримого отдаления княжеской власти от племенной массы стало появление фигуры мечника — княжеского «придворного»-меченосца.[1247] Функцией такого рода лиц в первобытном обществе являлось устрашение «подданных» и подчеркивание особого, священного статуса власти вождя.

Укрепление княжеской власти и появление первых устойчивых династий породило в славянской устной «литературе» новый жанр — родовой перечень князей. Существование таких перечней нельзя исключать и ранее. Однако самые древние из сохранившихся восходят к VII или даже — в большинстве случаев — к VIII в. Перечень начинался с предания о происхождении рода и закреплял его права на власть. На перечисление правивших родичей нанизывались при желании эпические предания о самых заметных событиях племенной истории. Такие сказания, — прозаические или песенные, — имеющие конкретную историческую основу, прослеживаются также с VII в. Они создавались подчас по образцу древнего «великанского» эпоса. Но теперь речь шла о деяниях не мифических, а реальных героев, племенных вождей и дружинников. С самого начала в этом героическом эпосе сплетались мифологическое и «реалистическое» видения мира.[1248]

С процессом начавшегося размежевания «аристократической» и «народной» религии связано появление в пантеоне еще одного нового лица. От громовержца Перуна частично обособилась его ипостась — умирающее и воскресающее божество, связанное с буйными, не всегда благими, но животворящими силами природы. Имя нового персонажа,

https://RodnoVery.ru

присутствующего в основном в чисто народных календарных празднествах, произведено от эпитета громовника — «яровитый», «ярило». Взаимосвязь поморского Яровита, русского, белорусского и сербского Ярилы, древнерусского Яруна не вполне ясна, но сродство всех этих персонажей и их функции в целом понятны. Ярилой именовалась также жертва (замещающая либо еще человеческая мужская), приносившаяся на «Ярилин день». Последний сначала приурочивался к летнему солнцестоянию. Этот праздник еще и на пороге нового времени у восточных славян носил характер буйный, «разнузданный», эротический — и включал магические обряды.[1249]

Еще один новый персонаж, появившийся в славянской мифологии в канун выселения сербов и хорватов на юг или вскоре после этого, — Мокошь. Имя этой позднейшей верховной богини Руси X в. известно и на западе, а также у сербов, хорватов и словенцев. Однако там это скорее дух «низшей», народной мифологии. Имя Мокоши связано с древнеславянским корнем *mok-, отражая ее связь с водной стихией.[1250] Изначально имя это оставалось лишь эпитетом Матери Сырой Земли, старейшей верховной богини славянского пантеона. Прозвание «Мокошь» отражало ее власть над источниками земных вод и перекликалось с наименованием постоянным — «Сыра».

Достойно замечания, что в VII в. окончательно складывается облик славянского языческого капища. Оно в этот период представляло из себя округлую площадку, подчас на естественной возвышенности, окруженную рвом или ямами (иногда ямами во рву). Во рву сжигались жертвоприношения, а посреди площадки стоял деревянный идол. Таких капищ, существовавших или предположительно возникших в VII в., известно три в разных концах славянского мира. Зааринген расположен в бассейне Хафеля, Радзиково — в Польше, Хотомель — в Полесье. Самое крупное из них и дольше всего (до XIV в.) просуществовавшее капище в Радзикове имеет еще каменные и ямные жертвенники на самой площадке — там стояло несколько идолов.[1251]

Иной тип славянского святилища встречается только в велетских землях. Здесь в VII в. построен использовавшийся и подновлявшийся до X столетия храм в Фельдберге. Не исключено, что именно Фельдберг — Ретра, стольный град племени редариев, поклонявшихся солнечному богу Радогосту Сварожичу. Каким образом божество получило известное с VI в. «княжеское» имя — неясно. Град Ретра именовался еще Радгощем, и не исключено, что изначально Радогост — основатель града, как часто у

https://RodnoVery.ru

славян, слившийся в предании с мифическим прародителем. Деревянное двухкамерное здание прямоугольной формы, площадью 50 м^2 (5 х 10 м) располагалось на выступающем мысу. Славянские строители по обычаю окопали непривычный храм не очень глубоким (60 см), но широким (2 м) рвом. В центре храма находился типичный для славян ямный жертвенник. Храмы, подобные фельдбергскому, со временем распространяются на северо-западе славянского мира. «Авторство» их идеи, несомненно, принадлежало велетам, воспринявшим частицы наследия кельтского друидизма.[1252] По тогдашним славянским меркам, фельдбергское здание являлось весьма величественным и просторным. Появление подобных сооружений, как и однотипных открытых капищ на других территориях — еще один показатель продолжавшегося развития славянской языческой религии.

Славяне против Ираклия

5 октября 610 г., на следующий день после жестокой расправы с тираном Фокой, императором Восточного Рима избрали победителя — Ираклия, родом армянина из Каппадокии, сына экзарха провинции Африка. Гражданская война завершилась. Однако продолжались войны внешние, и они-то превратились для нового государя в неизбывную и тяжкую заботу.

Ираклий ставил своей целью воссоздание хотя бы тени былого имперского величия, пусть на новых основах. Но в первые месяцы, даже в первые годы его правления задача казалась непосильной. Наследство досталось дурное. На Востоке персы хозяйничали по всей Сирии, Армении и в Малой Азии. О мести за Маврикия и восстановлении законной власти они уже не вспоминали. Хосров Парвиз теперь открыто провозгласил своей целью захват как минимум азиатских провинций, присоединение их к Персии и насаждение зороастризма. В Европе же немногие уцелевшие провинциальные центры оказались островками в «варварском» море. Вестготы теснили ромеев в Испании, лангобарды — в Италии, авары и славяне — на Балканах.

Ираклий в целом справедливо, но вынужденно счел главной заботой Персидскую войну. При наличных же силах Империи вести еще и войну в Европе не имелось никакой возможности. Многие пали в гражданской войне, целые провинции лежали в руинах, имперскую военную знать истребил Фока. Ираклий искал пути к миру с Аварским каганатом — но не

https://RodnoVery.ru

находил. Аппетиты расползшегося на всю Восточную Европу кочевого государства резко возросли и не удовлетворялись откупами скудеющей византийской казны. Оставалось предоставить европейские провинции самим себе. Это Ираклий, не без колебаний, и сделал, закрепившись в Константинополе. За пределами столицы единственным надежным оплотом Империи на Балканах осталась Фессалоника, столица Иллирика.

Дела на дальнем Западе Ираклию удалось выправить лишь ценой потерь. Забросив испанские провинции, новый император практически сдал их вестготам. Зато в Италии в 611 г. он сумел заключить мир с лангобардами. Жестокое разорение аварами Фриуля в 610 г. создало в Европе совершенно новую политическую ситуацию. Преданный каганом, но заключивший союз с баварами и франками Агилульф резко сменил свою политическую линию. Теперь германские королевства вместе с Империей противостояли аварским завоевателям. Это несколько облегчало положение Ираклия. Но не исправляло дел по существу. Ни лангобарды, ни бавары, ни тем более франки, вынужденные оборонять от авар собственные земли, не могли даже при желании оказать помощи балканским провинциям.

Давление славян на уцелевшие ромейские владения, разумеется, со вступлением Ираклия на престол не прекратилось — как не прекращалось оно и до того. Незначительная передышка, имевшая место между двумя этапами славянского нашествия, завершилась в 611 г. Тогда альпийские славяне, доселе союзники лангобардов против Империи, дали свой ответ на мир короля Агилульфа с Ираклием. Славяне вторглись в Истрию и разорили ее «самым плачевным образом… перебив воинов».[1253]

Вторжение в Истрию — лишь один эпизод развернувшегося второго этапа величайшего славянского нашествия на Империю. Одновременно с Истрией вторжение произошло в Далмацию. Сюда устремилось два потока славян — из междуречья Савы и Дравы, родственные уже действовавшим там лендзянам, и с юга, из перенаселенного «охридского котла» Македонии. События, развернувшиеся далее, отразились и в славянских, и в романских далматинских преданиях средневековья.[1254]

В средневековой Хорватии сохранялось предание, доставшееся хорватам по наследству от покорителей Далмации, лендзян. Согласно этому преданию, отраженному в «Летописи попа Дуклянина», нападению на Истрию предшествовала битва в местности Темплана. Современной науке место это совершенно неизвестно. Однако эпическое предание хорватов вполне могло запомнить битву, важную для местной истории, но оставшуюся незамеченной в современных хрониках. Завоевав

https://RodnoVery.ru

«Паннонскую область», «готы» (здесь — славяне) «с могучим множеством достигли Темпланы». Против них объединились «короли» Далмации (сидевший якобы в Салоне) и Истрии. Превращение правителей провинций в «королей» и описание Салоны как «великого и дивного града» — черты народного эпоса, который с охотой преувеличивает силу побежденного противника.

После встречи войск «на протяжении восьми дней, поскольку от лагеря до лагеря было близко, с обеих сторон выходили воины, раня и убивая друг друга в поединках. В восьмой же день все с обеих сторон — христиане и язычники — вышли вооруженные и сошлись в великой битве, длившейся от третьего часа дня до самого заката. И судом Божьим, коего никто не дерзнет предсказать, свершилось так, по неким сокрытым великим прегрешениям христиан, что победу одержали жестокие готы; и христиане пали, и убит был король Истрии, и многие тысячи христианского люда умерли от меча, и огромное множество было уведено в плен. Однако король далматинский с немногими могучими воинами ушел и бежал в свой град Салону». Вслед за тем одно войско «готов» вторгается в «Истрию и Аквилею», второе же — в «Иллирийскую провинцию». Командование первым хронист, возводящий правящий род Дукли к «готам», приписал Тотиле, а предводительство вторым, более закономерно — предку дуклянских князей Остроилу.[1255]

С уничтожением имперских гарнизонов прежней жизни в Истрии настал конец. Славяне заселили большую часть полуострова. Многие античные поселения легли в развалинах. Славяне, завоевавшие Истрию, остались чужды и враждебны христианству. В городах они не раз разрушали церковные здания. Вместе с тем полного опустошения и повального бегства жителей не произошло. Иногда славяне селились вместе с истрийцами и лангобардами, если те придерживались языческих верований. С другой стороны, от местных жителей славяне переняли обычай трупоположения. Среди смешанного населения ходила ромейская монета. Продолжали рядом со славянами существовать и общины истрийских христиан. Хотя и в общении со славянами, под их влиянием, они сохраняли свою веру и хоронили умерших на особых кладбищах.[1256]

Как раз в 611 г. среди альпийских славян решил было проповедовать христианство известный ирландский миссионер Колумбан, проживавший тогда в Брегенце. Но, повествует написанное его младшим современником Ионой житие, «явился в видении ангел Господень и в виде небольшой окружности, как обычно сжато изображают круг вселенной, показал

https://RodnoVery.ru

мироздание. “Ты видишь, — сказал он, — что весь мир остается пустынным. Иди направо или налево, куда выберешь, дабы вкушать плоды дел своих”. Тогда понял тот, что нелегок у этого народа успех веры, и остался на месте».[1257]

Ромеи были бессильны воспротивиться славянскому завоеванию Истрии. Чуть позже удалось перейти в наступление на славян лангобардам. Произошло это, правда, существенно западнее, в самых верховьях Дравы. Где-то в начале 610-х гг. герцоги Фриульские Тазо и Какко, сыновья павшего от рук авар герцога Гизульфа, совершили поход на здешних славян, союзников кагана. Удалось покорить часть населенных ими земель по текущей вдоль южного склона Карнийских Альп реке Зилье, правому притоку Дравы. Область так и называлась — Зилья (Зеллия). Далеко не вся Зилья подчинилась братьям-герцогам, низовья реки за древним римским укреплением Медария (по-славянски Мегларье) остались независимыми. Остальные же славяне Зильи, побежденные, согласились платить фриульским герцогам дань.[1258]

Немногим позже славяне из близлежащих областей по Верхней Драве столкнулись с баварами герцога Гарибальда II. Битва произошла под стенами занятой славянами римской крепости Агунт. Гарибальд пытался выбить их из Агунта, но потерпел поражение. Славяне в ответ вторглись в пределы Баварии и подвергли их разору. На своей земле, впрочем, баварам удалось разбить славян, изгнать их и отнять награбленную добычу.[1259]

В Далмации же славян вообще не сдерживал никто. Позднее романское предание, говорящее о давлении славян на далматинцев, подчеркивает, что к тому времени Салона пришла в упадок, да и «способного правителя» город не имел.[1260] Других же центров сопротивления нашествию в провинции не было. Романцам и остаткам ромейской армии оставалось отсиживаться за крепостными стенами — при их наличии. Но теперь и эти стены уже не останавливали славян. Напротив — они стали главной целью завоевателей. Все их силы были брошены именно на захват и разрушение прибрежных городов. Нехватка земли остро требовала от славян — покончить с последними оплотами вражеского сопротивления и тем закрепить за собой обживаемую территорию.

Прижатые к морю далматинские общины были атакованы по всей прибрежной полосе. Примерно в 614 г. после серии разорительных набегов пал Эпидавр — одна из главных крепостей на юге Далмации. Славяне разрушили город, часть его жителей перебили, часть обратили в рабство. Уцелевшие обосновались в соседних крепостцах Спилан и Градац, где

https://RodnoVery.ru

продолжали сопротивляться завоевателям. Позже они переселились на расположенный неподалеку остров Раусий (Рагузу), где выстроили крепость, положившую начало Дубровнику. Какая-то часть беженцев перебралась затем оттуда на побережье юго-западной Италии, в Амальфи. [1261]

На следующий год[1262] пришел черед столицы Далмации — Салоны. Здесь славяне-лендзяне прибегли к помощи авар — или авары навязали им свою помощь. Нападение на Салону, по Фоме Сплитскому, возглавил «готский предводитель (dux), стоявший во главе всей Славонии». Почему бы и действительно не сам каган? Фома передает местное предание об осаде Салоны — выглядящее в основных деталях вполне достоверно. С «большим конным и пешим войском» аварский вождь внезапно подступил с гор к городу. Свой лагерь он разбил с восточной стороны Салоны. К западу, «над морем», однако, встал по его приказу один из аваро-славянских отрядов. Начался обстрел стен — из луков и дротиками. Взобравшиеся на нависающую над стенами скалу, славяне из пращей осыпали защитников градом камней. Под прикрытием стрелков сомкнутым строем к воротам пошли воины с таранами. Однако первый приступ смело защищавшиеся салониты отбили. От стрел и снарядов их защищали стена и щиты. Город не знал недостатка в своих лучниках, на подступающих к стенам «сбрасывали огромные камни». К тому же в постоянно ожидавшей нападения Салоне имелась оборонительная техника. В стрелков врага летели не только стрелы, но и снаряды камнеметов и баллист.

Безуспешные штурмы продолжались «много дней». Ежедневно к стенам приступали новые и новые воины. Обладая большим войском, каган попросту изматывал противника за счет жизней славян — и в конечном счете преуспел. В лагере осажденных, «обессиленных и измученных», не ждущих подкреплений, начались разногласия. Стоявшие в не перекрытой врагами гавани корабли открывали заманчивый путь к бегству — по крайней мере, для кого-то заманчивый.

В конечном счете часть «городских богачей» втайне отправила свое имущество к кораблям. Напуганное «простонародье», прознав о погрузке, хлынуло в порт беспорядочной толпой. Люди, среди которых была масса женщин и детей, многие без всяких пожитков, в сутолоке рвались на корабли и в лодки, тонули. Паника охватила и стоявших на стенах — так что славяне и авары ворвались, наконец, в Салону. Начался разор захваченного города. Разгневанные длительным стоянием и торжествующие благодаря почти бескровному последнему штурму, «варвары» меньше пеклись о добыче, чем о самом опустошении. В Салоне

https://RodnoVery.ru

заполыхал пожар. Вскоре город со своими дворцами и храмами превратился уже в «груду развалин и пепла». Многие из разбегающихся граждан погибли или попали в плен. Столпившиеся в порту уже не заботились о гибнущем городе — думая лишь о себе, они «торопили отход кораблей». «Отступавшие первыми не дожидались последних: кто был последним, не могли держать бегущих. Как хмельные или безумные, лишь в бегстве видя спасение, они не знали, какой более надежный путь им выбрать. О, сколь печально было зрелище несчастных женщин, рвавших волосы, бивших себя в грудь и по лицу! Сколь громки крики и рыдания не ведающих, от чего им спасаться — от огня или меча», — заключает Фома свой рассказ о гибели древней Салоны.[1263]

Так закончилось противостояние славян с властями ромейской Далмации, начавшееся за полтора десятка лет до того разбойничьими набегами далматинских пограничников на лендзянские селения. Провинции Далмация больше не существовало. Война, однако, не завершилась. Оставались далматинцы, не желавшие, разумеется, уступать врагу земли предков — и славяне, надеявшиеся теперь на обустройство в добытой мечом стране. Это противостояние, то затухая, то вспыхивая, продолжалось еще много веков, определяя всю историю прибрежных земель Восточной Адриатики.

После разорения Салоны славяне на время обосновались в ее развалинах, совершая оттуда набеги на близлежащие земли. Постепенно большая часть далматинцев бежала в защищенные природой прибрежные крепости или на острова, оставив свои угодья завоевателям. Немногие отступили в высокогорье. Со временем те, кто остался на большой земле, покорились славянским вождям и стали смешиваться со славянами.[1264]

Беженцы из Салоны обосновались в основном на лежащих южнее города островках — Шолте, Браче, Хваре, Висе, Корчулах. Здесь они осели, используя доступные для обработки земли и торгуя с соседями. Некоторые знатные салониты переселились к беженцам из Эпидавра на Раусий и возглавили здешнюю общину. Молодежь с островов начала, используя уцелевшие боевые корабли-либурны (легкие, маневренные суда, родиной которых была как раз пиратская Далмация), совершать набеги на самих победителей. По словам Фомы, «ежедневно они устраивали поистине такую резню и грабеж, что никто из славян не отваживался спускаться к морю».[1265]

Благодаря этому, а также морским источникам пропитания, прибрежные крепости и острова сохранили во враждебном окружении

https://RodnoVery.ru

независимость. Так начиналась история далматинских городских коммун и их непростых, а в ту пору еще прямо враждебных отношений с окрестными славянами. После нашествия славян романских городов в Далмации осталось семь — Декатеры (будущий Котор), Раусий, Тетрангурин (Трогир), Диадоры (Задар), Арва (Раб), Векла (Крк), Опсары (Црес).[1266] Из них Котор, Трогир и Задар — старые крепости, устоявшие перед нашествием. Остальные, как и поселения салонитов, располагались на прибрежных островах, заселенных далматинскими беженцами.

Нашествие затронуло не только Далмацию, но прилегавшую к ней с юга Превалитанию. Наряду с вторгавшимися с разных сторон славянами, сюда после падения Салоны перешли основные силы авар во главе с самим каганом. Основные центры провинции — Скодра и Диоклея — пали. Немалую часть населения каган угнал в Паннонию. Спасшиеся жители Диоклеи бежали к скалистому побережью, где основали город-крепость Бар (или Антибари, по противолежащему итальянскому городу Бари).[1267]

Одновременно с Далмацией, в 614–615 гг., нашествию подверглась и южная часть Иллирика до Ахайи включительно.[1268] Сюда вторглись племена из плотно заселенных славянами земель охридского «котла». Места здесь явно всем не хватало. Более пяти племен, осевших в Македонии, объединились в союз для завоевания новых территорий. На первом месте среди них стояли дреговичи, расселившиеся в южных областях Македонии, к западу от Фессалоник. Отдельные их общины, впрочем, жили к востоку от города. Вторыми идут сагудаты, их ближайшие соседи и союзники, также расселившиеся на юго-западе Македонии. Неизвестны тогдашние места обитания велеездичей и войничей — судя по дальнейшему, более других заинтересованных в новых захватах. Наконец, берзичи занимали основную часть охридского «котла» — внутренние области Македонии от Охрида до Прилепа.[1269] Помимо названных, однако, в нашествии участвовали и «другие народы», остающиеся неизвестными.

Освоившись уже с мореходством, славяне решили атаковать греческие провинции по морю. Это существенно ускоряло передвижения — а главное, являлось совершенно неожиданным для противника. В низовьях македонских рек, выходивших в Эгеиду, и на Адриатике в берзичских низовьях Дрина выстроили огромный флот из ладей-однодеревок. Выйдя в море, славяне атаковали побережья на огромном пространстве, стремительно пересекая воды Эгеиды и Иониды. Опустошая и захватывая те или иные земли, изгнав, перебив или пленив местных жителей, они

https://RodnoVery.ru

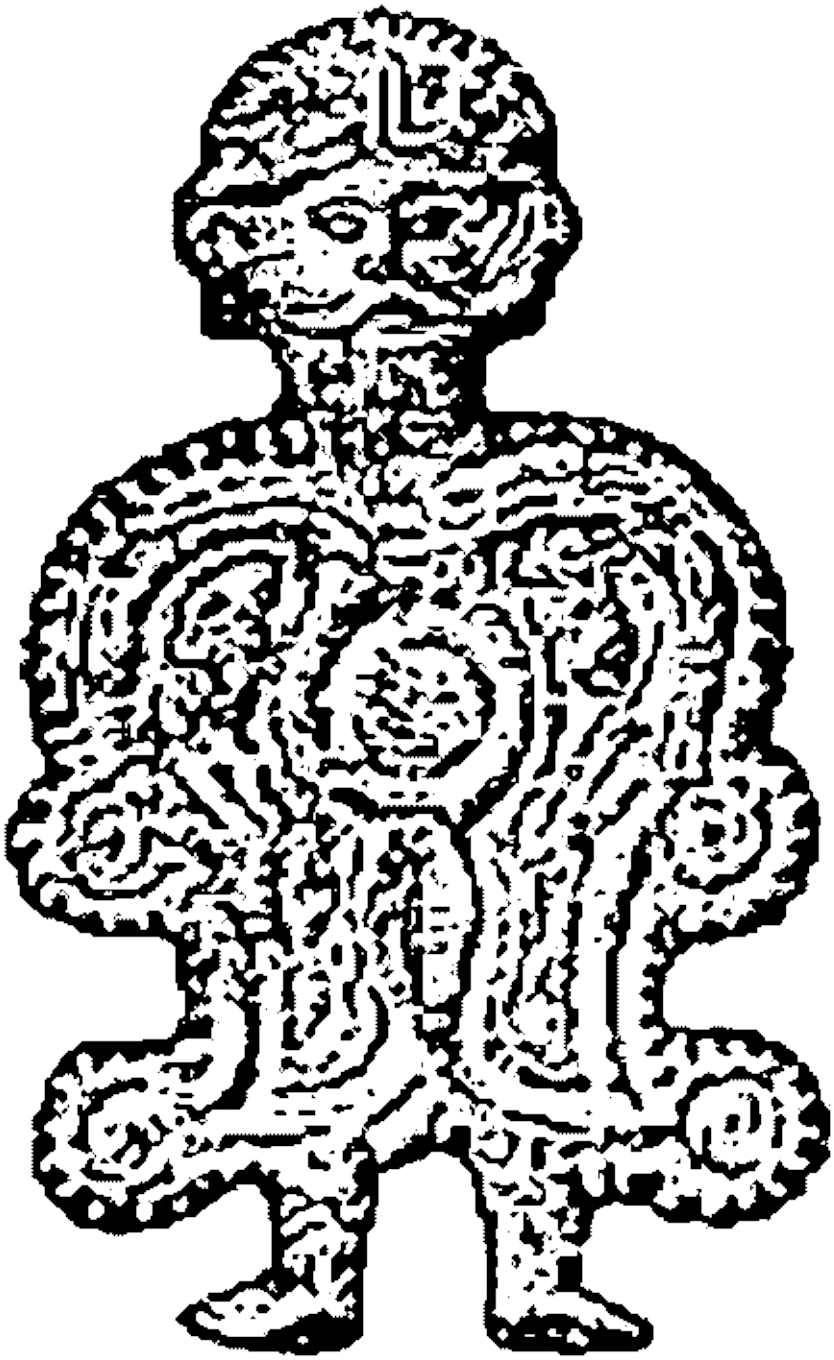
затем перевозили свои семьи и обосновывались на новых местах.

Такому опустошению подверглись «вся Фессалия и острова вокруг нее и Эллады, еще и Кикладские острова, и вся Ахайя, Эпир».[1270] Повсеместно происходили разрушения ромейских городов — возможных оплотов сопротивления. Славяне вновь разорили Афины и Коринф, овладели ими, прошли с войной вдоль всего восточного и южного берега Эллады.[1271] В результате они прорвались на Пелопоннес, вполне открытый для них с моря, и встретились со своими сородичами, обосновавшимися в Лаконии еще в 580-х гг. Отдельные отряды славян переправились через Эгеиду и разорили «часть Асии». Другие же отправились в иные области Иллирика — в том числе, чтобы принять участие в освоении Далмации и Превалитании.

Империя не имела сил сопротивляться. На востоке бушевала Персидская война, войска шаха как раз завоевывали Сирию и Египет. В эти же годы авары (не без участия местных славян) уничтожали остатки ромейской власти в придунайских провинциях. Последние крепости Северного Иллирика не выдерживали напора завоевателей. Потоки беженцев оттуда устремлялись на юг, к Фессалонике.[1272]

Георгий Писида, описывая в поэме «Ираклиада» первые годы правления своего императора, скорбно вспоминает: «А кроме того, фракийские тучи// принесли нам бури войны: // с одной стороны питающая скифов Харибда,// прикинувшись молчаливой, встала на дороге, как// разбойник, с другой же стороны внезапно выбежавшие волки-славяне// перенесли на землю морскую битву.// И с их кровью смешавшись,// поток сделался красным от убийства.// А с третьей стороны, словно пытаясь соперничать в воинственности,// прямо против вас невыносимое зрелище// явилось Горгоны Персеевой,// и весь мир пришел в замешательство… И часто, желая натянуть лук// и поразить Харибду, — ты против Горгоны,// превращавшей в камень образ зрящих,// обращался и удерживался от готового обрушиться удара.// Но и от нее, пуская со своей стороны в вас стрелы,// отвращали вас любящие разбой волки…»[1273] Поэт-панегирист достаточно четко выражал главную дилемму политики первых лет Ираклия — воевать в полную силу с аварами и славянами означало отдать персам Азию и открыть им путь на Константинополь. Попытки же примирения с Хосровом ничего не давали.

https://RodnoVery.ru



Князь. Велестинская коллекция

Результатом победоносного нашествия для славян стало заселение большей части греческих земель. Власть Империи в Иллирике к концу 615 г. ограничивалась одной Фессалоникой. Фессалию заняли велеездичи. [1274] В Старом Эпире обосновались войничи. Какие-то еще славянские племена заняли Новый Эпир, окрестности Диррахия. Они состояли в

https://RodnoVery.ru

обширном союзе, который возглавляли войничи и земли которого на востоке простирались до Афин.[1275] Славяне надолго стали если не основным населением, то хозяевами положения на землях Македонии, Эпира, Эллады (включая Пелопоннес).[1276] На Пелопоннесе, где главными являлись племена милингов и езеричей в Лаконии, славянское население в VII в. резко возросло. С востока и юга полуострова они без столь заметных потрясений позже проникали на северо-запад, до Олимпии. Здесь отношения с греками складывались более мирно.[1277] Во время нашествия или позже славянские общины появились и на Керкире в Ионическом архипелаге.[1278]

Славяне завоевали Адриатическое побережье и большую часть Эллады. Им оставалось лишь нанести ромейскому владычеству в Иллирике последний, смертельный удар. Фессалоника, давняя цель славян, продолжала привлекать их взоры. Участвовавшие в морском нашествии племена приняли решение — покончив с подчиненными Фессалонике провинциальными городами, теперь завоевать и заселить саму столицу Иллирика.

Вторая осада Фессалоники

В 616 г.[1279] славяне вновь, во второй уже раз, подступили к стенам Фессалоники. К берегу под стенами подошло «огромное число» славянских однодеревок. Высадившись, славянские моряки разбили здесь главный лагерь. С востока, с севера и с запада к городу подтянулись племенные ополчения, взяв его в плотную осаду. Вместе с воинами пришли и их «роды вместе с их имуществом». Город рассчитывали не разрушить до основания, а занять.[1280] Более других в завоевании Фессалоники были заинтересованы жившие в ее округе дреговичи, сагудаты и берзичи. Однако все их союзники во главе с велеездичами и войничами приняли участие в походе, как прежде македонские славяне помогли им в завоевании Эллады.

Нашествие возглавлял вождь («экзарх» — князь или воевода) по имени Хотун. Неизвестно, к какому племени он принадлежал сам. Скорее всего, к дреговичам, которые постоянно называются первыми. Перед походом Хотун «по своему обычаю захотел узнать через гадание, сможет ли он войти» в Фессалонику. «Ему было сказано, что можно войти, но не было раскрыто, каким образом». Как бы то ни было, Хотун принял ответ за

https://RodnoVery.ru

добрый знак.[1281]

Еще до подхода славянских войск город, ослабленный разорением округи и почти лишенный собственного флота, охватила паника. Ее усугубили перебежавшие от славян рабы-пленники, поведавшие о «жестокости их войска». Славяне изготовились к штурму. Однако их предводители не осмелились подводить хрупкие однодеревки прямо под защищенные метательными орудиями стены. Решив защитить суда перед приступом, они отложили его. Однодеревки отвели в узкую гавань Келларион в 4 км к востоку от крепостной стены и занялись их оснащением. Ладьи покрывали сверху досками и сырой кожей, призванной защитить их от зажигательных снарядов. Одновременно осаждавшие город с суши готовили камнеметы. Передышку для подготовке к бою, однако, получили и солунские граждане.[1282]

Работа шла три дня. В течение этого времени отдельные славянские суда плавали на расстоянии пары миль (около 3 км) от стены, не подходя ближе. Славяне следили за развернувшимися оборонительными приготовлениями горожан, а заодно высматривали слабые места в защите. Два таких места приметили — оба у гавани, близ церкви Св. Богородицы. Участок перед самым храмом вообще оставался не укреплен со стороны моря, а западнее, под «башней у церковной лестницы» располагались «небольшие ворота». Мнения нападавших разделились. Одни сочли наилучшим войти в город через неукрепленный участок. Другие, в том числе сам верховный вождь Хотун, не доверялись кажущейся простоте решения и предпочитали вломиться через малые ворота. В конце концов, решили атаковать оба места.[1283]

Славяне, однако, просчитались. Горожане не теряли времени даром, и не все их приготовления разведчикам удалось отследить. Вход в гавань перегородили цепями на бревенчатом основании, утыкав образовавшуюся плотину кольями и клиньями. За нею возвели второе заграждение — сцепленные якорями тяжелые грузовые корабли. В водных укреплениях оставили лишь небольшой проход. Неукрепленный участок у храма — и этого-то славяне не углядели издали — защитили рвом и прикрытыми досками ямами с кольями на дне. На молу, также неукрепленном, выстроили деревянную стену, невысокую — в половину человеческого роста.[1284]

На четвертый день осады приступ, наконец, начался. С восходом солнца славяне со всех сторон города издали боевой клич и ринулись на штурм. На стену обрушились камни из метательных машин. Под

https://RodnoVery.ru

прикрытием камней и стрел, которые летели «подобно снежным облакам», одни славяне приставляли лестницы к стенам, другие пытались запалить городские ворота. «И было странно, — повествует солунский автор, — видеть это множество, которое затмевало лучи солнца; как туча, несущая град, так закрыли свод небесный стрелами и камнями».[1285]

Но главные силы нападавших во главе с вождем всей рати подступали с моря. Однодеревки, защищенные покрытием от стрел, огня и камней, устремились через оставленный проход к усмотренным слабым местам у храма Богородицы. В проходе, естественно, образовалась сутолока. С ней славяне на первых порах как-то справлялись, но при высадке «равномерное движение судов… стало неуправляемым». В этот самый момент, как говорит автор «Чудес святого Димитрия», «многие ясно видели защитника, любящего свое отечество Димитрия, преславного мученика в белой хламиде, который сначала обошел стену, а затем шел по морю, как по суше. Это видели не только многие просвещенные святым крещением, но и невинные дети евреев в так называемой части Врохтонов». О том, что именно это стало причиной сумятицы среди высаживающихся славян, согласно «Чудесам», рассказывали и они сами. Потерявшие управление ладьи начали сталкиваться друг с другом и переворачиваться. Подходившие следующими однодеревки прижимали шедших впереди к берегу. Люди с перевернувшихся судов хватались за борта других и нередко переворачивали и их. Это привело остававшихся на ладьях в панику. Некоторые начали рубить тонущих мечами и колоть копьями.[1286]

На берегу дела пошли не лучше. Высадившиеся среди такого беспорядка, славяне вовремя не заметили рва и тем более закрытых ям. Многие попадали в них, другие остановились в нерешительности. Тогда некоторые горожане стали совершать вылазки, отгоняя врага от города. У малых ворот завязался бой — солунцы не стали ждать приступа Хотуна и сами напали на него. Славян разбили, а их вождь попал в плен и был уведен в город.[1287]

Наконец, большинству ладей удалось развернуться и выйти из гавани. Но вдруг, в неожиданно раннее время, в восьмом часу утра, с моря подул встречный ветер. Многие ладьи разбились, другие еле ушли вдоль берега к осадным лагерям на востоке и западе. Множество трупов выбросило на берег. Когда ладьи удалились, к берегу вышли солунские гоплиты. Пройдя вдоль всего южного побережья, они покончили с остатком высадившихся славян и обезглавили доставшиеся им трупы. Головы соплеменников выставили напоказ осаждавшим город с суши. Те, и без того повергнутые в

https://RodnoVery.ru

уныние вестями от бежавших мореходов, отступили от стен. После пленения Хотуна, перед лицом грозных сил, как будто поднявшихся на защиту Фессалоники, продолжать осаду славяне не решились. «В большой печали» они ушли от города, бросив многочисленные осадные орудия и захваченную в предместьях добычу. Воспользовавшись растерянностью славян, находившиеся в их лагерях рабы восстали и бежали под защиту стен Фессалоники. С собой они прихватили и изрядную часть имущества хозяев.[1288]

Что касается Хотуна, то он ненадолго пережил снятие осады. Городская знать («некоторые из первенствующих города»), замышляя завязать собственные отношения со славянами, забрали Хотуна у воинов и скрыли его в каком-то богатом доме. Фигура славянского вождя лучше всего подходила для того, чтобы обеспечить безбедное и выгодное существование в окружившем Фессалонику славянском море. Но для только что переживших страх осады горожан в подобном поведении богачей виделись только «какая-то корысть и неблаговидные цели». Городские женщины толпой ворвались в дом, где скрывался Хотун, выволокли его оттуда и, протащив с собой по городу, забросали затем камнями.[1289]

Третья осада Фессалоники

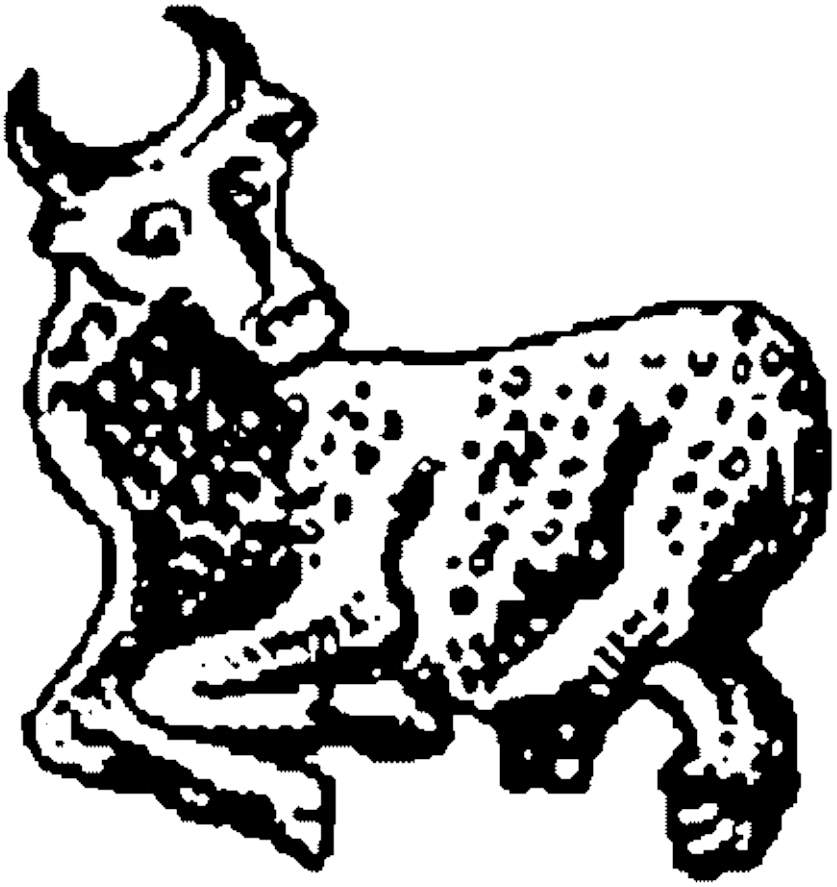
Итак, вторая осада Фессалоники кончилась для славян «великим горем». «Позорным» было поражение в войне после впечатляющих успехов предшествующих лет. Еще более позорной и требующей отмщения была смерть Хотуна. Наконец, помимо гибели многих воинов, славян разгневали унижение и ущерб, причиненные восстанием бежавших из осадного стана рабов. Страх перед таинственным быстро ушел. В то же время, сознавая долг мести, славяне не рисковали добиваться ее лишь своими силами. Они решили обратиться к аварскому кагану, воевавшему тогда с ромеями на севере Иллирика. Туда он перешел после разорения Превалитании. Теперь разгрому подвергались Дакия, Дардания, Мезия. Их жители толпами угонялись в земли каганата, в район Сирмия, где каган решил расселить пленных ромеев. В войске авар, разумеется, сражались и действовавшие в этих местах славяне.[1290]

С богатыми дарами послы дреговичей и их союзников отправились в ставку кагана. Они обещали «дать еще больше денег сверх того, что они

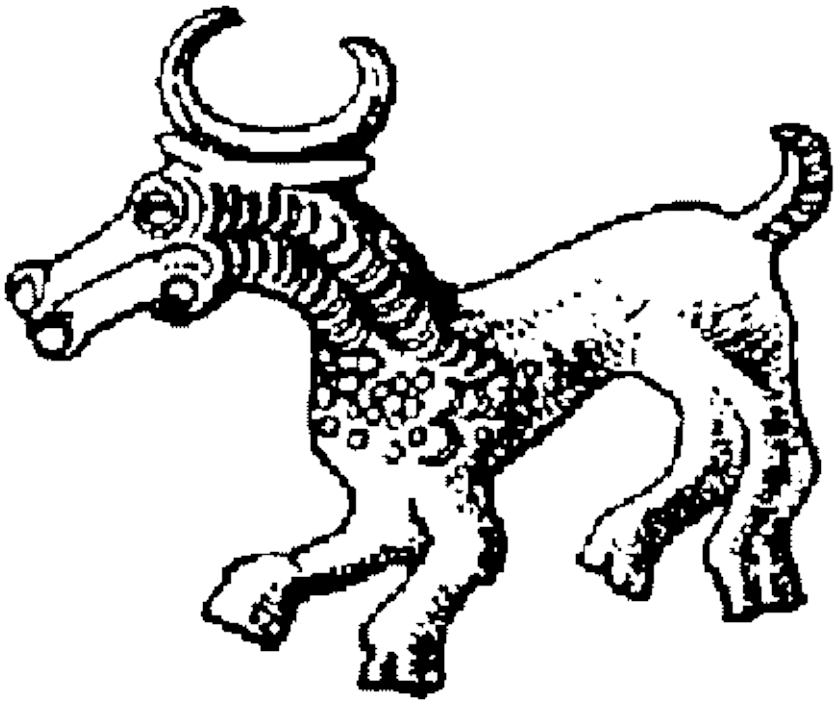
https://RodnoVery.ru

предполагают в будущем захватить» в Фессалонике, «если для этого окажет им помощь в войне». Славяне сулили повелителю авар «легкий захват города». Он «будет взят», уверяли они, «не только потому, что окружен ими, но и потому, что все города, зависимые от него, и области они сделали безлюдными, он же один… находился в их окружении и принимал всех беженцев из дунайских областей, Паннонии, Дакии, Дардании и остальных провинций и городов, и в нем они укреплялись».[1291]

Славяне, таким образом, указывали кагану на опасность Фессалоники для его собственных действий в северных провинциях Иллирика, в бывшем диоцезе Дакия. Каган, конечно, и сам сознавал эту опасность, а потому «охотно поспешил выполнить их просьбу». Продолжая разорять Дакию и Дарданию, он вместе с тем стал понемногу собирать подвластные племена для похода к Фессалонике. В результате в придунайских землях скопилось «неисчислимое войско». В него собрались «все славяне» — по крайней мере, жившие в Паннонии, на севере Балкан и собственно в Македонии. Вместе с ними шли подвластные каганату паннонские болгары, а также другие «многочисленные народы».[1292]



https://RodnoVery.ru



Коровы. Велестинская коллекция

С набранными полками каган, прежде всего, подавил последние очаги сопротивления ромеев в Дакии. Один за другим после осад пали города Наисс и Сердика (столица Внутренней Дакии). Беженцы оттуда, как и предполагал каган, нашли убежище в Фессалонике.[1293] Наконец, поздним летом или в начале осени 618 г. аварская орда с примкнувшими к ней славянскими дружинами двинулась на столицу Иллирика.

В авангарде каган послал отряд «отборной конницы», закованной в броню. Ей он приказал разгромить отряды, прикрывавшие Фессалонику, и как можно сильнее ослабить город, а затем ожидать подхода главных сил. С собою, не собираясь (в отличие от славян при обеих прежних осадах) тратить время на месте, каган вез осадные машины. Конница кагана появилась в предместьях Фессалоники в первой половине дня, около 11 часов. Большая часть граждан находилась вне стен города, на жатве. Авары не в первый раз использовали внезапность нападения на занятых земледельческим трудом ромеев. Многие солунцы погибли, другие попали в плен. Конникам кагана досталось «множество стад» и земледельческие орудия. Уцелевшие граждане, увидев истребление и пленение массы соотечественников, а через некоторое время прослышав о приближении главных сил врага, пришли в ужас. Находившиеся в городе беженцы

https://RodnoVery.ru

вдвойне оплакивали свою долю. Тем не менее жители, воодушевляемые архиепископом города, пламенным проповедником и одаренным писателем Иоанном, изготовились к обороне.[1294]

Через несколько дней после нападения конников авангарда к стенам подошли главные силы во главе с самим каганом. Вновь враги обступили Фессалонику полукольцом от моря до моря, «по всей суше». «Когда он окружил весь город, — повествуется в “Чудесах святого Димитрия” о приходе кагана, — можно было видеть повсюду только головы, и земля не выдерживала тяжести их наступления, а воды из водоводов, ближайших рек или колодцев не хватало для удовлетворения их и их бессловесных животных». «Невиданное множество» воинов кагана носило железные доспехи. Со всех сторон города, выше зубцов стены, поднялись громады привезенных аварами камнеметов. Авары и их союзники занялись осадными приготовлениями — «одни готовили так называемых черепах их плетенок и кож, другие у ворот баранов из огромных стволов и хорошо вращающихся колес, третьи — огромнее деревянные башни, превосходящие высотой стену, наверху которых были вооруженные сильные юноши, четвертые вбивали так называемые горпеки [колья для раскалывания ворот?], шестые выдумывали воспламеняющиеся средства». Столь огромное войско Фессалоника у своих ворот еще не видела.[1295]

Наконец, с обстрела стен штурм начался. Стена Фессалоники вновь испытала град камней — даже, как виделось горожанам, «не камней, а гор и холмов». Со стен отвечали камнеметы солунцев. «Чудеса» повествуют, как один из горожан «написал на небольшом камне имя святого Димитрия и бросил его, воскликнув: “Во имя Бога и святого Димитрия! ”». Этот камень столкнулся в воздухе с гораздо большим («более чем в три раза») камнем из аварского камнемета и обрушился вместе с ним вниз. Упав в кабину аварской осадной машины, камни убили всех находящихся там во главе с обслуживавшим орудие манганарием.[1296]

В первый день осады стена выдержала натиск. Около полудня внезапно произошли мощные подземные толчки. В городе началась паника. Осаждающим же показалось, будто рухнула «вся стена», и они всей массой устремились к городу. Однако стена устояла, и авары откатились, обстреляв ее напоследок из луков. Иоанн, находившийся среди защитников города, провозглашал особую Божью милость к Фессалонике и открыто явленную помощь святого Димитрия. Большинство горожан воодушевилось произошедшим, но другие оставались в отчаянии.[1297]

Осада и приступы, тем не менее, продолжались. Первые неудачи не

https://RodnoVery.ru

остановили кагана. Он понимал, что город не ждет подкреплений и почти истощен. Тем не менее вождь авар не решился после славянской неудачи осаждать Фессалонику и с моря. По морю продолжали подвозить «хлеб и другие различные припасы» на множестве судов, которым благоприятствовали морские ветра. Приплывавшие корабли, оснащенные камнеметами и другими орудиями, тревожили противника с моря. Пытаясь объяснить происходящее своим войскам, уверившимся в полной изоляции Фессалоники, вожди осады распустили слух, будто «жители города посылали корабли ночью, чтобы днем казалось, что они приходят». Солунцы же и сами капитаны кораблей объясняли происходящее Божьим чудом.[1298]

Однако осада тянулась, и постепенно паника из города переходила на стены. Воинов, напряженно ожидающих очередного приступа, поминутно охватывал «невыразимый страх», так что они едва не бросались друг на друга. Отбивать приступы становилось все труднее. Положение спас прибывший в город по морю только что назначенный префект Иллирика Хариан. Ираклий, занятый Персидской войной, не знал об осаде Фессалоники, но, на удачу для горожан, отправил на разоренный Запад нового правителя. Сойдя на берег в городской гавани и оказавшись неожиданно для себя в осаде, энергичный Хариан лично отправился на стены Фессалоники. Под его умелым руководством горожанам вновь удалось отбить несколько приступов, а заодно повредить осадную технику авар. Когда воины под защитой «черепах» подступали к стене, то защитники сдирали их прикрытие заостренными жердями. После этого лишенных защиты «варваров» обстреливали из луков. Самая крупная из подведенных к стенам осадных башен, наконец, сама сломалась при движении и рухнула. Внутри погибли воины. Страх в среде горожан сменился насмешками над противником.[1299]

После этих неудач каган решил снять осаду. Судя по дальнейшему, немалую роль в этом сыграла ненадежность местных славянских вождей. Они уже отказались от мыслей о мести и были готовы поладить с горожанами миром. Каган предложил осажденным откупиться. Но вдохновленные успехами, те отказались. В ответ каган приказал поджечь все храмы и дома вне стен города. Горожанам он заявил, «что не уйдет отсюда, но привлечет — на собственную погибель — множество других народов к союзу». Осада продолжалась на тот момент уже 33 дня. Поняв, что напрасно подвергают себя гневу «варвара», и решив не испытывать судьбу, солунцы постановили принять условия. Получив откуп, каган

https://RodnoVery.ru

утвердил мир города с окрестными славянами и ушел восвояси.[1300]

После нашествия

По окончании осады Фессалоники между соседними славянскими племенами и городом действительно установился мир. Славяне осели «поблизости», но более не нападали. Более того, они выменивали у горожан «недорого» и захваченных ранее пленников, и «различные вещи». У стены открылся небольшой торг. При этом вчерашние противники солунцев признавали, «что город спасен Богом и что во время землетрясения произошло чудо со стенами, и то, что против явления действие их орудия и машины оказались бесполезными и негодными, хотя раньше они были испытаны ими различными способами, казались им полезными и необходимыми, во время же нападения на город оказались негодными и бесполезными, по заступничеству явившихся им святых».[1301] Можно сомневаться, насколько точно автор-христианин передает донесенные до него людьми старшего поколения речи славян-язычников. Но ясно то, что и они приписывали спасение Фессалоники некоему высшему заступничеству.

Вскоре после осады и последовавшей за ней смерти архиепископа Иоанна в городе и окрестностях все же случилось по-настоящему крупное землетрясение. Земля дрожала несколько дней. Никто из горожан не погиб, но часть зданий рухнула, и жители бежали из города, бросив ворота открытыми. Славяне в своих скромных жилищах от бедствия не пострадали. Увидев поднявшуюся над Фессаликой пыль, они взбежали на окрестные холмы. В первый момент показалось, что город разрушен. Тогда славяне, прихватив кирки, отправились разобрать завалы и поискать уцелевшее имущество. Ничего дурного горожанам они не замышляли — просто сочли их всех погибшими. Приблизившись, однако, и увидев стоящие стены, славяне удалились — тем паче что на стенах, как им показалось, «видны воины охраны». Когда горожане обнаружили незначительность потерь, славяне присоединились к их празднику и «торжествовали, провозглашая наше спасение», пишет автор «Чудес святого Димитрия».[1302]

Прочный мир, установившийся в Македонии, подвел черту под славянским нашествием. Новорожденное южное славянство вполне удовлетворило — пока — свой земельный голод. Воевать с ромеями

https://RodnoVery.ru

больше было не за что. Напротив, требовалось укреплять мирные, даже добрососедские отношения — там, где это возможно. Здесь интересы славян и даже славянской знати коренным образом разошлись с вожделениями аварского кагана и его окружения. Для кочевых аристократов, загнанных судьбой в центр Европы, война превращалась в неизбежное средство наживы, а само наличие рядом возможных противников — сколько-нибудь сильных оседлых государств — неприемлемой угрозой. И каган, хотя и отступил от Фессалоники, но войну с Империей прекращать не собирался.

Ираклий принимал свои меры. В 619 г. он заключил союз с болгарским ханом Кувратом. Визит Куврата в Константинополь и его крещение там создавали непосредственную угрозу каганату на востоке. Каган сделал ответный ход. Он тогда воевал при поддержке союзных славян во Фракии.[1303] Некоторые ромейские города здесь (например, Истрия в Скифии) продержались даже до этого времени,[1304] и каган разрушал их. Узнав о визите Куврата, аварский вождь запросил у Ираклия мира — чего император, собственно, и ожидал. Но каган планировал иное. Когда Ираклий с щедрыми дарами вышел навстречу врагу для торжественного скрепления договора, то чуть не оказался пленником. Преследуя бежавшего императора, каган опустошил Фракию до Длинных Стен и перешел их. Угроза захвата нависла над самим Константинополем, однако штурмовать столицу Империи каган после неудачи под Фессалоникой не посмел. Разочаровавшись в попытке покончить с Империей и ее главой разом и не желая войны в далеком Поднепровье, он все же согласился заключить настоящий мир. На этот раз, естественно, обошлось без личных свиданий. Послы Ираклия уговорили кагана на формальное «раскаяние» и принятие мирных условий.

Это дало возможность императору, наконец, перебросить войска из Европы на восток. Отправляясь в поход на Кавказ в 622 г., Ираклий даже вручил кагану вместе с огромным откупом еще и опекунство над своим незаконнорожденным сыном. Однако ромеи искали и других, более надежных союзников — причем среди кровных врагов авар. Прибыв на Кавказ, император первым делом отправил посольство ко двору хазарского ябгу-кагана, второго лица в тюркютской иерархии после «малого кагана» западных тюрок. К этому времени тюркюты восстановили свой каганат и уже вновь подчинили хазар, которыми управлял теперь представитель тюркской династии Ашина. Тюркюты с радостью согласились на предложение Ираклия о союзе, сулившее им богатую добычу в Закавказье и

https://RodnoVery.ru

Иране.

Выводом основной массы войск Империи на восток не преминули воспользоваться какие-то славяне, жившие близ македонского или греческого побережья. Вознамерившись повторить успех сородичей 614–615 гг., они атаковали с моря «Крит и другие острова». Во время опустошения Крита, среди прочих подданных Империи, погибло около 20 монахов из сирийского монастыря Кеннешрэ.[1305] Именно тогда славяне впервые вышли в воды Средиземного моря. Тогда же, следует думать, они на западе достигли Сицилии, где небольшая славянская община обосновалась на какое-то время близ Сиракуз.[1306]

Нападение на южные острова — последний всплеск самостоятельной активности славян в пору великого нашествия. Подлинные интересы и масс славян, и славянской знати уже состояли не в завоевании ромейских земель. Завоевание это разрешило свою задачу — обеспечить славян местами для жительства, обогатить их, укрепить положение знати. На юге обеим сторонам теперь требовался мир. Иное дело — отношения с аварами. Интересы авар и их славянских «подданных» окончательно и бесповоротно шли врозь. Каганат, принуждавший славян к продолжению войн с ромеями, ограничивавший их свободу, а кое-где прямо выступавший врагом и угнетателем, превращался в главного противника. И недаром, весьма символично, последняя крупная акция славян на южных морях совпала по времени с развернувшимися в Поморавье событиями. С грозными для авар событиями, которые в итоге покончили с их игом над славянскими племенами.

Восстание Само

К началу 620-х гг. недовольство аварским гнетом в славянских землях по Среднему Дунаю достигло предела. Авары притесняли простых славян и в мирное время, и в своих захватнических войнах. Уцелевшую часть славянскую знати — родовых старшин и жупанов — они лишили прежних привилегий и так же втягивали в свои военные предприятия. Чем дальше, тем меньше были в этих войнах заинтересованы сами славяне. В новых землях мораване, расселенные в Чехии дулебы и лучане перестали нуждаться гораздо раньше, чем южные сородичи.

Старую славянскую знать авары предполагали заменить новой, произведенной на свет от насильно взятых во время зимовок славянских

https://RodnoVery.ru

женщин. Из этих полукровок аварские отцы выращивали себе наместников. Они унаследовали культуру и быт кочевой знати.[1307] Но при этом их положение в иерархии каганата все равно оставалось униженным по сравнению с полноправными аварами и болгарами. Воспитанные все-таки на родине, в славянской среде, «сыновья гуннов» жили чаяниями материнской родни. Когда первое их поколение возмужало, именно они особенно остро восприняли аварское иго. И, возмущенные «злобой и притеснением», стали предводителями первых восстаний против завоевателей.[1308]

Авары, занятые до 620 г. войной на юге, мало внимания уделили происходящему на северной окраине каганата. Это позволяло недовольству разрастись. Тем не менее первое время речь шла лишь об отдельных очагах сопротивления. Подобные очаги возникали вокруг славянских градов в дулебских, лучанских и мораванских землях.

В 623–624 гг. некто Само, купец из Сансского округа в Северной Галлии, «увлек с собой многих купцов» из Франкского королевства и во главе этого каравана отправился в славянские земли. О прошлом этого человека ничего не известно. Судя по имени, родом он скорее не франк, а кельт — галл или галлоримлянин.[1309] Само, без сомнения, рассчитывал завязать с освобождающимися от власти авар славянами выгодные торговые сношения — повстанцы нуждались во многом из того, что мог привезти им купец. Однако события вовлекли предприимчивого галла в свой водоворот. Вскоре после его прибытия «виниды», среди которых Само поселился, выступили в поход против авар. Само, владевший, разумеется, оружием и сопровождаемый вооруженной охраной, присоединился к ним — то ли всецело по своей свободной воле, то ли выполняя долг гостя.

Сражение с врагом оказалось успешным. «Огромное множество» авар погибло в бою. Само отличился в битве особенно. По словам Фредегара, «столь большая доблесть проявилась в нем против гуннов, что было удивительно». Молва о доблести франкского купца распространилась среди восставших славян. Среди многочисленных жупанов боровшихся с аварами племен, и тем более среди молодых еще полукровок, составлявших боевой костяк восставших, не могло на тот момент отыскаться общепризнанного вождя. Прославившийся герой-чужак пришелся кстати — как подходящий военный вожак и незаинтересованный арбитр, способный объединить разрозненные жупы повстанцев. Пришедший в нужное время и выказавший нежданную от купца доблесть, он мог предстать в глазах славянам посланцем богов. Препятствием к такому признанию могло стать

https://RodnoVery.ru

разве что его христианское исповедание. Однако Само оказался язычником.[1310]

Итак, славяне избрали Само князем («королем») и общим предводителем в войне с аварами. Само оправдывал ожидания, мужественно и умно защищая вверившиеся ему племена.[1311] В племенной союз, объединившийся вокруг фигуры удачливого галла, на первых порах вошли восставшие против авар славяне Среднего Подунавья — мораване, дулебы, зличане и их соседи. На севере королевство Само граничило с сербскими землями,[1312] а значит, включало и лучан с сопредельными им племенами. Что касается земель к востоку от Моравы, Словакии, то здесь аварское господство поколебать не удалось.[1313]

Само являлся для своих славян верховным военачальником и судьей, ведал общими для всех внешними делами.[1314] На первых порах, когда Само сплотил лишенные собственных князей племена Среднего Подунавья, он являлся единственным князем всего небольшого еще союза. Но в «подвластных» ему землях сохранилось аварское территориальное деление на жупы. А следовательно — и власть жупанов, которые теперь окончательно превратились в выборных вождей малых племен. Связь Само с этими племенами осуществлялась посредством княжеских браков. Такие браки, заключавшиеся у славян в период гощения, символизировали священную власть князя над отдельными «родами», связь его с населяемой ими землей. Стоит обратить внимание на «священное» число жен Само. У короля к концу его долгого правления насчитывалось «12 жен из рода славян».[1315] Он первый известный нам славянский князь-многоженец. До того времени, скорее всего, князья были скромнее — как скромнее были по размерам и владения большинства из них. Впрочем, нам ничего неизвестно о количестве жен, например, бужанского «Маджака». Само же подражал в величии, влиянии — и в повадках — побежденному им кочевническому кагану. Любопытно, что около того же времени в славянских языках появляется слово «наложница».[1316]

Опорой власти Само являлись воины-всадники полуаварского происхождения, ранее главные зачинщики восстания. Теперь эти люди переняли многие черты быта своих изгнанных аварских отцов — в том числе ритуал погребения с конем или с конской сбруей. При Само они составляли дружину — но, конечно, пользовались влиянием в родных местах и посредничали между князем и своими материнскими родами.

Само — первый вождь славян, о котором у нас есть более или менее подробные сведения. Со страниц пусть единственного, но довольно броско

https://RodnoVery.ru

рисующего его источника — хроники Фредегара — перед нами предстает образ яркий и неоднозначный, достоверный для той мятущейся эпохи. Само являлся авантюристом, притом храбрым — более храбрым, как ясно дает понять Фредегар, чем положено при его роде деятельности. К этому добавлялись природный ум и известная образованность. При всем том он на родине или вовсе не принял побеждающего христианства, или принял его лишь внешне.

В ту смутную пору всякий купец был отчасти воином, отчасти даже разбойником. Но Само родился определенно для большего. Прибытие к славянам дало ему реализоваться так, как он того действительно заслуживал. И Само служил своему новому роду со всей искренностью, свято блюдя его интересы даже против своих вчерашних соотечественников. Жизнь и деятельность Само станут лучше понятны, если мы признаем его галлоримлянином. В условиях, когда «варвары»-франки завладели его родиной и стали над ней королями, предприимчивый Само счел себя вправе создать на удачу свое королевство среди других «варваров». И управлять им на совесть, оберегая его независимость и свою власть.

Имеет смысл повторить: Само — первый вождь славян, о котором у нас есть сколько-нибудь подробная информация. И это наложило отпечаток на восприятие его личности и королевства в науке. Королевство Само нередко оценивается как «государство».[1317] Однако по сути оно не обладало еще ни единым признаком государственности. Да, «держава» Само охватывала обширные пространства. Как и дулебский племенной союз VI столетия. В этом смысле Само мало чем отличался от неизвестных нам по личным именам дулебских «Маджаков». Просуществовало, заметим, созданное Само образование меньшее время, чем их великое княжение. У Само, конечно, имелась дружина — как у любого славянского князя. Но о каких-либо признаках государственного аппарата неизвестно ровным счетом ничего. Местное управление, унаследованное от авар, быстро вернулось на привычные круги племенного устройства. Жупаны у славян VII–IX вв. отнюдь не являлись княжескими чиновниками — скорее сами полунезависимыми (а то и независимыми) князьками. В таких условиях ни о каких устоявшихся границах «страны» не было и речи. Само разве что принимал присягу от тех племенных князей, кто хотел перейти в его подданство. О каких-либо правовых мерах Само тоже ничего неизвестно. Ему вполне хватало традиционного для славян суда по обычаю. В писаном законе славяне еще не нуждались — как обходились и без письменности. Итак, по всем признакам «держава» Само оставалась

https://RodnoVery.ru

союзом племен.

Правда, это все-таки довольно большой союз племен, позднее включивший в свой состав и другие, меньшие союзы. В этом, более сложном, устройстве — отличие от старых дулебов, но и залог грядущего распада. Само являлся выходцем из Франкского государства и представлял себе систему управления им. Став вождем славян, он хотел видеть себя королем (rex), а свое «владение» — королевством. Так что королевством, по самоопределению, и следует называть это предгосударственное образование. Но при этом надо помнить, что на практике Само королевства вроде Франкского так и не создал. Для этого недостаточно было сил сколь угодно одаренного одиночки. Даже если ему бы пришло в голову не просто наслаждаться полученной властью и оберегать ее, а заниматься всерьез «государственным строительством». «Строительство» и правда шло — но шло снизу, из славянских племенных градов, в которых сидели зависимые от Само жупаны. И строительство это только спустя два века приведет к появлению подлинного государства, Великой Моравии. У самих франков и покоренных ими галлов, к слову, оно протекало бы не быстрее — не будь римского наследия. Королевство же Само так и останется кратким, пусть и заметным, эпизодом в ранней истории западных славян.

Заслуги Само перед славянством не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Не Само поднял восстание против авар, не он был его причиной и главным движителем. Но он оказался в нужное время в нужном месте — и сумел организовать славянские племена на общее сопротивление врагу. Идея избрания Само общим вождем принадлежала не ему — но с возложенной миссией такого вождя справлялся он сам, и весьма успешно. Тем самым он содействовал освобождению не только избравших его славян. Возникновение независимого славянского королевства на среднем Дунае нанесло мощный удар Аварскому каганату и возбудило к движению против него другие племена. Под знаком существования «державы» прошло несколько десятилетий славянской истории — так что вполне правомерно говорить даже об «эпохе Само». И все же — его королевство, сыграв свою роль, быстро сойдет с исторической сцены. Сделав все необходимое для славянской истории, Само исчезнет не только с ее страниц, но и из самой памяти большинства славянских народов. Падение аварского ига было предопределено. Ускорить же ход истории Само не мог, да и не пытался. Здание славянской государственности и славянской цивилизации продолжало поступательно возводиться руками самих славян.

https://RodnoVery.ru

Битва за Константинополь

Между тем на востоке Империи бушевала Персидская война. Византийская армия успешно действовала против персов на Кавказе. В то же время персидские войска совершали глубокие рейды в глубь имперских земель и хозяйничали в немалой части Малой Азии. Осенью 625 г. император Ираклий вместе с союзными тюркютами вторгся в персидские владения в Закавказье. Одновременно персидский шах Хосров, решив нанести врагу смертельный удар, послал войско под командованием одного из лучших своих полководцев Шахрвараза прямиком к Халкидону — с приказом, по возможности, попытаться захватить саму столицу Империи. Ираклий, связанный кавказским театром военных действий, не мог сам оказать помощь Константинополю, а посланные им вспомогательные отряды отстали от быстро передвигавшейся армии Шахрвараза.

Хосров понимал, что в одиночку воплотить дерзкий план Шахрваразу не удастся — хотя бы потому, что персы действовали с азиатского берега Босфора. Потому Хосров приказал своему полководцу привлечь к участию в осаде авар.[1318] Персидский шах не верил в искренность дружественных отношений между аварским каганом и Ираклием — и был, конечно, прав.

Приблизившись к Халкидону, Шахрвараз застал на противолежащем материке ситуацию для себя весьма сложную. Между предполагаемыми союзниками по войне с Империей властвовало несогласие. Славяне повсеместно восставали против Аварского каганата. На среднем Дунае уже возникло самостоятельное славянское королевство. Восстания славян вызвали брожение или даже отпадение от каганата в среде населявших Потисье вместе с ними гепидов.[1319]

Персидский военачальник проявил себя недюжинным дипломатом. В течение нескольких месяцев он совершил, казалось, невозможное — приостановил развал Аварской державы. Шахрваразу удалось убедить славянских вождей (по крайней мере, часть из них) и гепидов выступить под предводительством кагана в новой войне. Только невероятная смелость персидского замысла и фантастические перспективы в случае победы могли вдохновить придунайские племена оставить борьбу с аварским игом. Взятие Константинополя — несбыточная мечта только самых дерзких степных завоевателей — обретала благодаря появлению мощного персидского войска у Халкидона реальность. Каган недолго думал, прежде чем нарушить мир с Византией и презреть все щедроты Ираклия. Столь же

https://RodnoVery.ru

недолго думали и возмутившиеся было против него подвластные славяне и германцы, прежде чем примкнуть к нему вновь.

В войске кагана, конечно, имелись прямо ему подвластные паннонские, все еще признававшие его власть альпийские и потисские славяне. Но поддержали его и племена вниз по Дунаю[1320] и во Фракии, через которую лежал его путь. В конечном счете в воинство кагана вступили представители почти всех балканских славянских племен. На это указывают и огромная численность нападавших, и очевидная для всех южных славян выгода от окончательного сокрушения Империи. С другой стороны, каган едва ли выступил бы в далекий южный поход, оставив северные границы открытыми для нападений и восстаний, организуемых Само. Приходится заподозрить, что и с Само (а может, в первую очередь, с Само, как с новоявленным вдохновителем славянского движения) «привели авар в согласие» персидские послы. Если объединенные Само славяне и не поддержали прямо новое нашествие на Империю, то не мешали ему. Доля в ожидавшейся громадной добыче служила веским аргументом для самых лютых противников авар. Доказал это и заключенный при посредничестве Шахрвараза союз с болгарами.

Сближение Ираклия с тюркютами не могло не беспокоить и не сердить болгарского хана Куврата. Тюркский каганат был для приазовских болгар таким же давним, угрожающим врагом, как и Аварский. Если не больше — тюркютам все-таки удалось некогда подчинить оногуров, родное племя Куврата, и отстранить от власти его род Дуло. То же обстоятельство, что Ираклий обратился к ябгу, а не к Куврату, в Персидской войне, лишало болгар всяких выгод от союза с Византией. Об искренности и глубине христианского обращения Куврата и окрещенной вместе с ним знати говорить не приходится. Так что по наущению Шахрвараза он согласился на союз с персами и аварами, суливший несомненную выгоду в случае захвата Константинополя. У себя в Великой Болгарии Куврат принял представителей кагана с аварским вооруженным отрядом, формально признавая старшинство авар. На Балканы же в помощь аварам он отправил своего сына Альцека, который стал предводителем всех болгар на аварской службе и фактически вторым лицом в Аварском каганате.[1321] Присоединение, пусть на словах, ханства Куврата вознесло каганат на вершину могущества — на миг, перед грядущей катастрофой.

Поход на Константинополь, кульминация Аварских войн, замышлялся под стать поставленной цели. Огромное войско кагана двинулось в начале лета 626 г. к столице Империи через Фракию, не встречая нигде

https://RodnoVery.ru

существенного сопротивления. От низовий Дуная по Черному морю шел к столице Империи большой флот из славянских ладей-однодеревок с «бесчисленными и превышающими счет» полчищами в них.[1322] Это были главные силы славян, посланные своими племенами в помощь кагану. Он, как общий воевода, вновь принял верховное предводительство над всеми союзными полками. На азиатском берегу Босфора, у Хрисополя, дожидалась подхода союзников персидская армия Шахрвараза.

29 июня 626 г. авары приблизились к Длинным стенам. Их попытались остановить на подступах, но безуспешно. 31 июня произошли первые столкновения ромейских отрядов с аварским авангардом. Наконец, 8 июля авары приблизились к городу. Сам каган пока только двигался к нему. Передовые отряды расчищали путь, а он тем временем соединился с подошедшим к Босфору славянским флотом. Ладьи вытащили на берег и дальше везли посуху, а славянские «полчища» пополнили войско авар. По пути каган жег пригороды вражеской столицы. С помощью сигнальных огней он наладил связь с Шахрваразом.[1323]

29 июля основные силы авар подступили к стенам Константинополя. Больше суток ушло на устройство осадного лагеря. 31 июля 80-тысячное разноплеменное войско двинулось на первый приступ. На двухкилометровом участке Феодосиевых стен Константинополя сосредоточились главные пешие силы осаждающих. Первый ряд составляли легковооруженные славяне, а за ними, под их прикрытием, к стенам шли воины в тяжелом вооружении — авары, болгары и гепиды. Таким образом, каган применял многократно опробованную уже тактику «бифулька». Славяне также располагались, устрашая осажденных, но не идя на приступ, вдоль всей остальной стены города, от моря до моря. Штурм стен продолжался до пяти часов пополудни. Однако это была лишь подготовка, призванная измотать осажденных. Вечером каган вывез к Феодосиевой стене по всей ее протяженности осадные машины и приготовил для нового приступа укрытия-черепахи. Однако горожане все же отбили врага. Несколько орудий кагана сгорело, еще некоторые сломались сами. Попытка же спустить на воду славянские ладьи не удалась из-за бдительности прикрывавшего город флота. После этих неудач управлявший столицей в отсутствие императора магистр Бонос предложил кагану, как обычно, взять откуп и удалиться. Но на этот раз авары пришли не ради этого. Каган прямо потребовал сдать ему Константинополь.[1324]

1 августа в устье впадающей в залив Золотой Рог реки Варбис, у перекинутого через нее моста Святого Каллиника, кагану удалось

https://RodnoVery.ru

подготовить к спуску ладьи. На тамошнем мелководье ладьи свободно перемещались, тогда как военные корабли ромеев пройти не могли. Но ромейский флот выстроился в Золотом Роге, перегородив ладьям выход в море. За невозможностью прорваться славяне и не рискнули.[1325]

В субботу, 2 августа в лагерь кагана вновь прибыли послы от Боноса. В посольство входил и пресвитер храма Святой Софии Феодор Синкелл, один из главных источников наших сведений об осаде. Одновременно к вождю авар прибыли с того берега и посланцы от Шахрвараза с щедрыми дарами. Каган, вдохновленный этим, вновь потребовал от ромеев капитулировать. Указывая на персидских послов, он заявил, что те пришлют ему подкрепление в три тысячи воинов, что «они заключили соглашение о том, чтобы были посланы славянские моноксилы и в них персидское войско из Халкидона пересекло море». Каган нисколько не заботился о тайне и безопасности предприятия — как и о самом персидском подкреплении, в коем мало нуждался. Ему важно было лишь устрашить ромеев, и этого он вполне достиг.[1326]

Впрочем, к переправе он готовился всерьез. В ночь со 2 на 3 августа славянские ладьи перевезли с Варбиса в Халы, на самом берегу Босфора. Там их спустили на воду. Поутру туда прибыл сам каган, рассчитывая встретить персидское пополнение. Ромеи, однако, действительно напуганные такой перспективой, спешно приняли свои меры. Персидских послов удалось при возвращении из каганской ставки перехватить и убить. Вечером 3 августа, когда каган как раз закончил приготовления в Халах и место переправы стало известно в Константинополе, наперерез однодеревкам вышло около 70 ромейских кораблей. Вопреки встречному ветру, они достигли цели. Все умение славянских мореходов оказалось тщетным. В тот день переправа так и не состоялась.[1327]

С рассветом 4 августа славяне попытались, наконец, вырваться в открытое море. Однако дозорные корабли оказались бдительны. Ромеи атаковали хрупкие славянские челны. Многие славяне потонули или были убиты ромейскими моряками. Каган вынужден был отказаться от идеи перевозки персов.[1328]

Теперь, полагаясь лишь на собственные силы, он готовился к решающему штурму. Вновь строились и ремонтировались осадные машины. Ладьи опять расположили на Варбисе. Каган задумал прикрыть приступ с суши морским сражением. По его замыслу, когда авары взойдут на стены, то на укреплении Птерон, прикрывавшем северо-западный район столицы, Влахерны со знаменитым храмом Богородицы, разожгут

https://RodnoVery.ru

сигнальный огонь. Увидев его, славяне всей массой, с громким боевым кличем, должны двинуться на свет сигнала к городу. Появление огромной флотилии, по мысли авар, должно довершить панику горожан и позволить штурмующим ворваться со стен в город. Понесших потери славян на челнах каган укрепил «другими свирепыми племенами», «разноплеменными народами» — в первую очередь, «огромным множеством» тяжеловооруженных болгар.[1329]

Утром 7 августа, с громогласных боевых кличей, начался штурм. Однако с самого начала планы кагана пошли прахом. Многие из подготовленных осадных машин сломались или были сожжены на самых подступах к стене. Воины кагана гибли и в них, и на самих стенах. У их подножий к концу боя лежали груды трупов. «Столько повсюду погибло неприятелей, — говорит о сражении на суше Феодор Синкелл, — что варвары не смогли даже собрать и предать огню павших».[1330]

Бонос прознал через предателей или лазутчиков обо всем плане кагана устрашить осажденных нападением с моря. Чтобы покончить с этой угрозой, он задумал предупредить врага. По приказу магистра большие боевые суда — диеры (с двумя рядами весел) и триеры (с тремя) скрытно подошли к Птерону. Другая группа диер встала на северном берегу Золотого Рога, чтобы ударить по славянам с тыла. Затем, когда стало ясно, что аварская атака с суши захлебывается, Бонос приказал отряду армян, защищавшему Птерон, зажечь сигнальный огонь вне стен, на портике храма Св. Николая. Там они должны были остаться на случай высадки неприятеля.[1331]

Увидев сигнал, славяне немедленно вышли в залив и устремились к Влахернам. Готовясь к нападению, «варвары» связали по нескольку челнов между собой, что добавило им устойчивости. Использовали они и плоты. Слаженный выход славянского флота в Золотой Рог в первый момент действительно потряс ромеев, хоть те и были к нему готовы. Теперь в бой шли действительно все пришедшие с Дуная ладьи. Боевой клич славян глушил корабельщиков. Казалось, что заполненный связанными ладьями и плотами, битком набитый людской массой залив стал сушей. Расчеты Боноса едва не провалились. «Первый же натиск» славян заставил строй ромейских кораблей дрогнуть. Моряки готовы были «поворотить корму и открыть врагам легкий доступ». Славянские ладьи прорвались к берегу против храма Богородицы, тогда не прикрытого стеной.

В этот момент море внезапно взволновалось — не во вред тяжелым ромейским судам, но достаточно для не слишком прочных славянских

https://RodnoVery.ru

конструкций. Ладьи стали переворачиваться, воины в них — тонуть. Увидев это, ромеи собрались с духом, окружили врага и атаковали. «Думаю, что одна лишь Родившая без зачатия,// — повествует Георгий Писида, — натягивала луки и ударяла в щиты// и, незримо вступив в бой,// стреляла, ранила, раздавала ответные удары мечом,// опрокидывала и топила челны,// делая прибежищем для всех морскую пучину». Славян и их союзников охватила паника. Многие бросались в воду в надежде спастись вплавь. Были такие, что пытались в воде притвориться умершими, но захлебывались и тонули. Иные прятались от ромейских мечей и стрел за килями как будто пустых ладей — и шли на дно или разбивались вместе с ними. Среди погибших ромеи позднее обнаружили и тела славянских женщин-воительниц.

Кое-кому из славян удалось достичь берега у храма Святого Николая. Они все еще не могли понять замысла Боноса и надеялись, что сигнальный огонь зажгли побеждающие авары. Однако встретили они не союзников, а врагов — заготовленный Боносом как раз на этот случай отряд армян. Всех выбравшихся в этом месте перебили. Другим — пока — повезло больше. Они добрались до северного берега Золотого Рога и, никем не преследуемые, бежали в горы. Некоторые из спасавшихся вплавь обессилели и попали в плен. Так закончилось морское сражение в Золотом Роге под стенами Константинополя. По словам Феодора Синкелла, «весь этот залив заполнился мертвыми телами и пустыми моноксилами, которые носились по воле волн, плавали бесцельно, если не сказать бессмысленно… весь залив сделался сушей от мертвых тел и пустых моноксил, и по нему текла кровь».[1332]

Победив, ромеи начали извлекать из вод залива тела убитых и вражеские ладьи, чтобы сжечь их. Всего на эту работу ушло несколько дней. Но уже первым извлеченным врагам отрубили головы и насадили их на колья — ради воодушевления все еще сражавшихся на стенах воинов и устрашения противника. В битве на суше ромеи уже одолевали. Узнав же о победе на море, защитники пошли на вылазку — и заставили кагана отвести войска от стен. Каган тоже получил известие о гибели славянского флота. Поняв, что замысел захвата ромейской столицы проваливается, он вернулся в лагерь и велел увезти от стен уцелевшие машины. Его воины принялись разбирать осадные башни и заграждения.

За этим делом аварского вождя застали «немногие» спасшиеся от гибели на море славяне. Ярость кагана немедленно нашла выход. Он приказал своим воинам перебить потерпевших поражение моряков, не задумываясь о последствиях. Это сразу вызвало возмущение среди славян,

https://RodnoVery.ru

сражавшихся на суше и остававшихся в лагере. Сил для битвы с каганом на месте у них уже не осталось, да она и неразумна бы была в виду вражеских стен. Но «сняться и уйти», бросив вероломных союзников, — это они могли. Это и сделали. Уход славян окончательно подкосил силы кагана. В ночь на 8 августа он поджег свой лагерь и не до конца разобранные осадные башни, «содрал шкуры с “черепах” и ушел». На следующий день авары, выжегши столичные предместья, удалились за Длинные стены. «С великим стыдом», — отмечается в «Хронографии» Феофана. Продолжавшаяся десять дней осада Константинополя закончилась для кагана ничем. Еще оставался на азиатском берегу Босфора Шахрвараз — но с мечтой о погибельном ударе по Византии ему пришлось распрощаться. [1333]

Возвращавшихся из-под Константинополя славян все еще преследовали несчастья. На беду себе, жители Подунавья решили возвращаться так же, как пришли — по морю. Благо, у них еще осталось какое-то количество переживших морское сражение челнов. Однако в Черном море на славянские суда обрушилась буря. Остатки флотилии погибли. Лишь немногие спаслись и вернулись в родные места.[1334]

Битва за столицу Империи завершилась. Яркий символизм этого события вполне соответствует его подлинному значению. Византия выстояла у самых стен Второго Рима. Отступление ромеев еще не вполне завершилось — из аравийских пустынь поднималась новая угроза. Но под валом Великого Переселения народов Восточная Империя не сгинула. Кончились многолетние Аварские войны, кончилось и лишившее Империю на время Балканского полуострова славянское нашествие. Последняя волна разбилась о стены города святого Константина. Битва в то же время надорвала силы всех причастных к ней врагов Византии — будь то авары, персы или славяне. Державе Сасанидов вскоре придет конец. Первый Аварский каганат тоже отсчитывал последние десятилетия своей истории. Бросок к столице Империи стал для обеих враждебных ей держав последним значимым историческим действием. Славяне же, изнуренные десятилетиями непрерывных завоевательных войн, решительно обратились к обустройству и защите приобретенного. Здесь ослабленная Империя могла скорее оказаться союзником, а порабощавший славян каганат становился очевидным и бесспорным врагом. На смену минувшему веку нашествий на юг шла иная эпоха.

Глава вторая. Эпоха Само

https://RodnoVery.ru

Крах аварского владычества

После осады Константинополя о союзе славян с аварами и тем более о покорности завоевателям не шло уже и речи. Повсеместно вспыхивали восстания против власти кагана. Главные события развернулись на севере, где войну возобновило королевство Само. У славян под его предводительством произошли «многие битвы» с кочевниками. «Совет и доблесть» талантливого вождя неизменно приносили его подданным победу.[1335]

В результате этих побед и новых славянских восстаний границы королевства Само уже к началу 630-х гг. далеко раздвинулись на юг. Само подчинились славяне Норика, в том числе обитатели будущей Нижней Австрии на Дунае. В Восточных Альпах, на землях нынешних Словении и Каринтии, возникла подчиненная Само «марка» — особый племенной союз во главе с собственным вождем, носившим титул «владыка». Это полунезависимое владение, возникшее в борьбе с аварами, стало прямым предшественником будущего Хорутанского княжества.[1336] Освобождение славян Норика от аварского владычества ускорилось вторжением с севера хорватов. Они оставили здесь след в местных названиях.[1337] Хорваты, используя восстание Само, стремились и найти новые места для поселения (в первую очередь), и нанести удар своим главным врагам.

Истощенный войной с Византией каганат не имел сил для действенного сопротивления. Повсюду под ногами авар горела земля. Тем более рушилось аварское господство в отдаленных северных и восточных областях, где авар было меньше, а самостоятельность славян — больше. Из бужанских земель авары просто бежали — или постепенно вымерли во враждебном окружении, без связи с разваливающимся каганатом и без всяких подкреплений. По крайней мере, позднейшее волынское предание всецело приписывало их гибель вышнему суду: «Бог истребил их, и не осталось ни одного обрина». На Руси до XII в. дожила поговорка: «Погибли, как обры», то есть без потомства.[1338]

У северных ляшских племен между Вислой и Одером не было особых причин выступать против каганата. Но слабый союзник — союзник бесполезный. К тому же общение с каганатом вполне могло теперь навлечь на ляхов месть со стороны его усилившихся врагов — велетов, хорватов, сербов или самого Само. Лендзянские племена также отложились от каганата в конце 620-х — 630-х гг., не без внутренних несогласий. Около

https://RodnoVery.ru

этого времени или немногим позже погиб центр аварского присутствия в ляшских землях — просуществовавший лишь несколько десятилетий град Шелиги.[1339] Созданный под патронатом авар вокруг него племенной союз распался. Аварские выселки в Мазурах оказались в изоляции и потеряли связь с каганатом.

Распад «ляшского» племенного объединения вызвал межплеменные войны. Вместо погибших Шелиг строятся десятки местных племенных градков. Такие небольшие укрепления — резиденции племенных князьков и убежища для народа — возникают во всех областях Польши. В полянской Великой Польше это были Грондзке, Глисно, Смольно, Уйсьне, а также заново укрепленный Бискупин. Преимущественно они сосредоточены в западных, примыкающих к Силезии областях южной Любутчины. Возникли в это же время и будущие великопольские столицы — Гнезно на горе Леха и Крушвица — правда, пока как неукрепленные поселения. На самой границе с Поморьем и малонаселенной Мазовией, у изгиба Вислы на ее Левобережье, строятся Едвабно и Замчыско. Первые грады возникают и в землях вверх по реке вплоть до вислянского юга — Страдув, Ходлики, Щеворыж, Ленчица, Серадзь. В Ленчице, например, существовавшее уже издавна селение обнесли вместо прежнего плетня палисадом. Грады располагались, как правило, у рек и озер, на возвышенных местах.[1340]

За разворачивающимися событиями пристально следили соседи катящейся в пропасть кочевнической державы. Подданные Само, хорваты и сербы в своей борьбе с каганатом опирались на союз с франками.[1341] При дворе короля Дагоберта, правившего владениями франков на северо-востоке, в Австразии, а в 629 г. занявшего престол в Париже, война между аварами и славянами вызывала живой интерес. Герцоги приграничных германских племен рассчитывали, что она позволит им в союзе с франками существенно расширить свои владения на восток, покорить земли «вплоть до Империи».[1342] На тот момент, однако, Дагоберт предпочел воздержаться от открытого вступления в военные действия. С аварами справлялись славяне, а воевать с самими славянами пока не имелось причин.

Зато западное духовенство в лице одного из ярких своих представителей действительно попыталось воспользоваться новой обстановкой для христианского просвещения славян. В 629 г. близкий тогда ко двору Дагоберта и поддерживаемый им в миссионерских трудах безместный епископ Аманд отправился из Фландрии к альпийским славянам. Для проповеди здесь имелась наиболее благодатная почва.

https://RodnoVery.ru

Аманд надеялся либо обратить какую-то часть жителей здешних мест в христианство, либо «достичь пальмы мученичества». Аманда встретили достаточно благожелательно. Он какое-то время безопасно странствовал по освободившимся от авар задунайским землям и «во всеуслышание проповедовал язычникам Евангелие Христово». Христианство теперь не воспринималась местными жителями как религия врага. «Немногие» даже крестились — но Аманд понял, что «плод для него еще совсем не созрел». С тем он возвратился во Фландрию, где его проповедь была гораздо более успешной.[1343]

За разгоравшейся славяно-аварской войной, перекинувшейся после 626 г. на юг от Дуная, наблюдали и в Константинополе, не без откровенного злорадства. Георгий Писида в 629 г. удовлетворенно восклицал: «Парфяне сжигают персов, скиф же// убивает славянина, а тот убивает его.// Они залиты кровью от взаимных убийств,// и их великое возмущение выливается в битву».[1344]

Этот панегирик слагался после возвращения Ираклия с Персидской войны, и приведенный пассаж начинается как раз с упоминания ее исхода. Разбив Хосрова в генеральном сражении, император затем пустил в ход испытанное оружие византийской дипломатии — интриги. Ему удалось настроить против Хосрова его собственных полководцев и придворных. В итоге на шаха поднялся собственный сын. В Персии началась междоусобица, стоившая Хосрову жизни. Последующие распри почти полностью развалили управление некогда могущественной державой. На время император мог быть спокоен за восточные рубежи.

Теперь требовалось по возможности восстановить рубежи западные, и аваро-славянская война открывала здесь широкое поле возможностей. Ираклий решил призвать себе на помощь славян антского происхождения из Центральной Европы — кровных врагов авар и союзников христианского Франкского королевства. Нельзя полностью исключить, что с потомками антов он и сам пытался когда-то наладить связи. Однако хорваты («один из родов») самостоятельно вторглись в Далмацию во время войны с аварами. Так говорит об этом более раннее предание. Вторжение произошло из Норика, где хорваты не смогли найти себе места ввиду плотного славянского заселения. Ираклий лишь воспользовался ситуацией и официально обратился к хорватам за помощью в борьбе против авар, послав новым пришельцам свое «веление». Хорваты обрушились на захвативших Далмацию кочевников. Что касается обитавших в провинции славян лендзянского корня, то они или сразу примкнули к хорватам или, во

https://RodnoVery.ru

всяком случае, не слишком противились их вторжению. «Несколько лет они воевали друг с другом, — согласно хорватскому преданию X в., — и одолели хорваты; одних авар они убили, прочих принудили подчиниться». После победы, «по воле василевса Ираклия» — то есть с его формального согласия, — хорваты осели в Далмации.[1345]

Хорватский «род», переселившийся в Далмацию, со временем разделился на семь «родов», выводивших себя от вождей переселения. По преданию, переселенцев возглавили братья Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и сестры их Туга и Вуга.[1346] Изначальное деление далматинских хорватов и слившихся с ними лендзян на семь родов помнилось до XIII в.[1347] Роды, возводившиеся к сестрам, на деле включали, следует полагать, принятых в хорватский союз лендзян. Восьмым родом числились покорившиеся хорватам и примкнувшие к их племенному союзу остатки авар. Они стремительно славянизировались, [1348] но сохранили самоназвание и историческую память.[1349]

Деление на семь родов, однако, не определяло территориальное устройство возникшего на Балканах хорватского княжества. Хорваты унаследовали от Аварского каганата деление на округа-жупы. Хорватия в X в. подразделялась на 14 жуп во главе с жупанами.[1350] Однако, поскольку деление на жупы не совпадало с родовым, на первых порах единство страны было прочнее, чем, допустим, в королевстве Само. Родовые связи сплетали автономные жупы между собой в единую сложную систему. Некоторую обособленность сохраняли лишь влившиеся в союз авары. Они населяли три отдельных жупы. Над их жупанами стоял общий вождь с древним аварским титулом баян (бан) — второе лицо в Хорватском княжестве после князя.[1351] Общий князь у хорватов имелся изначально — в этом сходятся и более древнее, и более позднее, подчеркивающее наследственную княжескую власть средневековое предание. Власть князя, которому подчинялись бан и жупаны, передавалась по наследству.[1352] С другой стороны, конкретное лицо из числа наследников выбирали князем жупаны.[1353]

Обосновавшись в Далмации, хорваты, разумеется, присвоили ее себе, а не восстановили над ней имперскую власть. Тем не менее они пребывали в союзе с Константинополем, и Ираклий какое-то время мог не беспокоиться о происходящем в этой области. Помимо того, переселившиеся на юг хорваты сохранили союзные связи и со своими северными родичами, а также с франками. Франкам они, как и Ираклию, формально — теперь уже

https://RodnoVery.ru

чисто формально — «подчинялись».[1354]

Разгром авар в Далмации привел к их бегству и из других областей ниже по Дунаю.[1355] Местные славяне — пока не очень многочисленные — освободились от аварского владычества. Ираклий воспользовался обстановкой. Византийский наместник вновь появился на самой границе каганата, в давно разоренном аварами Сингидуне. Местные славяне называли этот город Белградом. Отстроенный, он стал важным центром общения ромеев и славян.[1356] В то же время район Сирмия так и остался — еще на десятилетия — под контролем авар. Здесь они расселили так называемых сирмисиан — пленников, уведенных в первые десятилетия VII в. из ромейских провинций.[1357]

Чтобы прикрыть здешнюю границу должным образом, у Ираклия сил все-таки не хватало. Поэтому он ухватился за возможность использовать сербов, двинувшихся на юг по следам хорватов. Вести о возможности осесть на разоренных Балканах вновь, как и в конце VI в., привлекали северных славян. Вместе с хорватами или сербами пришли на юг, например, и силезские лупоглавы, и какая-то группа лучан.[1358]

Сербское переселенческое предание дошло только в законченно «княжеской» версии, но в двух вариантах. Первый, X в., сообщает Константин. Второй, довольно похожий, передает «Летопись попа Дуклянина». Дуклянин, впрочем, добавляет сюда в качестве персонажа готского короля Тотилу и довольно умело вплетает хорватское сказание о битве при Темплане. Тем самым он сливает предание о приходе сербов с воспоминаниями об аваро-славянском нашествии начала VII в.[1359]

Общий момент обеих версий — исход с севера. После смерти сербского князя (у Дуклянина «король Сенубальд» — Всеволод?) у него осталось двое сыновей.[1360] Они разделили народ поровну. Старший (Брус у Дуклянина) остался править княжеством отца. Младший (у Константина — «архонт Серб», у Дуклянина — Остроил) отправился искать новые земли. Дальше версии расходятся диаметрально. Более поздняя, соединяя разнородные предания, рисует нашествие и войну с ромеями, решившуюся битвой при Темплане. Более ранней следует и более доверять.

Согласно ей, князь переселенцев «попросил убежища у Ираклия». Ираклий сначала пожелал с помощью сербов укрепить оборону Македонии и предоставил им земли в окрестностях Фессалоники. С сербами предание связывало название города Сервии к юго-западу от Фессалоники.[1361] Однако в Македонии сербы не задержались — надо думать, столкнувшись с враждебностью уже расселившихся здесь дреговичей. Отдельные группы

https://RodnoVery.ru

сербов, впрочем, остались, и отсюда (судя по местным названиям) проникали дальше на юг.[1362] Большинство же с разрешения Ираклия отправилось в «свои места». Однако при переправе близ Сингидуна сербов охватило «раскаяние» — явно вызванное нежеланием пробиваться вместе с семьями через занятые еще аварами земли. В пределы Империи они пришли через территорию союзных хорватов. Дальнейшие передвижения происходили при содействии имперских чиновников. Обратный путь Ираклий мог определить с умыслом.

Через наместника Сингидуна сербы вновь обратились к Ираклию с просьбой предоставить другую землю. Ираклий, понимая и неизбежность ввиду своей слабости, и возможные выгоды такого решения, предоставил им разоренные аварами «безлюдные» пространства диоцеза Дакия — от Дуная до самой Адриатики. Эти земли сербы могли спокойно заселять в течение нескольких десятилетий, не вступая в конфликты с Империей. К тому же не были они и столь уж безлюдными. Здесь жили и славяне (как минимум, мораване к востоку от Сингидуна, лендзяне в Далмации к югу от Салоны, какие-то племена в Превалитании), и остатки романцев. Объединение их под своей властью потребовало от сербских князей еще сколько-то времени и сил, не мешая в то же время прикрывать рубежи Империи и сам Сингидун от авар.

Итак, сербы расселились на огромном пространстве от придунайских земель вокруг Сингидуна[1363] до Адриатического побережья бывших провинций Превалитания и Новый Эпир. Устройство сербского племенного союза было более четким, чем у хорватов. Отдельные «роды»-племена образовали собственные жупы во главе с жупанами, подчинявшимися сербскому князю. Тем не менее в этой четкости присутствовал и очевидный залог хрупкости — власть жупанов в пределах жупы не ограничивалась ничем, и автономия жуп оказалась гораздо больше, чем в Хорватии. Особенно это касалось отделенных горами областей Приморья. Там возникли племенные жупы требинцев, конавличей (обе между Котором и Рагузой), захлумов (захумцев, от Рагузы до реки Неретвы), неретвлян (в X в. три жупы между реками Неретвой и Цетиной). Они фактически были самостоятельны, хотя и входили в VII–VIII вв. в сербский племенной союз.[1364]

Особое место среди возникших на побережье Адриатики славянских племенных областей занимала Дукля. Племя дуклян, возглавлявшееся собственным князем, занимало в X в. побережье от Элисса (ныне Лежа), минуя Элкиний (Улцинь) и Бар, до Котора, к юго-западу от требинцев и

https://RodnoVery.ru

конавличей. С северо-востока Дуклю, как и приморские жупы, отделяли от сербского Загорья (Рашки) горные хребты.[1365] На юге соседями дуклян являлись берзичи в долине Дрина и эпирские славяне, населявшие окрестности Диррахия. В пограничной зоне обитали смешанные славяно-иллирийские общины, часть которых признала власть дуклянских князей.

О происхождении дуклян Константин Багрянородный, излагающий славянские предания X в., говорит нечетко. «Порабощенная также аварами, — пишет он об окрестностях Диоклеи, — и эта страна запустела и была вновь заселена при василевсе Ираклии, как и Хорватия, Сербия, страна захлумов, Тервуния и страна Канали».[1366] О сербских корнях дуклян или связи их с «архонтом Сербом» здесь — ни слова.

Племя дуклян возникло в результате смешения продвинувшихся на юг сербов с местными славянами. Любопытно, что в XII в. сербское Приморье, Дуклю и земли на юг до Диррахия именовали еще Червонной Хорватией (в отличие от собственно Хорватии — Белой).[1367] Название «Червонная» может восходить к древнему племени червян — легендарным предкам лендзян. Именно эти славяне ранее овладели Скодрой и Диоклеей и разорили их. Теперь же, после хорватского вторжения, они освободились от аварской зависимости. Под влиянием сербов дукляне заключили пакт с Ираклием, но в сербский племенной союз не вошли. В дальнейшем Дукля, при тесных связях с сербскими племенами, сохраняла полную независимость. В смысле этноса и языка дукляне были — или стали со временем — сербами.[1368] Различия в языке, духовной и материальной культуре незначительны во всем сербохорватском ареале. Правда, о единой средневековой народности на всем этом пространстве говорить до рубежа X/XI вв. трудно.

Диалектная карта сербохорватского языка мало поможет в определении племенных границ. Четыре диалекта — кайкавский во внутренних районах Хорватии, чакавский на ее побережье, штокавский по всем сербским и частично хорватским землям, включая Боснию и Черногорию, торлакский на границе с Македонией — сложились рано. Но нынешнее их распределение связано с историческими событиями уже позднего средневековья.[1369] Можно с достаточной определенностью, во всяком случае, связывать штокавский диалект с древними сербами, а чакавский и кайкавский — с хорватами. Кайкавский и в меньшей степени чакавский диалект до XI в. составляли единство не столько со штокавским, сколько с хорутанским в Словении — т. н. «альпийско-славянская» группа.[1370] Альпийские славяне вплоть до IX в., а отчасти и позднее, оставались

https://RodnoVery.ru

обособленными от других южных славян, в чем-то более относились к западнославянскому миру. Можно угадывать, что кайкавский и хорутанский восходят к межплеменному языку-койне южных рубежей Аварского каганата. Чакавский же (позже основа хорватской глаголической литературы) — к диалекту самих хорватов. Он, конечно, не остался с VII в. чужд воздействия этого койне. Сербы же, поглотившие местные племена, в ту пору не имели существенных диалектных отличий. Их диалект (предок штокавского) распространился по всем сербским землям — и в Рашке, и в Приморье, и в Дукле, и в Боснии.

Слияние сербов с местными славянами, пришедшими через Далмацию и враждебными Византии, нашло отражение в дуклянском предании. Автор «Книги Готской», которая легла в основу «Летописи попа Дуклянина», с легкостью соединил сербское и хорватское предания в своем сказании об Остроиле. В результате нарисовалась картина единого «Королевства славян», будто бы существовавшего с незапамятных времен. Сам Остроил, чья гибель помещается «Летописью» на землях Превалитании — герой дуклянского эпоса. Это легендарный родоначальник местного княжеского рода. Имя князя-устроителя, в связи с отразившимся и у Константина обычаем не произносить имена первопредков, произведено от глагола «устроить». Но будучи местным героем Дукли, Остроил вобрал в себя черты и Константинова «архонта Серба» (зачин рассказа о нем), и завоевывавших Далмацию аваро-славянских вождей (битва при Темплане).

Дукля стала союзником Империи, ромеев-христиан, тогда как Остроил — главная тема сказания о нем — их противник. Но это не должно смущать. Во-первых, преданность и славянских князей, и ромеев такому союзу являлась весьма условной. Во-вторых же, союз с Константинополем в Адриатическом Приморье вовсе не означал союза с местными романцами. Некоторые из них после изгнания авар стали налаживать совместную жизнь со славянами. Но большинство оставалось враждебно, видя в хорватах, сербах и дуклянах таких же врагов, как в аварах и лендзянах. Тем более что авары и лендзяне влились в новые племенные общности. Беженцы из Салоны продолжали свои разорительные набеги на славян с островов, не давая им закрепиться на побережье. Точно так же, конечно, вели себя и в Превалитании беженцы из Диоклеи, обосновавшиеся в Баре. Они вовсе не собирались признавать за дуклянами право на свои земли, на самое свое имя. В эпосе средневековых дуклян эти стычки, естественно, воспевались и преувеличивались, превращаясь в основное содержание древней истории. Ведь и позднее отношения между славянами и далматинцами не раз осложнялись.

https://RodnoVery.ru

Отчасти подобную дуклянам самостоятельность сохраняли вплоть до IX в. и придунайские мораване. Смешение их с сербами, как мы видим на примере с Дуклей, этому не препятствовало. Но мораване жили почти под стенами связанного с сербами Сингидуна и потому все же вошли в сербский племенной союз, — как особое княжение. Вообще же северные земли какое-то время оставались для Сербии периферией. Основной территорией Загорья являлась собственно Рашка — сербский юг, в районе Косова Поля граничивший с берзичами.

Материальная культура славян Адриатики после изгнания авар не претерпела серьезных изменений. Основные археологические памятники хорватов — их могильники, использовавшиеся с первых десятилетий VII в. на протяжении нескольких веков. К концу VII в. в населенных ими областях окончательно утвердился ритуал трупоположения. Вместе с хорватами на одних поселениях жили и пользовались их некрополями и местные далматинцы, и смешавшиеся со славянами авары.[1371]

Характерной чертой культуры сербов явилось распространение т. н. громил — невысоких курганного типа насыпей из земли и камней. В громилах находят кости животных, керамику, реже иные предметы, а иногда, крайне редко, — человеческие останки. [1372] Описание находок говорит скорее не о погребальных памятниках, а о каком-то специфическом ритуале языческих жертвоприношений. Хоронили же сербские племена умерших в VII в. еще не только через трупоположения. Вероятна связь с сербами славянских урновых кремаций Подунавья.[1373] Единая сербская культура только начинала складываться из «мартыновских» и «пражских» элементов, в смешении с местными славянами.

Переселение хорватов и сербов на Балканы имело огромное историческое значение — и на тот момент, и в перспективе. Разгром авар и освобождение от них земель Иллирика нанесли каганату мощный удар, от которого он уже не смог оправиться. Авары навсегда перестали представлять сколько-нибудь серьезную угрозу и для южных славян, и для Византии. На более или менее подвластных им ранее южнославянских землях возникли новые славянские союзы племен. Так появились на политической карте самые первые из будущих славянских государств средневековья — Хорватия и Сербия. Их жизнь на этой территории уже не прерывалась. События VII в. с полным правом могут считаться началом истории сербохорватской государственности. В этом смысле они гораздо значимее, чем кратковременное существование в центре Европы королевства Само. По большому счету возникновение Сербии и Хорватии

https://RodnoVery.ru

явилось главным, наиболее прочным историческим итогом борьбы славян против аварского ига. Наряду, разумеется, с самим крахом Первого Аварского каганата.

Крах этот последовал не в долгом времени. В 631 г. умер аварский каган. Законных и бесспорных наследников он не оставил. Притязания на престол выдвинули некий аварин и болгарин Альцек. Между аварами и болгарами в Паннонии разразилась кровавая междоусобица. В конечном счете после упорной борьбы, в которой участвовало «множество людей» с обеих сторон, аварам удалось все-таки одержать победу и посадить на каганский престол своего претендента. Разгромленный Альцек увел болгар — девять тысяч воинов с женами и детьми — прочь из пределов каганата. [1374] Дальнейший путь привел его в славянские земли, о чем еще пойдет речь.

Весть о гражданской войне в каганате и бегстве оттуда Альцека в свой черед дошла до восточноевропейских степей. Примерно в 634 г. хан Куврат отложился от авар. Союз с каганатом не принес ему никаких ожидаемых выгод. Империя, напротив, продемонстрировала крайнюю живучесть. Тюркский каганат раздирали собственные, роковые усобицы между претендентами на власть. Союз Византии с тюрками и хазарами, неприятный болгарам, распался. Так что возобновлению связей с Константинополем препятствий не было. Пришло время вспомнить и о своем крещении, и о дружбе с Ираклием. Куврат «восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. [Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия». [1375]

Усобица и вызванное ею отпадение Куврата нанесли прежнему могуществу авар последний удар. Ни о каком продолжении завоевательной политики речи идти не могло. Авары еле удержали власть над самой Паннонией. Здесь Первый Аварский каганат существовал еще несколько десятилетий — до обновления в существенно более скромном виде. Влияние в Восточной Европе ушло вместе с болгарами Куврата. Не вызывает сомнений, что зависимые от авар антские племена если не отложились раньше, то теперь последовали за болгарами. Рухнуло владычество авар на Балканах, в Восточных Альпах, Поморавье, в лендзянских и дулебских землях — всего за нескольких лет. Могучая кочевая держава исчезла с политической карты, как и возникла на ней — почти во мгновение ока. Имевшие грандиозные последствия войны с

https://RodnoVery.ru

Империей не оставили каганату сил. Как будто предназначение прежней Аварии состояло в том, чтоб проложить для славян путь на Балканы, навстречу византийскому влиянию, а затем сгинуть.

Впрочем, собственно Авария еще оставалась. Под властью каганов находились Паннония и Потисье, в их руках остались окрестности Сирмия, населенные сирмисианами. На востоке сохранился опорный пункт в дельте Дуная — на так называемом острове Певка. Пока это было так, авары могли держать в напряжении если не Империю или победоносное королевство Само, то отдельные южнославянские племена. Не прекратившиеся, однако, с уходом Альцека межплеменные распри не позволяли аварам играть сколько-нибудь существенную роль хотя бы на местном уровне.

Но победителям рано было успокаиваться. С крушением аварского владычества борьба западных славян за свою независимость не закончилась. На повестку дня вставала новая угроза. Границы Франкского государства, несколько десятилетий раздвигавшиеся на восток, давно уже остановились у двигавшихся навстречу славянских пределов. Пока отношения между врагами авар оставались дружественными. Но после начала гражданской войны в каганате они продержались — самое большее — считанные месяцы. Война между Само и Дагобертом вспыхнула в тот же год.

Война с франками

Западная граница королевства Само начиналась где-то в районе Рудных гор, к северу от Огрже, где встречались земли его северных соседей, белых сербов, и зависимого от франков Тюрингского герцогства. Дальше на юг земли, населенные славянами, охватывали всю долину Огрже и глубоко заходили на верхний Майн. Трудно с уверенностью сказать, подчинялись ли все славяне по Майну Само. Если в его владения действительно входил район Кнетцгау, то его королевство довольно глубоко врезалось между Тюрингией и Алеманией (Швабией). Дальше на юг соседями Само являлись алеманы и бавары. Неясно, проходил ли здесь рубеж по большому Богемскому лесу, как в позднейшие времена Чехии, или западнее. Но в любом случае, здесь граница резко забирала к востоку, обходя Баварию. Между Баварией и аварской Паннонией довольно узкая полоса земли в нынешней Нижней Австрии, по обе стороны Дуная,

https://RodnoVery.ru

связывала северные владения Само с «маркой винидов» в Альпах. Местному владыке подчинялись большинство предков словенцев — кроме обитателей платившей дань фриульским герцогам Зильи. Истрия принадлежала, скорее, хорватам, и на подступах к ней земли Само заканчивались.

Вдоль всей приграничной полосы уже несколько десятков лет шло оживленное общение славян и германцев. В целом оно носило дружественный характер. Народы торговали, смешивались между собой. Случались, однако, и конфликты. В пору аварских нашествий и последовавших славянских восстаний на восточных рубежах германских королевств стало тревожнее. Впрочем, вину славян здесь едва ли можно усмотреть.

С приходом к власти Само проблемы разом не исчезли — хотя в Париже на это надеялись. Само в свое время лично прокладывал торговый путь в глубь земель «винидов». Но и при нем в приграничье на фоне мирной торговли и союзных отношений, тем не менее, периодически возникали какие-то «раздоры». Нередко (если не в большинстве случаев) виноваты бывали франки — и вину эту сознавали.[1376] Едва ли торговля между сторонами всегда велась честно, да и пограничные споры могли случаться, особенно теперь, по достижении славянами независимости.

В 631/2 г. один из конфликтов завершился трагически. Славяне перебили «большое множество» франкских купцов и «разграбили добро». О причинах франкский хронист предпочитает умолчать, но, судя по дальнейшему, погибшие сами были не совсем без греха. Дагоберт отправил к Само послом некоего Сихария, дабы тот потребовал «справедливого возмещения» за жизнь и имущество купцов. Само, однако, отказался принять посла Дагоберта — у него были собственные причины для обид на прежних соотечественников. Сихарий переоделся в славянина и со своими сопровождающими проник-таки пред лицо славянского короля. Здесь он изложил ему требования Дагоберта. Само в ответ предложил «устроить разбирательство, дабы в отношении этих и других раздоров, возникших между сторонами, была осуществлена взаимная справедливость».

Это франкского посла совершенно не устроило. Заметим, что и Фредегар, осуждающий дальнейшее поведение Сихария, приписывает логичное предложение Само «язычеству и гордыне порочных». По мнению хрониста (и франков), Само должен был просто заплатить то, чего от него требовали. Разозленный же Сихарий просто вышел из себя и обрушился на Само с упреками. В довершение «неразумный посол» стал грозить и утверждать, что «Само и народ его королевства должны-де служить

https://RodnoVery.ru

Дагоберту». Фредегар особо подчеркивает, что ничего такого Сихарию «не было поручено говорить». Но, несомненно, подобные речи не раз звучали и при австразийском, и затем при парижском дворе франкского короля.

Само, встретив вслед за неуемной навязчивостью еще и откровенную наглость, начал закипать. С отчетливой угрозой, но внешне более чем учтиво, он произнес: «И земля, которой мы владеем, Дагобертова, и сами мы его, — если только он решит сохранять с нами дружбу». Но забывшийся Сихарий не унялся. «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами», — заявил он. Само решил закончить разговор. «Если вы Богу рабы, а мы Богу псы, — изрек славянский король, — то, пока вы беспрестанно действуете против Него, позволено нам терзать вас укусами». С этими словами он велел выставить франка вон.[1377]

По большому счету Сихарий легко отделался. Славяне соблюли право послов и обычай гостеприимства, невзирая на запредельную дерзость и самоволие посланца франков. Тем не менее этой милости разгневанный придворный не оценил. Дагоберту он передал весь разговор, рисуя, разумеется, поведение Само в черном цвете. Впрочем, Дагоберт был солидарен со своим посланцем в главном — Само должен был попросту возместить «ущерб», а не рассуждать по этому поводу. Равноправным «другом» франкский король славянского видеть не желал.

Дагоберт повел себя, даже по оценке франкского хрониста, «надменно», — без дальнейших разбирательств постановил начать войну. Франкский король не рассчитывал в собственном смысле слова захватить славянские земли. Его поход преследовал цели чисто разбойничьи — взыскать «ущерб», разграбив пределы королевства Само, и нанести тому максимальный урон.[1378]

Вторжение предприняли с трех сторон. Главные силы по приказу Дагоберта составили его австразийцы. Они двигались по Майну и Огрже. По центру, дулебским краям в районе Богемского леса, удар наносили швабы во главе с герцогом Алемании Хродобертом. Наконец, с юга, из Фриуля в Норик, при франкской поддержке и за франкские деньги вторглись лангобарды. Одновременное и по сути внезапное нападение франков и их союзников застало Само врасплох. Он не мог организовать должное сопротивление сразу на всем огромном открывшемся фронте. Лангобардам и алеманам на своих участках удалось одержать победы над славянами, «и большое количество пленных из страны славян увели с собой алеманы и лангобарды».[1379]

https://RodnoVery.ru

На пути главного, австразийского войска, встала славянская крепость Угоштьград (по-германски Вогастисбурк). Ее довольно трудно отождествить с конкретным пунктом из известных ныне — но все указывает на долину Огрже или верховья Майна, где несколько подобных названий известны.[1380] Град не являлся «столицей» Само — но резиденцией одного из подвластных ему лучанских жупанов, по имени коего (Угост) и был назван. Не исключено, что здесь находился центр земли лучан. Защищал преграждавшую франкам путь крепость «многочисленный отряд стойких винидов».

С налета град захватить не удалось. Австразийцы окружили его и попытались взять приступом. Бои продолжались три дня. Славяне сражались храбро и стойко. Австразийцы же, раздраженные поведением своего короля после переезда в Париж, участвовать в его завоевательной войне не слишком хотели. В итоге боевой дух славян взял верх над многочисленным франкским войском. Когда «многие» франки погибли, их соратники бросились в бегство, прочь от неприступного града. Славянам они оставили «все палатки и вещи, какие имели». Поход, успешный для союзников Дагоберта, для него самого кончился грандиозным провалом. [1381]

Подданные Само защитили свои главные земли. Однако одной победы мало — и Само это понимал, особенно с учетом поражений на юге. Потому он не стал прекращать борьбу, а перешел в наступление. По всему пограничью теперь заполыхала война. Причем франки оказались в положении обороняющихся. Теперь-то они сполна познали цену посольского «неразумия» и королевской «надменности». Славянские отряды совершали набеги на все пограничные области, опустошая их. Особенно страдала от этих набегов зависимая от франков Тюрингия.

Агрессия Дагоберта против славян Само встревожила другие, доселе союзные франкам славянские племена. Победа же лучан и последующие набеги воинов Само на франкские земли вселяли уверенность, что за «королем винидов» сила. Князь белых сербов Дерван уже вскоре после начала войны разорвал союз с Дагобертом и «предался со своими людьми королевству Само». В итоге владения Само сильно расширились к северу, охватив междуречье Лабы и Заале. Опасность же для Тюрингии, вся восточная граница которой превратилась теперь в край войны, резко возросла.[1382]

Сумел Само укрепить и только что пострадавшие южные рубежи своей державы — правда, с помощью не зависевших от него обстоятельств.

https://RodnoVery.ru

Уже говорилось о том, что в год начала войны в Аварском каганате разразилась междоусобица. Болгарский хан Альцек, потерпевший поражение в борьбе за каганский титул, увел с собой вниз по Дунаю 9000 болгарских воинов с семьями.

Сначала Альцек попросил приюта у Дагоберта, видя в нем врага авар. Дагоберт расселил болгар на зиму в зависимой от себя Баварии. Однако он не доверял кочевникам. К тому же на восточной границе бушевала новая война, теперь уже со славянами. Ссориться с новоявленным каганом, сколь бы тот ни был ослаблен, Дагоберт не собирался. Потому «по совету франков» король приказал баварам коварно истребить болгар. Бавары, отягощенные постоем кочевников, с готовностью повиновались. Разведенные по домам болгары были в одну ночь перебиты хозяевами. От резни спасся лишь сам Альцек с семью сотнями воинов. Вместе с уцелевшими женщинами и детьми они бежали из пределов Баварии к врагам Дагоберта — славянам. Только что претерпевший от лангобардского вторжения владыка (Walluc у Фредегара) альпийской «марки винидов» охотно принял беглецов. Альцек, исполненный справедливой ненависти к франкам, оказался для него надежным и полезным союзником. «Много лет» он со своими воинами провел среди здешних славян, поддерживая их. [1383]

В 632/3 г. славяне «войском» обрушились на пределы Тюрингии. Находившийся в Австразии Дагоберт, получив эти вести в здешней столице Меце, спешно собрал свою рать и двинулся к границе. Ненадежное австразийское войско Дагоберт укрепил отрядом знатных воинов из Нейстрии (западной части королевства) и Бургундии. На переправе у Майнца короля, однако, остановило посольство саксов, плативших тогда франкам дань. Саксы предложили Дагоберту в обмен на освобождения от дани прикрывать границу и воевать с «винидами». Дагоберт согласился и прекратил свой поход. Но саксы просто использовали обстоятельства — против Само они то ли ничего вообще не предприняли, то ли не слишком старались предпринять.[1384]

В следующий год царствования Дагоберта, 633/4-й, Само организовал еще несколько набегов на Тюрингию и лежащие к югу от нее земли. Славяне в ту пору «сильно неистовствовали» по всей пограничной полосе. Тогда Дагоберт решился, наконец, удовлетворить чаяния обиженных на него австразийцев и назначить им собственного короля. Таковым стал его сын Сигиберт — под контролем местной знати. Это, действительно, дало некоторые результаты. Во всяком случае, австразийские аристократы стали больше внимания уделять защите восточной границы. Само уже не

https://RodnoVery.ru

удавалось нанести на этом участке такой ущерб, как прежде.[1385]

В 634–635 гг. со славянами повел ожесточенную борьбу франк Радульф, поставленный герцогом Тюрингии. После «многих» битв ему удалось, наконец, разгромить отряды Само и Дервана, доселе безнаказанно пересекавшие тюрингскую границу. «Виниды» бежали и больше не беспокоили герцогство.[1386] С этого времени о набегах славян не упоминается. Поражение в Тюрингии и укрепление австразийской границы заставили Само удовлетвориться достигнутым. Франков достаточно проучили. Однако ни о какой «дружбе» речи, конечно, идти больше не могло. Славяне Само и франки оставались врагами.

Война Само и Дагоберта, разумеется, не оставалась тайной для остальной Европы. За ней должны были пристально следить и из Константинополя, особенно с учетом выдающихся достижений славян за последние годы. В то время как Дагоберт терял союзников в славянском мире одного за другим, Ираклий предпринимал решительные меры к тому, чтобы теснее привязать славян к Империи.

Хорваты в пору войны с Само сохранили верность союзу и с франками, и с Византией. Желая закрепить этот союз, Ираклий через некоторое время после переселения их на Балканы затребовал из Рима проповедников христианства. Отправил их папа Гонорий (умер в 638 г.). Причины обращения Ираклия за священниками для славян в Рим понятны. Далмация всегда относилась к римской юрисдикции, да и сношения с Константинополем через Фракию и Македонию были теперь едва возможны. Ираклий организовал в балканской Хорватии церковную иерархию, назначив из числа прибывших архиепископа и епископа. Союзная ромеям хорватская знать благосклонно приняла проповеди римлян и крестилась. Ей последовал народ — или немалая его часть. Затем от тех же римских священников, доверившись убеждениям Ираклия, приняла крещение и большая часть балканских сербов во главе со своим князем.[1387] Таким образом, свершилось первое обращение целых двух славянских племенных княжеств в христианство.

Событие это может считаться поворотным пунктом в истории славянства, и действительно, значимость его весьма велика. Однако переоценивать глубину этого первого обращения сербов и хорватов не следует. Впереди еще были целые века борьбы христианства и язычества, колебаний и массовых отступничеств. Сербская и хорватская знать, тем более массы народа, едва ли восприняли истины новой веры глубоко, едва ли отринули сам факт существования своих языческих богов. Для князей и

https://RodnoVery.ru

жупанов крещение, обращение к Богу «греков», пока являлось просто еще одним знаком союза с Империей. Но было здесь и важное на будущее — преклонение перед явленными богатствами ромейской культуры, стремление к ее восприятию, сомнение в ценности язычества. Здесь со временем открывалась дорога к христианству истинному.

При крещении хорватов, по преданию, папа потребовал от них клятвы, что они «никогда не отправятся в чужую страну и не будут воевать, а, напротив, будут хранить мир со всеми желающими». Среди хорватов веками сохранялась легенда об особой молитве, полученной ими «от самого римского папы» — «если какие-либо иные народы выступят против страны самих хорватов и принудят их воевать, то Бог ранее самих хорватов вступит в бой и защитит их, а ученик Христа Петр дарует им победу».[1388] Во времена войны Само с франками и стычек в Далмации такая клятва являлась весьма уместной.

В 640 г. на римский папский престол взошел папа Иоанн IV, родом далматинец. Поборник ортодоксии, он не поддерживал сношений с Ираклием, искавшим компромисса с монофизитами под флагом т. н. монофелитства — учения о «единой энергии» Христа. В то же время Иоанн не оставлял свою новую балканскую паству. Заботило его, правда, положение собственных соплеменников, далматинцев, ютившихся на островах и продолжавших воевать со славянами. Иоанну удалось добиться выкупа далматинских пленников и некоторой взаимной терпимости между хорватами и далматинскими беженцами. Сразу после восшествия на престол Иоанна в Далмацию и Истрию отправился специальный представитель папы — аббат Мартин. Ему было поручено выкупить на папские деньги пленников, захваченных славянами в здешних городах. Мартин нашел в опустошенных провинциях немало святых мощей и отвез их папе, поместившему их в римских соборах. Аббату удалось выкупить у славян многих рабов-христиан и вернуть их родне. Римский аббат оставил по себе добрую память у далматинцев.[1389]

После прекращения военных действий кое-кто из салонитов вернулся в окрестности родного города. Но в самом городе они селиться не стали, боясь врагов. Следует иметь в виду, что южную часть округи занимали неретвляне, на которых папа никакого влияния не имел. К тому же из всех городских зданий к тому времени сохранился только театр в западной части Салоны. Многие салониты перебрались далеко на север, в Задар, превратившийся теперь в столицу романского побережья. Славяне, в свою очередь, их не беспокоили.[1390]

https://RodnoVery.ru

Между тем мир установился и на севере славянских земель. Причиной тому стали смуты в среде самих франков. Одержав победу над славянами и завоевав популярность среди тюрингов, герцог Радульф стал проявлять все больше самостоятельности. Когда в 639 г. умер Дагоберт, Франкское государство вновь оказалось поделено на части. Радульф отказался подчиняться малолетнему австразийскому королю Сигиберту и в 641 г. начал открытое восстание. Сигиберт, которому исполнилось лишь 11 лет, выступил против мятежника. Однако его попытки командовать самому вкупе с прямой изменой военачальников привели к поражению на реке Унструт. Король едва спасся.

После этого Радульф провозгласил себя независимым королем тюрингов. Хотя он и признавал «власть» над собой Сигиберта, но теперь это выглядело довольно издевательски. Одним из первых действий короля Радульфа стало заключение мира и союза со славянами Само.[1391] Война в Тюрингии, приостановленная некогда полководческим талантом Радульфа, теперь закончилась благодаря его мятежу. Тюринги могли окончательно успокоиться насчет славянских набегов. Сербы же вновь получали возможность мирно расселяться в отныне независимом Тюрингском королевстве. После этого франки, занятые внутренними распрями, надолго оставили славян в покое. Само же, не начинавший эту войну, едва ли добивался чего-либо другого. Так что победа осталась за ним.

Война за Фессалонику

Война славян с франками и лангобардами не могла совсем не повлиять на события, происходившие дальше на юг, на Балканах и Адриатическом побережье. Она подтолкнула усилия по крещению хорватов и сербов. Однако, умиротворяя славянских соседей, Ираклий преуспел не вполне. Это стало ясно уже сразу после его смерти в 641 г. Славянские племена в течение нескольких лет активизировались на огромном пространстве от далматинских берегов до Халкидики.

Причины происходящего были достаточно очевидны. Вызрело новое поколение, родившееся уже на Балканах и не заставшее войн с Империей в сознательном возрасте. Это давало и значительный прирост населения — а развернуться в балканских горах было гораздо сложнее, чем на вполовину безлюдных просторах Восточной и Центральной Европы. Особенно это касалось плотно заселенных Македонии и Греции, где свободной земли

https://RodnoVery.ru

острее всего не хватало. Взоры молодых воинов, строивших собственные семьи и надеявшихся пропитать их, невольно обращались к сочтенным их отцами за неприступные богатым ромейским городам и полям вокруг них. Стоит отметить, что владения славян во Фракии в ту пору уже подступали к самым предместьям столицы — город Виза примерно в 90 км к северо-западу от Константинополя считался пограничным.[1392] С другой стороны, однако, — и это показали дальнейшие события, — часть имперского чиновничества и знати, особенно на местах, сама была готова спровоцировать войну. Империя в Европе, как надеялась эта партия, понемногу восстанавливала силы. Славяне же консолидировались, что само по себе внушало тревогу.

Южные славяне к этому времени и вправду стали лучше организованы. Не только союзные Империи сербы и хорваты создали мощные союзы племен. По всему Балканскому полуострову к югу от Дуная возникали славинии — славянские племенные княжества с довольно четкими границами.[1393] Где-то славиния представляла из себя племенной союз. Где-то — отдельное большое племя.

На западе такими славиниями являлись Сербия, Хорватия и Дукля. В Македонии сложилось к середине VII в. два мощных племенных объединения — ринхины к западу от Фессалоники и струмляне к востоку от нее. Вместе они составляли союзные «части» «всего народа славян» в Македонии.[1394] Названия союзов родились уже на месте и происходили от обтекавших Халкидику рек. Струмляне или стримонцы обитали на Струме. Главенствующим племенем здесь позже являлись смоляне. Поселения струмлян охватывали Фессалонику и с севера, ближайшее находилась в Литах, примерно в 12 км от города.[1395] Ринхины жили по Вардару.[1396] Среди них главными были дреговичи, в свою очередь, делившиеся на несколько племен со своими князьями-«риксами».[1397] Из их числа выдвигался общий «рикс» (великий князь?) ринхинов — в середине VII в. им был Пребуд.[1398] В тот же племенной союз вошли и близкородственные дреговичам берзичи. Что касается их соседей сагудатов, то они сохраняли от ринхинов самостоятельность, хотя постоянно поддерживали их.[1399] Славян Фракии объединял союз Семи родов во главе с северами. Велеездичи и другие расселившиеся в Элладе племена образовывали собственные славинии. Определение границ славянских княжеств, конечно, приводило к новым конфликтам с «греками».

Момент для нового наступления на уцелевшие осколки имперских провинций был подходящий. Империя вновь подверглась нашествию с

https://RodnoVery.ru

востока — на этот раз арабскому. Вдохновляемые только что провозглашенным исламом, арабы стремительно расширяли пределы новой мировой державы — мусульманского Халифата. Под их натиском уже рухнули границы Сирии, Палестины, Египта. Ираклий, искавший поддержки на Востоке за счет уступок монофизитам, только добавил к внешней войне внутреннюю смуту. Его внук Констант II, вступивший на престол в 641 г., тщетно пытался остановить натиск нового врага.

Есть, впрочем, все основания думать, что воздействие на южных славян оказал и пример Само. Вступление лангобардов в войну Само с франками — даже без его усилий — вызывало цепную реакцию дальше на юг, по Адриатике. А нет оснований предполагать, что Само никаких усилий для отвлечения сил лангобардов не предпринимал. Активные и несколько поспешные меры Ираклия в Сербии и Хорватии указывают, что император ромеев ощущал некоторую угрозу. Во всяком случае, активизация южных славян началась именно с Адриатического побережья, и первыми ощутили ее последствия именно лангобарды.

Когда сербы принимали крещение, три приморских племени-жупы между реками Неретвой и Цетиной отказались креститься и сохранили верность старым богам. Они составили полунезависимый племенной союз неретвлян, или поганых (от латинского pagani — язычники).[1400] Хорошо освоившие мореходство, потеснившие со временем далматинцев на прибрежных островах, неретвляне стали жить не только обработкой своих угодий или морскими промыслами, но и пиратством. Главной целью морского разбоя стал захват рабов. Примеру неретвлян вскоре последовали некоторые южные соседи — союзные Византии, но не крестившиеся вместе с сербами дукляне, войничи в Эпире, велеездичи в Фессалии.

Об их образе действий позволяет судить эпизод с африканским епископом Киприаном, имевший место как раз в 640-х гг. Отправившись в Константинополь, он на корабле «приблизился к берегам Эллады» с эгейской стороны, в принадлежавшей велеездичам Фессалии. Здесь на судно напали «дикие славяне». Главной их целью был захват рабов. Всех находившихся на корабле взяли в плен и поделили между победителями. Пленников, в том числе и Киприана, славяне увели в «свои места» — примерно в восьми днях пешего пути от Фессалоники. Отсюда епископ спасся по чудесному заступничеству св. Димитрия Солунского.[1401]

Со временем славяне перестали ограничивать себя налетами на проплывавшие корабли. Теперь они старались уже закрепиться на островах или даже на противолежащем лангобардском берегу Адриатики. Первые

https://RodnoVery.ru

сведения об этом появляются сразу после смерти умиротворявшего здешних славян Ираклия.

В 642 г. «множество кораблей» славян (неретвлян или дуклян) появилось у побережья Беневентского герцогства. Они высадились близ города Сипонта (ныне Манфредония на полуострове Гаргано). Отсюда славяне двинулись на юг вдоль побережья и разбили лагерь у реки Офанто. Стан свой они защитили от возможной конной атаки «скрытыми ямами». Вскоре те пригодились — герцог Беневентский Айо во главе свой дружины напал на разбитый в его землях славянский стан. Славяне не вышли в поле, Айо же, ринувшись на штурм, угодил со своей кавалерией в ловушку. Когда лангобардские всадники провалились в ямы, славяне бросились на них и перебили в «немалом числе». Вместе с прочими погиб и сам герцог.

Вскоре после гибели Айо победители-славяне столкнулись с отрядом под командованием Радоальда, его названого брата и наследника. Радоальд приходился младшим братом покойным фриульским герцогам Тазо и Какко — тем самым, что взяли дань с Зильи. Потому он владел славянским языком и, вступив в переговоры с вождями напавших, сразу заговорил с ними по-славянски. Неожиданно зазвучавшая из уст врага родная речь усыпила бдительность славян. Они доверились Радоальду и отложили битву. Поняв, что славяне не ждут нападения, Радоальд внезапно бросил своих воинов в атаку. В происшедшем бою славяне подверглись «большому избиению», уцелевшие бежали к своим кораблям и покинули Италию.[1402]

Перешедшее и на Эгеиду пиратство вызвало растущее беспокойство в Фессалонике. Город почти три десятка лет поддерживал мир с окрестными славянами, и славянская знать свободно бывала в его стенах. Ринхинский князь Пребуд ходил в «одежде ромеев» и свободно владел греческим языком.[1403] Но многие горожане полагали, что мир соблюдается «только внешне». Наместник Фессалоники, обеспокоенный соседством, решил обезглавить славян. Стремясь заручиться в этом деле поддержкой императора, он в 645 г.[1404] отправил ко двору письмо. В нем он доносил, будто Пребуд «с хитрым умыслом и с коварным намерением злоумышляет против нашего города». Ничего достоверного наместник не знал, а оклеветал Пребуда, исходя из собственных представлений о славянской злокозненности.[1405] Пребуд вряд ли являлся беззаветным другом ромеев, но, во всяком случае, ценил их культуру и перенимал их привычки

Констант, готовившийся к тяжелой войне с захватившими Египет арабами, встревожился. В ответном письме эпарху Фессалоники он приказал каким-нибудь способом захватить Пребуда и прислать его

https://RodnoVery.ru

связанным в Константинополь. На свою беду, ничего не подозревавший Пребуд в тот момент находился в стенах Фессалоники. Эпарх созвал на тайный совет согласных с ним представителей городской знати, и вместе они порешили захватить славянского вождя немедленно. Императорский приказ был исполнен. Пребуда внезапно захватили, заключили в оковы и спешно отправили в столицу.[1406]

Предательство ромеев и коварный захват князя, естественно, всколыхнули славянскую округу. Впрочем, ринхины и струмляне пока не собирались воевать. Знать Фессалоники не была едина в нарушении договора. Большинство горожан совсем не хотело подвергать Фессалонику опасности уже четвертой славянской осады. В конце концов, под давлением славян разум в городе взял верх. Солунцы вместе с ринхинами и струмлянами отправили к Константу посольство. Его составили знатные славяне и «опытные» в пробивании городских интересов при дворе солунские граждане. Послы просили Константа ни в коем случае не убивать Пребуда, а «простить ему грехи и отослать к ним». Констант, занятый подготовкой к морскому походу в Египет, отделался от послов обещанием освободить славянского князя «после войны».[1407]

Удовлетворяя требованиям послов, император приказал снять с Пребуда оковы, «предоставить ему одежду и все необходимое для повседневных нужд». Узнав от вернувшихся посланцев об этом, славяне отказались от мысли начать военные действия — при условии, что Пребуд будет освобожден.[1408] Однако Констант еще даже не успел отправить свою экспедицию, как события вышли из-под его контроля.

Императору служил и был любимцем, как его, так и многих среди столичной знати, некий толмач, владевший имением во Фракии близ города Виза. Тесно общаясь со славянами, а может, и сам будучи славянином, он проникся сочувствием к судьбе Пребуда. Вместе они замыслили побег князя. Пребуд должен был, используя открывшуюся свободу передвижений, бежать в имение толмача, а оттуда тот его через несколько дней заберет и проводит в Македонию. Первая часть плана прошла вполне успешно. Пребуд, одеждой и языком неотличимый от ромеев, покинул Константинополь через Влахернские ворота и тайно поселился в условленном месте.[1409]

Констант, узнав о случившемся, пришел в ярость. Отвлеченный от своих приготовлений император расправился и с правыми, и с виноватыми. Охранников Пребуда долго пытали, некоторых затем зарубили, а особо заподозренных четвертовали. Другие отделались довольно легко — их

https://RodnoVery.ru

всего лишь отстранили от должностей. В эту опалу попал и эпарх Константинополя, сосланный в Фессалонику. Отправив с ним боевой корабль-дромон, император «заботливо» велел тамошним жителям в связи с побегом Пребуда готовиться к войне — «позаботиться о своей безопасности, а также о запасах съестного». Повергнув Константинополь в панику, Констант запер все ворота, закрыл городскую гавань и разослал на поиски беглеца конников и корабли. Тщетный розыск продолжался посменно около сорока дней.[1410]

Пребуд в эти дни скрывался в тростниках близ имения толмача, подкармливаемый его женой. Имение располагалось не так уж далеко от столицы — неудивительно, что в итоге князя все-таки обнаружили. В принципе, Пребуд за время розысков мог бежать к соседним фракийским славянам, но его подвели то ли нерешительность, то ли верность данному слову. Рассерженный на так и не явившегося толмача, или пытаясь отвести вину от себя, Пребуд по доставке в Константинополь сразу выдал сообщника. Толмача с женой и детьми убили. Пребуда же Констант вновь заключил под стражу, обещав, правда, потом отправить в Фессалонику.[1411]

Обещания, однако, Констант не сдержал — или сдержать его не было суждено. Императору донесли, что Пребуд снова замышляет побег. Констант, предупредив бегство, велел провести «тщательное расследование». Обозленный и отчаявшийся, Пребуд заявил, что «если вернется в свою землю, то совершенно не сдержит слова о мире, но, собрав все соседние племена, ни на суше, ни на море, как говорится, не оставит в конце концов места, не охваченного войной, а будет воевать непрестанно и не оставит в живых ни одного христианина». Удовлетворенный Констант велел убить славянского князя.[1412]

Война началась немедленно. Ринхины, сагудаты и струмляне договорились о совместном нападении на Фессалонику. Было решено, что славяне окружат город и будут тревожить его каждодневными атаками. С востока и с севера взялись нападать струмляне. Запад взяли на себя ринхины и сагудаты. Кроме того, они же обязались посылать каждый день по три-четыре «соединенных корабля» из связанных ладей, чтобы отрезать горожан с моря и атаковать гавань.[1413]

Четвертая, самая долгая, осада Фессалоники славянами началась поздним летом 645 г., вскоре после отправки экспедиции в Египет. В 11 часов дня славяне одновременно и внезапно атаковали окрестности Фессалоники с востока и с запада. Они жестоко опустошили предместья. После этого ринхины и их союзники каждый день, сменяя друг друга,

https://RodnoVery.ru

приближались к стенам то с одной, то с другой стороны. Они захватывали скот, не давали солунцам работать на полях, вконец разрушили предместья, заперли непрестанными налетами гавань, «непрерывно убивали и брали в плен». Вскоре славяне добились ожидаемого результата. В городе начался голод. Собственно говоря, произойти этого было не должно. Константа заблаговременно направил в Фессалонику припасы. Непредусмотрительные и корыстные городские чиновники, однако, тайно сбыли императорскую поставку заезжим купцам. Как раз вечером перед нападением ушел последний транспорт.[1414]

Константа, чьи основные силы связала безуспешная кампания на Востоке, смог выслать — правда, «сразу же», — на помощь Фессалонике лишь 10 боевых кораблей. На них приплыли не только воины, но и дополнительные припасы. Однако ведавшие их распределением императорские чиновники оказались ничем не лучше — пожалуй, и хуже, — местных. Они продавали или обменивали хлеб несчастным втридорога, в буквальном смысле сдирая с них последнюю рубашку, а то и обращая граждан в рабство. Защищаясь от конкуренции, новые хозяева города велели своим солдатам повсюду разыскивать спрятанный хлеб и убивать прячущих.[1415]

Нападение помешало горожанам собрать урожай, скот же в городе скоро кончился. Голод вынудил граждан запирать ворота перед спасающимися бегством жителями предместий. Понятно, что беженцы только усугубляли голод. Горожане поедали ослов и лошадей, считавшиеся несъедобными растения. Понимая их положение, желавшие взять город измором славяне травили и выжигали пригородные поля. Когда некоторые из граждан Фессалоники рисковали выходить за ворота на поиски съедобных трав, их поджидали засады. Славяне между приступами скрывались в стенах пригородных храмов, нападали оттуда, «грабили, захватывали и убивали» злосчастных солунцев.[1416]

Между тем как «соединенные корабли» славян то и дело налетали на городскую гавань, ладьи-однодеревки укрывались «между скал или в скрытых местах». Всякое судно, вышедшее в море, подвергалось нападению. В результате после прибытия императорской помощи «прекратилось отсюда мореплавание». Те из горожан, кто пытался все-таки добыть пропитание на море, погибли от рук осаждающих.[1417]

Осада с беспрестанными тревогами тянулась и тянулась месяцами. Положение усугубила наставшая засуха. Вскоре славяне дождались перебежчиков. Многие граждане, полностью отчаявшись, бросали свои

https://RodnoVery.ru

семьи, даже отрекались от христианства и переходили к осаждавшим. Когда, однако, перебежчиков за долгое время набралось «множество», славянские вожди обеспокоились. Большое число греков в их селениях внушало тревогу. Предводители осады решили продать перебежавших солунцев в рабство своим северным славянским соседям. Лишь некоторым удалось бежать обратно в город — и принесенные ими вести остановили поток перебежчиков.[1418]

Вскоре осаждающим удалось существенно ослабить и воинские силы Фессалоники. «Некие славяне» уверили руководителей обороны, что намерены предать соплеменников и выступить на стороне города. На северную сторону, к дюнам, на соединение с ними был послан «цвет сильнейших». Ромеи попали в засаду и были поголовно перебиты.[1419] Славяне продолжали платить коварством за коварство.

Изматывающая осада длилась уже почти два года. Последнее пропитание в Фессалонике заканчивалось, «всякое человеческое искусство и выдумки стали бессильны».[1420] Тогда горожане решили отправить все уцелевшие суда и лодки со всеми пригодными к бою людьми на юг, в Фессалию. Они должны были попытаться купить хотя бы сушеные плоды для пропитания у велеездичей. Те пока ничем не выказали враждебности к городу и как будто соблюдали мирный договор. Все оставшиеся в городе («слабые и беспомощные») не должны были ни под каким видом выходить за ворота до возвращения флотилии.[1421]

Славяне не рискнули воспрепятствовать большому флоту — тем более что осознали, какую выгоду предоставляет уход почти всего боеспособного населения. Поняв, что в городе осталось лишь сравнительно небольшое число вконец обессилевших людей, князья дреговичей вдохновили союзников на решительный штурм. Среди дреговичей имелись искусные мастера осадного дела, заверившие своих вождей в том, «что в любом случае возьмут город». Теперь в распоряжение славян находились не только камнеметы и «черепахи», осадные башни и тараны, но и «огненосные орудия». Славянские мастера осваивали ковку мечей и совершенствовали стрелы. Они соревновались между собой в изобретательности, «стараясь казаться более сообразительными и более усердными в помощи племенным вождям».[1422]

Один из славянских инженеров, «умевший достойно держать себя, дельный и разумный», имевший большой опыт в осадном деле, обратился к новому верховному «риксу» с предложением. Он попросил помощи в сооружении «великолепной башни из крепко соединенных бревен» «на

https://RodnoVery.ru

колесах или каких-нибудь катках». Башню он предполагал покрыть, как и положено, свежими шкурами, вдобавок же «установить сверху камнеметы и оковать с двух сторон». Башня задумывалась трехэтажной, «чтобы в ней помещались лучники и пращники», между зубцами же должны были стоять тяжеловооруженные воины. С помощью такой конструкции, утверждал мастер, славяне «обязательно возьмут город».[1423]

Судя по реакции славянских «архонтов», древнегреческий гелепол был для них (как, кстати, и для обитателей Фессалоник[1424]) в новинку. Впрочем, придумщик действительно несколько усложнил конструкцию, увеличив ее разрушительную силу. «Архонты» потребовали от него «изобразить на земле устройство указанной машины». Мастер немедля сделал подробный чертеж. Тогда поверившие князья предоставили ему «много юношей» в помощь для сооружения башни. Однако, когда «огромное стечение» людей взялось за работу, мастера внезапно охватило безумие. Он бросился прочь от собравшейся толпы. Его попытались силком вернуть к работе, но он вырвался и вновь убежал. Догнать его не сумели. Потеряв всю одежду, он скрылся «в труднопроходимых горах». Из-за этого работу над гелеполом прекратили.[1425] В распоряжении славянских князей и без того имелось достаточно техники.

25 июля 647 г. славяне всем войском приблизились к Фессалонике. На море вышло «бесчисленное множество судов». С запада к городу подступили ополчения ринхинов и сагудатов. Однако в этот момент неожиданно предали струмляне — подойдя к городу на три мили, их войско внезапно повернуло назад. Похоже, их вожди в итоге решили выждать и не класть головы своих воинов на стенах Фессалоники ради мести за ринхина Пребуда.[1426] К слову, такую же позицию, только с обратным знаком, заняли и велеездичи. Когда к ним прибыли солунцы, они решили продать им продовольствие — но если узнают о взятии города сородичами, то всех перебить. Они внимательно следили за происходящим и не желали подставлять себя из-за греков гневу ринхинов.[1427]

Несмотря на измену струмлян, сил ринхинов и их союзников вполне хватило, чтобы оцепить город со всех сторон от моря до моря. По морю же курсировали «соединенные корабли». Славянские разведчики на суше, а корабельщики с моря высматривали слабые места в обороне. Дреговичские манганарии принялись за обустройство своей военной техники. «Осадные сооружения» устанавливались «вдоль всей стены». За прошедшие почти два десятилетия горожане отвыкли от вида смертоносных машин под своими стенами — одно зрелище славянских приготовлений повергло

https://RodnoVery.ru

оставшихся в городе в отчаянную панику.[1428]

Подступив к городу на рассвете, славяне занимались только подготовкой к приступу. Большая часть воинов набиралась сил. Свои надежды славянские князья возлагали на штурм всей стены с использованием приготовленных орудий. На рассвете 26 июля под «единодушный» боевой клич, от коего «земля сотряслась и стены зашатались», везя осадные машины, ринхины и сагудаты правильным строем двинулись к стенам. Отдельными, согласованно действующими отрядами шли на приступ «лучники, щитоносцы, легковооруженные, копьеметатели, пращники». Славяне приставляли к стенам лестницы и подносили огонь к воротам. К берегу Фессалоники подплыли «соединенные корабли». На город обрушилось «подобное зимнему или дожденосному облаку бесчисленное множество стрел, с силой рассекавших воздух и превращавших свет в ночную тьму».[1429]

Наибольшего успеха осаждавшие добились у малых ворот на севере Фессалоники, на участке, где не было внешней стены. Они подпалили ворота, поддерживая огонь дровами — пока копья, камни и стрелы штурмующих не давали немногочисленным защитникам даже «высунуться за стену». Деревянные конструкции ворот дотла сгорели, и когда огонь потух, славяне ринулись на штурм. Но их глазам открылось поразительное зрелище — железные опоры ворот спаялись от огня и превратились в трудноодолимую преграду. Напуганные славяне отпрянули. «Тогда, — пишет автор “Чудес св. Димитрия”, — избавитель наш и помощник, великомученик Божий, явился не во сне, а наяву… Он шел пешком, был одет в хламиду и в руке нес жезл. И когда через эти вышеуказанные ворота славяне хлынули в город, он изгонял их и, ударяя жезлом, говорил: “Бог привел их на злосчастье — так что здесь делаю я?” Вот так он выгнал их из города через указанные малые ворота… Другие также видели сего мученика и спасителя города, бегущего по стене…» Как бы то ни было, в город славянам войти не удалось. Им «незримо было причинено множество побоев, ран и убийств не только в этом месте, но и по всей суше и у моря».[1430]

Следующие три дня упорные приступы продолжались. Славяне пытались ворваться в город на других присмотренных заранее участках. Однако горожане, вдохновленные передававшимися из уст в уста слухами о чудесных явлениях, защищались мужественно. К 29 июля славяне отчаялись взять город. Одни князья были ранены, иных внезапно свалила какая-то болезнь. Другие племена обрушились на дреговичей с

https://RodnoVery.ru

обвинениями: «Не вы ли говорили нам, что в городе нет никого, кроме нескольких стариков и немногих женщин? Откуда же взялось в городе такое множество людей, противостоявшее нам?» Разлад между осаждавшими покончил с осадой. Славяне, «враждуя друг с другом», разошлись восвояси. При этом они бросили уцелевшие осадные машины, которые затем солунцы выставили напоказ в городе.[1431]

Узнав о поражении ринхинов и сагудатов, велеездичи устыдились и признались находившимся у них солунцам в своих замыслах. Славяне сами рассказали им о поистине чудесном спасении их города. «Они и сами стали восхвалять Бога, который спас немногих, укрепил слабых и наказал гордых». Искупая вину, велеездичи продали горожанам отнюдь не только «сушеные фрукты» — солунцы вернулись в родной город спустя несколько дней после окончания осады «с хлебом и овощами».[1432]

Вскоре после окончания осады в Фессалонику явился с гор упоминавшийся выше изобретатель-славянин. Рассудок к нему вернулся, и он поведал о происшедшем с ним следующее. «Когда он начал работу, он увидел какого-то огненного мужа в прекрасных одеждах, который ударил его рукой по щеке. И с тех пор он потерял рассудок и память». Во всяком приближающемся ему чудился неведомый «огненный муж». Потом мастер «снова увидел его, и тот вернул его из пустыни и сказал ему, чтобы он не боялся, а шел в город искать его». Уверившись, что ему являлся святой Димитрий, славянин «возвестил всем о вышесказанном чуде» и немедленно крестился.[1433] Безотносительно к судьбе этого мастера, очередное поражение у Фессалоники внушило многим окрестным славянам трепет перед Богом христиан. Это видно и на примере велеездичей.

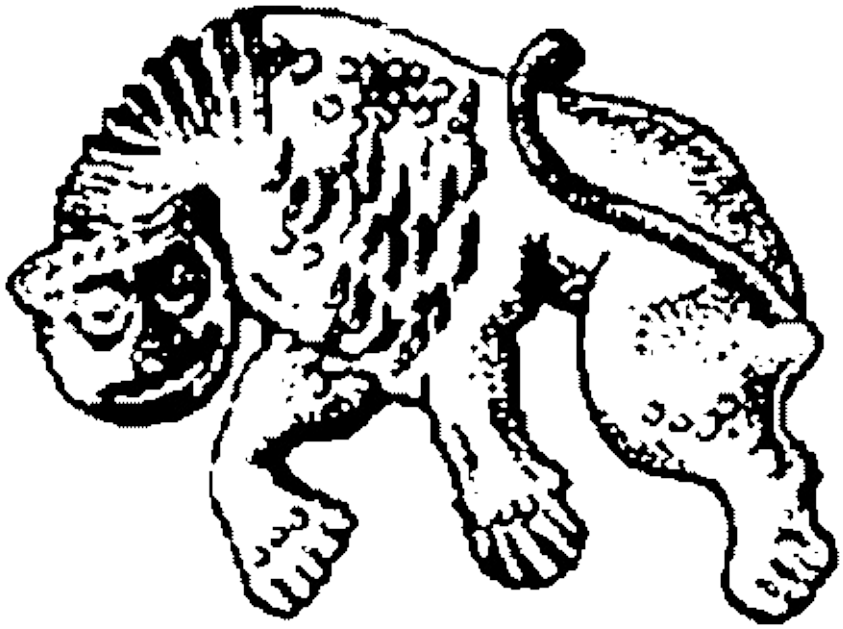
Все же на протяжении еще некоторого времени ринхины с сагудатами продолжали терзать Фессалонику набегами. Ежедневно они появлялись в окрестностях города. Горожан, беспечно выходивших за стены, захватывали в плен из засад. Однако без поддержки струмлян эти действия долго продолжаться не могли, и к концу года ринхины их прекратили. После этого, однако, оба племенных союза, возобновив свои сношения, занялись прибрежным пиратством. Опасность для города отступила, но он оставался в блокаде.[1434]

Длившиеся два года бои под Фессаликой, конечно, возбудили многие славянские племена. Те же велеездичи воспользовались ситуацией, чтобы захватить и разрушить один из последних имперских центров в Фессалии — Новый Анхиал.[1435] В то же время или чуть позднее на

https://RodnoVery.ru

Пелопоннесе славяне окончательно завладели Аргосом, изгнав местных жителей.[1436]

Где-то в середине VII в. славянские пираты (велеездичи или жители Аттики) вновь, впервые со времен великого нашествия, переправились в юго-западную Малую Азию. На этот раз они не ограничились опустошением прибрежья, внедрившись в поисках рабов в горы. На одно из горных селений они напали в воскресенье и ворвались в церковь во время службы. Они дали священнику закончить причащение христиан, а затем потребовали дать пресуществленные хлеб и вино и им. Священник отказался. Славяне насмешливо спросили: «Зачем вы так надеетесь на это, неужели это Бог ваш?» В ответ прозвучало: «Это плоть Того, Который распялся за нас, Иисуса Христа, Спаса нашего, Который есть истинный Бог». «Неужели не стыдно вам, — расхохотались славяне, — уповающим на то, что после переваривания станет калом?» «Да не будет этого пред Богом, никогда не поверим, что это так», — твердо ответил священник. «Когда те выслушали это, — рассказывал о происшедшем живший тогда поблизости монах Феодор, — заставили его съесть все частицы и сразу после этого распороли ему, еще живому, живот, но ничего из тех частиц не нашли там. Увидев это, они удивились этому воистину чудному из чудесных явлению, вышли из деревни той и, не уведя с собой никого, спешно удалились оттуда. Истинный же пастырь тот отдал душу свою Господу и благодарил Того, Который удостоил его мученической смерти».[1437]



https://RodnoVery.ru

Не спадала в те годы напряженность и на западе, у Адриатики. Тем же временем при желании можно датировать описанную в «Летописи попа Дуклянина» гибель родоначальника дуклянских князей — Остроила. По дуклянскому преданию, Остроил (предстающий здесь как властитель всех сербских и хорватских земель) после покорения Превалитании отправил своего сына завоевывать Загорье. Сам же князь остался в Скодре («Превалитанском городе»). «Император Константинополя», узнав о том, что Остроил лишь с «немногими» находится там, отправил против него войска. Остроил, захваченный врасплох с небольшой дружиной, «будучи мужем твердого духа, изготовился и вступил в бой». Но ромеи взяли числом — Остроил погиб, а его соратники после этого бежали. Добыча славян досталась императорским войскам. Когда сын Остроила, Сенулат или Сенудилай (имя в летописи явно испорчено; Всевлад?), узнал о смерти отца, то, не догнав посланцев императора, стал люто мстить христианам из «приморских городов». Он якобы 12 лет владел огромным королевством «от Вальдевина (т. е. хорватского Винодола) до самой Полонии», включая «приморские и загорские земли».[1438]

Всего от гибели Остроила до князя Владина, при котором пришли на Дунай болгары, прошло 33 года.[1439] Таким образом, Остроил мог бы пасть в 647 г. Однако и 33, и 12 — типичные не только для славянских преданий «эпические», округленные сроки. Цена им как точным датировкам невелика. О 33 годах в дуклянском предании, скорее всего, действительно говорилось как о сроке, отделяющем действие сказания об Остроиле от прихода болгар. В том смысле, что приход болгар имел место спустя много лет после пришествия дуклян и сербов. Итак, с точностью мы датировать гибель Остроила не можем. В предании много и других недостоверных деталей, обычных для эпоса преувеличений. Дукляне в VII в. не представляли единства ни с сербами, ни с хорватами. А значит, картина великой державы «от Вальдевина до Полонии»[1440] с Загорьем — вымысел.

Но это не значит, что предание о гибели Остроила — тоже вымысел. Подобные сюжеты не рождались на пустом месте. За фигурами Остроила и Сенулата, вне сомнения, стоят конкретные исторические лица VII в. Более того, историческую основу предания надо искать именно в событиях середины этого столетия, когда отношения Империи со славянами вновь обострились после пактов Ираклия. С Ираклием дукляне поддерживали

https://RodnoVery.ru

мир — следовательно, гибель их первого князя должна была случиться позднее. Не исключено даже, что «загорский» поход Сенулата отражает какое-то вмешательство дуклян в события на землях Македонии. Необязательно, правда, делать столь далеко идущие выводы — как и связывать конец Остроила с подлинной карательной экспедицией из Константинополя. Князь дуклян мог пасть и жертвой столкновения с местными романцами из Бара, которых преувеличенное предание за века превратило в «императорские войска».

Правда, карательный поход имперской армии на славян в середине VII в. действительно состоялся. И подвел черту под новой чередой конфликтов. В 650-х гг. пиратство ринхинов и струмлян впрямую затронуло интересы Константинополя. Их суда плавали по всей северной Эгеиде. Славяне перехватывали транспорты с доставлявшимся в столицу с островов урожаем в самом Мраморном море и Геллеспонте. Они совершили несколько налетов на императорские таможни, захватив стоявшие у причалов корабли и всех, кто там находился. Получив теперь в руки «множество» уже ромейских судов и начиная осваивать управление ими, они возвращались к себе.[1441]

Когда Констант понял, что дело не ограничивается угрозой для Фессалоники, то решил, наконец, вмешаться лично. В 658 г. император во главе войска «выступил против славинии», к Фессалонике. Армия двинулась по направлению к Струме через фракийские земли. Струмляне «заняли теснины и укрепленные места», отправив просьбы о помощи к князьям ринхинов и других славян. Неясно, подошла ли помощь, или славяне решились защищаться поодиночке. Во всяком случае, на этот раз им не помогло умение делать засады в горах. Войска Константа одержали несколько побед и прорвались в окрестности Фессалоники. В боях погибли самые сильные воины струмлян, многие знатные люди, они лишились тяжелой пехоты. Славяне бежали от победоносного императора. Застигнутых ждали смерть или рабство. Некоторые тайно пробрались в Фессалонику, а разоблаченные, открыли горожанам, что полные припасов поселения оставлены без охраны. Изможденные многолетней блокадой, безоружные и едва одетые солунцы огромной толпой бросились к Лите и разграбили славянские хижины, унеся оттуда пропитание.[1442]

Еще одновременно с выступлением на струмлян Констант отправил некоторое количество хлеба для поддержания Фессалоники. Затем, не доверяя бравурным реляциям городского начальства о состоянии граждан, он послал еще в дюжину раз больше. Отправка с этим транспортом в

https://RodnoVery.ru

Фессалонику военных кораблей для охраны решило исход войны. Напуганные решительными действиями императора славяне запросили мира. Констант согласился на условии «подчинения» македонских славиний императорской власти. Многих славян он угнал с собой в Константинополь, а затем расселил в Малой Азии, надеясь использовать в борьбе с арабами.[1443] На этом первая война южных славян против Византии закончилась.

Конец Великой Болгарии

Пока балканские славинии звучно заявляли Империи о своем существовании, в Великой Степи развернулись события, возымевшие позже прямое отношение к их судьбам. В конце 641 г. умер хан Великой Болгарии Куврат.[1444] На престол Великой Болгарии в Приазовье вступил его старший сын Безмер-Батбаян[1445] — наполовину ант. В условиях происшедшего распада Аварии это не могло не содействовать упрочению связей между болгарами и антскими племенами. В эти годы влияние Великой Болгарии далеко распространилось на запад — по крайней мере, передвигались болгары по причерноморским степям к западу от Днепра совершенно свободно, как по своей территории. В то же время Великая Болгария еще сохраняла многие черты племенного союза. Хан из рода Дуло первенствовал, но наряду с ним ведали делами вожди остальных из «десяти родов» оногуров.[1446]

Куврат, умирая, завещал своим сыновьям «никогда не отказываться от совместной жизни друг с другом, чтобы благодаря добрым взаимоотношениям уцелело все находящееся под их властью», «чтобы они оставались господами всего и не служили другому племени».[1447] Однако сыновья отцовскому совету не вняли. Уже к концу следующего, 642 г., между ними вспыхнула распря.[1448]

Батбаян, пытавшийся сохранить единство, в итоге удержал власть над Великой Болгарией. Его племенем являлись т. н. черные болгары, долго кочевавшие в Причерноморье. Второй сын, Котраг, получил имя по матери из племени кутригуров и, конечно, пользовался их поддержкой. Именно давняя вражда между кутригурами и антами и могла стать первопричиной усобицы. Котраг со своими присными откочевал на восток или северо-восток за Дон. Его племя составили т. н. серебряные болгары — предки

https://RodnoVery.ru

волжских, часть которых, впрочем, вскоре осела и в Кавказских горах.

Третьего сына Куврата звали Аспарух. Более точно болгарское звучание этого имени, «Есперих», передано в «Именнике болгарских князей».[1449] Аспарух после разделения отцовской орды ушел за Днепр, в земли антов или приграничные с ними. Это, а также сохранение славянского имени Безмера в «Именнике» указывает на то, что Аспарух признавал главенство старшего (единоутробного?) брата и был с антами в союзе. В то же время не приходится сомневаться, что Аспарух брал дань с соседних славян и в Северном Причерноморье, как позже на Балканах. Только так понимала союз кочевая знать. Для самих же антов, пострадавших от аварского погрома и ига, дань союзным и родственным болгарам определенно являлась меньшим злом. Ни о какой вражде местных славян с Аспарухом нигде не упоминается — как и о том, что их пришлось покорять.[1450]

Наконец, еще один сын Куврата, Кувер, потерпев поражение в распре, ушел со своей частью орды далеко на запад, по следам брата Альцека. Он, однако, собирался не бороться с аварами, а найти у них укрытие. По дороге в Паннонию он, также не встречая сопротивления, миновал антские земли. Это свидетельствует о нейтралитете самих антов в болгарской усобице — хотя сочувствовали они больше, конечно, Безмеру. Ослабленный Аварский каганат с радостью принял болгарское пополнение. Кувер возглавил болгар Аварии, сохранив титул хана («архонта»). Позднее ему были выделены в управление пограничные земли близ Сирмия и в Потисье с их насельниками сирмисианами.[1451]

Смена власти в Великой Болгарии сопровождалась и вероотступничеством. Сразу после смерти Куврата или очень скоро после нее болгарская знать во главе с его сыновьями отреклась от христианства.[1452] Впрочем, ни о каком искреннем и глубоком обращении ко Христу и ранее речь не шла. Крещение для самого Куврата было актом политическим, частью союза с Империей, которым он с легкостью пренебрегал, в зависимости от обстоятельств.

Итак, созданная Кувратом Великая Болгария распалась. К концу жизни Куврат принял каганский титул,[1453] и имел для этого немало оснований. И Аварский, и Тюркский каганаты находились в состоянии развала. Но теперь над ослабленными осколками и самой Болгарской орды сгущались тучи.

В 630 г. в Западнотюркском каганате началась очередная гражданская война. Представители разветвившегося рода Ашина вырывали друг у друга каганский престол. Погибли многие виднейшие представители тюркской

https://RodnoVery.ru

знати и правящей династии, в том числе союзник Ираклия, хазарский ябгу. В усобицу вмешался как самостоятельный игрок влиятельный клан Дуло — прямые сородичи одноименной правящей династии Болгарии. Окончательный крах кочевой империи привел к обособлению независимого владения западных Ашина — Хазарского каганата. Хазары, таким образом, сохраняли верность законной династии Ашина. Болгары же оказались естественным союзником партии Дуло.[1454]

В 644 г.[1455] хазары после серии набегов на окрестные земли выступили в поход на запад. Они справедливо рассчитывали на малочисленность разобщившихся болгарских орд. Разгромив и отогнав от Дона Котрага, хазары затем вышли в Приазовье. Здесь они нанесли поражение болгарам Батбаяна. Разбитый хан был вынужден признать себя «подвластным» хазарам и обязался платить им дань.[1456] История приазовской Великой Болгарии завершилась, не насчитав и ста лет. Держава Куврата ненадолго пережила своего создателя.

Аспарух капитуляцию брата не признал и отверг его власть. Он продолжил борьбу с хазарами. В этой борьбе союзниками его могли выступать и антские племена, не желавшие нового, заведомо более жесткого кочевнического ига. Однако Аспаруха и его орду враги теснили все дальше на запад. Так началось движение болгар к Днестру и за Днестр, к Дунаю — приведшее в итоге к рождению Дунайской Болгарии.

Королевство Само и его соседи

На западе славянского мира между тем продолжалось правление Само. Протекало оно, по словам франкского хрониста, «благополучно».[1457] И действительно — храброму и сметливому королю удалось продержаться у власти три с половиной десятка лет без заметных внутренних треволнений. Судя по всему, Само действительно глубоко вник в нужды и заботы славянского общества, принял его как свое родное, и это споспешествовало стабильной власти. У Само в подчинении, пусть во многом условном, находилось несколько крупных племен и племенных союзов — белые сербы, лучане, дулебы, мораване, жители «марки винидов» в Норике. Стабильность власти была характерна для всех них — во всяком случае, владыка упомянутой «марки» тоже правил «много лет»[1458] (не позднее 631 — между 660/665). Впрочем, не следует приписывать такую стабильность только талантам Само. Укрепление власти князей

https://RodnoVery.ru

происходило, независимо от него, и у южных славян.

Внешние дела Само также шли благополучно. Франкское королевство — враг наиболее опасный — по смерти Дагоберта в 639 г. вновь распалось на уделы. После заключения Само союза с Тюрингией франки его больше не беспокоили. Дружба же с тюрингскими королями, стремившимися закрепить свою независимость, открывала, помимо прочего, пути на запад для славянского расселения.

Аварский каганат был побежден. Правда, не вполне умиротворен. Наверняка пограничные стычки с аварами случались на протяжении всего правления Само. Конфликты эти неизменно приносили славянам победу.[1459] Стесненные Само, авары вынуждены были искать более безопасных путей для собственного расселения. Между тем население каганата возросло вследствие как естественного прироста, так и прихода болгарской орды Кувера. С этими обстоятельствами можно связать усилившуюся в середине VII в. миграцию авар и подвластных им славян Паннонии на восток, за Дунай. На Трансильванском плато, населенном тогда преимущественно гепидами и влахами, складывается новая культура, получившая у археологов название «медиаш-группы». Славяне, влахи, авары и гепиды селились здесь на одних тех же поселениях, использовали общие кладбища. Славяне принесли с собой обычай строить полуземлянки с печами-каменками, лепную керамику пражского типа, антские пальчатые фибулы, ритуал кремации умерших. Но постепенно эти яркие черты славянской культуры размываются, как и на основной территории каганата. Славяне повсеместно осваивают гончарный круг, в некоторых их домах вместо славянских печей появляются обложенные камнями открытые очаги.[1460]

С Трансильванского плато отдельные группы славян и авар проникали за Карпаты, в Олтению и даже в Мунтению. В одном из могильников Западной Олтении обнаружена любопытная пара трупосожжений. При первом из них найдены предметы аварского вооружения, в другом — славянские украшения.[1461] Не идет ли речь о захоронении представителя смешанной славяно-аварской знати с супругой? Проникавшие с севера в Олтению поселенцы изготавливали как гончарную, так и лепную посуду. Среди них попадались потомки антов, носившие пальчатые фибулы.[1462] Все свидетельствует о смешении народов и культур под властью кочевой знати. Вместе с тем за Дунаем славяне лучше сохраняли черты своего быта, чем на основных землях каганата, в Паннонии.

Недружественными соседями королевства Само являлись и хорваты.

https://RodnoVery.ru

Они сохраняли верность союзу с франками, от которых война Само и Дагоберта их отрезала. Следовательно, союзниками Само они являться не могли — притом что ранее он не препятствовал их переселению на юг. Теперь балканские хорваты полагали предел южным владениям «винидского» королевства. Земли же хорватского племенного союза в Центральной Европе ограничивали влияние Само с северо-востока.

Само унаследовал от авар контроль за землей зличан, близких соседей хорватов и чехов. Отсюда он мог теснить хорватов в дальнейшем, в случае враждебности с их стороны. Нам совершенно неизвестны перипетии взаимоотношений Само с неподчинившимися ему славянскими племенами. Однако есть все основания полагать, что конфликты с хорватами, союзниками франков, случались. Следствием их могло стать подчинение части хорватских племен Само и оттеснение других. В результате хорватский союз начал распадаться. Причиной ослабления хорватов являлся, помимо прочего, отток сил на Балканы.

Невзирая на конфликты и существование врезающейся в их землю Аварии, славяне, жившие по Дунаю, — подданные Само, хорваты, сербы, Семь родов, — воспринимали себя как единое целое, поддерживали тесные связи между собой. Как единое целое воспринимались они и соседями. «Франкская космография», созданная в середине — второй половине VII в. говорит о Дунае: «Данубий долго течет среди великих народов,// Огромная река, она дает пастбища славянам,// Протекает среди гуннов и соединяет винидов».[1463] Здесь важна и оценка славян как одного из «великих народов», и сведения о том, что славянские племена могли поддерживать сношения по Дунаю, несмотря на враждебность авар.

Начало Кракова

Какая-то группа хорватов ушла в середине VII в. довольно далеко на восток, к верховьям Вислы. Причиной было давление со стороны государства Само. Первоначальным намерением же, сколь мы можем судить, — вернуться на историческую родину, в Поднестровье. Однако в итоге хорваты осели среди вислян. С переселенцами из северо-восточной Чехии связано появление в Малой Польше ряда черт придунайской материальной культуры. С середины VII в. висляне начинают хоронить умерших в курганах (обряд, в это же время распространившийся с верховий Лабы вплоть до Силезии). Тогда же они освоили гончарный круг

https://RodnoVery.ru

— также известный уже в Силезии — и стали изготавливать посуду дунайского типа, которая постепенно вытеснила пражскую лепную керамику. Первоначально, впрочем, ручной гончарный круг использовался лишь для подправки лепных сосудов.[1464]

Это переселение отразилось в предании об эпическом герое, основателе племенного княжения, носящем известное и в Чехии имя-титул Крак (у чехов Крок). Польское предание о Краке передают, в первую очередь, малопольский хронист XII в. Винцентий Кадлубек и великопольский хронист XIII в. Богухвал. Богухвал пользовался сочинением Кадлубка, который, творя в Кракове, знал предание лучше и полнее. Тем не менее Богухвал дополняет предшественника рядом мелких деталей. Кроме того, великопольскому автору совершенно чуждо стремление краковского коллеги связать Крака с античным родом Гракхов. С другой стороны, однако, Богухвал старается и очистить предание от всякой мифологии — а это уже чистое насилие над древним эпосом.

Объединяя обе версии и очищая их от наносных штампов латинской учености, получаем — с учетом и поздних фольклорных припоминаний — следующую картину. Из «Каринтии» в земли на верхней Висле пришел знатный изгнанник Крак. В то время обитатели этих мест жили без князя, управляясь лишь двенадцатью выборными старейшинами, «сенатом». Эти старейшины будто бы не брали ни с кого дани и лишь разрешали судебные тяжбы. Нельзя, впрочем, исключить, что рассказывающий об этом Богухвал просто позаимствовал картину старой малопольской жизни из великопольских преданий о «короле» Лешке. Как бы то ни было, Краку удалось завоевать сердца всех вислян и убедить их в необходимости единовластия. Его избрали общим воеводой, а затем — и князем («королем», rex). Крак отличался и умением читать сердца, и воинской доблестью. Он стал верховным судьей и создателем общего для всех законодательства.

Главное героическое деяние Крака, описываемое Кадлубком, — уничтожение краковского дракона (Краковский Цмок позднейших преданий). Дракон жил в пещере, которую до сих пор показывают на горе Вавель. Оттуда он то и дело выбирался, чтобы поедать людей. Крак был разгневан бесчинствами чудовища. Он призвал двух своих сыновей и предложил им испытать себя, погубив дракона. Сыновья, сознавая опасность, повиновались тем не менее воле отца. Не сумев одолеть дракона силой, они вместе устроили змею засаду, подбросив ему в пищу запаленные бычьи кожи. Прожорливое чудище заглотнуло приманку и задохнулось от огня.

https://RodnoVery.ru

Однако после этого случилось несчастье. Младший из сыновей Крака (также звавшийся Краком) решил воспользоваться случаем, чтобы присвоить наследство отца. Он убил старшего брата и, вернувшись, свалил его гибель на побежденного дракона. Сначала ему удалось убедить в этом отца, отпраздновавшего, несмотря на горе, победу. О дальнейшей судьбе младшего Крака версии предания говорят по-разному. Согласно Кадлубку, ему не удалось насладиться властью. Почти сразу по смерти отца братоубийство раскрылось, и злодея покарали вечным изгнанием. Согласно же Великопольской хронике, младший Крак все-таки какое-то время правил и умер бездетным.

Так или иначе, наследницей старшего Крака осталась лишь его дочь, Ванда, на которой позднее династия и пресеклась. В честь «короля» Крака на горе Вавель был возведен и назван укрепленный град Краков. По Богухвалу, его построил сам Крак. Согласно Кадлубку же, Краков был возведен в память о князе-родоначальнике после его кончины.[1465]

Предание о Краке-драконоборце — вне всякого сомнения, вариант древнего славянского мифа о громовержце, побеждающем Змея небесным огнем. «Крак» — естественный, звукоподражательный эпитет бога-громовника. «Краковскими» западные славяне называли Карпатские горы — родину исторических хорватов и одновременно священный центр славянского мира. С другой стороны, попытки обоих латинских хронистов так или иначе связать название «Краков» или само имя «Крак» с вороньим граем — не просто курьез. Ворон в древних европейских мифах считался спутником либо божества солнца, либо бога загробного мира. В первом случае перед нами след мифа о солнечном боге-змееборце. Во втором — перенесение на победителя Крака отдельных черт побежденного врага. В мифологии тоже не редкость.

И в то же время в предании прочитывается историческая основа. Краков — название, произведенное от имени (Краков град). «Крак» явно трактуется хронистами как родовое, наследственное имя, некий титул. Картина избрания Крака вождем явно пришла из древнего местного предания, достоверно рисующего общественный строй вислян.

Исторические события примерно середины VII в. могут быть воссозданы следующим образом. В это время на верхней Висле появились пришельцы из сопредельных чешских земель, люди хорватского племени во главе со своим вождем из рода Краков. Они вступили в союз с вислянами и возглавили новое единство. Это обусловили и лучшая организация пришельцев, и опасения вислян (недавних аварских союзников) в связи с усилением Само. Приход на верхней Висле к власти

https://RodnoVery.ru

хорватского Крака — «потомка» и в некотором смысле «двойника» бога грозы Перуна — привел к прекращению почитания Ящера-Велеса в прежней форме. Древняя святыня — вавельская «Пещера Дракона» — забрасывается. Именно тогда лендзянские племена, доселе представлявшие собой религиозный союз, обрели друг от друга независимость. При этом в великопольских землях Ящер (Jesza) продолжал считаться верховным божеством вплоть до X столетия. Но и на Краковщине произошло, по сути, лишь слияние почитания Змея и его победителя в образе Крака — змееборца и в то же время «Ворона». Герой-предок, кроме того, естественным образом слился в мифах со своим божественным прообразом Перуном. Под своим собственным именем Перун в Польше практически неизвестен. Как и Велес, и по тем же причинам — запрет на произнесение наиболее чтимых божественных имен.

Впрочем, любые исторические интерпретации мифа, мифологического предания — дело всегда рискованное. Миф отражает действительность по своим законам. И сама действительность в глазах древнего славянина, «создателя» мифа, была иной, чем для нас. Многое кажущееся нам «мифологическим» тогда с легкостью находило место в «эмпирической», опытом познанной реальности. Во всяком случае, ясны как «велесический» облик древней польской религии, так и особые связи образа Змея с Краковом — с Краковом до Крака. Столь же ясно «перуническое» происхождение мифа о Краке-драконоборце. Далее, довольно четка взаимосвязь польского предания о Краке и чешского о Кроке с западнославянскими хорватами. Очевидно происхождение название «Краков» от личного имени или титула «Крак». Но прямолинейный перевод языка мифа на язык «истории» — как понимает ее современная наука — невозможен, и любое вычленение «исторической основы» не обойдется без потерь.

«Краки» продолжали править землей вислян на протяжении VIII и большей части IX в. Предание о Ванде отражает уже времена упадка и гибели этой династии. Оно искусственно соединено с более древним драконоборческим мифом. Хотя мотив коварного братоубийства в нем не менее древен. В славянских сказках часто встречается сюжет о присвоении плодов змееборческого подвига самозванцем, который убил или ранил подлинного героя. Героическое сказание о Краке кончается трагичнее сказки, где герой воскресает, дабы обличить обманщика. Но и здесь зло в итоге оказывается покарано.

Краков возник в VII в. как резиденция хорватских Краков, правивших вислянами. Изначальное поселение на горе Вавель не было укреплено

https://RodnoVery.ru

ничем, кроме природы. Но оно уже становилось естественным центром для поселений, возникающих под горою, по обоим берегам Вислы. VII же или VIII в. датируется приписываемый Краку монументальный курган. Рядом с ним возвышается столь же огромный «курган Ванды».[1466] По народному преданию, курган насыпали подданные Крака, каждый из которых принес по горсти земли. Тело Крака сожгли и бросили прах к подножию холма. Подобные обычаи в Южной Польше известны. В память о Краке установлен праздник поминовения умерших предков — ренкавка (якобы от ręka — «рука»), справляемый на кургане.[1467] В кургане Крака действительно не обнаружено погребений. Но поминальные ритуалы на нем справлялись с языческой эпохи.[1468] Можно догадаться, что на самом деле у подножия кургана «Крака» не одно поколение бросали прах мужчин из княжеского дома, а у «Ванды» — женщин.

Исполинские курганы «Крака» и «Ванды», воздвигнутые только из религиозных и политических соображений — явление совершенно уникальное. Ничего подобного в других западнославянских землях этого времени нет. Это памятник исключительного влияния и силы хорватских вождей, покоривших Повисленье. Соединив в своих руках жреческую и воинскую власть, «Краки» обрели в глазах своего народа авторитет, намного превосходящий княжескую власть в других землях. Этого авторитета было достаточно, чтобы мобилизовать силы племени на грандиозное строительство в честь умерших вождей. Здесь мы видим первый признак так и не окончившегося ни в одной из славянских земель развития священной княжеской власти в нечто подобное «деспотии» восточного типа. Черты зачаточной «деспотии» — слияние духовной и светской власти в одном лице, высочайший религиозный авторитет правителя на грани обожествления. Проявляются же они чаще всего именно в возведении монументальных сооружений, в том числе погребальных.

Если «княжение» Крока явилось прямым предшественником средневековой Чехии, то племенной союз вислян — одним из главных слагаемых средневековой Польши. Таким образом, события середины — второй половины VII в. в известном смысле стоят у истоков польской государственности. Тем не менее родословная ее, как увидим впоследствии, восходит далеко не только к хорватской линии.

Глава третья. В новых пределах

https://RodnoVery.ru

Хорутанское княжество

Правление Само, как уже говорилось, продлилось 35 лет. Умер он в 658/9 г. У «короля винидов» осталось 22 сына и 15 дочерей, рожденных ему 12 женами-славянками.[1469] Сразу вслед за смертью Само созданное им из нескольких славянских племен и племенных союзов королевство распалось. Никаких упоминаний о нем в дальнейшем мы не обнаруживаем. Напротив, после кончины короля все подчинявшиеся ему племена возобновили свое независимое существование. Необходимости в поддержании единства они больше не видели.

На севере обособились сербы, усиленные прочным союзом с Тюрингией. На землях Чехии и Моравии образовалось минимум три племенных объединения. Долину Огрже занимал лучанский племенной союз. Основу его составили пять племенных «областей», известных к IX в. Главенствовали собственно лучане, занимавшие плодородную срединную «область», т. н. Луку.[1470] Южные земли Чехии и область зличан являлись в VII–VIII вв. территорией дулебского племенного союза. Наконец, в Поморавье сложился теперь полностью независимый племенной союз мораван, который рассматривается иногда как правопреемник королевства Само.[1471]

Многодетность Само и связь его детей с отдельными племенами явились одним из важных поводов к мирному разделению королевства. Во всяком случае, позднейшие князья хорутан определенно возводили себя к Само.[1472] Хорутанское (Карантанское) княжество возникло именно в результате распада королевства Само. Впервые особый «народ славян» в «Карантануме» появляется на страницах письменных источников около 665 г.[1473]

Славянский Крнскиград (ныне Карнбург в австрийской Каринтии), именовавшийся у германских и романских соседей Карантаной, стал столицей местных славян около этого времени. Название восходило к местному дославянскому наречию.[1474] Славяне приняли его для имени племенной столицы. Крнскиград располагался на месте античного укрепления. Славяне заново перестроили полуразрушенную крепость, возвели вал и палисад. Град занимал площадь в 4 га. К востоку от него на поле располагался «княжий камень» — племенная святыня, на которой князь клялся в верности своему народу и обычаям.[1475] В обозначении

https://RodnoVery.ru

жителей княжества слово «Карантана», «карантаны» видоизменилось в славянское «хорутане». Именно под этим именем предки словенцев упоминаются в русской летописи.[1476] Так по-славянски называли они себя сами.

Хорутанское княжество стало прямым преемником входившей в королевство Само полусамостоятельной «марки винидов» в Восточных Альпах. Правивший ей примерно с 630 г. вождь-владыка ненадолго пережил своего короля.[1477] Переход власти в «марке» уже после смерти Само к его потомству свидетельствует в пользу того, что владыка был одним из тестей или скорее шурьев Само. «Свой», местный королевский сын представился славянской знати Норика наилучшим наследником. Это позволяло укрепить статус вождя. Смена правящего рода — частичная — сопровождалась сменой титула на княжеский. Титул «владыка» связан был у славян, в первую очередь, со жреческой властью. Сопровождалась смена «династии» и созданием единой племенной столицы в нагорном Крнском граде. Хорутане, в число которых влились и некоторые переселенные сюда аварами племена (стодоряне, дулебы), слились под единой властью. На севере пределы княжества доходили до района античного Карнунта на Дунае[1478] (ныне Нижняя Австрия). Отсюда можно вести отсчет истории средневековой Каринтии, современной Словении, и складывания словенской народности.

Южным соседом хорутан являлось Лангобардское королевство в Италии — точнее, пытавшееся вести независимую политику Фриульское герцогство. Дань Фриулю платила большая часть зилян, родичей хорутан, обитавших не слишком далеко от их княжеского града. Неудачная война Само с лангобардами ничего тут не изменила. Теперь хорутане были заинтересованы в добрососедских отношениях с Фриулем, особенно в связи с начавшимся после прихода Кувера укреплением Аварского каганата.

Однако история распорядилась иначе. Лангобардское государство, погрязшее в борьбе профранкской кафолической и арианской партий, а также в соперничестве крупных герцогств, в середине VII в. вошло в полосу политической нестабильности. В лангобардские усобицы оказались втянуты сначала авары, а затем, с неизбежностью, и их враги хорутане.

В 662 г. лангобардский престол в Павии захватил герцог Беневенто Гримоальд — младший брат и преемник упоминавшегося ранее знатока славянского языка Радоальда. Ревностный арианин, вступивший на трон через труп короля-кафолика, Гримоальд сразу же показал себя противником

https://RodnoVery.ru

и франков, и Империи. Впрочем, вина за это лежала и на императоре Константе, который, отчаявшись в войне с арабами, порешил перенести столицу в Сиракузы и начать отвоевание у «варваров» Италии.

Выходец из Фриуля, Гримоальд неплохо представлял себе весь расклад сил у северо-восточных рубежей королевства. Он не питал ни теплых чувств, ни доверия к аварам, некогда убившим его отца Гизульфа. Но, будучи политиком умудренным годами, хладнокровным и запредельно циничным, Гримоальд охотно использовал их против своих врагов. Авары были врагами Византии — и это обусловило союз между ними и Гримоальдом.

Когда в 664 г. против Гримоальда восстал герцог Фриульский Луп, король бестрепетно обратился за помощью к кочевникам, призвав авар в пределы собственного королевства. Тогдашний каган откликнулся на приглашение с радостью. Население каганата вновь росло, силы увеличивались. Заявить о себе, а заодно и приобрести новые земли не мешало. Впервые за три последних десятилетия авары осмелились начать большую войну. Вторжение произошло вдоль южных границ Хорутании, через спорную Истрию.

Фриульцы не смогли тягаться с противником, неожиданно явившимся из далекого прошлого в полноте новообретенной мощи. Герцог Луп погиб, его земли были разорены дотла. Каган намеревался — теперь уже вопреки интересам Гримоальда — остаться во Фриуле и завладеть им. Но король, родным герцогством все-таки дороживший, убедил авар оставить Фриуль ему и убраться восвояси. Сын Лупа, Арнефрид, провозгласил себя было герцогом Фриуля. Но на смену аварским ордам во Фриуль двигалась королевская армия. Сил для сопротивления не имелось. Арнефрид предпочел бежать — и убежище нашел в Крнском граде.[1479]

Хорутане, разумеется, пристально следили за происходящим. Для возглавившего их тогда только что нового князя, сына Само, авары являлись кровными врагами. Да и для всего его племени — хорутане едва ли забыли времена ига. Новое усиление каганата прямо угрожало славянам. А значит, и король Гримоальд, приведший авар в близкие земли Фриуля, союзник кочевников, усиливавший их в собственных корыстных интересах, превращался в опасного противника. Стоит помнить, что никакого мира между лангобардами и славянами со времен Само формально не заключалось.

Так что беглец Арнефрид получил в Крнском приют — а затем и подмогу. Хорутане собрали в помощь наследнику герцогской власти войска и около 665–666 гг. направили их во Фриуль. Они намеревались утвердить

https://RodnoVery.ru

в герцогстве Арнефрида. Это обеспечило бы Хорутании прочный союз с Фриулем и оторвало бы Гримоальда от его аварского союзника, поставив предел возрождаемому могуществу каганата.

Однако фриульская знать (как, впрочем, и массы фриульского населения) Арнефрида не ждали. Земляк-король, умело спровадивший авар, пользовался достаточной поддержкой. Особой же разницы между славянами и аварами здешние жители не видели. Одного «варварского» нашествия с них вполне уже хватило. В 22 км от столицы герцогства Фороюли (Цивитас Аустриа, ныне Чивидале-дель-Фриули), у пограничной крепости Немас (ныне Нимис), хорутан и Арнефрида встретили фриульцы. В происшедшем сражении славяне были разгромлены. Арнефрид погиб, так и не увидев вновь стен герцогской резиденции.[1480]

На место погибшего Лупа Гримоальд поставил в родное владение герцогом Вехтари из Виченцы, «мужа доброго и народом правившего мягко». Он и предводительствовал под Немасом — во всяком случае, хорутане после этого его знали и весьма опасались как умелого воина. Для мести за своих погибших и удара по покорному теперь королевской власти Фриулю они выбирали момент отсутствия нового герцога. Наконец, прознав, что Вехтари отправился далеко на запад, в Павию, хорутане вновь собрали рать — «многочисленные силы», около 5000 воинов. Их целью являлось внезапным нападением захватить все-таки Фороюли. На этот раз славянам удалось подойти к столице герцогства гораздо ближе. Двигаясь восточнее, чем в прошлый раз, они миновали границу на меньшем расстоянии от Фороюли и разбили лагерь чуть более чем в 10 км от нее, в Броксасе (ныне Брискис). Отсюда их передовые отряды выдвинулись вдоль реки Натизоне на юг, ища удобной переправы на левый восточный берег, к Фороюли.

У древнеримского моста в 6 км от Фороюли хорутане завидели на противоположном берегу небольшой вражеский отряд — примерно 25 человек. Зрелище сначала их развеселило. «Это патриарх с клириками двинулся против нас», — смеялись славяне. Однако, приблизившись к мосту, предводитель лангобардов снял шлем и «показал славянам свое лицо». Это был Вехтари, нежданно вернувшийся из Павии и выехавший на разведку навстречу врагу. По лысой голове герцога узнавали издали. Славян обуяли «смятение» и «страх» — от неожиданности вполне объяснимые. С криком «Здесь Вехтари!» вышедший к мосту отряд обратился в бегство. Паника, раздувшая, конечно, численность герцогской дружины, передалась другим хорутанам — они «думали больше о бегстве, чем о сражении». Вдохновленный Вехтари погнал за славянами и перебил

https://RodnoVery.ru

сколько-то бегущих. Хотя лангобардскому преданию отказывает чувство реальности. В нем говорилось, будто Вехтари с 25 воинами «учинил им такую резню, что из пяти тысяч мужей уцелели лишь немногие, спасшиеся бегством».[1481] Можно поверить в распавшееся и убегающее во внезапной панике от небольшого отряда войско — но трудно поверить в наличие у этого отряда физических сил истребить большую его часть.

Как бы то ни было, это нелепое поражение закончило войну. Хорутане больше не тревожили при Вехтари и его ближайших преемниках границы Фриуля. Теперь им приходилось уделять больше внимания защите собственных рубежей от давления авар. Тем более что смерть прежнего правителя и военные поражения привели к уходу из Хорутании болгарина Альцека и его возросшего за три десятка лет воинства. Альцек не участвовал в набегах на Фриуль. Следует помнить, что аварскому кагану теперь служил его брат Кувер. Для увеличившихся в числе болгар в Хорутании не хватало места. После победы Вехтари Альцек решил избрать сторону сильнейшего. В конце 660-х гг. болгарский хан «со всем подвластным ему войском» предал некогда давших ему приют славян и откочевал в Италию, к Гримоальду. Альцек обещал лангобардскому королю, «что будет ему служить и жить в его стране». Гримоальд выделил болгарам земли в своем прежнем уделе Беневенто.[1482]

Впрочем, верность Альцека лангобардам продлилась тоже не дольше жизни лично принявшего его правителя. В 671 г. Гримоальд умер, и власть вернулась к кафолической партии во главе с королем Перхтари из баварского рода Агилольфингов. Альцек тогда предпочел искать счастья на службе Империи, к миру с которой Перхтари все равно склонялся. В 670-х гг. Альцек переместился в окрестности Равенны, обязался служить и платить дань ромеям — чем и занимался до конца своих дней.[1483]

Уход болгар, конечно, ослабил молодое Хорутанское княжество. Он помешал хорутанам продолжать завоевательную войну во Фриуле. Тыл против авар теперь приходилось обеспечивать самим. Однако в борьбе оборонительной, за свою независимость против Аварии, хорутане выстояли. Их княжество не только обеспечило свободу себе. Оно на протяжении десятилетий преграждало возрождающемуся каганату путь на запад, став одним из важнейших политических факторов в Центральной Европе.

Между Империей и ее врагами

https://RodnoVery.ru

Несколько иной оказалась в те годы политическая позиция югославянских княжеств. Поход имперских войск в 658 г. в Македонию не мог не насторожить славянскую знать. Империя демонстрировала теперь уже не просто жизнеспособность — но желание вернуть утраченное. Более того, она ясно дала уразуметь, что для исполнения этого желания имеет силы. Понятно, что недовольны остались славяне Македонии, разгромленные и ослабленные. Но еще больше беспокойства за будущее действия императора Константа вызвали у соседей македонцев в Северном Иллирике — сербов, дуклян, хорватов. Первые же значительные неудачи Империи показали это.

Арабы продолжали наступать на границы ослабленной прежними войнами Византии. Вслед за Сирией, Палестиной, Египтом мусульмане вторгались теперь и в Малую Азию, угрожая самым подступам к столице. В 664–665 гг. азиатские провинции подверглись нападению арабской армии под командованием Абдаррахмана бен Халида. Абдаррахман разорил «много областей» в восточной части Малоазийского полуострова. Ромеи попытались выставить против Абдаррахмана выселенных в Вифинию славян. Кончилась первая же попытка использовать их против арабов плачевно. Пять тысяч славян перешли на сторону Абдаррахмана и попросили расселить их во владениях Халифата. Вернувшись после зимовки на ромейских землях в Сирию, Абдаррахман поселил новых подданных халифа в селении Селевковолис близ Апамеи. Тем самым он положил начало разросшимся позже сирийским поселениям славян.[1484] Эти события стали первым толчком к славянскому брожению на Балканах.

Император Констант между тем перебрался в Сиракузы и пытался управлять Империей оттуда. Пытался не слишком успешно — оскорбленная константинопольская знать роптала и плела интриги. То и дело возникала опасность мятежа. Наконец, в 668 г. император был убит в бане одним из своих придворных. За этим последовала короткая вспышка гражданской войны, отвлекшая на время внимание нового императора Константина IV и от арабов, и от балканских дел.

Именно тогда и отложились от Империи «обитатели западных краев» — то есть граничившие с ней на западе славянские племена.[1485] Сербы, хорваты и дукляне, тем более славяне Македонии и Эллады ясно увидели, что трон императоров колеблется. Натиск арабов на Востоке уже сулил, как казалось, освобождение от посягательств Империи. Притязания самого Халифата и порядки в нем едва ли были славянским вождям известны.

https://RodnoVery.ru

Вместе с тем Халифат был далек и общение с ним затруднено. Очевидным и давним врагом Византии зато являлся вновь искавший пути к усилению Аварский каганат.

За минувшие годы в отношении южных хорватов и сербов к аварам многое изменилось. Ушли поколения, помнившие кровопролитную борьбу. Накал противостояния авар со всем славянским миром, конечно, смягчила и кончина Само. В жилах хорватов и сербов (особенно хорватов) текла и аварская кровь. Авары входили в хорватский союз племен, и их баян стал вторым лицом в Хорватском княжестве. Так что препятствий к союзу практически не оставалось. Тем более что тягаться с самими хорватами и сербами каганат в одиночку не смог бы. Более южным славянам зависимость от кагана не угрожала уже вовсе.

Итак, в начале 670-х гг. на западных границах Империи сложился широкий антивизантийский союз. К аварскому кагану и лангобардским герцогам присоединились славянские князья («архонты», «риксы») и «экзархи» (воеводы? жупаны?). Даже смерть Гримоальда в 671 г. не помешала сохранению этого союза. Перхтари трудно было сразу найти путь к миру с Империей, а герцоги за несколько лет нестабильности и религиозного раскола привыкли к известной самостоятельности. Кагана и славяне, и лангобарды вновь признали общим вождем на время войны. В его ведении находилась не только воеводская власть, но и дипломатическая инициатива от имени союзников. Авары, конечно, имели и дальше идущие замыслы. Заключенные Ираклием пакты со славянами оказались расторгнуты. В Сербии и Хорватии не преминуло бы произойти и масштабное вероотступничество — однако события опережали расчеты и кагана, и славянских князей.

Военные действия начались, но шли настолько вяло, что почти не отразились в византийских хрониках. Главной заботой для Константина оставался Восток. В Европе же, при тяжелом положении Италии, балканские города пострадали в этот раз мало. Конечно, при желании можно отнести к этому времени широко датируемое падение некоторых из них (например, Аргоса). Или, скажем, действие дуклянского предания о ненавистнике далматинских христиан «короле» Всевладе, сын которого Силимир будто бы с ними примирился при условия уплаты дани.[1486] Однако факт останется фактом. Ничего похожего на события начала или середины VII в. западные славинии в этот раз не предпринимали. Князья, еще недавно «союзные» Константинополю, теперь выжидали — в отличие от своих увлеченных войной аварских и лангобардских соратников.

Между тем ситуация резко изменилась, оправдав такую

https://RodnoVery.ru

выжидательную тактику. В 673 г. византийцы применили против арабского флота только что изобретенное новое оружие — горючую смесь, получившую отныне название «греческого огня». Это самое страшное боевое средство средневековья сразу обеспечило Империи превосходство на море. В 678 г. ромеи высадились в охваченном христианским восстанием Ливане. Халифат сдался. Халиф Муавия принял в Дамаске византийское посольство и обязался платить Империи ежегодную дань.

После этого каган не мог уже полагаться на своих союзников. И лангобарды, и славяне были напуганы происшедшим. Вести о победе Константина над арабами означали вероятность новых походов на Запад. Блистательное же окончание войны, как будто, показывало наличие у Империи сил для таких походов. Те же, по сути, причины, что возбудили в славянских князьях недоверие к Константинополю, теперь побуждали их задобрить оказавшегося слишком сильным врага. Что до лангобардов, то они сплотились вокруг франкофила и кафолика Перхтари, который давно хотел покончить с войной.

В том же 678 г. каган по совещании с союзниками отправил в Константинополь большое посольство. В нем были представители и славянской, и лангобардской знати, говорившие от имени своих князей, жупанов и воевод, короля и герцогов. Константину поднесли щедрые дары. Послы просили «даровать им благодать мира». Константин, вопреки их опасениям, разрастания новой войны совершенно не желал, и потому мир утвердил.[1487] Сербы, хорваты и дукляне стали вносить Империи какую-то плату за земли, на которых жили.[1488]

Мир с Империей благотворно сказался на распространении христианства. Теперь из Хорватии и Сербии оно проникало уже и в Дуклю, а может, и в Македонию. Папа Агафон в послании VI Вселенскому Собору 680–681 гг., осудившему монофелитство, требовал постоянного осведомления своих епископов о решениях Восточной Церкви: «Дабы наше решение было вынесено ото всего сообщества смиренного собора нашего, чтобы часть не оказалась в неведении, если известия о совершаемом будут идти в одну сторону, в особенности тогда, когда среди народов и лангобардов, и славян, а не только франков, готов и бриттов большинство признают, что они из наших собратьев. А они не перестают интересоваться этим, чтобы быть осведомленными о том, что совершается в делах веры апостольской».[1489]

Итак, наравне с отвергшими при Перхтари арианство лангобардами Агафон среди новой своей паствы называет и крещеных славян. Ясно, что

https://RodnoVery.ru

речь идет о входившей в римскую юрисдикцию Адриатике — к западным славянам и хорутанам христианство пока едва проникало. После мира с Византией 678 г. уже «большинство» адриатических славян, по данным папы, приняло крещение. В их землях служили епископы (Ираклий и Гонорий, как мы помним, учредили в Хорватии две епархии) и священники на местах. Более того, Агафона можно понять и так, что среди священников имелись славяне родом. Собственно, странно было бы, если б за прошедшие несколько десятилетий таковых не появилось. Славянские священники, трудившиеся среди полуязыческого народа, естественно, выражали беспокойство в связи с церковной смутой, отдалившей Рим от пока монофелитского Константинополя. Новокрещеная знать, столь же естественно, интересовалась истинами принятой веры и сложными вопросами их толкования. Так что в отношении как их, так и лангобардов попечение Агафона являлось вполне оправданным.

Расселение влахов

Пока в Иллирике сплетались непростые перипетии отношений местных славиний с Империей, север бывшего диоцеза Фракия как будто выпадает из поля зрения ромеев. Существовавший здесь племенной союз Семи родов во главе с северами не тревожил границ Византии. Последние ромейские города в Северной Фракии давно пали, так что никто не тревожил Константинополь и просьбами о помощи. Северы и их союзники, закрепившись на новых землях, избрали по отношению к прежним врагам тактику разумного нейтралитета. Со струмлянами и ринхинами они вроде бы состояли в союзе,[1490] однако практически в событиях середины VII в. данный союз никак не проявился. Это при том, что южные пределы Семи родов соприкасались с провинцией Европа — самыми окрестностями византийской столицы. Нейтралитет фракийских славян отчасти связан с новой проблемой, с которой они столкнулись около того же времени. Проблемой этой стало переселение влашских племен.

Происхождение влахов — предков современных восточнороманских народов — предмет длительных научных споров. Понятно, что в низовьях Дуная по обе его стороны имелось местное романизированное население, потомки фракийцев и даков, данубии. Эти восточные «волохи», с одной стороны, с V в. тесно общались с расселявшимися здесь славянами, с другой — оставили румынам немалое культурное наследие. Влахи,

https://RodnoVery.ru

согласно «Советам и рассказам» византийского полководца XI в. Кекавмена, числили в своих предках покоренных императором Траяном даков и фракийских бессов.[1491] Правда, предвзятый к влахам Кекавмен предпочел умолчать, что предки их также — и легионеры самого Траяна, эпического героя румын. Это, однако, отразил другой средневековый ромей, историк XII в. Иоанн Киннам. Согласно упоминаемому им преданию, предки влахов некогда вышли из Италии.[1492]

Однако при всем том, по тому же сообщаемому Кекавменом преданию, прародина собственно влахов располагалась «близ рек Дуная и Саоса, который ныне мы называем Савой, где теперь живут сербы в безопасных и недоступных местах».[1493] Иными словами, на крайней юго-западной периферии Дакии, существенно севернее и западнее древних земель фракийских бессов. Именно оттуда влахи расселились впоследствии. Все это неплохо соотносится с историей восточнороманских языков. Общий восточнороманский (иногда именуемый «прарумынским») язык сложился, как часто полагают, в VI–VIII вв. вне тесных контактов со славянскими.[1494] Следовательно, сложился он не в Нижнем Подунавье, плотно заселенном тогда славянами. Творцы этого языка — не данубии, которые вместе со славянами создавали ипотештинскую и попинскую культуры. Тесные мирные контакты с южными славянами отражаются в «прарумынском» языке только с IX в. По крайней мере, это касается северо-восточной, «дако-румынской» его ветви. Значит, только в VIII–IX вв. в складывание будущей румынской народности влились как славяне, так и испытывавшие вековое воздействие славян данубии. Общие предки румын и влахов южных Балкан такого воздействия не испытывали. Следовательно, они действительно пришельцы из областей выше по реке, лишь смешавшиеся со своими нижнедунайскими сородичами.

Особый влашский этнос, положивший начало истории современных восточных романцев, сложился в пограничных областях Аварского каганата — в Потисье, на Трансильванском плато, в междуречье Савы и Дуная. Сюда переселялись выходцы из разных покоренных земель Балканского полуострова, как из Иллирика, так и из Фракии. Имелись здесь и местные романцы. Значительную или даже основную часть этих влахов составляли упоминаемые в «Чудесах святого Димитрия» сирмисиане. Эти жители округи Сирмия на нижней Саве (как раз той области о которой пишет Кекавмен!) расселились затем и на север от Дуная, в Потисье. Именно в Потисье обосновался болгарский хан Кувер, попечению которого вверил сирмисиан аварский каган.[1495] Смешение диалектов народной

https://RodnoVery.ru

латыни различных балканских местностей привело к появлению нового языка, в который позже с легкостью вливались и иные романские говоры. Крах Первого Аварского каганата в начале 630-х гг., переселение сербов в район Сингидуна потревожили влахов. Используя возникшую на Балканах анархию, и в то же время гонимые ею, они начали сдвигаться к востоку и к югу. Одной из последних причин стала попытка кагана в середине VII в. упорядочить управление сирмисианами, поставив над ними Кувера. Разбредавшиеся из земель каганата влахи создавали никому не подчинявшиеся вольные дружины «разбойников» — скамаров.

По Кекавмену, влахи уже в начале своей истории «рассеялись по всему Эпиру и Македонии, а большинство их поселилось в Элладе».[1496] Это были предки арумын и мегленорумын, тогда как оставшиеся на прародине «черные влахи» положили начало истрорумынам. В то же время какая-то часть влахов устремилась на восток вдоль Дуная, где неизбежно столкнулась с дунайскими словенами. Сложно сказать, насколько с этой группой связана предыстория собственно румын. Более определенно связана она с ее трансильванскими сородичами.

Хотя восточные романцы и являлись отчасти потомками древних римлян, Великое Переселение народов превратило часть из них (а затем и почти всех) в кочевников, выбило из государственной системы. Они находились на том же уровне племенного строя, что и окружающие «варвары», с которыми обильно перемешивались. Сирмисиане в пределах Аварского каганата «смешались с булгарами, аварами и другими язычниками». Сохранив «обычаи и стремление рода к земле ромеев», они вместе с тем создали «новый народ». К приходу Кувера, в условиях нестабильности в каганате, они обрели уже статус полноправных подданных.[1497] В кочевой империи он был немыслим, скажем, для славян, возможен лишь при глубоком слиянии с кочевниками. Влахам, перешедшим в VII в. Саву, до образования государства предстоял путь более далекий, чем славянам. Правда, многие из них сохраняли интерес к христианству — и принимали при первой возможности крещение.[1498] Но цивилизованные ромеи воспринимали сирмисиан (и влахов) не иначе, чем как варваров или полуварваров.

При столкновении со славянами на Нижнем Дунае разобщенность кочующих кланов скорее помогала. Союз Семи родов оказался не в состоянии противостоять ползучему расселению враждебных влахов. Так и сама Империя веком раньше не смогла остановить собственное проникновение славян в Малую Скифию. Происходившие конфликты с

https://RodnoVery.ru

влахами оказывались для славян, как правило, неудачны. По мнению передающего дунайские предания русского летописца, «волохи напали на словен дунайских, и осели среди них, и чинили им насилие».[1499] К пришельцам, разумеется, нередко примыкали местные «волохи», данубии. Ведшие оседлую сельскую жизнь, они вместе с тем ощущали сродство с кочевыми влахами с запада. Ощущали это родство и не успевшие еще раствориться среди новых соседей фракийцы. В такой ситуации быстро перемещавшиеся влашские кочевья могли просто вселяться в отдельные смешанные села и через некоторое время начинать притеснения славян. В случае же возникновения реальной угрозы (в лице, допустим, княжеской дружины или племенного ополчения) кочевье могло столь же быстро перейти в новые места. Учитывая большую и возраставшую численность влахов, возможность присоединения к ним местных сородичей, борьба с ними для дунайского племенного союза оказалась весьма трудной задачей.

Разрозненные влахи, впрочем, не сумели бы добиться решающих успехов без внешней поддержки. «Стремление рода к земле ромеев» двигало многими из них в расселении. Поэтому они обращались за помощью в утверждении на новых землях в Константинополь. Император Константин, конечно, с радостью ухватился за подобную возможность. Он вмешался в события не как полководец — о военных действиях во Фракии ничего не известно — а как высший судья, арбитр в межплеменных распрях. Семь родов в новой обстановке были жизненно заинтересованы в подобном посредничестве, которое хоть отчасти упорядочило бы отношения их с влахами. Результат был предсказуем. К концу 670-х гг. земли Северной Фракии «удерживались христианами» и находились как бы под покровительством Империи.[1500] Под «христианами» следует понимать местных влахов, которые потеснили и частично подчинили славян. Влахи старались удерживать дунайскую границу и платили — как и Семь родов — дань в Константинополь.

Неясно, как развивались бы отношения между жителями Нижнего Подунавья в дальнейшем. Вернее всего, союз Семи родов ждала бы в итоге судьба славиний Эллады или, в лучшем случае, Македонии. Впрочем, и нижнедунайские влахи в этом случае едва ли превзошли бы своих южных и западных кочевых сородичей, подчинившись государственному организму возрождающейся Империи. Но как раз в эти годы в регион вступила новая сила. Болгарская орда хана Аспаруха перешла Днестр и вышла на подступы к дунайской дельте.

https://RodnoVery.ru

Болгары на Дунае

Аспаруху удавалось сдерживать хазарский натиск в течение примерно трех десятков лет. Но его теснили. В середине VII в. хазары, уже освободившиеся от власти тюркютов и строившие собственный каганат во главе с династией Ашина, прорвались в заднепровские степи. Аспарух со своей ордой вынужден был уйти за Днестр. Здесь антское население было плотнее, и хан имел довольно прочный оседлый тыл. Однако он искал более надежных, самой природой защищенных мест поселения.

Нашел он их в низовьях Дуная, в долинах Прута и Сирета. Топкие земли Нижнего Подунавья были неудобны для не знающих местности кочевников при нападении — но хорошо служили в обороне. С севера поднимались Карпатские горы и протекал «венец рек» нижнедунайского бассейна. Здесь Аспарух на какое-то время расположил свою орду. Назвали местность в знак этого болгары «Аулом».[1501] Хазары, впрочем, продолжали угрожать из-за Днестра. Тогда Аспарух окончательно обезопасил свое местопребывание. Он нанес удар по занятому еще аварами «острову Певка» — дельте Дуная, выбил оттуда давних врагов и обосновался в этом труднодоступном месте сам. Авары бежали на запад, в пределы своего каганата.[1502]

Славяне к северу от Дуная подчинились Аспаруху. Без их помощи и навыков наведения переправ ему вряд ли удалось бы завоевать у авар дельту, да и вообще самому закрепиться в недоступном для хазар «Ауле». Вожди северных дунайцев были особенно заинтересованы в союзе с Аспарухом ввиду влашских беспокойств и нового усиления Византии. Потому они, подобно антам за Прутом, согласились объединиться под властью болгарского хана. Во всяком случае, ни о каком насилии источники не сообщают.

Но без насилия было не обойтись к югу от Дуная. «Уставив шатрами Истр», Аспарух стал приглядываться к задунайским землям. Скифия и Нижняя Мезия, населенные в значительной части славянами, представлялись ему надежным оплотом от напиравших с востока врагов и не менее надежным источником дохода. Быть может, вожди славян к северу от Дуная побуждали к тому же Аспаруха оттеснить от реки кочевых влахов. Это совпадало с интересами самого болгарского хана. Пока что болгары начали беспокоить задунайских обитателей своими набегами. Страдали от них, конечно, и влахи, и славяне.

https://RodnoVery.ru

В 680 г. о разорительных набегах болгар стало известно в Константинополе. Самоуверенный из-за своих выдающихся побед, император Константин решил, наконец, сам двинуться с войском во Фракию. Экспедиция затевалась масштабная. В Европу перебросили тяжеловооруженные войска из Азии. К дельте Дуная отправился ромейский флот. Отряды болгар, бродившие по придунайским селениям, были ошарашены внезапным приближением огромного императорского войска. Когда оно появилось у Нижнего Дуная в боевом строю, а у берега показалась эскадра, болгары не решились принять бой. Они стремглав отступили в топи дельты, уже неплохо укрепленные Аспарухом. Армия и флот подступили к Певке и осадили болгарского хана. В болота дельты углубляться ромеи не рисковали. Это придало оборонявшимся болгарам смелости. На беду для ромеев, в четвертый день этой осады Константина свалили сильнейшие боли в ногах. Император поспешил отплыть для лечения в город Месемврия с его древними банями.[1503]

Константин покинул осадный лагерь с ближней свитой и пятью боевыми кораблями. На прощание он приказал своим военачальникам продолжать осаду. Однако отплытие государя скрыть было трудно, и в ромейской коннице зародился слух, будто он бежал. Моментально распространившаяся ложная весть вызвала в среде ромеев суматоху. Первыми бросили осадный лагерь конники, за ними устремилось и остальное войско. Аспарух не преминул воспользоваться нежданным случаем. Болгары бросились вдогонку отступающим в беспорядке врагам, повергнув их в паническое бегство. Многие ромеи, настигнутые кочевниками, погибли, еще большее число было ранено. Преследование продолжалось до реки Варна близ Одисса (ныне — город Варна). Здесь Аспарух остановил своих воинов.[1504]

Хан обнаружил, что Малая Скифия весьма удобна для поселения. С севера и с северо-запада ее прикрывал Дунай, с юга — Балканский хребет, с востока простиралось Черное море. Земли эти уже больше ста лет заселяли славяне, и именно они дали протекавшей на юге бывшей провинции реке Варне (Вране) ее имя.[1505] Большинство ромейских городов лежали в руинах, — и тени имперской власти в этих местах давно не осталось. Аспарух велел орде прикочевать в окрестности Одисса и устроил новую ставку здесь.[1506]

За этим последовала быстро завершившаяся война с Семью родами и местными влахами. Далеко не все славяне Нижнего Подунавья, конечно, приветствовали приход болгар — тем более что воины Аспаруха некоторое

https://RodnoVery.ru

время грабили их веси. Тем не менее в итоге Аспаруху удалось склонить противника к покорности. Славинии Мезии и Скифии сохранили автономию и собственных князей. Но союз Семи родов Аспарух раздробил. Подобно аварским каганам, он выделил славянам особые территории, в то же время переселив их с насиженных мест. На новых землях славяне должны были платить дань Аспаруху и прикрывать рубежи его ханства от врагов — авар и ромеев. Северов, сильнейшее из племен, хан поселил на границе ромейской Фракии — от ущелья Верегава в восточной части Балканского хребта до приморских областей. Остальные племена «Семи родов», выселенные из Скифии и восточной Мезии, переместились на запад, на границу Аварского каганата.[1507] Центром их оседания стала долина реки Тимок, где позже сложился подвластный болгарам племенной союз тимочан. Многие земли к северу от Дуная, в Мунтении, в результате действий болгар запустели.[1508] В то же время какая-то часть «семикорневцев» осталась там[1509] — тоже признав власть Аспаруха.

Аспарух покорил и влахов. Их свободное расселение приостановилось. Перевод болгарским ханом славян с привычных мест в плотно занятые пограничные регионы лишил влахов возможности «садиться среди них». Влахов вытеснили на юг и на запад.[1510] Поселившись к югу от Балканского хребта, в ромейской Фракии, влахи постепенно поглотили местных фракийцев. Романцы же и фракийцы Нижнего Подунавья, — по крайней мере, оседлые, — в течение ближайших десятилетий почти полностью смешались со славянами.[1511] Новый приток влахов сюда произошел уже в VIII–IX вв.[1512]

На Дунае под предводительством Аспаруха возникло мощное Болгарское ханство — достойный преемник Великой Болгарии. В его состав вошли земли как к северу, так и к югу от Дуная.[1513] Периодически к Аспаруху и его наследникам подходили из-за Дуная подкрепления — теснимые хазарами или бежавшие из-под их власти болгары. Соседи вынуждены были считаться с новой реальностью. С ромеями пока продолжалась война. Болгары теперь «стали опустошать деревни и городки во Фракии», «возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением крепости и деревни, и порабощать их».[1514] В этих условиях соседи западные — сербы — предпочли заключить с болгарами мирный и союзный договор. Он действовал больше столетия, обеспечивая Болгарскому ханству спокойствие на западной границе. Распространялся он (или впоследствии распространился) на все племена сербского корня — во всяком случае, дукляне приписывали его заключение

https://RodnoVery.ru

своему князю Владину Силимировичу, внуку Всевлада. Вместе с тем очевидно, что первыми договор заключили именно сербы из Рашки, непосредственные соседи захваченной Аспарухом Нижней Мезии.[1515] Это никак не помешало их пакту с Империей. Далекой от театра боевых действий Сербии удавалось в итоге поддерживать добрососедские отношения с обеими сторонами.

Первоначальная ханская ставка к югу от Дуная — защищенная рвами и топями земляная крепость — располагалась в Никулицеле, чуть выше Певки по реке.[1516] Затем Аспарух, по преданию, избрал резиденцией Дристру (Доростол, ромейскую Силистрию), расположенную на Нижнем Дунае, в окружении славянских поселений. На восток от Доростола Аспарух обновил линию валов, прикрывавших теперь болгарскую орду от угрозы с юга до самого моря.[1517]

Позднее хан решил перекочевать из Дристры в глубь завоеванной Мезии. На месте разрушенного во время войны с Семью родами или их последующего выселения славянского села, близ современного города Шумен, Аспарух возвел свою новую ставку. От прежнего славянского селения она унаследовала название — Плиска. Общая площадь ханской ставки — 23 км^2, ее опоясывал ров длиной около 21 км. Ставка имела форму огромной трапеции с заключенной в ней второй, меньшей. Последняя отводилась собственно под резиденцию хана, вокруг же, но под защитой того же рва, располагались юрты его соплеменников и загоны для скота. В самом центре кочевого становища размещалось каменное укрепление — крепость за стеной из массивного известняка 3 км в периметре. Внутри крепости находились ханский дворец и другие здания из известняка или реже кирпича, баня, бассейны, вкопанные цистерны для хранения воды. Крепость явно строили пленные ромеи, опытные мастера. Помогали им кое в чем и местные славяне, некоторое число которых осталось жить в болгарской Плиске. Кочевникам-болгарам столь грандиозное строительство было пока не по силам.[1518]

Изначально болгары старались не смешиваться со славянами. Болгарские становища кучно располагались в районе Плиски и далее к востоку и северо-востоку, до приморских областей и Дуная. Славяне же жили по отведенным им окраинам и вдоль Дуная, на обоих его берегах.[1519] Оба народа сохраняли культурную самобытность и почти не смешивались друг с другом. Складывание славяно-болгарской средневековой народности еще не началось. Но Аспарух — сам, может быть, полуант, — учитывал интересы и представления своих славянских

https://RodnoVery.ru

подданных. В этом он принципиально отличался от аварских каганов. Славяне составляли явное большинство населения на покоренных землях, невзирая на всё новые вливания болгар. Долгий опыт общения со славянами привел Аспаруха к здравой мысли о сохранении их племенных княжений на условиях уплаты дани и защиты границ. Славянские племена тем самым изымались из сферы непосредственного контроля хана и его приближенных — боилов. Князья славиний подчинялись хану напрямую, минуя болгарских наместников отдельных земель — тарканов и жупанов. Учитывая славянские обычаи и верования, Аспарух после перехода Дуная стал по-славянски отпускать волосы вместо кочевнической стрижки наголо. Факту этому придавался столь большой идеологический смысл, что он специально отмечен в кратком «Именнике болгарских князей» — отделяя кочевых ханов от их дунайских потомков.[1520]

Но для действительного слияния со славянской массой этого было, конечно, очень и очень мало. Напротив — обособленность независимых славиний только мешала превращению Болгарского ханства в славянское государство. Сама возможность этого закладывалась с самого начала — давним смешением болгар и славян, тягой болгар к полуоседлой жизни. Но время не пришло. Болгарское ханство VII–VIII вв. славянским государством еще не являлось. Конечно, славянам жилось в нем гораздо легче, чем в Аварском каганате. Но подчинившиеся Аспаруху славинии все же оставались под инородным владычеством, и именно так оно славянами и воспринималось. В памяти русских соседей это восприятие сохранялось и в начале XII в. — когда южные славяне уже не противопоставляли себя болгарам и рассматривали их как тех же славян.[1521] Итак, история Болгарского ханства еще не стала частью истории Славянской Европы — но судьбы целого ряда ее племен оказались сплетены с судьбой новой кочевнической державы. В этом сплетении медленно, век за веком, и выстраивалось будущее единство.

Эпоха Великого Переселения для славян завершалась. Рождение Дунайской Болгарии стало как бы последним ее аккордом. Карта более или менее стабилизировалась, смятенное движение племен затихало. Славянский мир теперь простирался от Средиземного до Балтийского моря, от Лабы до Десны. Наступало новое время — закрепления границ (впрочем, все продолжавших расширяться на северо-восток), непростой защиты независимости. Уже появились первые из будущих средневековых государств Славянской Европы — Сербия, Хорватия, Дукля, теперь и Болгария. А вместе с ними — множество исчезнувших позднее по разным

https://RodnoVery.ru

причинам, но тогда более или менее сильных славиний от Прибалтики до Эллады. Можно говорить о первых зародышах Чехо-Моравии, Краковской Польши, Киевской Руси. Пусть пока непрочно, но кое-где прививались ростки христианской веры и церковности. В следующий период — в разное время, при разных обстоятельствах, под различными влияниями или почти без таковых — славянство вступает на дорогу к цивилизации средневековья.

https://RodnoVery.ru

Часть 4

Глава первая. Болгария, Македония, Эллада

Борьба за Македонию

В 680 г. на политической карте Балкан появилось новое государство — Болгарское ханство Аспаруха. Империи, после временных успехов, пришлось отныне считаться с этой грозной реальностью. Славянские же племена оказались вовлечены в водоворот противостояния между Византией и болгарами. Уже в первые годы после нашествия Аспаруха противостояние это вышло за пределы придунайских областей Фракии.

Аспарух в течение примерно года продолжал грабительские набеги на остававшиеся под ромейским контролем фракийские земли. В конечном счете император Константин вынужден был вступить в переговоры о мире. По устоявшейся печальной традиции, «варварам» надо было платить. На условии выплаты ежегодной дани Аспарух согласился прекратить военные действия. Мир заключили в начале августа 681 г.[1522]

Однако беспокойства, причиняемые Константинополю болгарами, на этом не завершились. Пример Аспаруха оказался заразителен для других болгар — в том числе для обосновавшегося в Паннонии Кувера. Его взор теперь тоже обратился к границам Империи. Неясно, насколько последующие события были действительно связаны с действиями Аспаруха во Фракии. Но последовали они сразу за возникновением Болгарского ханства. Отрицать здесь взаимосвязь — хотя бы на уровне подражания успеху сородича — странно.

К описываемому времени Кувер уже не один десяток лет правил своими болгарами и сирмисианами. Сирмисианами именовались потомки людей, принудительно выселенных каганом в конце 610-х гг. из опустошенных балканских провинций Империи. Первоначально место их проживания в каганате располагалось в Сирмии и округе. Но к 680-м гг. сирмисиане жили уже и к северу от Дуная. Здесь, в землях по Тисе, располагалась и ставка Кувера.[1523] Ранее уже говорилось, что сирмисиане — в числе наиболее вероятных предков позднейших балканских влахов.

Население Потисья было довольно пестрым. Среди местных жителей

https://RodnoVery.ru

имелись и кочевники, и гепиды, и славяне. Подобно другим кочевым державам, Аварский каганат строился на четком определении прав и обязанностей каждого народа, на четком отведении ему того или иного места в строгой иерархии — во главе с аварами. Влахам-сирмисианам удалось в этой иерархии подняться наверх. Они получили личную свободу, смешались с кочевниками — аварами и болгарами.[1524] Вместе с новыми свойственниками сирмисиане угнетали данников-земледельцев — в первую очередь, славян. Память о том, что «волохи» господствовали над славянами к западу от Карпат, сохранялась в славянских преданиях.[1525]

В среде влахов выделилась на аварской службе собственная знать. Типичным ее представителем был человек с латинским именем Мавр — «один из архонтов», то есть племенных вождей при Кувере.[1526] В жилах Мавра текла и болгарская кровь.[1527] Автор «Чудес святого Димитрия», который должен был знать Мавра лично, описывает его так: «выдающийся и коварный во всем и знающий наш язык [греческий] и язык ромеев [латинский], славян и булгар, вообще искусный во всем и исполненный всяческой дьявольской хитрости».[1528] Мавр отличился на службе кагану, в том числе и в войнах с ромеями. В то время «он никогда не хранил верности, но всегда из-за ничтожества, клятвопреступности и коварства поступая наихудшим образом, разорил многие места и народы».[1529] Мавр был богат, владел зависимыми «людьми» и по кочевническому обычаю имел нескольких жен.[1530]

Однако подобные вожди, прославившиеся службой кочевникам, были скорее исключением в своем народе. Сирмисиане остро ощущали свою зависимость от авар. Среди них оставалось немало христиан, и число их постепенно возрастало. Стремление сирмисиан вернуться на родину предков было почти всеобщим. Разумеется, узнал об этом стремлении и о недовольстве властью кагана со временем и приставленный управлять влахами Кувер. Ему, как и влашской знати, здесь представлялся случай самому освободиться от власти кагана.[1531]

Примерно в том же 681 г.[1532] Кувер, наконец, решился восстать. Обстановка для этого складывалась как нельзя лучше. Только что Аспарух нанес поражение аварам в Нижнем Подунавье и выбил их из дельты. Переселенные Аспарухом славяне Семи родов встали заслоном между новым Болгарским ханством и каганатом. События, произошедшие за Дунаем, вдохновляли болгар на освобождение от аварского владычества, побуждали искать новых земель на Балканах. С другой стороны, они не

https://RodnoVery.ru

могли не вызвать охлаждения между аварской верхушкой каганата и болгарскими вождями.

Кувер открыто отказался подчиняться власти кагана. Собирая болгар и сирмисиан «с имуществом и оружием», Кувер двинулся на юг, к Дунаю. Каган погнался за мятежниками. Вновь в каганате разразилась болгаро-аварская война. «В пяти или шести битвах» Кувер нанес аварам поражения. Последняя произошла при самой переправе через Дунай. Понеся сокрушительные потери, каган с остатками аварских войск обратился в бегство и ушел на север, в Паннонию. Кувер переправился через реку и вступил в желанные пределы Империи.[1533] Эти события привели к новому катастрофическому упадку Аварского каганата. Лишь через пару десятков

https://RodnoVery.ru

лет авары — теперь уже «Второго каганата» — вновь решились беспокоить соседние народы.

Кувер же, благополучно пройдя через полупустынные придунайские земли до Македонии, остановил свою многочисленную орду на Керамисийском поле — в районе Прилепа.[1534] Здесь, однако, в среде подданных Кувере началось вполне закономерное размежевание. Христиане, а по их примеру и прочие сирмисиане, стали понемногу разбредаться по византийским городам. Кто-то отправился за надежные стены не слишком далекой Фессалоники, кто-то искал пути в Константинополь, кто-то же стремился вернуться в уцелевшие фракийские города.[1535]

Все это совершенно не входило в планы Кувера и окружавшей его кочевой знати — как болгарской, так и влашской. Кувер рассчитывал создать в Македонии собственное государство и строить отношения с Империей по образцу Аспаруха. Верхушка переселенцев собралась на совет и постановила — «никто из них не должен уходить в желанные места, но самому Куверу владеть всеми смешанными пришельцами и стать им архонтом и хаганом». Если Кувер просто покорится императору, разумно рассуждали приближенные, — «тот возьмет у него весь народ и распустит, а его лишит власти».[1536]

Тем не менее Кувер нуждался в пропитании для своих людей. К северу от Дуная пропитание это обеспечивалось окрестными земледельцами-славянами. Новоявленный каган решил воспользоваться этим же способом и на имперских землях. Отправив все-таки посольство к императору Константину, Кувер «попросил» у него разрешения остаться на землях Империи. Понятно было, что после поражения во Фракии у Империи нет сил не согласиться на эту «просьбу». Бесплатно снабжать орду провиантом, «продовольствием в достаточном количестве», Кувер «просил» обязать македонских славян, дреговичей. На все эти довольно унизительные требования только что заключивший еще более позорный мир с Аспарухом император согласился.[1537]

Что касается самих славянских князей, то у них особого выбора не было. Македонские славяне, конечно, восстанавливали уже силы после разгрома 658 г. Но Фессалонику они пока тревожить не пытались. Память о карательном походе Константа еще была жива. Так что императорский приказ явился для дреговичей достаточно веским аргументом. Но и помимо него бороться против победоносной рати Кувера для разрозненных славянских «княжений» означало бы гибель. Итак, дреговичи покорились.

https://RodnoVery.ru

Влахи и болгары практически не смешивались в те годы со славянами. Они просто группами «приходили за съестным в хижины славян» и забирали его.[1538] Конечно, дреговичи встречали «насельников» не с распростертыми объятиями. Вскоре жить в близости от угнетаемых славян стало опасно. Славяне сами теперь угрожали завоевателям. Это только усиливало желание влахов бросить орду и перебраться в ромейские города.[1539]

Влахи, более близкие к славянам по жизненному укладу, общались с ними во время сбора дани чаще, чем болгары. Это общение какое-то время ускользало от взора людей Кувера. Между тем «многие» влахи расспрашивали славян о расположении и состоянии Фессалоники. Поняв, что город по-прежнему силен и находится неподалеку, влахи целыми семьями начали перебегать в Фессалонику — вопреки запрету своего кагана. Всех перебежчиков эпархи Фессалоники отправляли на кораблях в Константинополь.[1540]

Кувер и его окружение, осознав новую опасность, разгневались. Однако они и решили воспользоваться ситуацией в своих интересах. На тайном совете Мавру было поручено перебежать в Фессалонику с верными людьми, разжечь в городе смуту и сдать его Куверу. Кувер намеревался перенести в Фессалонику свою столицу, покорить всю Македонию, а затем выступить против Константинополя. Покорение славян с их прославленным флотом позволило бы совершать набеги на острова Эгейского моря и даже азиатский берег.[1541]

Мавр перешел в Фессалонику. Правители города наилучшим образом аттестовали его перед императором, а тот пожаловал ему титул консула (ипата). Все перебежавшие от Кувера сирмисиане были подчинены Мавру. Отныне их оставляли в Фессалонике под его началом. Его солдатам назначили содержание за счет казны. Он разделил его на сотни, полусотни и десятки, поставив офицерами своих сообщников, опытных воинов. Кое-кто из влахов пытался разоблачить Мавра перед властями. Но влашская знать была с ним заодно. Узнав о попытках разоблачения, Мавр велел обезглавить обвинителей, а их семьи продать в рабство. Это наложило печать на уста даже знающим или догадавшимся о заговоре. Располагавший все возрастающей за счет новых перебежчиков воинской силой Мавр стал почти что хозяином Фессалоники.[1542]

Мавр назначил мятеж на канун Пасхи. В ночь на Воскресение он велел поджечь «некоторые известные места» и в начавшемся смятении захватить город. Однако в Великую Среду неожиданно в город прибыл со всеми

https://RodnoVery.ru

своими кораблями ромейский стратиг Сисинний, командовавший созданным для борьбы с арабами флотом «карависиан». Император отправил его в Фессалонику для охраны города — на случай, если Кувер решится напасть и силой вернуть Мавра с его людьми. Таким образом, каган и его приближенный перехитрили сами себя. Перепуганный Мавр сразу по прибытии флота слег в лихорадке. Лишь через «много дней» его выходили — не без участия заботливо опекавшего его Сисинния. Ромейский адмирал, естественно, о провалившемся заговоре и не подозревал.[1543]

Когда Мавр встал с постели, Сисинний приказал его людям, а также своим морякам встать лагерем к западу от города. Этот лагерь должен был привлекать сирмисиан, спасавшихся от Кувера, и от недовольных гнетом славян. «Много дней» Сисинний и Мавр собирали стекавшихся беженцев. [1544]

Сколько времени заняли все описанные события, не совсем ясно. Неясно и то, о Пасхе какого года идет речь в «Чудесах святого Димитрия». Однако есть основания полагать, что это была уже Пасха 685 г., когда умер император Константин и на престол уступил его сын Юстиниан II.[1545] Случилось это уже после Пасхи — 10 июля.

Новый император, не доверявший договоренностям с «варварами», отправил в Фессалонику приказ — перевезти Мавра и его беженцев в Константинополь. Кораблей Сисинния для этой цели не хватило, и из столицы отправили еще суда. В Константинополе Мавра приняли добром. Он получил титул «патрикия и архонта сирмисиан и булгар». Людей его разместили на Стримоне — вновь на славянских землях, но теперь на более покорных.[1546] «Скифы» влашского и болгарского происхождения должны были и обеспечивать покорность славян, и прикрывать Македонию от возможного нападения Аспаруха. Юстиниан, грезивший лаврами своего великого тезки, уже готовился нарушить заключенный с ханом мир.

Для теперь уже византийского патрикия Мавра настало, казалось бы, время благополучия. Он получил имение где-то во Фракии, а также родовую фамилию «Бесс». Дана она была то ли по влашскому происхождению, то ли по месту нового поселения. Мавр Бесс мог забыть об обязательствах, взятых перед Кувером. Но, кажется, не забыл. Неверен Мавр был только ромеям. Теперь же сам едва не пал жертвой предательства. Вскоре после переселения собственный сын Мавра донес императору не только о былом заговоре против Фессалоники, но и о том, что отец готовил покушение на монаршую особу во Фракии. Юстиниан,

https://RodnoVery.ru

убедившись, что Кувер не тронул ничего из имущества «перебежчика», да еще и воздает более высокие почести его женам, признал вину Бесса. Тем не менее смертной казни Мавр избежал. Он был лишь смещен с должности и заключен в тюрьму.[1547]

Тем не менее Юстиниан не намеревался спускать обиды Куверу. Он объявил о разрыве мира с болгарскими ханами. Первый удар ромеев обрушился именно на Македонию. В сентябре 688 г. императорское войско выступило в поход на запад. Перебросив конные части во Фракию, Юстиниан сам во главе их вторгся в земли струмлян. Здесь ему «случайно» встретилось войско болгар. Кувер не оставлял надежд распространить свою власть на Македонию, но успех сопутствовал императору. Болгары были отброшены. Император с боем пробился до Фессалоники, громя по дороге как болгарские, так и славянские отряды. Впрочем, не все славяне, несмотря на свои «великие полчища», рискнули меряться силой с Юстинианом. Для них, ничем перед Империей не провинившихся, вторжение жаждущего крови василевса явилось полной неожиданностью. Кто-то пытался сопротивляться, но другие предпочли запросить мира на условиях ромеев. Повсюду в Македонии императору сопутствовал успех. Вступив в Фессалоники, Юстиниан, связывавший свою победу с помощью святого Димитрия, первым делом одарил его храм доходами от местного соляного промысла.[1548]

Затем он распорядился делами побежденных славян. Часть их, — прежде всего перешедших в его власть добровольно или готовых присоединиться к его войску, — он решил по примеру деда выселить из Македонии. Переправив их из Фессалоники в азиатский Авидос, он велел им расселиться в феме Опсикий. Там, на северо-западе Малой Азии, уже жили славяне, расселенные Константом. Запамятовав о печальном дедовском опыте, Юстиниан вновь намеревался использовать славян против арабов. Впрочем, на этот раз он вроде бы имел дело с «добровольными» переселенцами, которых возглавляли собственные вожди, «более благородные».[1549]

В Македонии Юстиниану сопутствовал видимый успех. Немудрено — императору здесь пришлось иметь дело с разрозненными, к тому же не ждавшими столь мощного нападения племенами. Совсем иначе пошли дела, когда на обратном пути от Фессалоник в начале 689 г. Юстиниан решил испытать на прочность южные границы ханства Аспаруха. В горной теснине болгары заперли ромейское войско. Произошла настоящая «резня». Сам император еле спасся, получив «многочисленные ранения». Так

https://RodnoVery.ru

грандиозный, уже восхваленный самим императором в Фессалонике поход закончился сокрушительным поражением.[1550]

Но Юстиниан, не смиренный поражением в Болгарии, готовился к новой войне. Борьба его отца с арабами кончилась победоносно, и мир был более чем выгоден ромеям. Но по истечении срока договора в 687–688 гг. Юстиниан начал военные действия. После первых неудач и поражения от болгар император заключил было мир. По этому договору арабы, оставшись «данниками» Империи, вместе с тем получали всю Сирию, Ливан, а также половину налоговых поступлений с Кипра и Армении. Обустроив славян Македонии в Малой Азии и оценив их число, Юстиниан решил нарушить мир с опорой на свежие силы. С конца 690 г. начались столкновения, но с официальным расторжением договора император не торопился.

В конце 691 — начале 692 г. из славян Вифинии сформировали и вооружили за счет имперской казны «отборное войско». Так его назвал сам император. Во главе войска Юстиниан поставил знатного славянина Небула. Сохранилось золотое кольцо-печатка Небула с его монограммой. Получено оно, надо думать, при назначении от императора. Для своих соплеменников Небул являлся князем, для ромеев, соответственно, — «архонтом».[1551] Общая численность «отборного войска» составила 30 тысяч человек. После завершения набора, летом 692 г., Юстиниан объявил арабам войну. Юстиниан со славянским войском и всей ромейской кавалерией выступил на восток. У Севастополя в приморских областях Малой Азии император встретился с арабским полководцем Мухаммадом бен Марваном. В первом сражении арабы потерпели поражение. Но Мухаммад тайно отправил Небулу колчан, полный золотых монет, сопроводив его щедрыми посулами и просьбой перейти на свою сторону. Небул согласился. Едва ведомые арабы по-прежнему казались славянам привлекательнее ромеев, к тому же после вероломного вторжения Юстиниана. Цена же «добровольности» славянского переселения в Азию теперь была совершенно ясна. В следующей битве под тем же Севастополем, в которой арабы несли впереди войска вместо стяга договор с Юстинианом, ромеи потерпели поражение. Как только войска императора дрогнули, Небул с двумя третями своих воинов перешел на сторону арабов. Мухаммад и Небул вместе преследовали бегущих ромеев, избивая их.[1552]

Судьба славян, сохранивших ромеям верность, оказалась страшной. Юстиниан по-своему отблагодарил тех, кто остался ему верен вопреки измене собственного князя. По его приказу все уцелевшие в битве и

https://RodnoVery.ru

бежавшие вместе с ромеями славяне были убиты со своими женами и детьми. Произошло это «у так называемой Левкаты, в месте обрывистом, прибрежном, расположенном на Никомидийском заливе».[1553] Расселенные в Вифинии славяне (или немалая их часть) были приписаны к царской казне в качестве рабов-пленников. Ими заведовал теперь ромейский чиновник в должности «апоипата славянских рабов епархии вифинов».[1554]

Судьба же славян в Халифате в сравнении с этим подтверждала как будто правильность расчетов Небула. Славяне расселились в Сирии, где уже имелись поселения их соплеменников, перебежавших некогда от Константа. Они еще долго сохраняли здесь определенную самостоятельность. В VIII в. численность сирийских славян возросла еще за счет переселенцев с севера. Об этом речь пойдет позднее.

Но положение славян-язычников в мусульманском Халифате, конечно, не было радужным. И недаром Феофан замечает, что Мухаммад «обманул» Небула.[1555] Никакого высокого положения без принятия ислама славянин в Халифате достичь не мог. Более того, господствовавшая в пору джихада логика «меч или ислам» делала со временем обращение неизбежным. Заметим, что ромеи в ту пору христианство славянам не только не навязывали, но и не слишком активно проповедовали.

Как бы то ни было, пока, в первые годы, переселенные в Халифат славяне не являлись еще мусульманами. Резко возросшая их численность тревожила простых арабов. Даже внешне отличавшиеся от них, привыкшие к независимости и стремившиеся к ней славяне воспринимались окружающими как некая угроза. У поэта ал-Ахтал славяне — синоним вызова и угрозы: «Верблюды каравана сторонятся встречных людей, точно видят в них толпу златокудрых саклабов».[1556]

В то же время именно необычность, чуждость славян привлекала арабскую знать. Взять себе на службу славянина — означало подчеркнуть свои богатство и могущество. В поэме неустановленного автора, посвященной восхвалению одного из омейядских царевичей, как признак его славы упомянуты и его телохранители из «красных саклабов». Вместе с чернокожими африканцами они добавляют блеска передвижениям господина.[1557]

Главным же достоинством славян в глазах арабов являлись их боевые качества, а также опыт борьбы с ромеями и жизни на ромейских землях. Уже в 694 г. Мухаммад бен Марван вторгся в пределы Империи, имея в качестве «знатоков Романии» славян. Мухаммаду сопутствовал успех. «Многих» ромеев он увел в плен. Так временный успех Юстиниана в

https://RodnoVery.ru

Македонии обернулся в конечном счете новыми несчастьями для его Империи.

Впрочем, и македонские достижения при ближайшем рассмотрении оказались весьма скромными. Кувер так и остался на Керамисийском поле, не так уж далеко от Фессалоники. Оставалась его орда здесь и в начале VIII в., совершенно не подчиняясь ромеям.[1558] Славян, доселе верных, пусть поневоле, необоснованная кара Юстиниана только оттолкнула. С другой стороны, напуганные и отчасти освобожденные произошедшим влахи разбрелись по всем окрестным балканским землям. Империя никак не могла контролировать передвижения полукочевого и не слишком покорного народа. Именно тогда влахи и «рассеялись по всему Эпиру и Македонии, а большинство их поселилось в Элладе», как писал о том спустя века Кекавмен. Часть влахов, однако, освободившись от власти Кувера, осталась среди дреговичей. Ромейская и болгарская угроза быстро сплотили тех и других. Влахи вошли в ринхинский племенной союз, возглавляемый дреговичами. К началу VIII в. союз этот получил новое имя — «влахоринхины».[1559] Именно здесь, в Македонии, впервые началось смешение влахов с южными славянами, оказавшее позже большое влияние на историю и тех и других. Сам Кувер не мог не считаться с новым соседством — крупным славянским племенным союзом, усилившимся за счет его бывших подданных. Здесь можно увидеть едва ли не главную причину того, что болгарский каганат в Македонии оказался краткосрочен. Во Фракии Аспаруху удалось опереться на славянские племена. В Македонии они быстро сбросили болгарское владычество. Только это и оказалось единственным прочным итогом похода Юстиниана.

Культура и общество в VIII в.

На протяжении VIII в. южное славянство окончательно разделяется на три больших группы. Одну из них составили славяне Болгарии и Македонии, другую — сербские племена, третью — «альпийские» славяне в Паннонии, Хорутании и Хорватии. Каждая из этих групп имела свои особенности в языке и культуре, отличавшие их от сородичей и соседей.

«Болгаро-македонская» группа вполне уже сложилась как отдельная целостность к IX в. Это выразилось, в первую очередь, в диалектной общности. Сближению славян Фракии и Македонии способствовали вторжения болгар и передвижения славян в ходе болгаро-византийских

https://RodnoVery.ru

войн. С другой стороны, сложившаяся общность имела и более глубокие исторические корни — в антских истоках болгарской и македонской культур. На диалектах, близких болгарским и македонским, говорили в VIII–IX вв. также славяне на территории современных Греции и Албании. [1560] Ясно, что значительная часть общих черт болгарской и македонской культуры, отличающих их от других славянских культур, появилась именно в эти века. Но как конкретно протекали эти процессы, мы судить не можем, — данные о духовной жизни южных славян дохристианской эпохи весьма скудны.

Лишь немногим иначе обстоит дело с материальной культурой. В VIII в. восточная часть южных славян продолжала делиться на те же три культурных ареала, что и в VII. В первом — к северу от Дуная — на смену ипотештинской археологической культуре приходит культура Хлинча I. Во втором — к югу от Дуная в Болгарии — продолжалось вплоть до конца века развитие попинской культуры. Третий ареал — Македония и Греция — также сохранял наследие предшествующего века, «мартыновской культуры» аваро-славянского происхождения. Похоже, что сближение бытовых навыков южных славян шло медленнее, чем сближение диалектов.

Славянские земли к северу от Дуная запустели в результате нашествия Аспаруха и устроенных им переселений. Лишь очень небольшая часть дунайцев из числа Семи родов осталась на прежних местах, в Мунтении и Олтении.[1561] Романское население, и без того немногочисленное, теперь рассеялось или окончательно слилось со славянами. Для Болгарского ханства земли между Карпатами, Прутом и Дунаем являлись полем битвы против наступающих с востока хазар. Постоянная военная угроза не сулила ни болгарам, ни местным славянам стабильной жизни. Аспаруху, строго говоря, было выгодно оставить на Нижнедунайской низменности выжженную землю, которая в случае захвата не приносила бы врагу никакой пользы. На севере осталось ровно столько зависимых от него дунайских словен, сколько было необходимо для снабжения и пешего прикрытия болгарского войска.

Однако в долине Сирета, в позднейшей Молдове, славянское население сохранилось. Оно еще и возрастало за счет притока новых переселенцев с востока, из-за Прута. Приток этот продолжался на протяжении всего VIII в. и позднее. Конечно, он отличался от могучих переселенческих волн VI столетия. Но все же он оказался достаточен, чтобы поддерживать существование новой славянской культуры.[1562]

Первым толчком к переселениям славян на запад Прута, в Молдову,

https://RodnoVery.ru

стало движение дулебских племен на юг и занятие ими на рубеже VII/VIII вв. антских земель. Большая часть антов слилась с пришельцами. Подробнее речь об этом пойдет ниже. Здесь же отметим, что для не желавших принять такое слияние или для изгнанных пришельцами антов естественно было искать новый дом за Прутом, среди сородичей и подобно предкам. Это переселение и дало начало новой культуре, получившей название Хлинча I по одному из поселений в Центральной Молдове, в окрестностях Ясс. Из этого района славяне расселялись на север, до Сучавы, и на юг, до окрестностей нынешнего Бухареста. При этом приток населения — теперь уже дулебского — с востока не прерывался.[1563] Ясной причиной такого притока являлось давление хазар. Славяне искали защиты от них на землях их вечного врага — Болгарского ханства.

Облик культуры Хлинча I вполне славянский. Точнее даже сказать, что он ярко выраженный славянский — в большей степени, чем у прежней ипотештинской. Это сказывается и в облике поселений и жилищ, и в безусловном преобладании лепной керамики, и в погребениях с кремациями. Впрочем, встречается и гончарная керамика «римско-византийского» типа. Наряду с кремациями, на тех же могильниках, нередки и трупоположения. Все это можно связать с проникновением из-за Дуная и с Карпат влахов, предков нынешних румын, с рубежа VIII/IX вв. Именно в это время прарумынский язык вступает в тесный контакт со славянским, и начинается длительная романизация местных славян. Ее облегчило присутствие в Мунтении и местных «волохов», остатки которых теперь слились с пришельцами.[1564]

К югу от Дуная попинская культура продолжала существовать до конца VIII в. Все это время славяне и болгары оставались двумя отдельными, почти не перемешивающимися между собой этносами. Те и другие полностью сохраняли свою самобытность. Лишь кое-где в Скифии с начала VIII в. смешение двух народов делало самые первые шаги. Однако и это не приводило к возникновению единой культуры. Славяне твердо придерживались, в частности, своих языческих ритуалов, а болгары — своих. Даже пользуясь одними могильниками, они хоронили своих умерших по-разному. Болгары — по обряду ингумации, с конями и оружием. Славяне — сжигали мертвых, как правило, без всякого инвентаря, иногда и погребали прах без урн. Лишь отдельные новые элементы в славянских обрядах свидетельствуют о внешних влияниях. Урны иногда покрывали — свидетельство смешения с фракийцами. У болгар же восприняли в обычай бросать погребальный костер жертвенное

https://RodnoVery.ru

мясо.[1565]

При этом славяне все более превосходили кочевников числом. К началу 760-х гг. их жило в Болгарии уже несколько сотен тысяч.[1566] На рубеже VIII/IX вв. ситуация меняется. Попинская культура и культура бывших кочевников болгар сливается в единую культуру будущего Болгарского царства.[1567] В науке это новое, только еще родившееся в самом конце VIII в. культурное целое получило имя балкано-дунайской культуры.

В балкано-дунайской культуре прослеживается три исходных составляющих. Первой была культура славян Семи родов, дунайских словен, называемая ныне попинской. Второй — культура кочевых гунно-болгар. К концу VIII в. столетнее совместное, на одних землях, проживание со славянами сделало свое дело. Началось медленное смешение народов, причем менее многочисленные, уже переходящие к оседлости болгары славянизировались. Образцовым в этом смысле является просуществовавшее несколько веков попинское селище Джеджови лозя. В VIII в. на нем поселяются перешедшие к оседлости болгары, приносящие свою гончарную керамику и круглые, по подобию юрт, дома с очагами. Вскоре они растворяются в славянской среде и возникает новая «славяно-болгарская» культура.[1568] Третьей же составляющей населения Болгарского ханства являлись носители «римской» культуры.[1569] Их число возрастало за счет как многочисленных войн, так и переселения влахов с запада и с юга. Через земли Фракии и Мезии влахи двигались и дальше, за Дунай. Именно эти восточные романцы, наряду с карпатскими сородичами, явились прямыми предками румынского народа.

Македония и Греция в это время медленно восстанавливались после катаклизмов предшествующих веков. Одним из таких катаклизмов, конечно, явилось и славянское нашествие. Плотность населения в Македонии на протяжении VII–VIII вв. оставалась невелика, и славяне явно не заняли всей ее территории. Впрочем, отметим, что причиной тому явились и ромейские карательные экспедиции с последующими массовыми депортациями славян. Таких было две за VII в., причем только Юстиниан переселил не менее 30 000 боеспособных мужчин-славян с семьями. Естественно, что Македония — край войны между славянами, ромеями, а теперь еще и болгарами, и влахами, — обживалась медленно. Славяне постоянно жили в основном на Охридском озере.[1570]

Вместе с тем на уровне местного населения вражда постепенно изживалась. Славяне, греки, иллирийцы становились ближе друг к другу.

https://RodnoVery.ru

Немногочисленное иллирийское население Македонии год за годом растворялось в славянской среде. То же самое — славянизация греков-селян — вплоть до конца VIII в. местами происходило и на юге, в Греции. Продолжалось смешение славян и иллирийцев и в Эпире.[1571] Славяне, перенимая местные хозяйственные навыки, хранили верность своему языку и религии, греческому же языку оставались «совершенно непричастны». [1572]

Хозяйственная жизнь славян не претерпела значительных изменений. Если в Греции они переняли многие обычаи и быт местных жителей, то на севере, близ Дуная и в Македонии, черты славянской культуры сохранялись нетронутыми. Поселения культуры Хлинча располагались у воды и представляли собой скопления отдельных «гнезд» жилищ. Основной тип жилища здесь — прямоугольная полуземлянка. Отапливались жилища печами-каменками, но в других случаях глиняными печами или очагами, обложенными камнем. Набор находок в жилищах тоже вполне обычен для славянских культур — орудия труда, наконечники стрел, железные кольца. Лепная посуда скромно орнаментирована вдавлениями и насечками.[1573] Облик хлинчевских памятников в целом выглядит гораздо более первобытным, чем у попинских. Это подтверждает приток в Молдову и Мунтению славян из-за Прута, еще не знавших гончарного круга, живших неразделенными большими семьями.

Основными занятиями славян к югу и к северу от Дуная являлись земледелие и скотоводство. Во Фракии их роль к концу VIII в. — отчасти в ущерб охоте — еще и возрастает. Основной животной пищей болгарских славян являлось мясо крупного рогатого скота, и его потребление неуклонно росло.[1574] В немалой степени увеличению стад, содействовало, конечно, начавшееся смешение с болгарами.

Важным хозяйственным достижением южных славян было повсеместное освоение к концу VIII в. гончарного круга. К югу от Дуная гончарная посуда — плавно расширяющиеся кверху горшки — господствует с этого времени безраздельно, полностью вытеснив лепную. К северу от Дуная гончарные сосуды славянских типов только появляются. Древнейшая форма гончарного диска, известная славянам, — «медленный», вращаемый руками. Но к концу VIII в. славяне, по крайней мере, знали уже и ножной «быстрый» круг, используемый ромеями и влахами.[1575]

Южные славяне по-прежнему жили широко разбросанными соседскими общинами. Община, как и ее основная ячейка — большая

https://RodnoVery.ru

семья, — была гораздо прочнее к северу от Дуная, ввиду большей однородности населения. К югу, где славяне смешивались с кочевниками или ромеями, это неизбежно вело к расшатыванию общинных устоев.

Славяне объединялись в крупные племена и племенные союзы — «славинии». Каждое племя обладало определенной территорией, которую считало своей. Во главе каждой славинии стоял князь — «архонт». В описываемых землях славянские «архонты» не были в VIII в. самостоятельными правителями. В Болгарии они подчинялись болгарскому хану, в Македонии и Греции — византийскому императору. Однако формы и степень такой зависимости славиний сильно различались.

Северы и Семь родов платили болгарским ханам дань, защищали границы Болгарии от ромеев и авар, поставляли войска для ханских походов. В то же время они самостоятельно распоряжались своими делами и могли совершать собственные набеги на Византию.[1576]

В Македонии от Империи к началу VIII в. больше зависели вожди смолян и их соседей на Стримоне. Именно на струмлян дважды и с наибольшей силой обрушивался в минувшем веке карающий меч Константинополя. Они же неизбежно становились главными жертвами депортаций. Это, однако, только усиливало их западных соседей — влахоринхинов и их союзников сагудатов. Особенно силен был племенной союз влахоринхинов, который включал дреговичей, многочисленных берзичей, а также примкнувших к славянам в конце VII в. влахов. В землях берзичей располагался первый укрепленный град славян в южной части Балкан — Охрид. Стоит заметить, что на землях Болгарии славянские грады этого времени неизвестны. Другое дело, что славяне подчас селились в развалинах римских крепостей, не перестраивая и не подновляя их. Ясно, что влахоринхины и сагудаты с легкостью выходили из призрачного повиновения имперской власти.

Еще в большей степени относилось это к славиниям Греции. Из них известны славинии велеездичей в Фессалии, войничей в Эпире, милингов и езеричей на Пелопоннесе. Славянских племен в Греции было, впрочем, гораздо больше. «Авары» — так по старой памяти звали их греки, хотя в культуре здешних славян почти ничего аварского не осталось, — занимали в первой трети VIII в. «епархии Диррахия и Афин».[1577] То есть они расселились на обширной территории от Адриатики до Эгеиды. Расположенная примерно посреди этой разрезающей Элладу дуги славиния войничей возглавляла, таким образом, большой племенной союз. Еще один союз сложился на Пелопоннесе, где верховодили милинги и езеричи. Для

https://RodnoVery.ru

всех этих племен «зависимость» от Империи ограничивалась разовыми дарами императору и не мешала то и дело воевать с ромеями.

Единственной в полной мере зависимой от Империи племенной группой южных славян были славяне Вифинии, принудительно выселенные туда из Македонии. Им, как мы помним, Юстиниан II сам назначил архонта — впрочем, из собственной славянской знати. Измена же Небула повлекла за собой утрату племенной самостоятельности и полное подчинение уцелевших вифинских славян императорской воле.

Знакомство с бюрократической системой Империи и с жесткой военной иерархией болгар не могло не заинтересовать славянских князей. Шаг за шагом они укрепляли свою власть, следуя новым образцам. Уже во второй половине VIII в. князья могли распоряжаться имуществом людей своего племени — в том числе рабами.[1578] Раньше такая власть принадлежала одном лишь вечу. Опорой князей являлись преданные им дружины, а равным образом и знать, хотя бы на словах выбиравшая их.

Частые войны и грабительские набеги способствовали обогащению князей и знати — впрочем, и рядовых славян-воинов тоже. Процветали

https://RodnoVery.ru

рабовладение и работорговля. Ни о каких освобождениях рабов-пленников по истечении срока теперь и речи нет. «С давних времен», десятилетиями, тысячи пленных ромеев могли оставаться в рабстве.[1579] Обустроив жизнь на новых местах, славяне могли гораздо бдительнее наблюдать за всем своим достоянием, и за рабами тоже. Раб мог стать предметом торга и выкупа.

О религии южных славян этого времени сведений мало. Как уже говорилось, на Балканах славяне-язычники не оставили заметных следов преданности вере отцов. Но поскольку племена Болгарии, Македонии и Греции часто воевали с ромеями, постольку религиозное отличие от врага осознавалось и подчеркивалось ими. Христианство воспринималось, с неизбежностью, как вера «греков». Отступничество от него могло приветствоваться в среде славян. Так, ближайшим соратником князя северов Славуна был в 760-х гг. вероотступник Христиан. Он являлся вожаком разбойников — скамаров, отряды которых орудовали вдоль границ Империи с Болгарией.[1580] В среде скамаров, в основном влахов, отступничество, надо полагать, случалось нередко.

Некоторые данные о языческой вере «авар»-славян Греции VIII в. сообщает созданное тогда «Житие святого Панкратия». Описанные «авары» почитали, по их собственным речам, «в качестве богов изображения всех видов четвероногих, огонь, воду и наши мечи». У них будто бы имелся «храм» с этими «изображениями» — но это уже явная условность, никаких храмовых зданий у южных славян не было. «Знаменитейших из богов» «авары» брали с собой в сражение. «Чтобы они могли сражаться за нас, — объясняли они, — и ставили их впереди себя».[1581] В этой картине нет практически ничего необычного и недостоверного. Южные славяне знали обожествленный Огонь. Для племени же, жившего морским разбоем (как «авары» Жития), естественно почитать водные божества. «Изображения всех видов четвероногих» — священных животных — известны по велестинской коллекции. Несколько странно для славян почитание мечей. Но воинственные «авары» греческого приморья могли воспринять его и от гепидов, и от подлинных авар. На славянских капищах Балкан, конечно, стояли деревянные идолы. Некоторые из них и выносились в сражения, как описывает Житие.

Славяне хранили верность своей языческой религии, поскольку она обособляла их от враждебных «греков». Но как только исчезала враждебность — исчезала, в отсутствие глубокой религиозности, и причина для языческого упорства. Те из славян, кто вступал в мирные

https://RodnoVery.ru

сношения с греками или оказывался доступен для христианской проповеди, с готовностью принимали крещение. Известно, пусть поверхностное, обращение в христианство македонских славян — влахоринхинов и сагудатов — в первой половине VIII в.[1582]

Перед крещеным славянином открывался путь в имперскую элиту. Уже в начале VIII в. известен византийский дипломат, патрикий Сисинний Рендаки — предположительно славянин. Он, кажется, имел связи с Фессалоникой, что делает возможным происхождение из македонских славян. Византийский двор использовал Сисинния для сообщения с болгарами.[1583]

Итак, славяне, проживавшие в пределах Империи, в VIII в. начали понемногу приобщаться к христианству. Но, к несчастью, этот первый этап обращения выпал на время жесточайшей смуты в делах церковных. Императоры-иконоборцы из Исаврийской династии своими гонениями омрачили для православных иконопочитателей большую часть VIII столетия. Естественно, что на первых христиан и тем более священнослужителей из числа южных славян торжествовавшая при дворе доктрина оказала свое воздействие. У некоторых из числа неопытных, малограмотных неофитов борьба с «идолопоклонством» в среде христиан неизбежно находила отклик.

Таким печальным порождением иконоборческой эпохи являлся патриарх Константинополя Никита I. 16 ноября 766 г. император Константин V незаконно устроил рукоположение в патриархи славянина-евнуха Никиты, настоятеля одной из столичных церквей. Весьма слабая образованность сочеталась у Никиты с пылом неофита, и пыл этот оказался направлен против «идолопоклонства» в Церкви — почитания икон. Император нашел в глухом к ученым аргументам иконопочитателей невежде послушного исполнителя своих замыслов. Под предлогом ремонта церквей Никита выявил и уничтожил все иконы и мозаики с изображениями Христа и святых. Этим варварским кощунством он и вошел в историю Церкви. Умер Никита 6 февраля 780 г., и доброй памяти по себе не оставил. С 843 г. имя его анафематствовано.[1584]

Но, конечно, не Никита — пусть и первый столь высоко поднявшийся в церковной иерархии славянин — определяет лицо южнославянского христианства. Движение славян к новой вере только началось. Продолжилось же оно уже после торжества иконопочитания, в лоне устоявшей перед натиском иконоборцев византийской культуры. И уже в следующем веке из среды славян выйдут первые подвижники

https://RodnoVery.ru

христианства, чьи имена до сих пор чтит в сонме святых Православная Церковь.

В годы кризиса Империи

На рубеже VII/VIII вв. Византия вновь оказалась в глубоком упадке — более длительном и едва ли не более тяжком, чем в начале минующего века. Виной тому стало тираническое правление императора Юстиниана II, последнего в Ираклейской династии. Пожалуй, со времен Фоки византийский престол не знал столь жестокого и сумасбродного деспота. Жестокость императора обращалась отнюдь не только на подвластных и соседних «варваров». Еще в большей мере познали ее, разумеется, сами ромеи. Наконец, прямое столкновения императора с патриархом вызвало восстание в столице. В 695 г. Юстиниан был низложен. Свергнутому императору отсекли нос и сослали его в Херсон.

Но мира и покоя не наступило. Новый император Леонтий продержался лишь три года. В 698 г. короткая вспышка гражданской войны вознесла на престол командующего византийским флотом Апсимара — под именем Тиверия III. Между тем Юстиниан искал возможности вернуть власть. Женившись на дочери хазарского кагана, он рассчитывал на его помощь. Но жестоко просчитался. Каган был готов выдать его ромеям. Юстиниану пришлось бежать из Причерноморья. По морю в 705 г. он прибыл в Болгарию.

К тому времени Аспаруха уже не было в живых. Создатель балканской Болгарии погиб в 702 г. в битве с хазарами на Дунае. Власть унаследовал его сын Тервель.[1585] Юстиниан сначала обратился не к нему, а к кочевавшему в Македонии Куверу или к его наследникам. Македонские болгары, однако, не поверили воевавшему с ними прежде Юстиниану. Не желая участвовать в византийской смуте, они откочевали на север. Иначе повел себя Тервель. Встретившись с Юстинианом, он согласился оказать ему помощь. Изгнанник пообещал щедро одарить хана, в том числе имперскими землями. Тервель собрал все свои силы, в том числе и воинов с подвластных славиний. Осенью 705 г. болгаро-славянская рать с Тервелем и Юстинианом во главе подступила к Константинополю.[1586]

https://RodnoVery.ru

Впрочем, жители столицы, уставшие от смут и напуганные болгарским нашествием, предпочли покориться Юстиниану. Тот вступил в город со своими приближенными ромеями, не встретив сопротивления. Тервель получил обещанную награду. Первым из сопредельных варварских вождей — случай поистине невиданный в истории Империи — он получил титул кесаря. Этот щедрый дар, впрочем, лишь скрывал лицемерие Юстиниана. Вскоре он попытался возобновить войну с болгарами — и

https://RodnoVery.ru

сразу потерпел очередное поражение. Главным итогом событий стало распространение власти болгарских ханов на юг от Балканского хребта, в болгарское Загорье, Загору. Эти земли, где уже жило немало славян, теперь заселялись ими еще плотнее. Славянское население Болгарского ханства значительно увеличилось.

Второе правление Юстиниана продлилось еще меньше первого. Военные неудачи и жестокие расправы над врагами навлекли на вернувшегося тирана общую ненависть. Роковой оказалась попытка Юстиниана вернуть Херсон, отложившийся к хазарам. Серия экспедиций против мятежного города кончилась в итоге только разрастанием мятежа. Последним посланным из Константинополя флотом командовал Мавр Бесс — и он, оправдывая давнюю свою репутацию, перешел на сторону мятежников. Восставшие провозгласили императором Вардана Филиппика — прямого ставленника хазарского кагана. Несмотря на вновь оказанную помощь Тервеля, Юстиниан потерпел поражение. 7 декабря 711 г. он, попавший в руки к Вардану, был казнен.[1587]

И вновь падение Ираклейского дома — теперь окончательное — не привело к миру и порядку. Перевороты следовали один за другим. В 713 г. Вардана свергли и ослепили, на престол вступил придворный секретарь Артемий под именем Анастасия II. В 715 г. страна вновь была ввергнута в гражданскую войну. Восставший флот провозгласил императором известного своей честностью сборщика налогов Феодосия, а фема Анатолик — своего стратига Льва Исавра. Артемий был свергнут сторонниками Феодосия и выслан в Фессалонику. Армия Льва Исавра двинулась на Константинополь. Все это происходило на фоне непрекращающегося натиска арабов. В 717 г., по следам армии Льва, они прорвались к самому Константинополю и осадили его, в том числе и с европейского берега. Чудом столица Империи смогла устоять. Но новому императору Льву III потребовалось время, чтобы завершить гражданскую войну и оттеснить мусульман от Мраморного моря.

Воцарившийся в центре Империи хаос, разумеется, использовали славяне. Зависимость славиний Македонии и тем более Греции от Империи стала в эти годы пустым звуком. Славяне свободно расселялись на имперских землях, занимая новые. Во времена Льва III они владели уже всей Македонией. Этому способствовало и усиление Болгарского ханства, стремившегося распространить свою власть на Македонию и поощрявшего расселение здесь славян.[1588]

Расселение славян по Македонии являлось теперь мирным и

https://RodnoVery.ru

постепенным. Оставшаяся островом в славянском море Фессалоника совсем иначе теперь строила отношения с «варварами». В начале VIII в. славяне уже оседали в самом городе. Местная знать, давно склонная к соглашательству, теперь почти что приняла славянских вождей в свои ряды. Некоторые из славян крестились, перешли на имперскую службу и достигли высокого положения — как Сисинний Рендаки. Гавань Фессалоники стала пристанью для некогда наводивших ужас на ее обитателей славянских боевых ладей-однодеревок.[1589]

Приобщение славян к городской жизни происходило не только в Фессалонике. То же самое имело место и в Вифинии. Здесь славяне, освобожденные от чиновного надзора ромейской смутой, также чувствовали себя теперь гораздо вольнее. Местами они превращались в основное население — даже в городах. Какой-то «город славян» в Малой Азии захватил около 715 г. наступавший на Константинополь арабский полководец Маслама.[1590]

Неудивительно, что в конечном счете кое-кто из славянских вождей решился принять участие в борьбе за власть над Византией. Возможность для этого появилась в 718 г., когда константинопольская знать составила заговор против Льва III. Глава заговорщиков Никита Ксилинит поддержал вожделения пребывавшего в Фессалонике Артемия. За Артемия стояли знатные люди этого города во главе с архиепископом — и тесно связанные с местными ромеями славянские вожди. Сисинний Рендаки находился в ту пору с миссией у болгар, которых Лев склонял к союзу против Халифата. Заговорщики попросили Сисинния привлечь хана на свою сторону — и Сисиннию это удалось. Тервель предоставил лично прибывшему к нему Артемию болгарскую конницу и золото. С болгарами и Сисиннием Артемий вернулся в Фессалонику, где по его призыву уже собрался славянский флот. Славяне на своих однодеревках должны были прикрывать армию мятежников с моря. Артемий и Сисинний по суше, а славянский флот по морю двинулись к столице.

Но Никите и его сообщникам не удалось впустить Артемия в город. Только что отстоявший столицу Лев пользовался у горожан гораздо большей популярностью, чем прежний незадачливый правитель. Войско дошло до Ираклии на северном берегу Мраморного моря, флот встал близ берега — но дальше продвинуться оказалось не суждено. В Болгарии побывало новое посольство от Льва, убедившее Тервеля сохранить верность прежнему миру. Тервель, оценив ситуацию, решил поставить на победителя. По его приказу Артемия и архиепископа выдали Льву, а

https://RodnoVery.ru

Сисиннию отрубили голову на месте. После этого болгарское войско покинуло славян и солунцев. Впрочем, и для тех война теперь стала бессмысленной. Они и не пытались ее продолжить. Артемия, Никиту и архиепископа Фессалоники по приказу Льва предали публичной казни.[1591]

Однако провал заговора Артемия, завершивший гражданскую войну в Византии, не означал еще прекращения славянского давления на Империю. Для самих славян это, конечно, был мелкий эпизод, дерзкое, но вовсе не этапное предприятие. Несмотря на энергичные меры Льва — а в чем-то и благодаря ним — смута в Империи утихла не вполне. Лев положил начало иконоборчеству Исаврийской династии. Церковный раскол вызывал и политические неурядицы. Дважды еще выливались они в гражданские войны — при Льве в 726–727 гг. и при сыне его Константине V в 742–743. Главными заботами для Империи являлись сдерживание арабов на востоке и замирение болгар на севере. Славинии Македонии, Эпира и Греции могли чувствовать себя совершенно свободно.

Неудивительно, что первые годы царствования Исаврийцев оказались временем новых славянских набегов и расселений. Установление прочного мира, даже союза с Фессалоникой открыло для славян полуостров Халкидику, простершийся к востоку от города. Константинополю судьба внутренней Македонии и Халкидики, кажется, была совершенно безразлична. Местное же чиновничество срасталось со славянской знатью. Заселяли Халкидику влахоринхины и сагудаты. Более близкие к ней струмляне все еще были ослаблены после похода Юстиниана. К тому же теперь им приходилось отстаивать свою независимость от надвинувшихся с севера болгар. В правление первых Исаврийцев, еще в пределах первой половины VIII в., ринхины и сагудаты целыми семьями расселились в окрестностях горы Афон — знаменитого центра православного монашества. Расположена гора на крайнем юге Халкидики, у оконечности ее восточного мыса Нимфеон. В эту местность ринхины и сагудаты пришли с северо-запада, заняв уже почти весь большой полуостров. Никто не помешал язычникам обосноваться близ монашеских келий. Вообще, их расселение никакого сопротивления не встречало.[1592]

Одновременно с широким расселением славян возобновилось и морское пиратство. Вновь ушло из жизни поколение, помнившее победы имперских армий. Молодежи требовались не только жизненное пространство, — его теперь хватало, — но и воинская добыча. Причем целями разбойничьих рейдов теперь все чаще становились ромейские прибрежные земли. Набеги могли возглавлять и сами славянские

https://RodnoVery.ru

«архонты». Примерно в 730-х гг. или немногим позже славяне опустошили Имврос, Тенедос и Самофракию — острова в северо-восточной Эгеиде, близ входа в Дарданеллы. В набеге или серии набегов участвовал флот нескольких племенных княжеств. Тысячи ромеев увезли в рабство.[1593] Расположение островов определенно указывает на славян Македонии. Это могли быть и обосновавшиеся теперь на Халкидике ринхины с сагудатами, и струмляне.

Созданное примерно в то же время, в 730-е гг., «Житие святого Панкратия» описывает «авар», живших по Адриатике, в округе Диррахия. Они вели войну с сицилийскими ромеями, временами подвергаясь и набегам с их стороны.[1594] Владения этих славян-«авар» вплотную смыкались с землями берзичей у Охридского озера, а на севере — с дуклянами. Они находились в союзе со своей родней, расселившейся до Афин. От Эгеиды до Адриатики протянулся пояс свободных славиний, в те годы противостоявших если не самой Империи, то местным ромейским властям.

Крайний юг Греции, Пелопоннес, в этих условиях оказался совершенно отрезан от Константинополя. Похоже, что в столице предпочли просто забыть о его существовании. Здесь также славяне вольно расселялись по недавней еще Элладе, проникали в последние ромейские города. Англосакс и немецкий епископ Виллибальд, побывавший в 723 г. в Монемвасии, последнем убежище спартанских беженцев, был уверен, что расположен город «в земле Славинии».[1595] Значит, город находился в плотном славянском окружении. Более того, славяне находились в каких-то сношениях с ним — селились в нем, собирали с горожан дань. Знать Монемвасии еще в большей степени, чем знать не менее неприступной Фессалоники, была заинтересована в добрососедстве.

В правление Константина V (741–775) на Пелопоннесе разразилась эпидемия. Жертвами мора стали в основном проживавшие в сообщавшихся между собой городах греки. Славяне в своих разбросанных весях пострадали намного меньше. В итоге эпидемия ускорила и так шедшую полным ходом славянизацию полуострова. «Ославянилась вся земля, — писал об этом позднее Константин Багрянородный, — и стала варварской».[1596] Отдельные города, подобны Монемвасии, остались — но у их жителей не имелось никаких сил, да и желания, противостоять расселению независимых ни от кого славян. Предпринять отвоевание земель — теперь возможное только как подчинение славиний — могла лишь императорская власть.

https://RodnoVery.ru

В болгарских войнах

Внутренняя история Болгарии в первой половине VIII в. известна крайне плохо. А история входивших в ее состав славиний — неизвестна вовсе. Ясно, что они сохраняли свою автономию. Такой же автономией обладали и только вошедшие в состав Болгарии славянские племена Загоры. За счет их славянское население Болгарии увеличилось. А между тем болгарские ханы приглядывались и к македонским землям.

К середине VIII в. произошло слияние болгар на Балканах под властью преемников Аспаруха. Иных отныне не упоминается. Потомки Кувера либо откочевали к Дунаю, либо слились со стримонскими «скифами» — потомками болгар и сирмисиан. На Керамисийском поле в X в. располагалось уже славянское княжество Керминица.[1597]

После смерти Тервеля (ок. 718 г.? [1598]) сменилось еще два хана из династии Дуло. Около 739 г. произошла мирная, через свойство, смена династии.[1599] На престол вступил хан Кормисош, представитель рода Вокил или Укил. Отношения с Византией в течение этих лет оставались мирными и союзными. Этот союз скрепила общая победа Тервеля и Льва III над арабами в 717–718 гг. Впрочем, скрепляла союз и выплата Империей регулярной дани болгарам.

Естественно, что по мере укрепления своей власти Исаврийцы стали тяготиться унизительной «дружбой» с болгарскими ханами. В противовес им они ищут других союзников в кочевом мире. В 732 г. Лев III, расширив антиарабский фронт союзом с Хазарией, женил своего сына Константина на сестре кагана. От этого брака у императора Константина V, наследовавшего отцу в 741 г., родился сын Лев Хазар, будущий Лев IV. Сближение Империи с извечным врагом болгар не могло не насторожить ханский двор. К середине 750-х гг. отношения нового императора с болгарами резко обострились. Как раз около 755 г. умер хан Кормисош, и на престол вступил его наследник Винех. При нем началась открытая война.

В ответ на строительство Константином новых крепостей на границе с Болгарией хан потребовал пересмотра прежних договоров — естественно, в сторону увеличения откупа. Константин отказался и прекратил выплату дани. В 755 г. болгары начали войну. Они вторглись в земли Империи и дошли до окрестностей Константинополя. В ответ в 756 г. Константин совершил поход на Болгарию, нанеся ханскому войску сильное поражение.

https://RodnoVery.ru

Стремясь прикрыть свой фланг, Константин обратил внимание на Македонию. Поневоле императорская власть, наконец, озаботилась защитой островов Северной Эгеиды и утратой Халкидики. В 759 г. Константин выступил в поход на запад. На этот раз основной удар был направлен именно против македонских славян к северу и к западу от Фессалоники. Константин «поработил» здешние славинии. Не везде он встретил сопротивление. К этому времени, благодаря общению с афонскими монахами, влахоринхины и сагудаты Восточной Халкидики познакомились с христианством. Еще до похода императорских войск в Македонию они покрестились, хотя веру восприняли поверхностно. Теперь они покорились ромеям без сопротивления.[1600]

Основной удар императорских войск пришелся на этот раз не по уже дважды пострадавшим струмлянам, а по славянам к западу от Фессалоники. Племенной союз ринхинов с тех пор не упоминается. Название это сохранили за собой, в отличие от соседних сагудатов, только разноплеменные выселки на Халкидике. «Другувития» и «Верзития» в дальнейшем упоминаются как отдельные племенные княжества.

Но это доказывает и поверхностность произошедшего «порабощения». Константин, конечно, угнал немало славянских пленных, полностью разгромил отдельных «архонтов». Но уничтожать славянское население ему и не требовалось — это означало бы не подчинение, а опустошение Македонии. Славян можно было обложить данью или повинностями — но их нельзя было еще лишить собственного племенного устройства, подчинить имперской бюрократии. В итоге обстановка в Македонии мало изменилась. Характерно, что Константин не смог даже освободить тысячи ромейских пленников с островов, содержавшихся по пути следования его войск — у струмлян или на Халкидике.[1601] Константин пытался переселять «покорившиеся» племена, но не желал иметь дело с затяжным сопротивлением. Ради лучшего христианского образования покорившиеся вожди славян Халкидики попросили императора оставить их племена у Афона — и получили разрешение.[1602]

Поход Константина устрашил других южных славян. Славинии Балкан в очередной раз поспешили признать верховную власть Империи.[1603] Но эта «подвластность» являлась еще более призрачной, чем «порабощение» славян Македонии. Частичный успех в македонских землях никак не мог повлиять на дела ни в Средней Греции и Эпире, ни на Пелопоннесе. Самое большее, чего мог добиться император — это прекращение набегов на уцелевшие ромейские поселения. Едва ли на что-то большее он и

https://RodnoVery.ru

рассчитывал.

Главной задачей Константина являлось спокойствие в Македонии и Греции на время Болгарской войны. Добившись от славиний внешней покорности, жестоко проучив наиболее грозных противников, он потерял к ним интерес. Обеспечив себе надежный тыл, Константин вновь выступил в 760 г. против болгар. Вторгнуться в страну на это раз он попытался через ущелье Верегава, охранявшееся северами. Здесь его встретило ханское войско. Славяне как участники битвы не упоминаются — но их участие подразумевается самим местом сражения. Северская пехота и болгарская конница наголову разбили императорское войско. Повторить успех 756 г. не удалось. Погибло «много» воинов Константина, в том числе два полководца — патрикий Лев, стратиг фемы Фракисия в Малой Азии, и его тезка Лев, носивший один из высших придворных чинов логофета дрома. Болгарам досталось оружие павших ромейских воинов. Остатки армии во главе с императором «бесславно» бежали.[1604]

Болгары, однако, не смогли воспользоваться успехом. Внезапно, в том же 760 или в 761 г., в ханстве вспыхнула междоусобица. Болгары восстали против правящего рода Вокил. Причины мятежа не совсем ясны. Но возглавила его кочевая знать, — собственно болгары, — а противниками их выступили славянские вожди со своими племенами. Можно угадать, что хан Винех как-то благоволил к славянам, в чем-то отдал им предпочтение перед соплеменниками. Победа, свершившаяся на славянских землях, давала тому достаточный повод. Таким образом, именно она могла послужить толчком к мятежу. Хорошо организованные и хозяйничавшие в центре страны кочевники одержали победу. Хан и все его родичи были перебиты. На престол взошел Телец из рода Угаин, «злонравный муж», по словам Феофана, примерно 30 лет от роду.[1605]

Потерпевшие поражение славяне не желали оставаться на территории Болгарии. Сразу после захвата власти Телецом огромные массы славян бежали к Черному морю. С места сдвинулись целые племена — немалая, если не большая часть всего тогдашнего славянского населения Болгарии. Общую численность их Никифор оценивал «до двухсот восьми тысяч» — не так уж фантастично, если речь идет действительно о беженцах с огромной территории. Славяне погрузились на ладьи и по морю переправились на азиатский берег, в Вифинию. Здесь в это время готовился к новой войне Константин. Он принял славян — определенно не имея другого выхода, но и радуясь ослаблению врага. Беженцев расселили в Вифинии на реке Артане.[1606]

https://RodnoVery.ru

Выселение многотысячных славиний, конечно, ослабило Болгарию и сократило численность болгарских славян. Однако даже находившаяся у самого моря — в тех самых областях, где грузились на ладьи беженцы — славиния северов сохранилась. Ее князь Славун как-то договорился с победителем, который нуждался в славянах для войны с Империей. К 763 г. Телец сумел мобилизовать не менее 20 тысяч славянских воинов — цифра с учетом потерь от усобицы немалая.[1607] Так или иначе, к 764 г. северы еще оставались достаточно сильны, чтобы самостоятельно бороться с ромеями.[1608]

Итак, Телецу удалось сохранить «союз» с подвластными славянами. Бегство необходимых для войны людских масс, несомненно, отрезвило самых непримиримых ревнителей болгарского господства. С оставшимися славянскими вождями следовало обращаться уважительно. Тем не менее при императорском дворе справедливо полагали, что разлад так просто не преодолеть. Константин решил нанести удар, пока раны от междоусобной распри еще свежи. И не ошибся в расчетах.

16 июня 763 г. Константин выступил с пешим войском через фракийские земли к приморскому Анхиалу. Конницу в 9600 скакунов он на 800 легких судах отправил по морю к низовьям Дуная. Телец, узнав о движении императорского войска, изготовился к сражению. В приграничных укреплениях, прикрывавших балканские перевалы и побережье, он разместил 20 тысяч славянских «союзников». Тем самым он, как надеялся, защитил Болгарию от вторжения императорского войска. Однако затем Телец совершил непоправимую и роковую для себя ошибку. С основными своими «полчищами» из болгар и славян хан выступил навстречу императору, уже достигшему Анхиала.

В четверг, 30 июня, на поле у Анхиала, где разбили лагерь ромеи, противники встретились. Около 11 часов дня Телец со своим разноплеменным войском атаковал. Но тут произошло то, чего и ожидал император, — хотя, быть может, не так скоро. Стоило начаться битве, как бой разгорелся внутри самого болгарского войска. Часть нападающих внезапно перешла на сторону ромеев. Многие болгары и славяне погибли от рук друг друга, а не от вражеского оружия. Пало «великое множество», «большинство» болгар — как и славян. Немало знатных людей попало в плен. Пораженный несчастьем Телец обратился в бегство. Избиение разбегающихся в панике болгар продолжалось до вечера.

Константин не стал штурмовать стены Балкан и отозвал отправленный к Дунаю флот с конницей. Он понимал, что и так на время обуздал угрозу с

https://RodnoVery.ru

севера. Вернувшись в столицу, император устроил себе триумф. Пленных болгар он выдал на растерзание константинопольской толпе. Всех их убили перед Золотыми воротами ромейской столицы.[1609] Константин сполна рассчитался с болгарами за поражение 760 г.

Поражение Телеца поставило крест на его правлении и всей политической линии. Сразу после битвы болгары — разумеется, не без участия ненавидевших его славян, — низложили хана-неудачника. Телеца и всех его сторонников перебили. В итоге на ханский престол вступил Сабин, чудом уцелевший в предыдущей междоусобной резне зять хана Кормисоша. Сабин, однако, разочаровал болгарских боилов, ждавших от него продолжения войны с ромеями. Попросив у Константина мира, он тут же был низложен и бежал к ромеям. Мир не устраивал и высшую славянскую знать. Князь северов Славун совершал частые набеги на Фракию, совершая там «много зла». Заодно с ним действовали и местные разбойники из числа фракийцев и влахов, скамары, во главе которых стоял некий вероотступник Христиан.

Впрочем, и новый хан Паган понимал, что сил для продолжения войны у Болгарии нет. В 764 г. он попросил о свидании с Константином. Получив гарантии безопасности, Паган со своими боилами прибыл к императору. Константин посадил рядом с собой свергнутого Сабина «и бранил их бесчинство и неприязнь к Сабину». Тем не менее, снизойдя к просьбам Пагана, Константин согласился на заключение мира. Естественно, ни о какой дани с Империи теперь речь не шла. Но и болгары, по видимости, ничего не теряли. Константин, вопреки ожидаемому, не стал добиваться возвращения Сабина.[1610]

Объяснялась неожиданная для победителя мягкость Константина просто — он не собирался соблюдать мир, с самого начала признав его «лживым». Передышкой он воспользовался для того, чтобы собрать новые силы, а заодно покончить с опасными союзниками болгар. Отправив в Болгарию своих тайных агентов, Константин велел им выкрасть Славуна и Христиана. Посланцы императора справились с поручением — лишнее доказательство прославленной искусности византийской разведки. И среди болгар, и среди славян хватало у нее пособников. Дальнейшая судьба Славуна неизвестна. Его лишь доставили в Константинополь, но не казнили. Иначе обстояло дело с Христианом, в котором видели двойного изменника — вере и государству. Его четвертовали, затем, еще заживо, вскрыли, «чтобы узнать устройство человеческого тела», после чего сожгли.[1611]

https://RodnoVery.ru

Расправившись с Христианом и обновив войско, Константин почувствовал себя в силах нарушить мир. Повод для этого быстро нашелся. После Пагана на ханский престол в 765 г. возвели, согласно договору с Империей, указанного Сабином его свояка Умара из рода Укил. Однако Умар продержался только 40 дней.[1612] Его низвергли и провозгласили ханом некоего Токту.

Константин решил вмешаться. Внезапно выступив с армией из Константинополя, он вероломно напал на Болгарию. Ромеи не встретили даже стражи в горных проходах. Славянские гарнизоны Паган распустил после заключения мира. Это, конечно, облегчило захват Славуна. А пленение князя, в свою очередь, смутило и ослабило единство северов. Не встретив практически никакого сопротивления, Константин перевалил Балканы и вторгся в пределы ханства. Двигаясь на север вдоль Черного моря, ромейская армия достигла реки Цика (ныне Камчия), впадающей в море южнее Варны. Таким образом, Константин прошел до самого сердца ханской Болгарии. Здесь он выжег болгарские кочевья-аулы. Но затем император испугался собственной дерзости. Боясь столкнуться с подлинным сопротивлением, он повернул назад и возвратился в свои пределы, так и не скрестив меч с неприятельским войском.[1613] Продолжавшиеся в Болгарии — и усиливаемые вмешательством ромеев — смуты помешали болгарам отомстить. Хан Токта погиб во время внезапного ромейского вторжения, как и многие боилы, беспорядочно бежавшие к Дунаю. Но к ставленникам ромеев ханская власть не вернулась. На трон взошел Телериг — умный и упорный противник Империи. В 766 г. Константин превосходством сил принудил его к миру, но для обеих сторон это была лишь новая передышка.

Начало ромейского отвоевания

Временно покончив с Болгарской войной, Константин вновь обратил внимание на македонские дела. Наведение здесь хотя бы видимого порядка могло укрепить пошатнувшийся из-за иконоборческого террора авторитет императора. Кроме того, налаживание тесных связей со славянской знатью и ее крещение дали бы Константину новых сторонников. В этом ключе и следует понимать неожиданное и дерзкое возведение в 766 г. на патриарший престол в Константинополе славянина Никиты.

В 769 г. Константин обратился к славянским «архонтам» восточной

https://RodnoVery.ru

Македонии с предложением выкупить находившихся у них в плену много лет жителей островов Эгеиды. Славяне с готовностью согласились. Пленных, числом около 2500 человек, обменяли на шелковые одежды, высоко ценившиеся у «варваров». Вся операция была проведена за счет казны. Пленных, доставленных к себе в Константинополь, император к тому же и одарил — правда, «скромно», — и отпустил на все четыре стороны.[1614]

Вся эта история ясно свидетельствует о двух вещах. Во-первых, никакой действительной властью над славянами даже Халкидики и Стримона император не обладал. Стоит отметить, что писавший вскоре после этого арабский географ ал-Фазари помещает по соседству с Византией и Болгарией огромную и независимую «область славян».[1615] К ней определенно следует относить всю территорию балканских славиний — и элладских, и македонских. Во-вторых, Константин явно заискивал перед славянской знатью, общался с ней почти на равных, стремясь добиться расположения «архонтов». Вскоре ему представился еще один случай для этого — уже на западе Македонии.

Между Болгарией и Византией натянутые отношения сохранялись. Понимая враждебность Телерига, Константин сам в мае 774 г. нарушил мир и глубоко вторгся в Болгарию. Впрочем, и самого императора быстро охватил испуг, и болгары запросили мира. В Константинополь император вернулся с ханскими послами. Еще в дороге утвердили мир на условиях взаимного ненападения. Но Телериг, в свою очередь, лукавил.

Главной задачей болгарского хана, помимо борьбы с тайными пособниками ромеев в своем стане, являлось еще и восстановление сократившегося населения страны. Численность болгарских славян в результате смуты уменьшилась минимум вполовину. Теперь, когда Константин вернулся к себе, Телеригу пришла в голову мысль и ослабить Империю, и решить свои проблемы. Буква договора, как он полагал, не пострадала бы. В качестве цели своего нападения он избрал самую крупную, населенную и удаленную от византийской столицы из «порабощенных» Константином македонских славиний. «Верзития», земля берзичей, старейший центр славянского расселения, обеспечила бы болгарскую орду необходимыми земледельцами и пехотой. Хан не надеялся удержать эту далекую от Плиски землю. Он решил, по давней кочевнической традиции, насильно выселить берзичей к себе в Болгарию. Для этой цели он отправил двенадцатитысячное войско во главе со своими боилами.

https://RodnoVery.ru

Но при дворе Телерига еще действовали «тайные друзья» ромейского императора. Только вернувшись в столицу, в октябре, Константин уже узнал о замысле своего врага. Константин не стал распускать постоянные войсковые части, а находившимся еще в столице болгарским послам сообщил, что выступает против арабов. Для отвода глаз отряды под знаменами и войсковую обслугу перебросили на азиатский берег. Ничего не подозревавшие ханские послы отбыли из Константинополя. Удостоверившись в их отъезде, Константин выступил на запад, на перехват болгар. Императорская армия насчитывала 80 тысяч человек. Это были в основном тагмы — постоянные наемные отряды Империи — а также ополчение малоазийской фемы фракисианов. Близ Лифосории, где-то на границах Македонии, василевс настиг посланное Телеригом войско. Константин атаковал внезапно, не давая сигнала к бою. Видя неожиданную атаку превосходящих сил врага, болгары обратились в бегство. Многие были захвачены в плен, Константин получил богатую добычу. Ни один ромей не погиб, что дало повод императору-триумфатору поименовать кампанию «благородной войной».[1616]

«Благородная война» 774 г. на время обезопасила македонские славинии со стороны Болгарии. Однако она и прочнее привязала их к Византии. Славянские «архонты» на опыте поняли, что подчинение Константинополю может принести и пользу. Константин в известном смысле баловал славянскую знать — знаками своего расположения усыпляя бдительность на будущее.

Что касается Болгарии, то мир ее с Империей так и остался непрочен. Телериг уже в следующем году отплатил обманом за обман. Посулив свой побег от якобы неверных болгар на ромейскую службу, он выведал у Константина имена его агентов — и покончил одним ударом со всей ромейской партией при своем дворе. Судьба, однако, сыграла с Телеригом злую шутку. В 777 г. болгары действительно свергли своего хана, и он действительно вынужден был бежать в Константинополь. На его счастье, правил там уже Лев IV (775–780). Он обласкал беглеца и лично крестил его. Новый болгарский хан Кардам (777–803) на первых порах избегал войн с Империей.

После недолго правления Льва IV в 780 г. престол перешел к его малолетнему сыну Константину VI при регентстве его матери Ирины. С именем Ирины связаны первые шаги по восстановлению былого величия Империи, выходу из «темных веков». Православная уроженка Афин, Ирина с первых шагов выказала себя сторонницей иконопочитания. При ней и ее стараниями VII Вселенский собор 787 г. осудил иконоборчество как ересь.

https://RodnoVery.ru

Первостепенной задачей для имперского правительства являлось отвоевание Балкан. Разбросанные по Македонии и Греции славинии, лишь на словах подчинявшиеся императорской власти, следовало привести к покорности. Гречанка Ирина потерю родной страны, засилье там «варваров», конечно, воспринимала с особой болью. Все договоренности со славянами, заключенные при Константине V, перед этой болью теряли силу. Тем более что Ирина ненавидела тестя-иконоборца и его политику. Именно для того, чтобы сосредоточиться на освобождении Эллады, она поспешила сразу по вступлении на престол заключить мир с арабами.

Гарантировав себя от опасности с Востока, Ирина осенью 783 г. поставила во главе «большого войска» свое доверенное лицо, придворного евнуха Ставракия. Ставракий, довольно одаренный военачальник, в то время носил титулы патрикия и логофета дрома. Целью Ставракия было реальное подчинение многочисленных «племен славян» — от Македонии до самого Пелопоннеса.

Ставракий выступил на запад. Пора была наиболее удобная для вторжения в славянские земли, и родившаяся в Афинах Ирина, конечно, хорошо знала это. Завершался сбор урожая, а затем следовало гощенье славянских князей. Их можно было захватить врасплох, сбор племенного ополчения становился почти невозможен.

Сначала Ставракий двинулся прямиком на закат, к Фессалонике. Здесь он покорил струмлян и славян Халкидики. Подчинились ему и другие племена фемы Фессалоника — дреговичи, берзичи, сагудаты. От Фессалоники Ставракий повернул на юг, в фему Элладу. Здесь ему также сопутствовал успех. Велеездичи, войничи и другие славяне Средней Греции, застигнутые внезапным, давно уже невиданным вторжением ромеев, покорились Ставракию. Существенного сопротивления ромейский полководец не встретил. Поход его продолжался считанные месяцы. В фемах Фессалоника и Эллада, пишет Феофан, «он подчинил всех и сделал данниками царства».[1617]

Однако сложнее обстояло дело на Пелопоннесе. Сюда Ставракий добрался в последнюю очередь. Власть Империи здесь практически отсутствовала уже не первое десятилетие. Славяне — прежде всего, милинги и езеричи, — были гораздо сплоченнее и многочисленнее, чем на севере. Тем не менее в сражениях с ними Ставракий одерживал победы. Ему досталось «множество пленных и добыча». В результате удалось закрепить за Империей восточную прибрежную полосу Пелопоннеса от Коринфа до мыса Малея. Здесь учредили новую фему Пелопоннес, стратиг которой должен был постепенно укреплять власть Империи на

https://RodnoVery.ru

полуострове.[1618]

Ставракий, и так сделавший немало, не стал оставаться на Пелопоннесе. После первых успехов и назначения стратига он вернулся в Константинополь. В январе 784 г. Ставракий с победой вступил в столицу и справил триумф. Закрепляя его успех, Ирина в мае совершила, тоже с «большим войском», мирный поход по фракийским землям. Этот поход демонстрировал, что теперь все подступы к Константинополю вновь принадлежат Империи. Пострадавшие в ходе болгарских войн Вероя (ныне Стара Загора) и Анхиал были отстроены по приказу императрицы. При этом Вероя получила новое имя — Иринуполь.[1619]

Итак, внешне отвоевание юга и юго-востока Балкан Империей состоялось. Славинии, наконец, устрашились и действительно подчинились власти Константинополя. Но «подчинение» это заключалось лишь в мире и выплате дани — пусть отныне и регулярной. Славянские «архонты», сдавшись Ставракию, сохранили свою власть и свою силу и в Македонии, и в Средней Греции. Ставракий не дробил и не уничтожал славиний — они нужны были как данники и как союзники во время болгарских войн. Не последовало на этот раз и каких-либо выселений славян с насиженных мест. Что касается Пелопоннеса, то он так и остался по преимуществу «варварским». Пока за пределы защищенных скалами прибрежных областей власть стратига новой фемы не распространялась.

Уже спустя полтора десятка лет славянская знать, — правда, лишь одной из славиний, — попыталась продемонстрировать императрице свою силу и непокорность. Первое время впечатление от похода Ставракия жило стойко. Славяне Македонии и Эллады жили с Империей в мире, исправно внося назначенную дань. Этого мира не поколебала даже возобновившаяся Болгарская война. С 789 г. хан Кардам начал новые атаки на ромейские границы. На этом фоне подросший император Константин, опиравшийся на армию, сверг в 791 г. свою мать с престола. Впрочем, ему едва и с переменным успехом удавалось сдерживать болгар. На других границах дела шли тоже не лучшим образом. В 797 г. сторонники Ирины устроили заговор. Константина низвергли и ослепили. Императрица-мать вернулась к власти.

В это время и выступил против нее князь велеездичей Акамир. Он присоединился к заговору, который созрел против императрицы в ее родной Элладе. Элладская знать сделала ставку на сыновей Константина V, дядьев Константина VI, незадолго до того ослепленных племянником. Правители и аристократы Эллады обратились за помощью к Акамиру. Он должен был

https://RodnoVery.ru

со своей дружиной освободить содержавшихся под стражей царевичей, а затем объявить одного из них императором.

Ирина, однако, вовремя узнала о заговоре. В Фессалию отправился спафарий (младший офицер) Феофилакт, племянник императрицы. Его отец патрикий Константин Сарандапих находился в Элладе — очевидно, он как-то связался с заговором и сообщил о нем императрице. Феофилакт и Константин быстро покончили с заговорщиками. Все они, включая Акамира, были схвачены и ослеплены, ничего значительного не сотворив. [1620] Столь легкая расправа едва ли была возможна лет сто назад. После похода Ставракия власть имперского центра в этих местах все-таки укрепилась.

Итак, к концу VIII в. положение болгарских, македонских и греческих славян существенно изменилось. В Болгарии славяне, несмотря на исторические треволнения, постепенно начинали сливаться с болгарами в единый народ. Это прокладывало путь к превращению Болгарии в славянское государство — признаки тому в последние годы VIII в. уже появляются, пусть и не на страницах хроник. С другой стороны, славяне Македонии и Эллады оказались в более прочной зависимости от властей Империи. Византия начинала восстанавливать свои границы. На очереди был Пелопоннес. Это приближало славян к христианству, к высокой византийской культуре. Но утрата самостоятельности грозила утратой и самого славянского имени — что произойдет, в конце концов, со славянами Греции. Только крещение славян при сохранении независимости творило новую культуру, культуру Славянской цивилизации. По этому пути пойдет Первое Болгарское царство, включившее в свои пределы и Болгарию, и Македонию. А место встречи двух культур, греческой и славянской, Македония, даст славянскому миру его просветителей, создателей славянской грамоты и славянской письменной культуры. Солунские братья, святые Кирилл и Мефодий, войдут благодаря своим трудам в историю всех славянских народов.

Глава вторая. Хорутания, Хорватия, Сербия

Альпийские и паннонские славяне в VIII в.

Около 772–773 гг. арабский географ ал-Фазари между «областью бурджан», то есть Дунайской Болгарией, и «Византией с

https://RodnoVery.ru

Константинополем» разместил «область славян». Размеры ее огромны — 3500 на 700 фарсахов (1 фарсах = около 6 км). Для сравнения — протяженность Болгарии 1500 на 300 фарсахов, то есть гораздо меньше; Византии — 3000 на 420, также меньше.[1621] Оставляя в стороне естественную условность, а скорее просто вымышленность подсчетов, ясно, что независимые славяне занимали территорию, превышающую тогдашнюю Болгарию и тогдашнюю Византию. Южными окраинами этой обширной «области» служили славинии Македонии и Эллады. Но большую ее часть составляли славянские княжества северо-запада Балкан и Среднего Подунавья.

Они делились на две большие культурные зоны. Одну образовали сербские племена, расселившиеся от Адриатики до Сербского Подунавья. Вторую — «альпийские славяне», хорваты и хорутане, составлявшие пока единую языковую группу.[1622] С точки зрения русского летописца начала XII в., «хорваты белые и сербы и хорутане» входили в один круг древних славянских племен.[1623] Но в описываемое время хорваты ближе стояли к хорутанам, чем к сербам. При всем том хорутане еще поддерживали более тесные, чем хорваты, связи с западными славянами.[1624] Многие новые явления в культуре и языке — общие для восточных, западных славян и хорутан.

К альпийским славянам примыкали славяне Паннонии и соседних с ней восточных задунайских областей. Эти земли еще находились под властью авар. Сложение к началу VIII в. Второго Аварского каганата стало серьезной угрозой и для соседних славянских племен. Авары уже не могли держать в страхе всю Восточную Европу. Но они были в состоянии и тревожить соседей набегами, и захватывать некоторые славянские земли. Аварская угроза и борьба с ней, свержение еще тяготевшего над частью славян аварского ига — вот что определяло историю славян альпийских и паннонских в VIII столетии.

Трем массивам славянского населения — хорутанскому, паннонскому и хорватскому — соответствуют в VIII в. три археологические культуры. При всей языковой и культурной близости хорутан и хорватов их быт и образ жизни несколько отличались. С другой стороны, и в Хорутании, и в Хорватии сильно ощущалось наследие местного населения. И там, и там таким местным населением были иллирийцы и кельты, некогда воспринявшие от римлян романский язык и культуру. К началу VIII в. эти древние жители повсеместно сливаются со славянами, передавая часть своего культурного наследия им.

https://RodnoVery.ru

Собственная единая культура Хорутании (Карантании) сложилась к середине VIII в. Это стало итогом долгого смешения славян, германцев и местных романцев в Восточных Альпах. В итоге славянские племена хорутанского союза расселились от Дуная до Адриатического моря. Основная их часть жила в гигантском треугольнике между границами Баварии, Лангобардского королевства и Аварского каганата. Однако на юге уже в VIII в. хорутане расселялись по Истрии и Фриулю, проникали по Саве в Хорватию. На западе отдельные роды славян оседали в землях Баварии, до окрестностей Зальцбурга и даже западнее.[1625] Государственные границы не могли стать преградой для стихийного движения страдавших от малоземелья славян.

Славяне-хорутане являлись потомками как славянских переселенцев, так и туземного населения. Подчас они и жили на местах, освоенных уже издревле.[1626] С другой стороны, родство с другими славянскими племенами ощущалось в культуре и, конечно, составляло немалую важность в самосознании хорутан. Исследователи уже давно обратили внимание на одну разновидность женских украшений славян — височные кольца — как на своеобразный маркер племенной принадлежности. У восточных славян, например, женщины разных племенных союзов носили височные кольца разных типов. У хорутан и хорватов VIII в. распространен один и тот же тип височных колец — проволочные, с петелькой и крючком или двумя крючками на конце. Реже и там, и там встречаются кольца с завитком в форме буквы S. Особенно много их у хорутан, и это наследие предшествующей пражской культуры.[1627]

Хорутане занимались как земледелием, так и скотоводством. Постоянное расселение в малолюдных местах не позволяло им полностью отказаться от подсеки.[1628] Но на старопахотных землях, конечно, господствовало пашенное земледелие. От романцев хорутане восприняли гончарный круг. Их посуда — вариант распространенной по всему Среднему Подунавью, родившейся в землях Аварского каганата дунайской гончарной посуды.[1629] В письменных источниках упоминается оружие хорутан — копья, топоры.[1630] В погребениях карантанской культуры их не находят. Зато находят многочисленные украшения — помимо височных колец, также серьги, фибулы, шейные цепочки, привески, перстни. Из стекла делали бусы и привески в виде ягодок к серьгам.[1631] Находки украшений свидетельствуют о продолжавшемся расслоении в обществе. Хорутанская знать владела немалым числом рабов.[1632]

Хорутане продолжали жить своим древним племенным строем.

https://RodnoVery.ru

Большая семья у их потомков — словенцев — дожила до начала нового времени.[1633] Княжеская власть укреплялась, но довольно медленно. Князей по-прежнему выбирали. Хотя только из одного дома, возводившего свою родословную к Само. Во всяком случае, это относилось к общим князьям всех хорутан.[1634] Князь Крнского града стал к этому времени единственным. Не признававшие такой его власти земли отделялись.[1635] Отдельные «роды» возглавлялись жупанами.[1636] Тем не менее власть этого единственного князя оставалась весьма ограниченной. Решения о войне принимались «войском» коллективно, на вече.[1637] Но в религиозных и судебных делах князь, как высший жрец, «владыка», имел достаточно высокий авторитет. К концу VIII в. этот авторитет укрепился до почти что монархической власти — но по-прежнему зависел от народной «любви» к конкретному правителю.[1638] Двусоставные «княжеские» имена появились в княжеском роду хорутан только в середине VIII в. и не сразу прижились.

В первой четверти VIII в. хорутане, по оценкам недавно окрестившихся баварских соседей, оставались «жестокими язычниками».[1639] По мере укрепления власти князей и связанных с ними жрецов их сопротивление всякой угрозе проникновения христианства возрастало. Особенно агрессивно по отношению, скажем, к соседним монастырям, оно проявлялось во время войн с христианами. Но близилось время, когда интересы князей, вынужденных заботиться о целостности своей земли, пойдут вразрез со служением старым богам.

Предпосылки для того в народных массах имелись. Хорутане явно не страдали особой набожностью с языческой точки зрения. В смешении народов многие черты древней культуры утрачивались, появлялись новые. Так, среди хорутан получили хождение подвесные амулеты в виде молоточков — явно германского происхождения.[1640] Конечно, «молоточек Донара» легко становился для славянина «молоточком Перуна». Но и при этом размывание древней веры с неизбежностью происходило. Приходили ведь не только «молоточки». От германцев наверняка воспринимались и мифы, и образы их во многом отличающегося от славянского пантеона.

И через германцев, и в гораздо большей степени через романцев славяне знакомились с христианской верой. Еще в VI в. в Восточных Альпах трудились посланцы Турской епархии. Позднее здесь побывал Аманд. Далеко не все потомки смешавшихся со славянами иных «родов», конечно, впали в вероотступничество. В итоге уже с VI в. славяне восприняли многие элементы как римской вообще, так и христианской культуры. Хорутане VIII в. хоронили своих мертвых только через

https://RodnoVery.ru

трупоположения, головой на восток, на спине, со сложенными руками. Клали их на досках-дрогах или прямо в землю. Впрочем, этот вполне христианский по виду обряд сопровождался и языческими ритуалами. По местному древнему обычаю погребение сопровождалось ритуальной трапезой, и кости от нее бросали в могилу. Шестая часть могил сопровождалась еще и пищевой жертвой — сосудами с едой, которые ставили в головах тела. В зависимости от времени года, умерших обращали головой к северо-востоку или к юго-востоку. Зная некоторые христианские обычаи, славяне легче воспринимали христианство. Но вот глубокое его приятие, изменение образа жизни и тем паче привычных ритуалов шло с трудом. Даже после начала принятия хорутанами христианства их погребальный обряд особых изменений не претерпел. А примерно с рубежа VIII/IX вв., по мере обогащения знати, даже распространился обычай класть в могилы богатый инвентарь — чего раньше не было. В том числе и упомянутые ранее языческие амулеты.[1641]

Придунайские земли нынешней Нижней Австрии, окрестности античного Карнунта, были аваро-хорутанским пограничьем. Здесь жили как хорутане, так и бежавшие под их защиту из земель Аварского каганата славяне. Они и принесли сюда еще в VII в. аварскую культуру Паннонии. Позднее, к середине века, здесь появились и сами завоеватели. Но и тогда подавляющее большинство населения этой придунайской области составляли славяне.[1642]

Культура самой Паннонии носила смешанный характер. Здесь вперемешку жили авары, романцы и славяне. Славянские земледельческие поселения с домами-полуземлянками квадратной формы располагались по краям занятых аварами степных угодий нынешнего венгерского Алфёлда. Но и на основных землях каганата встречаются славянские памятники — в основном кладбища. Славяне нередко хоронили своих умерших по исконному ритуалу кремации — вплоть до VIII/IX вв. Там, где они теснее сближались с завоевателями и покоренными ими романцами, погребальный ритуал менялся. Известны могильники с десятками славянских трупоположений, ориентированных на запад. В могилы славяне подчас клали в виде подношений умершим птичьи яйца, иногда крашеные — древнейшее свидетельство этого обычая у их племен. Известны в Паннонии и Венгерском Задунавье и славянские изделия — пальчатые фибулы, ритуальные ножи с завитой рукоятью, а также ценившиеся славянами византийские серьги в виде звездочек.[1643]

Еще больше славянского населения было дальше на восток, на

https://RodnoVery.ru

Трансильванском плато. Здесь продолжалось развитие сложившейся еще в VII в. культурной «медиаш-группы», соединившей славян, гепидов и романцев-влахов.[1644] Славяне все чаще селились на одних поселениях с соседями, прежде всего влахами. Точнее, как свидетельствует русское летописное предание, влахи насильно подселялись к славянам и жили отчасти за их счет. Это была часть политики Аварского каганата. Каганы выстроили жесткую иерархию подвластных племен, в которой лишившиеся собственных вождей земледельцы, славяне и германцы, оказались в самом низу лестницы. Оставшимся на службе у кагана остаткам сирмисиан по-прежнему предоставлялась возможность угнетать соседей. В этих условиях неудивительно, что, даже живя вместе с влахами, славяне старались сохранять верность своей культуре. Они хоронили умерших — пусть и на общих кладбищах — по ритуалу кремации.[1645]

Облик сел «медиаш-группы» вполне славянский — скопления прямоугольных или округлых полуземлянок, отапливаемых либо печами-каменками, либо очагами, обложенными камнем. Славяне восприняли от влахов ручной (но еще не ножной) гончарный круг. Нередко посуду изготавливали по старинке, лепным способом. Появление гончарства содействовало развитию искусства орнамента. Лепная керамика обычно украшалась обычными засечками или щипками по венчику. Стройные, вытянутые гончарные сосуды славян медиаш-группы орнаментированы заметнее и богаче — прямыми и волнистыми линиями, ямками. Это сближает медиаш-группу с другими областями распространения среди славян гончарной дунайской керамики — Словакией, Нижней Австрией. Конечно, мастера разных сообщающихся областей, при сравнительной редкости гончарства у славян, обменивались навыками. С другой стороны, славяне явно учились и у мастеров-влахов. И сам ручной гончарный круг, и форма сосудов пришли от них.[1646] Среди других славянских находок на поселениях медиаш-группы — глиняные пряслица, костяные проколки, железные ножи и сверла.[1647]

На протяжении VIII в. население Трансильванского плато еще возрастает. На западе аварскую агрессию сдерживали франки, хорутане и бавары, на юге — хорваты. На севере славянские племена удерживали берег Дуная. Пополнявшемуся за счет естественного прироста и угона пленных земледельческому населению каганата не хватало места в его центральных областях. К тому же каганы по-прежнему практиковали переселения славян с захваченных ими земель (Нижняя Австрия, какие-то области Словакии). В результате на Трансильванском плато возникли

https://RodnoVery.ru

новые славянские поселения — Мурешти, Молдовенешти.[1648]

Если в Аварском каганате славяне оставались под аварским игом, то в добившейся независимости Хорватии на протяжении VIII в. авары растворились в славянской среде. Они сохранили до X в. самоназвание, какие-то предания предков, но утратили и язык, и большую часть черт культуры. Тем не менее в VIII в. еще известны аварские захоронения — с конями, оружием, сбруей, в украшенных бронзовыми подвесками поясах. В целом же культура Хорватии — совершенно славянская по облику.[1649]

Хорваты с рубежа VII–VIII вв. начали активнее общаться с жителями восстанавливающегося далматинского Приморья. Соответственно, славяне многому учатся. Хорватские ремесленники воспринимают от романцев наследие античного ювелирного дела, гончарства, резьбы по кости. На смену славянским полуземлянкам приходят сельские строения римского облика. Нередко хорваты и жили в древних, античных еще селениях. Хорваты поддерживали в хорошем состоянии римские дороги, использовали их. Развивается торговля — в руки знатных людей приходят товары из Византии, Северной Италии, даже Сирии. В то же время денежное обращение едва развилось. Лишь в одном из хорватских погребений VIII в. найдена византийская монета.[1650] В целом Хорватия имела не менее, а то и более «цивилизованный» облик, чем славинии Эллады или тем паче Хорутания.

В этих условиях к концу VII в. сложились основные черты хорватской повседневной культуры. Она представлена многочисленными находками на кладбищах VII–IX столетий. Из металлических изделий чаще всего встречаются разнообразные украшения (височные и головные кольца, шейные ожерелья со стеклянными бусами, перстни) и железные ножи. Из железа изготавливали также оружие, орудия сельского труда, бритвы, кресала, шила.[1651]

Хорваты изготавливали керамику, сосуды дунайского типа, уже только на гончарном круге. При этом наряду со «славянским типом» — в основном плоскодонными округлыми горшками с широким горлом — есть и «особые типы». Они восходят к несколько упрощенным, «варваризованным» античным образцам. Посуду обычно делали из качественной, хорошо прочищенной глины, тщательно прогревали в гончарной печи. Наряду с глиняной посудой, использовали деревянные ведра. Их, как и глиняные пряслица для домашней работы, могли изготавливать в каждой семье. Находят в могилах также изделия из кости и рога — гребни, иголки.[1652] Пряжа и ткань шли на одежду. Обувь

https://RodnoVery.ru

изготавливали из кожи. Сохранились как остатки обуви и одежд, так и металлические застежки к ним.[1653]

Хорватские роды состояли из больших семей, которые и составляли основную ячейку общества.[1654] Власть общего князя хорватов ограничивалась жупанами, которые выбирали его, и старшинами семи родов. Тем не менее князь уже давно на деле передавал власть наследникам из собственного потомства.[1655] Князь являлся общим главой на войне.[1656] Вторым лицом после князя в хорватском племенном союзе являлся аварский баян. В подчинении у него находилось три жупы, тогда как князю подчинялось одиннадцать собственно славянских.[1657] Во внешней политике хорватские вожди ориентировались на христианские державы. Хорватский князь держал землю как дар византийского императора. Но при этом, в виде противовеса, «подчинялся» и далеким, пока бессильным на Балканах франкам.[1658]

Развитие связей с возрождающейся Далмацией, становление новой культуры сопровождалось укреплением власти князей и знати. В хорватском обществе, особенно в Приморье, четко выделяются три общественных слоя. Основную массу населения составляли простые общинники, занимавшиеся большую часть жизни мирным трудом. С их бедными на находки могилами резко контрастируют погребения дружинников. Это были люди войны, нуждавшиеся в оружии даже в загробном мире. Оружие хорватского воина могли составлять не только лук и копье, но также меч, секира, боевой нож. В наследство от авар досталось искусство конного боя — и обычай погребения с конской сбруей. Особую группу в хорватском войске составляли местные авары, имевшие собственного вождя-баяна. Эти сражались верхом, с мечом или саблей. Их могилы выделяются и бронзовыми украшениями «мартыновского» поясного набора. Наконец, высший общественный слой составляла знать — жупаны и прочие «господа». Их боевое снаряжение гораздо дороже, чем набор простого дружинника. Хотя, конечно, некоторые из местных «господ» входили в дружины князя или баяна. Верхушку общества составляли богатейшие жупанские и княжеский роды. В их могилах обнаружены богатые украшения, в том числе привозные ценности из золота и стекла.[1659]

Общение с романцами облегчалось единством веры — хотя бы формальным. Еще в VII в. хорватская знать приняла крещение. Хорватское духовенство подчинялось Риму. В стране создали две епархии. Глава одной из них был в сане архиепископа. Это позволяло с известной даже

https://RodnoVery.ru

самостоятельностью от папства поддерживать церковную жизнь. Местами действовали римские еще христианские храмы. С конца VII в. хорваты полностью отказались от кремации умерших — если прежде вообще их совершали. Умерших хоронили в ямах на глубину до 1,5 м головой в зависимости от времени смерти на северо-запад или юго-запад, часто с инвентарем. Постепенно распространялся обычай захоронений по христианскому обряду в каменных или деревянных «гробах». Конечно, в массах, да и среди знатных людей новая вера была еще очень непрочна. Сохранялась возможность отступничества. Даже «христианские» могилы заполнены подношениями умершим, в зависимости от их имущественного положения. В могильниках Северной Далмации инвентарь имеется в 90 % захоронений конца VII — первой половины IX в.[1660] Но первые шаги в обращении хорватов уже были сделаны.

Итак, альпийские славяне на протяжении VIII в. достигли довольно высокого уровня общественного и культурного развития, во многом опережая других южнославянских сородичей. Главной причиной тому было сохранение независимости. Как увидим далее, лежавшие к востоку Сербия и Дукля отличались здесь лишь немногим. Хорватия и тем более Хорутания не знали ни болгарской, ни ромейской угрозы. Но им пришлось в VIII в. столкнуться с угрозами иными — аварской, а затем и франкской. На этом фоне разворачивалась и борьба вокруг принятия новой веры, христианства — к началу века еще отвергаемой хорутанами и лишь на словах воспринятой хорватами. И упорная проповедь, и смешение с местными жителями, и нужды политические влекли славян к христианству. Но те же политические заботы, при возникновении даже призрачной — а далеко не всегда призрачной — угрозы независимости, могли от веры и отвратить. Между тем усиливавшиеся государства Запада и в религиозных делах блюли свои интересы. Нарождающееся у альпийских славян христианство избежало иконоборческого погрома — благодаря почти полному отсутствию связей с Византией и ориентации на Рим. Но это же вовлекало их в сложные церковно-политические построения папского Рима, все теснее связанного с франками. Вместе с тем пока интерес славян и франков был общий — уничтожение Аварского каганата, освобождение его подданных от ига. И это имело решающее значение для исторического выбора хорватов и хорутан.

Последние войны с Фриулем

https://RodnoVery.ru

К началу VIII в. на границе Хорутании с лангобардами царил мир. Вернее, формального мира не заключалось, и славянские «роды» время от времени самовольно оседали на фриульских землях. Но крупных столкновений уже давно не было. Аварская угроза сковывала силы хорутан. Своих проблем хватало и у лангобардов. Такое затишье могло сохраняться еще долгое время, если бы не фриульский герцог Фердульф. Человек он был, по воспоминаниям потомков, «неустойчивый и надменный». Выходец с другого конца Северной Италии, из Лигурии, Фердульф желал доказать свое право на власть над фриульцами ратными успехами.

Фриульцев, конечно, раздражало расселение славян по землям герцогства. Такое расселение не могло то и дело не выливаться в конфликты из-за земель. К тому же рано или поздно хорутанские князья, отвлекшись от своих проблем, могли заявить притязания на занятые их соплеменниками земли. Потому «слава победителя славян» представилась Фердульфу весьма почетной в глазах подданных.

Пальчатая фибула. Аварская культура

https://RodnoVery.ru

Фердульф решил спровоцировать хорутан на нападение. Он подкупил «некоторых из славян», дабы те «своим наущением» натравили на Фриуль соплеменников. Неизвестно, какие аргументы использовали агенты Фердульфа. Вообще, славяне в племенную эпоху никогда от войн не бежали. Аварская угроза сковывала силы, но не лишала всякой возможности безнаказанного набега за добычей. Когда на хорутанском вече в поддержку новой войны с Фриулем выступила влиятельна партия, она нашла поддержку.

Речь сначала шла именно о небольшом набеге. Примерно в 706 г. хорутане пересекли границу с Фриулем и напали на горные пастбища. Угнав с собой пленниками пастухов и стада овец, они повернули назад. Лангобардский наместник (скульдхайз) пограничья Аргаит бросился в погоню, но сильно отставал и поэтому решил вернуться. Тут его встретил и остановил сам герцог со своей дружиной, «всей фриульской знатью». Фердульф, издеваясь над неудачной погоней и сердясь, что враги так и сбегут без битвы с ним, обозвал Аргаита трусом, «аргой» — грубейшее оскорбление в среде лангобардов. Взбешенный Аргаит, вообще-то «муж отважный», «знатный», «могучий духом и силой», воскликнул: «Да будет на то Божья воля, чтобы я и ты, герцог Фердульф, ушли из этой жизни не раньше, чем другие узнают, кто из нас больше арга!»

Агенты герцога между тем устроили посылку шайке подкрепления. Вернувшись «с большими силами», славянское войско разбило стан на труднодоступной вершине пограничной горы, поджидая неприятеля. Конечно, большая часть воинов совсем не собиралась бежать или сдавать добычу и пришла всерьез померяться силами с лангобардами. Самих прислужников герцога, понимавших, зачем ему нужна война, среди славян могло и не быть. Да и они вполне могли вести двойную игру, заманивая спесивого лангобарда.

Фердульф и Аргаит вместе двигались к славянской границе по следам разбойников. Обнаружив спустя «несколько дней» после встречи со скульдхайзом славянский отряд, Фердульф решил, что для него пробил час славы. Однако взобраться на гору напрямик оказалось затруднительно. Фердульф повел дружину в обход, чтобы найти более пологий склон. Но планы его сорвал Аргаит. «Вспомни, — вскричал он, — герцог Фердульф, как ты заявил, что я малодушен и никчемен, и назвал меня низким словом “арга”! Теперь же да сойдет гнев Божий на того, кто из нас доберется до этих славян последним!» Аргаит отделился от дружины и по «неровному», «крутому склону» погнал коня вверх. Фердульф, потеряв голову, бросился обгонять скульдхайза, за герцогом же последовала понукаемая стыдом

https://RodnoVery.ru

дружина.

При виде этой безумной атаки славяне взялись за камни, а когда уцелевшие враги приблизились — за топоры. Лангобардские всадники падали с коней, гибли, попадали в плен. Пала почти вся герцогская дружина. Погибли и сам Фердульф, и Аргаит. О знатном лангобарде Сикуальде сообщается, что он потерял в бою обоих сыновей. «Единственный поступил отважно и мужественно» Мунихиз, отец будущего фриульского герцога Петра. Сброшенный с коня, он немедленно был связан по рукам каким-то славянином. Но Мунихиз связанными руками вырвал у пленившего копье, пронзил его, а затем стремглав бежал вниз по тому же «неровному склону». Так ему удалось спастись.[1661]

После этого набеги хорутан на Фриуль продолжились. Военные действия на границе длились больше десяти лет. Лангобарды выказали слабость и очевидную глупость. Славянские вожди не преминули воспользоваться этим — и для обогащения, и для возможного в будущем расширения границ. Места в Восточных Альпах уже не очень хватало, потому славяне и выселялись в Фриуль.

Обострение отношений с лангобардами отозвалось и на баварской границе. Хорутане вновь стали беспокоить набегами западных соседей. Здесь также набеги славянских дружин прикрывали мирное расселение и расчищали ему дорогу. Примерно около 720 г. славяне разорили монастырь в местности Понгау к югу от Зальцбурга, основанный незадолго до того создателем Зальцбургской епархии Рупертом. Небольшой монастырь святого Максимилиана в Понгау возник в землях, уже заселяемых хорутанами. Его поддерживал герцог Теодеберт. На право быть благотворителями монастыря притязали и местные держатели из романского рода Альбина.[1662] Монахи, конечно, проповедовали христианство соседним «жестоким язычникам». В условиях войн с христианами на юге все это запросто могло вызвать агрессию. Не исключен и конфликт из-за земли — герцог едва ли брал в расчет при своих пожалованиях самовольное славянское расселение.

Возведенный на фриульский трон после гибели Фердульфа новый герцог Пеммо взял на воспитание малолетних детей погибших лангобардских дружинников. Около того же 720 г., когда воспитанники уже держали в руках оружие, произошел очередной славянский набег. «Огромное множество» хорутан объявилось у селения Лавриана, всего в 5 км к северу от Фороюли. Пеммо со своими воспитанниками и новой старшей дружиной выступил против них. В двух сражениях славяне

https://RodnoVery.ru

потерпели поражения и понесли большой урон. Как повествовали лангобардские предания, особенно отличился наряду с юношами старик Сикуальд, мстивший за потерю сыновей. Третье сражение превратилось в «большую резню» уже подавленных и разбитых славян. Со стороны лангобардов погиб один Сикуальд, а со стороны славян — опять «множество».

Но Пеммо не преувеличивал свой успех. Герцог понимал крайнюю слабость Фриуля и боялся новых потерь в будущих войнах. Послав к отступающим славянам, он предложил им мир. Те, — что естественно после поражения, — сразу согласились. Хорутане почувствовали, что во Фриуле появилась достойная власть, и теперь желали с ней мира. Память о понесенном от Пеммо поражении, — впрочем, как и иные заботы, — впредь удерживали хорутанских князей от войн на юге.[1663] Следует напомнить, что последняя война была спровоцирована самим злосчастным Фердульфом. С другой стороны, расселение славян продолжалось. Ясно, что как раз согласно миру, подписанному Пеммо. Герцог, боявшийся новых войн едва ли не больше, чем разбитые славяне, вынужден был терпеть их на своих землях. Непременными условиями являлись признание герцогской власти и соблюдение земельных прав лангобардов.

Пеммо завязал со славянами довольно добрососедские отношения. Они могли бы помочь ему в 737 г., когда из-за ссоры с патриархом Аквилеи герцог навлек на себя гнев короля Лиутпранда. Этот сильный и одаренный правитель на время обуздал самовластие знати на местах и сплотил лангобардов под своей властью. Во Фриуле король встал на защиту патриарха, которого Пеммо заключил в тюрьму. Низложив герцога, Лиутпранд передал власть над Фриулем его же сыну Ратхизу. Пеммо со своей дружиной тогда задумал бежать к славянам — конечно же, рассчитывая на их помощь. Хорутане еще в VII в. участвовали в борьбе за фриульский престол. Но Ратхиз удержал отца и заступился за него перед королем. Впрочем, хитрый Лиутпранд лишь заманивал Пеммо в Павию. Явившись под сыновние гарантии в столицу со своими сторонниками, низложенный герцог немедленно попал в заточение.[1664]

Ратхиз стал герцогом Фриульским. Однако все происшедшее испортило отношения со славянами. Поступок Ратхиза пусть и невольно, но заманившего отца в темницу и отнявшего у него власть, для славян выглядел кощунственно. Издавна платившие дань фриульским лангобардам зиляне в верховьях Зильи отказались подчиняться новому герцогу.[1665] Отложились они, судя по дальнейшему, не к Хорутании, а к новому

https://RodnoVery.ru

славянскому княжеству — Крайне.

Возникновение княжества Крайна на землях древнеримской области Карниола относится к первой трети VIII в. Широкое расселение хорутан привело к ослаблению центральной власти сидевшего в Крнском князя. Славяне, сидевшие в самых верховьях Савы между горами Караванке и Юлийскими Альпами, стали управляться собственными вождями. Не исключено, что князья Крайны являлись ответвлением хорутанской династии. Но они могли выдвинуться и из местной знати. Ни о каких усобицах в связи с этим неизвестно — что не значит, будто их вовсе не было. Южная окраина Хорутании — откуда и название — обособилась в самостоятельное племенное княжение.

На западе земли Крайны достигали долины Зильи, так что для зилян не составляло труда прибегнуть к помощи именно крайнских князей. Хорутане же сохранили мир с Фриулем. В 738 г. Ратхиз выступил в поход на Крайну. В сражении с фриульцами крайнцы потерпели поражение. Погибло их «большое множество». Ратхиз углубился в земли Крайны и подверг всю страну опустошению. При этом в каком-то месте его войско подверглось внезапному нападению славян. Застигнутые врасплох лангобарды не успели толком подготовиться. Даже герцог не взял еще копье у оруженосца, когда сшибся с врагом в рукопашную. Первого подбежавшего славянина, отмечает в связи с этим живописующий герцогские подвиги хронист, Ратхиз убил простой палицей. Но о каких-нибудь значимых итогах похода — как на самом деле и об исходе описанного сражения — нет ни слова.[1666] Похоже, фриульцы не без труда покинули разоренные славянские земли. Что касается зилян, то они так и остались независимы от лангобардов.

Это была последняя вспышка войны на границе альпийских славян с Фриулем. После этого, наконец, установился действительный мир. Славянских набегов не происходило еще со времен договора, заключенного Пеммо. Хорутан всецело заняла борьба за независимость против наступавших с новыми силами авар. Славяне продолжали жить на землях самого герцогства, подчиняясь его властям. Но фриульские герцоги более не пытались распространить свое влияние на собственно славянские земли Хорутании и Крайны. Тем более что к Хорутании уже приглядывалось другое германское герцогство, намного превосходившее Фриуль силами — Бавария.

Обращение хорутан

https://RodnoVery.ru

Образование к западу от аварских границ сильного славянского княжества — Хорутании — вдохновляло славян каганата на борьбу с игом. Однако победа на территории самой кочевнической державы казалась невозможной. Пришлось бы истребить или изгнать всех авар, на что у славян явно не хватало сил. Как и влахи, славяне просто стремились покидать пределы каганата целыми племенами. Многим удалось прорваться, как и влахам Кувера и Мавра на востоке. С начала VIII в. массы славян бежали вниз по Дунаю в район древнего Карнунта, принадлежавший тогда хорутанским князьям. Каганат не мог мириться с этим — как и с самой потерей западных земель. Восстановив силы после мятежа Кувера, вновь сплотившись вокруг своего кагана, авары перешли в наступление. По следам славянских беглецов в Нижнюю Австрию вторглись кочевники. Занятые столкновениями с лангобардами на юге, хорутане не смогли защитить свои северные границы. Авары захватили земли по Дунаю, отрезав Хорутанию от северных задунайских сородичей, возможных союзников. Местные славяне вновь были порабощены. В их землях теперь постоянно находились отряды аварской конницы, собиравшие дань и следившие за местным населением.[1667]

Отрезав хорутан от Дуная и от возможной поддержки с севера, авары перешли в наступление на основные земли княжества. Хорутанию ослабляли и сравнительно недавняя еще война с Фриулем, и отпадение Крайны. Правивший Хорутанией около 740 г. князь Борут решил выбрать из двух зол меньшее. Он обратился за помощью к баварам. При этом князь отдавал себе отчет в том, что дело кончится подчинением баварскому герцогу Одило.

Бавары помощь оказали с готовностью. Тому имелось несколько причин. Во-первых, натиск авар на запад создавал очевидную угрозу для самой Баварии. До сих пор славянские земли прикрывали герцогство от Аварского каганата. С захватом аварами района Карнунта каганат вновь превращался в непосредственного соседа Баварии. Сохранение славянской Хорутании как передового рубежа обороны становилось двойной необходимостью. Но Хорутания и сама являлась источником беспокойства. Бавары уже столкнулись с расселением хорутан по собственной территории. В Понгау за пару десятков лет до того уже имел место конфликт, закончившийся гибелью монастыря. Так что Одило был весьма заинтересован в мире с Борутом, а по возможности и в контроле за Хорутанией.

Бавары пришли на помощь Боруту. Авар разгромили и отбросили, хотя

https://RodnoVery.ru

захваченные вначале области так и остались за ними. Теперь Хорутания нуждалась в постоянной помощи баваров, а те — в постоянном союзе с ней. Борут пошел на признание зависимости от Одило. В знак подчинения он отдал в заложники союза своего сына Горазда и сына своего брата Хотимира. Тем не менее хорутанский князь остался для баваров «герцогом», dux, наравне с их собственным вождем. Так что подлинного покорения Хорутании не произошло. У одной Баварии, независимой тогда от франков, на это не хватило бы сил. Да Одило и не пытался принудить Борута силой к чему-то, чего тот не уступал сам.

Условия договора между хорутанами и баварами выглядели так. Бавары брались защищать хорутанские земли, тогда как Борут признавал старшинство Одило — прежде всего, в делах войны. Самым существенным для будущего условием являлось то, что Борут «попросил» воспитать посланных в Баварию наследников княжеского престола как христиан.[1668] Парадокс в том, что сам Борут при этом остался язычником. Отсюда ясно, что «просьба» являлась на деле уступкой баварам — дабы прочнее связать их с делами Хорутании. Являясь по обычаю верховным жрецом, Борут, как можно судить из этого, к вере своей был довольно равнодушен.

Сам по себе подобный факт неудивителен. Смешение различных народов в Восточных Альпах знакомило славян как с иными языческими верованиями, так и с христианством. Многие представители знати обретали необычную для предков «широту взглядов». Это, в свою очередь, превращало их со временем в «скептиков» по отношению к вере отцов. К тому же христиане в Хорутании имелись — потомки и романцев, и крещеных когда-то Амандом «немногих» славян. Союз с Баварией, конечно, вдохновил их. При княжеском дворе начала складываться христианская партия, которая видела в этом союзе возможность для крещения соплеменников.

Мир и союз между Хорутанией и Баварией позволил баварам ввести славянское расселение в более-менее приемлемое русло. Теперь славянские поселенцы, хотя и возглавлявшиеся собственными вождями-жупанами, подчинялись герцогской власти. Вскоре после договора с Борутом, около 741–746 гг. пресвитер Урс из рода Альбина с разрешения Одило восстановил обитель в Понгау.[1669]

Примерно около 750 г. князь Борут умер. К этому времени обстановка вокруг Хорутании существенно изменилась. Всесильный уже правитель франков, майордом Пипин Короткий в 748 г. сместил Одило, зятя по сестре, с баварского престола. Одило поплатился за вмешательство в смуту среди

https://RodnoVery.ru

сыновей своего тестя Карла Мартелла. С этого времени подчинение Баварии франкам, доселе лишь внешнее, наполняется не слишком приятным для баварской знати содержанием. Новый герцог Тассило III, племянник Пипина и сын Одило, первые годы правления вел себя как ставленник дяди.

Для Хорутании это означало две вещи. С одной стороны, франки теперь поддерживали бавар и хорутан в непрекращающейся борьбе с аварами. В «непрестанных войнах» баварам и хорутанам при помощи франков удавалось успешно сдерживать кочевников.[1670] С другой стороны, Франкское королевство намного превосходило и Хорутанию, и Баварию силами. Теперь, когда под властью сына Карла Мартелла франки обрели единство, с ними не мог сравниться уже вообще никто в «варварской» Европе. Отношения с таким «союзником» могли строиться уже только на подчинении, в чем бы это ни выражалось.

После смерти Борута — с согласия франков и баваров — на княжеский престол вступил вернувшийся из Баварии Горазд. Он уже был крещен, но к распространению христианства среди соплеменников никаких усилий не прилагал. Впрочем, это пока не заботило и баварское духовенство. Нельзя исключить, что Зальцбург просто опасался, как бы попытки обращения «жесточайших язычников» не разрушили зыбкий союз. Вокняжение христианина Горазда являлось пробным камнем.

Горазд благополучно прокняжил три года и скончался около 753 г. Ближайшим наследником оставался его двоюродный брат Хотимир, по-прежнему живший заложником в Баварии. Хотимир тоже крестился и был гораздо сильнее верующим христианином. Пипин Короткий утвердил Хотимира вассальным «герцогом» в Хорутанию. Еще в 751 г. Пипин с благословения папы римского Захарии взошел на королевский престол франков. Хотимир отправился на родину не один. С собою он взял священника Майорана, племянника и постриженика Лупа, настоятеля монастыря Св. Петра в Зальцбурге. Приезд Майорана означал первый шаг в становлении христианской Церкви в Хорутании.

Христианское исповедание нового князя, как и покойного, не помешало его избранию хорутанами. Правление безразличного к вере Борута и Горазда, не следовавшего языческим обычаям, принесло плоды. Тем не менее не произошло и массового крещения хорутан. Князь не решался навязывать свою веру подданным. Майоран долго наставлял князя в христианстве и проповедовал в Хорутании в одиночку.[1671]

Наконец, пример князя, уже вполне убежденного христианина,

https://RodnoVery.ru

склонил к новой вере и многих подданных. Правление Хотимира длилось долго, безо всяких признаков гнева языческих богов. Одно это убеждало многих язычников в неистинности прежней веры. К тому же в пользу князя и христианства говорили ратные успехи. Хорутане при помощи христианских союзников продолжали сдерживать авар в новых границах. В то же время на западе и на юге царил теперь ничем не омрачаемый мир. Наконец, христианство уже давно приняла хорватская знать — безо всяких худых последствий. Все это привлекало и хорутан — по крайней мере, знатнейших, — к христианской вере.

Поняв, что плод созрел, Хотимир начал действовать. Он отправил посольство в Зальцбург к тамошнему епископу Виргилию с просьбой прислать ему священников для обращения народа. Произошло это спустя сравнительно недолгое время после вокняжения Хотимира. Виргилий с радостью откликнулся на просьбу славянского князя. В Хорутанию отправились епископ Модест, четверо священников — Оттон, Регинберт, Гозхарий и Латин, — диакон Эгихард и какое-то число сопровождающих клириков. Они взялись за массовое обучение хорутан и обращение их в новую веру. По стране строились и освящались христианские церкви, в них начиналась постоянная служба. Многие славяне, следуя примеру своего князя, крестились. Служители древних богов, казалось бы, никак не сопротивлялись. Их паства стремительно сокращалась. Главным храмом Хорутании, кафедрой для поставленного по просьбе Хотимира епископа, стала церковь Святой Марии. Проповедники новой миссии на юге достигли земель Крайны и хорватской границы у Адриатики.[1672]

Епископ Модест своими трудами завоевал уважение хорутан, даже язычников. Но после его кончины отношение к новой вере сразу же изменилось. Кажется, мир держался только на его влиянии. Если для принятия хорутанами новой веры имелись основания, то имелись они и для противодействия ей. Обращение шло из Баварии, условия союза с которой, пусть и необходимого, наверняка казались многим в Хорутании унизительными. Помимо того между славянами и латинскими священниками вставал языковой барьер. Сколь бы старательны и искренни ни были проповедники христианства, они оставались чужеземцами, и Богу служили на латыни. Это увеличивало отчуждение. Если же Хотимир, как иногда полагают, действительно отчислял некую ежегодную долю дани монастырю Святого Петра,[1673] то у хорутанской знати имелись основания и для гнева.

Всем этим воспользовались приверженцы язычества. Сразу после

https://RodnoVery.ru

смерти Модеста, пока Хотимир еще не выписал ему преемника из Зальцбурга, в стране началось восстание. В Баварии он получил название «кармула»,[1674] что и означало на древнебаварском «мятеж». И слово это вошло в славянские языки как «крамола» — обозначение междоусобицы, восстания против законной власти,[1675] недаром. Ведь это первый мятеж против княжеской власти, известный в славянской истории. Не исключено, что и первый вообще случившийся в славянском мире. Речь шла не о однодневном перевороте, не о свержении дружинниками вождя-неудачника, не о кровной вражде двух-трех родов. Такое-то как раз в языческую эпоху случалось, и нередко. Хорутанская крамола 760-х гг. стала первым мятежом племени против политики своего главы и вопреки существующему закону. Уходящая вера вступила в противоречие с племенным правом, «правдой». Перед лицом закона Хотимира, умелого дипломата и успешного правителя, защитника рубежей страны, упрекнуть было не в чем. Потому и раскололась Хорутания надвое, и началась междоусобная война. Первая, повторим, в славянской истории. Весть о ней потрясла славянских соседей и сородичей, а баварское слово, принятое и самими хорутанами, стало у славян нарицательным.

Проще всего возложить за это ответственность на вошедшее в жизнь хорутан христианство. Но подобные явления возникали в истории всех народов при разложении первобытных устоев, принимали эти народы христианство или нет. Амбиции усиливающейся местной знати и противостоящей им высшей власти рано или поздно приводили к столкновениям в разных славянских княжествах. Но религиозная природа противостояния именно в Хорутании очевидна. Знать увидела в личной попытке князя сменить отчую веру собственной посягательство на свое влияние. Надо иметь в виду, что христианство распространялось мирно, без заметного нажима со стороны властей. Не происходило ни поголовных крещений, ни разрушения языческих святынь. Из этих святынь, кстати, даже в самом Крнском некоторые дожили до средневековья и еще тогда использовались для возведения на престол каринтийских герцогов. Хотимир был крайне осторожен в обращении своих подданных.

Конечно, по факту князь являлся франко-баварским ставленником. Но выбор для хорутан на тот момент был невелик — самостоятельность под скипетром Пипина или прямое аварское иго. Полная независимость, к несчастью, уже в число альтернатив не входила. У власти Хотимир утвердился мирно, по воле самих здраво судивших соплеменников. За оружие же взялись язычники, движимые и униженным племенным

https://RodnoVery.ru

чувством, и отступничеством князя от веры отцов. Причем взялись за оружие только тогда, когда угроза мирного торжества новой веры стала вполне осязаемой. Как и во многих странах мира, не появление религии откровения, а сопротивление ей приверженцев старого стало причиной религиозного гонения. Именно крамола, а не крещение, лишила Хорутанию исторического выбора на будущее, перевела ее отношения с франками и баварами в совершенно иную плоскость.

Крамола сделала невозможной дальнейшую проповедь. Предоставив князю разбираться с мятежниками, миссионеры на время прекратили работу. Виргилий отказался прислать нового епископа в Хорутанию. Хотимиру удалось было справиться с мятежом. Тогда в преемники Модесту был назначен Латин. Но победа князя оказалась неокончательной. То ли в связи с избранием нового главы миссии, то ли просто несломленные полностью, язычники поднялись вновь. Латина прогнали из Хорутании. Крамола возобновилась. Наконец, Хотимир одержал победу. Но церковную организацию Виргилий воссоздавать в Хорутании не решился. Направив настоятелем к святой Марии пресвитера Мадальхола, он одним этим и ограничился. Позднее на смену Мадальхолу прибыл новый священник — Варманн.

Примерно в 769 г. умер Хотимир. Судя по длительности правления, князь был достаточно популярен среди своих подданных. Он сохранял власть порядка 15 лет, притом что впервые в славянской истории столкнулся с междоусобной войной. Недовольных ему удалось подавить, искренне исповедуемое христианство — утвердить на хорутанской земле. Однако сразу после его смерти крамольники вновь дали о себе знать. Мятеж вспыхнул с новой силой. Варманн бежал из Хорутании, и в стране не осталось «ни одного священника».[1676] Новый князь, некто Вальтунк, сначала поддерживал язычников. Его имя напоминает о языческом титуле князя как верховного жреца — «владыка». Не исключено, что «Вальтунк» принял этот титул, вступив на престол и восстановив язычество во всех его правах. Разгром христианской партии, сторонников союза с Баварией, естественно, привел к разрыву этого союза. На границе начались столкновения. Баварская знать совершала набеги на Хорутанию, захватывала рабов.[1677]

Хорутанская крамола не ограничилась только пределами Хорутании и пока языческой в основном Крайны. В соседней Хорватии имелись свои, пусть не столь острые, причины для отступничества. Собственно, основной являлось крайне поверхностное восприятие христианства даже знатью. Рим

https://RodnoVery.ru

был далек, связи с ним не слишком регулярны. До Хорватии наверняка доходили какие-то сведения о разладе римских пап с византийским иконоборческим двором. Обширное Хорватское княжество меньше, чем Хорутания, нуждалось в союзе с франками. До сих пор он был просто противовесом восстанавливающейся Византии. Авары Хорватию тревожить не смели. Но теперь франки и бавары пытались утвердиться в Хорутании. А это грозило сделать «подчинение» франкам реальностью. Так что хорватская знать поддержала хорутанскую крамолу. В Хорватии тоже произошло вероотступничество. Княжеский дом отказался от христианства. Две епархии, созданные при Ираклии, были уничтожены. В то же время хорваты не стали отказываться от «подчинения» франкам. Они выжидали.[1678]

Тассило III готовил для борьбы с крамолой как военные, так и мирные средства. Действовать ему приходилось в одиночку, без поддержки франков. В 768 г. умер король Пипин. Франкское королевство поделили его сыновья Карл и Карломан. Бавария вновь обрела самостоятельность, к чему Тассило всегда стремился. Но вместе с независимостью пришло и немало проблем.

В 769 г., с началом новой крамолы, Тассило выделил Атто, аббату монастыря Шарниц Фрейзингского епископа, местность Иннихен для создания нового монастыря. Пустынный Иннихен, который выпросил Атто у герцога, располагался в верховьях Дравы, на границе с Хорутанией. Граница проходила тогда, согласно грамоте, по впадающему в Драву и стекающему с Анрасских Альп «ручейку». Вплоть до него и простерлись новые монастырские владения. Цель создания монастыря Тассило, в согласии с просьбой Атто, сформулировал четко — «вывести неверующий род славян на путь истины».[1679] Духовенство Фрейзинга рассчитывало преуспеть там, где потерпели неудачу зальцбургские собратья.

Исход крамолы решило баварское оружие. В 772 г. пограничные столкновения вылились в большую войну. Против Хорутании выступил сам Тассило. В сражении с герцогским войском хорутане потерпели поражение.[1680] Неудивительно — им теперь приходилось вести войну на два фронта, против Аварии и Баварии. Ныне, после разгрома, речь могла идти только о действительном подчинении баварам. Вальтунк сделал минимальную уступку. Он «послал вновь к епископу Виргилию и попросил его направить туда же священников».[1681] Тем самым под крамолой была подведена черта. Для Хорутанского княжества это означало еще полвека относительной независимости.

https://RodnoVery.ru

Виргилий не стал восстанавливать Карантанскую епархию. Это означало прямой конфликт с Фрейзингом, миссионеры которого тоже трудились среди хорутан.[1682] Однако по «просьбе» принявшего крещение Вальтунка он отправил к нему священников Хеймона и Регинбальда с диаконом Майораном и клириками. Затем вплоть до кончины Виргилия в 784 г. миссионеры из Зальцбурга сменяли друг друга в Хорутании. На смену Регинбальду в помощь Хеймону прибыл священник Дублитер, в священство был возведен и Майоран. Затем Хеймона и Дублитера сменил новый глава миссии Гозхарий, уже живший среди хорутан при Хотимире, и приданный ему Эрханберт. Затем вся миссия была отозвана, и в Хорутанию вернулся Регинбальд с новым сотоварищем Регинхаром. Следующие две миссии тоже состояли из пар священников — Майоран с новым спутником Августином и тот же Регинбальд, тоже с новым спутником Гунтаром. Обращают на себя внимание сокращение числа миссионеров с трех до двух, а также полное отсутствие сведений об их успехах. Новое обращение хорутан после кровавой крамолы шло с трудом.[1683] В итоге большинство хорутан еще и в 788 г. «оставалось в неверии» и «упорно пребывало в черствости своего сердца». Некий франкский аббат, около этого времени просивший у своего покровителя сведений «в отношении славян и авар», только надеялся на обращение хорутан. Не желают ли они, народ «жалкий и весьма несчастный», — осведомлялся он — «когда-нибудь обратиться к вере и принять святое крещение»? [1684]

Итак, обращение хорутан разворачивалось своим чередом, но крайне неспешно. Гораздо быстрее, и Тассило приложил к этому все усилия, происходило подчинение их власти баварского герцога. Для начала Тассило поставил под свой прямой контроль жупы, возникшие в собственных землях Баварии. Впрочем, говорить о собственных землях Баварии не всегда приходилось. В редкозаселенных областях на востоке, где хорутане и бавары селились чересполосно, границу доселе не всегда можно было провести. Теперь ее проводила воля баварского герцога-победителя.

Пограничные жупы превращались в декании — единицы сбора герцогских податей и управления в сельской местности. Во главе деканий оставались при этом славянские жупаны. Однако жупан являлся в большей степени хранителем племенных традиций, «духовным» главой малого племени. Он, например, в случае необходимости свидетельствовал клятвой племенные рубежи. Практическая власть находилась в руках утверждаемых герцогской властью чиновников — акторов — из числа самих славян. Так, жупой в области Траунгау у реки Кремс (Верхняя Австрия) управляли

https://RodnoVery.ru

жупан Быш и два актора — Долюб и Сборуна. При этом власть акторов не распространялась на три десятка славян, поселившихся отдельно по ручью Дитах и самовольно расчистивших землю по нему соседнему ручью Зирнинг. Эти славяне, однако, повиновались жупану.

Власть герцога, осуществляемая через самих славян, оставалась призрачной. Границы деканий были неустойчивы и не закреплены документально. Соответственно, славяне самовольно выселялись за пределы деканий и расчищали новые земли — как те самые поселенцы на Дитахе. Такие захваченные земли становились частью декании лишь на словах и акторам совершенно не подчинялись.

Однако герцог мог пожаловать славянские земли, и тогда зависимость славян становилась гораздо прочнее. Территория, указанная жупаном, обмеривалась и фиксировалась. В пределах установленных границ закреплялись строго определенные повинности. Декания сохраняла свой внутренний строй и своих вождей, но превращалась в частицу феодальной вотчины или церковного владения. И управлялась уже не из далекого Зальцбурга. Именно так произошло с жупой Быша осенью 777 г., когда Тассило III пожаловал ее вновь созданному Кремсмюнстерскому монастырю. К нему были приписаны не только славяне собственно декании, но и вольные поселенцы на Дитахе. Таким же вольным баварам в Эберштале, занявшим землю без герцогской воли, Тассило разрешил либо служить монастырю, либо «свободными удалиться». Славянам такой выбор не предоставлялся — занятые ими земли просто передавались обители вместе с ними самими.[1685]

Но подчинение восточноальпийских славян Баварскому герцогству оказалось недолговечным — как и само его независимое существование. В 772 г. Франкское королевство объединилось под власть Карла, впоследствии Великого. В войне 772–774 гг. Карл покончил с Лангобардским королевством в Италии. Последним, в 776 г., пал Фриуль — давний сосед и некогда противник хорутан. В 788 г. разразилась война между франками и Византией за господство в Италии. Тассило, опасавшийся усиления франков, вступил в сговор с ромеями и с аварским каганом. Но Карл разгромил авар и сместил Тассило с герцогского престола. Теперь с независимостью Баварии было покончено. Хорутании следовало впредь иметь дело с самим Франкским королевством, стремительно превращавшимся в новую Западную Империю.

Во франко-аварских войнах

https://RodnoVery.ru

Неизвестно, правил ли в те годы хорутанами еще Вальтунк. Смена сюзерена внешне не повлияла на Хорутанское княжество. Война с аварами продолжалась, и франки нуждались в прочном союзе со славянами. Вальтунк, покорившийся Тассило, умер или лишился власти вскоре после низложения герцога. Князем Хорутании стал некий Инго — славянин, но с именем явно германским. Инго происходил или из славянских жупанов Баварии, или из числа местных сторонников союза с Западом. Может, в его жилах действительно текла и германская кровь. Как бы то ни было, Инго удалось существенно укрепить княжескую власть в Хорутании. Жупаны и прочая знать повиновались ему беспрекословно, а в народе князь пользовался любовью. Его верховную власть признавала и Крайна.[1686]

Главной задачей хорутан, с точки зрения Карла, являлась поддержка его в войне против авар. Для самих хорутан и их князя война франков с аварами открывала, наконец, дорогу к избавлению от аварской угрозы. Более того, франки полнились решимостью вовсе стереть каганат с карты Европы. Это сулило славянам Паннонии свободу от аварского ига, а Хорутании и Крайне княжествам позволяло раздвинуть границы на восток.

В 791 г. Карл лично предпринял большой поход против авар. Для участия в походе были мобилизованы силы всей франкской державы. В войске Карла шли бавары, саксы и другие покоренные германские племена. Выставили свои войска и хорутане. Карл нанес аварам поражение и разорил их владения. С богатой добычей франкское войско вернулось в свои пределы.[1687]

В результате этого похода началось продвижение франкской границы на восток. Франки отвоевали у авар славянские земли по Среднему Дунаю. Несмотря на многочисленное здесь славянское население, под власть хорутанских князей Нижняя Австрия не вернулась. Правда, с первым поражением авар открылась возможность движения прямо на восток, в Паннонию. Здешние славяне жаждали сбросить аварский гнет и видели освободителей в хорутанах и их союзниках.

Между тем в расширившихся пределах Франкского королевства славяне шаг за шагом утрачивали самостоятельность. Местные вотчинники и монастыри могли управлять славянами непосредственно, в самом тесном контакте. Соответственно, автономия податного славянского населения уменьшалась. Уже к 791 г. жупа Быша на Кремсе была полностью поглощена деканией, и вождь утратил свой титул. Вся власть перешла в руки подчиненных монастырю акторов.[1688] Позднее произошло

https://RodnoVery.ru

закрепление монастырем взимавшихся с подвластных славян повинностей и податей. Власть феодальных держателей распространялась дальше на восток, в ранее подвластные аварам земли. В местности Грунцвити в Нижней Австрии, на реке Фланвиц, живший здесь хутором-починком славянин должен был платить подать тому же Кремсмюнстерскому монастырю.[1689]

В 795 г., в обстановке военных неудач, у авар разразилась междоусобица. Кагана попытался свергнуть югур — второе лицо в каганате. В разразившейся войне оба предводителя кочевников погибли. Франки и союзные им славяне Крайны решили немедленно воспользоваться случаем. Осенью 795 г. князь Крайны Войномир выступил в поход на самое сердце каганата, так называемый хринг (по-германски «кольцо»). Эта укрепленная ставка располагалась в глубине аварских земель, между Дунаем и Тисой. Прикрытая от франков великой рекой, доселе она оставалась для них недоступна. В помощь Войномиру франкский герцог Фриуля, Эйрик, отправил свою дружину. Совместный удар славян и франков был успешен. Хринг подвергся разграблению. «Сокровище прежних царей» авар, «собранное на протяжении многих веков», досталось Эйрику и Войномиру. Эйрик отослал свою долю добычи Карлу в его столицу Ахен. Король, в знак благодарности Богу за победу, отослал большую часть присланного в Рим, а остатки раздал приближенным.[1690]

В результате этого похода на основной территории Аварского каганата воцарился хаос. Закрепляя успех, король Италии Пипин, сын и наместник Карла, в 796 г. сам вступил в Паннонию и, переправившись через Дунай, вновь захватил хринг. Остатки аварской знати в панике бежали за Тису. Каганат развалился в считанные месяцы. Местами авары еще сопротивлялись франкам, но у них вышли из повиновения массы славян. Они теперь признавали власть князя Хорутании. Бдительно следившая за происходящим Зальцбургская епархия отправила своих священников проповедовать христианство в освобожденных от власти кагана землях. Преемник Виргилия, епископ Арн, считал закрепление христианства в Хорутании и обращение Паннонии главной своей задачей. Будущими христианами он видел и славян, и авар. Прерванная было после смерти Виргилия проповедь христианства на востоке возобновилась.

Арн обратился за поддержкой к хорутанским и соседним князьям и жупанам, прежде всего к Инго. Инго к этому времени достаточно укрепил свою власть верховного князя Хорутании и бывшей аварской Паннонии,

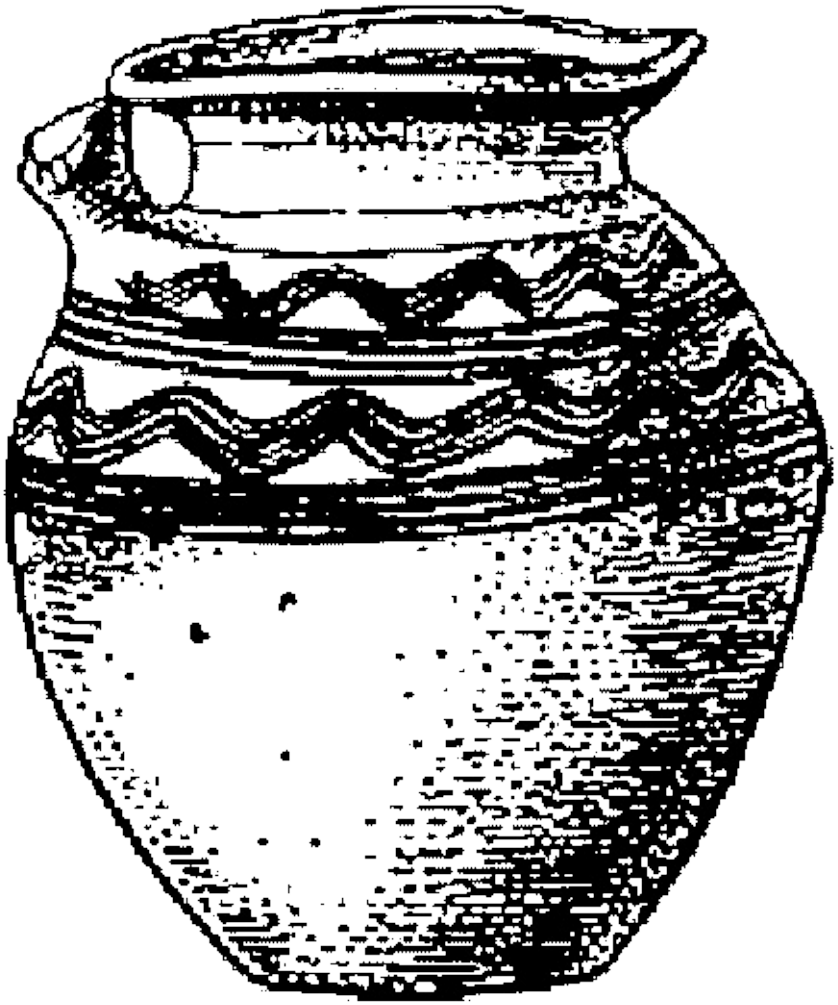
https://RodnoVery.ru

чтобы показать силу. У себя на пиршестве князь решил пристыдить языческую знать. Он пригласил к столу рабов-христиан, напоив их из позолоченных чаш. А знатных хозяев Инго и усадил за воротами, и посуду им дал простую. Оскорбленные господа обратились к князю с вопросом: «Зачем так обходишься с нами?» Инго ответил: «Недостойны вы с вашими грязными телами восседать вместе с ними, омывшимися в святом источнике. Ешьте еду свою снаружи, у дверей дома, как псы». Один этот поступок князя убедил хорутанскую знать лучше любого насилия. Не дожидаясь иных намеков, родовитые хорутане начали креститься.[1691] Около этого же времени под влиянием западных традиций перестраивается Крнскиград. Быт его знати меняется на франкский манер.[1692]

Успехи франков в борьбе с аварами вплотную затрагивали хорватов. Хорватские князья не желали стоять в стороне от происходящего. С франками они, несмотря на свое отступничество от христианства, сохранили давний союз. Однако теперь Карл мог потребовать действительного подчинения. С другой стороны, разгром каганата давал и хорватам возможность присвоить сколько-то земель со славянским в основном населением.

Победы Войномира и Пипина позволили хорватам захватить часть каганата. «От хорватов, пришедших в Далмацию, — как повествует на основе хорватских преданий Константин Багрянородный, — отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией». В результате возникло самостоятельное княжество. Его глава на равных сносился с князем Хорватии, поддерживая с ним «дружбу».[1693] Этот новый племенной союз включил как пришельцев-хорватов, так и живших доселе под властью авар славян по Саве и в междуречье Савы и Дравы. Так появилась Посавская Хорватия или Славония — особое хорватское княжение, просуществовавшее более века. С большой Хорватией Славонию связала «дружба», основанная на родстве.

https://RodnoVery.ru



Глиняный сосуд. Паннония

Но самовольство хорватов, занявших часть аварских земель, разгневало Карла. Паннония предназначалась, в лучшем для славян случае, преданным королю хорутанам. Никак не хорватам, чья зависимость от франков ограничивалась заверениями. Имело значение и то, что хорутане принимали крещение, а хорваты оставались вероотступниками. Сразу после разгрома хринга и основания Славонского княжества Карл вновь отправил Пипина в поход. На этот раз, в 797 г., король Италии выступил против славян. С Пипином пошли бавары и часть его лангобардского войска. Одновременно Эйрик с основными итальянскими силами выступил против авар. Пипин вторгся в Посавье и разорил славянские земли. Существенных потерь франки не понесли — хорваты только обосновывались в Славонии и не ожидали нападения. Но и Пипин понял, что отнять Посавье не получится. Он «с миром вернулся к своему отцу».

https://RodnoVery.ru

[1694] Хорваты соглашались по-прежнему «подчиняться» франкам, а те оставили за ними захваченные южные земли Паннонии. Поход укрепил влияние франков и на верхней Саве, в Крайне.

Эйрику в его действиях против авар сопутствовал гораздо более значимый успех. В 797–798 гг. франкский полководец покончил с остатками каганата. Теперь Аварии действительно настал конец. На земли Северной и Центральной Паннонии распространилась власть хорутанских князей. Сюда, на освободившиеся от бежавших авар места, устремились, правда, не в великом числе, хорутанские переселенцы.[1695] В том же 798 г. епископ Арн посетил Рим. Согласно воле папы Льва III и короля Карла Зальцбургу был дарован статус архиепископии. Теперь ее обязанностью становилось окормление обширных земель на востоке. Вместе с графом Баварским Герольдом, который должен был покорить остатки авар в Паннонии (и погиб там в 799 г.), на восток отправился назначенный Арном епископ Теодорих. Герольда и Теодориха сопровождал и сам архиепископ. Вместе они дошли до самого впадения Дравы в Дунай. Начался новый этап обращения альпийских и паннонских славян в христианство. Он сопровождался дальнейшим упрочением королевской власти над Хорутанией.[1696]

Крушение Аварского каганата привело к падению кочевнического ига и на Трансильванском плато. Местное славянское и романское население больше не повиновалось аварам. Они могли найти здесь приют только по договоренности с местной знатью. Кое-кто так и поступил. С конца VIII — начала IX в. в Трансильвании появляются богатые курганные могильники. Погребенные в них знатные люди подражали аварской культуре, явно знались с аварами. Но сами аварами не являлись — по крайней мере, не чистыми аварами.[1697] Славянская и влашская родовая знать приняла остатки кочевников в свои ряды — и тем закрепила свершившееся освобождение от их власти.

Сербия и Дукля в VIII в.

Об истории сербских племен на протяжении VIII в. известно очень мало. Сербия и примыкавшая к ней на юго-западе Дукля остались вне поля зрения и латинских, и греческих хронистов. Это очевидное следствие выгодности их тогдашнего политического положения. Ни Византия, ни западные королевства не могли угрожать независимости сербских княжеств

https://RodnoVery.ru

и жуп, надежно прикрываемых славянскими сородичами. Союз с Болгарией не нарушался до IX в. ни разу, даже во время болгаро-византийских войн. При этом Сербия и Дукля поддерживали союзные отношения и с Империей, даром которой считались их земли. Ни в какое подчинение это не выливалось. Оплотом Империи на Среднем Дунае пока оставался Сингидун. Но он, как и разрозненные далматинские общины, жил в плотном славянском окружении и по большому счету из милости славянских князей. С другой стороны, Сингидун прикрывал север от возможных аварских набегов, и сербские князья отчасти нуждались в здешних ромеях.

В VIII в. делало самые первые шаги слияние разрозненных сербских племен в единую народность. Это отразилось в появлении единой для всех сербских земель археологической культуры. Началось сложение ее с Подунавья, где сербы смешивались с моравanами и более всего подвергались ромейскому влиянию. Здешний культурный тип со временем, за два примерно века, распространился на всю страну. Древнейшие могильники этой культуры обнаружены в окрестностях Белграда и соседних районах Подунавья.[1698]

В рождающуюся сербскую культуру внесли вклад не только славяне. Сербы расселялись на обезлюдевших, но не совсем безлюдных землях. Иногда они оседали в развалинах древних поселений. Но иногда находили их заселенными. Тогда они либо изгоняли туземцев, либо селились вместе с ними. Живя среди греков, иллирийцев и влахов, в домах византийской, а то и античной постройки, сербы перенимали обычаи и навыки местного населения. Поселения сербов оставались неукрепленными. В селах их встречаются как славянские полуземлянки, так и наземные дома. Наряду со славянской срубной техникой строительства использовали они теперь и каркасно-столбовую.[1699] У сербов и дуклян быстрее, чем у хорватов и хорутан, шел распад больших семей. Но сохранялось сотрудничество малых семей в разных видах, и сознание общинно-родового единства. В Черногории, например, при господстве уже малой семьи, такие семьи и в новое время объединялись в «роды», а те — в «братства»-патронимии. Повсеместно известна задруга как форма сотрудничества родственных малых семей.[1700] В VIII в. устои патриархального рода должны были еще оставаться прочными.

В городах сербы пока селились редко. Вокруг Сингидуна (Белграда), античных укреплений в Дукле, других старинных городов вырастали гнезда славянских поселений. Но сами города славянскими пока не

https://RodnoVery.ru

становились. Славянское население в большинстве из них в VIII в. если и появлялось, то незначительное.[1701] Росло оно медленно. Но все-таки росло. Происходило это даже в Далмации, несмотря на всю подозрительность далматинцев к славянам.[1702]

Во главе сербов стоял единственный князь, который непосредственно правил Загорьем или Рашкой, основной территорией страны. Ему подчинялись жупаны отдельных племен. Наиболее независимы оставались жупаны Приморья, отделенные от князя горным хребтом. Постоянной резиденции князь не имел, проводя время в походах и объездах подвластных земель. Собственный независимый князь правил в Дукле.

Власть князей, опиравшихся на дружину, постепенно возрастала. К концу VIII в. князь уже мог в одиночку распоряжаться военной добычей.[1703] Это, естественно, вызывало недовольство не только у жупанов и общинников, но и в самой дружине. Опираясь на верную часть дружины и неписаный закон, князья до поры могли подавлять сопротивление в зародыше. Противодействие выливалось в массовые бегства из-под их власти. Так, известно выселение неретвлян в далматинскую Рагузу около 743 г. Вместе с ними бежали от княжеских притеснений и «черные влахи», жившие на землях Сербии.[1704] Княжеская власть передавалась от отца к сыну и лишь формально утверждалась жупанами.[1705]

Усиление власти князей в то же время шло параллельно общему обогащению и усилению знати. Основу богатства составляла военная добыча, пополнявшаяся в частых конфликтах с далматинцами и другими соседями. Но вели сербы, конечно, и внешнюю торговлю. Обогащение знати отражается в инвентаре сербских могильников. У сербов, как и у других южных славян, высоко ценились рабы-пленники.[1706]

Сербы, как и хорваты, приняли крещение при Ираклии. Но, в отличие от Хорватии, подчиненная Риму епархия в Сербии так и не возникла. Хорватским епархиям, строго говоря, было не до поддержания веры в сербах. Это, конечно, привело к быстрой утрате массами сербов христианства. Но при всем том Сербию обошли и иконоборчество, и отступническая крамола. Причин для подлинного недовольства верой или сомнений в ней здесь не возникало. Поэтому при почти полном отсутствии уже в VIII в. церковной организации, христианство сохранялось в памяти сербов. На севере этому содействовала близость Сингидуна. Умерших сербы Подунавья уже тогда хоронили по христианскому обряду, хотя и с прощальными дарами-ценностями. При этом могли использоваться старые римские кладбища. Впрочем, на распространение трупоположения не

https://RodnoVery.ru

меньше влияла и близость Аварского каганата. Именно в Подунавье аварское влияние еще ощущалось весь VII в.[1707]

Сербские князья продолжали считать себя христианами и даже поддерживали какие-то сношения с Римом.[1708] Впрочем, некоторые сербские племена — неретвляне, дукляне, — не крестились и в VII в. Противовесом христианству оставались замешанные на оборотнических поверьях воинские братства, слившиеся уже с княжеской дружиной. Память об этих братствах дожила в сербском эпосе до нового времени. С точки зрения дружинников, идеальным являлся князь-«волк», обладающий языческими сверхъестественными дарами «вещести». Как увидим далее, именно дружина выступает против князя-христианина в сербском историческом предании — хотя как будто и не по религиозному поводу.

Удаленность Сербии от тогдашних центров письменной культуры не позволяет нам воссоздать происходившие там события в деталях. Мы располагаем лишь отдельными отрывочными сведениями из позднейших сербских и далматинских преданий.

В первой половине VIII в. — то есть примерно тогда же, когда «авары» из окрестностей Диррахия бились на море с сицилийцами, — к северу оттуда, в Дукле, правил князь Ратомир, сын Владина. Если верить преданиям из Дуклянской летописи, то кризисные годы Византии отозвались и здесь, в далматинском Приморье. Ратомир «с детства проявлял неотесанность и высокомерие», «ненавидел имя христианское». Став князем, он выказал свой дурной нрав, истребив, изгнав и поработив далматинских христиан, разрушив их «города и селения», причем «множество».[1709] В этой картине нет ничего невероятного. Однако Ратомиру приписаны здесь деяния предшествующих покорителей и разорителей Далмации. Потому трудно сказать, было ли правление Ратомира на самом деле чем-то исключительным. Или он стал невольной жертвой исторических построений хрониста. Отнеся замирение с далматинскими городами из IX в. ко временам деда Ратомира, тот теперь нуждался в объяснении общеизвестных фактов. Почему в IX в. города лежали в руинах, а князья приморских славян оставались воинствующими язычниками? Ответственность легла на последнего известного из цепочки древних дуклянских князей — Ратомира. Его четыре преемника, как «неправедные», уже вообще по именам не называются. Тем не менее не приходится сомневаться в одном — отступившие на острова и скалы далматинцы продолжали подвергаться набегам и в VIII в. То, что сказано в Летописи попа Дуклянина о Ратомире, можно было бы поведать о многих

https://RodnoVery.ru

славянских князьях и жупанах.

Примерно с середины VIII в. начинается родословная князей Загорья, приводимая на основе сербских преданий Константином Багрянородным. Первый в этом родовом ряду — князь Вышеслав. О нем неизвестно ничего, кроме имени и того, что он происходил от «архонта Серба», приведшего сербов на Балканы. Власть над Рашкой передавалась по наследству в одном и том же роду, из поколения в поколение.[1710]

То, что именно Вышеслав первым стоит в родословной, о чем-то говорит. Можно догадываться, что именно он впервые обеспечил реальную княжескую власть над разрозненными жупами. Он же — что важнее для родослова — закрепил принцип передачи власти от отца к сыну. Только от него родословную цепь князей можно прослеживать по прямой. С попытками Вышеслава подчинить приморские жупы логично связать первое массовое бегство неретвлян и влахов в Рагузу в 743 г.[1711]

Вышеславу наследовал его сын Радослав, правивший примерно в последней трети VIII в.[1712] Радослав оказался довольно популярным героем средневекового фольклора. Память о нем жила и в сербских землях, и в Дубровнике. Сведения дубровницких хронистов о Радославе довольно запутанны. Но они вполне отчетливо перекликаются с более ранним преданием из Летописи попа Дуклянина.[1713]

Радослав, взойдя на престол, показал себя достойным, «украшенным всем» правителем.[1714] Так он запомнился сербам. Но в ряде преданий далматинцев он запечатлелся как тиран. Связано это с тем, что Радослав продолжал политику отца, направленную на укрепление княжеской власти и объединение сербских земель. Ему удалось покорить жупы по реке Босне, на крайнем западе. Недовольная боснийская знать со своими сторонниками тогда бежала в Далмацию, в том числе в Рагузу.[1715]

Установление границы между княжеской Рашкой и Хорватией привело к новой войне. До сих пор порубежные жупы сербов и хорватов поддерживали между собой мир. Стремление Радослава к единству сербских племен встревожило соседей. Летопись попа Дуклянина представляет нам небывалое для того времени единое «Королевство славян», включавшее и сербов, и хорватов. Потому Дуклянин рисует начало войны так: «бан Белой Хорватии со своими присными восстал против короля».[1716] Из этой легендарной картины трудно понять, кто начинал войну в первоначальном предании. Радослав ли потребовал от князя (а не бана) хорватов дани? Тот ли выступил против него, спеша нанести первый удар? Ясно лишь, что хорватский князь не стал мириться с усилением

https://RodnoVery.ru

сербского соседа. Тот желал скорее мира с хорватами — правда, на условиях покорности. Надо учесть, что хорваты не так давно отреклись от христианства, а Радослав считал себя христианином. Это могло добавлять и тем, и другим взаимной враждебности.

Когда война началась, Радослав сам выступил против врага. Половину войска он доверил своему сыну Бериславу. Тот был «с младых лет непокорен отцу» и в дружине имел сторонников. Тем не менее, а может, и именно поэтому Радослав решился разделить с ним командование. Радослав и Берислав, окружив с двух сторон, наголову разбили хорватского князя. В руки сербов попала богатая добыча и множество пленников. Радослав, стремясь к миру, отпустил всех захваченных хорватов. Берислав же, по древнему обычаю, разделил полон между воинами. Это решило участь Радослава. И так недовольное милостью к врагу войско перешло в стан Бериславa. На вече воины провозгласили княжича князем. Можно видеть, что далеко не только религиозные причины возбуждали первые усобицы в среде славян.

Радослав с немногими верными людьми бежал от мятежного сына. Берислав преследовал его с конной дружиной. Древний закон обязывал убить свергнутого князя, и верный ему Берислав готов был стать отцеубийцей. По преданию, Радослав бежал в Приморье, а Берислав гнался за ним. На Адриатике в XII в. показывали места, связанные с этим бегством. Сначала Радослав якобы скрылся на северных землях Дукли, в местности Ласта. Узнав о приближении Бериславa, изгнанник бежал к морскому берегу. Здесь ему и воинам удалось вплавь добраться с лошадьми до скалистого гребня, на котором они и укрылись. Гребень получил позднее название Радославова камня. Похожие по описанию скалы есть у дуклянской Ласты, но остров с таким названием расположен гораздо севернее, на другом конце Приморья за Трогиром. Если Радослав бежал от хорватской границы, то путь вывел бы его скорее сюда. Так что «подлинный», в первоначальном предании, маршрут бегства князя нам неизвестен. Дуклянину, конечно, хотелось бы связать «короля славян» со своими родными местами.

https://RodnoVery.ru

Височное кольцо. Среднее Подунавье

Мимо скалы вскоре проплыл корабль из Апулии. Моряки подобрали Радослава и его приближенных и отвезли в Сипонт. Отсюда он, как повествует Летопись попа Дуклянина, отправился в Рим, ко двору папы. Здесь, любезно принятый, Радослав женился позднее на знатной римлянке, от которой имел сына Петра (Петрислава). Могилу князя дуклянский хронист поместил в римской церкви Святого Иоанна Латеранского, служившей с X в. папской кафедрой.[1717]

Княжение Бериславa, кажется, оказалось недолгим и неудачным. По славянскому праву, захвативший власть вождь оставался незаконным, пока Радослав был жив. У Константина в списке сербских князей Берислав не назван. Радославу здесь наследует другой сын — Просигой. От этого правителя, принявшего власть где-то на рубеже VIII/IX вв., и происходили позднейшие князья Сербии.[1718]

Княжества юго-запада, первыми познакомившиеся с христианством, неплохо воспринимавшие античную культуру, пока еще оставались «передовыми» в славянском мире. Впрочем, это опережение на пути к цивилизации было весьма условным и таило в себе немало опасностей. С

https://RodnoVery.ru

некоторыми из них пришлось столкнуться уже в следующем столетии. Соседство усиливающихся развитых государств ставило под угрозу защищенную в «темные века» независимость. Несколько поспешный, «политический», а потому не всегда искренний интерес знати к христианству оборачивался отступничествами. А они, в свою очередь, еще более осложняли международное положение, мешая стать признанными равноправными частями христианского мира. Но, как бы то ни было, пока Сербия, Дукля, Хорватия и Хорутания достигли весьма многого. В VIII столетии они выступали как вполне сложившиеся, независимые предгосударства — заметное явление на карте «варварской» Европы. И пока еще в известном смысле исключение на карте Европы Славянской.

Глава третья. Славяне западные и восточные. Конец VII — вторая треть VIII в

Общие черты

История западных и особенно восточных славян в VIII в. освещена письменными источниками гораздо беднее, чем история южных. Между тем, речь идет о большей части славянского мира, простершегося уже тогда от Лабы до верховий Волги. На всей этой шири в VIII столетии шли процессы, не уступавшие по важности происходившему на юге, подготовлявшие рождение славянских держав средневековья.

На рубеже VII/VIII вв. разделение славян на три языковые группы — восточных, западных и южных, — стало свершившимся фактом. Тем не менее границы групп еще не вполне устоялись. Западные и восточные славяне несколько сблизились после выселения южных сородичей за Дунай. Из южных же славян хорутане сохраняли еще большую близость к западным. Северные племена и западнославянского, и восточнославянского регионов удерживали свои особенности в языке, заметно отличавшие их от южных соседей. Северные и особенно северо-западные славянские диалекты были ближе к восточным, чем другие западные. С другой стороны, северо-восточные диалекты — будущие новгородский и псковский — многими чертами напоминали западные.[1719] Все эти особенности имеют исторические объяснения. Кривичи и позже словене ильменские, предки новгородцев, являлись выходцами из западного региона. Этим объясняется и перекличка с восточнославянскими языками

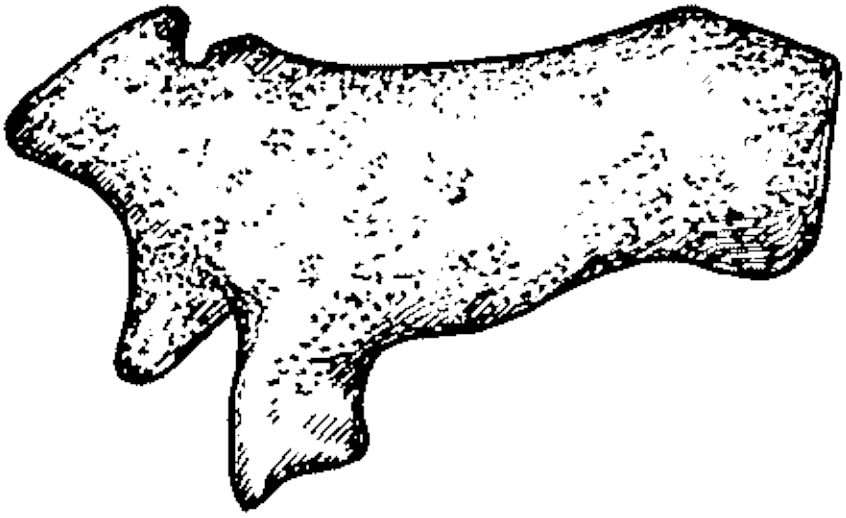
https://RodnoVery.ru

языка кашубов, потомков поморян. С другой стороны, лужицкие сербы — потомки восточных славян, и их язык сохраняет следы восточного происхождения.

В VII в. славяне еще делились минимум на три больших племенных общности с разными самоназваниями. «Словенами», славянами именовали себя по преимуществу потомки пражско-корчакских и смешавшихся с ними племен. Около 700 г. Равеннский Аноним не знает уже ни северо-западных венедов, ни юго-восточных антов. Их названия в древних источниках ничего ему не говорят, он искажает их до неузнаваемости (Ititi, Chimabes). Знает он только словен, славян.[1720] Это, конечно, не значит, что названия венедов и антов исчезли в один момент. Германские соседи еще долго называли ободричей и некоторые другие славянские племена вендами, виндами. Какое-то время сохраняли прежнее самоназвание предки ильменских словен, и позднее его удержали смешавшиеся с ливами венды Прибалтики. В эстонском языке название Vänä сохранилось применительно к России. Но что касается антов, то их имя действительно исчезло окончательно после расселения на их землях словен-дулебов на рубеже VII/VIII вв.

Это время — действительно рубеж в истории материальной культуры северных славян. Различия между племенами стремительно нарастают, и VIII в. — пора становления отдельных племенных культурных областей, распада больших культурных общностей минувшей эпохи. Прежде всего, исчезает с археологической карты пражско-корчакская культура, связывавшая воедино западный и восточный славянские ареалы. На землях Чехии, Моравии и Словакии возникает несколько культурных областей, принадлежащих отдельным племенам. Особый культурный тип складывается в Южной Польше в результате смешения пражских, суковско-дзедзицких и отчасти балтских племен. И без того пестрая культурная карта Северной Польши и нынешней Восточной Германии еще более усложняется. В дополнение к фельдбергской велетской, торновской лужичанской, рюсенской сербской культурам появляются новые — в Поморье, на Руяне. Суковская культура в землях ободричей постепенно сменяется более развитой менкендорфской. Все это — следствие племенного деления, начального складывания средневековых народностей.

https://RodnoVery.ru



Глиняная статуэтка. Луки-Райковецкая культура

Чуть менее пеструю картину представляли собой восточнославянские земли. Здесь в результате слияния дулебов и антов на рубеже VIII/IX вв. возникла новая культура — Луки-Райковецкой. Охватила она всю будущую юго-западную и южную Русь. Левобережье Днепра и земли к востоку до Дона и Верхней Оки стали зоной распространения новой волынцевской культуры. Ее создателями явились племена северян, вятичей, донских словен. Север, резко отличавшийся по укладу жизни, занимали кривичи культуры длинных курганов и ильменские словене культуры новгородских сопок. Таким образом, весь восточнославянских ареал делился всего на четыре крупных культурных региона. В их рамках продолжали проявляться частные особенности отдельных племен.

Несмотря на разницу в быту, хозяйственном и общественном строе, духовной культуре, во всем северном славянском регионе присутствовал ряд общих черт. Прежде всего, это зримый рост числа укрепленных градов — и на востоке, и на западе. Многие столицы будущих славянских государств (моравское Микульчице, русский Киев, польское Гнезно и др.) строятся и растут именно в течение ста лет с рубежа VII–VIII вв. Причины тому ясны. Крупные племенные конфедерации, сплоченные только родством, распадались. На смену им шли более прочные, сравнительно небольшие племенные союзы-«княжения». Грады становились и убежищами на случай участившихся межплеменных войн, и средоточиями власти князей. То, что их массовое строительство от Дуная до Балтики и от Лабы до Дона отражает укрепление княжеской власти, не вызывает никаких сомнений.

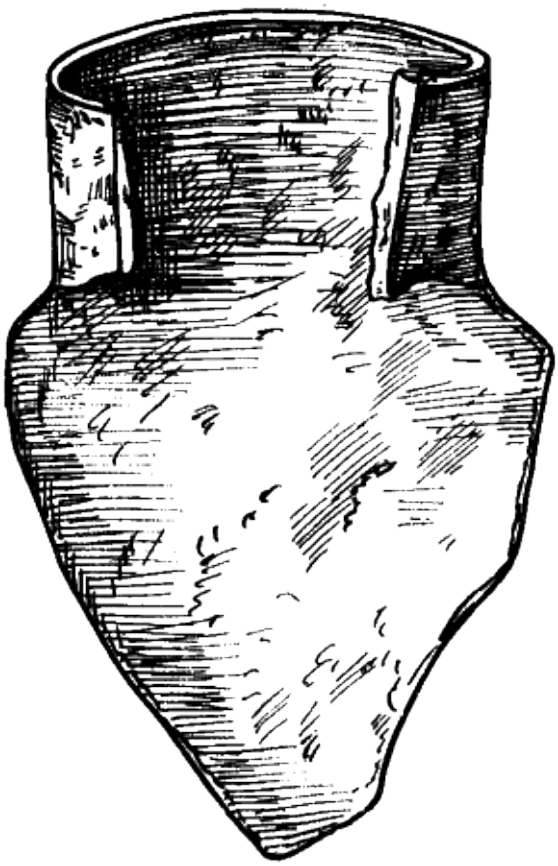
Князья севера, конечно, были пока слабее своих южных сородичей. Но

https://RodnoVery.ru

и они, опираясь на дружины и свой жреческий авторитет, усиливали свою власть над соплеменниками. Конечно, даже самые сильные племенные союзы, — как велетский или ободричский, — оставались пока только союзами. В этих «княжениях» имелось несколько племенных князей, из числа которых выделялся самый старший или знатный (либо и то, и другое).[1721] Но в рамках отдельных племен, а кое-где и на уровне целых племенных союзов княжеская власть уже закрепляется за одним, сильнейшим родом и передается по наследству — не обязательно от отца к сыну.

Укрепление княжеской власти, как и на юге, являлось частным следствием общего усиления знати. Один из показателей этого — смягчение грани между рабами из числа соплеменников, холопами, и рабами-пленниками. И те и другие теперь в равной степени воспринимаются как рабы. Для специального же обозначения же рабов-чужеземцев, в отличие от холопов, появляется новый термин — челядь. Ранее он обозначал просто младших членов семьи, домочадцев.[1722] Рабы, как и самые младшие, неженатые члены семьи, находились в полной власти ее главы. Но теперь их статус уже отличался. Это отразилось в распространении особых обозначений для детей и сирот — указывающих на близость к рабскому положению и в то же время отличающих от этого положения. Такие слова (*orbenъkъ, *orbę *orbętъko) известны именно у северных славян.[1723]

https://RodnoVery.ru



Наральник. Луки-Райковецкая культура

Другой неполноправной группой в северном славянском обществе этого времени стали смерды[1724]. Отличие их от обычных данников было в следующем. Смердами становились представители покоренного «чужого» племени, жившие непосредственно на территории, подвластной «своему» и заселенной им. Такие зависимые группы населения в словенском и антском обществе существовали и раньше, но только теперь получили особое определение.

С зарождением новых общественных отношений — как и на юге — начали разлагаться большая семья и основанная на ней община-патронимия. Однако в разных областях этот процесс шел с разной скоростью. Так, на юге восточнославянских земель в VIII в. совершился переход к малым семьям, объединенным в соседскую общину, мир.[1725] В то же время на севере, у кривичей и словен ильменских, этот процесс был далек от завершения.[1726] На западе он шел также неравномерно. У словаков, например, большая семья, объединявшая родичей до третьего колена, известна еще и в новое время.[1727]

Итак, развитие северных славянских племен в VIII в. имело целый ряд

https://RodnoVery.ru

сходных черт. Но не меньше было и различий. Расселившиеся на огромных просторах славяне оказывались в разных природных и политических условиях, и развитие отдельных их групп становится все более независимым.

Новшества в религии

Религия северных славянских племен вскоре после отделения их от южных сородичей претерпела целый ряд существенных изменений. Изменения эти нашли отражение в языке, в обрядности, а отчасти и в преданиях славянских народов. Наиболее существенным из них следует признать своеобразный «патриархальный переворот» в пантеоне. Поскольку он захватил и предков словенцев, можно датировать его первой (не второй) половиной VIII в., временем прежде начала обращения хорутан.

В VI–VII вв. древнеславянская религия сохраняла еще ряд матриархальных в своей основе черт. Пережитки их особенно мощны у южных славян, чья культура перешла к христианским основам почти что из этого первозданного состояния. Но следы первоначального сохраняются у всех славянских народов. В ту эпоху с почитанием верховных мужских божеств — Перуна и Велеса — соседствовал не менее выразительный культ богини-матери, Земли, Додолы. Она могла почитаться как супруга обоих богов-соперников, и потому отношение к ней не зависело от «перунического» или «велесического» построения пантеона. Жрицы Земли, ведьмы, составляли не слишком почтенный в патриархальной общине, но все же влиятельный разряд языческого «духовенства». Они играли важнейшую роль во многих общинных обрядах. Кульминацией культа плодородия в те века все еще служило ежегодное человеческое жертвоприношение Земле, память о коем сохранили все славянские культуры. Приносимый в жертву молодой воин рассматривался как заместитель связанного с Землей особыми узами владыки-князя.

Ясно, что к концу VII в., в военизированном дружинном обществе, при укрепившейся власти князей, матриархальный культ становился вопиющим анахронизмом. В первой половине VIII в. на всем пространстве северных славянских земель, включая на юге и Хорутанию, происходит его крушение. Проявлением этого «переворота» явился распад самого единого образа богини-матери. Почитание «Матери Сырой Земли» сохранилось лишь как элемент народного, сельского культа. Древнее имя жены

https://RodnoVery.ru

громовержца «Додола» удержалось у южных славян и далеко на востоке, где его позднее заимствовала мордва.[1728] Осталось оно именем верховной богини и у польских полян (Дзидзилля). Но отдельные ипостаси «Великой Матери» повсеместно отделяются друг от друга и даже противопоставляются друг другу. «Официальное», почитаемое всеми божество теперь отличается от гневных, губительных ипостасей древней хозяйки природы.

Суровая богиня, покровительствующая женскому труду и обеспечивающая влагой плодородие почвы, чтилась отныне под именем Мокоши. О происхождении этого образа речь уже шла. У разных славянских племен Мокошь чтили в разной степени. Но известна она всем северным славянским народам и некоторым южным славянам.[1729]

У западных и части восточных славян появилась особая богиня смерти Марена, с которой теперь и связывались сезонные обряды жертвоприношения. Марена воспринималась именно как владычица Зимы и Смерти, а праздник, завершаемый жертвоприношением — как победа над ней. Она сливалась с более древней Марой (Морой), тоже божеством смерти.[1730] Жертвоприношение «Марены» являлось победой над губительной ипостасью женского божества, над приносимыми им невзгодами. Одновременно оно повторяло миф о громовержце, испепелившем свою неверную жену Мору. Соответственно, мужская сезонная жертва у многих племен заменяется женской. По припоминаниям в чешских обрядовых песнях, некогда при «проводах» зимы в жертву приносили «девушек, прекрасных паненок». Но уже вскоре за них стало «умирать» чучело Марены, предаваемое сожжению, «поджариванию».[1731] Жертвоприношение Марены, или Моры, Мары, совершалось около весеннего равноденствия или летнего солнцестояния.[1732]

https://RodnoVery.ru

Баба Яга. Художник И.Я. Билибин

Еще одной обособленной ипостасью древней богини явилась Яга (Баба Яга).[1733] Имя ее означает «кошмар», «ужас». Она — преимущественно сказочный персонаж, чаще враг, чем помощница героя. Яга воспринималась как лесная колдунья, людоедка, предводительница и наставница ведьм. Представлялась она в ужасных, отвратительных обличьях. О религиозном почитании Яги ничего достоверного неизвестно. Оно осталось прерогативой узкого круга ведьм.

Распад древнего образа богини-матери сопровождался упадком влияния ее почитательниц, ведьм. На местах ведьмы сохранили известный авторитет. Они, как женщины-жрицы, по-прежнему играли важную роль в некоторых обрядах, связанных с плодородием. Но их «ведение», и без того обществом осуждаемое, теперь стало подвергаться прямым гонениям.

https://RodnoVery.ru

Позднее у восточных славян разоблачение и преследование ведьм являлось прерогативой волхвов.[1734] Языческая «охота на ведьм» отразилась в ритуале сожжения ведьмы (Мары), известном у восточных славян.

Явления в духовной жизни первобытных «язычников» обычно выглядят с многовекового расстояния как некий растянутый, «естественный» процесс. Но любой естественный процесс — на самом деле совокупность конкретных фактов. Особенность данного случая заключается в том, что эти факты могут быть отчасти реконструированы. Чехия — один из важных центров «переворота», судя по тому, что именно здесь прочнее всего сохранились обряды в честь Марены и память об их первоначальном содержании. И именно здесь средневековые предания сохранили возможную память о самом ходе событий. Их отражает сказание о «войне полов» — юношей и девушек Чехии — на заре истории династии Пржемысловичей. Подробнее речь об этом пойдет далее. Здесь отметим, что прямое столкновение женщины и мужчины из-за княжеской власти вполне могло вылиться в общий «патриархальный переворот». Более того, такой «переворот» в одном княжестве, где обычаи были более всего «матриархальны», вполне мог вызвать цепную реакцию по соседним славянским землям. Хорутания прилегает к Чехии с юга, другие западнославянские земли — с севера и с востока. Чехия как первый очаг «переворота» выглядит убедительно.

Следствием того же «переворота», как и общего укрепления патриархата, могло явиться и более широкое распространение обычая самоубийства жены после смерти мужа. В 747 г. о нем у западных славян пишет известный просветитель Германии Бонифаций. Он утверждает, что у «винедов» «жена после смерти своего мужа отказывается жить. И достойной похвалы считается у них жена, когда она собственной рукой предает себя смерти и сгорает на одном костре со своим мужем». Любопытно, что этот обычай Бонифаций приводит в пример распутству короля-христианина. «И винеды, гнуснейший и наихудший род людей, — подчеркивает проповедник, — со столь великим усердием блюдут взаимную супружескую любовь».[1735] Ясно, что «гнуснейший и наихудший» — просто риторика, чтобы подчеркнуть противопоставление. Бонифаций скорее хвалит здесь язычников. В его рассказе обращает на себя внимание то, что как и Маврикий почти за два века до того, Бонифаций не говорит ни о каком насилии. «Достойная похвалы», — очевидно, не каждая. Но «похвала», — то есть прямое поощрение со стороны общины подобных действий, — при общинном строе уже почти что принуждение.

https://RodnoVery.ru

Остатки таких жертв найдены на словацком «аваро-славянском» кладбище VII–VIII в. в Прше. На самом деле это могильник славян, воспринявших обряд трупоположения — аварских всаднических погребений здесь нет, как нет и могил с оружием. В одном погребении вместе положены женщина и мужчина, связанные между собой кожаным поясом. В другом — в могилу погребенного сидя мужчины положили вместе с подношением в сосуде голову женщины. Однако это лишь два случая, в других могилах ничего похожего нет. Обычай погребать принесенных в заупокойную жертву женщин в одну могилу с мужем славяне едва восприняли — у авар. Те, по кочевническому ритуалу, погребали вместе со знатными людьми их жен и рабов. На аваро-славянском (без кавычек) кладбище VII–IX вв. Нове Замку имеется несколько двойных и тройных захоронений. В одном, самом большом погребении, лежали семеро покойников. Вместе с тем сам обычай принесения жены в жертву над прахом мужа, как видно из сообщения Бонифация, распространился широко и среди самых разных славян. Следы его обнаружены среди редких находок остатков трупосожжений в долине Хафеля.[1736]

К VIII в. относятся и некоторые другие новшества в славянской религии и мифологии. Не менее важным, чем «патриархальный переворот», явилось распространение среди славян «дуалистических» мифов о сотворении мира. Восприняты они были через болгар или хазар. Отголосок этих мифов мы находим у восточных славян уже в XI в. Русские волхвы рассказывали следующий миф о появлении человека: «Бог мылся в бане и, вспотев, отерся тряпьем, и скинул его с небес на землю. И поспорили сатана с Богом, кому из нее сотворить человека, и сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Потому-то, если умрет человек, в землю идет тело, а душа к Богу».[1737] Волхвы как будто отождествляют с известным им от христиан «дьяволом», «антихристом», «сатаной» — властителя загробной «бездны» и дикой природы, Велеса. Это его капище некогда располагалось на месте Ярославля, откуда помянутые волхвы и вышли. Следует отметить, что известен и другой сходный восточнославянский языческий миф — люди рождаются оттого, что бог Род «мечет на землю груды» с «воздухов».[1738]

Данный миф о судьбе мертвых содержит явные отзвуки полемики волхвов с распространяющейся по периферии славянского мира, особенно у южных славян, практикой трупоположений. Кремация освобождала тело от власти сил подземного мира. Соответственно, наряду с представлениями

https://RodnoVery.ru

о едином загробном мире во власти Велеса-Трояна появилась идея небесного пребывания или небесного суда. Погребение в землю праха предстает тогда как некая «компенсация» темному божеству. Здесь можно увидеть след знакомства с более развитыми религиями — или внутреннего развития самой славянской. В любом случае, подобные концепты не разошлись широко. Характерно, что носителями их выступают северные волхвы, хранители наиболее сложного в славянском языческом мире велетского наследия.

Создание мира и человека предстает в таких мифах как результат вражды-сотрудничества небесного (то есть «белого» Перуна или Рода) и подземного («черного» Велеса) божества. Последний в виде «черного гоголя» плавает по первозданному океану, куда к нему спускается небесный бог. По приказу «белого» «черный» достает со дна моря скрытую в его недрах землю. Как в других славянских мифах, жизнь на земле зарождается от высечения (здесь братьями-соперниками) огня-молнии. Часто повторяется легенда, согласно которой «дьявол» «изрыл» гармонично созданную небесным собратом землю.[1739] Ее языческая древность удостоверяется эпитетом подземного бога — čьrtъ, чёрт, «роющий», откуда местные названия типа «Черторыя», отмеченные и у западных, и у восточных славян.[1740]

Следует отметить, что «дуализм» уже у тюрок мало соответствовал своему первоисточнику — древнеиранским представлениям о борьбе доброго и злого богов. Боги-создатели у славян воплощали скорее хаос и порядок, опасность и благополучие, смерть и жизнь — но не добро и зло в прямом, обычном понимании. Другое дело, что на земном уровне противостояние богов повторялось в подвигах героев, борцов со змеями-разрушителями. Слово «чёрт» распространилось и у тех племен, которые поклонялись преимущественно Велесу. Лишь во времена христианства чёрт был отождествлен с дьяволом. Совсем не исключено, что волхвы XI в. на самом деле говорили «чёрт» там, где летописец или его информатор перелагали «дьявол», «сатана», «антихрист». Языческое понятие «чёрт», в отличие от ученых именований врага рода человеческого, в Средние века старались не употреблять.

Некоторое развитие претерпела низшая мифология славян. По мере становления славянской культуры, для которой вообще характерен интерес к окружающей природе, появлялись новые образы природных духов. Такие новые духи обладали более узкой, чем их предки, «специализацией», сферой деятельности. Так, у западных и восточных славян

https://RodnoVery.ru

распространились поверья о леших, лесовиках — особых духах лесов.[1741]

От VIII в. сохранилось уже немало, по сравнению с предшествующим периодом, новых славянских капищ. Расположены они на Волыни (Бабка, Хотомель), Смоленщине (Кушлянщина), в полабских землях (Бранденбург — Бранибор), Польше (Гнезно, Добжешуво), Закарпатье (Рухотин).[1742] Часто (Хотомель, Бранибор, Гнезно) капища строились в центре градов или по соседству с ними. В других случаях — как особые укрепления, знак возрастающей самостоятельной мощи служителей языческих богов. Такая ситуация могла возникать и тогда, когда вождь племени оставался прежде всего «владыкой», верховным жрецом. Укрепленные капища служили и убежищами для жителей сельской округи. Здесь беглецы могли рассчитывать на защиту своих богов.

В Хотомеле, воздвигнутом на месте капища VII в., новое святилище располагалось в центре града. Оно представляло из себя площадку со стоячим идолом и ямами-жертвенниками. В центре Гнезна обнаружены следы ритуальных костров на каменной площадке. На них сжигались растительные и животные жертвы. Наконец, браниборское святилище, посвященное богу загробного мира Триглаву, местной ипостаси Велеса, располагалось на холме рядом с градом.

Городище Бабка — капище второго типа, само являвшееся небольшим градом. Оно служило соседнему неукрепленному селу. Округлую площадку святилища на песчаной возвышенности защищали неглубокий, прерывистый ров и перед ним вал. И во рву, и на валу жгли ритуальные костры. Само святилище занимало площадь более 700 м^2. По периметру находились жертвенные ямы. Центром капища служил столбовой идол диаметром около полуметра, вкопанный на 0,7 м в землю. Перед ним сжигали жертвы — по крайней мере, какую-то часть. Среди жертв были животные, растительные дары в горшках. Но отмечена и человеческая жертва — прах в урне, зарытый прямо на площади священного града, в его южной части. Не исключено, что это была строительная жертва, принесенная при закладке капища — явление, отмеченное и фольклористами, и археологами.

Святилище в Рухотине устроено на крутом склоне холма. Склон перерезали валом в виде дуги, за которым поставили идола на каменной площадке и вырыли небольшую жертвенную яму. В ней сжигали приношения в горшках.

Кушлянщина — одно из древнейших «болотных городищ» древней земли кривичей. Такие святилища обычно устраивали на островках и

https://RodnoVery.ru

мысах среди болот, защищенных самой природой. Гораздо реже их насыпали искусственно. Болотные грады были идеальным, почти недоступным для врага укрытием, — но в первую очередь служили местом поклонения богам. Кушлянщина представляет собой круглую площадку, защищенную двумя линиями валов.

Одно из самых выразительных капищ VIII в. — Добжешуво в Свентокшицких горах, к северо-западу от Сандомирского Повисленья. Это большое (около 3200 м^2) городище, защищенное четырьмя прерывистыми линиями валов. Три из них, овал за овалом, опоясывали град, четвертая отделяла его от гор. Валы воздвигались на каменной основе и в высоту достигали 2 м. На капище сохранилось большое число священных камней, которым и воздавалось поклонение. Главным был камень с выбитыми кругами в центре града. Но по всей площади и даже на валах стояли большие камни округлой формы или стелы без изображений. Жертвенниками служили тоже разбросанные по граду каменные «ящики». На валах, перед камнями-«идолами», жгли ритуальные костры. Главный алтарь на каменном фундаменте находился на западе укрепления. Рядом с ним обнаружена керамика — след жертвоприношений и ритуальных трапез. Град служил сразу нескольким окрестным селам, целому племени, и логично сделать вывод, что у каждого рода здесь имелся свой покровитель и свой жертвенник. Археологам удалось установить даже примерную дату начала ритуалов в святилище — 795 г.

Укрепление языческой религии, связанное с укреплением власти князей-владык, затрудняло славянам восприятие христианства. Попытки проповеди в среде западных славян в те годы редко бывали успешны. Восточные же еще оставались почти незнакомы с христианством. Пусть слова Бонифация о «гнуснейшем и наихудшем роде» — риторическая фигура, призванная покрепче пристыдить распутного адресата (даже худшие язычники ведут себя достойнее!). Но она отражает общее отношение епископа к славянам, которые оставались в основном глухи к его проповедям. Еще около 720 г. Бонифаций писал в своих «Загадках, посланных сестре» о «грубом народе славян», который «всегда любил» невежество, — как и «край германский».[1743] Лишь отдельные группы северных славян — чехи, днепровские поляне, — как увидим далее, начали знакомиться с новой верой в VIII столетии. И в самом конце VIII или даже уже в начале IX в. впервые примет крещение восточнославянский князь. Однако до подлинного обращения славянского севера остаются еще два века.

https://RodnoVery.ru

Полабье и Поморье

На рубеже VII/VIII вв. западнославянский мир уже охватывал всю свою нынешнюю территорию — земли Польши, Чехии, Словакии, а также современную Восточную Германию. Точное число сложившихся здесь племенных союзов и самостоятельных племен для того времени определить трудно. Названия многих вовсе неизвестны. Ряд областей — скажем, вся Словакия, — остаются в этом смысле «белыми пятнами». Речь, однако, совершенно определенно идет не об одном десятке независимых славянских «княжений».

Крайний северо-запад славянского мира, низовья Лабы и лежащее к западу побережье занимал племенной союз полабских славян во главе с ободричами. В него входили и другие славянские племена венедского корня — смоляне, варны, вагры. Местные германцы, оставив в наследство варнам и ваграм свои названия, уже полностью ославянились. На западе, по Лабе, ободричи граничили с саксами. Небольшое племя славян — древане — обосновалось уже в VIII в. в лесистых землях по левому берегу Лабы, потеснив германцев. Восточная граница ободричей проходила по землям варнов, от побережья южнее Руяны. Неясно, входили ли когда-нибудь в ободричский союз руяне. Они были потомками здешних германцев ругиев и венедских беженцев, спасавшихся от натиска велетов.

Войны между ободричами и велетами продолжались на протяжении VIII в. с прежней ожесточенностью. Велеты, как правило, наступали.[1744] Их военизированное общество, жившее за счет сбора дани и боевой добычи, не прекращало искать врага и новых земель. Главным оплотом ободричей стал основанный ими на землях варнов стольный Велиград. В 680 г. велетам удалось захватить и разрушить этот вражеский центр. Вскоре, однако, ободричи выбили врагов из Варнии и восстановили свою столицу. Велетские гончары остались в восстановленном Велиграде уже как пленники.[1745]

Знакомство с велетским гончарством закончилось восприятием самими ободричами гончарного круга. Велиград уже с конца VII в. превратился в важнейший центр распространения новой, менкендорфской гончарной керамики. В самом граде она составляла 82 % керамики при 14 % лепной суковской. Продукция велиградских и прочих ободричских гончаров на западе достигала Вагрии и ее важнейшего центра, Старграда. Но здесь она пока не преобладала. Расцвет гончарства сыграл свою роль в

https://RodnoVery.ru

обогащении Велиграда. Более чем сто лет остававшийся неприступным для врагов, он постепенно превратился в важнейший центр ремесла и торговли для всех окрестных земель.[1746]

Агрессия велетов, натолкнувшись на упорное сопротивление на западе, искала себе иной выход. В VIII в. велеты вторглись на Руяну и на какое-то время подчинили жителей своей власти. Смешения с местным населением почти не происходило. Власть велетов представляли немногочисленные дружины.[1747]

К югу от велетских лежали земли отчасти родственных им лужичан. Самая северная часть племен здешней торновской культуры — стодоряне — окончательно вошла в состав велетского союза. Произошло это еще в первой половине VIII в. С другой стороны, на остальной торновской территории сложился независимый племенной союз лужичан. На протяжении VIII в. пришельцы с севера, принесшие торновскую культуру, все больше смешиваются с местным населением. На первых порах разница между культурой градов и сел оставалась весьма заметна. Но теперь селяне отказываются от своих полуземлянок в пользу наземных домов. Используют они в основном не обычную для себя срубную, а принесенную торновцами столбовую конструкцию. Лепная керамика с конца VII в. все больше подражает торновской гончарной. Появляются и быстро распространяются различные по форме орнаментированные лепные сосуды «псевдоменкендорфского» типа. Гончары-«торновцы» начинают поставлять свою продукцию в села. В конечном счете во второй половине VIII в. их жители повсеместно сами восприняли гончарный круг. Лепная керамика исчезла.[1748] Подобное смешение происходило и на севере, у самих велетов. Здесь лепная керамика сельской округи тоже полностью уступила место фельдбергской.[1749]

У торновцев, так же как у велетов и ободричей, ремесленники уже начали активно работать на заказ. Уже в VIII в. наряду с княжеско-дружинными градами появились первые ремесленные поселки с крупными мастерскими. Такие поселения обеспечивали гончарной посудой, орудиями труда или иными товарами обширную округу. Они становятся естественными центрами меновой торговли.[1750]

К востоку от велетских земель, в Польском Поморье, складывался независимый племенной союз. Здешние племена в первой половине VIII в. еще оставались под мощным велетским влиянием. Это влияние, насколько мы знаем велетов, едва ли ограничивалось только культурой. Есть все основания говорить о том, что велеты господствовали над жителями

https://RodnoVery.ru

Поморья.

Культура Поморья, подвергаясь влиянию велетов, развивалась в то же время достаточно независимо. На смену керамике голанчского типа вскоре приходит кенджинская. Для нее типичны сосуды с выпуклыми боками, напоминающие вазы и украшенные орнаментом. Кенджинская культура развивалась еще под воздействием велетской фельдбергской. Под влиянием завоевателей поморяне к середине VIII в. полностью отказались от лепной посуды. Появилось местное гончарное ремесло. Новые типы посуды конца VIII в. — бардыский и волинский — уже меньше связаны с велетскими. Посуда прежних типов, правда, бытует вместе с новой.[1751]

По материалам керамики очевидно постепенное ослабление культурного влияния велетов. Местное население обретало культурную самостоятельность. Сопровождалось это и укреплением самостоятельности политической. Связанные ожесточенными войнами на западе, велеты не могли этому помешать. В VIII в. в Поморье появляется собственные грады, центры независимых племен. Первоначально это небольшие «круглые города» или мысовые укрепления. Старейшим же из градов являлся Голанч (откуда названий голанчской культуры) — крепость площадью 3800 м^2, защищенная валом, вплотную к которому располагались дома. Возник он еще в VII в. В середине VIII в. был возведен первый вал в Кенджино. Такого же «круглого» типа позднейшие Барды и Радач.[1752]

Славяне в течение VIII в. шире заселяют балтийское Приморье, двигаясь к Висле и выходя к морским берегам. За время расселения поморяне серьезно усовершенствовали свое хозяйство. Они стали выращивать рожь. Резко выросло значение свиноводства. Если в VII в. до 50 % стада составлял крупный рогатый скот, то с VIII в. уже 60,8 % — свиньи. Для строительства домов и укреплений использовали, в первую очередь, дуб и ясень. Развивалось ремесло железоделов, сырьем которым служила болотная руда. В районе Колобжега славяне еще к концу VII в. освоили солеварение, а чуть позже — морское рыболовство.[1753]

Расселение славян вдоль Балтийского моря, освоение морских просторов вовлекали их в разворачивающуюся тут межплеменную борьбу. С конца VII в. воды Балтики стали не только ареной прибрежной торговли, но и театром военных действий. Финские, северогерманские и балтские племена совершали друг на друга грабительские набеги, опустошая богатеющее Приморье. Особенной активностью со временем стали отличаться северные германцы — даны, юты, свеи и другие, — которые вскоре войдут в историю под общим именем «норманны», люди севера.

https://RodnoVery.ru

Отбрасывая врага от своих берегов, они сами совершали далекие походы за добычей, подчас обкладывая побежденных данью-откупом. На Севере начиналась эпоха викингов. Балтийским славянам, пока только осваивавшим мореходство, следовало позаботиться о своей свободе и безопасности.

Первые столкновения между северными славянскими племенами и ютами могли происходить еще в прежние века. Датские предания приписывают победы над «вендами» полулегендарным конунгам Фроди и Хельги, жившим в V–VI вв.[1754] Юты могли уже тогда подниматься по рекам, впадающим в Балтику, и разорять разобщенные славянские села. Но действительно реальный характер ютская угроза обрела тогда, когда славяне вышли к морю на землях Вагрии и стали соседями обитателей Ютландского полуострова. Что касается собственно данов, то они тогда занимали архипелаг Сьяланд и Сканей в нынешней Южной Швеции, и непосредственно славянам стали угрожать не сразу.

Первый имеющий реальные очертания конфликт со славянами приписан в датских средневековых хрониках конунгу Хрёрику Метательное Кольцо. Правил он ютами и частью данов на рубеже VII/VIII вв.[1755] По сведениям написанной в XII в. «Хроники Лейре», Хрёрик «покорил Курланд, Вендланд и свеев; они платили ему дань».[1756] Покорение свеев здесь — явное преувеличение. Покорил их на самом деле родич и тесть Хрёрика, позднее сгубивший и его королевство, конунг данов Ивар Приобретатель. Хрёрик, впрочем, мог участвовать в этом.

Писавший позднее Саксон Грамматик донес до нас целое эддическое сказание о войне Хрёрика с куршами и вендами. Он, правда, пытается убедить, что речь идет о восстании покоренных прежними королями данников. Но это, как можно судить по «Хронике Лейре», где-то домысел, а где-то лукавство. Впрочем, обычное для многих хронистов.

По словам Саксона, курши в союзе со свеями напали на Данию. Хрёрик хитростью победил приплывших по морю врагов, уничтожив их флотилию. Славяне-венды, отказавшиеся платить дань Хрёрику, заключили союз с его врагами. Не зная об их гибели, изнемогая от неизвестности и ожидая легкой победы, они решились ударить по вражескому конунгу первыми. Когда датский и славянский флоты встретились, стало ясно, что предстоит жестокая битва. Тогда один славянский воин, славившийся как колдун, обратился к врагам со словами: «Выдержать поединок — предотвратить общее избиение, угроза для многих выкупается ценой немногих. И если у кого из вас достанет мужества сразиться со мной, я не

https://RodnoVery.ru

увильну от условий схватки. Но прежде всего я требую от вас принятия следующих, мною придуманных условий. Если я одержу победу, то мы будем свободны от податей; если я проиграю, то будем платить вам дань. Ибо сегодня я или освобожу свой край от ига рабства своей победой, или порабощу его своим поражением. Примите меня как поручителя и заложника при любом исходе».

Вызвался один молодой дан. Он погиб в первой же схватке со славянином. Славяне почтили своего победителя «процессией» и «плясками» — зарисовка явно с натуры, хотя неизвестно какой эпохи. Возгордившийся славянский герой решил попытать счастье еще раз. Он вновь пошел к датскому становищу и поставил сызнова те же условия. Но в этот раз на битву вышел прославленный датский воин Убби. Он сошелся со славянином — и после жестокого поединка оба героя пали, сразив друг друга. Тогда-то якобы «мятежники» признали свое поражение и согласились платить Хрёрику дань.[1757]

Историческая основа этого сказания, искаженного к тому же средневековым хронистом, восстанавливается с трудом. Едва ли можно сказать больше того, о чем мы уже осведомлены из «Хроники Лейре». Хрёрик сражался с балтийскими славянами, победил и взял с них «дань»-откуп. Славяне, конечно, могли являться и нападающей стороной. Позднее они не раз нападали на данов и ютов — как и те на них. Но поводом к войне, как можно заключить из Саксона, явилось именно требование Хрёриком дани.

Столь же туманно, с какими именно славянами имел дело Хрёрик. В начале IX в. даны называли «Хрёриком», «Рериком» славянский Велиград.[1758] Напрашивается смелая мысль, что Хрёрик сыграл определенную роль в восстановлении города — как раз в его времена — после велетского разгрома. В этом случае его главными противниками являлись велеты, а ободричи воспользовались вторжением данов для оттеснения своих врагов. Ясно, что без использования конунгом распрей между славянскими племенами дело не обошлось. Непрестанная война между велетами и ободричами создавала все условия для чужеродного вмешательства. Как бы то ни было, ни о каком подлинном завоевании или даннической зависимости речь не шла. Вряд ли Хрёрик обложил данью воинственных велетов. Самое большее, он отбросил их на восток от Велиграда — и от подступов к Ютландии. Что касается ободричей, то они могли какое-то время выплачивать данам откуп — если дело не ограничилось единичной выплатой. Выплата же эта являлась то ли «данью», то ли платой за военную

https://RodnoVery.ru

помощь. Итак, события могли выглядеть и совершенно иначе, чем в датском героическом сказании.

Вверх по Лабе от ободричей, к западу от лужичан, между Лабой и Заале, жили белые сербы. У них еще с VII в. существовало единое княжение во главе с общим вождем, делившееся на малые племенные земли. В VIII в. сербы сохраняли и независимость, и племенное единство. Не вступая в крупные столкновения с соседними славянами, расселялись они на запад — насколько позволяли союзные отношения с тюрингами. Сближение с германцами ускорило исчезновение у сербов обряда сожжения умерших. В VIII в. у них, единственных из западных славян, уже господствует ингумация. Это было и одним из отражений окончательного смешения сербов с покоренными ими племенами.[1759]

Для сербов и их южных соседей в Чехии было естественно искать дружбы и с франками Австразии. Особенно с конца VII в., когда Австразия начала усиливаться под властью майордомов из рода Арнульфингов. Влияние Арнульфингов до Карла Мартелла еще не распространялось на Тюрингию. Но верховья Майна в районе Вюрцбурга находились под прямой властью Австразии. Помимо того, что и здесь, во Франконии, расселялись славяне, эти земли вплотную примыкали к племенным волостям и сербов, и лучан. Потому не видим основания сомневаться в том, что в конце VII в. славянские послы бывали при дворе майордома Пипина II Геристальского — и наоборот. Об этом сообщают поздние Мецские анналы.[1760]

Еще одна особая племенная группа славян проживала еще в конце VII в. к юго-востоку от Поморья, в Мазурском Поозерье. Здесь в результате серии внешних завоеваний сложилась своеобразная культура, в числе строителей которой были и туземные галинды, и лангобарды с гепидами, и славяне. Одну часть правящего слоя составляли потомки пришедших с юга вместе со славянами авар. Другую — знать земледельческих племен. «Мазонами», по прусским преданиям, совместно предводительствовали князь Антонес (Ант?) и вождь пришедших из «Паннонии» кочевников-«роксоланов» с тюркским именем Чинбег. «Мазоны», как повествуют те же предания, сохраненные хроникой Симона Грунау, брали дань со своих северных соседей, пруссов. Пруссы вынуждены были отдавать воинственным угнетателям свое главное сокровище — янтарь, а также копченую рыбу. Но главной тяготой была обязанность отдавать мазонам детей мужского пола от каждой семьи. Это и обеспечивало Мазуры рабочей силой, и ослабляло сопротивление пруссов.

https://RodnoVery.ru

Наконец, пруссы восстали. Предание связывает восстание с основателями Пруссии братьями Видевутом и Брутеном, но это лишь результат объединения вокруг их имени разновременных преданий. Сначала Антонесу и Чинбегу удалось вместе разбить Видевута. Но затем, будто бы заручившись покровительством бога грозы Перкунса, которому поклонялись пруссы, Видевут разгромил противника. Оба вражеских вождя погибли. Пруссы разорили Мазуры, истребив или поработив тамошних жителей. На этом история Мазурской культурной группы завершилась. Славянский, аварский или германский элемент в Галиндии более не прослеживается. С другой стороны, началось усиление Пруссии — одного из крупнейших племенных княжеств Балтии.[1761] Набеги пруссов и других балтских племен привели к оттеснению за Вислу славянских общин, начавших было расселяться в Мазовии. В VIII в. мазовецкие земли оставались необитаемыми.[1762]

Начало Чехии Пржемысловичей

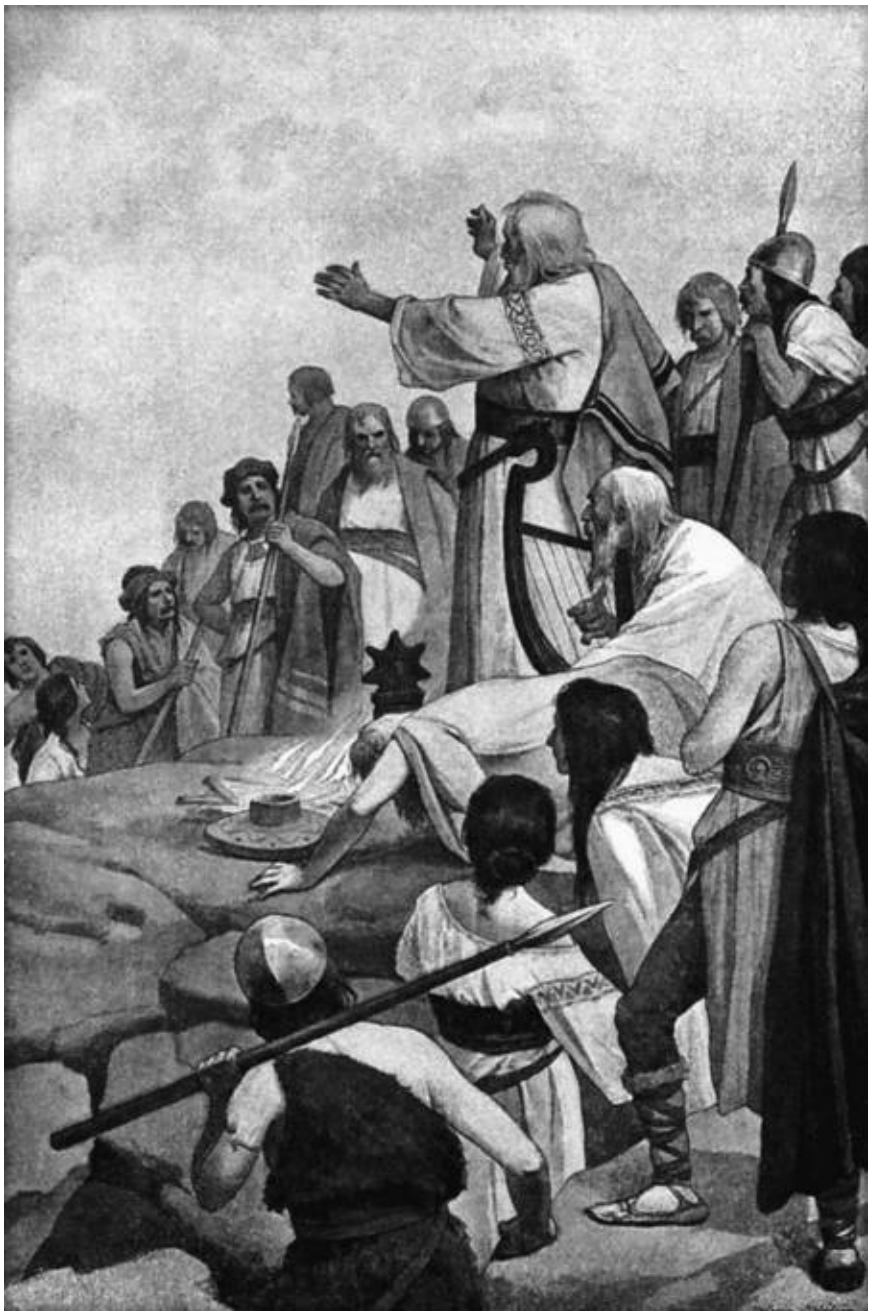
В землях современной Чехии после распада «державы» Само существовало несколько племенных княжений. Для VIII в. можно с уверенностью говорить о лучанах на западе страны, о дулебах на юге, о мораванах на юго-востоке. Все это были племенные союзы, объединявшие по нескольку племен. Центральные и северные области занимали племена, управлявшиеся династией «Кроков» или «Краков». В это время уже выделились отдельные княжения у собственно хорватов, чехов, зличан. Хорваты и зличане были чрезвычайно близки между собой по культуре и постепенно объединились в племенной союз. К востоку от Чехии и Моравии, в современной Словакии, по-прежнему господствует «аваро-славянская» культура. Земли к востоку от Моравы оставались под властью Аварского каганата вплоть до его падения.

Славяне в это время уже плотно заселяют всю территорию Чехии и значительную часть Словакии. Росту населения не препятствовала высокая детская смертность, о которой мы можем судить по могильникам. Из 856 погребений в Девинской Нова Вес близ Братиславы детских — 277. В моравском Старом Бржецлаве — 9 из 33.[1763] Древним славянам было сложно справляться с болезнями и с дикой природой даже в давно обжитых районах. Тем не менее они росли в числе и покоряли все новые и новые неосвоенные земли.

https://RodnoVery.ru

Села чешских и словацких земель в VII–VIII вв. сохраняют облик пражско-корчакской эпохи. Их обитатели жили в домах-полуземлянках с печами-каменками в углу, площадью 9–16 м^2. Урожай хранили в ямных хранилищах. Ямные постройки служили и хлевами для скота. В селах трудились на нужды своих сородичей местные ремесленники — кузнецы и литейщики.[1764] Судя по дулебским и словацким курганам, в которых хоронили на протяжении нескольких лет членов одной семьи, большесемейные устои еще сохранялись. Большие курганные и грунтовые могильники — общинные кладбища.[1765]

https://RodnoVery.ru



Приход чехов на гору Ржип. Из книги «Иллюстрированная история чешского народа» Фр. Палацкого. XIX в.

По всей территории Чехии и Моравии VIII в. — пора градостроительства. Возникают новые грады — как Стара Коуржим в земле зличан в середине VIII в. или моравское Поганско у Нейдку в конце VIII в. Расширяются и укрепляются заново старые — как Микульчице в Моравии. В градах оседали князья со своими дружинами. С этим, в частности, связаны находки в них богатых украшений.[1766] Иногда

https://RodnoVery.ru

неукрепленные поселения предшествующей эпохи превращались в грады. Этот общеславянский процесс был вызван укреплением власти князей, племенным делением и межплеменными войнами за земли. Пестрота политической карты древней Чехии приводила к частым столкновениям. Они описаны в ряде чешских преданий. Неудивительно, что не только княжеские грады, но и обычные села подчас обретали укрепления. Это простейшие стены — деревянные, обмазанные глиной.[1767]

Один из градов чешских земель того времени — Клучов в Средней Чехии. Его воздвигли в середине VIII в., защитив тройной линией укреплений пологую площадь в 1,6 га. Первый рубеж обороны града составлял палисад, образуемый двумя рядами кольев. Первый, обращенный к полю ряд слегка наклонили — в лицо конной атаке. За палисадом выкопали ров. По ту сторону рва поднялась последняя линия укреплений — вал на каменной основе, с деревянной стеною поверху.[1768] Три линии валов защищали Градко, моравскую крепость VIII в., воздвигнутую на пологом склоне омываемого водой утеса.[1769] Еще одна крепость-убежище в Моравии — Старе Место, будущий центр Великоморавского княжества. Старе Место возникло в середине VIII в. Первоначальный град был защищен палисадом и служил укрытием для обширной сельской округи.[1770]

В Словакии, как уже говорилось, продолжали властвовать авары. Аварские воины-всадники селились вместе со славянами, погребались с ними на одних кладбищах. Под власть авар находилась и будущая столица края, Нитра, где помешался один из таких смешанных могильников. В конце VII в. заложено одно из самых изученных аваро-славянских кладбищ Словакии — Девинска Нова Вес под Братиславой. Здесь только в самой древней, южной части, отмечены славянские сожжения. Все остальные захоронения произведены по аварскому образцу. Но среди этих трупоположений только десятая часть аварских (85 против 771). Таково соотношение авар и славян даже в важнейших центрах аварского присутствия к северу от Карпат и Дуная. Судя по восприятию славянами обычая трупоположения, знать, а затем и массы населения старались подражать аварам. В Бернолакове, тоже близ Братиславы, обнаружено даже сожжение с конем. Большая часть погребений Девинской (526) безынвентарна или содержит крайне мало инвентаря. Вместе с тем погребения с оружием, ножами, украшенными поясными наборами, подношениями в деревянных ведерках не так уж малочисленны. Их больше, чем собственно аварских. Такие могилы могли принадлежать

https://RodnoVery.ru

только богатым и родовитым славянам. Но все же самые богатые могилы — аварские, с конской сбруей, саблями и боевыми топорами, дорогими фигурными украшениями. Иногда они сопровождаются человеческими жертвами.[1771]

На рубеже VIII/IX вв. в Девинской и Бернолакове прекращаются захоронения. Чуть ранее это происходит в Желовце, чуть позднее — в Нове Замку. Исчезает в начале IX в. и возникшее лишь за несколько десятилетий до того кладбище в Житве. Оно отличалось, кстати, высоким процентом кочевнических захоронений. Аварский каганат пал, и власть над Словакией переходила к местной знати. Авары либо бежали, либо смешались со славянами. На рубеже VIII/IX вв. воздвигается один из первых памятников силы славянских князей в Словакии — курган в Блатнице на севере страны. Здесь найдены меч, сбруя, дорогие украшения, выполненные местными мастерами. Это исключительно богатое захоронение признается «княжеским». Славянским дружинникам принадлежат уже и курганы того же времени в Краснянах. Здесь найдено 43 мужских погребения, в основном по обряду ингумации, в том числе с оружием и сбруей. Коллективных «семейных» могил среди краснянских курганов почти нет. [1772]

В VIII в. совершенствуются орудия земледельческого труда. По-прежнему для обработки земли используются мотыги и рала с железными наральниками. Но к концу VIII в. появляется уже и плуг.[1773] Плуг — усовершенствованное орудие с основанием-полозом. Металлический нож, насаживавшийся левее и впереди лемеха, предназначался для подрезания почвы сбоку. Полоз же облегчал труд пахаря, который теперь не должен был сам заботиться о равновесии сохи или рала.[1774]

Грады и дворы князей, на заказ которых работали мастера, становятся центрами развития ремесла. На протяжении VII–VIII в. чешские и словацкие земли оказались на перекрестке путей обменной торговли. Сюда поступали изделия ремесленников и с франкского запада, и с Византии. Византийские товары поступали по торговому пути, шедшему вдоль Карпат и далее через Словакию. В словацком Прикарпатье обнаружен клад с византийскими изделиями конца VII в., оставленный, как думают, греческим торговцем. Вместе с ними образцами славянским умельцам служили и «аварские» поясные украшения. На самом деле эти фигурные детали поясных наборов нередко изготавливали славянские мастера Паннонии. Они пользовались престижем не только у авар, но у славян разных земель. К концу VIII в. под их влиянием в Моравии и Северной

https://RodnoVery.ru

Словакии сложился особый стиль славянских металлических украшений, получивший название блатницко-микульчицкого. Название происходит от моравского града Микульчице и кургана в Блатинце, на севере Словакии. [1775] Помимо украшений, на погребениях и в поселениях обнаруживается немало других металлических изделий — оружие, конская сбруя, детали оковки деревянных ведер, пинцеты и особенно частые железные ножи. В Моравском Яне найден целый клад железных и бронзовых изделий, закопанных в железном котле. Среди них — орудия земледельческого труда, конская сбруя.[1776]

В конце VII в. еще довольно широка распространена лепная керамика пражского типа. Затем шире распространяется гончарная дунайская. В Южной Словакии ее определенно предпочитали авары и подражавшие им славяне. Однако повсеместно славянские мастера осваивают ручной гончарный круг. Немалая часть посуды теперь хотя бы подправлена на нем и украшена волнистым орнаментом. Особенно это касалось посуды, используемой в погребальном ритуале. В селениях же преобладает грубая лепная или едва подправленная посуда пражского типа. Но кое-где в Словакии, под мощным культурным влиянием с юга, уже начала преобладать гончарная.[1777]

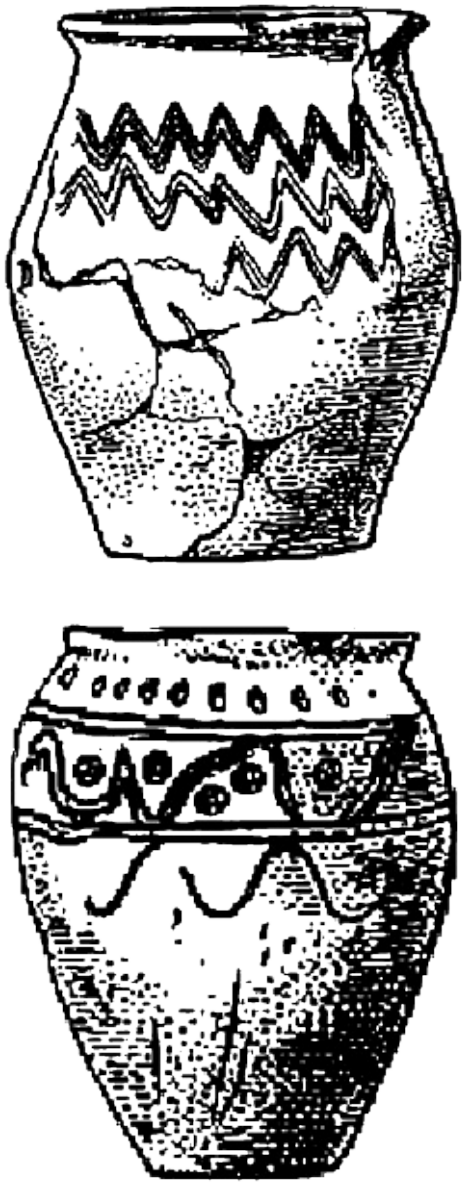
В культурном отношении Чехия делилась на две большие области по погребальному обряду. У дулебов, хорватов, включая зличан, у мораван господствовал курганный обряд погребения. При этом в землях хорватских племен имелись и грунтовые могильники. Хоронили прах умерших в урнах, практически без инвентаря. На северо-западе, у чехов, лучан и их соседей, безраздельно господствовали грунтовые, тоже безынвентарные захоронения, а курганы не встречаются.[1778]

В Словакии с VIII в. славяне массово перенимают от авар обычай трупоположения, часто в деревянных домовинах. Большинство трупоположений этого времени — славянские, и они преобладают над сожжениями. На кладбище Девинска Нова Вес только 27 из 883 погребений — кремации по славянскому обряду. Но только 85 погребений, как уже говорилось, — аварские, с конями. В то же время в Девинской в 114 случаях костры разводили над могилами после захоронений. Еще ярче соотношение в Бернолакове — из 87 погребений 84 трупоположения, но при этом только 4 аварских с конем, да еще одно погребение коня. Зато есть одно сожжение с конем — славянская знать перенимала обычаи завоевателей. Кое-где в VIII в. появляются чисто славянские могильники с ингумациями. Таковы Дворы, Прша. Умерших, как правило, клали в

https://RodnoVery.ru

могилы головой на восток. Однако дважды, по одному разу на разных кладбищах, отмечены сидячие захоронения. Кажется, погребения с трупоположением часто рассматривались у славян как привилегия мужчин. Реже встречаются погребения женщин. В Девинской их только 47 при 121 мужском. Кое-где в Словакии прижился курганный обряд, принесенный с запада, от мораван. В Пржитлуках древнее грунтовое кладбище сменилось курганным могильником. Урновые захоронения совершались в курганы или рядом с ними. Первое захоронение совершалось в основании кургана, реже в выкопанной под ним яме. Даже при безурновых погребениях сожжения совершались чаще всего на стороне. В Краснянах на рубеже VIII/IX вв. в дружинном быту соединились курганный обряд и ингумация.[1779]

https://RodnoVery.ru



Сосуды из города Девинска Нова Вес

На этом историческом фоне и происходит рождение чешской династии Пржемысловичей. Судя по списку ее правителей, сохраненному Козьмой Пражским, начало рода следует помещать не позднее VIII столетия. Согласно этому списку-родословию, до князя Борживоя, крестившегося в конце IX в., правили восемь его предков, начиная с праотца Пржемысла. Впрочем, Козьма не утверждал (в отличие от своих продолжателей), что власть передавалась от отца к сыну.[1780] Упоминаемые в предании о Пржемысле названия градов, — особенно образованное от имени его жены, Либушин, — ясно указывают на время уже не ранее VIII в. Некоторые

https://RodnoVery.ru

связанные с Пржемыслом грады явно были построены позже описываемых событий, как, например, Прага-Град. В таких смещениях нет ничего удивительного. Многие значимые деяния потомков связывались в устной памяти с основанием правящего рода.

То же самое относилось, тем более, к событиям предшествовавшего времени. Вся эпоха до Пржемысла в предании об основании династии слилась в единое правление «Крока». Соответственно, для сохранявшихся в народной памяти отдельных событий хорватской эпохи, связанных с конкретными княжескими именами, места уже не оставалось. В результате они искусственно притягивались к Пржемыслу и его жене Либуше, дочери Крока. Именно так произошло с известным в Чехии и уже упоминавшимся преданием о «войне полов». В его развернутой версии упоминаются княжеские имена, неизвестные родословию Пржемысловичей. Но именно поэтому средневековые чешские хронисты вынуждены были сделать Честирада и Власту современниками Пржемысла. Впрочем, предание сохраняет память о том, что действие его происходило ранее, чем действие предания о Пржемысле. Описанные в нем события более логичны как пролог к истории его восшествия на престол, чем как следствие этого события. Упоминаемый в предании как столица мужчин Вышегород позднее являлся главным оплотом чешских князей, подчас и в противовес Праге, будто бы основанной Пржемыслом. В предании о Пржемысле сохранились следы того, что именно Вышегород до Праги был его столицей[1781] — в древнейших вариантах предания, но необязательно в действительности.

Предание о войне между чешскими юношами и девушками сохранилось у Козьмы Пражского и у Далимила.[1782] Оба относят события ко временам Пржемысла, то есть к VIII в. Примерно на то же время, как будто, указывают и называемые в предании грады (Девин, Вышегород). Но соотнесение с Пржемыслом остается условностью и в тексте хроник. Рассказ о «войне полов» — явно вставной. У Козьмы Пржемысл в нем не упомянут вообще ни разу. Поскольку Пржемысл, взявший в жены «судью» Либуше, воспринимался чешскими хронистами как завершитель «женского» правления, то к нему были отнесены все предания об установлении нового патриархального порядка. Если события, отразившиеся в предании, происходили, то еще до основания династии. Поэтому главных героев и нет в родовом перечне Пржемысловичей. Логично заключить, что отражают они (как и само предание о Пржемысле) борьбу в обществе чехов «хорватской», «кроковской» эпохи, когда дозволялась передача власти женщинам.

https://RodnoVery.ru

Действие предания происходит в сердце чешских земель, в районе Праги. Козьма повествует, что гордые девушки, и без того сами выбиравшие себе мужей, желая еще большей свободы, «воздвигли себе град, защитой которому служила природа, и дали этому граду название Девин». Оскорбленные этим чешские юноши, «собравшись еще в большем числе, выстроили неподалеку град на другой скале среди чащи, на расстоянии не более чем звук рога». Этот град назвали Храстен, «чаща», но после он получил название Вышеград. Между градами то и дело разгоралась война — причем девушки брали хитростью и обманом, а юноши храбростью. Однажды стороны собрались на трехдневный мирный пир. В конце первого дня, когда воительниц отяготило выпитое вино, один из юношей подал сигнал рогом. После этого «каждый тотчас похитил по девушке». Наутро между сторонами заключили мир. Из Девина вынесли все припасы и предали его огню.

Далимил существенно расширил повествование Козьмы. Источником хронисту и поэту XIV в. послужили народные сказания, отчасти дожившие до нового времени. Согласно версии Далимила, девушки домогались не просто свободы, но княжеской власти для своего пола: «чтобы девка землею владела, а мужи о полях радели». В граде Девине они провозгласили княгиней одну из своей среды — Власту. Власта якобы призвала всех женщин подчинить «бородатых козлов», не допуская их на ложе и ни в чем им не повинуясь. Многие девушки бежали из отчих домов и собрались в Девин к своей княгине. Власта разделила свою девичью рать на три части. Мудрым «град поручила, в совете сидеть учила», красивых наставляла в коварстве, а остальным велела выезжать в поле и бить мужчин, «как псов». Дошло до того, что дочери поднимали руку на отцов. Мужчины выступили в поход на Девин. Чтобы объяснить отсутствие в нем Пржемысла, Далимил вводит несколько наставлений мудрого князя, предупреждающего от женского коварства и отказывающегося идти в поход. Рати мужчин и дев сошлись на Божище за будущим Вышегродом. Поэт вкладывает в уста языческой княгини выспреннюю речь, в которой она поминает амазонок и Александра Македонского. «Бей каждая брата и отца своего!» — призывала Власта своих воительниц. В начавшемся сражении погибло три сотни мужей, и их войско потерпело поражение. Вместе с Властой отличились сражавшиеся рядом с ней девушки, которых Далимил исчисляет поименно — «Млада, Хода и Светава, Врачка, Радка и Частава».

Спустя полгода после поражения мужчины, не смея более нападать на Власту, и выстроили Вышегрод. Возвели его будто бы за одну ночь,

https://RodnoVery.ru

опасаясь нападения. Власта же велела женам убивать собственных мужей на ложе — но не все в конечном счете повиновались ей. Затем Далимил описывает, какими именно хитростями обитательницы Девина изводили мужчин. Например, однажды они выманили их из вышегродского «хлада» лучшими красавицами — и перебили много «добрых юношей».

Среди прочего говорится и о гибели Честирада — несомненно, в первоначальном предании именно он, а не Пржемысл, выступал как князь Вышегрода. Желая заманить Честирада, девинки избрали из своей среды красавицу Сарку и оставили ее связанной в лесу, а рядом с ней — рога и сосуд с медом. Честирад, проезжавший там, увидел девушку и кружащих над нею воронов — предвестие собственной смерти. Сарка назвалась дочерью пана из Оскорина, которую в Девин забрали насильно, а теперь бросили, ибо она якобы не хотела следовать «их злобе». Честирад освободил пленницу. Она попросила его остаться и проводить ее к отцу. Честирад согласился, пока же со своими дружинниками слез с коня и принялся пить со спасенной оставленный девинками мед. Напившись, мужчины стали трубить в рога, — невольно давая знак сообщницам Сарки. Те, прискакав на своих конях, перебили всех мужей, не успевших даже взяться за мечи, а Честирада посадили на кол перед самыми стенами Вышегрода. Место его гибели получило название от имени Сарки.

После гибели Честирада Власта была признана княгиней почти по всей земле. Она велела всем новорожденным мальчикам отныне выкалывать правый глаз и отрубать палец на правой руке, «чтоб мечи не могли держать, а за щитом не могли видеть». Вышеград продолжал, однако, стоять. Теперь Далимил вновь вводит Пржемысла, чтобы дать мужчинам последний мудрый совет. Именно он (чего у Козьмы не было) советует им выманить жительниц Девина предложением мира. Однако история у Далимила, после всех описанных им кровавых распрей, отличается и окончанием. Умысел мужчин состоял том, чтобы побить врагов поодиночке. Заманив и пленив сильнейших воительниц Девина, они затем вызвали Власту и ее оставшуюся дружину на битву. Власта, исполненная неразумного гнева, двинулась на Вышегрод. Но, ворвавшись в ряды врагов, она погибла. После этого началось истребление ее войска — две сотни пало на поле, затем мужи ворвались в Девин и продолжили избиение там. Так с мятежом дев было покончено, и град их разрушен. Далимил заканчивает повествование возвращением законного правителя Пржемысла на престол — хотя у Козьмы, как уже говорилось, Пржемысл в этой связи и не упомянут.

Ясно, что имена Власты и Честирада связывались народной памятью

https://RodnoVery.ru

именно с этими событиями. Ясно и то, что предание бытовало в разных вариантах, и то, что пространная версия Далимила, полная ратных дел, — более поздняя, скорее эпическое сказание, чем собственно «историческое» предание. Впрочем, грань между эпосом и преданием в средневековье довольно узка и вполне проницаема. Повествование о необычных событиях древности явно захватывало воображение средневековых писателей — и у каждого не обходилось, конечно, без сравнений с амазонками. Это еще больше затемняет основу — ведь яркий образ из классического мифа неизбежно заслонял собой подлинное первобытное сказание.

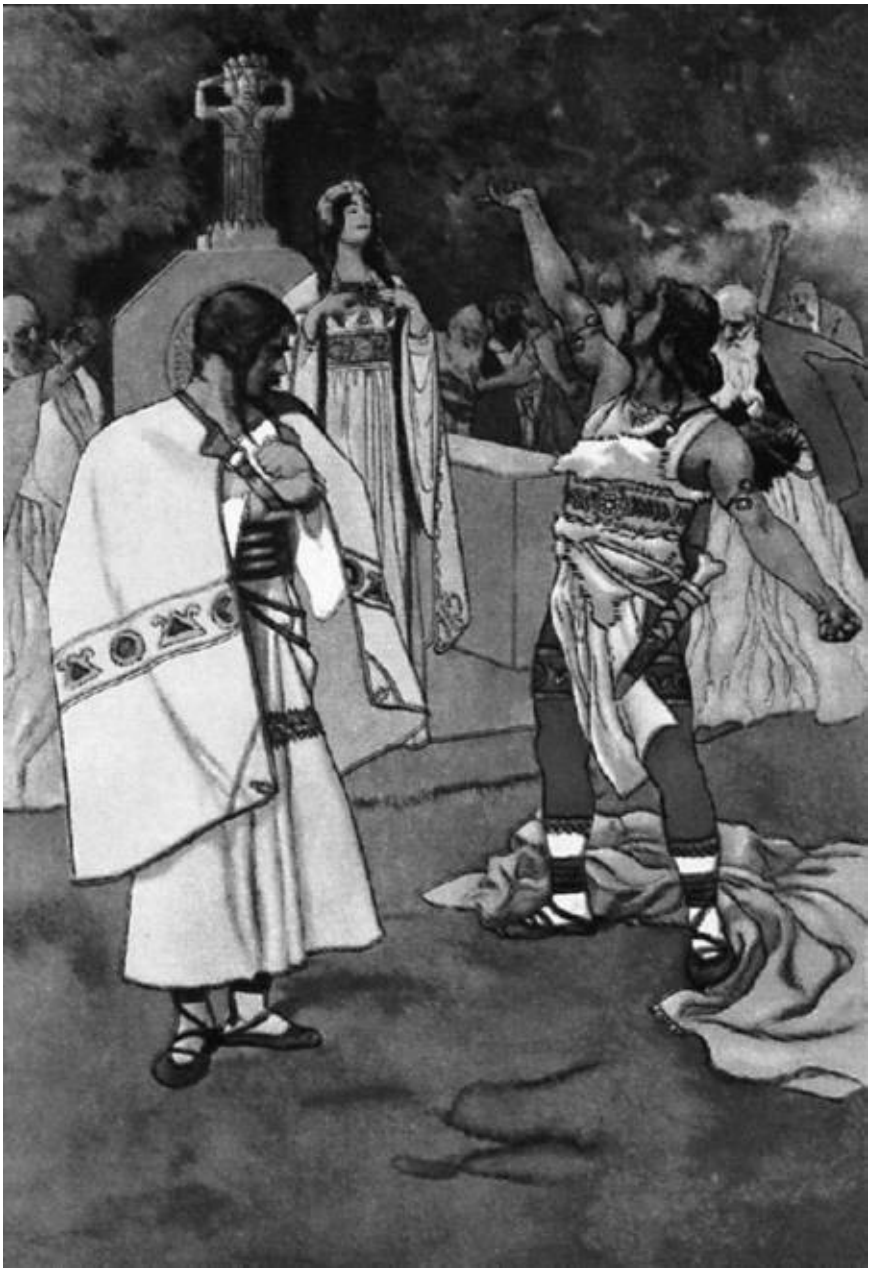
Ясно, что само рождение предания вызвано условиями «патриархального переворота», особенно остро пережитого чехами и хорватами. В обществе последних допускалась передача власти дочерям, что ясно из всех преданий о Кроке или Краке. Реально ли восстановить исторические события, лежащие в основе предания о градах Девин и Вышегрод? Можно догадаться, что речь здесь изначально шла о столкновении обычного для славян права наследования по мужской линии с хорватским обычаем. Не исключено, что именно в войне Девина и Вышеграда произошло обособление чехов в независимый от хорватов племенной союз. Чешский Девин в таком случае — оплот хорватов и законной наследницы их «Крока», первородной дочери Власты. Честирад же оказывается сыном или ближайшим мужским родичем умершего «Крока», претендующим на власть согласно патриархальному закону.

Ужасы «войны полов», описанные Далимилом, едва ли имели место в действительности. По крайней мере в том массовом и концентрированном виде, в котором их сохранил эпос. Но видеть в них только аллюзию на античных амазонок тоже не стоит. Сопротивление женских половозрастных групп и жриц-ведьм торжествующему патриархату могло принимать разные формы. Частные эпизоды этой растянутой на два-три языческих века борьбы слились со временем в одно предание, создав страшную картину «женской власти» над Чехией. Кстати, со стороны все более ущемляемых ведьм было бы естественно поддержать Власту. Жизнь и нравы в Девине определенно напоминает в преданиях ведьмовское сестричество. Название «Девин», кстати, носил в IX в. один из градов Поморавья — не такого же ли происхождения?

Окончательное крушение хорватского «матриархального» наследия, обрыв и смена хорватской династии «Кроков» отразились уже в самом предании о Пржемысле. В отличие от эпического сказания о Девине и Вышегроде этот текст имел более «каноническую» форму, став началом официальной истории королевской династии. Предание, передаваемое

https://RodnoVery.ru

Козьмой,[1783] в основном повторяется позднейшими хронистами.



Хрудош оскорбляет Либуше. Из книги «Иллюстрированная история чешского народа» Фр. Палацкого. XIX в.

Согласно рассказу Козьмы Пражского, после чешского «судьи» Крока осталось только три дочери — Кази, Тэтка и Либуше. Все три отличались немалой мудростью. Старшая сестра, Кази, прославилась как врачевательница и пророчица. С ней связывается пословица о безвозвратно потерянном: «Этого не сможет вернуть даже сама Кази». Курган Кази в

https://RodnoVery.ru

начале XII в. показывали у реки Мжи (Вероунки), притока Влтавы. Тэтка, прожившая незамужней, стала жрицей. Именно она, утверждает Козьма, «научила глупый и невежественный народ поклоняться горным, лесным и водяным нимфам, наставляла его во всех суевериях и нечестивых обычаях». С ее именем связывается древний град Тэтин на крутой горе у той же Мжи.

Третьей сестрой была Либуше, чей град Либушин располагался в заросших лесом землях на левобережье Влтавы, ниже Праги и впадения Вероунки. Из всех троих Либуше «единственная была в своих решениях предусмотрительна, в речи — решительна, телом — целомудренна и нравом — скромна». Кроме того, она обладала и пророческим даром. После смерти отца чехи избрали ее своей судьей. Судила она тщательно и по справедливости. Но однажды двое мужчин поспорили между собой о меже. Дойдя до драки, они прибежали на двор к Либуше с просьбой о правосудии. Либуше, как описывает Козьма, «поскольку женщинам свойственна нежность и непринужденность, когда ей не надо опасаться мужа, опершись на локоть, высоко возлежала, будто женщина, родившая ребенка». Спор она рассудила, как обычно, справедливо и нелицеприятно. Проигравший, однако, разгневался. Он затряс головой, трижды ударил посохом о землю и изрек: «О, оскорбление, непереносимое для мужчин! Эта ничтожная женщина со своим лукавым умом берется разрешать мужские споры! Нам ведь хорошо известно, что женщина, стоит ли она или сидит в кресле, не располагает большим умом, а еще меньше его у нее, когда она возлежит на подушках! Поистине, пусть она в таком случае лучше имеет дело с мужчиной, а не принимает решения, касающиеся воинов. Хорошо ведь известно, что у всех женщин волос долог, а ум короток. Лучше мужчинам умереть, чем терпеть подобное. Природа выставила нас на позор народам и племенам за то, что мы не имеем правителя и судьи из мужчин и над нами тяготеют женские законы».

Либуше, скрыв обиду, со смехом ответила: «Дело обстоит действительно так, как ты говоришь: я женщина и веду себя подобно женщине. Я кажусь вам не слишком умной, ибо веду суд, не прибегая к железной палице. Поскольку вы живете, не ведая страха, то вы, естественно, питаете ко мне пренебреженье. Ибо где страх, там и уваженье. А теперь надо, чтобы вы получили правителя более жестокого, чем женщина. Так некогда голуби отвергли белого коршуна, которого выбрали себе в цари, как вы меня отвергаете, и предпочли выбрать своим князем более жестокого ястреба, а тот стал истреблять как виновных, так и безвинных, измышляя несодеянные ими преступления. И с тех пор и по сей

https://RodnoVery.ru

день ястреб питается голубями. А теперь ступайте домой, и кого вы завтра выберете себе господином, того я возьму себе в мужья». Затем, отпустив народ, она призвала своих сестер. Ночью они вершили тайное чародейство, а утром Либуше вновь призвала людей.

Либуше будто бы обратилась к собравшимся со следующим нравоучением: «Вы добровольно отказываетесь от той свободы, которую ни один добрый человек не отдает иначе, как со своей жизнью, и перед неизбежным рабством добровольно склоняете шею. Увы, будет поздно и тщетно, когда вы в этом станете раскаиваться, подобно лягушкам, которые стали сокрушаться лишь тогда, когда змея, избранная ими себе в цари, стала их уничтожать… Прежде всего, легче возвести в князья, чем возведенного низложить, ибо человек в вашей власти до тех пор, пока он не произведен в князья. А как только вы произведете кого-либо в князья, вы и все ваше имущество будет в его власти. От одного его взгляда ваши колени будут дрожать, а онемевший язык ваш прилипнет к сухому нёбу, и на зов его вы от сильного страха будете с трудом отвечать: «Так, господин! Так, господин!», когда он лишь одной своей волей, не спросив предварительно вашего мнения, одного осудит, а другого казнит; одного посадит в темницу, а другого вздернет на виселицу. И вас самих и людей ваших, кого только ему вздумается, он превратит в своих рабов, в крестьян, в податных людей, в служителей, в палачей, в глашатаев, в поваров, в пекарей или в мельников. Он заведет для себя начальников областей, сотников, управителей, виноградарей, землепашцев, жнецов, кузнецов оружия, мастеров по коже и меху; ваших сыновей и дочерей он заставит служить себе и возьмет себе по своему усмотрению все, что ему приглянется из вашего крупного и мелкого скота, из ваших жеребцов и кобыл. Он обратит в свою пользу все лучшее, что вы имеете у себя в деревнях, на полях, на пашнях, лугах и виноградниках. Однако зачем я задерживаю вас своим многословием? Зачем я вам все это говорю, словно хочу вас запугать? Но если и после сказанного вы настаиваете на своем решении и не обманываетесь в своем желании, тогда я назову вам имя князя и укажу то место, где он находится».

Козьма местами вкладывает в уста Либуше цитаты из античных писателей и библейских книг, а то и заставляет ее говорить гекзаметрами. Но не стоит сомневаться, что сама по себе речь, содержавшая четкое описание прерогатив княжеской власти X–XI вв., играла важную роль уже в устном предании.

Не тронутые предупреждениями Либуше, все «единодушным криком» потребовали себе князя. Либуше сказала в ответ: «Вон за теми горами

https://RodnoVery.ru

находится небольшая река Билина, на берегу которой расположена деревня, известная под названием Стадице. А в ней имеется пашня в 12 шагов длиной и во столько же шагов шириной. Как ни удивительно, но пашня эта хотя расположена среди стольких полей, тем не менее она не относится ни к какому полю. На этой пашне на двух пестрых волах пашет ваш князь; один из волов как бы опоясан белой полосой, голова его тоже белая, другой весь белого цвета с головы и до спины; и задние ноги его белого цвета. Ну а теперь, если вам угодно, возьмите мои жезл, плащ и одежду, достойную князя, и отправляйтесь по повелению как народа, так и моему и приведите его себе в князья, а мне в супруги. Имя же этому человеку Пржемысл; он выдумает много законов, которые обрушатся на ваши головы и шеи, ибо по-латыни это имя означает “наперед обдумывающий” или “сверх обдумывающий”. Потомки же его будут вечно править в этой стране».

Послов избрали, но они топтались на месте, не решаясь как будто выступить в путь. Наконец, Либуше сказала им: «Что же вы медлите? Идите спокойно, следуя за моим конем: он поведет вас но правильной дороге и приведет обратно, ибо уже не раз доводилось ему ступать по ней». Послы пошли следом за конем и, наконец, на подходе к Стадице увидели некоего мальчика. «Слушай-ка, добрый малый, — спросили послы, — не деревня ли это по названию Стадице, а если это она, то нет ли в ней человека по имени Пржемысл?» «Это, — ответил мальчик, — деревня, которую вы ищете. А вот человек по имени Пржемысл погоняет волов недалеко в поле и спешит завершить дело, которым занят». Подойдя к Пржемыслу, послы обратились к нему: «Госпожа наша Либуше и весь наш народ просят тебя прийти поскорей к нам и принять на себя княжение, которое предопределено тебе и твоим потомкам. Все, что мы имеем, и мы сами в твоих руках. Мы избираем тебя князем, судьей, правителем, защитником, тебя одного мы избираем своим господином».

Пржемысл прекратил пахоту, воткнул палку, которую держал в руках, в землю, а волам велел: «Отправляйтесь туда, откуда пришли». Те немедленно ушли «и никогда больше не появлялись». Палка, воткнутая Пржемыслом, тут же проросла побегами «с листьями и орехами». Пораженные послы присоединились к простецкой крестьянской трапезе. Они ели «замшелый хлеб» и «остатки еды» на суме Пржемысла, наскоро накрытой полотенцем. Пока они насыщались, два из трех побегов засохли и отпали, зато третий дивно разросся. «Чему вы удивляетесь? — сказал Пржемысл. — Знайте, из нашего рода многие родятся господами, но властвовать будет всегда один. И если бы госпожа ваша не спешила столь с этим делом, выждала бы некоторое время веление рока и не прислала бы

https://RodnoVery.ru

столь быстро за мной, то земля ваша имела бы столько господ, сколько природа может создать благороднорожденных».

Затем предназначенный князь переоделся в достойную одежду и сел на коня. Но с собой в дорогу он взял свои лыковые лапти и велел сохранить их. В дороге один из послов осмелился спросить: «Господин, скажи нам, для чего ты приказал нам сохранить эти лапти из лыка и годные, только на то, чтобы их выбросить? Мы все еще не перестаем удивляться». Пржемысл ответил: «Я приказал и приказываю их сохранить вечно для того, чтобы наши потомки знали, откуда они ведут свой род, чтобы они всегда жили в страхе и настороженности и чтобы людей, посланных им богом, они не угнетали, не обращались с ними несправедливо по причине надменности, ибо все мы созданы равными по природе. А теперь пусть и мне в свою очередь позволено будет спросить вас, что более похвально: в бедности достичь высокого положения или опуститься до бедности? Вы мне, конечно, ответите, что лучше достичь славы, чем впасть в нищету. Однако бывает, что некоторые, происходя из благородного рода, впадают затем в постыдную нищету и становятся несчастными; когда рассказывают другим, сколь славными и могущественными были их родители, то они сами не сознают, что этим они еще более позорят и роняют самих себя, ибо они из-за своей лени потеряли то, что первые приобрели благодаря трудолюбию. Ибо судьба непрестанно вертит свое колесо и как в игре в кости то возносит одних на вершину, то других низвергает в пропасть. Поэтому бывает так, что земное достоинство, которое некогда вело к славе, будучи утеряно, ведет к бесчестию, а бедность, побежденная добродетелью, не прячется под волчьей шкурой, а возвышает победителя до звезд, в то время как раньше увлекала его в преисподнюю». Лапти основателя династии еще в XII–XIV вв. хранились в Вышегроде.

Пржемысл прибыл в Либушин и справил свадьбу с судьей Либуше. Признанный князем, они совместно с женой установил княжеские «законы». И, как и предвидела Либуше, утвердил суровые наказания за их нарушение. Усмиренный строгостью Пржемысла народ повиновался князю и его справедливым установлениям. После провозглашения новых законов Либуше охватило чувство предвидения. Она обратилась к людям с предвещанием. Ей виделся славный град, выстроенный на реке Влтаве. «С северной стороны, — говорила Либуше, — сильно укреплен высоким берегом речки Брусницы, с южной стороны нависает над ним широкая и каменистая гора, из-за этой своей каменистости называемая Петржин. На том месте она изогнута наподобие морской свиньи в направлении к указанной реке. Когда вы подойдете к этому месту, вы найдете там

https://RodnoVery.ru

человека, закладывающего среди леса порог дома. И так как к низкому порогу наклоняются даже большие господа, то и город, который вы построите, вы назовете Прагой. В этом городе когда-нибудь в будущем вырастут две золотые лозы; вершины их вознесутся до седьмого неба, и они воссияют на весь мир своими знамениями и чудесами. Все области чешской земли и остальные народы будут почитать их и приносить им жертвы и дары. Одну из них назовут Великая Слава, другую — Утешение войска». В последних словах языческая пророчица предсказывает, по Козьме, рождение в X в. святых Вацлава и Войтеха, покровителей Чехии.

Подданные Пржемысла отправились в указанный лес и, найдя описанное место, заложили град. Так была основана Прага, «владычица всей Чехии». Сразу после своего предсказания Либуше скончалась. Позднее умер и Пржемысл — «достигнув вершины своих дней и установив права и законы». Ему наследовал сын — Незамысл.

Далимил[1784] лишь незначительно дополняет, а местами и сокращает рассказ Козьмы. Так, поэт утверждает, что призвание Пржемысла произошло не сразу после злосчастного суда. Вскоре недовольство волей Либуше высказал весь народ. Именно тогда она обращается с поучением о княжеской власти, причем оба поучения, приводимых Козьмой, теперь объединены. Нет у Далимила упоминания о совете и ворожбе трех сестер. Трапеза Пржемысла и послов происходит не на суме, а на пахарском железном рале. Когда послы дивятся этому, Пржемысл упрекает их за презрение к Либуше и говорит: «Будет вам от моего рода железная метла». Князь здесь вообще гораздо суровее, чем у Козьмы, добавляя свои грозные предсказания к речениям Либуше. Побегов у Далимила не три, а пять, но остается опять же один. Все эти различия могут объясняться и вариантами в предании, и домыслами хрониста XIV в., пытавшегося сделать древний рассказ более занимательным и стройным.

Как выглядело первоначальное предание о Пржемысле в языческие времена Чехии? Прежде всего, князь представал в нем как персонаж божественный, призванный колдовством сестер из иного мира. Он загодя знает о приходе послов. «Пахарь» — лишь облик, принятый им, и его волы загадочно исчезают из мира людей по одному его слову. Более того, похоже, что сами Стадичи (Стадице) воспринимаются преданием как некий порог между мирами богов и людей. Встреченный послами мальчик прекрасно знает Пржемысла и не удивлен тем, что его ищет торжественное посольство. Либуше вроде бы не знала Пржемысла прежде, но ее конь — священное животное, у славян часто «узнающее» нового князя — один знает дорогу до Стадичей. Все это побуждает видеть в Пржемысле

https://RodnoVery.ru

мифологическом очередное проявление родоначальника княжеской власти у славян, «божьего коваля» Сварога, который выступал и в качестве пахаря. Две сестры Либуше, связанные с миром сверхъестественного, могут являться ипостасями женского божества, которое теперь передает власть мужскому.

Но был и Пржемысл исторический, носивший вполне реальное и довольно распространенное княжеское имя, родоначальник Пржемысловичей. Какова же историческая основа предания? Речь в нем о ситуации, сложившейся после пресечения хорватской династии «Кроков» в Чехии. Власть единственной и избранной было наследницы — княгини-«судьи» Либуше — оказалась быстро отвергнута. Неудивительно в условиях идущего в Чехии «патриархального переворота», после потрясений легендарной «войны полов». По обычаю, обратились к более широкому кругу претендентов из числа «потомков Сварога». При таком обращении в князья действительно мог быть избран любой общинник, принадлежавший к ритуальному союзу кузнецов. Рассказы о ворожбе, о коне-проводнике тогда отражают гадания, сопровождавшие избрание князя. Их проводят Либуше с сестрами в качестве носительниц священной власти, верховных жриц. Брак Пржемысла с Либуше, давший начало новой династии, примиряет хорватское и чешское, но также передаваемую по наследству жреческую власть «владык» и светскую власть князя-военачальника. Избранный в князья как мужчина-воин в пору общего укрепления княжеской власти, Пржемысл оставил по себе память как усмиритель вечевой свободы. Впрочем, приписываемые ему и Либуше «законы» — не более чем обычное право чешских племен. Самое большее, при Пржемысле они могли быть сведены воедино, а княжеский суд превратиться в обязательную высшую инстанцию.

https://RodnoVery.ru

Либуше показывает Пржемыслу сокровищницу. Из книги «Иллюстрированная история чешского народа» Фр. Палацкого. XIX в.

Итак, историческая основа просматривается. Однако неправильно было бы говорить, что «мифологическое» в предании наслоилось на «историческое». Для славянина-язычника подобного противопоставления просто не существовало. То, что кажется нам мифической фантастикой, как уже говорилось однажды, могло содержаться в «первоначальном» предании. И ни о каких «искажениях» речь не идет.

Географические названия, упоминаемые в предании — Либушин, Тэтин, Прага, Вышегрод, Стадичи, — в основном очерчивают границы «владений» Пржемысла. Тэтин, Либушин, Вышегрод могли уже возникнуть в течение VIII в., Тэтин даже чуть ранее. На месте Праги существовали поселения. Название «Прага», кстати, действительно связана с «порогами», но с речными на Влтаве. В VIII в. в Шарке («Сарка» Далимила) строится град. Используя выгоды скалистой местности, древние пражане защитили свою крепость еще и валом. В результате разделенные естественным и искусственным укреплением славянские дома образовали град и два предградья. Шарка являлась торговым и ремесленным центром. Местная знать украшала себя «аварскими» поясными наборами. Украшения из них (в том числе одно — с изображением античной богини Ники) найдены археологами. Шарка являлась центром округи до построения Прага-Града. Ничто не препятствует считать, что именно Шарку и построили Либуше с Пржемыслом. Чуть позднее, уже на рубеже VIII/IX вв., на месте современной Праги появилось еще одно славянское укрепление — Богнице. С севера и с востока его защищал глиняный вал на каменной и деревянной основе, с запада — палисад. Это было обычное убежище для жителей округи, использовавших грубую керамику и орудия труда. Никаких следов княжеского пребывания здесь нет. Богнице строилось как запасное убежище, ввиду многочисленности расселившихся вокруг княжеской Праги (Шарки) чехов.[1785]

Особняком стоят Стадичи. Вопрос даже не в том, было ли там в VIII в. неукрепленное поселение. Ясно, что это древнее родовое название, которое необязательно привязывать к средневековой деревне. Но жил род Стадичей именно в описанном районе — далеко на север от центральной Чехии, вверх по Лабе. Это были земли племени или племенного союза лемузов, чье неславянское название может восходить еще к VI–VIII вв. Избрание князя из лемузского рода может объясняться стремлением к объединению центральных и северных чешских племен. Сколь можно судить, лемузы,

https://RodnoVery.ru

подобно чехам, испытывали давление со стороны западных соседей лучан.

После смерти Пржемысла сменилось несколько князей из его потомков. Источник знаний о них — доставшийся Козьме княжеский перечень, и о деяниях их ничего неизвестно. Имена ближайших преемников Пржемысла, правивших еще в VIII в. — Незамысл, Мната, Воен. Воен, по Далимилу, имел двух сыновей — Унислава и Владислава. Из них Унислав будто бы получил Чехию, а Владислав землю лучан. Но это домысел, «объясняющий» происхождение лучанского княжества. По Козьме, князь Властислав (Владислав у Далимила) позднее воевал с чешским князем Некланом, вторым преемником Унислава. На самом деле состоявшее из пяти племен лучанское княжение являлось совершенно независимым от Чехии VIII в. Нет никаких оснований, кроме догадки Далимила, предполагать родство здешних князей с Пржемысловичами.

К концу VIII в. в окрестностях пражского гнездовья сел начинает складываться целая сеть укрепленных градов. Большинство из них служило уже не резиденциями самостоятельных племенных князьков, а временными ставками Пржемысловичей. К княжеским щедротам и под сень надежных стен подселялись ремесленники и торговцы. Они постепенно занимали неукрепленные предградья у подножия градских укреплений. Одним из таких являлось городище Будечи, основанное на рубеже VIII–IX вв. примерно в 20 км к западу от Праги. В центре большого холма был возведен град площадью около 6 га. На месте Будечей еще с бронзового века располагалось укрепление с каменным валом. Этот вал чехи использовали для строительства семиметровой стены, подкрепив ее изнутри деревом. Вокруг града образовалось предградье, вместе с ним занимающее 22 га.[1786]

Пржемысловичам удалось обеспечить единство чешских племен. Но рядом появлялись и другие сильные княжения. О племенном союзе лучан, сложившемся по Огрже, уже упоминалось. Другим сильным объединением на землях Северной Чехии стал хорватский племенной союз. К концу VIII в. хорватские племена северо-восточной Чехии объединились под верховной властью зличан. В земле зличан в ту пору строится богатая племенная столица — Либице над Цидлиной. Здесь разместился племенной князь с дружиной. Как и чешские, хорватские дружинники ценили дорогие «аварские» украшения. Лидице возвели недалеко от чешской границы, при впадении Цидлины в Влтаву. Достаточно четкое указание на то, против кого град изначально строился. Стены ранее неукрепленного поселения в Либице охватили примерно 10 га прибрежной террасы. Возводились они на основе деревянной клети, которую заполнили камнями и скрепляющей

https://RodnoVery.ru

глиной. Кроме стены град защищали два рва с обеих ее сторон. В стене имелись единственные деревянные ворота. Они вели из града в предградье, которое образовалось сразу же при его строительстве.[1787] Разросшееся поселение просто разделили на град и предградье, создав местопребывание для дружины и убежище для жителей округи на случай войны.

Об истории Поморавья в VIII в. практически не сохранилось памяти в чешских преданиях. В результате мы имеем парадокс — в IX в. Чехия являлась периферией Великой Моравии. Но о предыстории этой периферии мы осведомлены лучше, чем о предыстории сильнейшего государства западных славян IX столетия, сыгравшего исключительную роль в истории славянской культуры и цивилизации. Неизвестны княжеские имена, едва определяются этапы объединения моравских племен. Пробел этот лишь отчасти заполняется данными археологии.

Вскоре после распада «державы» Само Поморавье вновь оказалось на переднем крае борьбы с возрождающимся Аварским каганатом. В первой половине VIII в. авары еще пытались покорить племена, населявшие долину Моравы. Не исключено, что временами кочевникам удавалось прорваться за Дунай и обложить славян данью. Но к середине VIII в. авар окончательно выставили за реку. Памятники аварской культуры в Поморавье исчезли.[1788]

После этого на правобережье Моравы образовался сильный племенной союз мораван с центром в городище Микульчицы. Подлинное название града в то время неизвестно. Но появилась эта будущая резиденция великоморавских князей еще в VII в. Теперь сидевшие здесь правители закрепили за собой власть в племенном объединении. Сплочение мораван вокруг микульчицких князей стало логичным итогом их борьбы против аварских набегов.

В Микульчице, защищенном деревянным частоколом, пребывал между походов и гощений князь с конной дружиной. Микульчицкий князь был не только дружинным вождем, но и жрецом-«владыкой». Во граде располагался жертвенник, на который приносились «замещающие» жертвы — глиняные миниатюрные изображения людей, животных, а также конских седел. На небольшой, менее 3 га, площади града располагалось довольно много отдельных срубных домов с полами, обмазанными глиной или посыпанными песком. Эти дома служили жилищами княжеской семье, дружинникам, мастерам-ремесленникам. В Микульчице обрабатывали драгоценные в глазах славянской знати металлы — золото и бронзу. Помимо ювелирных изделий, в мастерских найдены и литейные тигельки.

https://RodnoVery.ru

Цельных золотых изделий не обнаружено, но подлинное золото использовали для нанесения позолоты. Трудились в Микульчице и гончары, чья продукция отличалась высоким качеством.[1789]

VIII в. — вообще время развития ремесла в моравских землях. Моравские мастера, сообщавшиеся по Дунаю и через Дунай с ювелирным искусством других стран, овладели техникой не только позолоты, но и зерни. Изготовленные ими украшения ценились в землях других славянских племен. С середины VIII в. тисненые украшения с зернью, изготовленные в Моравии, отмечены в Среднем Поднепровье. К концу же VIII в., как уже говорилось, окончательно складывается собственный художественный стиль, отмеченный находками и в Микульчице.[1790]

Уже в последние годы VIII в. укрепления Микульчице перестроили. Крушение Аварского каганата обогатило местных князей, но вместе с тем заставляло думать о новых опасностях. Старый частокол сохранили, но за ним воздвигли вал на прочном деревянном остове. С внешней стороны вала возвели еще и каменную стену. Единственные ворота устроили на северо-западе града. В результате этой перестройки град увеличился более чем вдвое. Теперь он занимал уже 6 га.[1791] Перестройка Микульчице — свидетельство того, что начало Великой Моравии следующего века уже было положено.

И погребальный обряд, и следы жертвоприношений, и письменные свидетельства не оставляют сомнения в том, что весь VIII в. в Чехии и Моравии продолжает господствовать древнее язычество. Но к концу века появляются первые признаки нового. С запада в Чехию проникает новый погребальный ритуал. Местами славяне перестают по древнему обычаю сжигать умерших, а начинают класть их в грунтовые или курганные могилы. Это первый признак знакомства с христианством — но пока больше с христианской обрядностью.[1792] Причинами тому стали и возросшее влияние франков, и начавшаяся с верховий Огрже проповедь миссионеров Вюрцбургской епархии.

Славяне и Франкское королевство

В 30-х гг. VIII в. славяне — сербы и выходцы из лучанского региона — продолжали достаточно свободно расселяться на запад. Славянские поселения возникали в Тюрингии и в верховьях Майна. Франкские власти не могли и не особенно пытались мешать этому. Памятью взаимного

https://RodnoVery.ru

общения и смешения славян и германцев в порубежье остались сравнительно поздние заимствования из германских в языках всех северных славян. Они весьма разнообразны по своему составу. Среди них — названия отдельных разновидностей посуды (деревянного питьевого сосуда, большого блюда), редких для славян животных (горностая и совсем экзотического льва), латуни и др.[1793]

Одну группу таких славян-переселенцев встретил на самых юго-западных окраинах Тюрингии в 736 г. монах-миссионер Стурми. Славяне «большим множеством» следовали по торговому тракту, ведущему из Тюрингии в Майнц. С ними был толмач из их собственного племени, помогавший при необходимости объясняться с местными. У переправы через реку Фульда славяне решили искупаться. Здесь и наткнулся на них Стурми, как раз свернувший на тракт. Осел, на котором ехал монах, задрожал, «испугавшись их голых тел». «И сам муж Божий содрогнулся от их отвратительных запахов». Язычники, увидев его страх, стали насмехаться. Кое-кто даже «захотел причинить ему вред», но передумал. По словам автора Жития Стурми, славяне «были Божественной силой удержаны и укрощены». Толмач даже любезно осведомился у Стурми, куда тот направляется, и миссионер разошелся со славянами миром.[1794]

Итак, славяне уже достаточно далеко заходили в глубь франкских земель, с миром проходя насквозь только-только подчинившуюся франкам Тюрингию. При этом они оставались язычниками и мало считались с франкскими законами. Все это не могло не заботить франкских майордомов и христианских епископов Австразии. Майордом Карл Мартелл, подчинивший в 720 г. Тюрингское королевство, продолжал активную политику на севере и востоке. Он добился формального признания своей власти от швабов, в 734 г. разгромил и покорил фризов, в 738 — взял дань с саксов. Карл, остановивший в 732 г. арабское нашествие на Европу битвой при Пуатье, видел себя защитником и распространителем христианской веры.

В Германии он обрел деятельного соратника в этом деле — миссийного епископа Бонифация, родом англосакса. С 732 г. Бонифаций был утвержден папой в качестве архиепископа всей Германии и полномочного легата Рима в землях обращаемых германских племен. Бонифаций, «апостол германцев», немало труда уделил наставлению своей паствы в христианской вере, упорно проповедовал язычникам, перестраивал церковное управление во всем королевстве. В 741 г. Бонифаций выделил восточные франкские церкви в новые епархии —

https://RodnoVery.ru

Эйхштеттскую во главе с Виллибальдом и Вюрцбургскую во главе с Буркхардтом. Но при этом он вывел из их подчинения церкви на границе с фризами, саксами и славянами. Надеясь проповедовать этим народам, Бонифаций оставил эти земли в собственном ведении — «и до преславного дня своей кончины неустанно прокладывал пастве узкий путь к Царству Небесному».[1795] Погиб он в 753 г., проповедуя фризам. Резкие характеристики, которые давал Бонифаций славянам, мало отличаются от его отзывов о закосневших в язычестве германцах. Упорный и смелый миссионер осуждал то «невежество», которое стояло на пути его служения.

Пока Бонифаций без особого успеха пытался обратить славян в христианство, его покровители Арнульфинги налаживали со славянскими княжествами политические связи. Войны Карла Мартелла с саксами открывали ему дорогу к низовьям Лабы. Он решил наладить связи с местными славянами. Потому Карл заключил какой-то договор со стодорянами. Их вождь Драговит, позднее ставший верховным князем велетов, вступил с Карлом в союз и получил от него признание как самостоятельный правитель. Союз мог помочь в последней, победоносной войне Карла с саксами в 738 г. — или, наоборот, быть заключен уже после победы, с новым соседом.[1796]

После смерти Карла Мартелла, однако, с приходом к власти его сыновей Пипина и Карломана, саксы вновь отложились. Карломан было подчинил их в 743–744 гг. Но в 747 г. он отрекся от власти в пользу Пипина. Тогда саксы снова отказались платить франкам дань. Они приняли к себе Грифона, сводного брата нового майордома, который уже попортил законным наследникам Мартелла немало крови своими мятежами.

В 748 г. Пипин Короткий выступил в поход на саксов. Ища союзников, Пипин обратился к независимым пока западным фризам, жившим на границах Саксонии и Тюрингии, а также к соседним славянам — сербам. Сербские князья согласились и «единодушно» выставили в помощь франкам свои дружины. Собралось сильное многотысячное войско. Оно вторглось в пределы саксов с огнем и мечом. «Многие из них уже были убиты и отправлены в плен, области их сожжены огнем». Напуганные мощью вражеского натиска, саксы поспешили заключить мир на условиях франков, обязались платить впредь Пипину дань и даже принять у себя проповедников христианства.[1797]

Отношения франков с сербами и стодорянами в эти годы не несли в себе еще и следа подчинения. По крайней мере, пока речь шла о землях к востоку от Заале и Лабы. Но иначе обстояло дело в Тюрингии и

https://RodnoVery.ru

Франконии, которые франки имели все основания считать теперь своими. Как и на юге, в Баварии, недавно еще вольно расселявшиеся здесь славяне вскоре познали железную хватку строящегося феодального государства. Для этого оказалось вполне достаточно консолидации франков при Карле Мартелле.

При его детях, в 741–747 гг., славяне Франконии уже были обложены ежегодной податью в пользу короны — такой же, как и сами жившие здесь восточные франки. Десятую часть этой подати Пипин и Карломан совместной грамотой отдали в пользу Вюрцбургской епархии.[1798] Архиепископ Бонифаций, в ведении которого оставались приграничные земли, колебался по поводу того, должно ли Церкви пользоваться податями с язычников. В 751 г. он обратился за разъяснениями к папе римскому Захарии. Тот в письме от 4 ноября 751 г. отвечал своему легату: «Поскольку о славянах, населяющих землю христиан, подобает ли брать с них подать, спросил ты, брат, — здесь совета не нужно, ибо суть дела очевидна. Ведь если будут жить без подати, то когда-нибудь начнут считать эту землю своей собственной. Если же станут платить подать, то будут знать, что у этой земли есть господин».[1799] Папской позиции, пусть спорной этически, нельзя было отказать в рациональности. Теперь, после ясно высказанной воли главы Западной церкви, отпадали последние препятствия для подчинения славян Франконии и Тюрингии франкским чиновникам, а затем и феодалам. Славяне могли сохранять верность своей языческой вере — но это не спасало их от вовлечения в систему франкского государства. Их небольшие княжения, начавшие обустраиваться на новых землях, устоять против его машины не могли и исчезли в считанные годы.

Но превращение прозрачных межплеменных границ в государственные создавало угрозу и для славянских князей с правого берега Заале. После того, как их родичи за рекой оказались в зависимости от «союзников», те стали приглядываться и к восточным землям. Свободные исходы, регулярно сбрасывавшие груз перенаселенности в Белой Сербии, требовалось поставить под контроль властей. До сих пор франки не пытались покорить правобережных сербов. Но «союз» с ними к концу уже королевского правления Пипина Короткого дал трещину. Нечетко установленная, хотя и зримая граница по Заале не удовлетворяла франков. Передвижения славян воспринимались теперь или как бесчинные вторжения, или как бегство податных крестьян. Облагая славян налогами, франкские чиновники стали надеяться, что река уже не полагает предел их власти. В 766 г. франкские войска переправились через Заале в северной

https://RodnoVery.ru

Тюрингии, у впадения правого притока реки Ветау. Здесь находился сербский град, именуемый в латинских анналах Вейтахабург или Вейдахабург (позднее Веттабург). Франки разгромили славян и захватили их укрепление.[1800] Повод к войне неизвестен. Но битва в Вейтахабурге послужила началом нового этапа в отношениях франков с соседними славянами. Окрепшее Франкское государство начинало свой натиск на Восток.

Дулебы и анты

Об истории восточных славян в VIII в. известия в современных событиям письменных памятниках вовсе отсутствуют. Основной материал для исследователя вновь, как и за столетия до того, поставляет археология. Сведения, добытые в ходе раскопок, можно лишь сопоставлять с поздними преданиями и обрывками косвенных указаний в других источниках. Потому многие вопросы далеки от окончательного решения.

Рубеж VIII/IX вв., как уже упоминалось, — время племенных передвижений на юге Восточноевропейской равнины. В дулебских землях на основе прежней пражско-корчакской складывается новая культура Луки-Райковецкой. Она почти сразу распространилась на юг, в былые пределы антов, поглотив культуру пеньковскую.

После ухода на юго-запад болгарской орды Аспаруха анты по Нижнему Днепру, Южному Бугу и Днестру остались перед лицом грозного врага — Хазарского каганата. Хазары и покорившиеся им алано-болгарские племена совершали набеги на антские земли, угоняли антов в плен. На Северском Донце, в зоне кочевнической салтовской культуры VIII–IX вв., среди ее захоронений, обнаружены погребения антов. Насильно переселенные на чужбину, они сохранили там черты своей культуры — керамику, обряд кремации и захоронения праха в урнах.[1801]

В условиях хазарских набегов у антов не было сил, а главное причин, твердо противостать вторжению многочисленных переселенцев с дулебского севера. Причины этого вторжения обычны и ясны — малоземелье в лесистых краях, перенаселение, в также приток сородичей с неспокойного запада. Более того, даже в антских землях места на всех не хватило, и часть дулебов устремилась вслед за ушедшей частью антов дальше, за Прут, в подчиненную болгарам Молдову. Погибла или бежала какая-то часть антской знати, оставив по себе невскрытые клады в районе

https://RodnoVery.ru

заброшенного в VIII в. Пастырского городища.[1802] При этом большая часть антов осталась на своих местах, свободно перемешавшись с пришельцами. Нужды совместной борьбы с кочевниками заставляли межплеменные распри отступить на второй план. Анты и дулебы слились на юге воедино, создав особый вариант культуры Луки-Райковецкой.[1803] Здешние племена приняли общее для дулебов самоназвание «словене», но не имя самих дулебов. Племенные союзы юга сохранили независимость.

Родственные племена, создавшие культуру Луки-Райковецкой, заселили в итоге огромную территорию на юго-западе Восточноевропейской равнины. Северная граница первоначально проходила по берегам Припяти, захватывая на востоке часть Среднего Поднепровья до Десны. Дальше граница сворачивала на юг и шла по берегам Днепра до порогов. Южные пределы захватывали верховья Южного Буга и большую часть Прутско-Днестровского междуречья. Отдельные поселения доходили до подступов к морю и Дуная. Западная граница поднималась по Пруту, местами выступая до Сирета, захватывала Закарпатье в верховьях Тисы, а дальше шла уже по Западному Бугу до округи Бреста.[1804]

На этом пространстве расселилось несколько десятков славянских племен, объединенных в союзы-«княжения». Не все их названия нам известны. Некоторые известные — скажем, древляне или бужане, — в ту пору включали еще меньше племен, чем можно было бы судить по летописи. Бужане — прямые наследники дулебов — занимали земли в верховьях Западного Буга и Турьи, окрестностях древнего Зимно. На севере они уже с VIII в. продвигались вниз по Бугу, вплоть до окрестностей Бреста за Припятью.[1805] К востоку от них, по Стыри, жили лучане, которых знает в качестве отдельного независимого племени еще Баварский географ IX в. На рубеже VIII/IX вв. на мысу при впадении Гучвы в Буг возникло поселение Волынь.[1806] Вокруг этой новой княжеской резиденции началось сплочение бужан, а затем и лучан в единый племенной союз волынян. В итоге он включил и племена, жившие восточнее лучан, по Горыни и Случи.

На севере, отделенные поясом полесских топей, жили дреговичи и связанные с ними союзом берзичи. Еще в IX в. Баварский географ знает лишь берзичей — и скорее они верховодили в этом объединении. Славянские земли в Припятском Полесье ограничивались в то время лишь небольшой территорией на южном берегу близ будущего Турова. Дальше на север, в балтские земли, славяне здесь пока не продвигались.[1807]

https://RodnoVery.ru

К востоку от Волыни лежали лесные Дерева — будущая область древлян по Тетереву и Ужу. В VIII в. она тоже еще делилась между независимыми друг от друга княжениями. Одно из них, собственно древлянское, занимало земли в междуречье Ирши и Ужа, при их сближении. С северо-запада, по Жереву, соседями древлян являлись жеревичи. Еще какие-то деревские племена обитали у самой границы лесостепи, в верховьях Тетерева. Эти племена, непосредственные соседи живших восточнее полян, вошли в древлянский союз еще в VIII в.

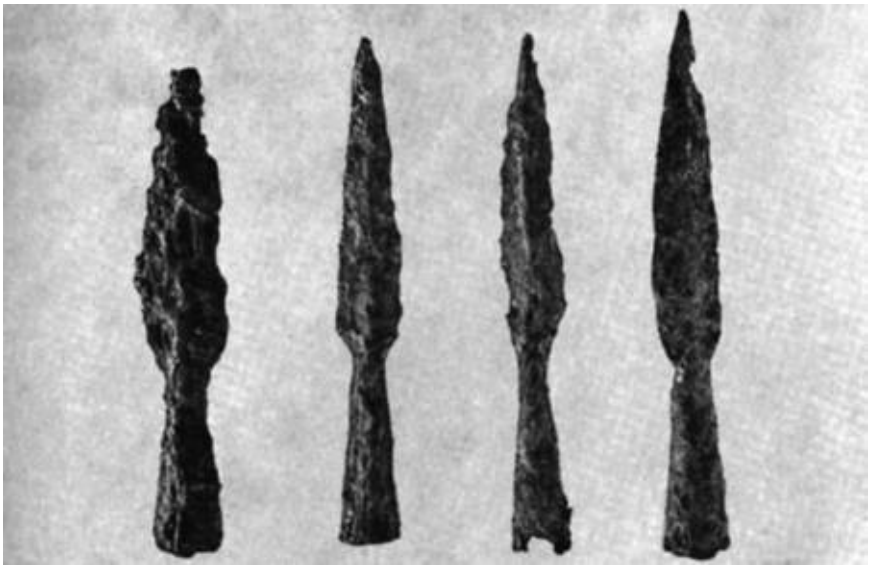
Полянами звались умножившиеся после переселений «роды», обитавшие в Среднем Поднепровье, уже по обе стороны реки. Наиболее плотно заселены были поречье между Днепром и Ирпенью, а на севере — низовья Десны до впадения Снова. Переселения, создавшие культуру Луки-Райковецкой, отчасти захватили и Левобережье с его антским населением, теперь влившимся в число полян. Судя по летописным преданиям, до основания Киева поляне, хотя и сознавали свою близость, но жили «особо», «родами», «владея каждый родом своим».[1808]

Ниже полян по Днепру начинались земли древних антских племен. Скопление поселений за впадением Орели, в днепровских порогах, принадлежало племени или племенам угличей. Позднее в угличский племенной союз вошли и непосредственные южные соседи полян, жившие на север от впадения Тясмина, вплоть до Роси. Присоединились к нему — или к родственным тиверцам, населявшим Прутско-Днестровское междуречье, — и антские племена в верховьях Южного Буга.[1809] Тиверские старопахотные земли по Днестру являлись одной из наиболее плотно заселенных областей культуры Луки-Райковецкой. Другой, еще более населенной, являлась лежавшая к северу территория хорватов Верхнего Поднестровья и Прикарпатья. Дальние родичи хорватов, — не исключено, что входившие в их союз, — издавна населяли и Закарпатье.

Образ жизни племен культуры Луки-Райковецкой внешне претерпел мало изменений по сравнению с предшествующими веками. Разве что при росте численности населения возрастали и размеры сел. Поселения размещали на берегах рек, поближе к воде. Потомки дулебов и антов по-прежнему жили в основном в полуземлянках глубиной до полуметра, площадью 12–36 м^2. В углу располагались печи — на юге каменки, на севере иногда также глинобитные. Наряду с полуземлянками на севере, у живших в лесной полосе дулебов, строились временами и наземные избы-срубы с площадью от 10,5 до 15,8 м^2. В них также в углу располагались печи.[1810]

https://RodnoVery.ru

При внешней преемственности с прежней эпохой в обществе происходили довольно глубокие изменения. Смешение племен, с одной стороны, и прочная оседлость на старой пашне — с другой, подтачивали устои большой семьи и древнего общинного уклада. С VIII в. на юге восточнославянских земель идет распад большой семьи и патронимической общины.[1811] На смену «роду» идет «мир», община чисто соседская, хотя и спаянная еще совместным трудом.



Копья из городища Хотомель

Дулебские и антские земли также оказались захвачены общеславянским «поветрием» градостроительства. И здешние князья, укрепляя свою власть над подвластными племенами, возводят для себя крепости, господствующие над округой и в то же время служащие укрытием для ее обитателей. В землях дреговичей возводятся грады Хотомель и Хильчицы, на севере земель лучан, у рубежа полесских топей — град Бабка. Несколько градов построили хорватские князья среди многочисленных сел по Днестру и Сирету.[1812]

Град Хотомель построили на месте древнего капища, над неукрепленным селом, которое прилегало к укреплению с юго-востока. Основатель града — Хотимир[1813] — был, как заключаем, «владыкой», верховным жрецом святилища. Обретя военную власть над дреговичами или берзичами, он выстроил стольное место для себя и своей дружины. Хотомель расположен на возвышенности над Горынью, с трех сторон его прикрывали болота. Град представлял собой окольцованный земляным

https://RodnoVery.ru

валом овал площадью 120 м^2. С запада и востока дугами достраивались потом новые валы. В граде, в наземных домах с глинобитными печами, проживал князь со своими конными дружинниками. Среди находок их оружие — наконечники стрел и копий. Свидетельства богатства дружины — серебряные украшения, найденные на городище. Князь оставался верховным жрецом. В центре городища по-прежнему размещалось капище. [1814]

Грады хорватов несколько отличались от Хотомеля, что неудивительно. Расположенное на высоком мысе над Днестром городище Ломачинцы защищала плотная дубовая стена-частокол. Другой мысовой град — Горишни Шеривцы — защищала с поля не только деревянная стена, но и ров подковой, шириной до 10 м. Град этот гораздо больше Хотомеля — 1,2 га.[1815] Добриновское городище на Буковине являлось не только княжеским укреплением, но и важным ремесленным центром. Здесь подле жилых домов располагались 9 мастерских, в которых трудились кузнецы и ювелиры. Своими изделиями они снабжали не только жителей града, но и других соплеменников. Продукция добриновских мастерских расходилась довольно далеко по округе.[1816]

Княжеская власть, судя по летописным припоминаниям, передавалась по наследству. Она была закреплена за определенным «родом», который возводил себя к герою-родоначальнику. При этом необязательно власть переходила от отца к сыну — она считалась скорее коллективным достоянием избранного «рода». «Род» и определял из своей среды князя. Князья, как в Хотомеле, все чаще объединяют в одном лице «владычную» и «воеводскую» власти.

О том, как строилось управление племенем, позволяет судить летописное предание о дани мечами, уплаченной полянами хазарам. Здесь для нас ценно то, что хранители устной памяти приписывали завоевателям устройство славянского общества. В наиболее ранней, записанной в XI в., версии предания князь выступает как военный предводитель, — держащий, впрочем, в своих руках и сбор дани. Об успехах он докладывает «старцам», родоплеменным старейшинам, а те дают совершенному оценку. Однако князь уже сам созывает старейшин и может проигнорировать их мнение. [1817] Интересно, что в более поздней версии политический строй хазар рисуется иначе, в соответствии с изменившимися условиями самой Руси. В «Повести временных лет» уже хазарские воины докладывают князю и состоящему при нем совету старцев-бояр.[1818] Первая ситуация естественна для славянского общества VIII–IX вв. Именно тогда

https://RodnoVery.ru

складывалось первоначальное предание на недавней исторической основе. Описанное же в «Повести временных лет» — для Киевской Руси начала XII в.

Основным занятием дулебов и смешавшихся с ними антов оставалось земледелие. На давно распаханных землях юга уже переходили от перелога к двуполью. Наряду с небольшими селениями, чьи жители по-прежнему вынуждены были заниматься подсекой, возникают теперь крупные, постоянные. Их жители отказались от истощающих почву способов ее обработки. Дулебы воспринимали от антов перелог, а местами и двуполье, более совершенные орудия труда. По всему ареалу культуру Луки-Райковецкой отмечены железные орудия пахоты — наральники без плечиков. Наряду с ними появляются и плужные ножи-чересла (Хотомель).[1819] Это уже свидетельство появления плуга, или близких к нему форм сохи. В лесной полосе вместе с тем использовались еще и мотыги. Теперь их лезвие делали из железа. Убирали урожай железными серпами.[1820]

Развивалось ремесло. Обработка железа уже с VII в. делала серьезный шаг вперед. Восточнославянские мастера осваивали новые способы получения стали, сварки стали и железа, закалки изделий. В древних антских землях были целые поселки железоделов. 30 железоплавильных печей обнаружены на ремесленном поселении Григоровка в Верхнем Поднестровье. Это расширяющиеся книзу (с 20 до 40 см) ямы на склоне возвышенности. В стенах печей глиной закрепляли сопла. Устья печей, почти квадратные арки, размещались в нижней части ям. Перед ними — рабочие площадки. Внутри печи также обмазывали глиной. Найдены две разновидности печей — одни использовались для обжига-обогащения руды, другие собственно для выплавки железа. Отличаются они конструкцией пода. Печи использовались многократно. Другой ремесленный поселок, VII–VIII вв., с 25 печами, обнаружен в Гайвороне на Южном Буге. Свыше 500 сопел найдено на поселении Бранешты I в Прутско-Днестровском двуречье. Из железа изготовляли ножи, топоры, оружие, орудия земледельческого труда, конскую упряжь, пряжки.[1821]

Из цветных металлов делали исключительно украшения — перстни, браслеты, подвески, височные кольца. Ювелирное дело этого времени обогатилось освоением техники зерни и скани. Образцами для славянских мастеров послужили изделия, проникавшие начиная с VIII в. с арабского Востока. В то же время с середины VIII в. распространялись вплоть до Днепра и украшенные зернью изделия славянских мастеров со Среднего Дуная. Они тоже служили образцами — в том числе для

https://RodnoVery.ru

распространившихся позднее широко по Восточной Европе лучевых височных колец. Среди находок в Хотомеле, помимо металлических украшений, — стеклянные и пастовые бусы.[1822]

Из глины делали лепную посуду, а также биконические пряслица с небольшими отверстиями. Гончарный круг племенам культуры Луки-Райковецкой, даже южным, оставался пока неизвестен. Отличия основного керамического типа Луки-Райковецкой от пражско-корчакского не очень значительны. Это лучше, чем ранее, профилированные сосуды, край которых теперь загибался не вовнутрь, а вовне, наподобие изгиба буквы S. При этом сосуды становились ниже и шире, на них появился простейший орнамент — ямочный, волнистый или линейный, а также узоры по венчику. На юге бытовал, наряду с основным, особый местный тип сосудов, восходящий к пеньковским. Это горшки с округлыми боками, местами проникающие и на север.[1823]

Наиболее заметны были различия между отдельными племенами в погребальном обряде. Повсеместно господствует обряд кремации. Общей чертой является возрастание числа индивидуальных и безурновых погребений. Но некоторые племена хоронят своих умерших в грунтовых могильниках, а другие — в курганах. Постепенно курганный обряд начинает преобладать, но только на севере. На юге, у потомков антов, по-прежнему преобладают грунтовые могилы.[1824]

У будущих волынян сложился особый курганный тип — курганы типа Головно, по могильнику из четырех курганов на Волыни. Курганы расположены в таких могильниках попарно — большой, а рядом малый. В могильниках по 2–10 насыпей. Большие курганы в высоту 1,5 м, а в диаметре — около 20. Малые — соответственно 0,5 и от 8 до 10 м. Сожжение производилось на месте погребения, причем в одном из больших курганов — в деревянной ограде. В больших курганах находят также камни, и во всех — обломки керамики. [1825] Сосуды — не остатки урн, их разбивали в ходе обряда тризны. Появление таких парных захоронений можно объяснять по-разному. Логичнее всего видеть здесь обряд самоубийства жены по смерти мужа.

Племена Дерев хоронили умерших в основном в курганах, но иногда и в грунтовых могильниках. С VIII в. в курганах хоронили лишь одного покойника, как правило, без урны. Сожжение производили обычно на стороне, но иногда и на месте. В этом случае умершего помещали на доски или в деревянную колоду, располагая по линии восток-запад.[1826] Окраинные племена — поляне и обитатели Припятского Полесья —

https://RodnoVery.ru

курганный обряд в VIII в. еще не переняли.[1827]

Наконечник копья. Велестинская коллекция

Тем более не был он воспринят потомками антов на юге. Лишь редкие курганные могильники в Закарпатье могут быть отнесены к VII–VIII вв.

https://RodnoVery.ru

Здесь умерших сжигали на месте вместе с урнами, собирали прах в кучки и насыпали курган. В каждом кургане — по одному захоронению.[1828] Прежние закарпатские обычаи несколько преобразились под дулебским влиянием. Оно шло из волынского Побужья, начиная с переселения на рубеже веков. В целом же и у хорватов преобладали грунтовые погребения.

При всех различиях, племена культуры Луки-Райковецкой связывались воедино общностью языка и происхождения. Об иных, кроме погребального, обычаях дулебских племен сообщают средневековые летописи. В их известиях отразилась неприязнь, отделявшая полян от их ближайших западных соседей, древлян. Древляне имели основания считать себя наследниками древних дулебов, тогда как полян — наполовину антами. Это добавляло причин межплеменной вражде, продлившейся до начала XI в.[1829] Но в целом за субъективностью летописцев просматривается действительная разница в обычаях полян и древлян. О других дулебских и антских племенах нет сведений. Но волыняне и дреговичи едва ли сильно отличались от древлян, тогда как потомки антов были ближе к полянам.

Согласно Повести временных лет, «древляне жили зверским образом, живя по-скотски, и убивали друг друга, поедая все нечистое, и брака у них не бывало, но умыкали у воды девиц». Итак, у древлян были распространены кровная месть и брак умыканием. Поскольку важным источником пропитания в лесах оставалась охота, им приходилось есть и пищу, которую поляне считали «нечистой». Все это, на взгляд врага, складывалось в «зверскую», «скотскую» жизнь. Сами поляне, по тому же источнику, вели себя совершенно иначе. Они «своих отцов обычай имели тих и кроток, и стыдились снох своих и сестер, матерей и родителей своих, и снохи свекровей и деверей сильно стыдились. И брачный обычай имели — не ходил жених за невестой, но приводили ее вечером, а наутро приносили за ней, что давали».[1830] Итак, у полян господствовали правильно, по мысли летописца, устроенная патриархальная семья (чего, кстати, вряд ли не было у древлян) с уважением, основанном на взаимном стеснении, и чинный брак. При этом нормальной считалась свадьба, при которой от жениха посылали за невестой вечером — древнейший общеславянский обряд. Заметим, что так же чинная свадьба проходила и у западных дулебских соседей. Такая разновидность ритуала распространена позднее на юге восточнославянских земель повсеместно.[1831]

Итак, складывается впечатление, что положительные черты древних дулебских и антских обычаев летописец приписал своим соплеменникам-

https://RodnoVery.ru

полянам. Тогда как отрицательные — их врагам-древлянам? Могли ли полянам быть вовсе неизвестны те же самые кровная месть и брак умыканием? И имелось ли в обычаях дулебских племен хоть какое-то различие на самом деле? Похоже, у немногочисленных изначально полян рано выработались нормы общинного жития, регулировавшие отношения между «родами». Кровная месть или вполне способное послужить причиной для нее похищение невест оказались если не под запретом, то под контролем общин. Это воспринималось полянами с гордостью, как отличие от все еще «живущих по-скотски» более сильных и многочисленных, да к тому же «чистокровных» дулебских соседей. В остальном же обычаи славян, создавших культуру Луки-Райковецкой, были весьма близки.

Отражалась общность и в их внешнем облике. Отличия в нем у разных племен незначительны. Так, волыняне, судя по позднейшим средневековым захоронениям, обладали удлиненной головой, широким лицом, сильно выступающим носом. Это сочетание славянской широколицести с типичными чертами всех европеоидов мы видим и у южных и западных соседей волынян — древлян, уличей, тиверцев. Они, особенно потомки антов, отличались лишь несколько менее вытянутой головой. Значительно отличались — более узким лицом, чуть менее выступающим носом, средних размеров головой — только поляне. Здесь иногда видят сильнее проявлявшуюся в них кровь иранских кочевников.[1832] Не исключено, что это следствие в том числе вторжения с Левобережья в VIII в. племен волынцевской культуры. Именно это вторжение положило начало истории Киева, будущей «матери городов русских».

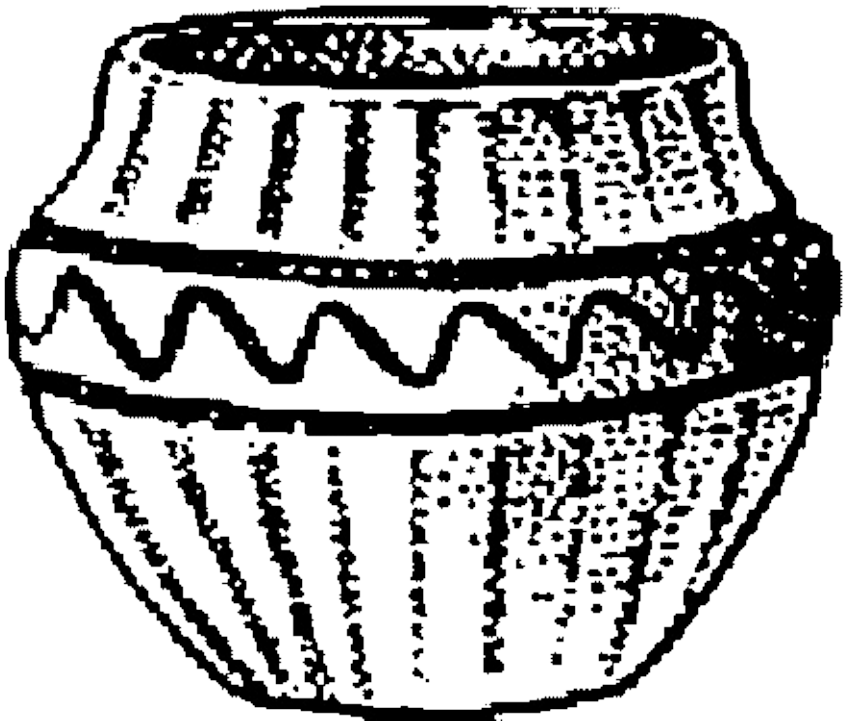
Севера

История северского Левобережья Днепра в VIII столетии крайне запутанна, даже с учетом богатого археологического материала. Еще в VII в. здесь продолжала существовать антская пеньковская культура в своей поздней, «сахновской» стадии. На севере анты проникали в земли эстиев колочинской культуры, свободно смешиваясь с ними. С «чисто» антской сосуществовала аристократическая «культура ингумаций». Поздние клады с ее «мартыновскими» ценностями обнаруживаются вплоть до Среднего Подесенья.[1833]

Затем, однако, пеньковская и колочинская культура сменяются одной и

https://RodnoVery.ru

новой — волынцевской. Время этого — один из наиболее сложных вопросов. Появление волынцевских древностей датируется в пределах от начала VII до середины VIII в.[1834] Есть основания полагать, что в VII в., точнее в последних его десятилетиях, волынцевская культура действительно уже складывалась.[1835] К концу своего существования она переходит в новые славянские культуры — роменскую и боршевскую. Роменско-боршевские древности, как ныне установлено, появились к концу VIII в.[1836]



Глиняный сосуд. Волынцевская культура

Не менее туманен вопрос о происхождении волынцевской культуры. Можно заключить, что ее возникновение объяснялось вторжением в земли левобережных антов и эстиев новых масс населения с востока. Усиление Хазарии в конце VII в. сдвинуло с насиженных мест многие племена. В волынцевской культуре ощущается влияние именьковской из Среднего Поволжья и особенно алано-болгарской салтовской. «Салтовцы» поддерживали с «волынцевцами» тесные связи, жили среди них. В среде волынцевцев, помимо славянского и балтского, отчетливо ощущаются иранский и тюркский элементы.[1837]

Вторжения с востока и с юга не вызвали массового бегства славян и балтов. Местные жители свободно слились с пришельцами. Возникший в

https://RodnoVery.ru

итоге племенной союз принял старое славянское имя — севера, северяне. Потомки антов расселялись по всей вновь образовавшейся Северской земле, в том числе и на колочинский дотоле север. Анты в итоге заселили среднее и верхнее течение Десны, верховья Псела, Посемье. Вторжения и переселения, конечно, вели к уходу части жителей, к гибели племенной столицы колочинцев — Колочинского града. Но серия столкновений не вылилась в большую войну и не нанесла большого ущерба Левобережью. Создание единой племенной общности стало следствием скорее компромисса между разноязыкими народами, чем завоевания. К концу VIII в. иранцы, тюрки и балты в Северской земле были почти полностью поглощены славянами. Возникшая тогда на основе волынцевской роменская культура являлась уже типично славянской. Дольше всего сохраняли свою обособленность «салтовцы» — алано-болгарские кочевники. Они в VIII в. жили хотя и рядом со славянами, но в собственных юртах, пользовались собственной гончарной посудой салтово-маяцких типов. Особенно много кочевников проживало в южных, прилегающих к степи селениях.[1838] Расселение на восточнославянских землях в VIII в. выходцев из Степи принесло в славянские языки минимум одно тюркское заимствование. Это исключительно восточнославянское слово *mysъ ‘мыс’.[1839]

Итогом происшедшего в VIII в. смешения с балтами стал немного отличающийся от более западных славян внешний облик северян. Это выразилось прежде всего в средней ширине лица при обычной славянской широколицести. Позднее тот же признак обрели и другие расселившиеся в балтских землях славяне — радимичи, дреговичи. Но в целом облик всех их оставался типичен для раннесредневекового славянства.[1840]

Поселения волынцевской культуры, как правило, неукрепленные. Среди них выделялись крупные, достигавшие 7,5 га. Более типичен размер Волынцевского селища — 4800 м^2. Селились волынцевские общины в низинах, неподалеку от водных источников. В Волынцеве обнаружено 51 жилище. Они не все существовали одновременно, но ясно, что поселение состояло из четырех стихийно разраставшихся групп домов. Строили преимущественно дома столбовой конструкции, а иногда и срубы. Это полуземлянки глубиной до 1,2 м. Редко встречаются землянки до 1,6 м в глубину. Площадь домов колеблется от 12 до 30 м^2. Дом покрывала двускатная крыша высотой до 1,2 м. Деревянное перекрытие обмазывали землей и глиной. Лестницу в жилье либо вырезали в земле, либо делали из дерева. В одном из углов располагалась глинобитная печь. Чаще всего печи

https://RodnoVery.ru

вырезаны прямо в глиняном останце. Совсем редко встречаются печи-подбои. Иногда — неславянское наследие — печь располагалась в центре жилища. Прямо в жилищах устраивали хозяйственные ямы-хранилища. Но другие хозяйственные ямы и деревянные постройки располагались на площади поселения.[1841]

Судя по этим данным, распад большой семьи у волынцевцев еще далеко не завершился. Так, четыре группы домов на селище Волынцево принадлежат именно большим семьям, объединенным в соседскую общину, «мир». Но именно «мир» должен был преобладать у изначально разноязыкой, сложившейся из многих племен северы над «родом», патронимией. Каждая из больших семей вела свое хозяйство. Более того, и внутри больших семей уже начиналось деление. Большая семья, расселенная в нескольких домах, распадалась на малые, с собственными запасами и орудиями труда.

Верховодила в волынцевском обществе военная знать, потомки создателей «культуры ингумаций». Теперь они слились с пришельцами из Степи, восприняв отдельные черты их культуры и передав им свои. Со временем, когда в культуре Волынцева усилится славянское начало, «волынцевская» составляющая останется на какое-то время этой дружинной прослойке. Памятник ее богатства — продолжающий традиции Мартынова Харивский клад на Средней Десне. Закопан он в горшке волынцевского типа. Включает клад многочисленные украшения антских образцов, в том числе из серебра и даже золота.[1842]

Своеобразной столицей волынцевских племен стал Битицкий град — занятое славянами и сселившимися к ним кочевниками городище скифской эпохи. Оно расположено на высоком мысе у Псела, господствуя над славянскими селами. Население Битицы и укрепленного позднее Опошнянского городища долго оставалось смешанным. Только здесь наряду с печами обнаружены и открытые очаги. В Битице рядом со славянскими домами располагались большие округлые юрты алано-болгар. Битица — древнейшее и долгое время единственное славянское укрепленное поселение в Северской земле. Это был центр власти местной и сливающейся с ней пришлой знати над окрестными земледельцами.[1843] Волынцевцы благодаря общению с кочевниками превзошли других северных славян в военном деле. Это ощущается в воинском облачении. Северские дружинники VIII в. одевались в кольчуги, пользовались окованными железом щитами. Но оружейный набор и у них ограничен стрелами и копьями.[1844]

https://RodnoVery.ru

Основным занятием волынцевцев, как и других славян, являлось земледелие. Судя по появлению больших поселений, речь уже не шла только о подсеке и перелоге. Десятилетиями обрабатывались одни и те же, давно распаханные участки. Севера в VIII в., как и юго-восточные соседи, переходит к двуполью. Кругооборот озимых и яровых подтверждается и анализом находок пшеницы. Северяне выращивали просо, пшеницу, рожь, полбу, а помимо злаков — горох и коноплю. Из орудий земледельческого труда для вспашки поля использовалось рало с широколопастным или узколопастным железным наральником, для уборки — серпы и косы. Наряду с земледелием, развивалось и скотоводство, в основном разведение крупного рогатого скота. Но попадались и редкие для славянского мира животные, приведенные из Степи — скажем, верблюд. Охота и рыболовство играли вспомогательную, хотя и существенную роль — на долю домашних животных приходится около 80 % найденных на поселениях костей. Наконец, для добычи меда и воска разводили пчел.[1845]

Подобно своим западным заднепровским соседям, совершенствовали свои навыки волынцевские ремесленники. В Битице обнаружены орудия обработки железа, в Волынцеве — сыродутный горн. Волынцевские мастера применяли развитые технологии цементации железа, вваривали в него стальные полосы. В работе они использовали кричное железо. Из железа изготавливали орудия земледельческого труда, оружие и доспехи, топоры, ножи, шилья, пряжки, бритвы, пинцеты.[1846] На волынцевских памятниках найдены и следы труда ювелиров, мастеров по цветному металлу — тигли, льячки, инструменты. Изделия волынцевских ювелиров наследует богатым традициям антской мартыновской школы. Это фибулы и бляшки, которым придается сходство с человеческой фигурой, височные кольца из проволоки, браслеты, перстни, бубенчики, серьги, браслеты, цепи, гривны. Знать по-прежнему ценила богатые поясные наборы. Ювелиры работали как с бронзой, так и с драгоценными металлами — золотом и серебром. Завозили стеклянные бусы.[1847] Следами швейного и прядильного домашних промыслов являются костяные проколки и шилья, глиняные пряслица.[1848]

Волынцевцы подхватили эстафету исчезнувшей вместе с Пастырским пастырской керамики, освоив гончарный круг. Однако волынцевская гончарная посуда не укоренилась в славянской культуре. Гончарами оставались потомки пришедших из Степи алано-болгарских мастеров. Когда они слились со славянами, гончарство оказалось на время забыто. До 90 % волынцевской керамики — лепная. Гончарные волынцевские сосуды

https://RodnoVery.ru

делались по образцу салтовских, хотя испытали и иные влияния.[1849] Центр производства гончарной керамики находился в районе современной Полтавы, в Тарановом Яре и поблизости. Отсюда эта ценная, «престижная» ремесленная продукция расходилась по всему волынцевскому ареалу. Главный керамический тип — горшки с выпуклыми плечиками, над которыми вертикально встает высокий венчик. Низ имеет форму усеченного конуса. Поверхность, как и у салтовских гончаров — черная или темно-коричневая. Сосуды покрыты лощеным или прочерченным орнаментом в виде вертикальных линий и перекрестий. На гончарном круге изготовляли также круглодонные миски.[1850]

Имеются и лепные подражания гончарным горшкам и мискам. Они достаточно высоки по качеству, изготавливались из отмученной глины с примесью песка или шамота. По форме они точно следуют оригиналу.[1851] Такие сосуды изготавливали славянские и балтские мастера в подражание мастерам-пришельцам. Логично сделать вывод, что те бережно хранили тайны своего ремесла. Подражатели же могли трудиться как на заказ, вольно или невольно сбивая цену на редкий товар, так и ради семейного престижа. Обладание гончарной посудой являлось с антских времен таким же признаком достатка, как и «мартыновские» ценности.

Третий тип керамики — непосредственный предок славянской керамики роменской эпохи. Это довольно грубые в сравнении с высококачественными подражаниями лепные горшки и сковородки с шероховатой поверхностью, из глины с примесью крупного шамота. Эта посуда испытала влияние форм волынцевской, но по технике продолжает прежние антские и балтские традиции. Постепенно этот простейший, массовый тип становится и господствующим. [1852] Помимо названных основных типов посуды волынцевские мастера делали также кружки.[1853]

Тесное общение со степными народами, включившимися уже в черноморскую и волжскую торговлю, вело к развитию торговли и в северских землях. Основными партнерами при этом оставались «салтовцы». Из их земель или через их посредство распространялись довольно далеко на север двуручные амфоры из красно-оранжевой глины, кувшины, раковины каури, различные украшения.[1854]

О духовной культуре северян VIII в. мы можем судить, как и у других восточных славян, по археологическим находкам и летописным описаниям «обычаев». На поселениях найдены отдельные обереги — костяные амулеты. С религиозными представлениями связаны и фигурные украшения «мартыновских» образцов.[1855] Волынцевские капища

https://RodnoVery.ru

неизвестны, что вполне объяснимо долгим отсутствием общего культа у постепенно сливающихся друг с другом племен.

Тем не менее у волынцевцев на протяжении VIII в. распространился общий погребальный обряд. Он сочетал местные, балтские и славянские, и привнесенные элементы. Тела умерших после торжественной тризны сжигали. По словам Нестора, «если кто умирал, творили тризну над ним, а потом творили кладку великую, и возлагали на кладку мертвеца, и сжигали». Очищенные от золы и угля пережженные кости ссыпали в урны — в «сосуд малый». Покойных сжигали в одежде, с убором, и уцелевшие украшения затем также клали в урну. Среди находок в могильниках — бронзовые браслеты, стеклянные и пастовые бусы. Местом для захоронения служила слегка углубленная площадка, специально для этого расчищавшаяся. Один сосуд от погребальной трапезы часто оставляли рядом с урной, в подарок ушедшему. По завершении обряда углубление с урной прикрывалось дерном. На памяти Нестора вятичи и их сородичи погребали прах уже чуть иначе — но основные элементы ритуала остались неизменными.[1856]

Танец славян. Радзивиловская летопись

Остальные обычаи северы, вятичей и радимичей киевский летописец охарактеризовал так: «жили в лесу, как всякий зверь, поедая все нечистое, и срамословие у них пред отцами и пред снохами, и браков не бывало у них, но игрища между селами. Сходились на игрища, на пляски и на все бесовские песни, и тут умыкали жен себе, кто с кем договорился; имели же и по две и по три жены».[1857] Жизнь в лесах и добыча в них пропитания здесь также поражает уроженца киевских Полей. «Срамословие» упоминается явно в противовес полянскому «стыду». Может, у жителей

https://RodnoVery.ru

левобережья и впрямь нравы были свободнее? Скорее уж, такое впечатление производила на чужака обычная повседневность сохранявшейся у них большой семьи. В ней, разумеется, не обходилось без конфликтов, которых поляне со своей малой семьей чаще избегали. Интереснее всего подробное описание летних «игрищ», сопровождавшихся плясками и обрядовыми песнями в честь языческих богов. Завершались они «похищением» невест по предварительному сговору. Превращение умыкания в игровую форму чинной свадьбы, как и распространение многоженство, можно вполне приписать кочевническому влиянию. У кочевых тюркских народов и игровые «похищения» широко известны, и многоженство в древности было достаточно распространено, в самых разных общественных слоях.

Писавший в начале XIII в. и лично сталкивавшийся с языческими обычаями вятичей летописец Переславля Суздальского расширяет повествование киевского предшественника. Он несколько уточняет, как именно происходил сговор во время игрищ: «по пляске понимали, какая жена или девица до молодых похоть имеет, и по взору очей, и по обнажению мышц, и по показу перстней на руках, и от надевания перстней в дар на персты чужие, а там, потом, и целование с лобзанием». Едва ли увод чужих жен на игрищах поощрялся, но в принципе он был возможен — как допускало славянское право развод. С другой стороны, именно по этой причине умыкание могло кончиться для невесты и немедленным «посмеянием до смерти» — если жених оказывался разочарован. Ради привлечения мужского внимания женщины Левобережья «червили лицо и белилами терли».[1858]

Из Повести временных лет явствует, что отношение полян к левобережной севере, с которой они соседствовали издревле, мало отличалось от отношения к древлянам. Если древляне являлись опасными и кичливыми сородичами по дулебской линии, то севера — по антской. Расселение полян на северо-восток за Днепр, в низовья Десны, вплотную сталкивало их с восточными соседями. Но, тем не менее, именно пришельцы с Левобережья, — о чем в средние века предпочитали умалчивать, — сыграли ключевую роль в основании столицы Полей, Киева.

Основание Киева

За Днепр волынцевские племена вторглись уже в начале своей

https://RodnoVery.ru

истории.[1859] Это не было массовое переселение — большинство жителей киевской округи сохранило свою культуру. Волынцевцы постепенно растворились в их среде. Однако с этого времени полянское Поднепровье стало перекрестком между западными и восточными культурами. Здесь шедшие справа и слева от Днепра культурные явления встречались и переплетались.

Вторжение волынцевцев и основание ими своих поселений не могло не иметь связи с политической жизнью полян. Пришельцы являлись завоевателями, боровшимися за обладание антским наследством. Их возглавляла имеющая на это наследство определенные права дружинная знать. К наследству погибшего антского союза с очевидностью относились и Поля, захваченные недавно «культурой ингумаций». Тем не менее пришлые отряды воинов и поселенцев, чтобы закрепиться на новых местах, вынуждены были идти на компромисс с местным населением. Полю же, в свою очередь, требовалась защита и от Степи, и от западных Дерев. Результатом договоренностей стало создание единого полянского племенного союза-«княжения» — и основание его стольного града, Киева. Основание постоянного укрепления на Старокиевской горе датируется именно VIII столетием.[1860]

Предание об основании Киева сохранилось в двух основных летописных версиях. Основа его по сравнению со сказанием, которое записал в XI в. Начальный летописец, не изменилась. Но Нестор в начале XII в. внес некоторые дополнения. Отдельные обрывки предания продолжали бытовать и временами записываться в Киевском Поднепровье до нового времени.

Начальный летописец начинает свое повествование со слов: «Как древле был царь Рим и во имя его город Рим; и еще Антиох, и была Антиохия Великая; и еще Селевк, и была Селевкия; и еще Александр и была во имя его Александрия; ибо в немногих местах так прозваны были грады во имена царей тех и князей тех: так же и в нашей стране зван был град великий Киев во имя Кия, его же называют будто бы перевозчиком; иные же, что ловы творил около города своего».[1861] Вторая версия вовсе не противоречит княжескому достоинству. Летописец имеет в виду распространенный у славян сюжет о князе или боярине, находящем место для города во время охоты. Чуть ниже летопись вкратце излагает предание об основании Киева. При этом летописец, явно условно, датирует события 854 г., исходя из своих представлений о призвании Рюрика и «начале Русской земли».

https://RodnoVery.ru

Итак, история основания Киева в Начальной летописи следующая: «Жили каждый с родом своим, на своих местах и сторонах, владея каждый родом своим. И были три брата: одному имя Кий (Кый), второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь. И сел Кий на горе, где ныне увоз Боричев, и был с родом своим. А брат его Щек на другой горе, от него же прозвалась Щековица. А третий Хорив, от него же прозвалась Хоривица. И сотворили градок во имя брата своего старшего и нарекли имя Киев (Кыев). И был около них лес и бор великий, и ловили зверя. И были мужи мудрые и смышленые, нареклись поляне, и до сего дня по ним же кияне — поляне; были же поганые, жертвуя озерам и источникам, и рощам, как прочие поганые».[1862]

Итак, здесь впервые появляются братья Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь — основатели Киева. С каждым из них связывается одно из местных названий киевской округи. С Лыбедью, о чем летопись хранит молчание — река Лыбедь. Игнорирование предания о Лыбеди летописцем найдет еще свое объяснение. Пока обратимся к тому, что он проговорил, а не замолчал. Старший Кий «был с родом своим», тогда как братья основали отдельные выселки — частое явление при земледельческой колонизации. Как центр своего рода братья основывают поблизости от двора Кия, на Старокиевской горе, куда в X в. вел с реки Боричев увоз, небольшой «градок». Он и получил название Киев. Разрозненные дотоле роды объединились вокруг него и получили от них общее имя «поляне», но также и «кияне» — киевляне, «люди Кия». Вновь упоминается и княжеская охота в «лесу и бору великом» около града, важная составная часть древнеславянского гощенья. При всей своей «мудрости» братья оставались язычниками. Летописец подчеркивает это в поучение современникам, которые, разделяя суеверия предков, нередко уступали им в доблести.

Нестор сразу же поправляет своего предшественника: «Поляне жили особо по горам сим, ведь и до сих братьев были поляне…»[1863] Итак, название «поляне», как выясняется, появилось еще до Кия. Лишь название «кияне» появилось со времен Кия, как подчеркивает летописец далее, меняя смысл фразы своего источника — «от них поляне — кияне и до сего дня».[1864] Наиболее существенное дополнение в Повести следующее: «Иные же, не ведущие, говорят, что Кий перевозчиком был. У Киева ведь был перевоз тогда с той стороны Днепра. Оттого говорили: «на перевоз на Киев». Но ведь если бы Кий перевозчик был, то не ходил бы ко Царюгороду. Но сей Кий княжил в роде своем, и приходил он к царю неведомому, но о том только ведаем, как сказывают, что великую честь

https://RodnoVery.ru

приял от царя, которого не ведаем и при котором приходил царе. Когда же шел он назад, пришел к Дунаю, и возлюбил место, и срубил городок малый, и хотел сесть с родом своим, и не дали ему там близ живущие. Оттого и доныне называют дунайцы городище Киевец».[1865]

Итак, летописец представляет версию о перевозчике подробнее — с тем, чтобы с большим основанием ее опровергнуть. Сведения о балканских деяниях Кия заимствованы из устного предания, чем и объясняется отсутствие информации о личности «царя». На предание («сказывают») летописец и прямо ссылается. Интересно при этом, что слог повествования прямо указывает на характер устного источника. Перед нами местами ритмическая речь, напоминающая метр «Слова о полку Игореве» и других ритмизованных фрагментов летописи[1866]. Если она перебивается, то комментариями самого летописца. Но при этом ритм источника передался и собственной его речи, что можно видеть в начале рассказа («Аще бо бы перевозникъ Кии/ то не бы ходилъ ко Царюгороду»). Итак, перед нами, скорее всего, единственный след давно утерянной полянской эпической песни о Кие.[1867] К сути же этого рассказа мы еще вернемся.

Как и все предания о происхождении славянских государств, сказание о Кие и его роде имеет два пласта — мифологический и исторический. Вернее, двумя пластами они представляются нам, тогда как для древнего славянина-язычника пребывали в неразрывном единстве. И трудно сказать, что именно следует считать основой, а что — «напластованием». К последней четверти XI в., во всяком случае, предание уже бытовало в приведенном виде.

Тем не менее, что все-таки в предании о Кие мифологического? Прежде всего, само имя главного героя. Оно восходит к индоевропейскому еще обозначению божественного кузнеца, победителя Змея.[1868] Предания о «божьем ковале» или двух братьях-«ковалях», победивших Змея, создателях Змиевых или Трояновых валов, еще в новое время неоднократно записывались в Среднем Поднепровье.[1869] Это — вариант общеславянского мифа о божественном кузнеце Свароге, победителе Змея Трояна, родоначальнике власти славянских князей. Итак, полянский Кий — очередная ипостась этого божества-первопредка. Причем сохранившая одно из его первоначальных мифологических имен.

Полянский и северский миф о Ковале совпадает в основном с волынским, привязанным к имени тамошнего легендарного князя Радара. Согласно преданиям Поднепровья, Коваль — победитель чудовищного Змея. Змей нападал на земли, в которых поселился Коваль, разорял их,

https://RodnoVery.ru

пожирал людей. Коваль выстроил себе огромную каменную кузницу за тремя железными дверями и в ней выковал первый, исполинский плуг с железным лемехом. Когда Змей снова прилетел за добычей, кузнец увлек его в погоню за собой, заманил к кузне и посулил — если тот языком пролижет насквозь все железные двери, позволить съесть себя. Змей поддался на уловку и, пролизав насквозь три заслона, проник в кузню языком. Коваль этого и ждал. Он схватил змеиный язык клещами и бил Змея по голове многопудовым молотом, пока сбежавшиеся люди впрягали схваченное чудовище в соху. Наконец, Змей был обуздан и сдался. Коваль велел ему пропахать межу до моря — между землями славянского народа и вражеским, «змеиным» краем. Змей вынужден был покориться, а Коваль сам пошел за плугом. Так славянская земля оказалась отделена от вражеской глубокой рекой, а по ее берегам воздвиглись высокие валы, след богатырской пахоты Божьего Коваля. Это Змиевы валы по берегам Днепра, на границе со степью. У устья Днепра Змей лопнул, напившись морской воды. В древности Змиевы валы звались Трояновыми. Значит, Змей, враг Сварога, — трехголовый бог преисподней Троян, известный восточным и южным славянам.

Мифологические предания о Ковале бытовали еще в XIX в., в том числе и в самих окрестностях Киева. Должны были рассказывать о битве Кия со Змеем-Трояном и в Средние века. Тем не менее в летописях этот чисто мифологический «пласт» предания о Кие отражения не нашел. Неудивительно — в пору ожесточенной борьбы с пережитками язычества он казался неуместным. Да летописцы, в отличие от «двоеверов», и не верили ни в Сварога, ни в Трояна, ни в других древних богов. Кий для них имел смысл лишь как исторический основатель Киева, а не как мифический герой. Тем более что тогда вряд ли забылось изначальное тождество основоположника княжеской власти, кузнеца-«создателя молний» Кия-Сварога с верховным богом Перуном. А Трояна — с его противником, богом-змеем Велесом. Ни тому, ни другому места в реальной истории после крещения Руси не осталось. Христианский летописец переосмысливал доставшуюся традицию с точки зрения разумной достоверности. Приводило это к двойственному результату. С одной стороны, из языческого предания вычленялась «историческая» основа. С другой — это производилось просто за счет отсева «мифологического». Путь к рациональному научному знанию прокладывался за века до постижения его метода.

По тем же мотивам «недостоверности» с научной христианской точки зрения осталось за пределами летописного текста предание о Лыбеди. В

https://RodnoVery.ru

летописях она выглядит лишней. Для любого киевлянина вполне естественно, что с ее именем связано название реки Лыбедь. Но летописцы этого почему-то не отметили и вообще никак не прояснили роль Лыбеди в повествовании. Между тем Лыбедь дольше других персонажей сохранялась в народной памяти. В записанном в XIX в. предании она — киевская княжна, живущая на Девич-горе. Лыбедь будто бы протекла от ее слез, пролитых, когда отвергавшая женихов красавица была вынуждена доживать свои дни в одиночестве.[1870] Если позднее предание сохранило черты более древнего, то монастырский летописец мог по самым разным причинам не дать ему места в истории. К присущему «варварским» преданиям и неудивительному элементу «балладности» добавлялись совершенная бесполезность сюжета для «большой» истории и вопиющая даже для средневековья недостоверность. Лучшим выходом летописец счел умолчание, даже не упомянув о проживании Лыбеди на Девич-горе. Вообще-то, лаконичное указание «а сестра их Лыбедь» можно рассматривать и как отсылку к неприглянувшемуся летописцу, но известному его современникам сюжету.

Кий, Щек и Хорив в Радзивиловской летописи

Именно с Лыбеди уместно начать анализ «исторической» составляющей в предании. Этот персонаж, казалось бы, не имеет ничего общего с реальной историей. Сюжет, связанный с нею, совершенно

https://RodnoVery.ru

мифичен. Летописец не нашел ничего, что могло бы связать Лыбедь с историческим «фактом». Современная наука — тоже. Совпадение имени с названием происшедшей якобы от него реки наводит на простейшую мысль. Не имя реки происходит от личного имени, а наоборот. Соответственно, то же следует сказать о Щеке и Хориве. Но происхождение названия реки «Лыбедь» неясно. В последние десятилетия выдвинута и обоснована убедительная версия. Название реки происходит от личного женского имени «Улыба».[1871] Итак — совершенно неожиданно — наименее исторический персонаж предания обретает исторический прототип.

Еще больше оснований искать такой прототип — или прототипы — для самого Кия. Как бы то ни было, древнерусское название «Киев/Кыевъ-град» действительно означает «город Кыя/Кия». Пришедшее из древних мифов имя «Кий» могло стать титулом возводящих себя к мифологическому герою полянских вождей. Такие родовые титулы — Мусок, Крак — славянам известны. Они полностью заменяли личные имена.

Полянский племенной союз сложился на основе двух племенных групп — пришлой с запада, словен-дулебов, и местной, антов. Наследие тех и других сохранялось еще в раннее средневековье Руси.[1872] Основание же укрепленного «града» Киева связано с вторжением «волынцевских» племен Левобережья. В результате племенных групп стало три — дулебы, анты, включая пришлую северу, и пришедшие вместе с ней кочевники. Присутствие «салтовцев» в Киеве VIII в. сомнений не вызывает.[1873] Власть в таком племенном объединении могла быть триальной. Каждому из соправительствующих «родов» соответствовал особый племенной компонент союза. Являлись ли исторические прообразы Кия, Щека и Хорива «братьями» в буквальном смысле, изначально? В любом случае они стали таковыми, основав общий град и создав единый полянский племенной союз. Позднее, как свидетельствуют летописи, этим союзом совместно правили их «роды». Тройственное соправительство сохранялось до IX в. включительно.[1874] Оно и составляло суть заключенного при вторжении северы договора.

Кий в этом раскладе — вождь вторжения, северский ант. Именно в этом смысле он оказывается «перевозчиком» «с той стороны Днепра».[1875] «Киев перевоз» — не унижение достоинства полянского князя, как полагал летописец XII в., а память о переправе его и его людей. Спустя века, в XVII столетии, в киевской округе еще вспоминали, что Кий пришел «из диких

https://RodnoVery.ru

полей».[1876] Именно от антов распространялся миф о Кие-Свароге и связанные с ним представления о княжеской власти. Волынцевская аристократия, в жилах которой текла и антская кровь, восстановила их в новом «княжении» на Левобережье. Ее предводители, подобно хорватским князьям в Чехии и Польше, приняли в качестве титула одно из имен бога-родоначальника. Верховные князья Киева считались земными проявлениями или потомками божества.

Что касается братьев Кия, то они соотносятся с дулебской и кочевой составляющими союза. На Щекавице с VIII в. существовал двор или поселение — как и на других Киевских горах, Киселевке и Детинке.[1877] Из них Киселевка (Замковая), на коей прежде размещался антский град, стоит ближе к Старокиевской и могла бы быть Хоривицей. Вопрос о происхождении названия «Хоривица» неоднозначен. Оно явно неславянское. В нем трудно не увидеть отражение имени ветхозаветной горы Хорив. Тогда это след присутствия в Киеве хазар.[1878] Около 730 г. часть хазарской знати приняла иудаизм, положив начало обращению соплеменников. При этом ранее хазары склонялись к христианству — так что были знакомы с библейской образностью и до иудейских наставников.[1879] Итак, название происходит прямо от библейской горы, а «Хорив» — производное от него, славянское прозвище севшего на горе хазарского предводителя. Пришедший с Кием «брат» Хорив возглавлял кочевников. Ославянившийся «род Хорива» правил в Киеве вместе с двумя другими «родами». Его чужеродное происхождение — как и корень названия — забылись. Ни о каком постоянном присутствии хазар-иудеев в Киеве говорить в тот век не приходится.[1880]

Менее вероятно видеть в Хоривице Лысую гору, Юрковицу, на которой размещалось древнейшее киевское капище («Лысая» гора — значит «священная»).[1881] Разве что славяне-язычники устроили капище на Хоривице намеренно, из очистительных соображений. Любопытно, что и Лысая, тем не менее, оказывается связана с хазарским «иудейским» началом в Древнем Киеве. В X в. на ней размещалась приречная крепость Самватас,[1882] чье название происходит от легендарной реки Самбатион. За этой рекой на краю света будто бы обитали «потерянные» десять колен Израиля.[1883] Таковыми жившие к востоку от Днепра новообращенные хазары мнили самих себя. Название «Самватас», однако, как и сам град на Лысой горе, контролировавший пристань-зимовку на речке Почайне, появляется много позднее Киева.

Стремление хазар к «Самбатиону» имело как религиозные, так и

https://RodnoVery.ru

осязаемые экономические причины. С одной стороны, вдохновляемые обращавшими их дагестанскими иудеями кочевники стремились навстречу своей потерянной «родне» — западноевропейским и балканским евреям. С другой стороны, уже в IX в. через Поднепровье прошел торговый путь, связавший поволжское и кавказское еврейство с западными сородичами. Он сыграл немалую роль в экономическом развитии Хазарии и соседних земель. Поиски в этом направлении могли вестись уже с VIII столетия. Как раз в середине VIII в. наладились связи полянской земли с аварским Средним Подунавьем или славянской Моравией.

Что касается Лысой Горы, то ассоциации с киевским Капищем, на месте которого был воздвигнут в X в. Самватас, оказываются гораздо убедительнее поисков здесь Хоривицы. На священной для язычников, «Лысой» горе в позднем средневековье помещали — наверное, не без оснований, — место шабаша ведьм. Не являлось ли не оставившее заметных следов, погибшее к началу X в. Капище местом поклонения Матери-Земле? Тогда святилище ведьм на Лысой горе вступает в своеобразную перекличку с двором Лыбеди на Девич-горе. Лыбедь-Улыба, как мы помним, упорно отказывалась от замужества. Так и должна себя вести ведьма, жрица женского божества. Не есть ли это еще один след сопротивления ведьм наступающему на них патриархальному порядку?

После Кия и Хорива Щеку «остаются» только поляне-дулебы. Имя его с наибольшей вероятностью происходит от примыкающей к Старокиевской горы — Щекавицы. Название этой горы славянское и вполне прозрачное. Но появилось оно именно тогда, когда возник главный град на Старокиевской. На Щекавице стоял двор вождя местных дулебов, заключившего союз с пришельцами. Если же мы хотим видеть «братьев» пришедшими вместе «из диких полей» «той стороны», то возможен иной вариант. Один из вожаков вторжения, славянин, вступил в свойство с местной знатью и взялся представлять ее интересы перед своими соплеменниками. Так или иначе, Щек соотносится с дулебским началом в союзе. Имя его, кстати, тоже может оказаться вполне реальным прозвищем исторического лица. Как Щекавица располагалась обок древнейшего Киева, так и ее правитель стоял обок верховного князя Полей, Кия.

Начальный летописец рисует картину объединения ранее разрозненных «родов» вокруг построенного племенного центра в единую общность — полянский союз. Из его слов следует, что киевлян именовали «полянами» еще во второй половине XI в. Происхождение самого имени «поляне» он связывает с Кием и «братьями». Позднее это опровергает Нестор, подтверждая, впрочем, сам факт объединения. Действительно,

https://RodnoVery.ru

название «поляне» должно быть старше Киева. Но повествованию Начальной летописи нельзя отказать во внутренней логике — происхождение общего имени связывается со сложением единства вокруг общего центра — Киева. Здесь мы видим отдаленные следы древнего предания об объединении вокруг нового града пришельцев и аборигенов под общим отныне самоназванием.

Повесть временных лет содержит, как мы помним, важное дополнение к первому сказанию, причем почерпнутое напрямую из народного песенного эпоса. Речь — о походе Кия на Балканы при неведомом, разумеется, сказителям «царе». Ясно, что здесь следует искать «исторические», а не «мифологические» основания. Ведь действие разворачивается во вполне реальном, а не условном, историческом пространстве. Но пространство ли это событий VIII столетия?

«Киевец» на Дунае — крепость Киос, основанная еще в римское время. В VI в. появление представителей антской и словенской знати на императорской службе было нередким явлением.[1884] Таких кратковременных и ни в чем не преуспевших «союзников» у Византии вообще было немало. Но мы едва ли вправе прямо отождествлять легендарного основателя Киева с известными из источников VI в. фигурами. Да и вообще искать ему прямые соответствия. Тем более если возникновение средневекового города относится к VIII в. Имя Кия лишь внесли в эпическую песнь, отражающую гораздо более ранние события. Так в Новгородской земле в былинный эпос о далеких южных походах позднее попало имя местного легендарного родоначальника Волха. На этом этапе былина отражает уже не событие, а некое явление из прошлого — будь то набег на богатых южных соседей или служба им.

Историческую основу содержит и предание о Божьем Ковале. Его распространение не ограничивается Киевщиной. Сказания о победе кузнеца (иногда — швеца или кожемяки) над Змеем и богатырской пахоте широко разошлись и по Среднему Поднепровью, по северскому Левобережью. Здесь с победой богатыря связывают местные, иногда небольшие, водоемы и валы.[1885] Эти предания, рассеянные по «волынцевской» территории на северо-востоке современной Украины, отражают распространение власти полянских «киев» на восток. Объясняют они и причину такого их усиления — совместную борьбу против кочевников, с каковыми неизбежно ассоциировался у славян мифический Змей-разоритель, налетающий из Степи. Именно для борьбы с кочевниками использовались древние валы, начало которым положено еще в скифскую

https://RodnoVery.ru

эпоху.

Первоначально волынцевские племена вынужденно признавали зависимость от воздвигшегося в Степи Хазарского каганата. Хазары селились в Левобережье, да и алано-болгарские «салтовцы» подчинились кагану. Без союза с каганатом невозможно было бы расселение волынцевских племен на восток, к Северскому Донцу и Дону. А осевшие на Дону волынцевцы, как увидим далее, уже точно являлись союзниками и данниками каганата. Однако по мере усиления славянского начала зависимость от чуждой Степи становилась все более тягостной. Тем более, что Хазарию уже в VIII в. потрясло несколько кризисов. Арабы добивались от беспокоивших их набегами хазар принятия ислама — и однажды даже смогли его навязать. Но сами хазарские каганы и особенно их военные соправители-беки склонялись к иудаизму. Столь неожиданный, на первый взгляд, выбор позволял утвердить свою независимость и от Халифата, и от Византии. Принятие иудаизма, свершившееся в два приема на протяжении VIII в., способствовало расцвету городской жизни и торговли в центрах каганата. Но оно же привело к безнадежному отрыву правящей верхушки от разноплеменной кочевой массы.

Неудивительно, что славяне пользовались военными поражениями и внутренними неурядицами в каганате. Центром борьбы стал Киев, отделенный от Хазарии Днепром и наиболее от нее независимый. Если хазары, знакомые с иудаизмом («род Хорива»), и поселились в Киеве изначально, то позднее они растворились в местной среде, забыв едва воспринятую чужую веру. Теперь влияние Киева противостояло влиянию Хазарии, и Левобережье тяготело за Днепр. Кочевников, предпочитавших власть кагана, вытесняют из Северской земли. Для борьбы с ними укрепляют и расширяют древние валы. Тем не менее временно отброшенные хазары затем с новыми силами обрушились на славян. Претензии на дань с Поднепровья никуда не делись.

В борьбе против хазар киевские «кии» пытались создать большой союз славянских племен, не ограниченный только волынцевским ареалом. Насколько оно удалось, судить невозможно. Но в летописи сохранилась память о некоем «золотом веке», когда славянские племена еще не воевали друг с другом. «И жили в мире, — сказано в Повести временных лет, — поляне, и древляне, и север, и радимичи, и вятичи, и хорваты». Эта несколько идеализированная картина содружества славян перед лицом внешней угрозы являлась весьма актуальной для Руси рубежа XI–XII вв. Едва ли она точно отражает реальность.[1886] Но стремление к единству между потомками дулебов и антов перед лицом хазарской угрозы, конечно,

https://RodnoVery.ru

существовало.

Освобождение от хазар сопровождалось новыми передвижениями славянского населения. На восток от Днепра хлынул поток переселенцев-«дулебов» культуры Луки-Райковецкой. В результате численность славянского населения Левобережья резко возросла. В Нижнем Подесенье поляне стали основными жителями. Дальше на восток, северянам и их сородичам, правобережные переселенцы принесли общее имя славян, «словене», и некоторые черты своей культуры. Кочевники либо смешивались со славянами, либо выдавливались обратно в Степь. Для борьбы с ними строились местными князьями — тоже «киями», «ковалями», потомками Кия-Сварога, — многочисленные грады. Приметы степной культуры, включая волынцевское гончарство, быстро стирались. В результате к концу VIII в. на Левобережье сложилась новая культура славян-северян — роменская. Сначала она сосуществовала с волынцевской, вытесняя ее. Для этой культуры уже характерна исключительно лепная керамика, лишь отчасти восходящая к волынцевской. В Среднем Поднепровье роменская культура встречалась и сливалась с «дулебской», полагая начало культуре Южной Руси.[1887]

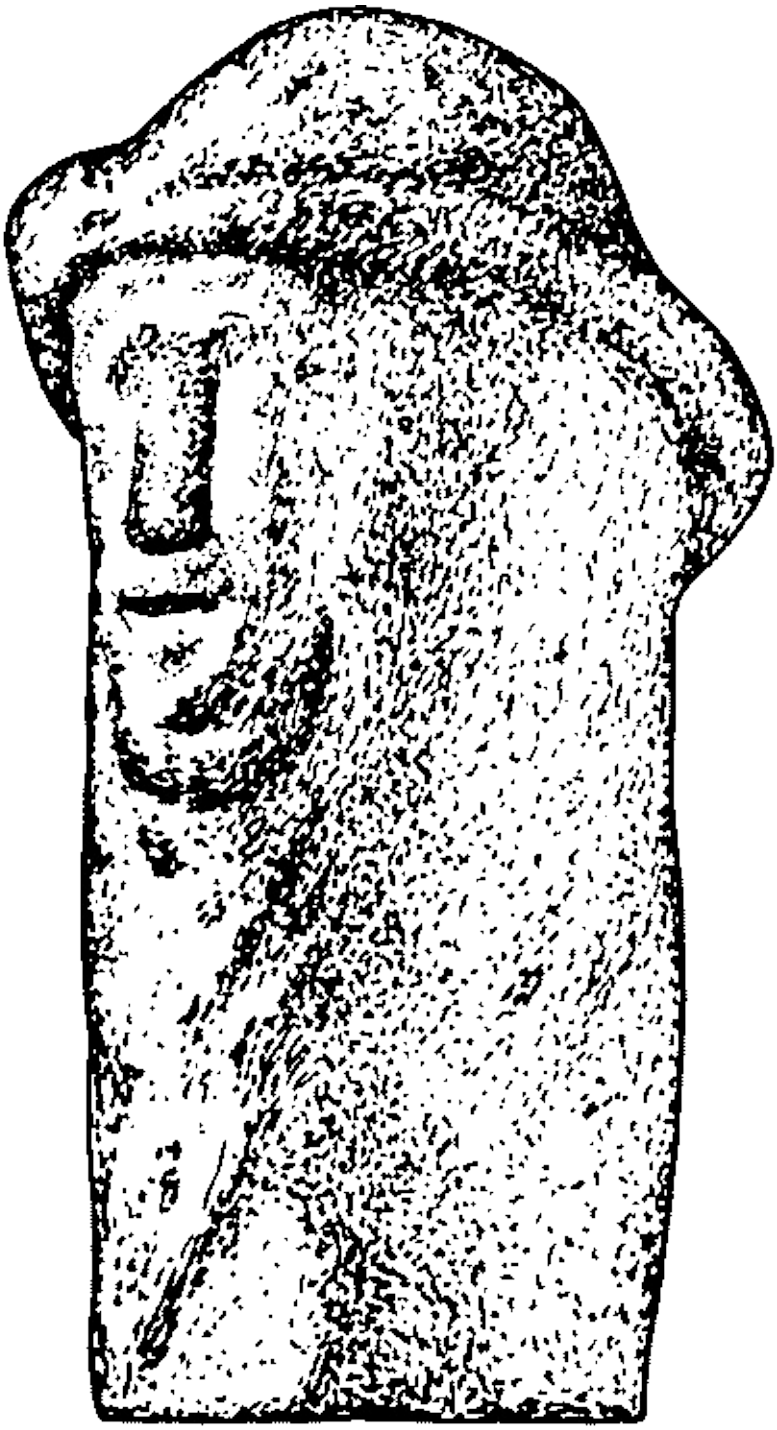
Борьба с хазарами побуждала искать иные связи во внешнем мире. В VIII в. наладились сношения полянского Среднего Поднепровья с византийским Крымом. Оттуда проникали ценные товары. Например, не изготовлявшиеся пока самими славянами мечи, о которых говорится в упомянутом ранее предании о хазарской дани. Но далеко не одни товары приходили с Черного моря, «из Грек». Издавна по Днепру до полянской земли, а то и выше, поднимались проповедники христианства. Пусть даже проповедь пока оставалась безуспешной, и поляне, как замечал Начальный летописец, оставались «погаными». В начале XII в., по Повести временных лет, бытовало предание о том, что еще апостол Андрей, прибыв по Днепру из Херсона, установил крест на Киевских горах, а затем прошел в глубь славянских земель.[1888] В греческих житиях и деяниях апостола подобных сведений нет. Но как бы то ни было, Херсон действительно являлся важным центром культурных и экономических контактов восточных славян с Византией. Доходившие из Крыма до Киева ромейские проповедники и купцы делали такую связь регулярной. Создавался южный участок будущего великого пути «из Варяг в Греки», пока лишь «из Грек по Днепру» — пути как торгового, так и культурного.

Расселение на восток

https://RodnoVery.ru

Первоначальное подчинение волынцевцев Хазарскому каганату открыло им дорогу к расселению на восток. Причем едва ли это расселение всегда носило добровольный характер. Каганы нуждались в увеличении земледельческого населения и, подобно другим тюркским правителям, выселяли в свои земли подвластные племена. Переселения эти происходили на самой заре волынцевской культуры, когда смешение разноплеменных пришельцев с антами только началось. К концу первой трети VIII в. волынцевские поселения появились и в верховьях Северского Донца, и на верхнем Дону.[1889]

https://RodnoVery.ru



Восточнославянский идол. Белозерье

Поселившиеся в Воронежском Подонье волынцевцы сохранили свою только зародившуюся племенную организацию. Центром их расселения стал собственный укрепленный град — Белогорское городище, вокруг которого обнаружены могильники. Сохранилось и своеобразное «кастовое»

https://RodnoVery.ru

деление общества, отмеченное тремя разновидностями керамики. Смешанная по происхождению знать использовала престижную гончарную керамику волынцевского типа. Она пользовалась спросом и у кочевых соседей. В результате обмена волынцевские гончарные сосуды попадали в торговые центры каганата, такие как Саркел. С другой стороны, бытовали на Среднем Дону и подражания волынцевским сосудам с менее качественным лощением, и округлые горшки из грубого теста пеньковского типа.[1890]

Славяне Подонья платили дань Хазарии и поставляли воинов на службу кагану. Их дружины обеспечивали тыл хазарского войска в начавшейся в 730 г. войне с Арабским Халифатом. В этой войне каган потерпел сокрушительное поражение. Арабский полководец Марван бен Мухаммад прорвался в глубь хазарских земель, преследуя отступающего кагана. Он разорил поселения славян по Дону и в окрестных землях. При этом было захвачено 20 тысяч славянских семей. Отсюда следует, что войска Марвана прошли огнем и мечом по гораздо более обширной славянской территории, чем только Подонье. Разбитый каган запросил мира. Разгром подвластных славян и разорение их земель сломили его, помимо всего прочего. После этого центр Хазарии перенесли из Дагестана в Нижнее Поволжье, а хазары во главе с каганом на какое-то время приняли ислам.[1891]

20 тысяч захваченных славянских семей Марван угнал в Закавказье и расселил на землях Грузии. Вскоре славяне, которых держали на положении посаженных на землю рабов, подняли восстание. Они убили назначенного арабами «начальника» и попытались бежать на родину. Марван с войском нагнал их и многих перебил. Оставшихся он переселил на ромейскую границу, в Сирию и Армению. Часть он поселил в Иссе на юго-востоке Малой Азии, вперемешку с другими «неверными» — персами и арабами-христианами из Набатеи. В этих местах уже жили южные славяне, и пригнанные с севера сородичи смешались с ними. Расселенные для укрепления рубежей Халифата сирийские славяне пользовались большей свободой. Часть их приняла ислам и постоянно служила халифам с оружием в руках. Из их среды назначались даже правители приграничных крепостей.[1892]

В 755–757 гг. сирийские славяне оказались втянуты в междоусобицу, разгоревшуюся в Халифате. В 755 г. мятежный полководец Абу Муслим, разгромив при Нисибине войска халифа Мансура, «убил многих». В основном ими оказались сражавшиеся за новую династию Аббасидов без

https://RodnoVery.ru

охоты славяне и жители Антиохии. Затем уже сами славяне выступили против Аббасидов открыто. В 757 г. одерживающий верх в гражданской войне Мансур отправил против мятежных славян своего сына Мухаммада ал-Махди. Центром сопротивления оказался Исс, а славяне — главными зачинщиками. Захватив город, Мансур переселил его разноплеменных жителей на север Сирии, в ал-Масиссу. При этом, впрочем, добиваясь искренней покорности, он возместил им потери.[1893]

О дальнейшей истории славян, оставшихся после арабского нашествия на Дону, из письменных источников ничего неизвестно. Однако археология свидетельствует, что славянское население Подонья продолжало увеличиваться за счет пришельцев из различных славянских земель. Особенно тесными были связи Подонья с северой Днепровского Левобережья. Внутренние неурядицы в каганате способствовали борьбе за независимость. Ее отражение — массовое строительство укрепленных градов. Эти грады — памятники уже новой, боршевской культуры. Сложение ее на Дону завершилось еще в течение VIII в. Боршевская культура — чисто славянская, тесно связанная с северской роменской. Неславянские элементы быстро растворились в славянской среде. Расцвет боршевской культуры и полное поглощение ею волынцевского наследия относится уже к IX в.[1894] Подобно другим славянам, оказавшимся в иноплеменном окружении, донские называли себя просто «словене».[1895]

В первых десятилетиях VIII в. один из славянских «родов» Северской земли выселился на северо-восток, в верховья Оки. Шли переселенцы из верхнего Подесенья, уже довольно плотно занятого их сородичами. Волынцевских гончаров и дружинников среди первых славян Поочья не было. Они представляли из себя первоначально именно небольшой «род», принесший с собой некоторые традиции — в том числе подражания волынцевской керамике. Поэтому по мере расселения славян вниз по Оке здесь сразу стала складываться особая, отличная от волынцевской культура — верхнеокская вятичская.[1896] В дальнейшем славянское население в Поочье росло — не только за счет естественного прироста, но и за счет новых переселенцев с юга. Они приходили и со становящегося «боршевским» Среднего Дона, и из Подесенья, где складывалась роменская культура. В итоге первоначальный «род» быстро, за несколько поколений, разросся в племенной союз.

Главу «севшего» на Оке северского «рода» звали Вятко, откуда и происходит племенное название «вятичи». В этой части следует верить летописному преданию о происхождении вятичей, которое вошло в

https://RodnoVery.ru

Повесть временных лет.[1897] Но это же предание называет Вятка выходцем из «Ляхов» и братом Радима, предка соседних радимичей на Соже. Этому уже верить не следует. Радимичи осели на Соже примерно на сто лет позже, чем вятичи на Оке.[1898] «Братский» союз соседних племен породил к XII в. легенду о братстве их родоначальников.

Туземным населением в верховьях Оки являлись восточные балты — галинды, создатели мощинской культуры. Название ее происходит от Мощинского городища в бассейне реки Угры, которое погибло еще в VII в. После прихода вятичей большая часть галиндов без каких-либо заметных потрясений растворилась в их среде. От мощинской культуры вятичи унаследовали курганный обряд погребений — важное свидетельство мирного смешения племен. Лишь небольшая группа «голяди» отошла на север, к реке Протве, сохранив там свое древнее имя и язык.[1899] Подлинными потомками и наследниками древних «эстиев» здесь, как и на большей части их территории, стали славяне.

В итоге вятичи уже в VIII в. заняли верхнее течение Оки от истоков до района впадения Угры. Дальше на север и восток лежали нераспаханные лесные земли и территории, занятые племенами финского происхождения. Бассейн Москвы пока заселяли племена дьяковской культуры. В Рязанском Поочье жили родственные мордве «эрзянские» племена культуры рязанско-окских могильников.[1900] Тем не менее славяне проникали уже и в эти земли. Ранние, VIII–IX вв., вятичские могильники есть на Пахре. Рязанщины уже в VIII в. достигли славянские переселенцы с Дона. Они принесли с собой не только боршевские лепные, но и волынцевские гончарные сосуды. Позднее эти первые славянские насельники слились с двигавшимися вниз по Оке вятичами.[1901]

Вятичские села отличаются большими размерами — от 2,5 до 6 га. Застроены они кучно, причем жилища расположены почти вплотную друг к другу. Это вполне естественно, если село разрасталось из семейного починка. Дома — полуземлянки с глинобитными печами.[1902] По размещению жилищ можно сделать вывод, что у вятичей еще не распалась большая семья, а занимавшая одно село община являлась патронимией. Недаром вятичи еще в начале XII в. сохраняли память о своем происхождении всего от одного «рода». Распространение индивидуальных захоронений, как и у других славян, — знак начавшегося разложения большой семьи. Но у вятичей отмечены курганы и с большим числом сожжений — от двух до четырех.[1903]

Во главе вятичей — сначала «рода», затем союза «родов»-племен —

https://RodnoVery.ru

стоял общий верховный князь, преемник родоначальника Вятка. Однако наряду с ним действовали и вожди отдельных небольших племен. С VIII в. посреди некоторых гнездовий вятичских сел строятся укрепленные грады. Их было не слишком много, и не всегда они являлись чьими-то резиденциями. Часто грады служили просто убежищами для жителей округи, без постоянного населения. На других обнаружены жилища — такие же, как в неукрепленных селах. Бывали случаи, когда вятичи занимали древние городища.[1904] В отдельных курганах найдены украшения, в том числе привозные.[1905] Они указывают на начало выделения местной богатой знати.

Большие размеры и длительное, до нескольких веков, существование поселений[1906] указывают на развитые способы земледелия. Вятичи берегли редкую в этих лесных краях распашку и потому быстро отказывались от истощавших почву подсеки и перелога. Тем более что двуполье уже давно распространялось в тех южных землях, с которых они пришли. Более развитое земледелие вятичей явилось, без всякого сомнения, одной из причин мирного смешения с ними голяди, а затем и финских племен. В общении и слиянии со славянами туземцы осваивали полезные для выживания в суровых лесных краях навыки. При этом важную роль в хозяйстве продолжали играть и охота, и иные лесные промыслы. Здесь уже веками осваивавшие Волго-Окские земли балты и финны могли становиться помощниками и наставниками славян.

О развитии ремесла свидетельствует обнаружение на наиболее изученном вятичском селище Лебедка сыродутного горна.[1907] Вятичские мастера работали и с железом, и с цветными металлами. В то же время гончарный круг оставался пока вятичам неизвестен. Лишь на Среднюю Оку ненадолго проникло с Дона волынцевское гончарство. На Верхней Оке VIII в. керамика только лепная. Это горшки, миски, сковородки, которые сильно напоминают роменские.[1908]

По вятичской земле проходил торговый путь, связывавший восточных славян с Поволжьем, Кавказом, Южным Прикаспием. По Волге и Оке поступали многие престижные ценности, которые оседали в руках северской и дулебской знати. Часть из них оставалась вятичам. В их курганах обнаруживаются, например, стеклянные бусы, в том числе мозаичные северокавказского происхождения.[1909] Славяне могли расплачиваться тем, чем была богата их земля — в первую очередь, пушниной. Волго-Окский путь старались контролировать хазары. Но никаких признаков их власти над вятичами в VIII в. нет. Культурное

https://RodnoVery.ru

влияние Степи ограничивалось быстро стершимся волынцевским наследием. Кочевники беспокоили, разве что, вятичей своими набегами. Для защиты от врагов строились грады-убежища по Верхней Оке.

Как уже говорилось, от восточных галиндов вятичи унаследовали обычай возводить курганы. При этом сами по себе ранние курганы вятичей мало отличаются от курганов других восточнославянских племен. После сожжения тела пережженные кости ссыпали кучкой или в урну. Затем над прахом насыпали курган, реже закапывали останки в уже сделанную насыпь. Отмечен случай, когда перед возведением курганов кости разбрасывали в их основаниях. В ряде захоронений найдены предметы убранства — стеклянные и сердоликовые бусины, железные пряжки, украшения из меди и бронзы.[1910] Курганы часто окольцовывали оградкой из деревянных столбиков. Уже «мощинцы» огораживали так свои курганы, а их соседи и сородичи на Верхнем Днепре — свои святилища. Таким образом, и эта деталь погребальной обрядности вятичей заимствована у туземных племен.[1911] Восприятие столь важного ритуала однозначно свидетельствует о том, что религия и духовная культура вятичей имели некие отличия от общеславянской. Впрочем, осведомлены мы об этом крайне мало. Сама культура восточных балтов, под влиянием которых вятичи оказались, отличалась от родственной славянской не столь уж глубоко. Именно этим и объяснялось легкое смешение балтов и славян — не только в землях вятичей, но и по всему Русскому Северу.

Словене на Волхове

В последних десятилетиях VII в. на заселенных кривичами и финнами землях Поволховья появились новые славянские пришельцы. Они называли себя «словене» и «венды». Последнее название отразилось в языке соседних финнов, но первое со временем стало господствовать. Пришельцы несли с собой новую культуру, сложившуюся за время их странствий из многих источников. Домостроительство и конструкцию стен своих градов они восприняли в наследство от славян Полабья и Поморья. Доля потомков или родни ободричей и поморян была здесь наиболее велика. От них словене унаследовали и свою внешность — среднюю ширину лица, довольно короткую голову, резко выступающий нос. С этого времени по Северу распространяются «дунайские» или

https://RodnoVery.ru

«западнославянские» украшения, некоторые из коих ранее отмечены среди славян и авар Мазурского Поозерья.[1912] Новгородские средневековые предания хранили память об исходе «с Дуная».[1913] В землях кривичей появляются новые племенные названия, уводящие на Лабу и Одру, — смоляне, лупоглавы. Все это указывает на то, что Поволховья достигли славяне, увлеченные некогда в Мазуры аварским нашествием, прошедшие через Прибалтику и вытесненные оттуда в основной своей массе куршами. Часть этих вендов осталась в Прибалтике, сохранив свое племенное имя и память об особом происхождении, но постепенно смешалась с новыми своими соседями, ливами. Большинство же достигло будущей Новгородской земли, увлекши при этом с собой и отдельные группы балтов.[1914]

Некоторые из пришлых «родов» предпочли влиться в складывающийся племенной союз кривичей. Так поступили смоляне и лупоглавы, которых затем мы находим на Смоленщине — от смолян и получившей свое имя. Другие больше дорожили независимостью и принялись обустраиваться на свободных землях. Как раз в это время понижение уровня Балтики привело к высыханию болот, сужению рек. В новых поймах можно было спокойно заниматься переложным земледелием — которого пока не знали ни кривичи, ни тем более финны.[1915]

Согласно преданию XVI в., первоначально «пришли словене с Дуная и сели у озера Ладожского, и оттоле пришли и сели около озера Ильменя».[1916] Это предание в сопоставлении с археологическими находками оказывается достоверным. Именно к югу от Ладожского озера, в окрестностях Старой Ладоги, расположен древнейший словенский град Любша. По пути туда от Чудского озера или оттуда к Ильменю, у Репьи в верховьях Луги, обнаруживаем древнейшую из «новгородских сопок», давших имя словенской культуре. Памятник этот относится еще к VII в. Любша — первый град, выстроенный потомками полабских славян на новых землях. Его возвели в начале VIII или даже в конце VII в. на месте заброшенного или разрушенного финского городища.[1917]

Однако часть словен сдвинулась вверх по Волхову. Уже к концу VII в. они обосновались в верховьях реки, в Ильменском Поозерье. Отдельные их группы проникали на восток от озера, в том числе к Удомельскому Поозерью, где расположено селище Юрьевская Горка. Здесь они встречались и смешивались с местными финскими племенами — вадьялами (водью), «чудью» (сету?), а также с вепсами (весью), знакомыми уже по Приладожью. Одним из старейших центров расселения словен в

https://RodnoVery.ru

Поильменье стало селище на ручье Прость в новгородской округе, возникшее еще в VII в.[1918] Здесь словене-венды, пришедшие из Прибалтики, становились ильменскими словенами. Село на Прости расположено всего в 300 м от древнего святилища Перынь, с которым связано еще одно предание о заселении Новгородчины и происхождении словен.

Предание о князе Волхе (Волхве) записано в середине XVII в. Новгородский книжник уже при записи объединил его с книжной легендой о князе Словене, от которого якобы словене получили свое имя. Затем вместе с легендой о Словене сказание о Волхе вошло в довольно большой свод из книжных и народных преданий под общим наименованием «Сказание о начале Русской земли» или «Сказание о зачале Новаграда». [1919]

Согласно сказанию, после 14-летних странствий Словен и его сородичи обосновались на озере Мойско, которое Словен переименовал в честь своей сестры Ильмени. Место для поселения указало ему «волхвование». На Волхове он якобы основал град — «Великий Словенск». У Словена и жены его Шелони было два сына — Волхов и Волховец. По имени жены и сыновей Словена получили имя впадающие в Ильмень реки (по имени Волховца — «протока», вытекающая из Волхова и обратно в него впадающая). Волхов ранее звался у славян рекой Мутной. Почти все эти персонажи, как и брат Словена Рус с женой Поруссией и дочерью Полистью, вымышлены народной фантазией. Их небывалые имена в основном образованы от местных названий. Название «Ильмень», «Ильмерь», как и «Мойско», восходит к финским языкам. Так называли озеро разные финские «роды», с которыми встречались здесь славяне. Имя «Ильмень» воспринято, надо думать, от дружественной неровы (води, вадьялов), с которыми словене смешивались и имя которых позже получил Неревский конец Новгорода. Шелонь, Полисть — славянские, но вовсе не произведенные от личных имен названия. Наконец, ничего подходящего на роль «Великого Словенска», предшественника Новгорода, мы на верхнем Волхове вплоть до IX в. не обнаружим.

https://RodnoVery.ru

Река Волхов. Современный вид

Но с именем Волха, Волхва, дело обстоит сложнее. Звавшийся так князь-оборотень — герой не только средневековых преданий, но и народных былин Русского Севера.[1920] Одна из версий происхождения названия реки «Волхов» связывает его с финским словом velho ‘чародей’, которое само восходит к славянскому «волхв». Скорее, название происходит от финского же Olhava.[1921] Но имя героя «Волх» вполне может быть обратной славянизацией именно этого финского слова, в условиях смешения словен и «води». Река же «Волхов», «Волхово», «Волхова» у славян затем легко понималась как «река Волха».[1922] Все это помимо уникального содержания указывает на древность предания о Волхе. Оно сложилось в условиях славяно-финского слияния на землях Новгородчины

https://RodnoVery.ru

в первые века ильменского племенного союза, в языческую эпоху.

Что же говорит о Волхве книжное сказание XVII в.? «Старший сын князя Словена Волхов, бесоугодник и чародей лютый среди людей, тогда бесовскими ухищрениями обманы творил многие, преобразуясь во образ лютого зверя коркодила, и залегал в той реке Волхове путь водный, и непокорных ему кого пожирал, кого, повергая, топил. Потому-то люди, тогда невежественные, сущим богом того окаянного нарекли, и Громом или Перуном нарекли его… Поставил же он, окаянный чародей, ночных ради обманов, собрания бесовского, градок малый на месте некоем, зовущемся Перынь, где и кумир Перунов стоял. И баснословят об этом Волхве невежды, говоря якобы «в боги сел» окаянный. Наше же христианское истинное слово, неложным многократным испытанием, вывели о сем окаянном чародее Волхве, что зло разбит и удавлен от бесов в Волхове и обманами бесовскими окаянное его тело отнесено было вверх по оной реке Волхову, и извержено на брег против волховного его городка, где ныне зовется Перынь. И со многим плачем тут был погребен невеждами окаянный, с великой тризной поганской, и могилу насыпали над ним очень высокую, каков обычай поганым. И через три дня после окаянного того тризнища просела земля и пожрала мерзкое тело коркодилово, и могила его просыпалась с ним на дно адово, так что и доныне, как рассказывают, знак ямы той не наполнится. Другой же сын Словена, младший, Волховец жил с отцом своим… и родился у Волховца сын Жилотуг, и протоку назвали по имени его Жилотуг, ибо в ней утонул еще в детстве».

Во времена образованного новгородца, записавшего сказание, в его героя кое-кто еще верил как в полубога. Полемика с подобными «невеждами» для автора весьма важна. Не она ли и заставила его записать языческий миф? Но спустя две сотни лет уже сам народ, носитель предания, стоял на точке зрения писателя XVII в. В новой записи предания, сделанной уже в XIX в., имя Волха исчезает, а персонаж рисуется сущим демоном: «Был Зверь-змияка, этот Зверь-змияка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит, Перюнской. Кажинную ночь этот Зверь-змияка ходил спать в Ильмень-озеро с волховскою коровницею. Перешел змияка жить в самый Новгород…» Далее рассказывается, как князь Владимир окрестил Русь, как «Новый город схватил змияку Перюна да и бросил в Волхов. Черт силен: поплыл не вниз по реке, а в гору — к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью — да и на берег!». Владимир велел бросить «дьявола» обратно в воду и поставить на Перыни церковь.[1923] При отождествлении Волха и Перуна, которое мы видим уже в изначальном предании, подобное смешение эпох вполне органично. Кое в

https://RodnoVery.ru

чем предание XIX в. дополняет средневековое, кое в чем повторяет. Скажем, в описании того, как «черт» поплыл против течения Волхова к «старому своему жилью» и там извергся на берег.

В былине, записанной в нескольких вариантах на протяжении XVIII-XX вв. Волх — тоже князь и тоже оборотень. Он рождается от княжны, обесчещенной летучим змеем: [1924]

По саду, саду, по зеленому,
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютова на змея;
Обвивается лютой змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила…

Рождение Волха сопровождается грозными знамениями в природе:

Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.
В «полтора часа» жизни Волх уже говорит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай меня во пелену червчатую,
А не поясай в поесья шелковыя, —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатныя,
А на буйну голову клади шелом,
По праву руку — палицу,

https://RodnoVery.ru

А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в сорок пуд».

Подросши, Волх обучается различным «мудростям»:

А и первой мудрости учился —
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости учился он, Вольх, —
Обвертоваться серым волком,
Ко третей-та мудрости учился Вольх, —
Обвертоваться туром — золотыя рога.

Когда Волху исполняется двенадцать лет, он начинает себе набирать дружину из воинов-погодков. К пятнадцати годам набралось семь тысяч. С ними Волх выступает в поход на далекую южную страну, «Турец-землю» или «царство Индейское», и завоевывает ее. Здесь мы видим слияние преданий о Волхе с древним воинским эпосом, принесенным предками новгородцев с «Дуная». Эта часть былины, более древняя, чем имя героя, немало говорит нам о жизни и психологии древнего славянина еще эпохи Переселения народов, V–VII вв.[1925] Именно былинный эпос сохранил Волха почти таким, каким его почитали предки новгородцев — доблестным героем и одаренным вождем. Его оборотнические способности здесь не в малой степени не осуждаются. Они показаны как естественное — и крайне полезное для «своего рода» — наследство отца-Змея.

И вновь, как и со всеми славянскими героями-родоначальниками — мифологическая и историческая «составляющие». Мифологическая в основе своей ясна. Это древний, общеславянский эпос о князе-волкодлаке, сыне Змея. Словене почитали его как воплощение или ипостась Перуна. В конечном счете неудивительно — сын Змея, побеждавший в древнем мифе отца, свободно сливался со змееборцем-громовержцем. В мифах о богах змеи представали их старшим поколением, особенно для словен, которые чтили Велеса. Самому Перуну они, как мы видим, поклонялись в образе

https://RodnoVery.ru

«коркодила», или, как сохранила менее ученая народная молва, «змияки».

Гибель Волха от руки волховских водяных напоминает о борьбе с водяными демонами героев финских сказаний. Смерть же в волховской протоке малолетнего племянника Волха, Жилотуга, как будто объясняет нам причину вражды между эпическим героем и «бесами». «Волховская коровница», супруга героя, — сверхъестественное существо, имеющее власть над водами и в то же время отнимающее молоко у коров. Она напоминает могущественных бродниц из южнославянского эпоса. Смерть Волха, как она описана в предании, толковалась «невеждами» как доказательство его божественности. Тело «пожрала» Земля, на этом месте бездонный провал — значит Волх «в боги сел».

Однако опять же, подобно другим героям славянских преданий, Волх предстает на реальном, совершенно конкретном географическом пространстве, как божество и исторический предок одновременно. За ним можно увидеть фигуру племенного вождя, приведшего словен к Ильменю и ставшего родоначальником словенских князей. Княжеская власть опирается на культ Перуна, как у всех славян, — но и на уходящие в прошлое оборотнические представления. Волх — вождь воинского оборотнического братства, становящийся князем и уничтожающий «непокорных». В племенном эпосе такие «непокорные», конечно, сами виновны в своей гибели. Сочетание сильной княжеской власти и оборотнических традиций заставляет вспомнить о велетах, «вильцах» («волках») — врагах и одновременно наставниках, от которых бежали предки словен.

Предание о Волхе оказалось актуально и для словен, и для финских насельников Поильменья — не потому ли, что он слил разноязыкие племена в новое единство? Именно финская форма славянского титула-прозвища «Волхв» стала со временем основной — поскольку позволяла самим славянам легко истолковать название «Волхов». Истинное же имя первопредка, как и во многих других случаях, оказалось под запретом. Не его ли доносит до нас современное название городища Любша — от личного славянского имени? [1926] Любша, древнейший славянский град у Волхова, являлась и древнейшей княжеской резиденцией. Ничего более подходящего на роль «Великого Словенска» по реке не найти. А место мифического Словена как герой-родоначальник, первый князь, по праву должен занимать именно Волх. Волх, судя по Сказанию, действовал по всему «пути водному», по всему Волхову. «Любшин омут» при впадении реки Любши — не место ли гибели героя, откуда он плыл вверх по реке?

Но главный пункт, связанный с Волхом, — конечно, Перынь. Около 980 г. Добрыня, посланник князя Владимира, ставил здесь идол Перуна по

https://RodnoVery.ru

киевскому образцу — замещая более древнее поклонение Перуну-Волху.[1927] Как выглядело капище до Добрыни — неведомо. Остатки древнего «Волховного городка» погибли под Добрыниным капищем, которое, в свою очередь, дожило лишь до крещения Новгорода в 989 г. Яму-провал, в которой таинственно исчезло тело Волха, впрочем, так и не засыпали, и еще суеверы XVII в. уделяли ей внимание. Можно догадаться, что в древней Перыни поклонялись не только Волху-Перуну, но и собственно Перыни («Перуновой» жене — Матери-Земле, «пожравшей» земное тело Волха), и Велесу (Змею-отцу?). «Змеиный» культ «Волховного городка» являлся главным на протяжении почти всей языческой истории славянской Новгородчины.

Слияние предания о Волхе с героическим эпосом «дунайского» происхождения произошло поздно. В предании XVII в. нет еще и следа этого. Но на северных окраинах Новгородчины, на «былинном Севере», это могло произойти как раз в те времена или раньше. Само сохранение воинского сказания, полного завоевательного пафоса, предками новгородцев симптоматично. Для полянского Кия почетно было служить богатому заморскому царю. Для ильменского Волха — победить царя и захватить его царство. Здесь едва ли речь о коренной разнице в «менталитете». Просто словене, прорвавшиеся на свои земли через почти десяток враждебных племен, не раз познавшие иго, несли гордую память о войнах свободных предков — и теперь готовы были повторять их. Воинственный дух всего цикла о Волхе — ясное тому свидетельство. Именно этот дух помог словенам выжить в грядущую викингскую эпоху Севера — и дал им в ней не последнюю роль.

В течение VIII в. словене расселились уже на довольно обширной территории, где-то оттеснив финнов и кривичей, где-то смешиваясь с ними. Памятники их культуры отмечены по всему течению Волхова, в Ильменском Поозерье, по Ловати и Луге, на восток до Удомли.[1928] На всем этом пространстве распространяются монументальные насыпи-«могилы», служившие родовыми гробницами. Эти «новгородские сопки» и дали название археологической культуре словен.

Племена культуры сопок расселялись преимущественно в поймах рек и озер. Их неукрепленные поселения располагались часто у впадения ручьев или оврагов. Это в основном небольшие веси размером от 350 м^2 до гектара. Гораздо реже встречаются крупные села, от 2 до 6 га площадью. В селениях дома располагались кучно. Строили наземные, иногда углубленные срубы-избы с печами-каменками в углу. Площадь домов — от

https://RodnoVery.ru

18 до 27,5 м^2. Рядом с домами располагались неотапливаемые хозяйственные строения, еще меньших размеров, кое-где и ямы.[1929]

Кучная застройка, громадные коллективные усыпальницы-сопки, небольшие веси — приметы большесемейного и патронимического устройства. Здесь, на Русском Севере, его пережитки будут сохраняться еще спустя тысячелетие. Борьба с внешними врагами и покорение природы не располагали к распаду «родовых» коллективов. Среди сопок встречаются одиночные — при стоящем отдельно «родовом» дворе или веси. Гнездовье весей, как и пару веков назад на юге, как еще и спустя века на севере, составляло соседскую общину — мир.

Родоплеменное устройство ревниво охранялось. Одним из его выражений являлся обычай заключать браки только между «родами» своего племени. Образцом защиты этого устоя служила известная и южным славянам эпическая песнь о мести братьев за соитие с сестрой молодцу-«чужаку». В варианте с Русского Севера братья зовутся Волховичи (дети Волха?). Они расправляются с несостоявшимся женихом, а затем убивают и саму сестру, восставшую против родового закона. Любовники безропотно принимают смерть.[1930]

Вместе с тем политический строй словен уже далеко ушел от первобытности. Племенной союз возглавлялся общим князем, который возводил свой род к легендарному родоначальнику. Власть передавалась по наследству — но необязательно от отца к сыну, просто в пределах «рода».[1931] Князь наделялся сверхъестественным могуществом. По примеру своего предка — «волхва» и волкодлака Волха — он являлся главой дружинного воинского братства, с каковым связывались оборотнические поверья. Одновременно возглавлял он и мощную на словенском Севере корпорацию волхвов, соединивших принесенные с собой велетские «глубинные» тайны с чародейством туземцев-финнов. «Вещесть» еще в X в. считалась важным для северного князя качеством. О том свидетельствуют летописные предания о Вещем Олеге. Последний, кстати, под именем Вольги почти что слился с Волхом в русских былинах.

Князь Волх — идеальный герой — предстает в печорской былине.[1932] Эта былина, сохранившаяся на крайнем северо-востоке «былинного Севера», занесенная переселенцами XV в., интересна еще и тем, что в ней нет еще никакого «южного похода». Просто описывается рождение Волха и молитва-заклинание его матери, просящей для сына всех возможных достоинств. Все достоинства былинных богатырей Руси, внешние и внутренние, должны соединиться в новорожденном. Просьба эта у

https://RodnoVery.ru

былинного певца выглядит уже почти по-христиански, и в то же время дает смотр древних героических добродетелей. Мать просит для сына:

Тулово ему бы Святогорово…
Да сила Самсона Колыбановиця…
Да конь бы Ильи, Ильи Муромца…
Кафтан бы ему Дюка Степановиця…
Сапожки Чурила бы Пленковича…
Шапка Кузенка Сибирчаженина…
Руковичи Казарина Петровиця…
Сметка Олеши нынь Поповича…
Вешво Добрыни Микитиця…

Этот перечень, в котором гигантская стать и богатырская сила встают в один ряд с конем и одеждой, а те, в свой черед, — со сметкой и вежеством, — по духу принадлежит давно ушедшей эпохе. И словно подтверждая это, Волх затем и в этой былине учится тому, что принадлежит ему по праву таинственного рождения:

Учился бы в вольнём море щукой ходить,
Учился бы по поднебесью птицею летать,
Учился бы по полю лютым зверем рыскати.

Таковы были вожди словен (и не их одних) — в песенном идеале. Внешний блеск и физическая мощь для них равнялись личному уму и благородству, и считались необходимыми для обретения сверхъестественной силы. Здесь — корень стремления знати славянских племен к обладанию различными «престижными» редкостями.

Итак, в идеале вождь обладал и умом, и вежеством. Но если ему «не покорялись» — то ум и вежество, как в сказании о Волхе, обращались против непокорных. Существенно здесь то, что Волх имел полное право «пожирать» и «топить» непокорных. Это не умаляло, а подтверждало его божественное достоинство. Это словенская версия общего процесса,

https://RodnoVery.ru

происходившего в славянском мире. Христианин Инго лишал родовых господ своей трапезы. Пржемысл у границ христианского мира грозил посланцам племени «железной метлой». Язычник Волх — «пожирал» и «топил» своих врагов, буквально или фигурально. Княжеская власть усиливалась повсеместно, и нет оснований полагать, что у пришедших с юга словен это происходило медленнее.

Показатель происходящего — и строительство первой племенной столицы, града Любши. Возведен он был на месте финского поселения, уже защищенного земляным валом и тыном, на мысу над Волховом, по течению слева. Град занимал площадь немногим менее 2000 м^2. Защищал его вал — 70 м в длину, 18 в ширину, не менее 2,2 в высоту. Строили вал в согласии с принесенной из славянской Южной Прибалтики техникой. В основе вала — «панцирная кладка» из плитняка. Насыпь дополнительно укрепили каменными стенами-подпорками, а поверху построили новую деревянную изгородь. Печи в домах Любши складывали из того же плитняка. Население града было весьма зажиточно, здесь на заказ работали высококлассные ремесленники — кузнецы и ювелиры-литейщики. Град был и важным торговым центром. В его окрестностях после его основания развернулось общение и смешение славян с туземными финнами.[1933]

Позднее, к середине VIII в., у волховских порогов, на мысу при впадении ручья Мельник, возвели еще один град — Городок. Он обеспечивал тыл для словен, расселяющихся в Поильменье. Заодно град надежно прикрывал Любшу с юга — «залегал в той реке Волхове путь водный», подобно легендарному Волху. Здесь также славяне заняли более древнее финское поселение. Треугольная площадка града защищена валом и рвом.[1934] В этом укреплении мог сидеть племенной князек, подчиненный Любше.

Князей окружала дружинная знать. Подобно мазурским аварам, это были воины-всадники. Из Мазур они принесли заимствованный от авар обычай погребаться с конем и оружием. Он легко совместился с местной финской традицией. Знать использовала «престижные» ценности, проникавшие с востока, из отдаленных финских земель. Это были, прежде всего, дорогие поясные наборы — наподобие ценившихся теми же аварами. О том, насколько ценились и как долго передавались «престижные» ценности, свидетельствует находка на поселении Георгий VIII–IX вв. римской фибулы IV в. Дружина являлась ядром знати словенского союза в целом. Зажиточные люди, вместе с которыми в погребениях оказывались металлические украшения, составляли менее 30 % от общего числа словен.

https://RodnoVery.ru

Памятником могущества племенных вождей является возведенная для их захоронения огромная сопка «Михаил Архангел» над волховскими порогами. Любопытно, что при исключительной тщательности работы над ней она содержит крайне скромный инвентарь.[1935] Не исключено, что достоинство погребенных здесь говорило само за себя

Словене отличались от своих новых соседей высокоразвитым земледелием. Кое-где, осваивая новые земли или сживаясь с финнами, они вынуждены были использовать подсеку. Но преобладал перелог — не исключено, что переходивший уже к двуполью. Для обработки земли использовали сохи. Два железных сошника VIII в., найденных в Старой Ладоге, показывают два этапа эволюции орудия. Древнейший сошник, повторяющий среднеевропейские образцы — прямоугольный, с округлым краем. Другой — длиннее, уже и тверже насаживался. Его рабочий край имеет уже форму правильного треугольника. Наряду с сохами для обработки почвы использовали мотыжки с лезвием в форме тесла. Найдены и косы-горбуши. По поселениям Южного Приильменья можно проследить развитие земледелия у словен. Изначально преобладающей культурой являлся ячмень. Наряду с ним большую роль играло просо. Выращивали и другие злаки — полбу, мягкую пшеницу, овес. Затем словене обратили внимание на попадавшуюся им в качестве сорняка дикую рожь и окультурили ее. К концу VIII в. рожь кое-где уже приближалась по значению к просу. Просо же предпочиталось при этом ячменю. Помимо злаков, выращивали горох и бобы.[1936]

Немалую роль играло в хозяйстве словен и животноводство. Основным домашним животным являлась свинья (47 % костей на поселении Георгий). Затем шел крупный рогатый скот (38 % там же). Гораздо меньше в стаде было лошадей, овец, коз. В одной из сопок найден инструмент коновала. В сопках отмечены кости собак. Разводили и домашнюю птицу. Охота имела сравнительно меньшее значение для словен. На упомянутом поселении Георгий в Южном Приильменье количество костей диких млекопитающих — 4,7 % от общего числа. Охотились словене на лося, бобра, медведя, рысь, белку, зайца. Река и озеро обеспечивали словен рыбой — лещом, судаком, щукой, окунем.[1937]

Освоившись в Поильменье, словене сразу оказались на перекрестке путей обменной торговли. Уже на самых ранних поселениях, как укрепленных, так и неукрепленных, обнаруживаются «престижные» ценности, поступавшие с востока, от финских племен Прикамья и Перми. Через земли, ныне занятые словенами, они еще в VII в. поставлялись на

https://RodnoVery.ru

территорию современной Финляндии. Среди привозных ценностей были поясные наборы, пастовые бусы. Кроме того, в сопках находят бусы стеклянные и изредка сердоликовые.[1938] Ремесло самих словен отнюдь не уступало финскому в развитии. Приобретение финского «импорта» было связано с распространенными поверьями о силе «чудских» амулетов и с соображениями дружинного «престижа». В принципе же, сами славянские мастера производили достаточно ценностей, в том числе «престижных» и на заказ знати.

Крупным центром не только обменной торговли, но и славянского ремесла стал с момента основания град Любша. Здесь найдены средства труда литейщиков — формы, тигли, льячки — и другие следы работы по металлу. Из серебра, бронзы, сплавов свинца и олова изготовляли разнообразные украшения. Некоторые типы этих украшений имели образцы в тех южных землях, из которых пришли словене. Там же, в Любше, бурно развивалось кузнечное дело. Множество изделий из металлов найдено в поселениях Приильменья и в сопках. Среди изделий из цветных металлов — перстни, детали поясных наборов и конской упряжи, височные кольца, подвески. Из железа делали ножи на костяных рукоятях и ритуальные с загнутым навершием, пряжки, наконечники стрел и копий, удила, гвозди. Из кости изготовляли гребни и некоторые украшения. Из камня делали оселки.[1939]

Гончарный круг словенам оставался неизвестен. Нередко сосуды изготовляли из бересты. Смешение славян с туземными финнами наложило отпечаток на облик словенской керамики. Лепные горшки культуры сопок преимущественно низкие, широкие, с прямым или слабо отогнутым венчиком — тип, господствовавший у туземных племен веками. Славяне лишь «добавили» низ усеченным конусом. Заимствование финской посуды явилось логичным следствием завоевания-подселения, при котором словене брали в жены местных женщин. Но наряду с господствующим был распространен и другой тип керамики. Это сосуды, напоминающие суковско-дзедзицкие, с широким горлом, биконической формы, чуть отогнутым венчиком. Традицию их изготовления донесли до Поволховья славянки, пришедшие со своими мужьями в новые земли. Именно эта посуда «ладожского типа» господствует в Любше. На самом же раннем этапе и на периферии встречались еще горшки с округлым туловом, расширяющиеся кверху — отдаленно сходные опять же с суковско-дзедзицкими.[1940]

О духовной культуре и обычаях словен в раннюю эпоху наши сведения

https://RodnoVery.ru

довольно обрывочны. Об их религии кое-что уже было сказано. По позднейшим поверьям и местным названиям можно судить, что почитали обоих верховных богов славянского пантеона. И Перун, и Велес в разной степени и в разных смыслах выступали как покровители словен. В их мифологической «топографии» Велес связывался с приладожским севером, с племенной прародиной, где имеется местное название Велеша. Священным же центром приильменского юга являлась Перынь. На рубеже этих двух мифологических «миров», соединяя и в то же время разграничивая их, воздвигалась монументальная княжеская (?) сопка при волховских порогах.[1941] Озерное название Нево (Ладожское озеро) в переводе с саамского (и «чудского»?) означало «пучина, бездна». Название же озера «Ильмень», «Ильмерь» прямо связана с ilma «небо, воздух» и с именем небесного кузнеца Ильмаринена. Последнего славянину легко было сопоставить с Перуном-Сварогом, «создателем молний». Противопоставление «Велесова» севера «Перунову» югу могло, таким образом, восходить и к туземным поверьям.[1942] Во владениях Змея Велеса, отца и врага Волха-Перуна, мы находим и упоминавшийся «Любшин омут».[1943] Причудливый культ древних словен уравнивал божественных противников перед людским почтением. Но верховенство в некотором смысле оставалось все-таки за повелителем мертвых Велесом. В его подземном мире, в доставшемся от него змеином теле, бесследно исчезает «севший в боги» Волх.

О повседневных обычаях словен говорить можно четче благодаря летописям и археологическим находкам. Описывая свадебный обряд полян («не ходил жених за невестой»), Нестор явно упрекал обычай противоположный. При такой свадьбе, не менее чинной, чем полянская, жених за невестой все-таки отправлялся сам. Происходило собственно бракосочетание быстрее. Жених и его родственники приезжал к невесте утром, здесь устраивался «малый стол». Затем молодые приезжали в дом жениха, где после положенных обрядов свершения брака начиналось общее пиршество. Посреди трапезы жениха и невесту отправляли в постель, после чего праздник продолжался. В древности его завершало, скорее всего, объявление о невинности невесты до брака. Центром распространения этого обряда были именно земли словен. На них, не называя их, намекал летописец. Первоисточник же обряда — то же самое смешение славян и финнов, от которых похожий свадебный ритуал восприняли и северные балты.[1944]

Характерной и столь же необычной для южан чертой культуры словен

https://RodnoVery.ru

являлось мытье в банях. Это изобретение они принесли из дунайско-карпатских или западнославянских земель на север будущей Руси и здесь усовершенствовали. В результате появился первый прообраз современной русской бани. Вот как ее описывает киевский летописец, вкладывающий рассказ в уста самого апостола Андрея: «Диво видел в земле Словенской, идя сюда. Видел бани деревянные, — разожгут их сильно, разденутся, станут наги, обольются мытелью, возьмут ветви, и начнут себя бить, и до того себя добьют, что едва вылезут живы, и обольются водою студеною, и так оживут. И так творят во все дни, не мучимые никем, сами себя мучат, и то творят мытье себе, а не мученье».[1945] Живший в XIII в. и лично принадлежавший к потомкам словен летописец Переславля уточняет, что навар «мытели» готовился из кваса, а в качестве веников использовали «прутья младые».[1946]

Погребальный обряд словен VIII–IX вв. представлен коллективными курганами-сопками. Только кое-где и на первых порах мертвых хоронили по обычаю финской «води» — прах от сожжения закапывали в неглубоких ямках или оставляли на поверхности.[1947] Причины появления самих монументальных сопок не вполне ясны. Нельзя исключить того, что словене просто нашли оптимальную форму для одной большой коллективной гробницы вместо целого курганного могильника. На обрядности сопок сказалось балтское, затем финское и, наконец, позднее всего и не везде скандинавское влияние.[1948] К финскому наследию относились, прежде всего, сооружения из камней в основании сопок. В III–VII вв. часть финнов, живших к югу от Ильменя, в отличие от северных вадьялов, хоронила умерших в каменных могилах.[1949] Эти финны, близкие по культуре к «эстам», насколько можно судить, и являлись воинственной «чудью» северных преданий, родней псковских сету. Словене в Поволховье и Поильменье смешивались не только с «водью», но и с «чудью».

Сопки — большие насыпи высотой от 2 до 10 м и даже более, в основном же до 5. Диаметр сопок колеблется от 12 до 40 м. Сопки, как правило, возводились цепочкой вдоль берега водоема. При этом в могильниках сопки удалены друг от друга (от 20 до 100 м). В могильниках от 2 до 12 насыпей, но много и одиночных сопок. Сопки обычно возводили в несколько приемов. Первоначально устраивали кольцевое ограждение из крупных валунов в основании. В нем по финскому обычаю разжигали ритуальный костер. Затем насыпали нижнюю часть сопки. Получившуюся насыпь покрывали дерном. В ней какое-то время совершали захоронения,

https://RodnoVery.ru

потом вновь разжигали костер, сопку досыпали еще на 1,5–3 м и вновь покрывали дерном. Когда сопка оказывалась вновь заполнена, все повторялось. Склоны сопок иногда укреплялись камнями.[1950]

Умерших сжигали на стороне. Пережженные кости приносили к сопке и погребали чаще всего без урны. В качестве урны могли использовать глиняный горшок или берестяной сосуд. В основании или прокладке сопки прах высыпали на прослойку из золы и угля, оставшуюся после костра. Для впускных захоронений вырывали специальные ямки. Прах могли и просто бросить в сооружаемую насыпь вместе с землей. Финское и позже скандинавское воздействие отразилось в разнообразных каменных кладках, сопровождающих отдельные погребения. Это могли быть вымостки и настилы под урны, ниши для них, кладка над захоронением, кольца и стенки. Часто перед сожжением или уже над могилой приносили в жертву животных. Этот обычай в основном восходил к местной традиции, хотя погребение с конем — самый частый случай — словене видели еще у авар. Помимо коней, в жертву приносили коров, собак, баранов, зайцев, птиц. Погребенных в сопках иногда сопровождали в последний путь украшения, оружие, орудия труда.[1951]

Одна из самых монументальных и лучше всего изученных сопок — сопка «Михаил Архангел» (сопка № 145) у села Октябрьское близ Волховских порогов. В ее основании — несколько каменных кладок и груды валунов. Кладки в высоту достигали 2 м и связывались деревянным каркасом. Между них рассыпали останки нескольких умерших. Сверху возвели насыпь пяти— или шестиметровой высоты. Тем самым эта сопка сразу превзошла остальные — доказательство особого статуса погребенных. По подножию ее укрепили цоколем из валунов и плит. На уплощенной вершине диаметром в 6 м устроили новые каменные вымостки. Затем сопку подсыпали на пару метров. В этой насыпи не выявлено захоронений — надо полагать, прах просто ссыпали на вымостки вперемешку с землей. Здесь сделали три вымостки для погребений. Рядом с одним из них в урне — мясо животной жертвы. Наконец, сопке добавили еще два метра. В этой верхней и самой поздней части найдено одно захоронение с остатками металлического убора. Сопка «Михаил Архангел» в высоту поднималась более чем на 10 м и достигала 97 м в диаметре. Она господствовала надо всей округой.[1952]

Все материалы, связанные с расселением словен по Волхову и Ильменю, говорят о теснейших контактах и смешении с финнами. Взаимно перенимались обычаи, бытовые детали, народы смешивались друг с другом

https://RodnoVery.ru

воедино. К началу русского средневековья в жилах ильменцев, при сохранении относительной расовой «чистоты», текло уже немало финской крови.[1953] В то же время отношения с разными финскими племенами складывались по-разному. Вадьялы и вепсы смешивались со словенами свободно. В то же время именно такие мирные отношения привели к тому, что значительная часть тех и других в окраинных северных землях сохранила свою самобытность. Отношение же к сильным и воинственным «чудским» племенам, веками нападавшим на соседей, было иным. Они оказывались перед выбором — полное слияние со словенами или изгнание. «Чудь белоглазая» надолго стала обобщенным образом врага в северном русском эпосе. Какая-то часть «чуди», в конце концов, слилась с ильменцами или союзными им вадьялами. Но многие бежали — на запад, к Чудскому озеру, или на северо-восток, к вепсским Волокам, где новгородцы встретят потом враждебную им «заволочскую чудь». На отношения с приильменской чудью накладывал отпечаток и давний ее союз с кривичами. Последние же встретили приход новых славянских переселенцев без приязни. В первой половине VIII в. словенам еще предстояло вести борьбу за освоение новых земель, и не только с лесной природой.

Кривичи

Приход словен на Волхов прервал становление кривичского племенного союза. Новые пришельцы оседали на землях, которые кривичи только привыкли считать своими. Какая-то, и довольно многочисленная, часть — смоляне, лупоглавы, — предпочла примкнуть к кривичскому объединению. Но большинство пришлых словен стало строить собственный племенной союз. Силы последнего в Поволховье и Приильменье быстро превзошли кривичей. На землях, занятых было ими, образовалось новое «княжение».

В этих условиях столкновения становились неизбежны. На протяжении VIII в. словене заняли значительную часть земель, на которые имели право претендовать кривичи. Кривичские и словенские роды селились чересполосно, но всегда раздельно, едва ли мирно. Немалое же число кривичей — в том числе и присоединившиеся к ним смоляне с лупоглавами — ушли на юг и юго-запад. В результате заселения ими обширных пространств в центре Русской Равнины в VIII в. сложилась

https://RodnoVery.ru

культура смоленско-полоцких длинных курганов. Речь о ней пойдет далее. Оставшиеся же в Поильменье кривичи к концу VIII в. слились со словенами. В результате этого смешения — вряд ли во всем добровольного — на словенских поселениях появилась керамика кривичского типа. Более того, словене продвигались на запад, к Псковщине.[1954] Но пока здешние кривичи противостояли притязаниям словенских вождей. Многочисленные и разбросанные по огромным пространствам, они еще переходили и в наступление. Карта Новгородско-Псковского Севера в VIII в. пестрила еще неразграниченными землями враждебных «родов», славянских и финских.

Культура псковских длинных курганов продолжала существовать и в VIII в., сохраняя все основные свои черты. Сельское хозяйство и общественный строй не претерпели заметных изменений. Враждебность, разделявшая кривичей и словен не меньше, чем вековые обычаи, затрудняла отказ от подсечного земледелия. Впрочем, первые признаки перехода к пашне появляются около этого времени или немногим позже.[1955] Продолжавшие возводиться длинные курганы — свидетельства устойчивости большой семьи.

В то же время изменения коснулись и политической жизни кривичей. Вторжение словен совпало с завершением строительства кривичского союза племен — и ускорило его. Кривичи жестко отделили себя от словен. Но размежевание при этом произошло и с соседними финскими племенами, в том числе с союзными сету. Рядом с центром славяно-финского расселения, неукрепленным Псковом, теперь строится собственно славянский княжеский град, позднее получивший имя Изборск. Относится его основание к рубежу VII/VIII вв.[1956]

Основателем Изборска являлся кривичский князь по имени Избор. По нему град и получил свое название.[1957] Предания и «песни»-былины об Изборе сохранялись вплоть до XVIII в. Сведения об этих преданиях отрывочны. Согласно ним, Избор основал Изборск и умер от укуса змеи.[1958] В последнем можно видеть отголосок представлений о Змее Велесе (Криве, Бае), предке и покровителе кривичей, который порождает героев, а потом забирает их к себе. Вместе с тем Избор уже совершенно отчетливый исторический персонаж, не скрытый за титулом, а называемый личным именем — в отличие от Кия или Волха.

https://RodnoVery.ru

Кривичская луница

Основанный посреди «Чуди» град первоначально назывался Словенском,[1959] и эта примета сохранилась в имени Словенских ключей близ Изборска. Кривичи размежевывались с соседями по принципу «языка». Изборск строился именно как славянский город — хотя отчасти и против наступающих с востока пришлых словен. С ними это название никак не связано. Древнее предание о граде Словенске как древнейшем и крупнейшем на Севере долго сохранялось в Новгородско-Псковской земле. Именно оно, в конце концов, и породило миф о «Словенске Великом» на Волхове, по отношению к которому Изборск — «Словенск Малый». Но Изборск не принадлежал ильменским словенам. Это был «в Кривичах больший город»,[1960] племенная столица.

Изборск строился чуть позже Любши, отчасти по ее подобию, но во многом превосходил град-соперника. Град воздвигли на высоком мысу над впадением ручья в озеро Городищенское, к югу от Псковского. С двух сторон треугольная мысовая площадка (около 6300 м^2) обрывалась отвесно. На скате же дугой соорудили глиняный вал. Вал Изборска возводили на каменных основах, напоминающих словенские из Любши.[1961] В центре града под вече, языческие празднества и гадания выделили ровную площадку диаметром около 20 м. Эта «площадь», расположенная на плитняковом выступе мыса, поднималась над остальным градом до полуметра.[1962]

Раскопки в Изборске позволяют подробно представить образ жизни «псковских» кривичей VIII столетия. Обитатели града жили в срубных избах, площадь которых колеблется от 10,5 до 16 м^2. Избы имели

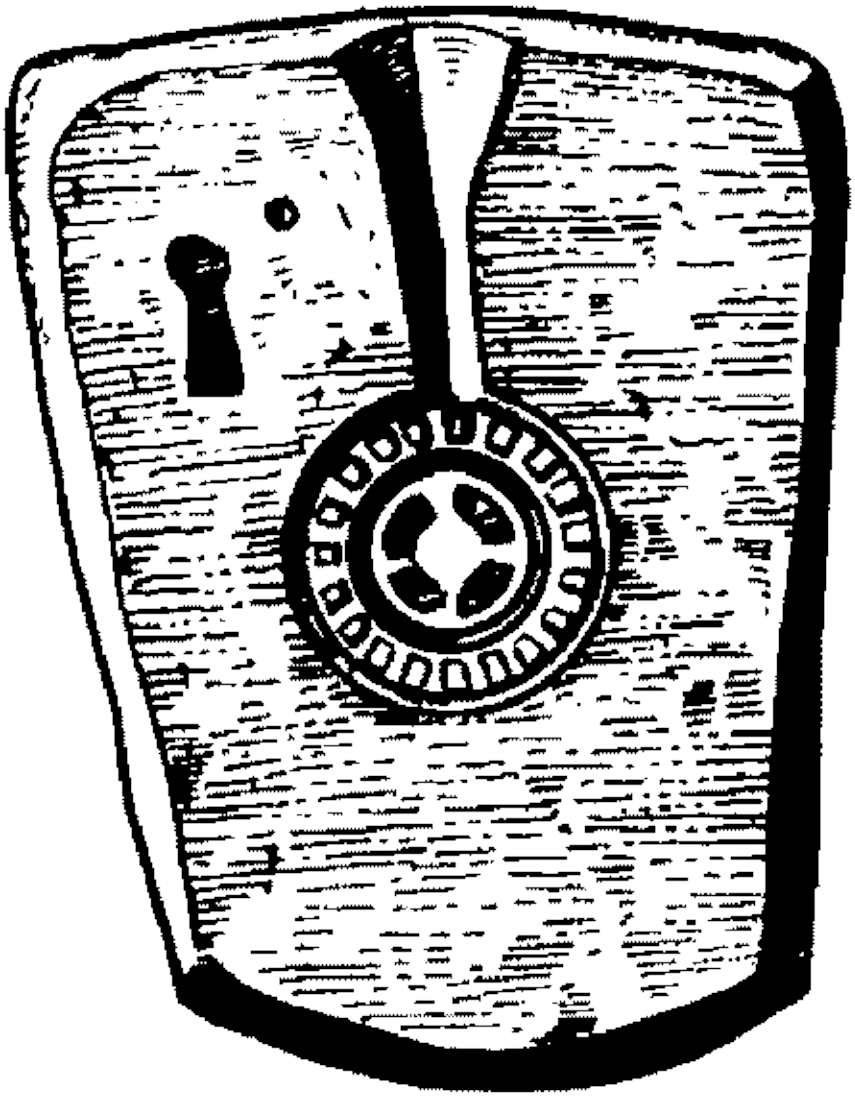
https://RodnoVery.ru

деревянный пол. В углах располагались глиняные печи. Некоторые из них на каменной основе, как у соседних балтов — латгалов, но большая часть целиком из глины. Здесь можно видеть след «дунайского» влияния, тем более что такие же печи известны в ту пору и на Ильмени. Помимо этого в некоторых домах устраивали по финскому обычаю круглые или овальные очаги, сложенные из песка или глины, окольцованные плитняком. Так в интерьере домов «Словенска» отражалась пестрота происхождения славян-кривичей.[1963]

Изборск являлся важным центром и ремесла, и обменной торговли. Здесь обнаружено небольшое количество «эстской» керамики рыугесского типа, изделия финских ювелиров. Местные мастера занимались работой по железу, бронзе, глине и кости. Особенно много следов оставило ремесло железоделов. Сырьем для их труда служила болотная руда. На городище обнаружены железная кузнечная наковальня и молоток. Среди изделий из железа — оружие, серпы, рыболовные крючки, ножи, шилья, долото, пряжки. Труд литейщиков оставил после себя тигли, льячки, формы, рабочие отходы и слитки.[1964] В ту пору у псковских кривичей уже почти безраздельно господствовала керамика славянского типа — горшки с низом в виде усеченного конуса, плавным профилем и расширением вверху. Они найдены и в Изборске, и на поселениях ильменских словен, с которыми смешивались кривичи. Из глины делали также пряслица. Найденные в Изборске орудия труда говорят о занятии жителей земледелием и рыболовством.[1965]

При всей разнородности первых поселенцев Изборска, строился он все-таки как славянский град, отчасти в противовес Пскову. Вторжение словен убыстрило племенное размежевание по Волхову и Великой. Финские «чудские» племена в противостоянии пришельцам сближались друг с другом и отмежевывались даже от союзных славян. Мы не можем судить о конкретных обстоятельствах возникновения Изборска. Но ясно, что он с первых десятилетий своей истории стал соперником соседних поселений — славяно-финского Пскова и почти чисто финского, «эстского» укрепления Камно. Ясно и то, что укрепления Изборска строились не столько даже против словен, сколько против «эстов» — старых соседей и старых врагов. Тем не менее основное время Изборск поддерживал мирные сношения с окрестной «чудью». Славяне продолжали жить в Пскове, селились и в Камно — а «чудь» торговала с Изборском.[1966]

https://RodnoVery.ru



Литейная формочка из Камно

В первой половине VIII в. вытесненные словенами из Поильменья кривичи расселились на юг и юго-запад. Основная масса пришла именно с Ильменя и Ловати, где зародились некоторые позднейшие особенности их культуры. За несколько десятилетий кривичи заняли значительную территорию — верхнее и среднее течение Западной Двины, верховья Днепра, на восток до верхней Волги. На всех этих землях распространилась кривичская культура длинных курганов в новом, «смоленско-полоцком» варианте.[1967]

На всех вновь занятых землях обитали восточные балты, создатели тушемлинской культуры. Однако они уже с V в. смешивались с расселившимися на их землях славянами, родней тех же кривичей. Так что

https://RodnoVery.ru

никаких крупных столкновений в ходе расселения кривичей не происходило. Они легко сливались с сородичами и местными балтами в один народ. Конечно, кое-где возникали и стычки, забрасывались поселения тушемлинцев. Но в целом речь идет скорее о неспешном слиянии славян и балтов, чем о завоевании.

Самый острый конфликт произошел, скорее всего, при первом приходе масс славян на Западную Двину. Здесь, на притоке Двины Полоте, они основали собственное «княжение», которое стало базой для дальнейшего движения на восток.[1968] Местное балтское население в основном бежало. Благодаря этому полочане сохранили в неприкосновенности древнеславянский расовый тип — длинные головы, широкие лица, выступающие носы. Дальше на восток, в том числе в будущих смоленских землях, расселение проходило более мирно. Здесь, так же как в Северской земле, произошло смешение славян и родственных им восточных балтов. Потому смоленские и тверские кривичи в средние века напоминали северян с их более узкими лицами.[1969] В начале XII в. киевский летописец, подмечая это сходство, даже выводил северу частично «от кривичей».

Обстоятельства расселения наложили отпечаток на культуру славян Полотчины и Смоленщины. Здесь отсутствует керамика финских корней. Господствует почти исключительно «славянский» тип, от которого произошла глиняная посуда Смоленщины IX в. Лишь в одном погребении Полоцкой земли найден тушемлинский горшок. Зато и в Полоцкой, и в Смоленской земле распространился женский головной убор балтского типа. Он включал венчик-вайнагу с бронзовыми бляшками и пронизками и височные кольца. От балтов были унаследованы и некоторые другие разновидности украшений — в том числе костяные изображения птиц, служившие привесками. Украшения же финского происхождения в смоленско-полоцких курганах не встречаются. Новшеством было и появление украшений «дунайских» типов — лунничных орнаментированных височных колец. В подражание им кривичские мастера изготовляли проволочные височные кольца с пластинчатыми расширениями на концах. Последние вошли в число «престижных» ценностей и широко разошлись по окрестным землям в ходе обменной торговли.[1970]

Есть отличия и в похоронном обряде смоленско-полоцких длинных курганов. Здесь не разжигали очищающих костров в основаниях курганов, как делали кривичи, «эсты» и словене на севере. На Смоленщине, с другой стороны, иногда совершали кремации на месте. Новые захоронения в

https://RodnoVery.ru

кургане часто устраивались на огнище ритуального костра. Его жгли прямо на кургане или на специально устроенных площадках. Гораздо шире, чем на севере, распространились урновые захоронения. При этом курганы гораздо меньше размером. На Смоленщине их длина достигает не более чем 30 м. Причина ясна — использовались они меньшее время и потому не досыпались, как псковские курганы-валы.[1971]

Для расселяющихся на огромных просторах кривичей «большим городом» все еще оставался Изборск. Но власть общего, верховного князя неизбежно слабела. На Полоте образовалось собственное «княжение», которому — столь же формально — подчинялись кривичи, жившие дальше на восток. Местные князья также возводили себя к божественному предку, Криву или Баю, соединяя военную и духовную власть. Вокруг их двора или поселка, появившегося уже в VIII в., позднее вырос град Полоцк. Но действительное влияние полоцких князей ограничивалось их собственным малым племенем — полочанами, получившими имя от реки Полоты.[1972] Окрестные подвинские племена постепенно объединялись вокруг Полоцка, но уже в верховьях Днепра, на Смоленщине, жили независимые «роды». Из этих малых племен нам достовернее всего известны пришедшие с запада. Смоляне осели в районе будущего Смоленска, где дали имя и реке Смольне. С пришельцами из Силезии лупоглавами связана река Лупоголова в том же бассейне Верхнего Днепра. Средневековые данные позволяют нам расширить этот список племен Смоленщины, скажем, названиями вержавлян и мирятичей.[1973] Здесь еще не строились грады и не заметно никаких объединительных усилий. Разрозненные «роды» во главе с собственными вождями только обосновывались на новых местах, смешиваясь с балтами, кое-где живя с ними чересполосно.

Впрочем, в последнем отношении это была общая реальность тогдашнего Севера. Здесь зримо всего являли себя слабости уходящего племенного уклада. Мощь нарождающихся «княжений» выплескивалась за пределы «родовых» земель, вступая в неизбежные столкновения с подобными же соседями. Отсутствие же четких границ создавало — в противоречие строящейся предгосударственной власти — обстановку, близкую к хаосу. По всем рубежам славянского мира межплеменные войны провоцировали вмешательство внешних сил. В наиболее драматичном положении, не на один век, оказались западные славяне, столкнувшиеся с Франкской державой. Но и славянам восточным угрожал мощный противник — Хазарский каганат. Земли же, обращенные к Балтике, уже сталкивались с новой силой, которая в скорости будет творить историю по

https://RodnoVery.ru

всем европейским берегам. Начиналась эра морских походов скандинавов, эпоха викингов, которая в той или иной степени затронула почти весь север Славянской Европы.

Глава четвертая. Славяне западные и восточные. Последняя треть VIII в.

До и после Бравалля

«Официальным» началом эпохи викингов считается у европейских историков 793 г. — дата нападения викингского отряда из Скандинавии на побережье Англии. Однако уже давно археологические открытия заставляют отодвигать эту дату все дальше в глубь VIII в. Западные моря, действительно, сравнительно редко видели еще «людей севера», норманнов. Но на Балтике торговля и разбой уже к началу VIII в. становились делом обычным. Причем торговые и военные операции в прибрежных водах чаще вершили на первых порах балты и финны. Но постепенно их опережают более удачливые конкуренты — скандинавские норманны со своим совершенным парусным флотом. По берегам Скандинавии вырастают военно-торговые базы — вики. Отсюда датские и свейские викинги совершают далекие походы за прибылью и добычей. Балтские и финские «эсты», «восточные», недавно еще терзавшие набегами Скандинавию, теперь вынуждены выплачивать время от времени «дань» норманнским конунгам. Еще в VII в. свеи захватили и заселили Аландские острова, которые стали их форпостом на востоке.[1974]

В своем движении на восток норманны неминуемо должны были столкнуться со славянами. Когда именно свеи или даны впервые узнали о славянском заселении севера Восточноевропейской равнины — судить трудно. В принципе, они уже в VI–VII вв. могли сталкиваться с кривичами на Западной Двине или на других восточных окраинах известного тогда Восточного Края — «Эстланда». В конце же VII в. словене осели по Волхову до самых его низовий — то есть у подступов, через Ладожское озеро и Неву, к Финскому заливу. Скандинавы сами пока едва разведывали эти края. Но отсюда поступали «престижные», окруженные сверхъестественным ореолом, финские украшения, и не они одни. А значит, рано или поздно норманнские мореходы должны были появиться и на Ладоге.

https://RodnoVery.ru

Итак, где-то в начале VIII в. первые из скандинавов проникли в поволховские земли, еще далекие от того, чтобы стать «Страной Городов», «Гардарики» позднейших саг. Заселяемые словенами и финнами лесные пространства представлялись норманнам последней землей, краем света. Где-то дальше на восток или на север воображение помещало мифический Йотунхейм, страну враждебных богам и людям великанов. В то же время путь туда — это путь к богатству и славе. Там эпический герой может обрести себе супругу, и брак этот будет почетен. Там вершатся превосходящие человеческое разумение и по сложности, и по воздаянию подвиги.[1975] Но на фоне легендарных повествований о первых поездках скандинавов в глубины Восточной Европы резко выделяется самый распространенный сюжет. Это группа вполне конкретных и довольно сухих сведений о происхождении датской и шведской королевских династий.

«Лодьи» викингов на пути «из варяг в греки». Реконструкция

События, развернувшиеся на прибалтийском Севере в VIII в., послужили прологом к начавшейся эре викингов. Скандинавские предания, сохранившие о них память, упоминают различные славянские племена. События эти, вовлекшие в свой водоворот почти всех славян балтийского приморья, позволяют лучше понять предысторию Руси. Они выводят нас из привычно-замкнутого пространства вечного российского спора «норманизма» с «антинорманизмом» на простор истории всей Славянской Европы. И позволяют увидеть славян — неожиданно для привычных

https://RodnoVery.ru

воззрений — не как статистов или жертв, а как активных участников происходящего. При неоценимой помощи археологических источников этого и последующего времени мы видим подлинную роль славянских племен в потрясениях, охвативших Север в начале викингской эпохи.

Итак, примерно в первой трети VIII в. в землях будущей Северной Руси правил князь, которого саги называют «Радбард». Имя это явно не скандинавское. За ним легко распознается славянское «Ратобор» (Ратибор) или «Радобор».[1976] Предпочтительнее «Ратибор» — имя, известное на Руси и частое позднее среди новгородской знати. Оно, кроме того, имеет краткую форму «Ратбор».

Владения Ратибора отождествляются с Русью, «Гардарики», иногда даже прямо с «Хольмгардом» — Новгородом.[1977] И то, и другое — позднейшие осмысления восходящего к VIII в. предания. Но осмысления в целом верные. Путь к владениям «Радбарда» из Скандинавии вел по морю до Финского залива[1978] — значит дальше в Неву к Ладожскому озеру и Поволховью. Итак, в Ратиборе логично видеть князя именно словенского, княжившего к югу от Ладожского озера, в Любше. В принципе он мог приходиться сыном и наследником основателю Любши, «Волху», приведшему словен в конце VII в. на новые земли и основавшему их княжение.

В то время краткосрочным гегемоном Скандинавии оказался конунг Ивар Широкие Объятия из датского рода Ильвингов. Он приходился племянником конунгу Сканей (ныне Южная Швеция) Гудрёду. Гудрёда убила собственная его жена, дочь объединителя Швеции, конунга Упсалы Ингъяльда Коварного. До этого Гудрёд по ее наущению расправился со своим братом Харальдом, конунгом островов Сьяланд и отцом Ивара. Ивар в отместку убил Ингъяльда с его дочерью и захватил Упсалу. С этого началось строительство недолговечной викингской «державы», которое и принесло Ивару многозначительное прозвище. Ивар совершал набеги до самых границ владений Ратибора. Он собирал «дань» с прибалтийских земель.[1979]

В «широкие объятия» Ивара в итоге попал и удел его сородича и зятя Хрёрика Метательное Кольцо, правителя данов и ютов из рода Скъёльдунгов. Вдова Хрёрика, Ауд, бежала от своего отца с юным сыном Харальдом. В своем бегстве она достигла владений Ратибора. Тот принял у себя изгнанницу и взял ее в жены. От этого брака родился сын Рандвер. Харальда, который после получил прозвание Боезуб, доблестного и сильного воина, Ратибор принял на воспитание. Ивар в конечном счете

https://RodnoVery.ru

решил напасть на нежеланного зятя. Со своим флотом, собранным со всех плативших дань восточных земель, он выступил против Ратибора. Но в Финском заливе свеев, данов и их союзников застигла буря. Ивар утонул. По другой версии, война между славянами и свеями все же произошла, причем Боезуб сражался на стороне своего нового народа. Свеи были побеждены. После гибели Ивара Харальд с благословения приемного отца отправился на запад. Сначала на Готланде или на островах Сьяланда и в Сканей, а затем по всем землям данов и ютов его признали конунгом. Свейских племенных конунгов Харальд разбил и подчинил своей власти. [1980]

Харальд, «покорив» большую часть норманнов, обратился к набегам на соседние племена. Среди прочих соседей ему вроде бы удалось взять «дань» с каких-то славян Южной Прибалтики. Речь идет почти наверняка о ближайших к Ютландии ободричах. Их вожди обязались помогать Харальду войском.[1981] С ободричами завязывались все более тесные связи.

Вторым сыном Ауд, от Ратибора, был, как уже говорилось, Рандвер. Сохраненное сагами имя его, так же как у отца, не скандинавское. Учитывая происхождение, можно предположить составное славяно-германское образование. Но можно и увидеть нечто вроде целого славянского имени «Радомер», «Радомир» или «Ратимир (Ратмир)», переосмысленного и искаженного на свой лад скандинавами. Первый компонент, «Rand-», скорее тот же, что и «Rað— » у отца — следовательно, все же «Ратмир»?

Рандвер не остался на родине, а отправился по следам Харальда на Запад. Он присвоил себе часть дедовских владений в Дании. Но основное время он, как и Харальд, проводил в викингских набегах. Рандвер женился на Асе, дочери норвежского племенного конунга Харальда Рыжебородого, от которой имел сына Сигурда Кольцо. Последний позже осел в свейской Упсале.[1982] Определять точные границы племен, объединенных «властью» бродячих конунгов вроде Харальда и Рандвера, вожаков викингских дружин, — занятие не слишком перспективное. В сагах откладывались воспоминания об их претензиях, а не о реальной власти. Вместе с тем можно предположить, что одной из главных баз Рандвера являлась свейская Бирка — богатый вик на восточном, обращенном к Балтике побережье. Бирка была связана и с Поволховьем, и с Аландами. Здесь уже в VIII в. отмечены курганы, напоминающие словенские сопки.[1983]

Что касается «Гардарики», то наследником Ратибора в сагах предстает

https://RodnoVery.ru

его племянник по сестре (hnef). Он носит скандинавское имя Рёгнвальд[1984] — но позднее на Руси это имя легко славянизировалось и толковалось как «Рогволод». Имя Рёгнвальда свидетельствует о том, что брак Ратибора и Ауд открыл путь к смешению славянской и скандинавской знати. Сестра князя вышла замуж за знатного скандинава (кого-то из родни Ауд?).

В условиях, когда за морем действовали и «правили» славянин по отцу Рандвер и славянский воспитанник Харальд, такое смешение становилось естественным. Оно проложило «подданным» Харальда, своим, дорогу на восток. Здесь к сохраненным памятью скандинавов преданиям присоединяется уже и археологический материал. Как раз в середине VIII в., в годы «правления» Рандвера и Харальда в Скандинавии, появляются первые материальные приметы норманнов на будущем Русском Севере.

Чуть южнее Любши через Волхов, на противоположном берегу вверх по течению, в реку впадает ее приток — Ладожка. Исходное финское название ее — Alode-joki, Нижняя Река, — хорошо соотносится с представлением о низовьях Волхова как о «Низе» вообще, уделе Велеса.[1985] У впадения Ладожки в середине VIII в. возникло тогда еще неукрепленное поселение, которому суждено было сыграть немалую роль в истории Русского Севера. Славяне позднее называли это поселение Ладогой, скандинавы — Альдейгьей, Aldejgja. Оба названия восходят к финскому названию реки, Alode-joki, причем славянское название — через посредство скандинавского.[1986] Ничего удивительного в этом нет. Первыми насельниками Староладожского Земляного городища стали именно пришельцы из-за моря.

В 753 г. на мысу, образуемом Ладожкой и Волховом при широкой дельте, которую образует слияние «Нижней Реки» с «Верхней», Yla-joki (слав. Заклюка), появилась деревянная застройка. Поселение захватило затем и северный берег Ладожки. Общая площадь составила 4–5 га. Застройку составляли в основном «большие дома» скандинавского типа, возведенные с использованием каркасно-столбовой техники, с очагами в центре. Площадь таких домов — 72 м^2. Среди них отмечен единственный сруб, но также с очагом в центре. Он меньше размером — 30 м^2. Всего домов на поселении насчитывалось пока до десятка. Каждый дом являлся центром двора-усадьбы, площадью свыше 200 м^2. Самым ценным открытием археологов в Ладоге являлась мастерская металлурга. Мастер, работавший в этой «кузнице», являлся и кузнецом, и литейщиком-

https://RodnoVery.ru

ювелиром. Среди его инструментов имелся набор из 7 шарнирных клещей разной длины, в том числе с ограничителями, шилья, миниатюрные наковальни, зубила, сверла для дерева, ювелирные молоточки и ножницы, оселок. Все эти инструменты хорошо известны по скандинавским находкам. Ремесленник изготавливал оружие, ладейные заклепки, а также украшения. Орудия, спрятанные мастером при гибели первоначальной Альдейгьи, найдены вместе с бронзовым навершием, изображающим типично скандинавский сюжет — бог Один со своими вещими воронами. Помимо обработки металлов, в Альдейгье занимались и изготовлением янтарных бус.[1987]

Первопоселенцами Альдейгьи являлись свеи, приплывшие с Аландских островов и издавна общавшиеся с финнами по берегам залива. С самого начала жили в возникшем вике и финны, от которых воспринято его название. Южнее поселения располагался грунтовый могильник с сожжениями.[1988] Селились в Альдейгье, однако, и славяне. Вся керамика древней Ладоги — славянская, «ладожского типа».[1989] Это говорит о том, что женщины Альдейгьи с самого начала — в основном славянки. Скандинавские мореходы, торговцы и ремесленники, устроившие ладейную пристань в низовьях Волхова, брали в жены словенок. За смешением высшей знати следовало смешение массовое. Скандинавов было гораздо меньше, чем славян и финнов, и потому норманнский элемент растворялся. Скандинавская обрядность и скандинавские предметы проникают в сопки. В сопках Приладожья появились треугольные вымостки из камня, сложенные из валунов стены.[1990] На севере, напротив Любши, воздвигается грандиозная Полая Сопка на каменном остове — соперница старой гробницы словенских князей-волхвов на юге, в Порогах. Первоначальная насыпь Полой вся сложена из камня. В верхней части этой сопки имелось по меньшей мере одно погребение с оружием (двушипным дротиком). При диаметре в 30 м она достигала 12–14 в высоту.[1991]

Альдейгья могла существовать только с согласия Любши, но не в противостоянии ей. Скандинавы прошли мимо Любши на «Нижнюю Реку» с согласия любшинской знати. Точно так же с согласия словен вершились и браки, положившие начало населения вика. Ни одна ладья не могла пройти к пристани или отплыть из нее к Балтике мимо Любши. Любша прикрывала Альдейгью с севера — но и надежно ее контролировала. Союз выгодный для обеих сторон. Скандинавские ремесленники и торговцы сбывали свои товары словенам, служили им посредниками за морем.

https://RodnoVery.ru

Словене, в свою очередь, сбывали им ценности, прибывавшие от далеких восточных финнов. Словенские мастера осваивали подчас новые для них навыки работы по металлу.

Но спокойное процветание Альдейгьи длилось недолго. В викингском походе на запад безвременно и неожиданно погиб Рандвер.[1992] Харальд Боезуб присвоил себе все наследство Ивара. Но вскоре у него появился соперник — Сигурд Кольцо, сын Рандвера. Между двумя претендентами на лидерство в викингском мире разразилась война. Как утверждает предание, Харальд сам разжигал ее всеми силами. Чувствуя приближение старости, конунг якобы хотел погибнуть в бою, дабы отправиться ко двору своего покровителя Одина, а не в подземный мир.

На стороне Сигурда выступил его сородич с востока — Рёгнвальд, племянник Ратибора.[1993] Харальд, однако, как утверждает «Сага о Скъёльдунгах», также решил искать поддержки на востоке. Он будто бы призвал на помощь, наряду со своими «данниками», саксами и обитателями прибалтийского «Востока», рать из Киева — «Каенугарда». На первый взгляд это известие производит впечатление очевидного вымысла.[1994]

Около 765 г. Альдейгья подверглась вражеской атаке. Мастер-кузнец спешно спрятал свои инструменты и покинул мастерскую. Она и другие постройки пристани сгорели. Любша, возможно, тоже пережила нападение — но устояла. Враг шел с юга, и после первой победы обосновался в разоренной Альдейгье. Именно тогда она в полном смысле становится Ладогой. Население теперь — преимущественно славяне, строившие небольшие, порядка 36 м^2, квадратные избы с печами в углу. Их было построено порядка 10–20. Общая численность населения не превышала двух сотен. Кроме домов в этом слое Ладоге археологами найден выстроенный «на пнях» амбар. На месте кузницы завоеватели устроили «летнюю кухню». Но ремесленное производство в Ладоге не прекратилось. Теперь здесь отливали украшения из сплавов олова — украшения, родиной которых являлось колочинское Левобережье Днепра. Украшения эти пользовались спросом у кривичей и сопредельных с ними финнов. На «чудских» городищах Камно и Рыуге обнаружены точно такие же литейные формочки, как в Ладоге. Предполагают приход новых поселенцев с Верхнего Днепра по Волхову.[1995]

Эта информация вполне может быть сопоставлена со сведениями «Саги о Скъёльдунгах» о рати из «Каенугарда», «града киян», призванной Харальдом, но не участвовавшей затем в скандинавской войне. Харальд, проведший часть молодости в доме словенского вождя, прекрасно

https://RodnoVery.ru

представлял себе ситуацию на востоке. Стремясь ослабить словен Рёгнвальда, он обратился за помощью к их основным врагам — кривичам и «чуди». Основная кривичская рать, призванная Харальдом, пришла с верховий Днепра и Ловати. Она представляла из себя не собственно племенное ополчение, а разноплеменный отряд авантюристов. При этом к ним присоединились привлеченные жаждой наживы и поиском новых мест люди из более южных краев. Почему бы и не «кияне»? — не из самого Киева, так из Северского Левобережья. Именно тогда и словене, и скандинавы могли получить первые сведения о «граде киян» далеко на юге. Эта древняя форма названия, неизвестная летописям, к слову, и явилась источником для скандинавского Kænugard.[1996]

Сборная община-дружина пришедших с юга славян и «чуди», закрепившаяся в Ладоге, держала в напряжении округу, в том числе Любшу. Но Рёгнвальд все-таки отплыл на помощь двоюродному племяннику за море. И принял участие в битве на берегу Бравалльских полей в Восточном Гаутланде — одной из самых прославленных битв на заре эпохи викингов.

По преданиям, сохранившимся у средневековых данов, норвежцев и свеев, к сражению собралось несколько тысяч кораблей. Не столь уж невероятно, если учитывать германо-скандинавские, балтские и славянские ладьи всех тогдашних размеров, включая и челны-«однодеревки». Славяне, если верить сказаниям о Бравалле, бились на обеих сторонах Причем разделились как восточные славяне, так и западные. За Харальда как «щитовая дева» и знаменосец сражалась воительница Висма, окруженная «виндскими» воинами-берсерками. Эта картина заставляет вспомнить славянские воинские братства с единственной «девой» среди мужчин, описанные в фольклоре. На стороне Сигурда бился «Дук Винд». Его имя — искажение-сокращение от какого-то славянского на «Туг-». Рёгнвальда Сигурд поставил во главе своего авангарда. Там славянский князь и погиб, сражаясь за своего родича против фриза Убби, сторонника Харальда. Позднее в сражении пала и Висма, которой легендарный датский воитель Старкад, один из разжигателей распри, отрубил руку, державшую стяг.[1997]

Конечно, в «Песни о Бравалльской битве», отраженной и в «Саге о Скъёльдунгах», и у Саксона Грамматика, вряд ли все достоверно. Но она отражает события, действительно потрясшие всю Скандинавию. Потому если масштаб битвы, в которой будто бы участвовали все народы Севера, и преувеличен, то не слишком — именно так она и представлялась скандинавам. Недаром после нее агрессия викингов все больше обращается

https://RodnoVery.ru

вовне, против стран Запада, превращаясь в «бич Божий» для франков, кельтов и англосаксов. Точно датировать Бравалльское сражение мы не в состоянии. Но произошло оно где-то около 770 г. — во всяком случае, ранее 776 г., когда верховным конунгом данов являлся уже Сигурд.

Итак, победу в битве одержал Сигурд Кольцо, сын славянского княжича Рандвера. Он стал родоначальником позднейших королей Дании и Швеции. Харальд Боезуб погиб, как и желал этого. В Скандинавии вновь возникла племенная федерация, объединившая датские, ютские и свейские племена. Она была не прочнее двух предыдущих, Иваровой и Харальдовой. Вся власть на местах оставалась за племенными конунгами. Но «общий» вождь гарантировал, по крайней мере, относительный внутренний мир. И консолидацию для внешней агрессии.

Происхождение Сигурда и его союз со словенами гарантировали, что агрессия эта не обратится против них. Словенская знать воспользовалась победой своего родича, чтобы выставить «киян» и их союзников из Ладоги. Около 780 г. поселение вновь подверглось пожару. В отстроенной Ладоге жили теперь и славяне, и финны, и приплывавшие из-за моря скандинавы. В основном население остается славянским, строившим дома с печами в углу. Но теперь это были уже не пришельцы с юга, а словене — хотя в окрестностях, судя по длинным курганам, жили и кривичи. Продолжаются захоронения в сопках, сочетающих и славянскую, и финскую, и скандинавскую обрядность.[1998]

За освобождением Ладоги последовало новое наступление словен на земли кривичей. Словене расселяются на запад, к границам Псковщины. В конце концов, длинные курганы на Псковщине исчезают, сменяясь сопками. Местные славянские жители влились в состав волховского племенного союза, восприняв его культуру. Словене укрепляют против «чуди» поселения в окрестностях Пскова. Вокруг этих новых градов вырастают могильники из сопок.[1999] Впрочем, память о кривичском происхождении и племенная автономия кривичей в Изборске долго сохранялись. Кривичи, рассеянные в Поильменье, ориентировались по-прежнему на свою «столицу». Изборск не уступил Любше, став едва ли не более важным центром словенского — теперь единого словенско-кривичского — Севера. Все это заставляет думать скорее о полюбовной договоренности словен с ослабленными ладожской войной одноязычными соседями. Словене усиливали Изборск в полувраждебном «чудском» окружении и своей людской силой, и своими навыками землепашества. Кривичи же признавали, больше на словах, верховную власть словенских

https://RodnoVery.ru

вождей и словенский религиозный культ, «веру волхвов». Последнее и отразилось в переходе от длинных курганов к сопкам.

Тем временем в Ладоге разворачиваются события, имевшие важнейшее значение для истории европейского Севера. На основе археологических данных ход их можно представить так. Отвоевав Ладогу, словене получили от побежденных какие-то сведения о богатстве южных земель, — прежде всего, Хазарии. Данные о торговых операциях хазарских и арабо-персидских купцов на Волге могли и ранее доходить до Поволховья через восточных финнов. Теперь словене, чьи крайние восточные выселки уже достигали волжских верховий, проявляют инициативу в налаживании связей с Востоком. Результат не замедлил сказаться.

Первой, на «разведку», прибыла в Ладогу по Волге и Волхову компания мастеров-стеклоделов из прикаспийских областей. Этими искателями наживы в землях северных «варваров» двигал трезвый расчет. Высокий спрос славянской знати на стеклянные изделия был хорошо известен по опыту Поочья и Левобережья Днепра. Ладога открывала как будто возможность общения сразу со множеством неведомых северных племен. Желавшие перетянуть восточную торговлю с Оки словене стремились представить свой вик в наилучшем свете. Естественно, что производство товара на месте резко повышало прибыль.

Уже в 780-х гг. на месте бывшей кузницы и «кухни» временных захватчиков выстроили стеклодельную мастерскую. В ней стекло варили и обрабатывали по персидской технологии. Для варки стекла пришлые мастера использовали золу солончака, регулярно подвозимую из хазарской Степи по Волжскому пути. Успех первого предприятия открыл путь торговле с Востоком. Словенской племенной верхушке удалось нацелить восточных купцов в выгодном себе направлении. Уже в конце VIII в. значение Волго-Окского пути несколько снижается, а по Волхову торговля идет все оживленнее. Из восточных стран и Хазарии поступают стеклянные и сердоликовые бусы, лунницы «салтовских» типов — и арабское серебро. На него обменивали выменянную на стеклянные бусы пушнину, что могло приносить фантастические, до десятикратных, прибыли торговцам.[2000]

Насельники Ладоги оказались гораздо более восприимчивы к денежному обращению, чем славяне юга Восточноевропейской равнины. И словене, и скандинавы высоко ценили серебро как драгоценный металл. После знакомства с арабской монетой серебро быстро превращается в первобытные «деньги», в общий эквивалент. Монету не брали ради номинала, а ценили на вес. В этом отношении столь же ценились местные

https://RodnoVery.ru

серебряные шейные гривны — именно название «гривна» получает позже денежная единица Руси. В Полужье обнаружен клад из таких гривен VIII в. А в Ладоге — первый на Севере клад арабских дирхемов, датируемый по младшей монете временем после 786 г.[2001] Основную выгоду, — по крайней мере, от получения «престижных» восточных редкостей, — извлекала из торговли Любша. Именно здесь оседала большая часть привозимых стеклянных бус.[2002] Но Ладога являлась производственным и собственно торговым центром — и в этом было ее очевидное преимущество. Вскоре сами славяне и скандинавы из Ладоги стали отправляться за серебром на Восток, желая перехватить у чужеземцев их торговые сверхприбыли. Начинали они как посредники ладожских стеклоделов в сношениях с компаньонами-соотечественниками. Но только начинали. При этом пушнина скупалась у получавшей ее в качестве дани любшинской знати за то же самое стекло, гораздо более дешевое в серебряном эквиваленте. Стекло доставалось Любше. Серебро — Ладоге.

Действия словенской знати и ее скандинавских партнеров по налаживанию торговли с Востоком имели революционное — без преувеличения — влияние на судьбы всей Северной Европы. По сути, произошел целый экономический переворот, открывший новую эпоху. В считанные годы после освобождения Ладоги и открытия Волжского пути восточное серебро поплыло не только в низовья Волхова, но и за Балтийское море. Восток нуждался в разных товарах Севера и охотно за них платил разным народам. В денежное обращение вовлекались все новые племена — как славянские, так и германские. Это обогащало волховских купцов и аристократов. Главным их торговым агентом в Скандинавии выступал сам верховный конунг Сигурд.

Раньше всего, с 780-х гг., принимали арабское серебро через Ладогу вики Восточной Швеции — Бирка и другие. Свейская Бирка, столица независимых племенных конунгов, успешная соперница Упсалы, быстро превратилась в главный центр восточной торговли. Получал восточное серебро и Готланд.[2003] Но помимо скандинавов, у ладожской торговой знати имелись и иные партнеры, и иное направление интересов. Вторым направлением внешних связей в те же последние десятилетия VIII в. оказывается южный берег Балтики, а именно низовья Одры и Лабы.[2004] Ничего удивительного — отсюда некогда вышли в основной своей массе предки словен. Словенские купцы плыли по следам своей исторической памяти. И ободричи, и руяне, и велеты включились в оборот восточного серебра с той же легкостью, что и скандинавы. Таким образом, в новую

https://RodnoVery.ru

систему торговли, центральными звеньями которой являлись Любша и Ладога, оказались вовлечены и юго-западные, и северо-западные берега Балтики.

Скандинавы, естественно, не без ревности следили за таким раздвоением изливающегося на них денежного потока. Особенно это касалось данов, пока крайне слабо вовлеченных или вовсе не вовлеченных в восточную торговлю. Славянское происхождение вождя датско-свейской федерации племен, Сигурда Кольцо, давало шанс поставить под свой контроль и южную ветвь возникшего торгового пути. Но, вопреки этому обстоятельству, отношения скандинавов с ободричами после Бравалля складывались отнюдь не мирно.

Касалось это, в первую очередь, ютов. Они признали зависимость от Сигурда и управлялись собственными племенными конунгами из Скъёльдунгов, в том числе сыновьями Харальда. Ущемленные амбиции побуждали Скъёльдунгов время от времени домогаться дани от ободричей — безо всякого успеха. Те, в свою очередь, успешно пользовались ослаблением Ютландии после бравалльской катастрофы. Часть «виндов» сражалась при Бравалле на стороне Харальда. Потому некоторые его сторонники, не желавшие признавать власть Сигурда, могли найти приют в близлежащей Вагрии.

Из таких людей был некий Витне — «дан по рождению», который якобы «держал власть среди славян». Согласно Саксону Грамматику, он присоединился к заговору датской знати против Али, родича Сигурда и его наместника в Сьяланде. В результате заговора Али погиб.[2005] Не исключено, что Витне действительно находился в родстве с кем-то из славянских князей и входил в высшую знать Вагрии.

Саксон сообщает и другие предания о войнах со славянами в Ютландии. При этом ободричи выступали чаще нападающей, чем обороняющейся стороной. Они отвечали небезуспешным ударом на каждый брошенный им вызов. Так, ютский конунг Хамунд, вроде бы сын и наследник Али, потребовал от славян дани. Те в ответ под предводительством семи своих князей вторглись в Ютландию. Хамунд с большим трудом удалось разбить их и вроде бы даже взять искомую «дань». Другой ютский конунг Сигурд тоже имел дело со славянами — и совсем безуспешно. Напав сначала на них, он разбил «простонародье, дерзнувшее сражаться без вождя». Но в ответ славяне во главе с одним из своих князей вторглись в Ютландию и разгромили Сигурда в битве при Фунене. Затем конунг потерпел поражение еще в нескольких битвах и

https://RodnoVery.ru

потерял свои владения.[2006]

Войны с данами и ютами отвечали политическим интересам ободричей. Сигурд Кольцо во главе подвластных ему племен стоял на пути завоеваний Карла Великого. Даны поддерживали борьбу саксов против франкского короля. Ободричи же в 780-х гг. надолго оказываются союзниками франков. Политические и экономические отношения племен северного приморья от франкских рубежей до Волхова стягивались в один прочный узел.

На рубежах империи Карла

В первые годы правления Карла Великого подчинение славян, расселившихся во Франконии и Тюрингии, королевской власти уже завершилось. Славян обложили податями в пользу короны, епархий или отдельных вотчинников. Их земли свободно жаловались монастырям. Между 776/796 гг. знатный франк Эгилольф передал Фульдскому монастырю полученные в наследство от отца земли славян в Хейду и Труоснастети на Верхнем Майне.[2007] Сопернику Фульды — Херсфельдскому монастырю майнцский архиепископ Лулл между 769/775 гг. пожаловал славянское поселение. Здесь речь идет о Тюрингии, о землях по левому берегу Заале. Затем, после 775 г., сам Карл добавил к этому пожалованию еще несколько десятков славянских наделов.

Включение в систему феодального Франкского государства ускорило распад общины у славян Тюрингии. Франкские чиновники выделяли каждой семье надел — хубу, с которой владельцы должны были выплачивать поземельную подать. В деревне Бискофесхузун было 30 таких хуб. Минимальный размер хубы определялся в 7 га — так что все общинные угодья делились теперь между отдельными общинниками. Община могла быть расчленена — часть хуб переданы другому владельцу. Так, Карл выделил Херсфельдскому монастырю 19 славянских хуб из шести славянских или славяно-германских сел Тюрингии, а Лулл — 14 из селения Родестейн на Заале. Вместе с тем славяне сохраняли свой племенной строй. Все «виниды» в Вюрцбургской епархии делились на две больших племенных группы — майнские и редницкие, по названиям рек, на которых жили. При этом, несмотря на усилившийся государственный и феодальный контроль, расселение славян в Тюрингии продолжалось. Так, уже после 775 г. славяне появились в селении Суабехузен. Всего из

https://RodnoVery.ru

наделов, пожалованных Карлом Херсфельдскому монастырю, славяне занимают 49 — более 10 %.[2008]

В условиях разворачивающейся с 772 г. борьбы за Саксонию непосредственная угроза возникала и для соседних славян. Первое столкновение с ними произошло в 780 г. В том году король совершил поход к Эльбе. В ходе этого похода он обеспечил временное повиновение саксов и фризов, которые согласились подчиниться франкам и принять крещение. Дойдя до реки в районе впадения в нее притока Оре, Карл принудил признать свою власть и расселившихся там славян — древан. Обеспокоенные появлением франков на Лабе, ободричи согласились заключить с Карлом договор о «союзе». С точки зрения франков, это одно означало повиновение заречных славян. Но на самом деле ободричи, напротив, обеспечивали себе безопасность и независимость. Признав власть Карла над левобережьем, они получали возможность использовать франков для борьбы со своими врагами — данами и велетами. Славяне «великим множеством» даже обещали Карлу принять крещение, — правда, серьезных последствий это не имело. Приняв «многие тысячи» славян под свою «власть», Карл удалился.[2009]

Ободричи заключили с Карлом союз. Но оставались бывшие союзники — сербы, которых франки после битвы в Вейтахабурге превратили в своих врагов. В 782 г. сербы сравнительно «немногочисленным» отрядом вторглись в Тюрингию, а затем в Саксонию. «Разграблениями и пожарами» они «опустошили некоторые местности». Столкнувшись с этой угрозой, Карл отправил против них с франкским и саксонским войском трех своих приближенных — Адальгиза, Гейло и Ворада. Они должны были «смирить строптивых славян». Но этот поход оказался сорван. Саксы под предводительством племенного герцога англариев Видукинда, зятя Сигурда Кольцо по сестре, восстали против франкского владычества. Войску, отправленному против славян, пришлось иметь дело с саксами. Произошла ожесточенная битва на горе Зюнтель, в которой пали Адальгиз и Гейло, но саксы все же были разбиты. Сербы же остались совершено безнаказанными.[2010]

Последовал новый раунд войны за Саксонию. Карл беспощадно подавлял сопротивление саксов. Но борьба шла с переменным успехом. Саксов активно поддерживали даны и юты. Саксонская область к северу от Эльбы, на границе с Ютландией, где жило племя нордальбингов, стала надежным оплотом сопротивления. Только в 785 г. закрепившийся здесь Видукинд вынужден был признать власть Карла. Но борьба с Сигурдом и

https://RodnoVery.ru

его саксонскими союзниками не закончилась. Большая часть Саксонии повиновалась Карлу. Но то и дело вспыхивали восстания. Даны же беспокоили своими набегами побережье, притом поддерживая и разжигая любое недовольство.

В этих условиях разразилась очередная война между велетами и ободричами. Набеги велетов на ободричей и так продолжались «непрестанно». Но теперь ободричи решили использовать новый союз и обратились за помощью к Карлу.[2011] Старшими среди «остальных королей» ободричей в то время являлись Вышан и Дражко. Из них Вышан возглавлял весь союз и сидел, следовательно, в Велиграде. Верховным же главой велетов и стодорян являлся уже упоминавшийся Драговит из Бранибора, некогда союзник Карла Мартелла. На тот момент Драговит «далеко превосходил» других велетских «царьков» своей знатностью и возрастом.[2012] Имя Драговита перекликается с именем Дражко. Несмотря на постоянные войны между велетами и ободричами, нет ничего невероятного в их свойстве или родстве. Тем более что Драговит происходил не собственно из велетов, а из стодорян, дальних сородичей ободричей.

У Карла имелись и собственные причины для вторжения в земли велетов. Подобно сербам, воинственные велеты не боялись беспокоить новые франкские границы. Не только «союзники» ободричи, но и собственно «подвластные» франкам древане и саксы страдали от их набегов. Велеты попросту не заметили расширения границ некогда союзного им Франкского королевства. А равно и того, что прежние враги франков саксы — отныне их подданные. «Обычно», как прежде, так и теперь, велеты «ненавистью преследовали», «войной донимали и тревожили» разноплеменных западных соседей — и славян, и германцев. [2013]

В 789 г. Карл выступил в поход против велетов. К союзу против них король привлек не только ободричей, но и недавних врагов — сербов. Последних также беспокоили велетские войны. Стодорское княжество Драговита являло для Белой Сербии основную угрозу. Поход как будто затевался как грандиозное мероприятие, призванное навсегда покончить с велетской угрозой. Карл вместе с франками перешел Рейн близ Кёльна, вступил в Саксонию, здесь собрал войска саксов и двинулся к Эльбе. Через реку он навел два моста, один защитив с обеих сторон валами. После переправы он оставил стражу охранять укрепленный мост и двинулся к Бранибору. Туда же направился флот фризов, прибывший по Северному

https://RodnoVery.ru

морю и Эльбе. Фризы свернули в Хафель и у вражеской столицы соединились с королем. Одновременно с Карлом в земли велетов вторглись рати ободричских князей во главе с Вышаном и Дражком, а также сербы. По пути к Бранибору и они присоединились к королю. Карл приказал «все опустошить огнем и мечом».

Драговит был напуган внезапным вторжением франков. Вопреки тому, что велеты народ «воинственный и рассчитывающий на свою многочисленность», он почел за лучшее решить дело миром. Не дожидаясь прямого военного столкновения, велетский князь вышел из града и прибыл в лагерь наступающего Карла. Драговита сопровождали его сын и вся дружина. Князь велетов напомнил Карлу о своей договоренности с Мартеллом и о признанных франками правах на княжение. Карл требовал формального «подчинения» и отказа от нападений на своих союзников. Драговит вынужденно согласился. Он поклялся сохранять «верность королю и франкам» и вручил Карлу заложников по выбору самого короля. Карл, в свою очередь, признал власть Драговита над велетами и гарантировал ему безопасность на будущее. Вместе со знатными заложниками из Бранибора Карл двинулся на север, в глубь велетских земель. Он прошел до впадения в Балтику реки Пене, рукава Одры. Именно из этих земель подвергался набегам ободричский Велиград. «Другие славянские знатные лица и царьки», следуя примеру Драговита, «подчинились» Карлу. Карл взял со всех велетских князей заложников, по собственным следам вернулся к Эльбе и переправился на западный берег. [2014]

Итоги похода 789 г. неоднозначны. С одной стороны, затеваемая грандиозная война вылилась просто в грандиозную военную демонстрацию. Велеты сохранили и независимость, и многочисленную военную силу. «Подчинение» являлось чистой формальностью, разве что немногим меньшей, чем во времена Мартелла. Карл не сметил ни одного славянского князя. Придворный богослов Алкуин надеялся, что удастся склонить велетов к христианству. «Принимают ли вильцы или вионуды, которых недавно приобрел король, веру Христову?» — спрашивал у кого-то из саксонских аббатов уже осенью 789 г.[2015] Однако велеты, как отмечает другой источник, оказались «весьма привержены язычеству».[2016] Впрочем, от них не отличались и уже союзные франкам ободричи.

С другой стороны, велеты все же согласились оставить в покое всех западных соседей. Союз с Франкским королевством подразумевал помощь франкам в их войнах. Первое подрывало основы существования велетского

https://RodnoVery.ru

союза и не могло не вызвать определенного разлада в велетской знати. Ни о каких активных действиях велетов мы в 790-х гг. не слышим. Второе же создавало угрозу войны с данами, врагами франков. Эта угроза, насколько мы можем судить, в течение 790-х гг. воплотилась. Нападение данов совпало с восстаниями покоренных племен. Последних вдохновило бескровное поражение, нанесенное велетам и стодорянам франками. И это еще одна причина, по которой мы о велетах после 789 г. ничего не слышим.

Члены «федерации» Сигурда, уппландские свеи и даны с Борнхольма, [2017] в конце VIII в. появляются на Руяне и в Поморье за Одрой. Именно в этих областях местные племена, руяне и поморяне с брежанами, противостояли покорившим их некогда велетам. Славяне с охотой нанимали скандинавские дружины для защиты от велетов. Даны и свеи оседали среди новых союзников, завязывая искомые торговые связи. Это позволяло им взять, наконец, хотя бы под частичный контроль и южное направление налаживающейся ладожской торговли.

https://RodnoVery.ru

Фрагмент керамического раннеславянского изделия. VII–IX вв.

В конце VIII в., одновременно с появлением данов на Руяне, здесь исчезают следы присутствия велетов и начинается строительство собственных градов. Можно заключить, что руяне с помощью скандинавов выбили велетов со своего острова. В их числе — Аркона, Ругард. Аркона, будущая столица руян, возведенная на высоком мысу над Балтикой, пока еще была очень невелика. Эти грады являлись центрами политическими, а

https://RodnoVery.ru

не экономическими. Наряду с ними вырастают подчинявшиеся им торговые поселки, наподобие скандинавских виков. Старейший из них на Руяне — Ральсвик на островке перед морской бухтой, площадью около 10 га. Здесь располагалась торговая пристань, работали ремесленники. Ральсвик быстро стал важнейшим на Руяне центром торговли со Скандинавией. Именно в Ральсвике конца VIII в. появилась местная гончарная керамика — фрезендорфская, которая позже вытеснила лепную. Это выпуклые сосуды с широким горлом, довольно богато орнаментированные.[2018]

В конце VIII в. скандинавы появляются и в Поморье, оседая в прибрежных торговых поселениях. Здесь тоже местные племена сбрасывали владычество велетов. Но возникновение здесь градов и торговых «виков» связано не только с этим и в малой степени со скандинавами. Ладожских купцов теперь меньше интересовали охваченные войнами земли между Эльбой и Одрой. В балтийскую торговлю начинает вовлекаться более восточное, более близкое к самой Ладоге географически Поморье. Впрочем, началось его торговое освоение с более привычного приезжим, в 789 г. еще велетского низовья Одры. Именно оно в IX в. стало основным средоточием экономических и политических сил поморских племен.

На рубеже VIII/IX вв. свеи переправились с Руяны на материк в Менцлине, в устье Пене, в тех самых местах, где Карл Великий достиг моря. Здесь на склоне дюны появился торговый поселок свеев и поморян площадью примерно 10 га. Менцлин, первый «вик» в низовьях Одры, торговал со всеми берегами Балтики, а также с Фрисландией. Скандинавы принесли сюда обряд погребения в курганах. Под курганными насыпями останки сожжений укладывали на каменные ложа в виде ладей. Славяне смешивались со скандинавскими пришельцами, перенимая их навыки и обычаи.[2019]

Целая сеть градов возникает на рубеже VIII–IX вв. на восточной границе тогдашнего славянского расселения, между реками Регой и Парсентой. У устья Парсенты, в районе будущего Колобжега, обнесли новым валом Кенджино. Этот центр гончарного производства дал название кенджинской керамике. Град занимал площадь 7500 м^2, превышая размерами более раннюю столицу поморян — Голанч. Среди окружавших Кенджино неукрепленных приречных сел был и будущий Колобжег.[2020]

Подлинной столицей Поморья в то время стал уже новый град — Барды. Здесь также трудились гончары — изготовлявшие керамику

https://RodnoVery.ru

бардыского типа, идущую на смену кенджинской. Барды также появились еще в VIII в. Это почти уникальный для тех лет образец славянской крепости, состоящей из двух смежных градов. Один из них занимает площадь 5300 м^2, другой — 11 300.[2021] Обычно двухчастные грады делились на «княжескую» и «сакральную» части. Строительство такого града в Поморье отражает соправительство духовного (владыки) и военного (воеводы или князя) главы в поморском племенном союзе.

Некоторые из важных в будущем центров Поморья появляются именно в конце VIII в., пока как неукрепленные. Так, на древнем, еще лужицкой культуры, селище славяне основали нынешний Щецин. На острове реки Дзивны, впадающей в море рядом с Пене, возник неукрепленный торговый поселок Волынь (Волин), где почти сразу осели и скандинавы.[2022]

Карл между тем продолжал свою борьбу за Саксонию. В 792 г. здесь вновь вспыхнуло восстание. Саксы отреклись от христианства и обратились за помощью к соседним язычникам. Саксов поддержала не только часть фризов, но и сопредельные славяне.[2023] Это были, в первую очередь, древане, жившие на левобережье Лабы и подчиненные ранее Карлом. Ободричи сохранили верность союзу с франками.

Опасаясь цепной реакции, Карл принял меры по укреплению франкской власти над славянами других включенных в королевство областей. Среди прочего по-настоящему озаботился он, наконец, обращением хотя бы подвластных славян в христианство. В грамоте Вюрцбургской епархии от 793 или 794 г. король предписал выстроить «в земле славян, которые живут между Майном и Редницем и зовутся майнцскими и редницкими винидами… церкви, сколько сможет иметь тот народ, только что обращенный в христианство». В результате во Франконии учредили для славян 14 церковных приходов.[2024]

В августе 794 г., после возвращения Карла из очередного саксонского похода, его арьергард вступил в бой с древанами. Сражение закончилось успешно для франков. Славяне потеряли «много воинов».[2025] Но покорить славян франкам пока не удалось.

Главными врагами франков оставались нордальбинги, постоянно поддерживаемые данами Сигурда. В 795 г. им удалось добиться большого успеха — в бою с ними погиб Вышан, верховный князь ободричей. Он направлялся к Лабе на соединение с действовавшим в Саксонии Карлом, по призыву короля. Но саксы подстерегли его в засаде, захватили врасплох и убили. Произошло это уже на левом берегу, при переправе близ местечка Хлиуни. Карл, поджидавший Вышана в своем лагере в Бардовике, тоже в

https://RodnoVery.ru

низовьях Лабы, и принимавший от других саксов изъявления покорности, узнал о происшедшем слишком поздно. Франки выступили к Хлиуни — но там лишь могли удостовериться в гибели союзника.[2026] После гибели Вышана верховным князем ободричей стал Дражко — уже в 789 г. второй после Вышана по влиянию.

В 798 г. Карл вновь вступил в Саксонию. Во время этого похода ему удалось уже почти что умиротворить непокорную землю. Нордальбинги, однако, так и не сдались. Во время пребывания Карла в Бардовике они убили его посланцев. Король в отместку опустошил саксонские земли к югу от Эльбы. Ободричи же вторглись в саму землю нордальбингов, «разорили и выжгли» ее. У ободричей после гибели Вышана имелось достаточно своих причин воевать с саксами. Дражко обратился к франкам за помощью. Карл отправил своего легата Эбуриза. Решив ответить ударом на удар, нордальбинги «собрались воедино» и выступили против ободричей. Дражко удалось встретить врага на своей земле.

Войска Дражко и вспомогательный франкский отряд сошлись с нордальбингами на поле Свентана — для славян священном, посвященном какому-то божеству. Эбуриз со своими людьми встал на правом фланге войска ободричей. Славянам сразу улыбнулась удача. Они сполна отомстили за гибель Вышана. Первая же атака ободричей опрокинула саксонскую рать. Погиб 2901 сакс (по другим, преувеличенно-округленным данным, даже 4000). Остатки нордальбингов бежали с поля боя. После этого они запросили у Карла мира.

Король принял их посланцев и вести от Дражко в Нордтюринггау, на южной окраине земель древан. Таким образом, и они покорились ему вместе со всей Саксонией. Ободричей, «наших славян», как теперь воспринимали их франки, Карл щедро вознаградил. От нордальбингов он принял заложников, добился выдачи самых упорных врагов и с большим числом пленных вернулся за Рейн.[2027]

В 799 г. Карл вновь находился в Саксонии, в Падерборне. Отсюда он отправил к Эльбе своего сына Карла Младшего. Прибыв в Барденгау в низовьях реки, Карл принял перебежчиков от вновь начавших волнения нордальбингов. Главной же его задачей были переговоры со славянами — велетами и ободричами. Франки были заинтересованы в прочном союзе с теми и другими, и в мире на вновь установленных границах. Уладив «какие-то дела» со славянами, Карл Младший вернулся к отцу.[2028]

Так обстояли дела на границе с франками к тому моменту, как их король Карл Великий вступил в 800 г. на императорский престол. Создание

https://RodnoVery.ru

мощной Франкской империи на западной границе славянского мира имело огромное значение для истории славян. В их истории эта держава (и ее наследники) играла двойственную роль. С одной стороны, через франков славяне начали знакомиться с духовными и материальными достижениями латинской культуры. С другой — франки сразу же превратились в серьезнейшую угрозу для нарождающихся славянских государств. Завоевания Карла оставили на какое-то время глубокий след в исторической памяти всех славянских народов. От его имени произошло воспринятое всеми славянскими племенами слово «король» — как обозначение властителей латинского Запада.[2029]

Начало Гнезненской Польши

Территорию современной Польши в VIII в. занимали несколько славянских племенных союзов. Самым сильным из них оставался вислянский с центром в Кракове. Известны также червяне или лендзяне на юго-востоке, у Западного Буга, гопляне или поляне на севере, в левобережье средней Вислы, и несколько силезских племен. Все эти племена, мало подвергавшиеся внешним воздействиям, поддерживали все более тесные связи между собой. Это способствовало постепенному сложению единой «предпястовской» культуры. Ее источниками являлись пражско-корчакская и суковско-дзедзицкая славянские культуры. Но наряду со славянами, предками средневековых поляков являлись и проникавшие уже в VIII в. на восток, в Подляшье, балты — галинды и судавы (ятвяги).[2030] Население за минувшие два века значительно выросло. Особенно плотно заселены оказались южные и юго-западные польские земли — Силезия, Малая Польша, долина Обры. Но и на севере плотность населения возросла ко второй половине VIII в. по сравнению с VI в. более чем в два раза. Примерно вдвое возрастает и среднее количество домов на поселениях. Расширяются обрабатываемые земли.[2031]

Быт славянских обитателей Польши изменился пока мало. Выделяется три основных типа поселений. Преобладавшие ранее малодворные, разросшиеся с починка веси уступают место большим по размеру. На юге преобладали села, основанные 4–7, максимум 10 семьями, селившимися одной весью, в близко стоящих друг к другу домах. На севере и северо-востоке господствует иной тип — большое поселение, окруженное отдельными дворами-выселками.[2032]

https://RodnoVery.ru

На поселениях преобладают наземные срубы-избы, хотя отмечены и полуземлянки. Помимо срубной, изредка применялась и столбовая техника. Иногда в пазы стоявших по углам столбов загоняли заостренные концы бревен. Столбовые дома этого времени (18–56 м^2) в среднем больше срубных (порядка 20 м^2). В качестве строительного материала предпочитали дуб. В углу дома располагались печи — в основном, что и ранее характерно для Польши, глинобитные, в виде колокола. Однако известны и каменные очаги в центре зданий.[2033]

Судя по появлению отдельных захоронений в курганах, у «ляхов», по крайней мере у южных, начинался распад большой семьи. Об этом свидетельствует и планировка поселений, основывавшихся с самого начала как соседские общины. Каждая семья самостоятельно вела хозяйство и хранила припасы.[2034]

Как и повсюду у славян, строились новые и расширялись старые грады. В VIII в. в земле вислян возникают, наряду с Краковом, и другие небольшие грады — центры отдельных племенных княжений, составляющих вислянский племенной союз. Расширяются старые укрепления — вроде Страдува. Новые племенные центры возникают и в Силезии. Одним из них стало Ополе на Одре, основание которого относится как раз к VIII в. Изначально оно являлось естественным укреплением, на островке, образованном рекой, под защитой палисада. Грады строятся и на севере Польши. В это время наиболее крупные (до 1 га) и выгодно расположенные грады уже обрастают предградьями, превращаются в торговые и ремесленные центры. В них надолго запасались припасы для нужд князя и его дружины. Появляются в градах и святилища — свидетельства совмещения князьями духовной и светской власти. Но их еще очень мало. Большинство градов расположены посреди сельской округи и не превышает 1500 м^2 площади. Князей окружали их дружинники — воины-всадники. Из оружия от этого времени сохранились наконечники стрел; есть и находки железной сбруи.[2035]

Пример крупного града этого времени — Зелив, расположенный в долине Обры. Площадь его — около гектара. Жилища расположены вдоль защищающего град вала. Посреди оставлена площадь для ритуалов или собраний, которая вымощена деревом. Чуть меньший размерами, но также довольно крупный град — Брущево, возникший в середине VIII в. близ большого древнего села. В нем также слегка углубленные в землю дома располагались у подножия вала. Вал в этом случае укреплен камнями.[2036]

Нередко происходит укрепление и расширение старых поселений. Так,

https://RodnoVery.ru

Бискупин в Великой Польше к концу VIII в. обзавелся предградьем. Новый вал еще в конце VII в. строится в Бониково, на границах полян и лужичан. В Ленчицах палисад заменили земляным валом на деревянном остове. Именно в это время меняется облик Кракова. Княжеское селение на горе Вавель, ставшее уже центром сельской округи, теперь превращается в защищенный валом град.[2037]

Славяне Центральной и Южной Польши занимались в основном земледелием и скотоводством. Землю обрабатывали сохами с железным сошником — орудием времен перехода от подсеки к перелогу и пашне. Уже в VII–VIII вв. стал использоваться плуг. С конца VIII в. и в Великой Польше, и в Силезии окультурили рожь. В VIII в. появляются и серпы нового типа, сильно выгнутые и лучше приспособленные для уборки злаков. Для помола же зерна по-прежнему использовали каменные жернова. Подъем земледелия, расширение пахотных площадей вели к отказу от подсеки. Серьезные изменения происходят в скотоводстве. В VIII в. по всей Польше отмечено бурное развитие свиноводства. В Великой Польше свинья окончательно становится главным домашним животным (более 52 % стада). Вообще, мелкий скот начинает преобладать над крупным. Помимо рогатого скота и свиней разводили и лошадей — как для пахоты, так и для войны. Помимо сошников, серпов и оружия из железа делали также топоры, кресала, тесла, ключи. Ювелирное дело развивалось медленнее. Потому украшения и предметы роскоши встречаются на польских памятниках гораздо реже. Это фибулы, подвески, щипчики. Из глины, как и в других славянских землях, изготовляли посуду и пряслица. [2038]

В Польше VIII в. еще господствует лепная керамика. Лишь на юге был известен ножной гончарный круг. На нем подправляли лепную посуду и изредка изготовляли собственно гончарную, дунайского типа. Господствует же старый пражский тип лепной посуды, отличающийся лишь отогнутым венчиком. Изредка встречается простейший орнамент бороздками или гребенкой.[2039]

Для культуры Южной Польши характерно в эту пору уже преобладание принесенного в минувшем веке курганного обряда. Этим ее жители заметно отличаются от северных соседей. В польских курганах совершалось, как правило, по одному захоронению. Некоторые курганы возводились на прямоугольном деревянном каркасе-домовине. Прах ссыпался в центре будущей насыпи, после чего и возводился курган. Урны использовались редко. Известен, однако, и иной обряд — когда останки, в

https://RodnoVery.ru

урнах или без, помещали на поверхности курганов, иногда на специальных деревянных площадках. А то и оставляли прах у столбовой ограды кургана.[2040] Такие захоронения — явный след венедского, суковско-дзедзицкого влияния.

На полянском же севере венедское культурное наследство пока господствует. Здесь прах сожженных мертвецов, как правило, просто разбрасывали по поверхности земли. Лишь изредка устраивали грунтовые кладбища. Захоронения на них совершались в неглубоких, выложенных камнями ямках. Урны и здесь встречаются очень редко. Прах просто высыпали на дно ямки.[2041]

На протяжении большей части VIII в. поляне, как и ранее, составляли довольно призрачную общность племен во главе с гоплянами. Их теснили соседи — висляне на юге и лужичане на западе. Для защиты от врагов строятся новые грады — например, на Ледницком острове.[2042] До последних десятилетий VIII в. признаков упрочения племенного единения незаметно. Но условия для этого вызревали.

Возникновение полянского племенного союза, собственно Великой Польши, отразилось в преданиях о князе Лешко, или Лехе. Первые их версии записал в XII в. Винцентий Кадлубек. Правда, он перенес действие в свой родной Краков, творя историю небывалого единого Польского королевства допястовской эпохи. Справедливость восстановил в XIII в. великопольский хронист Богухвал. У него и Лешко, и его наследник Попель княжат в великопольских градах — Крушвице и Гнезне. Это соответствует древнейшей польской хронике Анонима Галла (начало XII в.). Он помещает Попеля именно в Гнезне.[2043] Ни малейших оснований сомневаться в первоначальности именно такой версии хроники не дают. «Краковский» Лешко у Кадлубка — не подлинное предание, а отражение соперничества Кракова с великопольскими городами.

Самые первые следы предания о Лешке относятся еще к X в. Константин Багрянородный называет поляков, «некрещеных поселенцев на реке Висле», — Λιτζίχη.[2044] Хотя и не без сомнений, здесь — в сопоставлении с licicavici чуть более позднего немецкого историка Видукинда — прочитывается «лешковичи».[2045] Следовательно, в середине X столетия поляки возводили историю своего «княжения» к Лешку. При этом правили Польшей уже не Лешковичи, а Пясты.

Как бы то ни было, первым предание о Лешке излагает именно Кадлубек. В распоряжении малопольского хрониста оказалось несколько расходящихся вариантов. Поэтому он не только привязал Лешка к Кракову,

https://RodnoVery.ru

но еще и разделил его на трех одноименных королей, правивших друг за другом. Это заодно работало на основную цель — максимально удревнить Польшу, связать ее былых «королей» с античным миром. Решение последней задачи, в свою очередь, еще больше исказило древние предания. Богухвал в этом точно следует Кадлубку, местами его сокращая. Он лишь перенес, как уже говорилось, действие обратно в свои родные места, в Великую Польшу.[2046]

Первый вариант предания связывает Лешка с Александром Македонским. В его времена, как повествуют хронисты, у поляков князей не было. Богухвал добавляет, что управляли делами по древнему обычаю двенадцать мужей и выбираемый ими воевода. Александр потребовал от поляков дани. Те в ответ спросили у послов — не они ли сборщики дани? Послы ответили утвердительно. Поляки и обошлись с ними соответственно — переломали кости и содрали кожу. Отослав Александру кожу его послов и водоросли в качестве «дани», поляки сопроводили все это издевательским письмом, в котором восхваляли свою силу. Взбешенный царь двинулся в поход на Польшу. С ним шли «паннонцы» и мораване. По пути он опустошил и покорил Краковщину и Силезию. Но полякам удалось уловить войско македонцев в засаду. Нанеся поражение Александру, они заставили его отступить, забыв о требовании дани. Победа была одержана благодаря совету одного хитроумного златоткача. После изгнания врага героя избрали князем, причем он получил имя «Лешек», толкующееся как «хитрец».

По другой версии — она связывается уже с «Лешком II» — поляки, жившие без князя, погрузились в пучину распрей. В конце концов, народ решил, что вождем станет тот, кто первым доскачет на коне до некоей статуи. Один из претендентов, желая победить нечестным путем, усыпал все поле острыми шипами. Он подковал копыта своего коня железными подковами, а заодно и оставил для него тропинку. Между тем, двое простых юношей, не отличавшихся особой силой, решили померяться между собой на том же поле — добежать наперегонки до статуи. Оба жестоко изранили себе ноги. Но один, раненный легче, кое-как залечившись к утру, решил еще раз побежать к статуе — во время скачек. Скачки начались. Хитрец, разбросавший колья, обошел всех соперников, кони которых налетели на шипы. Но все же он не один пришел к цели. Юноша, жаждавший добыть себе честь и славу, невзирая на насмешки народа, пустился бегом вместе со всадниками. Он нашел чистую дорогу по краю поля — и пришел к мете вторым. Всадника-победителя было провозгласили королем. Но его соперники поняли обман, увидев подковы его коня. Немедленно коварного честолюбца низложили, приговорили к

https://RodnoVery.ru

смерти и разорвали лошадьми. Победителем невольно оказался пеший юноша. Его, перехитрившего хитреца, прозвали Лешком и возвели на княжеский стол. Лешко правил своими подданными щедро и разумно. Он велел сохранять обок своего трона прежнюю свою простую одежду — в напоминание себе и будущим королям.

Далее начинается история его сына — «Лешка III». О «Лешке II» не говорится, по сути, ничего, кроме описания вступления на престол. В то же время в связи с «Лешком III» повествуется о ратных деяниях, как и в связи с «Лешком I». Это наводит на мысль, что Кадлубек искусственно разделил надвое вторую версию предания о Лешке.

Последний Лешко якобы противостоял самому Юлию Цезарю (первый, как мы помним, — Александру Македонскому). В трех битвах с римлянами Лешко одержал победу. Понеся тяжелые потери, Цезарь вынужден был примириться с поляками и выдать за Лешка свою сестру. В приданое Лешко якобы получил Баварию. С Юлией, женой Лешка, связывается основание Любуша и Люблина (у Богухвала — Волина). Поскольку римский сенат осудил Цезаря за договор с поляками, то Бавария осталась за Римом. Тогда Лешко прогнал от себя Юлию, оставив ее сына Помпилия (Попеля), а княгиней провозгласил свою наложницу. По версии Богухвала, он имел нескольких жен и наложниц, от которых породил поименно перечисленных два десятка сыновей. Все это искусственно вписанные в великопольское предание основатели древних крепостей Полабья и Поморья. Богухвал вообще уделяет немало внимания обоснованию прав польских королей на эти земли.

Литературный вымысел в сведениях хроник о Лешке совершенно очевиден. Это и Александр с Цезарем, побеждаемые доблестными и хитрыми поляками. Это и значительная часть мудрых высказываний, списанных Кадлубком из античных источников. Это и описания битв, созданные по тем же образцам. Кадлубек, в общем, и не стесняется своего метода, простодушно и в то же время многословно приводя античные параллели к создаваемой им польской истории. Несомненный вымысел, основанный на простом созвучии, — основание женой Лешка, якобы Юлией, двух польских городов. Разнобой через всю Великую Польшу «Люблин — Волин» весьма показателен. Такой же фантастикой кажется и история с временным покорением Баварии.

Что же остается на долю древнего предания? Немало. Во-первых, это древние мотивы, связанные в первую очередь с «Лешком II». Здесь мы видим выборы князя на вече. Судьба выбора доверяется состязанию — скачкам к статуе, то есть идолу языческого божества. Конь у древних

https://RodnoVery.ru

славян являлся священным животным, и в разных преданиях он не раз выступает как вестник богов, указывающий на будущего вождя. Вспомним в этой связи чешского Пржемысла. Впрочем, здесь скачки выявляют подлинно достойнейшего — пешего победителя. Человек же, попытавшийся обмануть высшие силы, обличается подковами на копытах собственного коня. В языческую эпоху символизм этого эпизода был вполне ясен для слушателей. Конь все равно выступает как вестник небесной воли. Пржемысл вспоминается и в связи с простой одеждой Лешка, которую он велит сохранить у трона. Обычай оказывается довольно распространен в западнославянских землях. Смысл его тоже ясен — напоминать в годы упрочения княжеской власти о ее выборном происхождении.

Фрагменты славянских керамических сосудов. Бавария. VII–IX вв.

К древнему преданию явно восходят и общие мотивы обеих версий. И «Лешко I», и «Лешко II» — люди простого происхождения, опять-таки как и Пржемысл. Это отражение той же выборности князей, еще сохранявшейся в VIII в. и в Чехии, и в Польше. «Лешко I» обретает власть, а «Лешко III» доказывает право на нее одинаково — военными победами. Враг, как бы то ни было, в обоих случаях наступает с юга. Называемые Кадлубком географические названия, особенно упоминания мораван, заставляют видеть в этом какую-то реальность. Но для того, чтобы лучше

https://RodnoVery.ru

разобраться в ней, следует определиться с хронологией событий.

«Попель I» и «Попель II» Кадлубка и Богухвала — такие же искусственные дубли, как и «Лешки». Первому из этих «королей» приписаны положительные качества фольклорного прообраза, второму — отрицательные. После Попеля, как известно уже Анониму Галлу, на престол вступил Пяст, основатель династии Пястов. Исходя из этого, начало правления «исторического» Лешка следует относить к последним десятилетиям VIII в.

Это подтверждается еще одним преданием, которое ввел в средневековую литературу Богухвал. Во вводной части его труда появляется родоначальник поляков («лехитов») — Лех. Имя Лех (Lech) — сокращенная форма от Lestek, Лешко.[2047] Оба эти имени на самом деле никак, кроме созвучия, не связаны со словами «ляхи», «лендзяне». «Лехиты» же в этом случае — буквальное отражение названия поляков «лешковичи». Итак, предание о Лехе — еще один вариант предания о Лешке.

Для Богухвала, впрочем, Лех — уже именно родоначальник поляков. Он, соответственно, соотносится с далекими временами происхождения славян, выводится с Дуная, из Паннонии. Его отец, «пан», — хронист понимает это как личное имя и производит отсюда «Паннония», — произвел на свет будто бы трех сыновей. В братья Леху подводятся герои преданий других народов — Чех и Рус. Тем самым Богухвал, как и русский летописец, рисует по-своему картину славянского братства, чуждую Кадлубку.

Самая ценная часть предания о Лехе — заключительная. «Лех со своим потомством, — повествует хронист, — идя по широчайшим рощам, там где было Польское королевство, пришел к некоему месту с весьма плодородной почвой, изобилующему рыбой и дикими зверями, разбил там свою палатку, намереваясь построить себе и своим первое жилище, и сказал: “Будем вить гнездо”. Вот поэтому это место вплоть до настоящего времени называется Гнезно».[2048]

Это один из редких в польских хрониках образчик неискаженного народного предания. Конечно, едва ли «все так и было» — но в народной памяти XIII в. именно так. Кстати, название великопольской столицы она толковала вполне справедливо. Основание «гнезда» — Гнезна на горе Леха определенно связывалось с этим персонажем искони. Исходя из этого, и можно определить «историческую» основу предания о Лешке.

К концу VIII в. неукрепленное поселение на горе Леха превращается в

https://RodnoVery.ru

настоящий град. Основание его примерно, с большой долей условности, датируется 775 г. Гнезно окружал земляной вал на деревянной основе. Град, как и Кенджино в Поморье, делился внутренней линией вала на две части. В одной помещалось капище, в другой — резиденция князя с дружиной. На площади града располагались наземные избы-срубы с каменным очагом в центре. К югу, под валами, лежало неукрепленное село, жители которого могли найти убежище в крепости.[2049]

Таким образом, возникновение Гнезна как града вполне укладывается в родословную «Лешковичей». Исторический прототип «короля Лешка» и «Леха» мог построить крепость на горе в междуречье Варты и Вислы. Впрочем, само устройство крепости говорит против того, чтобы считать Лешка единовластным «королем». Жесткое разделение «светской» и «священной» зон свидетельствует о разделении и властей. В полянском племенном союзе, который начал складываться вокруг Гнезна, военный вождь (князь? воевода?) на первых порах делил власть с верховным жрецом (князем? владыкой?).

Какая же внешняя угроза вызвала сплочение полян вокруг нового града и его основателя — выборного вождя по имени Лешко? Как мы помним, враг наступал с юга. Поляне подвергались нападениям со стороны самых разных племен, более сплоченных и живших к югу и к юго-западу. Не исключено, что все античные красоты потребовались Кадлубку прежде всего для одной цели — затушевать реальную старинную вражду между полянами и вислянами, между Гнезном и Краковом. Именно вислянские Краки с их почти «деспотической» властью в первую очередь должны были потребовать от разрозненных полян дани. VIII в. — пора укрепления и расширения краковского княжения. Предположим, что висляне склоняют к союзу и других соседей и соперников полян — вождей Силезии. Легко допустить участие в союзе и мораван. Под «паннонцами» имелись бы в виду авары, еще властвовавшие в Словакии. Всех их привлекала, как нередко в межплеменных войнах, обещанная вислянами добыча, а то и доля в ожидаемой дани. Но вероятен и иной вариант — к построению Гнезна и объединению полян вокруг Лешка привела не одна тяжелая война, а серия набегов с разных сторон.

В одной ли войне, в серии ли отдельных войн с соседями поляне действительно одержали победу. К концу VIII в. вокруг Гнезна сложился племенной союз во главе с гоплянами, родным племенем Лешка. При желании можно допустить, что два варианта рассказа об избрании его князем отражали два разных события. Первый, «мирный», вариант с состязанием — избрание князем или воеводой гоплян. Второй вариант, с

https://RodnoVery.ru

избранием после победы — избрание общим вождем полян. Но допускать такое вовсе необязательно. Варианты естественны для народной устной истории. Искать «подлинный» среди них — труд себя не оправдывающий.

Позднее, уже в X в., при новой династии Пястов, весь союз стал носить имя «лешковичей», по былому княжескому роду. Несомненное признание его заслуг, притом что власть подлинных Лешковичей над полянами едва ли продержалась дольше пары поколений. Но к тому времени, когда Константин и Видукинд впервые назовут нам имя Лешка, возникнет уже нечто большее, чем полянский племенной союз. «Поля» между Вислой и Вартой станут ядром нового государства, в рамках которого превратятся в «Великую Польшу» — главная, но составная часть нового целого, Польского королевства.

Начало Руси

При описании событий конца VIII в. впервые появляется в достоверных источниках название «русь». Пока именно «русь», народ, а не «Русь», государство. Появление имени, — пусть немногим более, чем только имени, — славного в грядущих веках народа и великой страны — достойный итог первобытной истории Славянской Европы. Но вокруг одного только имени идет немало споров, и на них придется остановиться. Написанные в Крыму конца X в. «Чудеса святого Стефана Сурожского» выводят русов с севера. Но впервые появляются русы в этом же источнике на исторической сцене, уже достигнув Причерноморья.

Итак, при каких обстоятельствах появилось имя «русь»? В науке эта проблема отягощена долгим диспутом «норманистов» и «антинорманистов». В центре спора — сведения письменных источников, которые как будто позволяют выводить «русь» из Скандинавии. Этот спор привел к одному важному положительному результату — выявлению подлинных причин становления Русского государства, отказу от романтических представлений об основании «страны» единственным «героем». Удалось доказать и то, что появление в Восточной Европе названия «русь», вопреки летописному преданию, предшествовало вокняжению Рюрика, основателя рода Рюриковичей.[2050] Русь возникла в итоге долгого внутреннего развития. Но продолжающаяся дискуссия по вопросу происхождения названия прежнего смысла на этом фоне лишается. Мы видели, что путь славян к государству начался задолго до «руси» или

https://RodnoVery.ru

«Руси». Не окончился он и с ее появлением. На фоне этой величественной картины складывания новых общественных отношений появление названия «русь» — только эпизод, хотя для самой Руси исторически и важный. Важный лишь в силу того, что со временем это название стало именем государства.

Не менее малозначителен вопрос и на фоне нарисованной нами картины русско-скандинавских отношений. Уже во второй половине VIII в. славянские и скандинавские племена Прибалтики составили единое политическое, экономическое и культурное поле. Причем главенствовала на этом поле словенская тогда Ладога — важнейшее звено взаимного общения. Поволховье дало Скандинавии конунга Сигурда, с которым связано начало викингской эры на Западе. Оно же, что важнее, обеспечило обогащение норманнов за счет восточной торговли. В этих условиях тесного взаимного общения племен могли иметь место какие угодно встречные течения. Но восточное славянство все равно развивалось с опережением. И по отношению к скандинавам, и по отношению к полабским и поморским родичам. Это очевидно уже из одного факта сложения единого христианского государства Русь в X в. В ту пору в Скандинавии государства едва возникали, и христианство лишь делало первые шаги. А языческие Полабье с Поморьем еще и не перешагнули уровня отдельных племенных «княжений».

Итак, перейдем к данным, которые предоставляют нам относительно слова «русь» языковедение и письменные источники. Существуют три основных лингвистические версии происхождения названия Руси. Первую из них, наиболее разработанную в науке, можно определить как «фенно-скандинавскую». Согласно ей, слово «русь» произошло от финского ruotsi, которое, в свою очередь, восходит к древнескандинавскому ruþ ‘гребцы’. Заимствование этого слова для обозначения скандинавов произошло при самых первых контактах финнов с ними, в VI–VII вв. Для последующего важны два обстоятельства. Во-первых, слово «русь» является, по этой теории, заимствованием именно финского ruotsi, а не скандинавского ruþ. Во-вторых, слово ruotsi в финских языках обозначает как скандинавов, так и русских.[2051] Вторая версия может быть обозначена как «славянская». Согласно ей, название «русь» связано с какой-то из двух славянских основ — *rudsa ‘русый’ или *ru ‘течь’, откуда «русло». Первоначально русь, по этой версии, являлась одним из восточнославянских племен Поильменья.[2052] Наконец, третья версия, довольно давняя, но поздно обоснованная лингвистически, связывает русь с южными географическими этническими

https://RodnoVery.ru

названиями — от иранского племени роксоланов до реки Рось. Языковое обоснование теории производит слово «русь» от индоарийской основы *ruksa со значениями ‘белый, светлый’.[2053]

Впрочем, последняя версия не находит прочных оснований в письменных источниках.[2054] Все конкретные их сведения — начиная с «Чудес святого Стефана» — связывают происхождение «руси» с севером. Но вот между первыми двумя версиями показания источников расходятся. Впрочем, следует сразу оговорить одно обстоятельство. На вопросы, — с чьим языком связано название «русь» и кого в разные, даже в самые ранние времена называли «русью» — могут быть разные ответы. Тем не менее приведем все могущие иметь значение свидетельства письменных источников.

В пользу первой теории работает то, что современные событиям иностранные источники X, а иногда и IX в., определенно связывают «русь» со скандинавами. Так, Константин Багрянородный четко отделяет «росов» от управляемых ими славян. При этом он приводит «славянские и «росские» названия днепровских порогов. «Росские» оказываются скандинавскими.[2055] Другой византийский автор середины X в., Симеон Логофет, производит «росов» «из племени франков».[2056] Последнее легко толкуется как эпитет норманнов, поскольку собственного обозначения для этих германских («франкских») племен ромеи еще не имели. Тем более, «франкский» итальянский автор того же времени Лиутпранд Кремонский в связи с теми же событиями, походом русов на Византию 941 г., пишет, что греки «по внешнему виду» называют этот народ Ρουσιος, «мы же по их месту жительства зовем нордманнами». Дальше приводится объяснение названия как «северные люди».[2057] Лиутпранд нигде не относит это «географическое» определение к славянам. Норманны у него — именно скандинавы.[2058]

Между тем русов еще применительно к IX в. называли норманнами хронист Иоанн Венецианский[2059] и — что важно как современное свидетельство — король Италии Людовик II.[2060] Четко отличают «русов» и «славян» большинство мусульманских авторов IX-X вв. При этом в их описаниях нравы русов напоминают скорее скандинавские, чем славянские. Наконец, один из них, Йакуби, называет «русами» норманнов, напавших в 844 г. на Испанию.[2061] То же самое противопоставление «руси» и «словен» мы находим, что любопытно, в первой статье Русской Правды краткой редакции.[2062] Относится она в записи к началу XI в., ко временам

https://RodnoVery.ru

Ярослава Мудрого.

И то же самое наблюдаем в Начальной летописи применительно к событиям IX — первой половины X в. Более того, уже Начальный летописец утверждал, повествуя о вокняжении Рюрика: «И от тех варягов, находников тех, прозвалась Русь, и от тех слывет Русская земля». Впрочем, здесь больше стремления связать с династией основание государства, тем более что выше летописец уже говорил вне всякой связи с Рюриком о походе «руси» на греков.[2063] Нестор в начале XII в. снял это противоречие. Поход 860-х гг. на Византию возглавляют у него Аскольд и Дир, бывшие бояре Рюрика. Название же «Русь» связывается с особым племенем «русь», будто бы имевшимся среди «варягов». Других «варягов» летописец перечисляет, жестко очерчивая значение этого названия для средневековой Руси — «звались те варяги русь, как другие зовутся свеи, другие же урмане, англяне, другие и готы — так и эти».[2064] Впрочем, то, что варягами в XI–XII вв. называли в первую очередь скандинавов, а во вторую — западных европейцев вообще — и так нет особых сомнений благодаря древнерусским и византийским источникам. Однако следует иметь в виду, что Повесть временных лет явно стремится свести к одному Рюрику все предания о первоначальной «руси». Рюрику две из трех ее основных версий приписывают и основание Ладоги.[2065] Даже рассматривая, однако, летописные построения как довольно искусственные, мы не можем вовсе отказывать им в силе источника.

Озеро Ильмень. Современный вид

https://RodnoVery.ru

Но в пользу «славянской» версии также имеются свидетельства письменных источников. На первом месте здесь арабский автор IX в., старший современник Йакуби, Ибн Хордадбех. Он определяет русов, прибывающих с далекого севера, как «одну из разновидностей славян». [2066] Это единственное, но однозначное и веское известие придает значимости остальным. Начать следует с того, что та же «Правда русская» не менее четко выделяет среди подданных князя «варягов» в особую группу. По крайней мере, к XI в. существовала жесткая грань, отделяющая их от «руси» в целом. Воскресенская летопись XVI в., в уже цитировавшемся рассказе о расселении словен ильменских, приводит любопытное предание. Придя от Ладожского озера к Ильменю, словене здесь будто бы «прозвались иным именем, и нареклись русь реки ради Руссы, что впадает в озеро Ильмень».[2067] Подобные предания бытовали в Новгородской земле и веком позже — правда, слившись уже с южнорусским преданием о мифическом Русе как брате Словена и предков кочевых народов. В новгородской версии, в отличие от известной с XII в. [2068] южнорусской, Рус представал союзником Словена в возникшей из-за «тесноты» распре, а затем его спутником в пути на север. Речные названия Поруссия и Полисть якобы происходят от имен его жены и дочери. В этих поздних фантазиях для нас важно сохранение древнего предания о связи Южного Приильменья с первоначальной «русью».

Итак, письменные источники как будто сильно расходятся в своих свидетельствах. Возможно ли положительное сопоставление их сведений? Возможно — и сопоставление, и совмещения. Для этого следует только развести два обозначенных уже вопроса. Первый — откуда произошло название «русь»? Второй — кто первоначально именовался «русью»?

В этом случае вырисовывается следующая картина. Во-первых, название «русь», согласно исторической памяти Руси XI–XII вв., неславянское, оно пришло «от варяг». Если бы «русь» являлась одним из восточнославянских племен, чье название легко объяснялось бы из славянского языка, подобное мнение у летописцев не сложилось бы. Во-вторых, русью все-таки «прозвались словене». При этом место, где это произошло, в исторической памяти Новгородской земли, — Приильменье, особенно южное. Здесь есть целая группа названий, образованных от слова «русь». К XVI в. уже даже считалось возможным производить, напротив, название народа «русь» от реки Руссы — чего не делали в XI в. В-третьих, на каком-то этапе «русь» было воспринято, даже частью славян, как имя

https://RodnoVery.ru

для скандинавов. Произошло это на юге складывающейся Руси и не ранее середины IX в., когда присутствие скандинавов в Восточной Европе резко возросло. Потому для Ибн Хордадбеха, современника подмены, «русь» — еще славяне, а для Йакуби и Людовика II — уже норманны или их родня. Однако скандинавы именовались «русью» недолго и непоследовательно. К концу X в. на Руси, а в первых десятилетиях XI в. в Византии утверждается новое обозначение скандинавов — «варяги», известное в самой Скандинавии как название воинов-наемников за границей (væring). Для Руси (южной) это напрямую сопрягалось с появлением нового значения для «русь» — ‘киевляне’, а затем, к началу XII в., и ‘поляне’ вообще. Что касается Северной Руси, то здесь подмены и не могло произойти, а скандинавов звали «немцами», как и всех германцев, либо по племенным именам.

Не отсюда ли в конечном счете летописное предание о «руси», прозвавшейся «от варяг»? Как мы помним, «фенно-скандинавская» теория как раз определяет, что «прозвалась», восприняла свое имя русь вовсе не «от варягов», а от финских аборигенов. Однако все равно летописное предание работает именно на эту теорию. Именно в силу четко выраженного мнения об иноязычном происхождении названия «русь». Слова «русый» и «русло» были достаточно хорошо известны на Руси XI–XII вв., а со времен появления имени прошло не так много поколений, чтобы славянский корень забылся целиком. Ясно, что во времена летописцев никакого племени «русь» на Руси не знали. Но и племя «русь» за «Варяжским морем» — не более чем домысел летописца. Чтобы объяснить его отсутствие в современной Скандинавии, он утверждал, будто Рюрик забрал оттуда «всю русь».[2069]

Как же развивались события? Ход их вполне поддается восстановлению, если идти от накопленных наукой источниковых данных. В VI в. в языке западных финнов появилось воспринятое от скандинавов слово ruotsi. Оно стало обозначать чужеземцев, приходивших из лежащих вокруг Балтики земель на финские земли. Не исключено, что даже все европейские народы нефинского расового типа — включая в том числе славян-кривичей. Последнее, однако, необязательно — поскольку кривичи уже селились на финских землях до появления этого слова. Во всяком случае, когда в конце VII в. в нижнем Поволховье закрепились словене, они уже стали для окрестных вепсов и вадьялов ruotsi. Это значение закрепили тесные контакты словен с заморскими ruotsi — скандинавами — в VIII в., когда во главе данов и свеев встали выходцы из словенского Поволховья.

Где же произошло восприятие слова «русь» славянами и

https://RodnoVery.ru

возникновение особой группы населения «русь»? Ответ очевиден — в Ладоге, в месте теснейшего общения финнов, славян и скандинавов. При этом участие скандинавов играло второстепенную роль. «Русью» стали звать себя славяне, именно смешивавшиеся с туземными финнами и знающие их речь. Все это указывает на 780-е гг., время после перехода Ладоги в руки словен. В Ладоге тех лет было крайне мало скандинавов, по крайней мере — людей скандинавской культуры. В то же время население оказалось достаточно пестрым, чтобы из смешения разных племен возникла особая группа людей, не причислявших себя в строгом смысле ни к одному. Они и приняли название — «русь». В основном это были, конечно, славяне и финны, свободно владевшие языками друг друга, связанные кровными узами.

«Русь» изначально явно не была «племенем», «родом» в привычном смысле, но слиянием людей из разных «родов». Слияние это происходило на почве не столько даже взаимного свойства, сколько общих интересов. «Русь», чему достаточно свидетельств от IX–X вв., — прежде всего, общественная группа. Древние русы жили торговлей на речных путях Восточной Европы, а если требовалось — военными набегами. И это тоже указывает на Ладогу, важнейшее звено в торговой системе 780-х гг. Разноплеменная дружина «русь», сложившаяся в граде к этому времени, и взялась за освоение великого Волжского пути. Сначала — в качестве посредников осевших в Ладоге персидских стеклоделов. Потом — уже, наверное, через год-два, — самостоятельно. Вообще, события, связанные с появлением руси и расширением ее влияния, происходили стремительно и заняли не более двух десятилетий.

https://RodnoVery.ru

Находки в Старой Ладоге. VII–IX вв.

Однако эта разноплеменная вольная дружина, независимая от родоплеменных властей, выламывалась из устоявшегося уже строя жизни Ладоги. Ладога рубежа веков — верный партнер словенских князей-волхвов из Любши — была не лучшим местом для проявлений независимости. Русь не находит себя в общине Ладоги. Конфликтов происходит тем больше, чем больше молодых словен и вепсов привлекает богатая и свободная жизнь бродячих купцов. У умножившейся руси появляется стремление создать собственную общину, в конечном счете — стать отдельным «родом». Русь сохраняет Ладогу как родной очаг, как верный тыл, продолжает обогащать ее — но в возросшей своей массе сдвигается на юг.

Какая-то часть руси осела в Городке у порогов — важном пункте на пути ладей с восточным серебром. Но основная масса выстроила и населила неукрепленную весь гораздо выше по реке, в будущей новгородской округе. Это древнейший населенный пункт с названием Руса — старше «Старой Руссы» к югу от Ильменя. Неукрепленное поселение располагалось на террасе над поймой Волхова, на левом берегу. К северу, при излучине реки, жители воздвигли три сопки. На крутом правом берегу выше по течению тогда же или позже основали городище Слудица, защищенное глиняным валом. Еще дальше на юг, в самом Приильменье на реке Веряжи, в конце VIII в. появилось уже упоминавшееся поселение

https://RodnoVery.ru

Георгий. С самого основания этот будущий град стал центром торговли с востоком — на тот момент важнейшим на самом озере. В низовьях той же Веряжи, на острове, тогда же или позднее возникло городище Сергово, защищенное длинным валом. Появляются русы и в Южном Приильменье, в окрестностях будущей «Старой» Руссы. Судя по большому количеству произведенных от слова «русь» географических названий, сюда в итоге и стянулась основная масса руси. Ее памятники — сопки еще VIII в. на Порусье и Ловати. Здесь располагались поселения, чьи жители занимались ремеслом.[2070] К моменту прихода в южноильменскую «Руссу» численность руси (с учетом семей) возросла уже до нескольких тысяч. В том числе за счет присоединившихся местных жителей. Так что предание XVI в. вполне оправданно в том, что «прозвались русью» пришельцы из Ладоги именно в Поильменье.

Археологические материалы конца VIII в. — когда только и можно говорить о факте появления руси — довольно однозначны. Скандинавский элемент в среде русов Поволховья и Поильменья того времени крайне мал, если не ничтожен. Русы не являлись заморскими пришельцами — ни норманнскими, ни западнославянскими. Никакого племени «русь» за пределами исторической Руси никогда не существовало. При всей своей разноплеменности русь являлась исключительно местным образованием. Самый значительный ее неславянский компонент — финский, вепсский. Но и он по материалам тогдашней Ладоги явно уступает словенскому. Хотя при движении руси вверх по Волхову от Ладоги процент финнов как раз мог возрастать за счет вадьялов и «чуди». Итак, поздние новгородские предания справедливы в том смысле, что именно словене «прозвались русью». Только в IX–X вв. в связи с увеличением доли скандинавов и их проникновением на юг по Днепру там «русь» какое-то время воспринималась как нечто инородное. Именно тогда у части славянских племен и у южных их соседей «русы» оказались тождественны на время «норманнам». Но ненадолго — уже к концу X в. появляется общепринятый термин «варяги», а слово «Русь — русь» становится обозначением всего Древнерусского государства и, наконец, киевских полян как жителей его столицы. Последний смысл впервые четко определяет Нестор: «поляне, которые ныне зовутся русь».[2071] В конце же VIII в. русь действительно являлась «викингами» — словенскими викингами, бродячими дружинами воинов и торговцев.

Характерно, что скандинавы называли вольные разноплеменные дружины Приладожья иначе — кюльфингами (чему соответствует

https://RodnoVery.ru

древнерусское слово «колбяги»). Название производят от кюльфы — колокола, созывавшего воинов на сходку. Подобно древнейшим русам, кюльфинги скандинавских источников — вольные воины и торговцы. Тождественность этого термина славянскому «русь» для VIII–IX вв. вполне очевидно. Итак, скандинавы не принимали названия «русь» и придумали для него собственный синоним. Более того, «Кюльфингаландом», «Страной Кюльфингов», они называли Русь до того, как за X в. утвердилось новое название — Гарды, «Города», или Гардарики, «Государство Городов».[2072] В названии словенских краев «Страной Кюльфингов» еще в конце VIII в. ничего невероятного нет. Ведь именно «русы», кюльфинги, ездили с приходившими на Волхов восточными ценностями в Скандинавию, именно их там знали лучше всего из обитателей будущей Руси. К началу XI в. термин «колбяги» вошел и в русское право. При этом они отделялись как от варягов, так и от большинства «руси». В это время требовалось уже отличать и от пришлых наемников, и от княжеской дружины продолжавшие действовать на Новгородчине разноплеменные военно-торговые ватаги.

При всей своей разноплеменности, на Волхове и Ильмени русь уже в конце VIII в. стала напоминать обычный славянский «род», племя с собственными землями и поселениями. Правда, поселения руси оказались разбросаны на огромном расстоянии речного пути по обе стороны озера, среди словенских и финских. Но связи между русами поддерживались теснейшими, и они осознавали себя как одно целое. Где племя — там племенные вожди. Свидетельством выделения в среде руси собственной знати, богатейших и самых родовитых воинов-торговцев, являются сопки на Ловати. В Коровичино в «русских» низовьях Ловати, рядом с ремесленным поселением, воздвиглось около десятка монументальных сопок. По трудоемкости возведения они не уступали княжеским сопкам приладожского севера. В верхней части трех изученных сопок — каменные кладки, их вершины окаймляли два кольца валунов. Высота сопок достигала 10 м. Погребения здесь совершались с животными жертвами. Найдены останки лошади, собаки и орла. Подобные сопки были в Марфине на Порусье.[2073] Нельзя не обратить внимания на большое количество — по сравнению с севером — подобных памятников. В обоих случаях — это целые группы. Широкое использование «княжеского» ритуала подчеркивало равноправие верхушки русов, их независимость от далекой теперь любшинской знати.

О воинственных и независимых нравах этой среды память сохранялась

https://RodnoVery.ru

долго. В предании начала XII в. о «Русе», легендарном предке руси, говорилось: «Рассказывают также, что у Руса был сын, которому в схватке с каким-то человеком разбили голову. Он пришел к отцу весь в крови. Тот ему сказал: «Иди и порази его!» Сын так и сделал. И остался такой обычай, что, если кто-либо ранит, они не успокоятся, пока не отомстят. И если дашь им весь мир, они все равно не отступятся от этого».[2074] С одной стороны, описывается восточнославянский (и скандинавский) обычай мести за нанесенную обиду. С другой стороны, привязка его именно к «Русу» весьма показательна. Освободившиеся от власти племенного права, русы не считали нужным прибегать к нему в своих расчетах с врагами.

Был у русов в конце VIII в. и собственный князь. «Чудеса святого Стефана» называют его Бравлином.[2075] Имя это, услышанное греками, два столетия передававшееся ими изустно, а много позже «переведенное» на древнерусский и только так дошедшее до нас, трудно истолковать. Его неславянское происхождение, казалось бы, очевидно. Обращает на себя внимание сходство имени «Бравлин» со скандинавским местным названием «Бравалль». Место знаменитой битвы, где пал словенский князь, конечно, тогда хорошо знали в Поволховье. А значит, и имя «Бравлин» с неожиданной легкостью поддается истолкованию — как именно славянское образование «Бравленин». Это могло быть прозвище одного из немногих (или единственного?) уцелевших словенских участников Бравалльской битвы. Но могло быть это и имя ребенка, рожденного в год битвы или после смерти погибшего в ней отца — почему бы и не самого князя Рёгнвальда? Князя, по «Чудесам», окружают «бояре». Какое слово стояло в греческом оригинале, сказать невозможно. Но имеется в виду, конечно, высшая военно-торговая знать, оставившая сопки Южного Поильменья.

Интерес руси к югу, и к течению Ловати в особенности, был вполне объясним. В конце VIII в. словене, не без участия, конечно, уже вездесущей руси, расселились далеко на юго-восток. В конце VIII в. появилось селище Бережок в Удомельском Поозерье.[2076] Ранее, с конца VII в., здесь уже шло смешение славян с местными финнами. С юго-восточных окраин Ильменского бассейна первые словенские поселенцы на рубеже VIII/IX вв. проникают на верхнюю Мологу.[2077] Эти передовые отряды расселяющихся славян приближали, казалось бы, русь к богатствам Востока. Выход славян к истокам облегчал торговлю по Волжскому пути.

Но дальше возникали препоны. Земли союзной, местами сливающейся со словенами «веси» заканчивались в Помоложье. Дальше, от впадения Мологи в Волгу, располагались владения волжско-финского племенного

https://RodnoVery.ru

союза меря. Меря пользовалась выгодами общения со славянами — но стремилась обратить приволжскую торговлю в свою пользу. Верхнее Поволжье контролировалось племенным градом мери — Сарским у Ростовского озера.[2078] Какая-то часть возможных прибылей руси оседала там. Дальше на восток под покровительством хазар строилась Волжская Болгария. Но главной проблемой руси являлись сами хазары. Большую часть пути русы следовали по землям каганата. Любой вариант речного плавания — прямо по Волге или по Оке и Дону, а затем в Волгу — приводил славянских купцов в хазарские низовья, в сердце каганата. Это была единственная дорога в Каспий. В руках хазарских сборщиков пошлин и позднее оставалась немалая часть русского прибытка на Волжском пути. Так что русь задумалась о поисках обходных путей. Здесь кстати пришлись воспоминания о «киянах» с их южными украшениями, которых привели когда-то в Ладогу кривичи. От последних, живущих в верховьях Ловати, могли дойти до Бравлина и его соратников первые слухи о возможности плавания по Днепру в Черное море. Легендарные для северных славян «греки» славились богатством не меньше, чем мусульманские страны. Земли Византии представляли желанную цель и для торговца, и для воина-разбойника.

Первый бросок руси на юг являлся актом единовременным. Датировать его можно последним десятилетием VIII или самым началом IX в. Поход Бравлина оставил немало разрозненных следов в источниках. Жителям киевских Полей первое появление среди них руси запомнилось как пришествие князя «Руса», чудесного избавителя от внешних врагов. Об этом рассказывали уже в середине X в., когда предание записал византиец Симеон Логофет.[2079] В начале XII в. гораздо более мифологичный вариант предания, где Рус впервые предстает «братом» предков кочевников, дошел из Южной Руси до персидского автора «Собрания историй».[2080] В этой пограничной со Степью южнорусской зоне люди в конце XII–XIII в. называли себя «русичами», т. е. детьми «Руса», — по «Слову о полку Игореве». Предание о Русе, противоречившее официальной летописи, в нее не вошло — но было подхвачено (и искажено) в XIII в. поляком Богухвалом, а в XVII в. в совсем уже искаженном виде перешло в новгородские сказания. Другой след — странное новгородское предание о «варягах» (изначально — руси?) как «первых насельниках» Киева, записанное в начале XV в.[2081] К концу XVII оно преобразилось в совсем уже фантастический рассказ о том, как Киев построили новгородские изгои — во главе с Кием![2082] Но не содержит ли этот рассказ следы подлинного

https://RodnoVery.ru

предания о вольной руси, отчужденной от словенского племенного строя, пришедшей к Киеву задолго до Аскольда? Наконец, достоверный очерк о событиях в конечной точке похода Бравлина — византийском Крыму — содержат «Чудеса св. Стефана».[2083]

По всем источникам вырисовывается следующая картина этого грандиозного и дерзкого предприятия. Бравлин собрал «рать великую русскую» и, «весьма силен», двинулся против течения Ловати к верховьям Днепра. Выступил князь с войной, а не с миром — на разведку будущих торговых путей и испытание силой их богатства. Русь шла в быстрых парусно-гребных ладьях, построенных в многолетних ладожских традициях, пригодных и для реки, и для моря. Ладьи перетащили на Днепр волоком. С местными кривичами поладили миром. Те сами были заинтересованы в выгодах, которые сулила торговля с русью. Уже очень скоро в земле смолян возник русский град Гнездово — предшественник Смоленска. Пока же Бравлин мог усилить за счет кривичских охочих дружин свое войско, а заодно получить сведения о пути вниз по Днепру. При мире с кривичами дальнейший путь становился до Киева безопасен. Но в Киеве Бравлин застал изменившуюся ситуацию. Пытаясь обойти хазарских таможенников, русь неожиданно для себя застала хазар на своем пути, у Киевских гор.

Предание о «Русе» начала XII в. свидетельствует, что хазары распоряжались в будущей «Русской земле» Среднего Поднепровья к моменту появления здесь руси. Следовательно, действие знаменитого предания о «хазарской дани», записанного еще Начальным летописцем в XI в.,[2084] должно разворачиваться перед приходом «руса» Бравлина к Киеву.

Согласно этому преданию, после смерти легендарных основателей Киева поляне стали подвергаться нападениям со стороны соседей. Призрачный союз живущих «в мире» южных племен не продержался долго. Особенно ярыми врагами полян проявили себя западные соседи, древляне. Их набеги ослабили Киев. Этим воспользовались хазары. Их войско явилось к Киевским горам. Рывок хазар на запад, к Днепру через северские земли, кстати, отмечен массовым строительством градов, о котором говорилось ранее. Северу хазары, в конце концов, покорили и обязали платить дань — тогда или позже. Покорился завоевателям внешне и Киев. Как говорит летописное сказание, хазары потребовали от ослабленных полян: «Платите нам дань». Поляне, подумав, дали от каждого «дыма» — семейного домохозяйства — по мечу. Хазарские

https://RodnoVery.ru

«старцы», увидев эту дань, якобы сказали своему «князю»: «Не добра дань, княже. Мы ее доискались оружием односторонним, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоостро, то есть мечи. Они будут и с нас брать дань, и с иных стран».

Но «князь», как можно заключить из Повести временных лет, не обратил внимания на предупреждение. Хазары продолжали брать дань с «родов» Кия и его братьев еще долгое время.[2085] Да и Начальный летописец не только нигде не говорит, что дурное предзнаменование отвратило хазар от сбора дани, но прямо утверждает, что они «владели» полянами. Не видит летописец никакого вызова и в самой полянской дани мечами. Разве что сильно скрытую угрозу — которую не разглядели хазарские полководцы. Скорее в выдаче оружия с каждого «дыма»-хозяйства можно усмотреть капитуляцию. Заметим, что в пору сложения предания поляне мечей еще сами не ковали. Выдача привозного (византийского?) оружия, полезного в бою с панцирной конницей, могла являться и прямым требованием хазар. К XI в. устное предание патриотически переосмыслило древнюю историю.

В такой-то обстановке у Киева появился огромный по тем местам и невиданный прежде парусный флот Бравлина Руса. Для хазар это явилось полной неожиданностью. Впрочем, обе стороны — и русь, и хазары, — были в равной степени неприятно удивлены. Дело шло к войне — но кончилось, судя по преданию о Русе, миром. Между сторонами устанавливались равные и взаимовыгодные «братские» отношения. Хазары по просьбе «Руса» предоставили ему какие-то права в Поднепровье. Скорее всего, Поля отдавались — в хазарских понятиях — под власть и покровительство руси на условиях уплаты дани. Именно русь, а не хазарские сборщики, теперь взимала ее с полян. Сидевшие в Киеве «роды» Кия и братьев, как и их «подданные», остались в выигрыше. Добыча или прибыль от походов руси на юг при участии полян вполне могли искупить платившееся хазарам «от дыма». От возможных же карательных акций новый покровитель мог защитить.

Это «Рус» сразу же доказал делом, разгромив соседних «славян» — то есть древлян. Древляне требовали от русов и кочевников уступить им какие-то земли в Поднепровье. Не исключено, что все Правобережье, которое не без оснований считали своим, дулебским. В «ссоре и сражении» между русью и их степными союзниками, с одной стороны, и древлянами — с другой, последние были разбиты наголову. Древляне бежали, а Рус запомнился в Полях как великий герой. По словам Симеона Логофета, будущие русы «освободились благодаря какому-то божьему совету или

https://RodnoVery.ru

вдохновению от напастей тех, что их одолели и ими владели» — и назвались якобы по «сильному» избавителю. Победитель Бравлин, установивший более-менее выгодные отношения с хазарами и прогнавший обидчиков-древлян, конечно, казался полянам посланцем богов.

В Киеве Бравлин получил уже вполне определенные сведения о крымских землях. Он осознал выгоды связей с ними — но не мог надеяться завязать их без применения и демонстрации силы. К тому же дальний поход за добычей следовало оправдать. Теперь к нему присоединились и полянские ратники, только что обедневшие из-за древлянских набегов и хазарского вторжения. Союз же с хазарами пришелся весьма кстати для дальнейшего пути. Хазары, хотя и союзные Византии, но заинтересованные в ослаблении ее крымских баз, обеспечили Бравлину проход через днепровские пороги. Ладьи здесь приходилось вытаскивать из реки, и рать была чрезвычайно уязвима. Естественно, помощь оказывалась не для того, чтобы Бравлин пришел в Крым с миром. Незадолго до того из-за движения христиан крымской Готии против хазар позиции ромеев в Крыму укрепились. Теперь, не нарушая союза с Империей, каганат пытался расплатиться руками руси. Хазары могли предоставить Бравлину и инженеров осадной техники, использованных позднее у Сурожа. Ни словене, ни поляне навыков штурма настоящих городских стен пока не имели.

И вот русский флот спустился по Днепру, вышел в море и достиг берегов Крыма. Ромеи не ожидали вторжения со славянского севера. Крым никогда не подвергался славянским набегам. Появление же морской рати Бравлина на Черном море стало сущим шоком. Еще большим, чем для франков и англосаксов появление в те же годы огромных флотилий викингов у их берегов. Флот с «греческим огнем» весьма пригодился бы крымским ромеям. Но до сих пор прикрывать фему Херсон с моря нужды не было. Если патрульные корабли у ромеев здесь и были, то немногочисленные и недостаточно оснащенные. Не встречая особого сопротивления, Бравлин высаживался на берега, разорял предместья городов, угонял полон и захватывал добычу. Так он опустошил все побережье от Херсона до Керчи. От Керчи на хазаро-византийской границе он вновь повернул к западу вдоль берега. В распоряжении князя все еще оставалась «многая сила».

Внимание Бравлина привлек город Сурож (ромейская Сугдея). Князь решил взятием большой крепости подытожить удачное и невиданное по дерзости предприятие. Десять дней длилась осада Сурожа. Ромеи упорно защищались — но, в конце концов, после ожесточенных боев, русам во

https://RodnoVery.ru

главе с Бравлином удалось проломить окованные железом ворота. Бравлин с обнаженным мечом ворвался в Сурож во главе своей рати. На его пути оказалась церковь Святой Софии. Бравлин уже оценил во время налетов на побережье богатство византийских храмов. Ближняя дружина под его предводительством взломала двери, и князь вошел в церковь. Перед его глазами была гробница незадолго до того, около 789 г., умершего епископа Сурожского Стефана. Русские «бояре» прибрали к рукам «царское одеяло, жемчуг, золото, камни драгоценные, лампады золотые и сосудов золотых много».

Но в этот момент, как повествуют «Чудеса святого Стефана», князь внезапно рухнул на пол и забился в припадке. «Обратилось лицо его назад», изо рта пошла пена. «Великий и святой человек здесь, — закричал Бравлин, — и ударил меня по лицу, и обратилось лицо мое назад! Верните все, что взяли!» Напуганные дружинники побросали добычу. После этого они подхватили было князя на руки, но он снова закричал: «Не делайте этого! Пусть буду лежать, ибо изломать меня хочет один старый святой муж. Притиснул меня, и душа из меня вот-вот изойдет! Быстро выводите рать из города сего». Русы, пуще прежнего устрашенные происходящим, повиновались. Описываемое князем напоминало поведение враждебных духов-душителей в славянских поверьях. Так что нет ничего удивительного в том, что войско не усомнилось и послушалось. Оставив всю добычу прежним владельцам, рать поспешила оставить Сурож. Соратники вернулись к лежащему в храме перед гробом князю. «Возвратите все, — сказал тот, — сколько пограбили, священных сосудов церковных в Херсоне и в Керчи, и везде, и принесите все сюда, и положите ко гробу Стефана». Но этого не достало. Князю послышался «страшный» голос святого: «Если не крестишься здесь в моей церкви, не уйдешь отсюда и не возвратишься домой».

«Пусть придут священники, — воскликнул в ответ князь, — и окрестят меня! Если встану и лицо мое обратится, то крещусь!» Архиепископ Сурожский Филарет, преемник Стефана, поспешил к северному завоевателю. Вместе со своими священниками он стал читать над страдающим князем молитву. Наконец, со словами таинства крещения «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!» — князь выпрямился. Увидев это, «бояре» поспешили креститься по его примеру. Шея князя все еще болела. Сурожские священнослужители посоветовали: «Пообещай Богу, что всех взятых в плен мужей, жен и детей, захваченных тобой от Херсона до Керчи, ты велишь освободить и возвратить назад». Князь немедленно велел распустить полон. Затем он еще неделю прожил у гроба Стефана. Наконец,

https://RodnoVery.ru

одарив церковь «великим даром», Бравлин удалился восвояси. Уходя, он «почтил» также горожан и особенно окрестивших его священников.

Во всей этой истории, сохраненной сурожским преданием, нет ничего невероятного для тех времен. Даже с точки зрения «рационального» сознания. С точки же зрения сознания религиозного — произошло достойное запечатления в памяти потомков чудо. О нем помнили в Суроже и спустя два века, сопоставляли со своими знаниями о Руси. Вскоре после Крещения Руси при князе Владимире, также тесно связанного с землей Крыма, старинная легенда было записана в сборник «Чудес».

Мир с крымскими ромеями в конечном счете отвечал интересам Бравлина. Он добился главной своей цели — разведал и проложил путь к богатым южным землям, а заодно убедился в их богатстве. Благодаря событиям в Киеве путь этот пока оставался безопасен от хазарских сборщиков подати. Мирная же торговля с ромеями судила барыши не меньшие, а большие, чем война. И не меньшие, в конечном счете, чем торговля с Востоком. Тем более что и по Черному морю с мусульманским миром было возможно установить связь.

Но не только это, конечно, занимало мысли Бравлина, когда он с ратью возвращался на север. И не только ради мира и торговли пожертвовал он доброй частью военной добычи и всем полоном. Назад он возвращался крещеным, христианином. И грозные события в Сурожской Софии, разумеется, не забылись ему и его дружине. Насколько искренним было обращение Бравлина? Неизвестно. Поскольку внезапно явившись на страницах истории, он столь же внезапно исчезает с них. Дальнейшие события на Севере воссоздать можно, но это выходит за рамки нашего повествования. Во всяком случае, обращение его дружины оказалось непрочным, сиюминутным. В IX в. большинство русов — пусть не все поголовно — оставались опять язычниками. Но все же в тот момент первой и главной ценностью, привезенной «из Грек» по пути на север, «из Варяг в Греки» и «из Грек по Днепру», оказалась именно новая вера первого русского князя.

А главным историческим итогом похода Бравлина оказалось создание в начале IX в. той системы путей — не только торговых — которые потом на протяжении веков служили кровеносными артериями Восточной Европе. По ним двигались товары, перемещались войска — и растекалось культурное влияние христианской Империи. Вот как описывает эту величественную систему речных и морских путей Нестор: «Поляне жили особо по горам сим, и был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и вверх Днепра волок до Ловати, и по Ловати войти в Ильмерь озеро великое,

https://RodnoVery.ru

из того же озера течет Волхов и впадает в озеро великое Нево, а того озера входит устье в море Варяжское. И по тому морю идти до самого Рима, от Рима прийти по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда прийти в Понт море, в кое впадает Днепр река. Днепр ведь течет из Волковскаго леса, и течет на полдень, а Двина из того же леса течет, и идет на полночь, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток, и впадает семьюдесятью жерлами в море Хвалисское. Так что из Руси можно идти по Волге в Болгары и в Хвалисы, и на восток дойти в жребий Симов, а по Двине в Варяги, а из Варяг и до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает в Понтское море тремя жерлами, в море, что слывет Русским, — по нему же учил святой Андрей, брат Петров».[2086] Последняя фраза — прямой мост к легенде об апостоле Андрея. По летописи, именно он, весьма символично, стал первопроходцем великого пути, на самой заре христианства.

Имена самых великих народов подчас возникают благодаря историческому случаю. И само по себе появление названия «русь» на словенском Севере оставило немного следов в истории. Но первые шаги руси на арене мировой истории действительно сыграли роль в становлении Руси с большой буквы. Путь из Варяг в Греки, проложенный походом Бравлина, стал связующей нитью, главной артерией, вокруг которой вырастает Русское государство раннего средневековья. Потому-то и станет Русь именно Русью, а не «Полем», «Словенами» или «Деревами». И большее, чем просто символ, видится в том, что первый известный русский князь стал и первым князем-христианином. Первым, что пришло на Север славянского мира по пути из Грек, оказалась даже не военная добыча — а христианская вера.

И в то же время появление Руси на сцене истории — лишь веха на долгом пути. И едва ли поворотная. Одно название не создает государства. Основы его строились издревле, со времен легендарного антского «королевства» и дунайских походов славян. Родословную Руси-государства можно выводить от древних дулебов, от племенных «княжений» Кия и Волха. До всякой «руси», до первого «руса». Но это — начало пути. Завершением же его станет отнюдь не освоение воинами-торговцами пути через всю Восточноевропейскую равнину. При всей значимости этого деяния в истории. И не сплочение вокруг славянского ядра разноплеменного дружинного братства — как будто в предвидение всей грядущей истории Руси и многонациональной России. Не здесь — конец пути. Только на исходе X в. трудами князей-просветителей Ольги и Владимира вокруг торгового пути, тянущегося от варяжской Балтики до

https://RodnoVery.ru

отныне Русского Понта, сложится, наконец, подлинное единство. Начатое безвестными поколениями предков задолго до Бравлина и продолжавшееся после него строительство нового общества завершится. И только тогда восточные славяне примут имя Руси как свое. Только тогда в мире действительно родится новое — новое государство, новая цивилизация, Русь христианская.

Наступал IX век — век строительства новой, средневековой Европы. Племенной строй, служивший славянам на протяжении веков и тысячелетий, теперь уходил в прошлое. Наступало время строительства государства и цивилизации. При этом одни внешние силы поглощались этим процессом — как кочевые болгары или на Руси скандинавы. Другие же, которых поглотить оказывалось невозможно, — франки или хазары, — становились дополнительным стимулом к сплочению. Внешние угрозы и влияния подталкивали славян — но не являлись единственной побудительной причиной. Становление славянских государств, зарождение славянской цивилизации являлось внутренней потребностью славянского общества. И именно внутренними силами, на веками выстраивавшемся фундаменте, появились в IX–XI столетиях средневековые государства Славянского Мира.

---

notes

https://RodnoVery.ru

Примечания

https://RodnoVery.ru

1

Подробную характеристику ситуации в Западной Европе в конце IV — начале V в. см. в книгах: Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. I–III. Oxford, 1964; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств. М., 1984. См. также: История Европы. Т. 1–2. М., 1990–1992.

https://RodnoVery.ru

2

Альтернативная точка зрения (см.: Дёрфер Г. О языке гуннов.// Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986) приводит к предположению о появлении буквально ниоткуда многочисленного кочевого народа с абсолютно изолированным (неалтайским, неиндоевропейским, неуральским) языком. Это при том, что этноязыковая карта евразийских степей благодаря античным и китайским источникам для II–IV вв. хорошо известна и практически не имеет белых пятен. Вопреки высказывавшейся критике, отождествление гуннов с несомненно тюркоязычными сюнну (ху) Дальнего Востока не имеет ни одной убедительной альтернативы, что в данных условиях весьма симптоматично. Археологический материал (как и письменные источники, и данные языкознания) надежно связывает европейских гуннов с позднейшими болгарами, несомненными тюркофонами. Наличие же в гуннской культуре заимствованных у аланов, германцев и других покоренных племен элементов, взаимное смешение народов в пределах гуннской державы не является аргументом против ближайшего родства гуннов и тюрок. Ср. выводы А.К. Амброза (Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10 след.): археолог, отметив отсутствие прямой преемственности между азиатскими хуннами и европейскими гуннами при наличии у последних отдельных «азиатских элементов», объяснял это малой изученностью древностей Центральной Азии. Между тем связь гуннской культуры с позднейшей тюркской (тоже не имеющей прямых древних соответствий!) специалист отнюдь не отрицал. Представляется, что для определения этнической принадлежности гуннов основанием должна быть, прежде всего, преемственность по отношению к ним позднейшей болгарской и тюркской культуры. При этом культура западных тюрок формировалась из сложного сплава разноплеменных элементов (в первую очередь, иранских), что и отражает археологический материал. О кочевниках IV–V вв. см. также: Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994.

https://RodnoVery.ru

3

О возможном тождестве акацир с позднейшими хазарами см.: Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1984. S. 7, 20, 33.

https://RodnoVery.ru

4

Присутствие романизированных потомков древних даков в Дакии после эвакуации провинции в 271 г. обосновывается известиями греческого автора VI в. Псевдо-Кесария о данувиях («фисонитах», рипианах) (См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (далее — Свод I). М., 1991. С. 254 след.) и средневековыми русскими и венгерскими сказаниями о древнем пребывании «волохов» («влахов») в прикарпатских областях. Имеются и археологические следы такого пребывания даже с середины V в., после расселения славян в Прикарпатье. Но существует также точка зрения о позднем (в начале II тысячелетия) приходе восточных романцев за Дунай. Общую характеристику обеих теорий см.: Краткая история Румынии. М., 1987. С. 17–19; Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 16–17.

https://RodnoVery.ru

5

Дата основана на наиболее подробном и достоверном известии Прокопия Кесарийского. Предлагались и другие — от 505 (Тъпкова-Заимова В. Нашествия и етнически промени на Балканите през VI–VII вв. София, 1966. С. 54) до 512 г. (Müllenhof K. Deutsche Alterstumkunde. B., 1875. Bd. 2. S. 368). Последняя дата исходит только из того, то именно в 512 г. герулы короля Оха перешли Дунай и стали федератами Империи.

https://RodnoVery.ru

6

О Византийской (Восточно-Римской) Империи в V–VI вв. см.: Jones 1964; История Византии. Т. I. М., 1967.

https://RodnoVery.ru

7

О походе Фроди имеется несколько версий в «Деяниях данов» Саксона Грамматика и краткое упоминание в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона. Из других упоминаний восточных мероприятий скандинавов стоит назвать известие «Саги о гутах» о переселении готов в Причерноморье по Западной Двине. Это имеет мало общего с готской «переселенческой сагой» по Иордану и связано, вероятно, в большей мере с позднейшими плаваниями гутов с острова Готланд в Восточную Европу.

https://RodnoVery.ru

8

«Вари» Кассиодора (ответное письмо Теодориха на посольство эстиев), «О происхождении и деяниях гетов» Иордана (упоминание о расселении эстиев и родственных, видимо, им видиваріев в Южной Прибалтике).

https://RodnoVery.ru

9

История Европы. Т. 2. С. 35.

https://RodnoVery.ru

10

Бирнбаум Х. Праславянский язык. М., 1987. С. 321.

https://RodnoVery.ru

11

Lehr-Splawiński T. O pohodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946. S. 137–141; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 43 след. Ср.: Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.

https://RodnoVery.ru

12

Об этих и других археологических культурах, связываемых со славянским этногенезом, см.: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993.

https://RodnoVery.ru

13

См.: Мартынов В.В. Балто-славяно-италийские изоглоссы.// VIII международный съезд славистов. Доклады. Минск, 1978.

https://RodnoVery.ru

14

Аргументация против славянства венедов в отечественной историографии представлена, прежде всего, Ф.В. Шеловым-Коведяевым в комментариях к известиям Плиния, Тацита и Птолемея (Свод I). Он предлагает считать все известия о центральноевропейских венедах книжной легендой, восходящей к общему древнегреческому источнику, говорившему о венетах италийских. Именование славян венедами в финских (да и в германских) языках в таком случае сколько-нибудь убедительного объяснения не находит (ср. указание на это в Предисловии Л.А. Гиндина и Г.Г. Литаврина: Свод I. С. 15). Далее, целый ряд моментов в концепции общего источника внушают большие сомнения. Античные упоминания венедов в Центральной Европе имеют между собой только одну общую черту — само имя венедов. Плиний называет соседями венедов сарматов, скиров и хирров и локализует их всех близ Вислы. Тацит называет по соседству с венедами певкинов (бастарнов) и феннов, а также, видимо, свевов и сарматов. Локализует он их в «лесах и горах между певкинами и феннами». Птолемей помещает венедов в «Сарматии» у Сарматского океана («Венедский залив»). По соседству с ними он называет гитонов на юге, выше по Висле, галиндов, судинов и ставанов на юго-востоке, вельтов на востоке. Итак, этногеографическая среда венедов совершенно различна, общего мало. Тацит даже не связывает венедов с Вислой, что не мешает Ф.В. Шелову-Коведяеву упрекнуть его в том, что он, упоминая венедов, отвел Повисленье германцам (Свод I. С. 42). Но Вислу с венедами связывал не Тацит, а Плиний и Птолемей. Если Тацит отвел Повисленье германцам, значит, он не пользовался гипотетическим общим источником (весьма сомнительным, как видим, и для них), а полагался на иную информацию о венедах. Кстати, довольно подробное этнографическое описание Тацита Ф.В. Шелов-Коведяев предлагает считать «риторической фигурой» (Свод I. С. 40–41). А между тем речь шла о не столь удаленных от Империи землях, и самые «риторизованные» описания Тацита все же всегда содержат реальное зерно. Других «полуреальных» народов на страницах его трудов, кажется, нет. Можно еще отметить, что на Певтингеровой карте венеды локализованы не только на дальнем севере, но и между Днестром и Дунаем, что сопоставимо с титулом Волусиана. Последний Ф.В. Шелов-Коведяев считает возможным соотнести с «полулегендарными» венедами (случай едва ли не уникальный

https://RodnoVery.ru

в имперской практике!) и тут же предполагает, что римляне приняли за них «германский элемент, локализуемый в нижнем Подунавье в составе в основном сарматской черняховской культуры» (Свод I. С. 43). Остается неясным, германцев или сарматов считает специалист «полулегендарным» и «малоизвестным» для римлян народом. Во всяком случае, этот «германский элемент» надежно соотносится с готами (гитонами Птолемея), которых римляне называли или собственным их именем, или «скифами». Как бы то ни было, в настоящее время Ф.В.Шелов-Коведяев считает «венетов» уже не литературной фикцией, а реликтовой «балто-славянской общностью», существовавшей до готского вторжения IV в. (см.: Шелов-Коведяев Ф.В. Литва: история соседства.// Литературная газета. 2007, № 17–18. С. 4). Очевидно, это закрывает дискуссию.

https://RodnoVery.ru

15

Свод I. С. 51. Обоснование старой (со времен П. Шафарика) концепции см.: Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах.// Славянские древности. Киев, 1980. С. 14. Ф.В. Шелов-Коведяев признает, что «вставное t (th) при передаче неприемлемого в греческом звукосочетании sl… могло бы выглядеть убедительным». Но он считает, ссылаясь на разночтения, что «труднообъяснимо выпадение корневого *l» (Свод I. С. 59). Не бесспорно; текстология знает примеры общих и изначальных описок во многих памятниках. Для опровержения славянства ставанов требовались бы более убедительные аргументы. Но единственный — соседство их с судинами и галиндами. По этой логике Ф.В. Шелов-Коведяев вслед за К. Мюлленхофом предлагает и ставанов считать балтами. Но о таком балтском племени ничего неизвестно. «На границе степи и лесостепи в Поднепровье, где локализуются ставаны, имели место контакты балтов и иранцев в начале христианской эры [дается ссылка на данные гидронимики]. О славянах же здесь в это время решительно ничего неизвестно». Но гидронимика не имеет абсолютных датировок. О балтах здесь именно в это время известно не больше, чем о славянах. О.Н. Трубачев предложил считать *stavana ‘хвалимый’ индоарийской калькой названия «словене» (Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999). Присутствие «индоариев» в Крыму и на Кубани в работах ученого обосновано вполне убедительно. Но мог ли «индоарийский» (синдский) элемент, растворившийся в сарматской среде, донести название славян до Птолемея? К тому же — почему это тогда именно славяне? Старая теория П. Шафарика, поддерживаемая многими современными исследователями, пока представляется надежной.

https://RodnoVery.ru

16

Свод I. С. 51. Ф.В. Шелов-Коведяев отрицает славянство вельтов. При этом он вполне справедливо критикует теорию З. Голомба, связывающего этнонимы «велеты» и «венеты» через гипотетическую форму *vetъ (см.: Свод I. С. 59–60). Однако для доказательства славянства вельтов нет нужды прибегать к таким построениям. Слово veletъ/volotъ ‘великан’ реально засвидетельствовано у славян. И, как отметил в том же фундаментальном издании источников В. К. Ронин (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (далее — Свод II). М., 1995. С. 471), «велеты» — предполагаемое самоназвание вполне реального славянского племени вильцев (лат. Wilzi, Wilti). Этот основной аргумент в пользу славянства вельтов Ф.В. Шеллов-Коведяев, к сожалению, не только не опровергает, но и не приводит. На основе «фонетического оформления этнонима» он без дальнейших пояснений предлагает «думать, скорее, о балтах». А. В. Назаренко, признавая связь между вельтами Птолемея и позднейшими вильцами, сомневается в славянской этимологии и предполагает неславянское происхождение этнонима (Назаренко А… Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 16–17). Это более аргументированная точка зрения, и она, возможно, более соответствует действительности. В то же время ясно, что вельты (будь они и балтами) были предками какой-то части славянских велетов (вильцев).

https://RodnoVery.ru

17

Iord. Get. 247.: Свод I. С. 114/115; о родстве со славянами: Get. 34, 119.: Свод I. С. 106/107, 110/111.

https://RodnoVery.ru

18

Proc. Bell, Goth. VII. 14: 22–29.: Свод I. С. 182–185.

https://RodnoVery.ru

19

Свод I. С. 159. Прим. 254 (комментарий А. Н. Анфертьева к известию Иордана об антах): вслед за Я. Гримом и А. Н. Веселовским, развившими эту теорию в XIX в., указывается на слова antisc ‘древний’ (др.-в. — нем.) и ent ‘великан’ (англ. — сакс.; восстановлено из прилагательного entisc).

https://RodnoVery.ru

20

По мнению О.Н. Трубачева (Трубачев 1999. С. 54–55, 225), этноним восходит к индоарийскому (синдскому) субстрату и происходит от anta ‘конец, край’. При этом концепция Я. Рудницкого, согласно которой этноним считается (с тем же значением) иранским, отвергалась на основании «исключительно древнеиндийского характера anta. Нельзя, однако, не отметить, что в «Этимологическом словаре иранских языков» (Т. 1. М., 2000. С. 173–175) дается большое количество производных от праиранского *anta— ‘край, кромка, предел, конец’. Среди них, в частности, осетинские слова со значениями «снаружи», «наружу», «наружный», «внешний», «чужой». Прямые производные от древней основы сохранил только осетинский (аланский) язык, что симптоматично.

https://RodnoVery.ru

21

Iord. Get. 245–251.

https://RodnoVery.ru

22

Amm. Marc. Hist. XXXI. 3–4.

https://RodnoVery.ru

23

Об этническом составе черняховцев см.: Славяне и их соседи 1993. С. 162–170.

https://RodnoVery.ru

24

Обзор этимологий см.: Свод I. С. 159–160. Сближение со славянским *vodjь ‘вождь’ сомнительно и становится вовсе невозможным, если отождествлять Боза с Бусом из «Слова о полку Игореве»: «Се бо готьскыя красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня руским златомъ, поють время Бусово, лелеють месть Шаруканю». Ряд авторов отвергает такую идентификацию, желая видеть в «готских девах» дев с острова Готланд, а не из готского Крыма. М.А. Салмина истолковала «бусы» как северные суда. «Время бусово» — время морских походов готландских готов (Салмина М.А. Из комментария к «Слову о полку Игореве».// Труды отдела древнерусской литературы. XXVII. Л., 1981). А.Н. Анфертьев считает, что готы здесь «скорее» жители Готланда; обоснование: «место в целом очень темное и связь отдельных элементов в нем неясна». Это, видимо, аргумент против резонного возражения — зачем готландским готянкам мечтать об отмщении за половецкого хана XI в. Шарукана? Объяснения этому нет. В то же время А. Н. Анфертьев указывает на сочетание «босуви (бусови?) врани» как на содержащее это же слово, при этом отмечая слабость построения К. Менгеса, видевшего в обоих случаях тюркизм, но не объяснявшего семантику «времени бусова». Представляется, что именование воронов-падальщиков «Бусовыми» вполне может представлять метафорический оборот, связанный с преданием о повешенном готами короле антов. Что касается этимологии имени, то с учетом алано-сарматских связей антов нельзя ли все же связывать Бус/Boz с осетинским buz/boz ‘благодарный’? Вообще, следует помнить, что имя дошло в двух однократных (не считая явного и весьма показательного искажения «босуви врани» в тексте «Слова») поздних иноязычных передачах. Качество подобной передачи всегда отнюдь не бесспорно, а здесь особенно.

https://RodnoVery.ru

25

Древность славянского mirъ в значении ‘сельская община’, сохраненном русским языком, удостоверяется общеславянским mirъ ‘весь мир’. Значение ‘община’ — промежуточное между этим и первоначальным ‘согласие’ (ЭССЯ. Вып. 19. С. 55–57).

https://RodnoVery.ru

26

Так, в частности, именовалась патронимия в позднейшей Белоруссии, состоявшая из 5–10 и более родственных больших или малых семей (Этнография восточных славян (далее — ЭВС). М., 1987. С. 173).

https://RodnoVery.ru

27

См.: ЭССЯ. Вып. 7. С. 197–198.

https://RodnoVery.ru

28

ЭССЯ. Вып. 13. С. 200–201.

https://RodnoVery.ru

29

См.: Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. С. 112–145; Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Л., 1987. С. 171–185.

https://RodnoVery.ru

30

История первобытного общества. М., 1988. Вып. 3. С. 237–241.

https://RodnoVery.ru

31

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 102.

https://RodnoVery.ru

32

Иванов П. И. О знаках, заменявших подписи в Древней Руси.// Известия Русского археологического общества. М., 1861. Т. 2; ЭВС. С. 486–487, 491.

https://RodnoVery.ru

33

Славяне и их соседи 1993. С. 161–162.

https://RodnoVery.ru

34

См.: общую характеристику индоевропейской, балтийской, славянской мифологии и пантеона: Мифы народов мира (далее — МНМ). М., 1980–1982. Т. 1–2; Славянская мифология. М., 1995.

https://RodnoVery.ru

35

Или алано-болгарским. Ср. в этой связи точку зрения о заимствованном (тюркском) происхождении славянского *divъ (с не вполне оправданным толкованием смысла ‘злой дух’) — ЭССЯ. Вып. 5. С. 35. Гипотезу В.В. Иванова и В.Н. Топорова о вероятном развитии и значении образа см.: МНМ. Т. 1. С. 376–377 («Див»), 378 («Диевас»).

https://RodnoVery.ru

36

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. Т. 2. С. 24.

https://RodnoVery.ru

37

См., прежде всего, работы В.В. Иванова и В.Н. Топорова (Славянские языковые моделирующие семиотические системы М., 1965; Исследования в области славянских древностей. М., 1974). См. также: Славянская мифология 1995.

https://RodnoVery.ru

38

Славяне и их соседи 1993. С. 118, 151–152.

https://RodnoVery.ru

39

Славяне и их соседи 1993. С. 122.

https://RodnoVery.ru

40

Свод I. С. 85–86, 161–169. Первым серьезным аргументом в пользу общения Приска с праславянами является упоминание им термина medoz (мед) — «туземного» названия напитка, подносившегося римским послам оседлыми «скифами» Паннонии вместо вина. Приск упоминает и славянскую форму речного названия «Тиса». В связи с похоронами Аттилы Приск (по Иордану) обозначил погребальное пиршество словом strava (праслав. *jьztrava ‘поминки, еда’ — Этимологический словарь славянских языков (далее — ЭССЯ). Вып. 9. С. 80–82). Стоит, впрочем, отметить, что Приск называет «скифов» «смешанными» (букв. «намытыми волнами»), а пассаж о «собственном варварском языке», в дополнение к которому они учат гуннский, готский или латинский. Как верно отмечают Л.А. Гиндин и А.Б. Иванчик, двусмыслен. Он может означать (скорее и означает), что разноязычные подданные Аттилы используют названные языки как средства общения.

https://RodnoVery.ru

41

Бирнбаум 1987. С. 321. Этот язык, очевидно, изначально соответствует западной группе диалектов в схеме А. Е. Супруна (Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 17–18). Сложение ее соотносимо со временем так называемой второй палатализации в славянских языках (переходы k > c, g > z перед гласными ě, i). Она протекала в западной группе диалектов несколько иначе, чем в восточной. У антов, насколько можно судить, вторая палатализация несколько задержалась. Восточная группа диалектов должна соответствовать антам и смешавшимся с ними восточным словенам — дулебам.

https://RodnoVery.ru

42

Богухвал (Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М., 1984. С. 52) со ссылкой на «древние книги» выводит славян из Паннонии, где помещает Пана, эпонима страны и отца Леха, Руса и Чеха. Далимил говорит только об исходе из «Хорватии» Чеха (Staročeská kronika tak rečeného Dalimila. Praha, 1988. Sv. 1. Kap. 2: 1 — 10).

https://RodnoVery.ru

43

См. вводную часть ПВЛ по Лаврентьевской (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1), Ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2), Радзивилловской (Т. 38) летописям. Перевод наш. К теме волохов, «насилящих» славян в придунайских землях, летописец возвращается позднее еще дважды — в связи с нашествием кочевников VI–VII вв. («белых угров», прогоняющих волохов) и в связи с вторжением мадьяр («черных угров») в конце IX в. Налицо очевидное совмещение разновременных пластов традиции. Именно это предание, очевидно, послужило причиной для соотнесения в летописи славян и «нориков». Стоит отметить, что подлинный Норик большей частью не входил в Венгерское королевство. Это лишний раз указывает на вторичный и литературный характер данного соотнесения.

https://RodnoVery.ru

44

Армянская география VII в. СПб., 1877. С. 21–22. В Свод II давно переведенное на русский язык и введенное в научный оборот известие «Армянской географии» не включено, вероятно, по причине спорности ее датировки (VII–IX вв.).

https://RodnoVery.ru

45

См.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 2001. С. 56; Свод I. С. 242; Proc. DA. IV. 4: 3.: Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. М., 1996. С. 237–240. Всего таких названий, по максимальному счету Л.Нидерле, девять: Стредин, Долебин, Брациста, Дебри, Беледина, Зернис, Берзана, Лабуца, Пезион, Кабеца.

https://RodnoVery.ru

46

Об археологических свидетельствах (вещевые находки в Опово-Баранде, Нови Саде, Сомборе, деревянное городище в Хоргоше) см.: Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 29.

https://RodnoVery.ru

47

Славяне и их соседи 1993. С. 177–178, 181.

https://RodnoVery.ru

48

Славяне и их соседи 1993. С. 169–170; там же обзор точек зрения на проблему. Ср.: Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 27.

https://RodnoVery.ru

49

Их роль в сложении пеньковской культуры оценивается археологами весьма по-разному (ср.: Седов 1982. С. 27–28; Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское время. М., 2002. С. 75–80). Сторонники обоих подходов оперируют одинаковыми, довольно ограниченными материалами. Представляется, что прямой и конкретной преемственности между «киевскими» и пеньковскими памятниками сторонникам «киевского» происхождения черняховской культуры установить не удается. К тому же территориально ранние пеньковские памятники тяготеют, за редким исключением, к Днестровско-Прутскому двуречью, а не к Киевскому Поднепровью.

https://RodnoVery.ru

50

Iord. Get. 119.: Свод I. С. 110/111.

https://RodnoVery.ru

51

Кассиодор писал историю готов после 526 г., но информация о Скифии восходит у него, очевидно, к первому десятилетию VI века, когда он был личным секретарем короля Теодориха (Свод I. С. 134–135). На рубеж веков указывает и сопоставление с археологическим материалом.

https://RodnoVery.ru

52

Iord. Get. 34–35.: Свод I. С. 106–109.

https://RodnoVery.ru

53

Свод I. С. 134–135. Иначе: Скржинская Е.Ч. О склавинах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне// Византийский временник. 1957. Т. 12 — малоизвестный Новиетун в Дакии. Возражения А.Н. Анфертьева (Свод I. С. 135) вполне резонны. Это паннонский Новиетун, едва ли вообще знакомый Кассиодору, не мог быть, конечно, его ориентиром. Проблема с «Мурсианским озером» (см. далее) не является аргументом в пользу паннонского городка. Новиодун Скифский был, конечно, лучше известен Кассиодору, Иордану и их читателям. Его местонахождение (что важнее) гораздо лучше соответствует и археологическому материалу, и самой логике повествования. Кассиодор явно ограничивал славянскую территорию с северо-запада верховьями Вислы.

https://RodnoVery.ru

54

Седов, 1982. С. 13.

https://RodnoVery.ru

55

Единственная вполне убедительная интерпретация, учитывающая то, что говорится о «Морсианском болоте» в Iord. Get. 30 (Свод I. С. 107; ср. там же: С. 122. Прим. 59; С. 134. Прим. 106). Она восходит еще к Ф. Таубе (1778 г.), а в отечественной традиции — к Н.М. Карамзину и связана с названием римского города Мурса. Другие, гораздо менее вероятные варианты перечислены у Е. Ч. Скржинской (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. С. 210; см. еще Свод I. С. 122, 134).

https://RodnoVery.ru

Седов, 1982. С. 12, 16, 18; Славяне и их соседи. С. 178; Седов, 1995. С. 23; Седов В.В. Славяне: историко-этнографическое исследование. М., 2002. С. 312; Theodor D. Conceptul de cultura Costişa-Botoşana.// Studia Antiqua et Archeologica. I. Iaşi, 1983; ср.: Комша М. Проникновение славян на территорию РНДР и их связи с автохтонным населением.// VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1970.

https://RodnoVery.ru

57

Комша, 1970; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии М., 1973. С. 294; Славяне и их соседи. С. 178, 181.

https://RodnoVery.ru

58

Славяне и их соседи. С. 178.

https://RodnoVery.ru

59

Iord. Get. 35.: Свод I. С. 108/109.

https://RodnoVery.ru

60

Свод I. С. 135.

https://RodnoVery.ru

61

См.: Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969. С. 121–123.

https://RodnoVery.ru

62

Кухаренко, 1969. С. 121; Седов, 1994. С. 290; Седов, 1995. С. 24.

https://RodnoVery.ru

63

См.: Седов, 1994. С. 290–293.

https://RodnoVery.ru

64

Sklenář K. Památky pravěku na území ČSSR. Praha, 1974. S. 272, 279; Седов, 1995. С. 24.

https://RodnoVery.ru

65

Sklenář, 1974. S. 280.

https://RodnoVery.ru

66

Proc. Bell. Goth. VI. 15: 1–2.: Свод I. С. 176/177. Прокопий уверяет, что герулы «прошли поочередно все племена склавинов», что — особенно для этого времени — все-таки невероятно. Тогда герулам надо было бы идти с нижнего Дуная.

https://RodnoVery.ru

67

Proc. Bell. Goth. VI. 15: 2–3.: Свод I. С. 176/177.

https://RodnoVery.ru

68

Iord. Get. 34.: Свод I. С. 106/107.

https://RodnoVery.ru

69

См., напр., вводную часть ПВЛ в ПСРЛ. Т. 1, 2, 38; также статью 6404 г. (т. н. «Сказание о славянской грамоте») — там же. Чуть менее рельефно та же мысль у Богухвала: Великая хроника. С. 52–55.

https://RodnoVery.ru

70

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10, ср. стб. 11; аналогичные места в других версиях вводной части ПВЛ ср.: ПСРЛ. Т. 2, 38.

https://RodnoVery.ru

71

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870. С. 138. В волынянах Масуди видели прибалтийских волынян (см. историю вопроса: Седов, 1982. С. 95–96), но об их древнем всеславянском могуществе ничего неизвестно. Бужанско-волынский же вариант, как увидим, находит целый ряд подкреплений не только в археологическом и топонимическом материале, но и в письменных источниках (ср. рассказ Масуди о распаде союза «Валинана» с летописным сказанием об одновременном появлении «княжений» у полян, древлян, дреговичей).

https://RodnoVery.ru

72

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12, 13. Ср. ПСРЛ. Т. 2, 38.

https://RodnoVery.ru

73

Седов, 1982. С. 94–95.

https://RodnoVery.ru

74

ЭССЯ. Вып. 5. С. 147–148. Я. Длугош, опиравшийся на несохранившуюся русскую летопись, выводил этноним от мифического первопредка Дулеба (Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978. С. 14). Это один из череды мифических предков славян, упоминаемых в разных средневековых источниках. Таковы Чех у чешских и польских хронистов, Пан у Богухвала, Слав у него же (перекликающийся со Словеном русских книжных легенд). К другой группе относятся легендарные или полулегендарные персонажи, сливавшиеся в мифопоэтическом сознании славян с их божествами («божий коваль» в разных вариантах, Бой-Бай из преданий Северо-Западной Руси, западнославянский Крак-Крок, ильменский Волх). В третью группу первопредков входят легендарно-эпические герои, имевшие, скорее всего, реальных прототипов и действующие в более или менее «исторических» обстоятельствах (Вятко, Радим, Избор и ряд других персонажей древнерусских преданий, Пржемысл, Либуше и их потомки у чехов, Лешко-Лех, Попель, Пяст — у поляков, древние персонажи сербохорватской истории, упоминаемые Константином Багрянородным и в «Летописи попа Дуклянина»).

https://RodnoVery.ru

75

Ср. еще смысл самого слова *narodъ ‘народ < те, кто народились’ (ЭССЯ. Вып. 22. С. 253–255).

https://RodnoVery.ru

76

Назаренко, 1993. С. 13/14.

https://RodnoVery.ru

77

Lehr-Spławiński T. Najstarsze nazwy plemion w obcych źródłach// Język Polski. Kraków, 1961. T. 41. S. 265. Прочие толкования менее вероятны. Основная альтернатива этнониму «червяне» — загадочные «сербяне» (от «сербы») С. Роспонда (Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich.// Rocznik sławisticzny. Kraków, 1966. T. 26. S. 12–13). Ясно, однако, что лужицкие сербы упомянуты Баварским географом под своим именем, а среди других славянских племен севернее Дуная никаких следов «сербян» не обнаруживается. Лингвистическую контраргументацию см.: Назаренко, 1993. С. 34. Парадоксальным и никак не увязывающимся с этнонимом Zerivani кажется мнение И. Херрмана, отождествляющего их с племенной общностью к востоку от Буга (то есть дулебами) (Херрман И.К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа».// Древности славян и Руси. М., 1988. С. 166). Он к тому же отождествляет их с Zuireani того же автора. Но те вполне надежно идентифицируются как свиряне (не говоря уже о том, что наличие «дублетов» внутри первой части Баварского географа очень сомнительно). Другие идентификации (с поздними гидронимами Серия и Пасерия в Нижнем Повисленье или с островом Руяна через предполагаемую форму *Zerujane) кажутся очень натянутыми (см. обзор: Назаренко, 1993. С. 34–35).

https://RodnoVery.ru

78

ЭССЯ. Вып. 15. С. 43, 44, 57–59. Баварский географ упоминает и лядичей, и червян, но этих последних — лишь как исторических персонажей со ссылкой на славянские предания.

https://RodnoVery.ru

79

См.: ЭССЯ. Вып. 19. С. 214–215.

https://RodnoVery.ru

80

Iord. Get. 35.: Свод I. С. 108/109.

https://RodnoVery.ru

81

Iord. Get. 35.: Свод I. С. 108/109.

https://RodnoVery.ru

82

Седов, 1982. С. 13, 14, 20, 26, 27.

https://RodnoVery.ru

83

Седов, 1982. С. 20, 27; Седов 1995. С. 23–24.

https://RodnoVery.ru

84

Седов, 1982. С. 20

https://RodnoVery.ru

85

Седов, 1982. С. 26.

https://RodnoVery.ru

86

Седов, 1982. С. 26

https://RodnoVery.ru

87

Седов, 1982. С. 8, 108, 112.

https://RodnoVery.ru

88

Рыбаков Б.А. Город Кия.// Вопросы истории, № 5, 1980. С. 31 след.

https://RodnoVery.ru

89

Седов, 1982. С. 27–28; Славяне и их соседи 1993. С. 122.

https://RodnoVery.ru

90

Седов, 1982. С. 29–34; Славяне и их соседи 1993. С. 122.

https://RodnoVery.ru

91

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966. С. 259–264; Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия до н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье// Раннесредневековые славянские древности. Л., 1974. С. 49 след.

https://RodnoVery.ru

92

Седов, 1982. С. 29, 33–34; ср.: Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев, 1984. С. 74–83. Судя по аргументации Р.В. Терпиловского и Е.В. Максимова, «нет ни археологических, ни лингвистических оснований для соотнесения всех этих родственных между собой групп памятников [киевских, колочинских и т. д.] со славянским населением». Тем не менее делается «вывод о принадлежности киевской культуры одной из крупных групп предков ранних исторических славян» (Славяне и их соседи 1993. С. 122). В справедливости этого осторожного определения сомневаться не стоит. Вместе с тем — с учетом вышесказанного — ясно, что считать колочинцев или «киевцев» славянами оснований нет, кроме социально-экономического и культурного сходства. Соседние, родственные и сходные по хозяйственному типу народы — славяне и восточные балты, — естественно, должны быть отчасти близки с точки зрения общественного уклада и быта.

https://RodnoVery.ru

93

Iord. Get. 36.: Свод I. С. 108/109.

https://RodnoVery.ru

94

См. карты: Седов, 1982. С. 20, 31.

https://RodnoVery.ru

95

Их упоминает Птолемей (Свод I. С. 50/51), локализуя близ Уральских гор (вероятно, южной оконечности). Возможно, упоминание Саурики за Доном на Певтингеровой карте фиксирует движение саваров на запад. Очевидно, сюда же относится гуннский этноним «савиры» как результат гунно-аланского смешения.

https://RodnoVery.ru

96

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 226; Седов, 1982. С. 138. Ср. еще Sebbirozi и Zabrozi Баварского географа (Назаренко 1993. С. 13/14). Из них первое явно отражает славянское «северцы»; возможно, от того же корня и второе. Но предпочтительнее возводить его к самоназванию не иранцев, позднейших севруков, а гуннов — савир.

https://RodnoVery.ru

97

Седов, 1982. С. 24.

https://RodnoVery.ru

98

Назаренко, 1993. С. 13/14.

https://RodnoVery.ru

99

ЭССЯ. Вып. 4. С. 149–152.

https://RodnoVery.ru

100

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. IV. С. 55. О возможной связи с Attorozi (и Aturezani?) Баварского географа см.: Назаренко, 1993. С. 29–30 (Прим. 30), 31 (Прим. 46).

https://RodnoVery.ru

101

ЭССЯ. Вып. 5. С. 183. Аналогично и происхождение гидронима *Dъnepгъ (ЭССЯ. Вып. 5. С. 182). Вероятнее всего возводить эти названия к контактам праславян с антами и дакийцами в начале черняховского периода.

https://RodnoVery.ru

102

Птолемей говорит о сербах (к западу от Нижней Волги — Свод I. С. 52/53) вполне определенно. О.Н. Трубачев обосновывал для этнонима «сербы» индоарийскую этимологию (Трубачев, 1999. С. 74–75, 277) и связывал его с синдо-меотскими племенами, что в целом соответствует данным Птолемея.

https://RodnoVery.ru

103

См.: Седов, 1982. С. 12 (находки керамики колочинского типа на поселении Рашков), 22 (о близких к колочинским домах с центральным столбом на днестровских поселениях), 26, 30, 33, 40. Впрочем, колочинские женщины, изготавливавшие посуду на антских поселениях, могли быть и полнянками.

https://RodnoVery.ru

104

Седов, 1982. С. 24. М.И. Артамонов даже выделял из пеньковской особую «пастырскую культуру» и относил ее болгарскому племени кутригур (Артамонов М.И. Етническата принадлежност и историческоото значение на пастирската култура// Археология. № 3. София, 1969. С. 1 след.).

https://RodnoVery.ru

105

См.: Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С. 15–18.

https://RodnoVery.ru

106

Дорн Б. Каспий. О походах русов в Табаристан. СПб., 1875. С. 37. После этого Джамасп якобы «завладел и странами обоих народов». Это выглядит уже как чистый, хотя, возможно и древний вымысел. Невероятно полагать, что в своей акции возмездия Джамасп достиг каких бы то ни было славянских (антских или тем более словенских) земель.

https://RodnoVery.ru

107

Balcano-Slavica. I. Beograd, 1972. P. 9–42; Федоров — Полевой, 1973. С. 293–297 (о расселении славян из Прутско-Днестровских областей, то есть носителей пеньковской керамики и антских украшений — пальчатых фибул, в Румынии); Седов 1982. С. 19–20.

https://RodnoVery.ru

108

Седов, 1982. С. 12.

https://RodnoVery.ru

109

Об этом см.: Moravcsik G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. B. 1. S. 108.

https://RodnoVery.ru

110

См. карты: Седов, 1982. С. 13, 20.

https://RodnoVery.ru

111

Седов, 1982. С. 20.

https://RodnoVery.ru

112

Седов, 1982. С. 12, 13, 19–20. Ср.: Федоров — Полевой, 1973. С. 293–296.

https://RodnoVery.ru

113

Федоров — Полевой, 1973. С. 293–294; Седов, 1982. С. 20.

https://RodnoVery.ru

114

Balcano-Slavica 1972; Федоров — Полевой, 1973. С. 296–297; Седов, 1982. С. 19.

https://RodnoVery.ru

115

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 11.

https://RodnoVery.ru

116

Proc. Bell. Goth. VII. 22: 1.: Свод I. С. 186/187 (ср. примечание Л.А. Гиндина, В.Л. Цымбурского и С.А. Иванова — Свод I. С. 233. Прим. 118).

https://RodnoVery.ru

117

Славяне и их соседи, 1993. С. 178.

https://RodnoVery.ru

118

Федоров — Полевой, 1973. С. 294.

https://RodnoVery.ru

119

Псевдо-Кесарий (Свод I. С. 254). Некоторые исследователи считали фисонитов (данубиев) Псевдо-Кесария мифическим народом, что противоречит их четкой локализации. Л. Нидерле отождествил их в итоге со славянами-дунайцами (Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 485), что с учетом противопоставления словен и фисонитов в автора совершенно невероятно. Скорее всего, данувии — тогдашнее самоназвание рипианов (в Дакии по обе стороны Дуная), которые, по словам Псевдо-Кесария, называют Данувием Дунай (Свод I. С. 255).

https://RodnoVery.ru

120

Свод I. С. 254.

https://RodnoVery.ru

121

Федоров — Полевой, 1973. С. 297–298; Comşa M. Die Slawen im Karpatisch-donauländischen Raum im 6–7 Jh.// Zeitschrift für Archäologie. 1974. B. 7; Kurnatovska Z. Die “Sclaveni” im Lichte der archäologischen Quellen// Archeologia Polska. Wroclaw, 1974. Vol. 15.

https://RodnoVery.ru

122

См.: Федоров — Полевой, 1973. С. 293, 298; Седов, 1995. С. 95–100.

https://RodnoVery.ru

123

Федоров — Полевой, 1973. С. 298.

https://RodnoVery.ru

124

*bъvolъ ‘буйвол, вол’ (ЭССЯ. Вып. 3. С. 158–159); *саръ ‘козел’ (ЭССЯ. Вып. 3. С. 172–173); *košara ‘загон для скота’ (ЭССЯ. Вып. 11. С. 183–185); *mьrtьčina ‘падаль’ (ЭССЯ. Вып. 21. С. 151 — возможно, отчасти связано с исконнославянским *mьrtvьčina) и т. д. К балканским романским могут быть отнесены те заимствования из классической и народной латыни, которые отложились в восточной группе южнославянских языков (болгарском, македонском), а также заимствования с более или менее ясными восточнороманскими диалектными чертами. Им противостоит группа альпийских романских заимствований, отсутствующих или слабо представленных в восточных южнославянских языках (например, *xolča, *loktika).

https://RodnoVery.ru

125

Термины, связанные с бытом (*bаn’a, *jьstъba, а также *bъtъ, *bъtarъ — ‘боченок’), денежным обращением (*cęta), садоводством и растительностью вообще (*čeršьna ‘черешня’, *kъdun’a ‘айва’, но и *baka ‘ива’), виноделием (*mъstъ ‘муст’) и др. — см. ЭССЯ.

https://RodnoVery.ru

126

См., в частности: Рикман Э.А. К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре Молдавии// Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 56.

https://RodnoVery.ru

127

Федоров — Полевой, 1973. С. 286.

https://RodnoVery.ru

128

Седов, 1982. С. 14, 18.

https://RodnoVery.ru

129

Ср.: Седов, 1982. С. 18; Славяне и их соседи 1993. С. 174 — словене Закарпатья хоронили умерших в грунтовых могилах, ставя урны с остатками кремации на кострищах с вымостками из камней; их предшественники же хоронили своих умерших в курганах, ставя урны в ямки, вырытые под кострищем, прикрытые каменной плитой.

https://RodnoVery.ru

130

Sklenář 1974. S. 272, 280; Седов, 1995. С. 24.

https://RodnoVery.ru

131

См.: Sklenář 1974. S. 271, 345.

https://RodnoVery.ru

132

См.: ЭССЯ. Вып. 4. С. 33–35. Это обстоятельство осознавалось и западноевропейскими средневековыми авторами, которые издревле переводили название «чехи» как «богемцы» (например, «бехеймары» у Баварского географа — Назаренко, 1993. С. 13/14 — один из немногих переведенных у него славянских этнонимов).

https://RodnoVery.ru

133

Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. Гл. 2. С. 33–34.

https://RodnoVery.ru

134

Dalimil. Кар. 2: 1–40. 3. Неедлы придал большое значение приходу Чеха у Далимила из «Хорватии», считая возможным видеть здесь отражение некой миграции из чешской «Белой Хорватии» на юго-восток, в долину Влтавы: Nejedlý Z. Staré pověsti české jako historický pramen. Praha, 1953. S. 16–49. В свете археологических данных о заселении Чехии в первой половине VI в., а также очевидного прихода хорватов из Поднестровья в Чехию только после аварского вторжения ок. 560 г. представляется предпочтительным считать иначе. Наличие в Чехии области хорватов могло побудить Далимила перенести в балканскую Хорватию (в хронике — «Есть в сербском языке земля, ей же Хорваты имя») легендарную дунайскую прародину славян. Толкование племенного названия «чехи» от личного «княжеского» имени Чеслав позволило бы видеть в Чехе историческое лицо, но эта заманчивая перспектива опровергается лингвистами (См.: ЭССЯ. Вып. 4. С. 34). Очевидно, Чех лишь персонифицирует в своем образе группу словен, пришедшую на полупустынные земли древней Богемии в первой половине VI в. Можно добавить, что в XIII в. предание о Чехе уже было воспринято польскими хронистами. У Богухвала (Великая хроника. С. 52) Чех — младший из трех сыновей Пана, родоначальника славян, вышедших из Паннонии и давших начало королевствам лехитов (от Леха), русов (от Руса) и чехов (от Чеха). Чешский хронист Гаек из Либочан (XVI в.) существенно дополняет предание о Чехе как другими устными традициями, так и собственными домыслами. Представляет интерес сказание о братьях Госте и Черноусе, которые хотели удалиться от горы Ржип, но Чех, разрешив им выделиться, отсоветовал уходить далеко (Václav Hájek z Libočan. Kronika česká. Praha, 1981. S. 50–51). Предание отражает стремление чехов к компактному проживанию в окружении «немцев».

https://RodnoVery.ru

135

Sklenář 1974. S. 272, 275–276; Седов, 1995. С. 28.

https://RodnoVery.ru

136

Sklenář 1974. S. 272; Седов 1995. С. 28.

https://RodnoVery.ru

137

Proc. Bell. Goth. VII. 35: 16, 21–22.: Свод I. С. 188–191 — явное свидетельство того, что словенские земли примыкали с севера к распадавшемуся готскому королевству. Глухим и совершенно искаженным припоминанием подлинных обстоятельств прихода славян на место германцев в Центральной Европе выглядит свидетельство Баварской хроники XIII в. о захвате «рутенами и славянами» — «детьми Хама» земель германцев («детей Яфета») то ли от Днепра «вплоть до Дуная и Вислы», то ли даже «от Русии до Рейна». Германцы будто бы бежали от них морем из «Средней Азии» и «Верхней Русии» («за Киевом») на «нижние острова Запада» (Свердлов М.Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. Вторая половина XII–XIII в. М. — Л., 1990. С. 394–395). Это крайне тенденциозное сообщение, представляющее собой при всей краткости чудовищную смесь самых разных исторических и псевдоисторических источников, тем не менее, как можно видеть, содержит некое реальное зерно.

https://RodnoVery.ru

138

См.: Седов, 1982. С. 19, 237. Ср. упоминавшееся значение этнонима «ледзяне» и слова Кассиодора об обитании словен в «лесах».

https://RodnoVery.ru

139

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24.: Свод I. С. 184/185. См.: Иванова О. В., Литаврин Г.Г. Славяне и Византия// Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 41.

https://RodnoVery.ru

140

См.: Третьяков П.Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе// Известия ГАИМК. Т. XIV. № 1, 1934.

https://RodnoVery.ru

141

Седов, 1982. С. 238.

https://RodnoVery.ru

142

Лен известен славянам искони; слово «конопля», возможно, индоарийского происхождения (ЭССЯ. Вып. 10. С. 188–192; Трубачев, 1999. С. 245).

https://RodnoVery.ru

143

Седов, 1982. С. 19. Исключение — пограничные с антами районы.

https://RodnoVery.ru

144

См.: Этнография восточных славян. С. 194.

https://RodnoVery.ru

145

Здесь и далее о праславянских лексемах см. ЭССЯ.

https://RodnoVery.ru

146

См.: Этнография восточных славян. С. 188. Мотыгу, помимо карпатских украинцев, использовали в историческое время сербы: Народы зарубежной Европы. Т. 1. М., 1964. С. 403.

https://RodnoVery.ru

147

Седов, 1982. С. 24, 236.

https://RodnoVery.ru

148

О формах рала см.: Народы I. С. 102, 192, 227, 314, 403, 433, 481; Этнография восточных славян. С. 194.

https://RodnoVery.ru

149

Этнография восточных славян. С. 194; Седов, 1982. С. 236, 274.

https://RodnoVery.ru

150

Народы I. С. 102, 193 (чешская борона «лучевой» формы), 404, 433 (хорватский архаичный тип бороны — прутья, прикрепленные к доске); Этнография восточных славян. С. 195–196.

https://RodnoVery.ru

151

Historia kultury materialnej Polski. T. 1. Wroclaw — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978. S. 85; Седов, 1982. С. 16, 237, 275.

https://RodnoVery.ru

152

Этнография восточных славян. С. 196.

https://RodnoVery.ru

153

См.: Народы I. С. 103, 193–194, 228, 314, 404, 433; Этнография восточных славян. С. 197.

https://RodnoVery.ru

154

Седов, 1982. С. 24.

https://RodnoVery.ru

155

Sklenář 1974. S. 275–276; Седов, 1982. С. 6, 18, 22.

https://RodnoVery.ru

156

Седов, 1982. С. 22.

https://RodnoVery.ru

157

Федоров — Полевой, 1973. С. 297; Седов, 1982. С. 18, 237–238.

https://RodnoVery.ru

158

Этнография восточных славян. С. 201; Седов, 1982. С. 237.

https://RodnoVery.ru

159

Sklenář 1974. S. 275–276; Седов, 1982. С. 18, 238. На скотоводство у славян есть указания у Прокопия: Bell. Goth. VII. 14: 23; 38: 22; 40: 37.: Свод I. С. 182/183, 194/195, 198/199.

https://RodnoVery.ru

160

Седов, 1982. С. 18, 238.

https://RodnoVery.ru

161

Седов, 1982. С. 14, 26, 238–239.

https://RodnoVery.ru

162

Historia kultury, 1978. S. 31.

https://RodnoVery.ru

163

Седов, 1982. С. 18, 239.

https://RodnoVery.ru

164

Sklenář, 1974. S. 276; Седов, 1982. С. 18, 239. Об охоте словен на кабана, видимо, говорит и Псевдо-Кесарий: Свод I. С. 254, 258 (Прим. 14).

https://RodnoVery.ru

165

Свод I. С. 254; Седов, 1982. С. 18.

https://RodnoVery.ru

166

Седов, 1982. С. 18.

https://RodnoVery.ru

167

Федоров — Полевой, 1973. С. 297; Sklenář, 1974. S. 272; Седов, 1982. С. 12, 21.

https://RodnoVery.ru

168

Iord. Get. 35.: Свод I. С. 108/109.

https://RodnoVery.ru

169

Седов, 1982. С. 21.

https://RodnoVery.ru

170

См.: Этнография восточных славян. С. 206.

https://RodnoVery.ru

171

Historia kultury, 1978. S. 27.

https://RodnoVery.ru

172

Седов, 1982. С. 12.

https://RodnoVery.ru

173

Седов, 1982. С. 22.

https://RodnoVery.ru

174

Федоров — Полевой, 1973. С. 294; Sklenář, 1974. S. 275; Седов, 1982. С. 13, 14, 22.

https://RodnoVery.ru

175

Седов, 1982. С. 13, 22.

https://RodnoVery.ru

176

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24, 29–30.: Свод I. С. 184/185.

https://RodnoVery.ru

177

Historia kultury, 1978. S. 31; Седов, 1982. С. 14, 22.

https://RodnoVery.ru

178

Historia kultury, 1978. S. 33.

https://RodnoVery.ru

179

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 297; Седов, 1982. С. 14, 22.

https://RodnoVery.ru

180

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24.: Свод I. С. 184/185.

https://RodnoVery.ru

181

Федоров — Полевой, 1973. С. 294; Sklenář, 1974. S. 275; Historia kultury, 1978. S. 202, 203, 278; Седов, 1982. С. 14, 22, 24.

https://RodnoVery.ru

182

Седов, 1982. С. 14.

https://RodnoVery.ru

183

Седов, 1982. С. 22.

https://RodnoVery.ru

184

Седов, 1982. С. 14, 22.

https://RodnoVery.ru

185

Седов, 1982. С. 24.

https://RodnoVery.ru

186

ЭССЯ. Вып. 8. С. 21–22. Там же (С. 22) о синониме — слове *xatrъčь.

https://RodnoVery.ru

187

Ср.: Седов, 1982. С. 30 — колочинские полуземлянки с опорным столбом в центре найдены на двух антских поселениях, в том числе в пеньковском «гнезде», в поселении Луг I.

https://RodnoVery.ru

188

Федоров — Полевой, 1973. С. 294; Седов, 1982. С. 14, 22.

https://RodnoVery.ru

189

ЭССЯ. Вып. 8. С. 243–245. Термин быстро стал обозначать сруб вообще, но особенно теплую часть.

https://RodnoVery.ru

190

Седов, 1982. С. 14.

https://RodnoVery.ru

191

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 297; Sklenář, 1974. S. 275; Седов, 1982. С. 14, 22, 24.

https://RodnoVery.ru

192

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 297; Седов, 1995. С. 69, 71.

https://RodnoVery.ru

193

Седов, 1982. С. 14.

https://RodnoVery.ru

Седов, 1982. С. 16, 22, 24.

https://RodnoVery.ru

195

Седов, 1982. С. 14, 16.

https://RodnoVery.ru

196

Седов, 1982. С. 14, 22.

https://RodnoVery.ru

197

Седов, 1982. С. 16.

https://RodnoVery.ru

198

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 298; Седов, 1982. С. 12–13, 19.

https://RodnoVery.ru

199

Федоров — Полевой, 1973. С. 298; Седов, 1982. С. 24.

https://RodnoVery.ru

200

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 296, 297; Sklenář 1974. S. 279; Седов, 1982. С. 16, 24.

https://RodnoVery.ru

201

Федоров — Полевой, 1973. С. 297; Седов, 1982. С. 16, 24.

https://RodnoVery.ru

202

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 297; Sklenář, 1974. S. 279.

https://RodnoVery.ru

203

Седов, 1982. С. 241–242.

https://RodnoVery.ru

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 298; Sklenář, 1974. S. 272, 275; Седов, 1982. С. 11–12, 19.

https://RodnoVery.ru

205

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 297; Sklenář, 1974. S. 276; Седов, 1982. С. 16, 239–240.

https://RodnoVery.ru

206

Видимо, в Поднепровье на гончарстве специализировались жители отдельных поселений (Седов, 1982. С. 24).

https://RodnoVery.ru

207

См.: Славянская мифология. С. 234. Ср. также этимологию имени легендарного основателя Киева Кия от имени божественного кузнеца (Славянская мифология. С. 222) и предание о князе Радаре (Легенды и паданни. Менск, 1980. № 97).

https://RodnoVery.ru

Historia kultury 1978. S. 117 etc.; Седов, 1982. С. 240.

https://RodnoVery.ru

209

Седов, 1982. С. 24, 241.

https://RodnoVery.ru

210

Седов, 1982. С. 241.

https://RodnoVery.ru

211

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 296, 298; Седов, 1982. С. 18.

https://RodnoVery.ru

212

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 26.: Свод I. С. 184/185.

https://RodnoVery.ru

213

Седов, 1982. С. 72, 258. Ср.: Этнография восточных славян. С. 262 след.

https://RodnoVery.ru

214

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 297; Седов, 1982. С. 258, 259.

https://RodnoVery.ru

215

Седов, 1982. С. 259.

https://RodnoVery.ru

Седов, 1982. С. 258.

https://RodnoVery.ru

217

Ср. об одежде древних чехов у Козьмы Пражского (Козьма 1962. Гл. 3. С. 35).

https://RodnoVery.ru

218

Седов, 1982. С. 72; Народы I. С. 251; Этнография восточных славян. С. 266.

https://RodnoVery.ru

219

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 297; Седов, 1982. С. 24–26, 259–260.

https://RodnoVery.ru

220

«Они постоянно покрыты грязью» (Proc. Bell. Goth. VII. 14: 28.: Свод I. С. 184/185). На Прокопия здесь оказывает большое влияние стереотип изображения «варваров». Недаром он по «грубому и неприхотливому нраву» и пресловутой «грязи» сравнивает славян с «массагетами» и притом говорит об их «гуннском нраве». В том же описании Прокопий говорит о русоволосости и «красноватом», то есть обычном североевропейском цвете кожи славян, а также об их большом росте и физической силе. Здесь же он отмечает, что «они менее всего коварны или злокозненны». Эти замечания, конечно, более справедливы, но в целом вписываются в тот же стереотип.

https://RodnoVery.ru

221

Обрядами омовения сопровождались многие календарные праздники и переходы из одной половозрастной группы в другую. Ср. этимологию глагола *myti(sę) (ЭССЯ. Вып. 21. С. 76–79).

https://RodnoVery.ru

222

Из нар. — лат. banes, balnia ‘баня’ (ЭССЯ. Вып. 1. С. 151–152).

https://RodnoVery.ru

223

Свод I. С. 84/85.

https://RodnoVery.ru

224

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 25.: Свод I. С. 184/185.

https://RodnoVery.ru

225

Proc. Bell. Goth. V. 27. 1–2.: Свод I. С. 176/177 (о «гуннах, склавинах и антах»); Marc. Chr. A. 517 («гетские всадники»; см. далее, гл. 2).

https://RodnoVery.ru

226

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 25; 38: 17.: Свод I. С. 184/185, 192/193. Более того, по Прокопию, некоторые славянские воины сражались полуголыми. Это, скорее всего, члены воинских «оборотнических» братств. Универсальный характер имеет представление о неуязвимости собственной кожи оборотня. Отражено оно и в славянских поверьях. Известно, что скандинавские берсерки срывали с себя в бою доспехи.

https://RodnoVery.ru

227

Федоров — Полевой, 1973. С. 298; Седов, 1982. С. 16.

https://RodnoVery.ru

228

См.: ЭССЯ. Вып. 18. С. 38–42 (о вероятном заимствовании слова из кельтских языков латенской эпохи). Отдельные мечи могли попадать в руки славян как трофеи. Ср. упоминание меча в руке «варвара» (славянина?) в «Луге духовном» Иоанна Мосха (Свод II. С. 184). См. гл. 2.

https://RodnoVery.ru

229

Proc. Bell. Goth. VII. 22: 1–6.: Свод I. С. 186/187.

https://RodnoVery.ru

230

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 7; 40: 7.: Свод I. С. 192/193, 196/197.

https://RodnoVery.ru

231

Proc. Bell. Goth. VI. 26: 17–24.: Свод I. С. 176–179; Proc. DA. IV. 7: 13, 17.: Свод I. С. 206/207.

https://RodnoVery.ru

232

Proc. Bell. Goth. VII. 22: 5.: Свод I. С. 186/187.

https://RodnoVery.ru

233

Седов, 1982. С. 13, 22.

https://RodnoVery.ru

234

Федоров — Полевой, 1973. С. 294; Седов, 1982. С. 18.

https://RodnoVery.ru

235

Народы I. С. 256, 340–341, 418–419, 444, 461, 474–475, 490–491; Этнография восточных славян. С. 363. Югославянскую задругу часто отделяют от больших семей восточных славян и словаков, относя скорее к патронимическому типу (Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963). Но более аргументирована другая точка зрения — задруга является следствием эволюции большой семьи при сохранении многих ее характерных черт (в частности, и фигуры главы семьи). Характерно в этом плане объединение болгарских «фамилий» (преемниц задруг, объединявших уже малые семьи) в «роды». Эти «роды», соответствующие патронимиям, были известны также черногорцам и в пережиточных формах македонцам.

https://RodnoVery.ru

236

Народы I. С. 256, 340–341, 418–419, 474–475; Этнография восточных славян. С. 365.

https://RodnoVery.ru

237

Народы I. С. 340–341, 474–475, 490; Этнография восточных славян. С. 173.

https://RodnoVery.ru

238

Седов, 1982. С. 243–244; Седов, 1995. С. 72–73. Память о «золотом веке» коллективной собственности и равенства сохранилась из славянских хронистов у Козьмы Пражского (Чешская хроника. Гл. 3). Но это описание слишком изобилует литературными клише, чтобы быть подлинным отражением фольклорной традиции.

https://RodnoVery.ru

239

Седов, 1982. С. 13, 22.

https://RodnoVery.ru

240

Частичным этнографическим аналогом является черногорское братство, объединявшее роды и входившее в состав племени (См. о родоплеменном укладе черногорцев: Народы I. С. 489–490).

https://RodnoVery.ru

241

Видимо, именно эту форму распределения следует считать самой старой (ср.: Этнография восточных славян. С. 376–378). Об общинах у западных и южных славян см.: Народы I. С. 218, 418–419, 475, 489–490.

https://RodnoVery.ru

242

В «Правде Русской» (Русская Правда, Краткая редакция — см.: Правда Русская. М. — Л., 1940. Т. 1) одинаковым денежным штрафом с прямым указанием на разрешение кровной мести карается убийство (ст. 1) и повреждение руки или ноги (ст. 5). У черногорцев кровная месть сохранялась до XIX в. (Народы I. С. 490; ср.: Законик општи црногорски и брдски. Цетиње, 1982. С. XXVII след. Ст. 2–10, 17). В Польской Правде (Эльблонгская книга, ст. 17. См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 738 след.) и Винодольском законе (Ягич В.В. Закон Винодольский. СПб., 1880) (ст. 46) изнасилование приближается по сумме возмещения к убийству. Можно заключить (с учетом фольклорных свидетельств), что изначально оба преступления карались одинаково — кровной местью.

https://RodnoVery.ru

243

В Эльблонгской книге (ст. 12) такой привод карается одним из самых высоких штрафов.

https://RodnoVery.ru

244

Ср. Эльблонгская книга (ст. 8–9): отвечает за убийцу, грабителя или вора то село, которое отказалось гнаться за ним «с криком». «Род» мог выставить поединщика за укрытого убийцу.

https://RodnoVery.ru

245

В «Правде Русской» два уровня обид (в денежном выражении). В обоих случаях очевидно, что откупом заменяется месть (хотя и не со смертельным исходом, по крайне мере во второй категории). К тяжким обидам отнесены удар каким-либо предметом (ст. 3, 4) и вырывание бороды и усов (ст. 7). К более легким — простое избиение (ст. 2), отсечение пальца (ст. 6), толчок (ст. 9), кража (ст. 10–12). Черногорское право конца XVIII в. (ЗОЦБ. Ст. 6–10, 17) содержит попытку судебного регулирования правежа из-за побоев и грабежей. В противном случае они постоянно приводили к «кровопролитию». Впрочем, «старый обычай» уже допускал откуп за кражу (ст. 14). Закон судный людем винит «в сугубину» тех, кто покушается на чужой лес (леса в древности находились в коллективной собственности) и скот (см.: Закон судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 104 след. — Гл. 16, 25). Эти нормы, также как норма о возврате присвоенного (гл. 19; ср. РПКр. Ст. 12), не восходят напрямую к ромейской «Эклоге».

https://RodnoVery.ru

246

Винодольский закон, ст. 7–8; Эльблонгская книга, ст. 8–9.

https://RodnoVery.ru

247

Винодольский закон, ст. 71; Эльблонгская книга, ст. 7.

https://RodnoVery.ru

248

Ср. Эльблонгская книга, ст. 5; Винодольский закон, ст. 9–10 и др.

https://RodnoVery.ru

249

Эльблонгская книга, ст. 23–25; Рожмберкская книга (Хрестоматия. С. 839 след.), ст. 154–191.

https://RodnoVery.ru

250

ЗСЛ. Гл. 22 («даже если и жупан свидетельствует»). О «видоках» упоминается и в древнейшей Правде Русской (ст. 2, 9). Но норма гл. 2 ЗСЛ о «послухах» восходит к ромейскому христианскому праву.

https://RodnoVery.ru

251

Четырехступенчатая система общественной организации (семья — род — братство — племя) сохранялась долго у черногорцев. С ней был сопряжен ряд других архаичных элементов общественной жизни (сохранение веча-скупщины, кровной мести). Но черногорские патронимические племена были за единственным исключением экзогамны (Народы I. С. 489–490). Сохранение этой патронимической нормы могло быть вызвано большим числом и замкнутостью горных черногорских племен. С другой стороны, экзогамия племен могла здесь развиться и вторично в связи с появлением «лишнего звена» между племенем и черногорским племенным союзом — нахии (округа). Нахия, являясь основной составляющей ячейкой государства, с неизбежностью переняла ряд функций древнеславянского первичного племени.

https://RodnoVery.ru

252

Седов, 1982. С. 13.

https://RodnoVery.ru

253

Седов, 1982. С. 22.

https://RodnoVery.ru

254

Proc. Bell. Goth. VI. 15: 2; VIII. 4: 9.: Свод I. С. 176/177, 200/201. Греческий термин ΠΥΘΟΝ ‘территория провинции или племени’ здесь выглядит точным соответствием славянского «волость».

https://RodnoVery.ru

255

Ср. у черногорцев: Народы I. С. 490.

https://RodnoVery.ru

256

О поклонении киевских полян «рощам» наряду с водными источниками говорит Начальный летописец (ПСРЛ. Т. 3. 6362 г. — см. также Начальная летопись 1999). Ср. еще сниженный и осмеянный в русской бытовой сказке мотив «Николы Дуплянского» — божества-оракула, живущего в лесу, в дупле, и дающего ответы в обмен на приношения.

https://RodnoVery.ru

257

См.: ЭССЯ. Вып. 8. С. 74–76. Остатки примитивного «храмового» сооружения, возможно, обнаружены у селища Корчак (Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1997. Приложение, № 39).

https://RodnoVery.ru

258

Седов, 1982. С. 262–263. О наличии идола можно судить по аналогиям.

https://RodnoVery.ru

259

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 23.: Свод I. С. 182/183. Монархический характер власти Перуна над мирозданием Прокопий явно преувеличивает. Едва ли живущие, по его же словам, в «демократии» словене и анты могли приписать своему верховному богу форму власти, о которой не имели представления.

https://RodnoVery.ru

260

О мифологических именах типа Додола, Перыня, Пеперуна и др., обозначавших земную жену громовержца и заменявшую ее в обряде призывания на землю дождя жрицу, см.: Славянская мифология. С. 108, 164–165, 305–306. Обряды вызывания дождя сохранились, прежде всего, у южных славян. См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. Обряд исполняла молодая жрица, символизировавшая собой жену громовержца, богиню земли. Ее в обряде обливали водой с молитвенными заклинаниями.

https://RodnoVery.ru

261

О сложной проблеме с разграничением праславянских слов *mara ‘призрак’ и *mora (с родственным *marena) см.: ЭССЯ. Вып. 17. С. 204–207, 209–210; Вып. 19. С. 211–214. С индоевропейскими соответствиями типа ирл. Morrigan, герм. mara сопоставляется именно праслав. *mora. Это слово, как и западно-восточнославянское *marena, соотносится с древнейшими обозначениями смерти. Сюда же, возможно, имя латышского духа-покровителя животноводства «Маря» — но этот персонаж претерпел существенные изменения (затронувшие и само звучание имени) под влиянием христианства.

https://RodnoVery.ru

262

Эта гипотеза В. Н. Топорова (Топоров В. Н., Ahi Budhnya, Бадњäк и др.// Этимология. 1974. М., 1976) построена на этимологии названия югославянского «рождественского полена» от индоевропейского корня, отразившегося в именах мифологических змеев греческой и индийской традиции. С гипотезой в принципе согласуются и славянские фольклорные тексты, противопоставлявшие «старого бога» молодому Божичу. Явно солнечный характер последнего божества — еще один повод для сопоставления с греческими мифами, где змея Пифона убивает бог солнца Аполлон.

https://RodnoVery.ru

263

Согласно древнерусскому поучению против язычества, Роду и рожаницам поклонялись «прежде» Перуна (Гальковский, 2000. С. 24). Многие мотивы в восточнославянском образе Рода и южнославянском Суда близки; термины «рожаница» и «суденица» были известны и восточным, и южным славянам, а «суденица» — еще и западным (Славянска мифология. С. 335, 370). Термин «наречница», видимо, также праславянский (см.: ЭССЯ. Вып. 22. С. 241: при преобладании южнославянских примеров — словинский из Поморья со значением ‘плаксивая женщина’ явно из первоначального ‘предсказательница злой судьбы’).

https://RodnoVery.ru

264

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 23.: Свод I. С. 182–185. Перечень попыток решения дилеммы см.: Свод I. С. 222. Прим. 74.

https://RodnoVery.ru

265

О. Н. Трубачев предполагал заимствование из индоарийского *svar-ga ‘в небе идущий, небесный, солнечный’ (Трубачев 1999. С. 182, 280).

https://RodnoVery.ru

266

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 158–163. Ср. еще образ Перуна как «создателя молний» у Прокопия. Упоминание в мифе железного пахотного орудия явно указывает на его антское происхождение. В индийской мифологии Сваргой именуются владения громовержца Индры; возможно, в древности (и у синдо-меотов) это был эпитет бог грозы.

https://RodnoVery.ru

267

Одна из гипотез возводит имя «Кий» к индоевропейскому обозначению божественного кузнеца (Иванов В. В., Топоров В.Н. Кий.// Славянская мифология. С. 222). О преданиях о «божьем ковале» как продолжении древнего мифа о боге-кузнеце или громовержце см.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 559 след.; Потебня А.А. Этимологические заметки о мифологическом значении некоторых обрядов. М., 1865. С. 8–15; Петрухин В.Я. Кузнец.// Славянская мифология. С. 234.

https://RodnoVery.ru

268

Змиевы Валы в Поднепровье, которые, по преданию, явились результатом победы Божьего Коваля над Змеем, еще в XVII в. именовались Трояновыми (Антонович В. Змиевы Валы в пределах Киевской земли.// Киевская старина. 1884. Март). Видимо, почитавшийся «волохами» Троян первоначально воспринимался как персонаж, тождественный Велесу, а Сварог прямо отождествлялся с Перуном.

https://RodnoVery.ru

269

См.: Славянская мифология. С. 388 (производится из иранского и связывается с персидским Xuršet ‘божественное сияющее солнце’).

https://RodnoVery.ru

270

Образ, распространенный в тюркских мифологиях. См. еще: Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж. Л., 1937; Ворт Д. Див-Simurg.// Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. В этих и ряде других работ название связывается с обозначением демонической птицы Симург (Сэнмурв) из иранских мифов. В.В. Иванов и В.Н. Топоров (Славянская мифология. С. 357) считают имя скорее славянским и возводят его к «Семиглав». У балтийских славян известен семиглавый бог Руевит. Но древнерусские авторы явно не понимали смысла имени Семаргла и не раз искажали его. Это скорее свидетельствует о заимствовании. Сами причины искажения или усечения в случае принятия славянской этимологии не вполне ясны. «Семиглав», впрочем, могло повлиять на оформление заимствования на славянской почве (Руевит, заметим, был богом войны).

https://RodnoVery.ru

271

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24.: Свод I. С. 184/185. Ср. еще в начальной летописи (6362 г.): «жертвовали озерам и ручьям».

https://RodnoVery.ru

272

Именно с вилами отождествил «нимф» Прокопия Л. Леже (Леже Л. Славянская мифология// Филологические записки. 1907. 2–3. С. 144).

https://RodnoVery.ru

273

См. об исконнославянской этимологии слова: ЭССЯ. Вып. 8. С. 191. Следы представлений о юдах сохранились у южных и у восточных («чудо-юдо») славян.

https://RodnoVery.ru

274

Об этимологии слов *manъ и *manьja и их точном соответствии исконнородственным латинским терминам см.: ЭССЯ. Вып. 17. С. 201–203. Южнославянские значения слова *navь (и болгаро-македонские, и сербохорватские) сводятся к одному — ‘злой дух из царства мертвых’, но несколько отличаются от древнерусского летописного навь ‘призрак мертвеца’. Возможно, сперва (как и в конечном счете) терминами *manъ и *navь обозначались разные, хотя и близкие персонажи низшей мифологии. Слово *navь у праславян означало собственно смерть и мертвое тело (см.: ЭССЯ. Вып. 24. С. 49–52).

https://RodnoVery.ru

275

Ср. семантику слова в различных славянских языках: ЭССЯ. Вып. 25. С. 93–94. Позднее оно приобрело собирательное значение — вредоносный дух вообще.

https://RodnoVery.ru

276

О слове см.: ЭССЯ. Вып. 22. С. 187–188. Такой дух мыслился живущим в доме. Исходное религиозное значение для слова «наместник», вероятно, ‘жертва во здравие’ — та самая животная жертва в искупление, о которой говорит Прокопий. Дух такой жертвы мыслился оберегающим жертвователя.

https://RodnoVery.ru

277

Например, у Богухвала (Великая хроника. С. 54, 55).

https://RodnoVery.ru

278

Этот эпитет употреблен в «Слове о полку Игореве», метафоры которого обычно имеют древнее происхождение. Но в данном случае речь все же может идти о христианском (точнее, народно-христианском) восприятии инородцев-язычников. Готский вариант предания о происхождении гуннов см.: Iord. Get. 121–122. Е.Ч. Скржинская считала, что легенда «создалась, конечно, в христианской среде» (Иордан 1997. С. 271. Прим. 380). Это верно в том смысле, что готы уже были христианами (точнее, арианами). Но, с другой стороны, идея о возможности происхождения человека от демона — скорее не христианская, а языческая. Действие легенды происходит у Иордана в языческие времена, и почти никаких признаков христианского происхождения она не несет (разве что термин spiritus inmundi по отношению к духам, от которых будто бы произошли гунны).

https://RodnoVery.ru

279

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 23.: Свод I. С. 182–185.

https://RodnoVery.ru

280

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 24.: Свод I. С. 184/185.

https://RodnoVery.ru

281

ЭССЯ. Вып. 19. С. 87–93 (значение ‘молитва’ вторично).

https://RodnoVery.ru

282

Седов, 1982. С. 262–263; Proc. Bell. Goth. VII. 14: 23.: Свод I. С. 182/183.

https://RodnoVery.ru

283

Особенно четко следы ритуала прослеживаются в «кукерских» обрядах у болгар, испытавших фракийское влияние. Но пережитки мужской жертвы (в виде сожжения или разрывания чучела, «убиения» ряженого) есть у всех славянских народов. На завершающем этапе появилось название жертвы «Ярило» (эпитет умирающего и воскресающего бога, появившийся не ранее VII в. — болгарам и македонцам неизвестен). Только у северных славянских народов (западных и восточных) мужская жертва была заменена со временем, едва ли раньше обособления южных славян в VII в., женской. Лишь затем (но раньше принятия христианства) обряд разложился и исчез вовсе. Таким образом, в V–VI вв. он еще существовал. Материал о календарных праздниках славян, связанный с темой, см.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 202–296; Календарные обычаи 1978. С. 174–244; Этнография восточных славян. С. 380 след., 452–453. Оценку первоначального содержания и исторического развития подобных обрядов, см., например: Календарные обычаи… Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 122–123; там же отсылки к литературе.

https://RodnoVery.ru

284

Ср.: Proc. Bell. Goth. VII. 38: 20–22.: Свод I. С. 192–195. Ритуальный характер носили, видимо, и изуверства, описанные Псевдо-Кесарием: Свод I. С. 254 (ср.: С. 257. Прим. 5–6).

https://RodnoVery.ru

285

Интересно, что магические умения, приписывавшиеся гончарам (см.: Славянская мифология. С. 139–140) в целом более «темны» и опасны для окружающих, чем восходящее к божественным силам знание кузнецов. Видимо, это отголосок тех времен, когда работавшие на гончарном круге мастера были инородцами для славян и хранили от них свои секреты. На поселениях ипотештинской группы, например, гончарами были «волохи», связывавшиеся в мифологических представлениях славян с богом загробного мира Велесом (Волосом).

https://RodnoVery.ru

286

Ср. общеславянский, хотя в конечном счете и восходящий к древнегерманским языкам, термин lekarʼь (ЭССЯ. Вып. 14. С. 194–195).

https://RodnoVery.ru

287

Седов, 1982. С. 16, 18. Они найдены и на «святилище» близ Корчака. Видимо, это ритуальная замена настоящего хлеба. Стремление к такой замене естественно в условиях малых урожаев, при подсеке и перелоге.

https://RodnoVery.ru

288

См.: Этнография восточных славян. С. 380; Календарные обычаи и обряды… Вып. 1–4. М., 1973–1983.

https://RodnoVery.ru

289

Их сведения блестяще расшифрованы Б.А. Рыбаковым: Рыбаков Б… Календарь IV в. из земли полян.// Советская археология. № 4. 1962. С. 67–72 (чаша № 2 из Лепесовки), 71 (две черняховские миски), 72–74 (сосуд из Малаешты), 74–86 (кувшин из Ромашек).

https://RodnoVery.ru

290

ЭССЯ. Вып. 10. С. 134–135.

https://RodnoVery.ru

291

О культе волка у древних индоевропейцев и балтославян см.: Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка.// Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. № 5; Иванов В.В. Волк.// МНМ. Т. 1.

https://RodnoVery.ru

292

Об исторических корнях обряда ряжения см. подробно: Календарные обычаи 1983. С. 185 след.

https://RodnoVery.ru

293

Родственные праслав. *jьgrьcъ и *jьgračь, кажется, несколько различались по смыслу (ср. значения: ЭССЯ. Вып. 8. С. 210, 212–213). Первое означало скорее «актера» — бродячего, к тому же перевоплощающегося и ведущего себя непристойно в ходе «игры» (празднества), позднее даже «нечистого духа». Второе же слово обозначало просто «игрока», любого участника праздничного ритуала.

https://RodnoVery.ru

Эти реалии отразились в весьма древней по происхождению русской эпической песне «Братья Волховичи», имеющей южнославянские (болгарские) параллели. См.: Былины новой и недавней записи из разных местностей России. М., 1908. № 96; Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А.В. Марковым, А.Л. Масловым и Б.А. Богословским. М., 1908. Ч. 2. № 42–43; Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. М., 1991. № 108–111. О сюжете и его развитии у южных и восточных славян см.: Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 407–409 (в связи с близкой позднейшей по происхождению былиной «Алеша Попович и сестра Бродовичей»). Закон судный людем говорит об усечении носа мужчине, нарушившему брачные установления (гл. 8, 13). Это, очевидно, позднейшая замена кровной мести.

https://RodnoVery.ru

295

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 14; ср. Козьма Пражский. Гл. 4.

https://RodnoVery.ru

296

В лужицком свадебном обряде невеста танцевала с гостями, пока жених стоял за дверью (Народы I. С. 291). Именно о групповом браке, по сути, говорит и Козьма (гл. 4), но это скорее искаженное под влиянием античной традиции восприятие славянского многоженства.

https://RodnoVery.ru

297

Ср. обычай «пробного брака» в народной славянской среде (Народы I. С. 446; Славянская мифология. С. 64).

https://RodnoVery.ru

298

ПСРЛ. Т. 1. Стб.13, 14; Т. 41. С. 6.

https://RodnoVery.ru

299

См.: Славянская мифология. С. 64. Ср.: Народы I. С. 291; Этнография восточных славян. С. 408.

https://RodnoVery.ru

300

См.: Этнография восточных славян. С. 408. Особые формы свадебных даров представляли собой выкуп сватов за вход в дом невесты (Народы I. С. 342, 420, 446) и выкуп за выезд из села невесты (Там же. С. 218, 291, 462). Последняя форма, — возможно, остаток сопротивления эндогамного коллектива разрушению своих устоев, — следовательно, более поздняя.

https://RodnoVery.ru

301

Подробнее о формах бракосочетания см.: Народы I. С. 132–133, 217–218, 259, 290–291, 342–343, 420–421, 446, 461–462, 475; Этнография восточных славян. С. 405–409.

https://RodnoVery.ru

302

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 13 (в Лаврентьевском списке — «зять за невестой»).

https://RodnoVery.ru

303

См.: Народы I. С. 218; Славянская мифология. С. 80.

https://RodnoVery.ru

304

См.: Народы I. С.152, 258, 341, 420, 445–446, 4614 Этнография восточных славян. С. 397–400.

https://RodnoVery.ru

305

Топорков А.Л. «Перепекание» детей в ритуалах и сказках восточных славян// Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992.

https://RodnoVery.ru

306

См., например, чрезвычайно древнюю по происхождению былину «Волх»: Древние российские стихотворения, собранные Киршой Даниловым. М. — Л., 1958. № 6.

https://RodnoVery.ru

307

О пережитках авункулата у славян см.: Косвен М.О. Кто такой крестный отец?// Советская этнография. 1963. № 3.

https://RodnoVery.ru

308

Для лиц, родившихся в конце V — первой половине VI в., отмечены: заимствованные имена у анта Хильвуда (Proc. Bell. Goth. VII. 14: 8.: Свод I. С. 180/181), видимо, его отца Санвата (см.: Свод I. С. 232), односоставное имя у словенского воина Сваруны (Agath. Hist. IV. 20: 4.: Свод I. С. 296/297); двусоставные имена у антских вождей, братьев Межимира и Келогоста (Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/317), видимо, анта-полководца на имперской службе Доброгеза (Agath. Hist. III. 6: 9.: Свод I. С. 294/295), а также — в усеченной форме — у словенского князя Добряты (Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321).

https://RodnoVery.ru

309

См. об этом: Пропп, 1996. С. 52–111. Испытания силы и ловкости сохранились в обряде «юношеского крещения» у словаков (Народы I. С. 258).

https://RodnoVery.ru

310

Об остатках ритуала инициации у славян см.: Народы I. С. 258–259 (словаки), 447 (хорваты); Этнография восточных славян. С. 400.

https://RodnoVery.ru

311

ЭССЯ. Вып. 9. С. 80–82. Впервые зафиксировано в середине V в. Приском применительно к похоронам Аттилы. См.: Свод I. С. 161 след.

https://RodnoVery.ru

312

О погребальной обрядности см.: Народы I. С. 133–134, 217, 292–293, 343, 421–422, 446–447; Этнография восточных славян. С. 410–416.

https://RodnoVery.ru

313

Sklenář, 1974. S. 272, 279; Седов, 1982. С. 18, 25.

https://RodnoVery.ru

314

Федоров — Полевой, 1973. С. 294; Sklenář, 1974. S. 279; Седов, 1982. С. 18, 25.

https://RodnoVery.ru

315

Седов, 1982. С. 18.

https://RodnoVery.ru

316

Sklenář, 1974. S. 279; Седов, 1982. С. 18, 25.

https://RodnoVery.ru

317

В курганных захоронениях, распространяющихся впоследствии у словен, основные погребения — урновые, а без урн хоронили потомков, пользовавшихся курганом позднее (Седов, 1982. С. 18).

https://RodnoVery.ru

318

Седов, 1982. С. 18. Возможно, стремление обезопасить себя от мертвеца? Ср. разнообразные варианты захоронений в Сэрата-Монтеору: Федоров — Полевой, 1973. С. 294.

https://RodnoVery.ru

319

Седов, 1982. С. 18, 25. Довольно богатый на общем фоне инвентарь Сэрата-Монтеору (Федоров — Полевой, 1973. С. 296–297) относится в основном ко второй половине VI–VII вв. В Пржитлуках найдены костяные гребни, глиняные пряслица, железные ножи и пр. (Sklenář, 1974. S. 279). К востоку от Западного Буга находки предметов буквально единичны — железная пряжка из Хорска, глиняный «хлебец» из Суемец, бусина из Тетеревки (Седов, 1982. С. 18).

https://RodnoVery.ru

320

Седов, 1982. С. 18.

https://RodnoVery.ru

321

Седов, 1982. С. 112; ср.: Седов, 1995. С. 75. В последнее время предложена версия о существовании в регионе особой «культуры ингумаций» смешанного происхождения (Обломский 2002. С. 80–6). Не исключено, что толкование этих обрядовых различий должно носить не столько этнический, сколько социальный характер.

https://RodnoVery.ru

322

См.: Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963; Типология народного эпоса. М., 1975.

https://RodnoVery.ru

323

В русской былине об Алеше Поповиче описывается его поединок с Тугарином Змеевичем (См. варианты и разбор сюжета в кн.: Добрыня 1977). В болгарской песне о Муржо-свирельщике юда требует от Муржо его жизнь в уплату за горное пастбище; они бьются об заклад — сможет ли юда «плясать» дольше, чем Муржо играет (Песни южных славян. М., 1976. С. 46–47). Герой, борясь с чудовищем, просит небесные силы о дожде. Ему посылается «дождик», намачивающий и отягощающий противнику крылья. В болгарской версии враг — юда, воплощение ураганного ветра, а дождь прерывает ее «пляску», что неплохо объясняет происхождение мотива.

https://RodnoVery.ru

324

Русские эпические песни… № 1; ср. еще былины о Скимене (Индрике) звере, который «заслышал» рождение богатыря (см.: Добрыня… С. 426–427); Песни южных славян. С. 60–64, 71–74. Особенное сходство (даже на лексическом уровне) с русскими былинами наблюдается в македонской песне «Малое дитя и ламия» (С. 74, 131). Ср. там же: С. 9–10, где утверждается, что противником героя всегда является змея, а не змей. Более убедительную интерпретацию см.: Славянская мифология. С. 283–284, где учтены русские параллели и сербский эпос о Вуке. Несомненно, что в основе представлений о змее-отце лежит древний образ змея-защитника; столь же несомненно, что в южнославянском эпосе сохранились мощные следы именно этого образа (Песни южных славян. С. 66–69). Но смена мифологических «поколений» в эпосе, как и в мифе, уже произошла. Верховным богом древних славян стал змееборец Перун (Сварог?), а героем их эпоса — сын змея, поражающий отца (что не исключает и сюжета противоборства со змеей). Ср., кстати, в этой связи змеиную природу Рарога (сниженный вариант образа Сварога) — см.: МНМ. Т. 2. С. 368.

https://RodnoVery.ru

325

Ср. карпатский обычай сказывать сказки во время бдения при покойнике (Этнография восточных славян. С. 419).

https://RodnoVery.ru

326

См.: Этнография восточных славян. С. 475 след., а также: Народы I. С. 151–152, 354–355, 425, 448, 464, 492.

https://RodnoVery.ru

327

Федоров — Полевой, 1973. С. 294, 298; Седов, 1982. С. 12, 19.

https://RodnoVery.ru

328

О примитивных деревянных идолах можно составить представление разве что на основе миниатюрных фигурок «домовых» из новгородских раскопок — палочек с навершиями в форме мужских голов, и аналогичных западнославянских находок, также относящихся к позднейшему периоду. Из них Волинский идольчик имел четыре лика (Седов, 1982. С. 264).

https://RodnoVery.ru

329

Седов, 1982. С. 26.

https://RodnoVery.ru

330

Седов, 1982. С. 16, 25–26. Расцвет этого искусства связан с древностями мартыновского типа и приходится, вероятно, преимущественно на вторую половину VI–VII вв.

https://RodnoVery.ru

331

Сказания, 1981. С. 102.

https://RodnoVery.ru

332

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 8, 11; 29: 1; 38: 18, 23; Hist. Arc. XVIII. 21; XXIII. 6.: Свод I. С. 180/181, 188/189, 192–195, 202/203, 204/205.

https://RodnoVery.ru

333

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 8.: Свод I. С. 180/181.

https://RodnoVery.ru

334

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 15–16.: Свод I. С. 182/183. Стоит заметить, что установление дружественных отношений между племенами вовсе не влекло за собой освобождения рабов-пленников. Имеются еще данные о выкупе за ромейских пленных: см. Свод I. С. 217 (новелла Юстиниана); ср. еще Marc. Chr. A. 517.

https://RodnoVery.ru

335

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 9–10.: Свод I. С. 180/181.

https://RodnoVery.ru

336

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 17–19.: Свод I. С. 182/183. На практике, как следует из этого же фрагмента, «закон» нарушался, и не так уж редко.

https://RodnoVery.ru

337

ЭССЯ. Вып. 4. С. 189. О сборе дани гуннами, словенами и антами с имперских городов см.: Proc. Hist. Arc. XXIII. 6. О термине «смерд» (с первоначальным уничижительным значением «смердящий») см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 684–685.

https://RodnoVery.ru

338

Ср. в этой связи слова Псевдо-Кесария о подчинении данувиев «всякому», а также о воздержании их от мясной пищи (Свод I. С. 254) — возможно, гипертрофированное восприятие изъятия у них славянами продуктов животноводства?

https://RodnoVery.ru

339

Возможно, именно с этой частью населения связан любопытный славянский диалектизм *kosęzъ — ‘косез, свободный общинник-воин’, отмеченный в Средние века в западном южнославянском регионе и заимствованный, вероятно, из алано-сарматского (ЭССЯ. Вып. 12. С. 138–139). Вместе с тем значение термина свидетельствует о полном растворении аланских выходцев в славяноязычной среде.

https://RodnoVery.ru

340

См.: ЭССЯ. Вып. 7. С. 197–198 — объясняется как заимствование их иранского (скифского) gu-pana ‘охраняющий крупный скот’.

https://RodnoVery.ru

341

Ср. латинское происхождение праслав. *cęta ‘монета’ (ЭССЯ. Вып. 3. С. 199). Свидетельства такого обращения есть и у археологии (Федоров — Полевой, 1973. С. 298), и в письменных источниках (особенно: Proc. Bell. Goth. VII. 14: 16 — о покупке раба за большую сумму денег). Отдельные экземпляры монет попадали и дальше на север (ср.: Седов, 1982. С. 16), но роль всеобщего эквивалента, очевидно, здесь уже не играли. См. также Свод I. С. 218. Прим. 57.

https://RodnoVery.ru

342

*kupiti, *kuръ — старые заимствования из германского (ЭССЯ. Вып. 13. С. 109–112, 115), то же *lixva (ЭССЯ. Вып. 15. С. 97–99). Терминология же, связанная с наймом, исконнославянского происхождения; общеславянский характер носят слова *najęti (ЭССЯ. Вып. 22. С. 102–104), *najьmati (Там же. С. 106–108), *najьmъ (С. 110–111), * najьmnъjь с произв. *najьmnikъ, *najьmnica (С. 112–113), *najьmatelь (С. 106).

https://RodnoVery.ru

343

Наиболее яркие пережитки половозрастных групп (молодежных) сохранились у словаков (Народы I. С. 258–259), но были они и у других славянских народов.

https://RodnoVery.ru

344

Журавлев А. Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение.// Славянский и балканский фольклор. М., 1978; Агапкина Т. А. Опахивание.// Славянская мифология.

https://RodnoVery.ru

345

См.: Петрухин В. Я. Кузнец.// Славянская мифология.

https://RodnoVery.ru

346

История первобытного общества. Вып. 3. С. 238.

https://RodnoVery.ru

347

См.: МНМ. Т. 2. С. 368 («Рарог»).

https://RodnoVery.ru

348

Славянская мифология. С. 298–299.

https://RodnoVery.ru

349

См.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 493 след.

https://RodnoVery.ru

350

См.: Миллер Дж. Короли и сородичи. М., 1984. С. 191–199.

https://RodnoVery.ru

351

Ср. еще пережиточную форму у болгар, перенесенную на ноябрь и февраль: Календарные обычаи 1977. С. 275. Здесь ритуальным угощением одаривались уже не ряженые, а соседи. Обрядность «волчьего месяца» была также связана с задабриванием реального волка с целью защитить от него скот.

https://RodnoVery.ru

352

См.: Пропп 1996. С. 112–145. Здесь отмечены как негативный, так и позитивный для «лесных братьев» варианты развития сюжета. Подобная двойственность оценки воинских братств вообще характерна для сказки и былины, в меньшей степени для преданий о разбойниках (распространенный образ «благородного разбойника» — создание позднейшей эпохи).

https://RodnoVery.ru

353

Характерна (хотя и трудна для анализа ввиду уникальности) сибирская эпическая песня, имеющая и другие восточнославянские аналоги, о попытке отравления Дуная. Имя героя указывает на ее большой архаизм. В былине мать отговаривает героя от поездки в «кабак», но он не слушает ее и едет. «Товарищи» встречают Дуная с радостью, но почему-то тут же подносят ему ядовитое зелье. Дунай, однако, вспомнив совет матери, выливает чару (Русские эпические песни… № 151). Характерно, что в позднейших производных вариантах «товарищей» сменяют разбойники (см. там же, комм. к тексту). Текст отчасти перекликается с одним из эпизодов кавказского нартского эпоса, но там героя предостерегает не мать, а жена, и имеется четкая мотивировка происходящего кровной местью. Здесь мотив действий «товарищей» Дуная определенно другой, — скорее всего, месть за нарушение неких правил их «товарищества». Это явно указывает на линию изоляции от семьи и общины в тайных мужских союзах и их преемниках — воинских братствах.

https://RodnoVery.ru

354

Отголосок в варианте былины о Волхе из сборника Кирши Данилова (КД, № 6).

https://RodnoVery.ru

355

Криничная 1987. С. 176–177. О каннибализме сказочных разбойников см.: Пропп 1996.

https://RodnoVery.ru

356

Криничная 1987. С. 176–177.

https://RodnoVery.ru

357

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 19–22.: Свод I. С. 192–195.

https://RodnoVery.ru

358

Свод I. С. 254. Известие о каннибализме большинство авторов предпочитало отвергать (Čajkanovič B. Ein frühslawisches Märchenmotiv bei den Byzantinern// Revue internationale des études balkaniques. 1. Beogr., 1934; Dujčev I. Le témoignage du Pseudo-Césarie sur les slaves// Slavia Antiqua. T. 4. Poznań, 1973). Б. Чайканович и далее Ф. Малингудис (см.: Свод I. С. 257) готовы были скорее допустить знакомство греческого автора середины VI столетия со славянским фольклором. Между тем все остальные сведения Псевдо-Кесария о славянах абсолютно достоверны и явно свидетельствуют о том, что он имел в виду именно членов бойнических «волчьих» братств.

https://RodnoVery.ru

359

Особенно в варианте из сборника Кирши Данилова (№ 6).

https://RodnoVery.ru

360

Термин общеславянский (ЭССЯ. Вып. 18. С. 181).

https://RodnoVery.ru

361

Термин общеславянский. Старейшее (и единственное у южных славян) значение — ‘староста’ (ЭССЯ. Вып. 13. С. 196–198).

https://RodnoVery.ru

362

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 22.: Свод I. С. 182/183 — «племена эти, склавины и анты, не управляются [αρχονται] одним человеком, но издревле живут в народовластии [δημοκρατια], и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща».

https://RodnoVery.ru

363

Псевдо-Кесарий: Свод I. С. 254 — склавины «живут в строптивости, своенравии, безначалии [ανηγεμονευτοι]». Впрочем, в данном случае упоминается не вече, а власть воинов-дружинников над своим предводителем.

https://RodnoVery.ru

364

Так можно охарактеризовать компетенцию веча «всех антов», описываемого Прокопием (Proc. Bell. Goth. VII. 14: 21–22, 31–34.: Свод I. С. 182–185). Компетенция народного собрания отдельного племени могла быть шире, но не уже.

https://RodnoVery.ru

365

Этнографический аналог древнеславянского веча — черногорская скупщина (см.: Народы I. С. 490).

https://RodnoVery.ru

366

Они упоминаются, например, в Древнейшей «Правде Русской» (ст. 14).

https://RodnoVery.ru

367

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 22.: Свод I. С. 182/183; Свод I. С. 254.

https://RodnoVery.ru

368

Прокопий (Proc. Bell. Goth. VII. 14: 22.: Свод I. С. 182/183) говорит о полном сходстве внутреннего устройства словенского и антского общества. Менандр (Hist. fr. 6.: Свод I. С. 316/317) упоминает антских «архонтов» в связи с событиями ок. 560 г.

https://RodnoVery.ru

369

Schwabenspiegel. Tübingen, 1840. S. 133–134. Очевидно, однако, что обряд непосредственно в описываемой форме связан уже с периодом наследственной власти герцогов каринтийских, христиан и вассалов «римского императора» (Священной Римской Империи).

https://RodnoVery.ru

370

См.: Криничная 1987. С. 195, 199.

https://RodnoVery.ru

371

См., например, предания о воцарении Ивана Грозного, где встречается этот мотив (конечно, никакого отношения к историческим фактам XVI в. не имеющий): Садовников Д. Народные рассказы про старину.// Русская старина. 1876. № 2. С. 470; Зачиняев А. И. Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губерний.// ИОРЯС АН. 1906. Т. 11, кн. 1. С. 152. В первой из этих версий царем становится тот, у кого загорится намоченная в воде свеча, во второй — тот, перед кем сама загорится лампада. Древнейшая запись относится к XVIII в. (Никифоров А. И. Русские повести, легенды и поверья о картофеле. Казань, 1922. С. 33 след.). Здесь нет никаких реально-исторических ассоциаций, обряд совершают братья-язычники в капище перед идолами, выбирая «бога и царя» — причем старший брат терпит поражение.

https://RodnoVery.ru

372

Ср.: Криничная 1987. С. 197–198.

https://RodnoVery.ru

373

Ср.: Криничная 1987. С. 203 след. (о магических способностях царя в русских преданиях).

https://RodnoVery.ru

374

Козьма Пражский. Гл. 3 — впрочем, здесь, как и на протяжении всех первых глав хроники Козьмы, сказывается библейское влияние (Чехия — «страна обетованная»; Чех тогда соотносится с Иисусом Навиным, «судья» Крок — с библейскими судьями Израиля). Но князь в качестве судьи предстает и в Законе судном людем (гл. 2 и др.).

https://RodnoVery.ru

375

Норма сохранилась в Винодольском законе (ст. 5). На ее очень древнее происхождение указывает полное отсутствие у кого бы то ни было любых привилегий перед лицом княжеского произвола. Это явно норма не только досословного и дофеодального, но и дохристианского (специально подчеркнуто отсутствие привилегий у священников) периода.

https://RodnoVery.ru

376

См.: Пропп 1996. С. 332–342; Криничная 1987. С. 196–197.

https://RodnoVery.ru

377

Свод I. С. 254 (Псевдо-Кесарий). Ср. там же: С. 258. Прим. 11.

https://RodnoVery.ru

378

Свод I. С. 254.

https://RodnoVery.ru

379

Ср.: Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/317. Впрочем, если и толковать в этом ключе упоминание Мезамера в качестве сына Идаризия и брата Келагаста, оно все-таки относится ко времени ок. 560 г.

https://RodnoVery.ru

380

У черногорцев в качестве старейшины племени выступал кнез или воевода, но эти термины считались уже синонимами (Народы I. С. 490). При этом наряду с воеводой выбирался судья (см. ЗОЦБ).

https://RodnoVery.ru

381

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 5.: Свод II. С. 28/29; ср. III. 4: 7; VI. 6: 14.: Свод II. С. 14/15, 18/19. Ср. также известие комита Марцеллина (Marc. Chr. A. 517) — видимо, единственное свидетельство древнего (начало VI в.) употребления этого этнонима применительно к славянам (в том числе антам?), о чем и говорит Феофилакт Симокатта столетие спустя.

https://RodnoVery.ru

382

В праславянском имеется целый ряд заимствований из тюркского. Большинство их носит общеславянский характер и, очевидно, относится к VI–VII вв. Не всегда, однако, можно разграничить «болгарские» и «аварские» заимствования этого периода. Среди заимствований — термины, связанные с сельскохозяйственной деятельностью (*bаranъ, *xrenъ), охотой (*korgujь ‘сокол, ястреб’) и др. — см. ЭССЯ.

https://RodnoVery.ru

383

Iord. Rom. 338.: Свод I. С. 127 («булгары, анты и склавины»); Proc. Bell. Goth. VII. 14: 2.: Свод I. С. 180/181 («гунны и анты и склавины»); позднейшая форма «гунны, склавины и анты» у Прокопия: Bell. Goth. V. 27: 2; Hist. arc. XVIII. 20; XXIII. 6 (?): Свод I. С. 176/177, 202–205.

https://RodnoVery.ru

384

Несколько «запаздывает» Иордан. В его трудах, написанных около 550 г., анты как враги Империи стоят впереди словен (Iord. Get. 119; Rom. 338.: Свод I. С. 110/111, 127). Но он явно отражает более раннюю ситуацию, поскольку анты в 550 г. не являлись врагами Империи; «свирепствовали всюду», как сказано в «Гетике», тогда только словене (нашествие 550–551 гг.).

https://RodnoVery.ru

385

Помимо уже приведенного известия Мараши, это еще одно его же сообщение (Дорн. С. 37) — «русы, хазары и славяне» (русы здесь, как и у ряд других авторов, появились в результате неудачного толкования кавказского этнонима «лазы», что явствует из арабского перевода жития св. Григория Просветителя — см. Агатангелос. История Армении. Ереван, 2004. С. 302); известие Ибн Исфендийара (Новосельцев А. П. Восточные источники о славянах и Руси в VI–IX вв.// Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 362) — «хазары и славяне». Оба упоминания носят обобщенный географический характер и не связаны непосредственно с какими-либо конкретными фактами славянской истории, хотя и приурочены к событиям истории иранской. То же самое относится и к упоминанию славян у историка XI в. Балами в перечислении народов, покоренных Сасанидами (Новосельцев 1965. С. 362).

https://RodnoVery.ru

386

Посредническую роль болгар при получении славянами сведений о тогдашнем «цивилизованном мире» характеризует, возможно, заимствование у них праславянского слова *kъniga ‘книга’ (заимствованного и самими болгарами в Закавказье — см.: ЭССЯ. Вып. 13. С. 203–204).

https://RodnoVery.ru

387

Как видим, нет существенных доказательств тому, что славяне были так или иначе «втянуты» гуннами в военные действия против Империи (Погодин А. Л. Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910. С. 366; Bury I.B. A history of the later Roman Empire. L., 1931. Vol. 2. P. 297; более корректен А. Н. Анфертьев, полагающий, что словен «вовлекли» анты и болгары — Свод I. С. 135). Изредка встречавшийся тезис о том, что жестокости славян в пределах Империи вызваны неким гуннским влиянием, основан на околоисторических мифах о «кротких» земледельцах и «кровожадных» кочевниках и не может приниматься всерьез. Подобные представления о характерах народов мы встречаем в VI в. у Псевдо-Кесария — но он как раз словен полагает образцом свирепости!

https://RodnoVery.ru

388

ЭССЯ. Вып. 8. С. 163.

https://RodnoVery.ru

389

О мифологическом образе реки Дунай у славян см.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Дунай.// Славянская мифология. С. 169–171.

https://RodnoVery.ru

390

К анализу привлекаются, в первую очередь, наиболее полные и одновременно архаичные по содержанию варианты былины — вариант из сборника Кирши Данилова (КД, № 6), ранний западноонежский вариант (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М. — Л., 1950. Т. 2. № 91), мезенский вариант (Беломорские былины, записаные А. Марковым. М., 1901. № 51). Другие 5 вариантов былины значительно уступают названным. Одни чрезвычайно фрагментарны (восточно-онежские варианты — Гильфердинг 1949. Т. 1. № 15; Онежские былины. М., 1948. № 76; печорский вариант — Свод русского фольклора. Былины. Т. 1 (Былины Печоры 1). М., 2001. № 1), другие носят характер вторичных компиляций или личного творчества (Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. № 5; особенно же вариант известной сказительницы М.С. Крюковой, самый объемный из всех, — Былины М. С. Крюковой. Т. 1. М., 1939. № 39).

https://RodnoVery.ru

391

Здесь и далее без специальных оговорок цитируется вариант КД № 6.

https://RodnoVery.ru

392

Оно сохранилось несколько в иной форме («А и на святой у нас да на Русеюшке/ Да князей-царей не бьют — не казнят,/ А пришлось тебе до смерти лежать») и в восточноонежском варианте (ОБ № 76).

https://RodnoVery.ru

393

Proc. DA. IV. 1: 6–7.: Свод I. С. 206/207.

https://RodnoVery.ru

394

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 28.: Свод I. С. 184/185.

https://RodnoVery.ru

395

Более «реалистично» в позднем западноонежском варианте (РЭПК № 5): «Они завоевали на кажного по девять коровушек».

https://RodnoVery.ru

396

См.: Marc. Chr. A. 512; Io. Mal. Chr. 402.3 — 403.3.

https://RodnoVery.ru

397

Федоров — Полевой, 1973. С. 293–294.

https://RodnoVery.ru

398

Marc. Chr. A. 517.: Свод I. С. 241.

https://RodnoVery.ru

399

Ср.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1959. Vol. 2. P. 106. Считать этих «гетов» Марцеллина германцами или полугерманцами (ср.: Свод I. С. 241) не представляется вероятным. Что это могло быть за германское племя? Откуда оно взялось в Македонии, в удалении от северо-западной границы? На эти вопросы ответа нет. Л. Нидерле без учета того, что речь шла о «всадниках», имея в виду только известие Феофилакта Симокатты о «гетах»-словенах, увидел в Марцеллиновых «варварах» именно словен («славян»): Нидерле 2000. С. 56, 477 (Прим. 47).

https://RodnoVery.ru

400

Marc. Chr. A. 517.

https://RodnoVery.ru

401

Proc. DA. IV. 7: 13, 17.: Свод I. С. 206/207. Применительно к Адине историк сообщает о «постоянных» засадах, применительно к Улмитону — о засадах «на протяжении времени». Речь явно идет о периоде, еще предшествующем собственному правлению Юстиниана (ср. комментарий к данному известию — Свод I. С. 247, где пребывание славян в Добрудже возводится к временам восстания Виталиана).

https://RodnoVery.ru

402

Более точны по сравнению со Сводом I (с. 203) перевод этой фантастической цифры, обозначающей лишь «очень много»; так переведено в кн.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993 (пер. А.А. Чекаловой).

https://RodnoVery.ru

403

Proc. Hist. arc. XVIII. 20.: Свод I. С. 202/203. В «Тайной истории» Прокопий полагает, что Юстиниан «воспринял власть» уже с началом правления Юстина — см., напр., VI. 26.

https://RodnoVery.ru

404

Если понимать их буквально, то Империя только на Балканах теряла более 200 000 граждан почти каждый год в течение 33 лет с восшествия на престол Юстина до завершения «Тайной истории»: это дает около 7 млн при общей численности населения порядка 20–30! — см.: Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 144; Большаков О. Г. История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 226; История Европы. Т. 2. С. 37 (все коренное население Балкан оценивается здесь А. Я. Шевеленко на уровне 2 миллионов). Конечно, порабощенных иногда выкупали, но даже с учетом этого заявление Прокопия выглядит несправедливым преувеличением потерь с целью дискредитировать императора.

https://RodnoVery.ru

405

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 29.: Свод I. С. 185/186.

https://RodnoVery.ru

406

Гипотеза О. Н. Трубачева — см.: ЭССЯ. Вып. 8. С. 241 (в связи с опровержением теории А. Брюкнера, К. Цойсса и др. о славянском этнониме «споры» от Spali Плиния; греч. σποροι обозначает ‘потомки’). Сам Прокопий связывает Σποροι со σποραδην ‘рассеянно’. Таким образом, вопреки Л. А. Гиндину и В. Л. Цымбурскому (Свод I. С. 229–230), утверждающим на этом же основании обратное, Прокопий как раз ясно сознавал, что термин является греческим, и сомневался лишь в его точном значении и происхождении. Не имеет смысла останавливаться на фантастических, хотя и принадлежавших известнейшим специалистам, интерпретациях этнонима, связанных с сербами (только на основании близкого набора согласных?) (П. Шафарик, И. Маркварт) или с асфалами (кочевым племенем, известным Константину Багрянородному в X в.!) (Г. Вернадский) — см. о них: Свод I. С. 230.

https://RodnoVery.ru

407

Впрочем, и это в «Тайной истории» он исхитряется поставить Юстиниану в вину: никому из «варваров» «не довелось невредимыми удалиться из земли ромеев — ведь и во время вторжений и гораздо больше еще в осадах и схватках, наталкивающихся на часто сопротивление, истреблено было одновременно ничуть не меньше». Так-то, дескать, и они (а не только ромеи) удовлетворяли Юстинианову жажду крови! — делает неожиданный вывод памфлетист (Hist. arc. XVIII. 25–27.: Свод I. С. 204/205; Прокопий 1993. С. 372).

https://RodnoVery.ru

408

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 5–7.: Свод I. С. 196/197. Дата события неизвестна (см. там же: С. 242). Ошибочное отнесение в ряде публикаций и исследований (см., например, перевод соответствующего фрагмента BG С.П. Кондратьевым — посл. изд.: Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996. С. 326) описанных событий к 527 г. основано, как убедительно показывают комментаторы Свода I (С. 240–241), на двойной ошибке в интерпретации. Речь шла не о моменте овладения царством нынешним государем (в 527 г.), а о периоде владения прежним (518–527); следовательно, чтение всех рукописей Ιουστινος (не Ιουστινιαος, как сочли возможным поправлять издатели начиная с К. Мальтре) совершенно оправдано. Герман же был племянником Юстина, а не Юстиниана (в Iord. Get. 314; Rom. 77, 123, 138 он fratri ‘брат’ Юстиниана; впрочем в Get. 81, 251 он fratruelis, но это может свидетельствовать лишь о неосведомленности автора, исправленной к концу «Гетики» и в «Романе» — если Герман Аниций и племянник Петра Флавия Саббатия Юстиниана, то не по отцу; у Прокопия Герман — ανεψιος ‘кузен’ Юстиниана, а Юстин — υειος ‘дядя’ Германа).

https://RodnoVery.ru

409

См. карту: Седов, 1982. С. 20.

https://RodnoVery.ru

410

Седов, 1982. С. 30. См. еще: Там же. С. 26.

https://RodnoVery.ru

411

Седов, 1982. С. 12. Дома с четырехскатной крышей и столбом в Бранештах XIII и Одае (С. 22) не вполне соответствуют колочинскому типу, имеющему в центре и очаг. Возможно, здесь, как и на поселении Луг I (С. 22, 24), отражается кочевническое влияние.

https://RodnoVery.ru

412

Седов, 1982. С. 24.

https://RodnoVery.ru

413

Седов, 1982. С. 22, 24.

https://RodnoVery.ru

414

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 21, 31–34.: Свод I. С. 182–187. Почему-то стало почти аксиомой толкование этого эпизода применительно только к небольшой части антов, жившей у устья Дуная. Между тем Прокопий прекрасно знал и о рассеянности антов, и о делении их на «бесчисленные племена», но в данном случае ясно говорит об участии «почти всех антов». И Юстиниан в данном эпизоде явно заключает договор со «всеми антами», во всяком случае ни о каких конкретных конфликтах никаких антов с Империей после 545 г. не упоминается. Тем не менее, и отмечающие это исследователи склонны говорить только о приграничных антах (ср. Дуйчев И. Нападение и заселеване на славяните на Балканския полуостров.// Военноисторически сборник. София, 1977. Т. 26. № 1. С. 73; Иванова О. В., Литаврин Г. Г. Славяне и Византия. С. 46 след.).

https://RodnoVery.ru

415

Proc. Bell. Goth. VIII. 4: 9.: Свод I. С. 200/201.

https://RodnoVery.ru

416

Легенды и паданни. Текст № 97 («Вековечная межа»).

https://RodnoVery.ru

417

См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян// Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.

https://RodnoVery.ru

418

См. формы в ЭССЯ.

https://RodnoVery.ru

419

Гаркави. С. 135–136, 138.

https://RodnoVery.ru

420

О характере летописного «князь Мал» (в статье Начальной летописи и «Повести временных лет» 6453/945 г. — см. ПСРЛ. Т. 1, 2, 3 и др.) как титула свидетельствует произведенное от его женской формы («Мала») название города Малин. Городище Малин относится к IX в. (Седов, 1982. С. 90), то есть основано за столетие до летописного «Мала». Характерно также, что «Мал» отсутствует среди личных имен князей, заключивших в предшествующем (по «Повести временных лет») году договор с Византией.

https://RodnoVery.ru

421

Dvornik F. The making of Central and Eastern Europe. L., 1949. P. 283.

https://RodnoVery.ru

422

Г. В. Вернадский в одной из работ возводит Μουσωκιος к осетинскому mysaeg ‘хитрец’ (Vernadsky G. The origins of Russia. Oxf., 1959. P. 82). Часто менявшиеся и спорные построения Г.В. Вернадского обычно вызывают у языковедов сомнения, но в данном случае ни одного более убедительного объяснения для греческой или арабской (явно искаженной) формы не предложено. Значение ‘хитрец’ можно было бы связать с мифом о Радаре, победившем Змея хитростью.

https://RodnoVery.ru

423

Судя по монетной находке; однако это может быть и монета Юстиниана (Седов, 1982. С. 16).

https://RodnoVery.ru

424

Седов, 1982. С. 14.

https://RodnoVery.ru

425

Седов, 1982. С. 14, 16.

https://RodnoVery.ru

426

См. карту: Седов, 1982. С. 13.

https://RodnoVery.ru

427

Назаренко 1993. С. 14/15, 45 (сопоставлены на основе этимологической идеи С. Роспонда о неславянском характере форманта —ol— с волынскими и чешскими лучанами). С учетом локализации луколан скорее на западе отождествление их с уличами-угличами на Нижнем Днепре (Rudnicki M. Geograf Bawarski w oświetleniu językoznawczym // Z polskich studiów sławistycznych. Warszawa, 1958. S. 190) кажется неудачным. Совершенно фантастической в контексте конкретных сведений Баварского географа выглядит сейчас высказанная в «Славянских древностях» идея П. Шафарика, искавшего «лукомлян» в окрестностях Витебска, в древней земле полочан.

https://RodnoVery.ru

428

«Повесть временных лет»: «а другие [нареклись] деревлянами, ибо сидели в лесах» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5). Здесь древляне названы первыми из расселившихся племен после киевских полян. Последним отдал первое место автор летописного введения Нестор — убежденный патриот Киева. У Баварского географа древлянам, по мнению М. Рудницкого (Rudnicki 1958. S. 197), соответствуют в том же перечне восточнославянских племен Forsderen liudi. По мнению целого ряда авторов, здесь соединение славянского или германского liudi и определения, производного от древневерхненемецкого foristari ‘лесной’. Возражения см.: Назаренко 1993. С. 43 (никакой альтернативы автор не предлагает).

https://RodnoVery.ru

429

Гипотеза П. Шафарика, с которой склонен согласиться и А. В. Назаренко (Назаренко 1993. С. 45).

https://RodnoVery.ru

430

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

https://RodnoVery.ru

431

Фасмер. Т. 1. С. 536–537.

https://RodnoVery.ru

432

Более вероятно первое (ср.: ЭССЯ. Вып. 1. С. 192 — однако здесь предполагается скорее иноязычное происхождение основы).

https://RodnoVery.ru

433

Ср.: Витчак К.Т. Из проблематики древних славянских племен. 1. Этноним Fresiti у Баварского географа и его локализация.// Этимология 1989–1990. М., 1993. То же сопоставление, но в более осторожной форме, см.: Назаренко 1993. С. 44.

https://RodnoVery.ru

434

Легенды и паданни. Текст № 95 («Палешуки и полевики»). Здесь две группы первых поселенцев-славян отождествлены с двумя этнографическими группами белорусов. Предание записано в 20-е гг. нашего века и является одним из ярких свидетельств долгого бытования архаического фольклора в белорусской деревне.

https://RodnoVery.ru

435

Во вводной части «Повести временных лет» поляне с очевидностью приходят к Киеву с запада. См. еще: Легенди та перекази. Киев, 1985. С. 94 (предания о происхождении названия Киева — в обоих оно связано с движением по «Руси» в район стоящего на правом, западном берегу Днепра города).

https://RodnoVery.ru

436

Текст «Основание Киева» в кн.: Легенди та перкази. С. 94. Здесь костер из «киев», горевший много дней и давший якобы имя Киеву, зажжен в честь победы над врагом (см. другой вариант там же).

https://RodnoVery.ru

437

«Повесть временных лет», 6402 г. (См. ПСРЛ. Т. 1, 2, 38 и др.). Во вводной части приход полян в Поднепровье упоминается без этимологии их названия. Еще до них, впрочем, названы ляшские поляне.

https://RodnoVery.ru

438

Седов, 1982. С. 112.

https://RodnoVery.ru

439

ПСРЛ. Т. 3 (Новгородская 1 летопись младшего извода), 6362 г. (перевод в изд.: Начальная летопись): «Жили каждый с родом своим по своим местам и странам, владея каждый родом своим». Во вводной части «Повести временных лет» утверждение об «особом» проживании полянских «родов» повторяется рефреном. Но при этом подчеркивается, что название «поляне» (вопреки Начальном летописцу) существовало еще до того, как «роды» сплотились вокруг легендарных основателей Киева.

https://RodnoVery.ru

440

Трубачев О.Н. О племенном названии «уличи».// Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5; Седов, 1982. С. 130–131.

https://RodnoVery.ru

441

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

https://RodnoVery.ru

442

См. карты: Седов, 1982. С. 20, 31.

https://RodnoVery.ru

443

Седов, 1982. С. 30 (находка жилища колочинского типа).

https://RodnoVery.ru

Седов, 1982. С. 29–33, 39–40.

https://RodnoVery.ru

445

Седов, 1982. С. 40.

https://RodnoVery.ru

Седов, 1982. С. 39–41.

https://RodnoVery.ru

447

Proc. Bell. Goth. VIII. 4: 8–9.: Свод I. С. 200/201.

https://RodnoVery.ru

448

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 2.: Свод I. С. 180/181.

https://RodnoVery.ru

449

Marc. Chr. A. 530.

https://RodnoVery.ru

450

Proc. DA. IV. 7: 18.: Свод I. С. 206/207.

https://RodnoVery.ru

451

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 1.: Свод I. С. 178/179. Хильбуд был, вероятнее всего, германцем по происхождению. Имя его германское (Struminskyj B. Were the Antes Eastern Slavs?// Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. 3–4. P. 790–791). Мнение о славянском (антском) происхождении Хильбуда (Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 93; Литаврин Г.Г. О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского.// Византийский временник. 1986. Т. 47; Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 15–16) и славянской этимологии его имени (ЭССЯ. Вып. 8. С. 119) основано, по сути, только на совпадении этого имени с именем антского юноши Хильбуда. Б.А. Рыбаков и П.П. Толочко склонялись к отождествлению двух Хильбудов. Между тем из нашего единственного источника — рассказа Прокопия ясно, что ромейский полководец Хильбуд как раз не был антом. Когда ант Хильбуд сообщает выкупившему его как ромейского военачальника анту о своем антском происхождении, это явно становится для господина крайней неожиданностью, более того, разбивает его надежды на то, что перед ним искомое лицо (Proc. Bell. Goth. VII. 14: 18–20.: Свод I. С. 182/183). Итак, кем бы ни был по происхождению стратиг Хильбуд, Прокопий ясно дает понять одно — антом он точно не был.

https://RodnoVery.ru

452

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 2–3.: Свод I. С. 180/181.

https://RodnoVery.ru

453

Proc. DA. IV. 7: 13, 17.: Свод I. С. 206/207.

https://RodnoVery.ru

454

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 3.: Свод I. С. 180/181.

https://RodnoVery.ru

455

Свод I. С. 260–264. Первое упоминание титула относится к 533 г. Это первый из череды титулов, принятых Юстинианом в честь побед над «варварскими» племенами.

https://RodnoVery.ru

456

Прокопий говорит только о задунайских «варварах» (Bell. Goth. V. 27: 2.: Свод I. С. 176/177), но он, судя по всему, вообще не знал о продолжающемся жительстве славян в Скифии.

https://RodnoVery.ru

457

Отец и сын упоминаются как полководцы во время войны с персами 550-х гг. (Agath. Hist. III. 6: 9; 7: 2; 21: 6, 8; IV. 18: 1, 3.: Свод I. С. 293–296). Время натурализации Дабрагеза устанавливается на основе данных о его сыне (Свод I. С. 308).

https://RodnoVery.ru

458

Proc. Bell. Vand. III. 11: 6 (см. Прокопий 1993); Bell. Goth. V. 24: 18–20; 27: 1–3.: Свод I. С. 174–177. Прокопий говорит о «гуннах, склавинах и антах», но роль словен в этом конном отряде, очевидно, была совсем невелика. Во всяком случае, в 539 г. Валериан говорит командующему Велисарию лишь о «некоторых» словенах в своем отряде (Proc. Bell. Goth. VI. 26.: Свод I. С. 176/177).

https://RodnoVery.ru

459

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 4–6.: Свод I. С. 180/181.

https://RodnoVery.ru

460

Вторжение 535 г.: Marc. Chr. A. 535. Вторжения болгар происходили и позже — в 535, в 540 г.

https://RodnoVery.ru

461

Свод II. С. 63. («Берберы, Анты и остальные племена — что я им сделал?!»). Берберы активизировались в Ливии после 534 г.; о набегах антов на Империю неизвестно после 545 г. Глосса, очевидно, восходит именно к этому временному промежутку, но до того момента, когда в главную угрозу на Балканах превратились словене.

https://RodnoVery.ru

462

Свод I. C. 216–217 (по данным новелл императора Юстиниана). В большинстве случаев с мнением комментаторов, что речь идет о славянских набегах, следует согласиться.

https://RodnoVery.ru

463

Свод II. С. 184 («Луг духовный» — собрание житий солунских святых Иоанна Мосха; жития отшельников св. Давида и св. Адола). Преподобный Давид Солунский скончался ок. 540 г. (день памяти 26 июня). В житие св. Адола известие о набеге «варваров» попало из-за следующего эпизода: «случилось им миновать это место, и один из варваров, увидев старца, который выглядывал [из дупла], выхватил меч и, протянув руку, чтобы ударить его, остался с протянутой и неподвижной рукой».

https://RodnoVery.ru

464

Учитывая невозможность идентификации «варваров» с болгарами, о ходе нашествий которых в этот период мы достаточно осведомлены, считаем возможным отчасти согласиться с мнением В. Тыпковой-Заимовой (Тыпкова-Заимова В. Нападения «варваров» на окрестности Солуни в первой половине VI в.// Византийский временник. 1959. Т. 16) об их славянском происхождении. Вместе с тем, наиболее вероятно, что «варвары», как и напавшие на соседние земли в 517 г. «геты», являлись антами.

https://RodnoVery.ru

465

Видимо, именно так следует понимать туманную фразу Прокопия (Proc. Bell. Goth. VIII. 38: 7–8.: Свод I. С. 192/193).

https://RodnoVery.ru

466

В связи с умением словен захватывать врага из засады (эпизод 539 г., когда силач-словенин из отряда Валериана захватил готского «языка»), Прокопий сообщает: «Вблизи реки Истра, где они обретаются, они постоянно выказывают это в отношении как ромеев, так и других варваров» (Bell. Goth. VI. 26: 19.: Свод I. С. 176/177).

https://RodnoVery.ru

467

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 7.: Свод I. С. 180/181.

https://RodnoVery.ru

468

Proc. Bell. Goth. V. 27: 2; Hist. arc. XVIII. 20; XXIII. 6 (?): Свод I. С. 176/177, 202–205. Ср. еще перечень враждебных племен: «мидийцы, и сарацины, и склавины, и анты» — Proc. Host. arc. XI. 10.: Свод I. С. 202/203.

https://RodnoVery.ru

469

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 11.: Свод I. С. 180/181.

https://RodnoVery.ru

470

Свод I. С. 217 (новелла Юстиниана от 9 мая).

https://RodnoVery.ru

471

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 16.: Свод I. С. 182/183.

https://RodnoVery.ru

472

Proc. Bell. Goth. VII. 14: 12–36.: Свод I. С. 180–187.

https://RodnoVery.ru

473

Туррис более нигде не упомянут, и местонахождение его совершенно загадочно. Отождествление этого построенного, по словам Прокопия, императором Траяном города с античной Тирой (Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь — М., 2000. С. 187) едва ли вероятно. О других вариантах см.: Bolşacov-Ghimpu A. La localisation de la fortresse Turris// Revue des études balcaniques. Beogr, 1969. Т. 7, № 4.

https://RodnoVery.ru

474

Надгробие «Хиливудиса, сына Санватия» датируется 7 индикта. Позже под той же плитой похоронена его жена (Свод I. С. 232). Если это ант Хильбуд, то женился он в Константинополе, но неясно, был ли он крещен.

https://RodnoVery.ru

475

Proc. Bell. Goth. VII. 12: 10; 13: 20; 18: 29; 22: 1–6, 20–22; 26: 1–8, 15–28; Marc. Chr. A. 547.

https://RodnoVery.ru

476

Proc. Hist. arc. XVIII. 25; DA. IV. 1: 5.: Свод I. С. 204/205; сюда же можно отнести и фрагмент Псевдо-Кесария (Свод I. С. 254). Словене без антов названы и в перечне задунайских «язычников» из грузинского перевода «Мученичества Орентия и его братьев». Этот перечень включает «скифов» (древнейший, восходящий к началу IV в., когда происходит действие жития, компонент; тогда так называли готов, а в VI в. — болгар), гепидов и мавританов (см.: Свод II. С. 514–516). Попавшие сюда из-за географической неосведомленности автора берберы («мавританы») позволяют отнести перечень ко времени после 534 г., а упоминание гепидов — до 567 г. (падение их королевства).

https://RodnoVery.ru

477

Proc. Bell. Goth. VII. 13: 21–25.: Свод I. С. 178/179.

https://RodnoVery.ru

478

Proc. Bell. Goth. VII. 29: 1–3; VIII. 38: 7–8.: Свод I. С. 188/189; 192/193.

https://RodnoVery.ru

479

Proc. Bell. Goth. VII. 35: 12–22.: Свод I. С. 188–191.

https://RodnoVery.ru

480

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 32.: Свод I. С. 196/197. Прокопий, неприязненно относившийся к политике Юстиниана и винивший его во всех бедах страны, не склонен доверять сведениям об интригах Тотилы.

https://RodnoVery.ru

481

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 1–6.: Свод I. С. 190/191.

https://RodnoVery.ru

482

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 7, 19–22.: Свод I. С. 192–195. Прокопий полагает, что «варвары» сжигали тех быков и овец, «которых не могли угнать», но, видимо, он не прав. В обряде «обагрения оружия» уничтожалась просто вся первая добыча.

https://RodnoVery.ru

483

Свод I. С. 254.

https://RodnoVery.ru

484

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 7, 9, 19, 23.: Свод I. С. 192–195.

https://RodnoVery.ru

485

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 9 — 18; DA. IV. 11: 14–15.: Свод I. С. 192/193, 206/207.

https://RodnoVery.ru

486

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 7, 23.: Свод I. С. 192–195.

https://RodnoVery.ru

487

Proc. Bell. Goth. VII. 39: 18–20.: Свод I. С. 194/195. Для вторгшихся чуть позже словен оказалось неожиданностью пребывание Германа в Сардике (Proc. Bell. Goth. VII. 40: 4). Но из контекста следует, что они были осведомлены о факте сбора им войск для похода в Италию. Надо думать, что, перейдя Дунай чуть позднее, они просто не рассчитывали наткнуться на ромейского полководца на своем пути. Чуть ранее говорится, что Герман уже должен был отбывать в Италию, но был задержан как раз словенским вторжением.

https://RodnoVery.ru

488

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 1–8.: Свод I. С. 194–197.

https://RodnoVery.ru

489

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 30–33.: Свод I. С. 196/197.

https://RodnoVery.ru

490

Proc. Bell. Goth. VII. 40: 34–45.: Свод I. С. 196–199.

https://RodnoVery.ru

491

Proc. Bell. Goth. VII. 38: 23; 40: 45.: Свод I. С. 194/195, 198/199.

https://RodnoVery.ru

492

Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 1.: Свод I. С. 200/201. См.: Свод I. С. 245–246. Прим. 207.

https://RodnoVery.ru

493

Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 1–6.: Свод I. С. 200/201.

https://RodnoVery.ru

494

Шмидт Е. А.Особенности формирования культуры восточнославянского племени кривичей// Actes du VII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Praha, 1971; Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974. Ряд исследователей считал создателей длинных курганов западными финнами: Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. М., 1968. С. 91 след.; Лаул С.К. Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии// Известия АН ЭССР. Общественные науки. № 3. 1971; Булкин В.А., Дубов Н.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 21 след. Контраргументацию см.: Седов, 1974. С. 36–41; Седов, 1982. С. 54–56. Совпадение ареала длинных курганов с регионом расселения кривичей само по себе делает маловероятной разноэтничность культуры (скажем, отнесение курганов Псковской земли «чуди», а смоленско-полоцких восточным балтам). Единственным известным общим этническим компонентом на этой территории являлись именно славяне-кривичи.

https://RodnoVery.ru

495

Седов, 2002. С. 359.

https://RodnoVery.ru

Приводилась лингвистическая аргументация, указывающая на близость древнепсковского диалекта к западнославянским языкам (Мжельская О.С. О лексических связях польских говоров с западными славянскими языками.// Вестник ЛГУ. 1963. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3; Смолицкая Г.П. Некоторые лексические ареалы. По данным гидронимии.// Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974; см. еще: Славянские языки 2005. С. 20). Это может указывать на исход из западного, пшеворского ареала.

https://RodnoVery.ru

497

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5.

https://RodnoVery.ru

498

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10 (ср.: Т. 38. С. 13); Т. 2. Стб. 8.

https://RodnoVery.ru

499

Устюжский свод, отражающий Смоленскую летопись: ПСРЛ. Т. 37. 6371 г. (известие о том, что Изборск «был в Кривичах больший город»); Седов, 1982. С. 46 след.

https://RodnoVery.ru

500

Седов, 1982. С. 40.

https://RodnoVery.ru

501

Седов, 1982. С. 40.

https://RodnoVery.ru

502

Седов, 1982. С. 36, 40.

https://RodnoVery.ru

503

Седов, 1982. С. 36, 40 (угловые печи-каменки в наземных домах наряду с центровыми очагами в других; до трети строений — славянские полуземлянки).

https://RodnoVery.ru

504

Седов, 1982. С. 40.

https://RodnoVery.ru

505

Седов, 1982. С. 56.

https://RodnoVery.ru

506

Седов, 1982. С. 58.

https://RodnoVery.ru

507

Курганы Жеребятино, Светлые Вешки, Арнико (Седов, 1982. С. 51, 85), Линдора (С. 52).

https://RodnoVery.ru

508

В Замошье найдено захоронение по архаичному, предшествовавшему длинным курганам обряду (Седов, 1982. С. 53). То же в Варшавском Шлюзе (Седов 1995. С. 213; о радиоуглеродной дате здешнего поселения сказано выше). Радиоуглеродная дата кургана из Усть-Белой — 490 ± 30 (Седов, 1995. С. 214).

https://RodnoVery.ru

509

Судя по характеру жилищ и вещевых находок (см.: Седов, 1982. С. 57).

https://RodnoVery.ru

510

Седов, 1982. С. 50–51, 54–55.

https://RodnoVery.ru

511

См.: Седов, 1982. С. 53; Этнография восточных славян. С. 22.

https://RodnoVery.ru

512

См.: Славянская мифология. С. 326 («Прове»); ср.: С. 234 («Крив»).

https://RodnoVery.ru

513

Легенды и паданни. Текст № 94.

https://RodnoVery.ru

514

Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витбеск, 1891. Вып. 4. Текст № 33.

https://RodnoVery.ru

515

Легенды и паданни. Текст № 294.

https://RodnoVery.ru

516

Миллер В.Ф. По поводу одного литовского предания// Древности. Труды Московского археологического общества. 1880. Т. 8.

https://RodnoVery.ru

517

Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Havniae, 1837. P. 126–132. источником для Саксона послужил, очевидно, кто-то из окружения Софии Русской — минской княжны, ставшей королевой Дании в третьей четверти XII в.

https://RodnoVery.ru

518

Керамика и вещи прибалтийско-финского происхождения обнаружены в большом числе не только на Псковском городище, но в погребениях в длинных курганах: Седов, 1982. С. 50–51, 57. Балтское влияние проявляется, прежде всего, в находках тушемлинской посуды в славянских домах, изредка в длинных курганах (Седов, 1982. С. 40, 51, 57–58).

https://RodnoVery.ru

519

Седов, 1982. С. 40, 50–51, 55, 57.

https://RodnoVery.ru

520

Седов, 1982. С. 40, 57–58.

https://RodnoVery.ru

521

Седов, 1982. С. 51, 237, 275.

https://RodnoVery.ru

522

Седов, 1982. С. 40.

https://RodnoVery.ru

523

Седов, 1982. С. 46.

https://RodnoVery.ru

524

Ср.: Седов, 1982. С. 53; Носов Е.Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов.// Краткие сообщения Института археологии. Вып. 179. 1984.

https://RodnoVery.ru

525

Седов, 1982. С. 50.

https://RodnoVery.ru

526

Седов, 1982. С. 49–50; Седов 1995. С. 217.

https://RodnoVery.ru

527

Седов, 1982. С. 50, 243.

https://RodnoVery.ru

528

Iord. Get. 119: Свод I. С. 110/111. Недвусмысленность показаний Иордана признает в данном случае и А. Н. Анфертьев, скептически относящийся к славянству венедов (Свод I. С. 154. Прим. 201 — см. там же дополнение Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева, которые, кажется, склонны видеть в венедах Иордана, в отличие от венедов античных авторов, некую историческую реальность). В. Д. Королюк («Вместо городов у них болота и леса…»// Вопросы истории. 1973. № 12) предлагал считать текст Иордана туманным, а по сути, сообщающим и здесь (как в Get. 34) лишь о том, что от венедов произошли словене и анты.

https://RodnoVery.ru

529

См.: Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1973. S. 21.

https://RodnoVery.ru

530

См.: Кухаренко, 1969. С. 128; Седов, 1982. С. 10.

https://RodnoVery.ru

531

См.: Седов, 1982. С. 7–8.

https://RodnoVery.ru

532

Кухаренко, 1969. С. 121.

https://RodnoVery.ru

533

Седов, 1995. С. 46; Седов, 2002. С. 328–329.

https://RodnoVery.ru

534

Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 10.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. (далее — Свод I). С. 202/203.

https://RodnoVery.ru

535

Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 6–9.: Свод I. С. 200–203.

https://RodnoVery.ru

536

Proc. Bell. Goth. VIII. 25: 10.: Свод I. С. 202/203.

https://RodnoVery.ru

537

Proc. Bell. Goth. VIII. 25. 10 etc.

https://RodnoVery.ru

538

Proc. DAI. IV. 6: 35.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (далее — Свод II). М., 1995. С. 59.

https://RodnoVery.ru

539

Agath. Hist. IV. 20: 4.: Свод I. С. 296/297. Сваруна метким броском копья разбил «черепаху» (боевое прикрытие) кавказских «варваров»-мисимиян.

https://RodnoVery.ru

540

Agath. Hist. III. 6: 9; 7: 2; 21: 6, 8; IV. 18: 1, 3: Свод I. С. 294–297.

https://RodnoVery.ru

541

Proc. DA. IV. 1: 7.: Свод I. С. 206/207.

https://RodnoVery.ru

542

Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. М., 1995. С. 26 (карта).

https://RodnoVery.ru

543

Б. Графенауэр датирует появление славян в нынешней Словении временем около 550 г. (Grafenauer B. Zgodovina slovenskego naroda. Zv. 1. Lubljana, 1978. S. 282–285).

https://RodnoVery.ru

544

Свод I. С. 358. Это известие долго фигурировало в отечественной традиции как древнейшее упоминание славян. Причина — ошибка В.В. Латышева и А.В. Мишулина, которые приписали эпитафию поэту конца V в. Авиту (см.: Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Вып. 2. СПб., 1906. С. 294; Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.// Вестник древней истории. 1941. № 1. С. 231).

https://RodnoVery.ru

545

См.: Свод I. С. 358–360. Поэтому едва ли можно согласиться с допущением комментатора фрагмента С.А. Иванова (см.: Иванов С.А. Мартин из Браги и славяне// Славяне и их соседи. М., 1989) об упоминании Мартином славян как риторической формуле. Даже заимствованные у панегириста V в. Сидония Апполинария условно-риторические обозначения варваров имеют у Мартина реальные соответствия. «Паннонец» — без сомнения, лангобард, «Сармат» — болгарин, «Дак» — гепид. Соответственно, в перечень Сидония Мартин добавляет лишь те племена, которым не нашел соответствий — «нара», «склав», «дан».

https://RodnoVery.ru

546

Седов, 1995. С. 274–277.

https://RodnoVery.ru

547

Седов, 1995. С. 8, 26 (карта). Это, видимо, наиболее древние следы присутствия славян в Паннонии.

https://RodnoVery.ru

548

Седов, 1995. С. 29, 129.

https://RodnoVery.ru

549

Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/317.

https://RodnoVery.ru

550

Мнение о наследственном характере власти Мезамера высказал А. Авенариус (Avenarius A. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974. S. 55). К этому следует добавить, что упоминание брата здесь важнее упоминания отца. Не исключено, что Идаризий в глазах Менандра был примечателен лишь как отец Мезамера и Келагаста. Более того, не исключено, что само имя Ιδαριζιου — не более чем передача славянского патронима на «-ičь» (Шафарик П. Славянские древности. Т. 2. М., 1840. С. 92). Интерпретации этого имени не дали положительного результата. Не исключено, что основа предполагаемого «отчества» иноязычная. Но она неизвестна. Широко распространилась теория М. Морошкина (Славянский именослов. СПб., 1867), согласно которой следует реконструировать *Vitoričь (от югославянского имени Vitorъ). Вторая по популярности (вошедшая, в частности, в советскую учебную литературу) — гипотеза С. Роспонда. Он предложил (Słowiańskie imiona w źródłach antycznych// Lingua Poznanensis. 1968. № 12–13. P. 107) реконструкцию *Idaričь. Но имя Idarъ (I+darъ? Jь +darъ?) неизвестно и неясно по смыслу. В «древнерусском» именослове, к которому его отнес автор гипотезы, оно незафиксировано. И.А. Левинская и С.Р. Тохтасьев, критикуя теорию М. Морошкина («для передачи иноязычного vi-/wi— как ι — в позднеантичное и ранневизантийское время нам известны лишь единичные примеры»), приходят к выводу, что «имя выглядит явно неславянским» и тут же признают, что «ничего сколько-нибудь близкого» в языках сопредельных народов нет (Свод I. С. 333–334). Почему в таком случае нельзя признать имя одним из «единичных примеров»? Что касается имен братьев Мезамера и Келагаста, то они скорее славянские. «Келагаст» имеет архаичную форму, что может отражать особенности антского диалекта и, возможно, соответствует славянскому *Cělogostъ. Ср.: Свод I. С. 333, где такая возможность предлагается и тут же отвергается на том основании, что имя «у славян неизвестно», после чего немедленно приводится несколько примеров использования формата Cěl- в именах. «Мезамер» довольно убедительно реконструировано С. Роспондом как *Medji+mirъ (Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов.// Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 7). Эта этимология принята в Этимологическом словаре славянских языков (ЭССЯ. Вып. 18. М., 1993. С. 49). Возражение И. А. Левинской и С.Р. Тохтасьева не выглядит убедительно: «По поводу

https://RodnoVery.ru

этих этимологий достаточно отметить, что все предложенные славянские прототипы… реально у славян не засвидетельствованы» (Свод I. С. 329). Для VI в. этого совершенно недостаточно — известны десятки однократно фиксированных славянских антропонимов и для более позднего времени. Мы не можем считать, что по сравнительно небольшому числу источников раннего средневековья восстановили славянский ономастикон целиком.

https://RodnoVery.ru

551

Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/317.

https://RodnoVery.ru

552

У Менандра — Δαυρεντιον, Δαυριτας (Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321). Об этимологии см.: Свод I. С. 349–350. Высказывалось предположение о том, что это усеченная форма какого-то княжеского имени на Добр-.

https://RodnoVery.ru

553

Присоединяюсь к интерпретации «игемонов» Менандра как племенных вождей у О.В. Ивановой и Г.Г. Литаврина (Славяне и Византия.// Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 49–50). В то же время авторы неоправданно, как представляется, отделяют «игемонов» от «управителей» («тех, кто возглавлял народ»). Из контекста фрагмента кажется совершенно очевидным, что речь идет об одних и тех же людях. Справедливо оспаривая гипотезу О.В. Ивановой и Г.Г. Литаврина, И.А. Левинская и С.Р. Тохтасьев предлагают в то же время считать игемонов «старейшинами», «представителями племенной верхушки» (Свод I. С. 348–349). Но у Псевдо-Кесария понятия «архонт» и «игемон» применительно к славянам — синонимы (Свод I. С. 254). Нет оснований считать, что ко времени Менандра и в его труде что-то изменилось. Итак, думается, что О.В. Иванова и Г.Г. Литаврин были абсолютно правы, рассматривая Добряту как вождя племенного союза, где каждое племя «имело своего архонта» (Иванова — Литаврин 1985. С. 49).

https://RodnoVery.ru

554

Maur. Strat. XI. 4: 30.: Свод I. С. 374/375.

https://RodnoVery.ru

555

Именник на българските ханове. София, 1981. С. 11–12. На сегодняшний день это лучшее научное издание «Именника», хотя с конъюнктурами И. Богданова не всегда можно соглашаться. Из отечественных исследователей второй половины XX в. «Именником» занимался М.Н. Тихомиров. Его работа «Именник болгарских ханов» (последнее издание в кн.: Тихомиров М.Н. Исторические связи России с Византией и славянскими странами. М., 1969) обозначила целый этап в изучении памятника. Но при всех своих несомненных достоинствах сейчас она уже несколько устарела. Перевод на современный русский язык Д. Полывянного (Родник златоструйный. М., 1990. С. 176–177) преследовал чисто литературные цели и потому отчасти волен. Он издавался, конечно, без оригинального церковнославянского текста, снабжен крайне скупым комментарием и содержит частные ошибки. К слову, этими недостатками грешат и многие литературные переводы (а по сути — реконструкции и интерпретации) на современный болгарский. Перевод И. Богданова (Именник 1981. С. 16–17) фактически является реконструкцией первоначального вида и смысла памятника в видении самого ученого — но это ясно оговорено, и перевод, как и текст, снабжен подробным обосновывающим комментарием.

https://RodnoVery.ru

556

В XIX в. славянские имена в «Именнике» и ряд других, менее значимых известий (например, из труда по славянской истории дубровницкого автора XVI в. Мавро Орбини) стали основой для построения «антитуркистских» теорий в болгарской историографии. «Антитуркизм» являлся в большей степени порождением политики, а не науки, выражая отторжение всего турецкого и тюркского в молодом Болгарском государстве. «Антитуркисты» отрицали тюркское происхождение древних болгар (булгар), рассматривая их как славян или «ариев». «Антитуркизм» нашел поддержку и у некоторых русских ученых панславистского направления (прежде всего, Д.И. Иловайского в труде «Разыскания о начале Руси», где и гуннов предлагалось считать славянами). Собственно, первым «антитуркистскую» концепцию и сформулировал русский историк первой половины XIX в. Ю. Венелин («Древние и нынешние болгары»), доказывавший, что все гуннские племена античных авторов — славяне. В русской науке убедительное аргументы против славянства европейских кочевников дал В. Васильевский («О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан», 1882–1883). В XX в. накопление археологических материалов, новые достижения в изучении письменных источников поставили точку в споре «туркистов» и «антитуркистов». Огромную роль здесь сыграл обобщающий труд В. Златарского «История Болгарского государства в средние века» (1918 г.), не потерявший значения до сих пор. Некоторый подъем «арийская» теория происхождения болгар пережила лишь в начале 40-х гг., в пору политического сближения с нацистской Германией. В значительной степени преодолению «антитуркистских» заблуждений способствовало сотрудничество болгарских и советских ученых в послевоенный период. Ни у кого из ведущих специалистов по болгарской истории ныне не вызывают сомнения тюркские корни болгар. См.: Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971; Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 192 след.; Петров П. Образуване на българската държава. София, 1981. Имена Гостуна и Безмера легко объяснить болгарско-славянскими контактами. Что касается упомянутого известия М. Орбини, то его происхождение (при очевидной легендарности) ясно установлено. Предки болгар в его версии, братья «Вукич» и «Драгич» — на самом деле братья Утигур и Кутригур из гуннской легенды, приводимой Прокопием

https://RodnoVery.ru

Кесарийским. Дубровницкий историк в духе многих своих современников вольно интерпретировал древнего автора. Эволюция легенды прослежена И. Богдановым в связи с изучением «Именника болгарских ханов» в кн.: Именник 1981. Итак, «протоболгары», вне всякого сомнения, являлись тюркоязычными «гуннами» по происхождению. Вместе с тем столь же очевидно, что в болгарских ордах присутствовали разноплеменные элементы. Болгары неразрывно смешались в европейских степях с аланами, задолго до переселения на Дунай испытывали воздействие славян, местами переходили к оседлому образу жизни. Безотносительно к происхождению племенного названия, династий, аристократии и первого болгарского государства в целом, предками современного болгарского народа и создателями его культуры являются, прежде всего, словене и анты Подунавья.

https://RodnoVery.ru

557

Agath. Hist. V. 11. (здесь и далее см. последнее издание перевода М.В. Левченко: Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996. С. 184 след.).

https://RodnoVery.ru

558

Слишком усложнено, как представляется, толкование начала 6 фрагмента Менандра («архонты антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье…» — см. Свод I. С. 316/317), у О.В. Ивановой и Г.Г. Литаврина (1985. С. 52; Свод I. С. 270). По их мнению, анты все же воевали с кутригурами и потерпели поражение. Но в указанном фрагменте речь лишь о войне с аварами — ср. Свод I. С. 328 (Прим. 13). Даже если принять отождествление Котрагира из менандрова фрагмента с Заберганом (Marquart I. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1889. S. 78; Marquart I. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 147, 504), не вижу достаточных оснований связывать его враждебность к антам с событиями 558–559 гг. Сам факт длительного союза антов с Империей был бы для этого вполне достаточен. М.И. Артамонов, напротив, полагал, что нападения кутригур на Империю после 545 г. «стали возможными только с согласия и при участии антов» (Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002. С. 130). Но ни об одном болгарском набеге совместно с антами в источниках данных нет. Забергану в 559 г. напрямую помогали словене, а не анты.

https://RodnoVery.ru

559

Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321. Фраза («их же собственная земля каким-либо другим из народов — никоим образом [не опустошалась]»), конечно, является преувеличением. Менандр, вероятно, знал о походах Хильбуда (Свод I. С. 352. Прим. 72.2). Но Хильбуд погиб до рождения Менандра и задолго до прихода в Европу аварского кагана Баяна, мысли которого историк излагает. Если бы дунайские земли словен подверглись нашествию болгар на описываемом самим Менандром отрезке времени, эта фраза выглядела бы просто нелепо.

https://RodnoVery.ru

560

Agath. Hist. V. 13–14.: Агафий 1996. С. 187–188.

https://RodnoVery.ru

561

Agath. Hist. V. 11.: Агафий 1996. С. 185; Свод I. С. 268 (Малала), 269 (Виктор Тонненский), 287 (Иоанн Эфесский у Бар-Эбрея); Свод II. С. 253 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

562

Agath. Hist. V. 12; 24.: Агафий 1996. С. 185, 204–205.

https://RodnoVery.ru

563

Комментарий Г. Г. Литаврина к тексту Малалы (Свод I. С. 271–272).

https://RodnoVery.ru

564

Agath. Hist. V. 11–12.: Агафий 1996. С. 184–185.

https://RodnoVery.ru

565

Agath. Hist. V. 23.: Агафий, 1996. С. 204; Свод I. С. 268 (Малала), 269 (Виктор Тонненский; он считает — ошибочно — что Сергия «тут же растерзали»); Свод II. С. 253 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

566

Свод I. С. 268 (Малала); Свод II. С. 253 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

567

Agath. Hist. V. 13.: Агафий, 1996. С. 187; Свод I. С. 268 (Малала), 287 (Иоанн Эфесский); Свод II. С. 253 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

568

Agath. Hist. 14–15.: Агафий, 1996. С. 189–191.

https://RodnoVery.ru

569

Об этом сообщает только Феофан (Свод II. С. 253). Конечно, нельзя отождествить эту неудачную битву с описанной Агафием победой Велисария, хотя Феофан и сообщает о последней крайне нечетко.

https://RodnoVery.ru

570

Агафий называет ставку Забергана близ Мелантиады (около 25 км от столицы) (Agath. Hist. 14.: Агафий 1996. С. 189). По Малале, «гунны и склавы» «совершили набег вплоть до Святого Стратоника» (около 15 км) (Свод I. С. 268). Согласно же Феофану, туда болгары отошли позже, отогнанные Велисарием. Виктор Тонненский утверждает, будто болгары «дошли до Константинополя у Сик» (Там же. С. 269). Скорее всего, это всего лишь преувеличение, основанное на дошедших в Африку слухах — такое же, как «растерзание» выкупленного позже живым и невредимым Сергия. Агафий сообщает о тревоге в пригороде Сиках (будущая Галата, отделенная от Константинополя лишь узким проливом Золотой Рог) и выставлении там усиленной стражи — но не более того (Agath. Hist. V. 15.: Агафий, 1996. С. 190). Феофан пишет: «захватили вплоть до Дрипии и Нимф и до деревни Хит» (Свод II. С. 253). Из этих пунктов более или менее точно размещена на карте лишь Дрипия (15 км от Константинополя — см.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 83. Прим. 107). «Деревня Хит» — возможно, лишь умозаключение Феофана. В Хите (Хеттах), согласно ему и Агафию (Agath. Hist. V. 16: 1.: Агафий 1996. С. 191), затем стоял станом Велисарий. Поблизости произошла его решающая битва с болгарами.

https://RodnoVery.ru

571

Свод I. С. 287. «Третий раз» — очевидно, «набег вплоть до Святого Стратоника», о котором говорит Малала. Он был совершен, по Феофану, уже после поражения, нанесенного Велисарием.

https://RodnoVery.ru

572

Agath. Hist. V. 16.: Агафий, 1996. С. 191–192. Свод II. С. 196 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

573

Агафий говорит, что «толпа» вселяла панику в гуннов «криком и стуком кольев», а «поднимающаяся вверх пыль мешала установить численность нападавших» (Agath. Hist. V. 19.: Агафий, 1996. С. 197). Феофан объясняет происхождение «пыли»: «Приказал он (Велисарий) также рубить деревья и волочить их позади строя. И поднялась от ветра сильная пыль и простерлась над варварами» (Свод II. С. 253).

https://RodnoVery.ru

574

Наиболее подробное описание победы у Агафия (Agath. Hist. V. 19–20.: Агафий 1996. С. 196–198). В той же тональности, но короче, говорят о действиях Велисария Виктор Тонненский (Свод I. С. 269), Иоанн Эфесский (Свод I. С. 287). У последнего имя Велисария не упомянуто, зато успех явно преувеличен: «Потом ромеи набрали войско против них, и пошли, опустошая и воюя против них всех: мало было тех, которые спаслись, и не стало их видно в этом месте». Возможно, Иоанн Эфесский смешал победу Велисария с позднейшим нападением Сандилха, к которому больше подходит определение «опустошая и воюя». Разительный контраст представляют известия Малалы, вообще не говорящего ни о каких ромейских успехах (Свод I. С. 268) и Феофана, описывающего действия Велисария следующим образом: «Он разбил лагерь и начал хватать некоторых из них и убивать. Приказал он также рубить деревья и волочить их позади строя. И поднялась от ветра сильная пыль и простерлась над варварами. Они же, полагая, что воинство велико, бежали и пришли в район Святого Стратоника» (Свод II. С. 253). Вероятно, здесь отразилась тенденция придворных кругов преуменьшить успех впавшего вскоре в опалу Велисария. Феофан пользовался, вероятно, константинопольской городской хроникой и «Хроникой» Малалы, либо Менандром и Малалой. С другой стороны, и Агафий мог преувеличить значение стычки между Заберганом и Велисарием. Далее он с очевидностью искажает некоторые факты. Так, он полагает, что победа Велисария имела решающее значение, и гунны не перестали отступать даже после его отзыва («отступали уже медленнее» — Агафий, 1996. С. 199). На самом же деле они, по сути, вновь подошли к Константинополю, но с другого направления. Агафий к тому же утверждает, будто гунны «выбрались» за Длинные Стены сразу после поражения. Но это, по Феофану, совершенно не соответствует действительности.

https://RodnoVery.ru

575

Agath. Hist. V. 20.: Агафий 1996. С. 198–199.

https://RodnoVery.ru

576

Последовательность событий дана у Феофана (Свод II. С. 253). О «набеге до Святого Стратоника» говорит и Малала (Свод I. С. 268). По Иоанну Эфесскому, правда, получается, что «третий раз» был до победы ромейского войска (Там же. С. 287). Агафий приписал Велисарию изгнание «варваров» за Длинные Стены (Agath. Hist. V. 20.: Агафий, 1996. С. 199), а Виктор Тонненский — прямо за Дунай (Свод I. С. 269).

https://RodnoVery.ru

577

Все это описывает в деталях лишь Феофан (Свод II. С. 253).

https://RodnoVery.ru

578

Agath. Hist. V. 21.: Агафий, 1996. С. 199–200. Действия у Херсонеса описывает только этот автор.

https://RodnoVery.ru

579

Строительство плотов из сухого тростника возможно, по замечанию Г.Г. Литаврина, в этом месяце (Свод I. С. 269). В августе гунны очевидно, уже вернулись с Херсонеса.

https://RodnoVery.ru

580

Agath. Hist. V. 21.: Агафий, 1996. С. 200–201. Феодор Синкелл в VII в. связывал овладение славян мореплаванием именно с «участием в нападениях на ромейскую державу» (Свод II. С. 84/85). Здесь перед нами первый подобный случай.

https://RodnoVery.ru

581

Agath. Hist. V. 22.: Агафий, 1996. С. 201–202.

https://RodnoVery.ru

582

Agath. Hist. V. 23.: Агафий, 1996. С. 202–203.

https://RodnoVery.ru

583

Agath. Hist. V. 23–24.: Агафий, 1996. С. 203–204; Свод II. С. 253 (Феофан). В рукописях «Хронографии» Феофана посланец императора — куропалат Юстиниан (Свод II. С. 292. Прим. 46). Племянник Юстиниан у императора действительно был, но должность куропалата занимал будущий преемник — Юстин II.

https://RodnoVery.ru

584

Agath. Hist. V. 23.: Агафий, 1996. С. 203, 204. Таким образом, не соответствуют действительности сведения Исидора Киевского (XV в.) о взятии Коринфа «оногурами» (вместо кутригур) и вызванном этим бегстве жителей Пелопоннеса. В средневековой греческой легенде явно смешались воспоминания о двух паниках в Южной Ахайе — панике, вызванной нашествием кутригур в 559 г. и гораздо более обоснованной панике, вызванной аваро-славянскими нашествиями 580-х гг. В ходе одного из них, как будет показано далее, и пал в действительности Коринф. Патриарх Николай III (XI в.) относил описанные позже в петиции Исидора события к концу 580-х гг. Ср.: Свод II. С. 337–338.

https://RodnoVery.ru

585

Агафий (Agath. V. 24–25.: Агафий, 1996. С. 204–205), эмоционально сгущая краски, утверждает, будто для уговоров хватило одного письма, и Сандилх «в тот же день бросился мстить кутригурам». Более достоверно выглядит версия Менандра, согласно которому Юстиниан «оказывал давление на Сандилха… и все не переставал убеждать его, отправляя частые посольства». В итоге он посулил Сандилху выплаты, уже назначенные Забергану (Men. Hist. Fr. 3.: Свод I. С. 316/317). Переговоры тянулись достаточно долго, чтобы медленно, по признанию Агафия, продвигавшийся Заберган ушел из Фракии за Дунай (Agath. Hist. V. 25.: Агафий, 1996. С. 206) или даже «оказался где-то далеко от ромейской державы» (Men. Fr. 3.: Свод I. С. 316/317).

https://RodnoVery.ru

586

Agath. Hist. 25.: Агафий,1996. С. 206.

https://RodnoVery.ru

587

История авар до создания европейского каганата рассматривалась многими исследователями. См., прежде всего: Avenarus A. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974; Szadeczky-Kardoss S. Avarica. Über die Awarengeschichte und ihre Quellen. Szeged, 1986; на русском языке имеются сравнительно небольшие разделы в обобщающих трудах (Артамонов 2002. С. 122 след.; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 36–39). Уделил место ранней истории авар Г.В. Вернадский (Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь — М., 2000. С. 192 след.).

https://RodnoVery.ru

588

Единственный наш источник об этой войне — Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/317.

https://RodnoVery.ru

589

Proc. Bell. Goth. VIII. 4.: Свод I. С. 200/201.

https://RodnoVery.ru

590

Iord. Get. 35.: Свод I. С. 108/109.

https://RodnoVery.ru

591

Men. Hist. Fr. 6.: Свод I. С. 316/317. С этих слов начинается фрагмент.

https://RodnoVery.ru

592

См.: Свод I. С. 337. Прим. 20.

https://RodnoVery.ru

593

Гипотеза И. Маркварта (Marquart 1889. S. 78; Marquart 1903. S. 147, 504). Поддержана Г.В. Вернадским (Вернадский, 2000. С. 194–195), В. Златарским (Златарски В. История на Българската държава през средните векове. Т. 1. Ч. 1. София, 1970. С. 118) и др. Мнение о том, что кутригуры «натравили» авар на антов, высказал М.И. Артамонов (Артамонов, 2002. С. 130). Г.В. Вернадский на неясных основаниях предполагал, что обида Забергана на антов объяснялась отказом в помощи ему при аварском завоевании.

https://RodnoVery.ru

594

См., например: Szadeczky-Kardoss, 1986. S. 63–64; Свод I. С. 327. Ошибочно было мнение И. Маркварта, противоречащее Агафию Миринейскому, о войне авар с утигурами и антами еще в 558 г. (Marquart 1889. S. 78). Тем не менее, именно оно легло в основу изложения у Л.Н. Гумилева (Гумилев, 1993. С. 37–38). С другой стороны, Л.Н. Гумилев, в отличие от целого ряда других ученых, справедливо оценивал действия авар против антов как враждебные и Византии. В целом бесспорная датировка и оценка событий была дана в отечественной литературе у М.И. Артамонова (Артамонов, 2002. С. 130).

https://RodnoVery.ru

595

Победа авар для большинства исследователей была очевидна (ср.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 2001. С. 152, 156; Артамонов, 2002. С. 130; Гумилев, 1993. С. 38; Гимбутас М. Славяне. М., 2003. С. 123–124). Правда, утверждение Л.Н. Гумилева о «полностью подчинившихся аварскому хану» антах вызывает серьезные сомнения. Л. Нидерле в свое время справедливо указал на тот несомненный факт, что после ухода авар «в Венгрию» анты выступают как независимое и враждебное им племя. Г.Г. Литаврин разделил взвешенный и осторожный подход Л. Нидерле, оценивая кампанию как успешную для авар и вместе с тем сомневаясь в «полном разгроме» и «длительном упадке» антов (Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 560–561). Оригинальна, но не подкреплена никакими отсылками к источникам трактовка Г.В. Вернадского. На неизвестных основаниях он утверждал, что «анты вскоре оправились от первого потрясения и какое-то время оказывали упорное сопротивление», более того — беспокоили авар с тыла (Вернадский, 2000. С. 195). Некое косвенное свидетельство успеха авар можно найти в словах Евагрия: авары «прибыли на Боспор и, оставив побережье Понта, называемого Евксинским, — там было много варварских народов… — совершали путь, сражаясь со всеми встречающимися варварами, до тех пор, пока не достигли берега Истра, и отправили посольство к Юстиниану» (Euagr. Hist. Eccl. V. 1.: Свод I. С. 340. Прим. 29). Еще одно свидетельство — похвальба аварских послов перед Юстином II (Men. Hist. Fr. 14.: Свод I. С. 318/319).

https://RodnoVery.ru

596

В. В. Седов связывал миграцию хорватов с аварским нашествием «около 560 г.» (Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 125). В этом он следовал Л. Нидерле (Нидерле 2001. С. 169). Впрочем, нельзя не отметить, что все построение Л. Нидерле основано на ошибочной идее раннего (не позднее V в.) обособления южнославянских языков от общеславянского. Отсюда идея о хорватском племенном союзе («южнославянском»), существовавшем до VI в. в Прикарпатье. С другой стороны, вытеснение хорватов на запад именно аварами выглядит более чем убедительно. Но не менее вероятно, что это произошло чуть позже, во время движения авар северным путем в Паннонию. С этим связывал покорение не только хорватов, но и дулебов, Г.В. Вернадский (Вернадский, 2000. С. 195–196).

https://RodnoVery.ru

597

ЭССЯ. Вып. 29. М., 2002. С. 128.

https://RodnoVery.ru

598

ЭССЯ. Вып. 8. М., 1981. С. 240–242.

https://RodnoVery.ru

599

Это вторжение описывает Феофан (Чичуров, 1980. С. 53).

https://RodnoVery.ru

600

О западных тюрках в Центральной Азии и Европе см.: Артамонов 2002. С. 152 след; Гумилев, 1993. С. 33 след.

https://RodnoVery.ru

601

Единственный источник — Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321. События здесь описаны в ретроспективе, в связи с аваро-словенской войной 578 г. Поэтому датировать их можно весьма условно — примерным временем первого контакта со словенами, ок. 560–562 гг. Такая датировка была принята О. В. Ивановой и Г.Г. Литавриным (1985. С. 49–50). Для И. А. Левинской и С.Р. Тохтасьева это нижняя хронологическая граница события (Свод I. С. 351. Прим. 70). Относить его ко времени после 565 г., когда авары уже двинулись в Паннонию, едва ли следует. А. Авенариус (1974. S. 87), П. Петров (Образуване на българската държава. София, 1981) и в позднейшей работе Г.Г. Литаврин (2001. С. 562–563), однако, опровергают раннюю датировку. На выглядящей убедительно аргументации сторонников поздней даты имеет смысл остановиться подробнее. По мнению Г.Г. Литаврина, «славяне левобережья нижнего Дуная к 579 г. длительное время не подвергались разорению со стороны других народов. Дело в том, что применительно к 560–565 гг. этого сказать было бы невозможно: со времени вторжения в 558–559 гг. в нижнее левобережье полчищ кутригуров Забергана, а затем утигуров Сандилха прошло всего несколько лет». Этот аргумент имел бы гораздо больше оснований, если бы имелись прямые свидетельства нападения Забергана или Сандилха на словенскую страну. Однако в этом случае свидетельство Менандра, на которое ссылается здесь исследователь, просто было бы недостоверно — ведь Менандр говорит о том, что земля словен не разорялась вообще никогда, «никоим образом». Второй аргумент: «Представляется… невероятным, чтобы аварские полчища, разбившие антов и вобравшие в себя множество подчинившихся хану кутригуров, не были бы брошены им против славян». Этот факт, как покажем, вполне может быть объяснен в рамках ранней датировки. В том же, что Баян узнал о гибели посольства «со стороны», конечно, нет ничего удивительного — ведь из послов не уцелел никто, а словене едва ли стали бы извещать об этом кагана. А. Авенариус и П. Петров предполагают, что посольство к словенам состоялось после заключения Баяном мира с кесарем Тиверием (574 г.). По А. Авенариусу, послы были отправлены вскоре после 574 г., скорее всего, около 576–577 г. П. Петров счел возможным твердую датировку 574 г. Г. Г. Литаврин справедливо указывает, что «веских доводов в пользу этой даты… привести невозможно» и предлагает свою — «конец 60-х годов (568–570)» (2001. С.

https://RodnoVery.ru

563). При этом он не считает нужным полностью исключать и раннюю датировку (Там же. С. 561). Некоторые исследователи по какому-то недоразумению объединяют набег Баяна на словен в 578 г. с посольством к Добряте (Гимбутас, 2003. С. 125; Dujčev I. Davrentios// Lexicon des Mittelalters. Bd. 3. München, 1984. S. 608).

https://RodnoVery.ru

602

События изложены в «Истории франков» Григория Турского. См.: Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 94 (IV. 23), 381 (Прим. 76).

https://RodnoVery.ru

603

Men. Hist. Fr. 14.: Свод I. С. 318/319.

https://RodnoVery.ru

604

Г.В. Вернадский, в целом справедливо намечая северный путь авар в Паннонию, полагал (точнее, уверенно утверждал) также, что часть кочевников двигалась вдоль Дуная и по пути покорила нижнедунайских славян (Вернадский, 2000. С. 195, 198). Это прямо противоречит сведениям Менандра о том, что первое нападение авар на словен произошло только в 578 г. Г.В. Вернадскому это известие, несмотря на подробность, видимо, осталось неизвестным. По крайней мере, фрагмент о Даврите-Даврентии и его вражде с Баяном — единственное сообщение Менандра, которое он вообще не использовал и не упомянул.

https://RodnoVery.ru

605

Некоторые исследователи полагали, что Баян пригнал покоренных славян с собой в Паннонию (I. Sorlin. Slaves et Slavenes avant et dans les miracles de saint Démétrius// P. Lemerle. Les plus ancient recueils des Miracles de saint Démétrius. T. II. Paris, 1981. P. 231–232). Однако в Паннонии до VII в. нет почти никаких следов пребывания славян. Это общее место в работах по археологии и истории Венгрии (см., например: Археология Венгрии. Конец II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 1986. С. 310; Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 12). Столь же общим местом в работах по истории славян, однако, стало существование в VI в. «паннонских славян», «славян Паннонии» (см., например: Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 30–31). Исходными тезисами для построения концепции «паннонских» славян, кажется, были два. Во-первых, некоторые историки стремились возвести историю сербохорватских племен еще к VI в., обосновать их «исторические права» на земли своего проживания тем, что они уже тогда совершали набеги на Иллирик, в то время как предки славян-болгар — на Фракию. Но рассказ Прокопия о нашествии 550–551 гг. совершенно не оставляет сомнений в том, что на Иллирик и Фракию нападали одни и те же славяне. Сербохорваты действительно иного происхождения, чем славянские болгары. Но и средневековые авторы, и этнонимика указывают — предки этой ветви южных славян пришли из земель севернее Паннонии. Второй аргумент в пользу «паннонских славян» — деление словенских племен в аварскую эпоху на две группы — прямо подвластных и лишь временно союзных каганату. Наличие этих двух категорий племен сомнений не вызывает. Но непосредственно подвластные племена можно локализовать и там, где есть их реальные археологические свидетельства — в Хорутании, в Поморавье, возможно, на востоке гепидского Потисья (правда, здесь их следы в VI в. незначительны). В названной работе по истории Болгарии Г.Г. Литаврин поместил «славян Паннонии» как раз «в бассейне Тисы». Не ранее VII в. или расширительно VI–VII вв. датируются факты славянского пребывания в Паннонии, приводимые В.В. Седовым (1995. С. 116, 117–123). Единственное убедительное исключение — упомянутые ранее находки пражско-корчакской керамики в Сентендре.

https://RodnoVery.ru

606

В польской исторической науке еще в XIX в. на основе известий античных авторов о венедах сложилась теория автохтонности и континуитета (непрерывного пребывания) славян на всей или почти всей территории Польши. С автохтонностью славян в Польше в известном смысле можно согласиться. Весьма вероятно, что основы праславянской культуры были заложены именно в бассейне Вислы (См: Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; Его же. Славяне в древности. М., 1995). Однако автохтонность вовсе не подразумевает непременного континуитета. Л. Нидерле, кажется, относился к идее славянского континуитета в Польше с осторожным скепсисом. Он причислял к прародине преимущественно южные и восточные польские области наряду с восточнославянским Полесьем (Нидерле 2001. С. 28–30, 131) — притом, что античные авторы знают венедов в низовьях Вислы, и славянства венедов Нидерле не отрицал. Попытку археологического обоснования континуитета предприняли польские ученые в 60-е гг. (Kostrzewski J. Zur Frage der Siedlungstätigkeit in der Uhrgeshichte Polens. Wroclaw — Warszawa — Kraków. 1965. S. 10–26). Эта теория была воспринята учеными других восточноевропейских стран, в том числе СССР. Континуитет обосновывался тогда: во-первых, сходством пшеворской и пражской посуды (что может доказывать происхождение пражской культуры от пшеворской, даже если первая сложилось в придунайских областях — но ничего больше); во-вторых — единичными фактами пшеворско-пражской преемственности в Южной Польше. Ю.В. Кухаренко, приняв концепцию континуитета (Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969. С. 128), по сути, опроверг ее приводимыми фактами. В названной работе упомянуто лишь два пшеворско-пражских поселения (Хоруля и Иголомя), оба на юго-западе Польши. При этом подчеркивалось, что на севере Польши славянских памятников ранее конца VI в. нет, а в качестве начальной даты для «предпястовского» славянского периода в истории Польши принимался 570 г. (Там же. С. 121, 124). М. Гимбутас ограничила первичную зону распространения пражских памятников на территории Польши южными областями (Гимбутас 2003. С. 99, 131 (карта)). Расселение славян в VI в. она рассматривала как «восстановление» после готского и гуннского нашествий. В.В. Седов (1995. С. 23) относил к ранним пражско-корчакским три поселения на Верхней Висле, датируемых

https://RodnoVery.ru

V в. «Лехитской» он при этом считает суковско-дзедзицкую культурную группу, памятники которой в Восточной Германии относятся ко второй половине VI в. В.В. Седов с известной долей осторожности датировал первые памятники группы в польском междуречье среднего Одера и Вислы концом V — первой половиной VI в. и выводит их из местных пшеворских памятников. К суковско-дзедзицким относится сейчас много памятников Польши, прежде рассматривавшихся в ряду пражско-корчакских — например, городище Шелиги (Седов, 1995. С. 40 след.). Но в целом нет твердых оснований датировать их ранее середины VI в. Таким образом, расположение первичной славянской прародины на землях Польши не противоречит отсутствию славянского континуитета на ее территории — славяне просто возвращались в VI в. на старые земли. По словам Прокопия Кесарийского, значительная часть нынешней Польши была в первой половине века еще пустынна («обширная пустынная земля» между славянами и варнами — Proc. Bell. Goth. VI. 15: 1.: Свод I. С. 176/ 177). О том же свидетельствует этнонимика. Племенное название «висляне» в верховьях Вислы свидетельствует о том, что ниже по реке в момент его возникновения славян еще не было. Название могло появиться, таким образом, либо в I тыс. до н. э., когда венеды еще не жили у Балтики, либо в VI в., в ходе расселения пражских племен. Первый вариант, учитывая многочисленные этнические передвижения в регионе, да и языковые изменения, маловероятен. Второй же означает, что Северная Польша оставалась какое-то время действительно без славянского населения. Более того, вероятнее всего оказывается, что славяне, носители пражской культуры, пришли к Висле откуда-то со стороны, скорее с востока. Только в этом случае определение себя по названию реки представляется логичным — оно явно противопоставляет вислян тем, кто на Висле не живет. В польской науке археологическая аргументация против теории континуитета представлена К. Годловским на основе исследования пшеворских древностей (Godłowski K. Przemiany osadnicze i kulturowe w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim. Wroclaw — Warszawa — Kraków — Gdansk. 1985). Попытка К. Годловского вывести пражские древности из зарубинецких, а славян в Польше — из Среднего Поднепровья выглядит неубедительно, на что указал О.Н. Трубачев (Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 6). Но на этом основании не стоит отвергать саму выдвинутую К. Годловским идею отсутствия прямой преемственности польских пшеворских и пражских древностей. В.В. Седов в последней работе оценивал построения К. Годловского как «устарелые» (В.В. Седов.

https://RodnoVery.ru

Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 310). Он высказал мнение, что «совокупность данных» позволяет включить Южную Польшу наряду с Восточным Прикарпатьем в область складывания пражской культуры (Седов 2002. С. 309–310). С другой стороны, нельзя не заметить, что памятники добродзеньской культурной группы V в. указывают, по меньшей мере, на преобладание германцев в среде «поздних пшеворцев» Южной Польши. В процессе расселения славян германцы были ассимилированы (см.: Седов, 2002. С. 311–312).

https://RodnoVery.ru

607

Григорий Турский. С. 97 (IV. 29).

https://RodnoVery.ru

Седов, 1995. С. 275–276.

https://RodnoVery.ru

609

Новелла № 140 от 14 сентября 566 г. — первая содержащая полный титул Юстина — не включает титула «Антский» (Свод I. С. 262).

https://RodnoVery.ru

610

Новелла № 6 от 1 марта 570 г. (Свод I. С. 262). Использовался титул и позднее — в новелле начала 570-х гг. из «Церковной истории» Евагрия (V. 4), в недатированной новелле (возможно, принадлежащей уже Тиверию, но тот не использовал титула «Антский» в единственной достоверно «своей» новелле).

https://RodnoVery.ru

611

В первой половине 580-х гг. — Иоанн Эфесский (по Михаилу Сирийцу и бар Эбрею — Свод I. С. 284–286); в 602 г. — Феофилакт Симокатта (Свод II. С. 42/43), на котором основывается и Феофан (Свод II. С. 270/271).

https://RodnoVery.ru

612

Военный Аноним (Свод I. С. 362/363) даже воспроизводит формулу начала правления Юстиниана «анты и склавы», ставя антов тем самым впереди словен в числе врагов Империи. Последовательность у Маврикия (Свод I. С. 368/369 след.) везде «склавы и анты», однако он нигде не разделяет и не противопоставляет их. В связи с этим можно поставить и вышеупомянутый (прим. 79) отказ императора Тиверия от титула «Антский» во время ожесточенных и неудачных войн со словенами и аварами.

https://RodnoVery.ru

613

См.: Седов, 1982. С. 23; Седов 1995. С. 85.

https://RodnoVery.ru

614

Западнославянские хорваты упоминаются арабским географом Масуди (середина X в.), грамотой Пражского архиепископства от 1086 г. (основной перечень древних чешских племен, восходящий происхождением еще к 973 г.), грамотой германского императора Генриха II (1108 г.). См.: Нидерле 2001. С. 77–78, 128; Седов, 1982. С. 125; Turek R. Čechy v raném středověku. Vyšehrad — Praha, 1982. S. 40–41.

https://RodnoVery.ru

615

См.: Седов, 1995. С. 138 след., 332.

https://RodnoVery.ru

616

Ср.: Седов, 1995. С. 310.

https://RodnoVery.ru

617

Седов, 1995. С. 25, 27–28.

https://RodnoVery.ru

618

Седов, 1995. С. 293, 295, 314.

https://RodnoVery.ru

619

Седов, 1995. С. 27, 275–276.

https://RodnoVery.ru

620

Седов, 1995. С. 28–29. На основе приводимых данных представляется, что основной поток переселенцев следует датировать началом VII в. и связать с усилением аварского натиска на чешских славян.

https://RodnoVery.ru

621

Заимствована целая группа названий емкостей, которые, очевидно, служили объемно-весовыми мерами. См.: ЭССЯ. Вып. 3. С. 113–114 (*bъdьna); Вып. 10. С. 196 (*kony); Вып. 13. С. 171–172 (*kъbъlъ).

https://RodnoVery.ru

622

ЭССЯ. Вып. 21. С. 81–82. Распространение во всех славянских языках указывает на ранний (VI в.) характер заимствования. Скорее всего (но не обязательно) заимствовано из того же источника и связанное слово «мытарь», обозначавшее сборщика пошлины, таможенника (ЭССЯ. Вып. 21. С. 73–74).

https://RodnoVery.ru

623

Седов, 1995. С. 46; Седов, 2002. С. 328–329.

https://RodnoVery.ru

624

О Бискупине во времена лужицкой культуры (II–I тыс. до н. э.) см.: Седов, 2002. С. 59.

https://RodnoVery.ru

625

Historia kultury 1978. S. 30, 58.

https://RodnoVery.ru

626

Седов, 1995. С. 41–42.

https://RodnoVery.ru

627

Именно венедский тип, без сомнения, сохраняли южнобалтийские и новгородско-псковские славяне этого времени. См.: Седов, 1982. С. 8.

https://RodnoVery.ru

628

Ср. Седов, 1995. С. 12–13, 40–41 (жилища с подпольными ямами относятся исключительно к суковско-дзедзицким, но отмечены и наземные срубные дома без ям в том же ареале). Ср. еще: Седов, 1982. С. 14; Седов, 1995. С. 15; Седов, 2002. С. 299 — о наземных домах на несомненно корчакских поселениях (прежде всего, Зимно). См. также: Кухаренко 1969. С. 125 (в конце 1960-х — 1970-х гг. суковско-дзедзицкие поселения V–VII вв. на территории Средней Польши еще рассматривались как пражско-корчакские, что отразилось и в работе В.В. Седова 1982 г.). П. Донат (Donat P. Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhäuser // Zeitschrift für Archäologie. № 4. Berlin, 1970. S. 250–269; Donat P. Bemerkungen zur Entwicklung des slawischen Hausbaues im mittelren und südostlichen Europa // Balcanoslavica. 4. Prilep — Beograd, 1975. S. 113–125) считает наземные жилища с ямами, наряду с полуземлянками, характерным для пражской культуры типом.

https://RodnoVery.ru

629

Кухаренко, 1969. С. 125. Седов, 1995. С. 15, 345.

https://RodnoVery.ru

630

Седов, 1982. С. 8.

https://RodnoVery.ru

631

Седов, 1995. С. 9, 12, 13, 19, 41, 42 (карты).

https://RodnoVery.ru

632

ЭССЯ. М., 1988. Вып. 15. С. 58.

https://RodnoVery.ru

633

Очевидно, на самом деле «Немержа», «Немера» — имя, отмеченное в старопольском и восходящее к праславянскому (*nęmera ‘неизмеримый’) (ЭССЯ. Вып. 24. М., 1997. С. 152–153). Великопольский хронист толкует не совсем верно: «не объемлющий мира» (Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М., 1987. С. 53).

https://RodnoVery.ru

634

Великая хроника 1987. С. 53.

https://RodnoVery.ru

635

Кухаренко, 1969. С. 124; Historia kultury 1978. S. 39; Седов, 1995. С. 41–42, 46, 348; Седов, 2002. С. 443.

https://RodnoVery.ru

636

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 13/14, 24 (Прим. 22).

https://RodnoVery.ru

637

Великая хроника 1987. С. 61 (Гл. V).

https://RodnoVery.ru

638

Так в «Повести временных лет» (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. М., 1997. Стб. 6; Т. 2. М., 1998. Стб. 5; Т. 38. Л., 1989. С. 12). После упоминания полян следует фраза: «ляхи же иные — лютичи, иные мазовшане, иные поморяне». Точно так же и Богухвал упоминает в числе «лехитов» отдельно от полян только полабские, лужицкие и поморские племена (см.: Великая хроника 1987. С. 53–54).

https://RodnoVery.ru

639

Нидерле 2001. С. 105; Седов, 1995. С. 48; Назаренко, 1993. С. 47 (Прим. 47).

https://RodnoVery.ru

640

Безунчан не упоминает ни один другой автор, но на их силезскую принадлежность указывает повтор рядом с теми же дедошанами во второй части «Географа». Отсюда же ясно, что они не тождественны слензянам и не были их непосредственной частью. На территории Силезии есть топонимы, которые могли послужить источником названия. См.: Lehr-Spławiński T. Bezunczane// Słownik starożytności Słowiańskich. T. 1. Warszawa, 1964. S. 113; Назаренко, 1993. С. 48 (Прим. 59; ср.: С. 23, прим. 20). Во второй части «Географа» добавляются слензяне, ополяне (на Верхней Одре), голендичи. Где-то в Силезии обычно помещают упомянутых здесь же лупоглавов (см.: Назаренко, 1993. С. 50. Прим. 62). Этот этноним имеет аналоги в топонимии в Словении и сербохорватских землях, а также на Руси как речное название Лупоголова в бассейне Верхнего Днепра (ЭССЯ. Вып. 16. М., 1990). Учитывая, что слово *lupogolva (*lupigolva) неизвестно в иных значениях, можно предположить, что все местные названия восходят к имени племени. В таком случае название племени лупоглавов (‘ободранные, шелушенные головы’ — в основе, вероятно, какая-то внешняя особенность) должно было появиться не позднее VI в.

https://RodnoVery.ru

641

Дедошичи названы в перечне северных чешских и силезских племен в учредительной грамоте Пражской архиепископии. Грамота датируется 1086 г. и включена в хронику Козьмы Пражского (II. 37 — см. русский перевод в кн.: Козьма Пражский Чешская хроника. М., 1962). Восходит она своим содержанием, однако, к X в., подтверждая привилегии, данные еще в 973 г. Наряду с Баварским географом и «Повестью временных лет» пражская грамота — один из ценнейших источников по раннеславянской этнонимии. В Силезии и Лужицах она называет еще племена слензян, требовян и поборян.

https://RodnoVery.ru

642

События эти воссозданы на обширном археологическом и ином материале в работе: Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

https://RodnoVery.ru

643

Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII в.// Barbaricum-1989. Warszawa, 1990; Седов, 1995. С. 171; Кулаков, 2003. С. 46, 255–256, 320. Предлагаемая В.И. Кулаковым в последней работе дата (ок. 550 г.) для совместного прихода гепидов и лангобардов в Мазуры кажется слишком ранней. В указанное время эти два племени враждовали между собой в Подунавье. Убедительнее датировка из первой работы — между 550 и 600 гг., что справедливо связывать с аварским вторжением 566–568 гг. Именно в ходе аварского нашествия королевство гепидов и прежнее лангобардское королевство в Паннонии почти одновременно перестали существовать.

https://RodnoVery.ru

644

Назаренко, 1993. С. 50–51. Прим. 64.

https://RodnoVery.ru

645

Седов, 1995. С. 54. Силезское происхождение фельдбергской культуры обосновано Й. Херрманом (Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stamme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968. S. 70–73).

https://RodnoVery.ru

646

См.: Седов, 2002. С. 338.

https://RodnoVery.ru

647

Седов, 1995. С. 42.

https://RodnoVery.ru

648

Седов, 1995. С. 47.

https://RodnoVery.ru

649

Седов, 1995. С. 47.

https://RodnoVery.ru

650

См.: Perwolf J. Slawische Völkernamen.// Archiv für slawische Filologie. Bd. 8. S. 595–596; Lehr-Spławiński T. Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian. Warszawa, 1954. S. 99; Rudnicki M. Nazwy Słowian połabskich i łużickich u Geografa Bawarskiego // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata. Poznań, 1959. S. 253; Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 56. О.Н. Трубачев в позднейшей работе (Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 129–130) высказал мысль, что «ободриты» происходит от славянского *obъdьrati ‘ободрать, ограбить’. В качестве доказательства указывалось на глоссу к упоминанию ободритов во франкских анналах под 823 г. (Abodriti, qui vulgo Praedenecenti vocantur — «Ободриты, по-народному называемые Praedenecenti»). Но последнее слово справедливее, кажется, понимать не как «грабители» по-латыни (такое «народное» слово неизвестно), а как передачу самоназвания ободричских послов — «передняя чадь» (см.: Назаренко, 1993. С. 22). Л. Нидерле, строго подходя к форме «ободричи», видел за ней имя родоначальника — Ободра (Нидерле, 2001. С. 120). Но пример лендзян / лендичей (и напротив — дедошичей / дедошан) ясно демонстрирует возможность мены ободряне / ободричи и, соответственно, справедливость традиционной этимологии.

https://RodnoVery.ru

651

Это почти наверняка германское обозначение славянского племени стодорян (Назаренко, 1993. С. 119). Трактовка названия как славянского «гаволяне» (например, у Л. Нидерле — Нидерле, 2001. С. 123) выглядит немного искусственно. Часть стодорян также позднее оказалась на Балканах. Об этом свидетельствует название Стодорской равнины на юге Словении. (Нидерле, 2001. С. 75.)

https://RodnoVery.ru

652

Славянское племя в Македонии (Нидерле, 2001. С. 89).

https://RodnoVery.ru

653

Нидерле, 2001. С. 121.

https://RodnoVery.ru

654

См.: Назаренко, 1993. С. 18–19.

https://RodnoVery.ru

655

Назаренко, 1993. С. 14.

https://RodnoVery.ru

Седов, 1995. С. 41, 46. В первой половине VII в. в Поморье распространяется культура иного типа (Седов, 1995. С. 54–55). Еще сравнительно недавно считалось, что к VI–VII вв. в Поморье может быть отнесен лишь один клад рубежа веков, а дзедзицкие древности датируются VIII столетием (Кухаренко, 1969. С. 124, 128).

https://RodnoVery.ru

657

Назаренко, 1993. С. 14, 35–36. На самом берегу моря восточнее Одера жили в IX в. велунчане, но их имя связано с возникшим в VIII в. градом Волин (Волынь, Велунец).

https://RodnoVery.ru

658

Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 10–16.: Свод II. С. 16–19.

https://RodnoVery.ru

659

Нидерле, 2001. С. 128, 132; Седов, 1995. С. 311. Хорваты отмечены еще на реке Заале (в начале XII в. — Нидерле, 2001. С. 493). Практически не вызывает сомнений, что там они появились вместе с сербами (носителями рюсенской культуры) в VII в.

https://RodnoVery.ru

660

Długosz Jan. Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1962. T. 1. S. 190; В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Крак.// Славянская мифология. М., 1995. С. 233.

https://RodnoVery.ru

661

В.В. Иванов, В.Н. Топоров. О древних славянских этнонимах.// Славянские древности. Киев, 1980. С. 38; Slaski K. Walki historyczne w podaniach o początkach Polski. Poznań. 1968. S. 23–25.

https://RodnoVery.ru

662

Так и делали некоторые западнославянские ученые XIX–XX вв. (Нидерле, 2001. С. 169: «первоначально [до 560 г. — С. А.] существовало одно большое племя хорватов, которое, по-видимому, и политически было объединено в государство, центром которого был Краков»; Gaczyński J. Zarys dziejów plemiennych Małopolski// Rocznik Przemyski. T. XII. Przemysl, 1968. S. 51–117). Но их построения, как представляется, избыточно осложнены. Е. Гачинский пересмотрел ряд слабых сторон концепции Л. Нидерле. Тот, например, ограничивал существование хорватского «государства» 560 г. и в то же время считал, что его упоминают арабские авторы (IX–X вв.) и Константин Багрянородный (X в.). Гачинский продлил существование хорватского краковского союза до рубежа VIII–IX вв., что уже вызывает сомнения. Имя хорватов в Повисленье неизвестно (хорваты на Висле у Л. Нидерле — результат недоразумения, неверного соотнесения с прародиной хорватов того, что говорил Константин о происхождении захлумских князей в Сербии — Нидерле, 2001. С. 76). Таким образом, княжество вислян IX в. мы можем воспринимать как некий осколок или ветвь хорватского племенного объединения, но едва ли как его главную часть. Не можем мы и сколько-нибудь уверенно отождествлять Краков с «городом Хурдаб (Хорват?)» восточных авторов.

https://RodnoVery.ru

663

Mistrz Wincenty. Kronika polski. Warszawa, 1992. S. 11–12.

https://RodnoVery.ru

664

Краков археологически не исследован, и время его основания достоверно не установлено. Однако Краку приписывается монументальный курган около города (Седов, 1995. С. 343). Курганный обряд захоронения появился в Малопольше во второй половине VII в. (Седов, 1995. С. 18).

https://RodnoVery.ru

665

Козьма Пражский 1962. Гл. 3. (С. 35).

https://RodnoVery.ru

666

Далимил (Staročeská kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1988. Kap. 3. 1–4) ограничился кратким упоминанием о Кроке, всецело основанным на известиях Козьмы. Как всегда, богат на дополнения к древним хроникам Гаек из Либочан (XVI в.), создавший из обрывков древних легенд и собственных домыслов подробную летопись времен Крока (Václav Hájek z Libočan. Kronika česká. Praha, 1981. S. 52–63). Он «установил» даже точную хронологию и датировал правление Крока 661–709 гг. К сожалению, из многочисленных дополнений лишь предание о справедливом суде Крока может действительно восходить напрямую к фольклору. Многочисленные топонимические предания нанизаны Гаеком на историю Крока, скорее всего, искусственно. История же дружбы-соперничества Крока и Леха, брата Чеха, — домысел самого Гаека, восходящий к хронике Пржибека Пулкавы (XIV в.). Именно этот хронист впервые заимствует у польских авторов легенду о братстве Чеха и Леха. Интересно, впрочем, что Гаек связывает с Кроком больше преданий о заселении страны, чем с Чехом. Именно к временам Крока отнесено открытие в Чехии полезных ископаемых. Он у Гаека приказывает расчистить лесные пространства под пашню, разведывает чешские земли. Это соответствует данным об окончательном освоении Чехии славянами лишь во второй половине VI в.

https://RodnoVery.ru

667

Turek R. Die frühmittelalterlichen Stammegebiete in Böhmen. Praha, 1957. S. 32.

https://RodnoVery.ru

668

Гаек связывал с Кроком как Кроков, так и Будеч близ Праги (Hajék 1981. S. 58). Возможно, это след каких-то подлинных преданий. Будеч — один из старейших культовых и политических центров чешских земель. Основан он, впрочем, на рубеже VIII–IX вв. (Седов, 1995. С. 313).

https://RodnoVery.ru

669

Например, польского князя Мешко в соглашении с папой о переходе Польши под его покровительство (Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 28).

https://RodnoVery.ru

670

Козьма Пражский 1962. Гл. 4 (С. 36).

https://RodnoVery.ru

671

Mistrz Wincenty 1992. S. 15–16; Великая хроника 1987. Гл. 1 (С. 58). Не вызывает никаких сомнений, что в данном случае речь идет о разных персонажах, а не об одном и том же «раздвоившемся» герое, что произошло в польских хрониках, например, с легендарным князем Лешко.

https://RodnoVery.ru

672

Mistrz Wincenty 1992. S. 12–15 (там же список литературы, в которой анализировалось предание о победе Крака над драконом — «Краковским Цмоком»). При любой исторической или мифологической интерпретации справедливой представляется точка зрения В.В. Иванова и В.Н. Топорова, рассматривающих предание как отражение славянского «основного мифа» о битве громовержца со змееобразным противником (Иванов — Топоров. Крак). Таковы же волынское предание о Радаре (где, кстати, фигурирует «змей Краговей») и приднепровские предания о Божьем Ковале. Притом они связаны и с конкретной историей. Предание о Краке и «Цмоке», вне сомнения, местное, краковское, и возвести его целиком к литературным образцам невозможно.

https://RodnoVery.ru

673

Mistrz Wincenty 1992. S. 16–18.

https://RodnoVery.ru

674

Козьма Пражский 1962. Гл. 9 (С. 45).

https://RodnoVery.ru

675

Константин Багрянородный называет прародину балканских сербов — с их слов — «Воики», что давно соотнесено с Богемией (Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1991. С. 140/141, 379). Соотнесение с карпатскими бойками (П. Шафарик) с точки зрения современной науки фантастично — названия бойков и их соседей лемков связаны с особенностями их говоров и родились в позднее средневековье (Этнография восточных славян. М., 1980. С. 107). Из «Белой Сербии» в «местности Воики», по Константину, сербы переселились на юг. Отсюда же, очевидно, шла и миграция будущих сорбов (рюсенской культуры) на север, в бассейн Эльбы — Заале. Соответственно, помещать первоначальную «Белую Сербию» следует на севере Чехии.

https://RodnoVery.ru

676

Константин Багрянородный 1991. С. 140/141. Русская летопись называет «белых хорватов» вместе с сербами и хорутанами (карантанцами в нынешних Каринтии и Словении), после чехов и мораван (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 6; Т. 38. С. 12).

https://RodnoVery.ru

677

Maur. Strat. XI. 4: 1–2.: Свод I. С. 368/369.

https://RodnoVery.ru

678

Maur. Strat. XI. 4: 1–2.: Свод I. С. 368/369.

https://RodnoVery.ru

679

Maur. Strat. XI. 4: 5.: Свод I. С. 368/369. «Поля» в качестве основного источника пропитания славян упомянуты у Менандра (Свод I. С. 320/321).

https://RodnoVery.ru

680

Седов, 1995. С. 20–21, 80.

https://RodnoVery.ru

681

Соотношение в костном материале 1:5 при общей доле в 12 % (Седов, 1995. С. 21).

https://RodnoVery.ru

682

Седов, 1995. С. 21.

https://RodnoVery.ru

683

Об этом упоминает Иоанн Эфесский в связи с нашествием 580-х гг. (Свод I. С. 278/279). Но из его известия с той же очевидностью следует, что до нашествия словене «табунами коней» не располагали. О появлении у словен конницы свидетельствуют находки сбруи, в том числе на удаленных от имперских границ пражско-корчакских поселениях (Седов, 1995. С. 23).

https://RodnoVery.ru

684

Maur. Strat. XI. 4: 5.: Свод I. С. 368/369. Об интерпретации отрывка см.: Цанкова-Петкова Г. Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на «Псевдо-Маврикий».// Известия на Института за българската история. София, 1957. Т. 7. С. 340–341; Свод I. С. 383.

https://RodnoVery.ru

685

Седов, 1995. С. 20.

https://RodnoVery.ru

686

См.: Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 295–297; Седов, 1995. С. 14, 28, 103.

https://RodnoVery.ru

687

См.: Седов, 1982. С. 12.

https://RodnoVery.ru

688

Находки в Зимно, Рипневе и других смешанных или пограничных с антами поселениях (Седов, 1995. С. 20). Находка в полесском Хотомеле, видимо, чуть более поздняя. В Чехии наральник происходит из клада железных изделий в Летех, который мог быть оставлен как славянами, так и германцами (Sklenář K. Památky pravěku na území ČSSR. Praha, 1974. S. 282–283; Седов, 1995. С. 20).

https://RodnoVery.ru

689

Седов, 1995. С. 21.

https://RodnoVery.ru

690

Maur. Strat. XI. 4: 7.: Свод I. С. 368/369.

https://RodnoVery.ru

691

Свод I. С. 278/279. На Иоанна Эфесского, сирийского церковного историка, стереотип изображения северных «варваров» влиял гораздо больше, чем на руководствовавшегося практическими целями Маврикия Стратега. См.: Свод I. С. 281–282, 283.

https://RodnoVery.ru

692

Maur. Strat. XI. 4: 38.: Свод I. С. 376/377. О бегстве славян в «чащи и укромные уголки леса» говорит и Менандр (Свод I. С. 320/321). Это же имеет в виду Иоанн Эфесский (Свод I. С. 278/279).

https://RodnoVery.ru

693

Maur. Strat. XI. 4: 43.: Свод I. С. 378/379.

https://RodnoVery.ru

694

Ср. комментарий В. В. Кучмы: Свод I. С. 391. Приводимые здесь подсчеты размера «хории» (от 4 до 5 км) чрезвычайно интересны, но не бесспорны, что признает и автор. Вместе с тем они совпадают с протяженностью, если так можно выразиться, «стандартного» словенского «гнездовья» по археологическим данным. См.: Седов, 1982. С. 13.

https://RodnoVery.ru

695

Maur. Strat. XI. 4: 7.: Свод I. С. 368/369. Общая характеристика Маврикием образа жизни славян как опасного и «разбойного» породила излишнюю, как представляется, дискуссию. П.Н. Третьяков (Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 160–162) и Б.А. Рыбаков (Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 52) высказывали мнение, что известие Маврикия может быть отнесено лишь к славянам непосредственно к северу от Дуная. Но, вопреки П.Н. Третьякову, Маврикий уже ничего не писал о «бродячем быте» славян. Что же касается общей картины быта славян в сравнительно небольших поселениях, то соответствующую картину мы наблюдаем по всему славянскому ареалу того времени. Напротив, в Придунавье быт славян был, несомненно, гораздо богаче и в известном смысле стабильнее, чем далеко на севере, куда не доходила задунайская добыча и где еще господствовало подсечное земледелие. К слову, в условиях аварского нашествия и внутрислявянских передвижений едва ли могла иметься вполне свободная от угрозы войны и межплеменного столкновения территория. Маврикий говорит об обычае зарывать клады в случае опасности; П.Н. Третьяков уверенно связал его с дунайским порубежьем. Эти места, несомненно, и были известны Маврикию — но славянские клады той эпохи раскопаны не здесь, а в Поднепровье и Южной Прибалтике. Что же до характеристики быта славян как «разбойного», то это просто клише, относящееся к «варварам»-врагам. Нет оснований не использовать известия Маврикия для характеристики всего антского и словенского ареалов.

https://RodnoVery.ru

696

См., например: Седов, 1995. С. 11.

https://RodnoVery.ru

697

Третьяков, 1953. С. 164–165.

https://RodnoVery.ru

698

Кухаренко, 1969. С. 125; Седов, 1995. С. 11–13.

https://RodnoVery.ru

699

Седов, 1982. С. 22; Седов, 1995. С. 71, 81. Отмечено также, что поздние антские жилища крупнее ранних (Седов, 1982. С. 22). Это, очевидно, отражает сохранение и разрастание больших семей.

https://RodnoVery.ru

700

Различные точки зрения на проблему происхождения «мартыновских» древностей: Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.// Советская археология. 1971. № 2. С. 118; Laslo G. études archéologiques sur l’histoire de la société des avars// Archaeologia Hungarica. 1955. V. 34; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 16; Седов, 1982. С. 25–26; Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье.// Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. В смысле хронологии клада особняком стояла точка зрения Б.А. Рыбакова, который датировал значительную часть вещей V — началом VI в., сам клад — серединой VI в. и приписывал мартыновские древности племени русов (Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 80–81).

https://RodnoVery.ru

701

Седов, 1982. С. 25–26; Седов, 1995. С. 76–78. В названных работах указывается, что пояса мартыновского типа «распространены достаточно широко и безусловно не являются отражением одного определенного этноса» (Седов, 1982. С. 26; Седов, 1995. С. 77). Вместе с тем, позднее В. В. Седов считает возможным относить мартыновские древности в Паннонии и на Балканах исключительно или преимущественно антам (Седов, 1995. С. 120–122, 130).

https://RodnoVery.ru

702

Седов, 1982. С. 33, 40–41.

https://RodnoVery.ru

703

Седов, 1982. С. 25–27, 72, 258.

https://RodnoVery.ru

704

Детальное исследование проблемы предпринял У. Фидлер (Fiedler U. Studien zu Graberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Teil 1–2. Bonn, 1992).

https://RodnoVery.ru

705

Седов, 2002. С. 216.

https://RodnoVery.ru

706

По мнению А.И. Айбабина, находки пальчатых фибул в Крыму — свидетельство торговых связей с Поднепровьем (Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003. С. 48). Иначе — Седов, 2002. С. 218–220 (все, особенно крымские находки рассматриваются как свидетельство расселения антов).

https://RodnoVery.ru

707

Федоров — Полевой, 1973. С. 295–297; Седов, 1995. С. 103.

https://RodnoVery.ru

708

Погребение черепа (остаток захоронения или жертвоприношение по черняховскому ритуалу) на поселении Ханска III; погребение женщины с пеньковским сосудом на черняховском могильнике в Данченах (плащ покойной был застегнут двумя пальчатыми фибулами, то есть по германской традиции) (Седов, 1995. С. 75).

https://RodnoVery.ru

709

См.: Седов, 1982. С. 112–113; Fiedler 1992. S. 74–91; Седов, 1995. С. 75–76 (в последней работе высказана точка зрения о более широком распространении трупоположений у антов, чем это фиксируется наличным археологическим материалом); Обломский 2002. С. 80 след. (теория особой «культуры раннесредневековых ингумаций»). Создатели данной культуры характеризуются А.М. Обломским как чересполосно живущее с антами смешанное «население» кочевнического и полиэтничного «черняховского» происхождения. При явной немногочисленности «населения» напрашивается версия — не идет ли речь просто об интернациональной дружинной прослойке, складывающейся в антском обществе и оставившей, в частности, клады с «мартыновскими» древностями? Ингумация вкупе с сохранением аланских, германских, отчасти тюркских бытовых традиций (наряду со славянскими) могла быть для этой группы своеобразным социальным маркером.

https://RodnoVery.ru

710

Седов, 1995. С. 275–276.

https://RodnoVery.ru

711

Седов, 1982. С. 18; Седов, 1995. С. 14–16.

https://RodnoVery.ru

712

Кухаренко, 1969. С. 125.

https://RodnoVery.ru

713

Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 12–13.: Свод II. С. 24/25.

https://RodnoVery.ru

714

Maur. Strat. XI. 4: 6.: Свод I. С. 368/369.

https://RodnoVery.ru

715

Maur. Strat. XI. 4: 8.: Свод I. С. 368/369.

https://RodnoVery.ru

716

Иоанн Эфесский — Свод I. С. 278/279 (прямое указание на военную добычу как главный источник «обогащения» славян).

https://RodnoVery.ru

717

Maur. Strat. XI. 4: 11.: Свод I. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

718

По Маврикию, славяне даже зимой «почти наги» (Maur. Strat. XI. 4: 19.: Свод I. С. 372/373).

https://RodnoVery.ru

719

Свод I. С. 278/279 (Иоанн Эфесский), 322/323 (Менандр. Fr. 63); Свод II. С. 14/15, 30/31 (Феофилакт Симокатта — I.7: 5–6; VII. 2: 2–4).

https://RodnoVery.ru

720

Маврикий специально инструктировал войска, чтобы они находились в славянских землях, «когда лес покрыт листвой» — это содействовало бы бегству от славян пленников: Maur. Strat. XI. 4: 36.: Свод I. С. 376/377.

https://RodnoVery.ru

721

Maur. Strat. XI. 4: 4.: Свод I. С. 368/369.

https://RodnoVery.ru

722

Maur. Strat. XI. 4: 31.: Свод I. С. 374/375.

https://RodnoVery.ru

723

Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 13.: Свод II. С. 22/23.

https://RodnoVery.ru

724

Maur. Strat. IX. 3: 1.: Свод I. С. 368/369.

https://RodnoVery.ru

725

Maur. Strat. XI. 4: 12.: Свод I. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

726

Maur. Strat. XI. 4: 30.: Свод I. С. 374/375.

https://RodnoVery.ru

727

Maur. Strat. XI. 4: 14.: Свод I. С. 371–374. Ср. еще характеристику словен у Иоанна Эфесского как «народа лживого» (Свод I. С. 278/279).

https://RodnoVery.ru

728

Maur. Strat. XI. 4: 30.: Свод I. С. 374/375.

https://RodnoVery.ru

729

Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 1.: Свод II. С. 22/23.

https://RodnoVery.ru

730

Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T. 1. Kraków, 1956. S. 180/181 («Китаб ал-махасил ва’л-аддад»).

https://RodnoVery.ru

731

Theoph. Sim. Hist. VI. 7: 5.: Свод I. С. 20/21; Benedicty R. Auf die frühslawische Gesellschaft bezügliche byzantische Terminologie// Actes du XII Congrès International des études Byzantines. Vol. 2. Beograd, 1964. P. 55.

https://RodnoVery.ru

732

Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 10.: Свод II. С. 40/41; Литаврин 2001. С. 521. Г.Г. Литаврин обратил также внимание на упоминание термина — во множественном числе — в одном из списков «Чудес святого Димитрия» (Литаврин, 2001. С. 520).

https://RodnoVery.ru

733

Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 13; 5: 4.: Свод II. С. 34/35.

https://RodnoVery.ru

734

Свод II. С. 98/99 («Чудеса св. Димитрия Солунского»).

https://RodnoVery.ru

735

Свод II. С. 98 — 101. Ср.: С. 185 (Прим. 10).

https://RodnoVery.ru

736

Maur. Strat. XI. 4: 39.: Свод I. С. 376/377.

https://RodnoVery.ru

737

ЭССЯ. Вып. 8. М., 1981. С. 193–194. Любопытно, что в старочешском развилось значение ‘разбойник’.

https://RodnoVery.ru

738

Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 10–16.: Свод II. С. 14–17. А. Коллауц полагал, что Феофилакт идеализировал образ жизни северных славян, отождествив их для себя с блаженными гипербореями античных мифов (Kollautz A. Die Idealisirung der Slawen bei Theophylakt als Beispiel seiner ethnographishen Darstellungweise// Rapports du III Congrès International d'Arhéologie slave. Vol. 2. Bratislava, 1980).

https://RodnoVery.ru

739

Кухаренко, 1969. С. 125; Donat 1975. S. 113–125; Седов, 1995. С. 47.

https://RodnoVery.ru

740

Седов, 1995. С. 45–46.

https://RodnoVery.ru

741

Седов, 1995. С. 46 (шпора VI в. в Бониково — наиболее ранний пример).

https://RodnoVery.ru

742

Седов, 1995. С. 43.

https://RodnoVery.ru

743

Кухаренко, 1969. С. 125; Historia kultury 1978. S. 203–204; Седов, 1995. С. 12, 41–43.

https://RodnoVery.ru

744

Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 15.: Свод II. С. 16/17.

https://RodnoVery.ru

745

Седов, 1995. С. 44–46.

https://RodnoVery.ru

746

Показательно, что один из типов керамики кривичей ранее рассматривался как близкий к пражскому (Седов, 1982. С. 51), ныне же В.В. Седов сближает его с суковско-дзедзицким (Седов, 1995. С. 213; Седов, 2002. С. 359).

https://RodnoVery.ru

747

См.: Кухаренко, 1969. С. 125; Седов, 1995. С. 43; данные о типах корчакской посуды см.: Седов, 1982. С. 10–12.

https://RodnoVery.ru

748

Седов, 1995. С. 43.

https://RodnoVery.ru

749

Нидерле, 2001. С. 201, 224. С этими обычаями феодальные владетели и проповедники христианства боролись вплоть до XIV в.

https://RodnoVery.ru

750

Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 10, 15.: Свод II. С. 14–17.

https://RodnoVery.ru

751

Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 12.: Свод II. С. 16/17. Феофан толкует их уже как «таксиархов» (воевод?) (Свод II. С. 254/255).

https://RodnoVery.ru

752

Седов, 1995. С. 43. Само их возникновение следует связывать, вероятно, с велетскими завоевательными войнами, речь о которых пойдет в следующей главе.

https://RodnoVery.ru

753

Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 12–13.: Свод II. С. 16/17. О кладах см.: Кухаренко, 1969. С. 124; Herrman J. Bysanz und die Slawen “am äußersten Ende des westlichen Ozeans”// Klio. Bd. 54. Berlin, 1972. S. 317–318.

https://RodnoVery.ru

754

Maur. Strat. XI. 4: 11.: Свод I. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

755

Свод I. С. 278/279 («не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лохиндиев, а именно это — метательные копья»).

https://RodnoVery.ru

756

Maur. Strat. XI. 4: 11.: Свод I. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

757

Об этом свидетельствует Иоанн Эфесский (Свод I. С. 278/279).

https://RodnoVery.ru

758

Добрята в изложении греческого историка говорит: «…пока существуют войны и мечи» (Свод I. С. 320/321). Б. Крекич и М. Томич (комментаторы фундаментального югославского издания «Византийские источники по истории народов Югославии») придают известию Менандра исключительное, как представляется, весьма преувеличенное значение. Меч становится в их интерпретации «основным» оружием славян. См.: Византиски извори на историју народа Југославије. Т. 1. Београд, 1955. С. 92. В качестве контраргумента И.А. Левинская и С.Р. Тохтасьев, работавшие с текстом Менандра в отечественном «Своде древнейших письменных известий о славянах», указывают, помимо известий других источников, на несомненную вымышленность речи. «Войны и мечи», согласно их толкованию, синонимическая пара, употребленная как чистая метафора. См.: Свод I. С. 350–351. Главным контраргументом все-таки является отсутствие археологических свидетельств. С другой стороны, Менандр адресовался своим современникам, воочию сталкивавшимся со словенами. Если у дунайцев действительно мечи никогда не встречались, то оборот, вложенный в уста их вождю, следует признать крайне неуклюжим и рискованным «украшательством» со стороны довольно тонкого стилиста Менандра.

https://RodnoVery.ru

759

ЭССЯ. Вып. 3. С. 55.

https://RodnoVery.ru

760

Это явно и имеет в виду Иоанн Эфесский, сообщая, что славянам наряду с оружием ромеев достались и «табуны лошадей» (Свод I. С. 278/279).

https://RodnoVery.ru

761

Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 11.: Свод I. С. 34/35.

https://RodnoVery.ru

762

Maur. Strat. XI. 4: 12–13.: Свод I. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

763

Maur. Strat. XI. 4: 28.: Свод I. С. 374/375.

https://RodnoVery.ru

764

Свод I. С. 362/363. Очевидно, он относит «антов и склавов» к тем, кто сражается «беспорядочно, рассеявшись, бесчинно, безначально».

https://RodnoVery.ru

765

Maur. Strat. XI. 4: 8, 13, 24, 33, 39.: Свод I. С. 369–377.

https://RodnoVery.ru

766

Maur. Strat. XI. 4: 10.: Свод I. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

767

ЧСД, 13.: Свод II. С. 113.

https://RodnoVery.ru

768

Maur. Strat. XI. 4: 10.: Свод I. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

769

Theoph. Sim. Hist. VI. 3: 9–4: 5.: Свод II. С. 16–19.

https://RodnoVery.ru

770

См.: Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 5–6, 11–12.: Свод II. С. 22/23, 24/25.

https://RodnoVery.ru

771

Agath. Hist. 21.: Агафий 1996. С. 200–201.

https://RodnoVery.ru

772

ЧСД, 145.: Свод II. С. 114/115.

https://RodnoVery.ru

773

Свод II. С. 84/85 (Феодор Синкелл).

https://RodnoVery.ru

Федоров — Полевой, 1973. С. 293–294.

https://RodnoVery.ru

775

Федоров — Полевой, 1973. С. 258.

https://RodnoVery.ru

776

Менандр пишет, что к 578 г. «издавна ромеи опустошались славянами», вследствие чего те обогащались (Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321). Едва ли те «мириады» пленников, о которых он говорит далее (Men. Hist. Fr. 63.: Свод I. С. 322/323), были захвачены только до 551 г., даже если учитывать нашествия 559 и 578 гг.

https://RodnoVery.ru

777

Федоров — Полевой, 1973. С. 297.

https://RodnoVery.ru

778

Он упоминал Добряту ранее фр. 48 (Свод I. С. 348. Прим. 61).

https://RodnoVery.ru

779

См. подробное изложение событий: Артамонов 2002. С. 156–157.

https://RodnoVery.ru

780

Менандр относит нашествие к четвертому году правления Тиверия в качестве кесаря, начавшемуся 7 декабря 577 г. (Fr. 47.: Свод I. С. 18/319, 340). Продолжалась война, как можно судить, не один месяц, но завершилась еще до лета 578 и восшествия на Тиверия на императорский престол осенью походом авар за Дунай. Некоторые исследователи (Максимовић Л. О хронологији словенски упада на византијску територију крајем седамдесетих и почетком осамдесетих година VI в.// Зборник радова Византолошког Института. Београд, 1964. Т. 8. Књ. 2. С. 267; Гимбутас 2003. С. 124–125; Литаврин, 2001. С. 561) сочли возможным датировать поход Баяна на словен началом собственного царствования Тиверия, то есть 578–579 гг. Однако, как справедливо указали И.А. Левинская и С.Р. Тохтасьев, это исключается, в первую очередь, прямым указанием на Тиверия как на кесаря в тексте фрагмента 48 (Свод I. С. 320/321, 344). Следует отметить, что начало славянского нашествия Л. Максимович все равно отнес к зиме 577 г. (Максимовић 1964. С. 264–267). Испанский хронист Иоанн Бикларский (Свод I. С. 396) датировал вторжение словен во Фракию 8 годом правления вестготского короля Леовигильда (576 г.). Но Иоанн датирует события по годам правления не только испанских королей, но и ромейских императоров. Очевидно, что для «восточных» событий определяющей является именно эта датировка. Нашествие отнесено им к десятому году Юстина, по видимости 574/5 (или 576/7 — Иоанн унаследовал ошибочную дату восшествия Юстина на престол от Виктора Тонненского — Свод I. С. 394). Однако 10-й год, по ошибочному мнению Иоанна, — последний год правления Юстина. Ясно, что, сводя информацию воедино, Иоанн вынужден был сгруппировать под ним все события до смерти Юстина и официального воцарения Тиверия — до осени 578 г. Таким образом, и он свидетельствует о том же самом славянском нашествии.

https://RodnoVery.ru

781

Men. Hist. Fr. 47.: Свод I. С. 318/319.

https://RodnoVery.ru

782

Men. Hist. Fr. 47.: Свод I. С. 318/319; Io. Bicl. A. 576.: Свод I. С. 396.

https://RodnoVery.ru

783

Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 318/319.

https://RodnoVery.ru

784

Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 318–321.

https://RodnoVery.ru

785

Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321.

https://RodnoVery.ru

786

Men. Hist. Fr. 48.: Свод I. С. 320/321.

https://RodnoVery.ru

787

Men. Hist. Fr. 63.: Свод I. С. 321/323.

https://RodnoVery.ru

788

Тиверий отказался от титула «Антский», позднее, в 582 г., когда Империя вновь воевала с аварами, восстановленного Маврикием (Свод I. С. 262). Ради заключения явно нового союза с антами в 580-х гг. Империи пришлось «подкупать» их (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца и Бар-Эбрея — Свод I. С. 284–286).

https://RodnoVery.ru

789

Это год свиньи (протоболг. дохс) по двенадцатилетнему дальневосточному циклу. Годом свиньи датировано восшествие «Гостуна наместника» в «Именнике болгарских князей» (Именник, 1981. С. 11). Проблема хронологии «Именника» более чем сложна, и указанная датировка не может считаться безусловной (см. указанное издание). Тем не менее использование двенадцатилетнего цикла у древних болгар сейчас уже не вызывает сомнений. Датировке 60-летнего правления преемника Гостуна, Куврата (Курта) по начало 640-х гг. едва ли можно предложить уверенную альтернативу. Преемник или второй преемник Куврата, хорошо известный Аспарух, также предводительствовал 60 лет — до рубежа VII/VIII вв. С учетом дат двенадцатилетнего цикла, датируем правление Гостуна 579–581 гг. Использование болгарами особого, отличного от китайского и тюркютского счета лет (например, чисто «лунного» года) ничем не доказывается. Не вполне ясно значение числовых определителей рядом с «животными» названиями годов в «Именнике». Обычно они толкуются как месяцы восшествия на престол. Но в дальневосточных традициях это номера годов по пересекающемуся с двенадцатилетним десятилетнему циклу. В первой части «Именника» (до Аспаруха) при сроке правления, кратном 10, «номера» при годах восшествия на престол правителя и его преемника совпадают. Что касается второй, балканской части, то здесь видим сбои и в двенадцатилетнем цикле. Не исключено, что ее в VIII в. составлял уже плохо разбиравшийся в древнеболгарской хронологии автор. К тому же в перечне балканских ханов, кажется, есть подчистки — вычеркнут, например, свергнутый хан Сабин. Однако возможно и иное толкование этого пропуска — перечень мог быть составлен именно при Сабине. Названный в нем последним хан Умор вообще не упомянут византийскими хронистами и мог являться просто кратковременным узурпатором в правление Сабина или прямо перед ним. Вообще, и «сбои» могут объясняться какими-то неизвестными нам деталями внутриболгарской жизни — например, соправительством некоторых ханов, — да и ошибками переписчиков.

https://RodnoVery.ru

790

Men. Hist. Fr. 63.: Свод I. С. 322/323.

https://RodnoVery.ru

791

Об имени см.: Свод II. С. 45–46.

https://RodnoVery.ru

792

Феофилакт вводит Ардагаста в повествование без всяких пояснений, возможно, как лицо, упоминавшееся у предшественника (Менандра) — Theoph. Sim. Hist. I. 7: 5.: Свод II. С. 14/15.

https://RodnoVery.ru

793

Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 1–6.: Свод II. С. 22/23.

https://RodnoVery.ru

794

Преемник (наследник?) Радогоста на Дунае, Пирогост, именуется лишь «филархом» и «таксиархом» (Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 13; 5: 4.: Свод II. С. 34/35). «Мусокий» недвусмысленно именуется «риксом» в отличие от Радогоста (Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 1.: Свод II. С. 22/23).

https://RodnoVery.ru

795

Об аварских грабежах во Фракии в последний год Юстина и первый год Тиверия (578–579) сообщает Иоанн Бикларский (Свод I. С. 397). Сведения об осаде столицы «со стороны Длинной стены», скорее всего, преувеличены или относятся к упомянутым далее военным действиям 3 года Тиверия (т. е. 580/581).

https://RodnoVery.ru

796

Men. Hist. Fr. 63.: Свод I. С. 322–325.

https://RodnoVery.ru

797

Война началась, когда аварские послы еще были в Константинополе (Men. Hist. Fr. 64.: Свод I. С. 323–326). Иоанн Эфесский относит начало нашествия к третьему году царствования Тиверия после смерти Юстина (Свод I. С. 278/279). Год этот начался в начале октября 580 г. Тем же годом Иоанн Эфесский датировал возведение моста и падение Сирмия. Л. Нидерле по недоразумению связал с этим нашествием сообщение Иоанна Бикларского о войне с аварами в третий год Тиверия, то есть о Сирмийской войне (Свод I. С. 396, 398; Нидерле, 2001. С. 91). О славянском нашествии Иоанн Бикларский сообщил под небывалым пятым годом Тиверия (умершего в 582 г. на четвертом году правления), очевидно, отмечая его кульминацию (Свод I. С. 396).

https://RodnoVery.ru

798

Men. Hist. Fr. 64.: Свод I. С. 326/327. Иоанн Эфесский говорит сперва об Элладе и Фессалониках и лишь затем о Фракии (Свод I. С. 278/279). Иоанн Бикларский называет Иллирик раньше Фракии (Свод I. С. 396).

https://RodnoVery.ru

799

Свод I. С. 278/279 (Иоанн Эфесский).

https://RodnoVery.ru

800

Men. Hist. Fr. 64.: Свод I. С. 324–327.

https://RodnoVery.ru

801

Именник, 1981. С. 11. Куврат (Курт) взошел на престол в год быка (протоболг. шегор) после двух лет правления Гостуна. Это соответствует 581 г. Вероятно, он был законным правителем болгар-оногур. Никифор, говоря о событиях 630-х гг., без пояснений называет Куврата племянником некоего Органа (Ур-хана?), ближе неизвестного. Может быть, Органа упоминал кто-то из предшественников Никифора либо его источник. О нем говорит еще коптский историк Иоанн Никиусский (Чичуров 1980. С. 161, 175), как раз и сообщающий о воспитании Куврата в Константинополе. Идентификации Органа с претендентом на власть у тюрок в VII в. Мохэду или тем более с Гостуном, отмеченные в науке, представляются некоторым насилием над реальными данными источников. Молодой возраст Куврата в момент восшествия на престол доказывается длительностью его правления — 60 лет.

https://RodnoVery.ru

802

Свод I. С. 398 (Иоанн Бикларский).

https://RodnoVery.ru

803

Свод I. С.278/279. Т. Олайош толкует как «Фессалию» (Олайош Т. К вопросу об истории заселения балканских земель славянами.// Oikoumene. Budapest, 1976. Vol. 1. P. 244–245).

https://RodnoVery.ru

804

Чудо 12 (Свод II. С. 96–101). О датировке см.: Свод II. С. 182 (Прим. 3). По большому счету, нет оснований думать, что в главах 12–15 «Чудес» нарушена хронологическая последовательность. А значит, нападение «варваров», описанное в 12-й главе, произошло ранее большой осады, которую мы склонны датировать 586 г. В связи с этой осадой Иоанн пишет: «никогда так близко не видели осаждающих врагов, и многим был незнаком даже вид их, кроме тех, кто был зачислен в воинские отряды, и тех, кто привык как-либо выступать против них с оружием далеко от города» (Свод II. С. 106/107; курсив наш). Итак, не только воины гарнизона, но и некоторые из горожан уже не раз имели дело со словенами, и в 586 г. те лишь впервые подступили к городу вплотную.

https://RodnoVery.ru

805

Свод II. С. 96–101.

https://RodnoVery.ru

806

Свод I. С. 278/279.

https://RodnoVery.ru

807

У Иоанна Бикларского «пятый год» (также последний) — Свод I. С. 398.

https://RodnoVery.ru

808

Свод I. С. 278/279 (Иоанн Эфесский), 398 (Иоанн Бикларский).

https://RodnoVery.ru

809

Падение крепости относится примерно к концу VI в. (Федоров — Полевой, 1973. С. 221). В письменных источниках о нем не говорится.

https://RodnoVery.ru

810

Свод I. С. 278/279.

https://RodnoVery.ru

811

Седов, 1995. С. 157, 162.

https://RodnoVery.ru

812

Седов, 1995. С. 162.

https://RodnoVery.ru

813

Седов, 1995. С. 157, 160, 162.

https://RodnoVery.ru

814

Седов, 1995. С. 162.

https://RodnoVery.ru

815

Об этом прямо пишет Иоанн Эфесский: «благодаря тому, что царь [Маврикий] был занят персидской войной и все свои войска посылал на восток» — Свод I. С. 278/279.

https://RodnoVery.ru

816

Точная датировка из «Хронографии» Феофана, которая здесь не зависит от Феофилакта Симокатты, нашего основного источника сведений об аваро-ромейских войнах времен Маврикия. Войны 583–586 гг. описаны Феофилактом: Theoph. Sim. Hist. I. 3–8. См. перевод С.П. Кондратьева: Феофилакт Симокатта. История. М., 1996. С. 12–21. Относительно хронологии аваро-славянских вторжений существуют разные версии (Kollautz A., Miyakawa H. Geschichte und Kultur eines völkerwanderungszeitlichen Nomadenvolkes. Bd. 1. Klagenfurt, 1970; Olajos Th. Les sources de Théophylacte Simocatta Historien. Leiden, 1988; Whitby M. The emperor Maurice and his Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan warfare. Oxford, 1988). Представляется, что хронология должна основываться на свидетельствах Феофилакта с учетом Феофановой даты; свидетельства других источников и тем более те свидетельства Феофана, которые всецело восходят к Феофилакту, но иначе датированы, должны привлекаться уже после установления общей канвы. По Феофилакту, мир с аварами был заключен перед вступлением Маврикия на престол (лето 582 г.) и продержался «не больше двух лет» (больше одного года?). В мае 583 г., как мы помним, произошел разрыв отношений, и «летом», в пору сбора урожая (в конце лета — начале осени 583 г.), каган напал на Сингидун. Спустя три месяца то ли после начала войны, то ли после взятия Анхиала (в конце 583-го или в первых месяцах 584 г.) имели место неудачные переговоры с каганом послов Элпидия и Коментиола. «На следующий год» второму посольству Элпидия удалось добиться мира — неясно, еще в 584-м или уже в начале 585-го. Войну со словенами Радогоста (Свод II. С. 12–15) следует, видимо, датировать летом — осенью 585 г. (Olajos, 1988. P. 168). Это самый слабый элемент хронологии, но представляется, что дата достаточно четко определяется дальнейшими указаниями на времена года. Той же осенью (585 г.) вновь стали обостряться отношения с аварами. Посольство кагана (тогда же? весной 586?) было задержано на полгода, и в 586 г. авары вновь вторглись в Империю. Кампания 587 г., в которой ромейскими войсками командовал Коментиол, уже вполне точно датирована синхронными событиями Персидской войны и подробно описана Феофилактом (II. 10: 8–17: 13). События, известные из иных источников, теперь сравнительно легко распределяются по годам. Так, не вызывает сомнений, что Евагрий под

https://RodnoVery.ru

двумя вторжениями авар до Длинных Стен (Euagr. Hist. Eccl. VI. 10: 21; ср.: Свод I. С. 287, 342) имеет в виду войны 583–584 гг. (когда были захвачены названные им Сингидун и Анхиал) и 586–587 гг. Столь же очевидно, что Иоанн Эфесский в изложении Михаила Сирийца (Свод I. С. 284/285) и Бар-Эбрея (Свод I. С. 286/287) описывает первую из этих войн — он прямо говорит о взятии Анхиала (см.: Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. М., 2000. С. 315–316, где для 582–583 гг. дан расчет, с которым в целом совпал и наш). Наконец, хорошо встраивается сюда и осада Фессалоник словенами в сентябре 586 г. (ЧСД, гл. 8, 13–15.: Свод II. С. 102–125). Неудачное посольство кагана, о котором Иоанн, автор Первого собрания «Чудес», сообщил вначале, — то же, что и задержанное посольство у Феофилакта. Для второй возможной даты событий из ЧСД — 597 г., таких четких параллелей не находим, потому присоединяемся к точке зрения исследователей, датировавших осаду 586 г. — Ф. Баришича (Баришић Ф. Чуда Димитрија Солунског као историски извор. Београд, 1953. С. 57–67), П. Лемерля (Lemerl, 1981. P. 69–73), О.В. Ивановой (Свод II. С. 186–187) и др.

https://RodnoVery.ru

817

Свод I. С. 284–287 (Иоанн Эфесский).

https://RodnoVery.ru

818

Об этом прямо говорит Иоанн Эфесский применительно к словенам и, что примечательно, лангобардам — «они также были в подчинении у хагана, царя авар» (Михаил Сириец: Свод I. С. 284/285); «они пришли в подчинение к хакану» (Бар-Эбрей: Свод I. С. 286/287). Ему вторит Иоанн из Фессалоник («весь народ был ему тогда подвластен» — ЧСД, 117.: Свод II. С. 102/103).

https://RodnoVery.ru

819

Theoph. Sim. Hist. VI. 3: 9.: Свод II. С. 16/17 (словене в окрестностях Сингидона); VI. 11: 6.: Свод II. С. 28/29 (какие-то придунайские племена, скорее в низовьях).

https://RodnoVery.ru

820

Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 17.: Свод II. С. 28/29 (однозначно имеются в виду дунайцы Радогоста). Но ср. VII. 15: 14 (Свод II. С. 38/39) — при юридическом оформлении отношений с ромеями каган четко отделяет нижнедунайских словен от авар. Как представляется, недаром в первом отрывке каган еще именует себя «владыкой всякого народа» (VI. 11: 8.: Свод II. С. 28/29).

https://RodnoVery.ru

821

«Аварские» наконечники стрел найдены в Сэрата-Монтеору (Федоров — Полевой, 1973. С. 296). Славянские и аварские захоронения на землях каганата и в Греции с трудом могут быть различены; у славян здесь также преобладают трупоположения (ср.: Седов, 1995. С. 109 след., 158–159). Наконец, поздние, X в., греческие авторы (Монемвасийская хроника, Константин Багрянородный) уже прямо отождествляют авар и словен в Греции и Далмации — Свод II. 328/329; Константин Багрянородный 1991. С. 110/111.

https://RodnoVery.ru

822

Theoph. Sim. Hist. I. 4: 1–4.: Феофилакт 1996. С. 14; Свод I. С. 284–287 (Иоанн Эфесский). Иоанн пишет о взятии объединенным войском трех народов «двух городов» еще до Анхиала. Он имеет в виду, конечно, Сингидун и Виминакий — наиболее серьезные успехи кагана. То же нашествие имеет в виду Евагрий (Euagr. Hist. Eccl. VI. 10: 21.: Свод I. С. 342), — но не отделяет его от событий 586–587 гг., характеризуя ситуацию в целом.

https://RodnoVery.ru

823

Об этом сообщает Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца: Свод I. С. 284/285.

https://RodnoVery.ru

824

Седов, 1995. С. 129, 131.

https://RodnoVery.ru

825

Свод I. С. 284/285 (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца). Взятие Коринфа произошло между вторжением в Мезию и взятием Анхиала. О бегстве жителей на Эгину сообщает Монемвасийская хроника: Свод II. С. 328/329. Об археологических свидетельствах см.: Седов, 1995. С. 166. Евагрий (Euagr. Hist. Eccl. VI. 10: 21.: Свод I. С. 342) пишет в единой связке о захвате «Сингидуна, Анхиала и всей Эллады». Но поскольку он в целом повествует о событиях 583–584 и 586–587 гг., нет уверенности, что он имеет в виду именно коринфский поход, а не сокрушительное вторжение словен и авар на Пелопоннес в 587 г.

https://RodnoVery.ru

826

Седов, 1995. С. 159, 160, 166. Мнение о возвращении Коринфа Империей уже к 587 г. высказали А. Коллауц и Х. Миякава (Kollautz — Miyakawa, 1970. S. 284–285). Но это, скорее всего, ошибка. Монемвасийская хроника, на которую в этой связи ссылаются, ясно говорит о бегстве коринфян в 580-е гг. на Эгину и о наличии власти Империи «от Коринфа до Малеи» к рубежу VIII/IX в., но не ранее. Сообщает хроника, кстати, и о бегстве жителей Аргоса (также восточный Пелопоннес) (Свод II. С. 328/329). Восточная часть Пелопоннеса была гораздо больше разорена в конце VI в., чем западная (Седов, 1995. С. 166). Одно это указывает на невозможность интерпретировать сведения хроники о ее «свободе от славян» как относящиеся ко времени нашествия.

https://RodnoVery.ru

827

Основание Монемвасии спартанцами Монемвасийская хроника относит, кажется, к 587 г., но к тому же времени там относится и бегство коринфян (Свод II. С. 328/329). Поздняя (XVII в.) греческая «малая хроника» позволяет отнести заселение крепости к 582/3 г. (Свод II. С. 338). Наконец, патриарх Николай III и вслед за ним Исидор прямо связывают бегство из Спарты с падением Коринфа под ударом «оногуров» (Свод II. С. 340). О времени реального основания Монемвасии см.: Kalligas H. A. Byzantine Monemvasia. The sources. Monemvasia, 1990. P. 23–38.

https://RodnoVery.ru

828

Свод I. С. 262. Титул упоминается еще в императорском письме 584 г.

https://RodnoVery.ru

829

Свод I. С. 284/285 (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца). Ср.: Свод I. С. 286/287 (Бар-Эбрей). Иоанн Эфесский помещает разоренную антами страну словен «на запад от реки, называемой Данубис». Считать эту область реально «западной», допустим, Паннонией было бы по меньшей мере странно — откуда тогда выступили анты? Представляется, что Иоанн, сириец, живший в Малой Азии и Константинополе, оценивал как «западные» все земли на запад от дельты Дуная. Для человека средневековья стороны света определялись не столько показаниями компаса, сколько направлением движения в соответствующую страну. Северо-запад, да и просто север от «западной» реки легко превращались в «запад».

https://RodnoVery.ru

830

Иоанн Эфесский (Свод I. С. 284/285, 286/287) следует в своем изложении за словенами, Феофилакт (1996. С. 14–15) — за главными силами кагана. Объединить все действия «варваров» попытался в своей краткой суммарной характеристике лишь Евагрий Схоластик.

https://RodnoVery.ru

831

Свод I. С. 284/285 (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца); Theoph. Sim. Hist. I. 4: 4.: Феофилакт, 1996. С. 15.

https://RodnoVery.ru

832

Theoph. Sim. Hist. I. 4: 4–5.: Феофилакт, 1996. С. 15.

https://RodnoVery.ru

833

Свод I. С. 284/285 (Иоанн Эфесский у Михаила Сирийца).

https://RodnoVery.ru

834

Theoph. Sim. Hist. I. 4: 6–6: 3.: Феофилакт, 1996. С. 15–18.

https://RodnoVery.ru

835

Свод I. С. 278/279.

https://RodnoVery.ru

836

Theoph. Sim. Hist. I. 6: 4–6.: Феофилакт, 1996. С. 18–19.

https://RodnoVery.ru

837

Приток славян в будущую Хорутанию (Карантанию) с востока относится примерно к 580-м гг. (Grafenauer, 1978. С. 298–312). К середине 590-х гг. альпийские словене уже зависели от кагана (Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 10.: Свод II. С. 484/485). Ср.: Седов, 1995. С. 274–276.

https://RodnoVery.ru

838

Slovenska ljudska pripoved. Ljubjana, 1966. S. 42. Упоминается о неудачных попытках поселиться на «берегу Черного моря», в Польше, в Германии. Все это, видимо, отражает не реальные факты, а географические и климатические познания сказителя.

https://RodnoVery.ru

839

Slovenska ljudska pripoved. S. 29–30 (предания «Пес Марко» и «Аттила»; см. также примечания к текстам — S. 112). Предания об Аттиле изначально, вероятно, принадлежали не славянскому, а местному романскому фольклорному фонду.

https://RodnoVery.ru

Седов, 1995. С. 275–276. Возможно, со словенами здесь смешивались и авары (в одном из захоронений конца VI в. найдены стремена, что характерно для кочевников).

https://RodnoVery.ru

841

Известно о гепиде-христианине, жившем в племени Мусокия (Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 13.: Свод II. С. 22/23).

https://RodnoVery.ru

842

Седов, 1995. С. 166.

https://RodnoVery.ru

843

Theoph. Sim. Hist. I. 7.: Свод II. С. 12–15. Феофан (Свод II. С. 254/255) всецело зависит здесь от Феофилакта, вкратце повторяя сведения источника.

https://RodnoVery.ru

844

Theoph. Sim. Hist. I. 7: 1–3.: Свод II. С. 12/13.

https://RodnoVery.ru

845

Theoph. Sim. Hist. I. 7: 3–4.: Свод II. С. 12–15.

https://RodnoVery.ru

846

Theoph. Sim. Hist. I. 7: 5–6.: Свод II. С. 14/15.

https://RodnoVery.ru

847

Theoph. Sim. Hist. I. 8.: Феофилакт, 1996. С. 20–21.

https://RodnoVery.ru

848

ЧСД, 117.: Свод II. С. 102/103.

https://RodnoVery.ru

849

ЧСД, 117–118, 126.: Свод II. С. 102–105, 106–109. По оценке Иоанна, это было «самое большое войско, какое можно видеть в наши времена». Однако агиограф Иоанн, не в пример историку Менандру, писавшему о нашествии 577 г., с долей скепсиса отнесся к цифре в 100 000 воинов («постичь истину было нельзя, мнения видевших разделились»). Он предпочитает просто подчеркивать численное превосходство врага («если кто-либо представил бы себе не только всех македонцев, но и фессалийцев и ахейцев собранными тогда вместе в Фессалонике, то не получилось бы и ничтожнейшей части тех, кто окружил город снаружи»). Впрочем, огромная численность нападавших подтверждается характером использовавшихся ими осадных орудий — для их быстрого (не более суток) строительства и использования требовалась не одна тысяча человек; использовались же орудия по всей протяженности стен Фессалоники.

https://RodnoVery.ru

850

ЧСД, 125, 136.: Свод II. С. 106/107, 110/111.

https://RodnoVery.ru

851

ЧСД, 118.: Свод II. С. 104/105.

https://RodnoVery.ru

852

ЧСД, 119, 121.: Свод II. С. 104/105

https://RodnoVery.ru

853

ЧСД, 120–121, 136.: Свод II. С. 104–107, 110/111. Иоанн полагает, что безвестным воином был сам святой Димитрий Солунский; на стенах же в виду горожан появились «неизвестные воины, и притом такие, каких никто в городе никогда не видел».

https://RodnoVery.ru

854

ЧСД, 124, 127–128.: Свод II. С. 106/107, 108/109.

https://RodnoVery.ru

855

ЧСД, 122–124, 137.: Свод II. С. 106/107, 110–113.

https://RodnoVery.ru

856

ЧСД, 138.: Свод II. С. 112/113.

https://RodnoVery.ru

857

ЧСД, 139, 146, 151.: Свод II. С. 112/113, 114/115, 116–119.

https://RodnoVery.ru

858

ЧСД, 138, 139.: Свод II. С. 112/113.

https://RodnoVery.ru

859

ЧСД, 138, 139, 145–146.: Свод II. С. 112/113, 114/115

https://RodnoVery.ru

860

ЧСД, 137, 139.: Свод II. С. 112/113. О раздельном использовании провианта можно сделать вывод из упоминания, что позже осаждавшие «грабили друг друга» (ЧСД, 158, 160.: Свод II. С. 120/121, 122/123).

https://RodnoVery.ru

861

ЧСД, 136, 143.: Свод II. С. 110/111, 112–115.

https://RodnoVery.ru

862

ЧСД, 147–148.: Свод II. С. 114–117.

https://RodnoVery.ru

863

ЧСД, 154.: Свод II. С. 120/121.

https://RodnoVery.ru

864

ЧСД, 151, 153.: Свод II. С. 118/119.

https://RodnoVery.ru

865

ЧСД, 151–153.: Свод II. С. 118–121.

https://RodnoVery.ru

866

ЧСД, 155.: Свод II. С. 120\\121. Об идентификации упомянутых Иоанном «Иноратских» ворот см.: Свод II. С. 190. Прим. 64.

https://RodnoVery.ru

867

ЧСД, 163.: Свод II. С. 122/123.

https://RodnoVery.ru

868

ЧСД, 69, 137.: Свод II. С. 112/113, 124/125.

https://RodnoVery.ru

869

ЧСД, 157.: Свод II. С. 120/121.

https://RodnoVery.ru

870

ЧСД, 157.: Свод II. С. 120/121.

https://RodnoVery.ru

871

ЧСД, 157.: Свод II. С. 120/121.

https://RodnoVery.ru

872

ЧСД, 159–160.: Свод II. С. 120–123.

https://RodnoVery.ru

873

ЧСД, 161.: Свод II. С. 122/123. Так изображали Димитрия Солунского.

https://RodnoVery.ru

874

ЧСД, 163.: Свод II. С. 122/123.

https://RodnoVery.ru

875

ЧСД, 69.: Свод II. С. 124/125.

https://RodnoVery.ru

876

См.: Седов, 1995. С. 339.

https://RodnoVery.ru

877

Евагрий (Свод I. С. 342) приписывает разорение «всей Эллады» в 583–584 или 586–587 гг. аварам, но его очерк событий предельно обобщен. В Монемвасийской хронике вторжение в Элладу описывается как «второе вторжение» аварского кагана, а Пелопоннес захватывают «авары». Но далее авары внезапно превращаются в славян (Свод II. С. 328/329). Наконец, в «Схолии Арефы», который использовал близкие с Монемвасийской хроникой источники, захватчики именуются только славянами, а об аварах нет ни слова (Свод II. С. 348/347). Константин Багрянородный, рассказывая о борьбе со славянами Пелопоннеса в трактате «Об управлении Империей», также вообще не упоминает авар.

https://RodnoVery.ru

878

Свод II. С. 328/329 (Монемвасийская хроника), 346/347 (Схолия Арефы); Гимбутас, 2003. С. 126; Седов, 1995. С. 165 (археологическими подтверждениями нашествия служат массовые опустошения в названных областях).

https://RodnoVery.ru

879

Монемвасийская хроника и Арефа датируют захват Пелопоннеса шестым годом Маврикия (14 августа 587 — 14 августа 588 г.) (Свод II. С. 328/329, 346/347). Монемвасийская хроника при этом справедливо уточняет — 6096 г. от сотворения мира (1 сентября 587 — 31 августа 588 г.). Патриарх Николай III (XI в.), называя тот же срок владычества иноплеменников на Пелопоннесе (218 лет), ошибочно датировал его начало 589 г. (Нидерле, 2001. С. 60).

https://RodnoVery.ru

880

Свод II. С. 328/329. Идентификацию с нынешним островом Рови см.: Kresten O. Zur Echtheit des Kaisers Nikephoros I für Patras// Römische historische Mitteilungen. Rom — Wien, 1977. Hf. 19. S. 49–50. Х. Каллигас полагает, что Аргос пал лишь во второй половине VII в., когда в нем прекратилась жизнь эллинов (Kalligas 1990. P. 29). Но славяне могли захватывать город и дважды.

https://RodnoVery.ru

881

Свод II. С. 328/329, 346/347. Некоторые исследователи предполагают, что Патры вообще не захватывались словенами (Kresten 1977. S. 52; Свод II. С. 336. Прим. 11). Основания — свидетельство Константина Багрянородного о большой роли Патр как опорного пункта Империи в начале IX в. (Константин Багрянородный, 1991. С. 216/217). Это действительно противоречит известиям местных хроник о восстановлении Патр лишь после победы над славянами в указанное время. По Константину, та война началась как раз с осады Патр. Но все это имеет отношение к истории начала IX, а не конца VI в. По большому счету, нет оснований датировать «выселение» Патр (сколько бы оно не продолжалось на самом деле) иначе, чем порой словенского нашествия 587–588 гг. Нет оснований отрицать и временный захват города словенами. В целом, впрочем, западная часть Пелопоннеса не пострадала (Седов, 1995. С. 166). Словене пришли сюда позже и, видимо, относительно мирно (находки в Олимпии, относящиеся к VII в. — Седов, 1995. С. 158–159, 162).

https://RodnoVery.ru

882

Свод II. С. 328/329. См. также: Седов, 1995. С. 166. Известие о падении Аргоса и археологические данные противоречат утверждению местных хронистов о сохранении Империей «восточной части Пелопоннеса от Коринфа до Малеи» — если относить это утверждение к концу VI, а не к началу IX в.

https://RodnoVery.ru

883

Свод II. С. 328/329 («напав… на Пелопоннес, они овладели им силой и, отбросив и унизив благородные эллинские народы, поселились на нем сами»), 346/347 («изгнали и унизили природные эллинские племена, а сами поселились»). Еще более сгустил краски патриарх Николай III (218 лет здесь «ни один ромей не смел появляться» — Нидерле, 2001. С. 60, 91).

https://RodnoVery.ru

884

Не считая раннего (из древнегреческого) заимствования *medь, в вышедших томах ЭССЯ отмечены два относительно бесспорных, и притом общеславянских заимствования: *bolenъ ‘вид рыбы’ (от греч. ‘кит’ — ЭССЯ. Вып. 2. С. 172), *kadь ‘кадь’ (ЭССЯ. Вып. 9. С. 112–113). К ним можно гипотетически добавить еще одно: *čąbrъ ‘чабрец’ (ЭССЯ. Вып. 4. С. 101–102). Наконец, слово *nedělʼa ‘воскресенье’ — калька с греческого слова со значением ‘нерабочий день’ (ЭССЯ. Вып. 24. С. С. 115–117). Даже при известной неполноте выборки ясен случайный и редкий характер заимствований. Их число несопоставимо даже с числом заимствований из кочевнических языков (иранских и тюркских), не говоря уже о языках германских и романских. Что касается славянских заимствований в новогреческих диалектах (Малингудис Ф. За материалната култура на раннославянските племена в Гръция.// Исторически преглед. Т. XLI. Кн. 9–10. София, 1985. С. 64–71; Malingoudis Ph. Frühe slawische Elemente im Namensgut Griechenland // Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert. München, 1987. S. 53–65), то они связаны с ассимиляцией славян греками начиная с IX в., когда на Пелопоннесе установился относительный мир.

https://RodnoVery.ru

885

Константин Багрянородный, 1991. С. 24/225, 440–441 (примечания Г.Г. Литаврина).

https://RodnoVery.ru

886

Свод II. С. 328/329. Иногда подозревают славянское происхождение этнонима «цаконы» (См. примечания Г.Г. Литаврина: Свод II. С. 337–338).

https://RodnoVery.ru

887

Ср.: Седов, 1995. С. 129, 131, 158–159, 162.

https://RodnoVery.ru

888

Помимо заимствований в новогреческих диалектах, свидетельство тому — мощный пласт славянской топонимики на Пелопоннесе (Malingoudis 1987).

https://RodnoVery.ru

889

Об этом свидетельствует состав заимствований в греческий язык (Малингудис 1985).

https://RodnoVery.ru

890

Свод II. С. 328/329,

https://RodnoVery.ru

891

Константин Багрянородный, 1991. С. 220/221.

https://RodnoVery.ru

892

Таких имен известно немало, некоторые (Милеш, Милята, Милик, Миливой, Миляй, *Milьсь) со смягченным — л-. Ср. еще белорусскую фамилию «Милевич». См. ЭССЯ. Вып. 19. С. 32–49.

https://RodnoVery.ru

893

Константин Багрянородный, 1991. С. 220/221, 435 (Прим. 16).

https://RodnoVery.ru

894

Находка «антской» пальчатой фибулы (Седов, 1995. С. 159–160).

https://RodnoVery.ru

895

Константин Багрянородный, 1991. С. 220/221; Georgakis D. The Medieval Names Milingi and Ezeritas of Slavic Groups in the Peloponesus// Byzantinische Zeitschrit. Bd. 49. München, 1950. S. 327–330. В IX в. под давлением ромеев езеричи сместились к северу, обосновавшись на труднодоступном восточном склоне Тайгета, тогда как милинги отошли на западный (Константин Багрянородный, 1991. С. 220/221).

https://RodnoVery.ru

896

Константин Багрянородный, 1991. С. 224/225.

https://RodnoVery.ru

897

Константин определяет положение Майны именно относительно Езера, употребляя при этом славянское название: «у грани Малеи, по ту сторону Эзера по направлению к приморью» (Константин Багрянородный, 1991. С. 225).

https://RodnoVery.ru

898

См.: Феофилакт, 1996. С. 50–63.

https://RodnoVery.ru

899

Theoph. Sim. Hist. III.4: 7.: Свод II. С. 14/15.

https://RodnoVery.ru

900

По Фоме, в завоевании Далмации участвовали три племени: готы, приведенные ими «лингоны» (они же славяне), хорваты («куреты»), причем последние будто бы уже жили в Далмации и лишь позже смешались с «лингонами» (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 35–36, 240). Писавший на три столетия ранее Константин Багрянородный говорит о двух враждебных друг другу волнах завоевателей — аваро-славянах («славянские… племена, которые называются также аварами») и хорватах (Константин Багрянородный, 1991. С. 110–113, 128–131, 136/137). Славяне, пришедшие с аварами, несомненно, тождественны «лингонам» Фомы. Позже, с VII в., они действительно смешались с хорватами.

https://RodnoVery.ru

901

Фома Сплитский, 1997. С. 35/240.

https://RodnoVery.ru

902

Лингоны — древнее кельтское племя. См.: Фома Сплитский, 1997. С. 159–160 (комментарий О. А. Акимовой). Непосредственным источником для образования формы «лингоны» могло послужить венгерское lengyen ‘лендзяне, поляки’ (См.: ЭССЯ. Вып. 15. С. 44). Далмация в XIII в. входила в состав Венгерского королевства. Доказательством участия лендзян во вторжениях авар в Иллирик может служить сербохорватский топоним Ledan (ЭССЯ. Вып. 15. С. 44).

https://RodnoVery.ru

903

Константин Багрянородный, 1991. С. 110/111, 128/129.

https://RodnoVery.ru

904

Константин Багрянородный, 1991. С. 110/111, 128/129, 363 (прим. 9).

https://RodnoVery.ru

905

Фома Сплитский, 1997. С. 35/240.

https://RodnoVery.ru

906

Константин Багрянородный, 1991. С. 110/111, 128/129. В первом случае он даже говорит о «безоружных племенах». Впрочем, другой вариант объясняет это тем, что мужчины в момент нападения ромеев из Клиса «находились в военном походе».

https://RodnoVery.ru

907

По словам славянских послов, которые уже в октябре 590 г. попали в руки ромеев после пребывания в ставке кагана, дорога туда заняла у них пятнадцать месяцев (Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 13.: Свод II. С. 16/17). Аварские послы, пробиравшиеся по неизведанным землям, едва ли потратили намного меньше времени.

https://RodnoVery.ru

908

Theoph. Sim. Hist. VI. 2: 10–16.: Свод II. С. 14–17. В науке долго господствовало скептическое отношение ко всей этой истории. Л. Нидерле, к примеру, определил повествование славян как «явную отговорку трех захваченных разведчиков, и к тому же перифразу древних сообщений о гетах» (Нидерле, 2001. С. 46). Археологические исследования последних десятилетий, однако, подтвердили факт подкупа поморской знати монетами Маврикия — то есть деньгами, которые каган получал в качестве откупа с ромеев (Herrman 1972). Тот же факт, что племена по Нижней Одре — поморяне и брежане — не откликнулись на призыв кагана, можно подтвердить их отсутствием на Балканах, в отличие от ободричей, смолян и стодорян. То, что славянские послы льстили Маврикию и преувеличивали миролюбие своего племени (о чем шла речь выше), не доказывает лживости всего рассказа. По большому счету, есть основания доверять всей канве изложенных фактов.

https://RodnoVery.ru

909

Annales regni Francorum. Hannover, 1895. A. 824.

https://RodnoVery.ru

910

Нидерле, 2001. С. 89.

https://RodnoVery.ru

911

Нидерле, 2001. С. 75.

https://RodnoVery.ru

912

Historia kultury 1978. S. 26, 35, 38.

https://RodnoVery.ru

913

Седов, 1995. С. 51–54.

https://RodnoVery.ru

914

Седов, 1995. С. 52–53 (погребальные памятники неизвестны, что сопоставимо с суковским материалом — венеды разбрасывали останки умерших на поверхности).

https://RodnoVery.ru

915

Седов, 1995. С. 52.

https://RodnoVery.ru

916

Herrmann J. Zu den kulturgeschichtlichen Würzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters // Slovenska archeologia. Bratislava, 1978. T. XXVI. S. 19–28.

https://RodnoVery.ru

917

Седов, 1995. С. 51, 54.

https://RodnoVery.ru

918

Седов, 1995. С. 52 (карта).

https://RodnoVery.ru

919

Седов, 1995. С. 43.

https://RodnoVery.ru

920

Седов, 1995. С. 47.

https://RodnoVery.ru

921

Седов, 1995. С. 51–52, 54.

https://RodnoVery.ru

922

Седов, 1995. С. 54.

https://RodnoVery.ru

923

Веселовский А. Н. Русские и вильтины в «Саге о Тидреке Бернском». СПб., 1906.

https://RodnoVery.ru

924

Веселовский 1906. С. 134–135.

https://RodnoVery.ru

925

Веселовский 1906. С. 136–138.

https://RodnoVery.ru

926

Седов, 1982. С. 66.

https://RodnoVery.ru

927

См., например: Федотов Г. П… Стихи духовные. М., 1991. С. 125–128; Былины. Русский музыкальный эпос. М., 1981. С. 470–471, 479–485; Голубиная книга. М., 1991. С. 34–48.

https://RodnoVery.ru

928

К этому времени относится его первая запись — «Повесть о царе Волоте Волотовиче» (Известия отделения русского языка и словесности. СПб., 1913. Вып. 18. Ч. 1. С. 78–81).

https://RodnoVery.ru

929

См., напр.: Федотов, 1991. С. 65 след.; Селиванов Ф.М. Русские народные духовные стихи. М., 1993. С. 23; Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология.// Славянская мифология. С. 14.

https://RodnoVery.ru

930

Wilzi — латинская форма, смешивающая, видимо, самоназвание «велеты» и славянское слово «волки» (так, возможно, велетов называли враждебные соседи — ободричи). Форма «лютичи» появилась в X в. и несомненно как-то перекликается с традиционным для славянского фольклора образом «лютого зверя» (ср.: ЭССЯ. Вып. 15. С. 225).

https://RodnoVery.ru

931

Основаниями для датировки, как представляется, должны служить указание у Феофилакта на девятый год правления Маврикия (14 августа 590 — 13 августа 591 гг.) и на солнечное затмение (5 октября 590). Феофан описывает поход к Анхиалу именно под октябрем 590 г. Вместе с тем Феофилакта можно понять так, что поход произошел после окончания Персидской войны (то есть не ранее осени 591 г.) и, следовательно, после затмения 19 марта 592 г. Феофан, в результате, повторяя Феофилакта, дважды на основании разных источников описывает одно и то же предприятие Маврикия. См. о походе: Theoph. Sim. V. 16-VI. 3.: Феофилакт 1996. С. 156–162; Свод II. С. 14–17 (фрагмент о славянах), 47–48 (прим. 24). Ср. также Свод II. С. 254/255 (рассказ о славянах у Феофана).

https://RodnoVery.ru

932

У Феофилакта назван правивший с 596 г. Теодорих. Конечно, прав П. Шрайнер, считающий, что Феофилакт смешал его с отцом — Хильдебертом (Theophylaktos Simokates. Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 325–326). Высказанная немецким исследователем идея о двух франкских посольствах к Маврикию интересна, хотя, как кажется, необязательна. Во всяком случае, нет нужды на базе одного известия о посольстве «Теодориха» ломать всю хронологическую сетку 590-х гг., стягивая под одни даты события явно разных лет, как поступали некоторые исследователи (Labuda G. Chronologie des guerres de Bysanze contre les Avares et les Slaves a la fin du VI s.// Byzantinoslavica. Prague, 1950. Vol. 11, № 2; Duket T. A. A study in Byzantine historiography. Boston, 1980. P. 34–65).

https://RodnoVery.ru

933

Письмо папы Григория I Великого коринфскому епископу, где речь идет об объезде последним своей епархии, датируется 591 г. См. Свод II. С. 337 (прим. 21).

https://RodnoVery.ru

934

Следуем здесь, как и с анхиальским походом, датировке П. Шрайнера (Theophylaktos, 1985. S. 326). Вопрос о дальнейшей хронологии Феофилакта чрезвычайно запутан. В науке встречаются разные определения дат, в том числе оригинальная версия Лабуды — Дакета, о которой речь шла выше. Ср. также: Феофилакт 1996. С. 262 след.; Вернадский 2000. С. 199–202. Как представляется, расчеты, лежащие в основе датировок П. Шрайнера и С. А. Иванова (Свод II. С. 149 след.) наиболее соответствуют букве источника и немногочисленным параллельным сведениям других авторов.

https://RodnoVery.ru

935

Theoph. Sim. Hist. VI. 3: 9.: Свод II. С. 16/17.

https://RodnoVery.ru

936

«Чего не сделает страх перед поставленными начальниками», — замечает о словенском усердии Феофилакт (Theoph. Sim. Hist. VI. 4: 5.: Свод II. С. 18/19).

https://RodnoVery.ru

937

Theoph. Sim. Hist. VI. 4: 1–3.: Свод II. С. 16–19.

https://RodnoVery.ru

938

Theoph. Sim. Hist. VI. 4: 4–5.: Свод II. С. 18/19.

https://RodnoVery.ru

939

Theoph. Sim. Hist. VI. 4–6.: Феофилакт 1996. С. 163–166; Свод II. С. 18/19.

https://RodnoVery.ru

940

Paul. Diac. Hist. Lang IV. 7.: Свод II. С. 482/483. Для франков Тассило оставался «герцогом», но для своих подданных — и для писавшего спустя два столетия лангобарда Павла Диаконы — был королем. Ср.: Свод II. С. 492–494. О локализации битвы см.: Там же. С. 494. Прим. 6.

https://RodnoVery.ru

941

Theoph. Sim. Hist. VI. 6: 2; 7: 1.: Свод II. С. 18/19.

https://RodnoVery.ru

942

О союзе местных славян с дунайцами свидетельствует их нападение на ромеев в ходе последующей кампании (Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 3.: Свод II. С. 20/21)

https://RodnoVery.ru

943

Theoph. Sim. Hist. VI. 6: 2; 7: 1.: Свод II. С. 18/19. События описывает также Феофан (Свод II. С. 256–259), всецело следующий здесь Феофилакту.

https://RodnoVery.ru

944

Theoph. Sim. Hist. VI. 6: 7 — 14.: Свод II. С. 18/19; Свод II. С. 256/257 (Феофан). «Геты» — ученое обозначение словен, которое Феофилакт использует и в других местах.

https://RodnoVery.ru

945

Theoph. Sim. Hist. VI. 7: 1.: Свод II. С. 18/19.

https://RodnoVery.ru

946

Theoph. Sim. Hist. VI. 7: 1–4.: Свод II. С. 20/21.

https://RodnoVery.ru

947

Theoph. Sim. Hist. VI. 7: 5–8: 3, 8.: Свод II. С. 20/21. Татимера часто считают славянином (Феофилакт 1996. С. 263 — «крещеный славянин, перешедший на византийскую службу»). Но такие данные отсутствуют в источниках. Имя же «Татимер (Тадимер)» — явно германское (Свод II. С. 51. Прим. 53).

https://RodnoVery.ru

948

Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 9–10; 9: 1.: Свод II. С. 20–23.

https://RodnoVery.ru

949

Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 9–13.: Свод II. С. 20–23. Любопытно, что Феофан Исповедник, признавая религиозную мотивацию действий гепида, вместе с тем дает им однозначную этическую характеристику — «предательство» (Свод II. С. 256/257).

https://RodnoVery.ru

950

Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 14–9: 4.: Свод II. С. 22/23.

https://RodnoVery.ru

951

Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 5–6.: Свод II. С. 22/23. У Феофилакта говорится о 30 гребцах, а Феофан вообще сильно сокращает эту историю. Представляется, что «30» — ошибка. Представить наличие двух гребцов в каждой лодке более вероятно, чем одного гребца на пять лодок; к тому же нелепым выглядит выставление против тридцати спящих словен в дальнейшем ста или тем более двухсот ромеев.

https://RodnoVery.ru

952

Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 7–12.: Свод II. С. 24/25. Дальнейшая судьба перебежчика-гепида, строго говоря, неизвестна. Однако Феофилакт, кажется, отождествляет его с гепидом, арестованным вскоре в Константинополе. Гепид оказался бывшим императорским гвардейцем, во время анхиальского похода 590 г. убившим одного из свитских с целью грабежа. Изобличенного убийцу бросили на растерзание зверям, а останки сожгли (Theoph. Sim. Hist. VI. 10: 4–17: Феофилакт, 1996. С. 176–178).

https://RodnoVery.ru

953

Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 12–13.: Свод II. С. 24/25.

https://RodnoVery.ru

954

Theoph. Sim. Hist. VI. 9: 14–15.: Свод II. С. 24/25.

https://RodnoVery.ru

955

Ср.: Свод II. С. 51. Прим. 54

https://RodnoVery.ru

956

Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 3–8.: Свод II. С. 20/21.

https://RodnoVery.ru

957

Theoph. Sim. Hist. VI. 8: 8.: Свод II. С. 20/21.

https://RodnoVery.ru

958

Źródła 1956. S. 180/181 («Китаб ал-мухасил ва’л-аддад», IX в.). Это арабское сочинение говорит, возможно, с преувеличением, о «сорока славянских царях».

https://RodnoVery.ru

959

Theoph. Sim. Hist. VI. 10: 1.: Свод II. С. 24/25.

https://RodnoVery.ru

960

Theoph. Sim. Hist. VI. 10: 1–3.: Свод II. С. 24–27.

https://RodnoVery.ru

961

Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 2–4.: Свод II. С. 26/27.

https://RodnoVery.ru

962

Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 5–6.: Свод II. С. 28/29.

https://RodnoVery.ru

963

Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 7–17.: Свод II. С. 28/29.

https://RodnoVery.ru

964

Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 18–21.: Свод II. С. 28/29.

https://RodnoVery.ru

965

Theoph. Sim. Hist. VI. 11: 2, 21.: Свод II. С. 26/27, 28/29.

https://RodnoVery.ru

966

Т. Дакет отождествил Радогоста с оплакивавшимся братом «Мусокия», который, по его мнению, на самом деле остался жив (Duket, 1980. P. 344). Как верно отметил С.А. Иванов, «вряд ли данная гипотеза обоснована» (Свод II. С. 54. Прим. 76).

https://RodnoVery.ru

967

У греческих авторов — Πειράγαστος. Об имени см.: Свод II. С. 59. Прим. 121.

https://RodnoVery.ru

968

То, что Пирогост являлся преемником Радогоста, а не просто другим словенским вождем, доказывается не только этим. Ставка его, судя по известию Феофилакта (VII. 4–5.: Свод II. С. 32–37), находилась в тех же областях между Дунаем, Арджешем и Яломицей, что и ставка Радогоста. Как и Радогост, он не титуловался «риксом», будучи лишь «таксиархом» — общим воеводой дунайского племенного союза.

https://RodnoVery.ru

969

Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 2.: Свод II. С. 32/33.

https://RodnoVery.ru

970

Предание об этих распрях сохранилось у Масуди (Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870. С. 138).

https://RodnoVery.ru

971

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 15.: Свод II. С. 30/31.

https://RodnoVery.ru

972

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 2.: Свод II. С. 30/31. Разоренные крепости, видимо, названы у Феофилакта в неверной последовательности («разорив Залдапу, Акис и Скопис»). Акис расположен близ Дуная, а как раз неподалеку от Залдапы ромеи столкнулись со словенами. Исследователи почти единогласно сомневаются в достоверности известия о словенском рейде, точнее о его масштабах. Предполагается, что имеются в виду какие-либо неизвестные нам Акис и Скопис вне Дакии (особенно это касается Скописа — Duket, 1980. P. 117; Феофилакт, 1996. С. 264; Акис как дакийский город упоминался у Феофилакта ранее), иначе — что Феофилакт механически внес в текст перечень городов, подвергшихся разным славянским набегам (The History of Theophylact Simocatta. Oxford, 1986. P. 180; Свод II. С. 56). Считается, что столь масштабные действия одного небольшого отряда невероятны. При этом, как представляется, не учитываются два обстоятельства. Во-первых, первоначальная численность словен нам неизвестна. Под стенами каждой из взятых (а может, и из невзятых) крепостей они оставляли какое-то число соратников. Во-вторых, лишь втрое больший словенский отряд в 550 г. произвел страшное опустошение во Фракии, разгромил превосходящую ромейскую армию и создал угрозу для столичного округа — об этом рассказывает Прокопий. В данном случае масштабы и успешность словенских действий гораздо скромнее.

https://RodnoVery.ru

973

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 1–2.: Свод II. С. 28–31. Параллельный текст Феофана о походе Петра — Свод II. С. 260–263. Автор «Хронографии», кажется, вновь всецело следует Феофилакту, местами неверно толкуя его текст (так, он растягивает события на два года) и переставляя факты местами. Хронология действий Петра остается спорной. Так, Г.В. Вернадский полагал, что он действительно командовал войсками несколько лет (Вернадский, 2000. С. 201). Ср.: Свод II. С. 60. Прим. 127. Как представляется, в таких допущениях нет нужды. Петр не удалялся от Дуная дальше, чем Приск, которому нескольких лет не потребовалось. Действия же его на территории Империи просто не могли занять нескольких лет.

https://RodnoVery.ru

974

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 2–9.: Свод II. С. 30/31.

https://RodnoVery.ru

975

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 10–14.: Свод II. С. 30/31. У Феофилакта речь идет о «местах нахождения славян». Таковые и Феофилактом, и Маврикием Стратегом (Свод I. С. 372/373) всегда помещаются за Дунаем. Но Феофилакт не упоминает ни здесь, ни далее о переправе Петра через Дунай. Видимо, правы М. и Л. Уитби, связывающие это умолчание с явной неблагожелательностью историка к стратигу (The History, 1986. P. 185). В «Истории» Петр — невольный злой гений своего талантливого и благочестивого брата, основной виновник его падения. Образ стратига рисуется преимущественно в темных тонах. Феофан, кажется, отнес первую переправу за Дунай ко времени до ранения Петра (Свод II. С. 260/261). К сожалению, в тексте лакуна, и нельзя судить, пользовался ли автор «Хронографии» оригинальными источниками. Во всяком случае, картина, рисуемая Феофилактом, выглядит более или менее логично. Хронология устанавливается на основе упоминания дня святого Луппа (23 августа), проведенного стратигом в Новах (Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 17.: Свод II. С. 32/33).

https://RodnoVery.ru

976

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 15.: Свод II. С. 30/31. Обрывок текста «Хронографии» Феофана можно понять так, что Петр небезуспешно воевал со славянами. Сохранился лишь конец фразы: «и вернулись, завладев множеством пленных, в ромейские края» (Свод II. С. 260/261). Но нет уверенности, что это не интерпретация каких-то сведений Феофилакта. Предшествующий рассказ обрывается на словах об истреблении словенами пленников. Если далее содержались оригинальные сведения о задунайском походе, то следует предполагать утрату слишком большого фрагмента. Вообще, судя по изменениям в дальнейшем тексте, Феофану просто показалось нелогичным, что Маврикий ввиду угрозы отозвал стратига из-за Дуная. Но на самом деле в условиях децентрализации словен одни могли отбиваться от Петра, а другие — атаковать лимес, что Маврикий прекрасно понимал. Аналогичные опасения попали и в его «Стратегикон» (XI. 4: 21.: Свод I. С. 372/373).

https://RodnoVery.ru

977

Theoph. Sim. Hist. VII. 2: 16 — 3: 1.: Свод II. С. 30–33.

https://RodnoVery.ru

978

Theoph. Sim. Hist. VII. 3.: Свод II. С. 30/31; Феофилакт, 1996. С. 182–183.

https://RodnoVery.ru

979

Феофилакт и следующий ему Феофан о переправе не говорят ничего. Однако далее Феофилакт упоминает Иливакий (Яломицу) (Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 6.: Свод II. С. 34/35), а значит, дело происходит уже к северу от Дуная. Уитби (The History, 1986. P. 183) и С. А. Иванов (Свод II. С. 58–59) пришли к логичному выводу, что опущенная Феофилактом переправа через Дунай предшествовала описываемой дальше встрече с болгарами.

https://RodnoVery.ru

980

Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 1–6.: Свод II. С. 32/33.

https://RodnoVery.ru

981

Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 6–7.: Свод II. С. 32/33.

https://RodnoVery.ru

982

Теоретически это мог бы быть и Олт (Свод II. С. 59. Прим. 119). Но от Олта невозможен безводный марш к Иливакию (Яломице), о котором Феофилакт рассказывает далее — на пути не мог не попасться Арджеш. Предполагать, что Петр настолько оторвался от Дуная, что оставил Арджеш к югу, невероятно. Помимо прочего, это противоречит хронологическим указаниям Феофилакта. Очевидно, Олт был форсирован ранее, и об этом Феофилакт умолчал, как и о пересечении Дуная.

https://RodnoVery.ru

983

Theoph. Sim. Hist. VII. 4: 8–13.: Свод II. С. 32–35.

https://RodnoVery.ru

984

Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 1–5.: Свод II. С. 34/35.

https://RodnoVery.ru

985

Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 6.: Свод II. С. 34/35. Маврикий, возможно, именно в этой связи предостерегал от доверия проводникам-перебежчикам (Strat. XI. 4: 30.: Свод I. С. 374/375).

https://RodnoVery.ru

986

Вероятно, именно экспедицию Петра имеет в виду Маврикий как источник негативных примеров в «Стратегиконе»: XI. 4: 24, 26, 34, 39.: Свод I. С. 372–377.

https://RodnoVery.ru

987

Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 6–10.: Свод II. С. 34–37.

https://RodnoVery.ru

988

Theoph. Sim. Hist. VII. 5: 10.: Свод II. С. 36/37.

https://RodnoVery.ru

989

Византиски извори 1955. С. 137.

https://RodnoVery.ru

990

Maur. Strat. XI. 4: 15–26.: Свод I. С. 372–375.

https://RodnoVery.ru

991

Maur. Strat. XI. 4: 36.: Свод I. С. 376/377.

https://RodnoVery.ru

992

Maur. Strat. XII. B. 20: 1.: Свод I. C. 380/381.

https://RodnoVery.ru

993

Maur. Strat. XI. 4: 33–35.: Свод I. С. 374–377.

https://RodnoVery.ru

994

Maur. Strat. XI. 4: 32.: Свод I. С. 374/375.

https://RodnoVery.ru

995

Maur. Strat. XI. 4: 30–31.: Свод I. С. 374/375.

https://RodnoVery.ru

996

Maur. Strat. XI. 4: 15–26.: Свод I. С. 376–381.

https://RodnoVery.ru

997

Theoph. Sim. Hist. VII. 7: 1–3.: Свод II. С. 36/37; Свод II. С. 262/263 (Феофан). В описании аварских войн Феофан более самостоятелен от Феофилакта. Он мог пользоваться как общими с ним, так и собственными источниками, где события этих важных для Империи конфликтов описывались подробнее. Вся хронология войны немало обязана свидетельству Феофана о мартовской Пасхе (Свод II. С. 266/267). Таковая отмечена в 598 г. (Свод II. С. 304).

https://RodnoVery.ru

998

Theoph. Sim. Hist. VII. 7: 3–5.: Свод II. С. 36/37; Свод II. С. 262–265 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

999

Свод II. С. 264/265 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1000

Свод II. С. 38, 264/265.

https://RodnoVery.ru

1001

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 10.: Свод II. С. 484/485.

https://RodnoVery.ru

1002

Свод II. С. 39, 266/267.

https://RodnoVery.ru

1003

Свод II. С. 39, 267.

https://RodnoVery.ru

1004

Theoph. Sim. Hist. VII. 15: 12–13.: Свод II. С. 38/39.

https://RodnoVery.ru

1005

О погибших пленных — главном грехе Маврикия за все его правление — сообщает Феофан Исповедник (Свод II. С. 266–269). Феофилакт, пристрастный к императору, предпочитает умолчать. Но и он говорит об увеличении дани на 20 тысяч номисм (VII. 15: 14.: Свод II. С. 38/39). У Феофана — 50 тысяч (Свод II. С. 267).

https://RodnoVery.ru

1006

Свод II. С. 38–39, 268.

https://RodnoVery.ru

1007

По Феофилакту, в последнем сражении в плен попало 8000 славян и 9200 представителей других племен — в том числе лишь 3000 авар (VIII. 3: 15.: Свод II. С. 40/41).

https://RodnoVery.ru

1008

Об этом есть упоминание в послании Каллинику римского папы Григория I Великого (IX. 154.: Свод II. С. 351). Папа вспоминает о происшедшем и в следующем году, в послании епископу Салонскому Максиму (X. 15.: Свод II. С. 351).

https://RodnoVery.ru

1009

У Константина Багрянородного (Константин, 1991. С. 110/111, 128/129) описываются события, непосредственно предшествовавшие аваро-словенскому вторжению в приморскую Далмацию. Приход словен в окрестности Салоны датируется на основании послания Григория Великого Максиму (Свод II. С. 351) 600 годом. Обе версии, передаваемые Константином, основаны на устной традиции далматинских романцев. По одной (Константин, 1991. С. 110/111) «римляне» безнаказанно нападали на аваро-славян «многие годы». Другая версия (Там же. С. 128/129) более внятна и достоверна. Она говорит об однократном набеге и ответе противника на следующий год. В ней авары не рисуются «безоружным» народом, и в целом нарисованная картина лучше соответствует реальной ситуации.

https://RodnoVery.ru

1010

Константин не делает различий между славянами и аварами («славянские безоружные племена, которые называются также аварами», «славяне, они же авары» — Константин, 1991. С. 111). Во втором отрывке славяне не упомянуты вовсе. Фома Сплитский, пользовавшийся той же далматинской традицией, но на месте, четко отделяет славян («лингонов») от «готов» (Фома, 1997. С. 35/240).

https://RodnoVery.ru

1011

Константин, опираясь на фольклор, пытается создать впечатление, что ромеи ничего не знали о народе, жившем за рекой (Константин, 1991. С. 128/129) или даже о самом его существовании (Там же. С. 110/111). Но в другом месте он сам признает, что стража отправлялась к Саве (у него — к Дунаю) как раз против авар (Константин, 1991. С. 128/129).

https://RodnoVery.ru

1012

Свод II. С. 39, 268–269. О «других варварах», не упоминаемых Феофилактом, сообщил Феофан. Оба называют цифру — 30 000 убитых. Это выглядит как преувеличение «победы». Едва ли средняя численность жителей гепидского или даже гепидо-словенского «селения» превышала 10000 человек, как можно заключить из этого. Разве что на праздник собрались многие тысячи гостей со всего края? Но праздновать так в военное время было бы верхом беспечности.

https://RodnoVery.ru

1013

Theoph. Sim. Hist. VIII. 3: 13–15.: Свод II. С. 40/41; Свод II. С. 268/269 (Феофан). Анастасий Библиотекарь, латинский переводчик Феофана, ошибочно говорит всего о 800 славянах (текст греческой «Хронографии» здесь испорчен). То, что это ошибка, подтверждается свидетельством «Библиотеки» патриарха Фотия, также перелагающего Феофилакта (Свод II. С. 307. Прим. 219). Авар было захвачено 3000. Феофилакт и Фотий говорят о 4000 «да еще» 2200 «других варваров». Анастасий здесь точнее, выделяя гепидов. Но, согласно ему, речь должна идти о 3200 гепидах и «2000 варваров». К последним относятся болгары, может быть, лангобарды и др.

https://RodnoVery.ru

1014

Theoph. Sim. Hist. VIII. 4.: Свод II. С. 40/41; Свод II. С. 268–271 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1015

Theoph. Sim. Hist. VIII. 4: 9.: Свод II. С. 40/41.

https://RodnoVery.ru

1016

Поход Апсиха против антов (Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 13.: Свод II. С. 42/43), захват аварским флотом «острова во Фракии» (Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 20; см. Свод II. С. 494. Прим. 10) — очевидно, дунайской дельты. Эти действия предпринимались в интересах словен, но без их непосредственного участия — через территорию «Склавинии».

https://RodnoVery.ru

1017

Письмо папы Григория Максиму Салонскому (X. 15.: Свод II. С. 351) датируется июлем. О словенах упоминалось в письме Максима в Рим, на которое и отвечает Григорий.

https://RodnoVery.ru

1018

Константин Багрянородный, 1991. С. 110–113, 128/129.

https://RodnoVery.ru

1019

Константин Багрянородный, 1991. С. 112/113, 130/131. Константин явно слил воедино легенды о захвате Салоны и прикрывавшего ее Клиса. Во второй версии легенды Клис не упоминается вообще.

https://RodnoVery.ru

1020

Greg. Reg. Epist. X. 15.: Свод II. С. 351.

https://RodnoVery.ru

1021

Фома Сплитский, 1997. С. 35–36, 240.

https://RodnoVery.ru

1022

Greg. Reg. Epist. X. 15.: Свод II. С. 351.

https://RodnoVery.ru

1023

Свод II. С. 41 (Феофилакт), 270/271 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1024

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 24.: Свод II. С. 484/485. Хронология Павла Диакона чрезвычайно сбивчива, а проверить ее трудно. События могут датироваться и 601, и 602 г. (Свод II. С. 494. Прим. 9). Вероятнее последняя дата — это год открытого нарушения мира между аварами и Империей согласно Феофилакту и Феофану.

https://RodnoVery.ru

1025

Седов, 1995. С. 323.

https://RodnoVery.ru

1026

Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 8 — 11.: Свод II. С. 40–43; Свод II. С. 270/271 (Феофан). Текст Феофана здесь опять сильно зависит от Феофилакта, содержа при этом отдельные искажения источника.

https://RodnoVery.ru

1027

Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 12.: Свод II. С. 42/43.

https://RodnoVery.ru

1028

Theoph. Sim. Hist. VIII. 5: 13.: Свод II. С. 42/43.

https://RodnoVery.ru

1029

Едва ли что-то иное, кроме изрезанной руслами дельты, может быть сочтено «островом во Фракии» (Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 20). Захват датируется временем вскоре после 600 г. Поставить его в связь с походом Апсиха естественнее всего.

https://RodnoVery.ru

1030

Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 1.: Свод II. С. 42/43.

https://RodnoVery.ru

1031

Феофан, сократив и невольно исказив текст Феофилакта, пишет: «Хаган отправил Апсиха с полчищами, чтобы он погубил племя антов как союзное ромеям. Когда это случилось, часть варваров перешла к ромеям» (Свод II. С. 270/271). Читая Феофилакта, понимаем, что «случилась» лишь отправка Апсиха, а «часть варваров» — мятежные авары. Но поскольку имя антов в источниках не упоминается после 602 г., часть исследователей сочла, будто Феофана следует понимать иначе, и Апсих в той или иной степени выполнил свою миссию. Так считают, например, П. Шрайнер (Theophylaktos, 1985. S. 357), Л. Вальдмюллер (Waldmüller L. Die ersten Begegnungen Slawen mit dem Christentum und den christischen Völkern vom VI. bis VIII. Jahrhundert. Amsterdam, 1976. S. 162). Но многие исследователи сомневались в справедливости этого вывода (Нидерле, 2001. С. 152–153; Avenarius, 1974. S. 162). Детальный критический разбор дан в статье Г. Г. Литаврина (пересмотревшего прежнюю точку зрения — Литаврин, 2001. С. 203–204) «О походе аваров в 602 г. против антов» (Литаврин 2001. С. 568–578). Мнение об «уничтожении» антов противоречит археологическому материалу (Седов, 1982. С. 28). Хочется, однако, отметить, что несостоявшийся поход Апсиха отнюдь не исключает возможности последующих, возможно, более успешных аварских экспедиций против антов — после 602 г., когда те остались наедине с каганатом.

https://RodnoVery.ru

1032

Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 1.: Свод II. С. 42/43.

https://RodnoVery.ru

1033

Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 2.: Свод II. С. 42/43. Рассказывает о событиях и Феофан (Свод II. С. 270–273).

https://RodnoVery.ru

1034

Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 3.: Свод II. С. 42/43.

https://RodnoVery.ru

1035

Theoph. Sim. Hist. VIII. 6: 7–10.: Свод II. С. 42/43; Свод II. С. 272/273 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1036

Маршруты славянской миграции на Балканах на основе топонимических данных намечены в работе: Заимов Й. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967.

https://RodnoVery.ru

1037

Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 228. В болгарской приписке к Хронике говорится: «При Анастасии царе начали болгары захватывать землю эту, перейдя в Бдыне, и прежде начали захватывать равнинную землю Охридскую, а потом эту землю всю». В приписке имеются в виду набеги кочевых болгар из Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья на Фракию, начавшиеся действительно при Анастасии, в конце 490-х гг. Они достаточно подробно описаны в византийских источниках. Болгарская приписка восходит к известию греческого хрониста XII в. Зонары, однако интерпретация сведений о болгарских набегах как начале процесса «поимания» страны принадлежит, конечно, болгарскому автору. Далее, ни в одном византийском источнике в связи с этими событиями не упомянут Бдын (Видин, Бонония). Город находится гораздо выше по Дунаю, чем традиционное место болгарских переправ ближе к дельте. Однако именно в этом районе, против Олтении, нередко переправлялись славяне. С учетом упоминания «Охридской земли» можно заключить, что здесь отражается именно славянское переселение начала VII в. Интересен в этой связи образ болгарского «исхода». В сознании христианизированного народа, и тем более христианских книжников, древнее переселение неизбежно ассоциировалось с библейским сюжетом. Мы видим это уже в богомильской «Апокрифической летописи» XI в., где в роли Моисея выступил другой библейский персонаж — Исайя, «жезлом показующий» «куманам» (здесь — кочевые болгары) путь на новую родину. В приписках к «Хронике» перед нами другой фрагмент — и иной, более «славянизированный» вариант — того же переселенческого эпоса об «исходе». Если в «Апокрифической летописи» слияние воспоминаний о приходе славян в конце VI — начале VII. и приходе болгар около 680 г. можно только угадывать, то здесь это слияние очевидно. В эпоху Второго царства славяне, перешедшие во Фракию в районе Видина, уже воспринимались (в местном ли предании или в общепринятой и общеизвестной традиции) как болгары. Более того, встретив первое упоминание о древних, кочевых болгарах у Зонары, болгарский летописец не усомнился отождествить его с известным ему преданием об «исходе».

https://RodnoVery.ru

1038

Патканов К. Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 226. 1883. С. 27.

https://RodnoVery.ru

1039

Наиболее убедительна для последнего названия этимология Ф. Малингудиса (от *Velejezdъ) (Malingoudis Ph. Studien zu den slawischen Ortsnamen Griechenlands. Bd. 1. Wiesbaden, 1981. S. 149–150). Четких альтернатив не предложено. О войничах см.: Български етимологически речник. Т.1. София, 1962. С.173.

https://RodnoVery.ru

1040

Это отразилось, помимо археологических данных, в некоторой пестроте грамматики и словарного состава южнославянских языков. См.: Славянские языки. М., 1995. С. 19.

https://RodnoVery.ru

1041

Это племенное объединение во главе с северами упоминается в связи с нашествием болгар Аспаруха около 680 г. у Феофана (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 278/279). О вхождении северов в союз «Семь родов» см. там же, комм. 319. С. 314–315. Название «семь родов» могло и не отражать никакого конкретного числа. Выделение северов вкупе с длительным сохранением в Болгарии предания о вожде Славе (ср. имя северского князя Славун — Свод II. С. 284/285), указывает, как представляется, на лидерство этого племени в союзе. Смутная память о распаде старых и выделении новых «родов» после переправы через Дунай видна в болгарском народном предании об основании Видина. Названия Гамзиграда, Костольца, Кулы и Видина производятся здесь от имен мифических героев — двух братьев и двух сестер. Они «вместе жить не могли» и потому основали отдельные крепости (Българско народно творчество. Т. 11. София, 1963. С. 450).

https://RodnoVery.ru

1042

Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 243.

https://RodnoVery.ru

1043

Федоров — Полевой, 1973. С. 248, 250.

https://RodnoVery.ru

1044

Свод II. С. 357.

https://RodnoVery.ru

1045

Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. М., 1995. С. 339.

https://RodnoVery.ru

1046

Седов, 1995. С. 162.

https://RodnoVery.ru

1047

Седов, 1995. С. 166–167.

https://RodnoVery.ru

1048

В написанном примерно в 30-х гг. VIII в. «Житии Панкратия» (Свод II. С. 333).

https://RodnoVery.ru

1049

Судя по «Армянской географии», едва ли не единственному нашему источнику (Патканов, 1883. С. 27). И археологический материал, и письменные источники согласны в том, что выступающие там как второй этап нашествия действия в Далмации и Элладе происходили уже при Ираклии.

https://RodnoVery.ru

1050

Подчеркивание этого, судя по Апокрифической летописи, стало довольно важным элементом самосознания болгар после падения Первого царства в XI в. — болгары занимают «землю Карвунскую» (Добруджу), которую до того «запустили греки и римляне», «опустевшую от эллинов за 130 лет» (Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 281).

https://RodnoVery.ru

1051

Седов, 1995. С. 99 — 100.

https://RodnoVery.ru

1052

Память об этих событиях сохранило местное далматинское предание, передаваемое Фомой Сплитским: Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1987. С. 30–31/240–241. Фома в отличие от Константина Багрянородного четко отличает авар («готов») от славян-лендзян («лингонов»). Однако вместе с тем для него (в отличие от Константина) аваро-славянское нашествие уже слилось с хорватским завоеванием Далмации, а хорваты отождествились с античными куретами, превратившись, таким образом, в балканских автохтонов. Но — опять же в отличие от ученого императора — Фома помнит о промежутке времени между вторжением рубежа VI/VII вв. и взятием Салоны ок. 615 г.

https://RodnoVery.ru

1053

Седов, 1995. С. 29–30, 129.

https://RodnoVery.ru

1054

См.: Седов, 1995. С. 275–277.

https://RodnoVery.ru

1055

Paul. Diac. Hist. Lang. IV.28.: Свод II. С. 484/485.

https://RodnoVery.ru

1056

Седов, 1995. С. 103.

https://RodnoVery.ru

1057

Седов, 1995. С. 103–104.

https://RodnoVery.ru

1058

Седов, 1995. С. 104 (на более раннем поселении Сучава-Шипот славянская лепная керамика составляет 60 %, а на Лозна-Дорохой — до 76 %).

https://RodnoVery.ru

1059

Fred. Chron. IV.48.: Свод II. С. 366/367 (как минимум старшие славяно-аварские метисы уже были взрослыми к 623 г.).

https://RodnoVery.ru

1060

Седов, 1995. С. 30, 128–129, 287.

https://RodnoVery.ru

1061

Fred. Chron. IV.48.: Свод II. С. 366/367.

https://RodnoVery.ru

1062

Sklenář K. Památky pravěku na území ČSSR. Praha, 1974. S. 272–273, 285–286; Седов, 1995. С. 128–129, 287.

https://RodnoVery.ru

1063

Fred. Chron. IV.48.: Свод II. С. 366/367. Представляется, что объяснение фредегаровских «бефульков» самим Фредегаром — единственно убедительное. Распространенная версия о том, что авары использовали для обозначения славян славянское же слово byvolci «волопасы» (?), потому что те не играли в битвах существенной роли, а служили лишь погонщиками (Mayer T. Zu Fredegars Bericht über die Slawen// Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd.11. Wien, 1929. S. 118–119), прямо противоречит показаниям источника — на что по неясным причинам редко обращается внимание. Использование смешанного наречия с германскими и романскими элементами в разноплеменной Паннонии вполне вероятно. О такой же тактике авар сообщает и Пасхальная хроника (Свод II. С. 76/77), надежно подтверждая известие Фредегара.

https://RodnoVery.ru

1064

Sklenář, 1974. S. 273; Седов, 1995. С. 129.

https://RodnoVery.ru

1065

Рюсенская культура, принадлежавшая сорбам, отнюдь не вассалам каганата, и сложившаяся дальше на север в первых десятилетиях VII в. уже несет на себе все основные черты развивавшегося в рамках каганата симбиоза (дунайская гончарная керамика, каменное строительство, ингумации) (Седов, 1995. С. 143–144).

https://RodnoVery.ru

1066

Славянские языки 2005. С. 19–20. О том, что речь не идет просто о выселении со Среднего Дуная на Балканы, свидетельствует переход в среднесловацкие диалекты как особых южнославянских черт, так и общих восточно-южнославянских. Правомочно говорить о складывании единой диалектной зоны в сфере влияния Аварского каганата.

https://RodnoVery.ru

1067

Седов, 1995. С. 128–129.

https://RodnoVery.ru

1068

Sklenář, 1974. S. 272, 285.

https://RodnoVery.ru

1069

Sklenář, 1974. S. 273, 280, 285; Седов, 1995. С. 128–129.

https://RodnoVery.ru

1070

Седов, 1995. С. 143–144.

https://RodnoVery.ru

1071

Sklenář, 1974. S. 273, 292, 294, 302, 304; Седов, 1995. С. 287–289, 292.

https://RodnoVery.ru

1072

Sklenář, 1974. S. 273–274, 283–285.

https://RodnoVery.ru

1073

Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969. С. 125; Historia kultury materialnej Polski. T. 1. Wroclaw — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1978. S. 26, 38.

https://RodnoVery.ru

1074

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870. С. 138.

https://RodnoVery.ru

1075

Впрочем, не приписывая, кажется, и ему власти над всеми этими племенами: Полное собрание русских летописей. Т. 1 (Лаврентьевская летопись). М., 1997. Стб. 10; Т. 2 (Ипатьевская летопись). М., 1998. Стб. 8; Т. 38. Л., 1989 (Радзивиловская летопись). С. 13. При некотором желании отражение распада дулебского союза можно увидеть и в белорусском предании о полевиках и полешуках (отражающем, возможно, этногонические сказания дреговичей), где говорится о восстании против сородичей-«панов», которые угнетали предков белорусов (Легенди и паданни. Текст № 95). Впрочем, социальный (вернее, даже социально-политический) подтекст этой части записанного в 1920-х гг. предания слишком прозрачен.

https://RodnoVery.ru

1076

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11–12; Т.2. Стб. 9; Т. 38. С. 13–14. Далее автор «Повести» однозначно локализует дулебов на Буге (Т.1. Стб. 12–13; Т.2. Стб.9; Т. 38. С. 14). Притча об обрах живет, по его словам, «в Руси». Предание, которое он использовал, могло быть, следовательно, только волынским или шире — восточнославянским, но никак ни чешским или паннонским (а такие отождествления в отрыве от всего текста источника иногда делались).

https://RodnoVery.ru

1077

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 16.

https://RodnoVery.ru

1078

ПСРЛ. Т.1. Стб. 12–13; Т.2. Стб.9. Выше прямо говорилось, что бужане — прежнее наименование волынян (Т.1. Стб. 11; Т.2. Стб.8; Т. 38. С. 13).

https://RodnoVery.ru

1079

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Я.Длугоша. М., 2004. С. 79/226 (дулебы «после стали зваться волынянами, а ныне — лучанами»). Упоминание лучан может принадлежать бывавшему в Юго-Западной Руси, уже принадлежавшей Польско-Литовскому государству, Длугошу. Но непонятно, почему польский историк не удовлетворился упоминанием волынян. Этноним «волыняне» в XV в. был не менее понятен, чем вполне употребимое еще название «Волынь». Напротив, как отмечают польские комментаторы К. Перадска и Б. Модельска-Стрелецка (Długosz J. Roczniki czyli Kroniki sławnego królestwa Polskiego. Ks. 1–2. Warszawa, 1961. S. 186), как раз название «лучане» нехарактерно для польских хронистов. Едва ли оно было сколько-нибудь известно в Польше. С другой стороны, в русских летописях обозначение «лучане» достаточно древнее. В Повести временных лет оно обозначает жителей Луцка еще под 1085 г. Заметим еще, что название «волыняне» там после вводной части не встречается. Итак, нет оснований полагать, что лучане не фигурировали еще в «летописи Длугоша». Рассказ ее о дулебах вообще полон оригинальных деталей. Это и внесение их в перечень племен, живущих «зверским образом», и произведение этнонима от мифического родоначальника Дулеба. Именование лучан прямыми потомками дулебов изначально не связано о приведенным в «летописи Длугоша» исключительно на основе Повести временных лет (причем разных ее фрагментов) отождествлением дулебов и волынян. Историческую основу соотнесения «дулебы — лучане» определить довольно трудно. С одной стороны, лучане жили на изрядном расстоянии от основных центров дулебской культуры в Побужье. Именно в Побужье располагался единственный протогородской центр корчакской культуры к востоку от Буга — городище Зимно, в котором логично видеть центр дулебской общности; там же локализует дулебов и Повесть временных лет. С другой стороны, бужан/волынян она, кажется, рисует как территориальных преемников побужских дулебов, но не как их прямых потомков и наследников. Сопоставляя данные «Баварского географа» о «луколанах» IX в. с древней устной традицией, отраженной в Повести временных лет и «летописи Длугоша», видим, что на территории Волыни существовало два сильнейших племени или племенных общности. Одна — бужане-волыняне, занимавшие Побужье, владела основными в прошлом землями дулебского

https://RodnoVery.ru

союза племен. Но при этом и другая, лучане, числила себя общностью прямых потомков и наследников древних дулебов, хотя центр ее и находился восточнее. Историческую ситуацию, легшую в основу таких претензий, реконструировать с достоверностью невозможно. Но, вероятнее всего, ее корни — в обстоятельствах, приведших к распаду и гибели «дулебо-волынского» союза племен под ударами авар и вследствие внутренних усобиц в первой половине VII в. О русском летописном источнике Длугоша см.: Пашуто В.Т. Киевская летопись 1238 г.// Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 279; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 25–29; Клосс Б.М. Русские источники I–VI книг Анналов Яна Длугоша// Щавелева 2004. С. 34–52; Алексеев С.В. Дописьменная эпоха в средневековой славянской литературе: генезис и трансформации. М., 2005. С. 202–206.

https://RodnoVery.ru

1080

Это заставляет многих исследователей сомневаться в самом факте аварского нашествия и искать иные объяснения исчезновению антского имени из источников (см., например: Седов, 1982. С. 28).

https://RodnoVery.ru

1081

О датировке см.: Седов, 1982. С. 25; Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье./ Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

https://RodnoVery.ru

1082

О соседстве и зависимости болгар от авар, завершившейся около 634–640 гг. прямо говорит Никифор (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С.153/161). Неверие в возможность проникновения авар столь далеко на восток (Погодин А. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901. С. 59–60; Чичуров, 1980. С. 176) едва ли обосновано (в частности, ничего «неясного» собственно в свидетельстве Никифора о падении аварского господства над болгарами не видится). О каком-то соседстве авар с независимыми на тот момент от них болгарами достаточно четко говорит Феофан (Свод II. С. 272/273) в связи с событиями 626 г. Тогда-то, в канун осады Константинополя, и был, вероятно, заключен «союз» авар и болгар, разорванный Кувратом в обстановке упадка аварского каганата и отступления тюркютской опасности после 634 г. Таким образом, нет противоречия между упадком каганата после событий 626 г. и окончанием его довольно условного «господства» над болгарами в 630-х гг. Большинство исследователей в той или иной степени допускали возможность прямого толкования известия Никифора (Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002. С. 179; Kollautz A., Miyakawa H. Geschichte und Kultur eines völkerwanderungszeitlichen Nomadenvolkes. Kladenfurt, 1970. T. 1. S. 159–160; Szadecky-Kardoss S. über die Wandlungen der Ostgrenze der awarischen Machtsphäre//Bibliotheca Orientalia Hungarica, № 20, 1975). До 626 г. Куврат являлся, как увидим далее, союзником Ираклия против авар.

https://RodnoVery.ru

1083

Упомянуто в «Поучении Владимира Мономаха» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248).

https://RodnoVery.ru

1084

Свод I. С. 262.

https://RodnoVery.ru

1085

Свод II. С. 402, 405.

https://RodnoVery.ru

1086

О выселении антов свидетельствуют многочисленные находки пальчатых фибул (Археология Венгрии. Конец II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 1986. С. 313).

https://RodnoVery.ru

1087

С этим, а также с более ранним выселением в Чехию хорватов может быть связана любопытная антропологическая деталь. По одному из ключевых генетических признаков — дерматоглифике (рисунку на кистях рук) чехи-мужчины ближе к восточным славянам, чем даже болгары, и резко отличаются от других западных славян. В то же время женщины-чешки по этому признаку — определенно западные славянки. Хотя, как и польки, они ближе к восточным славянкам, чем женщины-словачки. Все западные славянки ближе к восточным, чем болгарки (Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002. С. 78). Это как раз легко объясняется историей славянского завоевания Балкан. Но особую близость чехов-мужчин к восточным славянам можно объяснить только с учетом существования чешских племен хорватов, дулебов и лучан.

https://RodnoVery.ru

1088

См.: Sklenář, 1974. S. 274; Седов, 1995. С. 312, 316 (карта).

https://RodnoVery.ru

1089

Старейший источник о расселении чешских племен — грамота, утверждающая границы Пражской архиепископии (Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 152). На западе Чехии, наряду с лучанами, помещаются здесь дечане, литомержцы, лемузы. О времени появления всех этих племен с уверенностью говорить нельзя. Стоит отметить, что зличане здесь среди северных племен не названы, зато фигурируют «хорваты и другие хорваты». Стоит отметить, что Козьма Пражский не знал ничего о происхождении племени лучан и угадывает совершенно невероятное от латинского luca ‘луг’ (Козьма, 1962. С. 49). Здесь он невольно попадает в точку — значение праславянского слова «лука» сходно, и оно родственно слову «луг» (ЭССЯ. Вып. 16. С. 148–150).

https://RodnoVery.ru

1090

Археология Венгрии 1986. С. 310–313; Седов, 1995. С. 29.

https://RodnoVery.ru

1091

Федоров — Полевой, 1973. С. 300 (как пример — аваро-славянские элементы в гепидско-дакийском могильнике Бандул-де-Кымпиэ).

https://RodnoVery.ru

1092

Седов, 1995. С. 129.

https://RodnoVery.ru

1093

Седов, 1995. С. 133. Гипотеза о существовании здесь центра «государства Само» (Kunstmann H. Wo lag das Zentrum von Samos Reich? // Die Welt des Slawen. Halbjahresschrift für Slawistik. Bd. XXVI. München, 1981. S. 67 — 101) нуждается в более весомых доказательствах. Неясно, в какой именно момент между VII и XIV вв. (позднейшая славянская керамика из Кнетцгау) появились «княжеские» топонимы. Четких следов княжеского «града» в данной местности, кажется, нет. Логичнее искать центр «державы» Само в Моравии, где градов в VII в. строится немало. Так, как увидим далее, обычно и делается.

https://RodnoVery.ru

1094

Седов В.В. Славяне. М., 2002. С. 532–534. Приводимая здесь датировка переселения рубежом VII/VIII вв. исключается упоминаемыми находками в Зимно. Очевидно, следует датировать факт временем не позднее рубежа VII/VIII вв.

https://RodnoVery.ru

1095

См. в «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ): *xolča ‘штанина, чулок’ (Вып. 8. С. 56); *loktika ‘салат-латук’ (Вып. 16. С. 7–8); *męta ‘мята’ (Вып. 19. С. 16–17); *nagorditi ‘наградить’ (наиболее гипотетическое заимствование, из германского через предполагаемый романский — но, может быть, восходит к воинскому наречию каганата, как и пресловутые «бифульки»? — существительное *nagorda и другие однокоренные слова происходят от глагола) (Вып. 22. С. 51–52); *osĕlъ ‘сталь’ (Вып. 32. С. 10). Раннее, но не ранее VII в., время заимствований разумно определять именно по наличию их в восточнославянских языках при отсутствии в болгаро-македонской группе.

https://RodnoVery.ru

1096

Итальянские народные предания нового времени приписывают разгром Фриуля во времена «королевы» Ромильды (то есть в 610 г.) славянам (Brozzi M. Il ducato longobardo del Friuli. Udine, 1980. P. 125). Однако события здесь настолько сильно искажены, что и аварское вторжение могло запросто совместиться с позднейшими набегами славян. Достаточно сказать, что герцогиня Ромильда, сдавшая после гибели мужа Гизульфа столицу герцогства аварам, превращается в героиню сопротивления. Авары, разумеется, в проживших больше 1000 лет преданиях уже совсем не упоминаются.

https://RodnoVery.ru

1097

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 37.: Свод II. С. 484/485.

https://RodnoVery.ru

1098

См.: ЭССЯ. Вып. 29. С. 128–129. Любопытно другое заимствование из тюркского, только в чешско-словацком ареале (уже VIII в.?) — *obsogъ ‘выгода’ (ЭССЯ. Вып. 29. С. 251). Кажется, здесь отразилось представление об особой корыстности авар, как и в некоторых значениях слова «обрин».

https://RodnoVery.ru

1099

Славянские языки, 2005. С. 18.

https://RodnoVery.ru

1100

Славянские языки, 2005. С. 19.

https://RodnoVery.ru

1101

*cima ‘верхушка’ (из балкано-романского; ЭССЯ. Вып. 3. С. 195–196); *brъdoky ‘латук’ (из иллирийского или фракийского; ЭССЯ. Вып. 3. С. 67–68); *bъkъ ‘открытый очаг, камень’ (из иллирийского; ЭССЯ. Вып. 3. С. 115–116); *lętja ‘чечевица’ (есть и в древнерусском с XIII в.; вероятно, из балканских языков; ЭССЯ. Вып. 15. С. 63–65); *macěsnъ ‘лиственница’ (только в западной группе; предположительно из субстратного языка; ЭССЯ. Вып. 17. С. 112–113).

https://RodnoVery.ru

1102

Славянские языки, 2005. С. 73, 97.

https://RodnoVery.ru

1103

Славянские языки, 2005. С. 107–108, 136.

https://RodnoVery.ru

1104

Славянские языки, 2005. С. 147–148, 192–193.

https://RodnoVery.ru

1105

Славянские языки, 2005. С. 229.

https://RodnoVery.ru

1106

См.: Свод II. С. 355–357.

https://RodnoVery.ru

1107

Седов, 1995. С. 103.

https://RodnoVery.ru

1108

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 13/14. См.: Нидерле Л. Славянские древности. М., 2001. С. 484–485; Rudnicki M. Geograf Bawarski w oświetleniu językoznawczym.// Z polskich studiów sławistycznych. Warszawa, 1958. S. 189; Дуйчев И. Блъгарско средневековие. София, 1972. С. 81–82; Kraličeк A. Der sogenannte Bayrische Geograph und Mähren.// Zeitschrift für die Geschichte Mährens. Brünn, 1989, Bd.2. S. 229. Ничем не хуже предполагаемое в ряде из названных работ происхождение и от славянского «-родичи» в сочетании с тем же греческим ‘επτά. Использование греческого или грецизированного самоназвания было бы лишним свидетельством тесных взаимоотношений славян и аборигенов, правда, в этом случае относящимся уже к IX в., когда те в основной массе славянизировались.

https://RodnoVery.ru

1109

ПСРЛ. Т.1. Стб. 6, 10, 11, 25; Т.2. Стб. 5, 8, 9, 18; Т. 38. С. 12, 13, 18.

https://RodnoVery.ru

1110

Седов, 1995. С. 157–162.

https://RodnoVery.ru

1111

Възарова Ж. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI–XI век. София, 1965. С. 115 след.; Гимбутас М. Славяне. М., 2003. С. 140–141; Седов, 1995. С. 157, 162.

https://RodnoVery.ru

1112

Народы зарубежной Европы. Т.1. М., 1964. С. 340–341

https://RodnoVery.ru

1113

Възарова 1965. С. 183; Възарова Ж. Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България. София, 1976. С. 9 след.; Гимбутас 2003. С. 140; Седов, 1995. С. 157.

https://RodnoVery.ru

1114

Седов, 1995. С. 159.

https://RodnoVery.ru

1115

Въжарова 1965. С. 182–183; Седов, 1995. С. 157, 162.

https://RodnoVery.ru

1116

Въжарова 1965. С. 179, 207–223; Седов, 1995. С. 163.

https://RodnoVery.ru

1117

Въжарова 1976; Гимбутас 2003. С. 140; Седов, 1995. С. 157–158. О преобладании среди славян кремации умерших позволяет судить случайное упоминание Феодора Синкелла (Свод II. С. 86/87).

https://RodnoVery.ru

1118

Дельту Дуная каганат контролировал с 602 г. (Paul. Diac. Hist. Lang. IV.20) до прихода болгар Аспаруха (Патканов 1883). Именно с низовий Дуная пришли славяне, осаждавшие вместе с аварами Константинополь в 626 г. (по Феофану: Свод II. С. 272/273). То, что они, увидев истребление каганом соплеменников, покинули авар, на самом деле совершенно не доказывает, что они (как, например, по комментарию С.А. Иванова к Пасхальной Хронике — Там же. С. 83) до того момента были от кагана независимы. Трактовать действия возмущенных славян как антиаварское восстание, а не как разрыв равноправного союза, гораздо больше оснований.

https://RodnoVery.ru

1119

Свод II. С.284/285 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1120

Иванов, 1925. С. 282.

https://RodnoVery.ru

1121

Иванов, 1925. С. 282.

https://RodnoVery.ru

1122

Бешевлиев В. Началото на българската държава според апокрифен летопис от XI в.// Средневековна България и Черноморието. София, 1982. С. 39–40; Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 2001. С. 240. Как представляется, в реальности на примере Слава довольно рельефно вырисовывается характер дошедшей до «летописца» устной традиции — сугубо народной, внимательной более к топонимическим, чем к хронологическим и генеалогическим данным. Ни о предках, ни о потомках Слава ничего не сообщается. С другой стороны, становится очевидной вольность интерпретаций древних преданий богомильским автором, который «сшивал» их условно и притом безапелляционно, выстраивая в итоге совершенно фантастическое хронологическое и генеалогическое единство. Яркой чертой этого нового, отсутствовавшего в исходном материале единства является абсурдная в контексте и тогдашней исторической науки, и наших сегодняшних знаний хронология. «Летописец» искусственно завышает даже не сроки жизни, а сроки правления и легендарных, и вполне исторических персонажей. Можно было бы допустить, что в некоторых случаях мифические сроки правления давала сама устная традиция. Но едва ли они могли содержаться во всех до единого разрозненных, привязанных к местностям преданиях, зафиксированных «летописцем». Однако именно эта черта сообщает апокрифу черты «летописи». Одновременно она уподобляет его родословному преданию, не столько утраченному фольклорному, сколько ветхозаветному, — а следовательно, парадоксальным образом сообщает ему некую «достоверность» в глазах аудитории. Метод этот применялся в апокрифической литературе еще с рубежа нашей эры («Книга Юбилеев» и др.).

https://RodnoVery.ru

1123

См.: Гимбутас, 2003. С. 139–140; Седов, 1995. С. 29, 129, 131, 157–158, 162, 321; Седов В.В. Славяне. М., 2002. С. 493.

https://RodnoVery.ru

1124

Седов, 1995. С. 29, 131.

https://RodnoVery.ru

1125

Седов, 1995. С. 158.

https://RodnoVery.ru

1126

Гимбутас 2003. С. 139; Седов, 1995. С. 29, 129, 131, 157, 158, 162.

https://RodnoVery.ru

1127

Седов, 1995. С. 321.

https://RodnoVery.ru

1128

Седов, 1995. С. 131, 162.

https://RodnoVery.ru

1129

Седов, 1995. С. 130, 323, 332.

https://RodnoVery.ru

1130

См.: Mrkobrad D. Arheološki nalazi seobe naroda u Jugoslaviji. Beograd, 1980. S. 71 etc; Седов, 1995. С. 130–131, 158–162, 323, 332, 337.

https://RodnoVery.ru

1131

Седов, 1995. С. 131.

https://RodnoVery.ru

1132

«Хижины» в ЧСД: ЧСД 279: Свод II. С. 166/167.

https://RodnoVery.ru

1133

Седов, 1995. С. 162

https://RodnoVery.ru

1134

Седов, 1995. С. 163–164.

https://RodnoVery.ru

1135

ЧСД 254, 268: Свод II. С. 154/155, 160/161.

https://RodnoVery.ru

1136

Седов, 1995. С. 131, 159, 332.

https://RodnoVery.ru

1137

ЧСД 255, 271–273: Свод II. С. 158/159, 162/163.

https://RodnoVery.ru

1138

Седов, 1995. С. 164.

https://RodnoVery.ru

1139

См.: Седов, 1995. С. 131, 158–159, 337.

https://RodnoVery.ru

1140

Седов, 1995. С. 130, 159; Седов, 2002. С. 493.

https://RodnoVery.ru

1141

Werner J. Slawische Bronzefiguren aus Nord-griechenland// Abhandlungen des Deutschen Akademie der Wissenschaft zu Berlin. Klasse für Gesellschaftswissenschaft. Bd. 2. Berlin, 1953. См. также: Седов, 1995. С. 161.

https://RodnoVery.ru

1142

Седов, 1995. С. 130, 158–159, 337.

https://RodnoVery.ru

1143

Для византийца X в. «славяне» и «авары», особенно применительно к Греции, синонимы (Свод II. С. 328/329). Так, в «Житии святого Панкратия» VIII в. именно авары рисуются как насельники завоеванной славянами Эллады и морские разбойники на Адриатике (там же. С. 333–334). На этих основании можно предполагать (без твердой уверенности) присутствие авар среди первых славян, вторгшихся на балканский юг.

https://RodnoVery.ru

1144

Так поступает «готский» вождь, «стоявший во главе всей Славонии», с Далмацией у Фомы Сплитского: Фома, 1997. С. 35/240 — 36/241.

https://RodnoVery.ru

1145

На это однозначно указывают не только находки аварских воинских погребений, но и сведения Константина Багрянородного о первой волне завоевателей Далмации. Он не только смешивает в ней авар и славян, но и подчеркнуто рассматривает позднейшее вторжение хорватов как освобождение именно от аварского владычества (на основе преданий самих хорватов) (Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1991. С.110/111–112/113, 126/127–130/131, 136/137).

https://RodnoVery.ru

1146

ЧСД 196: Свод II. С. 134/135. «Полностью» независимыми (там же. С. 195–196) (комментарий О.В. Ивановой) македонских славян признать не решаемся, соизмеряя реальные их и каганата силы.

https://RodnoVery.ru

1147

Автор Монемвасийской хроники: Свод II. С. 328/329 («не подвластные ни василевсу ромеев, ни кому-либо иному»).

https://RodnoVery.ru

1148

Седов, 1995. С. 159.

https://RodnoVery.ru

1149

Народы I. С. 418–419, 444, 461, 474–475, 489–491.

https://RodnoVery.ru

1150

ЧСД 181, 199, 214, 30–309: Свод II. С. 26/127, 136/137, 142/143, 178–181.

https://RodnoVery.ru

1151

ЧСД 307: Свод II. С. 178–181. Излагается эпизод с африканским епископом Киприаном, захваченным у берегов Эллады славянами и спасенным из рабства св. Димитрием Солунским.

https://RodnoVery.ru

1152

ЧСД 249: Свод II. С. 252/253.

https://RodnoVery.ru

1153

ЧСД 214: Свод II. С. 142/143.

https://RodnoVery.ru

1154

ЧСД 214: Свод II. С. 142/143.

https://RodnoVery.ru

1155

Именно «деньги» предлагают славяне аварскому кагану: ЧСД 197: Свод II. С. 134/135.

https://RodnoVery.ru

1156

См.: ЧСД 193: Свод II. С. 132/133 (εξαρχος — о Хотуне); 144: С. 144/145 (ρήξ — здесь и еще далее о Пребуде); 255: С. 156/157 (опять ρηγες, но о нескольких вождях дреговичей); 265, 273: С. 160/161, 162/163 (αρχοντες — о всех вождях четвертой осады Фессалоник).

https://RodnoVery.ru

1157

ЧСД 212: С. 140/141.

https://RodnoVery.ru

1158

Свод II. С. 274/275 (см. также прим. 268).

https://RodnoVery.ru

1159

См.: Константин, 1991. С. 136/137, 140–143; Шишић Ф. Летопис попа Дукљанина. Београд — Загреб, 1928. С. 292 след. Надо вместе с тем иметь в виду, что предания, отраженные у Константина Багрянородного и еще в большей степени у «Дуклянина», представляют собой как раз «княжескую» версию устной традиции, которая пришла на смену версии «племенной» в раннесредневековых государствах. Особенно это видно при сравнении приводимой Константином же (С. 130/131) «племенной» версии прихода хорватов на Балканы с образами пяти братьев-родоначальников и двух их сестер и приводимой далее версии «княжеской», в коей представлен уже единственный «архонт»-основатель.

https://RodnoVery.ru

1160

Константин, 1991. С. 112/113 — считает даже, что «архонтов… эти народы не имели, кроме старцев-жупанов, как это в правилах и в прочих Славиниях». Это прямо противоречит, однако, собственным данным Константина об «архонтах» перечисляемых народов — хорватов, сербов и прочих.

https://RodnoVery.ru

1161

Этот обычай использовал в 688 г. император Юстиниан II для назначения князя македонским славянам (Никифор — Свод II. С. 232/233).

https://RodnoVery.ru

1162

Седов, 1995. С. 130.

https://RodnoVery.ru

1163

Судя по «Житию святого Панкратия», говорящему об «аварах» в «епархии Диррахия» (Свод II. С. 333), и по средневековым преданиям о захвате ими Превалитании (Константин, 1991. С. 152/153; Шишић, 1928. С. 295–296).

https://RodnoVery.ru

1164

Седов, 1995. С. 166–167.

https://RodnoVery.ru

1165

Упомянуты у славян уже при описании осады Фессалоники в 616 г. (ЧСД 189.: Свод II. С. 130/131).

https://RodnoVery.ru

1166

Седов, 1995. С. 161.

https://RodnoVery.ru

1167

При осаде Константинополя в 626 г. «пешие легковооруженные славяне» противопоставлены «тяжеловооруженной пехоте» аварского кагана (Свод II. С. 76/77 — Пасхальная хроника). В осаде участвовали преимущественно придунайские племена.

https://RodnoVery.ru

1168

ЧСД 262: Свод II. С. 158–161.

https://RodnoVery.ru

1169

ЧСД 272, 279: Свод II. С. 162/163, 166/167.

https://RodnoVery.ru

1170

Свод II. С. 84/85.

https://RodnoVery.ru

1171

См.: ЧСД. 179: Свод II. С. 124–127; Феофан о событиях 626 г.: Свод II. С. 272/273; Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 44.: Свод II. С. 486/487; Свод II. С. 517 («Смешанный хроникон» о нападении славян на Крит).

https://RodnoVery.ru

1172

ЧСД 242: Свод II. С. 150/151.

https://RodnoVery.ru

1173

ЧСД 248: Свод II. С. 152/153.

https://RodnoVery.ru

1174

Константин, 1991. С. 152/153.

https://RodnoVery.ru

1175

См.: Шишић, 1928. С. 296 след.

https://RodnoVery.ru

1176

См.: Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1997. Приложение. №№ 20, 40.

https://RodnoVery.ru

1177

См., например: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 251, 263–264, 288; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М.,1978. С. 205, 212–213

https://RodnoVery.ru

1178

ЧСД 193: Свод II. С. 132/133.

https://RodnoVery.ru

1179

В одном болгарском предании говорится о том, что «бог Перун» «жил» в Пирине (БНТ. Т. 11. С. 221).

https://RodnoVery.ru

1180

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология.// Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 13.

https://RodnoVery.ru

1181

Седов, 1995. С. 160–161

https://RodnoVery.ru

1182

Заметим, впрочем, что связанное с их обычаями восприятие славян как «людей-волков» еще удерживалось в первой половине VII в. среди ромеев. «Волки-славяне» выступают в одной из поэм Георгия Писиды, «Ираклиаде» (Свод II. С. 70/71). У сербов мощные следы оборотнических представлений сохранились в героическом эпосе (см.: Славянская мифология 1995. С. 198).

https://RodnoVery.ru

1183

См.: Песни южных славян. М., 1976. С. 23 след.

https://RodnoVery.ru

1184

См.: Песни южных славян, 1976. С. 33–34, 425.

https://RodnoVery.ru

1185

Народы I. С.343, 446, 475.

https://RodnoVery.ru

1186

Народы I. С. 343, 420, 446, 462.

https://RodnoVery.ru

1187

Сохранилось в обрядности Ильина дня: Календарные обычаи 1978. С. 214, 234 (у болгар сохранилось общеславянское, отмеченное еще у Прокопия, приношение быка).

https://RodnoVery.ru

1188

Календарные обычаи, 1977. С. 249, 252, 254, 260, 265, 278, 287, 289, 290.

https://RodnoVery.ru

1189

См.: Календарные обычаи, 1978. С. 201, 224–225.

https://RodnoVery.ru

1190

Календарные обычаи, 1978. С. 202, 226–227.

https://RodnoVery.ru

1191

Календарные обычаи, 1977. С. 278–280.

https://RodnoVery.ru

1192

Календарные обычаи, 1977. С. 269–270, 291.

https://RodnoVery.ru

1193

См.: Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976. С. 97–98; Приходнюк О.М. Археологічні пам’ятки Середнього Придніпров’я VII–IX ст. Київ, 1980. С. 124; Седов, 1982. С. 112–113. Выделение памятников в особую культуру и ее общая характеристика даны в работах: Гавритухин — Обломский, 1996; Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002. С. 80–86, 91–93.

https://RodnoVery.ru

1194

Именник болгарских ханов. София, 1981. С. 12. Отождествлению названного здесь Безмера из рода Дуло, преемника Курта из рода Дуло, со старшим сыном Куврата Батбаяном (Златарски В. История на българската държава през средните векове. Т. I. София, 1970. С. 164) нет ни единой убедительной альтернативы.

https://RodnoVery.ru

1195

См.: Чичуров, 1980. С. 151/159, 168–169.

https://RodnoVery.ru

1196

ЭССЯ. Вып. 29. С. 128.

https://RodnoVery.ru

1197

Кухаренко, 1969. С. 128.

https://RodnoVery.ru

1198

Кухаренко, 1969. С. 125; Historia kultury 1978. S. 30, 40; Седов, 1995. С. 44–45.

https://RodnoVery.ru

1199

Седов, 1995. С. 44.

https://RodnoVery.ru

1200

Та, которую знает на Зале источник XII в. (см.: Нидерле, 2001. С. 493)

https://RodnoVery.ru

1201

Седов, 1995. С. 28–29, 142.

https://RodnoVery.ru

1202

Седов, 1995. С. 142–143.

https://RodnoVery.ru

1203

Седов, 1995. С. 144.

https://RodnoVery.ru

1204

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 370/371. При прямом славянском толковании оно вступает в курьезную семантическую перекличку с именем «Брус», которое носил упоминаемый в Летописи попа Дуклянина брат родоначальника дуклянских князей, оставшийся княжить на сербохорватской прародине (Шишић, 1928. С. 293). В принципе, Дерван вполне мог бы быть братом перешедшего на службу Ираклию «архонта Серба», о котором говорит, явно перекликаясь с Дуклянином, Константин Багрянородный (Константин, 1991. С. 140/141). Но все же разумнее, как представляется, отнестись к этой заманчивой ономастической игре как к случайному совпадению.

https://RodnoVery.ru

1205

Седов, 1995. С. 143–145.

https://RodnoVery.ru

1206

Судя по Баварскому Географу: Назаренко, 1993. С. 13/14. Этимология названия совершенно туманна, возможно, от местного названия Dalmatia (см.: там же. С. 20. Прим. 13).

https://RodnoVery.ru

1207

О том, что сербы на начало 630-х гг. «издавна относились к Франкскому королевству», говорит Фредегар (Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 370/371). Потому с доверием следует относиться и к известию Константина Багрянородного, согласно которому хорваты до переселения на Балканы при Ираклии, на своей прародине уже «подчинялись франкам» (Константин, 1991. С. 130–133). Ничего невероятного, с учетом сведений Фредегара о сербах, в этом нет — со скидкой на то, что «подчинение» в хорватском предании отражает франкские притязания, каковые франки попытались подкрепить уже в IX в.

https://RodnoVery.ru

1208

Седов, 1995. С. 144–145.

https://RodnoVery.ru

1209

См. в ЭССЯ. Можно отметить еще *malъžena ‘супруги’ (славянская калька с верхненемецкого mâlwîp).

https://RodnoVery.ru

1210

Седов, 1995. С. 97, 337, 343; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 258.

https://RodnoVery.ru

1211

Седов, 1995. С. 44, 47. Время основания Ольденбурга-Старграда уточняется, исходя из его названия, по времени основания Мекленбурга-Велиграда, позднейшей столицы. Монографическое описание Старграда: Gabriel I. Starigrad/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien. Neumünster, 1984.

https://RodnoVery.ru

1212

Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне// Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 340; Седов, 1995. С. 51. Монографическое описание Мекленбурга: Donat P. Die Mecklenburg — eine Hauptburg der Obodriten. Berlin, 1984.

https://RodnoVery.ru

1213

Седов, 1995. С. 47.

https://RodnoVery.ru

1214

Отдельные группы велетов, в принципе, могли прорываться через ободричские земли и дальше на запад, в Саксонию и Фризию. Л. Нидерле осторожно допускал, что с велетами могут быть связаны упоминаемые Бедой Достопочтенной в 90-х гг. VII в. вилты, племя в составе фризского союза, имевшее центром Вилтабург — будущий Утрехт (см.: Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. СПб., 2001. С. 164). «Однако, — справедливо отмечал Л. Нидерле, — одно лишь сходство наименований при отсутствии других данных еще недостаточно для того, чтобы сделать такой вывод. В еще большей степени это относится к отзвукам наименования вельтов, встречающимся в Англии» (Нидерле, 2001. С. 122). Остается лишь добавить, что наличие таких «отзвуков», скорее всего, связано именно с фризскими вилтами — проникшими в Англию еще в конце V — начале VI в. вместе с ютами, то есть задолго до велетских войн.

https://RodnoVery.ru

1215

Седов, 1995. С. 54–55.

https://RodnoVery.ru

1216

Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhaltnisse der slawische Stamme zwischen Elbe und Oder/Neisse. Berlin, 1968. S. 73; Гимбутас, 2003. С. 157.

https://RodnoVery.ru

1217

Historia kultury 1978. S. 37–38, 105; Седов, 1995. С. 139–141.

https://RodnoVery.ru

1218

См.: Седов, 1995. С. 141.

https://RodnoVery.ru

1219

Седов, 1995. С. 140.

https://RodnoVery.ru

1220

Назаренко, 1993. С. 14/15 — во второй, более поздней части текста.

https://RodnoVery.ru

1221

Назаренко, 1993. С. 13/14, 14/15. См. также примечания к тексту: С. 23, 58. Отождествление «милоксов» с мильчанами, которое нам кажется более чем обоснованным, предложил А.Краличек (Kraliček, 1989. S. 226). Упоминаются мильчане как соседи дедошан и в грамоте Пражской архиепископии (Козьма, 1962. С. 152).

https://RodnoVery.ru

1222

Судя по сохранению его выселившимися из Поозерья в Прибалтику «латвийскими» вендами (см. о них: Седов, 1995. С. 173 след.).

https://RodnoVery.ru

1223

См.: Веселовский А.Н. Русские и вильтины в «Саге о Тидреке Бернском». СПб., 1906. С. 136–138.

https://RodnoVery.ru

1224

Восточные славяне, 2002. С. 169.

https://RodnoVery.ru

1225

Концепция славянского и «мазурского» происхождения прибалтийских вендов обеспечивает недостающее звено между венедским ареалом и новгородской культурой сопок VIII–IX вв. В работе 1982 г., датируя возникновение культуры сопок VII в., В.В.Седов указывал: «Сейчас невозможно ответить на вопрос, каким путем шло расселение славян в Приильменье. Можно только высказать предположение, что предки словен, как и предки кривичей, в процессе расселения пересекли балтские земли, может быть, где-то в бассейне Немана» (Седов, 1982. С.166). Казалось бы, концепция миграции из Мазур в Прибалтику обеспечивает решение проблемы. Тем не менее, в работе 1995 г. В.В. Седов отказался от прежних воззрений, существенно удревняя культуру сопок. Одно из оснований такого удревнения он видит в том, что «археологические материалы Среднего Повисленья, Неманского бассейна и других балтских территорий не фиксируют каких-либо следов крупной миграции населения в восточном или северо-восточном направлениях в VII в. или на рубеже VII и VIII вв.» (Седов, 1995. С. 245). Однако это прямо противоречит развернутой им на серьезных основаниях в той же самой работе концепции прихода вендов в Прибалтику именно в VII в. В работе 2002 г. (Седов, 2002) какие-либо упоминания о прибалтийских вендах (а также и о Мазурской группе), несмотря на детальную и убедительную разработку этой проблемы в предыдущем труде, отсутствуют. Наличие столь заметных внутренних противоречий заставляет, к сожалению, в целом сомневаться в целесообразности и обоснованности удревнения культуры сопок. Гипотезы об удревнении отдельных славянских культур и к «славянизации» неславянских на территории Европейской России нередки в работах последних полутора десятилетий.

https://RodnoVery.ru

1226

Датируется в промежутке 575–675 гг. (Седов, 1995. С. 171). Датировку позволяют сузить некоторые обстоятельства. В конце VI в. авары только разведывали и зондировали ситуацию на Севере, будучи заняты войной с ромеями. Для активных операций в этом направлении время настает только после 602 г. В начале же VII в., самое позднее, уже происходит вендское вторжение в Прибалтику (Седов, 1995. С. 174).

https://RodnoVery.ru

1227

См.: Седов, 1995. С. 171, 173; Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V — начала VIII в.// Barbaricum-1989. Warszawa, 1990.

https://RodnoVery.ru

1228

Седов, 1995. С. 171.

https://RodnoVery.ru

1229

Седов, 1995. С. 173–175. Дискуссия о происхождении прибалтийских вендов имеет давнюю историю. Широко распространилось мнение об их финском, ливском происхождении (Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 34). Однако В.В. Седов убедительно и подробно обосновал мнение об их славянском происхождении с точки зрения археологии (Седов, 1995. С. 173–182). Остается отметить, что на финской почве этимология совершенно объяснимого для славян (пусть и не славянского по коренному происхождению) этнонима не заходит дальше нефинского названия реки Венты.

https://RodnoVery.ru

1230

Седов, 1995. С. 180–182.

https://RodnoVery.ru

1231

Седов, 2002. С. 361

https://RodnoVery.ru

1232

Седов, 2002. С. 359.

https://RodnoVery.ru

1233

Historia kultury 1978. S. 34.

https://RodnoVery.ru

1234

Седов, 1995. С. 10–11, 28–29.

https://RodnoVery.ru

1235

Historia kultury 1978. S. 31.

https://RodnoVery.ru

1236

Historia kultury 1978. S. 203, 206, 289.

https://RodnoVery.ru

1237

Historia kultury 1978. S. 90–91, 96, 289; Седов, 1995. С. 21.

https://RodnoVery.ru

1238

Свод II. С. 399.

https://RodnoVery.ru

1239

См.: Седов, 1982. С.12, 236–237, 239–240, 241.

https://RodnoVery.ru

1240

ЭССЯ. Вып. 19. С. 106–107 (термины известны в северных славянских языках и западных южнославянских).

https://RodnoVery.ru

1241

ЭССЯ. Вып. 8. С. 62 (см. значения во всех языках, кроме болгарского и македонского).

https://RodnoVery.ru

1242

ЭССЯ. Вып. 24. С. 104–105 (слово неизвестно в болгарском и македонском).

https://RodnoVery.ru

1243

ЭССЯ. Вып. 4. С. 182–183 (форма Дажьбог отмечена в древнерусском и старопольском; форма Да(й)бог в сербохорватском).

https://RodnoVery.ru

1244

Этот комплекс представлений отражен в русской Ипатьевской летописи, где Дажьбог отождествлен с «царем» Гелиосом из Хроники Иоанна Малалы (ПСРЛ. Т.2. Стб. 279), и в сербской сказке о Дабоге, «царе земли».(см.: Славянская мифология 1995. С. 153). «Внуками Дажьбожьими» именуются, как известно, русские князья в «Слове о полку Игореве».

https://RodnoVery.ru

1245

Об этом можно судить по избранию правителем Само («виниды избрали его над собой королем» — Fred. Chron. IV. 48.: Свод II. С. 366/367).

https://RodnoVery.ru

1246

У Богухвала (см.: Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М, 1984. Гл. 1–2).

https://RodnoVery.ru

1247

См.: ЭССЯ. Вып. 18. С. 42.

https://RodnoVery.ru

1248

См. исследование на конкретном источниковом материале: Алексеев С.В. Дописьменная эпоха в средневековой славянской литературе: генезис и трансформации. М., 2005; Алексеев С.В. Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. М., 2006.

https://RodnoVery.ru

1249

См.: ЭССЯ. Вып. 8. С. 174–175, 177 (корень *jarъ в основе имени следует отличать от более «позитивного» по смыслу *jaro, связанного с исключительно благотворной солнечной активностью — отсюда, например, слово «яровой» — ЭССЯ. Вып. 8. С. 175–178); Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974 (обосновывается гипотеза об отражении образа Ярилы в народно-христианских представлениях о св. Георгии-Юрии); Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. М., 1979. С. 181, 250–252; Славянская мифология 1995. С. 397–399.

https://RodnoVery.ru

1250

ЭССЯ. Вып.19. С. 131–134.

https://RodnoVery.ru

1251

См.: Русанова — Тимощук, 1997. Приложение. №№ 29, 59, 72.

https://RodnoVery.ru

1252

Русанова — Тимощук 1997. Приложение. № 69; Седов 1995 С. 60.

https://RodnoVery.ru

1253

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 39.: Свод II. С. 486/487.

https://RodnoVery.ru

1254

Летопись попа Дуклянина (Шишић 1928. С. 293–295) рисует достоверную картину одновременного вторжения в Далмацию и Истрию. О вторжении славян из Македонии в «Ахайю и Далмацию» говорит «Армянская география» (Патканов 1883. С. 27).

https://RodnoVery.ru

1255

Шишић 1928. С. 293–295. Остроил — персонаж местного, дуклянского родового предания, павший в Дукле (Превалитании). В хорватское по происхождению предание о войне с Салоной и завоевании Далмации он вставлен искусственно. Искусственна, впрочем, и вся эта литературная комбинация разнородных мотивов. Базовый остов, к которому была присовокуплена «готская легенда» с фигурой Тотилы — сербское переселенческое предание о двух братьях-князьях, из которых младший с половиной народа отправился на Балканы, а старший остался править на прародине (известно из Константина Багрянородного — Константин, 1991. С.140/141). Но на этот остов оказалось искусно, если не сказать органично, нанизано изначально чуждое, даже противолежащее ему предание об аваро-славянском завоевании Далмации и победоносной войне славян с римлянами. Это предание, судя по «хорватской» главе трактата Константина (Константин, 1991. С. 128–131; излагается исторически довольно точна и негативная по отношению к далматинцам версия легенды о падении Салоны, а далее упоминается о сохраняющих самосознание потомках авар среди хорватов), долгое время сохранялось среди потомков авар в Хорватии, а после падения Хорватского королевства слилось у хорватской аристократии с собственной переселенческой легендой. О последнем можно судить по хронике Фомы Сплитского, который уже не противопоставляет хорватов («куретов») аварам («готам») и лендзянам («лингонам»), а видит в них союзников. Дуклянский автор, объединяя традицию сербскую с хорватской, включил новую версию прихода хорватов (по сути же — предание об аваро-славянском нашествии) в свой труд. Следует учесть, что сербы и являвшиеся их частью (?) дукляне с аварами на Балканах не воевали или, по меньшей мере, ко временам Константина о такой войне не помнили.

https://RodnoVery.ru

1256

Седов, 1995. С. 131–132, 323–324.

https://RodnoVery.ru

1257

Ion. Vit. Columb. I. 27.: Свод II. С. 360/361.

https://RodnoVery.ru

1258

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 38.: Свод II. С. 484–487 (о географии см. примечания В.К. Ронина к этому фрагменту — С. 495).

https://RodnoVery.ru

1259

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 39.: Свод II. С. 486/487.

https://RodnoVery.ru

1260

Фома 1997. С. 240–1/36.

https://RodnoVery.ru

1261

Дата и некоторые обстоятельства событий устанавливаются на основании археологических разысканий (Marović A. Arheološka iskapanja u okolici Dubrovnika// Anali hist. in-ta JAZU u Dubrovnike. 1965. № 9–10; Dovan A. Povijest Dubrovnika od najstarijih vremena do početka VII st.// Anali hist. in-ta JAZU u Dubrovnike. 1966. № 10–11). Из письменных источников самый старый и достоверный рассказ (но с ошибочной, восходящей, кажется, к легендам об Аттиле, датой разграбления Эпидавра и Салоны — 449 г.) содержится в трактате Константина Багрянородного «Об управлении Империей» (Константин, 1991. С. 122/123). Предание, сообщаемое Салернской хроникой X в. (Chronicon Salernitanum// Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. III. Hannoverae, 1839. P. 512), связывает само основание Амальфи с выходцами с Рагузы. Однако основание Рагузы это предание относит к началу IV в., ко временам Константина I. Эта облагораживающая версия, возводящая жителей Дубровника к знатным римлянам, потерпевшим кораблекрушение в «пределах славян» во время переселения в Константинополь, родилась, надо думать, уже в самом Амальфи. Впрочем, основу ей могло дать наличие на Рагузе еще до прихода беженцев какого-то далматинского населения. Версия позднейших авторов — Дуклянина (Шишић, 1928. С. 317–322), перекликающегося с ним Фомы Сплитского (Фома 1997. С. 242–3/39) и дубровницких анналистов (Макушев В.В. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867. С. 305–307, 316) — связана, кажется, с расширением Рагузы-Дубровника (VIII–IX вв.) в результате подселения славян. Однако и здесь, особенно у Фомы, сохраняется историческая память о разорении Эпидавра и бегстве его жителей. Фома, кстати, и упрекает их за слияние в Дубровнике с «чужеземцами», опустошившими город. У него эти чужеземцы — беглецы из Рима. Так же и у Дуклянина, но у него беглецов возглавляет славянский жупан Бел, и к разорению Рагузы они никакого отношения не имеют. Фома как будто пародирует версию Дуклянина. Стоящий между Фомой и дубровницкими анналами Милеций в своей стихотворной хронике явно полемизирует со сплитским хронистом на основе местной традиции. Эпидавр теперь разрушают действительно римляне — во время гражданской войны. Затем в Градац прибывают беженцы из Италии, позже вместе с беженцами из Эпидавра основавшие Рагузу. Славяне назвали Рагузу Дубровником,

https://RodnoVery.ru

причем объяснение происхождения обоих названий точно повторяет Дуклянина (Matas. Miletii versus. S. 9–10). Что касается Дуклянина, то он приписывает разорение Эпидавра «сарацинам», действительно опустошавшим Адриатику в 841 г. (см.: Шишић, 1928. С. 318–319). Здесь также можно видеть след преданий о правившем в первой половине IX в. и, видимо, причастном к расширению города требиньском жупане Белом (древнейшее упоминание о нем у Константина: Константин, 1991. С. 150/151). Белый (Бел) назван основателем Дубровника у Дуклянина; предание о его бегстве-возвращении из Рима и основании города своеобразно трактует и Фома, превращающий его со спутниками в «римских преступников». У дубровницких анналистов XV–XVI вв. Эпидавр тоже разоряют сарацины, но основание Дубровника произошло ранее и связывается с именем славянского князя Радослава. Это позднейшая версия отраженного у Дуклянина предания, в котором Радослав — дед Бела. Здесь к Градацу как убежищу эпидаврцев добавляется Спилан. Дата основания Рагузы неясна. Анналы начинают историю города с 526 (Макушев, 1867. С. 305) или с 687 г. (там же. С. 316). Первая дата слишком ранняя, вторая кажется слишком поздней. Может быть, как считали некоторые авторы уже в позднее средневековье, 526 г. — искажение от «626». Но в целом ранние разделы дубровницких анналов за VI–VIII вв. фантастичны. Достоверность отдельных событий и дат совершенно теряется в сумятице искаженных при записи, повторяющихся у анналистов «кругами» устных преданий. Например, Радослав становится сыном боснийского «короля» Стефана, якобы правившего в VI в. (Макушев, 1867. С. 305–306); в VII в. появляются еще одни Стефан (Степан) с сыном Радославом (Радосавом) (там же. С. 306–307, 316–317), а в начале IX в. мы встречаем и еще одного Стефана Боснийского (там же. С. 313, 317). Известно, что Стефанами в крещении звали хорватского короля Држислава (конец X в.) и первого самостоятельного боснийского князя второй половины XI в. Последний имел сношения с Дубровником, о чем упоминал Милеций. Не исключено, впрочем, что то же имя носил хорватский князь первой половины IX в. Владислав. Как бы то ни было, Родослав к Стефану — подлинному или гипотетическому — никакого исторического отношения не имел.

https://RodnoVery.ru

1262

Дата приблизительно устанавливается археологами по последним христианским захоронениям на городском кладбище (Wilkes J. Dalmatia. L., 1969. P. 437; Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem veku. Zagreb, 1971. S. 132).

https://RodnoVery.ru

1263

Фома, 1997. С.241/36–242/38. Гораздо короче упоминает о взятии Салоны славянами (и/или аварами) Константин Багрянородный (Константин, 1991. С. 112/113, 130/131). Он, вероятно, объединяет предание о падении Салоны с преданием о падении в конце VI в. прикрывавшего ее Клиса. Первое упоминание о разорении Салоны «готами» и бегстве жителей на острова в латинской традиции — легенда о перенесении мощей свв. Домния и Анастасия (XI в.), которой пользовался Фома (Documenta Historiae Chroatiae periodem antiquam. Zagrebae, 1877. P. 288).

https://RodnoVery.ru

1264

Следами пребывания славян в разоренной Салоне могут быть находки монет 620-х-630-х гг., служащие некоторым исследователям основанием перенести дату падения города на более позднее время (Marović J. Reflexions about the year of the destruction of Salona// Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. Kn. 77. Zadar, 1984). События описывает Константин Багрянородный (Константин, 1991. С. 112/113, 130/131). О судьбе далматинского населения см. также: Седов, 1995. С. 321.

https://RodnoVery.ru

1265

Фома, 1997. С. 242/38. О переселении салонитов в Раусий сообщает Константин Багрянородный, называя шестерых представителей городской старшины (Константин, 1991. С. 122/123). Среди переселенцев были архидиакон салонской церкви Валентин, а также некий его тезка (родственник?), сын которого Стефан получил офицерское звание протоспафария (командуя местным гарнизоном?). Фома, враждебно относившийся к Дубровнику, об участии салонитов в его основании ни словом не обмолвился, хотя верно, в отличие от Дуклянина, отнес основание города ко временам разорения Далмации «варварами».

https://RodnoVery.ru

1266

Их перечисляет Константин Багрянородный. При этом он добавляет Аспалаф (Сплит), основанный позже беженцами из Салоны. См.: Константин, 1991. С. 112/113, 122–127, 130/131. Согласно Фоме Сплитскому, Задар все-таки был разрушен в VII в. и восстановлен выходцами из Салоны после 640 г. (Фома, 1997. С. 243/39–40). Субъективный характер этой версии очевиден, как и субъективность сплитской трактовки легенды об основании Дубровника.

https://RodnoVery.ru

1267

О завоевании «Превалии» аварским каганом сообщают «Чудеса святого Димитрия» (ЧСД 284: Свод II. 168/169). О разорении Диоклеи аварами кратко упоминает Константин Багрянородный (Константин, 1991. С. 152/153). По Летописи попа Дуклянина, Остроил доходит до «Превалитанского округа», «города Превалитанского» и погибает там (Шишић, 1928. С. 296). Последнее, впрочем, скорее относится к родовому преданию дуклян, чем к воспоминаниям об аваро-славянском нашествии. В грамоте 1252 г., связанной с прениями между Барской и Дубровницкой епархиями за первенство, Бар прямо назван преемником древней Диоклеи (Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Vol. 4. Zarrabiae, 1906. P. 482–483).

https://RodnoVery.ru

1268

События упоминаются Исидором Севильским (Isid. Chron. Maior. 414.: Свод II. С. 354/355), его Испанским продолжателем (Cont. Hisp. A. 653.: Свод II. С. 356/357), Армянской географией (Патканов, 1883. С. 27), и, видимо, Георгием Писидой (Свод II. С. 70/71), подробнее же всего — в «Чудесах святого Димитрия» (ЧСД 179–181.: Свод II. С. 124–127). Дата неопределенна. Исидор говорит просто о «начале» правления Ираклия, относя туда же потерю Сирии и Египта (611–618 гг.). Его Продолжатель датирует точнее, но по сути двояко — 653 г. испанской эры (615 г.) и 4 годом Ираклия (613/614). С этой расплывающейся датой в целом согласны сведения «Армянской географии» об одновременном вторжении в Далмацию и Ахайю, а также данные Второго собрания «Чудес». Согласно ему, нашествие предшествовало осаде Фессалоники, каковая, в свою очередь, произошла за два года до похода на нее аварского кагана. Последний же имел место не позднее событий 619–620 гг., когда между Аварией и Византией был на время заключен мир. Итак, все указывает на 614–615 гг., но не конкретнее. Грандиозные действия славян, описываемые фессалоникским анонимом, должны были занять не один год.

https://RodnoVery.ru

1269

О локализации племен по данным этнонимии и топонимии см.: Нидерле, 2001. С. 89; Свод II. С. 191–193.

https://RodnoVery.ru

1270

ЧСД 179: С. 124–127.

https://RodnoVery.ru

1271

Следы разрушений и славянского пребывания от конца VI и начала VII в. трудно разграничиваются. В целом же масштабы нашествия вполне подтверждаются археологически (Седов, 1995. С. 159, 166).

https://RodnoVery.ru

1272

ЧСД. 197.: Свод II. С. 134/135.

https://RodnoVery.ru

1273

Свод II. С. 70/71.

https://RodnoVery.ru

1274

ЧСД помещают их в «области Фив и Димитриады» (ЧСД 254: Свод II. С. 154/155) — на берегу залива Воло в Фессалии.

https://RodnoVery.ru

1275

В VIII в. автор «Жития святого Панкратия» рассматривал «авар», живущих «в епархиях Диррахия и Афин», как единое целое (Свод II. С. 333). Войничи же, несомненно, самое крупное и единственное известное славянское племя на этом промежутке.

https://RodnoVery.ru

1276

Все эти земли эпитоматор Страбона еще в X в. рассматривал как славянские (Византијски извори за историју народа Југословије. Т. 1. Београд, 1955. С. 295). О владычестве славян на Пелопоннесе вплоть до начала IX в. идет речь во многих еще источниках. Прежде всего — в Монемвасийской хронике (Свод II. С. 328/329) и схолии Арефы (Свод II. С. 346/347).

https://RodnoVery.ru

1277

Седов, 1995. С. 158, 166.

https://RodnoVery.ru

1278

Седов, 1995. С. 158–159, 162.

https://RodnoVery.ru

1279

Дата определяется приблизительно, с отсчетом от нападения кагана на Фессалонику в 618 г. (также предположительно, но с учетом известной нам, последней в войне кампании 619 г.). В расчетах в основном следуем Ф. Баришичу (Баришић Ф. Чуда Димитрија Солунског као историски извор. Београд, 1953. С. 86–95). Но есть и иные датировки (Бурмов А. Славянските нападения срещу Солун в «Чудесата на св. Димитрий» и тяхната хронология// Годишник на Софийския университетъ. Философско-исторически факултет. 1952, № 2. С. 195–196; Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans. T. 2. Paris, 1981. P. 91–94). Отметим, что вариант П. Лемерля (615 г.) приводит его к хронологическим искажениям (см.: Свод II. С. 196), тогда как А. Бурмов не вполне учитывал хронологию аварских войн и, прежде всего, формальный мир между Империей и каганатом в 620–626 гг.

https://RodnoVery.ru

1280

ЧСД 180.: Свод II. С. 126/127.

https://RodnoVery.ru

1281

ЧСД 193.: Свод II. С. 132/133. Хотун — по-гречески Χατζον (Свод II. С. 132/133, 134/135). Славянское восстановление этого имени (возможно, как усеченной формы от «Хотимир»), наиболее удачно (Свод II. С. 195).

https://RodnoVery.ru

1282

ЧСД 181–182, 185.: Свод II. С. 126–129.

https://RodnoVery.ru

1283

ЧСД 185–186, 193.: Свод II. С. 128–131, 132/133.

https://RodnoVery.ru

1284

ЧСД 1843–184.: Свод II. С. 128/129.

https://RodnoVery.ru

1285

ЧСД 185.: Свод II. С. 128/129.

https://RodnoVery.ru

1286

ЧСД 188–190.: Свод II. С. 130/131.

https://RodnoVery.ru

1287

ЧСД 190, 193.: Свод II. С. 130/131, 132/133.

https://RodnoVery.ru

1288

ЧСД 191, 196.: Свод II. С. 130–133, 134/135. О том, что святой Димитрий «отбил варварский натиск кораблей варваров и освободил город», упоминается также в одной из надписей Солунского храма св. Димитрия под его мозаичным изображением. Надпись датируется VII в. (Свод II. С. 195).

https://RodnoVery.ru

1289

ЧСД 193.: Свод II. С. 132/133.

https://RodnoVery.ru

1290

К этому нашествию автор Второго собрания Чудес св. Димитрия еще раз возвращается при описании позднейших событий: ЧСД 284.: Свод II. С. 168/169.

https://RodnoVery.ru

1291

ЧСД 196–197.: Свод II. С. 134/135.

https://RodnoVery.ru

1292

ЧСД 198.: Свод II. С. 134/135.

https://RodnoVery.ru

1293

ЧСД 200.: С. 136/137.

https://RodnoVery.ru

1294

ЧСД 199–201.: С. 136/137.

https://RodnoVery.ru

1295

ЧСД 202–203.: Свод II. С. 136/137.

https://RodnoVery.ru

1296

ЧСД 206.: Свод II. С. 138/139.

https://RodnoVery.ru

1297

ЧСД 207–208.: Свод II. С. 138/139.

https://RodnoVery.ru

1298

ЧСД 209.: Свод II. С. 138–141.

https://RodnoVery.ru

1299

ЧСД 210–211.: Свод II. С. 140/141.

https://RodnoVery.ru

1300

ЧСД 212–213.: Свод II. С. 140–143.

https://RodnoVery.ru

1301

ЧСД 214.: Свод II. С. 142/143.

https://RodnoVery.ru

1302

ЧСД 217–222.: Свод II. С. 142–145.

https://RodnoVery.ru

1303

Об участии в этом нашествии (как и во вторжении в Иллирик) славян, кажется, свидетельствует Второе собрание «Чудес св. Димитрия»: ЧСД 284.: Свод II. С. 168/169.

https://RodnoVery.ru

1304

Федоров — Полевой, 1973. С. 233 (датируется по монетным находкам).

https://RodnoVery.ru

1305

Свод II. С. 517 (сирийский «Смешанный хроникон», «третья серия» летописных статей, доведенная до 636 г.).

https://RodnoVery.ru

1306

Припоминание о ней («жилища славян, о которых повествуют и древние писатели», «жилища славян, о которых писали и историографы») имеются в «Житии св. Панкратия» (Свод II. С. 334). «Житие» переносит в апостольские времена многие реалии своего времени, в том числе и превратившиеся к 30-м гг. VIII в. уже в предание сведения о славянах на Сицилии. В представлении автора жития место «жилищ славян» — уже просто языческий могильник, населявшийся (тоже когда-то) «легионами демонов».

https://RodnoVery.ru

1307

Только этим можно объяснить сохранение явного аварского элемента в аваро-славянской культуре Поморавья спустя десятилетия после падения аварского ига, до середины VIII в. (см.: Седов, 1995. С. 287).

https://RodnoVery.ru

1308

Fred. Chron. IV. 48.: Свод II. С. 366/367.

https://RodnoVery.ru

1309

Mikkola J.J. Samo und sein Reich.// Archiv für slawischen Philologie. Bd. 41. Berlin, 1927. S. 77–78; Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. S. 96–101; Свод II. С. 374–376 (комментарий В.К. Ронина к хронике Фредегара). Сам Фредегар называет Само «по рождению франком» (Fred. Chron. IV. 48.: Свод II. С. 366/367), но имя с очевидностью не германское, так что логично заключить, что хронист имеет в виду лишь подданство. В «Обращении баваров и карантанцев» Само назван славянином (Conversio Bagoarirarum et Carantanarum. 4// MGH SS. XI. Hannoveriae, 1925. P. 7.: Свод II. С. 374). Но основной источник автора «Обращения» — «Деяния Дагоберта», которые восходят всецело к Фредегару, передают его с сокращениями и потому не упоминают о происхождении Само. Можно допустить, что в основе данных «Обращения» — предания хорутан о происхождении их княжеского дома. Но в этом случае (даже если славянство Само не является плодом логического умозаключения писателя) такие предания не достовернее свидетельства современника Фредегара. При решении вопроса в пользу славянства Само (помимо того, что оно ставит под сомнение всю историю борьбы славян с аварским игом, известную лишь из Фредегара) опять встает проблема имени. Славянское *samъ напрашивается само собой (как у Х.Кунстманна — Kunstmann H. Was besagt der Name Samo und wo liegt Wogatisburg?// Die Welt der Slawen. Bd. 24. München, 1979). Но использование этого местоимения в качестве личного имени или даже титула (что заключает Х. Кунстманн) у славян выглядело бы немного странно — не говоря уже о том, что подобные факты просто неизвестны. Итак, в рассказе Фредегара нет оснований сомневаться. Если считать его вымыслом, а хрониста столь смелым выдумщиком — почему бы не подвергнуть сомнению и сам факт существования «державы» Само, о котором только он по сути и сообщает?

https://RodnoVery.ru

1310

Фредегар сообщает о многоженстве (Fred. Chron. IV. 48.: Свод II. С. 366/367) и затем прямо о язычестве Само (Fred. Chron. IV. 68.: Свод II. С. 368/369). Сансский округ был в ту пору весьма слабо христианизирован (Labuda 1949. S. 96–124). Фредегар даже не упрекает Само за вероотступничество — был ли тот вообще крещен?

https://RodnoVery.ru

1311

Fred. Chron. IV. 48.: Свод II. С. 366/367.

https://RodnoVery.ru

1312

Fred. Chron. IV. 68.: Свод II. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

1313

Захоронения на аваро-славянских кладбищах здесь не прерываются веками (Sklenář, 1974. S. 285, 287). Могильник в Нове Замку под Нитрой только основан в середине VII в. (Sklenář, 1974. S. 285–286)

https://RodnoVery.ru

1314

Fred. Chron. IV. 48, 68.: Свод II. С. 366/367, 368/369.

https://RodnoVery.ru

1315

Fred. Chron. IV. 48.: Свод II. С. 366/367.

https://RodnoVery.ru

1316

ЭССЯ. Вып. 22. С. 178–179 (отсутствует в болгарском и македонском).

https://RodnoVery.ru

1317

Классическая в этом смысле работа Г. Лабуды: Labuda, 1949.

https://RodnoVery.ru

1318

Свод II. С. 272/273 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1319

Такую картину рисует, по сути, Феофан, говоря о необходимости «привести в согласие» авар с гепидами и славянами (Свод II. С. 272/273). О том же, о трудных переговорах с целью объединения сил, говорит и Георгий Писида в поэме «О случившемся нашествии варваров» (Свод II. С. 66/67). По нему, славянам пришлось «столковаться с гуннами» (видимо, теми же аварами, которых далее он повсеместно называет «скифами») — «славянин с гунном, а скиф с булгаром, и опять же мидиец столковался со скифом…».

https://RodnoVery.ru

1320

Свод II. С. 272/273 (Феофан) — «с Истра… бесчисленные и превышающие счет полчища».

https://RodnoVery.ru

1321

События восстанавливаются на основе разрозненных свидетельств. При посредничестве Шахрвараза был заключен союз авар с независимыми от них болгарами — об этом свидетельствуют Георгий Писида (Свод II. С. 66/67) и Феофан (Свод II. С. 272/273). Этот союз Куврат сохранял как минимум до 634 г. При нем до этого времени находился некий аварский «народ», и он признавал формально зависимость от кагана, с Империей же находился в состоянии войны (Чичуров, 1980. С. 153/161 — известие Никифора). К 630 г. в Аварском каганате предводителем болгар являлся некто Алциок, претендовавший на каганскую власть. Изгнанный из Аварии, он отправился на юг и поселился в конце концов на «много лет» в землях альпийских славян (Fred. Chron. IV. 72.: Свод II. С. 370/371). Затем, между 665–671 гг., болгарский «дукс» Алцеко объявляется в Италии и поступает на службу к лангобардскому королю (Paul. Diac. Hist. Lang. V. 29.: Свод II. С. 394. Прим. 63). Это в целом соответствует маршруту пятого сына Куврата, как он рисуется Никифором (Свод II. С. 228/229) и Феофаном (Свод II. С. 276/277). Кажущееся противоречие — Феофан и Никифор как будто относят переселение ко временам после смерти Куврата — снимается соображением о временной дистанции, отделяющей их от события. Альцек, активно действующий уже в 630 г., мог, в принципе, быть и действительно моложе умершего или погибшего в 703 г. (судя по «Именнику болгарских князей») Аспаруха. Если допустить, что Альцеку в 626 г. было 15–16 лет, то он мог родиться около 610–611 г., Аспарух же — около 609–610. Тогда в момент смерти Аспаруху было примерно 93 года, а это вполне допустимо.

https://RodnoVery.ru

1322

Свод II. С. 272/273 (Феофан). Судя по Пасхальной хронике, каган «привез с собой» однодеревки (Свод II. С. 76/77). Но об этом говорится уже в связи с попыткой спустить их на воду во время осады — то есть «привез» он их с собою непосредственно к стенам Константинополя. Славяне, конечно, должны были соединиться с каганом на суше. Наивно предполагать, что они проплыли море без остановок, а затем еще дневали и ночевали в ладьях под стенами города.

https://RodnoVery.ru

1323

Свод II. С. 76/77 (Пасхальная хроника); Чичуров, 1980. С. 152/160 (Никифор); Свод II. С. 272/273 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1324

Свод II. С. 76/77 (Пасхальная хроника); Чичуров 1980. С 152/160 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1325

Свод II. С. 76–79 (Пасхальная хроника).

https://RodnoVery.ru

1326

Свод II. С. 78/79 (Пасхальная хроника), 84/85 (Феодор Синкелл).

https://RodnoVery.ru

1327

Свод II. С. 78/79 (Пасхальная хроника), 84/85 (Феодор Синкелл).

https://RodnoVery.ru

1328

Свод II. С. 78/79 (Пасхальная хроника).

https://RodnoVery.ru

1329

Свод II. С. 68/69 (Георгий Писида), 84–87 (Феодор Синкелл), 226/227 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1330

Свод II. С. 68/69 (Георгий Писида), 86/87 (Феодор Синкелл); Чичуров, 1980. С. 152/160 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1331

Свод II. С. 78/79 (Пасхальная хроника), 226/227 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1332

Ход морского боя с небольшими отличиями описывают почти все наши источники: «Аварика» Георгия Писиды (Свод II. С. 68–71), Пасхальная хроника (С. 78/79), проповедь Феодора Синкелла (С. 84–87), «Бревиарий» Никифора (С. 226/227). Только Феофан (С. 272/273) повествует об этой битве, как и обо всей осаде, в общих словах, отметив лишь чудесное вмешательство Богоматери и «огромное множество» вражеских потерь «и на суше, и на море».

https://RodnoVery.ru

1333

Свод II. С. 68/69 (Георгий Писида), 78/79 (Пасхальная хроника), 88/89 (Феодор Синкелл), 226/227 (Никифор), 272/273 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1334

Свод II. С. 81. Прим. 14 (Георгий Кедрин).

https://RodnoVery.ru

1335

Fred. Chron. IV. 48.: Свод II. С. 366/367.

https://RodnoVery.ru

1336

О власти Само над карантанцами прямо говорит «Обращение баваров и карантанцев» (Conversio 4// MGH SS XI. P. 7: Свод II. С. 374), основываясь, вероятно, на местных преданиях. Возникновение княжества и причины его последующей ожесточенной борьбы с аварами смутно отражены в упоминании того же памятника о расселении славян в «Паннонии» в результате изгнания «гуннов» (Conversio 6: MGH SS XI. P. 9). Королевство Само где-то на юге, по логике — именно в землях Словении, граничило с лангобардами (Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368/369). Фредегар сообщает и о существовании здесь особой «марки винидов» (то есть автономной пограничной области в составе винидского королевства) во главе с «Валлуком, дуксом винидов» (Fred. Chron. IV. 72: Свод II. С. 370/371; см. там же комментарий В.К. Ронина, С.395).

https://RodnoVery.ru

1337

См.: Нидерле 2002. С. 79–80. «Обращение», кстати, выводит славян, пришедших на смену «гуннам» в «Паннонию», с северного берега Дуная (Conversio 6: MGH SS XI. P. 9). Здесь можно видеть отражение самых разных исторических событий VI–VII вв.

https://RodnoVery.ru

1338

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12; Т.2. Стб. 9; Т. 38. С. 14.

https://RodnoVery.ru

1339

Датируется в пределах первой половины VII в. (Седов, 1995. С. 45).

https://RodnoVery.ru

1340

Кухаренко, 1969. С. 125, 134; Historia kultury 1978. S. 26, 38, 40, 47.

https://RodnoVery.ru

1341

О союзе Само с франками говорит он сам франкскому послу (Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368/369).

https://RodnoVery.ru

1342

Это, видимо, имеет в виду Фредегар (Fred. Chron. IV. 58.: Свод II. С. 366–369).

https://RodnoVery.ru

1343

Vit. Amand. 16: Свод II. С. 407.

https://RodnoVery.ru

1344

Свод II. С. 70/71 («На воздвижение честного Креста»).

https://RodnoVery.ru

1345

Константин, 1991. С. 112/113, 130/131, 136/137. В главе 30 (С. 130/131) Константин излагает более раннюю, «племенную» версию переселения хорватов. Здесь приходят они самостоятельно и возглавляются семью героями-родоначальниками (пятью братьями и двумя сестрами). В главе 31 (С. 136/137) излагается более поздняя, «княжеская» версия, где главой хорватов предстает общий «архонт», а переселение их предстает инициативой Ираклия.

https://RodnoVery.ru

1346

Константин, 1991. С. 130/131. Имя «Хорват» — не обязательно вымысел, но может быть и связано с табуированием имени князя-предка, развившимся по мере становления «княжеского» предания в языческой или полуязыческой среде. Ср. князь «Серб» (С. 140/141), «отец Порга» (С. 136/137) в других местах Константина.

https://RodnoVery.ru

1347

Фома 1997. С. 35/240. Стоит иметь в виду, что к концу XI в. «родов» стало уже 12 (см.: Фома, 1997. С. 253), из них только «род» Тугомиричей может быть соотнесен с упоминаемыми Константином родоначальниками («сестра» Туга), и то условно.

https://RodnoVery.ru

1348

Аварские древности в Хорватии, и так единичные, быстро исчезают (Седов, 1995. С. 130, 323).

https://RodnoVery.ru

1349

Константин, 1991. С. 130/131.

https://RodnoVery.ru

1350

Константин, 1991. С. 132/133. 11 жуп населяли собственно хорваты и 3 — потомки авар.

https://RodnoVery.ru

1351

Константин, 1991. С. 132/133. См. еще: Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925. S. 378–380.

https://RodnoVery.ru

1352

Константин, 1991. С. 130/131, 136/137. О передаче власти по наследству на протяжении нескольких веков можно сделать вывод во втором случае — здесь говорится, что хорватами при Ираклии предводительствовал в качестве «архонта» «отец некоего Порга» — Борны, хорватского князя IX в. Хронологические смещения имеются в хорватских главах Константинова трактата. Смешивая различные этапы христианизации хорватов, он сразу ниже делает Борну современником Ираклия. Но в славянском исходном словоупотреблении «отец» вполне могло означать «предок».

https://RodnoVery.ru

1353

По мнению Константина, «старцы-жупаны» стояли во главе славян Адриатики еще в IXв., тогда как «архонтов… эти народы не имели» (Константин, 1991. С. 112/113). Мысль выражена настолько неуклюже, что прямо противоречит многим из утверждений ученого императора. Однако суть ее, вероятно, — именно в том, что жупаны являлись для тогдашних «архонтов» источником власти, так что подлинных «архонтов», как в X столетии, быть у славян еще не могло.

https://RodnoVery.ru

1354

Константин, 1991. С. 130–133. Формальной эта зависимость оставалась до рубежа VIII–IX вв., и попытка франков установить здесь реальную власть тогда вылилась в жестокую войну. Память о ней также сохраняется у Константина.

https://RodnoVery.ru

1355

Аварские древности в Сербии исчезают также в пределах первых трех четвертей VII в. (Седов, 1995. С. 332). Сербы авар здесь уже не застали (Константин, 1991. С. 140/141).

https://RodnoVery.ru

1356

Константин, 1991. С. 140/141.

https://RodnoVery.ru

1357

ЧСД 284: Свод II. С. 168/169.

https://RodnoVery.ru

1358

См. о местных названиях от их имен: ЭССЯ. Вып. 16. С. 131, 185–186.

https://RodnoVery.ru

1359

Константин, 1991. С. 140–143; Шишић, 1928. С. 293–296.

https://RodnoVery.ru

1360

В «Летописи» (Шишић, 1928. С. 293) их, правда, трое — за счет добавления Тотилы.

https://RodnoVery.ru

1361

Константин, 1991. С. 140/141. Здесь император несколько увлекся и произвел названия сербов от латинского слова со значением «рабы», потому что они, дескать, «стали рабами василевса ромеев». Он, видимо, забыл, что несколькими строками выше писал о сербской прародине в «Воиках», где доселе живут «белые», «некрещеные сербы» — лужицкие. Связь названия Сервии с сербами подвергается сомнению (Византијски извори… Т. 2. Београд, 1959. С. 47–49). Однако город ранее этого времени действительно неизвестен. Доводы Х. Диттена о невозможности поселения сербов в окрестностях Фессалоники по той причине, что они уже были заняты враждебными Империи славянами (Ditten H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen// Byzanz im 7. Jahrhundert. Berlin, 1978. S. 98–99), неубедительны. Во-первых, после 618 г. здешние славяне перестали быть открыто враждебны. Во-вторых, именно их ненадежность могла побудить Ираклия укрепить окрестности принявшими имперское подданство сербами. Отсутствие же упоминаний сербов среди осаждавших Фессалонику племен вообще ни о чем свидетельствовать не может. Достаточно сказать, что правление Ираклия отнюдь не закончилось в 616–618 гг., и логичнее помещать не датируемое Константином сербское переселение именно после 626 г., как и делаем мы.

https://RodnoVery.ru

1362

См.: Нидерле, 2002. С. 82–83. Это же касается, видимо, и хорватов (Нидерле, 2002. С. 80). Впрочем, надо иметь в виду, что слово «хорват», как одно из самоназваний сарматов и распространенное личное имя, широко использовалось еще в античное время. «Серб» же случайным образом созвучно с латинским servus (что пытается обыграть Константин Багрянородный — Константин, 1991. С. 140/141), и многие названия, производные от последнего, либо от личного имени «Сервий», могли подвергаться искажению в средние века — как, впрочем, и наоборот.

https://RodnoVery.ru

1363

Окрестности Сингидуна славяне с VII в. заселили довольно плотно, но в городе еще не селились (Седов, 2002. С. 500).

https://RodnoVery.ru

1364

Константин, 1991. С. 132/133, 140/141, 148–151, 152/153.

https://RodnoVery.ru

1365

Константин, 1991. С. 132/133,

https://RodnoVery.ru

1366

Константин, 1991. С. 152/153.

https://RodnoVery.ru

1367

Шишић, 1928. С. 308 след.

https://RodnoVery.ru

1368

Даже современные приверженцы «черногорского языка» в большинстве своем не отрицают его диалектный по отношению к сербохорватскому или прямо к «сербскому» характер (Славянские языки, 2005. С. 145). В диалектном отношении Черногория и ее говоры входят в область безусловно доминирующего в Сербии, и в первую очередь в Сербии, штокавского диалекта (там же. Приложения. Карта 4).

https://RodnoVery.ru

1369

Славянские языки, 2005. С. 140–141, 194–197.

https://RodnoVery.ru

1370

Славянские языки, 2005. С. 204, 205–206.

https://RodnoVery.ru

1371

Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeća. Zagreb, 1980; Седов, 1995. С. 323–324.

https://RodnoVery.ru

1372

Седов, 2002. С. 496.

https://RodnoVery.ru

1373

Седов, 2002. С. 493.

https://RodnoVery.ru

1374

Fred. Chron. IV. 72.: Свод II. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

1375

Чичуров 1980. С. 153/161 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1376

Судя по поведению франкского посла Сихария, когда Само предложил ему эти «раздоры» в комплексе рассудить (Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368/369).

https://RodnoVery.ru

1377

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368/369.

https://RodnoVery.ru

1378

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368/369. Так понимают изложение Фредегара и цели похода позднейшие авторы — составитель «Деяний Дагоберта» и пользовавшийся его трудом создатель «Обращения баваров и карантанцев» (Conversio 4.: Свод II. С. 388; Gest. Dag. 27.: Свод II. С. 389).

https://RodnoVery.ru

1379

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368/369. Автор «Деяний» заключил, что войском Австразии командовал сам Дагоберт. Из его единственного источника — хроники Фредегара — такой вывод никак не следует. Тот же автор пытается подменой слов затушевать корыстные мотивы лангобардов (см.: Gest. Dag. 27: Свод II. С. 389. Прим. 44, 48).

https://RodnoVery.ru

1380

См. различные варианты: Mikkola 1928. S. 95–97; Grünwald R. Wogastisburk// Vznik a počátky Slovanů. R. 2. Brno, 1958. S. 102–108; Kunstmann 1979. S. 20–21; Třeštík D. Objevy ve Znojmě// Československý časopis historický. R. 35.?. 4. Praha, 1987. S. 571.

https://RodnoVery.ru

1381

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 368–371. Можно добавить, что сложные перипетии отношений Само с Дагобертом (популярным героем немецких преданий) отразились в позднейшем фольклоре. Южнонемецкая легенда XVIII в. о местной святой Нотберге превращает ее в дочь «доброго короля» Дагоберта, которой домогается «князь неверных вендов». Возникновение легенды может быть связано с алеманами, участниками похода против Само, или с угнанными ими в Швабию славянами (Kunstmann H. Dagobert I und Samo in der Sage// Zeitschrift für slawische Philologia. 1975. Bd. 38. № 2. S. 282–302). Об исторической основе (кроме самого факта существования «князя», с которым Дагоберт то сообщался, то враждовал) говорить не приходится.

https://RodnoVery.ru

1382

Fred. Chron. IV. 68: Свод II. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

1383

Fred. Chron. IV. 72: Свод II. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

1384

Fred. Chron. IV. 74: Свод II. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

1385

Fred. Chron. IV. 75: Свод II. С. 372/373.

https://RodnoVery.ru

1386

Fred. Chron. IV. 77: Свод II. С. 372/373.

https://RodnoVery.ru

1387

Предание о крещении хорватов и сербов при Ираклии излагает Константин Багрянородный (Константин, 1991. С. 136/137, 142/143, 152/153). Однако в случае с хорватами он явно смешивает два крещения — при Ираклии в VII в. и при князе Борне в IX. О последнем он пишет и в другом месте (Константин, 1991. С. 132/133). Дата событий и личность папы определяются тем, что после смерти папы Гонория произошел разрыв императора с Римом. Любопытно, что в Летописи попа Дуклянина в связи с учреждением христианских законов князем Святополком (явный исторический прототип — Святополк Моравский, IX в.) фигурирует кардинал Гонорий (Шишић, 1928. С. 302). Достоверность сведений о раннем крещении славян Адриатики подтверждается посланием VI Вселенскому собору от папы Агафона (Свод II. С. 212). В Хорватии, вплоть до Истрии, со временем распространяются погребения с элементами местного христианского обряда. С этим связано появление могил с камнями в головах и ногах, а затем и с правильной обкладкой камнями или плитами (см.: Седов, 1995. Свод II. С. 322–324). Признает далматинских славян христианами и Фома Сплитский. Правда, отождествляя завоевателей Далмации с готами, он считает их арианами. Так или иначе, он дает довольно справедливую, пусть и субъективную, оценку ранней стадии сербохорватского христианства: «И сколь бы ни были они злобны и необузданны, все же они были христианами, хотя и очень невежественными» (Фома 1997. С. 36/240).

https://RodnoVery.ru

1388

Константин, 1991. С. 136/137.

https://RodnoVery.ru

1389

Documenta, 1877. P. 277 («Книга понтификов»); Фома, 1997. С. 38/242. Константин Багрянородный (Константин, 1991. С. 136–139), однако, подробно описывающий миссию Мартина к хорватам и сообщающий о нем массу деталей, относит ее к X в. Мартин, согласно трактату «Об управлении Империей», приезжал к хорватскому королю Трпимиру II, современнику Константина, спустя «много лет» после Борны. Здесь уже вряд ли может идти речь о частых в хорватских главах хронологических смещениях. Однако Мартин Константина к тому же являлся мирянином и не был, кажется, официальным посланцем римского папы. Итак, вероятнее всего, речь идет просто о совпадении имен.

https://RodnoVery.ru

1390

Фома 1997. С. 39–40/243. Фома пытается убедить, что Задар и отстроили только тогда, после запустения, салонские беженцы.

https://RodnoVery.ru

1391

Fred. Chron. IV. 87: Свод II. С. 372/373.

https://RodnoVery.ru

1392

ЧСД 238: Свод II. С. 148/149.

https://RodnoVery.ru

1393

Термин «Славиния» част у Феофана (Свод II. С. 272/273, 278/279, 282/283, 288/289). Однако появился он ранее IX в., еще в начале VII в. Об этом свидетельствует его употребление Феофилактом Симокаттой (Свод II. С. 40/41) и в рассказе Виллибальда Эйхштеттского о поездке в Грецию (Свод II. С. 440). Франкские анналы в конце VIII в. употребляют аналогичный термин — «Склавания» — по отношению к полабским славянам (Свод II. С. 447, 466/467). Все это свидетельствует о постепенном оформлении у славян представлений о своей территории как о «стране», о географической реальности с установленными границами. Анализу понятия «славиния» посвящена специальная работа Г.Г. Литаврина (Литаврин 2001. С. 518–526).

https://RodnoVery.ru

1394

ЧСД 232: Свод II. С. 144–147.

https://RodnoVery.ru

1395

ЧСД 280: Свод II. С. 166/167.

https://RodnoVery.ru

1396

О возможной идентификации его (или Галикоса) с рекой ринхинов см.: Нидерле 2002. С. 485; Свод II. С. 198. Прим. 132.

https://RodnoVery.ru

1397

Предводители осады Фессалоник ринхинами и сагудатами именуются «риксы другувитов» (Свод II. С. 156/157). При прямом (на наш взгляд, единственно возможном) понимании текста принадлежность дреговичей к ринхинскому союзу и лидерство в нем очевидны. К этой точке зрения склоняется и О.В.Иванова как к «одной из возможных гипотез» (Свод II. С. 202. Прим. 168).

https://RodnoVery.ru

1398

ЧСД 231: Свод II. С. 144/145. Имя передано в источнике как Περβούνδος что породило версию о славянском «Первуд» (Византијски извори 1955. С. 199). Следуем древнерусскому переводчику (Свод II. С. 199. Прим. 133), который, очевидно, неплохо владел славянской антропонимикой, и мнению болгарских комментаторов (Гръцки извори за българската история. Т. 3. София, 1960. С. 143).

https://RodnoVery.ru

1399

См.: ЧСД 242–243, 257: Свод II. С. 150/151, 156/157.

https://RodnoVery.ru

1400

Константин, 1991. С. 152/153.

https://RodnoVery.ru

1401

ЧСД 307–309: Свод II. С. 178–181. О хронологии см. там же: С. 210. Прим 244, 245. При датировке исходим из последнего актового упоминания Фин, столицы епархии Киприана, в 649 г.

https://RodnoVery.ru

1402

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 44.: Свод II. С. 486/487; Chronica s. Benedicti Casinensis.// Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI–IX. Hannoverae, 1878. P. 487. «Хроника св. Бенедикта» ошибочно приписывает гибель в бою со славянами отцу Айо, Арихизу. Это объясняется пропуском Айо в списке беневентских герцогов.

https://RodnoVery.ru

1403

ЧСД 235: Свод II. С. 146/147.

https://RodnoVery.ru

1404

Здесь и далее следуем в целом хронологическим расчетам А.Бурмова (Бурмов 1952. С. 203–204). Четвертая осада Фессалоники длилась 2 года и завершилась штурмом в 5 индикте (647, 662 или 677 г.). Из возможных дат на войну с арабами падают 645–647 и 675–677 гг. Во втором случае под итоговым миром может иметься в виду мир Империи с жителями западных областей, о котором писали Феофан и Никифор (Свод II. С. 226/227, 274/275). Примерно так располагает события П.Лемерль (Lemerle 1981. P. 128–132). Однако согласиться с этим трудно. Мир 678 г. последовал не за военным походом и победой имперского оружия (как в ЧСД), а безо всяких военных действий, что особенно подчеркивается хронистами. Лидерами заключавшей мир коалиции являлись авары, а в войне за Фессалонику, описываемой ЧСД, они не участвовали. Между тем, отождествление А.Бурмовым описываемого в ЧСД ромейского похода (спустя долгое время после осады!) с походом Константа 658 г. вполне убедительно. Иначе трудно понять, почему поход, направленный действительно к Фессалонике и победоносный, не удостоился на страницах ЧСД ни единого упоминания. Автор ЧСД определенно рисует отношения славян с городом мирными со времен осады кагана и до ареста Пребуда. Хронология Ф.Баришича вообще не находит четких опор во внешних источниках и едва ли может быть принята. Он располагает события между 674–680 гг., исходя с очевидностью из того, что в иных памятниках они никак не отражены (Баришић, 1953. С. 123–125). О хронологии и ходе арабо-византийских войн в VII в. см.: Большаков О.Г. История Халифата. Т.2. М., 1993; Т. 3. М., 1998.

https://RodnoVery.ru

1405

Об этом можно судить по восклицанию автора ЧСД при упоминании об отправке наместником послания: «каким образом и чего ради?» (ЧСД 231: С. 144/145).

https://RodnoVery.ru

1406

ЧСД 231: С. 144/145.

https://RodnoVery.ru

1407

ЧСД 232: Свод II. С. 144–147.

https://RodnoVery.ru

1408

ЧСД 233: Свод II. С. 146/147.

https://RodnoVery.ru

1409

ЧСД 234–235: Свод II. С. 146/147.

https://RodnoVery.ru

1410

ЧСД 235–237: Свод II. С. 146–149.

https://RodnoVery.ru

1411

ЧСД 238–239: Свод II. С. 148/149.

https://RodnoVery.ru

1412

ЧСД 240–242: Свод II. С. 148–151.

https://RodnoVery.ru

1413

ЧСД 243: Свод II. С. 150/151.

https://RodnoVery.ru

1414

ЧСД 243–245: Свод II. С. 150/151.

https://RodnoVery.ru

1415

ЧСД 251–252: Свод II. С. 154/155.

https://RodnoVery.ru

1416

ЧСД 245–247, 253: Свод II. С. 152/153, 154/155.

https://RodnoVery.ru

1417

ЧСД 245, 253: Свод II. С. 150/151, 154/155.

https://RodnoVery.ru

1418

ЧСД 247–250: Свод II. С. 152–155.

https://RodnoVery.ru

1419

ЧСД 250: Свод II. С. 154/155.

https://RodnoVery.ru

1420

ЧСД 245: Свод II. С. 152/153.

https://RodnoVery.ru

1421

ЧСД 254: Свод II. С. 154–157.

https://RodnoVery.ru

1422

ЧСД 255, 271: Свод II. С. 156/157, 162/163.

https://RodnoVery.ru

1423

ЧСД 272: Свод II. С. 162/163.

https://RodnoVery.ru

1424

См.: Свод II. С. 204. Гелеполы использовались при первой славяно-аварской осаде (ЧСД 139: Свод II. С. 112/113). Позднее, при осадах 616–618 гг., речь идет просто об осадных башнях.

https://RodnoVery.ru

1425

ЧСД 273–274: Свод II. С. 162–165.

https://RodnoVery.ru

1426

ЧСД 255, 257: Свод II. С. 156/157.

https://RodnoVery.ru

1427

ЧСД 259, 268: Свод II. С. 158/159, 160–163.

https://RodnoVery.ru

1428

ЧСД 255, 257–259: Свод II. С. 156/157.

https://RodnoVery.ru

1429

ЧСД 262–263: Свод II. С. 158–161.

https://RodnoVery.ru

1430

ЧСД 260–261, 264: Свод II. С. 158/159, 160/161.

https://RodnoVery.ru

1431

ЧСД 265–267: Свод II. С. 160/161.

https://RodnoVery.ru

1432

ЧСД 268: Свод II. С. 160–163.

https://RodnoVery.ru

1433

ЧСД 275: Свод II. С. 164/165.

https://RodnoVery.ru

1434

ЧСД 270, 277: Свод II. С. 162/163, 164/165.

https://RodnoVery.ru

1435

См.: Седов, 1995. С. 159.

https://RodnoVery.ru

1436

Kalligas H.A. Byzantine Monemvasia. Monemvasia, 1990. P. 29.

https://RodnoVery.ru

1437

Свод II. С. 512–513.

https://RodnoVery.ru

1438

Шишић, 1928. С. 296.

https://RodnoVery.ru

1439

Сын Сенулата и отец Владина Силимир правил будто бы 21 год: Шишић, 1928. С. 297.

https://RodnoVery.ru

1440

Не только Ф. Шишич, но и нередкий его оппонент С. Миюшкович (Шишић, 1928. С. 424; Летопис попа Дукљанина. Титоград, 1967. С. 182) решительно идентифицируют ее с Пояном. Таким образом, следует думать, что представлена протяженность владений от моря на восток, до северо-восточных пределов Рашки. Между тем, в тексте (Љетопис, 1967. С. 127) четко читается Poloniam, в чем трудно увидеть нечто иное, кроме латинского обозначения Польши. Конечно, можно предположить, что латинский переводчик, столкнувшись с незнакомым хоронимом, заменил его более понятным словом. Но это не более чем догадки. В то же время, находясь в пространстве эпического повествования, мы вполне можем допустить сопоставление в нем несопоставимых на наш рациональный взгляд географических ориентиров — небольшого жупанства на знакомом далматинском побережье и огромного королевства на далеком севере. Следует помнить, что Польша выступала в далматинском предании как прародина местных славян. Таким образом, текст «Летописи» может отражать представления ее создателей о распространении пределов древнего «королевства» на север. При этом отмечается, что в него входили все приморские области (в том числе южнее Винодола), и все Загорье (Рашка). Это толкование тем более убедительно, что в дальнейшем в «Летописи» в качестве потомка Сенудилая и правителя Дукли выступает моравский князь Святополк, с которым связывается создание Константином и Мефодием славянской азбуки.

https://RodnoVery.ru

1441

ЧСД 277: Свод II. С. 164/165.

https://RodnoVery.ru

1442

ЧСД 278–280: Свод II. С. 166/167; Свод II. С. 272/273 (Феофан). См. также: Византијски извори 1955. С. 221. Нап. 8 (отсылка к сведениям Ильи Нисибинского и сирийской же Хроники 817 г.).

https://RodnoVery.ru

1443

О причинах мира см.: ЧСД 281: Свод II. С. 166/167. Ср. известия Феофана: Свод II. С. 272/273, 274/275 (первое упоминание славян, проживающих в Азии — вскоре после «порабощения» македонских Константом). К гораздо более позднему времени относится упоминание в этом же районе селения Сагудаи (Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996. С. 402). Следует иметь в виду, что выселения из Македонии предпринимались и позднее, в том числе и в ближайшие десятилетия. Так что с уверенностью отнести появление этого местного названия именно к концу 650-х гг. нельзя. Правда, уже в VII в. известна христианская епархия Гордосерба к юго-востоку от Никеи (Нидерле, 2002. С. 83). В случае, если догадка о связи ее названия с сербами справедлива, какие-то сербы (македонские?) оказались втянуты в события на стороне ринхинов и их союзников, а позже переселены в Азию. Но время появления Гордосербы на карте кажется слишком ранним для такой увязки, а этимология названия — более чем сомнительной.

https://RodnoVery.ru

1444

Восшествие на престол Безмера датировано в «Именнике болгарских ханов» годом Быка (протоболг. шегор) — 641 г. В то же время в середине этого года, согласно Иоанну Никиускому, Куврат еще был жив и участвовал на стороне императрицы Мартины, вдовы Ираклия, в ее борьбе с пасынком Константином, отцом Константа (см. Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002. С. 180). Умер Куврат уже в царствование Константа (Чичуров 1980. С. 36/60 (Феофан), 153/162 (Никифор); С. 111. Прим. 265).

https://RodnoVery.ru

1445

См.: Именник 1981. С. 12; Свод II. С. 228/229 (Никифор), 276/277 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1446

По болгарским надписям VIII–IX вв. такая структура уже не прослеживается. Но она отразилась в сербском средневековом предании о переселении болгар, которое передает «Дуклянин» (Шишић, 1928. С. 297).

https://RodnoVery.ru

1447

Свод II. С. 228/229 (Никифор), 274/275 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1448

Свод II. С. 228/229 (Никифор), 276/277 (Феофан). Дату («по прошествии недолгого времени», «немного спустя») позволяет уточнить «Именник болгарских князей», относящий вокняжение Аспаруха (Есперих) к году вери (волка/тигра) (Именник, 1981. С. 12) — 642-й. С Аспаруха начинается вторая часть «Именника». С этого времени числовые определители при названии лет в «Именнике» определенно означают месяц, а не год по 10-летнему циклу. Месяц восшествия Аспаруха — ениалем (11-ый), что четко указывает на конец года.

https://RodnoVery.ru

1449

Именник 1981. С. 12. Сходно в «Апокрифической летописи» — Испор (Иванов, 1925. С. 282). См. также: Moravcsik G. Byzantinoturcica. Bd. 2. Berlin, 1958. S. 75–76.

https://RodnoVery.ru

1450

Разделение орды Куврата описывают Никифор (Свод II. С.228/229) и Феофан (С. 276/277).

https://RodnoVery.ru

1451

ЧСД 286: Свод II. С. 170/171; Свод II. С. 228/229 (Никифор), 276/277 (Феофан). Феофан и Никифор, конечно, ошибочно, относят переселение и пятого сына Куврата ко времени после смерти отца — такая ошибка вполне объяснима, тем более что в Италии Альцек действительно объявился только в 660-х гг. Отождествлению четвертого сына, позднее переселившегося на Балканы, с Кувером ЧСД (Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1992. С. 106–108), нет убедительных альтернатив. Кувер, переживший Аспаруха, мог и вправду быть его моложе. В отличие от случая с Альцеком, это никаких хронологических трудностей не вызывает.

https://RodnoVery.ru

1452

К 680 г. болгары Аспаруха являлись «народом грязным и нечистым», по словам Феофана (Свод II. С. 276/277). Язычниками, без сомнения, являлись и Кувер (судя по ЧСД: Свод II. С. 168 след.), и Аспарух с потомками (см., в том числе: Бешевлиев, 1992). О том, что пришедшие на Балканы болгары Аспаруха были «поганы зело и безбожны», помнит и богомильский автор «Апокрифической летописи» (Иванов, 1925. С. 282), приписывающий их привод туда лично пророку Исайе!

https://RodnoVery.ru

1453

На каганат претендовало его потомство — Кувер (ЧСД 289. Свод II. С. 170/171) и, видимо, ханы Дунайской Болгарии, по крайней мере в сношениях со славянами (о чем свидетельствует сербское предание из Летописи попа Дуклянина — Шишић, 1928. С. 297–298).

https://RodnoVery.ru

1454

См.: Артамонов, 2002. С. 172–173, 188–189. Датировка обособления Хазарии 651 г. не обязательна, но вполне вероятна. В любом случае, конфликт хазар и болгар начался гораздо раньше, как часть тюркской междоусобицы.

https://RodnoVery.ru

1455

Дата определяется сведениями «Именника» о трехлетнем правлении Безмера (Именник, 1981. С. 12). Очевидно, с 644 г. Аспарух перестал признавать брата верховным ханом. Связать это можно только с подчинением Безмера хазарам. Ведь «раздоры» братьев имели место в 642 г. — когда Аспарух и стал именоваться ханом.

https://RodnoVery.ru

1456

Свод II. С. 228/229 (Никифор), 276/277 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1457

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366/367.

https://RodnoVery.ru

1458

Fred. Chron. IV. 72: Свод II. С. 370/371.

https://RodnoVery.ru

1459

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 366/367.

https://RodnoVery.ru

1460

Федоров — Полевой, 1973. С. 300, 304; Седов, 1995. С. 134–135.

https://RodnoVery.ru

1461

Федоров — Полевой, 1973. С. 300.

https://RodnoVery.ru

1462

Федоров — Полевой, 1973. С. 300.

https://RodnoVery.ru

1463

Свод II. С. 399.

https://RodnoVery.ru

1464

Кухаренко, 1969. С. 125; Historia kultury 1978. S. 166–167; Седов, 1995. С. 17–18, 20.

https://RodnoVery.ru

1465

См.: Magistri Vincentii Chronicon Polonorum. I. 5–7// Monumenta Poloniae Historica. T. II. Warszawa, 1961; Великая хроника 1987. Гл. 1.

https://RodnoVery.ru

1466

Кухаренко, 1969. С. 136; Historia kultury 1978. S. 50; Седов, 1995. С. 343.

https://RodnoVery.ru

1467

Календарные обычаи и обряды, 1977. С. 214. О ритуале оставления праха у подножия (ограды) кургана см.: Седов, 1995. С. 343.

https://RodnoVery.ru

1468

Кухаренко, 1969. С. 136.

https://RodnoVery.ru

1469

Fred. Chron. IV. 48: Свод II. С. 66/367.

https://RodnoVery.ru

1470

Козьма, 1962. С. 49.

https://RodnoVery.ru

1471

Kučera M. Postavy velikomoravskej historie. Bratislava, 1986. S. 11–46.

https://RodnoVery.ru

1472

Судя по «Обращению баваров и карантанцев», где Само выступает как первый именно карантанский князь (см.: Свод II. С. 374). Именно это предание IX в., возможно, приписывало Само славянское происхождение. Резиденцию же его — совершенно вопреки исторической действительности — оно помещало в Хорутании.

https://RodnoVery.ru

1473

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 22.: Свод II. С. 486/489.

https://RodnoVery.ru

1474

Łowmiański H. Początki Polski. T. 4. Warszawa, 1970. S. 233.

https://RodnoVery.ru

1475

Korošec P. Zgodnjesrednjeveška arheološka slika karantanskih Slovanov. Ljubljana, 1979. T. 2. S. 38–39.

https://RodnoVery.ru

1476

ПСРЛ. Т.1. Стб. 5; Т. 2. Стб. 5; Т. 38. С. 12.

https://RodnoVery.ru

1477

Судя по чуть позднейшей дате ухода из «марки» «многие годы» прожившего с этим «Валлуком» болгарского хана Альцека (Paul. Diac. Hist. Lang. V. 29: Свод II. С. 394).

https://RodnoVery.ru

1478

Павел Диакон даже ошибочно отождествлял Карнунт с Карантаной (Paul. Diac. Hist. Lang. V. 22.: Свод II. С. 486/489) — значит, не сомневался, что Карнунт хорутанам принадлежит.

https://RodnoVery.ru

1479

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 22.: Свод II. С. 486–489.

https://RodnoVery.ru

1480

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 22.: Свод II. С. 486/489.

https://RodnoVery.ru

1481

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 23.: Свод II. С. 488/489. О географии событий см. примечания В.К. Ронина: там же. С. 498–499.

https://RodnoVery.ru

1482

Paul. Diac. Hist. Lang. V. 29: Свод II. С. 94.

https://RodnoVery.ru

1483

О том, что странствия «четвертого» сына Куврата завершились в Равеннском экзархате, сообщают Никифор (Свод II. С. 228/229) и Феофан (С. 276/277).

https://RodnoVery.ru

1484

Свод II. С. 274/275 (Феофан). Подробное изложение хода войны: Большаков, 1998. С. 138–140. Обоснование хронологии (О.Г. Большаков относит переход славян к кампании 664-го): там же. С. 318. Прим. 75. Во всяком случае, датировать эти события 669 г. (Свод II. С. 311) нельзя — они произошли еще при императоре Константе, погибшем в 668 г. Сам Феофан датирует происшедшее 665 г. — сентябрьским 663/4 или 664/5 г. (Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Рязань, 2005. С. 299).

https://RodnoVery.ru

1485

Этническая атрибуция «риксов» и «экзархов» запада, которым в 678 г. требовалось уже заключать с Империей мир, достаточно обоснована (Наумов Е.П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности.// Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 193–194; Свод II. С. 238, 312 (примечания Г.Г. Литаврина)).

https://RodnoVery.ru

1486

Шишић, 1928. С. 296–297. Здесь можно видеть отсылку и к приходу хорватов и сербов на Балканы в 620-х — 630-х гг., и к мирным договорам с Империей 678 г., и, как увидим далее, к событиям IX в. «Летописец», вероятно, опирается в этом месте на свои общие представления и далматинские (барские?) предания. По крайней мере, он не разворачивает историю примирения в некий «сюжет», как в случаях с использованием определенно славянских эпических сказаний. Странно, однако, что при этом он подчеркивает язычество Силимира. Мы видели, что в Сербии, Хорватии и Далмации бытовало устойчивое предание о древнем крещении. Казалось бы, оно очень хорошо согласовывалось с историей о временном примирении. Но «летописец», вероятно, этому преданию не доверился. Просветителем славян у него выступает святой Константин-Кирилл, и в этом представлении он основывался уже на славянском письменном источнике — правовом своде «Книга Мефодия». До IX в., следовательно, славяне должны оставаться язычниками. Возможность вероотступничества автор «Книги Готской» допускать не стал (как и — тем более — возможность того, что «Книга Мефодия» адресована каким-то другим славянам, либо псевдоэпиграфична). Принимать же утверждавшуюся в Далмации теорию изначально неправильного, арианского крещения славян означало вставать на сторону противника в глаголическом споре. В результате выигрышный концепт раннего крещения был проигнорирован «летописцем».

https://RodnoVery.ru

1487

Свод II. С. 226/227 (Никифор), 274/275 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1488

Феофан упоминает о том, что «все» западные народы сделались данниками Константина (Свод II. С. 278/279).

https://RodnoVery.ru

1489

Свод II. С. 212.

https://RodnoVery.ru

1490

Судя по тому, что Пребуд мог рассчитывать среди фракийских славян на приют (ЧСД 238: Свод II. С. 148/149).

https://RodnoVery.ru

1491

Советы и рассказы Кекавмена. СПб., 2003. С. 284/285.

https://RodnoVery.ru

1492

Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнина. Рязань, 2003. С. 204.

https://RodnoVery.ru

1493

Советы и рассказы, 2003. С. 284/285.

https://RodnoVery.ru

1494

Романские языки. М., 2001. С. 582.

https://RodnoVery.ru

1495

ЧСД 284, 288: Свод II. С. 168/169, 170/171. Об этнической природе сирмисиан свидетельствует и следующий факт. После расселения имперскими властями сирмисиан в среде македонских дреговичей (680-е гг.) возглавлявшийся последними племенной союз ринхинов начинает именоваться влахоринхинами. Под этим именем, как увидим, ринхины выступают в легенде Кастамонитского монастыря, описывающей события уже VIII в. (см.: Порфирий (Успенский). История Афона. Ч. III. Киев, 1877. С. 311). Любопытно, что вожак сирмисиан Мавр получил на византийской службе фамилию Бесс (см.: Lemerle 1981. P. 152–153). Возможно, что сирмисиане, происходившие из Фракии, считали себя «бессами», тогда как выходцы из Иллирика — «даками». Но это не более чем догадка.

https://RodnoVery.ru

1496

Советы и рассказы 2003. С. 286/287.

https://RodnoVery.ru

1497

ЧСД 285–286: Свод II. С. 170/171.

https://RodnoVery.ru

1498

ЧСД 288: Свод II. С. 170/171.

https://RodnoVery.ru

1499

ПСРЛ. Т.1. Стб. 5; Т. 2. Стб. 5; Т. 38. С.12.

https://RodnoVery.ru

1500

Свод II. С. 276/277 (Феофан). Никифор (Свод II. С. 228/229) четко говорит о «землях, соседних с державой ромеев» — следовательно, о прямом имперском управлении речи нет. Поп Дуклянин рассматривает в качестве единственных представителей Империи на месте именно «черных латинов» — «моровлахов» (Шишић, 1928. С. 298). Феофан далее упоминает, правда в риторическом периоде, о каких-то успехах Константина «на севере» и обложении тамошних краев данью (Свод II. С. 278/279).

https://RodnoVery.ru

1501

Свод II. С. 228/229 (Никифор), 276/277 (Феофан); Патканов, 1883. С. 27. Никифор и Феофан относят переселение за Днестр и далее в «Огл» ко времени еще до хазарского вторжения. Но «Армянская география» ясно свидетельствует, что Аспарух «бежал от хазар из гор Булгарских». О том, что болгары пришли на Дунай «от скифов, то есть от хазар», говорит, кстати, и русская «Повесть временных лет» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 9; Т. 38. С. 13) — правда, с явной опорой на византийскую ученую традицию.

https://RodnoVery.ru

1502

Патканов, 1883. С. 27.

https://RodnoVery.ru

1503

Свод II. С. 228/229 (Никифор), 276/277 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1504

Свод II. С. 230/231 (Никифор), 278/279 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1505

Дуйчев И. Проучвания върху българското средневековие// Сборник на Българската академия на науките. София, 1945. С. 163.

https://RodnoVery.ru

1506

Свод II. С. 230/231 (Никифор), 278/279 (Феофан). О поселении болгар в дельте и в Добрудже сообщают также «Сказание Исайи» (Апокрифическая летопись) (Иванов, 1925. С. 282 — «Карвунская страна» при трех «реках великих», между Дунаем и морем) и «Летопись попа Дуклянина» (Шишић, 1928. С. 298 — «Силлодуксия»). «Апокрифическая летопись» притом считает нужным подчеркнуть, что будущая Болгария «опустела от эллинов за 130 лет». В рассказе об Аспарухе (Испоре) ее автор пытается убедить читателя, что до того, как Аспарух «населил всю землю Карвунскую», в ней жили «ефиопи» (Иванов 1925. С. 282) — не те же ли «черные влахи» Дуклянина?

https://RodnoVery.ru

1507

Свод II. С. 230/231 (Никифор), 278/279 (Феофан). О насилиях болгар над славянами упоминает и русская летопись (ПСРЛ. Т.1. Стб. 11; Т.2. Стб. 9; Т.38. С. 13).

https://RodnoVery.ru

1508

Федоров — Полевой, 1973. С. 300.

https://RodnoVery.ru

1509

Там их в IX в. знает Баварский географ (Назаренко, 1993. С. 13/14). В том же сочинении упомянуты и «северцы» (Sebbirozi). Но нет уверенности, что это племя, помещаемое рядом с угличами, — не восточнославянская севера. Впрочем, «Сто могил» легендарного славянского князя Слава из «Сказания Исайи», чье имя отчетливо перекликается с северским Славуном, располагаются как раз к северу от Дуная (Иванов 1925. С. 282).

https://RodnoVery.ru

1510

Болгаро-валашский симбиоз в эпоху Второго Болгарского царства побудил болгарского историка XIV в. заключить, что влахи изначально являлись союзниками болгар (Среднеболгарский перевод, 1988. С. 228). Однако для писавшего ранее Дуклянина «моровлахи» — враги пришедших на Балканы болгар, покоренные ими (Шишић, 1928. С. 298). В русской летописи говорится о «белых уграх» как покорителях дунайских славян и победителях волохов, которые «прежде прияли землю словенскую» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 11; Т.2. Стб. 9; Т.38. С. 13). Предание о «белых уграх» приводится после предания о болгарах и с очевидностью независимо от него (в противном случае волохов прогоняли бы, очевидно, именно болгары, и следовало бы упомянуть об их взаимоотношениях с белыми уграми). Это, как будто, позволяет видеть в белых уграх оногуров — то есть тех же болгар Аспаруха, и полагать, что русский летописец дважды на основе разных преданий описал одно и то же событие. Однако не исключен и другой вариант — отражение деления на черных и белых мадьяр, из которых белые первыми пришли в Потисье. Ср. текст о венгерском завоевании, где упоминание о победе над волохами повторяется: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 25; Т. 2. Стб. 18; Т. 38. С. 18. Наконец, нельзя исключить, что предание о белых уграх восходит ко временам Аттилы, покорителя среднедунайских романцев («волохов») и легендарного предка оногурских ханов. Венгры, чья связь с оногурами породила их славянское и латинское названия, чтили в средние века гуннов Аттилы среди своих родоначальников. Что касается датировки вторжения белых угров временем Ираклия, то это при любом толковании ошибка. Источник ее совершенно понятен — в русском переводе «Хроники» Георгия Амартола, одном из главных источников летописца, «уграми» последовательно именовались «турки» греческого оригинала. В итоге «уграми» оказались как венгры, так и союзники Ираклия тюркюты. Видеть, с другой стороны, в сюжете о «белых уграх» только отражение такой путаницы нет оснований. О волохах Амартол определенно ничего не сообщал, эти данные летописец мог почерпнуть только из устной славянской традиции.

https://RodnoVery.ru

1511

Седов, 1995. С. 262, 266–268. Названия некоторых фракийских племен сохранились как наименования этнографических групп болгар (Нидерле, 2001. С. 63, 478).

https://RodnoVery.ru

1512

См. о появлении гончарной керамики провинциальных византийских типов в культуре Первого Болгарского царства: Седов, 1995. С. 265. Симптоматично, что этим же временем датируется начало активных контактов «прарумынского» со славянским.

https://RodnoVery.ru

1513

Предание об этом сохранялось долго (Среднеболгарский перевод 1988. С. 228). В то же время, конечно, не все припоминания о границах древней Болгарии заслуживают доверия. Автор тех же летописных заметок при хронике Манассии полагал, что благодаря союзу с сербами и влахами уже в то время границы Болгарии достигли Драча (Диррахия). Дуклянин приписал первому болгарскому «кагану» на Балканах завоевание как области «моровлахов», так и Македонии. При этом «каган» именуется Крис (Крум? Борис? — оба правили в IX в.) — образ явно собирательный (Шишић, 1928. С. 297–298). Из южнославянских источников границы владений «Испора» к югу от Дуная достовернее всего определяет «Сказание Исайи», сохранившее и предание о строительстве Аспарухом укреплений «от Дуная до моря» (Иванов 1925. С. 282). Неясно, насколько распространялось влияние Аспаруха на земли между Днестром и Дунаем, тем более к востоку от Днестра.

https://RodnoVery.ru

1514

Свод II. С. 230/231 (Никифор), 278/279 (Феофан). Память о победоносной войне Аспаруха с ромеями была столь прочна в болгарском предании, и не только в болгарском (Шишић, 1928. С. 297–298), столь важна в исторической памяти народа, что ее отразил даже избегающий подобных сведении богомильский «летописец» (Иванов 1925. С. 282). Тем более она отражается у автора времен Второго Болгарского царства (Среднеболгарский перевод 1988. С. 228), пользовавшегося византийскими хрониками.

https://RodnoVery.ru

1515

Дуклянин (Шишић, 1928. С. 298) утверждает, что Владин «из-за огромного множества народа» болгар предпочел заключить мир уже по примеру византийского императора. Однако болгарский автор (Среднеболгарский перевод, 1988. С. 228) рисует сербов союзниками болгар именно в войне с греками. Константин Багрянородный, который первым записал сербское предание о договоре (Константин, 1991. С. 142/143) утверждает, что оба народа издавна находились в союзе, «как соседи и люди сопредельных земель, дружески общаясь друг с другом, неся службу и находясь в подчинении в василевса ромеев и пользуясь его благодеяниями». Не совсем понятно, на кого была рассчитана последняя часть фразы — в контексте общеизвестных в Константинополе известий византийских хроник об отношениях с болгарами совершеннейшая нелепость. Возможно, впрочем (с учетом Дуклянина), что подобная версия родилась в сербском предании, пытавшемся примирить исторически союзные отношения и с ромеями, и с болгарами. В реальности, как кажется, сербы не дожидались санкции Константинополя на договор с Аспарухом. Но и участвовать в его войне с Византией им (как, впрочем, и ему привлекать их) никакой необходимости не было.

https://RodnoVery.ru

1516

Седов, 1995. С. 256.

https://RodnoVery.ru

1517

«Апокрифическая летопись» приписывает Аспаруху основание Дристры и строительство валов (Иванов, 1925. С. 282). О попинских поселениях в этом районе см.: Седов, 1995. С. 157, 162.

https://RodnoVery.ru

1518

Седов, 1995. С. 261. Предание об основании Аспарухом Плиски также сохранено «Апокрифической летописью» (Иванов, 1925. С. 282).

https://RodnoVery.ru

1519

Седов, 1995. С. 258–259, 262.

https://RodnoVery.ru

1520

Именник, 1981. С. 12.

https://RodnoVery.ru

1521

Ср. картину, рисуемую Повестью временных лет (Т. 1. Стб. 25; Т. 2. Стб. 18; Т. 38. С. 18 — кочевые болгары как «скифы» и «насильники» славян, подобно аварам, венграм и печенегам) и единогласно всеми южнославянскими средневековыми авторами: Иванов, 1925. С. 228 («Сказание Исайи» рисует кочевых куманов предками современных болгар, и считает их первым «царем» Слава); Шишић, 1928. С. 297–298 (Дуклянин специально отмечает единое славянское происхождение своих «готов» и новопришлых болгар); Среднеболгарский перевод, 1988. С. 282 (в заметках при Хронике Манассии предание об «исходе» болгар полностью слилось с представлениями о славянском расселении).

https://RodnoVery.ru

1522

Свод II. С. 230/231 (Никифор), 278/279 (Феофан); Гръцки извори, 1960. С. 169–170 (Акты VII Вселенского Собора). Память о заключении этого мира сохранила и дуклянская устная традиция (Шишић, 1928. С. 298).

https://RodnoVery.ru

1523

ЧСД 288: Свод II. С. 170/171.

https://RodnoVery.ru

1524

ЧСД 285–286: Свод II. С. 170/171.

https://RodnoVery.ru

1525

«Повесть временных лет» говорит об угнетении славян «волохами» в будущей Венгрии вплоть до нашествия венгров в конце IX в. (ПСРЛ. Т.1. Стб. 25–26; Т.2. Стб. 18; Т. 38. С. 18). Здесь, конечно, могут иметься в виду разные обстоятельства — вплоть до давления романских поселенцев в Паннонии IX в., при поддержке Восточно-Франкского королевства. Но начало такой ситуации относится именно к недатированным в летописи временам расселения «волохов» в придунайских областях.

https://RodnoVery.ru

1526

ЧСД 291: Свод II. С. 172/173.

https://RodnoVery.ru

1527

Судя по тому, что в заголовке Чуда 5 ЧСД он назван «булгаром» (Свод II. С. 168/169).

https://RodnoVery.ru

1528

ЧСД 291: Свод II. С. 172/173.

https://RodnoVery.ru

1529

ЧСД 293: Свод II. С. 174/175.

https://RodnoVery.ru

1530

ЧСД 304: Свод II. С. 178/179.

https://RodnoVery.ru

1531

ЧСД 285, 287: Свод II. С. 170/171.

https://RodnoVery.ru

1532

Согласно, ЧСД, прошло «шестьдесят лет и более» со времен аварского нашествия на Византию (ЧСД 286: Свод II. С. 170/171). Счет лет ведется от разорения каганом Фракии, то есть от 619–620 гг. Следует также иметь в виду, что Второе собрание Чудес составлено спустя примерно 70 лет после Первого, последние события которого относятся к правлению Фоки (602–610) (см.: Свод II. С. 92–93). Таким образом, датировка вторжения Кувера в Македонию временем около 681 г. вполне обоснована.

https://RodnoVery.ru

1533

ЧСД 287–288: Свод II. С. 170/171.

https://RodnoVery.ru

1534

ЧСД 288: Свод II. С. 170/171. О локализации см.: Там же. С. 207. Прим. 212.

https://RodnoVery.ru

1535

ЧСД 288: Свод II. С. 170/171.

https://RodnoVery.ru

1536

ЧСД 289: Свод II. С. 170/171.

https://RodnoVery.ru

1537

ЧСД 289: Свод II. С. 170–173.

https://RodnoVery.ru

1538

ЧСД 290: Свод II. С. 172/173.

https://RodnoVery.ru

1539

ЧСД 302: Свод II. С. 176/177.

https://RodnoVery.ru

1540

ЧСД 290: Свод II. С. 172/173.

https://RodnoVery.ru

1541

ЧСД 291: Свод II. С. 172/173.

https://RodnoVery.ru

1542

ЧСД 292–294: Свод II. С. 173–175

https://RodnoVery.ru

1543

ЧСД 294–301: Свод II. С. 174–177.

https://RodnoVery.ru

1544

ЧСД 302: Свод II. С. 176/177.

https://RodnoVery.ru

1545

Константин Багрянородный в сочинении «О фемах» связывает поселение «скифов» на Стримоне именно с Юстинианом II (Византијски извори, 1959. С. 74). Едва ли может иметься ввиду кто-то, кроме болгар и сирмисиан Мавра.

https://RodnoVery.ru

1546

ЧСД 303: Свод II. С. 176/177; Византијски извори, 1959. С. 74 (Константин Багрянородный, «О фемах»). Сохранилась печать Мавра с его полным титулом (Свод II. С.223).

https://RodnoVery.ru

1547

ЧСД 304: Свод II. С. 175–179.

https://RodnoVery.ru

1548

Свод II. С. 214/215 (указ о дарении), 230–233 (Никифор), 278–281 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1549

Свод II. С. 232/233 (Никифор), 280/281 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1550

Свод II. С. 280/281 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1551

Свод II. С. 219–220 (о кольце), С. 232/233 (Никифор), 280/281 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1552

Свод II. С. 232/233 (Никифор), 280/281 (Феофан). См. также (в том числе о хронологии событий): Большаков 1998. С. 272–273, 344 (прим. 47). Из восточных авторов сражение упоминают Халифа, Табари, Илья Нисибинский.

https://RodnoVery.ru

1553

Свод II. С. 280/281 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1554

Свод II. С. 218 (печать этого чиновника, 694/695 г.). Сложен вопрос об отождествлении этого «апоипата рабов» с «апоипатом рабов» и коммеркиарием (чиновник, ведающий торговлей) Георгием. Георгий — единственный, помимо владельца печати, человек с таким титулом, и его печати датируются также 693–695 гг. В этом случае можно было бы говорить о «гигантской распродаже» славянских рабов по Малой Азии (Oikonomides N. Silk trade and production in Byzantium from sixth to the ninth century. Appendix 2. A giant sale of Slaves in 694/695.// Dumbarton Oaks Papers. Vol. 40. Washington, 1986). Но тождество этого апоипата и Георгия — лишь гипотеза. Да и функции самого «апоипата рабов (пленников?)» в случае такого тождества, как показал Г.Г. Литаврин (Свод II. С. 219–221), не однозначно ясны.

https://RodnoVery.ru

1555

Свод II. С. 280/281.

https://RodnoVery.ru

1556

Свод II. С. 509.

https://RodnoVery.ru

1557

Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. T. 1. Kraków, 1956. S. 202/203 (цитата у Ибн Кутайбы), 226/227 (цитата у Балазури).

https://RodnoVery.ru

1558

Бешевлиев, 1992. С. 102 (надпись хана Тервеля), 106–108 (комментарий).

https://RodnoVery.ru

1559

Порфирий (Успенский). История Афона. Т. 3. Киев, 1877. С. 311. Заметим, что по времени описываемых событий сведения о «влахоринхинах» в легенде Кастамонитского монастыря на Афоне — первое упоминание влахов.

https://RodnoVery.ru

1560

Славянские языки, 2005. С. 18–19, 72, 106.

https://RodnoVery.ru

1561

Федоров — Полевой, 1973. С. 298, 300.

https://RodnoVery.ru

1562

Федоров — Полевой, 1973. С. 302; Седов, 1982. С. 123; Седов, 1995. С. 105.

https://RodnoVery.ru

1563

Федоров — Полевой, 1973. С. 300, 302.

https://RodnoVery.ru

1564

См.: Федоров — Полевой, 1973. С. 302; Седов, 1995. С. 105–106; Романские языки 2001. С. 582.

https://RodnoVery.ru

1565

Въжарова, 1976. С. 83 след.; Седов, 1995. С. 259, 262.

https://RodnoVery.ru

1566

Только бежавших в 761 г. на земли Империи было, по Никифору, до 208 000 (Свод II. С. 234/235). Позднее болгарские ханы принимали меры по восстановлению численности населения.

https://RodnoVery.ru

1567

Седов, 1995. С. 157, 263.

https://RodnoVery.ru

1568

Въжарова 1965.

https://RodnoVery.ru

1569

См.: Седов, 1995. С. 265–266.

https://RodnoVery.ru

1570

Седов, 1995. С. 337.

https://RodnoVery.ru

1571

Седов, 1995. С. 166, 337.

https://RodnoVery.ru

1572

Свод II. С. 333 (Житие Панкратия).

https://RodnoVery.ru

1573

Федоров — Полевой, 1973. С. 302.

https://RodnoVery.ru

1574

Седов, 1995. С. 163.

https://RodnoVery.ru

1575

Федоров — Полевой, 1973. С. 392; Седов, 1995. С. 266.

https://RodnoVery.ru

1576

Свод II. С. 284/285 (Феофан о князе северов).

https://RodnoVery.ru

1577

Свод II. С. 333 (Житие Панкратия).

https://RodnoVery.ru

1578

Свод II. С. 234/235 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1579

Свод II. С. 234/235 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1580

Свод II. С. 284/285 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1581

Свод II. С. 333–334.

https://RodnoVery.ru

1582

Порфирий, 1877. С. 311.

https://RodnoVery.ru

1583

Свод II. С. 232/233 (Никифор); Ditten H. Prominente Slawen und Bulgaren in byzantinischen Diensten// Studien zum 8. und 9. Jh. in Byzanz. Berlin, 1983. S. 104–105.

https://RodnoVery.ru

1584

Свод II. С. 235 (Никифор), 246 (прим. 108), 284/285, 286/287 (Феофан), 320 (прим. 399).

https://RodnoVery.ru

1585

Дата смерти Аспаруха устанавливается по Именнику болгарских ханов (Именник, 1981. С. 12). Ее обстоятельства — сражение с «измаильтянами» (в которых можно видеть лишь хазар) сохранены преданием, отражаемым в Апокрифической летописи (Иванов, 1925. С. 282).

https://RodnoVery.ru

1586

Бешевлиев, 1992. С. 102; Свод II. С. 280/281 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1587

О событиях, приведших к падению Юстиниана, см.: Чичуров, 1982. С. 40/63 — 41/65 (Феофан), 156/164 — 157/166 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1588

Согласно легенде Кастамонитского монастыря (Порфирий, 1877. С. 311), македонские славяне — выходцы из Болгарии. Это может отражать как первоначальное расселение их с Дуная, так и позднейшие события.

https://RodnoVery.ru

1589

Свод II. С. 232/233 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1590

Źródła 1956. S. 258/259 (Йакуби).

https://RodnoVery.ru

1591

Свод II. С. 232–235 (Никифор), 243 (Прим. 88 — версия Феофана). См. перевод соответствующего фрагмента Хронографии Феофана: Феофан, 2005. С. 342.

https://RodnoVery.ru

1592

Порфирий, 1877. С. 311.

https://RodnoVery.ru

1593

Свод II. С. 234/235 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1594

Свод II. С. 333–334.

https://RodnoVery.ru

1595

Свод II. С. 40 (Житие Виллибальда, епископа Эйхштеттского).

https://RodnoVery.ru

1596

Византијски извори, 1959. С. 75 («О фемах»).

https://RodnoVery.ru

1597

Свод II. С. 211 (известна печать архонта Керминицы Михаила, носившего византийский титул спафария).

https://RodnoVery.ru

1598

Хронология второй (балканской) части «Именника» (Именник, 1981. С. 12) довольно запутанна. В отличие от первой части, буквальное восприятие дат по 12-летнему животному циклу приводит к расхождениям со сроками правления. Обычно годы правления ханов рассчитываются учеными, исходя из указанных сроков, за вычетом одного года — в ряде культур Востока первый год правления нового правителя одновременно считался и годом кончины предыдущего. Этим традиционным счетом пользуемся и мы, не ставя специальной задачей установление хронологии Болгарского ханства. Надо, однако, отметить, что в этом случае годом восхождения на престол Тервеля, правившего по «Именнику» 21 год, следует считать 698-й. Может, он какое-то время был соправителем Аспаруха? Единственная точка схождения с византийскими источниками — правление хана Телеца, — вместе с тем дает совпадение при обеих версиях подсчета. Исходя из традиционного счета, Телец правил в 761–763 гг. Исходя из даты восшествия на престол по 12-летнему циклу — 760–763 гг. Ошибки в «Именнике» очевидны, и более всего они должны были затронуть непонятные переписчикам даты на протоболгарском. Число твирем — 9, например, каким-то образом стало именем последнего хана из рода Дуло, второго преемника Тервеля. Этому небывалому хану приписывается 28 лет правления, что взламывает всю хронологию, так что исследователи предпочитают читать «8». Однако «опорные», упомянутые византийцами правители — Тервель и Телец — все-таки удостоверяют традиционный счет и общую достоверность «Именника».

https://RodnoVery.ru

1599

В «Именнике» о хане Кормисоше не очень понятно сказано, что он «изменил род Дуло» (Именник, 1981. С. 12). Феофан утверждает, что вплоть до Телеца (760/1 г.?) болгарами правили законные «господа, ведшие род по наследству» (Свод II. С. 282/283). Это подразумевает легитимную смену власти еще со времен Аспаруха — ведь после Кормисоша правил лишь один хан из его собственного рода Вокил (Укил).

https://RodnoVery.ru

1600

Порфирий, 1877. С. 311.

https://RodnoVery.ru

1601

Свод II. С. 234/235 (Никифор).

https://RodnoVery.ru

1602

Порфирий, 1877. С. 311.

https://RodnoVery.ru

1603

Свод II. С. 282/283 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1604

Свод II. С. 282/283 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1605

Именник, 1981. С. 12; Свод II. С. 282/283 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1606

Свод II. С. 234/235 (Никифор), 282/283 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1607

Свод II. С. 282/283 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1608

Свод II. С. 284/285 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1609

Свод II. С. 234/235 (Никифор), 283/284 (Феофан)

https://RodnoVery.ru

1610

Свод II. С. 282–285 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1611

Свод II. С. 284/285.

https://RodnoVery.ru

1612

Именник, 1981. С. 12. Указанная здесь дата животного цикла (год змеи) — падает на 765-й. Это совпадает с показаниями «Бревиария» Никифора, единственного источника по подоплеке похода. Он говорит о 3 индикте (764/5 г.).

https://RodnoVery.ru

1613

Свод II. С. 284/285 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1614

Свод II. С. 284/285 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1615

Свод II. С. 510.

https://RodnoVery.ru

1616

Свод II. С. 284–287 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1617

Свод II. С. 286/287.

https://RodnoVery.ru

1618

Свод II. С. 286/287 (Феофан), 328/329 (Монемвасийская хроника), 346/347 (Схолия Арефы). С походом Ставракия создание фемы Пелопоннес связывают Г. Острогорский (Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinisches Staates. München, 1963. S. 162) и др.

https://RodnoVery.ru

1619

Свод II. С. 286/287 (Феофан).

https://RodnoVery.ru

1620

Свод II. С. 288/289 (Феофан). Отождествление «Велзитии» из этого фрагмента с землей велеездичей (Нидерле, 2001. С. 485, 486) не имеет альтернатив.

https://RodnoVery.ru

1621

Свод II. С. 510.

https://RodnoVery.ru

1622

Славянские языки, 2005. С. 204.

https://RodnoVery.ru

1623

ПСРЛ. Т.1. Стб. 5–6; Т.2. Стб. 5; Т. 38. С. 12.

https://RodnoVery.ru

1624

Славянские языки, 2005. С. 19.

https://RodnoVery.ru

1625

Korošec, 1979. S. 289–306; Седов, 1995. С. 277, 278 (карта). К настоящему времени устарело определение ранней фазы карантанской культуры как «кеттлахской». Кеттлахская культура — плод дальнейшего смешения с германцами — складывается в Карантании уже в IX столетии (Korošec, 1979. S. 55, 305–306).

https://RodnoVery.ru

1626

Используя могильники предшествующего времени (Седов, 1995. С. 276).

https://RodnoVery.ru

1627

Седов, 1995. С. 35, 277, 324.

https://RodnoVery.ru

1628

Свод II. С. 434. Прим. 11 (диплом Карла Великого 791, передающий более раннюю грамоту Тассило III).

https://RodnoVery.ru

1629

Седов, 1995. С. 277.

https://RodnoVery.ru

1630

Paul. Diac. Hist. Lang.VI. 24: Свод II. С. 490/491.

https://RodnoVery.ru

1631

Седов, 1995. С. 277.

https://RodnoVery.ru

1632

Conversio 7: MGH SS XI. P. 9.

https://RodnoVery.ru

1633

Народы I. С. 461.

https://RodnoVery.ru

1634

См.: Conversio 4.: MCH SS XI. P. 7.

https://RodnoVery.ru

1635

Как Крайна (Карниола), независимая к 738 г. (Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 52.: Свод II. С. 492/493).

https://RodnoVery.ru

1636

В «Обращении баваров и карантанцев» князья Хорутании Крайны именуются duces, жупаны же, вероятно, — comites (Conversio 7: MGH SS XI. P. 9). Именно с выселенцами из Хорутании (в Баварию) связано древнейшее упоминание самого славянского титула «жупан» в письменном источнике (Свод II. С. 430/431, грамота Тассило III 777 г.).

https://RodnoVery.ru

1637

Так можно понять Павла Диакона: Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 24.: Свод II. С. 488/489.

https://RodnoVery.ru

1638

Conversio 7: MGH SS XI. P. 9.

https://RodnoVery.ru

1639

Not. Brev. I. 3, 8: Свод II. С. 502/3, 504/5.

https://RodnoVery.ru

1640

Седов, 1995. С. 277.

https://RodnoVery.ru

1641

Седов, 1995. С. 276, 277.

https://RodnoVery.ru

1642

Седов, 1995. С. 129, 304.

https://RodnoVery.ru

1643

Археология Венгрии 1986. С. 310–317.

https://RodnoVery.ru

1644

Седов, 1995. С. 134.

https://RodnoVery.ru

1645

Федоров — Полевой, 1973. С. 304.

https://RodnoVery.ru

1646

Федоров — Полевой, 1973. С. 304–305.

https://RodnoVery.ru

1647

Федоров — Полевой, 1973. С. 304.

https://RodnoVery.ru

1648

Федоров — Полевой, 1973. С. 305.

https://RodnoVery.ru

1649

Седов, 1995. С. 130.

https://RodnoVery.ru

1650

Belošević 1980. S. 114, 128–129, 130–131; Седов, 1995. С. 327.

https://RodnoVery.ru

1651

Belošević, 1980. S. 98–109, 116–122; Седов, 1995. С. 324–325.

https://RodnoVery.ru

1652

См.: Belošević, 1980. S. 109–116, 123–125; Седов, 1995. С. 324–325.

https://RodnoVery.ru

1653

Belošević, 1980. S. 130.

https://RodnoVery.ru

1654

Большая семья (в форме задруги) у хорватов существовала и в новое время (Народы I. С. 444).

https://RodnoVery.ru

1655

Свидетельство Константина Багрянородного (Константин, 1991. С. 136/137).

https://RodnoVery.ru

1656

Судя по преданиям, отраженным в «Летописи попа Дуклянина» (Шишић, 1928. С. 317 — под «баном Белой Хорватии» здесь следует иметь в виду хорватского князя, поскольку по исторической теории Дуклянина «король» у славян может быть только один, в данном случае сербский Родослав).

https://RodnoVery.ru

1657

Константин, 1991. С. 132/133.

https://RodnoVery.ru

1658

Константин, 1991. С. 132/133, 136/137.

https://RodnoVery.ru

1659

Belošević, 1980. S. 98 etc.; Седов, 1995. С. 130, 324–327.

https://RodnoVery.ru

1660

Belošević, 1980; Седов, 1995. С. 324, 327.

https://RodnoVery.ru

1661

Описание событий: Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 24.: Свод II. С. 488–491. См. также: Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 45.: Свод II. С. 492/493. В.К. Ронин считает размеры потерь фриульцев преувеличением. Его аргументация: «Ниже рассказывается, что ставший вскоре герцогом Пеммо, собрав сыновей всех знатных фриульцев, павших в войне со славянами, воспитал их вместе со своими детьми. Очевидно, таких сирот было немного, а значит, потери фриульской знати были не так велики» (Свод II. С. 500. Прим. 64). Не кажется очевидным. Под фриульской знатью имеется в виду ее постоянно вооруженная часть, герцогская дружина. Если им хватало места при герцогском дворе, то не хватило бы и для их детей? Кажется, что у герцога хватило бы и средств в казне для содержания сирот, и места для их размещения в Чивидале. Думается, что воспитание «вместе с собственными детьми» — не обязательно в одной спальне и в одной игровой комнате (Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 45.: Свод II. С. 490/491). При всех возможных эпических преувеличениях, не видим достаточных оснований сомневаться в показаниях источника в данном случае.

https://RodnoVery.ru

1662

Drev. Not. I. 3.: Свод II. С. 502/503.

https://RodnoVery.ru

1663

Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 45.: Свод II. С. 490–493.

https://RodnoVery.ru

1664

Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 51.: Свод II. С. 492/493.

https://RodnoVery.ru

1665

Paul. Diac. Hist. Lang. IV. 38.: Свод II. С. 486/487.

https://RodnoVery.ru

1666

Paul. Diac. Hist. Lang. VI. 52.: Свод II. С. 492/493.

https://RodnoVery.ru

1667

Об археологическом материале см.: Седов, 1995. С. 129, 304.

https://RodnoVery.ru

1668

Почти единственный источник по этим событиям — «Обращение баваров и карантанцев». См.: Conversio 4: MGH SS XI. P. 7. Подробный русский пересказ В.К. Ронина: Свод II. С. 459.

https://RodnoVery.ru

1669

Brev. Not. I. 8: Свод II. С. 504/505.

https://RodnoVery.ru

1670

Conversio 3: MGH SS XI. P. 6; Свод II. С. 453. Прим. 5

https://RodnoVery.ru

1671

Conversio 4: MGH SS XI. P. 7; Свод II. С. 459.

https://RodnoVery.ru

1672

Conversio 5: MGH SS XI. P. 7; Свод II. С. 459.

https://RodnoVery.ru

1673

Свод II. С. 459.

https://RodnoVery.ru

1674

Conversio 5: MGH SS XI. P. 8; Свод II. С. 459.

https://RodnoVery.ru

1675

ЭССЯ. Вып. 11. С. 89.

https://RodnoVery.ru

1676

Conversio 5: MGH SS XI. P. 8; Свод II. С. 459. О хронологии см.: Wolfram H. Die Geburt Mitteleuropas. Wien, 1987. S. 143–144.

https://RodnoVery.ru

1677

В числе трех рабов, переданных баварским вотчинником Пейгири церкви Святого архангела Михаила согласно грамоте Пейгири от 28 апреля 770 г. упоминается славянка Саска (Свод II. С. 427). Рабыня могла быть пленена при набеге именно баваров на Хорутанию, а не наоборот.

https://RodnoVery.ru

1678

Прямых сведений об отступничестве хорватов и его времени не сохранилось. Однако, судя по повторному крещению при Борне в начале IX в. (Константин, 1991. С. 132/133, 136/137), к тому времени оно уже произошло. Как раз в начале IX в. хорваты попадают в поле зрения франкских анналистов — явно как языческий народ. Ни об их христианстве, ни об их отступничестве ничего не сообщается. Логично связать отступление хорватов от христианства именно с хорутанской крамолой, произошедшей в 760-х гг. Более ранних причин этому не находим.

https://RodnoVery.ru

1679

Свод II. С. 424/425.

https://RodnoVery.ru

1680

Ann. Iuvav. Max. A. 772: Свод II. С. 459.

https://RodnoVery.ru

1681

Conversio 5: MGH SS XI. P. 8; Свод II. С. 459.

https://RodnoVery.ru

1682

Kahl H.-D. Zwischen Aquileia und Salzburg// Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Wien, 1980. S. 54–58.

https://RodnoVery.ru

1683

Conversio 5: MGH SS XI. P. 8–9; Свод II. С. 460.

https://RodnoVery.ru

1684

Свод II. С. 458. Хорутане здесь названы «канитами» (Bischoff B. Salzburger Formelbücher und Briefe aus Tassilonischer und Karolingischer Zeit. München, 1973. S. 14).

https://RodnoVery.ru

1685

Свод II. С. 430/431 (Грамота Тассило). Первоначальный вид грамоты восстанавливается на основе диплома Карла Великого от 3 января 791 г. (Свод II. С. 432–434).

https://RodnoVery.ru

1686

Conversio 7: MGH SS XI. P. 9. Власть Инго, судя по этому фрагменту, признавали все славяне к востоку от Баварии, причем на этом пространстве он не был единственным князем (dux). Другим, очевидно, являлся подчиненный ему правитель Крайны Войномир.

https://RodnoVery.ru

1687

Ann. Alem. A. 790: Свод II. С. 452; см. также: Свод II. С. 453. Прим. 5.

https://RodnoVery.ru

1688

При королевском подтверждении герцогской грамоты Быш упомянут уже без титула (Свод II. С. 433. Прим. 8, 11).

https://RodnoVery.ru

1689

Эти новшества прослеживаются по интерполяциям в грамоту Тассило, сделанным после королевского подтверждения 791 г. См.: Свод II. С. 430/431 и примечания.

https://RodnoVery.ru

1690

ARF. A. 796: Свод II. С. 466–469. О датировке похода см.: Там же. С. 478. Прим. 20. Высказывавшееся предположение о хорватском (славонском, посавском) происхождении Войномира (Klaić, 1971. S. 168) совершенно излишне. Союзником фриульцев должен был стать их ближайший сосед — князь Крайны.

https://RodnoVery.ru

1691

Conversio 6–7: MGH SS XI. P. 9.

https://RodnoVery.ru

1692

Korošec, 1979. T. 2. S. 38–39.

https://RodnoVery.ru

1693

Константин, 1991. С. 130/131.

https://RodnoVery.ru

1694

An. Alem. A. 797; An. Wolf. A. 797: Свод II. С. 452, 455.

https://RodnoVery.ru

1695

На территории Паннонии есть кеттлахские памятники (Седов, 1995. С. 278).

https://RodnoVery.ru

1696

Conversio 8: MGH SS XI. P. 10.

https://RodnoVery.ru

1697

Федоров — Полевой, 1973. С. 304–305.

https://RodnoVery.ru

1698

Археолошки споменици и налазишта у Србији. Т. II. Београд, 1956. С. 231; Седов, 1995. С. 333, 335.

https://RodnoVery.ru

1699

Седов, 1995. С. 335.

https://RodnoVery.ru

1700

Народы I. С. 418–419, 489–491.

https://RodnoVery.ru

1701

Седов, 1995. С. 335; Седов, 2002. С. 499–500.

https://RodnoVery.ru

1702

Дубровницкие предания относят первые подселения славян на остров уже к VII–VIII вв. (Макушев, 1867. С. 305–308, 316–317).

https://RodnoVery.ru

1703

Если верить преданию о Радославе (Шишић, 1928. С. 313–314).

https://RodnoVery.ru

1704

Макушев, 1867. С. 306–307, 307–308.

https://RodnoVery.ru

1705

Ср.: Константин, 1991. С. 112/113, 142/143.

https://RodnoVery.ru

1706

Предания о Ратомире (Шишић, 1928. С. 298–299) и Радославе (Шишић, 1928. С. 313–314).

https://RodnoVery.ru

1707

Археолошки споменици и налазишта у Србији. II. Београд, 1956. С. 231, 248; Седов, 1995. С. 333, 335.

https://RodnoVery.ru

1708

Судя по преданиям о князе Радославе (Шишић, 1928. С. 313–315; Макушев 1867. С. 305).

https://RodnoVery.ru

1709

Шишић, 1928. С. 298–299.

https://RodnoVery.ru

1710

Константин, 1991. С. 142/143.

https://RodnoVery.ru

1711

В дубровницких Анналах это — второе бегство (Макушев, 1867. С. 307–308). Но первое (С. 306–307) связывается с тиранией князя Радослава, якобы правившего в VII в. На самом деле Радослав — сын Вышеслава.

https://RodnoVery.ru

1712

Константин, 1991. С. 142/143.

https://RodnoVery.ru

1713

Радослав, сын Стефана Боснийского и наполовину «римлянин», объявляется у дубровницкого Анонима основателем Рагузы (Макушев, 1867. С. 305). Но у Дуклянина основатель Рагузы — внук Радослава, Белый Павел Требинский (Шишић, 1928. С. 317–322). Этот жупан Белый известен еще Константину (Константин, 1991. С. 150/151). Теоретически он вполне мог быть и внуком Радослава. Легенда о его возвращении-бегстве из Рима находит параллель в известии Фомы Сплитского о «чужестранцах», изгнанных из Рима и основавших Дубровник (Фома, 1997. С. 39/242–3). Это явная пародия на изложенное у Дуклянина — следовательно, именно эта версия тогда ходила в Дубровнике. «Стефан» вполне могло бы быть христианским именем Вышеслава. Но он назван в Анналах «боснийским баном». На страницах Анналов появляются целых две пары Стефан — Радослав. Одна в VI (Макушев, 1867. С. 305–306), другая в VII в. (С. 306–307). Датировки событий в Анналах происходят от стремления удревнить прошлое Дубровника. Удвоение же Радослава вызвано расхождениями в дубровницких преданиях. В одних он — основатель родного города. В других — жестокий славянский тиран, подданные которого, босняки, бежали от него в Рагузу. В другой версии Анналов упомянут лишь один Радослав в конце VII в. (Макушев 1867. С. 316–317). Что до Стефана, то в начале IX в. на страницах Анналов неожиданно появляется еще один Стефан Боснийский (С. 313). Его-то одного и можно счесть за исторический или полуисторический персонаж, давший жизнь обоим «отцам» обоих Радославов. Но гораздо более вероятно, что историческим прототипом Стефана стал упоминаемый у Милеция боснийский князь или бан XI в. Стефан (Matas, 1882. S. 11; см. также: Шишић, 1928. С. 360–361). В Летописи попа Дуклянина, автор которой пытался создать единую родословную для всех известных ему сербохорватских князей, Радослав становится сыном Светозара, внуком Крепимира (Трпимир — имя двух хорватских королей IX–X вв.) (Шишић, 1928. С. 313). Предание о нем помещается среди повествований о правителях именно этого времени. Это отчасти вызвано отождествлением его сына Бериславa (Бесислава), названного так в Анналах (Макушев, 1867. С. 305) с чешским князем X в. Чаславом. Таким образом, в обеих версиях — дуклянской и дубровницкой — предание о Радославе пережило различные наслоения, но основа его восстанавливается. Имеется составленная от имени Радослава поддельная

https://RodnoVery.ru

грамота, переносящая время его жизни в XI в. (Corpus Diplomaticum… Vol. 1. Zagreb, 1967. S. 84–85). Ее единственный источник, кажется, Летопись попа Дуклянина (Шишић, 1928. С. 188). На ее основе неверно датировать правление Радослава фальсификаторам было немудрено.

https://RodnoVery.ru

1714

Шишић, 1928. С. 313.

https://RodnoVery.ru

1715

Макушев, 1867. С. 306–307.

https://RodnoVery.ru

1716

Шишић, 1928. С. 313–314.

https://RodnoVery.ru

1717

Предание о свержении Радослава излагается у Дуклянина подробно (Шишић, 1928. С. 313–315, 317), у дубровницкого Анонима — в нескольких словах (Машуков, 1867. С. 305). Подлинное имя сына князя — Берислав (в анналах Бесислав) — сохранилось в дубровницких источниках (Шишић, 1928. С. 439). В Летописи попа Дуклянина он получил имя и судьбу сербского князя Часлава. Но дубровчане XV в. уже смешивали самого Радослава с его внуком (по Дуклянину) полуримлянином жупаном Белым, которому Дуклянин и приписывал основание Рагузы.

https://RodnoVery.ru

1718

Константин, 1991. С. 142/143.

https://RodnoVery.ru

1719

Славянские языки, 2005. С. 19–20.

https://RodnoVery.ru

1720

Свод II. С. 402. См.: Там же. С. 405. прим. 4.

https://RodnoVery.ru

1721

Такую картину рисуют франкские анналы: Cont. Fred. 31: Свод II. С. 410/411; AMp. A. 748: Свод II. С. 410–411. Прим. 4; Ann. Laur. A. 789: Свод II. С. 442/443; Fragm. Chesn. A. 789: Свод II. С. 447; Ann. Petav. A. 789: Свод II. С. 449/450; AqdE. A. 789: Свод II. С. 471. Доказывается это и большим числом княжеских градов во всех славянских областях.

https://RodnoVery.ru

1722

ЭССЯ. Вып. 4. С. 40–42.

https://RodnoVery.ru

1723

ЭССЯ. Вып. 32. С. 112–115.

https://RodnoVery.ru

1724

О термине «смерд» (с первоначальным уничижительным значением «смердящий») см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 684–685.

https://RodnoVery.ru

1725

Седов, 1982. С. 244.

https://RodnoVery.ru

1726

Седов, 1982. С. 243.

https://RodnoVery.ru

1727

Народы I. С. 256–257.

https://RodnoVery.ru

1728

Иванов В.В., Топоров В.Н. Додола// Мифологический словарь. М., 1992. С. 194.

https://RodnoVery.ru

1729

ЭССЯ. Вып. 19. С. 131.

https://RodnoVery.ru

1730

ЭССЯ. Вып. 17. С. 209–210.

https://RodnoVery.ru

1731

Календарные обычаи, 1977. С. 229.

https://RodnoVery.ru

1732

См.: Календарные обычаи, 1977. С. 206–207, 228–230, 239; Соколова, 1979. С. 11 след., 231 след.

https://RodnoVery.ru

1733

См.: Славянская мифология 1995; ЭССЯ. Вып. 5. С. 68–69.

https://RodnoVery.ru

1734

См. летописи о событиях XI в., уже после принятия христианства: ПСРЛ. Т.3. М., 2000. С. 192; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 174.

https://RodnoVery.ru

1735

Bonif. Ep. № 73: Свод II. С. 416/417 (письмо англосаксонскому королю Этельбальду).

https://RodnoVery.ru

1736

Sklenář, 1974. S. 285–287; Slawen in Deutschland. Berlin, 1986. S. 320.

https://RodnoVery.ru

1737

ПСРЛ. Т.3. М., 2000. С. 192.

https://RodnoVery.ru

1738

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. Т. 2. С. 97. (Поучение «О вдуновении духа в человека» XV в.).

https://RodnoVery.ru

1739

Схожие представления бытовали у болгар, что отразилось в апокрифическом «Сказании об озере Тивериадском» (XII в.?), ходившем в богомильской среде (Рязановский Ф.А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С. 20). Фольклорный вариант легенды см., например: Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Новосибирск, 1990. С. 94.

https://RodnoVery.ru

1740

ЭССЯ. Вып. 4. С. 163–166.

https://RodnoVery.ru

1741

Южным славянам неизвестны: ЭССЯ. Вып. 15. С. 257 след.

https://RodnoVery.ru

1742

Русанова — Тимощук, 1988. №№ 5, 8, 16, 27, 44, 64, 72. См. также: Седов, 1982. С. 261–263.

https://RodnoVery.ru

1743

Bonif. Aenigm.: Свод II. С. 414/415.

https://RodnoVery.ru

1744

Эйнхард, биограф Карла Великого, отмечает, что велеты «донимали непрестанными набегами ободритов» (Einh. Vit. Carol. 12: Свод II. С. 474).

https://RodnoVery.ru

1745

Дата установлена радиоуглеродным методом (Седов, 1995. С. 51). Позднее на городище отмечена фельдбергская керамика — до 4 % от общего числа находок глиняной посуды (Седов, 1995. С. 54).

https://RodnoVery.ru

1746

Седов, 1995. С. 51.

https://RodnoVery.ru

1747

Проникновение велетов отмечено незначительным распространением фельдбергской керамики на Рюгене (Седов, 1995. С. 54, 56).

https://RodnoVery.ru

1748

Седов, 1995. С. 141.

https://RodnoVery.ru

1749

Седов, 1995. С. 54.

https://RodnoVery.ru

1750

Седов, 1995. С. 141.

https://RodnoVery.ru

1751

Седов, 1995. С. 55.

https://RodnoVery.ru

1752

Кухаренко, 1969. С. 126–127; Historia kultury, 1978. S. 38–39, 105.

https://RodnoVery.ru

1753

Historia kultury, 1978. S. 98, 105, 116, 123; Лебедев, 2005. С. 259, 261.

https://RodnoVery.ru

1754

См.: Chronicon Lethrense// Scriptores Minores Historiæ Danicæ. Vol. I. Copenhagen, 1917; Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Havniae, 1837. Латинист Саксон при использовании своих источников, саг и эддических песен, принципиально передает «венды» как «склавы», а «Гардарики», например, — как «Руссия».

https://RodnoVery.ru

1755

Хронология и генеалогия датских конунгов «достовернее», ближе к изначальным родовым перечням, выглядит в родословиях «исландско-норвежской» версии (см., например: Scriptores Rerum Danicarum. Hafnia, 1772. P. 4–5). Версии латинских хроник — «Хроники Лейре» и особенно Саксона Грамматика — представляют собой свободную компиляцию различных саг и эпических текстов, расставленных достаточно произвольно. Характерные примеры из Саксона — «размножение» легендарного конунга Фроди, введение посреди повествования о событиях VIII или даже IX в. легенды о готском короле Германарихе и особенно удвоение конунга VIII в. Сигурда Хринга (Кольца) с разнесением его «ипостасей» на десяток примерно поколений. Вместе с тем Саксон позволяет представить лучше некоторую условность всех ранних скандинавских генеалогий вообще. Нередко он просто отражает какие-то варианты их, не нашедшие отражения в известных сагах. Как бы то ни было, общая последовательность и временная шкала датской традиция адекватно передается не им, а исландскими сагами и генеалогиями. Об этом свидетельствует близость излагаемого ими (но не Саксоном) с англосаксонской поэмой VIII в. «Беовульф» и восходящими к IX–XI вв. эпическими песнями («Песнь о Гротти», «Песнь о Хюндле») — см.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1973.

https://RodnoVery.ru

1756

Chronicon Lethrense// SMHD I.

https://RodnoVery.ru

1757

Saxo 1837. P. 132–133. В сказание вводится проклятое сокровище — изумительный браслет, который Хрёрик посулил победителю и с которым никак не хотел расстаться. Именно этот браслет и является главной темой сказания, поводом для его сложения. Частый мотив в германском эпосе.

https://RodnoVery.ru

1758

Herrmann, 1968. S. 19; Седов, 2002. С. 334; Лебедев 2005. С. 258. Название часто связывается с древнеисландским reyrr ‘тростник’, поскольку град расположен в заросшей тростником пойме старого озера. Но логичнее заключить, что название происходит от личного имени. По неясным причинам явно чужеземное название славянского Велиграда «Рерик» стало излюбленным аргументом некоторых представителей российской «антинорманистской» школы. Действительно, оно перекликается с именем «Рюрик» — и лучшего доказательства неславянского происхождения этого имени трудно было бы представить. Славяне звали свою столицу Велиградом. Скандинавы звали Велиград Рериком, так же, как германцы — Мекленбургом. Не обратить на этот широко известный факт внимания возможно лишь по какому-то недоразумению. Очевидно, от использования данного аргумента рациональный «антинорманист» должен отказаться.

https://RodnoVery.ru

1759

Седов, 1995. С. 144.

https://RodnoVery.ru

1760

AMp. A. 692: Свод II. С. 411–412. Критическое отношение к этому известию определяется официозным характером Мецских анналов (Ernst R. Die Nordwestslawen und das fränkische Reich. Berlin, 1976. S. 93; Ронин В.К. О «власти» Карла Великого над славянами// Советское славяноведение. 1984, № 1. С. 36). Но преувеличение значимости тех или иных дипломатических акций, пышности врученных послам даров, — еще не вымысел. Австразия времен Пипина Геристальского была достаточно сильна, чтобы сообщаться на равных с лангобардами, аварами или тем более славянами. В дипломатических контактах с соседями она, конечно, была заинтересована. Не следует, очевидно, предполагать полную международную изоляцию Франкского королевства в тот исторический момент. Тем более странно отрицать контакты Арнульфингов с сопредельными им славянскими племенами.

https://RodnoVery.ru

1761

Grunau S. Preussische Chronik. Bd. 1. Leipzich, 1876. S. 65–67. Анализ сведений Грунау в сопоставлении с археологическим материалом произведен в работах: Кулаков 1990; Кулаков В.И. Тюрки на Балтике.// Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991; Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

https://RodnoVery.ru

1762

Седов, 1995. С. 348.

https://RodnoVery.ru

1763

Sklenář, 1974. S. 277, 281.

https://RodnoVery.ru

1764

Sklenář, 1974. S. 281, 285; Седов, 1995. С. 315.

https://RodnoVery.ru

1765

См.: Sklenář, 1974. S. 280; Седов, 1995. С. 317.

https://RodnoVery.ru

1766

Sklenář, 1974. S. 283, 292–293, 303, 317; Седов, 1995. С. 287–288, 314–315.

https://RodnoVery.ru

1767

Sklenář, 1974. S. 273–274; Седов, 1995. С. 315.

https://RodnoVery.ru

1768

Sklenář, 1974. S. 278.

https://RodnoVery.ru

1769

Sklenář, 1974. S. 281–282.

https://RodnoVery.ru

1770

Sklenář, 1974. S. 296–297.

https://RodnoVery.ru

1771

Sklenář, 1974. S. 276–277, 285–286, 302.

https://RodnoVery.ru

1772

Sklenář, 1974. S. 277, 285–288.

https://RodnoVery.ru

1773

Sklenář, 1974. S. 280.

https://RodnoVery.ru

1774

См.: Этнография восточных славян. М., 1980. С. 191–192.

https://RodnoVery.ru

1775

Sklenář, 1974. S. 273, 274, 276–277, 283, 287, 288, 317.

https://RodnoVery.ru

1776

Sklenář, 1974. S. 276–277, 280, 281, 285–286, 288.

https://RodnoVery.ru

1777

Sklenář, 1974. S. 272, 276–277, 280, 281, 283, 285, 287, 305.

https://RodnoVery.ru

1778

Sklenář, 1974. S. 274, 281, 305; Седов, 1995. С. 315–317.

https://RodnoVery.ru

1779

Sklenář, 1974. S. 273, 276–277, 280, 285–288.

https://RodnoVery.ru

1780

Козьма, 1962. С. 48.

https://RodnoVery.ru

1781

Там хранились лапти Пржемысла (Козьма 1962. С. 45).

https://RodnoVery.ru

1782

Козьма, 1962. С. 47–48; Staročeská kronika tak rečeného Dalimila. Praha, 1988. Sv. 1. Kap. 9–6

https://RodnoVery.ru

1783

Козьма, 1962. С. 37–47.

https://RodnoVery.ru

1784

Staročeská kronika, 1988. Sv. 1. Kap. 3–8.

https://RodnoVery.ru

1785

Sklenář, 1974. S. 283.

https://RodnoVery.ru

1786

Седов, 1995. С. 313.

https://RodnoVery.ru

1787

Sklenář, 1974. S. 317; Седов, 1995. С. 314.

https://RodnoVery.ru

1788

Седов, 1995. С. 287. Захоронения с конями конца VII — первой половины VIII в. могут, в принципе, принадлежать и аваро-славянским метисам — потомкам дружинников Само.

https://RodnoVery.ru

1789

Седов, 1995. С. 287–288.

https://RodnoVery.ru

1790

Sklenář, 1974. S. 273; Седов, 2002. С. 534. Очевидно, необязательно объяснять распространение этих ценных, «престижных» для знати украшений только переселениями с Дуная. Хотя и миграции мастеров оттуда исключать нельзя.

https://RodnoVery.ru

1791

Sklenář, 1974. S. 293; Седов, 1995. С. 288.

https://RodnoVery.ru

1792

Другие объяснения не кажутся слишком убедительными. См.: Седов, 1995. С. 315–317.

https://RodnoVery.ru

1793

*goneznǫti ‘освободиться’ (из древневерхненемецкого. — ЭССЯ. Вып. 7. С. 21); *gornostalь ‘горностай’ (из саксонского. — Там же. С. 48–49); *lьvъ ‘лев’ (из древневерхненемецкого. — ЭССЯ. Вып. 17. С. 106–107); *misa ‘блюдо, миска’ (из древневерхненемецкого «стол». — ЭССЯ. Вып. 18. С. 58–59; отсюда собственно славянское уменьшительное «миска»), *mosęzъ ‘латунь’ (из древневерхненемецкого — ЭССЯ. Вып. 20. С. 16–18); *mosorъ ‘деревянный сосуд’ (из древневерхненемецкого. — Там же. С. 21); *mъrxy ‘морковь’ (возможно, из древневерхненемецкого, с общеславянским «морковь» не связано. — Там же. С. 242); *olkъtuša ‘платок’ (из немецкого? — ЭССЯ. Вып. 32. С. 65).

https://RodnoVery.ru

1794

Свод II. С. 417–418 (Житие Стурми).

https://RodnoVery.ru

1795

Свод II. С. 422 (Житие св. Бонифация).

https://RodnoVery.ru

1796

Этим можно объяснить известие Мецских анналов (AMp. A. 789: Свод II. С. 473), подвергающееся сомнению из-за его тенденциозности. Место княжения Драговита — видимо, Бранибор (см.: Свод II. С. 472).

https://RodnoVery.ru

1797

Cont. Fred. 31: Свод II. С. 410/411; AMp. A. 748: Свод II. С. 410–411. Прим. 4. В Мецских анналах речь идет о 100-тысячном войске одних славян, что явное преувеличение.

https://RodnoVery.ru

1798

Свод II. С. 418. Грамота Пипина и Карломана была воспроизведена в грамоте короля Арнульфа от 18 ноября 889 г.

https://RodnoVery.ru

1799

Bonif. Ep. № 87: Свод II. С. 416/417.

https://RodnoVery.ru

1800

Ann. Altah. Maior. A. 766; Lamp. Ann. A. 766: Свод II. С. 412. Прим. 9. Уникальное известие средневековых анналов восходит к «Фульдской компиляции» IX в.

https://RodnoVery.ru

1801

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 71–72; Седов, 1982. С. 20.

https://RodnoVery.ru

1802

Седов, 1982. С. 25.

https://RodnoVery.ru

1803

Седов, 1982. С. 123.

https://RodnoVery.ru

1804

Седов, 1982. С. 91, 124 (карты).

https://RodnoVery.ru

1805

Седов, 1982. С. 96.

https://RodnoVery.ru

1806

Седов, 1982. С. 94.

https://RodnoVery.ru

1807

Седов, 1982. С. 93, 116.

https://RodnoVery.ru

1808

В Начальном летописном своде само происхождение имени полян связывается с основанием Киева (ПСРЛ. Т. 3. С. 104–105, 432, 512–513). Повесть временных лет специально подчеркивает, что и до этого обитатели Киевских гор звались полянами (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9; Т. 2. Стб. 7; Т. 38. С. 13). Но утверждение об «особом» проживании родов у этого летописца повторяется — рефреном (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7, 9, 11; Т. 2. Стб. 5, 7, 9; Т. 38. С. 12, 13, 14)

https://RodnoVery.ru

1809

Начальный свод определяет угличам земли «по Днепру вниз»: ПСРЛ. Т. 3. С. 109, 435, 516. О жизни угличей «по Бугу и по Днепру» даже «вплоть до моря» говорил, насколько можно судить, и первоначальный текст Повести временных лет, искаженный переписчиками: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 12–13; Т. 2. Стб. 9–10; Т. 38. С. 14. См. реконструкцию: Алексеев 2006. С. 311–312.

https://RodnoVery.ru

1810

Седов, 1982. С. 90, 123.

https://RodnoVery.ru

1811

Об этом свидетельствует, в частности, распространение индивидуальных курганов вместо семейных усыпальниц (Седов, 1982. С. 91, 244).

https://RodnoVery.ru

1812

Седов, 1982. С. 90, 123.

https://RodnoVery.ru

1813

Ср.: ЭССЯ. Вып. 8. С. 85.

https://RodnoVery.ru

1814

Седов, 1982. С. 90, 246; Русанова — Тимощук, 1987. № 72.

https://RodnoVery.ru

1815

Седов, 1982. С. 123.

https://RodnoVery.ru

1816

Седов, 1982. С. 242.

https://RodnoVery.ru

1817

ПСРЛ. Т. 3. С. 105–106, 433, 513.

https://RodnoVery.ru

1818

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 12; ПСРЛ. Т. 38. С. 15.

https://RodnoVery.ru

1819

Седов, 1982. С. 90, 236–237.

https://RodnoVery.ru

1820

Седов, 1982. С. 90.

https://RodnoVery.ru

1821

Седов, 1982. С. 90, 240–241.

https://RodnoVery.ru

1822

Седов, 1982. С. 90, 241; Седов, 2002. С. 534, 538–539.

https://RodnoVery.ru

1823

Седов, 1982. С. 90–91, 123.

https://RodnoVery.ru

1824

Седов, 1982. С. 91, 123.

https://RodnoVery.ru

1825

Седов, 1982. С. 96.

https://RodnoVery.ru

1826

Седов, 1982. С. 104.

https://RodnoVery.ru

1827

Седов, 1982. С. 108, 116.

https://RodnoVery.ru

1828

Седов, 1982. С. 126.

https://RodnoVery.ru

1829

В киевской летописи, передаваемой Яном Длугошем, антитезой полянам предстают именно дулебы — там, где в других летописях названы древляне: Щавелева 2004. С. 79/226.

https://RodnoVery.ru

1830

ПСРЛ. Т.1. Стб. 13; Т. 2. Стб. 10; Т. 38. С. 14.

https://RodnoVery.ru

1831

См.: Этнография, 1980. С. 405–409.

https://RodnoVery.ru

1832

Восточные славяне 2002. С. 164–167, 311–312. Внешние особенности средневековых дреговичей сложились позднее, в ходе смешения с балтами к северу от Припяти.

https://RodnoVery.ru

1833

Седов, 1982. С. 25; Гавритухин — Обломский, 1996.

https://RodnoVery.ru

1834

Юренко С.П. Население Днепровского Левобережья в VII–VIII вв. н. э. (волынцевская культура).// Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т.4. Киев, 1988. С. 244–251; Гавритухин — Обломский, 1996. С. 124–136.

https://RodnoVery.ru

1835

Седов, 1982. С. 137; Седов, 2002. С. 261.

https://RodnoVery.ru

1836

Седов, 2002. С. 262. По мнению И.О. Гавритухина, конец волынцевской культуры может быть отодвинут к началу X в. (Гавритухин — Обломский, 1996. С. 133–136). Это противоречит выводам большинства археологов.

https://RodnoVery.ru

Седов, 1982. С. 137–138; Седов, 2002. С. 259. При богатстве сведенного воедино фактического материала, трудно согласиться с выводами поздних работ В.В. Седова о происхождении и особенно об атрибуции волынцевской культуры (см.: Седов, 1995. С. 186–197; Седов, 2002. С. 255–295). Присутствие именьковских элементов в волынцевской культуре не дает оснований возводить ее преимущественно к именьковской. Попытки привязать расплывающуюся дату начала волынцевской культуры к исчезновению именьковской в начале VIII в. выглядят не очень убедительно. Славянская атрибуция именьковской культуры Среднего Поволжья проблематична и не находит убедительных подтверждений в письменных источниках. Условность связанных с этим построений демонстрировал сам В.В. Седов. В работе 1995 г. решительно утверждается: «после открытия поселений раннесредневековых славян на Волге, можно считать, что Славянской рекой именовалась Волга не только в XI в., когда об этом достаточно определенно свидетельствует ал-Бируни, но и в источниках последних веков I тысячелетия н. э.» (Седов, 1995. С. 196–197). Однако затем, отнеся выселение именьковцев с Волги ко времени становления волынцевской культуры в конце VII в., В.В.Седов признал верность прежней традиционной позиции: «В VIII–IX вв. так, по всей видимости, именовался Дон» (Седов, 2002. С. 254). Переселение именьковцев с Волги, относимое ранее к рубежу веков (Седов, 1995. С. 195, 196), в 2002 г., видимо, в связи с датированием возникновения волынцевской культуры последними десятилетиями VII в., твердо помещается в «конец VII в.». Обосновывается это только «массовым» появлением в это время тюрок (Седов, 2002. С. 253–254). Наконец, отождествление волынцевской группы славянских племен, — то есть, в первую очередь, северы, вятичей, радимичей, — с «русами» выглядит немного странно. Именно эти племена, живущие «зверским образом», последовательно противопоставляются Руси в летописях. Поляне же, «ныне зовущиеся русь», жили на самой периферии волынцевского региона и, строго говоря, по происхождению относились к иному культурному кругу. Рациональным основанием говорить о вкладе волынцевских племен в историю Руси является причастность их к основанию Киева. Но сам по себе этот факт не доказывает их принадлежности к русам. С этой точки зрения достаточно оправданна критика концепции В.В. Седова В.Я.

https://RodnoVery.ru

Петрухиным (Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и Древняя Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии.// Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001. С. 136–139). Однако собственное его представление о «доминионе [?] Хазарии» на этих землях не может не вызывать дополнительных вопросов.

https://RodnoVery.ru

1838

Седов, 1982. С. 137–13; Седов, 1995. С. 193; Гавритухин — Обломский, 1996. С. 124–135, 148; Седов, 2002. С. 256, 265.

https://RodnoVery.ru

1839

ЭССЯ. Вып. 21. С. 52–54.

https://RodnoVery.ru

1840

Восточные славяне 2002. С. 165. Следы салтовского присутствия в среде северян и полян находят в одонтологическом материале (там же. С. 210–211). Балтские корни северян нашли отражение в сообщаемом Повестью временных лет предании об их частичном происхождении от кривичей (ПСРЛ. Т.1. Стб.10; Т.2. Стб. 8; Т. 38. С. 13).

https://RodnoVery.ru

1841

Седов, 1982. С. 137; Седов, 1995. С. 186–188.

https://RodnoVery.ru

1842

Седов, 1982. С. 25, 137; Седов, 1995. С. 191: Седов, 2002. С. 259.

https://RodnoVery.ru

1843

Седов, 1982. С. 137; Седов, 1995. С. 86–187, 189; Гавритухин — Обломский, 1996. С. 148.

https://RodnoVery.ru

1844

Седов, 1995. С. 191.

https://RodnoVery.ru

1845

Седов, 1982. С. 236; Седов, 1995. С. 191; Седов, 2002. С. 260.

https://RodnoVery.ru

1846

Седов, 1995. С. 241; Седов, 1995. С. 191–192, Седов, 2002. С. 259.

https://RodnoVery.ru

1847

Седов, 1995. С. 191, 192.

https://RodnoVery.ru

1848

Седов, 1982. С. 137; Седов, 1995. С. 191.

https://RodnoVery.ru

1849

Едва ли имеет смысл возводить их только к лепным именьковским. В 1982 г. В.В. Седов отмечал относительно волынцевской гончарной керамики: «Ближайшие аналогии ей обнаруживаются в салтовской культуре… В салтовской керамике есть формы, идентичные или близкие волынцевским, хотя в целом она отличается значительным многообразием» (Седов, 1982. С. 137). В работе 1995 г. на материале не изменившейся (в части гончарной керамики) типологии, тем не менее, утверждается: «в целом волынцевская керамика существенно отличается от салтовской» (Седов, 1995. С. 193). И далее: «Волынцевская глиняная посуда, не продолжавшая местные традиции, по своим формам и фактуре теста вполне может быть выведена из именьковской» (Седов, 1995. С. 194). Очевидно, соотношение форм волынцевских, салтовских и именьковских сосудов поддается в равной степени различным интерпретациям. Фактами остаются находки салтовской керамики в волынцевском ареале и полное отсутствие гончарства в следующей славянской роменской культуре — даже если волынцевские сосуды, как продукция отдельных ремесленных центров, продолжали бытовать и в IX в. (см.: Гавритухин — Обломский, 1996. С. 135–136).

https://RodnoVery.ru

1850

Седов, 1982. С. 137; Седов, 1995. С. 190–191.

https://RodnoVery.ru

1851

Седов, 1982. С. 137; Седов, 1995. С. 191.

https://RodnoVery.ru

1852

Седов, 1995. С. 191, 198.

https://RodnoVery.ru

1853

Седов, 1995. С. 190.

https://RodnoVery.ru

1854

Седов, 1982. С. 137, Седов, 1995. С. 191, 192.

https://RodnoVery.ru

1855

Седов, 1995. С. 191.

https://RodnoVery.ru

1856

ПСРЛ. Т.1. Стб. 14; Т.2. Стб. 10; Т. 38. С. 14; Седов, 1982. С. 137; Седов, 1995. С. 189.

https://RodnoVery.ru

1857

ПСРЛ. Т.1. Стб. 13–14; Т.2. Стб. 10; Т. 38. С. 14

https://RodnoVery.ru

1858

ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 5–6, 137–138.

https://RodnoVery.ru

1859

Седов, 1995. С. 186, 197; Седов, 2002. С. 260.

https://RodnoVery.ru

1860

Каргер М.К. Древний Киев. Т.1. М. — Л., 1958; Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983; Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 66–67; Седов, 2002. С. 293. Ср.: Седов, 1982. С. 243.

https://RodnoVery.ru

1861

ПСРЛ. Т. 3. С. 103, 431, 511–512.

https://RodnoVery.ru

1862

ПСРЛ. Т. 3. С. 104–105, 432, 512–513.

https://RodnoVery.ru

1863

ПСРЛ. Т.1. Стб. 9; Т.2. Стб. 7; Т. 38. С. 13.

https://RodnoVery.ru

1864

Такое чтение, прямо перекликающееся с Начальной летописью, сохранила киевская Ипатьевская: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 7. В остальных версиях, восходящих к редакции Повести Сильвестра — «поляне в Киеве». В результате такого исправления полемический смысл фразы оказался утерян.

https://RodnoVery.ru

1865

ПСРЛ. Т.1. Стб. 9–10; Т. 2. Стб. 7–8; Т. 38. С. 13.

https://RodnoVery.ru

1866

Например, рассказа о женитьбе князя Владимира на Рогнеде: Начальная летопись. М., 1999. С. 127–128.

https://RodnoVery.ru

1867

Учитывая все вышесказанное, едва ли можно согласиться с гипотезой (Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях.// Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. С. 69) о сочинении рассказа самим летописцем по образцу походов Олега и Святослава.

https://RodnoVery.ru

1868

Иванов В.В., Топоров В.Н. Кий.// Славянская мифология 1995. С. 222.

https://RodnoVery.ru

1869

Легенди та переказі. Київ, 1985. С. 165 след.

https://RodnoVery.ru

1870

Легенди 1985. С. 170–171.

https://RodnoVery.ru

1871

ЭССЯ. Вып. 17. С. 12–13. Название «Лыбедь» на Рязанщине связано почти наверняка с южнорусскими переселенцами.

https://RodnoVery.ru

1872

Седов, 1982. С. 112.

https://RodnoVery.ru

1873

См.: Каргер 1958. С. 137.

https://RodnoVery.ru

1874

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9; Т. 2. Стб. 7, 15 (л. 6362); Т. 38. С. 13; Щавелева 2004. С. 79/226.

https://RodnoVery.ru

1875

См.: Петрухин, 2001. С. 139; Петрухин В.Я. История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет.// Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. М., 2003. С. 101.

https://RodnoVery.ru

1876

Гизель И. Синопсис. СПб., 1798. С. 21.

https://RodnoVery.ru

1877

Седов, 2002. С. 293.

https://RodnoVery.ru

1878

Вернадский Г.В. Древняя Русь. М. — Тверь, 2000. С. 337; Петрухин 2003. С. 101–102.

https://RodnoVery.ru

1879

Артамонов 2002. С. 272 след. См. еще: Гумилев Л.Н. Зигзаг истории.// Собрание сочинений. М. — СПб., 2003.

https://RodnoVery.ru

1880

Все это бесконечно далеко от концепции основания самого Киева хазарами и хазарском происхождении названия (Вернадский, 2000. С. 334–337; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. М. — Иерусалим, 1997). Из нее следуют выводы о постоянном присутствии хазар и иудеев в Киеве еще с начала его истории, о роли Киева как хазарского форпоста на Правобережье. Их влияние отчетливо и в более умеренной концепции В.Я. Петрухина (см.: Петрухин, 2001; Петрухин, 2003. С. 101 след.; комментарии к указанному изданию работы Н. Голба и О. Прицака). Реальные сведения о постоянном еврейском или хазарском проживании в Киеве не восходят ранее X в.

https://RodnoVery.ru

1881

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 101.

https://RodnoVery.ru

1882

Лебедев, 2005. С. 561.

https://RodnoVery.ru

1883

Петрухин, 2003. С. 102.

https://RodnoVery.ru

1884

Истории Кия предлагались параллели: Рыбаков, 1982. С. 51; Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 15–18. Следует отметить, что увязка Кия с этим известным летописцу от дунайцев «Киевцом» вполне может быть вторичным, летописцу и принадлежащим, соотнесением. Это приписка, выпадающая из былевого ритма основного рассказа. В годы работы над Повестью теория о «Киевце» на Дунае была весьма уместна в контексте киевской политики. Ведь в 1116 г. разразилась последняя русско-византийская война, в ходе которой Владимир Мономах претендовал как раз на район дунайской дельты.

https://RodnoVery.ru

1885

См.: Легенди, 1985. С. 165 след. — и библиографию вариантов в комментариях.

https://RodnoVery.ru

1886

Фраза подводит итог рассказу о славянском расселении и войнах с кочевниками: ПСРЛ. Т.1. Стб. 11; Т.2. Стб. 9; Т. 38. С. 14. Учитывая время появления радимичей как самостоятельной племенной общности в Посожье (IX в.), логично предположить вымысел летописца. Но он мог и просто дополнить радимичами первоначальное предание, исходя из их будто бы общего происхождения с вятичами. Отсутствие в перечне бужан-волынян и присутствие хорватов вроде соответствует реалиям VII в., когда еще существовал Аварский каганат. Это может подтверждать историчность основы перечня. В него вошли, с одной стороны, племенные союзы, испытывавшие угрозу из Степи, со стороны усилившегося Хазарского каганата, с другой — вынужденные сдерживать владевших еще Волынью авар. Но тогда лишними становятся уже и вятичи, появившиеся только в начале VIII в. Даже если перечень отражает некое подлинное предание, он вовсе не обязательно исторически достоверен. Если же перечень — плод творчества летописца, он мог исключить волынян по нашей же логике, только что описав их угнетение «обрами».

https://RodnoVery.ru

1887

См.: Седов, 1982. С. 133–137 (тогда преемственность роменской культуры от волынцевской еще отрицалась); Седов, 1995. С. 198–202.

https://RodnoVery.ru

1888

ПСРЛ. Т.1. Стб. 7–9; Т.2. Стб. 6–7; Т. 38. С. 12–13. Летописец уверенно отождествляет скифов, которым проповедовал Андрей, со славянами.

https://RodnoVery.ru

1889

Датировка уточняется находкой вместе с волынцевскими пеньковских сосудов (Седов, 1995. С. 198, Седов, 2002. С. 260). А главное — известиями арабских авторов о пребывании многочисленных славян на Славянской реке — Дону уже в 737 г. (Źródła, 1956. S. 214/215, 224/225; Ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. Баку, 1983. С. 51–52).

https://RodnoVery.ru

1890

Седов, 1995. С. 197, 198; Седов, 2002. С. 260.

https://RodnoVery.ru

1891

Źródła, 1956. S. 224/225 (Балазури); Куфи 1983. С. 51–52.

https://RodnoVery.ru

1892

Źródła, 1956. S. 214/215, 216/217, 224/225 (Балазури). В первом из этих известий Балазури пытается разобраться в путаных преданиях, смешавших предполагаемого основателя одной из таких крепостей, полководца VII в. Залмана, с одноименным славянским вождем-мусульманином. Последнему и его собрату Зийаду предание IX в. приписывало основание связанных с их именами пограничных укреплений. Не исключено, что на самом деле предание это достоверно.

https://RodnoVery.ru

1893

Свод II. С. 280/281 (Феофан); Źródła 1956. S. 216/217 (Балазури), 248/249 (Йакуби).

https://RodnoVery.ru

1894

См.: Седов, 1982. С. 140–143; Седов, 1995. С. 204–205; Седов, 2002. С. 261–262.

https://RodnoVery.ru

1895

Так они, в отличие от других славянских племен, названы в письме хазарского царя Иосифа (X в.) (см.: Седов, 1982. С. 142).

https://RodnoVery.ru

1896

Седов, 1982. С. 148; Седов, 1995. С. 197–198, 202.

https://RodnoVery.ru

1897

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11; Т. 2. Стб. 9; Т. 38. С. 14. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1988. С. 376.

https://RodnoVery.ru

1898

Седов, 1982. С. 154. Именно с радимичами связано первоначально предание о приходе из «Ляхов». Оттуда их выводит уже Начальный летописный свод XI в.: ПСРЛ. Т. 3. С. 131, 530. О возможной достоверности см.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 142–143; Tyszkievicz J. Radymicze.// Słownik starożitności słowianskich. Ks. 4. Cz. 2. Warszawa, 1972. S. 456.

https://RodnoVery.ru

1899

См.: Седов, 1982. С. 41–45; Седов, 1995. С. 202–203.

https://RodnoVery.ru

1900

Седов, 1982. С. 147.

https://RodnoVery.ru

1901

Седов, 1982. С. 147; Седов, 2002. С. 262–263.

https://RodnoVery.ru

1902

Седов, 1982. С. 148; Седов, 2002. С. 263.

https://RodnoVery.ru

1903

Седов, 1982. С. 144.

https://RodnoVery.ru

1904

Седов, 1982. С. 148; Седов, 1995. С. 202.

https://RodnoVery.ru

1905

Седов, 1982. С. 146.

https://RodnoVery.ru

1906

Селище Лебедка существовало с VIII по XIII в. (Седов, 1982. С. 148).

https://RodnoVery.ru

1907

Седов, 1982. С. 240.

https://RodnoVery.ru

1908

Седов, 1982. С. 148.

https://RodnoVery.ru

1909

Седов, 1982. С. 146.

https://RodnoVery.ru

1910

Седов, 1982. С. 144, 146. Второй тип вятичских курганов с трупосожжениями — захоронения в домовинах («столпе», как определяет этот обряд летописец), возник, видимо, чуть позже, уже в IX в.

https://RodnoVery.ru

1911

Седов, 1982. С. 146; Седов, 1995. С. 203.

https://RodnoVery.ru

1912

Седов, 1982. С. 64, 66; Восточные славяне 2002. С. 168–169; Седов, 2002. С. 540; Лебедев, 2005. С. 258, 460–462. Все эти факты, с разной степенью точности, указывают на VII или даже на начало VIII в. как на время появления в Поволховье предков ильменских словен. Оснований отодвигать эту дату к V в. даже на основе последних находок в Удомельском Поозерье (Исланова И.В. Этнокультурные процессы в Удомельском Поозерье в эпоху железа и раннего Средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 18–23; Седов, 1995. С. 245–246; Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 126–129; Седов, 2002. С. 368–369), видимо, недостаточно. Обратившись к материалам раскопок, можно убедиться, что обнаруженные ранние памятники датируются расширительно в пределах V–VII вв. Это вполне укладывается в датировку наиболее ранней сопки Приладожья расширительно VI–VII вв. (Седов, 1982. С. 64). Датировки отдельных «престижных» предметов вообще едва ли могут удревнить датировку памятника в целом — на одном из поселений VIII–IX вв. Ильменского Поозерья обнаружена использовавшаяся фибула IV в. (Лебедев, 2005. С. 515).

https://RodnoVery.ru

1913

Впервые в Новгородском своде 1411 г., который вошел в Новгородско-Карамзинскую летопись: ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 361. Затем в тверской Рогожской летописи (ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 9) и общерусском «Софийско-Новгородском своде» 1418 г. (см. Софийскую 1 летопись старшего извода: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 4).

https://RodnoVery.ru

1914

Седов, 1982. С. 65; Седов, 1995. С. 178 (о миграции куршей в VII–VIII вв. и вытеснении прибалтийских вендов из Курземе). См. еще: Витов М.В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952–1954 гг.) // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 575–576.

https://RodnoVery.ru

1915

См.: Седов, 1995. С. 241, 243.

https://RodnoVery.ru

1916

ПСРЛ. Т. 7 (Воскресенская летопись). С. 262.

https://RodnoVery.ru

1917

Седов, 1982. С. 64; Лебедев, 2005. С. 461.

https://RodnoVery.ru

1918

См.: Седов, 2002. С. 367, 369; Лебедев, 2005. С. 515.

https://RodnoVery.ru

1919

Ранняя версия сказания о Словене и Волхве в Цветнике 1665 г.: Сперанский М.Н. Русская устная словесность. М., 1917. С. 303–304. Позднее, уже целое Сказание о зачале Новаграда, включено в Хронограф 1679 г. (Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 442–447), в Мазуринскую летопись И. Сназина 1682 г. (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 10–37) и в ряд других летописных компиляций (ПСРЛ. Т. 27. М., 1963. С. 137–142; Т. 33. М., 1977. С. 139–142; Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 15–33; Подробная летопись от начала Российского государства. СПб., 1798. С. 6–12).

https://RodnoVery.ru

1920

Тождество не вызывает сомнений: Иванов В.В., Топоров В.Н. Волх// Славянская мифология 1995. С. 108–110.

https://RodnoVery.ru

1921

Фасмер, 1988. С. 346.

https://RodnoVery.ru

Так ее воспринимает не только Сказание, но и былинный эпос. Для информаторов Кирши Данилова Волхов — Волх-река, Вольх-река — что точно соответствует двум формам имени Волха у них же (Древние российские стихотворения, собранные Киршой Даниловым. М., 1977. Тексты №№ 10, 47).

https://RodnoVery.ru

1923

Народная проза. М., 1992. С. 48. Текст № 20.

https://RodnoVery.ru

1924

Цитируется по сборнику Кирши Данилова: Древние российские стихотворения, 1977. Текст № 6.

https://RodnoVery.ru

1925

См. наш анализ: Алексеев С.В. Славянская Европа V–VI вв. М., 2006. С. 128–133.

https://RodnoVery.ru

1926

См.: ЭССЯ. Вып. 15. С. 184.

https://RodnoVery.ru

1927

Здесь нельзя не присоединиться отчасти к толкованию Б.А. Рыбакова: Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 259–260. Однако прямолинейное отождествление «Волхва» с «ящером» представляется сомнительным. Без привлечения былины о Волхе анализ выглядит неполным. См. также: Алексеев С.В. Владимир Святой: Создатель русской цивилизации. М., 2006. С. 113–115.

https://RodnoVery.ru

Седов, 1982. С. 64; Седов, 2002. С. 367; Лебедев 2005. С. 506, 511, 514–515, 522, 524. Поэтому трудно согласиться с точкой зрения Г.С. Лебедева, что культура сопок сложилась в Ладоге в ходе общения славян со скандинавами (не ранее середины VIII в.) и позже, в IX в., распространилась вверх по реке (Лебедев, 2005. С. 475, 527). Сопки, и никакие иные погребения, сопровождают славянские памятники, надежно датируемые VIII в. Сопка у Репьи относится, быть может, и к более раннему времени. Справедливо отметил в этой связи В.В. Седов: «ныне вполне очевидно, что скандинавы расселились в новгородском крае позднее, когда обряд сооружения сопок уже сложился» (Седов, 2002. С. 371). Стоит отметить, что ранее сам Г.С. Лебедев считал сопки памятниками финских племен (Лебедев Г.С. Начало Верхней Руси по данным археологии.// Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1978). Все это не исключает ни появления сопок на славяно-финской почве в Приладожье в конце VII в., ни мощных миграционных потоков, в том числе с участием скандинавов, на юг от Ладоги во второй половине VIII в.

https://RodnoVery.ru

1929

Седов, 1982. С. 65; Седов, 1995. С. 241; Седов, 2002. С. 367; Лебедев, 2005. С. 515.

https://RodnoVery.ru

1930

Былины новой и недавней записи из разных местностей России. М., 1908. Текст № 96; Материалы, собранные в Архангельской губернии России летом 1901 г. А.В. Марковым, А.Л. Марковым и Б.А. Богословским. Ч. 2. М., 1908. Тексты №№ 42, 43.

https://RodnoVery.ru

1931

О родовом княжении у словен, якобы уже «в Новгороде», сообщает Повесть временных лет: ПСРЛ. Т.1. Стб. 10; Т. 2. Стб. 8; Т. 38. С. 13. Ср. далее из скандинавских источников о Рёгнвальде, племяннике (hnef) и наследнике князя «Радбарда».

https://RodnoVery.ru

1932

Свод русского фольклора. Т. 1 (Былины 1). Былины Печоры. М., 2001. Текст № 1.

https://RodnoVery.ru

1933

Лебедев, 2005. С. 258, 460–464.

https://RodnoVery.ru

1934

Лебедев, 2005. С. 506.

https://RodnoVery.ru

1935

См.: Седов, 1982. С. 63; Лебедев, 2005. С. 462–463, 506. Г.С. Лебедев, возможно, справедливо, связывал название сопки с переносом на Св. Михаила функций древнего громовержца Перуна в народных поверьях.

https://RodnoVery.ru

1936

Седов, 1982. С. 65, 236–237; Седов, 1995. С. 241, 243; Лебедев, 2005. С. 515.

https://RodnoVery.ru

1937

Седов, 1982. С. 63; Лебедев, 2005. С. 515.

https://RodnoVery.ru

1938

Седов, 1982. С. 63, 64; Лебедев, 2005. С. 462–463, 515.

https://RodnoVery.ru

1939

Седов, 1982. С. 63; Лебедев. С. 462, 515.

https://RodnoVery.ru

1940

Седов, 1982. С. 63–64; Седов, 2002. С. 368–369; Лебедев, 2005. С. 461.

https://RodnoVery.ru

1941

Концепция Г.С.Лебедева, детально проработавшего топонимику региона (Лебедев, 2005. С. 447–451, 506).

https://RodnoVery.ru

1942

См.: Лебедев, 2005. С. 448.

https://RodnoVery.ru

1943

Лебедев, 2005. С. 453.

https://RodnoVery.ru

1944

См.: Этнография восточных славян. М., 1980. С. 406–409.

https://RodnoVery.ru

1945

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7–9; Т. 2. Стб. 6–7; Т. 38. С. 12–13.

https://RodnoVery.ru

1946

ПСРЛ. Т. 41. С. 3–4, 135–136.

https://RodnoVery.ru

1947

См.: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 40–41; Седов, 2002. С. 369, 371.

https://RodnoVery.ru

1948

Седов, 1982. С. 64–65; Седов, 2002. С. 371. Ср.: Лебедев, 2005. С. 475.

https://RodnoVery.ru

1949

Финно-угры 1987. С. 40–41.

https://RodnoVery.ru

1950

Седов, 1982. С. 59, 61–62.

https://RodnoVery.ru

1951

Седов, 1982. С. 62–63.

https://RodnoVery.ru

1952

Седов, 1982. С. 63; Лебедев, 2005. С. 506.

https://RodnoVery.ru

1953

Восточные славяне 2002. С. 168–169, 210–211.

https://RodnoVery.ru

1954

См.: Седов, 1982. С. 65; Седов, 1995. С. 263; Восточные славяне 2002. С. 158, 168.

https://RodnoVery.ru

1955

См.: Седов, 1982. С. 237.

https://RodnoVery.ru

1956

Седов, 1982. С. 54, 246. Монографическое описание Изборска: Седов В.В. Изборск — протогород. М., 2002.

https://RodnoVery.ru

1957

Седов, 1982. С. 246; Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 79. Ср.: ЭССЯ. Вып. 9. С. 18.

https://RodnoVery.ru

1958

Новгородские книжники пытались включить Избора в свои родословные словенских князей. На основании прежнего именования Изборска «Словенском» они доказывали вторичность его по отношению к «Великому Словенску», якобы предшественнику Новгорода. В Сказании о зачале Новаграда, сообщающем наиболее ценную информацию об Изборе (Изборске), он — сын Словена, сына первого собственно новгородского посадника Гостомысла. Именно Словен основал Изборск и назвал по себе Словенском, а Избор княжил уже потом (Попов 1869. С. 446–447). Псевдо-Иоаким (М.Борщов?), знавший «песни древние» об Изборе (Татищев, 1994. С. 108), возвращает ему честь основания Изборска и передает имя в подлинной древнеславянской форме. Однако подробнее он «песни» излагать не счел нужным. Избор у него, правда, живет намного раньше Гостомысла и является сыном словенского князя Вандала. Братьями Избора объявляются другие былинные князья — Столпосвят (в котором В.Н. Татищев хотел видеть «князя Столба», легендарный эпоним Столбова — Татищев 1994. С. 115. Прим. 13) и Владимир. Последний — не самый ли популярный былинный князь Владимир Красное Солнышко? В.Н. Татищев отождествил их, не задумываясь (Татищев, 1994. С. 115. Прим. 16). Появление у Владимира Святого «двойника» Владимира «Древнего» вполне в русле представлений о том, что действие былин разворачивается в древнейшей до-Рюриковой Руси. Подобные представления, расхожие в XVIII в., отразились, например, в «Русских сказках» В. Левшина. Что касается Избора, внука Гостомысла, то он у знавшего новгородскую литературу Псевдо-Иоакима вовсе не забыт. Вместо него появляется Выбор, сын Гостомысла и мифический основатель Выборга (Татищев, 1994. С. 110). Имя означает то же самое, что и «Избор», но город выбран другой, и весьма удачный для «птенцов гнезда Петрова» с внешнеполитической точки зрения, как и ряд других открытий Иоакимовской летописи. В этих побуждениях нет ничего недостойного, но к древней истории они отношения иметь не могут.

https://RodnoVery.ru

1959

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2 (Псковская 3 летопись). М., 2000. С. 73 (л. 6370); Т. 28 (Свод 1518 г.). С. 167; Попов, 1869. С. 446.

https://RodnoVery.ru

1960

ПСРЛ. Т. 37 (Устюжский летописный свод). М., 1982. С. 18, 57 (л. 6371).

https://RodnoVery.ru

1961

Седов, 1982. С. 56; Лебедев, 2005. С. 476–477.

https://RodnoVery.ru

1962

Седов, 1982. С. 57.

https://RodnoVery.ru

1963

Седов, 1982. С. 56–57.

https://RodnoVery.ru

1964

Седов, 1982. С. 57, 240–241.

https://RodnoVery.ru

1965

Седов, 1982. С. 57, 65.

https://RodnoVery.ru

1966

Седов, 1982. С. 57; Лебедев, 2005. С. 528–529.

https://RodnoVery.ru

1967

См.: Седов, 1995. С. 229 след.

https://RodnoVery.ru

1968

Так рисует ситуацию Повесть временных лет: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10; Т. 2. Стб. 8; Т. 38. С. 13.

https://RodnoVery.ru

1969

Восточные славяне 2002. С. 167–168. Антропологический тип псковских кривичей (там же. С. 169), видимо, был близок к полоцкому и волынскому.

https://RodnoVery.ru

1970

Седов, 1982. С. 51–52; Седов, 1995. С. 232–236.

https://RodnoVery.ru

1971

Седов, 1982. С. 49, 50.

https://RodnoVery.ru

1972

О происхождении названия полочан совершенно справедливо говорит Повесть временных лет: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6; Т. 2. Стб. 5; Т. 38. С. 12.

https://RodnoVery.ru

1973

См.: Рыбаков, 1982. С. 525 (карта).

https://RodnoVery.ru

1974

Подробнее о событиях в Скандинавии и Восточной Прибалтике см.: Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002; Хлевов А.А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб., 2002; Лебедев, 2005.

https://RodnoVery.ru

1975

Именно такой Русь предстает во многих полуфантастических и фантастических «сагах о древних временах». Довольно загадочен описанный в «Младшей Эдде» и «Родословной от Хёда» эпизод с происхождением ряда (а в переосмыслении — почти всех) скандинавских династий от конунга Хальвдана Старого, который якобы с боем взял жену, Альмвейг, дочь «конунга Сигтрюгга из Хольмгарда», у конунга Эймунда в «Восточных Странах» (Младшая Эдда. М., 1970. С. 64; Древнерусские города в древнескандинавской письменности. М., 1987. С. 180). На основании «Родословной» событие следует относить еще к VII в. Все имена, названные в эпизоде, — чисто скандинавские. В эддической родословной X или XI в., «Песни о Хюндле», они упомянуты безо всяких указаний на инородность (Песнь о Хюндле.// Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1973. С. 342). Исходя из всего этого, следует заключить, что действие первоначального предания разворачивалось где-то на выселках в «Восточных землях» — почему бы и не на Аландах? Правда, в «Песни о Хюндле» Хальвдан предстает членом датского рода Скъёльдунгов. Если имеется в виду Скъёльдунг Хальвдан I (Старый), то «историческую» основу сказания надо искать вообще в IV или V в. Впрочем, имя Хальвдан (полудан) встречается в роду Скъёльдунгов и позже. Как бы то ни было, «Хольмгард», — а самый ранний из возможных прототипов этого названия Новгорода появился позднее — попал сюда вторично и не слишком удачно. Иначе нам бы пришлось искать следы норманнов в Новгородчине лет на сто-двести раньше. Эти легендарные сведения о севере Восточной Европы приведены здесь исключительно для полноты картины. Хотя, конечно, они могут отражать события первых лет проникновения сюда скандинавов (так же, как отраженные у Саксона Грамматика и в «Саге об Инглингах» предания о заморском походе датского конунга V — начала VI в. Фроди).

https://RodnoVery.ru

1976

Об этих именах см.: ЭССЯ. Вып. 32. С. 147, 211.

https://RodnoVery.ru

1977

В «Саге о Скъельдунгах» — Гардарики (Sögubrot af fornkonungum// Sögur Danakonunga. Bd. I. Kopenhagen, 1919. S. 9). В «Обзоре саг о датских конунгах» — «Хольмгард» (Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Т. 3. М., 2000. С. 247/248). Саксон Грамматик называет Рёгнвальда, племянника Радбарда, Ruthenus (Saxo 1837. P. 385). В используемой им «Песни о Бравалльской битве» стояло, как давно уже полагают, «Гардский» (см. примечание там же).

https://RodnoVery.ru

1978

«Кирьялаботнар» (Sögubrot 1919. S. 10).

https://RodnoVery.ru

1979

Со «всего Аустррики («Восточного государства») вплоть до Гардарики», согласно «Саге о Хёрвер и конунге Хейдрике» (Шаровольский И. Сказание о мече Тюрфинге. Киев, 1906. Ч. 1. С. 75). В этом «Аустррики» он позднее собирает войско и по «Саге о Скъельдунгах» (Sögubrot 1919. S. 10). О том, что Ивар брал дань с «Аустррики», сообщает и «Сага об Инглингах» (Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги… Т. 1. М., 1993. С. 51/55). Скорее всего, создатели саг плохо представляли себе, какие конкретно земли имеются в виду. Однако допустимо заключить, что «Аустррики» здесь — восточнобалтийские земли без «Гардарики» и в отличие от нее. См. также: Джаксон 1993. С. 71. Прим. 74).

https://RodnoVery.ru

1980

Наиболее подробное изложение всего сюжета дано в «Саге о Скъёльдунгах» (Sögubrot, 1919. S. 9–11). Такой же родословный ряд «Радбард — Рандвер», как и в ней, приводится в большинстве других источников: «Песни о Хюндле» (Песнь о Хюндле 1973. С. 344), «Саге о Ньяле» (Сага о Ньяле.// Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1970. С. 334), «Генеалогии датских королей» (Scriptores 1772. P. 5), «Обзоре саг о датских конунгах» (Джаксон 2000. С. 247/248), «Родословной от Альва Старого» в «Пряди о заселении Норвегии») (см.: Fornaldarsögur Norðrlanda eptir gömlum handritum. Bd. III. Kaupmannahöfn, 1830). Только в «Обзоре» дочь Ивара носит имя «Унна», в отличие от всех прочих сведений. Вместе с тем, вопрос о происхождении шведской и датской династий IX–XII вв., первым реальным предком которых является Сигурд Кольцо («Зигфрид» франкских анналов конца VIII в.), остается в скандинавских памятниках запутанным. Аксиомой является для всех связь их с юго-восточной Скандинавией, Упсалой и Сканей, где Сигурд и базировался. Относительно же предков Сигурда традиция разногласит. Версия большинства источников приведена. В них Сигурд — сын Рандвера, сына Радбарда. У Саксона Грамматика, однако, Сигурд — явно ошибочно — назван сыном Ингъяльда Упсальского (2 половина VII в.). Но по «Саге об Инглингах», династии Ингъяльда, единственный его сын — Олав, уведший своих людей в Норвегию, предок тамошних конунгов. При этом и у Саксона Сигурд остается племянником Харальда Боезуба (Saxo 1837. P. 367). «Сага о Хёрвер» называет Сигурда сыном Рандвера, а того — родным братом Харальда Боезуба. Оба они здесь — сыновья Вальдара Датского (Шаровольский 1906. С. 75). Этим именем-титулом («владыка») чаще называют конунга Харальда, деда Ивара. Но такой же титул мог, конечно, носить и Хрёрик Метательное Кольцо. Версии и Саксона, и «Саги о Хёрвер» вторичны по отношению к варианту большинства генеалогий. Учитывая, что Радбард и Рандвер упомянуты уже в весьма архаичной по содержанию «Песни о Хюндле», эту версию и следует признать первичной. Более того, сам Саксон, передавая «Песнь о Бравалльской битве» с перечнем участвовавших героев, вынужден назвать и «Рёгнвальда, племянника Радбарда». Саги бравалльского цикла наряду с генеалогиями позволяют воссоздать предание о Радбарде и в какой-то мере ставшие его основой исторические события. Стремление увязать генеалогию Радбарда с

https://RodnoVery.ru

Инглингами, отмеченное в разных версиях и у позднейших шведских авторов, следует отнести на счет патриотических домыслов. Сведения о Радбарде как о славянском князе на самом деле выглядят вполне логично. Можно добавить, что обе версии (о «Вальдаре» и о «Радбарде») через печатные западные источники XVI–XVII вв. оказались восприняты и слиты Псевдо-Иоакимом. У него Ауд («Адвинда» из «Варяг») становится женой Владимира, сына Вандала (Татищев, 1994. С. 108).

https://RodnoVery.ru

1981

Saxo, 1837. P. 362. Здесь говорится о подчинении двух славянских вождей — Дука и Дала. Из «виндов» происходил участник Бравалльской битвы — Дук Винд (Saxo, 1837. P. 383; Sögubrot, 1919. S. 13). Но в «Саге о Скъельдунгах» он — на стороне Сигурда Кольца. Если сведения о нем Саксон почерпнул только из своей версии «Песни о Бравалльской битве», то в предшествующий текст вся история с виндами попала лишь по его разумению. Винды упоминались в «Песни» (и в «Саге») как охранники Висмы Щитоносицы, богатырки на службе Харальду. Так что «Дук» мог по этой логике быть перенесен с вражеской стороны на датскую самим Саксоном. «Дал Жирный» же, другой участник Бравалльской битвы, оказался добавлен к нему в пару. Тем не менее, с учетом упоминания виндов в «Саге» и на стороне Харальда, полностью отрицать древность предания о его походе на славян не стоит.

https://RodnoVery.ru

1982

Разграничение владений Рандвера и Харальда по «Саге о Хёрвер» (Шаровольский, 1906. С. 76) не совпадает с определением владений Харальда в «Саге о Скъельдунгах». К сожалению, весь рассказ о прибытии Рандвера в Скандинавию, его правлении и смерти в уцелевшем от «Саги о Скъельдунгах» древнеисландском «Фрагменте о древних конунгах» пропущен. И по «Саге о Скъёльдунгах», и по Саксону, Сигурд позднее правил в Упсале. Но по «Саге о Хёрвер», Рандвер правил в Дании, тогда как Харальд — в Гаутланде, а затем и в остальных владениях Ивара. Сигурд здесь, как будто, наследует отцу в Дании, а Швецию получает только после Бравалльской битвы — то есть ситуация прямо противоположная описанной в датских преданиях. Похоже, при описании Бравалльской битвы важно было одно — Сигурд является претендентом на власть, а Харальд ее реальным обладателем. При этом сама эта «власть» в Дании ассоциировалась с Данией, а в Швеции — со Швецией. «Сага о Хёрвер», представляющая собой в последней части краткое изложение свейской «королевской саги», придерживается свейского варианта предания.

https://RodnoVery.ru

1983

См.: Лебедев, 2005. С. 252.

https://RodnoVery.ru

1984

Упомянут среди участников Бравалльской битвы в «Саге о Скъёльдунгах» (Sögubrot, 1919. S. 14) и у Саксона Грамматика (Saxo, 1837. S. 385–386).

https://RodnoVery.ru

1985

См.: Лебедев, 2005. С. 447–448.

https://RodnoVery.ru

1986

Джаксон, 1993. С. 244–245.

https://RodnoVery.ru

1987

Рябинин Е.А. Скандинавский производственный комплекс VIII в.// Скандинавский сборник. № 25. Л., 1980; Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 88; Лебедев, 2005. С. 223, 465–466, 477. Монографическое описание Ладоги: Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996. Дата основания поселения (по крайней мере, порубки леса под мастерскую) устанавливается методом дендрохронологии.

https://RodnoVery.ru

1988

Лебедев. С. 477.

https://RodnoVery.ru

1989

Седов, 1982. С. 64; Финно-угры 1987. С. 57; Лебедев, 2005. С. 461.

https://RodnoVery.ru

1990

Седов, 1982. С. 62–63. Достаточно массовый, хотя и сильно уступающий славянам, характер скандинавской миграции VIII–IX вв. подтверждается антропологами (Восточные славяне, 2002. С. 169).

https://RodnoVery.ru

1991

Лебедев, 2005. С. 463–464. Сопку можно датировать еще VIII в. (Там же. С. 477).

https://RodnoVery.ru

1992

Шаровольский, 1906. С. 76. Якобы это произошло в «Англии». Но «Сага о Хёрвер» вообще удревняет присутствие скандинавов в Англии, смешивая одноименных датских конунгов VIII и IX в. Впрочем, и «Сага о Скъёльдунгах» говорит об «Англии» в связи с Иваром и Харальдом Боезубом. Для середины VIII в. логичнее искать место гибели Рандвера во Фризии, по соседству с первоначальной «Англией» в Ютландии. Но не исключено и то, что набеги данов на Англию начались чуть раньше первой хроникальной записи под 793 г.

https://RodnoVery.ru

1993

Sögubrot, 1919. S. 14; Saxo, 1837. P. 385.

https://RodnoVery.ru

1994

Sögubrot, 1919. S. 13. Можно добавить, что «Кэнугард» как совершенно фантастический город, которым управляет конунг с библейским именем «Сисар», фигурирует в еще одной героической саге — «Саге о Гаутреке». Сисар здесь вторгается в Скандинавию с «большим войском» примерно в VI или VII столетии, в «эпический век» (Древнерусский город, 1987. С. 169). Видимо, это результат (отчасти) смешения Киева и «Страны гуннов» в скандинавской традиции начиная уже с XI в.

https://RodnoVery.ru

1995

Лебедев, 2005. С. 460, 477.

https://RodnoVery.ru

1996

О происхождении скандинавского топонима см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги… Т.2. М., 1994. С. С. 205–206.

https://RodnoVery.ru

1997

См. описания Бравалльского сражения: Sögubrot, 1919. S. 14 etc.; Saxo, 1837. P. 384 etc. Между этими самыми подробными, к общему источнику восходящими описаниями есть расхождения, в том числе и по нашей проблематике. Саксон переносит Дука Винда на сторону Харальда, рассудив, что все покоренные им винды сражались за него. Он не упоминает о гибели Рёгнвальда — как и вообще о деяниях Убби в начале битвы. Вообще, Саксон пытается преуменьшить роль, сыгранную славянами, что выражает и прямыми презрительными замечаниями, — но именно он, с опорой, видимо, на «Песнь о Старкаде», сообщает о гибели в битве Висмы.

https://RodnoVery.ru

1998

Лебедев, 2005. С. 466, 477.

https://RodnoVery.ru

1999

Седов, 1995. С. 243; Лебедев, 2005. С. 528.

https://RodnoVery.ru

2000

Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона.// Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 82; Лебедев, 2005. С. 223, 466, 477. Одна из лучших, в основном сохраняющая свое значение, характеристика древнерусской внешней торговли и денежного обращения дана в книге: Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

https://RodnoVery.ru

2001

Лебедев, 2005. С. 223, 466, 477, 428, 430–431, 524.

https://RodnoVery.ru

2002

Лебедев, 2005. С. 461.

https://RodnoVery.ru

2003

Лебедев, 2005. С. 225–226, 255, 511.

https://RodnoVery.ru

2004

Херрман И. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле.// Древняя Русь и славяне. М., 1978; Historia kultury, 1978. S. 256; Фомин А.В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики.// Краткие сообщения Института археологии. Вып. 171. М., 1982; Лебедев, 2005. С. 226.

https://RodnoVery.ru

Saxo, 1837. P. 391.

https://RodnoVery.ru

2006

Saxo, 1837. P. 398, 400. Генеалогическим сведениям Саксона здесь совершенно нельзя доверять. Сигурд, например, предстает у него не только как сын Хамунда, но и как отец Йормунрёкка — готского короля Германариха! Саксон просто расставляет друг за другом героев различных сказаний, заполняя пробел между двумя «инкарнациями» Сигурда Кольца — «Рингом» и «Сигурдом Рингом». События, описанные им до «саги о Германарихе», весьма условно могут быть отнесены к последней трети или четверти VIII в.

https://RodnoVery.ru

2007

Свод II. С. 435/436.

https://RodnoVery.ru

2008

Свод II. С. 418–419, 437–438.

https://RodnoVery.ru

2009

Ann. Lauresh. A. 780.: Свод II. С. 442/443; Ann. Maxim. A. 780.: Свод II. С. 444; Ann. Petav. A. 780.: Свод II. С. 449; ARF. A. 780.: Свод II. С. 466/467; AqdE. A. 780.: Свод II. С. 468. О союзе, заключенном франками и ободричами ранее 789 г., сообщает биограф Карла Эйнхард (Vit. Karol. 12.: Свод II. С. 474).

https://RodnoVery.ru

2010

ARF. A. 782.: Свод II. С. 466/467; AqdE. A. 782.: Свод II. С. 470.

https://RodnoVery.ru

2011

AqdE. A. 789.: Свод II. С. 472; Vit. Karol. 12.: Свод II. С. 474.

https://RodnoVery.ru

2012

Fragm. Chesn. A. 789.: Свод II. С. 447; AqdE. A. 789.: Свод II. С. 472.

https://RodnoVery.ru

2013

AqdE. A. 789.: Свод II. С. 472.

https://RodnoVery.ru

2014

Ann. Lauresh. A. 789.: Свод II. C. 442/443; Ann. Mosell. A. 789.: Свод II. C. 444/445; Fragm. Chesn. A. 789.: Свод II. C. 447; Ann. Petav. A. 789.: Свод II. C. 449/450; Ann. S. Nasar. A. 789.: Свод II. C. 451–452; Ann. Guelfer. A. 789.: Свод II. C. 454; Alcvini ep. № 6, 7: Свод II. C. 462; ARF. A. 789.: Свод II. C. 466/467; AqdE. A. 789.: Свод II. C. 472; AMp. A. 789.: Свод II. C. 473.

https://RodnoVery.ru

2015

Alcvini ep. № 6: Свод II. С. 462

https://RodnoVery.ru

2016

Ann. Mosell. A. 789.: Свод II. С. 444/445.

https://RodnoVery.ru

Именно эти две области — основные партнеры славян Южной Прибалтики в начале IX в. (Лебедев, 2005. С. 262).

https://RodnoVery.ru

2018

Седов, 1995. С. 56, 57, 58; Лебедев, 2005. С. 259–260.

https://RodnoVery.ru

2019

Седов, 1995. С. 57, 346; Лебедев, 2005. С. 259.

https://RodnoVery.ru

2020

Кухаренко, 1969. С. 139; Historia kultury, 1978. S. 39, 105; Лебедев, 2005. С. 261.

https://RodnoVery.ru

2021

Historia kultury, 1978. S. 39, 105.

https://RodnoVery.ru

2022

Кухаренко, 1969. С. 137; Седов, 1995. С. 244; Лебедев, 2005. С. 259.

https://RodnoVery.ru

2023

Ann. Guelfer. A. 792.: Свод II. С. 454; Ann. Lauresh. A. 792.: Свод II. С. 455. Прим. 5.

https://RodnoVery.ru

2024

Свод II. С. 418–419.

https://RodnoVery.ru

2025

Ann. Guelfer. A. 794.: Свод II. С. 455

https://RodnoVery.ru

2026

Ann. Lauresh. A. 795.: Свод II. С. 442/443; Ann. Mosell. A. 794.: Свод II. С. 444/445; Ann. Petav. A. 795.: Свод II. С. 449/450; ARF. A. 795.: Свод II. С. 466/457; AqdE. A. 795.: Свод II. С. 477. Прим. 16.

https://RodnoVery.ru

2027

Ann. Lauresh. A. 798.: Свод II. C. 444/445; Ann. Guelfer. A. 798.: Свод II. C. 455; ARF. A. 798.: Свод II. C. 468/469; AqdE. A. 798.: Свод II. C. 478–479; Ann. Fuld. A. 798.: Свод II. C. 479.

https://RodnoVery.ru

2028

ARF. A. 799.: Свод II. С. 468/469; AqdE. A. 799.: Свод II. С. 479.

https://RodnoVery.ru

2029

ЭССЯ. Вып. 11. С. 82–89.

https://RodnoVery.ru

2030

Седов, 1995. С. 31.

https://RodnoVery.ru

2031

Historia kultury, 1978. S. 21–22, 24, 30, 61.

https://RodnoVery.ru

2032

Historia kultury, 1978. S. 34.

https://RodnoVery.ru

2033

Кухаренко, 1969. С. 127, 133; Historia kultury, 1978. S. 20, 105, 204, 206, 289.

https://RodnoVery.ru

2034

Historia kultury, 1978. S. 61, 64.

https://RodnoVery.ru

2035

Кухаренко, 1969. С. 127, 128, 135; Historia kultury, 1978. S. 36, 44–45, 149, 192; Седов, 1995. С. 343.

https://RodnoVery.ru

2036

Historia kultury, 1978. S. 38.

https://RodnoVery.ru

2037

Historia kultury, 1978. S. 38, 44, 50, 105.

https://RodnoVery.ru

2038

Кухаренко, 1969. С. 127; Historia kultury, 1978. S. 76, 82, 85, 91, 98, 190–191, 289, 293.

https://RodnoVery.ru

2039

Кухаренко, 1969. С. 128; Седов, 1995. С. 20.

https://RodnoVery.ru

2040

Кухаренко, 1969. С. 127; Historia kultury 1978. S. 320–321; Седов, 1995. С. 18, 345.

https://RodnoVery.ru

2041

Кухаренко, 1969. С. 127; Седов, 1995. С. 345.

https://RodnoVery.ru

2042

Кухаренко, 1969. С. 134.

https://RodnoVery.ru

2043

Галл Аноним. Хроника или деяния князей или правителей польских// Славянские хроники. СПб., 1996. С. 331–332.

https://RodnoVery.ru

2044

Константин, 1991. С. 150/151.

https://RodnoVery.ru

2045

Константин, 1991. С. 384 (комментарий О.В. Ивановой, Б.Н. Флори). «Личики» здесь совершенно справедливо сопоставлены с «лицикавиками» Видукинда Корвейского. Однако воспринятая от польской историографии уверенность в краковской локализации Лешка, как думается, усложняет толкование понятия. Свидетельство Видукинда, который четко связывает лешковичей с пястовской Польшей (Краков тогда был под властью чехов), лишний раз подтверждает бесспорный, с учетом Анонима Галла, факт — и Попель, и его предшественник Лешко должны помещаться в Великой Польше, а не в Малой. С Малой Польшей связано только предание о Краке.

https://RodnoVery.ru

2046

Magistri Vincentii Chronicon Polonorum. I. 9–17// Monumenta Poloniae Historica. T. II. Warszawa, 1961; Великая хроника 1987. Гл. 2–4.

https://RodnoVery.ru

2047

ЭССЯ. Вып. 15. С. 58.

https://RodnoVery.ru

2048

Великая хроника, 1987. С. 57. Об этимологии названия Гнезно («гнездовое») см.: ЭССЯ. Вып. 6. С. 173.

https://RodnoVery.ru

2049

Кухаренко, 1969. С. 132–133; Historia kultury, 1978. S. 46–47; Седов, 1995. С. 343.

https://RodnoVery.ru

2050

Дискуссия восходит к XVIII в., когда ее возникновение вызвал целый ряд культурных и политических обстоятельств. Тогдашние отношения со Швецией, соперничество «немцев» и русских за влияние в науке и культуре послепетровской России — фон для возникновения норманизма и антинорманизма. Критика В.Н. Татищевым Г. Байера, М.В. Ломоносовым — Г.Ф. Миллера являлась закономерным ответом на сформулированную немецкими учеными теорию скандинавского происхождения государства на Руси. Обе стороны в том давнем споре оставались на уровне тогдашней науки. Никто не сомневался в одномоментном создании государства Рюриком, если М.В. Ломоносов первым и оторвал от него происхождение названия «русь». Это добавляло спору накала. Патриотическая мысль искала негерманский источник становления государственности — и находила его среди финнов (В.Н. Татищев) или среди западных славян и не отделявшихся от них пруссов (М.В. Ломоносов). В принципиально новое качество перевел спор Н.М. Карамзин («История государства Российского»). Он первым проанализировал данные об общественном строе и культуре славян «до Рюрика». В результате впервые появилась логичная, подлинно научная и подлинно «антинорманистская» картина становления государства у восточных славян на местной, внутренней основе. При этом Н.М. Карамзин связывал появление названия «русь» в Восточной Европе, прежде всего, с Рюриком, и связывал его со Скандинавией. Этот новый подход не сразу нашел последователей. Тем не менее к концу XIX в. он в основном восторжествовал. Внимание исследователей сосредоточилось на поисках внутренних закономерностей общественного развития. К этому времени стало ясно и то, что русь как политическая реальность оформилась в Восточной Европе еще «до Рюрика». Дискуссия норманистов и антинорманистов свелась к степени скандинавского участия в этом процессе. При этом благодаря решительно антинорманистским работам Д.И. Иловайского стал образовываться новый водораздел — по вопросу о происхождении названия «русь» и династии Рюрика. Таким образом, на смену норманизму и антинорманизму в вопросе происхождения государства приходили «норманизм» и «антинорманизм» в вопросах о происхождении его названия и династии. Исчезла и политическая составляющая спора. Попытки ее реанимировать в украинском национализме начала XX в. или в нацистской Германии

https://RodnoVery.ru

последствий для науки не имели. В целом же «норманистами» и «антинорманистами» — что вполне естественно — оказывались люди весьма разных общественно-политических взглядов. Скажем, в России, «норманисты» В.О. Ключевский и Н.П. Павлов-Сильванский по отношению к государственным порядкам Российской империи находились по одну сторону баррикад с «антинорманистом» М.С. Грушевским. Являясь оппозиционными политиками (первые двое — кадеты, третий — украинский националист и умеренный социалист), они противостояли, допустим, «антинорманисту» Д.И. Иловайскому, одному из идеологов охранительства. С другой стороны, известнейший чешский славист Л. Нидерле, участник направленного против Габсбургской монархии движения национального возрождения, весьма сочувственно относившийся к России и разоблачавший многие антиславянские вымыслы германской науки — являлся убежденным норманистом. Ему принадлежит излишне резкая, но претендующая на итоговость для этого этапа спора характеристика: «В общем я уверен, что историки и лингвисты, ставшие в ряды антинорманистов, и особенно те, кто выступал в защиту славянского происхождения русов, неправы» (Нидерле, 2001. С. 163).

https://RodnoVery.ru

2051

Томсен В. Начало русского государства. М., 1891. С. 84–87; Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу// Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1934. № 7–8; Фасмер 1988. Т. 4; Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973. С. 44 след.; Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции славянского глоттогенеза. М., 1979. С. 216; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства// Вопросы истории. 1989. № 8; Мельникова Е.А. Комментарий// Константин, 1991. С. 298–308.

https://RodnoVery.ru

2052

Роспонд С. Несколько замечаний о названии «Русь»// Восточнославянская ономастика. М., 1979.

https://RodnoVery.ru

2053

Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье// Вопросы языкознания. 1977. № 6.

https://RodnoVery.ru

2054

Приводятся сообщения гота Иордана о племени или роде «россомонов» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. С. 280–282 (комментарий Е.Ч. Скржинской)) и сирийца Захарии Ритора о «народе Рос» (Пигулевская Н.В. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э.// Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000). Большое значение этим сведениям придавал Б.А. Рыбаков (см.: Рыбаков, 1982). Первое сообщение — основание более зыбкое, имеющее смысл лишь в свете второго, поскольку имена «россомонов» скорее германские, и название их «рода» оформлено так же. Во втором же известии видят плод размышлений сирийского хрониста о библейском апокалипсическом народе «Рос». Помещен «Рос», во всяком случае, на краю мира среди фантастических существ (Попов, 1973. С. 54–56). Связывать его с югом Руси позволяет упоминание рядом амазонок — но при этом не учитывается, что по мере изучения ойкумены мифическая страна амазонок сдвигалась все дальше на север.

https://RodnoVery.ru

2055

Константин, 1991. С. 44–49.

https://RodnoVery.ru

2056

Греков И.А. Памятники государства и права на территории Украинской ССР. Одесса, 1964. С. 41; Продолжатель Феофана. М., 1992. С. 175.

https://RodnoVery.ru

2057

Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. М., 2006. С. 20, 96–97

https://RodnoVery.ru

2058

Лиутпранд, 2006. С. 80.

https://RodnoVery.ru

2059

Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках// Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 151.

https://RodnoVery.ru

2060

Назаренко А.В. Западноевропейские источники.// Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 290.

https://RodnoVery.ru

2061

См.: Заходер Б.Н. Каспийский свод. Т. 1–2. М., 1962–1967; Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000; Калинина Т.М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах// Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1993; Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г.// Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001.

https://RodnoVery.ru

2062

См.: Русская Правда Краткой редакции. Ст. 1// Правда Русская. М. — Л., 1940. Т.1.

https://RodnoVery.ru

2063

ПСРЛ. Т.3. С. 106. Ср.: Там же. С. 105.

https://RodnoVery.ru

2064

ПСРЛ. Т.1. Стб. 19–20 (л. 6370); Т. 2. Стб. 14 (л. 6370); Т. 38. С. 16 (л. 6370). Еще один перечень варягов, в начале труда (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4; Т. 2. Стб. 4; Т. 38. С. 11), тоже включает «русь», после скандинавских народов, между готами (конечно, готландскими) и англичанами. В данном последнем случае можно истолковать «варягов» и как отдельный народ, в отличие от перечисляемых далее. Но тогда и «русь» — не «варяги», и получится, что летописец грубо противоречит собственной концепции. Но «варяги» здесь в самом деле собирательное обозначение для перечисленных ниже скандинавских — и западноевропейских — народов. Не стоит придавать слишком большого значения, как иногда делается, описке некоторых версий Повести временных лет — «русь» вместо «руси» в описании обращения к варягам. Эта мена позволяет как будто числить русь в числе племен, пославших к варягам (руси!) за Рюриком — но это явно противоречит всему тексту в целом.

https://RodnoVery.ru

2065

ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14 (л. 6370); Т. 38. С. 16 (л. 6370).

https://RodnoVery.ru

2066

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 124.

https://RodnoVery.ru

2067

ПСРЛ. Т. 7. С. 202.

https://RodnoVery.ru

2068

Благодаря персидскому «Собранию историй»: Новосельцев 1998. С. 297–298, 306–307. Еще более древняя (X в.) версия предания о Росе (Русе) у Симеона Логофета: Греков 1964. С. 41.

https://RodnoVery.ru

2069

Четкий контекст не позволяет согласиться с параллелью «вся русь» (Повесть временных лет) — «все росы» (Константин Багрянородный) (Мельникова — Петрухин, 1989). В последнем случае, действительно, имеет место социальное значение термина «русь» — княжеская дружина с большим удельным весом на тот момент скандинавов. В первом случае речь идет о конструкции летописца, заменившего «всей русью» «дружину многую» Начального свода просто из логических соображений, для объяснения отсутствия додуманного им племени «русь» в Скандинавии.

https://RodnoVery.ru

2070

См.: Лебедев, 2005. С. 506, 511, 515, 521–522.

https://RodnoVery.ru

2071

ПСРЛ. Т.1. Стб. 26; Т. 2. Стб. 18; Т. 38. С. 18. В отношении временного характера соотнесения «русь — норманны» и его причин совершенно прав оказался В.В.Седов (Седов, 2002. С. 286). Правда, у него это построение связано с не находящей подтверждения в письменных источниках теорией «руси» как группы южных племен, в том числе северы, радимичей и даже вятичей.

https://RodnoVery.ru

2072

Об этом прежнем названии прямо говорит сочинение «О заселении земли сыновьями Ноя»: Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 134/135, 134/136.

https://RodnoVery.ru

2073

Лебедев, 2005. С. 522–523.

https://RodnoVery.ru

2074

Новосельцев, 2000. С. 306–307.

https://RodnoVery.ru

2075

Васильевский В.Г. Труды. Пг., 1915. Т.3. С. 95. В «Чудесах», написанных, судя по упоминанию царевны Анны, жены князя Владимира, в конце X в., Бравлин выводится из «Новгорода». Это, конечно, позднее соотнесение — но основанное на знакомстве греческого автора с географией Руси и собственно русским преданием. Видеть здесь вставку русского переводчика XV–XVI вв. нет ни малейшего основания.

https://RodnoVery.ru

2076

Седов, 2002. С. 367.

https://RodnoVery.ru

2077

Седов, 1982. С. 188.

https://RodnoVery.ru

2078

См.: Финно-угры 1987. С. 70–71.

https://RodnoVery.ru

2079

Греков, 1964. С. 41.

https://RodnoVery.ru

2080

Новосельцев, 2000. С. 297–298, 305–306.

https://RodnoVery.ru

2081

ПСРЛ. Т. 6. Ч.1. Стб. 14 (л. 6370); Т. 42. С. 25 (л. 6370).

https://RodnoVery.ru

2082

ПСРЛ. Т. 27. С. 158–159.

https://RodnoVery.ru

2083

Васильевский 1915. С. 95–96.

https://RodnoVery.ru

2084

ПСРЛ. Т. 3. С. 105–106, 433, 513.

https://RodnoVery.ru

2085

См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19 (л. 6367), 21 (л. 6370); Т. 2. Стб. 14 (л. 6367), 15 (л. 6370); Т. 38. С. 16 (л. 6367, 6370). Избавление Повесть временных лет связывает с приходом в Киев Аскольда и Дира.

https://RodnoVery.ru

2086

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7; Т. 2. Стб. 5–6; Т. 38. С. 12. «Болгары» — Волжская Болгария. «Хвалисы» — Хорезм, по имени которого на Руси XI–XII вв. именовали все мусульманские закаспийские земли. «Жребий Симов» — мусульманский восток вообще. «Жребий Хамов» — Северная Африка.